

SELECTA

XVI

A handwritten signature or scribble consisting of several overlapping, curved lines, positioned below the portrait.

ВЕЛИЧИЕ И ЯЗВЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Международный
научный сборник
в честь 50-летия
О. Р. Айрапетова

Издательский дом

РЕГNUM

Москва 2012

УДК 94 (470+571)(082)
ББК 63.3(2)-3я434
В27

Серия SELECTA
под редакцией М. А. Колерова

Редакционная коллегия:

М. А. Колеров, В. Б. Каширин, О. В. Эдельман, А. В. Ганин

Составитель В. Б. Каширин

Автор вступительной статьи А. В. Ганин

В27 Величие и язвы Российской империи: Международный науч-
ный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / Составитель В. Б. Каши-
рин. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 768 с. (SELECTA. XVI)
ISBN 978-5-91887-014-3

УДК 94 (470+571)(082)
ББК 63.3(2)-3я434

ISBN 978-5-91887-014-3

© В. Б. Каширин, составление
© Авторы статей, статьи
© М. А. Колеров, составление и редакция серии
© Е. Л. Бороздинская, вёрстка

Олег Рудольфович Айрапетов: жизнь в науке*

Писать очерк об Учителе, чей научный путь продолжается, и еще отнюдь не пришло время подводить итоги, и ответственно, и сложно. Не облегчает задачу даже то, что речь идет о нашем незаурядном современнике, блестящем профессионале своего дела и Человеке с большой буквы, сделавшем все возможное и невозможное для твоего научного становления. И все же попытаюсь.

Олег Рудольфович Айрапетов родился 6 января 1963 года в городе Ахтубинске в низовьях Волги в семье выходца из семьи карабахских армян инженера Рудольфа Шагеновича Айрапетова и кубанской казачки Эмилии Ивановны Еловенко. На всю жизнь Олег Рудольфович сохранил самое трепетное отношение к семье и родителям, к своим корням. Детство и юность его прошли в Баку, где работал отец, который мечтал, чтобы Олег стал врачом-стоматологом, однако выбор сына оказался совсем иным. Мальчик с юных лет интересовался историей, и прежде всего военной, старался изучать иностранные языки, считая, что это пригодится ему в дальнейшем. Тяга к знаниям привела его тогда в Москву, где он попытался поступить в институт иностранных языков им. Мориса Тореза, но не был принят.

Затем была служба в Советской армии в начале 1980-х годов в Обнинске и Калуге. С этим периодом у Олега Рудольфовича связано множество удивительных, подчас трагикомических историй, в полной мере характеризующих порядки эпохи позднего социализма, но, тем не менее, думается, для будущего военного историка это был ценный опыт. В армейские годы Олег Рудольфович был кандидатом в члены партии и дослужился до старшины, чего достигали лишь молодые люди, пользовавшиеся большим авторитетом в солдатской среде и у офицеров, способные руководить непростым коллективом ровесников.

Потом было вступление в КПСС, после чего, уже с нелегким армейским опытом, он решил побороться за возможность учиться на историческом факультете

* Выражаю сердечную признательность кандидатам исторических наук Ю. А. Борисёнку, В. Б. Каширину, М. А. Колерову, М. М. Шевченко, доктору исторических наук К. В. Шевченко, любезно поделившимся своими воспоминаниями и размышлениями о профессиональном и человеческом пути Олега Рудольфовича.

МГУ им. М. В. Ломоносова — и стал полноправным университетским студентом. Олег Рудольфович любит вспоминать голодные, но веселые и бесшабашные студенческие времена.

Сначала Олег Айрапетов хотел выбрать престижную в то время кафедру истории КПСС, готовившую кадры для партийной элиты, однако довольно быстро пришло понимание, что эта специализация не является его призванием. Новый выбор в пользу кафедры истории СССР периода капитализма (в советское время подобные названия, несмотря на их очевидную абсурдность и многочисленные шутки на тему существования СССР «с древнейших времен», были обычным явлением) оказался крайне удачным для научной судьбы Айрапетова. Дипломная работа Олега Рудольфовича была посвящена деятельности видного отечественного дипломата XIX в. светлейшего князя А. М. Горчакова. В традициях кафедры исследование представляло собой образец труда по истории дипломатии в узком смысле этого слова. Уже тогда Олег Рудольфович понял, что классическая история дипломатии, в отрыве от всего комплекса проблем изучаемого времени (состояние армии и флота, финансов, наличие острых внутренних проблем, положение союзников и противников России и т. д.) не может дать ответа на вопросы о причинах принятия тех или иных решений на внешнеполитической арене. Поэтому в дальнейшем он радикально изменил подход к изучаемым им вопросам, перейдя к комплексному анализу внешнеполитических вызовов России. Вместе с тем Айрапетов как исследователь рос именно в рамках всего исторического факультета. Не случайно самые тесные связи он поддерживал с сотрудниками других кафедр, прежде всего кафедры истории южных и западных славян.

В 1990 г. Айрапетов получил диплом и поступил в аспирантуру. В то переломное время оставаться безучастным к судьбам страны было невозможно. В водоворот политической борьбы тех лет оказался вовлечен и он сам. Поэтому еще к студенческим годам относились первые опыты политической активности Айрапетова, нашедшие свое продолжение и развитие позднее. Некоторые из тех студентов, с кем Айрапетов участвовал в политических дебатах конца 1980-х гг., позднее стали видными политическими деятелями новой России, но для Айрапетова гораздо интереснее и важнее была наука, которой он и посвятил себя.

«Империя существует, пока живы ее подданные», — одна из любимых поговорок Олега Рудольфовича. Стоит отметить, что и сам он был и остается, если можно так сказать, «подданным империи». Самого себя Олег Рудольфович считал и считает советским человеком. В отличие от многих ровесников, озабоченных тогда лишь собственным благосостоянием, он в полной мере проявил свою пассионарность и выразил гражданскую позицию в период крушения СССР и в начале 1990-х гг. Олег Айрапетов воспринял развал своей страны и начинающуюся на окраинах и в центре гражданскую войну как личную трагедию, причем

отнюдь не как сторонний наблюдатель. Наверное, потому, что эти события непосредственно затронули его родителей, вынужденных бежать из Баку, потерявших родной дом и лишь чудом уцелевших.

В то трагическое в истории нашей страны время Олег Рудольфович стремился отстаивать права соотечественников, где бы их ни притесняли, причем не только на словах, но и на деле. Не случайно он принимал участие в защите мирного населения от румынской агрессии в Приднестровье в 1992 г. Наши бойцы тогда сказали ему, что ценят патриотический порыв Айрапетова, но что Родина слишком много усилий потратила на его подготовку как специалиста, чтобы он рисковал жизнью как простой воин. Более рационально, с точки зрения тех, кто высказал этот трезвый взгляд, было предоставить Айрапетову возможность применить для защиты Приднестровья свой интеллектуальный багаж. И такая возможность была Олегу Рудольфовичу предоставлена в роли пропагандиста. Работа была не такой простой, как может кому-то показаться. Приходилось без перерыва ездить по множеству населенных пунктов, агитировать, общаться с людьми, разъяснять смысл, цели и задачи борьбы. Позднее Айрапетов активно сотрудничал с организациями, участвовавшими в общественно-политической деятельности в российских регионах. Однако никогда не забывал о науке.

Переломные события в стране, личные переживания тех лет наложили отпечаток и на характер Олега Рудольфовича, на всю его профессиональную деятельность в дальнейшем и, конечно, на сферу его научных интересов. Точно таким же небезразличным человеком, как в общественной жизни, Олег Рудольфович был и остается в жизни научной. В этом смысле занятия наукой для Айрапетова всегда носили прикладной характер, а каждая из его крупных работ может служить готовым пособием для политиков, дипломатов, военных и просто граждан, которых беспокоит судьба своей страны.

С 1992 г. Айрапетов работал на кафедре истории России XIX — начала XX века исторического факультета МГУ в качестве ассистента, в 1997 г. стал доцентом. В сфере научных интересов Айрапетова тогда были проблемы военно-политической истории России XIX века, истории международных и межнациональных отношений, внешней политики. Конечно, этот интерес был связан не только с личными переживаниями, но отчасти предопределялся тем, что учителем Айрапетова была Нина Степановна Киняпина — талантливый педагог и ученый, профессор МГУ, доктор исторических наук, крупный специалист по проблемам русской внешней и внутренней политики XIX века.

Школа Н. С. Киняпиной многое дала Айрапетову как исследователю. И не случайно он всегда с огромной признательностью и любовью отзывался о своем учителе, всячески поддерживал Нину Степановну до конца ее жизни. При этом Киняпина была очень строгим и требовательным руководителем, что, разумеется, способствовало высокой результативности работы ее учеников. Эти же качества,

возможно, даже в большей степени присущи и Олегу Рудольфовичу как ученому и учителю, равнодушному к тому, чем он занимается. Со стороны одной довольно известной исследовательницы отечественной военной истории автору этих строк как-то даже было выражено «сочувствие» в связи с тем, что его научным руководителем является такой требовательный человек. Однако на самом деле остается искренне посочувствовать тем, кто изучает прошлое России, не имея такого учителя.

Олег Рудольфович, как настоящий ученый, действительно способен на бескомпромиссное отстаивание собственных убеждений, но суровым он кажется только тем, кто его плохо знает. Более того, во взаимоотношениях с учениками и коллегами Олег Рудольфович всегда безупречно корректен и внимателен, безотносительно того, кто перед ним — профессор или студент. Вспоминается, как почти после каждого семинара Олег Рудольфович прогуливался из конца в конец по длинному факультетскому коридору первого корпуса гуманитарных факультетов («первого ГУМа», как говорили студенты), где тогда располагался истфак, и терпеливо объяснял что-то заинтересовавшемуся студенту или аспиранту. Автор этих строк тоже неоднократно выступал в качестве такого слушателя.

Но в начале девяностых годов прошлого века правоту своих решений Айрапетову пришлось отстаивать даже во взаимоотношениях с учителем. Профессор Н. С. Киняпина хотела, чтобы он и в аспирантуре продолжал заниматься историей внешней политики в старом понимании этого вопроса, расширяя свою дипломную работу. Однако в тот период Олега Рудольфовича уже не устраивал явно устаревший подход к истории внешней политики как к истории дипломатии. Против кардинальной перемены темы исследования были и некоторые из авторитетных сотрудников кафедры, однако Айрапетов смог настоять на другой, действительно интересовавшей его теме — жизни и деятельности выдающегося отечественного военного деятеля второй половины XIX в., одного из основоположников русского Генерального штаба, генерала Николая Николаевича Обручева. Этот выбор имел принципиальное значение для формирования Айрапетова как военного историка. Первоначально Киняпина не вполне одобряла новую тему, но, уважая выбор и аргументацию своего ученика, все же санкционировала ее разработку.

Для тематики исследований, проводившихся в то время на кафедре, выбор Айрапетова оказался революционным. Это сегодня уже никого не удивит военно-историческими и военно-политическими темами дипломов и диссертаций, а еще в начале 1990-х гг. приходилось бороться за одно только *право* (курсив мой) заниматься изучением этих увлекательных вопросов. Новым поколениям ученых уже с трудом верится, что подобные проблемы могли возникать еще в сравнительно недавнем прошлом. Однако факты остаются фактами. Двадцать лет назад Олег Айрапетов в буквальном смысле слова завоевал право на свободу

исследовательского выбора не только для себя самого, но и для будущих поколений историков, за что те, кто пошел вслед за ним, должны всегда испытывать чувство глубокой благодарности по отношению к Олегу Рудольфовичу.

В 1994 г. Олег Рудольфович успешно защитил под руководством Н. С. Киняпиной кандидатскую диссертацию на кафедре истории России XIX — начала XX в. истфака МГУ по теме «Н. Н. Обручев, генерал и дипломат (1830–1881)». Удивительно, как в период борьбы за свою страну, лишившись родного дома, глубоко и искренне переживая за судьбу соотечественников в ближнем зарубежье и уже в самой России, Айрапетов нашел силы внести свой вклад в развитие науки. Расхожая фраза «в жизни всегда есть место подвигу» вполне применима к этой ситуации. Сегодня деятельность Олега Айрапетова в начале 1990-х гг. может оцениваться как настоящий подвиг.

Четыре года спустя после защиты увидела свет блестящая монография Айрапетова об Обручеве, основу которой и составила кандидатская диссертация, дополненная исследованием о жизни Обручева после 1881 г. Эта работа стала первым в историографии специальным исследованием по данному вопросу, осуществленным на широком фоне внутри- и внешнеполитической истории России того времени. Своей задачей автор считал отнюдь не жизнеописание своего героя в узком смысле этого слова, но изучение через призму биографии героя книги процесса развития органов высшего военного управления России, развития военного планирования как важнейшей составляющей внешней политики России и анализ непосредственной роли Обручева в этих сложных процессах. В работе впервые вводились в научный оборот многие документы из фондов РГВИА, ГА РФ, АВПРИ, отделов рукописей РГБ и РНБ.

Айрапетов не только проследил весь жизненный путь Обручева по документальным материалам, не только аргументированно опроверг легенду о том, что герой книги был революционером, но, что важнее всего, тщательно проанализировал процесс зарождения русского Генерального штаба и роль в этом своего героя, вклад Обручева в отечественное военное планирование, в том числе в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и позднее, когда Обручев занял ответственный пост начальника Главного штаба, а также многие другие важные и сложные проблемы истории России второй половины XIX в. Анализируется автором и военная реформа, проведенная Д. А. Милютиным и кардинально изменившая облик русской армии. В своей рецензии на эту монографию известный петербургский ученый, доктор исторических наук Ю. Г. Алексеев писал:

«Нельзя вслед за автором рецензируемой монографии не пожалеть, что на долгое время, почти на сотню лет “личность Обручева... оказалась вне пристального внимания историков” (с. 7). Еще более грустно, что в забвении оказался не он один. У нас нет научных биографий Д. А. Милютина, М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова, И. В. Гурко, Г. И. Бутакова, Н. В. Копылова, А. А. Попова. Да,

в сущности, нет по-настоящему научных исследований и о наиболее часто вспоминаемых российских героях — Суворове и Кутузове, Румянцеве и Ушакове... Военная история России представлена в виде отдельных вспышек, окруженных глухой тьмой. Слабость, выборочность, конъюнктурность исторической памяти свидетельствуют об ущербности национального самосознания — одной из главных бед сегодняшней России. Книга О. Р. Айрапетова — веха на пути преодоления этой ущербности. Она не только академически научна, но и отражает этическую позицию автора, его уважение к прошлому нашей страны».

Автор книги не идеализирует своего героя, наряду с его выдающимися достижениями анализирует и крупные ошибки и просчеты, сказавшиеся на состоянии армии. Свою первую монографию Олег Рудольфович посвятил родителям. Интересно, что методологическую основу этой книги, как отметил сам автор, составила книга Б. М. Шапошникова «Мозг армии» и работы прусских военных теоретиков XIX в. В свое время такие необычные и новаторские заявления наталкивались на непонимание и враждебность некоторых историков «старой закалки».

Не случайно говорят, что книги как дети. Для настоящего серьезного ученого характерно именно такое отношение к своим трудам. Тем более, что каждая добротная научная монография требует приложения многих усилий, терпения, является итогом большой многолетней кропотливой работы по сбору и обработке материала. Именно книги являются подлинными вехами на жизненном и творческом пути ученого, отражают его мировоззрение, убеждения, внутренний мир, демонстрируют эрудицию и степень владения материалом. Можно с уверенностью сказать, что все книги Олега Рудольфовича относятся к незаурядным по своему уровню исследованиям, существенно обогащающим наши представления о прошлом и настоящем и способствующим приобретению читателями не только новых познаний, но и определенных мировоззренческих и нравственных установок, приобщению к подлинному духу и лучшим традициям исчезнувшей империи.

Глубокой болью за свою страну, ее прошлое, настоящее и будущее пронизана вторая монография Айрапетова «Генералы, либералы и предприниматели», увидевшая свет в 2003 г. Эта книга выросла из развернутой статьи, которую ранее не рискнули напечатать некоторые статусные исторические журналы. Опасения тех редакторов, которые отказались печатать материал Айрапетова, легко объяснимы: многим казалась крамольной сама постановка проблемы об антигосударственной деятельности либеральных политиков и предпринимателей.

В этой книге автор поставил острый и выходящий далеко за рамки периода начала XX века вопрос о взаимоотношениях власти и частного капитала в чрезвычайных условиях военного времени. Вопрос, ответа на который в случае возможной будущей войны мы не знаем и сейчас. Впервые в историографии на конкретном документальном материале была яркими красками отображена

подрывная антигосударственная работа либеральной оппозиции в годы Первой мировой войны и история сговора либеральных лидеров и высшего генералитета, приведшего к февральскому перевороту 1917 г. К сожалению, параллели с современной Россией в книге более чем очевидны и не могут не вселять обоснованной тревоги за обороноспособность и внутреннее положение страны. На волне потоков хвалебной литературы о российских либералах эта книга была абсолютно новым словом.

Своеобразным символом книги «Генералы, либералы и предприниматели» стала блестяще описанная в ней история с заказом Центральным военно-промышленным комитетом (детищем одного из лидеров либеральной оппозиции А. И. Гучкова) десятков тысяч снарядных ящиков для русского фронта Первой мировой с надписью: «Снарядов не жалеть — Центральный военно-промышленный комитет». Многие современники искренне верили в то, что эта тыловая организация решила проблему снарядного голода на фронте, однако это была лишь хитроумная пропагандистская акция, поскольку на деле были заказаны только ящики, но не их содержимое.

Подлинным украшением работы стали без преувеличения выдающиеся архивные находки ее автора, сделанные им в отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве и в практически не используемом исследователями архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Одно из центральных мест среди этих материалов по праву принадлежит уничтожающей характеристике, данной начальником штаба Верховного главнокомандующего русской армии, фактическим руководителем русской армии в годы Первой мировой войны, генералом М. В. Алексеевым императору Николаю II весной — летом 1917 г., в которой есть и такие строки: «Н человек пассивных качеств и лишенный энергии... неискрен [ность] развивалась все больше, пока не сделалась господствующей чертой [его] характера... Ему не хватает силы ума... Его доброта вырождается в слабость... Он был лишен и характера и настоящего темперамента... Душевные силы охотно устремлялись на мелкое... Любил лесть, помнил зло и обиды». Думается, сама по себе эта характеристика уже дает ключ к разгадке причин Февральской революции, по поводу которых до сих пор ломают копыта историки. К сожалению, вскоре после ознакомления Олега Рудольфовича с материалами личного фонда М. В. Алексеева в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, где был найден вышеуказанный документ, доступ к документам этого интереснейшего фонда оказался неоправданно закрыт для исследователей на долгие годы. Тем выше значимость тех документов, которые удалось найти, а позднее опубликовать Олегу Рудольфовичу в короткий период доступности этого фонда. В 2005 г. перевод книги на сербский язык увидел свет в Белграде.

В 2006 г. вышла новая фундаментальная работа О. Р. Айрапетова «Внешняя политика Российской империи (1801–1914)», значение которой трудно переоценить. Фактически это глубокое научное исследование, представляющее собой авторский взгляд на прошлое Российской империи и предлагающее первый комплексный анализ внешнеполитической составляющей жизни России в XIX — начале XX в. Как отметил сам автор во вступлении к своему труду, его задачей было отойти от канонического представления внешней политики как истории дипломатии, «дать объяснение истории внешней политики Российской империи с точки зрения ее собственных интересов, на каковые она... имела безусловное право».

Поставленная задача была успешно реализована на основе сочетания собственно дипломатической, военной, политической и экономической истории. В результате была создана уникальная работа, сочетающая в себе оригинальный документальный (в том числе архивный) материал, обобщение существующей историографии и предлагающая читателям компактный обзор событий. Роль этой книги многогранна: специалисты найдут в ней пищу для размышлений и для дальнейших научных поисков, однако не менее полезна она для преподавателей и студентов, равно как и для всех интересующихся прошлым нашей страны. Тем более, что работу сопровождает солидный научно-справочный аппарат.

Надо сказать, что Олег Рудольфович продолжил работу над этим проектом, существенно расширив и переработав первое издание и превратив его в многотомный труд. К сожалению, мировой финансовый кризис и связанные с ним проблемы в отечественном книгоиздании пока не позволили увидеть свет этому грандиозному проекту, однако, будем надеяться, текущая экономическая конъюнктура не станет препятствием тому, чтобы читатели получили возможность ознакомиться с новой крупной работой Олега Айрапетова.

Нельзя не обратить внимания на такую форму творчества Олега Рудольфовича, как написание «мини-монографий», к которым относятся две его крупных работы, опубликованные в коллективных сборниках трудов «Последняя война императорской России» (М., 2002) и «Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие» (М., 2004). Речь идет о больших очерках «На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II» и «На сопках Маньчжурии...»: Политика, стратегия и тактика России» соответственно. Каждый из этих очерков по объему соответствует отдельной небольшой книге, поэтому отмечу эти публикации сразу после характеристики монографических исследований Олега Рудольфовича. В этих комплексных трудах на основе документов Российского государственного архива Военно-морского флота и отдела рукописей РГБ дается целостная картина двух сложнейших проблем военной истории России последнего царствования — сильных и слабых сторон участия русской армии в войне с Японией и подготовки так и не реализованной

грандиозной экспедиции по захвату Босфора. Кроме того, в очерке, посвященном русско-японской войне, подробно анализируется отрицательное влияние военных реформ Д. А. Милютина на последующее развитие русской армии, что в полной мере проявилось в Маньчжурии.

В своих научных исследованиях Олег Рудольфович старается быть максимально беспристрастным и объективным, отмечать как положительные, так и отрицательные стороны тех или иных явлений. Он пишет, что называется, «от факта», не навязывая своих оценок читателям, но давая необходимую пищу для самостоятельных размышлений.

Удивительна широта интересов Олега Рудольфовича, в сфере внимания которого и проблемы внешнеполитической истории, и внутренние проблемы истории России, и военные вопросы, и политическая история. Однако Олег Рудольфович, в первую очередь, военный историк. И в этой области его перу принадлежат специальные исследования о событиях Крымской, русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской и Первой мировой войн, по истории военных реформ, военного планирования и боевых операций, биографии военных деятелей, среди которых генералы Н. Н. Обручев, М. В. Алексеев, А. Н. Куропаткин, В. А. Сухомлинов, А. А. Поливанов и другие. Труды Айрапетова переведены на английский, польский, сербский и японский языки. К сожалению, в рамках краткого биографического очерка невозможно охарактеризовать каждую из работ Олега Рудольфовича, поэтому, чтобы получить полное представление о широте его исследовательских интересов, адресую читателей к составленному к. и. н. В. Б. Кашириным списку трудов О. Р. Айрапетова, публикуемому в этом сборнике.

Среди новейших работ Олега Рудольфовича обращает на себя внимание объемная вступительная статья к переизданию фрагментов «Дневника» генерала А. Н. Куропаткина, в которой дается обзор дальневосточной политики России накануне и в период русско-японской войны, оценивается состояние русской армии и ее участие в войне с японцами, проанализирована деятельность Куропаткина как главнокомандующего русской армией в Маньчжурии.

В настоящее время Олег Рудольфович завершает систематический просмотр всех центральных российских газет периода Первой мировой и работает над фундаментальным исследованием по истории участия России в этой войне. Будем надеяться, что в скором времени результаты этих трудов станут доступны для всех поклонников творчества Олега Айрапетова.

Традиционно Олег Рудольфович поддерживает самые тесные контакты с крупными зарубежными учеными — прежде всего, со специалистами по истории России XIX–XX веков. Среди его хороших друзей зарубежные авторы настоящего сборника, исследователи из США, Канады, Великобритании, Сербии, Польши, Финляндии, Японии и других стран. Думается, общение с зарубежными коллегами и регулярное участие в международных научных форумах как в Рос-

сии, так и за ее пределами оказало значительное влияние на формирование Айрапетова как крупного международного ученого. Айрапетов отлично знает зарубежную историографию по интересующей его научной проблематике и активно использует труды иностранных коллег в своих исследованиях, в том числе благодаря прекрасному владению английским языком.

Многолетнее и плодотворное сотрудничество связывает Олега Айрапетова с российским историческим журналом «Родина», по праву считающимся одним из ведущих исторических журналов современной России. На страницах «Родины» были опубликованы многие острые и яркие статьи Олега Айрапетова, связанные с проблематикой русско-японской и Первой мировой войн, революционных событий 1917 года и с другими вопросами.

Помимо этого Олег Рудольфович активно выступает как организатор науки. Фактически именно он регулярно собирает высокопрофессиональный авторский коллектив и редактирует авторитетный исторический альманах «Русский сборник», издаваемый Модестом Колеровым. Пробразом «Русского сборника» был в свое время альманах «Россия и реформы». В настоящее время увидели свет уже двенадцать томов «Русского сборника», материалы которых вносят существенный вклад в современное изучение истории России, прежде всего XIX–XX вв. В частности, нельзя не отметить специальный выпуск альманаха «Военная политика императора Николая I» (Т. 7), вышедший в 2009 г.

Кроме того, под редакцией Айрапетова вышло несколько фундаментальных научных сборников, значение которых трудно переоценить. Речь идет о таких крупных проектах, как «Русско-японская война: взгляд через столетие» и «Последняя война императорской России». Эти сборники также являлись данью уважения и памяти двум выдающимся ученым, внесшим значительный вклад в изучение истории России, — профессорам исторического факультета МГУ Нине Степановне Киняпиной и Ивану Антоновичу Федосову. Авторский коллектив сборников составили многие замечательные ученые из России и других стран. И, конечно, трудно переоценить ту роль, которую сыграл Модест Колеров как меценат, постоянно поддерживающий различные научные инициативы Олега Рудольфовича, и как издатель практически всех его монографических работ и научных сборников.

Редакторскую работу Олег Рудольфович продолжает и сейчас в качестве редактора тома (совместно с известным американским исследователем, крупным специалистом по истории дореволюционной русской армии и давним другом Олега Рудольфовича Брюсом Меннингом) по военной истории Первой мировой войны международного многотомного научного проекта «Российская Великая война и Революция», приуроченного к столетию событий 1914–1922 гг.

Олег Рудольфович уже два десятка лет преподает историю XIX — начала XX в. на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Помимо общих

курсов он разработал и провел несколько специальных авторских курсов, среди которых «Балканы и Проливы в русской стратегии 1895–1917 гг.», «Ставка Верховного Главнокомандующего в Первую мировую войну» и «Внешняя политика России 1801–1917». Все эти спецкурсы были основаны на собственных научных изысканиях Олега Рудольфовича, благодаря чему студенты, их посещавшие, имели возможность познакомиться с новейшими научными разработками по этим проблемам. Вполне естественно, что такой подход способствовал росту интереса студентов к научной деятельности. Некоторые из слушателей этих специальных курсов позднее продолжили работу в спецсеминаре под руководством О. Р. Айрапетова, став его дипломниками и аспирантами.

Под руководством О. Р. Айрапетова к настоящему времени защищены три кандидатских диссертации и девять дипломных работ, формируется собственная научная школа в области военно-политической истории России конца XIX — начала XX века. Диссертации под руководством Айрапетова защитили Ким Ен-Су («Корейский вопрос в политике России на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.», 2006), А. В. Ганин («Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.)», 2006) и В. Б. Каширин («Русская военная разведка на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1915 гг.)», 2006).

Важной составляющей жизненного пути О. Р. Айрапетова стала его государственная служба в Администрации Президента Российской Федерации на посту советника управления по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами.

Традиционно повышенное внимание Олег Рудольфович уделяет проблемам Кавказа. Думается, не случайно он входит в состав редакционного совета авторитетного в своей области альманаха «Кавказский сборник», выходящего на базе Центра кавказских исследований МГИМО. Эта сторона деятельности Айрапетова не осталась без внимания и благодарности, в том числе и на Кавказе. Так, в июне 2006 года Олег Айрапетов был награжден памятной медалью Ереванского лингвистического университета имени Брюсова, посвященной 70-летию университета. Ректор Сурен Зорян в ходе церемонии награждения отметил, что медаль вручается за эффективное сотрудничество с университетом, поскольку усилиями Айрапетова было организовано чтение лекционных курсов известными преподавателями ряда московских вузов.

Другая давняя страсть Айрапетова — Балканы и особенно Сербия. Накануне военной агрессии блока НАТО против этой маленькой страны весной 1999 г. Олег Рудольфович выступил с инициативой заявления сотрудников исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в защиту Сербии, опубликованного в издании «Интерфакс-АиФ». В дальнейшем он неоднократно бывал в этой замечательной стране. Эти поездки способствовали укреплению научных и дружеских контактов Олега Рудольфовича с крупнейшими сербскими учеными, помогли

выходу новых важных публикаций как самого Олега Рудольфовича на Балканах, так и работ балканских историков в России. Надо сказать, Олег Рудольфович активно поддерживает научные проекты в области славистики и содействует публикации монографий историками-славистами. В 2010 году Олег Айрапетов выступил инициатором и активным участником благородной акции по сбору научной литературы для передачи в дар кафедре истории России Белорусского государственного университета в Минске.

Нельзя не сказать о личных качествах Олега Рудольфовича Айрапетова. Он по-настоящему мужественный и абсолютно надежный человек, строгий и требовательный к себе и к другим, но при этом неизменно доброжелательный. Личные качества непосредственно связаны с профессиональными. Айрапетов-исследователь — это блестящий аналитик, человек удивительной эрудиции и широчайшего кругозора в различных областях истории и литературы, быстро схватывающий суть той или иной исторической проблемы, находящий ей объяснение и аналогии в современном мире. Олег Рудольфович является подлинным первопроходцем изучения многих научных вопросов, причем своими необычайно интересными исследованиями он часто задает направления работы для будущих поколений специалистов, а это значит, что его исследовательский труд не напрасен и создаваемая им научная школа будет расти и развиваться как в трудах его учеников, так и в работах всех, кто воспримет его исследования и идеи.

Андрей Ганин

Доминик Ливен

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ: СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Уинстон Черчилль был вполне прав, называя Семилетнюю войну первой в истории мировой войной. Во многих отношениях война, происходившая в 1756–1763 гг., имеет больше оснований для титула мировой войны, чем война 1914–1918 гг. Многие важнейшие сражения Семилетней войны происходили в Америке и Индии, а ряд наиболее серьезных долговременных последствий войны сильнее сказался не на Европе, а за ее пределами. Семилетняя война имела, по крайней мере, не меньшее значение, чем обе мировые войны XX века, еще в одном смысле. Англия, победившая в Семилетней войне, не являлась демократическим государством и даже не успела построить у себя полноценную либерально-капиталистическую экономику. Тем не менее она уже обладала вполне развитыми основами современного представительного правительства и современного капитализма. Семилетняя война, по сути, стала важным этапом на пути к созданию существующего и по сей день глобального либерального порядка с доминированием англоязычных стран. Первая и Вторая мировые войны, так же как и «Холодная война», представляли собой неудачные попытки разрушить этот порядок. Иными словами, мы до сих пор ощущаем на себе последствия войны 1756–1763 гг.¹

¹ Важнейшими работами о Семилетней войне являются: *Franz Szabo*. The Seven Years War In Europe 1756–1763. London, 2008 (военные действия в Европе); *Fred Anderson*. The Crucible Of War. New York, 2001 (война в Америке); *Richard Harding*. Seapower And Naval Warfare 1650–1830. London, 2002 (война на море); *H. M. Scott*. The Birth Of A Great Power System. Harlow, 2006 (международные отношения).

В данной статье сначала будет дан краткий обзор большой стратегии различных держав, принимавших участие в войне, и тех ресурсов, которые они могли выделить на ведение боевых действий. Затем я попытаюсь проанализировать итоги войны, учитывая как соответствующие структурные реалии военного дела середины XVIII в., так и более случайные факторы. Далее мы рассмотрим последствия войны в средне-, а также в долгосрочной перспективе. Статья завершается некоторыми замечаниями о природе и источниках глобальной силы как в XVIII веке, так и в ходе их последующей эволюции.

Из всех великих держав, участвовавших в Семилетней войне, наиболее очевидные и явные цели ставила перед собой Пруссия. Конфликт в Европе вспыхнул прежде всего из-за стремления Австрии вернуть себе Силезию, аннексированную Пруссией в 1740-х гг. Силезия давала Пруссии шанс на вхождение в число великих держав. Без нее прусский король был всего лишь одним из германских электоров, причем даже менее влиятельным, чем электоры Саксонии и Ганновера, одновременно являвшиеся королями Польши и Великобритании соответственно. Поэтому перед Фридрихом II стояла простая задача: удержать Силезию, хотя, разумеется, если каким-то чудом ему удалось бы захватить новые территории, это было бы более чем желательно.

Но эту в принципе несложную задачу, стоявшую перед прусским королем, решить было весьма непросто. 6 миллионам жителям Пруссии противостояла вражеская коалиция, насчитывавшая более 70 миллионов подданных. Правда, союзницей Пруссии была Великобритания, но на масштабы и гарантии ее участия в войне на материке не следовало особо полагаться. Кроме того, Пруссия не обладала естественными границами и оборонительными рубежами, а ее территория никогда не отличалась ни географической однородностью, ни реальным единством духа. Например, элита Восточной Пруссии во время войны без лишних колебаний присягнула на верность российской императрице. Отчасти именно острое осознание уязвимости Пруссии сподвигнуло Фридриха II на нанесение превентивного удара в 1756 г. Поступив так, он оказался в состоянии войны с Францией, которая была связана с Австрией оборонительным союзом. С другой стороны, ударив первым, Фридрих смог занять Саксонию, которая стала для него источником ресурсов вплоть до конца войны. По оценкам, в 1756–1763 гг. до одной трети всех прусских военных расходов выжималось из покоренной Саксонии. Без саксонской дойной коровы Пруссия не смогла бы так долго продолжать войну. Уже в то время, но прежде всего в свете прусско-немецкой истории XX века, насилие Фридриха над Саксонией легло в основу черной легенды об особой прусской агрессивности и безжалостности. Однако в реальности

пруссаки следовали примеру Швеции, властвовавшей на Балтике в предыдущую эпоху и также прославившейся агрессивным и безжалостным стилем военных действий, который компенсировал малую численность населения и нехватку ресурсов².

Правда, в Семилетней войне Пруссия обладала преимуществом наличия внутренних коммуникаций. Фридрих в некоторой степени мог использовать это преимущество, по очереди нападая на своих врагов и не давая им объединить силы. Даже французам, не говоря уже о русских, приходилось преодолевать огромные расстояния, отделявшие их базы от сердца Пруссии. Состояние военной логистики в XVIII в. придавало этому фактору решающее значение. Важным было также то, что к началу войны Пруссия имела наиболее вымученную армию в Европе. Умея маршировать в ногу и сохранять сомкнутый строй, прусская пехота могла передвигаться быстрее и производить более точные перестроения, чем ее противники. На этом основывались знаменитые «косые атаки» Фридриха, не раз принесявшие ему победу. Кроме того, прусская тяжелая кавалерия к 1756 г. также обладала наилучшей выучкой в Европе: она была способна к нанесению сокрушительных массированных ударов, а ее командиры были достаточно опытны и самоуверенны для того, чтобы овладевать инициативой и использовать любые возможности, открывающиеся на поле боя. Однако ценность этих активов в силу самой их природы с течением времени неизбежно снижалась. В ходе войны армия Фридриха лишалась профессиональных ветеранских кадров, выбитых в боях, теряя таким образом преимущества, связанные с опытом и подготовкой. Кроме того, прусская армия и государство не обладали принципиальным технологическим или организационным превосходством над противниками, которые без труда могли перенять прусскую тактику. Более того, со временем постоянные попытки Фридриха найти уязвимый вражеский фланг с целью нанести по нему косою удар стали предсказуемыми и, соответственно, не только бесплодными, но порой даже пагубными³.

Заключенным противником Пруссии в этой войне была Австрия. С тех пор, как Габсбурги были вынуждены расстаться с Силезией в ходе войны за австрийское наследство, их первоочередной задачей стало разбить Пруссию и вернуть себе эту провинцию. В принципе, колоссальное превосходство в ресурсах, обеспечиваемое обширными владениями Габсбургов, давало Ав-

² О Швеции см., например: *Robert Frost. The Northern Wars 1558–1721.* Harlow, 2000, особ. p. 274–279. Интересное сопоставление военно-политических экономик Швеции и Пруссии см.: *B. M. Downing. The Military Revolution And Political Change. Origins Of Democracy And Autocracy In Early Modern Europe.* Princeton, 1992. Chs. 4, 8.

³ О Пруссии см., в частности: *Dennis E. Showalter. The Wars Of Frederick The Great.* Harlow, 1996; *Christopher Duffy. Frederick The Great. A Military Life.* London, 1985.

стрии возможность решить эту задачу в одиночку. Однако, несмотря на важные правительственные и финансовые реформы, проведенные в 1740-х и 1750-х гг., австрийская монархия по-прежнему не могла сравняться с Пруссией в смысле эффективности фискальной и военной эксплуатации своего населения. Венгерские, итальянские и «бельгийские» подданные империи вносили крайне ограниченный вклад в наращивание ее военной и фискальной мощи, которая выковывалась главным образом в австрийско-чешском ядре габсбургской монархии. С другой стороны, военные и административные реформы, проводившиеся с 1741 г., позволяли австрийской армии приблизиться к пруссакам по уровню выучки, не говоря уже о численности. Более того, князь Кауниц проявил себя непревзойденным дипломатом, сколотив австро-русско-французскую коалицию, обладавшую гигантским превосходством в ресурсах, которое практически гарантировало победу.

В течение войны австрийская пехота зарекомендовала себя как дисциплинированная и храбрая сила. Во многих случаях она стойко выдерживала все прусские атаки, иногда хладнокровно и грамотно меняя позиции и перестраиваясь прямо под вражеским ударом. Австрийская артиллерия не уступала прусской, а легкие австрийские силы одерживали верх над пруссаками всякий раз, как дело доходило до «малой войны». Однако, несмотря на то что главным австрийским армиям время от времени удавалось производить успешные атаки, в целом они уступали прусским войскам в скорости маневра и старались меньше рисковать, предпочитая находить и удерживать сильные позиции, позволявшие отбивать атаки Фридриха. Хотя в тактическом плане такой подход часто бывал разумным, подобная оборонительная стратегия не отвечала необходимости выбить пруссаков из Саксонии и Силезии, без чего Австрия не могла бы достигнуть целей войны. Ответственность за такое осторожное поведение в первую очередь нес фельдмаршал Даун, сменивший некомпетентного князя Карла Лотарингского и командовавший главной габсбургской армией на протяжении почти всей войны. Императрице Марии-Терезии и князю Кауницу было очень трудно внушить австрийскому верховному командованию необходимость решительных и агрессивных действий. Кроме того, вожди Австрии не могли надеяться на то, что им удастся сравняться с прусским королем, который был талантливым полководцем и сам командовал своим войском⁴.

Русские методы ведения войны во многом напоминали австрийские. Российская императрица Елизавета, как и Мария-Терезия, стремилась к по-

⁴ Об австрийской большой стратегии и внутренних реформах см.: *Franz Szabo*. *Kaunitz And Enlightened Absolutism, 1753–1780*. Cambridge, 1994. Об австрийской армии см.: *Christopher Duffy*. *The Austrian Army In The Seven Years War*. Vol. 1: *Instrument Of War*. Rosemount (Illinois), 2000.

ражению Фридриха. Она видела в Пруссии потенциальную преемницу Швеции и соперницу России в борьбе за контроль над Балтийским регионом. Елизавета желала либо присоединить Восточную Пруссию к своей империи, либо обменять завоеванную прусскую территорию на вожделенные земли, входившие в состав Польши. Однако, как и Мария-Терезия, она не имела возможности заразить собственной энергией и агрессивностью своих полководцев, ведущих боевые действия в сотнях километров от российской столицы.

В ходе войны русская армия изумила Фридриха, первоначально отзывавшегося о ней с презрением, не только своей решительностью, но нередко и выучкой. Русская пехота продолжала сражаться даже после таких потерь, которые бы потрясли любое другое войско. Более того, русские солдаты, подобно австрийцам, продемонстрировали дисциплину, хорошую подготовку и профессиональное мастерство в способности гибко и хладнокровно маневрировать на поле боя под огнем противника. Именно этим качеством отличались профессиональные европейские армии, решительно превосходя в этом отношении, например, турок, чье недисциплинированное ополчение достаточно храбро сражалось, сидя за подготовленными укреплениями, но разбегалось во все стороны, сталкиваясь в открытом поле с дисциплинированными и мобильными европейскими армиями. Русская артиллерия была оснащена превосходными орудиями, а во главе ее стояли талантливые командиры. Русская кавалерия потенциально была лучшей в Европе, опираясь на неистощимый запас дешевых и выносливых лошадей. Однако на первых этапах войны у русских не имелось настоящей тяжелой конницы, и даже русские драгуны были плохо экипированы и подготовлены. Но к концу войны в русской кавалерии произошли существенные изменения к лучшему, и в сочетании с иррегулярной казачьей конницей к 1761 г. она могла сравниться с любым конным войском в Европе.

Двумя главными проблемами для России была логистика и политика. Русское командование не могло зимой наладить снабжение армии на прусской территории, по крайней мере до тех пор, пока в 1761 г. не был взят Кольберг. Поэтому в конце каждой кампании армии приходилось отходить на сотни километров к востоку, в глубину польских земель. В итоге кампании были очень короткими и начинались с того, что армия долго тащилась на запад через Польшу и Восточную Пруссию, сопровождаемая колоссальным обозом. Тем самым резко снижались ее возможности к проникновению в глубину Пруссии. Еще более серьезными были политические разногласия. Хотя императрица всячески стремилась нанести Пруссии поражение, отнюдь не все советники Елизаветы разделяли ее мнение о том, что Фридрих обязательно станет главным врагом и соперником России. Наследник престола, голь-

штейнский князь Петр, был горячим поклонником Пруссии. Императрица же старела на глазах, что не могло не сказаться на готовности многих высших военачальников и политиков к энергичному ведению войны⁵.

Во многих отношениях Семилетняя война реально представляла собой две войны. Первая из них велась в Центральной Европе, главным образом силами австрийцев, пруссаков и русских. Вторая происходила на морях и за пределами Европы и была войной между англичанами и французами; в 1760 г. в нее также вступили испанцы. Обе эти войны объединялись невозможностью для Франции и Великобритании уклониться от участия в конфликте на материке, хотя и в той, и в другой стране большинство политиков предпочло бы в нем не участвовать. Например, в Великобритании герцог Ньюкасл в 1754–1756 гг. делал все возможное для того, чтобы сделать Ганновер нейтральным и не позволить втянуть Англию в европейскую войну, но его политика вышла стране боком, в реальности лишь приблизив конфликт, который она была призвана предотвратить. Однако по иронии судьбы Англия от этого только выиграла, поскольку Франция была вынуждена выделить большинство своих ресурсов на континентальную войну, вследствие чего на долгие годы завязла в изнурительных и бесплодных европейских кампаниях.

Важнейшее отличие Великобритании от других держав состояло в ее островном положении. В результате главным гарантом британской безопасности автоматически становился флот. Во всех других державах армия обладала приоритетом над флотом, так как именно она защищала столицу и главные ресурсы страны. Вследствие колоссальных и непрерывно возрастающих расходов на ведение войны в XVIII веке и вызванных этими расходами финансовых кризисов становилось неизбежным, что в чрезвычайной ситуации любая великая держава, помимо Великобритании, относилась к содержанию флота как к роскоши. Однако в случае Великобритании память о вторжении 1688 г. вызывала тревогу о безопасности Британских островов, особенно с учетом имеющейся у врага возможности воспользоваться глубоководными нидерландскими портами и преобладающими попутными ветрами для нанесения удара по Англии. К концу войны за испанское наследство королевский британский флот освоил стратегию сосредоточения своих главных сил на западных подходах к Англии; эта стратегия была основана на правильной идее, что таким образом повышается возможность следить за французским флотом в Бресте, не пускать вражеские силы в Ла-Манш и защищать британ-

⁵ О российской большой стратегии и политике см.: *Walthar Mediger*. Moskaus Weg Nach Europa: Der Aufstieg Russlands Zum Europaischen Machstaat Im Zeitalter Friedrichs Des Grossen. Berlin, 1952. О русской армии см.: *Christopher Duffy*. Russia's Military Way To The West: Origins And Nature Of Russian Military Power, 1700–1800. London, 1981; *William Fuller*. Strategy And Power In Russia, 1600–1914. New York, 1992.

скую торговлю в ее наиболее уязвимом месте. Уникальность британской позиции состояла в том, что защита и метрополии, и международной торговли страны была возложена на военно-морские силы.

Кроме того, общенациональная поддержка флота обеспечивалась идеологией, при том что армия воспринималась здесь как потенциальное оружие отечественного деспотизма и средство для втягивания Великобритании в войны на континенте, ведущиеся ради защиты интересов чужеродной Ганноверской династии. Британская политика действительно в основном вращалась вокруг аргументов в пользу «придворной» (т. е. континентальной) или «национальной» (т. е. морской) стратегии. Интересно, что сходным образом развивались политические дебаты в России, где национальная стратегия в последние десятилетия XVIII в. понималась как экспансия на южном, направлении ради присоединения плодородных и ненаселенных степных земель и борьбы против турок в союзе с братскими православными и славянскими народами Балкан. Как и в Великобритании, эта стратегия противопоставлялась «придворной» стратегии, осуществлявшейся немецкой династией ради своих личных интересов и чаяний. Петр III, который взошел на престол в 1762 г. и вывел Россию из Семилетней войны, воспринимался как воплощение немца на русском троне. Отчасти именно по этой причине он был вскоре низвергнут и убит. Сходство между британскими и русскими дебатами по вопросу о большой стратегии не было случайным. Обе страны находились на европейской периферии и пришли к пониманию того, что экспансия на границах Европы или за ее пределами намного легче осуществима и более выгодна, чем продвижение в глубь европейского материка.

Основная часть британских военных расходов уже в течение долгого времени приходилась на долю флота. Однако во время Семилетней войны эти расходы, похоже, впервые принесли обильные дивиденды. Французский флот был уничтожен в битве, французская морская торговля ликвидирована, большая часть заморских владений Франции перешла в английские руки. Военно-морская сила была тесно связана с экономической и финансовой мощью. Содержание флотов обходилось исключительно дорого, а сами они воплощали в себе новейшие технологии. Верфи королевского флота представляли собой крупнейшее и наиболее передовое производственное и ремонтное предприятие в Великобритании. Международная торговля, осуществлявшаяся под защитой флота, обеспечивала значительную часть лондонского ликвидного капитала, который, в свою очередь, использовался для финансирования государства и его вооруженных сил. Великобритания победила Францию в Канаде далеко не в последнюю очередь потому, что потратила в десять раз больше средств для завоевания этой провинции, чем Франция выделила на ее оборону. Кроме того, в течение пяти лет войны

Британия могла себе позволить выплачивать крупные ежегодные субсидии Пруссии, без которых Фридриху II едва ли удалось бы содержать свою полевую армию. Одновременно с тем банкротство вынудило австрийцев сократить размеры своих войск, а французы из-за нехватки средств не могли вывести свой флот в море⁶.

Для Франции Семилетняя война обернулась катастрофой и унижением. В середине XVIII в. Франция оставалась потенциально сильнейшим государством Европы. Правда, в 1750-е гг. Россия превзошла ее по численности населения, но по сравнению с Россией Франция была более богатой и намного более образованной страной, обладавшей более развитыми технологиями и коммуникациями. С учетом размеров Франции и наличия у нее более передовой элиты и более многочисленного среднего класса, ей в принципе было гораздо легче мобилизовать свои обильные ресурсы, чем России. Даже без учета австрийских и русских союзников Франция имела намного более многочисленное население, чем Великобритания и Пруссия, вместе взятые. Тем не менее в ходе Семилетней войны *La Grande Nation* потерпела унижение на море от британцев, а на суше — от пруссаков. Даже кое-как сколоченная армия Фердинанда Брауншвейгского в течение многих лет отражала все французские попытки покорить Ганновер.

Унизительное поражение Франции в Семилетней войне поставило под сомнение большую стратегию, избранную Людовиком XV. Король прервал многовековую традицию войн с Австрией, заключив с ней союз. В принципе, это должно было позволить Франции избежать участия в европейских конфликтах и сосредоточить все свои усилия на борьбе с Великобританией. Однако Фридрих II, внезапно напав на Австрию, вынудил Францию к участию в континентальной войне в соответствии с условиями франко-австрийского оборонительного соглашения. Впрочем, этот неожиданный ход, вообще-то, играл на руку французам. Помогая вернуть Силезию австрийцам, те взамен требовали большую часть австрийских Нидерландов, присоединение которых создало бы постоянную угрозу для британской безопасности, при том что само по себе не должно было представлять особых затруднений, так как эти земли в основном были населены франкоязычными жителями. Наряду с этим, колоссальное численное превосходство союзников сулило относительно быструю победу над Пруссией, после чего Франции доставался богатый трофей — Ганновер, который при заключении мирного договора с Англией можно было обменять на уступки в колониях.

⁶ О политике во время Семилетней войны см.: *Brendan Simms. Three Victories And A Defeat. London, 2003; Richard Middleton. The Bells Of Victory: The Pitt — Newcastle Ministry And The Conduct Of The Seven Years War, 1757–1762. Cambridge, 1985. О флоте: N. A. M. Rodger. The Command Of The Ocean. A Naval History Of Britain 1649–1815. London, 2004.*

Сопоставление поведения Франции в Семилетней войне с ее же поведением в революционных и наполеоновских войнах весьма поучительно. Что касается осуществления стратегии, то армия, флот и казна Бурбонов проявили себя самым жалким образом. Но в смысле концепции, стоявшей за большой стратегией, возможно, что политика Бурбонов имела больше шансов на успех, чем попытки Наполеона создать в Европе французскую континентальную империю наперекор всем прочим европейским державам⁷.

Объяснить исход Семилетней войны, в принципе, можно, сравнив поразительную эффективность британского флота в 1758–1763 гг. как с его прежними действиями на морях, так и со слабой отдачей от австро-франко-русского военного превосходства на сухопутных полях сражений. Например, даже в войне за испанское наследство англо-голландский флот был намного сильнее французского, который в последние годы войны по большей части все равно не выходил в море, так как обанкротившееся французское правительство не могло финансировать военно-морские операции. Тем не менее, англичане и голландцы так толком и не сумели воспользоваться своим превосходством. Французские колонии отражали все нападения союзного флота и сухопутных сил, по Атлантике под охраной французских и испанских кораблей продолжали ходить испанские золотые конвои, а французские каперы собирали значительную дань с английского и голландского судоходства и колоний. Англичане получили по Утрехтскому миру крупные колониальные приобретения не благодаря успешным колониальным экспедициям, а вследствие побед британской армии на европейском материке⁸.

Напротив, в 1756–1763 гг. мы видим разительный контраст между размахом операций и мобильностью сил на суше и на море. Британские эскадры месяцами действовали у американских берегов и в Вест-Индии. Со своих баз в Индии англичане даже предприняли успешную атаку на Манилу. При этом австрийской армии не удалось закрепиться хотя бы в соседних Саксонии и Силезии. Попытки вторжения в Вестфалию и Ганновер и их удержания обернулись для французов огромными проблемами.

В значительной степени этот контраст был обязан различиям в военно-морской и сухопутной логистике. За предыдущее столетие британский флот создал необходимую инфраструктуру и накопил достаточный опыт

⁷ Об общей политической ситуации см.: *Jeremy Black*. From Louis XIV To Napoleon. The Fate Of A Great Power. London, 1999; о французской армии: *Lee Kennett*. The French Armies In The Seven Years War. Chapel Hill, 1967; а также: *Jean Delmas* (ed). Histoire Militaire De La France. Paris, 1992, главы 1–7; о флоте: *Delmas*. Histoire, глава 7; *Jonatban Dull*. The French Navy And The Seven Years War. London, 2005; *James Pritchard*. Louis XV's Navy 1748–1762. Montreal, 1987; см. также: *James Riley*. The Seven Years War And The Old Regime In France. Princeton, 1986.

⁸ О французском флоте в войне за испанское наследство см.: *James Pritchard*. In Search Of Empire. The French In The Americas, 1670–1730. Cambridge, 2004. Chapter 8.

для действий в глобальном масштабе. Это, среди прочего, включало в себя наличие огромных и хорошо оснащенных верфей в Великобритании, содержание заморских баз, должное внимание к корабельной медицине, а также умение решать исключительно сложную и затратную задачу снабжения крупного флота в море, пока он неделями патрулировал, прикрывая западные подходы к британским островам⁹. При этом сухопутным армиям пришлось дожидаться французской революции и Наполеона, чтобы освободиться от смиренной рубашки логистики, которая, по мнению многих историков, серьезно подрывала эффективность вооруженных сил XVIII века¹⁰. Австро-русские армии, одержав много дорогостоящих побед, явно не сумели в полной мере воспользоваться ими — не в последнюю очередь из-за того, что проблемы логистики не позволяли им зимовать на прусской территории до тех пор, пока не удалось захватить и удержать коммуникации и крепости, пригодные для использования в качестве охраняемых складов.

Тем не менее неэффективность сухопутных армий в 1756–1763 гг. не следует преувеличивать. Действительно, по стандартам Наполеона французские армии Ришелье и Брольи выглядят чрезвычайно тупыми орудиями. Но в отношении прусских войск этого уже не скажешь. Мобилизация прусских ресурсов, а также решительность, мобильность и агрессивность, выказанные Фридрихом II и его армиями, в конечном счете обернулись поразительными успехами. Да и правила войны к наполеоновской эпохе изменились не слишком радикально. Союзные армии, разбившие Наполеона в 1812–1814 гг., отличались значительным сходством с армиями Семилетней войны.

Скажем, русская армия в 1813–1814 гг. действительно была намного крупнее и во многих отношениях значительно эффективнее в тактическом и оперативном плане, чем те войска, что сражались с Фридрихом II. В кампании 1813 г. русская армия маневрировала и воевала в тех же местах, что и в 1756–1762 гг. Однако решающими в первую очередь оказались изменения, произошедшие за это время в военной логистике и политической ситуации. В 1813 г. Польша находилась под полным русским контролем и была выдоена с эффективностью, напомилавшей мобилизацию саксонских ресурсов Пруссией в 1756–1763 гг. Кроме того, Пруссия в 1813 г. находилась в союзе с Россией, и прусская администрация оказала значительную помощь в снабжении русских войск.

Семилетняя война и кампании 1813–1814 гг. также позволяют произвести любопытнейшие сопоставления в отношении коалиционной войны.

⁹ См.: *Rodger. Command; Harding. Seapower.*

¹⁰ *John Childs. Armies And Warfare In Europe, 1648–1789. Manchester, 1982; Christopher Duffy. The Military Experience In The Age Of Reason. London, 1987.*

Едва ли не главным спасением для Фридриха II стали нескоординированность и отсутствие доверия в рядах вражеской коалиции. В 1813–1814 гг. союзники по-прежнему не слишком доверяли друг другу, однако координация и решительности их действий сильно способствовал тот факт, что монархи союзных государств находились при армиях и были в состоянии подвигнуть своих полководцев на энергичное и уверенное управление войсками. И в первую очередь это относится к Александру I, без которого коалиция, возможно, никогда бы не была создана, не говоря уже о том, чтобы войти в Париж.

Однако, оценивая роль Александра I, мы должны также сопоставить роль случайности и личности как в Семилетней войне, так и в 1813–1814 гг. Несмотря на всю отвагу Фридриха и разобщенность в стане союзников, к зиме 1761–1762 гг. Пруссия оказалась на грани неминуемого поражения. Фридриха спасла лишь смерть императрицы Елизаветы. Во время Дрезденской битвы в августе 1813 г. пушечное ядро едва не попало в Александра I, смертельно ранив генерала Моро, который находился не далее чем в метре от него. Наследник Александра, великий князь Константин, не отличался ни склонностью к продолжению войны, ни дипломатическими и лидерскими талантами Александра. Если бы Константин в 1813 г. сменил Александра на престоле, результатом мог бы стать не менее неожиданный поворот, чем тот, который последовал за воцарением их деда Петра III в 1762 г. В случае гибели Александра Наполеон, вероятно, сохранил бы контроль над Германией и уж наверняка союзные войска не стали бы преследовать его за Рейном и свергать с престола¹¹.

Важно также не преувеличивать решающий характер и, прежде всего, необратимость британского превосходства на морях в 1763 г. Семилетняя война ни в коем случае не уничтожила Францию в качестве военно-морской и колониальной державы. Важнейшими источниками французской колониальной и военно-морской мощи были острова Вест-Индии с их сахарными плантациями и рыболовные угодья у Ньюфаундленда. Согласно Парижскому договору, которым завершилась Семилетняя война, Франция сохранила за собой и то, и другое. Частично на этой основе она воссоздала свой флот. Выучив уроки поражений 1756–1763 гг., Франция направила все свои ресурсы на конкуренцию в военно-морской сфере, в то же время последовательно осуществляя стратегию неучастия в конфликтах

¹¹ Скептического взгляда на коренные изменения в военном деле вследствие французской революции придерживался, например, Пэдди Гриффит: *Paddy Griffith. The Art Of War Of Revolutionary France 1789–1802*. London, 1998; более позитивную точку зрения см.: *John Lynn. The Bayonets Of The Republic*. Boulder, 1994. О русской армии и кампаниях 1813–1814 гг. см.: *Dominic Lieven. Russia Against Napoleon. The Struggle For Europe, 1807–1814*. London, 2009.

на материке, благодаря чему добилась успеха во время войны американских колоний за независимость. В отличие от Семилетней войны, испанцы вступили в американскую войну в тот момент, когда французский флот еще полностью сохранял боеспособность; кроме того, на стороне французов выступили голландцы, в результате чего над Англией нависла более реальная угроза вторжения, чем когда-либо в 1700–1815 гг. Англичане проиграли американскую войну, хотя по большей части отразили покушения французов и испанцев на свое военно-морское господство, не в последнюю очередь из-за того, что коалиционная война создавала на море не меньшие осложнения, чем на суше. Однако весь промежуток от завершения американской войны до начала французской революции отмечен лихорадочным наращиванием военно-морской мощи. Британское превосходство на морях в условиях сохранения франко-испанско-голландского союза подвергалось серьезной угрозе. По иронии судьбы, французская революция привела к резкому усилению Франции на суше, но в то же время серьезно ослабила ее военно-морской потенциал.

В то же время Великобритания в 1770-е и 1780-е гг. явно растеряла свое могущество, достигшее апогея в 1763 г. В 1783 г. она лишилась значительных территорий, обладавших намного большей ценностью, нежели все, что она приобрела в 1763 г. Видимый упадок Британии во многом обязан факторам, известным любому исследователю империй. По результатам Семилетней войны Великобритания единственная из европейских держав получила значительные территориальные приобретения. Это неизбежно порождало зависть. Британцы же сами навредили себе как безжалостностью, с какой они в войнах XVIII века использовали своих союзников на континенте, а затем бросали их, так и полным невниманием после 1763 г. к европейским делам и поглощенностью строительством заморской империи. Кроме того, колоссальная цена, заплаченная за победу в Семилетней войне, привела к типично имперской попытке заставить внешние провинции расплачиваться за безопасность империи. Северо-Американские колонии со своими представительными институтами и традиционными привилегиями во многих отношениях напоминали австрийские коронные земли. Попытки Иосифа II призвать своих венгерских, бельгийских и итальянских подданных к внесению «справедливого» вклада в оборону империи привели к бунтам, весьма похожим на восстание, бросившее вызов власти Георга III в колониях. Но в первую очередь англичане, как и многие другие строители империй, столкнулись с тем фактом, что сколотить империю гораздо проще, чем произвести достаточно быструю адаптацию местных институтов и ментальности, без чего невозможна консолидация обширных владений, неожиданно приобретенных благодаря военным победам. Когда Наполеон в 1793–1807 гг. благодаря экспо-

ненциально возросшей мощи сухопутных армий в одночасье стал хозяином Европы, он оказался в очень похожей ситуации¹².

Из всех европейских держав к 1789 г., на первый взгляд, наиболее усилилась по сравнению с 1756 г. Россия. Хотя Семилетняя война не принесла Российской империи территориальных приобретений, ее армия закалилась и набралась опыта за годы противостояния талантливейшему полководцу и самым обученным войскам в Европе. В 1768–1774 гг. русские воевали против Османской империи, которая уже тридцать лет не вела серьезных войн и не могла себе позволить содержать профессиональную пехоту и артиллерию. Итогом войны стала решительная русская победа, еще раз повторившаяся во второй войне 1788–1792 гг. Русские аннексировали свой собственный «новый свет» — иными словами, обширные, плодородные и почти незаселенные степные земли, которые со временем стали центром сельского хозяйства и угольной отрасли империи. На завоеванные земли хлынули колонисты, а царские наместники с поразительной быстротой создали на юге военно-морские базы и флот, господствовавший в Черном море, а временами действовавший даже в восточном Средиземноморье. Именно о российскую мощь, проявившуюся в царствование Екатерины II, разбились попытки Наполеона создать в Европе французскую империю. Даже в узком военно-оперативном смысле боевые действия на южном направлении против турок внесли большой вклад в поражение Наполеона. Российские казаки и регулярная легкая кавалерия в первую очередь были порождением кампаний на южных рубежах Европы, но они сыграли колоссальную роль в разгроме наполеоновских войск. Менее известен тот факт, что лучшая русская легкая пехота 1812–1814 гг. набралась опыта в бесконечных «малых войнах» на Балканах и против турецких союзников на Кавказе¹³.

Хотя возрастание российского могущества порождало в 1770-е и 1780-е гг. многочисленные опасения и вызывало возмущение в Европе, фактически оно стало решающим элементом в создании европейского баланса сил. Дискуссии об этом балансе осложняются неясностью того, о чем, собственно, идет речь — о самой концепции такого баланса или о скрывающихся за ним реалиях¹⁴. В отличие от современного Западного полушария

¹² О динамике развития империи см., например: *Michael Doyle*. *Empires*. Ithaca, 1986. Сопоставление Российской, Австрийской и Британской империй проводится мной в: *Dominic Lieven*. *Empire. The Russian Empire And Its Rivals*. London, 2001.

¹³ Об армии 1812–1814 гг. см.: *Lieven*. *Russia Against Napoleon*. Современного исследования русско-турецких войн до сих пор не написано, однако можно рекомендовать работу: *Virginia Aksan*. *Ottoman Wars 1700–1870*. Harlow, 2007.

¹⁴ См. об этом, например: *Paul Schroeder*. *The Transformation Of European Politics 1763–1848*. Oxford, 1994; *Evan Luard*. *The Balance Of Power. The System Of International Relations, 1648–1815*. London, 2002.

или от многих тысяч лет восточно-азиатской истории, принципиальной особенностью Европы в 1800–1945 гг. являлось реальное разделение силы между рядом более-менее уравновешивающих друг друга могущественных держав. Для одной страны захватить то, что можно назвать каролингским ядром Европы, было сложно, но не невозможно. Однако завоеватель, владеющий всей Францией, Германией, Италией и Нидерландами, сталкивался с наличием двух важных периферийных центров силы: по другую сторону Ла-Манша, в Великобритании, и за польско-белорусскими болотами, в сердце московских земель. Два этих периферийных центра силы были склонны к совместным действиям против всякого возможного европейского императора. Одновременный разгром обоих этих центров силы представлял собой грандиозную задачу, не в последнюю очередь из-за того, что требовал наличия военно-морских сил для броска через Ла-Манш и достаточно развитой военной логистики, необходимой не только для вторжения в Россию, но и для удержания русских земель вокруг Москвы и за ней. Наполеон стал первым, но не последним претендентом на роль европейского императора, не сумевшим справиться с этой задачей.

Именно в результате коалиционной войны, покончившей с Наполеоном, реально возникла концепция баланса сил, а вместе с ней — вера в «концерт» великих европейских держав, призванный поддерживать сложившуюся систему международных отношений. Однако концепция европейского баланса сил никогда не совпадала с его реалиями. Хотя Советский Союз не считался членом европейского «концерта», в 1941–1945 гг. он сыграл решающую роль в сохранении какого-то подобия европейского баланса сил. Впоследствии, несмотря на то что прежний баланс европейских держав остался в прошлом, эта концепция зажила собственной жизнью и превратилась в ключевой элемент представлений о международных отношениях в глобальном масштабе.

Несмотря на ключевую роль России в поражении Наполеона, главным победителем в 1815 г. стала Великобритания. Франция являлась ее вековечным врагом. Победа над Францией значительно укрепила всемирную гегемонию Британии. Кроме того, отныне в пользу англичан работала вся система европейских международных отношений. Угроза создания французской континентальной империи напоминала другим великим державам о том, что в их интересах — поддерживать баланс сил в Европе. Существенным подспорьем для этого баланса являлось взаимное недоверие. Однако баланс сил на континенте делал неоспоримой британскую морскую и колониальную гегемонию.

Так мы возвращаемся от чисто европейского к глобальному контексту. К началу Семилетней войны в 1756 г. значительная часть мира находилась

под властью четырех великих империй: Испанской, Османской, империи Великих Моголов и империи Цин. Приобретение Великобританией статуса глобального гегемона было связано с упадком всех этих империй. С 1760 по 1789 гг. серьезной угрозой для Великобритании служило возрождение испанской державы и в первую очередь ее военно-морских сил. Испанию связывали с Францией не только династические, но и геополитические интересы. Однако к 1815 г. испанская империя и испанские военно-морские силы потерпели окончательный крах. Британия взяла под свой контроль Латинскую Америку, получая все экономические дивиденды обладания империей, но не неся никаких издержек, связанных с этим обладанием¹⁵.

Кроме того, англичане сменили великих моголов в роли властителей на Индийском субконтиненте. В ходе Семилетней войны этот процесс ускорился, но ни в коем случае не пришел к завершению. Британское завоевание Индии совершалось более-менее в наполеоновском духе: руками армии, окупающей свое содержание захватом богатых земель и их ограблением путем сбора налогов и другими средствами. Политическое господство позволило Британии, подобно Наполеону, подчинить своих новых подданных экономическому диктату. К 1815 г. доходы от Британской Индии были равны одной трети доходов Великобритании-метрополии: иными словами, они примерно соответствовали доходам Австрии, Пруссии и России. В течение Семилетней войны Индия и ее ресурсы были впервые использованы для того, чтобы распространить власть Великобритании далеко за пределы этого субконтинента, в данном случае — на Филиппины. Так был создан прецедент, неоднократно воспроизводившийся в течение следующих полутора веков. С точки зрения глобальной позиции Англии, важную роль также играл тот факт, что морская гегемония позволила англичанам лишиться власти индийских моголов, не опасаясь вмешательства других европейских держав. При этом сухопутная русская армия не имела возможности аналогичным образом разрушить и подчинить себе Османскую империю, не в последнюю очередь из-за британского вмешательства¹⁶.

Безусловно, величайшей империей в мире в 1750-е гг. по-прежнему являлся Китай, где правила династия Цин. Он вдвое превосходил Европу населением. В настоящее время историки экономики в целом сходятся на том, что в смысле как технологии, так и коммерциализации китайская экономи-

¹⁵ О распаде Испанской империи см.: *Jeremy Adelman. Sovereignty And Revolution In The Iberian Atlantic. Princeton, 2006.*

¹⁶ Об установлении британской власти в Индии см., например: *Christopher Bayly. Indian Society And The Making Of The British Empire. Cambridge, 1988; Peter Marshall. The Making and Unmaking of Empires. Britain, India and America, 1750–1783. Oxford, 2005.* Об Османской империи см., например: *Suraiya Faruqi (ed). The Cambridge History Of Turkey. Volume 3. The Later Ottoman Empire, 1603–1839. Cambridge, 2006.*

ка в середине XVIII в. находилась примерно на том же уровне, что и большинство стран северо-западной Европы. Именно в 1750-е гг. династия Цин окончательно покорила приграничные степные земли и создала там огромную провинцию, ныне называющуюся Синьцзян. Так была в конце концов устранена извечная угроза, создаваемая кочевниками на северных границах Китайской империи — угроза, в свое время погубившая не одну императорскую династию в Китае. Но за победами 1750-х гг. последовал глубочайший упадок, завершившийся в 1840-е гг. унижительным поражением в Опиумной войне. Почти пренебрежительная легкость, с которой Великобритания отправила армию на другой край света и разгромила прежде величайшую империю в мире, служила показателем резко возросшего могущества Соединенного Королевства. Тот факт, что это могущество использовалось для того, чтобы навязать Китаю импорт опиума, напоминает нам о том, что не стоит автоматически увязывать торговлю и господство на морях со свободой и гуманностью. То же самое можно сказать и о работорговле XVIII века, которая сыграла большую роль в обогащении Великобритании (и Франции) и стала основой для создания рабовладельческих плантаций, служивших важнейшим орудием глобальной капиталистической модернизации и в то же время в гуманитарном плане далеко превзошедших своей жестокостью самые неприглядные проявления крепостничества на европейском материке¹⁷.

К моменту Опиумной войны британская военная мощь начала пожирать плоды промышленной революции, в основе которой лежало использование энергии пара. Связь между развитием британской индустрии и победой в Семилетней войне и в наполеоновских войнах куда менее очевидна. Даже во времена наполеоновских войн, не говоря уже о середине XVIII века, индустриальные технологии и инновации почти не сказывались на технике военного дела. Недавний впечатляющий обзор¹⁸ истоков британской индустриальной революции показывает, что важнейшими причинами, сделавшими Великобританию первой в мире индустриальной державой, являлись обилие дешевого угля, высокая стоимость труда, высокий уровень британского инженерного дела и ремесленных навыков и масштабы лондонского рынка. Однако почти ни один из этих факторов не имеет очевидной или непосредственной связи с установленной к 1815 г. глобальной гегемонией Великобритании или с теми политическими, военными, коммерческими

¹⁷ В качестве хорошей ознакомительной работы о Китае XVIII в. можно порекомендовать: *Lynn Struve. The Qing Formation In World Historical Time. Cambridge (Mass), 2004*; см. также *The Cambridge History Of China. Cambridge, 2002 / Edited by W. J. Peterson. Vol. 9. Сопоставление Китая с Европой см.: R. Bin Wong. China Transformed. Historical Change And The Limits Of European Experience. Ithaca, 2002; Kenneth Pomeranz. The Great Divide. China, Europe And The Making Of The Modern World Economy. Princeton, 2000.*

¹⁸ *Robert C. Allen. The British Industrial Revolution In Global Perspective. Cambridge, 2009.*

и финансовыми обстоятельствами, которыми обеспечивались британские успехи на войне. В любом случае, большинство историков экономики стараются не объяснять экономические явления политическими причинами.

Очевидно, здесь не место для изложения причин британской промышленной революции, а кроме того, эта тема не находится в компетенции специалиста по императорской России. Однако кое-какие соображения, возможно, все же будут уместны. Во-первых, было бы странным, если бы военная, коммерческая и финансовая мощь Великобритании, так ярко проявившаяся в 1756–1815 гг., не имела бы никакой существенной связи с почти одновременным выступлением этой страны в роли первой в мире индустриальной державы. Во-вторых, британский флот успешно защищал королевство от вторжения. Если бы Наполеон или даже Людовик XV покорили Британию и военно-политическая мощь восторжествовала бы над экономической, то это, очевидно, оказало бы значительное влияние на британскую экономику.

По стандартам некоторых прежних империй эпоха британской глобальной гегемонии, связанная с промышленной революцией, была довольно краткой. Уже к последней четверти XIX века ей был брошен решительный вызов. Дело в том, что индустриальные технологии легко заимствовались, особенно странами, уровень образования и культуры в которых был сопоставим с британским. Некоторые из этих технологий — и в первую очередь железные дороги — оказали более сильное влияние на континентальные государства и их экономики, чем на Великобританию. Когда промышленная революция вышла за пределы Великобритании, европейский и мировой баланс силы начал меняться не в ее пользу. К 1900 г. мир был уже совсем иным, нежели в 1756–1815 гг., когда Британия во многом определяла его черты.

Одним из свойств этого нового мира, возникшего в XX веке, была все большая зависимость европейской, а в потенциале и глобальной мощи от конкуренции между силовыми блоками, самые эффективные из которых сочетали общие материальные интересы с определенной идеологической, а также этнолингвистической солидарностью. Один такой блок сформировался в германской Центральной Европе, где австро-германский союз 1879 г. покончил со столетиями соперничества, открыв новую эпоху, которая завершилась Великим Германским рейхом Гитлера. Отчасти в ответ на этот складывающийся германский блок Россия попыталась собрать родственные народы под лозунгом славянской солидарности. Эта политика привела лишь к частичному успеху до 1917 г., хотя впоследствии была, пусть и временно, возрождена к жизни под коммунистическими знаменами в 1941–1989 гг. Однако самым мощным и успешным стал англосаксонский блок, который сыграл ключевую роль в построении современного глобального либераль-

ного порядка и в его защите сперва от германской, а затем и от советской угрозы.

Именно в этом смысле однозначный триумф англоязычной Северной Америки в Семилетней войне сыграл явно ключевую роль, ничего подобного которой мы не увидим на протяжении почти всего XIX века. До 1880-х гг. немногие англичане рассматривали Канаду как серьезный оплот британского могущества. В некоторых отношениях длинная граница Канады с США с точки зрения стратегии делала ее потенциальной ахиллесовой пятой Великобритании. И, разумеется, ни один британец до последней четверти XIX века не считал дружбу с США чем-то самим собой разумеющимся. Напротив, Соединенные Штаты являлись не только коммерческим, но в некоторой степени — политическим и идеологическим соперником Великобритании. Эту ситуацию изменили новые глобальные геополитические вызовы конца XIX века — совместно с изменениями в британском и американском обществе. С того момента все более и более решающую роль в обеспечении британской силы и безопасности стала играть мобилизация ресурсов «белых колоний». Намного более ограниченные, чем американские ресурсы, они все же были задействованы на британской стороне с самого начала обеих мировых войн. Тем не менее выживание созданного британцами глобального порядка потребовало американской помощи в 1917 и 1941 гг., что впоследствии привело к захвату Америкой лидирующих позиций.

Очевидно, что мы живем совсем не в том мире, каким он был во время Семилетней войны. В некоторой степени с тех пор изменилась и сама природа силы, и составляющие ее компоненты. С другой стороны, корни современного глобального порядка весьма четко прослеживаются до XVIII века. Размышления о силовой политике, способствовавшей созданию этого порядка, весьма поучительны для понимания, что изменилось в природе силы за последние триста лет, а что осталось прежним. Сама сила, несомненно, является вечным и вечно изменяющимся феноменом, достойным изучения в тот момент, когда перед глобальным порядком, в котором доминируют англоязычные страны, встают грандиозные вызовы, сулящие его радикальную перекройку в течение следующих двух поколений.

Перевод с английского Николая Эдельмана

Брюс У. Меннинг

Г. А. ПОТЁМКИН – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ¹

Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) как никто другой, во всяком случае в России, сочетал в себе черты государственного и военного деятеля — явление, типичное для эпохи Просвещения. На протяжении семнадцати лет, с 1774 по 1791 гг., он был всемогущим генерал-губернатором. И, хотя неограниченная власть Потёмкина распространялась лишь на территорию южной России, ни один деятель в истории России и Советского Союза от Петра Великого до Сталина не пользовался таким авторитетом и влиянием, каким пользовался он. По своему таланту, положению и поведению он бесспорно принадлежал миру Фридриха Великого. Подобно многим другим военным и государственным деятелям той эпохи, Потёмкин был человеком широко образованным и с разносторонними интересами, и деятельность его была направлена на многие сферы. Что же касается его убеждений, то они с трудом поддаются анализу. Как говорит Изабелла де Мадариага, «более, чем кто-либо иной при дворе Екатерины, он ценил церковно-славянские и греческие корни своей родной русской культуры, в то время как сухая рассудочность Просвещения оставалась ему чуждой»². Марк Раев также подчёркивает, что Потёмкин был вполне «рус-

¹ Перевод статьи: *Menning Bruce W. G. A. Potemkin: Soldier-Statesman of the Age of the Enlightenment // Records of the 7th International Colloquy on Military History. Manhattan, Kansas, 1984. P. 322–338.* Текст статьи остался неизменным и соответствует своему первому изданию.

² *De Madariaga Isabel. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P. 347.*

ским» человеком и что «модная в ту пору европейская культура его едва коснулась»³.

Деятельность личности такого гигантского масштаба, как Потёмкин, с трудом поддаётся беспристрастному анализу. Он славился не только своими талантами, но и своими причудами. Он нажил себе множество врагов, и отзывы о нём уже при жизни были весьма противоречивы. Его умственное и физическое превосходство зачастую буквально уничтожало соперника. Те, кого в своём неустанном движении вверх он вынуждал посторониться, ненавидели его. Завистников раздражала его самоуверенность, его лень, его близость к императрице. Они понимали, что Потёмкина можно вытеснить с её ложа, но не из её сердца. Когда в 1791 г. он скоропостижно скончался, то оставил по себе вакуум и пустоту, заполнить которую не смог ни один из его преемников. Де Мадариага сравнивает смерть Потёмкина с гибелью могучего дуба⁴.

Наследие Потёмкина и по сей день трудно расценить по справедливости. Его путь к историческому бессмертию был полон противоречий. Многие из авторов, писавших о Потёмкине, смотрели на него глазами его недоброжелателей, а потому их суждения о нём зачастую весьма пристрастны⁵. Для многих он был именно «князем Тьмы». Дело осложняется ещё и тем, что до сих пор не существует исчерпывающей биографии этого человека, который более, чем кто-либо другой, определил южные границы Российской империи. Работа А. Г. Брикнера, датирующаяся 1891 г., служит лишь введением в биографию Потёмкина, в то время как труд Терезы Адамчик, вышедший в 1930 г., недостаточно обширен и, как и работа Брикнера, несколько поверхностен⁶. Сравнительно недавние работы Марка Раева и Изабеллы де Мадариага внесли свой вклад в наше понимание государственной деятельности Потёмкина и его отношений с Екатериной. Однако ни один военный историк и по сей день не приложил серьёзных усилий к изучению военного наследия Потёмкина, что кажется очень странным, так как, по словам русского военного историка Д. Ф. Масловского, «Потёмкин является в истории воен[ного] искусства в России первым, который объединяет власть главнокомандующего при операциях на нескольких театрах»⁷.

³ *Raeff Marc. The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G. A. Potemkin // Gerald N. Grob (ed.). Statesmen and Statecraft of the Modern West: Essays in Honor of Dwight E. Lee and H. Donaldson Jordan. Barre, Mass., 1967. P. 34.*

⁴ *De Madariaga I. Op. cit. P. 562.*

⁵ См., например, одну из наиболее ранних характеристик: *Полевой Николай (сост.) Русские полководцы. СПб., 1845. С. 145–172.*

⁶ *Брикнер А. Г. Потёмкин. СПб., 1891 и Adamczyk Theresia. Fürst G. A. Potemkin: Untersuchungen zu seiner Lebensgeschichte. Osnabrück, 1966 (переиздание).*

⁷ Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потёмкина и П. А. Румянцева. 1787–1789 гг. (Кинбурно-Очаковская операция) / Сост. *Масловский Д. Ф.* // Сборник военно-исторических материалов в XIV тт. СПб., 1892–1904. Т. IV, 1893. С. VIII.

Советские исследования мало что изменили в этом смысле. Сергей Эйзенштейн в своем фильме увековечил российский императорский броненосец, носивший имя Потёмкина. Однако нет особых шансов на то, что традиция продолжится в советское время и какой-нибудь новый крейсер назовут именем фаворита Екатерины. Скорее всего, для этого Потёмкин был слишком противоречивой фигурой — он был замешан во многих афёрах, принадлежал к «чуждому социальному элементу» и, в конечном счёте, в XX веке его недостаточно прогрессивная политика не устраивает хранителей русского военного наследия. В результате мы получаем сведения о нём косвенным путём из таких замечательных работ более общего характера, как труд Е. А. Дружининой, посвящённый завоеванию территорий северного побережья Чёрного моря⁸. Советская наука не может игнорировать Потёмкина как государственного деятеля, но она вполне может отмахнуться от его военной деятельности. В недавно изданной советской Военной Энциклопедии есть статья, в которой говорится, что он «в решении стратег[ических] вопросов опирался на полководческое иск[усств]о П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Н. В. Репнина и др. русских военачальников»⁹. В советской историографии Потёмкину, по-видимому, суждено навсегда остаться в тени великих полководцев своего времени. Его идеи и высказывания трудно превратить в серию максим, приложимых к каким-то определённым военным и политическим ситуациям.

Все эти ограничения и сложности затрудняют работу историка, поставившего перед собой задачу исследовать роль Потёмкина как военного и государственного деятеля, хотя и не делают её невозможной. Дружинина, наряду с некоторыми западными исследователями последних лет, наметила плодотворный подход к изучению военной и гражданской деятельности Потёмкина. Она подчёркивает огромные усилия, которых потребовало завоевание и объединение южных территорий России в последней четверти XVIII века. В своей статье «Voltaire's Virtù» Теодор Ропп отмечает, что первоначальное макиавеллиевское понятие добродетели (*virtù*) государя-полководца периода итальянского Возрождения получило дальнейшее развитие в эпоху Просвещения. «Добродетель» полководца — государственного деятеля — этого периода предусматривала также и его умение управлять постоянно растущими государственными ресурсами¹⁰. Как раз это и характеризует деятельность Потёмкина по освоению пограничных территорий империи, завоёванных во время двух войн с Турцией, а также освоению

⁸ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 25–35.

⁹ Советская военная энциклопедия в 8-ми тт. Т. IV, статья «Потёмкин, Григорий Александрович».

¹⁰ Ropp Theodore. Voltaire's Virtù: The Enlightenment's Soldier Statesman. Records of the 7th International Colloquy on Military History. Manhattan, Kansas, 1984. P. 1–2.

присоединенного Крыма. С чисто военной точки зрения, именно южные приграничные территории были центром внимания и деятельности Потёмкина как военного деятеля. Его военные реформы, как и его административную деятельность, нельзя рассматривать вне географического контекста. При изучении многогранной деятельности екатерининского «рыцаря южной России» представляется целесообразным делать упор именно на это¹¹.

Григорий Александрович Потёмкин впервые прибыл в южное пограничье в 1768 г. молодым двадцатидевятилетним полковником от кавалерии. Он родился в 1739 г. близ Смоленска, в поместье своего отца, небогатого отставного полковника, отличавшегося горячим темпераментом и повышенным интересом к молоденьким женщинам. После смерти отца шестилетний Потёмкин переехал к родственникам в Москву. В 1756–1760 гг. он учился в гимназии при Московском университете, где проявил интерес к теологии и классическим языкам, не отличаясь, однако, особой усидчивостью. По-видимому, он готовил себя к духовному званию, но был исключён из гимназии за «леность и нехождение в классы». На 500 рублей, owed ему в последнюю минуту московским архиереем Амвросием, он отправился в Санкт-Петербург, где поступил в Конную гвардию, в тот самый полк, к которому был приписан ещё в 1755 году. Познакомившись с братьями Орловыми, он принял участие в перевороте 1762 года, свергшем нелюбимого народом Петра III и посадившем на трон его молодую жену-немку Екатерину. Какова была роль Потёмкина в этом дворцовом перевороте, не вполне ясно. Однако императрица пожаловала его в подпоручики Конной гвардии и определила на несколько незначительных должностей при дворе. Эти должности позволили Потёмкину продемонстрировать свой интерес и свои способности в вопросах религии и военного дела. Человек умный, красивый и со связями, Потёмкин вскоре оказался при дворе и вблизи императрицы. В 1766 г., возможно, по причине ревности тогдашнего фаворита императрицы Алексея Орлова, он неожиданно отбыл в Москву с отрядом Конной гвардии. Находясь в Москве, участвует в подготовке знаменитого заседания Законодательной комиссии, состоявшегося в 1767 г., и сам принял в нём участие в составе частной Духовно-гражданской комиссии в качестве опекуна депутатов-иноверцев Российской империи. С началом Первой Турецкой войны он подал прошение о немедленном переводе его на юг на действительную военную службу¹².

Война с Турцией и её союзниками предоставляла Потёмкину возможность приобретения непосредственного боевого опыта в суровых услови-

¹¹ *Menning Bruce W.* G. A. Potemkin and A. I. Chernyshev: Two Dimensions of Reform and the Military Frontier in Imperial Russia // *Donald D. Horward* (ed.). *The Consortium on Revolutionary Europe Proceedings*, 1980. 2 vols. Athens, Georgia, 1980. V. I. P. 239–240.

¹² Факты биографии Потёмкина до 1774 г. см.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 9–23.

ях степной пограничной зоны, а также возвышения или, наоборот, крушения карьеры. В 1769 г. он записался в Первую армию князя А. М. Голицына, поменяв придворную службу на поле брани. Имея ранее чин подпоручика гвардии, он получил чин генерал-майора. За отличие при взятии Хотина он удостоился повышения в ранге и похвалы Голицына, который заметил, что «русская конница до сего времени еще не действовала с такой стройностью и мужеством, как под командою генерал-майора Потёмкина»¹³. Когда энергичный П. А. Румянцев сменил Голицына, Потёмкин получил командование корпусом. В 1770 г. он сыграл заметную роль в знаменитых сражениях Румянцева при Ларге и Кагуле. Здесь новоиспечённый генерал-майор проявил себя не только как боевой командир, но и как шеф кавалерии, особенно иррегулярной. И хотя позднейшие исследователи ставят под вопрос его способности как военачальника, в трусости его обвинить никак нельзя. Однако в ходе дальнейших операций на Дунае между Румянцевым и Потёмкиным наступило охлаждение, возможно, потому, что ни тот, ни другой не смогли повторить блестящих успехов 1770 года. К 1773 г. репутация Потёмкина как военного настолько упала, что его товарищи стали бояться за его карьеру. Ю. В. Долгорукий даже намекал в своей переписке, что будущее Потёмкина полностью определяется его связями при дворе¹⁴.

Разумеется, придворные связи Потёмкина отнюдь не были пустяковыми. В 1773 г. фортуна вновь улыбнулась ему, когда, то ли благодаря собственной ловкости, то ли по особому приглашению, он вернулся к императорскому двору. Переписка между Екатериной и Потёмкиным завязалась уже раньше, и молодой генерал позаботился о том, чтобы зиму 1770–71 годов, как и зиму 1771–72 провести в Санкт-Петербурге. Появление Потёмкина в столице в начале 1774 г. совпало с началом его бурной любовной связи с императрицей, продолжавшейся несколько лет. Но что гораздо важнее с политической точки зрения — императрица, по-видимому, не просто стремилась заменить Потёмкиным своего прежнего любовника А. С. Васильчикова. Озабоченная уральским бунтом и придворными интригами партии Паниных, она искала в нём политической опоры. По всей вероятности, она рассчитывала использовать его в качестве противовеса братьям Паниным и одновременно надеялась, что он пресечёт растущее влияние Орлова при дворе¹⁵.

С этого момента активное покровительство Екатерины обеспечило Потёмкину целый ряд возрастающих по важности государственных и во-

¹³ *Бартенева А.* Биографии генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов Российской Императорской армии // Военно-исторический сборник. 1911. Т. IV. С. 14.

¹⁴ Там же. Т. IV. С. 15.

¹⁵ *Ransel David L.* The Politics of Catherinian Russia. New Haven, 1975. P. 248–252.

енных должностей. Как очередной фаворит Екатерины, он автоматически получил ранг генерал-адъютанта. В 1774 г. он был произведён в генерал-аншефы, назначен генерал-губернатором Новороссийского края и определён командующим иррегулярными войсками и лёгкой кавалерией. По случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора Потёмкин был удостоен звания подполковника Преображенского гвардейского полка, почётным полковником которого была сама Екатерина. Одновременно он был возведён в графское достоинство. А ещё через два года, в 1776 г., Екатерина добила для него даже титула князя Священной Римской империи. В 1784 г. он был назначен президентом Военной коллегии в ранге генерал-фельдмаршала. В период между 1774 и 1791 гг., благодаря своему высокому положению и рангу, а также неизменному доверию к нему императрицы, которое он сохранял, несмотря на неровность в их личных отношениях, Потёмкин стал основным строителем недавно завоёванных Россией южных земель¹⁶.

Каковы же были эти земли? Они были отдалённые и огромные. Кременчуг, который Потёмкин первоначально сделал своим административным центром, находился в 1500 км от Санкт-Петербурга. На запад от Кременчуга простиралась до самого устья Днепра, т. е. ещё на 300 км, земли, отошедшие к России по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. На юго-востоке добрых 700 км отделяли Кременчуг от пограничной области кубанских степей и Предкавказья. Земли, известные тогда под общим названием Новороссии, являли собой колоссальную, по словам де Мадариага, колбасообразную территорию¹⁷, охватывавшую большую часть южных степей в бассейне системы великих рек. В 1783 г. Потёмкин ещё расширил эту территорию, присоединив к ней Крым. После его смерти в 1791 г. к России по Ясскому договору отошли ещё и земли между Бугом и Днестром, а также владения на самом Кавказе. В последней четверти XVIII в. эти земли составляли общим числом около двухсот тысяч квадратных километров степей, уже отошедших к России или находящихся на разных этапах процесса присоединения к ней.

Новороссия также отличалась уязвимостью. Османская Турция так и не примирилась ни с Кючук-Кайнарджийским, ни с Яским договорами, и Порта активно сопротивлялась русской экспансии и консолидации территорий. Австрия временами играла роль добровольного союзника России в её набегах на Турцию, но ни Франция, ни Пруссия не желали видеть Турцию принесённой на алтарь неуклонно растущей военной мощи России. Поэтому борьба за обладание степной империей разыгрывалась на фоне дипломатических маневров, внутренних интриг, обустройства

¹⁶ Скалон Д. А. (сост.) Столетие Военного министерства. 48 частей в 13-ти тт. СПб., 1902–1914. Т. I. С. 39–40.

¹⁷ *De Madariaga I. Op. cit. P. 359.*

империи и военных действий. Сочетание таких факторов, как протяжённость территории, её отдалённость и незащищённость, означало, что её ассимиляция требовала многосторонних усилий со стороны имперского правительства, координировавшихся фаворитом Екатерины в период между 1774–1791 гг.

Грандиозный размах задачи был по плечу только человеку потёмкинского масштаба и с его влиянием на императрицу. Занимая формально пост генерал-губернатора, он, по существу, являлся наместником или сатрапом. Верховная военная власть нужна была ему, чтобы создать вооружённые силы, необходимые для защиты и расширения южных владений империи. А власть сатрапа — чтобы действовать через голову дублирующих друг друга и враждующих друг с другом местных административных органов и чтобы проводить политику, независимую от громоздких и непредсказуемых органов центрального правительства в Санкт-Петербурге. Ему необходим был также свободный доступ к материальным ресурсам. И, наконец, он нуждался в абсолютном доверии императрицы, которое ограждало бы его от врагов и соперников и в то же время давало бы ему доступ к творцам государственной политики империи. Короче говоря, Потёмкину требовалось быть одновременно и фельдмаршалом, и соправителем. И, если бы сам Потёмкин никогда не существовал, то, по мнению Марка Раева, необходимо было бы выискать кого-то другого для проведения политики Российской империи на юге¹⁸.

Гигантский масштаб задачи требовал деятеля с легендарным организационным талантом Потёмкина. Хотя большинство исследователей отмечают его организационные способности, мало кто останавливается на людях и структурах, без которых он не мог обойтись. Поскольку деятельность Потёмкина была многоаспектна, между 1774 и 1780 гг. он продолжал жить в Санкт-Петербурге. С 1780 по 1784 гг. он временами жил в своих южных владениях, и только после 1786 г. почти постоянно находился в южных губерниях или в полевом штабе. Огромные расстояния и частые переезды Потёмкина означали, что он в большой степени возлагал ответственность за управление вверенными ему территориями на целый ряд преданных ему местных администраторов, бывших все до одного его креатурами.

Чтобы поддерживать постоянный контакт с далёкими южными владениями, он создал свою личную канцелярию. Поначалу это был всего лишь небольшой военный штаб, но постепенно штаты его увеличились до шестидесяти служащих, работа которых была распределена по функциям, а фактическим начальником канцелярии стал В. С. Попов. Канцелярия позволяла Потёмкину умножить свои усилия и снимала с него бремя множества мелочей. Тем не менее

¹⁸ Raeff M. Op. cit. P. 6–7, 29–31.

она не вполне ограждала его от повседневных административных обязанностей. Александр Богумил подчёркивает, например, что «Потёмкиным не только подписаны 308 ордеров на имя только одного правителя Новороссийского наместничества В. Каховского за 1790-й год, но внимательно и прочитаны»¹⁹. Фактических данных, подтверждающих установившееся мнение, приводимое в частности Брикнером, что Потёмкин был ленив в делах управления, практически нет. Но есть сведения, указывающие на то, что Потёмкин был ипохондриком и периодически впадал в депрессию, что понуждало его изредка удаляться от административной рутины. Время от времени сама императрица отчитывала его за то, что он не датировал своих донесений или не включал в них достаточного количества деталей²⁰.

Большую часть деятельности Потёмкина и его канцелярии составляли повседневные административные дела. Следовало описать новые земли, провести землемерные работы и перепись населения, создать местные административные органы, составить планы городов и разукрупнить территории. Чтобы разрешить эти и другие подобного рода задачи, а также отчитаться за новые территории и за создание на них однородных административных структур, Потёмкин провёл несколько реорганизаций территорий, объединявшихся под общим названием «Новороссия». Собственно говоря, Новороссийская губерния существовала ещё с 1764 г., но в начале 1775 г. Потёмкин добился создания ещё одной губернии — Азовской, составленной из земель, отнятых у турок в предыдущем году, и восточной части Новороссии. Он стал генерал-губернатором обеих губерний, а в 1781 г. императрица добавила к ним ещё Саратовскую и Астраханскую губернии. В 1783 г. он добился разрешения реорганизовать Новороссию и Азов на основе «Учреждения для управления губерний», подписанного Екатериной в 1775 г., создав для них одну огромную управленческую структуру — Екатеринославское наместничество. В следующем году к подвластным Потёмкину территориям был присоединён Крым как особая область на правах наместничества — Таврическая. Военная и гражданская власть в этой области возлагалась на Потёмкина, которого де Мадариага называет «наместником Юга»²¹.

Более важными, нежели административная реорганизация, и более показательными для планов Потёмкина в отношении юга были изменения, призванные ускорить социальную и экономическую ассимиляцию новых земель. Марк Раев убедительно доказывает, что интеграция этих

¹⁹ *Богумил А. Г.* (сост.). К истории управления Новороссии князем Г. А. Потемкиным. Вып. I. Ордера 1790–1791 гг. Екатеринослав, 1905. С. 3.

²⁰ *Загоровский Е.* Организация управления Новороссией при Потёмкине в 1774–1791 годах // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. 1913. Т. XXXI. С. 64–66.

²¹ *De Madariaga I.* Op. cit. P. 359. См. также: *Загоровский Е.* Указ. соч. С. 56, 61–64.

присоединённых и завоёванных территорий отражала широко распространённые в те времена камерализм и меркантилизм, которые соответствовали неуклонно расширяющейся административной деятельности в век Рационализма. В самых общих чертах под этими терминами понималось, что государство представляет собой неразложимое целое, где монарх и правительство являются единой движущей силой, проводящей политику, направленную на максимальное использование экономического и культурного потенциала страны. То, что Марк Раев называет «упорядоченным полицейским государством», т. е. повсеместное введение однородных управленческих структур, создало предпосылки как для автократии, так и для возрастающего благосостояния общества и для прогресса. Полиэтничность населения империи воспринималась как переходный феномен, который можно было примирить с превалирующим рационалистическим воззрением, подчёркивавшим универсальность и человеческую гомогенность, поскольку это же воззрение признавало существование различных уровней социального развития²². К этим наблюдениям историк мог бы добавить важность более безотлагательных военных соображений, включая материальное обеспечение, оборону и комплектование войск, которые определяли подход Потёмкина к консолидации завоёванных южных территорий. Разумеется, эти соображения в общих чертах соответствовали целям меркантилизма и камерализма.

Стремление Потёмкина освоить новые территории нашло наиболее яркое выражение в его экономической политике и в тенденции заселения края. Чтобы добиться максимальной продуктивности земли, он расширяет и модифицирует более ранние проекты заселения, поощряя приток как российских, так и иностранных переселенцев. При этом он ставил себе целью привлечь самые различные группы переселенцев, включая офицеров, правительственных чиновников, староверов, детей духовенства, помещиков и беглых крестьян, путём предоставления им целого ряда льгот. Последние включали субсидии, досрочные увольнения в запас и дарственные на землю. Одновременно делался упор и на развитие торговли, которая, по мнению Потёмкина, была необходима для роста городов. Соответственно, он удвоил свои усилия по привлечению туда купечества грандиозными планами строительства городов вдоль водных путей или в незаселённых степях. Эти центры увеличивали славу Екатерины и благоприятствовали экономическому росту страны. Городское строительство сопровождалось также планами по созданию университетов, типографий и всевозможных мануфактур. И всё

²² Raeff M. Uniformity, Diversity and the Imperial Administration in the Reign of Catherine II // Hans Lemberg, Peter Nitsche, and Erwin Oberlander (eds.). *Osteuropa in geschichte und Gegenwart*. Vienna, 1977. P. 98–99.

это происходило в рамках учреждений, созданных правительством, и было направлено на достижение автаркистских целей империи²³.

Создание или расширение уже существующих торговых центров служило также военным целям Потёмкина, так как они давали возможность создавать и содержать военно-морские силы, пригодные для целого ряда операций на театре будущих военных действий. Во время Первой Турецкой войны несколько кораблей русского флота было направлено к северному побережью Чёрного моря, а после заключения Кючук-Кайнарджийского договора одной из главных задач Потёмкина было сохранить присутствие русского флота в этом районе и даже увеличить его. На херсонской, николаевской и таганрогской верфях шли оживлённые кораблестроительные работы, и к началу 1780-х гг. значительные военно-морские силы России уже находились на расстоянии не более одного дня пути от Константинополя. Формирование Черноморского флота как такового относится к 1784 г., когда Потёмкин представил план строительства, по завершении которого к началу Второй Турецкой войны в этом районе было уже 22 линейных корабля, 12 фрегатов, 17 малых кораблей, 2 бомбардирных судна, 8 бригаов, 6 транспортных судов, включая галеры и плавучие батареи. В 1787 г. Екатерина предостерегала своего фаворита против соблазна давать кораблям слишком грандиозные названия, боясь, что они могут их не оправдать. Несмотря на малые по стандартам морского флота того времени размеры, многие из этих судов принадлежали именно к тому типу, который необходим был для прибрежных операций и береговой обороны²⁴.

Вопросы пограничной безопасности и экспансии, как и близость Потёмкина к императрице, неизбежно втягивали его в сложный мир дипломатии. Служа старшим офицером под командованием Голицина и Румянцева, он проявил редкое понимание связи между военными операциями и дипломатическими инициативами. Выдвигаясь на всё более ответственные посты после 1774 г., он всё яснее понимал важность дипломатического аспекта завоеваний на юге. Присоединение Крыма было в большой степени достигнуто за счёт его ухищрений. На нём лежала также ответственность за установление таких отношений с населением Кавказа, которые позволили бы распространить влияние России за пределы Кубани в Закавказье. В более широком масштабе, частично благодаря ходу событий, а частично благодаря влиянию Потёмкина, Екатерина отвернулась от панинской «северной системы», ори-

²³ *Bartlett Roger*. Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia 1762–1804. Cambridge, 1979. P. 109–142; см. также: *Raeff M.* The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G. A. Potemkin. P. 21–23.

²⁴ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 371–373; см. также: *Anderson R. S.* Naval Events of the Russo-Turkish War of 1787–1791 // *Journal of the Royal United Service Institution*, LXI, No. 442 (May 1916). P. 309–310.

ентировавшейся на Пруссию, Польшу и Балтику, и приняла то, что можно было бы охарактеризовать как «южную систему», т. е. ориентировку на дружественную Австрию в своей вражде с Турцией и укрепление военной мощи в причерноморских степях. Хотя ни императрице, ни её фавориту не удалось создать независимого королевства Дакия или восстановить Византию под российской эгидой, Потёмкин, несомненно, сыграл решающую роль в перемещении центра тяжести российской дипломатии с севера на юг.²⁵

Нагляднее всего сочетание активной колонизации и интересов обороны проявилось в потёмкинской политике в отношении казаков. При заселении юга России правительство всегда руководствовалось преимущественно военными соображениями, но проводившиеся ранее эксперименты с поселением на южных территориях гусаров иностранного происхождения принесли незначительную пользу. После подавления пугачёвского бунта сохранение и увеличение численности казачьих войск казалось идеальным ответом на сложные задачи военных операций в степных пограничных районах юга. Казачьи станицы, располагавшиеся в долинах великих рек, служили для южных границ надёжным щитом, охраняя их от набегов с Кавказа и Дуная. В мирное время казаки почти не требовали затрат на своё содержание, а во время военных кампаний каждый казак обходился правительству примерно в восемнадцать рублей в год. Поскольку казаки применяли ту же тактику, что и их степные противники, и представляли собой такую же подвижную конницу, они служили бесценным дополнением к более неповоротливой регулярной кавалерии. По существу, их способность прикрывать завесой регулярные войска и преследовать побеждённого противника делала атаку русских более эффективной. Их неформальность, разнообразие обмундирования и дисциплина, основанная на принципе поощрения, — конечно, когда она не вырождалась в измену или анархию, — на удивление совпадали с тем, что впоследствии стало для Потёмкина идеалом солдата нового типа²⁶.

При таких обстоятельствах не мудрено, что казаки были в центре внимания Потёмкина в период между 1774–1791 гг. Занимая различные государственные и военные посты, фаворит Екатерины провёл целую серию существенных мер, направленных на приведение казачьих войск в более полное подчинение, на создание новых войск по образцу старых и на реорганизацию, ликвидацию или переселение тех станиц, которые оказались нелояльными или бесполезными с военной точки зрения. В процессе проведения этих мер, многие из которых, кстати говоря, соответствовали идее

²⁵ *Фатеев П. Н.* Потёмкин-Таврический. Прага, 1945. С. 96, см. также: *Ransel D.* Указ. соч. Р. 251–255.

²⁶ *Adamczyk T.* Op. cit. P. 72–75.

камерализма, Потёмкин твёрдо следовал традиции и прецеденту, постоянно заверяя казаков, что их старинные права и привилегии будут сохранены. По всей видимости, Потёмкин рассматривал казаков как неотъемлемый элемент в непрерывном процессе развития войск по всему спектру, от нерегулярных и до регулярных формирований.

Каковы бы ни были побуждения Потёмкина, великие казачьи воинства, включая Донское, Кубанское и Терское, демонстрируют его видение казаков как колонистов и одновременно как иррегулярной конницы. Взятые вместе, они являлись как бы щитом, под прикрытием которого правительство проводило гражданское заселение территорий. Казачьи станицы играли также важную вспомогательную роль пунктов снабжения и подкрепления для регулярной армии, действующей на предельно дальних расстояниях. Наконец, различные группы казаков к началу Второй Турецкой войны составляли легкую кавалерию в 75 000 человек. Недостаток внешнего блеска, формальной дисциплины и выносливости, характерных для регулярных войск, возмещался у них другими качествами, которых зачастую не хватало у регулярной кавалерии: казаки отличались в охране границ, разведке и преследовании противника. Таким образом, они оказались полезны не только как колонисты, но и как вспомогательные войска, служившие соединительным звеном между тем, на что способны были регулярные войска, и тем, чего требовала оперативная и тактическая необходимость²⁷.

Пребывание Потёмкина на посту сначала вице-президента, а затем и президента Военной коллегии охарактеризовалось его усилиями мобилизовать новые ресурсы и модернизировать старые, приспособивая их к текущим военным задачам. В ретроспективе очевидно, что его целью было довести до максимума численность вооружённых сил и в то же время добиться оптимальной эффективности тех, что уже имелись в его распоряжении. И хотя достигнуть этих целей ему не всегда удавалось, его военно-административная деятельность привела к целому ряду нововведений, многие из которых, к сожалению, ненадолго пережили Потёмкина. Масштаб этих нововведений широк — от увеличения численности до дисциплины, от тактики до военной формы и вооружения, — а взятые вместе, они представляют собой прекрасно оркестрованную программу модернизации вооружённых сил.

Цифры говорят сами за себя. К концу Первой Турецкой войны регулярные войска имперской армии составляли 150 000 человек. В течение одного десятилетия (1774–1784) Потёмкин в сотрудничестве с Румянцевым увеличил численность армии ровно настолько, чтобы удовлетворить проти-

²⁷ *Menning B. G. A. Potemkin and A. I. Chernyshev. P. 243; см. также: Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 319–322.*

воречивые требования, навязанные необходимостью, — рассредоточение для обороны и сосредоточение для нападения. В 1784 г., вступив на пост президента Военной коллегии, Потёмкин доложил императрице, что в наличии имеется достаточное разнообразие типов воинских частей и теперь дело за их укомплектованием и приведением в соответствие с принятыми военными стандартами. Последовавшая за этим переписка между ними свидетельствует о значительных усилиях Потемкина стимулировать рекрутский набор, оградить солдат от дурного обращения, наладить снабжение и обеспечить компетентность обученного офицерского состава. Несмотря на все эти усилия, во время Второй Турецкой войны ситуация была настолько ужасна, что Потёмкину пришлось рыскать по тюрьмам и больницам в поисках пушечного мяса для ненасытного чрева армии, раздираемой операциями одновременно на севере и на юге²⁸.

Не менее важным, чем численность сил, было их распределение. Ввиду отдалённости и огромной протяжённости южного театра военных действий особую важность приобретали подвижные войска и кавалерия. Назначенный в 1774 г. главнокомандующим русскими иррегулярными войсками и лёгкой кавалерией, Потёмкин в сотрудничестве с Румянцевым пытался облегчить регулярную кавалерию и умножить её численность. Первая Турецкая война продемонстрировала недостатки тяжёлой кавалерии и неадекватность различных гусарских формирований в составе русских вооружённых сил. Соответственно, последние были реорганизованы под руководством Потёмкина, а украинские казацкие полки были преобразованы в формирования лёгкой кавалерии. Сверх того Потёмкин пытался набрать полки лёгкой конницы из населения недавно созданных им южных губерний. Вместе с казаками эти формирования составили эффективный компонент армии²⁹.

Не менее важны были и егерские войска. Хотя впервые настоящая лёгкая пехота появилась в России по инициативе Румянцева в период Семилетней войны, развитие её шло очень медленно, пока Первая Турецкая война не доказала целесообразность размещения подвижных войск в южной пограничной военной зоне. Такие войска гарантировали командирам большую степень безопасности, большую гибкость и возможность вести разведку. В период между 1777–1787 гг. Потёмкин проводил меры по умножению егерских формирований и мобилизации сначала егерских батальонов, а затем и целых самостоятельных корпусов, состоявших из четырёх батальонов каждый. К началу 1787 г. армия насчитывала восемь отдельных егерских

²⁸ См., например: Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического. 1790–1793 гг. // *Дубровин Н. Ф.* (ред.) // Сборник военно-исторических материалов. Т. VIII. С. 25, 50; *Богумил А. Г.* Указ. соч. С. 12–13.

²⁹ *Сахаров В.* История конницы. СПб., 1889. С. 176–177, 183–184.

корпусов и множество независимых отрядов, общим числом в 50 000 человек. По словам одного русского историка, лёгкая пехота сделала русские сухопутные войска крупнейшими в современной Европе³⁰. Лёгкая пехота была обучена сражаться в рассредоточенном боевом порядке, продвигаться вперёд короткими перебежками, перезаряжать оружие под прикрытием и метко стрелять по одиночным целям. Хотя все тонкости обучения и муштровки лёгкой пехоты позабылись после окончания степной войны, долгосрочным её наследием в России явилось целое поколение боевых командиров, включая М. И. Кутузова, М. Б. Баркляя-де-Толли и П. И. Багратиона³¹.

Меры по реорганизации войск сопровождались также улучшением дисциплины, основанной на поощрении и искреннем энтузиазме. Потёмкин призывал офицеров обучать своих солдат только тому, что пригодилось бы им в бою. Православную веру и этническую однородность он считал основой развития позитивного отношения к наиболее тягостным аспектам службы и дисциплины. Он также всегда старался облегчить тяжесть телесного наказания для рядовых, в особенности для провинившихся молодых и боеспособных солдат. Людские резервы были слишком дороги, чтобы калечить солдат, убивать или ссылать в Сибирь. Потёмкин руководствовался такими же практическими соображениями в вопросах тактики и боевых действий. Как и его современники Суворов и Румянцев, он был сторонником гибкой тактики, марша к общей цели по параллельным маршрутам и разумного равновесия между огнестрельным и холодным оружием в бою³².

Одновременно с изменением приоритетов и реорганизацией войск, Потёмкин стремился также провести реформу обмундирования и вооружения по всей армии. В 1770-х гг. эти реформы затронули только подвижные войска под его непосредственной командой. Но начиная с 1784 г., он распространяет их на все сухопутные войска, упраздняя напояженные косички, узкие в талии мундиры, треуголки и неудобные краги, обычно ассоциирующиеся с прусским влиянием. Кавалеристам он предписал копыя и венгерские сёдла. Лёгкой пехоте он дал мягкие сапоги, широкие кафтаны и удобные шапки. Он упразднил все предметы экипировки и туалета, которые требовали слишком много времени или постоянного внимания. Он любил говорить, что «туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов»³³.

³⁰ Бобровский П. Кубанский егерский корпус // Военный сборник. I (январь 1893). С. 7–8.

³¹ Клохман Ю. М. И. Кутузов в период русско-турецких войн второй половины XVIII в. // Полководец Кутузов: Сборник статей / Под ред. Л. Н. Бескровного. М., 1955. С. 35.

³² Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 217–219; см. также: Богумил А. Г. Указ. соч. С. 9–10, 42–43, 50.

³³ Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 241–243; см. также: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. 2-е издание, 19 частей. СПб., 1899–1902. Часть 4. С. 67–74, 95, 100–108.

Описать реформы Потёмкина легче, нежели разобраться в том, что его при этом вдохновляло. Рассматривая военные инициативы Потёмкина в свете межкультурных взаимовлияний, Тереза Адамчик пришла к заключению, что Потёмкин представлял национальную линию развития, что находилось в прямом противоречии с формализмом современной ему Пруссии. По её мнению, некоторые документы указывают на различные влияния — от религиозного воспитания в ранние годы жизни до глубоко засевших в нём гуманистических идей, которые позднее сам Потёмкин приписывал влиянию императрицы³⁴. Кроме того, Потёмкин, подобно представителям позднего Просвещения и раннего Романтизма, держался мнения, что наилучший солдат выходит из человека, каким его создала природа, не обременённого плодами цивилизации. Существуют документы, свидетельствующие о том, что многие из военных реформ Потёмкина идут от его собственных наблюдений и опыта, полученного в период прохождения им активной боевой службы в Первую Турецкую войну. Наконец, историк Н. Ф. Дубровин утверждает, что в своих воззрениях Потёмкин многим обязан влиянию другого полководца эпохи Просвещения, Морица Саксонского³⁵.

Каковы бы ни были источники вдохновения для потёмкинских многоаспектных реформ, ясно одно — они проложили путь к победе России во Второй Турецкой войне. После начального поражения Россия, совместно со своей вынужденной союзницей Австрией, смогла раз и навсегда положить конец притязаниям Турции на северное побережье Чёрного моря. Этим Россия обязана в основном мерам Потёмкина по сохранению завоеваний России в Первой Турецкой войне и подготовке к возможности второй войны с Турцией, несмотря на постоянные нехватки и периодические превратности. Благодаря усилиям Потёмкина, политику России на юге можно охарактеризовать как прямую линию от Кючук-Кайнарджийского до Ясского договора.

Остаётся ещё затронуть вопрос о Потёмкине как генерале. Тут ясности меньше. С положительной стороны, он сам и его соратники заслуживают высокой похвалы за координацию распределения ресурсов и личного состава вооружённых сил на колоссальной территории, что было сопряжено с бесчисленными трудностями. Только военный деятель со статусом и влиянием Потёмкина способен был преобразовать вооружённые силы империи настолько, чтобы в 1787–1791 гг. вести войну, в которой районы боевых действий растянулись по территории от Кавказа на востоке до задунайских равнин на западе. Но дело не ограничивалось армией,

³⁴ *Adamczyk T.* Op. cit. P. 55–57.

³⁵ *Дубровин Н. Ф.* А. В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. СПб., 1886. С. 103, 107.

нужно ещё было дислоцировать военно-морские силы не только на Черном море, но и вдоль рек и важнейших береговых районов. Одновременно Потёмкин, как и правительство в Санкт-Петербурге, должен был ломать голову над тем, как подготовиться к войне со Швецией и возможной войне с Пруссией.

После выхода в отставку Румянцева на Потёмкина полностью легла ответственность за координацию четырёх полевых армий, многочисленных гарнизонов и полевых отрядов и связь с австрийскими силами. И всё это в придачу к его обязанностям наместника южных губерний империи. В исполнении общего командования он продемонстрировал тот же талант и энергию, какие проявил ранее в разрешении проблем, связанных с завоеванием и освоением новых земель. Он руководил составлением бесчисленных приказов, касающихся планирования, организации, реквизиции, снабжения, материально-технического обеспечения и передвижения войск. В случае необходимости он делал выговоры своим подчинённым и побуждал их к действию. Недостаточно активных командиров он заменял более энергичными. В пределах допустимого, в вопросах организации и дипломатии он предоставлял своим командирам инициативу в проведении операций. К сожалению, ему не всегда удавалось преодолеть зависть и ненависть тех офицеров, которые, будучи ранее выше его по чину, должны были начиная с 1784 г. исполнять приказы придворного фаворита и бывшего любовника императрицы³⁶.

Вопреки всем положительным чертам, Потёмкину, вероятно, не хватало решительности, твёрдости и железной выдержки, необходимых подлинно выдающемуся полководцу. Если в Первую Турецкую войну он продемонстрировал свой талант как превосходный командир корпуса, то во время Второй Турецкой войны проявились его недостатки как главнокомандующего. Он оказался подвержен приступам депрессии и пораженчества, совсем как Фридрих Великий. Но в отличие от последнего, Потёмкину было трудно выйти из этого состояния. После бури, из-за которой осенью 1787 г. пострадала часть Черноморского флота, он был готов отступить и оставить Крым, пока императрица не привела его в чувство. Во время осады Очакова летом и осенью 1788 г. он медлил с атакой, пока его армия не понесла существенных потерь от голода и холода. И хотя Потёмкин прекрасно понимал основные принципы операций и тактики, он зачастую действовал так, как если бы бремя верховного командования лишало его уверенности и решительности. Изучив планы русской кампании 1790 г., даже советский историк Л. Г. Бескровный искал оправдания осторожности и медлительности

³⁶ Керсновский А. А. История русской армии. В 4-х тт. Белград, 1933. Т. I. С. 123–128.

Потёмкина. По счастью, под его началом оказался целый ряд талантливых полководцев, таких как Суворов, Кутузов и Репнин³⁷.

По вышеперечисленным и некоторым другим причинам Потёмкина как полководца нельзя сравнивать с Наполеоном, Фридрихом Великим или Суворовым. Объективно говоря, его как организатора победы, вероятно, можно поставить в один ряд с французом Карно, но с оговоркой, что Потёмкин всё-таки был способен вести в бой вверенные ему части с большим энтузиазмом, искусством и успехом. Он обладал солидным знанием теории, но ему не хватало некоторых качеств, необходимых великому полководцу. Принимая все это во внимание, какую оценку можно дать Потёмкину как военному и государственному деятелю? Ропп писал, что, по вольтеровскому определению, добродетель — «*vertu*» — (в отличие от макиавеллиевского «*virtù*») заключается «в способности лидеров решать свои задачи постепенно и, по возможности, наиболее рациональным и гуманным образом». Как демонстрируют приведённые нами здесь данные, это определение вполне приложимо к Потёмкину. Философское обоснование его деятельности могло быть иным, но достигнутые результаты оказались идентичными.

Потёмкина можно поставить в ряд военных и государственных деятелей периода Просвещения ещё и потому, что он понимал необходимость мобилизации широкого спектра ресурсов для достижения общих военно-политических целей государства. Он был не просто воином; он был ещё и организатором и инициатором великих достижений. В этом смысле он стоит ближе к современному понятию выдающегося начальника генерального штаба. Другими словами, Потёмкин представлял собой то, что Б. М. Шапошников впоследствии назовёт «интегральным полководцем», т. е. лидером, способным мобилизовать все ресурсы страны для достижения военной победы. Русский автор Ф. Ф. Вигель, относившийся к Потёмкину несколько более критически, писал, что «одним словом, в нём видно было всё, чем славится русский народ, и всё то, в чём по справедливости его упрекают»³⁸.

Перевод с английского Майи Кунт

³⁷ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. С. 553; см. также: *De Madariaga I*. Op. cit. P. 397–398, 563–564.

³⁸ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. В 7 частях. М., 1864–1866. Часть 1: 1864. С. 29.

В. М. Безотосный

**У ИСТОКОВ
НЕОСУЩЕСТВЛЁННОГО
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА ВЕКА:
«ИНДИЙСКИЙ ПЛАН»
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА**

В современном языке не зря имеет хождение термин «наполеоновские планы». Современникам и потомкам Наполеон навсегда запомнился как знаменитый государственный деятель и полководец, умевший воплощать в жизнь самые смелые широкомасштабные замыслы, о чем свидетельствовали его успешные военные кампании на европейском континенте; почти каждая из них основывалась на неожиданных для противника и новаторских по духу и исполнению стратегических решениях. Он не раз удивлял мир плодovitым воображением и неординарными актами в политической сфере. Но им принимались и военно-политические проекты, которые оказались до конца неисполнимыми или провальными: Континентальная блокада, Египетская экспедиция, Испанская авантюра, Русский поход. В его голове рождались планы, которые почти были готовы к осуществлению (например, высадка десанта в Англию), но сорвались, или же настолько грандиозные, что так и остались нереализованными, например проект Индийского похода. На последнем наполеоновском имперском замысле, имевшем воистину геополитический характер и грозившем перевернуть мировое устройство, остановимся и попробуем разобрать его подробно, так как он напрямую оказался в тот период тесно завязан с Россией и проводимой ею политикой.

После выхода в свет в 1721 г. знаменитых «Персидских писем» Ш. Л. Монтескье в Европе началось повальное увлечение Востоком, особенно сильно проявлявшееся в образованном обществе. С юных лет Восток манил и Наполеона, зараженного модными идеями ориентализма. Никто из серьезных исследователей не считал случайностью его экспедицию в Египет. Но особое место в наполеоновских планах всегда занимала Индия. И отнюдь не потому, что французскому полководцу не давали покоя мечты о лаврах Александра Македонского. Он, будучи сугубым прагматиком, в данном случае исходил из реалий своего времени. Во Франции с незапамятных времен главным противником страны всегда считалась мастерская мира и владычица морей — Великобритания. В этом отношении мышление великого полководца не отличалось оригинальностью. А вступив в смертельную схватку с могущественным островным гигантом, империя Наполеона, не располагая флотом, не могла рассчитывать на быструю победу. Франция искала другие, более эффективные пути для того, чтобы поставить неуязвимый на морях «коварный Альбион» на колени. Помимо применения жестких экономических средств (континентальной блокады), периодически возникала идея военного похода в Индию. Осуществление такой экспедиции не просто расширяло ареал военных действий — она резко изменила бы стратегическую ситуацию, заставила бы Великобританию сражаться с перевернутым фронтом.

Не вызывает сомнения, что, с точки зрения французских интересов, военное предприятие в Азии с конечной целью завоевания Индостана являлось стратегически важным шагом, который мог бы привести к полному краху Великобритании и кардинально изменил бы геополитический расклад сил в мире. Трудно даже просчитать все ближайшие последствия такой экспедиции, если бы она успешно завершилась. Последствия для мировой политики были бы радикальными, если не сказать — революционными.

Впервые идея индийского похода была высказана молодым, только что получившим известность генералом Н. Бонапартом в 1797 г., еще до его экспедиции в Египет, которая рассматривалась как первый и очень важный шаг на пути к лишению Великобритании владычества над Индией. Считается, что позднее, получив государственную власть в свои руки, став первым консулом, он пытался усиленно внушать императору Павлу I мысль о совместном походе в Индию. Он, якобы, даже разработал и предложил проект совместной франко-русской сухопутной экспедиции к р. Инд¹. Но у России и Франции тогда еще не имелось даже мирного договора, не говоря уже о заключении военно-политического союза. Да, главы государств вступили в личную переписку, но вот о самом проекте франко-русской экспедиции

¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 6–7.

в Индию нет ни слова, нельзя обнаружить даже следов обсуждения этой идеи в опубликованных дипломатических документах. Дело осложняется тем, что помимо этого совместного проекта Павел I в конце своего правления предпринял конкретные шаги для реализации собственной программы русского проникновения в Индию через Среднюю Азию. Чаще всего исследователи рассматривают эти два плана как звенья одной цепи, а также считают, что российский император был заигнорирован красивой идеей Наполеона и постарался осуществить ее самостоятельно. Тут важно разобраться, насколько тесно оказались взаимосвязаны эти два плана и какой из них был первичен? Также необходимо выяснить истинное авторство и время составления проекта совместной французско-русской экспедиции.

Впервые проект был опубликован на французском языке в 1840 г. в брошюре под названием «Памятная записка Лейбница Людовику XIV о завоевании Индии, публикуемая с предисловием и замечаниями Гоффмана, с приложением проекта сухопутной экспедиции в Индию по договоренности между первым консулом и императором Павлом I в начале этого века»². На русский язык проект был переведен с французского и опубликован в 1847 г., правда, без указания на подлинник и под слегка видоизмененным названием³. Причем переводчик не был указан при издании книги. Вероятно, по цензурным соображениям из русского перевода было убрано лишь помещенное перед текстом проекта «напоминание», написанное, видимо, Гоффманом: «Покушение на жизнь первого консула 24 декабря 1800 г. и трагическая смерть императора Павла I 24 марта 1801 г. стали пагубными следствиями проекта экспедиции в Индию. Известно, откуда нанесены удары!»⁴. Но переводчик (а вслед за ним и историки) сделал безоговорочный вывод, что сам проект составлялся первым консулом, хотя в оригинале об этом отсутствуют точные указания⁵. Позже при переизданиях текста и в комментариях к нему появилось утверждение, что этот проект был прислан в 1800 г. российскому императору генералом Ж. К. Дюроком. Но Дюрок прибыл (возможно, и с проектом) в Петербург уже после смерти Павла I и фактически не мог обсуждать с ним детали этого плана. О кратком содержании этого проекта и о направлении в Петербург Дюрока впервые написал в своих мемуарах, опубликованных в 1845 г., шведский посол в России граф

² Mémoire de Leibnitz, à Lous XIV, sur la conquête de l'Égypte, publié avec une peface et notes, Par M. de Hoffmanns, suivi d'un projet d'expédition dans l'Inde, par terre, concerté entre le premier consul et l'Empereur Paul I-er, au commencement de ce siècle. Paris, 1840. P. 37–56.

³ Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. М., 1847.

⁴ Mémoire de Leibnitz, à Lous XIV, sur la conquête de l'Égypte... P. 38.

⁵ При переиздании «Проекта» в 1880 г. также не были указаны переводчик и местонахождение оригинала (См.: Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. СПб., 1880.).

К. Л. Б. К. Стединг⁶. По воспоминаниям современников, он занимал исключительное положение в дипломатическом корпусе — так, И. А. Эренстрем полагал, что «ни один из иностранных послов при русском дворе не пользовался равным с ним положением»⁷. Из всех дореволюционных отечественных историков лишь Д. А. Милютин высказал сомнения «в подлинности этого проекта, соображенного крайне легкомысленно и без основательных местных данных», так как автор французской брошюры не указал места хранения источника⁸. Думаю, подлинность самого документа все же подтверждается мемуарными свидетельствами, да и сам Д. А. Милютин привел в переводе любопытные отзывы о проекте двух агентов прусского министра К. А. Гарденберга, написанные по горячим следам, один из Парижа, другой из Лондона⁹. Трудно предположить, что в 1840 г. (а это год перезахоронения тела Наполеона в Париже) некто самостоятельно составил подобный план и выдал его за оригинал начала века. Но когда и кем был составлен проект — вопрос остается до конца не проясненным, хотя несколько десятков исследователей до сих пор уверенно приписывали его замыслу первого консула Н. Бонапарта и датировали 1800 годом¹⁰.

Приведем для начала лишь эскизно суть проекта. 70-тысячный экспедиционный корпус (половина французов, половина русских, из них 10 тыс. казаков¹¹) под командованием тогда еще генерала А. Массена (на его кандидатуре настаивал Павел I¹²) должен был за 120–130 дней (май—сентябрь

⁶ Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. Т. II. Paris, 1845. P. 6–8. Позднее в отечественной литературе при очередной публикации (в виде краткого резюме) этого проекта утверждалось, что этот документ, «присланный Наполеоном к Павлу I через генерала Дюрока... найден в бумагах бывшего в то время в России шведским посланником графа Стединга и напечатан в посмертных о нем записках» (Русская старина. 1876. № 1. С. 216–217).

⁷ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // Русская старина. 1893. № 8. С. 240.

⁸ Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857. С. 697.

⁹ Там же. С. 668–669.

¹⁰ Единственным из отечественных историков, кто посчитал, что данный проект составлялся, «по-видимому, лично Павлом», был Е. Л. Штейнберг, но он не конкретизировал датировку и не опровергал оппонентов, а в пользу своего мнения не привел никаких аргументов (Штейнберг Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX–XX вв. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950. С. 48).

¹¹ В своих мемуарах граф К. Л. Б. К. Стединг написал, что «Павел уже приказал собрать 50 000 казаков для этой экспедиции перед своей смертью» (Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. Т. II. P. 7).

¹² Об этом ничего не говорилось в тексте проекта, а позднее историки взяли данный факт (как и некоторые другие) из мемуарного свидетельства шведского посла в России К. Л. Б. К. Стединга (См.: Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. Т. II. P. 7). В противовес этому издатель А. Соболев при повторной публикации «Проекта.» в предисловии высказал совсем иное мнение, что Н. Бонапарт «как ясно видно, прочил себя в командующие славную индийскую экспедицию» (Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. СПб., 1880. С. 4). Но указаний на этот факт в тексте не имеется.

1801 г.) достичь берегов Инда. Планировалось, что в мае 1801 г. французские части от Рейна по р. Дунай при содействии Австрии попадут на Чёрное море, пересев на суда русского флота, доберутся до Таганрога, а оттуда пешком порядком по суше перейдут до станицы Пятиизбянской, затем, переправившись через Дон, совершат пеший переход к Царицыну. После чего по Волге они спустятся на судах до Астрахани, где к ним уже присоединятся русские войска. На это отводилось 80 дней. Впоследствии объединенный экспедиционный корпус через Каспийское море на купеческих кораблях попадет в персидский город Астрабад (часть русских войск должна была высадиться там заранее), после чего двинется к правому берегу реки Инд по маршруту Мешхед — Герат — Феррах — Кандагар. И на все эти действия отводилось лишь 45–50 дней!

Сложилась весьма странная ситуация. Авторство все приписывали Наполеону. И после текста в качестве приложения были помещены вопросы, якобы также сделанные самим первым консулом. Эти утверждения плохо увязываются между собой, на что указывают следующие обстоятельства. Разработчик проекта (Н. Бонапарт), дав его для ознакомления возможному партнеру, мало того, будучи крайне заинтересованным в том, чтобы его идею восприняли и приняли, вместо дополнительных и убедительных доводов, вдруг неожиданно задает конкретные вопросы («objections» — в первом переводе правильно названы «возражениями»), которые, в сущности, ставят под сомнение его авторство. Не будет же создатель проекта задавать вопросы сам себе? А вот ответы на них якобы дал Павел I (указаний на это в тексте также не имеется), его предполагаемый партнер. Причем в ответах предложенную идею защищал как раз российский император, он явно пытался развеять у другой стороны всяческие сомнения в реальности осуществления проекта. В данном случае, исходя из элементарной логики и отбросив утверждения историков, необходимо поменять местами разработчика и партнера: то есть предположить, что разработчиком идеи был Павел I, а вот потенциальным партнером — Н. Бонапарт. Тогда с точки зрения логики все становится на свои места. А поскольку нет полной уверенности в точном авторстве (думается, Павел I не мог собственноручно написать проект, не царское это дело), имена первых лиц государств следует заменить и условно именовать русской и французской стороной. Тогда проект, помещенные вопросы и ответы будут иметь хоть какое-то логическое обоснование. Русская сторона предложила идею, французская задала вопросы, русская сторона попыталась развеять сомнения партнера.

Приведем в кратком изложении вопросы-возражения, которые были заданы французской стороной. Наполеон Бонапарт не мог не отдавать себе отчета в том, что на пути претворения в жизнь такого грандиозного

замысла встретится немало непредвиденных трудностей, и это обстоятельство его беспокоило. Поскольку пребывание французских войск на русской территории (центральная часть проекта) было расписано подробно и в радужных тонах, его в первую очередь волновали вопросы начальной и заключительной стадий экспедиции. Всего было поставлено пять вопросов (возражений). Хватит ли судов для перевозки по Дунаю французского корпуса? Пропустят ли турки французов к устью Дуная? Хватит ли русских судов для перевозки войск по Черному морю? Не атакует ли русские суда в Черном море английский флот? Прямо задавался вопрос о том, каким образом русско-французская армия «может пройти до Индуса, по странам диким и лишенным средств, армия, которой придется пройти расстояние, составляющее около 1 500 верст от Астрабада до границ Индустана?».

Как ни парадоксально, но российский император постарался рассеять его опасения, выразив большой оптимизм и уверенность в успехе предполагаемой акции. Приведем для наглядности полностью ответ на последний вопрос: «Эти страны вовсе не дики и не бесплодны; дорога эта открыта и посещается с давних времен; караваны обыкновенно приходят в тридцать пять или сорок дней с берегов Индуса в Астрабад. Земля вовсе не покрыта, как в Аравии и Ливии, сыпучими песками: она, напротив, почти на каждом шагу орошается реками; фуража в тех странах довольно; рис в изобилии и составляет главнейшую пищу обитателей тех стран; быки, овцы и дичь там обыкновенная вещь; фрукты разнообразны и бесподобны. Одно основательное возражение можно сделать: это продолжительность похода; но из-за этого не должно отвергать проекта; армия, русская и французская, жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы; их храбрость, и благоразумие и настойчивость начальников победят все, какие бы ни было, препятствия. Одно историческое происшествие подкрепляет это положение. В 1739-м и 1740-м годах Надир-Шах, или Тамасс-Кули-Хан¹³, выступил из Дели с многочисленной армией для произведения экспедиции в Персию и к берегам Каспийского моря; он прошел через Кандагар, Феррах, Герат и Мешид, и прибыл в Астрабад; в то время все эти города были значительны; хотя теперь они много потеряли прежнего блеска, но все же сохранили большую часть его. Что сделала в 1739 и 1740 годах армия вполне азиатская (этим выражается в точности ее значение), то, без сомнения, могут исполнить теперь армия русская и французская. Вышеупомянутые города составят главные пункты сообщения между Индустаном, Россией и Францией;

¹³ Шах Надыр (Надир-Шах Афишар) (1688–1747), шах Персии с 1736 г. В 1737–1739 гг. совершил поход в Северную Индию, взял г. Дели и разорил его. Последующая фраза, видимо, относится к отступлению его из Индии.

для этого необходимо устроить военную почту и употребить для нее козаков, наиболее способных к таковому роду службы»¹⁴.

Отчетливо видно, что русская сторона старалась развеять все возникшие сомнения французов, рьяно защищала проект, конкретизировала и дополняла его, демонстрируя хорошую осведомленность и проработку в отдельных деталях. Это вряд ли могли сделать французские специалисты.

В пользу нашего предположения говорит и анализ содержания самого проекта. Приведем текст из первого абзаца, где говорилось о цели экспедиции: «Изгнать безвозвратно англичан из Индустана, освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига, открыть промышленности и торговле образованных европейских наций, и в особенности Франции, новые пути: такова цель экспедиции, достойной увековечить первый год XIX столетия и правителей, замысливших это полезное и славное предприятие». Бросается в глаза, что во Франции в это время летоисчисление велось не от Рождества Христова, а по годам республики (хотя могли и перевести на общеевропейскую датировку). Кроме того, вряд ли французская сторона уже в начале текста проекта стала бы подчеркивать, что достижение поставленной задачи будет выгодно «в особенности Франции». Это могло оттолкнуть потенциального партнера. А вот русские как раз могли для убедительности выдвинуть такой тезис. В проекте лишь мимоходом, в двух фразах, говорится о том, как французский корпус достигнет устья Дуная, дальнейший путь, особенно по русской территории, описывался очень подробно, причем автор проявил поразительную осведомленность и отличное знание российских географических, хозяйственных и торговых реалий. Приведем некоторые подробности. В проекте предлагалась французским войскам следовать налегке в Россию без лошадей, повозок, тяжелой артиллерии и запасов, так как все это можно было приобрести на русской территории. Вряд ли французская сторона стала бы делать подобное предложение русским. Автор же считал, что французскими комиссарами «лошади могут быть куплены между Доном и Волгою, у козаков и калмыков; там находятся в бесчисленном множестве лошади, самые способные для службы в тех краях... и цена их гораздо дешевле, чем где-либо»; военные запасы «могут быть взяты из арсеналов астраханского, казанского и саратовского, которые снабжены ими в изобилии». Очень любопытен пассаж автора о закупке французами «принадлежностей лагерного расположения войск» и комиссариатских ве-

¹⁴ Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. С. 31–36 (повторное издание: Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. СПб., 1880. С. 7–26); Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 40–50; Русская старина. 1873. № 9. С. 401–407.

щей: «Все эти предметы находятся в большом изобилии в России и дешевле, чем в других частях Европы. Французское правительство может договариваться о них с директорами сарептской колонии, лежащей верстах в тридцати от Царицына, на правом берегу Волги. Главное правление этой евангелической колонии, слывущей самою богатою, самою промышленною и самою точной в исполнении принятых условий, находится в Саксонии; там должно выхлопотать приказание о том, чтобы сарептская колония взяла на себя поставку разных потребностей для армии». Также предлагалось поступить и с аптекой: «Она может быть поставлена сарептскою колониюю, в которой с давнего времени существует аптека, соперничающая с императорскою московскою аптекою в разнообразии и качестве медикаментов»¹⁵. Вряд ли французские дипломаты и даже разведчики (а надобности в них на территории России тогда у Франции не было) располагали столь исчерпывающими сведениями. Если бы автором был француз, то он не стал бы так характеризовать арсеналы (откуда он узнал об «изобилии?»), распространяться о низких ценах на лошадей и военные вещи, указывать русским, где находится Сарепта, сравнивать ее аптеку с московской, давать совет французскому правительству заключить договор с Главным евангелическим правлением в Саксонии. Таких чисто «русских» сюжетов и пассажей можно найти в тексте множество. Отметим лишь еще одну подробность: касаясь вопроса о месте переправы через Дон у станицы Пятиизбянской, автор указал, что река «в этом месте немного шире, чем Сена под Парижем»¹⁶. Если автором являлся француз, он вряд ли стал бы называть такие тонкости русской стороне (это было бы странно), но если сочинитель — русский, побывавший в Париже, то тогда понятно, что он делал сравнение с известными всем французам величинами. Вообще сам текст написан и выдержан в духе «рыцарских» фантазий и одновременно мелочности Павловского царствования.

Да и политическая обстановка во Французской республике в 1800 г. свидетельствует не в пользу авторства Наполеона в этом проекте. Хотя для отечественного историка соблазнительно было бы выдвинуть тезис о том, что первый консул хотел любым способом поймать в свои сети Павла I. Безусловно и вне всяких сомнений, Бонапарт имел тогда желание заключить союз с Россией и очень много сделал в этом направлении. Но перед ним в то время стояли несколько иные цели. Он только что получил власть в свои руки, и ему именно в этот конкретный период нужна была в первую очередь передышка, мир с Англией. При этом он всеми средствами хотел сохранить и Египет, где не в самом лучшем состоянии еще находились

¹⁵ Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. С. 17–20.

¹⁶ Там же. С. 16.

и действовали французские войска. А тут первый консул должен был бы выделить еще дополнительно 35 тыс. солдат (не говоря уже о финансовых издержках — в период консульства государственные расходы Франции имели скромные «республиканские» размеры) и направить их на край земли; а ведь в 1800 г. даже не закончились военные действия против Австрии. Конечно, у него хватало авантюризма в крови, но прямой расчет говорил, что подобные предприятия уже выходили за границы разумного. Не случайно один из современников, знакомый с проектом, достаточно умный и проницательный шведский дипломат Стединг, считая его «химерическим», сделал следующую ремарку: «Непонятно, как план достаточно незрелый и демонстрирующий совершенное незнание местностей, обстоятельств и безмерных пространств, которые экспедиционным войскам предстояло пройти, чтобы достичь Инда., мог выйти из кабинета Наполеона, если только не считать это хитроумной политикой, чтобы обольстить фантастическую впечатлительность императора Павла, крайне недовольного в тот момент Сент-Джеймским кабинетом»¹⁷. Но и как отвлекающий маневр Бонапарта по отношению к России этот проект не мог быть составлен в 1800 г. Нормализация отношений и контакты между дипломатами начались лишь со второй половины 1800 г. (в сентябре). Первое письмо первый консул написал Павлу I 9 (21) декабря 1800 г., а российский император Наполеону — лишь 18 (30) декабря того же года. В связи с обострением отношений России с Англией Павел, даже еще не заключив мир с французами, вынужден был прямо обратиться к первому лицу Франции 15 (27) января 1801 г. Вот что он тогда написал Н. Бонапарту: «Я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии, что в то время, когда она видит себя изолированной, может заставить ее раскаиваться в своем деспотизме и в своем высокомерии»¹⁸. Наполеон обещал тогда ему помочь и организовать ряд демонстраций своих войск напротив берегов Англии и даже провести десантные операции. Но вряд ли до этого письма он решился бы сразу с места в карьер предлагать проект похода в Индию — только-только оба государства (в первую очередь Франция) с большим трудом нашли совместный интерес, начались очень сложные переговоры о мирном договоре и союзе. Появление же французского плана диверсии в Индию могло спугнуть такого непредсказуемого партнера, как Павел. Как свидетельствуют исследователи, лишь в конце февраля 1801 г. Н. Бонапарт занялся изучением карт азиатских стран, имея в виду возможность совместного похода в Индию¹⁹.

¹⁷ Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. Т. II. P. 8.

¹⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 32–33.

¹⁹ Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 69.

А вот со стороны скорого на решения российского императора подобный проект был вполне вероятен. Уже в конце 1800 г. политика Павла I приняла отчетливое антибританское направление. Хотя французские и русские дипломаты только начинали переговоры (они продвигались вперед с большим трудом), русские генералы могли подготовить вопрос о военном сотрудничестве и начать его обсуждение. Но лишь в записках А. М. Тургенева (страдающих многими неточностями) удалось найти короткое упоминание о чем-то подобном в 1801 г. В его воспоминаниях говорится: «Император Павел отправил г. Колычева к Наполеону послом, а вскоре потом был послан генерал от инфантерии и командир гвардии Семеновского полка Василий Иванович Левашов, для заключения военной конвенции против Англии»²⁰. Правда, в официальных источниках значится, что В. И. Левашов²¹ в этот период был направлен чрезвычайным послом в Неаполь, но он мог, особо не афишируя свою миссию, по дороге заехать в Париж. До него в Париж был отправлен и генерал граф Г. М. Спренгтпортен («лицо, наделенное полномочиями»), официально — для приема и возвращения на родину русских пленных²². Он несколько раз встречался с Бонапартом, и через него было передано предложение Павла I о готовности вступить в переговоры о мире с французской стороной²³. Кто-то из этих генералов, вероятно, и привез проект экспедиции в Париж, и кому-то из них, возможно, принадлежали ответы на вопросы французской стороны.

Думаю, не стоит приписывать Наполеону то, что исходило не от него. В то же время нельзя говорить и о возможности реального осуществления проекта, в первую очередь по политическим причинам. Тут важно отметить, что документ еще не имел официального утверждения ни с одной стороны, а о походе в Индию в переписке 1801 г. между первым консулом и российским императором даже не упоминалось. Никаких подготовительных мероприятий по реализации этого проекта ни с русской, ни с французской стороны не последовало. Да и никаких шансов осуществить этот проект даже в 1801 г., в силу сложившейся международной ситуации в Ев-

²⁰ Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1886. № 1. С. 47.

²¹ В. И. Левашов с 16 февраля 1800 г. занимал придворную должность обер-егермейстера.

²² И. Э. Эренстрем дал следующее объяснение выбора и назначения на этот пост бывшего шведского подданного графа Г. М. Спренгтпортена. На удивление вице-канцлера графа Н. П. Панина этим назначением Павел I отвечал следующим образом: «Вы находите выбор мой странном, но я поступаю именно так, как следует, когда посылаю изменника к узурпатору» (Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // Русская старина. 1893. № 8. С. 264).

²³ В его свите, судя по ведомости на расходы, кстати не маленькие, состояли: инженер-генерал-майор Сулимов, полковник П. Долгорукий, майоры М. Ф. Ставицкий и С. Х. Ставраков, капитаны Тизенгаузен и П. И. Нейдгард, лейтенант флота Метакса (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 111. Л. 73–80).

ропе, уже не оставалось чисто технически, не говоря уже о политических проблемах, которые не могли решаться в одночасье. Почему — можно разобратить поэтапно.

Первый этап: 35 тыс. французов должны были спуститься из Южной Германии к устью Дуная с согласия и при содействии австрийцев. Но только 9 февраля 1801 г. был заключен Люневильский договор между Францией и Австрией. А там не содержалось никаких статей о перемещении французских войск по Дунаю. Австрийцы были не настолько слабы или близоруки, чтобы разрешить бывшему противнику свободно передвигаться по стратегически важной водной артерии своей империи. Фактически только одно это перечеркивало на корню саму возможность совместной экспедиции. Но, предположим, что благодаря двустороннему франко-российскому нажиму согласие от Австрии удалось бы получить. Сразу же возникало новое затруднение — проблема Турции, которая формально контролировала устье Дуная. Как она могла дать разрешение на появление французского корпуса, когда в 1801 г. Египет (номинально подчиненный турецкому султану) продолжали занимать французы, а Турция находилась в состоянии войны с ними? Проблемы с Австрией и Турцией — это груз, порожденный французской политикой. Сделаем еще одно допущение, что России, имевшей тогда большое влияние в Стамбуле, удалось бы согласовать этот вопрос, «уломать» турок, или, на худой конец, занять Дунайские княжества, как это было сделано в 1806 г. Итак, французский корпус гипотетически добрался бы до Черного моря. Возникла бы очередная проблема: английский флот. Ведь вряд ли движение французского контингента осталось бы тайной для Лондона и британского адмиралтейства. Английская эскадра наверняка попыталась бы прорваться из Средиземного в Чёрное море, заблокировать на суше экспедиционный корпус и не допустить его переброску морским путем в русские порты. Снова допустим, что или турки не пропустили бы англичан, или русские смогли бы дать им отпор, или (самый крайний вариант) французы пешим порядком по русскому бездорожью наконец смогли бы добраться до пункта сбора — Астрахани. Опять возникли бы большие проблемы. Даже не из-за хорошо известной склонности к недопоставкам русского интендантства — возможно, под гневным государевым оком Павла I оно справилось бы с поставленными задачами и обеспечило в полном объеме необходимые запасы продовольствия. Но помимо недостатка русских судов на Каспии для транспортировки войск и грузов возникла бы проблема с Персией. Разрешил бы шах передвижения воинского контингента двух христианских государств через всю страну, да еще содержание на своей территории коммуникационной линии и иностранной базы в Астрабаде? Только совсем недавно, в 1797 г., у Персии был исчерпан последний военный конфликт с Россией, а налицо имелось

уже новое осложнение — Грузия²⁴. Опять сделаем допущение: уговорили или сделали бы шаху предложение, от которого он бы не смог отказаться. А дальше? А дальше наступило бы самое непредсказуемое — как бы встретили афганские племена, можно сказать, откуда-то с небес упавшие войска христиан? Тут уже никто не мог поручиться ни за что. Русские и французские дипломаты могли, потратив время и приложив, скорее всего, огромные усилия, предварительно обговорить условия и прийти к некоторым соглашениям с Австрией, Турцией и Персией, но вот заранее договориться с афганцами просто не имели возможности. Прежде чем достичь р. Инд, союзникам пришлось бы столкнуться с непредсказуемой реакцией горных свободолюбивых афганских племен. А по этому поводу никто не мог сказать что-либо определенное или даже предположить: для французов и русских Афганистан тогда все еще оставался *terra incognita*. А ведь после всего этого изнуренному длительным походом экспедиционному корпусу предстояло еще сражаться со свежими английскими войсками, и за исход военных действий никто поручиться не мог. Вот, например, что сообщал прусский агент из Лондона по поводу совместного русско-французского похода в Индию, помимо критического анализа чисто военных аспектов: «Если бы даже предположенная экспедиция имела самый успешный результат, то ни Россия, ни Франция не могли бы воспользоваться своим завоеванием, не могли бы упрочить своего владычества в этой стране, и скоро были бы снова вытеснены Британской силою военною, торговою и промышленною»²⁵. Да и при таких сложностях поддержания коммуникаций через Россию и Персию, когда любой виток внешнеполитических осложнений мог привести к катастрофическим последствиям, даже удержать пути отхода было бы трудно. Ведь Великобритания всегда проводила активную политику и, безусловно, оказала бы влияние на колеблющихся союзников, чтобы дезавуировать достигнутые соглашения об экспедиции.

Суммируя в общем все сказанное, нетрудно сделать заключение: на пути к достижению финальной части планируемой экспедиции перед возможными союзниками неизбежно возникал целый клубок проблем, и даже их переизбыток. Мало того, чтобы хотя бы частично их решить (получить

²⁴ Еще в конце 1800 г. в Тегеран прибыл чрезвычайный уполномоченный британского генерал-губернатора Индии капитан Д. Малькольм. Его посольство «стоило бешеных денег»: чтобы завоевать симпатии персидских правящих кругов, он не скупился на богатые подарки, покупая всех — «от шаха до погонщика верблюдов». В результате 4 января 1801 г. англичанами был заключен договор с шахом, «предусматривающий широкое политическое и военное сотрудничество между Персией и Англией». Формально он был направлен против возможной французской агрессии в районе Среднего Востока (Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой четверти XIX в. М., 1960. С. 105).

²⁵ Милотин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. С. 699.

хотя бы согласие на содействие со стороны Австрии, Турции, Персии) и подготовиться — ничего не было сделано. Сделать это не позволяли ни фактор времени, ни ситуация в Европе. Именно поэтому большинство исследователей квалифицировали этот проект как фантастический, нереальный.

Анализ данного документа (вне зависимости от авторства) показывает, что это была лишь идея или первоначальный набросок плана. Во всяком случае, с явными ошибками в расчете средств и времени движения. Например, вместо 50 дней от Астрабада до Инда (1 900 верст), по мнению публикатора этих материалов подполковника А. А. Баторского, потребовалось бы четыре месяца, «не считая пути до Астрабада от Рейна, который также рассчитан неправильно»²⁶. Возникли бы просто технические проблемы транспортировки войск по воде, а еще более значительные — по снабжению продовольствием 70-тысячного контингента еще в России, не говоря уже о Персии.

Лишь маршрут самого движения для совместной экспедиции был выбран правильно, так как являлся оптимальным оперативным направлением для похода в Индию. С этой точки зрения показательное внимание, которое уделяли многие европейцы XVIII столетия такому ключевому пункту на персидской территории, как Астрабад. Еще в 1786 г. ставший впоследствии знаменитым граф О. Г. Р. Мирабо высказывал мысль, что в перспективе русские могут совершить завоевание Индии, и этим они сделают поворот в европейской политике. При этом он указывал конкретное направление первоначального русского движения через Персию: Астрахань — Астрабад, сделав замечание, что до Астрахани водным путем можно добраться из Петербурга. Поэтому он советовал соединить усилия Европы с Россией против Англии²⁷. Поскольку материалы Мирабо были опубликованы в 1789 г., ими могла воспользоваться при желании и французская, и русская сторона. Сразу оговоримся, что тогда полностью исключалась переброска французских сил по морю в Петербург из-за господства британского флота, поэтому такой вариант и не мог прийти в голову иностранным или отечественным аналитикам. Чуть позднее, в 1791 г., французом Сен-Жени был составлен и через русского адмирала принца К. Г. Н. О. Нассау-Зигена представлен императрице Екатерине II план похода в Индию через Астрабад, а также через Бухару и Кашмир²⁸. Частично этот

²⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 51.

²⁷ Histoire secrete de la cour de Berlin, ou correspondance d'un voyageur français, depuis le cinq juillet 1776 jusqu' au dix-neuf janvier 1787. T. I. Paris, 1789. P. 123–124 (Lettre XXIX).

²⁸ *Снесарев А. Е.* Индия как фактор в средне-азиатском вопросе. СПб., 1906. С. 37; Ш-ий А. Былые русско-английские распри // Военно-исторический сборник. 1916. № 2. С. 36. Проект движения через Бухару и Кашмир был раскритикован генерал-фельдмаршалом Г. А. Потемкиным «как непрактичный и невозможный» (См.: *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1906. С. 43).

план был позже использован в Персидском походе 1796 г. Руководитель этого похода граф В. А. Зубов, будучи членом Астраханского комитета, созданного для улучшения торговли на Каспийском море, подал в 1803 г. записку «Общее обозрение торговли с Азией», уделив при этом внимание и Индии: «Для торговли нашей с Индией, чрез Каспийское море, я полагаю самым выгоднейшим Астрабат... Отселе, чрез провинцию Хорасан и Кандагар до пределов Индостана, по удобной совершенно дороге, считается около тысячи только верст чрез горы, отделяющие Индию от Персии»²⁹. Думаю, что у русской стороны в начале века имелось и больше военных специалистов по этому региону (тот же Зубов), и чисто технических оснований для составления нового проекта проникновения в Индию через Персию, русские могли использовать предшествующий опыт и замыслы, а также торговые связи. И самое главное, у Павла I возникла личная заинтересованность в разработке такого плана. Все то, чего как раз не имелось во Франции в тот период.

Русско-французские отношения в 1800–1801 гг. прошли несколько периодов. Сближение позиций сторон началось в 1800 г., и в этом процессе Наполеон, надо сказать, очень быстро достиг определенных успехов, играя, в первую очередь, на оскорбленных чувствах русского монарха, резко изменившего отношение к своим недавним союзникам — Великобритании и Австрии. Решающую роль в тот момент, без всякого сомнения, сыграл личностный фактор. И индийский проект в русско-французских сношениях мог стать определенным средством, объединявшим двух глав государств. Датировать сам проект можно началом 1801 г. Думается, он был подготовлен в России после 15 января 1801 г. Ведь без доброй воли России совместная сухопутная экспедиция просто не могла состояться. Рассуждая логически, русские, если бы у них возникло такое жгучее желание, могли обойтись и без французов, самостоятельно выставить 70 тысяч бойцов вместо 35 тысяч и, договорившись с персидским шахом, двинуться в Индию по предложенному маршруту. Не надо было бы разрешать какие-то сложности с австрийцами и турками и опасаться действий английского флота в Черном море. Да и с административной и финансовой точки зрения это мероприятие, если внимательно прочитать все предложения проекта (перевозка на русских судах французских войск, закупка в России для французского корпуса военных припасов, лошадей, понтонов, транспортных средств, «принадлежностей лагерного расположения войск» и т. п.), казне обошлось бы значительно дешевле. Вероятно, для русской стороны важно было придать предприятию международный характер. С одной стороны — напугать Англию (чего частично смогли достичь), с другой — привязать

²⁹ Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997. С. 36.

Францию к политике России. И то, и другое глупым и неразумным не назовешь.

Видимо, именно такого рода мысли приходили в голову Павлу I. Но российский император, даже еще не заключив военно-политического союза с первым консулом Франции, вскоре пожелал решить труднейшую задачу завоевания Индии (или создания реальной угрозы такого завоевания) самостоятельно, без посторонней помощи. На это его подтолкнуло резкое обострение русско-английских отношений. Время поджимало. Обе страны к весне 1801 г. вплотную приблизились к состоянию войны. Английский флот в Балтийском море был уже практически готов атаковать русские порты. В этом конфликте надеяться на какую-то реальную помощь на Балтике со стороны Франции не приходилось. Поэтому Павел I принял неординарное решение и отдал приказ о посылке донских казачьих полков для поиска путей в Индию через Среднюю Азию. Это был нестандартный ход в ответ английскому адмиралтейству. В двух рескриптах 12 января 1801 г.³⁰ атаману Войска Донскому генералу от кавалерии В. П. Орлову Павел I следующим образом объяснял сложившуюся ситуацию: «Англичане готовят флот и войском на меня и на союзников моих — Шведов и Датчан. Я и готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Индия лучшее для сего место. От нас ходу до Инда, от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре³¹. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович... Все богатство Индии будет вам за сию экспедицию наградою³². Авантюризм в этом деле был налицо. Абсолютно понятно, что все делалось экспромтом, без какой-то предварительной капитальной

³⁰ Эти и далее приводимые письма Павла I В. П. Орлову являются копиями с оригиналов, хранящихся в современном РГВИА (Об этом см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I. С. 252; Он же. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 417–418). Они с небольшими разночтениями ранее публиковались: Сын Отечества. 1849. № 10. С. 1–4; *Филонов А.* Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 2. С. 7–8; Чтения в обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. III. Раздел V. С. 167–168; Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Кн. II. London, 1861. С. 3–6; Русская старина. 1873. № 9. С. 409–410; Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 53–54; *Милютин Д.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. С. 696–697; Русская старина. 1873. № 9. С. 409–410; Русско-индийские отношения в XIX в. С. 27–34. Частично там же публиковалась переписка В. П. Орлова с Павлом I. (Оригиналы хранятся в: РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 104).

³¹ Возможно, что примерные сроки взяты из доклада генерал-прокурора Сената П. Х. Оболянинова о развитии торговых связей с Индией и Средней Азией, составленного в декабре 1800 г. В докладе указывалось, что купеческие караваны идут от Астрабада до ближайших индийских провинций за пять недель, до Бухары за 18 дней, а до Хивы за 14 дней (Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965. С. 418).

³² Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 53.

подготовки, с большим налетом дилетантизма и откровенного легкомыслия. Причем Павел, говоря о присылке карт, фактически признавался Орлову, что посылает экспедицию в никуда: «Карты мои идут только до Хивы и до Амурской (Аму-Дарьи. — В. Б.) реки, а далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов Индейских им подвластных»³³. О том же свидетельствуют последующие записки императора донскому атаману. Так, сообщая ему о посылке карт Средней Азии³⁴, Павел I, как бы между прочим, написал: «Помните, что вам дело до англичан только и мир со всеми теми, кто не будет им помогать; и так, проходя их, уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес, и там на англичан. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась»³⁵. В Хиве высвободите столько то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то вслед за вами, а не иначе будет можно. Но лучше кабы вы то одни собою сделали»³⁶. Механизм сохранения мирных отношений с воинственными степняками и среднеазиатскими властителями не раскрывался, так же как и средства, способные «утвердить Бухарию» за Россией. Тогда как даже после присоединения Средней Азии к Российской империи, например, Бухарский эмират сохранял государственность в вассальном от России статусе. Расходы казначейства на эту «секретную экспедицию» (1 670 тыс. руб.) «должны быть возвращены от генерала от кавалерии Орлова I из добычи той экспедиции». Причем дороги от Оренбурга в Хиву и далее предстояло искать самому Орлову, и он заблаговременно отправил есаула Денежникова и хорунжего Долгопятова с целью предварительной разведки будущего пути. Но предпринятые усилия двух офицеров оказались тщетными. Как уведомлял Орлова Оренбургский губернатор Н. Н. Бахметьев о пребывании в Оренбурге Денежникова, что «если бы пробыл здесь и еще месяц, но достаточного сведения не получил бы»³⁷. Ожидаемая завоевательная прогулка могла превратиться и, ско-

³³ Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Кн. II. С. 4.

³⁴ Карты 30 ноября 1800 г. были посланы в Петербург от оренбургского военного губернатора генерал-майора Н. Н. Бахметьева, который писал императору: «О дорогах торговых, какие имеют от здешней линии выгоднейшие в Бухарию и Хиву для всеподданнейшего представления Вашему Императорскому Величеству ныне же препроводил я карты с описанием господину генерал-прокурору» (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 93. Л. 49–49 об.).

³⁵ Еще 11 октября 1800 г. оренбургский военный губернатор генерал-майор Н. Н. Бахметьев получил предписание от Павла I «наблюдать бухарцев»: «Нет ли видов к привлечению их от китайского правительства». Бахметьев отвечал 30 ноября 1800 г., что бухарцы «не зависят от китайского правительства и не имеют с китайцами ни малейшего сношения». Такое же предписание получил инспектор Сибирской инспекции генерал-майор Н. И. Лавров и дал на запрос такой же ответ (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 93. Л. 49–49 об., 62).

³⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 54.

³⁷ Там же. С. 56–58; Филонов А. Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 1. С. 3–4; № 2. С. 6.

рее всего, превратилась бы в военную катастрофу. Достаточно вспомнить два весьма печальных по своим последствиям аналогичных предприятия русских властей — Хивинскую экспедицию князя А. Бековича-Черкасского в 1716–1717 г. и Хивинский поход В. А. Перовского 1839 г. Надо сказать, что, не в пример 1801 г., эти две экспедиции были не столь многочисленны (примерно по 5 тыс. человек), но готовились более тщательно. К тому же им ставились более скромные локальные задачи, а не столь грандиозные и претенциозные, как Орлову, результаты же их, тем не менее, оказались провальными. Можно предположить, что в открытом бою казаки, вероятно, одержали бы победу над местными войсками. Но на их пути стояли еще и укрепленные города, которые нужно было брать и, продвигаясь дальше, оставлять там гарнизоны. Как полки Орлова (иррегулярная кавалерия с легкими конными орудиями) смогли бы их захватить? Хотя в анналах казачьей истории имелись успешные примеры штурмов городов (Азова, Измаила и др.), но все же к этому времени у донцов сложилась несколько иная воинская специализация. Можно усомниться в том, что без поддержки регулярной пехоты и тяжелой артиллерии им удалось бы это осуществить. Во всяком случае, они понесли бы ощутимые потери. Но даже если бы казакам удалось совершить невозможное и они прошли бы Среднюю Азию (их бы мирно пропустили или они оружием проложили бы себе путь), затем полки Орлова уперлись бы в Памирский хребет. Труднопроходимые горы и за ними воинственные афганские племена на пути к Индии. И таких гипотетических проблем возникло бы при реализации поставленной задачи слишком много. «Неисчетные трудности» предстояло преодолеть донским полкам — так выразился тогда генерал К. Ф. Кнорринг в письме к В. П. Орлову³⁸.

Очень странно также то, что в поход были направлены только донские полки, а посылать уральских и оренбургских казаков, хорошо знакомых с условиями степей Средней Азии, даже не планировали и о них не упоминали. Создается впечатление, что Павел I хотел избавиться от самого большого казачьего войска России, бросая его на невыполнимое предприятие, а если бы оно все же справилось с задачей, его численность все равно убавилась бы. Примерно в таком свете смотрели на это и некоторые современники событий. Так, весьма близкая ко двору Д. Х. Ливен считала, что за три месяца до начала экспедиции «император Павел в гневной вспышке решил предать уничтожению все донское казачество». По ее словам, «император рассчитывал, что при продолжительном зимнем походе болезни и военные случайности избавят его окончательно от казачества»³⁹. Из историков толь-

³⁸ Филонов А. Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 2. С. 8.

³⁹ Царевубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 186–187.

ко Н. Я. Эйдельман полагал, что одним из обстоятельств назначения донцов для реализации индийского проекта было «не раз высказанное желание Павлом “встряхнуть казачков”, убавить в военной обстановке их вольности и для этого возложить на них главную тяжесть дальнего похода»⁴⁰.

Все эти рассуждения не лишены оснований. Как раз на 1800 г. приходится печально знаменитое дело братьев Грузиновых, которое имело широкий резонанс на Дону. В сентябре — октябре 1800 г. казнили (несмотря на закон 1799 г., запрещающий казни) 6 человек: братья Е. О. и П. О. Грузиновы, как государственные преступники, были запороты кнутом, отчего скончались, а еще четверым «за недоносительство» отсекли головы; более сорока человек были наказаны плетью⁴¹. Назначенный из метрополии присутствовать в войсковом правлении генерал-майор князь В. Н. Горчаков доносил из Черкаска 10 февраля 1801 г. «о видимом ныне здесь прекращении всех неприличностей; ибо доносов об оном более месяца не поступало»⁴². Войсковой атаман В. П. Орлов также излагал свою версию по поводу сложившейся напряженной ситуации на Дону: «Оказались разновременно некоторые изверги, наносящие неприятность, а целому войску сокрушение»; но он полагал, что поскольку «из числа доносов были такие, кои происходят от пьянства или по вражде», то разбираться с ними должны не генералы из Петербурга, а местные власти. Само же решение о походе донских полков было принято императором Павлом I еще в 1800 г. Во всяком случае, атаман В. П. Орлов еще в декабре 1800 г. предпринял поездку по станицам и 14 декабря, давая отчет о количестве неспособных к службе и «написанных из малолетков в казаки», докладывал: «Приемлю смелость Вашего Императорского Величества всеподданнейше удостоверить, что все Войско Донское преисполнено готовности к Высочайшей службе и усердия к Священнейшей Вашего Императорского Величества особе»⁴³. Атаман попытался выправить неблагоприятную ситуацию на Дону и, видимо, уже имел сведения о предстоящем походе.

Исполнять царскую прихоть Войску Донскому все же пришлось. 41 донской казачий полк и 2 роты конной артиллерии (24 орудия, 41 500 лошадей и 22,5 тыс. человек — все боеспособные на тот момент казаки, находившиеся на территории войска)⁴⁴ в конце февраля 1801 г. отправились четырьмя эше-

⁴⁰ *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 224.

⁴¹ *Савельев Е. П.* История казачества. Ч. III. Новочеркасск, 1916. С. 438–439; *Гордеев А. А.* История казаков. Ч. 3. М., 1992. С. 158–159.

⁴² РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 104. Л. 544.

⁴³ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 93. Л. 813–814.

⁴⁴ Судя по архивным документам, в поход отправились 40 донских полков (Атаманский — тысячного состава, четыре полка генерал-майоров — 6-сотенные, остальные — 5-сотенные) и один калмыцкий (полк Асанова — 5-сотенный). (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 107. Л. 105, 275).

лонами (отрядами)⁴⁵ зимой в тяжелых погодных условиях (ветра, морозы, снегопады) через Волжскую и почти безлюдную Оренбургскую степи на завоевание Средней Азии, а от Оренбурга они должны были достичь Индии, главной жемчужины в короне британской империи. Но, преодолев зимой с большими трудностями и лишениями (об этом пишут, приводя подробности, многие авторы) за три недели почти 700 верст, казаки (еще на российской территории в с. Мечетном «при вершинах реки Иргиза») получили 25 марта 1801 г. из Петербурга одно из первых повелений (от 12 марта 1801 г.) взшедшего на престол молодого Александра I — о возвращении на Дон⁴⁶. Эту весть все участники похода восприняли с огромной радостью. По бытовавшему на Дону преданию, атаман В. П. Орлов, получив приказ накануне праздника Св. Христова Воскресенья, собрал полки и поздравил всех: «Жалует вас, ребята, Бог и Государь родительскими домами»⁴⁷. В апреле полки вернулись на Дон. Людских потерь не было, лишь выбыло из строя около 900 лошадей да казенные издержки составили крупную сумму. Так закончилось военное предприятие, в донской историографии оставшееся под названием Оренбургского, а в казачьей памяти Восточного похода. Но сама идея экспедиции в Среднюю Азию тогда очень обеспокоила англичан, и некоторые историки всерьез полагали, что, возможно, не без их помощи российский император Павел I потерял и трон, и жизнь.

Приведем мнение еще одного человека, знакомого с местными условиями, — Оренбургского военного губернатора генерал-майора Н. Н. Бахметьева. Его полностью не посвятили в детали экспедиции, он не знал маршрута (мог только догадываться), но должен был обеспечить полки Орлова переводчиками и медиками. Вот что он писал уже после восшествия на престол Александра I 27 марта 1801 г.: «Путь чрез степь киргис-кайсацкую в области

⁴⁵ Многие авторы ошибочно утверждают, что этой экспедицией руководил генерал-майор М. И. Платов, выпущенный для этого Павлом I из Петропавловской крепости. Его даже называли главнокомандующим (См. напр.: *Арсеньев А. В.* Атаман Платов — завоеватель Индии // Исторический вестник. 1893. № 10; *Федорова О.* За три моря месяца за три // Родина. 2000. № 9. С. 49). На самом деле Платов только 4 февраля 1801 г. прибыл в Черкасск, под его началом в походе находился лишь первый эшелон (отряд) из 13 казачьих полков, а возглавлял экспедицию войсковой атаман генерал от кавалерии В. П. Орлов. (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 104. Л. 547.)

⁴⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. I. М., 1960. С. 11; РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 107. Л. 273–274.

⁴⁷ *Филонов А.* Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 3. С. 10–12; Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 55–61; *Савельев Е. П.* Указ. соч. Ч. III. С. 440–442; *Гордеев А. А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 153–157, 161–162. Радость от окончания похода В. П. Орлов не смог скрыть даже в официальном донесении Александру I, описывая это событие: «Войско Донское, учиня со мною на верность службы Вашего Величества присягу и воздав ко всевышнему Богу о здравии и благоденствии Вашего Императорского Величества усерднейшие молитвы» (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 107. Л. 273).

бухарскую и хивинскую сопряжен не только с чрезмерным затруднением, но даже и совсем почесть невозможный, ибо во многих местах надо запастись водою суток на двое и более; следственно таковому войску, сколько следует под начальством генерала от кавалерии Орлова, пройти, послужит не малою потерею как в людях, так и в лошадях; притом же, кроме четырехмесячного провианта, приуготовленного здесь, по предварительному уведомлению генерала прокурора, на четыре месяца для двадцати тысяч войска, и приуготовлений других никаких, по сие время сделать не повелено; и неизвестно, на чем отправить должно означенный провиант приуготовленный на четыре месяца»⁴⁸.

У исследователей попытка русского проникновения в Среднюю Азию в 1801 г. вызывала разную реакцию, и они давали самые противоречивые оценки⁴⁹. Большинство все же квалифицировало ее как авантюру (даже безумную) или просто в позитивистском ключе излагали факты без особых выводов. Но были и такие, кто полагал, что Павлом I тогда были поставлены вполне достижимые цели. Например, А. В. Арсеньев, в 1893 г. написавший статью на эту тему, всерьез утверждал, что донцам (как он считал, под командованием М. И. Платова) было вполне по силам «перейти степи до границ Индии и там возмутить все туземное население против своих ненавистных поработителей-англичан; такое действие появления казаков-освободителей на умы индийцев, несомнительное и в наши дни, в то время имело больше шансов на успех». Вывод этот поразителен тем, что, помимо примитивной беллетризации исторического повествования, далее в статье автор сделал упор на зревшем казачьем бунте — донцы еще во время похода на своей территории, столкнувшись с трудностями, были готовы пойти на открытое неповиновение воле безумного императора и уйти хоть к туркам⁵⁰. Можно указать и на другого, более грамотного, дореволюционного автора, скрывшегося под инициалами А. Ш-ий (А. Шеманский), которого, судя по подходу и использованной терминологии, можно охарактеризовать как профессионального военного аналитика. Он считал, что индийская экспедиция имела не только высокие шансы на успех, но и могла «быть поставлена в ряду наиболее образцовых стратегических поступков этого рода»⁵¹. В какой-то степени этого военного автора можно оправдать тем, что, помимо научного любопытства, в его работе присутствовал и профессиональный подход, так

⁴⁸ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 107. Л. 332–333.

⁴⁹ Самую крайнюю оценку дал востоковед Н. А. Аристов. По его едкому замечанию, этот план Павла I «скорее относился к области психиатрии» (Цит. по кн.: *Снесарев А. Е.* Указ. соч. С. 27).

⁵⁰ *Арсеньев А. В.* Атаман Платов — завоеватель Индии // Исторический вестник. 1893. № 10. С. 47.

⁵¹ *Ш-ий А.* Былые русско-английские распри // Военно-исторический сборник. 1916. № 2. С. 47.

как события 1801 г. он проецировал на потенциальную ситуацию в будущем — вдруг русским войскам понадобится совершить бросок в Индию? В тексте статьи были достаточно грамотно рассмотрены цели, задачи, условия, средства, разработка плана, перечислены возможные трудности (правда, далеко не все), а успеха, по его мнению, можно было достигнуть только благодаря целеустремленности и внезапности.

Совсем по-иному выглядят выводы нашего современника В. А. Захарова. Бросив мимоходом упрек своим коллегам («мало кто удосужился серьезно изучить цели и задачи предполагавшейся экспедиции») ⁵², он связал осуществление Индийского проекта с «мальтийской политикой» Павла I, а самого императора охарактеризовал как «умного, проницательного, настойчивого». Не будем разбирать большое количество ошибок в его работе. Сама статья повторяет фактический материал (включая научный аппарат и сюжеты), приведенный в книге известного историка Н. Я. Эйдельмана, но вот выводы, сделанные автором, оказались весьма неожиданными. «Подводя итоги “индийскому походу”, — пишет В. А. Захаров, — приходится констатировать, что он стоил жизни пяти тысячам казаков, оставшихся лежать в земле Азии. Но, с другой стороны, он был вполне взвешен и обдуман, его претворение в жизнь давало бы России расширить (так в оригинале. — В. Б.) свое влияние на Восток, ослабив таким образом английское. С другой стороны его реализация вполне возможно изменила бы и ситуацию на Кавказе и не привела бы к кровопролитной Кавказской войне, разразившейся через четверть века. История не только России, но и всего мира была бы совершенно другой» ⁵³.

Неизвестно, откуда автором взята совершенно фантастическая цифра безвозвратной убыли экспедиции В. П. Орлова, не сделавшей ни одного выстрела, но якобы потерявшей свыше 20% личного состава за один месяц, да еще находясь на своей территории. Какие же потери казачий отряд имел бы после перехода границы? Такой результат уже можно считать (и он считался бы) катастрофическим, а В. А. Захаров, противореча самому себе, полагает, что план «был вполне взвешен и обдуман».

В данном случае исторические реалии соседствуют с гипотетическими рассуждениями, оторванными от реальной канвы событий, а автор исходит не из фактического материала, с которым он явно слабо знаком, а из собственных мечтаний: как было бы замечательно одним кавалерийским наскоком «утвердить» Среднюю Азию (да и Индию мимоходом), после чего у империи появилось бы такое влияние, что народы Кавказа, по-видимому, сразу добровольно присоединились бы к России?!

⁵² Захаров В. Об индийском походе Наполеона Бонапарта и Павла I // Рейтар. 2006. № 26. С. 32.

⁵³ Там же. С. 46.

Но историк должен строить свой анализ не на желаемом, а исходить из документов и тогдашней действительности. Начнем с того, что по прибытии казаков на Дон атаман донес в Петербург об отсутствии людских потерь (правда, было много заболевших). Иных сведений в источниках и в литературе найти мне не удалось. Но план экспедиции от этого не становится «взвешенным и обдуманным», он был нереалистичным, поскольку не отвечал ни внутренним, ни внешним задачам государства. Да и стоит ознакомиться с литературой о русском проникновении в Среднюю Азию в XIX веке, чтобы понять все трудности, с которыми сталкивались армия и власти⁵⁴. Да и быстрого и адекватного ответа вероятным действиям английского флота на Балтике в 1801 г. не получилось бы. В лучшем и самом благоприятном случае (казаки Орлова дальше Памира не продвинулись бы), английская реакция на такой шаг была бы запоздалой. В тот момент поход в Среднюю Азию мог создать не прямую, а лишь косвенную и потенциальную угрозу английским владениям в Индии. А вот непосредственно в 1801 г. все бы решилось в боевом противостоянии Балтийского флота с эскадрой Г. Нельсона (как не специалист по морским делам, не возьмусь предсказать, кто одержал бы верх⁵⁵). Так ли это нужно было тогда России?

Во всяком случае, поход русских войск через Среднюю Азию представлялся очень проблематичным. Еще в 1750 г. действительный тайный советник И. И. Неплюев из Оренбурга «отправил для пробы в Индию небольшой караван с оренбургскими татарами и считал его уже без вести погибшим», когда в 1754 г. он возвратился в Оренбург. Особых торговых отношений со Средней Азией больше не наблюдалось. В 1800 г. начальник оренбургского таможенного округа П. Е. Величко говорил с президентом коммерц-коллегии князем Г. П. Гагариным об учреждении русскими купцами «конторы индийской компании», но дальше разговоров и намерений дело не пошло⁵⁶. В 1804 г. началась подготовка к походу в Хиву, но была отменена⁵⁷. Далее в 1807 г. происходит активизация русских намерений; в 1808 г. в Хиву и Бухару опять хотели послать вооруженные купеческие караваны, но желающих

⁵⁴ См.: *Снесарев А. Е.* Индия как фактор в среднеазиатском вопросе; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. I.; *Зайончковский П. А.* К вопросу завоевания Средней Азии // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 36–95.

⁵⁵ По данным Ф. Е. Огородникова, в 1800 г. по спискам на Балтийском флоте значился 31 линейный корабль, но из них едва ли 21 корабль мог считаться годным к бою. Английская эскадра состояла из 18 линейных кораблей, а всего из 93 кораблей разного класса. (См.: *Огородников Ф. Е.* Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. СПб., 1902. С. 222; Русско-индийские отношения в XIX в. С. 35.)

⁵⁶ *Усов П.* Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 144.

⁵⁷ *Юдин П.* На Индию (По поводу небывалого похода атамана Платова) // Русская старина. 1894. № 12. С. 239.

купцов не нашлось, поэтому так ни одного каравана и не было отправлено⁵⁸. Это свидетельствует о том, что Россия в начале XIX столетия достаточно плохо знала положение соседей в Средней Азии и даже не имела в этом регионе своих торговцев.

Все же возвратимся к индийскому проекту начала XIX столетия и попробуем, опираясь на факты, реконструировать этапы развития самой идеи. Обострение отношений России с Великобританией началось с октября 1800 г., и тогда со стороны Павла I были сделаны первые шаги для подготовки казачьего похода в Среднюю Азию. 12 января 1801 г. Павел I подписал рескрипт атаману В. П. Орлову о походе его полков в Индию; следовательно, к тому времени идея экспедиции уже запала в голову российского императора. 15 января 1801 г. он обратился к Н. Бонапарту с предложением предпринять что-либо против Англии в Европе. Именно после этого, на фоне эскалации враждебных отношений с Великобританией, в павловском окружении и был разработан проект, а затем направлен с одним из русских генералов в Париж. Возможно, при ознакомлении с текстом плана сам первый консул поставил вопросы, а представлявший проект русский генерал постарался на них ответить. Этот текст и был направлен с Дюроком в Петербург, но Павла I он уже не застал в живых. Обсуждать проект оказалось не с кем. Новый император Александр I с первого момента вступления на престол решительно отказался от проведения антианглийской политики. Таким образом, текст проекта остался у французской стороны и впоследствии был опубликован в 1840 г.

Остается непроясненным вопрос об отношении Н. Бонапарта к самой идее индийского проекта, как и о том, что он выиграл от ее появления. Был ли искренен первый консул, проводя свою политику по отношению к России? На последний вопрос можно ответить утвердительно, так как любая дипломатическая комбинация по сотрудничеству с Россией тогда работала на интересы Франции. Даже сам факт переписки с российским императором давал дополнительные преимущества французской дипломатии на переговорах с австрийцами, помогал оказывать давление на нейтральные страны и даже увеличивал шансы на заключение мира с Великобританией. То, что правительство Бонапарта было заинтересовано в дружеских отношениях с Павлом I, не вызывает сомнений; кроме того, об этом свидетельствуют конкретные шаги по отношению к русским военнопленным, отпущенным без всяких предварительных условий на родину, а также теплый прием русских дипломатических представителей. Не говоря уже о том, что в дар Павлу I был отправлен хранившийся во Франции меч одного

⁵⁸ Усов П. Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 148–154.

из гроссмейстеров Мальтийского ордена. Со стороны Петербурга также проявлялось встречное желание наладить отношения. Правда, вопрос, в какой форме стали бы «дружить» две державы, оставался не совсем ясным⁵⁹. Смогли бы они заключить военно-политический союз или просто мирный договор? Сама динамика взаимных контактов и политическая ситуация толкали вчерашних противников в объятия друг к другу, хотя со стороны России оставались принципиальные требования, которые отнюдь не устраивали первого консула⁶⁰. Н. Бонапарт, думается, все же поддержал саму идею совместного похода, а также старался просто-напросто прозондировать политическую почву, надеясь лишь в будущем реализовать подобный план. Да и в текущей политике этот проект ему нисколько не мешал, а только работал на Францию, отвлекая Россию от европейских проблем и втягивая в фарватер внешнеполитических интересов Наполеона. Осуществлять идею именно в 1801 г. будущий французский император явно не намеревался. Но семена упали в почву, и потому Наполеон пытался претворить сходные замыслы в жизнь уже в 1808 и в 1812 гг.

⁵⁹ Подр. см.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. С. 332–374.

⁶⁰ Характеризуя ход франко-русских переговоров, А. М. Станиславская в своей монографии также пришла к аналогичному выводу: «Прошло немного времени, и невозможность союза павловской России и наполеоновской Франции стала очевидной». Она объяснила при этом, почему не произошло формального разрыва переговоров: «до определенного момента обе стороны равно желали союза против Англии» (Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 164, 166).

Р. Н. Рахимов

БАШКИРЫ И КАЛМЫКИ В ПРУССКОМ ПОХОДЕ 1807 г.

Тильзитский мир завершил боевые действия России и Пруссии в войне с наполеоновской Францией. Несмотря на неудачи, русские войска показали массовый героизм, отвагу и самопожертвование, заслужив уважительное отношение со стороны противника. Вместе с тем эта проигранная война дала новый опыт для армии, заставила многих офицеров задуматься о вопросах стратегии и тактики будущей европейской войны, многие из этих планов и идей были успешно реализованы в 1812–1814 гг.

Для кочевников юго-востока России, башкир и калмык, эта война была первой во многих отношениях: первой в XIX в., на которую они были направлены, первой при императоре Александре I, первой после введения кантонной системы управления, первой, в которой предполагалось их массовое участие. Всего на войну было откомандировано 10 тыс. башкир во главе со своими кантонными начальниками, вместе с ними были направлены в армию ставропольские (крещеные) калмыки¹. Вооружение степных воинов было традиционным — лук и стрелы, незначительное число имело сабли и пики, единицы — огнестрельное оружие, в основном в виде фитильных ружей на высоких сошках. В силу обстоятельств башкирская и калмыцкая конница прибыла на театр военных действий поздно, поэтому она успела принять участие в последних боях лета 1807 г. Появление в составе русской армии кочевников, имевших средневековое оружие, не прошло незамеченным для её участников. Опыт привлечения кочевников для войны в Европе был реализован в 1812–1814 гг., когда в составе русской армии воевало 20 башкирских, 2 мишарских, 2 тептярских, 4 крымско-татарских, 2 калмыцких

¹ После принятия крещения переселены в XVIII в. из Астрахани. Названы по крепости Ставрополь-на-Волге, ныне г. Тольятти.

(астраханских) и один ставропольский калмыцкий пятисотенных полков. И именно после этой войны в военную историю вошло прозвище, которое французы дали башкирам, — «Северные амуры».

Историография участия башкир в военных действиях в 1807 г. невелика. Сразу после войны, и некоторое время спустя, были опубликованы работы современников этих событий, в которых в той или иной степени описывалось участие башкир в войне, давалась ему оценка. Офицер Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, впоследствии генерал-майор П. А. Чуйкевич, в 1810 г. опубликовал работу, в которой подробно описал действия башкирской конницы. В основу этой книги был положен «Журнал», который автор вел, находясь в составе корпуса М. И. Платова². Английский офицер, находившийся при русской армии, сэр Роберт Т. Вильсон также наблюдал башкир в бою 4 июня 1807 г. и в своей работе, вышедшей в 1810 г., отметил, что они «с большим эффектом атаковали отряды врага, захватив пленных»³. В 1839 г. другой участник событий, известный поэт-партизан Д. В. Давыдов, опубликовал в первом томе сборника «Сто русских литераторов» свои воспоминания «Тильзит в 1807 году». Давыдов, красочно описав случай ранения французского подполковника башкирской стрелой в нос, в целом отнесся пессимистично к самому факту использования национальной конницы, имевшей средневековое оружие, против современной армии⁴. В официальной историографии участие башкир в бою с наполеоновской кавалерией под Тильзитом зафиксировал А. И. Михайловский-Данилевский⁵.

В советской историографии об участии башкир в боевых действиях 1807 г. в центральных изданиях не писалось ничего, а в региональных это участие просто констатировалось, причем все авторы опирались в качестве источника на опубликованные ранее воспоминания Чуйкевича, Давыдова, Вильсона⁶. В какой-то мере большей новизны в освещении темы достиг

² Чуйкевич П. А. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810.

³ Wilson R. Brief remarks on the character and composition of russian army and sketch of the compaigns in Poland in the years 1806 and 1807. By sir Robert Wilson. London, 1810. P. 40–41.

⁴ Цит. по изд.: Давыдов Д. В. «Тильзит в 1807 году» // Сочинения в трех томах. СПб., Ежемесячное приложение к журналу «Север» за январь 1893. Т. 1. С. 294–296.

⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806–1807 гг. СПб., 1846. С. 343–344.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1. Ч. 2. С. 64–65; Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Оренбург, 1962. С. 128–129; Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 18–19; Асфандияров А. З. Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 75–78; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 391; Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. С. 68–69.

А. З. Асфандияров, дополнивший материал именами отличившихся воинов, выявленными в архивных документах.

В современной отечественной историографии участие башкир в войне 1806–1807 гг. начало приобретать иной вид. Так, В. Н. Шиканов считает, что непосредственно боя башкир с французами не было: «В ходе преследования французы впервые столкнулись с прибывшими к русской армии башкирскими лучниками. Офицеров, наслышанных о войнах рыцарской эпохи, ошеломила туча стрел, повисших в небе. Впрочем, всему свое время. Просвещенные представители XIX столетия попытались наказать “варваров” клинками, но степняки не приняли ближнего боя и исчезли за дальними холмами»⁷. В. И. Лесин в научно-популярной книге о донских казаках, рассказывая об участии башкир в боях под Тильзитом, ограничился цитированием Чуйкевича и «Журнала военных действий императорской российской армии»⁸. В. А. Кузнецов вообще усомнился в цифре 10 тыс. башкир, направленных в Пруссию, считая, что в 1807 г. была командирована всего тысяча человек, а в источники, сообщающие о большем числе воинов, вкрались описки и путаница, совершенные канцелярскими служителями⁹. Наше обращение к теме связано с текстологическим анализом регионального переиздания мемуаров Д. В. Давыдова, получивших искаженный и цензурированный вид, а также с развитием идеи активного применения иррегулярной кавалерии в будущей войне с Наполеоном, непосредственно связанной с тильзитскими событиями¹⁰.

О ставропольских калмыках в походе 1807 г. информация совсем скудна. Впервые попытался рассмотреть этот вопрос Г. Н. Прозрителев¹¹. Он сообщил сведения о вооружении, подготовке к походу, участии калмык под командой майора Баглюнова в бою под Тильзитом. Некоторые сведения

⁷ Шиканов В. Н. Первая Польская кампания. 1806–1807. М., 2002. С. 282.

⁸ Лесин В. И. «Ваше величество, это казаки...» М., 2007. С. 130; Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, то есть с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. СПб., 1807.

⁹ Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара — Челябинск, 2008. С. 338.

¹⁰ Рахимов Р. Н. Назад в будущее, или «Тильзит в 1807 году»: текстологический анализ одной публикации // Modern history. Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Уфа, 2007. Вып. VIII. С. 98–107. Региональная публикация с искажениями и купорами, о которой идет речь: Давыдов Д. В. «Тильзит в 1807 году» // Башкирия в русской литературе. В шести томах. / Предисловие, биографические справки, комментарии и библиография М. Г. Рахимкулова. Уфа, 1989. Т. 1. Рахимов Р. Н. Башкирская конница под Тильзитом: Краткая встреча — долгое эхо. (К проблеме участия иррегулярной кавалерии в наполеоновских войнах) // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной научной конференции. СПб., 2008. С. 184–187.

¹¹ Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года // Труды Астраханской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1912. Вып. III.

о калмыках в походе 1807 г. сообщил Т. И. Беликов¹². В известной степени, опубликованный материал обобщил В. А. Кузнецов¹³.

Зарубежная историография оставила тему присутствия национальной конницы в составе русской армии и её участия в боевых действиях 1807 г. без всякого внимания.

Исследование участия иррегулярной, тем более национальной конницы в наполеоновских войнах имеет одну особенность — это слабая источниковая база. Из опубликованных источников известен «Журнал» П. А. Чуйкевича под названием «Подвиги казаков в Пруссии в 1807 г.», он в настоящее время хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде «Собрание Генерального Штаба»¹⁴. К тексту приложена рисованная карта Пруссии. «Журнал» переплетен в красную кожу с золотым тиснением, на нем имеется экслибрис библиотеки Генерального Штаба. Перекрестное сравнение текста «Журнала» и ряда архивных документов, а также записок Р. Вильсона подтверждает достоверность этого источника. Кроме Чуйкевича и Давыдова о башкирах в походе 1807 г. в своих мемуарах упоминают князь И. М. Долгоруков и участник боевых действий князь С. Г. Волконский¹⁵.

Непосредственно архивные источники буквально рассыпаны по разным фондам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва) и Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ, г. Уфа). Обращение к фондам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ, г. Москва) позволило нам обнаружить в фонде «Военная канцелярия генерал-губернатора» коллекцию документов, связанных с походом в Пруссию башкир и калмык, отложившихся в компактном виде.

До сегодняшнего дня остаётся открытым вопрос о том, кто стоял у истоков принятия решения об отправке национальной конницы в русскую армию. На наш взгляд, император Александр I мог прийти к нему вполне самостоятельно. Но, с одной стороны, на него мог оказывать влияние генерал-адъютант и помощник начальника императорской Военно-походной канцелярии князь П. М. Волконский, которому Оренбургский военный

¹² Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965. С. 118–120.

¹³ Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 284–285.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 83.

¹⁵ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение. СПб., 2005. Т. 2. С. 16; Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901. С. 54.

губернатор генерал от кавалерии князь Г. С. Волконский, имевший с ним переписку, мог предложить такой вариант. С другой стороны, министр военных сухопутных сил С. К. Вязмитинов о башкирах и калмыках знал также достаточно хорошо. В 1794 г. он был исполняющим обязанности Симбирского и Уфимского генерал-губернатора, с 1795 г. командовал Оренбургским корпусом, а в 1796 г. был Оренбургским военным губернатором.

Формирование и отправка национальной конницы началась после получения указа Александра I от 9 ноября 1806 г. Оренбургскому военному губернатору князю Волконскому предписывалось командировать в армию «из числа обитающего при хребте гор Уральских иррегулярного войска команды» в общем количестве 5 тыс. человек с чиновниками¹⁶. Речь шла о башкирах и пятисотенной команде ставропольских калмыков (560 человек рядовых, вместе с чиновникам — 600 человек). Затем, 24 января 1807 г., последовал второй указ императора об отправке еще 10 пятисотенных башкирских команд, т. е. 5 тыс. человек, это были так называемые «команды второго наряда». Волконский в качестве сопровождающих прикрепил к командам штаб- и обер-офицеров регулярных частей Оренбургской инспекции.

Формирующиеся и отправляемые к армии башкирские команды получили свои порядковые номера. Первыми в 9 башкирском кантоне были сформированы две пятисотенные команды, вышедшие в поход 27 декабря 1806 г. В своём рапорте командир этих команд Рыльского мушкетерского полка майор Данисьев указал, что в них «люди молодые и могут быть к службе расторопные, и вооружены по их обыкновению саблями, стрелами, и копьями, каждый о дву конь, но лошади весьма посредственны и притом худо кормленные, так как по азиатскому их обыкновению ходят оные лошади лето и зиму в степи и кормятся более подножным кормом»¹⁷. Это были 1-я команда кантонного начальника поручика Бурангула Куватова, состоявшая из кантонного начальника, старшины, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, писаря, муллы, 10 пятидесятников, 490 рядовых, 1004 лошадей, и 2-я старшины Аксувака Узебаева, состоявшая из старшины, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, писаря, муллы, 10 пятидесятников, 469 рядовых на 962 лошадях. 3-ю и 4-ю из 6 башкирского кантона и 9-ю возглавил Уфимского мушкетерского полка майор Кандауров. Московский комендант при прохождении их через город произвел им 25 февраля 1807 г. смотр, отметив, что «люди довольно хороши и здоровы,

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2846. Л. 126–126 об. Все даты, кроме специально оговорённых, приводятся по старому стилю.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2185. Л. 103.

но лошади с форсированных маршей тощи, но впрочем здоровы»¹⁸. 8-ю возглавлял капитан Украинцов, 10-ю команду — майор Феофилачев.

В Ставропольском калмыцком полку согласно рапорту от 15 января 1807 г. его начальника, войскового атамана майора Баглюнова, после смерти на марше одного человека, состояло людей 599, а лошадей 1 226¹⁹. Все 10 башкирских команд подчинялись, вместе с калмыками полковнику князю А. В. Уракову, шефу Ревельского мушкетерского полка, до этого времени служившему в полках Оренбургской инспекции Уфимском и Рыльском. Одновременно с башкирами и калмыками, с Оренбургской линии к армии 26 декабря 1806 г. был откомандирован 1-й Тептярский конный казачий полк.

Команды «второго наряда» возглавляли: 11-ю из 9 башкирского кантона адъютант Оренбургского военного губернатора капитан Н. А. Темиров (Темирев); 12-ю Рыльского мушкетерского полка поручик Янышев; 13-ю 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Моисеев; 14-ю Кизильского гарнизонного батальона поручик Усрвецкий; 15-ю 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Шефлерев; 16-ю Рыльского мушкетерского полка капитан Некрасов; 17-ю Уфимского гарнизонного батальона штаб-капитан Петровский; 18-ю 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор С. А. Вильчик; 19-ю 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Руднев; 20-ю Уфимского мушкетерского полка поручик Мальковский²⁰. Все они также должны были явиться в команду князя Уракова.

14 марта 1807 г. командование всеми национальными частями было возложено Александром I на генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Репина²¹. Он произвел осмотр находившихся на кантонир-квартирах команд. Его рапорт от 22 апреля 1807 г. показывает, что в командах башкир с 5-й по 10-ю состояло налицо: штаб-офицеров — 2, обер-офицеров и старшин — 105, пятидесят-

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2858. Л. 33.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2799. Л. 46.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2858. Л. 33; Д. 2892. Л. 321; Д. 2898. Л. 5, 7, 9, 185, 186, 188.

²¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 226. И. И. Репин — генерал-лейтенант, впоследствии сенатор. Участвовал в военных действиях в Архипелаге в 1770–1773 гг., в подавлении движения Е. И. Пугачева в 1773–1775 гг., в русско-шведской войне 1788–1790 гг., в военных действиях в Польше в 1794 г. В ноябре 1797 г. — генерал-майор, в мае 1799 г. — генерал-лейтенант. Участвовал в 1800 г. в ревизии атаманских дел на Дону и казни Е. Грузинова и его людей, за что подвергся опале как превысивший свои полномочия. С 1801 г. он был в отставке. В 1807 г. принят на службу генерал-лейтенантом по армии для командования и приготовления к походу тридцати башкирских и десяти калмыцких команд, расположенных во внутренних губерниях, но, по заключении с Францией мира, войска были распущены, а Репин получил Высочайшую благодарность. 22 июля 1808 г. генерал был назначен комендантом Баку. С 1811 г. — в отпуске, с 1813 г. направлен в Могилевскую губернию для скорейшего исследования беспорядков, произведённых в Белоруссии Малороссийским ополчением под командою графов Гудовичей. С февраля 1816 г. — сенатор. Умер 24 ноября 1832 г. в Санкт-Петербурге. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Георгия 4 ст., Св. Анны 1 ст.

ников — 66, рядовых — 2866, лошадей строевых — 2993, вьючных — 2771. Больных насчитывалось 60 человек рядовых²². Известно, что на 21 января башкирские команды имели свои кантонир-квартиры в Орловской губернии: № 1 в Мценске, № 2 в Болхове, № 3 в Карачеве, № 4 в Дешкине, № 5 в Трубичевске, № 6 в Дмитровске, № 7 в Кромах, № 8 в Малоархангельске. В Курской губернии находились команды № 9 (место квартир неизвестно) и № 10 (в Дмитриеве). Откомандированные из Оренбургской губернии в это же время на войну с Турцией 1-й Уральский казачий полк стоял в Рыльске, 2-й — в Путивле, 1-й Оренбургский — в Льгове, 2-й Оренбургский — в Судеже. Ставропольские калмыки находились в Севске Орловской губернии, 1-й Тептярский полк — в Белопольске на Слободской Украине²³. Затем 1–4-я команды были направлены в Вильно.

11–20-я башкирские команды вышли в поход в апреле 1807 г. Каждой из них из Провиантского департамента на провиант было выдано 2 тыс. руб. Продовольствование лошадей определялось ещё павловскими нормами от 19 сентября 1797 г. Согласно им, при нахождении иррегулярного войска в походе «от домов своих далее ста верст, то лошади удовольствуются сухим фуражом только зимнее время по климатам, фураж отпускается в натуре единственно на строевых лошадей, а на вьючных платятся деньги по тем ценам, по каким сено и овёс заготавливаются, летнее же время они находятся на подножном корме»²⁴.

Во время марша башкирских команд возникли различные проблемы. Маршруты передвижения, расписанные в штабах, не учитывали реальной пропускной способности дорог и особенно паромных переправ. Отсутствие резервных запасов продовольствия и фуража на местах следования, в случае задержки с отправлением, вело к насильственному захвату у обывателей фуража и провианта башкирами. Эту ситуацию ярко описал И. М. Долгоруков, в то время владимирский губернатор: «Желая пугать французов всем тем, что в России страшно, начальники военных департаментов рассудили выпустить против них башкир, как шавок на медведей. Пошли калмыцкие орды из всех оренбургских улусов на цесарские и прусские границы. Дикие эти народы огромную поставили конницу, и все это нестройное войско проходило в самое разлитие вод через Володимир. Каждый день похода был так учтен, с такою точностию назначен, как бы в хорошую погоду. Ни метели, ни разливы рек, ни топкие дороги, ничто не удерживало, и за самые даже естественные препятствия губернатор мог опасаться негодования. Паромов было довольно везде, но для обыкновенного упо-

²² ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 300.

²³ Там же. Л. 218.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2898. Л. 54 об.

требления, для почты и проезжих. На такую тьму народа потребно было бы заготовить их больше, на это надобно время, а недосуги петербургские мешали там все обдумать заранее. Как легче того, что все взвалить на отчет губернатора, назвав его хозяином? Отговорки не принимались. Десять тысяч башкир и вдвое больше лошадей опустошили все наши пажити и открывшиеся после снега поля. Явилось повсеместное хищение. Башкир отнимал и грабил, я получал жалобы и принужден был бросать их в камин, потому, что не было в те дни уже ни суда, ни расправы, и военные чины делали, что хотели. Сам я нередко в бурю и непогодь принужден был переправляться с толпой башкир с берега на другой и обратно, чтоб усилить действие полиции, которой они не слушались, моим присутствием и оберегать жителя городского от их наглости. Прекрасное войско! Отнимет и уйдет. Одной нагайки не боится, она самое лучшее его орудие, а от огня бежит, как чорт от ладана. Иные бросают стрелы и щеголяют тетивой, но что могут они против хорошей медной пушки, когда она ядром туза пошлет? Слонялись они долго, обременили военную кассу, разорили все на путях своих и воротились домой, не принеся ни врагам страха, ни друзьям прибыли»²⁵. В сентябре — октябре 1807 г. шло расследование претензий обывателей Богородского уезда Московской губернии за забранный у них иррегулярными войсками провиант и фураж. Речь шла о 11 квитанциях, данных башкирскими командами в приеме от обывателей безденежного провианта и фуража. По рассмотрении оказалось, что в некоторых из них не обозначено по времени, что забрано, и по каким ценам, кроме того, квитанции не были засвидетельствованы чиновниками земского суда. В конечном итоге было решено выплатить обывателям 3 556 руб. 93 $\frac{3}{4}$ коп.²⁶

Вторая проблема, с которой пришлось столкнуться во время марша, — незнание русского языка башкирами, их иногда агрессивное поведение, вследствие чего возникновение беспорядков, конфликта с местным населением. Ситуация дошла до императора, и министр военных сухопутных сил 13 февраля 1807 г. сообщил Московскому военному губернатору Т. И. Тютюмину «монаршию волю» по этому вопросу, «чтобы из Московского гарнизонного полка выбрали вы надежнейших по своему усмотрению штаб или обер-офицеров и определили их в начальники тем пятисотенным башкирским полкам»²⁷. В апреле шло разбирательство по поводу убийства в слободе Михайловке соцкого Ивана Бутова и тяжелого ранения малороссиянина Данилы Зибина башкиром 9-й команды Ситумеем Мулакаевым²⁸.

²⁵ Долгоруков И. М. Указ. соч. Т. 2. С. 16.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2947. Л. 6 об.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2858. Л. 168.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2892. Л. 315.

Еще одной сложностью стали внутренние конфликты в полку и командах, которые приходилось разрешать военному командованию. Так, башкиры 11-й команды подали жалобу на капитана Темирова, считая, что он присвоил себе фуражные деньги, из-за чего они были вынуждены покупать корм на свои, а также что он нанёс некоторым из них побои. Разбирательство, проведённое Московским комендантом И. Х. Гессе в апреле 1807 г., показало, что на самом деле башкиры хотели получать деньги на фураж на палых лошадей, что «при осмотре никаких знаков на теле и ушибу не нашлось, а неудовольствие башкирцы имеют на онаго капитана Темирова больше за то, как и лично мне сами объявили, что во время трехсуточного растаха их в городе Володимире, он, Темиров, имея от начальства препоручение, сколько можно их обучить к фрунтовым движениям, и во время учения за ошибки их ударял, отчего у некоторых переломилось по несколько стрел деревянных, а у одного башкирца колец от сабли переломился тогда когда он поскакал, а от того и лошадь у него споткнулась; то на таковой случай сделал я оному капитану свое замечание, дабы он впредь поласковее с ними обращался»²⁹. Ранее, в марте, чиновники Ставропольского калмыцкого полка жаловались на войскового атамана майора Баглюнова «о разных его якобы несправедливостях и притиснениях»³⁰. В мае Гессе разбирал конфликт, случившийся в 13-й башкирской команде. Майор Моисеев запрещал старшине Мугулле Игликову употреблять спиртное, тот возмущал против майора башкир. При расследовании оказалось, что башкиры офицером довольны, сам старшина до этого времени считал себя начальником, а майора только провожатым. В итоге было учинено «миролюбивое письменное согласие», в котором башкиры и старшина обещали слушаться во всём майора Моисеева³¹. В мае из 12-й команды поручика Янышева, стоявшей в Болхове, «отлучились» 20 башкир³².

Особую проблему составляло слабое вооружение. Военное руководство принимало различные меры для его улучшения. Так, для обучения навыкам стрельбы из огнестрельного оружия, по высочайшему повелению, объявленному в феврале 1807 г. инспектором артиллерии графом А. А. Аракчеевым, было назначено отпустить на комплектные патроны порох, свинец и бумагу, но не больше чем на 50 патронов для каждого человека, исходя из расчета, что одна половина будет ружейные, а другая пистолетные. Отпуск пороха, свинца и бумаги производился от артиллерийских команд в Оренбурге, Казани, Москве. Предписывалось на обуче-

²⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2892. Л. 86.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 254.

³¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2898. Л. 120–120 об.

³² Там же. Л. 220.

ние отпускать каждому человеку пороху мушкетного по фунту, а свинца по 24 золотника³³. Кроме того, указом от Военной коллегии по Комиссариатской экспедиции было решено приготовить «для калмыкских команд» 5 тыс. пик. Для принятия их в октябре 1807 г., уже после окончания военных действий, комиссия Московского комиссариатского депо назначила комиссионера 12 класса Куломзина, который приняв их, отправил в артиллерийский арсенал, поскольку, как оказалось, иррегулярная конница имела этот вид вооружения³⁴.

Несмотря на различные проблемы, в целом сбор и отправление такого большого войска был произведен быстро и организованно. Оренбургский военный губернатор справился с поставленной задачей и продолжал вести подготовку башкир к возможной новой командировке. Это видно из «Ордера начальнику 3-го башкирского кантона о подготовке к войне с Францией» от 28 марта 1807 г., в котором он писал: «Верноусердное войско башкирское, ревнуя со отчим и держась примера предков их, отправило уже отличных воинов десять тысяч человек к армии. [...] К точному исполнению сего и прилежному за подчиненными вашими наблюдению, предлагаю вам с тем, чтоб все состоящие в кантоне вашем чиновники и башкирцы, кои по летам их и по здоровью годны к верховой езде и действию оружием, по получении сего предписания немедленно возымели попечение приготовить себе пик, чтоб как в лошадях, равно и оружию особливо пики и садаки со стрелами, употребляемые наиболее к действиям военным башкирцами, были в совершенной исправности, и ни малейшей поправки же не требовали. Не менее нужно чтоб и сабли, и у кого есть ружья тоже исправить, и, словом, поставить каждой себе обязан так, чтоб в прямом виде составляли из себя воинов и готовых всегда сесть на конь и действовать противу неприятеля»³⁵.

14 марта 1807 г. Вязмитинов сообщил: «Для усиления легкими войсками армии под командованием г. генерала от кавалерии барона Беннингсена действующей, его императорское величество высочайше повелеть соизволил, чтобы [...] из числа прибывающих в определенные по прежнему назначению места пятисотенных Оренбургского войска башкирских команд, тем, которые уже имеют больше времени взять отдохновения и исправиться, и в которых найтись может более искусных стрелков из ружей, не делая одинакож выбора им из разных, но целыми пятисотными командами с получения сего [...] отправили каждую особо прямыми путями к городу Виль-

³³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2846. Л. 126–126 об. О получении пороха, свинца и бумаги свидетельствует рапорт майора Руднева: ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 135.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2947. Л. 17 об.

³⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 304А. Л. 161–161 об.

но в команду генерала от инфантерии Римского-Корсакова»³⁶. Кантонир-квартиры, освободившиеся от отправленных к армии команд, по мнению царя, должны были занять команды «второго наряда», а «о фураже и подножном корме распорядиться так, чтобы лошади были сыты, но не на словах, а на деле»³⁷. На фоне военных неудач Александр I стремился использовать все возможные силы для борьбы с противником.

4 июня 1807 г. с корпусом М. И. Платова соединились две башкирские пятисотенные команды и Ставропольский калмыцкий полк под общим командованием полковника князя А. В. Уракова. Это были 1-я и 2-я башкирские команды 9 кантона поручика Б. Куватова и старшины А. Узебаева. Они приняли участие в бою под Велаяу. Вот как об этом сообщается в «Журнале» Чуйкевича:

«В полдень (4 июня. — *P. P.*) неприятель под прикрытием артиллерии во многих местах переправился через реку (р. Прегель. — *P. P.*) по понтонам. Кавалерия правого фланга под командою дивизионного генерала Груши пошла двумя колоннами в верх Прегеля берегом, в намерении атаковать левой фланг казаков. Генерал Платов, уступая рвению кантонных начальников башкирских команд, приказал князю Уракову напасть с ними на французов. Башкирцы чувствительны были к сему назначению и выполнили приказание с отличным мужеством. Несколько охотников, владея ружьем, завели с неприятелем перестрелку, выманивали его, дали к деревне Колм, и разохотили французские эскадроны к преследованию новых невиданных ими людей. Одна башкирская команда стояла за возвышением, за которым трудно ее было видеть, другая подпустив неприятеля в довольное расстояние пустила в кавалерию несколько сот стрел, скрытая же команда сделала потом быстрый поворот на право и ударила дротиками во фланг неприятелю, который не мог устоять, будучи изумлен и замешан новостью оружия, с которым против него действовали. Башкирцы гнали кавалерию до самой пехоты, принудив их сильным огнем оставить конницу, которой они не давали пощады»³⁸. Как видно из описания боя, башкиры применили традиционный приём степной войны, перенятый у кочевников казаками и получивший у них название «вентерь». Характер использования оружия был также традиционным — обстрел стрелами, атака и преследование с использованием пик. Новацией были застрельщики, вооруженные огнестрельным оружием, для башкир редким.

³⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 222 и об. Генерал от инфантерии А. М. Римский-Корсаков являлся Виленским губернатором, ему были поручены войска резервного корпуса, находившиеся в губерниях Виленской, Гродненской, Минской.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2898. Л. 142.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 83. С. 83–84.

Если Чуйкевич и Вильсон были удовлетворены атакой национального войска, то у Давыдова прибытие башкир не вызвало большой радости. Он сообщает: «В этот день, как будто для развлечения нас от неблагоприятных обстоятельств, прибыло в арьергард несколько башкирских полков, только что пришедших в армию. Вооруженные луками и стрелами, в вислоухих шапках, в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях неуклюжих, малорослых и тупых, эти жалкие карикатуры удалых черкесских наездников, присланы были в арьергард, — как нас уверяли тогда, — с намерением поселить в Наполеоне мысль о восстании на него всех народов, подвластных России, и тем утратить его»³⁹.

После боя, судя по «Журналу», башкиры вместе с казаками занимались маскировочными работами — ночью разводили костры, имитируя лагерь русских войск. Чуйкевич сообщает имена командиров башкирских команд — майор 29-го Егерского полка Данкеев и кантонный начальник, поручик Бурангул Куватов, а также общее количество пленных — 12 обер-офицеров и 181 солдат, взятых в июне корпусом Платова⁴⁰. 7 июня под Тильзитом в боевых действиях успешно участвовали ставропольские калмыки. На этом, собственно, боевая служба башкирской и калмыцкой конницы в 1807 г. завершилась. «Формулярный список о службе чиновников и урядников 9 башкирского кантона за 1838 г.» сохранил несколько имен участников Прусского похода 1807 г., доживших до этого времени: Муса Кучербаев, Аислям Тулакаев, Ирناзар Давлетчурин, Утяубай Абдулкаримов, Искандер Ярлыкапов, Нигаметулла Бердыбаев, Кунафия Кутлугильдин из 1-й команды, Буранбай Буракаев из 3-й команды⁴¹.

Для национальных войск, как и для всей российской, а также французской армий начались «представительские функции». Пока шли переговоры, императоры демонстрировали друг другу свои войска. 25 июня (7 июля по н. ст.) 1807 г. Александр I во время одной из встреч с Наполеоном представил ему свою иррегулярную кавалерию. Сохранилась картина французского художника П. Н. Бержере «Александр I представляет Наполеону калмыков, казаков, башкир 9 июля 1807 года» (дата приведена по н. ст., работа написана в 1810 г., Музей Версальского дворца), на которой изображен русский император, представляющий Наполеону 27 июня командиров иррегулярной конницы. После этого представления башкиры на площади демонстрировали джигитовку, в процессе которой скакали вокруг брошенной в центр

³⁹ Давыдов Д. В. Указ. соч. Т. 1. С. 294–296.

⁴⁰ 29-й Егерской полк, участвуя в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., находился в это время в составе Дунайской армии. Командиром полка был подполковник Михаил Васильевич Данкеев. Майор Данкеев, возможно, приходился ему родственником.

⁴¹ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14622.

круга шапки, стреляя в неё стрелами. В результате образовался своеобразный «ёж» из стрел, подаренный ими Наполеону; свой лук подарил ему также и М. И. Платов. Итогом этого знакомства были предложения Наполеона Александру направить казаков в поход на Индию, а также более внимательное отношение его военных агентов к положению казачества в России, с расчетом возможного привлечения казаков на свою сторону в случае войны⁴².

С башкирами познакомились не только Наполеон и его свита. С. Г. Волконский свидетельствует о посещениях бивака башкир французами: «На берегу Немана, против Тильзита, был расположен лагерь вновь пришедших башкирских казачьих полков. Странность наружности и обычаев их весьма занимала посещающих французов, и как эти башкирцы были вооружены, кроме обыкновенного огнестрельного и белого оружия, луками и стрелами, французов весьма занимали игрища их этим незнакомым для них оружием»⁴³. Судя по другой информации, одновременно с демонстрацией французам военной мощи империи, в Тильзите Платов утешал расстроенную королеву Пруссии Луизу, прислав к ней казаков, калмыков и башкир, «которые похожи на китайцев»⁴⁴. 31 июля князю Уракову было дано предписание отправляться с иррегулярной кавалерией кратчайшим маршрутом к своим жилищам.

Для российской стороны этот краткий опыт привлечения национальной и иррегулярной конницы был необычайно продуктивен. В апреле 1812 г. Чуйкевич подал аналитический проект военных действий под названием: «Патриотические мысли или Политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии Инсurreкцию посредством вооруженной Экспедиции». В нем он рекомендовал «вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык [...] уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускания до фуражировки и решительность в продолжении войны»⁴⁵. Основное его предложение — поднять в Германии инсurreкцию, т. е. вооруженное восстание путем направления туда «летучих отрядов из легких войск по одной или по две тысячи человек, которые должны поручены быть в команду отважнейшим офицерам из регулярных войск». Они должны были, по мнению Чуйкевича, прорывать беспрестанно

⁴² Безотосный В. М., Иткина Е. И. Казаки в Париже в 1814 году. М., 2007. С. 21.

⁴³ Волконский С. Г. Указ. соч. С. 54.

⁴⁴ Лесин В. И. Указ. соч. С. 140.

⁴⁵ Аналитический проект военных действий в 1812 г. П. А. Чуйкевича / Публ. В. М. Безотосного // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1996. Т. VII. С. 44–57.

операционную линию противника и действовать на флангах и в тылу его, истребляя все, включая запасы продовольствия и фуража. В составе легких войск автор видел донских казаков, иррегулярные части с Кавказской линии и Оренбурга, т. е. казаков, башкир, калмыков, крымских татар.

Если обратиться к мемуарам Давыдова в той части, где он рассуждает о возможной будущей войне, то найдём следующее: «При вторжении в какое-либо европейское государство регулярной армии нашей, восторжествовавшей уже несколько раз над войсками этого государства, — я не спорю, что тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, наружность, обычаи, необузданность, приводя на память гуннов и Аттилу, сильно потрясут европейское воображение и, что еще не менее полезно, вместе с воображением и съестные и военные запасы противной армии»⁴⁶.

Нет оснований для сомнений в том, что эти мысли являются оригинальными, а не заимствованы Давыдовым, ведь проект Чуйкевича оставался секретным. Скорее всего, в таком духе рассуждали многие офицеры русской армии, анализируя варианты будущего столкновения с Наполеоном. К тому же у Давыдова и Чуйкевича было много общего. Оба были почти одногодками, оба были представителями легкой кавалерии (один — при казаках, другой — гусар), оба находились примерно в одном чине (штабс-ротмистра), оба были связаны со штабной работой (один — по квартирмейстерской части, другой адъютант), для обоих это была первая военная кампания, и оба хотели иного её завершения. В конечном итоге оба извлекли из неё представление о партизанской борьбе как форме ведения боевых действий, и один её предложил, а другой, независимо от него, её реализовал в 1812 г. Интересно, что впоследствии, 29 апреля 1812 г., генерал-адъютант князь П. М. Волконский передал в Вильно императору Александру I «План войны», составленный полковником К. Ф. Толем, в котором тот тоже предлагал создать казачий корпус в 20 тыс. человек для ведения партизанской войны⁴⁷.

Военное руководство также извлекло опыт из этих событий. Уже в 1811 г. были сформированы и направлены в армию 2 пятисотенных башкирских и Ставропольский калмыцкий полки. В 1812 г. на войну были отправлены дополнительно 18 полков башкир. Во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. были созданы и успешно воевали армейские партизанские отряды, состоявшие из регулярной легкой кавалерии (гусар, драгун) и иррегулярных войск — казаков, башкир, калмыков. Кроме того, казаки, калмыки и башкиры приняли активное участие в Заграничном

⁴⁶ Давыдов Д. В. Указ. соч. Т. 1. С. 296.

⁴⁷ Толь Е. Н. Генерал-квартирмейстер Карл Федорович Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 16.

походе 1813–1814 гг., находясь в авангарде армий союзников. Башкирские полки участвовали в боевых действиях в Германии, Голландии, Франции. После вступления в Париж в 1814 г. император Александр I намеренно приказал разместить биваки башкир, калмыков и казаков на Елисейских полях. Массовое применение иррегулярной, национальной конницы, с одной стороны, демонстрировало всем сплоченность народов империи под властью русского царя, с другой — служило своеобразным напоминанием-угрозой о прежних волнах кочевников, наводивших когда-то ужас на Европу.

Помнил о национальной коннице и ожидал возможности её массового использования русским царём и Наполеон. В 1812 г. сразу после вторжения в Россию Александр I направил к нему генерал-адъютанта А. Д. Балашова. Во время обеда Наполеон задал ему, в частности, вопрос: «Сколько у вас полков киргизов?» Ответ Балашова его успокоил: «Нет, сир, у нас нет полков киргизов, но у нас есть, например два полка башкир и татар, которые похожи на киргизов»⁴⁸.

Д. В. Давыдов в 1821 г., развивая теорию партизанского действия, считал возможным употребление башкирских, калмыцких и татарских полков в наступательных партиях, на аванпостах, в главных и корпусных квартирах, а также в оборонительных партиях⁴⁹. В своей работе «О партизанской войне», вышедшей в 1836 г., он писал: «Огромна наша мать-Россия! Изобилие средств её дорого уже стоит многим народам, посягавшим на её честь и существование; но не знают ещё они всех слоёв лавы, покоящихся на дне её. Один из сих слоёв состоит, без сомнения, из полудиких и воинственных народов, населяющих всю часть империи, лежащую между Днепра, Дона, Кубани, Терека и верховьев Урала, и коих поголовное ополчение может выставить в поле сто, полтора, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять тысяч природных наездников. Единое мановение Царя нашего — и застонут поля неприятелей под копытами сей свирепой и неутомимо-подвижной конницы, предводимой просвещенными чиновниками регулярной армии!»⁵⁰.

Прусский поход 1807 г. интересен также тем, что башкирская конница обрела свое европейское имя. «Северные амурь» — исторически сложившееся название башкир французами, а вслед за ними и большинства европейцев и россиян в эпоху наполеоновских войн. Оно было связано с традиционным вооружением башкир луком и стрелами, а также с небольшим

⁴⁸ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 32.

⁴⁹ Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия. М., 1821. 2-е изд. М., 1822. Цит. по изд.: Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия // Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007. С. 153, 155.

⁵⁰ Давыдов Д. В. О партизанской войне // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 3. С. 138–151. Цит. по изд.: Давыдов Д. В. О партизанской войне // Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007. С. 110.

ростом башкирской лошади, и возникло под влиянием господствовавшего в это время в культуре стиля ампир. Впервые название «северные амурь» [les amours du nord], или «злые купидоны», появилось в конце войны, после боя при Веллау, а также во время последующих контактов русской и французской армий при Тильзите, его зафиксировали Давыдов и Чуйкевич⁵¹. Это прозвище сначала, будучи насмешкой, имело уничижительный характер. Затем, под влиянием событий Отечественной войны 1812 г., оно приобрело иное, уважительное, значение. На карикатуре А. Г. Венецианова реалистично изображённый башкир, от которого в ужасе бегут французы, позиционируется уже как «северный амур» — герой войны. Заграничные походы 1813–1814 гг. лишь расширили географическое пространство использования этого прозвища. В 1814 г. в Париже французы называли башкир также и «сибирскими амурями» [les amour de Siberie]⁵². В русскую литературу «северный амур» вошел через стихотворение К. Н. Батюшкова «Странствователь и домосед», написанное в 1814–1815 гг. и опубликованное в шестом номере журнала «Амфион» за 1815 г. В советской историографии работы А. Н. Усманова, А. З. Асфандиярова, а в литературе исторический роман Я. Х. Хамматова «Северные амурь», посвященный событиям Отечественной войны 1812 г. и написанный с позиций пресловутого соцреализма, с обязательным показом классовой борьбы, утвердили в общественном сознании это название как исторический феномен⁵³.

Для непосредственных участников, башкир и калмыков, военного командования Прусский поход 1807 г. был и успешной демонстрацией европейскому противнику азиатской силы, и удачно проведённой репетицией будущей войны. Было не столь важно, что национальная конница практически не участвовала в боевых действиях. Она и её командиры получили бесценный опыт организации, быстро проведённой мобилизации и организованного марша к армии большой массы иррегулярной силы. В российской военной истории только в 1807 и 1812 гг. на войну были отправлены более 10 тыс. башкир. Некоторые офицеры регулярной армии — капитан Н. А. Темиров и майор С. А. Вильчик, возглавлявшие башкирские команды в 1807 г., — в 1812–1814 гг. командовали тептярским и башкирским полками.

⁵¹ Давыдов Д. В. «Тильзит в 1807 году»... С. 294; НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 83. С. 83–84.

⁵² Радожницкий И. Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 3. 1814-й год. Война во Франции.

⁵³ Усманов А. Н. Указ. соч.; Асфандияров А. З. Участие башкир...; Кантонное управление...; Хамматов Я. Х. Северные амурь. Уфа, 1983–1985. Ч. 1–2, в рус. пер. 1987.

Г. Н. Бибиков

РУССКАЯ АРМИЯ ПОСЛЕ ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ: ЗАПИСКА А. Х. БЕНКЕНДОРФА О ВВЕДЕНИИ СИСТЕМЫ РЕГУЛЯРНЫХ ОТПУСКОВ (1814/1815 гг.)

В конце 1814 г. генерал-майор Александр Христофорович Бенкендорф был назначен командиром второй бригады первой уланской дивизии, дислоцированной в Витебске. Герой недавней войны с Наполеоном, видный кавалерийский генерал, он не имел к тому моменту необходимого опыта командования войсковыми соединениями в мирное время. Новые обязанности виделись Бенкендорфу тяжелой обузой, лишавшей его привычного круга общения: «Я будто отрезан от целого мира, — писал он в марте 1815 г., — то, что представлялось мне достойным занятием, кажется теперь позорным бездействием. Я сожалею уже о чине полковника: тогда я был повсюду»¹.

Но вынужденный заняться армейской рутинной, втянутый в провинциальную армейскую жизнь, Бенкендорф естественным образом начал проявлять к ней особый интерес. Переписка тех лет показывает, что вопросам подготовки бригады он уделял не только служебное время — они занимали его и в домашней обстановке. В письмах мелькают упоминания книг по военной истории и теории². В 1817 г. в печати появились заметки Александра

¹ Письмо М. С. Воронцову от 15 марта 1815 г. // Архив князя Воронцова. Книга. 35. М., 1889. С. 152.

² Подробнее см.: *Бибиков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 89–93.

Христофоровича о действиях отряда генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винцингероде в 1812 г. и «голландской экспедиции» 1813 г.³

Публикуемая ниже записка А. Х. Бенкендорфа, посвященная вопросу введения в русской армии системы регулярных отпусков для нижних чинов, предположительно относится к рубежу 1814–1815 гг. На такую датировку указывают упоминание манифеста Александра I от 30 августа 1814 г. и планов правительства по введению в России системы военных поселений⁴.

Судьбу записки восстановить сложно. Не обнаружено пока никаких данных, которые свидетельствовали бы, что Александр Христофорович передавал ее для чтения другим лицам. Нахождение текста среди разрозненных бумаг из архива Бенкендорфа скорее говорит о том, что он предпочел оставить ее у себя. Впрочем, нельзя исключать и того, что это черновой вариант другого, ненайденного документа.

За частным вопросом введения в русской пехоте системы «отпускных» скрывается важнейшая дилемма политического развития Российской империи после наполеоновских войн. Стратегическая уязвимость протяженных границ, необходимость поддерживать послевоенное устройство Европы делали жизненно необходимым содержание большой и хорошо подготовленной армии. Но государственный долг к 1814 г. достиг почти 343 млн рублей серебром. Военный бюджет многократно превышал расходы других министерств, рекрутская система тормозила развитие сельского хозяйства и промышленности, при этом даже миллионная армия не была в состоянии обеспечить безопасность по всем стратегическим направлениям. Александр I в попытке смягчить это противоречие и оптимизировать военные расходы прибегнул к системе военных поселений⁵. Взаимосвязь военной мощи империи и развития экономики, необходимость найти между ними разумный баланс были очевидны и для Бенкендорфа, что показывает публикуемая ниже записка.

Основная идея записки могла быть навеяна изучением опыта прусских военных реформ, осуществленных после 1807 г. под руководством военного министра Г. И. Д. Шарнхорста, частью которых было создание запаса обученных солдат. Проект Бенкендорфа кажется смелым, проникнутым критичным (при желании можно сказать — либеральным) отношением к отдельным сторонам российской действительности, но при этом нереалистичным. Вводя в функционирование армии формализованные

³ См.: Военный журнал. 1817. Кн. III, VII.

⁴ Отсутствие в записке упоминаний о кампании 1815 г. и Венском конгрессе заставляет предположить, что она была написана до начала весны 1815 г.

⁵ Подробнее об этом можно прочитать в работах О. Р. Айрапетова (см., напр.: *Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914)*. М., 2006. С. 86–89).

принципы — каждый солдат в течение службы получал право на регулярные годовые отпуска в случае отсутствия к нему нареканий по службе — проект не предлагал действенных механизмов для претворения этих принципов в жизнь. Кроме того, введение системы регулярных отпусков разрушило бы привычную замкнутость армии с укорененными принципами дисциплины и иерархичности, хотя сам Бенкендорф надеялся на обратный эффект, полагая, что солдат «стал бы частью тех граждан, которых призван защищать». По сути дела, основная идея Бенкендорфа шла вразрез с существовавшей тогда крепостной системой. В то же время она в определенной мере предвосхищала введение системы бессрочных отпусков в 1830-х гг.

Записка А. Х. Бенкендорфа интересна по нескольким причинам. Ее можно рассматривать и как памятник русской военной мысли «посленаполеоновской» эпохи, и как редкий документ, добавляющий новые краски к политическому портрету первого шефа жандармов Российской империи.

Публикуемый документ хранится в Отделе рукописей Национальной библиотеки им. Сечени, Венгрия (Fond II Arponyi Antal / 431). Попадание в фонд графов Аппоньи ряда документов, связанных с именем А. Х. Бенкендорфа, следует связать с фигурой его старшей дочери Анны Александровны (1818–1900). В 1840 г. она вышла замуж за венгерского графа Рудольфа Аппоньи фон Надь-Аппоньи (1812–1876), служившего тогда в австрийском посольстве в Санкт-Петербурге. Позже они переехали в Австрийскую империю, а Анна Александровна, по-видимому, взяла на хранение отдельные документы из архива отца.

Записка публикуется в переводе с французского языка по автографу, написанному на 15 листах. В оригинале записки есть карандашные вставки, сделанные рукой А. Х. Бенкендорфа и отмеченные в публикации курсивом. Фрагменты, перечеркнутые в оригинальном тексте карандашом, выделены скобками. Деление на абзацы принадлежит публикатору (в оригинале все предложения начинаются с красной строки). Перевод с французского языка осуществлен публикатором.

Нынешние умы вновь встают против использования регулярных армий. Русские крестьяне, которые в 1813 г. несли караул у ворот берлинского замка, несколько прусских волонтеров и испанские партизаны укрепили эту веру. Часто говорят, что они помогли сразить врага родины. «Это мы! Это народ!» — таков был возглас России, Германии и Испании.

Но те, кто воевали, нигде не видели народа, построенного в батальоны. Весь народ никогда не поднимается на борьбу. До настоящего времени история не знает таких примеров. При Бородино именно регулярная армия выдержала напор, именно она потом победила и преследовала противника. Крестьяне действительно выступили, когда им приказали, но во время следующего набора они рассеялись из-за неизбежного беспорядка. Они продемонстрировали большую отвагу, фанатичную ненависть к врагу и искреннюю преданность к своей родине; но не они заставили отступить солдат Наполеона.

Германия, удивленная нашими победами, стыдящаяся своего поражения, хотела подняться на общую борьбу и, как и русские, сжечь свои дома. Но ни одна деревня не восстала полностью, ни один город не был сожжен. Только когда армии Германии соединились с победами Александра, народы были освобождены. В Испании без англичан и твердого ядра королевской армии мы бы вскоре увидели, как слабые партизаны исчезают, словно облако пыли. Воодушевление, которое Наполеону удалось внушить французскому народу в 1814 году, стоило нам некоторого числа солдат, но было неспособно защитить ворота Парижа. Турция, некогда внушавшая ужас Европе, со всем фанатизмом ее населения и бесчисленными ополченцами не смогла защитить свои азиатские и африканские провинции против горстки дисциплинированных французов. Русские войска ждут только сигнала, чтобы сбросить все это множество воинов в волны Босфора.

Массовое восстание есть призрак, который рассеивается при виде обученных и подготовленных солдат. Поэтому регулярная армия является абсолютной необходимостью: она должна быть многочисленной, чтобы защищать протяженные границы и наносить решительные удары противнику. На войне результат прямо зависит от количества солдат. Но кроме количества, нужно качество, в противном случае мы сталкиваемся с трудностями новых наборов, постыдных для страны и неудобных для генерала. Большая и сильная армия должна набираться и готовиться к войне в мирное время.

Но именно в этот момент та же армия, которая принесла славу отечеству, становится для нее бременем. Самые разнообразные расходы, нужные на ее содержание, истощают ресурсы государства. Налоги растут, вместо того чтобы ослабнуть с окончанием войны. Солдаты наполняют города и села. Помещики стеснены в своих жилищах, а крестьянин должен предоставлять ночлег и кормить солдата, который совращает его жену или дочь. Сельскохозяйственные работы затруднены новыми тяжелыми повинностями. Безнравственность проникает во все хижины. Недовольство есть прямое тому

следствие. Все солдаты оказываются по необходимости изъяты из экономики страны и не способствуют росту населения. Все, что есть красивого и сильного в народе, не удастся возродить. Уже сейчас мы видим, что та порода трудолюбивых и сильных мужчин, которыми так богата была Россия, начинает исчезать; нравственность человека всегда идет в ногу с его здоровьем и внешним видом, поэтому нашим сыновьям будет трудно удержать завоевания их отцов.

Финансы — главный показатель процветания или упадка империй — являются также главной движущей силой успеха армий. <Какой смысл иметь миллион солдат, если нет возможности обеспечить им достойное содержание, если не получается справиться с теми затратами, которые влечет за собой вступление в войну и сама война. Поэтому остается два выбора — либо самим вести наступательную войну, либо разорить свою собственную страну. Первое является вынужденным состоянием, которое в итоге приводит к потрясениям, тогда как во втором случае нужен призыв ко всей Европе объединиться против общего врага. Наполеон был последней и страшной жертвой такого положения>. Следовательно, необходимо стремиться к такому положению вещей, которое позволит примирить содержание большой регулярной армии с благосостоянием народа и богатством финансов. <Манифест Его Императорского Величества, которым он обещает вознаградить солдат за их победы учреждением постоянных поселений, видимо, указывает нам дорогу в этом направлении⁶. Введение военных поселений, как кажется, ведет к этой цели — следующее поколение, возможно, пожнет плоды этих усилий. Но если предположить, что система поселений будет распространена на всю армию, то надо признать, что это длительное и дорогостоящее дело>. Нужно скорое средство и *особенно* нужны деньги.

Чем проще решение, тем оно лучше, особенно в обширной империи.

В настоящий момент пехотные корпуса, расположенные вдалеке от границ, могли бы отправить в отпуск всех солдат, отслуживших более трех

⁶ По-видимому, А. Х. Бенкендорф пишет про манифест Александра I от 30 августа 1814 г. «О учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях». В тексте манифеста есть, в частности, такие слова: «Також надеемся, что продолжение мира и тишины подаст Нам способ не токмо содержание воинов привести в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства». (См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. Первое. Т. XXXII. 1812–1815 гг. СПб., 1830. С. 907.)

лет; оставить можно только количество, необходимое для 18 рядов⁷. *Можно было бы предоставить такие отпуска и некоторым офицерам, которые, не имея времени и возможности заняться обустройством своих дел, часто оказываются вынужденными покинуть службу.*

Этот отпуск предоставлялся бы на один год; за это время отпускной не получал бы ни денег, ни продовольствия. Военная форма аккуратно хранилась бы в полку, прослужив, таким образом, лишний год⁸. Экономия для казны будет, таким образом, состоять в оплате, продовольствии и *значительной части* обмундирования. Те солдаты, у которых нет родителей или которые не захотели бы к ним возвращаться, не будут к тому принуждаемы. Таких было бы довольно много.

В армейских корпусах, которые необходимо будет поддерживать в полном численном составе, такие отпуска предоставлялись бы только тем, чьи дома располагаются не далее 400 верст от главного места квартирования полка. Поскольку на подготовку к началу военной кампании всегда уходит несколько месяцев, они смогут вскоре присоединиться к своим полкам. Если же возникнет необходимость немедленно выступить в поход, второй батальон пополнит ряды первого и третьего, а потом включит в свои ряды отпускных солдат.

Такие отпуска предоставлялись бы только солдатам, отличающимся хорошим поведением; малейшей провинности в течение отпуска будет достаточно, чтобы на будущее лишить этого солдата возможности получить отпуск. Местным властям было бы поручено наблюдение за поведением отпускных солдат и им было бы дано право возвращать их в полк в случае малейшего проступка. Страх лишиться права на отпуск окажет огромное влияние на нравственность солдата.

Система отпусков может быть введена только в пехоте, а также для трети солдат пешей артиллерии. Лошадям необходим постоянный уход, что делает невозможным длительное отсутствие даже части кавалеристов.

Чтобы упростить введение таких отпусков и упорядочить их проведение, необходимо также, чтобы каждый полк имел постоянное место квартирования и набирался хотя бы частично из жителей этой губернии или соседних губерний. <Я предлагаю набирать их из одной губернии только частично с той целью, чтобы город или область не стали для полка новой родиной, чтобы он по-прежнему считал своей родиной всю империю>.

⁷ Унтер-офицеры получили бы отпуска в пропорции к числу солдат. (Примечание А. Х. Бенкендорфа).

⁸ Отпускные будут получать шинель, пару сапог и три рубахи. (Примечание А. Х. Бенкендорфа).

Я предлагаю давать отпуска только солдатам, отслужившим 3 года, поскольку полагаю это время достаточным, чтобы подготовить солдата, умеющего носить форму и выдержанного, приученного к использованию оружия и военным упражнениям. Его дух за это время проникнется принципами дисциплины — важнейшей основы военной службы.

За год отпуска он не сможет забыть эти принципы, а две недели упражнений вернут его в строй в такой же форме, в какой он находился перед отпуском.

То, что солдат на время потеряет изящную выправку, было бы с лихвой вознаграждено: тысячи мужчин смогут вернуться к сельскохозяйственным работам, а состав армии не будет сокращен; сыновья вновь окажутся в заботливых руках своих родителей; множество удачно подобранных браков дадут отечеству настоящих защитников; будет обеспечена необходимая казне значительная экономия, которая должна составить около миллиона рублей.

<Но наиболее важным преимуществом такой системы отпусков были бы те добрые нравы и отличный дух, которые она распространит на армию и на народ>. Сейчас рекрута провожает вся деревня — так же, как его провожали бы во время похорон; родители оплакивают своего сына, как если бы он умер, сам он приходит в отчаяние. Отпуска столь редки для подавляющего большинства военных, а срок службы такой длительный, что рекрут вынужден проститься со всеми привязанностями сердца. Ничего более не любя, не имея привязанностей, он часто становится порочным человеком. Крестьянин оказывается для него чужаком, а он — чужаком для крестьянина. Если через много лет он и возвращается в свою семью, то только чтобы стать обузой для своих родителей. Наконец, после 25 лет службы он возвращается к домашнему очагу; старый, разбитый, забывший навыки крестьянской работы, считая себя стоящим выше гражданских законов. Возраст не оставляет ему возможности жениться; часто он и вовсе не находит отцовский дом и, ни к чему не пригодный, становится обузой для общины, в которой вырос. Порой солдат в течение 25 лет жизни оказывается нужен своей родине только в двух или трех сражениях.

В случае, если принцип годичных отпусков был бы принят и опубликован, крестьянин перестал бы бояться попасть в рекруты. Его родители, будучи уверены, что через 3 года смогут вновь увидеть сына, который придет к ним на целый год, не сожалели бы более о его отъезде и призвали бы его служить с усердием, чтобы он смог вернуться к ним через 3 года. По прошествии этого срока он приезжал бы домой, получив возможность <насладиться радостями жизни>, помочь родителям и был бы полезен для общего благосостояния. Невеста ждала бы его дома; вернувшись в войска, он стре-

мился бы лишь к тому, чтобы заслужить новый отпуск. Он стал бы частью тех граждан, которых призван защищать. Дезертирство и дурное поведение солдат исчезнут из нашей армии. По окончании службы в армии тот же солдат, который за время службы уже много раз бывал дома и провел несколько лет в кругу семьи возвращается туда *так, как будто он и не был с ней разделен*, <возвращается туда с радостью, действительно к родным людям>.

<Дух солдата выигрывает сражения; благосостояние народа обеспечивает прочность государства>.

Г. Ф. Матвеев

ЖАНДАРМ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ 1830-Х ГОДОВ

(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Э. И. СТОГОВА)

Более или менее развитые институты отслеживания общественных настроений в интересах власти являются неперенным атрибутом каждого государства. Не была исключением и Россия, в которой такого рода учреждения имеют длительную историю. Организационные формы этих органов и ставящиеся перед ними задачи определялись в XVIII–XIX вв. состоянием самого общества, главным образом, степенью вовлечения в социально-политическую жизнь отдельных его групп, сословий и классов, а также представлениями монархов об идеальных подданных. Созданная Петром I Тайная экспедиция перестала быть надежным инструментом предупреждения опасных для династии движений в обществе уже ко времени восшествия на престол Павла. 2 апреля 1801 г. Александр I ликвидировал Тайную канцелярию, но затем за все время своего царствования ему так и не удалось создать эффективную службу политической полиции, как показало выступление заговорщиков на Сенатской площади Петербурга в декабре 1825 г.

Поиск оптимального решения этой задачи был продолжен его младшим братом. В отличие от Александра, которого готовила к престолу императрица Екатерина II, Николай Павлович находился под более сильным влиянием идей отца, считавшего своим долгом и обязанностью бороться

со всеми проявлениями не только вольнодумства, но и широко понимаемой моральной испорченности своих подданных. Достаточно напомнить хотя бы преследование Павлом любителей круглых шляп, фраков и сапог. Именно на царствование Николая I приходится создание нового органа политической полиции в России — III отделения Собственной е. и. в. канцелярии.

Большую роль в создании этого учреждения сыграл боевой генерал, прославившийся в Отечественной войне 1812 г., начальник штаба Гвардейского корпуса граф Александр Христофорович Бенкендорф, один из виднейших представителей охранительного крыла русского общества. Его проект создания политической полиции, способной предотвратить повторение событий 14 декабря 1825 г., дополненный и развитый императором и назначенными им экспертами генерал-адъютантами И. И. Дибичем и П. А. Толстым, предопределил организационное устройство и задачи нового III отделения высшего государственного органа — Собственной е. и. в. канцелярии. Это был орган, выделенный из министерской системы, действовавший практически вне общеправительственного контроля, независимо от администрации и общей полиции¹.

Главные направления деятельности и связанная с ними структура этого всемогущего, подчиняющегося непосредственно монарху² ведомства были определены указом от 3 июля 1826 г. и рядом последующих решений Министерства внутренних дел, указов и государственных законов. Генеральная цель Отделения была сформулирована предельно четко и лапидарно: обеспечить «безопасность престола и спокойствие в государстве»³. 23 апреля 1827 г. был создан исполнительный орган III отделения — Корпус жандармов, 1 июля 1836 г. переименованный в Отдельный корпус жандармов, самостоятельное воинское подразделение с правами армии. Его первым шефом был А. Х. Бенкендорф. Корпус жандармов первоначально охватывал своей деятельностью только территорию собственно империи, без Царства Поль-

¹ Бибигов Г. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 145.

² Вопрос о причине такого подчинения давно уже занимает внимание исследователей. Наиболее верным представляется объяснение выбора такого решения стремлением Николая I сосредоточить в своих руках все нити государственного управления (*Эймонтова Р. Г. В новом облике (1825–1855) // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 108*), с одним только уточнением: он очень хорошо знал, сколь неповоротлива и неспешна российская государственная машина. Чтобы не стать заложником бюрократии в столь важном для трона и государства вопросе, как их безопасность, нужна была быстрая обратная связь, исключавшая прохождение информации с мест через многочисленные промежуточные уровни-фильтры. Видимо, с этой же целью новое ведомство было освобождено от обязанности судить и решать чью-либо участь, «а лишь открывать и изобличать виновного». — Бибигов Г. А. Х. Бенкендорф и политика... С. 129.

³ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX века.) М., 1981. С. 162.

ского, Финляндии, земель Войска Донского, Сибири, Кавказа. Во главе жандармских округов стояли жандармские генералы со штабами в Петербурге, Москве, Витебске, Киеве и Казани. Каждый округ охватывал от 8 до 11 губерний. С 1832 по 1837 гг. количество округов возросло до 8, прибавились Варшавский, Сибирский и Кавказский. Округа делились на отделения (от 1 до 3 губерний) во главе со штаб-офицерами. Именно на последних, а не на жандармские команды и их командиров Бенкендорф возлагал задачи, связанные с деятельностью политической полиции⁴.

Задачи чиновников III отделения были определены специальной секретной инструкцией⁵, составленной Бенкендорфом в сентябре 1826 г.⁶ и впервые данной 13 января 1827 г. своим подчиненным, направлявшимся на политическое обследование ряда южных городов и губерний. Впоследствии инструкция стала руководством к действию для всех чиновников III отделения на всем протяжении царствования Николая I. Ее автора часто упрекают в неопределенности и расплывчатости содержащихся в ней указаний⁷, но иначе и быть не могло в российских условиях того времени. Несмотря на утверждение современников, что «отличительной чертой нашего века является его активность»⁸, мобильность «благородного» общества была еще незначительной⁹, публичная жизнь концентрировалась в барских городских домах, не отличалась особым разнообразием, имела сезонный характер, легко поддавалась контролю.

«Инструкция графа А. Х. Бенкендорфа чиновнику III отделения» была своеобразным уставом, которым должны были руководствоваться служащие ведомства на местах в своей повседневной деятельности. Ее 5 конкретных пунктов определяли ключевые на тот момент предметы заботы государственной власти и способы их удовлетворения. Их не много, но они универсальны: наблюдение за «могущими произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотреблениями, беспорядка-

⁴ Бибиков Г. А. Х. Бенкендорф и политика ... С. 155.

⁵ Содержание этой инструкции очень быстро сделалось достоянием общественности, что, впрочем, не тревожило ни Бенкендорфа, ни императора

⁶ Бибиков Г. А. Х. Бенкендорф и политика ... С. 155.

⁷ Например, Г. Бибиков считает, что «данный документ нельзя рассматривать в качестве непосредственного руководства к действию, поскольку компетенция жандармского офицера описана здесь в самых общих выражениях. Скорее, это был своеобразный “моральный кодекс”, заключающий новые базовые принципы деятельности жандармерии, новые подходы к организации политической полиции». — Бибиков Г. А. Х. Бенкендорф и политика... С. 156.

⁸ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие... С. 167.

⁹ По причине дороговизны, длительные поездки в столицы и даже губернские города мимо чиновников высокого ранга, путешествовавших за государственный счет, могли себе позволить только богатые дворяне, оптовые торговцы и отходники. Правда, последние, если не занимались извозом, предпочитали странствовать пешком.

ми и закону противными поступками¹⁰», а также за тем, чтобы «спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо властью или преобразованием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных». Наконец, следовало выявлять «должностных людей, совершенно бедных или сирых, служащих бескорыстно верой и правдой, не могущих самим снискать пропитание одним жалованием», сообщать о них Бенкендорфу «для оказания им возможного пособия»¹¹. Таким образом, чиновники III отделения должны были выявлять все случаи а) политических преступлений, б) злоупотреблений властью и в) общественным положением, а также г) честных бедных государственных служащих, заслуживающих монаршей помощи. Несомненно, инструкция охватывала все разновидности преступлений и проступков, подпадавших под категорию политических в реалиях русского общества первой трети XIX в.¹² Показателен пункт о бедных, но честных чиновниках. Он свидетельствует, что император, прекрасно зная, что это не столь уж часто встречающееся явление среди государственных служащих, пытался таким образом поощрить их к честному исполнению своих обязанностей.

Для выявления всех перечисленных казусов жандармам надлежало своим благородством, приверженностью закону и чувству справедливости, завоевать подлинное расположение и доверие всех сословий, сделать так, чтобы в них каждый увидел «чиновника, который через мое посредство¹³ может довести глас страждущего человечества до Престола Царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту Государя императора».

Но обращение к шефу жандармов было крайней мерой. Сначала нужно было попытаться пресечь эвентуальное преступление или проступок собственными силами, путем убеждения в их недопустимости, «ибо цель вашей

¹⁰ Под категорию «закону противных поступков» подпадали и нарушения предписанных свыше норм нравственности: азартные карточные игры, неблагородное поведение в отношении лиц слабого пола и т. п., т. е. частная жизнь людей. Таким путем Николай I намеревался сохранить дворянство от морального разложения. Это свое намерение он открыто сформулировал в Манифесте 13 июля 1826 г., где дворянству, ограде престола и чести народной, предписывалось стать примером всем другим сословиям.

¹¹ Кроме этого, жандармы были обязаны заниматься и другими «случаями и предметами», руководствуясь собственной «прозорливостью», и еще более «благопристрастным и благородным направлением» своего образа мыслей.

¹² Опасными в политическом отношении Бенкендорф считал только столицы, именно на петербургское и московское дворянское общество и гвардию было обращено «деятельное» и «длительное» внимание III отделения. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1927–1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1930. № 1. С. 144.

¹³ Чиновники III отделения были наделены правом прямого сношения со своим шефом, через которого их рапорты попадали непосредственно на рабочий стол императора.

должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла»¹⁴.

Несомненно, при составлении инструкции Бенкендорф исходил из убеждения в том, что сотрудники его ведомства, по своей сути доверенные проводники в жизнь отеческих замыслов императора в отношении своих подданных, не могут не быть людьми с творческим подходом, инициативными, способными «точно и беспристрастно выполнять свои обязанности». По своим моральным и деловым качествам они должны были принципиально отличаться от других чиновников государственного аппарата, чтобы иметь право их контролировать. У них должна была быть репутация кристально честных, благородных людей, без чего нельзя было завоевать доверия лучшей части общества. Им надлежало быть принципиальными, высокоавторитетными и ответственными представителями императора, способными словом наставлять на истинный путь вольных или невольных нарушителей закона.

По мнению исследователей, к апрелю 1827 г. в штабе жандармского корпуса была подготовлена более детальная инструкция, имевшая действительно секретный характер. Она более жестко регламентировала характер донесений штаб-офицеров своему окружному начальству (только достоверная информация, никаких «гадательных заключений»), запрещала вмешиваться в дела местных органов гражданского и военного управления, требовать какие-либо сведения из губернских присутственных мест, принимать любые просьбы и жалобы от частных лиц, если только они не имели отношения лично к императору, императорской фамилии или благу государства¹⁵. Обе инструкции однозначно определяли статус жандармских офицеров как представителей императора на местах, не связанных с местными властными институтами, а посему свободно информирующих губернаторов, окружных жандармских генералов и самого Бенкендорфа о всех происшествиях и грозящих безопасности государства и общественной морали проступках на подведомственной территории без несения прямой ответственности за происходящее. Именно так определил в начале 1827 г. их статус Николай I¹⁶.

Вполне закономерно возникает вопрос, а каков же был на деле штаб-офицер корпуса жандармов? Состояние источниковой базы не позволяет дать обобщающий ответ на этот вопрос. Даже если бы такая возможность существовала, то ответ все равно не совпадал бы в 100 процентах с реаль-

¹⁴ Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 200–202.

¹⁵ Более подробно о ней см.: Бибииков Г. А. Х. Бенкендорф и политика... С. 159–160.

¹⁶ Журналы Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб., 1896. С. 47.

ностью, был бы усредненным, не учитывающим психологических особенностей каждого отдельного служащего III отделения. А вот на индивидуальном уровне к такому ответу можно попытаться приблизиться.

Источником для нас послужили воспоминания Эразма Ивановича Стогова, до конца 1830-х гг. служившего в Корпусе жандармов. Они были впервые опубликованы в 1878–1886 гг. в журнале «Русская старина», переизданы там же в 1903 г. и, наконец, в 2003 году были изданы на современном уровне Е. Н. Мухиной, отдельной книгой.

Э. И. Стогов родился в 1797 г. в подмосковном имении Золотилово в мелкопоместной дворянской семье, строго придерживавшейся патриархальных взглядов на жизнь, отношения в семье и с окружением. Благодаря протекции родственника поступил в 1810 г. в Морской кадетский корпус и выпустился из него 7 лет спустя в чине мичмана. Затем была служба во флоте на Балтике и Охотском море, где он достиг звания капитан-лейтенанта и должности начальника Иркутского адмиралтейства.

В 1833 г. Стогов вернулся в Петербург, и поскольку его материальное положение было далеко не блестящим, то без особых колебаний согласился сменить морскую форму на голубой мундир жандармского штаб-офицера. 29 октября 1833 г. он был переведен на службу в ведомство Бенкендорфа и вскоре добился назначения в Симбирскую губернию. Здесь он прослужил несколько лет, видимо, до конца 1837 г., затем расстался с жандармерией и переехал в Киев. До 1852 г. был управляющим канцелярии Киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова. Участвовал в расследовании украинской части заговора Ш. Конарского¹⁷. Видимо, достаточно близко познал не только жизнь, но и менталитет польской шляхты на Правобережной Украине, о чем свидетельствуют его пронизательные размышления об определяющей роли женщин в формировании и культивировании настроений польского патриотизма. В отставку вышел в звании полковника. Умер в 1880 г. в своем имении в Подольской губернии.

Стогов представлял собой тип, как он сам выражался, «человека толпы». В нем естественным образом сочетались практический ум, позволявший ему находить оптимальный выход из различных коллизий, возникавших по службе и в частной жизни, несомненная расчетливость, чувство собственного достоинства как дворянина, строгое исполнение служебного долга и требовательность к себе и другим.

Его решение перейти на службу в формирующийся Корпус жандармов было продиктовано не идейными, а сугубо меркантильными соображения-

¹⁷ Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Wołyniu, Podolu i w gubernii Kijowskiej. Szymon Konarski. Содружество польского народа в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский. Варшава, 2009.

ми. Вернувшись из Сибири в Петербург, он быстро понял, что без серьезной протекции карьеры на флоте ему не сделать, а бедствовать, как многие другие морские офицеры, ему не хотелось. Став жандармом, он без колебаний воспользовался представившимся ему шансом завоевать благосклонность начальника штаба Корпуса жандармов полковника Л. В. Дубельта.

Имея, благодаря хорошим отношениям с Дубельтом, возможность выбора места службы, Стогов не захотел оставаться в столице, а поехал в Симбирскую губернию, где «не было родных, товарищей и знакомых»¹⁸, т. е. того круга лиц, в отношении которых он не мог бы держаться независимо. Несомненно, этот выбор создавал и определенные сложности при сближении с местным обществом.

По приезду в Симбирск Стогов представился лишь губернатору А. М. Загряжскому и заключил с ним своего рода соглашение о сотрудничестве: взамен за содействие «возвышению власти» губернатора, Стогов попросил у него «только личное ко мне уважение и, когда мне нужен будет секрет, то сохранить...»¹⁹. Обращает на себя внимание тон и содержание разговора жандармского майора с первым лицом в губернии, назначенным на этот пост императором за верность во время декабрьских событий 1825 г. Так могли говорить только равные по общественному и служебному статусу люди, и это наблюдение подтверждается дальнейшим развитием отношений между ними. Когда губернатор отказался лояльно соблюдать договоренность и несколько раз поставил Стогова в неловкое положение перед обществом, штаб-офицер прямо высказал Загряжскому свое неудовольствие его поведением, а также известил о таком поведении руководителя губернии Бенкендорфа²⁰. И еще не раз поступал аналогичным образом. Точно так же вел он себя и с приезжавшими в губернию по делам службы высокопоставленными петербургскими чиновниками и придворными²¹. И дело здесь не только в особом статусе жандармского офицера, но и в высокой самооценке своего дворянского статуса. Не случайно, описывая свой конфликт с вице-президентом уделов, сенатором Л. А. Перовским, которым Николай I занимался лично, Стогов замечает: «Отвечая [на донос] по пунктам, я решился быть резким и даже дерзким. Несколько раз напоминал князю (министру императорского двора и уделов светлейшему князю П. М. Волконскому, подписавшему донос. — Г. М.), что я такой же, как и он, дворянин и что честью своей дорожу, думаю, больше, чем он дорожит своей честью»²².

¹⁸ Стогов Э. И. Ук. соч. С. 108.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ Там же. С. 112.

²¹ Там же. С. 113–114, 117, 138–139

²² Там же. С. 174.

Интересна история вживания Стогова в симбирское дворянское общество. Свою задачу он видел в том, чтобы «заслужить общее доверие и быть нелишним членом общества». В какой-то степени ее решение облегчалось тем, что он прибыл на место службы в начале января, когда «по необходимости, по окончании летних хлопот по хозяйству, на зиму все помещики группировались в Симбирске и веселились...»²³. То есть у него была возможность познакомиться с ними и существовавшими в их среде отношениями в наиболее подходящей для этого обстановке праздного времяпрепровождения.

Хорошее знание провинциальной жизни, когда всякий приезжий пользуется повышенным вниманием, подсказали ему правильную линию поведения: заставить изнывающих от любопытства аборигенов самих сделать первый шаг к знакомству. И его расчет оправдал себя, уже скоро под благовидным предлогом ему нанес визит один из пожилых, уважаемых в Симбирске помещиков и пригласил его к себе на бал. Не менее тактичным было поведение Стогова на балу. Будучи большим любителем танцев, он, тем не менее, начал вечер с игры в бостон с пожилыми помещицами, откровенно им подыгрывал и «каждое слово мазал медом». После ужина танцевал, но опять не с молодыми девушками. И результат не заставил себя ждать: «на другой день по приказу старух многие приехали знакомиться: мужья, зятя, сыновья. Скоро я стал членом общества»²⁴.

В чем видел Стогов цель своего сближения с дворянским обществом Симбирской губернии с точки зрения его служебного долга? Сам он определил его как содействие достижению «согласия, единодушия общества с властью»²⁵. Под этим понимал и улаживание конфликтов между помещиками и губернатором²⁶, и пресечение взяточничества при рекрутском наборе прибывшего из столицы майора, который имел влиятельных покровителей²⁷.

Другим направлением деятельности Стогова была борьба с взяточничеством среди чиновников. К слову сказать, он не был принципиальным противником этого, по его же словам, повсеместного в те годы явления, и даже сам был готов, уволившись из Корпуса жандармов, «благодарить» чиновников за быстрое решение его вопроса²⁸. Стогов вмешивался только в тех случаях, когда дело касалось руководителей учреждений, а также «жадных» чиновников: «Старшим чванству я никогда не спускал, но часто попадались

²³ Стогов Э. И. Ук. соч. С. 109.

²⁴ Там же. С. 110.

²⁵ Там же. С. 111.

²⁶ Там же. С. 110–112, 120–127, 129–132.

²⁷ Там же. С. 113–114.

²⁸ Там же. С. 118.

по жалобам секретари, столоначальники, заседатели и тому подобные: берут взятки — бери, Бог с ними, на то они и крапивное семя, а то жадные, возьмет с одного и берет с противника, обиженная сторона жалуется»²⁹. Будучи терпимым к взяточничеству среди низших чиновников как к неизбежному явлению, Стогов предпочитал для борьбы с его недопустимыми, по его мнению, формами использовать не предписанные законом меры, а своеобразный патриархальный прием — строгий разговор с глазу на глаз. И, как он утверждает, «рецидивистов» не было, «цель достигалась без оскорбления»³⁰.

В соответствии с утвержденной императором секретной инструкцией офицерам Корпуса жандармов Стогов не уклонялся от исполнения функций «полиции нравов», особенно когда дело касалось карточных азартных игр помещиков. Причем, понимая невозможность побороть азарт карточных игроков, он разрешал такие игры, но при условии, что если в большом проигрыше окажутся несовершеннолетние или люди, распорядившиеся казенными деньгами, то им нужно деньги возвратить. Причем не прямо, а дать возможность отыграть³¹.

Условия тихой российской глубинки 1830-х гг., а именно к этой категории относилась Симбирская губерния, не способствовали развитию свободомыслия, а тем более антиправительственных настроений. Поэтому чисто политические функции провинциального жандармского штаб-офицера ограничивались осуществлением надзора за ссыльными и регулярным информированием III отделения об их поведении. Поскольку Симбирская губерния в силу своей близости от Москвы (700 верст) не была местом ссылки, то за 4 года службы Стогова жандармским штаб-офицером в его ведении побывали только двое ссыльных: участник антиправительственных организаций, бывший волынский губернский предводитель дворянства граф П. Мошинский и некая грузинская княжна Тамара. От них обоих Стогов постарался освободиться как можно скорее, добившись смягчения их наказания за хорошее поведение³².

Более сложной и важной задачей было оказание содействия губернским властям в пресечении случаев массового неповиновения крестьян. Здесь Стогов проявил себя как тонкий знаток патриархального уклада жизни не только русского, но и татарского крестьянства, что позволило ему успешно разрешить несколько конфликтов без применения вооруженной силы. В своих записках он рассказывает, причем весьма подробно, с чувством гордости за свою находчивость, четыре таких случая. Во-первых, предупреж-

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Там же. С. 118.

³¹ Там же. С. 152–153.

³² Там же. С. 155–157.

дение угрозы волнений в губернии в связи с переводом государственных крестьян в удельные во-вторых, усмирение бунта татар-лашманов, вызванного нарушением их прав, привилегий и обычаев чиновниками удельного ведомства; в-третьих, подавление бунта бывших государственных крестьян Сызранского уезда, переведенных в ведомство уделов, а также участие в закрытии монастыря старообрядцев в Саратовской губернии³³. Даже спустя четыре десятилетия после этих событий Стогов описывает их очень подробно и красочно. Невольно напрашивается мысль, что все эти годы они отнесли к разряду его любимых рассказов в кругу родных и знакомых.

Единственное, в чем Стогов не следовал секретной инструкции для чиновников III отделения, было выявление служащих бескорыстно верой и правдой, совершенно бедных или сырых должностных людей, заслуживающих материальной поддержки. Видимо, принимая во внимание его замечания о процветании взяточничества в России, такие чиновники были в его время большой редкостью.

Крайне сдержанно пишет Стогов о том, кто был его информаторами, помогавшими ему ориентироваться в происходящем в дворянском обществе и губернском городе вообще. Упоминаются только женщины³⁴, которым он буквально поет дифирамбы, а также кантонисты³⁵.

Примечательны обстоятельства ухода Э. И. Стогова из Корпуса жандармов. А. Х. Бенкендорф, желая погасить непримиримый конфликт своего штаб-офицера, дослужившегося уже до звания подполковника, с высшими чинами министерства императорского двора и уделов, решил перевести его в Саратов. Как пишет автор записок, «меня не перевод оскорбил, а оскорбило невнимание, почему не спросили моего согласия, хотя из вежливости. Я подал прошение в отставку»³⁶. Его еще пытались уговорить остаться на службе, но он был непреклонен в своем решении. Бенкендорф, благоволивший предприимчивому жандарму, который не один раз находил оригинальный выход из сложных положений, грозивших серьезными последствиями общественному порядку в губернии, не боявшемуся вступать в конфликты с губернаторами, если дело касалось государственных интересов, завоевавшему уважение и авторитет местного дворянского общества, составил ему протекцию у своего родственника, киевского генерал-губернатора Бибикова.

Конечно, автор записок не всегда точен в своих оценках отдельных людей и деталей событий, на что обращает внимание их издатель Е. Н. Мухина в примечаниях. Несмотря на это, Э. И. Стогов, дедушка известной русской

³³ *Стогов Э. И.* Ук. соч. С. 115–116, 132–144, 160–168.

³⁴ Там же. С. 149.

³⁵ Там же. С. 160.

³⁶ Там же. С. 175.

поэтессы А. А. Ахматовой, оставил интереснейшее свидетельство и о жизни провинциального русского общества в 1820–1830-е гг., и о деятельности государственного служащего, желавшего честно и ответственно выполнять свой служебный долг перед императором, которого он боготворил, и перед Российским государством, патриотом которого он был. Э. И. Стогова никак нельзя назвать «винтиком в бездушной николаевской государственной машине», это сознательный слуга трона и отечества, сумевший сохранить дворянскую честь и собственное человеческое достоинство, ставивший интересы дела выше карьерных соображений.

А. В. Кухарук

БОЛЬШИЕ КАВАЛЕРИЙСКИЕ МАНЕВРЫ 1837 ГОДА ПОД Г. ВОЗНЕСЕНСКОМ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ

Чем дальше отстоит от нас эпоха, тем более усложняется ее адекватное восприятие. Однако, используя преимущества, дарованные прошедшим временем, возможно «без гнева и пристрастия» постараться осмыслить историю Российской империи первой половины XIX века в контексте истории Европы; исследуя вновь открытые свидетельства или по иному взглянув на давно известные. Очевидно, что внимание привлекают прежде всего наиболее яркие события, но, к сожалению, достаточно часто ими затеняются действительно ключевые, поворотные моменты политической истории, имеющие глубокий смысл. В полной мере феномен можно отнести и к политике эпохи Николая I, в силу ее относительной слабоизученности¹.

В современной историографии в основном продолжает господствовать периодизация правления Николая I, введенная еще в начале XX века с легкой руки историков и общественных деятелей либерального направления. Исходя из собственных представлений о приоритетах, прежде всего политики,

¹ *Филин М. Д.* На возвращение великого государя // Император Николай I. М., 2002. С. 5–30; *Шевченко М. М.* Историческое значение политической системы императора Николая I: К новой точке зрения // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 281–302.

они определили следующую схему: 1825–1831 гг.; 1831–1848 гг.; 1848–1855 гг. При этом, в отличие от представлений марксистско-ленинской историографии, признавалась условность данной периодизации².

К счастью, во времена правления императора Николая I о возможности такой схемы не подозревали. В первой половине XIX века к нумерологии относились достаточно серьезно, вспомним занятия ею Пьера Безухова. Естественным считалось разделение на периоды на основании круглых цифр или дат, стремление к их округлению. Об этом свидетельствуют и роскошные юбилейные издания к «десятилетию», «двадцатилетию», «первому двадцатилетию царствования», первые посмертные труды о Николае I³.

Даже без учета вышеизложенного 1837 год привлекал внимание исследователей как особенный в истории России, в жизни императора и его семьи. Достаточно учесть, что этот год как бы обрамляют смерть А. С. Пушкина 29 января и пожар Зимнего дворца 18–19 декабря. Обратим внимание, что 1837 год — год пятидесятилетия путешествия Екатерины II в Тавриду, сорокалетия принятия стоящего во главе Свода законов Российской империи закона 5 апреля 1797 года, благодаря которому взшел на престол Николай I, тридцатилетия болезненного для общественного мнения Тильзитского договора, двадцатилетия судьбоносного для семьи Николая I годовичного его путешествия по России и Европе, год, открывающий второе десятилетие на престоле уже сорокалетнего императора.

Представленный хронологический ряд является в определенной мере ключом, позволяющим понять внутреннюю логику событий 1837 года и их этапность для российской политики николаевской эпохи.

Наиболее длительным событием для Николая I в 1837 году стала его протяженная поездка по России с 31 июля по 10 декабря 1837 года. Основное внимание во время путешествия уделялось бассейну Черного моря и Кавказу⁴. Поездка оставила неизгладимое впечатление в памяти современников⁵.

Еще раньше, по заранее разработанному маршруту и плану, в соответствии со специальной программой, двинулись в путь цесаревич Александр

² Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 153.

³ См.: Слово в Первую неделю на десять по Пятидесятнице и в день священнейшего коронования государя Николая Павловича, говоренное августа 22 дня 1837 года Филаретом, митрополитом Московским. СПб., 1838; Зотов Р. М. Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I. СПб., 1857; К столетнему юбилею императора Николая I. М., 1896.

⁴ Император Николай I. М., 2002. С. 42.

⁵ Например: Берже А. П. Император Николай на Кавказе // Русская старина. 1884. № 8. С. 372–398; Сафонов С. В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 г. Одесса, 1840.

Николаевич и его попутчики. Наставник и учитель наследника В. А. Жуковский патетически назовет путешествие «Всенародным венчанием в России»⁶. Отец-император точен и конкретен: «Путешествие наследника имеет двоякую цель, узнать Россию сколько сил возможно, и дать себя видеть будущим подданным»⁷.

Как и путешествие Екатерины II, поездка Николая I на юг имела глубокое символическое и практическое значение. С практической стороны, император и уполномоченный им наследник осуществляли ревизию результатов первого десятилетия царствования Николая I. Как полагали Николай I и его окружение, за это время было разрешено большинство проблем, оставленных политикой Александра I, и заложены надежные основы для дальнейшего развития России. Но наряду с приземленно-практическими целями поездка императора, как и его царственной бабки, не могла не быть знаковой и имела стратегическую цель. Укрепив внутреннее и внешнее положение страны, Николай I и его соратники готовились продемонстрировать Европе, насколько сильно ушла вперед Россия в сравнении с ситуацией пятидесяти-, тридцатилетней давности.

В общественном мнении современной Европы и России, отчасти и в кругах историков, путешествие Екатерины II в Тавриду вызывает в памяти прежде всего «потемкинские деревни»⁸. Вероятно, в этом есть определенная высшая справедливость. Однако путешествие Екатерины II, наряду с желанием продемонстрировать Европе и России быстрый прогресс вновь приобретенных территорий под «благодатной десницей» постаревшей просветительницы, имело и стратегический смысл. Под прикрытием празднеств и балов осуществлялась дипломатическая подготовка к реализации «греческого проекта». Но высокочестная война 1787–1791 гг., даже в союзе с императором Иосифом II, при огромных потерях завершилась с минимальными позитивными результатами. Несмотря на громкие победы А. В. Суворова при Рымнике и Измаиле, князя Н. В. Репнина при Мачине, «греческий проект» (даже в программе-минимум Г. А. Потемкина, не говоря уже о программе-максимум П. А. Зубова) оказался нереализованным, став своеобразной «зубовской деревней»⁹.

Император Николай I, исходя из личной концепции своего служения России и рыцарского отношения к данному слову, не мог не попытаться

⁶ *Вортман Р.* Поездки Александра II по Российской империи // П. А. Зайончковский (1904–1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 221.

⁷ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I / Публ. Л. Г. Захарова и Л. И. Тютюник. М., 1999., С. 21.

⁸ *Дэвис, Норман.* История Европы. М., 2004. С. 485.

⁹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Часть 5. М., 1937. С. 40–42.

ся усилить позиции России на Балканах, разрешить Восточный вопрос в ее пользу: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из них — восточное... Я непременно должен положить конец этому делу»¹⁰.

Его путешествие 1837 года, в том числе и вместе с семьей, демонстрировало, какому направлению и региону должно уделяться основное внимание. Если роскошное и длительное путешествие Екатерины II поразило Европу и вместе с тем дало повод для насмешек, то деловая поездка Николая II вызвала настоящий шок, оставив в памяти кавалерийские маневры под городом Вознесенском¹¹.

Грандиозные маневры императорских войск в августе 1837 года под этим заштатным городом Новороссийских военных поселений поразили военных специалистов и современников. Прежде всего, основную роль в них сыграла кавалерия. По своей длительности и количеству задействованных кавалерийских частей и соединений они стали наиболее грандиозными маневрами мирного времени во всеобщей истории регулярной кавалерии. Отраженные на популярных литографиях Лемерсье идеальные шеренги и колонны российской конницы наглядно демонстрировали возросшую военную мощь империи, вызвав удивление большинства политически активного населения Европы. Воспоминания современников о сборе и маневрах под Вознесенском свидетельствуют о восхищении и понимании роли российской конницы.

В отличие от современников, историки по известным причинам лишь изредка, как правило, в общем контексте упоминали о них в работах, посвященных николаевскому времени. В то же время маневры стали образцом профессиональной классики для кавалеристов и получили высокие отзывы в специальных работах по истории конницы¹².

Высокая оценка кавалерии Николая I показательна и в связи с тем, что, отдавая должное российской пехоте и артиллерии в войнах конца XVIII — начала XIX в., специалисты часто критиковали регулярную кавалерию. Войны 1828–1829 и 1830–1831 гг. продемонстрировали ее кризисное состояние. Но в XIX веке, несмотря на рост численности пехоты, кавалерия сохраняла роль мобильной ударной силы и часто именно она решала судьбу многих кампаний в Европе. Будучи профессиональным военным, Николай I вполне осознавал роль конницы в ходе военных ре-

¹⁰ *Татищев С. С.* Внешняя политика Николая I. СПб., 1887. С. 137.

¹¹ Журнал пребывания государя императора Николая Павловича в г. Вознесенске в 1837 году. СПб., 1838.

¹² История конницы: В 2 книгах. Кн. 2. Примечание Г. Бринса к «Истории конницы Денисона». М., 2001. С. 261.

форм начала 1830-х годов. С 1833 года начинается переформирование регулярных войск, при этом именно кавалерии уделяется особое внимание¹³.

Создаются новые штаты и инструкции по применению и занятиям в мирное и военное время¹⁴. Огромное внимание уделяется ремонту кавалерии и ее снабжению. Для разрешения этих проблем проводится целый ряд преобразований, в их числе — реформирование военных поселений кавалерии¹⁵. Для выравнивания качества лошадей в полках рекомендуется закупка лошадей основных мастей в соответствии с номерами полков и дивизионов — положение, неоднократно осмеянное не вникшими в суть проблемы комментаторами.

Согласно установленному порядку, кавалерийские подразделения, назначенные для участия в сборе и маневрах, с середины апреля начинают выдвижение с зимних квартир в лагерь. Маршруты движения, исходя из опыта переформирования 1833–1834 гг., планируются таким образом, что первичная подготовка проходит на местах и при движении. Подразделения начинают прибывать под Вознесенск последовательно с конца июля и до середины августа. Подготовку к размещению частей осуществляли специально выделенные команды.

Наибольшие трудности вызывало перемещение частей Сводного гвардейского отряда и Драгунского корпуса. Входящим в их состав подразделениям для участия в маневрах пришлось преодолеть расстояние порядка 1 000 верст. Полки Драгунского корпуса сконцентрировались в районе Белгород — Сумы. До конца мая они начали выдвижение несколькими маршрутами к Вознесенску, проходя по территории Харьковской, Черниговской, Полтавской, Киевской, Екатеринославской губерний¹⁶.

Прохождение маневров в зоне Новороссийских военных поселений создавало немало проблем. Для их разрешения формальное руководство возлагалось на инспектора поселенной кавалерии, генерала от кавалерии графа Витта. И. О. Витт и его штаб приложили массу усилий для подготовки сбора и маневров, устраняя межведомственные противоречия¹⁷.

¹³ *Кухарук А. В.* Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. VII. М., 2009. С. 199–203.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 38. Оп. 4. Д. 52 (О переформировании кавалерии); Д. 200 (О летних занятиях действующих и резервных войск).

¹⁵ *Фабрициус И. Г.* Военные поселения // Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Т. VII. Ч. 1. Кн. IV. СПб., 1902. С. 448–592.

¹⁶ *Семенов В. В.* Записки офицера в Вознесенском походе 1837. Рязань. 1893. С. 3–23.

¹⁷ Расписание войск. Вознесенск, 1837. С. 1–27.

Структура привлеченных к маневрам войск отражала структуру и традиции русской армии первой половины XIX в. К участию в сборе представлялись гвардейские, армейские, резервные, запасные, вспомогательные части всех родов сухопутных вооруженных сил. Как отмечалось выше, войска Гвардии и Гренадерского корпуса представлял Сводный гвардейский отряд. В его состав вошли Сводный гвардейский эскадрон и сводный батальон. Учитывая наличие многочисленных иностранных гостей, в состав сводного гвардейского батальона были включены также сводные роты гренадерских полков, шефами которых числились Австрийский император и Прусский король¹⁸.

В ходе инспекторской проверки для участия в маневрах был произведен сбор трех запасных гренадерских батальонов и Резервной дивизии 5-го Пехотного корпуса. В сумме пехотные части, собранные для маневров, составили 28 батальонов. Они должны были маневрировать вместе с кавалерийскими массами, обозначая как противника, так и поддержку в соответствии с тактическими наставлениями, выработанными военной теорией и практикой¹⁹.

«Изюминкой» маневров стал сбор четырех (!) кавалерийских корпусов с соответствующей конной артиллерией и вспомогательными частями. То есть в одном месте были собраны три Резервных кавалерийских корпуса (один из них Драгунский) и Сводный кавалерийский корпус. Вместе это составило 305 кавалерийских эскадронов с 128 орудиями конной артиллерии²⁰. Исходя из штатного числа собранных кавалеристов, даже без учета нестроевых чинов, в конную армаду вошло свыше 55 000 регулярных конников. Для сравнения: в Большую армию Наполеона при вторжении 1812 года вошли четыре (!) Резервных кавалерийских корпуса генералов Нансути, Монбрена, Груши, Латур-Мобура, не считая отдельных частей легкой конницы, приданных пехотным корпусам. Эта первоклассная и грозная конница состояла из 208 эскадронов и 38 200 всадников²¹.

Помимо кавалерии, сконцентрированной в составе корпусов, к маневрам привлекалось 40 сформированных резервных эскадронов пяти Легких кавалерийских дивизий, по штатам постоянно входивших в состав Пехотных корпусов, и 3 эскадрона Жандармского полка.

Всего же мощь России в степях под Вознесенском представляли 350 эскадронов кавалерии, 28 батальонов пехоты, 21 артиллерийская батарея с 168 орудиями конной и пешей артиллерии, 32 роты нестрое-

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 4, 22–29.

²⁰ Там же. Л. 2–28.

²¹ Деннисон Дж. История конницы // История конницы: В 2 кн. Книга 1. М., 2001. С. 325.

вых. Численность личного состава указанных формирований достигла 100 тысяч²².

В соответствии с создаваемой традицией, в Вознесенске впервые было массово привлечено большое число кантонистов, относящихся к Департаменту военных поселений. На время сбора из них дополнительно сформировали 28 эскадронов и 3 батальона, показав будущий резерв армии, ядро ее специалистов и унтер-офицеров.

Очевидно, что такие масштабные сборы и маневры были достаточно дороги, но чрезвычайно полезны с точки зрения профессионалов. Именно они давали возможность получить навыки вождения войск и маневрирования, проверить качество подготовки войск, полученной в лагерях и на обычных маневрах, проверить действенность боевых порядков. Указанные обстоятельства также повлияли на длительность маневров под Вознесенском²³.

Николай Павлович прибыл в лагерь вечером 18 августа. К этому времени войска уже разместились в гигантских лагерях, вытянувшихся на 30 верст вверх по течению Южного Буга. С 19 августа начинаются постоянные смотры, маневрирование поднятых по тревоге войск. Помимо Николая I, их проводили в подшефных частях великий князь Михаил Павлович, великие княжны Мария Николаевна и Елена Павловна, иные члены императорского дома. В ходе маневров достаточно скромно была отмечена годовщина коронации Николая I, но именно после 26 августа наступила кульминация маневров²⁴.

После 26 августа начались собственно большие маневры. Прибывший к 26 августа цесаревич руководил маневрами 27 августа, а Михаил Павлович соответственно 28-го. Кульминация пришлась на 29–30 августа. После многочисленных передвижений и сложных маневров войска вечером были собраны возле специально построенного макета турецкой крепости. В сумерках «крепость» была сожжена мощным огнем сконцентрированных здесь орудий конной и пешей артиллерии. Огонь, фейерверк, горящая крепость ознаменовали начало праздничной иллюминации. Войска распустили на ночь по лагерям, а гости вечером начали праздновать именины наследника престола. Празднества завершились грандиозным парадом вечером 30 августа²⁵.

Маневры и движения войск продлились до 4 сентября, а гости, помимо иностранных военных специалистов, начали разъезжаться 31 августа. Инос-

²² Подсчитано по: Расписание войск. Вознесенск, 1837.

²³ Брикс Г. Указ. соч. С. 266–268.

²⁴ Селиванов В. В. Указ. соч. С. 26–28.

²⁵ Там же. С. 29–46.

трантные профессионалы считали, что самое интересное должно произойти в конце маневров. Кавалеристы-наблюдатели пришли к общему выводу, что благодаря качеству людского и конского состава российская конница не должна бояться сравнения с любой другой. Правда, редко какой коннице приходится действовать в такой удобной для ее маневров среде, как южно-русские степи и Подолье²⁶.

Продемонстрировав новое качество русской кавалерии, даже без традиционно уважаемой на Западе казачьей, правительство наглядно показало неуязвимость Российской империи для сухопутного вторжения на Юго-Западе: оно имело бы шансы на успех лишь в случае выдвижения конницы, равноценной российской кавалерии. Ее же создание требовало значительных затрат времени и средств, к тому же подобную деятельность легко было бы заметить и следить за ней. В принципе, равноценную конницу могла выставить лишь коалиция ведущих европейских стран.

Представляется важным то обстоятельство, что для войны с Османской империей на Балканах тяжелые кавалерийские дивизии были не нужны. Но мощный кавалерийский кулак успешно заполняет стратегический вакуум, который неминуемо возник бы при отвлечении пехотных корпусов на Балканы или в Польшу. О комплексном и взвешенном подходе Николая I к отстаиванию стратегических интересов России при разрешении Восточного вопроса свидетельствуют и другие мероприятия, реализация которых затенялась событиями 1837 года и гигантскими маневрами кавалерии. Обеспечив дипломатическую поддержку, продемонстрировав защищенность юго-запада России, правительство империи начало планирование и продвижение замыслов по разрешению Восточного вопроса, при этом прослеживалось стремление к максимальному соблюдению норм Священного союза и принципов международного права.

Соответственно, летом 1837 года начались масштабные работы по укреплению Севастополя с целью превращения его в надежно защищенную стратегическую базу. Наряду с традиционными маневрами имело место регулярное использование боевых кораблей и транспортов по транспортировке сухопутных войск для работ в Крым и обратно. Таким образом достигалось четкое взаимодействие, приобретался опыт по погрузке и десантированию войск, их взаимодействию с флотом²⁷.

Параллельно велось планирование возможного десанта на Босфор по линии военно-морского ведомства. Соответственно, происходило перемещение сухопутных войск, готовились к десанту части 5-го Пе-

²⁶ Брикс Г. Указ. соч. С. 267.

²⁷ РГВИА. Ф 38. Оп 4. Д. 309 (О размещении в Крыму 15-й дивизии).

хотного корпуса. Но редчайшая в истории российской армии и флота, по уровню готовности флота и сухопутных войск, глубине и четкости разработанных планов десантная операция на Босфор в 1838–1840 гг. не осуществилась²⁸. Неожиданная смерть султана Мехмеда II (Махмуда II) не предоставила возможности выступить в его поддержку и тем самым еще больше усилить позиции России в Османской империи²⁹. Именно с конца 1830-х гг. Восточный вопрос как комплекс проблем, связанных с разделом и перераспределением влияний и наследия империи османов как при участии народов, в свое время покоренных оттоманской Портой, так и ведущих государств Европы, для представителей западноевропейских стран стал выглядеть несколько по-иному. Для них Восточный вопрос превратился в дестабилизирующий фактор на стыке двух взаимосвязанных процессов — постоянного продвижения влияния России на Юг и постоянного ослабления Османской империи. Логичным следствием данных процессов виделось воссоздание православного государства на Босфоре, в том или ином виде. Понятно, что подобный ход событий категорически не устраивал все великие державы Европы, кроме России³⁰.

На фоне такой смены приоритетов попытки правительства Николая I продолжать усиление России за счет Турции имели незначительные шансы на успех, при соблюдении принципов Священного союза. В то же время исход противостояния изолированной России и коалиции ведущих государств в ходе Восточной войны отнюдь не может свидетельствовать о слабости империи Николая I или об ошибочности его политики³¹.

Проведенная в 1837 году демонстрация возможностей российской конницы в маневренной войне вызвала стойкое нежелание военных руководителей других стран Европы встретиться с ее массами на открытой местности. Особенно сильно такое нежелание заметно было среди командного состава австрийской армии. Придерживался данной позиции и французский генералитет. Незвизрая на давление политиков во время Восточной войны (1853–1856 гг.), войсками коалиции применялась осторожная, консервативная и не очень популярная в обществе, но весьма эффективная в услови-

²⁸ См. *Иванов Д. М.* Черноморский флот и турецко-египетский конфликт во второй половине 1830 годов // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. VII. М., 2009. С. 132–164; *Кухарук О. В.* Десант на Босфор в планах російського командування під час кризи 1837–1840 р. р. // *Чорноморська минувщина. Записки Відділу історії козацтва на півдні України.* Випуск 3. Одеса, 2008. С. 86–94.

²⁹ См. *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в 30-е — начале 40-х годов 19 века. М., 1975. С. 65–85. *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856. Т. 1. М., 2002. С. 244–249.

³⁰ *Дэвис, Норман.* Указ. соч. С. 642.

³¹ *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 219.

ях России тактика «непрямого воздействия». Именно боязнь маневренного противостояния подтолкнула командование союзников к окопной войне, известной как «оборона Севастополя». Данная форма ведения боевых действий для союзников упрощала снабжение, исключала кавалерию, но затягивала ход войны, делала ее события менее зрелищными, а результаты — менее явными.

М. М. Шевченко

ЗАПИСКА 1841 ГОДА ОБ ОСТЗЕЙСКОМ КРАЕ ИЗ АРХИВА ГРАФА С. С. УВАРОВА

В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, в архиве семейства Уваровых (Ф. 17), среди бумаг министра народного просвещения (1833–1849), президента Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1818–1855) графа Сергея Семеновича сохранился документ не вполне ясного предназначения — записка под названием «Взгляд на нынешнее положение дел в Остзейских губерниях». О том, зачем она могла понадобиться Уварову, можно судить пока только на основании ее содержания и датировки. Ее автор, отнюдь не забывая о выдающихся заслугах многих балтийских немцев перед Российским государством, крайне отрицательно оценивал внутренние порядки Остзейского края, пороки которых считал исторически обусловленными, в связи с этим находил закономерным наличие в современных условиях перспективы распространения Православной веры среди латышских и эстонских крестьян и считал епископа Рижского Иринарха (Попова) жертвой немецких интриг. Записка датирована октябрём 1841 года.

Незначительное количество русских, проживавших в Остзейском крае, в церковно-административном отношении первоначально относилось к ведению Псковской епархии. В 1836 году, впечатленный ростом старообрядческой общины в Риге, император Николай I распорядился назначить туда для борьбы с расколом викарного епископа. Первый епископ Рижский Иринарх (Попов) в 1841 году оказался свидетелем волнений лифляндских крестьян, вызванных неурожаями и голодом.

По распоряжениям Николая I от 20 ноября 1836-го и 2 июля 1841 года из Курляндской губернии в Херсонскую было переселено около 2 250 евреев с освобождением их на 25 лет от налогов и рекрутских наборов. Среди латышских крестьян стали распространяться слухи, что им, как и крещеным евреям, в Таврии дадут землю. Православный епископ казался латышским крестьянам единственным начальником, способным донести до них монаршую справедливость, поскольку из всех более-менее им доступных он был единственным русским среди сонма немцев. В архиерейском доме за несколько лет участилось появление представителей обездоленных крестьян, приходивших за милостыней и ответами на свои вопросы, получавших в подарок православные катехизисы. Приходящих записывали, а те принимали такие записи за регистрацию всех желающих переселиться на юг. Надежды на то, что переселение ускорит переход в Православие, побудили многих перейти в Православную Церковь, о чем епископ сообщил обер-прокурору Святейшего Синода. Недовольство местных помещиков и евангелических пасторов не замедлило вырасти, и генерал-губернатор барон М. И. (К. М.) фон дер Пален назначил летом 1841 года комиссию для расследования причин крестьянских волнений, которая главной из них признала деятельность епископа Рижского и свой отчет направила также и ему. Министр внутренних дел граф А. Г. Строганов к этому расследованию первоначально отнесся с доверием и написал резолюцию, одобренную императором: епископ Иринарх подвергся порицанию, и ему впредь было запрещено иметь какие-либо дела с латышскими крестьянами.

Но позже министр внутренних дел изменил свою позицию и дважды докладывал Николаю I, что истинной причиной волнений были не действия епископа Рижского, а бедственное положение местного крестьянства¹. Император, по-видимому, к такому мнению прислушался и начал предпринимать шаги к постепенному сглаживанию конфликтов и противоречий. В октябре 1841 года преосвященный Иринарх от рижского викариатства был освобожден, получив затем повышение: 31 декабря был назначен епископом Вологодским и Устюжским. Однозначно и решительно на стороне Лифляндского дворянства стоял начальник III Отделения собственной императорской канцелярии шеф жандармов генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф. В его всеподданнейшем Нравственно-политическом отчете за 1842 год говорилось: «Религиозное рвение Преосвященного Иринарха, даже по отбытии его из Риги, оставило неблагоприятное в том крае впечатление. После него священник единоверческой церкви Емельянов, желая привлечь крестьян

¹ Смолч И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 358–360.

Венденского уезда в православие, начал распространять между ними слухи, что земли, ими занимаемые, будут предоставлены в их собственность. Таковые внушения, а равно вредные толки псковских торговцев, бродивших по Лифляндии, и некоторые стеснительные распоряжения Министерства Государственных Имуществ, — усилили неудовольствия лифляндских крестьян до того, что волнения между ними приняло в 1842 году оборот весьма опасный; но эти беспокойства прекращены были в самом начале мерами необходимой строгости правительства и похвальной заботливостью Лифляндского дворянства об улучшении быта поселян»².

Подобный подход к положению дел в Остзейском крае, при котором точка зрения местного дворянства была всецело определяющей, императора Николая Павловича уже существенно не удовлетворял. Новый епископ Рижский Филарет, назначенный 21 декабря 1841 года, перед отъездом в свое викариатство был принят лично императором. Генерал-губернатора Палена не поддерживали новый министр внутренних дел Л. А. Перовский и новый начальник III Отделения и шеф жандармов генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов, сменивший в сентябре 1844 года скончавшегося Бенкендорфа. 17 марта 1845 года Пален был освобожден от должности Остзейского генерал-губернатора с повышением: был сделан членом Государственного совета. Переход в Православие латышам разрешили, и в одном из рижских храмов было введено богослужение на латышском языке. Последовавшая за этим новая волна крестьянских беспорядков в крае не стала неожиданной для Петербурга. Николай I внимательно следил за идущими здесь процессами. Всеподданнейший Нравственно-политический отчет за 1845 год начальника тайной полиции давал подробную и обстоятельную картину происходившего: «В марте месяце некоторые жители города Риги изъявили желание присоединиться к православию, и в то же время представители лифляндского дворянства, опасаясь возобновления прежних волнений, ходатайствовали о принятии мер против этого. Опасения дворян признаны напрасными, и по высочайшему повелению объявлено, что латышам можно дозволить присоединение к православию с тем только, чтобы они просили не через поверенных, а лично, и богослужение для них отправлять на латышском языке в одной из наших церквей. В июне в Дерптском и Венденском уездах распространились слухи, что наступил срок к приписке на перемену веры, и Лифляндские крестьяне потекли толпами к священникам в Ригу, Верро и Дерпт. Местное начальство принимало все меры осторожности к устранению беспорядков. Крестьянам было внушаемо, чтобы они не иначе являлись, как с увольнительными видами от помещиков и не более од-

² «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 292.

ной десятой части населения, но латыши приходили даже без видов, по 300 и боле человек; им объяснили, что от перемены веры они не получают никаких мирских выгод, но крестьяне оставались в убеждении, что положение их должно уллучиться и что если не Государь Император, то Наследник Его дарует им казенные земли. Весьма естественно, что с этими событиями соединились ропот дворян и беспорядки со стороны крестьян. Последние бросали работы, оказывали дерзости и ненависть; и в октябре месяце волнение возрастало до того, что Дерптский уездный предводитель дворянства ходатайствовал о присылке войск для сохранения спокойствия»³.

В целом, Орлов рисовал более сложную и противоречивую, но вместе с тем и более объективную и взвешенную картину сложившейся в Остзейском крае обстановки, чем его предшественник Бенкендорф: «Едва ли можно определить причины настоящих событий. Русские объясняют, что стремление латышей к перемене веры происходит от их собственного желания; что протестантское духовенство для сохранения своих выгод интригует против этого стремления и всеми силами старается удержать крестьян в прежней вере; что лифляндские дворяне, принимая настоящие события за опасное волнение, представляют дело в ложном виде. Напротив того, высшие и средние сословия в Лифляндии доказывают, что крестьян подстрекает православное духовенство, что латыши переменяют веру без всякого убеждения единственно для избежания помещичьей зависимости, и что перемена исповедания, не обещающая прочных успехов православию, есть не религиозный, а политический переворот, грозящий бедствиями краю. Опять повторим, трудно определить, на которой стороне здесь справедливость, но, тем не менее, общее стремление латышей обратиться к православию возросло до такой степени, что останавливать этот порыв столько же опасно, как и содействовать ему. Поэтому Государем Императором Высочайше повелено: предоставить латышей относительно перемены веры собственному их убеждению, но строго преследовать тех, которые осмелятся подстрекать их к беспорядкам; равно наблюдать, чтобы лифляндские дворяне и протестантское духовенство не отклоняли желающих от православия». Орлов шел еще дальше, указывая Николаю Павловичу на серьезные противоречия между правительственной политикой и административной и сословной обособленностью Остзейского края: «Замечают еще, что было бы полезно отменить в остзейских губерниях те из местных привилегий, которые не согласны с обстоятельствами времени и находятся в противоречии с распоряжениями нашего правительства. Например, министр народного просвещения старается распространять в тех

³ «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 371.

губерниях русский язык, а на основании привилегий в присутственных местах там производятся дела только на немецком языке и даже не примут просьбы на русском языке! Ныне распространяется в Остзейских губерниях православное исповедание, а по местным привилегиям православные там не могут заниматься иностранным торгом, потому что это предоставлено Большой гильдии, в которую записываются одни лютеране; русские не допускаются ни к каким ремеслам в городах, потому что мастером может быть только лютеранин; наконец, русский дворянин не может пользоваться всеми правами своими в Остзейских губерниях; словом, — православная вера и русские в Остзейских губерниях унижены пред местными верою и жителями». Заключение Орлова недвусмысленно обозначало положение дел в Прибалтийском крае как серьезную проблему внутренней политики правительства: «Таким образом, высшие и средние сословия в Остзейских губерниях, отделяя себя от общих прав и обязанностей господствующего народа в России, держат себя как бы в самобытном положении. Поэтому, особенно ныне, с распространением в Остзейских губерниях православия, надлежало бы постепенно и осторожно ослаблять силу тех местных привилегий, которыми ограничиваются права русских, и поставить там православных в то положение, в котором господствующий народ должен находиться в пределах империи»⁴.

Таким образом, в середине 1840-х гг. император Николай I вполне представлял себе всю ту совокупность проблем, которую впоследствии, в изменившихся исторических условиях, русские либеральные публицисты второй половины столетия назовут «остзейским вопросом».

К 1848 году в Православии перешло уже около 38 000 латышей и 70 000 эстонцев⁵. В 1850 году Николай I издал указ об учреждении самостоятельной Рижской епархии.

Публикуемый здесь «Взгляд на нынешнее положение дел в Остзейских губерниях» был изложен на бумаге во время, очевидно близкое к увольнению 7 октября 1841 года преосвященного Иринарха с должности епископа Рижского и к произошедшему ранее, 23 сентября того же года, назначению министром внутренних дел Л. А. Перовского, на единокровной сестре которого был женат министр народного просвещения С. С. Уваров. Содержание записки не оставит сомнения у читателя, что в вопросе о ситуации, сложившейся в Прибалтийском крае, Уваров, если влиял на своего шурина, то не иначе как в духе, противоположном позиции начальника тайной полиции А. Х. Бенкендорфа.

⁴ «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 371, 371–372, 372–373.

⁵ Смолич И. К. Ук. соч. С. 363.

В русской правительственной среде того времени Уваров выделялся несомненной глубиной своего образования. Обычным для своего поколения аристократической молодежи домашним обучением под руководством французского аббата-эмигранта он не удовлетворился. Находя, что оно «более блестящее по внешности, нежели основательное по глубине»⁶, он, будучи уже двадцатичетырехлетним статским генералом и попечителем Петербургского учебного округа, специально подружился с видным филологом-классиком, впоследствии — академиком Ф. Б. Грефе, чтобы под его руководством посвятить семь или восемь лет углубленному изучению древних языков. Занявшись исследованиями в области греко-римской филологии и истории, Уваров приобрел в европейской научной среде репутацию «одного из самых острых умов, существующих в цивилизованном мире»⁷. В 1816 г. за «Опыт об элевсинских таинствах» его избрал своим почетным членом Институт Франции, где иностранных почетных членов было тогда не более восьми человек. Возглавляя с 1818 года и почти до конца жизни Санкт-петербургскую Императорскую Академию наук, Уваров за свою жизнь стяжал почетное членство более сотни академий и научных обществ всего мира. Он обладал обширными связями в немецком и французском ученом и литературном мире, был лично знаком с И.-В. Гете, Г. Штейном, Ж. де Сталь, дружен с братьями Шлегелями, А. фон Гумбольдтом. «...имя его столь известно в Европе...» — упоминал баварский посланник в России николаевского времени О. де Бре⁸. Отсутствие должного знания и понимания России ее европеизированной аристократией и самим императором Александром I, перед которым Уваров благоговел при жизни и которого продолжал глубоко чтить после его кончины, он считал главной причиной всех правительственных ошибок и неудач в его царствование. Во второй половине 1820-х годов, будучи по собственной воле на вторых ролях в делах ведомства народного просвещения, он предпринял ряд длительных поездок по России. «Те 5 или 6 лет, которые я таким образом провел, — писал он в воспоминаниях, — мне доставили, осмелюсь сказать точное и глубокое знание моей страны, которого без этого средства я никогда не смог бы достичь»⁹. Примерно к этому времени относится период его постепенного сближения с генералом А. Х. Бенкендорфом. Через него он с разрешения императора сообщал последнему в те годы в письменном виде свои мысли и наблюдения о положении дел в стране. В частности, в записке «О крепостном пра-

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 15 об.

⁷ *Marmier X. Lettre sur la Russie, la Finlande et la Pologne*. Т. 1. P. 1843, 296.

⁸ Русская старина. 1902. Т. 109. № 1. С. 131.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 18.

ве в России» он предложил взглянуть на развитие отечественного просвещения как на стратегическую подготовку отмены крепостного права в России, которое умрет не ранее, чем в результате работы отлаженной отечественной общеобразовательной системы произойдет нравственное перерождение части помещичьего класса, части значительной настолько, чтобы дать достаточную опору соответствующим правительственным усилиям¹⁰. «Будем надеяться, — писал Уваров Бенкендорфу, — что высокая мудрость Монарха просвещенного, справедливого и патриотичного облегчит его стране путь развития в форме, наиболее соответствующей ее природе. Будем надеяться, что люди, призванные ему помочь, поймут, наконец, положение Государства, которое своей политической формой, своей организацией, своим положением опровергает все теории, и для которого неприменимо почти ничего из того, что делается или задумывается в Европе»¹¹.

Бенкендорф, если не прямо содействовал, то, по меньшей мере, благоприятствовал назначению Уварова главой ведомства народного просвещения. В 1827 году по поводу назначения преемника преклонному годами министру народного просвещения адмиралу А. С. Шишкову он даже писал императору о нежелательности кандидатуры князя К. А. Ливена, которого, тем не менее, Николай I после Шишкова и назначил: «Хотя Ливен и является во всех отношениях отличным русским человеком, его имя — большое препятствие для такого назначения, публика будет неприятно удивлена, если он будет назначен на пост, где господствующая религия столь тесно связана с образованием, и это оружие будет пущено в ход против министра, который является лютеранином. Оружие это действительно очень сильно, и если священники, вероятно, будут пользоваться им по совести, то фронтенды — со злостью, поэтому этого назначения следует избежать»¹². Именно через Бенкендорфа Уваров получил предложение императора возглавить министерство. Первые годы его управления начальник тайной полиции в своих ежегодных отчетах давал положительные характеристики его деятельности во главе ведомства народного просвещения. Но впоследствии тон его суждений об Уварове круто изменился.

На слабо поставленное в остзейских училищах «необходимое всем Русским подданным обучение отечественному языку» обратил внимание с начала царствования сам император Николай I. В 1827 году после посещения губернских гимназий в Риге и Ревеле он распорядился добавить

¹⁰ См.: Шевченко М. М. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России. 1830 / 31 // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 2. М., 2006. С. 157–192.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 25.

¹² Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 301.

в каждую из них из числа наилучших выпускников русских университетов по два учителя русского языка и словесности с окладами выше штатных. Управляющий министерством народного просвещения Уваров, отчитываясь в 1833 году о ревизии Дерптского университета, не скупился на самые лестные характеристики учебного заведения, «полезного и во многих отношениях прекрасного», ходатайствовал об изъявлении монаршего благоволения ректору и профессуре «за усердие, труды и единокордие», но вместе с тем отмечал, что «к числу не довольно уваженных предметов принадлежит Русский язык», а кафедра русской словесности остается вакантной. Через полгода, подчеркивая перед Комитетом министров недостаточность уже принятых в этом отношении мер, Уваров писал, что «сие происходит не от недостатка в искусных преподавателях, но, полагать должно, от небрежения учащихся к Русскому языку». Последовало предоставление права поступать на гражданскую службу прямо в чине 14-класса, минуя низшие канцелярские должности, тем выпускникам прибалтийских гимназий, которые, «сверх отличия во всех прочих науках и в поведении, окажут на испытании совершенное знание Русского языка и превосходные успехи в Русской словесности»¹³. Конечной целью преобразования учебных заведений Дерптского округа в докладе императору 16 декабря 1836 года Уваров называл их интеграцию в общероссийскую систему общего образования. Но, полагая, «что такое преобразование было бы ныне и преждевременно и едва ли возможно»¹⁴ из-за могущих последовать затруднений с приглашением в Дерптский университет иностранных профессоров и плохого знания учащимися русского языка, предлагал переходные меры по постепенному усилению его преподавания и введению отдельных общих норм русских училищных уставов. При этом общий план действий, по замыслу Уварова, должен был оставаться негласным. 20 января 1837 года на Дерптский округ Николай I распространил общий порядок управления учебными округами, а 9 апреля Комитету устройства учебных заведений было объявлено, что уставы 1820 года в Дерптском округе по-прежнему остаются в силе.

«Сохранив свой особый устав, — отмечал официальный историк ведомства народного просвещения, — Дерптский университет постепенно стал утрачивать изолированное положение»¹⁵. В 1836 году на него было распространено действие статьи 80-й общего университетского устава 1835 года,

¹³ Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 402, 404, 447, 448–449.

¹⁴ Цит. по: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 321.

¹⁵ Там же. С. 322.

дававшей министру право самому замещать свободные кафедры лицами, обладавшими учеными степенями, а в 1841 — еще трех статей об избрании ректора и деканов. Введенные в виде опыта на три года в 1834 году, а затем принятые окончательно указом Сената 4 июня 1838 года «Правила для учащихся в Дерптском университете» в целях укрепления студенческой дисциплины сократили судебные права университета, усилили дисциплинарную власть ректора. Участие и соучастие в дуэлях, сильно распространившихся среди дерптских студентов, теперь судилось военным судом при Рижском ордонанс-гаузе, и не по местным, а по общероссийским законам. 19 декабря 1836 года император велел «строго подтвердить Дерптскому университету, чтобы никто не был удостоиваем звания Действительного студента, кандидата и лекаря без достаточного знания Русского языка» и «через пять лет никого в сей Университет не принимать в студенты, ежели не выдержит предварительного строгого экзамена в основательном знании Русского языка». 22 января 1837 года последовало повеление Николая I «постановить строгим правилом, чтобы по истечении трех лет никто из уроженцев Остзейских губерний не был определяем учителем в гимназию или училище, если не будет способен преподавать свой предмет на Русском языке, и за исполнением сего, по допущению к означенной должности, наблюдать без упущения»¹⁶.

Пассивное сопротивление прибалтийской училищной администрации и учащего состава, поддержанное корпоративным духом остзейского дворянства, усиливалось. Политике Министерства народного просвещения в крае стал активно противодействовать глава тайной полиции граф Бенкендорф. Со второй половины 1830-х годов у III Отделения усиливаются трения с Министерством народного просвещения по вопросам цензуры. В 1839 году шеф жандармов доносил императору о протестах тамошних предводителей дворянства, указывая на обвинения в адрес министра Уварова в стремлении бросить тень в глазах Николая Павловича на всем известную верность и преданность остзейцев¹⁷. Император отсрочил до 16 декабря 1845 года введение в действие правила 1836 года о непринятии в число студентов Дерптского университета не выдержавших экзамена по русскому языку и невозведении без знания последнего в первые ученые степени. Одновременно добавлялись 11 дополнительных учителей русского языка в Митавской, Рижской, Ревельской, Дерптской гимназиях, в Ревельском Домском училище, в Митавском, двух Рижских, Ревельском, Перновском и Дерптском уездных училищах. Солидную прибавку к жалованию

¹⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стб. 950, 955–956.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 728. Д. 1467. Ч. VIII. Л. 1–3 об.

за преподавание русского языка в Дерптской девичьей школе получал младший учитель Дерптской гимназии. Выделялись дополнительные средства на приобретение соответствующих учебных пособий. В начале 1840 года, по представлению Уварова, император согласился к десяти штатным воспитанникам Дерптской семинарии для подготовки учителей начальных школ добавить еще четырех, «с тем чтобы они преимущественно образуемы были для занятия должностей учителей Русского языка в уездных училищах Дерптского округа, и по окончании в Семинарии курса, отправляемы были в Главный Педагогический институт на два года, для окончательного усовершенствования»¹⁸.

Неприятный для балтийского дворянства своей последовательностью в исполнении монаршей воли министр народного просвещения с рубежа 1830–1840-х годов сделался постоянным объектом придворных интриг. На страницах дневника члена Государственного совета барона М. А. Корфа Уваров изображался как «ненавидящий Дерптский университет и вообще Остзейские провинции, от которых уже неоднократно были приносимы жалобы Государю, и не всегда безуспешно»¹⁹, склонный-де к подлости «из угождения некоторым любимым идеям Государя»²⁰.

В немецких газетах «Allgemeine Zeitung» и «Neue Hamburgische Zeitung» в 1839 году появились публикации двух всеподданнейших докладов Уварова 1836 и 1838 годов с изложением политических планов Министерства народного просвещения в Прибалтийском крае. Признанные виновными в разглашении секретных служебных сведений директор канцелярии попечителя Дерптского учебного округа и один из учителей Митавской гимназии были отправлены в ссылку: один — в Вятку, другой — в Уфу. С одной из публикаций познакомился двадцать пять лет прослуживший в Дерптском университете академик Г. Ф. фон Паррот, давний корреспондент и любимец императора Александра I. Из уважения к памяти венценосного брата Николай Павлович в первые годы своего царствования через президента Академии наук Уварова предложил ученому письменно высказаться по некоторым политическим вопросам, на что тот охотно согласился. Менторские по тону, многословные и пафосные передаваемые через Бенкендорфа письма император иногда удостоивал устным или письменным ответом через того же шефа жандармов, поощряя словоохотливого академика писать и дальше. В письме от 8 (20) марта 1839 года Паррот завел речь о планах Уварова касательно Остзейского края, санкционированных Николаем I. В стремлении распространить в преподавании и учебной администрации, наряду с немец-

¹⁸ Там же. Т. 2. Отд. 1. Стб. 1222–1224; Отд. 2. СПб., 1864. Стб. 3.

¹⁹ Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. М., 2004. С. 49.

²⁰ ГА РФ. Ф. 728. Д. 1817. Ч. 1. Л. 155 об.

ким, русский язык обнаружил у Уварова поползновение отнять у остзейцев их немецкую идентичность: «Неужели он, действительно, думает, по своему плану, привить провинциям русскую национальность, и чтобы русский язык мог сделать верноподданных государю и отечеству?» Весь замысел Уварова, по мнению Паррота, государственно нелеп и культурно реакционен: «Не хочет ли автор доклада, требующий коренных русских нравов, восстановить те времена, когда народ не мог найти у себя человека, способного управлять им, и обратился поэтому к варягу Рюрику, или ту эпоху, когда Россия была разделена на множество княжеств и представляла собою завидную добычу для варваров, или, еще лучше, те новейшие времена, когда стрельцы были преторианцами и янычарами в России? Настоящее законодательство, созданное Петром Великим, уничтожило старые нравы. Поэтому сомнительно, чтобы просвещенный русский человек мог сожалеть о потере давно прошедших времен». Паррот не сомневался, что новая Россия практически всеми своими достижениями обязана балтийцам или выходцам из Германии. При Екатерине II «многие ездили за границу, но в качестве туристов, а не с целями образовательными. Эта преждевременная и поверхностная цивилизация заставила думать русских, что они ушли гораздо дальше вперед, чем это было в действительности. Все, что произошло тогда хорошего, произошло большею частью через немцев, стремившихся в Россию и через жителей Балтийских провинций, которые собрались в Петербурге...» А затормозил, по мнению академика, развитие русской цивилизации приток в конце XVIII века французов-эмигрантов, лишенных настоящей, истинно-немецкой учености. Остзейцы по своему культурному развитию выше русских и сами решают, для чего и в каком объеме им может понадобиться русский язык: претензии Министерства народного просвещения неосновательны. «Хотя я должен бояться обидеть Вас, — писал Паррот Николаю I, — но хотел бы еще раз доказать, что степень развития Балтийских провинций выше, чем в остальной России». Поэтому министр Уваров должен «трудиться... чтобы развитие остальной России было поднято до уровня Балтийских провинций. Неблагодарный забыл, что он своим собственным образованием обязан немецкой школе». Раздражение Паррота вызвал и опубликованный отчет Уварова о десятилетнем управлении Министерством народного просвещения: «Русский сознает еще, хотя и с досадой, немецкое превосходство и уезжает путешествовать, чтобы поучиться за границей и хоть по крайней мере на время сбросить министерскую тиранию на родине». Николаю I Паррот ради собственных интересов предлагал «увериться», «что император российский не должен быть непременно славянином»²¹.

²¹ Русская старина. 1895. Т. 83. № 4. С. 207–208, 213, 214, 215, 216, 217, 218.

Бенкендорф горячо одобрил взгляды Паррота, изложенные по поводу отчета Уварова: «Поздравляю Вас, что Вы так написали, и можно поздравить государя, прочитавшего со вниманием Ваше строгое послание»²².

К оценке намерений Уварова в отношении Прибалтийского края, данной Парротом, фактически присоединилась американская исследовательница Ц. Виттекер — автор монографической работы о жизни и деятельности министра, которая, очевидно, не очень интересовалась тонкостями внутренней политики николаевский России. Планы Уварова ей напоминали «советскую доктрину». Но и она признала, что «политика Уварова облегчала рост Дерптского университета и наступление в нем «золотого века»²³.

Во всеподданнейшем Нравственно-политическом отчете за 1839 год некогда симпатизировавший Уварову начальник III Отделения собственной императорской канцелярии давал теперь министру народного просвещения уничтожающую характеристику: «Уваров единственно старается о том, чтобы наделать больше шуму и накрыть каждое дело блистательным лаком. Отчеты его превосходно написаны, но не пользуются ни малейшею доверенностью... Правда, что по воле Государевой вводится в польских и немецких провинциях изучение русского языка; но можно ли верить, чтоб успехи были таковы, как написано в отчетах, когда в самой столице нет хороших русских учителей... Ни один министр не действует так самовластно, как Уваров. У него беспрестанно имя Государя на устах, а между тем своими министерскими предписаниями он ослабил силу многих законов, утвержденных Высочайшей властью... В самом существе Уваров старается, чтобы цифры учащихся возвышались, но самое учение еще на весьма низкой степени в русских округах с сравнением даже с Дерптским, и русский магистр едва ли получит патент студента в Дерпте»²⁴.

Тем не менее в начале 1840-х годов император Николай I, наблюдая за состоянием общественного мнения, твердо стоял на стороне министра народного просвещения. Уваров с благодарностью вспоминал об этом на закате дней: «Его решимость мне гарантировала с самого начала положение ясное и определенное»²⁵. На его юбилейном докладе, посвященном десятилетию управления министерством, Николай I написал: «Читал с удовольствием». Император таким образом публично подчеркивал, что цель правительственной политики именно такова, какой ее формулировал Уваров: сообразовываясь «с местными, так сказать, историческими особенностями»

²² Там же. С. 219.

²³ Whittaker C. H. The origins of modern Russian education: An intellectual biography of count Sergei Uvarov. 1786–1855. De Kalb, 1984. P. 190, 201.

²⁴ «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. С. 210–211.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 44 об.

ми государства и его жителей, разноплеменных, удаленных друг от друга и происхождением и степенями образованности», обеспечить «водворение образования отечественного, соответственного потребностям нашего века, образования самобытного и русского по превосходству»²⁶. Николай Павлович принимал таким образом и уваровское понимание учета специфики Прибалтийского края, «где политическая верность господствует с предрассудками, где чувство преданности законному государю большею частью покрывает, так сказать, странности обветшалых понятий; там, где врожденная недоверчивость, пополам с природною гордостью и расчетливостью, ищет и находит в нашей истории несколько поводов думать, что просвещением и талантами жители Балтийских берегов, некогда превышая нас, имели прямое влияние на судьбу Империи...» Николай I принимал и уваровскую оценку значения остзейцев в истории России нового времени: «В течение прошедшего и в начале настоящего столетий, влияние этих губерний видимо отражается на каждой странице нашей политической истории. Нет сомнения, что эта горсть людей другого происхождения, но людей умных, предприимчивых, образованных, много способствовала к нашему развитию, не щадя, впрочем, в иных случаях, ни крови, ни чести России. В общем смысле, их государственные люди расширили пределы Империи; их воины проливали кровь за Дом Романовых; их художники и ученые сообщали нам сведения о европейском образовании. Все это неоспоримо и все это заслуживает нашу признательность; но тем и оканчивается всякое справедливое с их стороны притязание на наше уважение, всякое чистосердечное сочувствие между ими и нами. Оттого, что они угнетали Россию императрицы Анны; оттого, что они вблизи видели Россию Елизаветы и Екатерины II, они упорно заключают, что Россия тот же младенец, к охранению коего и они платили дань усердия, не всегда беспристрастного, не всегда бескорыстного. Словом, — *они не постигают России Николая I-го*; и этот обман, почти оптический, эта суеверная неподвижность в понятиях, это тайное отрицание всего существующего теперь у нас, этот холодный, мелкий дух протестантизма в приложении к делам государственным — вот что отличает и некоторым образом отталкивает от нас это поколение людей, одаренных душевными доблестями и некоторым прямотушием». По отношению же и к современному германскому миру Прибалтийский край ныне представляет собой глубокую провинцию: «С одной стороны, Германия изменилась, с другой — Россия возмужала. Тщетно дух остзейских губерний считает себя представителем немецкого просвещения в России; мы это просвещение понимаем и ценим вернее их...

²⁶ Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864. С. 47–48.

привилегии, проистекающие первоначально из прав рыцарства германского, уничтожены везде в Германии и без сомнения не существовали бы уже давно, если б остзейские губернии, вместо русской державы, были подвластны, например, прусскому правительству». Местное дворянство, таким образом, сопротивляется и европейскому влиянию, и русскому, и средним и низшим сословиям собственно Остзейского края, усугубляя здесь социальные антагонизмы²⁷.

Кроме этого провинциального духа, сопутствующего неустройству социальному, спецификой края является и неустройство религиозное, порожаемое постепенно углубляющимся кризисом протестантизма: «Главное протестантское начало... поставляет церковь как будто в вечное брожение... дерзость умствования о предметах веры достигла, особенно с начала XIX столетия, до невероятия. *Рационализм*, т. е. отрицание всего сверхъестественного, произвел и продолжает производить самые отвратительные явления. От этих явлений родился целый разряд сект... Из общего отрицания, или по крайней мере сомнения всеобщего, умы искали убежища и успокоения в таинственной недоступности *мистицизма*, иногда довольно чувственного и грубого... Обязанность правительства защищать господствующую церковь — может принять свое действие там, где церковь сама защищает себя. Здесь, напротив, две крайности: истощенная церковь, которая не считает себя даже за правоверную, в своем смысле, и фанатические секты, которые стремятся занять ее место». Этим духовным кризисом и объясняется то «с некоторых пор новое, не вполне разгаданное явление: сильное влечение простого народа к православию русскому. Это неоспоримое влечение, несомненное для беспристрастных, родилось более от глубокого чувства неудовольствия к существующему порядку, чем от убеждения в превосходстве церкви».

Таким образом, Остзейский край — это, если и «наиболее цветущие», то, во всяком случае, далеко не беспроблемные провинции империи, положение дел в которых закономерно делает их также предметом серьезного попечения со стороны Министерства народного просвещения²⁸.

В июле 1845 года, в связи с приближением срока вступления в действие постановлений 1836 года об обязательном знании русского языка для поступающих в Дерптский университет и возводимых в первые ученые степени попечитель округа получил от министерства специальные наставления, определяющие уровень и характер предъявляемых требований.

²⁷ Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864. С. 49–50, 52–53.

²⁸ Там же. С. 53–54, 54–55.

В 1853 году, уже после отставки графа С. С. Уварова с поста министра народного просвещения, особая кафедра русской истории, к тому времени уже существующая во всех российских университетах, была открыта и в Дерптском.

Итак, в широком контексте русской правительственной политики в Прибалтийских губерниях, присутствие среди бумаг министра народного просвещения записки 1841 года о положении в Остзейском крае свидетельствует, как минимум, о неснижавшихся усилиях С. С. Уварова по поиску дополнительной поддержки своих политических планов.

Записка печатается по писарской копии (Ед. хр. 39. Л. 72–94). В приложении к ней печатается краткая историческая справка о Прибалтийском крае, хранящаяся там же, также в виде писарской копии (Ед. хр. 39. Л. 62–70). В публикации сохранены стиль и некоторые особенности написания подлинников, авторские подчеркивания выделены курсивом.

Взгляд на нынешнее положение дел в Остзейских губерниях.

Всякого беспристрастного наблюдателя, в особенности Русского, привыкшего к могучему триединству Отечества, раскрывающемуся в православию, самодержавию и народности, если он проведет несколько времени в нашем Прибалтийском Крае и будет иметь случай узнать тамошние отношения; рассмотреть ближе состав обитающих там племен и управляющих ими постановлений, неприятно поразит какое-то странное разнообразие, какой-то более или менее явный разлад частей, несвязанных коренною, зиждущею силой. Сначала это может показаться развитием жизненным, органическим, хотя довольно уродливым, но опыт мало помалу открывает тут следы разложения, среди которых уцелевшие постановления средних веков, призраки, чуждые настоящему порядку вещей и современным потребностям, бродят как выходцы из могилы еще не зачатые, смущая покой живых. Явления сии, впрочем, не случайны: основа их скрывается глубоко в роковых событиях, в духе народов, населяющих Лифляндию, Эстляндию и Курляндию. Чтобы вернее, отчетливее понять причины нынешнего положения дел в этих странах, вникнем в подробности.

Уже взор Тацита видел на берегах Балтики Леттов и Финнов; резкое перо его обозначило отличительные черты, с незначительными изменениями сохраненные ими до сих пор. Лишенные предприимчивости, равнодушные к благам жизни духовной и вещественной, не по чувству сми-

ренной кротости, но по природному закоснению, они никогда не были завоевателями, всегда покорялись иноземцам и переходили из рук в руки, подобно мертвой массе. Провидение судило их на вечное младенчество: из недр их не образовалось ни среднего класса, ни дворянства, не образовалось тех сословий, коими народы, без сознания, в сосредоточенном виде, выражают свои ощущения, свои мысли, свою волю, самостоятельно распространяя собственный круг действия в мир. У коренных обитателей нынешних Остзейских Губерний все это постоянно было чужое, прививное, наносное, несвязанное с ними ничем, кроме влияния силы и насилия. Каждый Латыш или Чухна, выходя из крестьянского состояния, делается Немцем или Русским, пересоздается, стыдится своего происхождения; нельзя принадлежать к высшему разряду общества и вместе оставаться Латышем, оставаться Чухной: на туземных языках названия Эст, Летт и названия крестьянин — синонимы.

Еще задолго до основания Российского Государства, Славяне, переселенцы с Юга, проложили себе пути между Финскими племенами, частью истребили их, частью отбросили вправо и влево, гнали их перед собой и рано основали прочные усадьбы на отдаленном Севере, притискивая, сгущая рассеянную Чудь к берегам Варяжского моря, откуда ей бежать уже было некуда. Тут начинается первое знакомство наших предков с полосой, где ныне Лифляндия, Эстляндия, и, вероятно, их первые там завоевания. Известно, по крайней мере, что ближайшие потомки Рюрика собирали с Латышей и Чухон дань и что Ярослав, сын Владимира Св[ятого], построил Дерпт, по его Христианскому имени названный Юрьевым²⁹. Но власть Русских не могла надолго утвердиться в крае, беспрестанно громимом нападениями сильных соседей, когда сама Россия вся кипела уобицею, мятежами; когда свирепели внешние и внутренние войны. Пользуясь этими беспокойствами, под благовидным предлогом обращения идолопоклонников к Христианству, Католицизм, опираясь на меч Немецких Рыцарей, стал быстро распространять свою светскую власть, от устья Западной Двины до Финского залива, исторгнув надолго из рук России ее неотъемлемое достояние. Здесь не место входить в лабиринт Истории, не должно, однако, выпускать из вида нити, связывающей с прошедшими событиями нынешнее положение дел, в котором, среди современного шума, явно слышен отголосок древних лет. Орден Меченосцев и города, заселенные сволочью, нахлынувшею из Германии, погасили и без того бледные искры народной самостоятельности

²⁹ Первое русское летописное упоминание г. Юрьева датируется 1030 годом. В 1224 году после взятия штурмом немцами и поголовного уничтожения всех уцелевших эстов и русских был переименован в Дерпт. В 1893 году возвращено первоначальное имя Юрьев. С 1919 года и по настоящее время Тарту.

в Остзейских природных жителях, наложив на них ярмо иноземного, иноязычного дворянства, иноземного иноязычного среднего состояния; навсегда и окончательно подавив естественное развитие сих сословий из недр покоренных племен. Латыши и Чухны, от силы обстоятельств, в гражданском и даже нравственном отношениях остались какими-то искаженными недоносками: это тела, у которых не выросло голов, не выросло благородных орудий организма, завоевание впоследствии приделало к ним орудия искусственные. Можно ли после этого ожидать сочувствия между столь разнородными частями и удивляться, если при малейшем движении вдруг происходят: расстройство, недоразумение, смятение? Вот почему, несмотря на несходство времен, на различия Правительств, господствовавших в Остзейском Крае, на противоположность прежнего крепостного и нынешнего лично-свободного быта, отношения между помещиками и крестьянами, между дворянством и простым народом там изменились мало; вот почему брожение, теперь обнаружившееся, по вероятности продолжится, открыто или тайно, до тех пор, пока благоразумными мерами не уничтожат его подлинных причин и тем не предупредят могущих случиться в будущем затруднений, даже несчастий. Дворянство не даром величает себя доселе Рыцарством (*Ritterschaft...*), напоминая умышленно — для нас уже мерцающее в тумане минувшего, по его понятиям — еще живое, право старинных Меченосцев.

С самых отдаленных времен Латыши и Чухны находились в зависимости от сопредельных с ними, более честолюбивых и деятельных племен; по неволе были завлекаемы в кровавые распри, для них совершенно чуждые; стояли безмолвными свидетелями происшествий, в коих не прямо участвовали страдательную толпою, делаясь жертвами посторонних выгод; но окончательно расплачивались за все *они*: на *них* налягали невыносимые тяжести, над *ними* разражалась туча бедствий. Право сильного есть единственное право, им коротко знакомое. Конечно, с тех пор как мощная десница России осенила берега Балтийского моря, шум внешних бурь и тревоги военные умолкли на полях Ливонских; снаружи водворился мир, но внутри мира не было: здесь, по-прежнему, хотя в ослабленном виде и с соблюдением необходимых приличий, донныне кипит глухая борьба племен, сословий, вероисповеданий, законов, предрассудков закоренелых, учреждений цветущих и увядших, расчетов вещественных и стремлений духовных. Кто превратит этот печальный хаос в вожделенный порядок, кто соединит расторгнутое и уже неспособное связаться само собою, кто сольет сии, без определенной цели волнующиеся враждебные стихии в стройное целое и заставит их дружно течь около общего средоточия? Одно всесильное слово Монарха! Оно *одно* может уврачевать глубокие

язвы, нанесенные краю предшествовавшими обстоятельствами, недоумением, себялюбием и мелочными страстями; оно *одно* может вдохнуть новую жизнь в это болезненное тело, полуиссохшее, полураспухшее! Но пока священный глагол не прозвучал, все коснеет в старом положении и со дня на день запутывается.

Взаимное отчуждение, скажу более — взаимная неприязнь составных частей гражданского Общества в Остзейских Областях заметна на каждом шагу, — в делах важных и ничтожных, между людьми образованными и невеждами. Там, без тени повода, Латыши удаляются от Чухон, Чухны от Латышей. Немцы от тех и других, но, в особенности, от Русских. Студенты от бюргеров, бюргеры от студентов, Гернгутеры от рационалистов и наоборот; Курляндцы от Лифляндцев, Лфляндцы от Курляндцев, последние, вместе, от обитателей Эстляндии; у Лифляндцев снова резкое деление: жители Дерпта холодны к жителям Риги, оплачивающимся тою же монетой. Наконец, поселяне ненавидят все это сонмище Немцев, которое, пользуясь обширными, исключительными правами, тяготеет на их плечах, тучнеет от их трудового пота, между тем как сами они чахнут и томятся. Прибавьте к вышесказанному бесконечное многообразие городских³⁰ и сельских постановлений, смешений законов: Папских, древних Римских, общих и частных Германских,³¹ Рыцарских, Польских, Шведских, Датских, Ганзейских, Русских, старинных приноравливаемых к новому и новых по старому роем корыстолюбивых стряпчих, заводящих и поддерживающих тяжбы из пустяков единственно для денежной прибыли, и перед вами явится истый образ столпотворения. Прискорбная, хотя, к сожалению, верная картина! Обратимся к другому.

Большинство Остзейского дворянства, особенно в Лифляндии, составлено теперь из недорослей (иногда седых), ничего в мире не ставящих выше чести родиться тамошним помещиком. Напыщенные гордостью неимоверною, ни на чем существенном не основанною, шутовски смешною в глазах всякого мыслящего; с младенчества повитые в предрассудках и предубеждениях касательно России, о которой не имеют никакого понятия; воспитанные в прихотях воли, в праздности и порядочном невежестве, эти люди мало помалу убедили себя, по справедливому выражению одного умного писателя «что только у них светит солнце, цветет земля, и что они созданы природою как алмазы в рудниках Потози, для украшения рода человеческо-

³⁰ В Дерпте, например, на пространстве квадратной версты действуют три разные полиции, из коих, разумеется, ни одна не имеет права заниматься делами другой; беглым там привольнее, нежели в лесу: пока полиции между собою сносятся, они беспрепятственно переходят из части в часть. (*Примечание автора.*)

³¹ Многие учреждения средних времен, о коих самая память исчезла в Германии, в Остзейском крае поныне действует еще полною силою. (*Примечание автора.*)

го»!!! К подобному мнению, сколь оно ни забавно, сии Господа естественно приведены своими исключительными привилегиями, тяжкими, оскорбительными для прочих сословий, а для крестьянского, во многих случаях, преимущественно в неурожайные годы или при тощей почве, почти невыносимыми. Такие льготы имеют еще общую сторону относительно народа в России господствующего. Остзейский дворянин, приобретая поместья или поселяясь в наших Губерниях, пользуется безусловно всеми правами дворянства Русского, а Русский дворянин, кто бы он ни был, в Прибалтийских Областях, лишен прав своего звания, и если купил там вотчину, то не допускается на выборы. Впрочем, и вотчину он может усвоить тогда лишь, когда это угодно местному дворянству: ибо в течение года и шести недель, считая от покупки, каждый туземный дворянин властен взять на себя сие самое имение, заплатив Русскому сумму, означенную в купчей. Это называется правом близости (Näherecht). В Курляндии нет даже и такого снисхождения.

Самое воспитание, получаемое молодыми людьми дворянства Остзейского Края, как мы сказали, весьма недостаточно: предоставленные систематически³² на собственный произвол в те лета, когда человек вообще неспособен благоразумно пользоваться свободой; когда она для него скорее зло, нежели добро, они учатся кое-чему, с грехом пополам, на медные деньги; гоняются за зайцами, ходят на охоту, и потом отправляются, как говорится, для дальнейшего образования за границу, откуда, истощенные телом и душою, кроме смертной бледности на лице, разрушенного здоровья, пустого кармана и жидовских бород на подбородках, кажется, ничего не вывозят. Возвратясь с этим богатым запасом, они уединяются в свои деревни для восстановления сил, истраченных, по тамошнему мнению, при многотрудном собирании, в разных местах, важных статистических сведений, и слух идет, что тогда усталые путешественники неутомимо занимаются Сельским хозяйством; но сии занятия совершаются тихо, скромно и так скрытно, как Элевзинские таинства³³, недоступные взорам непосвящен-

³² Мысль, что вообще надзор за юношеством и даже за малолетними вреден, разлита не в одном дворянстве, но во всех сословиях. Польза, которую от этого ожидают, есть какая-то ложно понимаемая независимость, самостоятельность духа. Такому предассудку приносятся обильные жертвы, но прямое его следствие есть видимое ослабление связей родства и повиновения: родители холодны к детям, дети — к родителям. Нужно ли говорить об отношениях братьев и сестер, начальников и подчиненных? (*Примечание автора.*)

³³ Элевзинские таинства — древнейшие языческие мистерии в античной Греции, представлявшие собой обряды инициации в культах богинь плодородия Деметры и Персефоны, содержание которых сохранялось от непосвященных в тайне, нарушение которой каралось смертью. Совершались ежегодно в Элевсине возле Афин на протяжении, примерно, двух тысяч лет. Указом римского императора Феодосия I Великого святилище в Элевсине было закрыто в 392 году. При вторжении готов во главе с королем Аларихом I в 396 году было разграблено и уничтожено.

ных. Болтливая молва разглашает, будто бы в это время недоросли только переливают из пустого в порожнее: играют до упаду в вист³⁴, превращают ночь в день, а день в ночь; совещаются заботливо о покрое новых фраков и сюртуков; холят свои прически à la jeune Allemagne³⁵, скучают от нечего-делать, и, наконец, забыв Лифляндскую Губернию, мечтают о каком-нибудь небывалом Лифляндском Герцогстве, готовясь ревностно к пресловутым званиям Орднунг-Рихтеров, Ландрихтеров, Ланд-ратов³⁶ и т. д. Некоторые из юных Рыцарей³⁷, поболее учившиеся, вступают в Дерптский Университет; впрочем, из них редкие посещают лекции, еще меньшее количество подвергается экзамену: они выходят без аттестатов, и, не ведая как отворяются двери в аудитории, не зная в лицо почти ни одного Профессора, после, целую жизнь твердят: Ich habe studiert³⁸; все, однако ж, почитают их беспрекословно кивотами мудрости и опыта. Исключения, разумеется, есть, но они составляют необычайность, а потому не могут быть приняты в соображение.

Судьба поселян, несмотря на свободное состояние, поныне большею частью зависит не от постановлений, для них изданных, но от личных качеств помещиков, к коим Латыши и Чухны питают наследственную ненависть, называя Господина Сакса-Саксонец, Немец³⁹, и зная, по преданию, что земля, теперь возделываемая их руками, орошаемая их потом и присвоенная инородным нашествием, некогда принадлежала им самим. В 1819-м году Остзейские крестьяне отпущены на волю⁴⁰; устройством их быта занялось дворянство, которое, имея в виду единственно свои частные выгоды, и то преходящие,

³⁴ Карточная игра.

³⁵ По-младогермански (*фр.*).

³⁶ Должности в местном сословном самоуправлении.

³⁷ Рыцарством именовались дворянские роды, внесенные в специальные матрикулы, утвержденные в 1741 году в Эстляндии и в 1747 году в Лифляндии. К первому классу среди них относились те, чьи предки обосновались в крае во времена Ордена. Нематрикулированные помещики составляли отдельную категорию — ландзасов.

³⁸ «Я изучал...» (*нем.*).

³⁹ Понятия сии нераздельно слиты в их умах. Слово Сакса они даже иногда употребляют вместо брани. (*Примечание автора.*)

⁴⁰ Предложение о личном освобождении крестьян поступило правительству в 1811 году от дворянства Эстляндии. Соответствующее положение, составленное специальной комиссией, было утверждено императором Александром I 23 мая 1816 года. 31 августа 1814 года император велел Остзейскому генерал-губернатору обеспечить разработку аналогичного закона для Курляндии. Тамошнему дворянству было указано принять за основу эстляндское положение, чему оно и последовало. Положение для Курляндии было утверждено 25 августа 1817 года. В июне 1818 г. лифляндский ландтаг — орган местного дворянского самоуправления — учредил комиссию для составления крестьянского положения на основаниях, принятых в двух соседних губерниях. Новоразработанное положение было утверждено императором 25 марта 1819 года. Все крестьянские положения Остзейских губерний основывались на сохранении всей пахотной земли в помещичьей собственности и всей совокупности прав помещика, которые в русском праве обозначались понятием «вотчинная власть».

незаметным образом, как вскоре оказалось, но довольно хитрыми средствами, обратило эту волю в обманчивый призрак, под личиною коего угнетение и нужда, местами, увеличились еще решительнее прежнего. Тут разорвались последние связи, соединявшие высшее сословие с низшим. Когда существовало крепостное положение, помещик, в неурожайные годы, кормил своих крестьян, поддерживал их в разных обстоятельствах, был их природным заступником. Теперь эта священная обязанность исчезла: если поселянин в силах работать, Господин⁴¹ дает ему поле, если нет — отнимает, и изгнанного никто уже не берет к себе; он может идти на все четыре стороны, скитаться по миру с сумою за плечами, или прекратить разом бедственную жизнь. Достойно замечания, что, сравнительно, нигде в России между простым народом нет столько самоубийств, как в Остзейских Губерниях. Преклонные лета равномерно там не обеспечены: протрудившись десятки годов, пахарь в будущем часто видит одну голодную смерть или убогую нищету. Долговечность необыкновенно редка: человек лет пятидесяти имеет наружность старика дряхлого. Стоит взглянуть на длинную, грязную хижину Чухны или Латыша, мало чем различающуюся от берлоги зверя, одиноко темнеющую в лесу или в болотистой топи; стоит отведать хлеб, который они едят, — это черствое, серое тесто, испеченное пополам с золой, угольями, песком и соломой; стоит взглянуть на их лица, пасмурные, одичалые, убитые нуждой и горем, чтобы легко понять их желание — оставить неприязненную родину и искать убежища под другим небом. Помещики, стремясь, при личной свободе, держать их сколько можно в безусловной от себя зависимости, придумали запутывать бедняков в неоплатные долги, нечувствительно обвивающие их навсегда цепями кабалы и повергающие в жестокую необходимость — повиноваться малейшим прихотям неумолимого заимодавца. К этому много способствует свободное винокурение: питейные дома, словно западни, встречаются на каждом шагу, и около них беспрестанно толпятся, с растрепанными волосами, полунагие, обвешанные лохмотьями чухны, алча утопить в одуревающей водке свои невзгоды. Но всякая лишняя чарка, выпитая на мелок, есть петля, раскинутая владельцем земли, который, тут, как на охоте, ловит себе неизменных работников⁴², поздно раскаявающихся в легкомыслии. Кроме того, дни недели, посвященные барщине и отдельной выгоде крестьянина, в самом начале были распределены к исключительной пользе дворян; теперь же, при быстром совершенствовании сельского хозяйства, пропала самая тень

⁴¹ Не должно забывать, что большая часть условий между помещиками и крестьянами заключается не письменно, а словесно. (*Примечание автора.*)

⁴² Курляндские и Лифляндские помещики не знали, куда деваться от страха, когда стали заводиться между крестьянами Общества умеренности. (*Примечание автора.*) (То есть для борьбы с пьянством. — *Примечание публикатора.*)

соразмерности, так что мужик, для исполнения возложенных на него трудов, страшась жестокого наказания, должен проводить часть ночей без сна и забыть собственное поле, обыкновенно отводимое в местах менее плодородных, засеваемое зернами тощими, полузатхлыми. От того в Остзейских губерниях земледельческое домоводство (разумеется Господское) цветет, дворянство пухнет избытком и гордостью, а простой народ со дня на день сохнет, беднеет и край, в настоящем смысле, разоряется. Крестьянские суды, где Начальниками управители и помещики, находятся в руках высшего сословия: мужики заседают в них только для вида, не смея ни высказывать своих мнений, ни останавливать распоряжений тех людей, от которых сами вполне зависят. Вот истинные причины происходящих ныне в Лифляндии беспокойств, прекращения коих можно ожидать лишь от коренного изменения в отношениях крестьян к помещикам⁴³. Движение религиозное, случайно соединившееся с движением Гражданским, составляет вопрос особый, заслуживающий отдельного рассмотрения. Приступим к нему.

В конце двенадцатого и начале тринадцатого столетий, Католицизм, не кротостью, не буйством проповеди, а тяжелым мечем Немецких Рыцарей покорил себе полудиких идолопоклонников Остзейских, и Латинский крест долго осенял берега Балтийского моря, озаряя победным светом свои только главы завоевателей. Он сиял наружным символом Христианства, коего благодать не согревала сердец народа, осужденного на безмолвие оружием, но не убежденного, не проникнутого верою, глухого для древнего языка Римлян, на котором бесплодно было возвещено ему Евангелие; не выдавшего в пастырях Церкви ни того смирения, не тех небесных добродетелей, ни тех примеров доблестного самоотвержения и мученической преданности, о коих они беспрерывно толковали. Он не раз бывал свидетелем, как Епископы Римские обнажали кровожадное железо за блага земные; как суета мира прельщала души иноков, и, потаенно уходя в священные рощи, ночью приносил жертвы богам своих предков. Подобные явления продолжались почти безостановочно до наших времен: ибо последнее заклятие, Перкуну и Юмале⁴⁴, животных открыто было, если не ошибаюсь, пред сим за сорок или тридцать пять лет. Протестантизм, заступивший место прежнего вероисповедания и сперва распространившийся между поселянами и гражданами простыми, тогда носил на себе отличительные черты восстания против дворянства

⁴³ Мысль, будто эти волнения возбуждены западными крамольниками, не имеет никакого основания: обращение в России иноверцев к православию не входит в состав их козней. Оно, усиливая наше Отечество, напротив, резко противоречит всем их предначертаниям. Действовать так значило бы действовать вопреки здравому рассудку и точить на себя лишний нож. (*Примечание автора.*)

⁴⁴ *Перкун* — языческое божество грома и молний у латышей и литовцев. *Юмала* — аналогичное божество в финской мифологии.

и служил только орудием для ограничения прав сего сословия, после, еще довольно долго, остававшегося католическим. Когда этот переворот совершился вполне, в самом крае не нашлось людей, способных поучать Латышское и Финское племена истинам религии на их природных наречиях; не было заведений, где бы такие люди могли даже образоваться: необходимость заставляла выписывать Пасторов из Германии и Швеции; но они не понимали своих прихожан, а прихожане их не понимали. Столь разительная несообразность существовала до Екатерины Великой, повелевшей учредить Семинарию для Лютеранского духовенства в Остзейских Губерниях, с неременным требованием знания туземных языков от каждого, посвящающего себя там званию служителя Евангелической церкви. С этих-то пор, собственно, правила Христианской веры стали разливаться между простыми обитателями Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, дотоле безмысленно смотревшими на одну ее внешность, богатую и пышную при Католицизме, при Протестантизме — бедную и обнаженную.

Реформация, поколебав основы, казавшиеся незыблемыми, Папской власти в значительной части Европы, — с одной стороны, открыла необъятное поприще для врожденной пытливости ума; раздвинула широко пределы наук; подвергнув исследованию почитавшееся неприкосновенным, подвергла исследованию все; с другой стороны, породила томительное сомнение, и, уничтожив велелепие храмов, погасив отрадный блеск большей части назидательных обрядов, забыла, что у человека, кроме ума, есть еще и сердце и воображение; кроме зрения внутреннего, еще зрение вещественное. Сгоряча, в необузданных порывах своего негодования, в разгаре борьбы с Римским Первосвященником, она совершенно выпустила из вида, что природа наша на земле непостижимо сложена из духа и тела, что сам Божественный Искупитель мира, дабы соприкоснуться греховному человечеству, облекся в плоть, как облеклась в нее потом и Церковь, дабы тем ощутительнее, тем успешнее действовать не только на мысль, но и на чувства людей. Следствия ложного направления протестантского ранее или позже всюду были одинаковы: холодность, убийственное равнодушие к предметам веры, неудовлетворенное стремление, или явное отпадение от начал Реформации, произвольное искажение чего-либо более утешительного и заманчивого. Напрасно Лютер своей Аугсбургской исповедью думал остановить разлив неукротимого потока преобразований: нарушив сам повиновение, он потерял право настоятельно требовать его от других, смелчайших нежели он, хотя, может статься менее благонамеренных нововводителей. Вековая плотина была невозвратно разорвана, и Аугсбургские правила существуют теперь только по имени, как памятник тщетных усилий, у подножия коего ни один странник с благоговением не останавливается. Учение запальчиво-

го Доктора Вюртембергского, вдавшись в несогласимые крайности, частью переродилось в мрачный раскол Гернгутеров⁴⁵, почитающий всякое, даже самое невинное удовольствие преступлением, частью, скользким путем рационализма, опираясь на творения *Паулуса*⁴⁶ и *Даута*⁴⁷ дошло до губительной критики *Штрауса*^{48, 49} на челе которого уже ярким, зловещим племенем горит звериное число Апокалипсиса.

Это последнее движение в Протестантских странах не коснулось, по камест, простого народа; но нет сомнения, что услащенный халипсами нашего века, заразительный яд⁵⁰ некогда проникнет и в его девственные недра. Поселяне сохранили еще много душевной теплоты; зима мудрования еще не успела сковать их чувств; доселе она морозит только высшие круги общества: так снег и лед одевает вершины гор, а на их подошвах благоухают цветы и стелется зелень. Однако ж, общее влияние Реформации, в низших слоях гражданства, не смотря на то, принесло свои горькие плоды. Она, ограничив богослужение почти одними личными качествами пастора, его способностью худо или хорошо составлять проповедь; разрушив величественный ряд преданий церковных, непосредственно, лучезарною целью восходящий к сонму Апостолов и к страшным таинствам Голгофы, заставила своих последователей, в которых еще уцелела потребность живой веры, обратиться к иной сени, где бы они могли вкусить вожеленный покой и заклясть свои сомнения. Гернгутеризм, в людях непритворно, искренно ему преданных, есть переход к чему-то существеннейшему. Такое направление, принятое Протестантизмом, не остановится, пока не встретит Церкви положительной, Церкви предания; пока не встретит воплощения завещанных

⁴⁵ Гернгутеры (первоначально чешские братья, или моравские братья) — одно из направлений в протестантизме, порожденных гуситским движением, возникшее в Чехии в XV веке, основанное чешским дворянином Петром Хельчицким. После поражения восстания 1618–1620 гг. были изгнаны из Чехии, их поселения сохранились в Моравии на землях князя Лихтенштейна. В 1722 года саксонский граф Н. Л. фон Цинцендорф разрешил им поселиться на своих землях, где одно из мест их поселений — Гернгут — дало впоследствии название секте. В России самой известной колонией гернгутеров была Сарепта в Саратовской губернии (в настоящее время Красноармейский район г. Волгограда).

⁴⁶ Генрих Эбергард Готтлоб Паулус (Paulus) (1761–1851) — немецкий теолог. Профессор в Иене, Вюрцбурге, Гейдельберге.

⁴⁷ Протестантские Богословы, опровергающие Божественность Христа. (*Примечание автора.*)

⁴⁸ Давид Фридрих Штраус (Strauss) (1808–1874) — немецкий теолог, философ, историк, публицист. Профессор в Тюбингене, Цюрихе. Оказал влияние на Тюбингенскую школу изучения Библии. Член палаты депутатов в Вюртемберге в 1848 году.

⁴⁹ Автор книги «Жизнь И[суса]. Х[риста]»; в которой он мнит и... (край листа обрезан. — *Примеч. публикатора*)... что Христос не являлся и не существовал. (*Примечание автора.*)

⁵⁰ «...услащенный халипсами нашего века, заразительный яд...» — данная метафора не очень понятна. Халипс — наиболее известное древнегреческое название стали, произошедшее от знаменитого достижениями в области металлургии фригийского племени халибов, обитавших в Малой Азии в первой половине первого тысячелетия до н. э.

Апостолами истин; точно так же, как его направление ученое и теоретическое не остановится, пока не встретит Антихриста.

На эти две отрасли Лютеранского вероисповедания, уже лишенные корня, разделяются мнения и в Остзейском крае, хотя первая, к счастью несравненно сильнее второй: она обвивает собою толпы из низших сословий и довольно много лиц из высшего. Первая прочно утвердилась в Эстляндии, Пернове, Дерпте; вторая бесцветно прозябает в Риге, где она служит знаменем для большей части пасторов и прихожан. В виду сего тревожения суетного, недостижимая бурям человеческого разрушения, смиренная и тихая, но важная и незыблемая как вечность, крестом своим отражая первый луч, блеснувший на Востоке с животворящего Креста Господня, считая в числе сынов своих державного Владыку России, вздымается Церковь Православная, кивот победы, щит закона, последний оплот Отечества, о который шумно разбились волны врагов его: Монголов, Ляхов, Шведов, Французов. Все это не безызвестно иноплеменникам, обитающим в пределах Империи. Трудно ли понять после сего, что они, поражены величием событий, привлечены благолепием храмов и богослужения, без особых стараний нашего духовенства чувствуют склонность к святыне столь могучей, в сравнении с кою их учреждения наги, бранны и ничтожны. Действительно, живя в Остзейском крае, легко быть свидетелем, — как в воскресные дни церкви Русские часто наполняются Латышами и Чухнами, которых никто туда не гонит и не приглашает⁵¹; как они добровольно ставят перед иконами свечи, а многие соблюдают посты и даже отправляются на поклонение в Печерский монастырь⁵², находящийся в девяноста верстах от Дерпта. Такие явления красноречивее всего доказывают сочувствие Прибалтийских Лютеран из простого народа к православию, не возбуждаемое никакими мерами понуждения или хитрости, но давно таящееся в глубине душ и готовое обнаружиться при первом удобном случае. Однако ж, сильна ли вообще привязанность Леттов и Финнов к господствующей в нашем Государстве Церкви? Есть ли это признак непреодолимого, ни от каких внешних обстоятельств независимого, решительного стремления присоединиться к ней, во что бы то ни стало? Нет! — ибо племена сии, вследствие ли природного расположения, или подавленные гнетом тяжелого развития своих исторических отношений, теперь уже неспособны к желаниям страстным, к порывам воли твердой: все их ощущения, самые живые, облечены корою равнодушия, подернуты туманом неопределенности и только суровая не-

⁵¹ Напротив, русские священники имеют обыкновение высылать из церквей часть сих незваных гостей, ссылаясь на то, что и для своих мало места. (*Примечание автора.*)

⁵² Известный с XV века Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь, располагавшийся по соседству с Лифляндией на территории Псковской губернии и уезда.

обходимость может их выводить из тесного круга, где медленно обращаются их неясные помышления. Но если это искусственно подготовленное движение, вдруг, без предыдущего, по внезапному вдохновению или наущению постороннему, возникшая мысль, расчетливо выраженная перед правительством, с одним лишь намерением улучшить вещественный быт? Опять нет! — Протестантское вероисповедание в том виде, как оно представлено Аугсбургскими правилами, не удовлетворяет своих последователей, особенно низших сословий в Остзейских губерниях: — доказательств тысячи! — В Гернгутерстве они ищут теплоты религиозных дум, и не обретая оной, останавливаются пред мирною скинию Православия, где Божество, так сказать, осязаемое для человека⁵³, доступнее его сердцу и воображению. К тому же, Латыши и Финны очень хорошо знают, что Грековосточную веру исповедует Царь их, нежно ими любимый, исповедует его святейшее семейство, что она есть вера Правительства, вера могущественной России, коей они доселе только усыновленные дети. Все эти причины вместе подали им повод, во время беспокойств, происходивших в Лифляндии, присокупить к жалобам своим на помещика желание, во многих уже прежде явное, соединиться с господствующею Церковью в надежде, что они одним подкрепят другое, — потребностью внутренней требование Гражданское. Было ли, в последнее время, какое-нибудь содействие такому направлению со стороны нашего духовенства или нет, — не знаю; но это ни мало не переменяет сущности самого вопроса. Вне всякого сомнения, однако ж, остается продолжительное влияние, оказанное на иноплеменников Империи Российской Церковью в нераздельном составе, а не ее священниками, обыкновенно неимеющими никаких близких с ними сношений. Если бы в Германии, как в Областях остзейских, возвышались наши храмы и торжественно отправлялось бы наше богослужение, мы, вероятно скоро увидели бы подобное же следствие.

Из всего вышеупомянутого легко заключить, что, во-первых, участи Лифляндского, лично свободного, крестьянина нельзя сравнивать с участью крестьянина Русского крепостного, который в своем Господине видит единоплеменника, говорящего тем же языком как и он, ходящего вместе с ним молиться Богу, естественного покровителя и заступника в нуждах; во-вторых, что Протестантизм пустил в Прибалтийском крае весьма слабые корни, если целые тысячи сейчас готовы отречься от него за лучший кусок хлеба; что однако ж, в третьих, причины, пробудившие в народе желание покинуть религию предков, в которой он вырос, какова она ни есть; желание покинуть

⁵³ Поминовения по усопшим милым, обетов сокрушенной души, заступничества святых угодников — всех этих трогательных порывов к горнему миру Протестантизм не допускает. (Примечание автора.)

Родину, ища убежище от притеснений, должны быть, сами по себе слишком важны, чтобы добродушно приписывать их мимоходному несоблюдению кое-каких административных приличий Рижским Епископом. Изобретатели этой выдумки, впрочем довольно хитрой, внутренне сами над ней смеются. Преосвященный Иринарх⁵⁴ был выставлен готовым отводом, с целью — на время необходимое для разных проделок, отвлечь внимание Правительства от положительно-истинных оснований волнения Лифляндских поселян. Но в Риге Немцам противен собственно не Иринарх, не Филарет⁵⁵, не Сидор, не Карп, а не по нутру вновь учрежденная там кафедра Епископа Русского вообще, и в умысленной, щепетильной, беспрестанной борьбе с Преосвященным, они гораздо более метили на самое место, нежели на особу, случайно его занимавшую, в уповании, — свергнуть ее, опрокинуть и подножие, на котором она стояла. От чего столько хлопот, столько ненависти, столько злобы, под маскою Немецкой честности, прямоты, беспристрастия? Многие, наперекор действительности, притворно (ибо сами очень хорошо знают, в чем дело) хотят видеть во всем этом негодование, щекотливость оскорбленного религиозного чувства, несвойственного, впрочем, людям, верующим только в свой карман. Но ларчик открывается проще. Епископ назначен в Ригу для успешнейшего присоединения к православию раскольников, не пользующихся гражданскими правами наравне с другими: чем большее число отпадших от Церкви обратилось к Истине, тем более будет участников в Городских льготах, тем более встретят Немцы совместников, тем значительнейший понесут убыток. Вот разгадка тайны!

⁵⁴ Иринарх (в миру Яков Дмитриевич Попов) (1790–1877) — русский церковный деятель, видный проповедник, архиепископ Рязанский (1866). Закончил Санкт-Петербургскую духовную академию, магистр богословия, иеромонах (1817). В 1819–1831 гг. служил в Милане, при русских миссиях во Флоренции, Риме. Архимандрит Ярославского Толгского монастыря (1831). В 1833–1835 гг. служил при русской миссии в Греции. Награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. В 1836 г. епископ Старицкий и викарий Тверской епархии. В 1836–1841 гг. епископ Рижский и викарий Псковской епархии. В 1841 году епископ Острогжский и викарий Воронежской епархии, в 1842 г. епископ Вологодский и Устюжский, в 1844 г. епископ Кишеневский и Хотинский, вице-президент местного Тюремного комитета, в 1845 г. архиепископ. В 1858 г. архиепископ Подольский и Брацлавский, в 1863 архиепископ Рязанский. С 1867 г. на покое в Рязанском Спасском, а затем Троицком монастырях.

⁵⁵ Преемником епископа Иринарха на Рижской кафедре был епископ Филарет (Гумилевский). Филарет (в миру Дмитрий Григорьевич Конобеевский, впоследствии, Гумилевский) (1805–1866) — русский церковный деятель, выдающийся богослов, историк, архиепископ Черниговский (1859). Фамилия была изменена в семинарии. Окончил Московскую духовную академию, магистр богословия, иеромонах, оставлен в академии (1830). Инспектор академии (1833). Архимандрит, профессор догматического богословия, ректор, настоятель Московского Богоявленского монастыря (1835). В 1841–1848 гг. епископ Рижский и викарий Псковской епархии. С 1848 епископ Харьковский, архиепископ (1857). С 1859 г. архиепископ Черниговский. Доктор богословия (1860). Действительный и почетный член нескольких научных обществ, университетов и духовных академий. Награжден орденом св. Александра Невского (1866). Умер от холеры в г. Конотопе при посещении епархии.

Перейдем к другому предмету, и скажем несколько слов о том, почему Остзейские мещане (бюргеры) просили Русского городского положения⁵⁶. Налоги, обременяющие их для поддержания чиновников магистрата, не ими избираемых, но получающих огромные оклады из городских доходов, весьма велики; чтобы покрывать сии издержки, ремесленники принуждены удерживать цехи в том виде, в каком эти учреждения существовали в Средние века. Количество часовщиков, портных, сапожников и проч. утверждено однажды и навсегда: не может быть их ни более, ни менее; столяр, делающий комоды, не пользуется правом делать стулья и кресла. Производители, обязанные вносить в ратушу значительные подати, не могут произвольно устанавливать плату за работу: куда не обратиться, везде одна цена. От того дороговизна жизни, например, в Дерпте, совершенно несообразна с условиями местности, и, при соревновании, при соперничестве многих делателей в одном и том же занятии, понизилась бы в половину. Но такая дороговизна необходима для горсти людей председательствующих и заседающих в Магистрате, извлекающих весьма искусно из этого порядка или беспорядка чистую себе прибыль. За два года пред сим, они умели представить требования, может статься, опрометчиво, неосторожно выраженные, тамошних граждан каким-то бунтом, а между тем, несмотря на огромные сборы с сих последних, пожарные орудия Дерптские в таком жалком положении⁵⁷, что существует, кажется, только для забавы,

⁵⁶ Городовое положение 1785 года было введено в Остзейском крае в 1787 году. Император Павел I восстановил в 1796 году прежнюю систему городского самоуправления (магистраты и гильдии), бывшую еще до вхождения края в состав России, которая сохранялась вплоть до введения здесь в 1878 году нового общероссийского Городового положения 1870 года.

⁵⁷ Дабы приблизительно дать понятие о несовершенстве того, что в Дерпте содержится на городские доходы, возьмем пожарную часть, одну из самых важных, где студенты играют главную роль, и опишем случай, повторяющийся каждый раз, когда есть опасность от огня. В начале марта 1839-го года [пожар] загорелся в доме, занимаемом станцией. Узнав об этом несчастии, Студенты стали сбегаться; они рассыпались по разным комнатам здания; одни проникли на кухню, откуда валил густой дым, другие взобрались на чердак; иные хотели захватить пламя, показавшееся над кровлею; но рвению действовавших не доставало средств: не было ни воды, ни ведер, ни лестниц. Между тем огонь усиливался. Употребляя в дело все попадавшееся, Студенты обратили колоды в пожарные бочки и, накачивая вместе с ямщиками воду из колодца, на руках переносили оные к дому; тазы, кастрюли, чугунные горшки заменили собою ведра, а опрокинутые и нагроможденные разными способами сани заняли место лестниц. По ним-то карабкались Студенты на крышу, передавая воду, окачивавшую их часто с головы до ног. В подобных занятиях прошло около получаса; тогда присланы были кожаные Университетские сосуды и две садовые лейки, вскоре за ними приволокли первую кадку пожарной команды: ибо не бочки, а открытые кадки ею предпочтительнее, и вода, пока едут, хотя весьма медленно, вся расплескивается в обе стороны, до капли. Средства увеличились, однако недостаток большой трубы становился с минуты на минуту ощутительнее. Почти через час не замедлили привезти и это орудие. Студенты бросились к нему, наполнили поспешно водою и подвинули к зданию; но в то мгновение, когда трубе надлежало действовать, на дне ее оказалась течь, происшедшая от довольно значительного отверстия, заделанного разбухнувшего тряпкою; ее выперло, и вода широ-

и что если бы не помогли Студенты, то при малейшем порыве огня, весь город подвергался бы опасности обратиться в груду пепла.

Говорить ли о духе, господствующем в высших сословиях о стремлении ученом и литературном в Остзейском крае? Можно утвердительно, без ошибки, сказать, что там, в разных отношениях, отсела гуща немецкой вещественности; но нет глубоких идей, вознесших Германию так высоко в мире умственном: ее Философия, ее изумительные исследования в области отвлечения, ее величавая поэзия, ее Гердеры, Шиллеры, Гете, Шеллинги, Гегели, исполины мысли и слова, там известны разве по именам. В обществе нет этой бескорыстной любознательности, этой, если хотите, беспокойной и несколько поверхностной пытливости, которыми отличаются образованные Русские. Там всякая наука мало помалу приводится к одному знаменателю — желудку, и делается хлебною...⁵⁸ Жаль, что Прибалтийский край, самую природою назначенный в посредники между Германией и целою громадою нашего Отечества, имея столько средств и способов передавать Европе Русское, а России Европейское, по странному стечению обстоятельств и вековым предубеждениям, доселе не понимает или не хочет понять своего естественного, полного будущности призвания, упорно коснея в одиночестве, утопая в мелочных сплетнях чуждой Германии, почти чуждой России.

Замечательно, впрочем, что при столь ложном положении, при такой запутанности окружающих отношений, одна часть училищная и учебная безостановочно, видимо со дня на день совершенствуется, неуклонно достигая цели, указанной ей Правительством. Это невольно бросается в глаза каждому добросовестному наблюдателю, каждому неослепленному смешными предрассудками. Дерптский Университет, — во время оно вертеп бесчинства, разврата, буйства, пьянства, убежище праздности и лени, где посещать лекции почиталось стыдом; где Студенты оставались без всякого занятия по пятнадцати и двадцати лет, где они поминутно резались и стрелялись за сущие

кою струею брызнула на землю. Все пришло в отчаяние: станционному дому выпал жребий сгореть. Вдруг счастливая мысль блеснула в голове одного из Студентов: он сорвал фуражку с близстоящего Полицейского Сторожа и заткнул ею щель в трубе. Попытка удалась: огонь скоро прекратился; начали расходиться; но внезапно веселый хохот, раздавшийся у ворот, привлек общее внимание: там едва шевелилась вторая труба, подоспевшая как раз к шапочному разбору, за ней, страшно скрипя, тянулась третья, а вдали, на конце улицы, скривленные на один бок, каждая о двух с половиною колесах, показывались две городские кади. Действительно, нет ничего смешнее поезда Дерптской пожарной команды; он представляет истинно забавное в высокой степени комическое зрелище: все завязано лыком, все скрипит, трещит, ломается; оси лопаются; колеса катят в разные стороны; вода бежит по мостовой; полицейские служители то и дело от не привычки падают с кадок, мокрые до костей от воды, которая, кажется, только для того и налита, чтобы смачивать их дорогой. Полицмейстер, при всей доброй воле и деятельности, не будучи в состоянии заменить собою лично пожарной трубы, ничего не может предпринять: магистрат не дает денег! В других городах, исключая, говорят, Риги, почти то же. *(Примечание автора.)*

⁵⁸ Слово неразб. — *Примечание публикатора.*

вздоры; дрались с жителями города, которые, при малейшем их сомнительном движении на улице, трепетали в домах за себя, за своих жен и детей; где весьма часто мостовые камни летали сквозь оконные стекла в комнаты Профессоров — Дерптский Университет, мерами кроткими, без насилия, теперь приведен в порядок, коему, во многом, могут позавидовать самые благоустроенные заведения. Родилась умственная деятельность, прилежание, порочный дух непокорства и наглости рассеялся, как смрадный дым. Прежде между Студентами было принято — одеваться в отвратительные, засаленные, покрытые пятнами и пухом рубища; ныне они ходят в опрятных мундирах, плотно застегнутых на все крючки и пуговицы. В этом роде даже появляется щегольство. Другие училища подражают высшему, шествуя ровным шагом по сему утешительному пути.

Заклучим искренним желанием, чтоб жители Остзейских Губерний, из коих столь многие служили опорами Престолу и Отечеству, столь многие напитали поля наших побед своей кровью, — скорее оставили пустые расчеты, забыли прошлые предубеждения, посевающие только раздор и дружнее простерли руки неодолимой, могущественной, тысячелетней годами, юной надеждами России.

Октябрь, 1841 года.

Приложение

Записка о Прибалтийском крае

Прибалтийские земли, так называемые остзейские губернии: Лифляндия, Эстляндия и Курляндия, вместе с Семигалией, издревле составляли законное достояние Русских, которым платили дань, хотя и пользовались внутренним управлением, более или менее независимым. Исландский летописец Стурлусон⁵⁹ повествует о завоевании Русскими Летголы и Ливи, или древней Ливонии; Эсты или Чудь участвовали с Новгородцами в призывании Варяго-Руссов.

Почти в одно время с основанием русского Государства, преемники Рюрика водворяли гражданскую жизнь в земле Ливонской, собирали в постоянные жилища полудиких, рассеянных по лесам Леттов и Эстов, строили остроги и города, и установили быт общественный. Вся Ливония платила дань Владимиру Святому и только во время междуусобиц при сы-

⁵⁹ Снорри Стурлусон (Snorri, или Snorre Sturluson) (1179–1241) — выдающийся исландский поэт-скальд и политический деятель.

новьях Владимировых, Чудь или Эсты усиливались отложиться от Руси. Уже Ярослав воевал с ними, покорил снова всю Ливонию и на земле Чудской, в 1030 году, построил Юрьев Ливонский (Дерпт) в государственование Мономаха, сын его Мстислав⁶⁰ два раза побеждал Чудь (1116–1123) и завладел городом Оденпе или Медвежьей Головою в Ливонии; в княжение Мстислава, Новгородский князь Всеволод⁶¹ два раза ходил на Эстонцев (1130–1131).

Ливонские земли, большей частью, оставались неизвестными Европе до 1158 года, когда Бременские купцы, отыскивая и стараясь завести новые торговые связи, были прибиты бурей к Ливонским берегам на пути из Визби⁶². С тех пор начали Бременцы чаще посещать эти страны, учредили торговлю с ними и поселились там оседло.

В 1186 году — это было в княжение Великого князя Всеволода Георгиевича⁶³ — монах Августинского ордена Мейнгард⁶⁴ прибыл в Ливонию с Немецкими купцами; по сказанию древнейшего *Ливонского летописца*, просил у Полоцкого Князя Владимира⁶⁵, который господствовал до самого устья Двины, позволения мирно обращать язычников в Христианскую веру. Владимир согласился, и даже одарил Мейнгарда. Усердный католик Немецкий основал первую Христианскую Церковь в Икскуле, — но вместе с нею и крепостцу (недалеко от нынешней Риги), крестил волею и неволею; ввел там веру Латинскую и сделался первым Епископом. Преемники его, утверждаемые главою Бременской церкви в сане Епископов, действовали уже силою оружия. Папа отпуская грехи всякому, кто под знаменем креста лил кровь язычников на берегах Двины. Однако прочное духовное владычество в тех странах удалось водворить лишь третьему Епископу, после Мейнгарда, Альберту⁶⁶ (Albert) который пришел к берегам Двины с крестоносцами в 1200 году, построил Ригу, перенес туда Епископство, и в 1201 году основал орден Христовых Воинов или Меченосцев⁶⁷.

⁶⁰ Мстислав Владимирович Великий (в крещении Гавриил) (1075–1132) — великий князь киевский (1125–1132).

⁶¹ Всеволод Мстиславич (в крещении Гавриил) (?–1138) — князь Новгородский (1117–1132, 1132–1137), Переяславский (1132), Псковский (1137–1138). В 1549 году причислен к лику Святых.

⁶² Висби (Wisby) — шведский город на о. Готланд, входивший в состав Ганзейского союза.

⁶³ Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (в крещении Дмитрий) (1154–1212) — великий князь Владимирский (1175–1212).

⁶⁴ Мейнгард — первый римско-католический епископ Ливонии (1186–1196).

⁶⁵ Вероятно, имеется в виду Володарь Глебович (русские летописные упоминания 1159–1161 гг.).

⁶⁶ Альбрехт фон Буксгевден (фон Аппельдерн) (1165–1229) — третий епископ Ливонии (1199–1229).

⁶⁷ Основание Риги официально датируется 1201 годом, Ордена меченосцев — 1202.

Русские назывались господами в Ливонии, имели крепость на Двине, Кокенойс (ныне Кокенгузен)⁶⁸, собирали дань с жителей; но не препятствовали Альберту, который волею и неволею крестил идолопоклонников. Альберт сам, от времени до времени, приносил дары Полоцкому Князю Владимиру, уверяя, что Немцы думают единственно в распространении истинной веры; но искал господства мирского, не менее духовного. Ливь желала, чтобы Русские освободили их от тиранства рыцарей. *Летописец Ливонский* рассказывает, что Князь Владимир убеждал Альберта не тревожить язычников и не принуждать их к крещению; говорит, что Немцы должны следовать примеру Русских, которые довольствуются подданством народов, оставляя им на волю верить Спасителю или не верить. Епископ ответил: крестить идолопоклонников велит Бог и Папа. Князь Владимир объявил войну пришельцам, осаждал Иксуль, но снял осаду, когда приблизился флот Датского Короля Вольдемара⁶⁹, который в угодность Папе пришел оборонять новую церковь Ливонскую. Большая часть жителей крестилась. Современный Летописец рассказывает, что Латыши бросали жребий, какую веру принять Немецкую или *Русскую*!

Альберт уступил рыцарям треть покоренной Ливонии; выгнал Русских из Куконоиса и принудил Удельного Князя двинского Всеволода подарить свою область Богородице, т. е. ему, Епископу. Северная часть Ливонии оставалась еще независимой от Немцев. Рыцари желали покорить и ее, вместе с Эстонией. Мстислав Новгородский⁷⁰ осаждал крепость Оденпе и брал дань с жителей. Немецкий Летописец прибавляет, что он крестил своих некоторых язычников и хотел прислать своих попов; но Альбертовы Миссионеры предупредили Русских. Вскоре рыцари опустошили огнем и мечом всю Эстонию, дотоле цветущую. Народ целые веки забывал насилия своих жестоких просветителей; торжествуя праздники усопших с обрядами языческими, он говорил мертвому «иди в мир лучший, где Немцы уже не могут господствовать над тобою, а будут твоими рабами».

Вольдемар II, Король датский, высадил многочисленное войско на берега Эстонии, заложил Ревель; победил жителей, возвратился в Данию, оставив в Ревеле воинов и Епископов, чтобы утвердить Христианскую веру, к неудовольствию Рижских Немцев, которые считали уже себя господами Эстонцев. Шведы также прибыли в несчастную землю и хотели крестить.

⁶⁸ Замок Кокенойс (Кокнесе) с конца XII века известен как русское владение. В 1209 г. здесь основан замок Кокенгузен немецко-католического архиепископа Рижского.

⁶⁹ Вольдемар IV Победоносный (1170–1241) — король Дании с 1202 г.

⁷⁰ Мстислав Мстиславич Удалый («Удатный») (в крещении Федор) (? –1228) — князь Трипольский (1193–1203), Торопецкий (1206–1213), Новгородский (1210–1215, 1216–1218), Галицкий (1215–1216, 1219–1226), Торческий (1203–1207, 1226–1228).

Бедные жители не знали кого слушаться. Вскоре вспыхнул общий мятеж: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе согласно изъявили ненависть к Немцам, умертвили многих Рыцарей, священников, купцов. Северная Ливония отеклась от Христианства и разрушила церкви. Туземцы хранили приверженность к Руси и к Русским; старейшины их призвали русских в города свои, уступили им часть богатства, отнятого у Немцев, и посылали дары к Новгородскому Князю, моля о защите. Ярослав⁷¹ собрал около 20 000 воинов и вступил в Ливонию. Русские приняты были как друзья в Юрьеве, Оденпе и других местах; но не могли устоять против многочисленности неприятеля. Епископ Альберт созвал всех рыцарей, купцов и сам выступил в поле. В Вольмаре Латыши, в Дерпте Эсты, заодно с Русскими, держались до последней крайности, отражая нападение неприятеля; одоленные несоизмеренно сильнейшим врагом, они вместе обрекли себя на погибель неизбежную. Неприятелю достались облитые кровью развалины.

Под конец XIII столетия Датский Король Канут VI⁷² овладел прибалтийскими областями; преемник его Вольдемар III⁷³ в 1347 году уступил за 19 000 марок серебра права свои Немецкому ордену, с которым соединился орден Меченосцев.

С той поры Ливония, Курляндия, Семигалия и Эстония поступили во владение Немецких рыцарей. Но между народом и повелителями его старинная ненависть и вражда оставались неизгладимыми.

Латинский католицизм, внесенный насилеи, не укоренился в сердцах народа; от того не трудно было в XVI столетии протестантизму вытеснить его. Введению реформации Лютеровой покровительствовал в Ливонии Плеттенберг⁷⁴. Около 1522 года Андрей Кнѣпкен⁷⁵, учитель в Трентове, в Померании, внес семена Лютеранского учения. Епископ Каминский, видя, что Кнѣпкен рассеивает между обучавшимся у него юношеством учения еретические, закрыл его школу. Он перешел в Ригу проповедовать Евангелие; вскоре присоединился к нему на помощь Сильвестр Тегельмейстер из Росток, человек фанатический. Подстрекаемая его проповедями против икон, чернь Рижская и Ревельская вторглась в церкви и сокрушила вместе с образами все древние памятники. Водворением в Ливонии, Эстонии и Курлян-

⁷¹ Ярослав Всеволодович (в крещении Феодор) (1191–1246) — с 1201 г. князь Переяславский, князь Новгородский (1215–1216, 1221–1223, 1224–1228, 1230–1236), великий князь Киевский (1236–1238, 1243–1246), великий князь Владимирский (1238–1246).

⁷² Канут (Кнуд) VI (1163–1202) был королем Дании с 1182 г. Во второй половине XIII королями Дании были Абель (в 1250–1252 гг.), Кристофер I (в 1252–1259 гг.), Эрик V Глиппинг (в 1259–1286 гг.), Эрик VI Менвед (в 1286–1319 гг.).

⁷³ Вольдемар III (1314–1364) — король Дании с 1326 г.

⁷⁴ Вальтер фон Плеттенберг (ок. 1450–1535) — с 1494 г. магистр Ливонского ордена.

⁷⁵ Андреас Кнопкен (Кнѳркен) (1468?–1539) — священник, принявший учение М. Лютера, композитор.

дии новое учение обязано равнодушием народа к Христианству, которое он знал только как иго, наложенное силою его предкам. Нигде не видно было, — говорил Граф де Бре — ни истинной любви к вере, ни послушания голосу совести; Епископы, рыцари, дворяне и граждане — все заботились только о своих временных выгодах, об увеличении власти, о спасении доходов. Все холодно, все рассчитано в этом движении; не видно ни порывов убеждения, ни доблестных жертв совести и долгу! Бог был предлогом, — а истинною причиною — выгоды мирские⁷⁶.

Россия, развлеченная бедствиями Монгольского нашествия, не могла отстаивать свои права на земли прибалтийские. Свергнув иго Татарское, уврачевав свои раны и сложившись внутри крепко и единодержавно, она снова обратилась к прежнему достоянию своему на севере. Уже Иоанн III Васильевич воевал с Ливонией и Швецией. Царь Грозный потребовал от Немецких рыцарей обратно области, которых назывался отчичем и дедичем. Ливония, ослабевшая от внутренних раздоров, не могла защищаться. Заключив мир со Швецией, которая заступилась за Ливонцев, Иоанн направил свои силы против Ливонии. Царские ратники завоевали Нарву, Дерпт, Вейсенберг, Феллин и проч. Епископ Эзельский, Иоанн Мюнхгаузен⁷⁷, продал остров Эзель и епископства Виск и Пиллау Датскому Королю Фридриху II⁷⁸, который отдал их в удел своему брату Магнусу⁷⁹. Эстония покорилась Эрику IV⁸⁰ Королю Шведскому. Наконец Готгард Кеттлер, Гроссмейстер Ливонских рыцарей, уступил страну сию Сигизмунду-Августу, Польскому Королю, удержав за собою Курляндию и Семигалию, которые образовали Герцогство, зависящее от Польши, и перешли в потомство Кеттлера⁸¹. Сигизмунд Август⁸² приготовил сильное войско для удержания за собою будущего своего стяжания. Царь собрал 200 000 воинов для продолжения войны; но усилия обоих Государей не имели важных последс-

⁷⁶ См., подробнее: *Bray F. G. comte de. Essai critique sur l'histoire de la Livonie, suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province. Vol. 1–3. Dorpat, 1817.* Франсуа Габриэль де Бре (de Bray) (1765–1832) — баварский посланник в России в 1806–1813 гг., с 1815 и не позже 1822 г., французский эмигрант, граф (1806).

⁷⁷ Иоганн фон Мюнхгаузен (Munchhausen) (? –1583) — епископ Курземский (Иоганн IV, 1540–1560) и Эзельский (Иоганн V, 1541–1560).

⁷⁸ Фредерик II (1534–1588) — с 1559 г. король Дании и Норвегии.

⁷⁹ Магнус (1540–1583) Ольденбург — принц датский, король Ливонии с 1570 года, в 1570–1577 гг. вассал Ивана IV Грозного («Арцимагнус Крестьянович»), с 1577 вассал польского короля Стефана Батория.

⁸⁰ Имеется в виду, очевидно, Эрик XIV Ваза (1533–1577), король Швеции в 1560–1568 гг.

⁸¹ Готтхард фон Кеттлер (1517–1587) — последний ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии (1559–1561), с 1561 года первый герцог Курляндии и Семигалии (Земгалии).

⁸² Сигизмунд II Август (1520–1572) — с 1529 года великий князь литовский, с 1530 года король польский совместно с отцом Сигизмундом I Старым. После заключения Люблинской унии 1569 года король Речи Посполитой.

твий. Война с переменным успехом длилась. Иоанн, видя, что Ливонцы боятся его власти, привлек к себе и принял под свое покровительство Магнуса, у которого шведы отняли Эзель; выдал за Магнуса свою племянницу и наименовал его Королем Ливонским. Ливонцы охотно покорились Магнусу; но тяжелое иго Иоанна было невыносимо для Магнуса; быв Королем только по имени, он замышлял сделаться независимым. Царь задержал его. Магнус отрекся от титула Королевского и удалился в Польшу. Счастье Иоанна изменилось. Война с Стефаном Баторием⁸³ кончилась миром в 1652 году: Царь отказался от Ливонии. Война со Швецией прекратилась перемирием: Швеция удержала за собою завоевания свои. Ингерманландию, Карелию и Эстонию. Во весь период самозванцев и междоусобиц, Ливонские земли были яблоком раздора, за которое спорили Шведы, Русские и Поляки, почти целое столетие (с 1561 по 1660 год). По воцарении Михаила Федоровича, заключенным 27 Февраля 1616 года в селе Столбове миром, отрекся он от всех домогательств на Лифляндию и Эстляндию. Сын Михаила Алексей, обратив свое орудие против Шведов, ввел войска в Ингерманландию, Карелию и Ливонию. Ниеншанц, Нарва, Дерпт и другие города и крепости покорились русским. Успехи оружия их были остановлены под Ригой. При посредничестве Германского Императора Фердинанда III⁸⁴, заключено перемирие со Швецией: границы России остались те же, какие были до войны.

Петр Великий укрепил наконец навсегда права России на край прибалтийский. Войны началась несчастною для Русских осадю Нарвы; в последствии Русские войска, предводительствуемые Шереметевым, увенчались победами в Ливонии; они овладели Нарвою, Дерптом, Мариенбургом⁸⁵ (1702) и др. Рига, Динаминд⁸⁶, Пернов⁸⁷, Кегсгольм⁸⁸ и Ревель покорились оружию Петра — завоевание Эстляндии, Лифляндии и Карелии кончилось. Ништадтский мир 30 августа 1721 года оставил за Россией Ливонию, Эстонию, Ингрию, часть Карелии, остров Эзель и Даго. Заметим, что Петр I, подтвердив капитуляцию, заключенную при сдаче города Риги Генерал-Фельдмаршалом Графом Шереметевым с неприятельским Комендантом и Лифляндским Дворянством, под статьей, которой обеспечивалась неприкосновенность тогдашнего Перновского Университета, написал собственноручно: «Согла-

⁸³ Стефан Баторий (1533–1586) — князь Трансильвании (1571–1576), 1575–1576 гг. — король польский и великий князь литовский.

⁸⁴ Фердинанд III (1608–1657) — император Священной Римской империи с 1637 г.

⁸⁵ Современный г. Алуксне (Латвия).

⁸⁶ Крепость Динамюнде, основанная в 1205 году. С 1893 года Усть-Двинск, с 1919 года по настоящее время Даугавгрива, с 1924 г. часть г. Риги.

⁸⁷ Современный г. Пярну (Эстония).

⁸⁸ Современный г. Приозерск Ленинградской обл.

сен на сохранение заведения, с тем, чтобы там преподавался непременно Русский язык.»

Совершенно новое внутреннее образование получила Лифляндия в 1783 году: из Лифляндии сделано Рижское Наместничество, а из бывшей в соединении с ней Эстляндии — Наместничество Ревельское. Император Павел I, в 1797 году, восстановил название Лифляндии и Эстляндии.

Курляндия, по прекращении владычества Немецкого ордена образовав особое Герцогство, оставалась в потомстве последнего Гермейстера⁸⁹ Готгарда Кеттлера до XVIII столетия. В 1710 году Герцог Курляндский Фридрих Вильгельм вступил в супружество с Царевной Анной; он умер 1711 года, и с тех пор Россия приобрела решительное влияние на выбор Курляндских Герцогов. Анна Иоанновна оставалась Правительницей некоторое время, под защитой Императора Петра. Хотя дядя ее супруга, Фердинанд, вступил в управление Герцогством, но жил за границей; однако он дерзнул оскорбить поместное право Курляндского Дворянства. Тогда, в отсутствие бездетного Фердинанда, Верховный Удельный Суд (...) ⁹⁰ в Польше учредил управление страной; но действительная цель этой меры была — ближайшее соединение Курляндии с Польской республикой. Недовольные тем чином (т. е. помещики), и Оберраты Герцогства, вопреки запрещению со стороны Правительства, собрались в 1726 году на ландтаг и постановили, что после Герцога Фердинанда, наследие Престолом должно принадлежать Морицу Саксонскому, побочному сыну Польского Короля. Этот выбор, противный Государственным учреждениям, не имел никакого последствия. Когда в 1730 году Анна Иоанновна, по кончине Петра II, взшла на Российский Престол, то повелела войскам своим занять Курляндию и объявила Польскому двору, что хочет охранить Курляндию в ее праве на самостоятельное управление под властью Герцогов, как ленное владение республики. Фердинанд умер, и в 1737 году Императрица Анна сделала Герцогом Курляндским любимца своего Бирона. Через три года императрица скончалась; Бирон сослан был в Сибирь. Чином Курляндские (1741 года) выбрали зятя (...) ⁹¹ Правительницы, Герцога Брауншвейгского. Верховный ленный владетель не утвердил выбора, и Герцогское достоинство перешло к Польско-Саксонскому Принцу Карлу, в пользу которого императрица Елизавета отказалась от всяких притязаний на Курляндию. Курляндия присягну-

⁸⁹ Первоначально гермейстером (Herr Meister, «господин магистр») именовался только глава соединенных орденов (Тевтонского и Меченосцев) в Ливонии, а затем — и провинциальные «магистры Тевтонского ордена в Ливонии».

⁹⁰ Слово неразб. — *Примечание публикатора.*

⁹¹ Слово неразб. — *Примечание публикатора.*

ла ему в 1759 году; но по возвращении Петром III из Сибири Бирона, императрица Екатерина II восстановила его в Герцогское достоинство в 1763 году. Герцог Карл должен был уступить ему титул свое. Польша, с своей стороны, признала Бирона Герцогом, снова отдала ему Курляндию в ленно; но в 1769 году он уступил правление сыну Петру. Управление его было самое смутное; прямого возмущения не было, но дворянство и граждане постоянно враждовали между собою; обе партии попеременно искали защиты то при Дворе Петербургском, то в Варшаве. Примеру их последовал и сам Герцог. Когда в 1792 году произошла революция в Польше, то едва не воспоследовало такое же восстание в Курляндии, против власти Курляндского Дворянства. Помещики обратились к Екатерине II с просьбою о защите; а в 1795 г. Марта 18, Курляндский ландрат, состоявший впрочем из дворян, определил: безусловно передаться России. Депутация от чинов объявила это решение Герцогу, который в то время жил в Петербурге, и потребовало его согласия на то; у Герцога не было сыновей, а пять дочерей: он согласился.

Карл Фридрих Вильгельм Бирон, племянник последнего Герцога, жил в Силезии. Отец его, Густав, в 1809 отрекся за 36 000 талеров Альберт[а]⁹² ежегодно, за себя и за наследников своих, от всяких притязаний на Курляндское Герцогство.

В остзейских землях крепостное состояние крестьян введено со времени господства Немецкого Ордена; рыцари основали там обширные поместные владения. Пока господствовала аристократия рыцарского ордена — она еще строго сторожила аристократию денежную; крестьянин, за легкую службу владельцу, имел свою собственность; но еще не был приписан к земле и не мог быть прогнан с места, где родился, и из семьи, в которой вырос. После прекращения власти ордена, власть помещиков и их представителей (Оберратов) не имела уже никаких ограничений; крестьянские маетности укреплены были в дворянские имения, чтоб образовать большие и обширные экономии под одною дирекцией. Бедствие народа возрастало с быстротою ужасающей. В ленном союзе Курляндии с Польшей положение крестьян сделалось еще несчастнее. Остзейские магнаты все более и более устанавливали, по образцу Польских магнатов, отношения к своим крестьянам. В высочайшей степени мрачна и безотрадн картина угнетения крестьян в остзейских губерниях, которую

⁹² Альбертов талер (Albertusthaler), альбертинер, крейцталер, брабантский или бургундский талер — серебряная монета, названная по имени штатгальтера Южных Нидерландов эрцгерцога Альберта, имевшая хождение с 1598 года. В 1752–1780 гг. ее официально чеканили в Курляндии. До 1815 года Альбертов талер оставался самой распространенной счетной единицей в российском Остзейском крае.

представляют сочинения Меркеля: (...) и Петри⁹³ (...) ⁹⁴ Указом Императора Александра в 1804 году смягчено тягостное иго и возмутительное угнетение, наложенное тиранами-рыцарями на крестьян остзейских. В последствии времени еще более облегчено положение их: в 1818 году Император Александр утвердил постановление (...) ⁹⁵ Курляндского Дворянства, которое объявило свободными крестьян в Курляндии и определило отношения между ними и помещиками. В Лифляндии и Эстляндии крепостность также уничтожили.

⁹³ Готлиб (Гарлиб) Меркель (1769–1850) — немецкий писатель и публицист латышского происхождения. Изучал медицину в Лейпциге и Иене, до 1806 года жил в Германии. Обличитель крепостного права в Лифляндии и сторонник освобождения местных крестьян с землей. Иоганн Кристоф Петри (1762–1851) — немецкий философ, теолог, публицист, педагог, родом из-под Эрфурта в Тюрингии (Германия). Учился в Иенском и Эрфуртском университетах. В 1784–1796 гг. был домашним учителем в России (Остзейский край и С.-Петербург), учителем в Эрфуртской гимназии (1797–1820), приват-доцентом Эрфуртского университета. В своих сочинениях резко критиковал быт и нравы дворян, офицеров и чиновников в Эстляндии, сочувствовал эстонскому крестьянству, резко осуждая местное крепостничество.

⁹⁴ Слова неразб. — *Примечание публикатора.*

⁹⁵ Слово неразб. — *Примечание публикатора.*

Дэвид Шиммельпенник ван дер Ойе

ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА КАРТИНАХ В. В. ВЕРЕЩАГИНА

30 флореаля VI года по французскому революционному календарю, или 19 мая 1798 года по общепринятому летоисчислению, из средиземноморского порта Тулон отбыла группа из 167 выдающихся исследователей, инженеров и художников. Эти ученые мужи присоединились к флоту, возглавлявшемуся амбициозным корсиканским генералом Наполеоном Бонапартом, который поставил перед собой задачу вырвать Египет из-под власти османов. В первую очередь мотивируясь стремлением Директории прервать связи Британии с Индией, Наполеон преследовал и более интеллектуальные цели. Наряду с серьезным ударом по колониальному процветанию ненавистной морской соперницы Франции, захват нижнего Нила позволял осуществить систематическое изучение, каталогизацию и описание великой древней цивилизации в лучших традициях французских энциклопедистов¹.

Поначалу казалось, что Наполеону суждено повторить блестящие успехи своей прошлогодней итальянской кампании. Через три недели после высадки в Александрии его армия разбила силы мамлюков в битве при пирамидах и вскоре взяла Каир. Однако триумф корсиканца был недолгим. Всего лишь через десять дней после разгрома защитников Египта на суше английский адмирал Горацио Нельсон потопил флот Наполеона в Абукирском заливе,

¹ *Geoffrey Symcox*. The Geopolitics of the Egyptian Expedition, 1797–1798 // *Irene A. Bierman* (ed.). *Napoleon in Egypt*. London: Ithaca Press, 2003, 13–14; *Henri Laurens*. *Les Lumières et l’Égypte* // *idem*. *Orientales I: Autour de l’expédition d’Égypte*. Paris: CNRS Editions, 2004. P. 49–54; *Marie-Noëlle Bourguet*. *Des savants à la conquête de l’Égypte? Science, voyage et politique au temps de l’expédition française* // *Patrice Bret* (ed.). *L’expédition d’Égypte, une entreprise des Lumières 1798–1801*. Paris (?): Technique et Documentation, 1999. P. 21–36.

отрезав французский экспедиционный корпус от родины и тем самым решив участь египетской кампании.

Тем не менее эта неудача не нарушила научных планов Наполеона. Его отряд ученых за три года до своего неизбежного возвращения на родину составил беспрецедентный каталог египетских древностей; венцом этих трудов стало двадцатитомное «Описание Египта». По словам Эдварда Саида, вторжение в Египет стало поворотным моментом в современном изучении Востока, «первой из многочисленных встреч европейцев с восточной цивилизацией, когда специальные знания ориенталистов сыграли практическую роль в деле колонизации»². Злополучная египетская экспедиция также внесла важный вклад в искусство: за последующее десятилетие художники создали более 70 полотен, прославлявших военные подвиги будущего императора³. Когда французские генералы в 1830-х гг. начали завоевание Алжира, за ними, как в свое время за Наполеоном, последовало множество художников, способствуя проникновению в европейские салоны моды на восточные сюжеты⁴.

Влияние Наполеона сказывалось в течение XIX века и на колониальных завоеваниях в других регионах. После назначения в 1867 г. первым генерал-губернатором новой российской провинции Туркестан генерал-майор Константин фон Кауфман добросовестно последовал примеру французского императора, призывая под свои знамена гражданских ученых и художников. Подобно Наполеону, он стремился произвести систематическую инвентаризацию недавно завоеванных земель и поделиться своими находками с соотечественниками, не говоря уже о том, чтобы вдобавок укрепить свою репутацию⁵. Несмотря на некоторые серьезные достижения в географии, востоковедении и других сферах, Кауфман в этом отношении не сумел внести столь же яркого вклада в науку. Однако более судьбоносным стало решение генерала взять к себе на службу юного живописца Василия Васильевича Верещагина.

Ни один русский художник при своей жизни не был так известен и на родине, и за границей, как Василий Верещагин. Будучи художником, избравшим своей темой Восток и войну, и особо прославившись весьма реалистич-

² Edward W. Said. *Orientalism*. New York: Pantheon, 1978. P. 80. Русское издание: Эдвард В. Саид. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мир, 2006.

³ Todd Porterfield. *The Allure of Empire: Art in the Service of French Imperialism 1798–1836*. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 43–79; Gérard-Georges Lemaire. *The Orient in Western Art*. Paris: Könemann, 2001. P. 105–109.

⁴ Jean Alazard. *L'Orient et la peinture française au XIXe siècle*. Paris: Librairie Plon, 1930. P. 35–36; Philippe Julian. *The Orientalists*. Oxford: Phaidon, 1977. P. 122–125.

⁵ Daniel Brower. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London: RoutledgeCurzon, 2003. P. 47.

ными и волнующими сценами экзотической жестокости, исполненными в ярких цветах, он добился живого отклика от публики, жадной к подобным душещипательным развлечениям, позволяющим отвлечься от монотонного течения городской жизни. Выставки Верещагина в Петербурге сопровождались наплывом посетителей; на его выставке 1880 г. побывало более 200 тыс. зрителей, а для императора Александра II в Зимнем дворце был организован частный просмотр его работ⁶. То же собрание, включавшее новые работы с изображением русско-турецкой войны 1877–1878 гг., точно так же привлекало толпы зрителей, когда на следующий год демонстрировалось в европейских столицах. По подсчетам искусствоведа Владимира Стасова, берлинская выставка Верещагина собрала 145 тыс. посетителей, 110 тыс. человек пришли на нее в Вене, 57 тыс. — в Будапеште и 42 тыс. — в Гамбурге⁷. А длившаяся целый год, с 1881 по 1882 гг., выставка в Американской ассоциации искусства в Нью-Йорке укрепила репутацию Верещагина и за океаном. После его гибели в 1904 г. один британский критик называл его «одной из самых замечательных фигур во всем мире искусства, величайшим из художников-баталистов»⁸.

Будучи самым знаменитым российским художником, Верещагин в то же время был и самым противоречивым из них. Темой его батальных сцен служило не прославление военной доблести и отваги, а скорее осуждение жестокости войны с ее кровопролитием, а также бессердечности и некомпетентности военачальников. Вследствие такой уникальной точки зрения на войну многие современники сравнивали Верещагина с пацифистом Львом Толстым, объявляя первого «апостолом мира и гуманности». Более того, Верещагин был одним из кандидатов на первую Нобелевскую премию мира в 1901 г.⁹ Понятно, что у генералов он пользовался меньшей популярностью. Военный министр царя Александра II Дмитрий Милютин называл Верещагина «неоспоримо талантливым художником», но не одобрял его «странную склонность выбирать сюжеты для своих картин самые непривлекательные, изображать только неприглядную сторону жизни и вдобавок придавать своим картинам надписи в виде ядовитых эпиграмм...»¹⁰. Немецкий генерал-фельдмаршал граф Хельмут фон Мольтке-старший вообще за-

⁶ Стасов В. В. Василий Васильевич Верещагин // Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 2. М.: Искусство, 1952. С. 266; Булгаков Ф. И. В. В. Верещагин и его произведения. СПб.: И. Н. Кушнерев, 1905. С. 92.

⁷ Стасов В. В. Василий Васильевич Верещагин. С. 266.

⁸ Rosa Newmarch. Vassily Verestchagin: War Painter // The Fortnightly Review. Vol. 75. No. 81. June 1904. P. 1011.

⁹ Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество, 1842–1904. М.: Искусство, 1972. С. 272.

¹⁰ Милютин Д. А. Дневник. М.: Библиотека им. Ленина, 1950. Т. 3. С. 235.

претил своим солдатам посещать берлинскую выставку Верещагина 1882 г., опасаясь ее пагубного влияния¹¹.

Такую же неоднозначную репутацию Верещагин получил и среди искусствоведов. В своей истории российской живописи XIX века Александр Бенуа отзывался о его работах как чисто «фотографических», лишенных глубины и чувства, а куратор Йельской галереи в более широком обзоре называет способности Верещагина «весьма посредственными»¹². С другой стороны, начиная со сталинской эпохи советские критики объявляли его прогрессивным художником, предшественником официального соцреалистического стиля. По словам его биографа Андрея Лебедева, будучи «материалистом домарксистского типа», Верещагин не понимал «социальной, классовой природы войны», но, тем не менее, с любовью относился к трудящимся массам, ненавидел деспотизм и отличался страстным желанием нести в народ просвещение¹³.

Кроме того, Верещагин был русским художником-ориенталистом *par excellence* в том традиционном смысле, какой это выражение имеет в истории искусства. Неутомимый путешественник, он объехал множество азиатских стран. В течение сорока лет, начиная с первой, совершенной в молодости, поездки на Кавказ, до гибели в волнах Тихого океана во время Русско-японской войны, Верещагин побывал в Средней Азии, в Индии, на Тибете, в Османской империи, на Филиппинах, в Сибири и Японии. Каждое из этих путешествий давало материал для новых этюдов и полотен, а также для издававшихся по их следам путевых заметок. Поэтому работы Верещагина в наилучшей мере помогают понять, каким русскому художнику XIX века представлялся Восток. И нигде это представление не проявлялось яснее, как в двух туркестанских поездках Верещагина в конце 1860-х гг.

I. Ориентализм как предмет дискуссий

Исламский Восток интриговал европейских художников, по крайней мере, со времен Ренессанса. На рубеже XV–XVI вв. тесные контакты с турками вдохновляли таких венецианских художников, как Джентиле Беллини, на изображение ближневосточных сцен и государственных мужей. В XVII веке Рембрант, пользуясь своей обширной коллекцией азиатского

¹¹ Булгаков. Верещагин... С. 11–12.

¹² Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. М.: Республика, 1995. С. 286; George Heard Hamilton. The Art and Architecture of Russia. New Haven: Yale University Press, 1983. P. 381.

¹³ Лебедев. Василий Васильевич Верещагин... С. 292–293.

реквизита, рисовал портреты, персонажи которых одеты в роскошные шелковые восточные халаты и тюрбаны. А в XVIII веке из-под кисти таких французов, как член Королевской академии Шарль-Андре Ван Лоо, работавших в духе *turquerie* — свойственной эпохе рококо пристрастия ко всему турецкому, — выходили полотна с пашами, султанами, евнухами и одалисками в фантастических сералях, в то время как английские аристократы заказывали сэру Джошуа Рейнольдсу свои портреты в восточном антураже¹⁴. Тем не менее страсть художников к Ближнему Востоку достигла своих вершин в XIX веке, с возникновением ориентализма как отдельного стиля в европейской живописи.

Очевидно, свою роль в этом сыграли и политические события. Если египетская экспедиция Наполеона пробудила в Европе интерес к ближневосточному региону, то борьба греков за независимость в 1820-е гг. и французские кампании в Северной Африке, начавшиеся в следующем десятилетии, не давали этому интересу угаснуть. В то же время контроль западных стран над Средиземным морем сильно упростил путешествия в страны, лежащие на его восточных и южных берегах¹⁵. Эти земли с их ярким солнцем, томной чувственностью и живописными развалинами приобрели среди художников не меньшую популярность, чем в предыдущие столетия — Италия¹⁶.

Ориентализм являлся порождением романтизма — европейской реакции на неоклассицизм XVIII века. Художники-ориенталисты — в основном ими были французы — изображали преимущественно сцены якобы из повседневной жизни исламского мира. Среди них попадались вполне достоверные жанровые картины и этнографические портреты, привлекавшие внимание главным образом своим экзотическим содержанием. В то же время художники-ориенталисты нередко фантазировали на темы необузданной сексуальности, насилия, праздности и прочих грехов, якобы свойственных восточным людям, не знающим христианской морали. Излюбленными мотивами в такой живописи были роскошные гаремы, кровожадные тираны и погруженные в дремотный дурман любители гашиша.

Типичным образцом этого жанра является «Смерть Сарданапала» (1827) французского живописца-романтика Эжена Делакруа¹⁷. Картина, написанная по мотивам трагедии лорда Байрона в 1821 г., изображает последнего легендарного ассирийского царя покоящимся на пышном ложе; в ожидании неизбежной гибели он бесстрастно созерцает, как слуги убивают его наложниц

¹⁴ *Lemaire*. Orient. P. 20–57.

¹⁵ *Philippe Julian*. The Orientalists. Oxford: Phaidon, 1977. P. 28; *Michelle Verrier*. Les Peintres orientalistes. Paris: Flammarion, 1979. P. 1–2.

¹⁶ *Jean Alazard*. L'Orient et la peinture française au XIXe siècle. Paris: Librairie Plon, 1930. P. 42–44.

¹⁷ *Porterfield*. Allure. P. 117–121; *Julian*. Orientalists. P. 47–50.

и лошадей. Красные и белые шелка хаотически перемешались с павлиньими перьями, золотыми сосудами, роскошными рукоятками мечей, бледной женской плотью и головой охваченной паникой лошади на фоне огня и дыма. Мускулистый африканский раб, совершенно голый, если не считать слегка прикрывающей его наготу черной ткани, вносит в картину гомоэротическую нотку, лишней раз внушая зрителю распространенную идею о том, что восточная распущенность принимала разнообразные формы.

Искусствоведы традиционно объясняют популярность ориентализма в первую очередь тягой к эскапизму. Изображая в сочных и привлекательных цветах якобы присущие Азии безграничную чувственность, жестокость, праздность и роскошь — все то, что отвергалось трезвой буржуазной рассудочностью той эпохи, — художники-ориенталисты давали большой простор для подавляемых фантазий. В своей книге 1977 г. французский специалист по экзотизму Филипп Жулиан утверждает: «В век угля целые города были окутаны покровом однообразия. Картина в ориентальном стиле, повешенная в викторианской гостиной, служила своего рода отдушиной. Эти полотна не только напоминали нашим прадедам о другом мире, о чем-то живописном и героическом, но и намекали на удовольствия, обычно запрещенные в Европе, будоража тайную тягу к жестокости и насилию»¹⁸.

Несмотря на возможные фрейдистские коннотации, вплоть до 1970-х гг. академическое отношение к ориентализму носило вполне благожелательный характер¹⁹. Однако не так давно один американский автор отметил: «[ориентализм] — вероятно, самый неполиткорректный из известных нам стилей искусства»²⁰. Этот стиль оказался окружен более сумрачным ореолом после выхода в свет в 1978 г. чрезвычайно влиятельной работы Эдварда Саида «Ориентализм»²¹. Рассматривая этот термин в его академическом смысле, автор уделяет свое внимание востоковедению — и прежде всего изучению европейцами Ближнего Востока. В понимании Саида востоковедение предстает не пустой забавой маразматичных научных старцев (или, если на то пошло, художников, помешанных на экзотике), а важным орудием в арсенале империализма — интеллектуальным инструментом, служащим делу покорения Востока Западом.

Вкратце, Саид в своей книге говорит, что научный аппарат, помогающий европейцам изучать Азию, является средством ее подавления. Западные

¹⁸ *Julian. Orientalists.* P. 28.

¹⁹ Следующие четыре абзаца основаны на моей статье: *Д. Шиммельпеннинк ван дер Ойе. Ориентализм — дело тонкое // Ab Imperio. Т. 1 (2002). С. 249–261.*

²⁰ *Steven Vincent. Must We Burn the Orientalists? // Art & Auction. Vol. 20. No. 3. Nov. 1997. P. 128.*

²¹ *Said. Orientalism.*

люди представляют себе Азию как таинственную, женственную, коварную и опасную культурную соперницу. Саид полагает, что европейцы видят мир исключительно в манихейских терминах. Как писал Редьярд Киплинг, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Здесь явственно просматривается наследие французского философа Мишеля Фуко, особенно его понятие о «дискурсе» — лингвистическом аппарате, посредством которого распространение знаний превращается в инструмент подчинения и насилия. По словам Саида, ориентализм — это «научное течение, чьим аналогом в мире эмпирической политики служило колониальное поглощение и присвоение Востока Европой»²². Автор еще более провокационно утверждает, что ориентализм абсолютно неотделим от колониализма: «У нас бы не было империи при отсутствии важных философских процессов, скрывающихся за созданием, а также присвоением, подчинением и заселением пространства»²³.

Говоря о «Западе», Саид обычно имеет в виду Великобританию и Францию XIX и XX вв. Он практически игнорирует прочие европейские страны с крепкими традициями востоковедения — такие, как Германию, Нидерланды и Россию. Русский ориентализм служит особенно интригующим исключением из построений Саида. В противоположность морским колониальным державам, Россия покоряла земли, прилегающие к ее собственным рубежам. Если Великобританию и Францию от «их» Востока отделяли моря, то евразийское местоположение России не создавало таких преград между ее метрополией и восточными владениями. Поэтому для русских граница между «своей» Европой и «чужой» Азией была намного менее четкой.

В 1993 г., через пятнадцать лет после «Ориентализма», Эдвард Саид издал «Культуру и империализм», в которой используется более широкий подход²⁴. Неудивительно, что Саид, будучи профессором сравнительного литературоведения, применяет свои ориенталистские построения и при изучении литературы. Теперь его внимания удостоились такие авторы, как Джозеф Конрад, Джейн Остин и Альбер Камю. Одна глава даже посвящена опере. По словам Саида, опера Верди «Аида» «в качестве визуального, музыкального и театрального спектакля... подтверждает, что Восток — это, по сути, экзотическая, далекая и древняя страна, в которой европейцам вполне позволительно известная демонстрация силы»²⁵.

²² Edward W. Said. *Orientalism Reconsidered* // Francis Barker et al (eds.). *Literature, Politics and Theory*. London: Methuen, 1986. P. 215.

²³ Said. *Critical Inquiry*. 15 (1989). P. 216.

²⁴ Edward W. Said. *Culture and Imperialism*. New York: Knopf, 1993.

²⁵ Ibid. P. 112.

В то время как Саид не уделяет особого внимания живописи, некоторые искусствоведы с готовностью подхватили его риторику о связи между изображением и подавлением²⁶. Из самых изоощренных исследований, выполненных в этом духе, можно назвать статью Линды Ночлин «Воображаемый Восток»²⁷. Будучи феминисткой, Ночлин, само собой, изучает ориентальный стиль с гендерной точки зрения. Так, по ее словам, ориентализм Делакруа мотивировался не вожделением к имперской власти, а чистым и откровенным плотским вожделением²⁸. Более любопытно то, как Ночлин интерпретирует гиперреалистический подход таких поздних ориенталистов, как Жан-Леон Жером, который она считает сознательным жульничеством. Отнюдь не являясь, как выразился его современник, «одним из самых прилежных и добросовестно точных из современных художников», Жером, по мнению Ночлин, придерживался просчитанной стратегии «реалистической мистификации», изображая несуществующий Восток с мнимо фотографической точностью²⁹.

II. Трудный ученик

Мнение Ночлин о Жероме, вероятно, вполне приложимо и к его русскому ученику Василию Верещагину, который точно так же гордился реализмом своих работ. Путь Верещагина в парижское ателье Жерома не был ни прямым, ни особенно предсказуемым³⁰. Он родился в 1842 г. в семье

²⁶ Но ни в коем случае не все. См., например: Donald Rosenthal. *Orientalism: The Near East in French Painting 1800–1880*. Rochester: Memorial Art Gallery of the University of Rochester, 1982; *MaryAnne Stevens*. *Western Art and its Encounter with the Islamic World 1798–1914* // idem (ed.). *The Orientalists: Delacroix to Matisse*. London: Royal Academy of Arts, 1984. P. 15–23; *Vincent*. *Must; Lemaire*. *Orient*; *Kristian Davies*. *The Orientalists: Western Artists in Arabia, the Sahara, Persia & India*. New York: Laynfarah, 2005. См. также обзор дискуссий: *John M. MacKenzie*. *Orientalism: History, Theory and the Arts*. Manchester: Manchester University Press, 1995. P. 43–71; *Louise Jacqueline Shalev*. *Vasilii Vereshchagin (1842–1904): Orientalism and Colonialism in the Work of a 19th Century Russian Artist*. Master's thesis, San Jose State University, 1993. P. 61–76.

²⁷ *Linda Nochlin*. *The Imaginary Orient* // *Art in America*. May 1983. Pp. 119–131, 186–191.

²⁸ *Ibid.* P. 123.

²⁹ *Ibid.* P. 122.

³⁰ Наиболее подробной биографией Верещагина является книга Лебедева. Среди других работ следует назвать книгу Булгакова, написанную вскоре после смерти художника его другом, в то время как многочисленные путешествия Верещагина описываются в сравнительно недавнем издании: *Демин Л.* *С мольбертом по земному шару: Мир глазами В. В. Верещагина*. М.: Мысль, 1991. Помимо множества статей, написанных в начале XX века, единственной англоязычной биографией Верещагина является *Vaban D. Baroosbian*. *V. V. Vereshchagin: Artist at War*. Gainesville: University Press of Florida, 1993. Многочисленные подробности содержатся также в автобиографических произведениях художника, таких

небогатого помещика Новгородской губернии и получил образование, типичное для будущего офицера царской армии: домашние учителя, три года в Александровском малолетнем корпусе и еще шесть лет в морском кадетском корпусе в Петербурге.

Вполне возможно, что именно там Верещагин заразился неизлечимой страстью к скитаниям³¹. Как и во всех военно-морских училищах, воспитанникам кадетского корпуса старались привить интерес к чужим странам, к чему немало усилий прикладывали и директора корпуса, в числе которых находились такие исследователи, как выдающийся кругосветный мореплаватель адмирал Иван Федорович Крузенштерн. География стала одним из любимых предметов Верещагина, а в свободное время он неоднократно перечитывал «Фрегат “Паллада”» — незадолго до того вышедшую книгу путевых впечатлений романиста Ивана Гончарова. Благодаря хорошим оценкам Верещагин попал в число успевающих учеников, которых летом на предпоследнем и последнем годах обучения отправляли в путешествия по Западной Европе. Во время этих поездок за границу юный кадет ознакомился с произведениями радикального публициста-эмигранта Александра Герцена, которые способствовали развитию у Верещагина прогрессивных политических взглядов.

Когда Верещагин одним из лучших учеников окончил кадетский корпус в 1860 г., все ожидали, что он, подобно одноклассникам, поступит на службу в императорский флот. Но еще во время учебы стали проявляться отличия будущего художника от других кадетов. Будучи прилежным и умным, Верещагин оказался болезненным. Хуже того — слабый желудок делал его непригодным к морским плаваниям. Вдобавок ему были свойственны нервозность и возбудимость, унаследованные, по мнению его близкого друга Владимира Стасова, от матери-полутатарки³². Наконец, Верещагин любил рисовать.

Мальчиком Василий проявлял поразительные способности к рисованию, и этот талант был распознан и поощрялся его наиболее проникательными наставниками в училище. Поскольку на предпоследнем курсе кадетского корпуса в программе уже не было уроков рисования, Верещагин вступил в Общество поощрения искусств, которое выполняло роль подготовительных курсов при Императорской академии изящных искусств. Поначалу преподаватели относились к юноше как к дилетанту. Однако упорство и настойчивость Вереща-

как: *Верещагин В. В.* Детство и отрочество художника. Т. 1. Деревня, корпус, рисовальная школа. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев, 1895; *В. В. Верещагин.* На войне в Азии и Европе. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев, 1898.

³¹ *Демин Л.* Верещагин и Восток // Африка и Азия сегодня. Август 1992. С. 61.

³² *Стасов.* Василий Васильевич Верещагин. С. 215.

гина, которому представлялось будущее за мольбертом, а не на борту корабля, в конце концов вынудили их отнестись к его стремлению всерьез.

Родители Верещагина в течение какого-то времени потакали его пристрастиям. Согласно представлениям той эпохи, рисование являлось вполне приемлемым салонным развлечением для представителей его класса. Но в качестве профессии искусство считалось занятием, подходящим только для крепостных и прочей второсортной публики³³. Когда незадолго до получения диплома Василий объявил, что не пойдет во флот, а будет учиться в Академии искусств, его родители пришли в ужас. «Сыну столбовых дворян, 6-й родословной книги, сделаться художником — что за срам!» — так он впоследствии пересказывал их мысли³⁴. Ни слезы матери, ни предсказания отца, предрекавшего будущие лишения, не смогли его переубедить, и в конце концов родители неохотно уступили. «Делай, как знаешь, не маленький! — сказал ему отец. — Только на меня не рассчитывай, я тебе в этом не помощник, ничего не дам»³⁵.

Верещагин поступил в Императорскую академию изящных искусств в тот момент, когда это почтенное заведение сотрясали бури. Задача академии, основанной почти веком ранее императрицей Екатериной II, а с 1850 г. подчинявшейся Министерству двора, состояла в том, чтобы насаждать в России искусство европейского типа. Находясь под императорским покровительством, академия преданно отражала вкусы царского двора. В первые годы своего существования она старалась идти нога в ногу с новейшими западными веяниями и хранила верность модному тогда неоклассицизму. Но когда екатерининское просвещение конца XVIII века сменилось в 1830-е гг. николаевским обскурантизмом, Академия окостенела, упорно цепляясь за эстетику прошедшей эпохи. Более того, на стиле преподавания в Академии отражалась общая милитаризация нравов в монархии³⁶. Однако после смерти императора Николая I в 1855 г. и поражения, нанесенного его армии западными державами в Крыму, хватка самодержавия несколько ослабла.

Первыми, кто в Академии бросил вызов заведенным порядкам, были ее студенты. Подобно большинству образованной молодежи в бурные годы, последовавшие за смертью железного самодержца, они стремились сбросить оковы прошлого и руководствоваться в жизни более социально ответ-

³³ *Elizabeth Valkenier*. Russian Realist Art. New York: Columbia University Press, 1989. P. 11; *Richard Stites*. Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 343.

³⁴ *Верещагин*. Детство... С. 56.

³⁵ Там же. С. 304.

³⁶ *Valkenier*. Art. P. 3–7; *David Jackson*. The Wanderers and Critical realism in Nineteenth-Century Russian Painting. Manchester: Manchester University Press, 2006. P. 9–13.

ственным этосом. Одним из идейных вождей тогдашних «шестидесятников» был радикальный сын провинциального священника Николай Чернышевский. Его роман 1863 г. «Что делать?» с содержащимся в нем страстным призывом к социалистическому равенству, женской эмансипации и жертвенному самоотречению стал у прогрессивной русской молодежи настоящим Евангелием.

Более непосредственное отношение к студентам Академии имела написанная Чернышевским десятью годами ранее магистерская диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности»³⁷. Утверждая, что искусство должно воспроизводить реальный мир, и в первую очередь мир простого народа, автор требовал от художников осуждения несправедливостей существующего строя. Знаменитым стал его призыв к искусству стать «учебником жизни», а не украшать дворцы правящего класса³⁸. Чернышевский отнюдь не первым проповедовал необходимость тесных связей между культурой и политикой, имея в этом отношении предшественников и в России, и на Западе. Критик Виссарион Белинский уже в 1847 г. в открытом «Письме к Гоголю» требовал от писателей возглавить борьбу против «самодержавия, православия и народности»³⁹. Кроме того, как указывал Владимир Стасов, такие европейские живописцы, как Гюстав Курбе, тоже боролись с социальной несправедливостью своими реалистическими полотнами⁴⁰. Однако «шестидесятники» в первую очередь услышали именно голос Чернышевского.

Яростные нападки Чернышевского на концепцию «искусства для искусства» нашли благодарную аудиторию среди студентов Академии. В 1863 г. — в том же году, когда в Париже состоялся «Salon des Refusés», бросивший вызов художественному истеблишменту, — 14 студентов во главе с Иваном Крамским отказались участвовать в соревновании Академии на золотую медаль, не желая выполнять конкурсное задание на тему из скандинавской мифологии. Покинув Академию, они основали артель, следуя образцу, описанному в романе «Что делать?». Хотя их предприятие в конце концов постигло фиаско, следующая их попытка добиться творческой свободы оказалась намного успешней. В 1870 г. ими было создано «Товарищество передвижных художественных выставок», более известное под неформальным названием «Передвижники». Эта новая группа преобразовала русскую живопись в под-

³⁷ Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. М.: Правда, 1974. С. 5–117.

³⁸ Там же. С. 115.

³⁹ См.: Elizabeth Kridl Valkenier. The Intelligentsia and Art // Theofanis George Stavrou (ed.). Art and Culture in Nineteenth-Century Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1983. P. 154.

⁴⁰ Стасов В. Двадцать пять лет русского искусства // Стасов. Избранные сочинения. Т. 2. М.: Искусство, 1952. С. 415.

линно национальную школу, следовавшую призыву Чернышевского отражать реальность и в то же время бороться с пороками общества с помощью «нравственно обличительных» полотен⁴¹.

Верещагин тоже прислушивался к Чернышевскому. Как он писал впоследствии в обширных размышлениях о своем творчестве, «понятие об искусстве как служащем абсолютной красоте, — понятие, во имя которого создано столько холодного, безжизненного, фальшивого, — устарело. Современному искусству, кроме чистой абсолютной красоты, подай еще искренность, чувство меры, уютность и др. факторы, одним концом прямо связанные со вседневною жизнью на всех поприщах»⁴². Критикуя концепцию «искусства для искусства», он утверждал: «мысль, тенденция не только не вредят технике, но, напротив, служат стимулом к совершенствованию ее»⁴³. В эссе, которое так и называлось — «Реализм», — он заявлял: «Я имею право считать себя представителем реализма, который требует самого строгого обращения со всеми деталями творчества и который не только не исключает идеи, но заключает ее в себе»⁴⁴.

В отличие от некоторых его соучеников, бунт Верещагина против порядков Академии проходил в одиночку. Поначалу Верещагин проявил себя старательным студентом и вскоре близко сошелся с молодым либеральным преподавателем Александром Бейдемманном, который получил заказ на роспись русской церкви в Париже и взял Верещагина с собой. На третьем году обучения Верещагин, опять выказав отличные успехи, получил серебряную медаль за этюд по «Одиссее» Гомера. Однако несколько месяцев спустя — за полгода до «бунта 14-ти» — он шокировал факультет, когда импульсивно сжег большой рисунок сепией на тот же сюжет — как он объяснил, «чтобы уж наверное не возвращаться к этой чепухе»⁴⁵. Формально уйдя из Академии лишь в 1865 г., Верещагин провел лето 1863 г. на Кавказе, где зарабатывал на жизнь, давая уроки рисования детям русских офицеров. Следуя примеру таких беспокойных поэтов-романтиков, как Пушкин и Лермонтов, в свободное время он бродил по горам, за время этой поездки заполнив набросками три блокнота.

Верещагину улыбнулась удача, когда в начале 1864 г. он получил в наследство от дяди тысячу рублей. Уже не живя в бедности, как было во время

⁴¹ *Valkenier*. Art. P. 33–40; *Stites*. Serfdom. P. 413–418; *Jackson*. Wanderers. P. 27–33. Работа Стасова «Двадцать пять лет русского искусства», не особенно объективная, все же дает хороший обзор общих тенденций в русском искусстве того времени с точки зрения сторонника «Передвижников»: *Стасов*. Там же. С. 391–472.

⁴² *Верещагин В. В.* Листки из записной книжки художника. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев, 1898. С. 70.

⁴³ Там же. С. 13.

⁴⁴ *Верещагин В. В.* Реализм // Верещагин В. В. Повести, очерки, воспоминания / Под ред. В. А. Кошелева и А. В. Чернова. М.: Советская Россия, 1990. С. 194.

⁴⁵ *Булгаков*. Верещагин... С. 28.

пребывания на Кавказе, многообещающий молодой художник отправился в Париж и сумел поступить в ученики к новому профессору в престижной Школе изящных искусств Жану-Леону Жерому. Когда Жером поинтересовался, кто рекомендовал его Верещагину, тот дерзко ответил: «Ваши картины», — и добавил: «Я буду учиться только у вас и ни у кого более»⁴⁶.

Жером начал карьеру живописца двумя десятилетиями ранее: сперва он создавал картины на классические темы, а затем включил в свой репертуар и Ближний Восток после нескольких поездок туда в 1850-х гг. Для его восточных полотен были характерны резкие цвета и освещение, а также реалистичная манера письма, напоминающие о голландском «золотом веке»⁴⁷. Из-за того, что художник относился к деталям местной жизни с вниманием, достойным исследователя, некоторые современники называли его «живописцем-этнографом»⁴⁸.

Пребывание Верещагина в ателье у Жерома сказалось на дальнейшем творчестве русского художника. Как техника исполнения, так и выбор сюжетов на полотнах Верещагина свидетельствуют о сильном влиянии его парижского учителя. Однако, несмотря на то, что между мастером и его учеником сохранились сердечные отношения, Верещагин вел себя почти так же вызывающе, как в петербургской Академии. Рассердившись на требование Жерома копировать неоклассические картины из Лувра, Верещагин примерно через год снова отправился на Кавказ.

Вторая поездка Верещагина в эти места задала образец для многих из его последующих путешествий. В течение шести месяцев он рисовал многочисленные этюды региона и его жителей, с энциклопедической дотошностью и фотографической точностью запечатлевая разнообразные национальные типы. Интерес художника к местным обычаям привел к созданию характерной жутковатой зарисовки участников шиитского праздника в Нагорном Карабахе, подвергавших себя самобичеванию: «Религиозная процессия на празднике Мохаррем в Шуше». Кроме того, Верещагин написал подробный отчет о своей поездке, который вскоре был издан в популярном французском журнале «Le Tour du Monde» («Вокруг света») ⁴⁹. Этот рассказ, обильно иллюстрированный, был полон стереотипных описаний варвар-

⁴⁶ Булгаков. Верещагин... С. 29.

⁴⁷ Это убедительно доказывается в: *Gerald Ackerman. Gérôme's Oriental Paintings and the Western Genre Tradition // Arts Magazine. March 1986. P. 75–80.*

⁴⁸ Практически забытый после своей смерти в начале XX века, Жером был реабилитирован в 1980-е гг. американским искусствоведом Джеральдом Аккерманом, чья биография Жерома остается важнейшей работой о его жизни и творчестве: *Gerald Ackerman. The Life and Work of Gérôme. London, 1986.* См. также: *Hélène Lafont-Couturier. Gérôme. Paris: Herscher, 1998; Lemaire. Orient. P. 238–242.*

⁴⁹ *Basile Vereschaguine. Voyage dans les provinces du Caucase / Trans. Ernest le Barbier // Le Tour du Monde. Vol. 17 (1868). P. 162–208; Vol. 19 (1869). P. 241–336.*

ского, опасного Востока, начиная от грязных, спившихся кочевников-калмыков и заканчивая «смелыми, суровыми и мстительными» кабардинцами⁵⁰. Несмотря на умиротворение Кавказа силой русского оружия, путешествующий по тем краям постоянно сталкивался с угрозой насилия, истоком которой были «религиозный фанатизм и ненависть, обычная для племен, принужденных завоевателями к покорности»⁵¹.

Верещагин покинул Кавказ осенью 1865 г., полный надежд издавать журнал, посвященный этому региону, но не смог собрать необходимый начальный капитал. Поэтому он вернулся в Париж, где с гордостью продемонстрировал свои зарисовки Жерому. Тот не скупился на похвалы и посоветовал ученику, чтобы теперь тот попробовал свои силы в более трудной технике живописи маслом. На этот раз Верещагин последовал совету и начал упорно трудиться с целью овладеть необходимыми навыками.

Когда художник следующей весной приехал на каникулы в отцовское имение, его вниманием завладела новая тема⁵². Гуляя по берегу соседней реки, он был заинтригован зрелищем бурлаков, с трудом тянущих баржи против течения⁵³. Эти бывшие крепостные, вынужденные без устали трудиться ради жалкого пропитания, являли собой превосходный образец той суровой российской действительности, изображать которую призывал художников Чернышевский. Бурлаки, как представители обездоленных народных масс, словно бы навсегда привязанные к своей непосильной ноше, служили отличной метафорой царского самодержавного режима. В последующие годы эту тему разрабатывали многие «передвижники», в том числе и Илья Репин со своим знаменитым полотном «Бурлаки на Волге» (1870–1873 гг.). Верещагин сделал ряд этюдов и вполне мог бы написать большую картину, если бы ему не помешало одно более чем любопытное предложение.

III. В Туркестан

Летом 1867 г. из разговора со своим бывшим преподавателем в Академии Верещагин узнал, что генерал Кауфман, назначенный царем новым гене-

⁵⁰ Ibid. P. 196.

⁵¹ Ibid. P. 200.

⁵² Лебедев. Василий Васильевич Верещагин... С. 49–53.

⁵³ По мнению одного американского автора, на этот сюжет Верещагина вполне могло натолкнуть изображение аналогичной сцены в дельте Нила на картине французского ориенталиста Леона Белли «Феллахи, тянущие барки», которую Верещагин мог видеть на Парижском салоне в 1864 г. — в год, когда он прибыл в Париж, намереваясь поступить в Школу изящных искусств: *Davies. Orientalists. P. 72–75.*

рал-губернатором Туркестана, хочет нанять и взять с собой в Ташкент какого-нибудь молодого художника. Того, кто согласился бы на эту службу, ожидали серьезные трудности и опасности, так как русские войска все еще вели в Средней Азии активные боевые действия. Тем не менее Верещагин поспешил предложить свои услуги генералу. «Страстной любви к Востоку у меня не было, черт побери! — впоследствии говорил он другу. — Я учился на Востоке, потому что там было свободнее, вольнее учиться, чем на Западе. Вместо парижской мансарды или комнаты Среднего проспекта Вас[ильевского] острова у меня была киргизская палатка...»⁵⁴. Его привлекала и перспектива побывать в бою: «Я хотел узнать, что такое истинная война, о которой много читал и слышал и близ которой был на Кавказе»⁵⁵. Кауфман, удовлетворенный отзывами о Верещагине с мест его учебы и качеством его рисунков, взял его на службу. Художника произвели в офицеры, хотя он, как было ему свойственно, требовал права работать в штатском и полной свободы передвижения.

После поспешных приготовлений Верещагин в августе выехал из Оренбурга — крупного торгового центра на Южном Урале, у границы среднеазиатских степей⁵⁶. Верещагина по почтовой дороге в Ташкент вез тарантас — лишенная рессор деревянная повозка типа корзинки, которую один французский автор называл «орудием пытки»⁵⁷. Двухтысячекилометровый маршрут шел сперва на юг, к Аральскому морю, а затем на юго-восток, вверх по Сыр-Дарье. Путь до столицы среднеазиатских владений занял шесть недель. Помимо обычных неудобств путешествия по землям, пребывающим еще в диком состоянии, в дороге не произошло ничего примечательного.

Первое впечатление Верещагина от его нового места жительства едва ли было благоприятным. Как он вспоминал, «для тех, кто знаком с Левантом, Ташкент не представляет собой ничего нового: здесь видишь в основном глинобитные дома, окна, затянутые промасленной бумагой, сероватые стены и узкие извилистые улочки с оставшимися после дождей мутными лужами, в которые лошади проваливаются по колено»⁵⁸.

Найдя жилье в туземном квартале, Верещагин несколько следующих месяцев посвятил зарисовке архитектуры и населения города, отличавшегося поразительным этническим разнообразием.

⁵⁴ Курсив оригинала. Цит. по: *Лебедев*. Василий Васильевич Верещагин... С. 54.

⁵⁵ Цит. по: *Булгаков*. Верещагин... С. 44.

⁵⁶ Его путешествие описывается в: *Basile Vereschaguine*. Voyage dans l'Asie centrale: D'Orembourg à Samarcande // *Le Tour du Monde*. Vol. 25 (1873). P. 193–272.

⁵⁷ *E. Blanc*. Notes de voyages en Asie centrale. A travers la Transoxiane // *Revue des deux mondes*. Vol. 129 (1895), 904, цит. по: *Irina Kanterbaeva-Bill*. Vasilij Vereščagin (1842–1904): Une vision de l'Orient lors de la conquête russe de l'Asie central. Master's thesis. Université de Toulouse-Le-Mirail, 2005. P. 31.

⁵⁸ *Vereshchagin*. Asie. P. 211.

Художника особенно интересовали неприглядные стороны жизни Ташкента, включая опиумные притоны, нищенские гильдии, тюрьмы и башей (мальчиков-танцоров). Он указывал, что до произошедшего около десяти лет назад взятия города царскими войсками обстановка здесь была еще хуже, так как в Ташкенте тогда находились тысячи рабов. Время от времени замечая скрытую враждебность, Верещагин, подобно многим своим соотечественникам, был убежден в том, что большинство новых российских подданных примирилось со своими покорителями. Теплые приветствия со стороны жителей пригорода вызвали у него такие размышления: «Была ли их радость искренней? Это знает один Аллах, которому ведомы их сердца. Впрочем, почему бы им не быть искренними, ведь, как нам известно, в Средней Азии власть неверных более прочна и справедлива, чем правление местных повелителей»⁵⁹.

Следующей весной генерал отправил художника на этнографическое изучение окрестных земель. В сопровождении переводчика-татарина, утверждавшего, что в нем течет княжеская кровь, и двух казаков Верещагин направился на юг по верхней Сыр-Дарье, обследуя поселения киргизов и сартов. Удалившись километров на тридцать от Ташкента, путешественники узнали, что Кауфман с войском выступил против бухарского эмира. «Война! — пронеслось в голове у художника. — И совсем рядом со мной — здесь, в Средней Азии!»⁶⁰ Это, несомненно, было интереснее, чем собирать фольклор.

Целью наступления Кауфмана являлся Самарканд, древняя столица Тамерлана. Верещагин поспешил к легендарному городу, но, к его разочарованию, тот был взят за день до его прибытия. Тем не менее там сохранились великолепные средневековые памятники, и Верещагин схватился за карандаш. Желание молодого художника своими глазами увидеть сражение вскоре исполнилось: после того, как Кауфман с большей частью войск покинул Самарканд, направляясь в погоню за эмиром, местное население восстало против русского гарнизона⁶¹. В течение недели в начале июня 500 человек, оставленных генералом в городе, держались против многократно превосходящих их числом врагов. Взяв ружье погибшего солдата, Верещагин принял деятельное участие в обороне. Однажды, когда часть бойцов дрогнула во время контратаки, он воодушевил их, бросившись вперед с криком: «Братцы, за мной!» Кроме того, он участвовал в двух вылазках из цитадели

⁵⁹ Ibid. P. 263.

⁶⁰ Ibid. P. 248.

⁶¹ *Верещагин В. В.* На войне в Азии и Европе. М.: Тип. И. Н. Кушнерев, 1898. С. 1–60. См. также: *Макшеев А. И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. С. 268–273; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1906. С. 453–471.

в лабиринт городских улочек, и в обоих случаях едва избежал смерти, спасенный своими товарищами во время стычек с врагом.

Верещагин продемонстрировал бесстрашие и вне поля боя. После того, как осада была снята, он раскритиковал Кауфмана в присутствии его штаба за то, что тот принял недостаточные меры для укрепления крепости. Хотя один из офицеров в негодовании потребовал, чтобы художника расстреляли за неподчинение, генерал не оскорбился и даже представил Верещагина к Георгиевскому кресту — высшей российской награде за храбрость в бою⁶². В тот раз Верещагин отказался от награды, но уступил, когда Дума ордена высказалась за вручение ему креста, который художник с гордостью носил на своем гражданском сюртуке до конца жизни. Ревностно отстаивая свою независимость, Верещагин за всю карьеру больше не принял ни одной награды, отказавшись даже от звания профессора Императорской академии⁶³.

События в Самарканде сказались на слабом здоровье Верещагина. Заболев лихорадкой, он решил вернуться в Париж и продолжить занятия живописью. Его надежды организовать выставку во французской столице не оправдались, хотя «Le Tour du Monde» снова купил его путевые заметки. В начале следующего года художник узнал, что его бывший наниматель приехал в Санкт-Петербург. Возможно, его удалось бы убедить спонсировать выставку? Генерал, горевший желанием продемонстрировать свою молодую провинцию российской публике, с готовностью дал согласие, едва Верещагин обратился к нему с такой просьбой.

На Туркестанской выставке, разместившейся в трех залах Министерства государственных имуществ на Мойке, весной 1869 г. в течение месяца демонстрировались чучела зверей, образцы минералов, костюмы, произведения местного искусства, а также зарисовки и картины самого Верещагина. Выставка благодаря своему расположению в центре города, к югу от Исаакиевского собора, и свободному входу привлекала множество посетителей. В день открытия на выставке в сопровождении Кауфмана, выполнявшего роль гида, побывал сам император Александр II, выразивший свое удовольствие. Однако, когда царь захотел, чтобы ему представили художника, тот ретировался. «Я не люблю ходить по важным господам», — впоследствии объяснял он брату⁶⁴.

Главным на выставке был зал с холстами самого Верещагина, включавшими две батальные сцены — «После удачи» и «После неудачи», а также жанро-

⁶² Письмо В. В. Верещагина В. В. Стасову, 20 сентября 1882 // Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова. Т. 2 / Под ред. А. К. Лебедева. М.: Искусство, 1951. С. 134.

⁶³ Публичный отказ Верещагина от этого звания стал предметом оживленной дискуссии. См.: Переписка Верещагина и Стасова. Т. 1. С. 20–25, 30–31. Верещагин также отказался от ордена Св. Станислава: Переписка Верещагина и Стасова. Т. 2. С. 320, прим. 6.

⁶⁴ *Лебедев*. Василий Васильевич Верещагин... С. 76.

вую картину «Опиумеды». Демонстрировался также фотоснимок с другой картины — «Бача и его поклонники». Эта картина, на которой изображался одетый девочкой мальчик-танцор в окружении упитанных немолодых азиатов, алчно пожирающих глазами свою добычу, была ранее уничтожена художником, опасавшимся, что ее могут счесть безнравственной⁶⁵.

Зрителей особенно поразили «Опиумеды»⁶⁶. Наркотики являлись излюбленной темой художников-ориенталистов, часто включавших в антураж своих гаремов и базаров кальяны или трубки с гашишем⁶⁷. Необычным работу Верещагина делал ее объективный подход, лишенный как осуждающего морализаторства, так и шаблонного экзотизма. Сцена, явно происходящая в восточном окружении, представлялась критику Андрею Сомову свидетельством деградации человечества вообще⁶⁸. Верещагин намекал на то, что жители Востока не более предрасположены к пороку, чем другие люди, когда задавался вопросом: «Далек ли тот день, когда опиум распространится по всей Европе, словно Европе недостаточно своего собственного западного опиума, то есть табака?»⁶⁹

Две другие картины, «После удачи» и «После неудачи», опровергали идею о Востоке и Западе как о диаметральных противоположностях. На одной изображались два узбека, созерцавшие свой трофей — отрубленную голову убитого русского солдата, в то время как на другой солдат царской армии небрежно раскуривает трубку в окружении мертвых азиатов, устилающих землю у его ног. Изображая два этих примера людского безразличия к зверствам войны, художник намекал, что Восток и Запад не так уж далеки друг от друга. Как бы подчеркивая этот момент, он иронически назвал первую картину «После удачи», а вторую — «После неудачи», т. е. с точки зрения врага.

Вдохновленный успехом своей первой выставки, сразу же после ее закрытия в апреле 1869 г. Верещагин вновь направился в Среднюю Азию. На этот раз Кауфман организовал ему назначение на гражданскую должность коллежского регистратора при штабе генерал-майора Герасима Колпаковского, который был заместителем Кауфмана как начальник Семиреченского уезда в Восточном Туркестане. В течение следующего года художник, избрав своей базой Ташкент, много ездил по стране. Он снова без колебаний шел навстречу опасности. Воспользовавшись случаем, Верещагин присоединился к экспедиции казаков в глубь

⁶⁵ Стасов. Василий Васильевич Верещагин. С. 235; Булгаков. Верещагин... С. 54.

⁶⁶ Сцену, изображенную на картине, художник видел своими глазами. См.: *Vereshchagin. Asie*. P. 224.

⁶⁷ О «радостях курения» в ориентальном искусстве см.: *Davies, Orientalists*, 121–143.

⁶⁸ *Кистин (А. И. Сомов)*. Заметки о художниках // Санкт-Петербургские ведомости. 16 марта 1869. Критик, связанный с Императорской академией искусств, был отцом художника-«мирискусника» К. А. Сомова.

⁶⁹ *Vereshchagin. Asie*. P. 224.

китайской территории, предпринятой для усмирения повстанцев-мусульман, и заслужил новые лавры, когда спас жизнь командиру отряда.

Кауфман, несомненно, был доволен своим художником. Когда Верещагин в 1870 г. вернулся в Петербург, генерал отправил его в трехлетнюю заграничную командировку, с тем чтобы тот выразил свои среднеазиатские впечатления на языке искусства. Официальная цель командировки состояла в том, чтобы «ознакомить цивилизованный мир с жизнью малоизвестных народов и обогатить науку материалами, важными для изучения этих стран». Между строк этой формулировки прочитывалось не менее важное стремление развеять европейские страхи по поводу царской колониальной экспансии⁷⁰.

На этот раз Верещагин отправился в Мюнхен. Из-за Франко-прусской войны Париж в том году посещать не стоило. Кроме того, в баварской столице жила подруга художника, юная Элизабет-Мари Фишер, с которой он вскоре обвенчался. С целью воспроизвести яркий свет туркестанской пустыни Верещагин построил специальную открытую студию, которая поворачивалась на рельсах, чтобы его модели все время оставались под лучами солнца, в какой бы части неба оно ни находилось. Работая с невероятной энергией, к 1873 г. он завершил целых 35 полотен. Они произвели сенсацию.

IV. «Варварские поэмы»

Туркестанская серия Верещагина состоит из жанровых картин и батальных сцен, а также нескольких этнографических этюдов. Сюжеты некоторых картин были вымышленными, но многие основывались на личном опыте и наблюдениях художника. Все в целом они оправдывали российскую миссию в Средней Азии, повторяя ориенталистские штампы о деспотизме, жестокости, былой славе и порочности. Тем не менее некоторые полотна ставили нелицеприятные вопросы в отношении самих завоевателей.

Важной темой в западных представлениях того времени о Востоке служила идея об азиатской стагнации и варварстве среди остатков величия прошлых веков. Верещагин отразил эту идею на двух холстах, которые противопоставляли империю Тимура в апогее ее величия жалким реалиям современности. На картине «Двери Тамерлана» (1872) художник изображает, как мог выглядеть в XIV веке парадный вход в самаркандский дворец великого завоевателя. Возможно, вдохновляясь картиной Жерома «Охрана серала» (1859), Верещагин нарисовал двух вооруженных до зубов часовых, в пол-

⁷⁰ Barooshian. Vereshchagin. P. 32–33.

ной симметрии застывших на страже перед дверьми дворца. Некоторые критики утверждают, что часовые в своих роскошных одеждах выполняют чисто орнаментальную функцию, так как картина написана прежде всего ради пары массивных деревянных дверей, занимающих весь центр холста. Подчеркивая деспотическую власть своего повелителя, часовые смотрят на двери, а не на зрителя, при том что сами двери, покрытые тонкой резьбой и полускрытые в тени, создают атмосферу таинственности.

Ничего подобного этому жутковатому величию мы не найдем на картине «У дверей мечети» (1873), написанной в пару к предыдущей. Вместо грозных стражей мы видим на ней двух нищих с кувшинами для подаяний, ожидающих милостыни от богомольцев у входа в среднеазиатскую мечеть. Действие происходит уже в современную художнику эпоху. Эта картина лишена симметрии: один из нищих опирается на посох, а его спутник согнулся у стены, погрузившись в сон. На дверях же, не скрытых в полумраке, а, напротив, ярко освещенных, отчетливо видны следы обветшания.

Рисуя картину «Продажа ребенка-невольника» (1872), Верещагин, должно быть, изменил свое мнение о допустимости некоторых сюжетов. Предвосхищая известного «Заклинателя змей» Жерома (1880), это полотно демонстрирует два порока, в представлениях европейцев того времени обычно связывавшихся с Востоком, — рабство и педерастию. Купец в своей крохотной лавке вкрадчиво демонстрирует качество своего товара богатому, старому покупателю, который, лицемерно перебирая четки, сладострастно осматривает голого мальчика. Художник снова умело использует свет и тени, усиливая контраст между роскошным ярко-желтым шелковым халатом и белым тюрбаном старика и невинной наготой ребенка.

Верещагин мало интересовался гетеросексуальными мотивами. Хотя в ориентальном искусстве изобилуют гаремы и одалиски, они совершенно отсутствуют в его туркестанской серии. Собственно, женщины вообще почти не появляются на картинах этого цикла ни в каком виде⁷¹. Однако это упущение едва ли было следствием женоненавистничества. Подобно Чернышевскому, художник выступал за женскую эмансипацию, а его путевые заметки полны негодования по поводу угнетенного положения женщин в Средней Азии: «Будучи собственностью мужчины с самой колыбели, проданная этому мужчине еще ребенком, не успев созреть ни психологически, ни физически, она не имеет возможности пожить по-настоящему, так как роды старят ее, [и она проводит остаток своей жизни] эксплуатируемая и увядающая под тяжким бременем»⁷².

⁷¹ Собственно говоря, Верещагин вообще редко рисовал женщин (*Стасов*. Двадцать пять лет русского искусства. С. 445–446).

⁷² *Vereschagin*. Asie. P. 227.

Единственным исключением была относительно малоизвестная работа «Узбекская женщина в Ташкенте», на которой изображается идущая по улице женщина, с ног до головы закутанная в паранджу и с волосистой сеткой поверх лица. Среди складок этого бесполого одеяния наружу случайно выступает лишь тонкая полоска запястья. Художник подчеркивает свой протест против затворнической жизни женщин в Средней Азии, помещая свою модель рядом с высокой, похожей на тюремную, стеной, совершенно отрезающей женщину от синего неба и зеленых деревьев на заднем плане.

Восточная жестокость занимает в искусстве Верещагина гораздо больше места. На картине «Самаркандский зиндан» фигурирует знаменитая подземная тюрьма с ее обреченными узниками, которую художник увидел до того, как ее разрушили по приказу Кауфмана⁷³. Гораздо более драматично воспроизведение еще одной сцены из жизни Самарканда до его захвата русскими — «Торжествуют» (1872). На рыночной площади Самарканда, перед обветшавшим бирюзовым фасадом великолепной мечети Ширдар, построенной в XVII веке, мулла призывает мусульман на священную войну с неверными. На переднем плане разместились многочисленные зрители — от эмира и купцов на спинах верблюдов до нищих и бродячих собак. Зрителей от остальной части толпы отделяет ряд из десяти высоких шестов с темными верхушками, которые при более пристальном рассмотрении оказываются головами убитых русских. В качестве эпиграфа на раме картины помещались слова из Корана, напоминающая европейскому зрителю о пресловутом мусульманском фанатизме: «Так Аллах повелевает, чтобы погибли неверные! Нет Аллаха, кроме Аллаха!»⁷⁴

Но если жанровые картины в туркестанской серии Верещагина повторяют многие ориентальные мотивы, то его батальные сцены намного менее стереотипны. Некоторые из них превосходно передают возбуждение боя. На картине «У крепостной стены. Пусть войдут!» (1872), основанной на личных впечатлениях художника во время осады Самарканда, мы видим отряд солдат, готовых отразить вражеский удар через пролом в разрушенной стене⁷⁵. Для названия картины Верещагин использовал слова своего командира, сказанные в ответ на его предложение первыми ударить по врагу. Тревожное выражение на лицах бойцов, примкнутые штыки, сама композиция — широкая белая линия на фоне затененной сероватой стены — все помогает донести до зрителя момент напряженного ожидания перед стычкой.

Полотно «Смертельно раненный» (1873), также основанное на эпизоде, лично увиденном художником, изображает войну совсем не с парадной точ-

⁷³ Булгаков. Верещагин... С. 64.

⁷⁴ Там же. С. 139.

⁷⁵ Верещагин. На войне... С. 16.

ки зрения⁷⁶. Умиравший солдат, получив рану в грудь, бежит прочь на подкашивающихся ногах, а по его белой гимнастерке расплывается кровавое пятно. Плотная туча дыма и пыли у него за спиной как бы навсегда отделяет его от мира живых людей. По словам русского специалиста в батальном жанре, «все баталисты изображали раненых как неизбежный аксессуар многофигурной батальной картины, но никто до Верещагина не делал раненого солдата главным действующим лицом почти однофигурной картины»⁷⁷.

Хотя эту картину отнюдь не назовешь прославлением воинской профессии, по-настоящему серьезные обвинения, ставящие под сомнение доблесть русской армии, присутствуют на других полотнах. Самым противоречивым из них была картина «Забытый» (1871). На берегу реки лежит одинокое тело русского рядового, недавно убитого в бою и брошенного товарищами. Его плоть вскоре станет пищей для стай стервятников. Эпиграфом к картине служили строки из печальной народной песни:

*«Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене;
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать мать сыра земля»⁷⁸.*

Даже покровитель Верещагина, генерал Кауфман, упрекал художника за эту картину, а сам царь, по слухам, выразил свое неудовольствие⁷⁹. Уязвленный Верещагин сжег полотно вместе с двумя другими работами, которые тоже могли быть сочтены неподобающими.

Сочетание экзотических пейзажей, энергичного действия и сурового реализма моментально привело к успеху «Туркестанской серии» у публики. Поскольку Россия по-прежнему занимала маргинальное положение в европейском мире искусства, Верещагин организовал свой дебют в более интернациональном окружении, избрав для него лондонский «Хрустальный дворец». Выставка, открывшаяся в апреле 1873 г., получила почти исключительно положительные отзывы. «Pall Mall Gazette» расхваливала картины Верещагина как «блестящие и живые работы... знакомящие нас с оригинальным

⁷⁶ *Верещагин*. На войне... С. 12.

⁷⁷ *Артемьев В.* Войны. Сражения. Полководцы в произведениях классической живописи. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 206.

⁷⁸ *Лебедев*. Василий Васильевич Верещагин... С. 102.

⁷⁹ Отношение Александра II к туркестанской серии Верещагина служит предметом дискуссий. Те, кто хорошо знал художника, например Стасов и Булгаков, утверждают, что царь высоко оценивал туркестанскую серию, в то время как Лебедев утверждает противоположное: *Стасов*. Василий Васильевич Верещагин. С. 247; *Булгаков*. Верещагин... С. 64–66; *Лебедев*. Василий Васильевич Верещагин... С. 126–127. См. также: *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 3. М.: Захаров, 2005. С. 426–427.

и крупным художником», в то время как критик из «The Spectator» восклицал: «Они не похожи ни на что из прежде виденного в Англии; они уникальны своей красотой и варварством. Какие на них цвета, какая жестокость!»⁸⁰

Выбор Верещагиным Лондона в качестве места выставки весьма любопытен. В то время британцев особенно тревожили русские амбиции в Средней Азии, воспринимавшиеся ими как угроза для Индии. Художник изображал экспансию своей империи в духе знаменитого циркуляра, изданного министром иностранных дел князем Горчаковым 21 ноября 1864 г., в котором завоевание Ташкента оправдывалось как ход, совершенно нормальный для «всех цивилизованных государств, вступивших в соприкосновение с полудикими, кочевыми племенами»⁸¹. В предисловии к каталогу выставки Верещагин проводил еще более откровенную параллель с британскими колониальными завоеваниями: «Варварство среднеазиатского населения так явно, его экономическое и социальное положение так низко, что чем скорее проникнет в эту страну европейская цивилизация, с той или другой стороны, тем лучше»⁸².

К этим словам он прибавлял выражение надежды, что его картины «помогут развеять недоверие английской публики к ее естественным друзьям и соседям в Средней Азии»⁸³. Некоторые посетители выставки в Хрустальном дворце сочувственно отнеслись к этим словам. В отзыве «Таймс» заметно явное оправдание «войны с такими свирепыми варварами, как эти среднеазиатские монголы и смешанные персидско-татарские племена всех мастей, с которыми Россия уже столько лет ведет решительную и дорогостоящую борьбу»⁸⁴.

На следующий год Верещагин привез туркестанскую серию в Санкт-Петербург. Выставка, размещившаяся в Министерстве внутренних дел, собирала «несметные толпы народа»⁸⁵. Несмотря на слухи об официальном неодобрении — а может быть, благодаря им — она получила в целом благоприятные отзывы в прессе и восторженный отклик со стороны других художников. Писатель В. Гаршин вдохновился на написание стихотворения «На первой выставке картин Верещагина», Модест Мусоргский сочинил балладу по мотивам «Забытого», а Николай Крамской, стоявший во главе «Передвижников», писал: «Это — событие, это — завоевание России, гораздо

⁸⁰ Sketches of Central Asia // Pall Mall Gazette. 9 April 1873. P. 11; Khiva on Canvas // The Spectator. 12 April 1873. P. 470.

⁸¹ Цит. по: D. C. B. Lieven (ed.). British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. University Press of America, 1983–1989. Part I, Series A, 1, 287.

⁸² Лебедев. Василий Васильевич Верещагин... С. 119.

⁸³ Цит. по: Sketches of Central Asia. P. 11.

⁸⁴ Central Asia at the Crystal Palace // The Times. 7 April 1873. P. 12.

⁸⁵ Никитенко. Дневник. Т. 3. С. 126.

большее, чем завоевание Кауфмана»⁸⁶. Хотя картины Верещагина не заинтересовали царя, не пожелавшего их покупать, вскоре их приобрел для своего собрания московский промышленник Павел Третьяков.

V. Хождение в народ

Чем была Средняя Азия для Верещагина? Узнав, что Стасов пишет статью о его выставке для крупной петербургской газеты «Новое время», он поспешил отправить критику письмо, в котором излагал свои мысли по поводу туркестанской серии. Художник писал, что мог бы обратить все свое внимание на живописные восточные костюмы, но на самом деле имел намного более глубокие замыслы. Моей главной задачей, пояснял он, было «охарактеризование того варварства, которым до сих пор пропитан весь строй жизни и порядков Ср[едней] Азии»⁸⁷.

Серию из семи картин, отчасти основанных на эпизодах из тех малых войн, что вели войска Кауфмана, Верещагин назвал «поэмой» «Варвары». Они должны были стать «главами» в рассказе об успешном нападении сил бухарского эмира на отряд царской армии. Начинаясь с картины «Высматривают» (1873), где изображались узбекские и киргизские разведчики, наблюдающие за врагом, эта серия включала в себя нападение, последний бой русских солдат, демонстрацию их отрубленных голов эмиру в Ташкенте, празднество на рыночной площади («Торжествуют») и благодарственный молебен на могиле Тамерлана.

Последняя «глава» поэмы «Варвары» — «Апофеоз войны» (1871–1872) — является самой известной картиной Верещагина. На светло-бурой постапокалиптической пустынной равнине, уходящей к руинам древнего города и засохшим деревьям в стиле Дали, к голубому безоблачному небу поднимается колоссальная пирамида из белых человеческих черепов. Единственным признаком жизни служит стая черных воронов, тщетно пытающихся найти остатки плоти на голых костях. Первоначально художник намеревался назвать картину «Апофеоз Тамерлана», основываясь на рассказах о присущей этому монарху склонности воздвигать подобные памятники. Однако недавние сражения французов с пруссаками напомнили ему о том, что жестокость войны в той же мере свойственна его эпохе, как и XIV веку. Подчеркивая эту идею, он поместил на раму ирони-

⁸⁶ Цит. по: Булгаков. Верещагин... С. 12.

⁸⁷ Письмо Верещагина Стасову, середина марта 1874 г.: Переписка Верещагина и Стасова. Т. 1. С. 13.

ческий эпитафия: «Посвящается всем великим завоевателям прошедшим, настоящим и будущим»⁸⁸.

Подтекст картины очевиден. Если Восток погряз в варварстве, то и Запад порой бывает не менее нецивилизованным. Принципиальной разницы между Востоком и Западом нет, и война — самое яркое тому подтверждение. Свое письмо Стасову о туркестанской серии Верещагин завершает такими словами: «Необходимо обратить внимание на обращения обеих воюющих сторон к единому богу,.. натуральные и верные столько же для Азии, сколько и для просвещенной Европы»⁸⁹. Идет ли солдат в бой с кличем «Аллах Акбар!», «С нами Бог!» или «Gott mit uns!» — трагические последствия одни и те же. Поколению русских, гордившихся своим атеизмом, художник напоминал, что религиозное рвение ведет к фанатизму и насилию у любых народов, вне зависимости от их расы и веры.

Верещагин, непоколебимо веривший в прогресс и в совершенствование человека, был уверен в том, что Туркестан не обречен на вечное варварство. Восток может достичь того же уровня развития, что и Запад, если этому будут благоприятствовать обстоятельства. Требуется лишь отеческое руководство со стороны последнего. Европейцы, включая его собственных соотечественников, обязаны нести цивилизацию своим азиатским братьям, а эту задачу проще всего решить с помощью завоевания и установления своей власти. По словам Верещагина, «со всем должным уважением к закону и к справедливости вопрос [колонизации Туркестана] должен быть решен любой ценой и как можно скорее. Он касается не только будущего России в Азии, но в первую очередь — благосостояния тех, кто находится у нас в подданстве. Поистине, они больше приобретут от установления нашей твердой власти, чем от возвращения к своей прежней тирании»⁹⁰.

Представления художника о миссии России в Средней Азии являли собой колониальный эквивалент «хождения в народ» — массового переселения народников в русскую деревню летом 1873 и 1874 гг. с целью просвещения крестьянства. Между подобными настроениями левого толка и оправданием «малых войн» генерала Кауфмана не было никакого внутреннего противоречия. Германский социалист Фридрих Энгельс однажды объяснял своему другу Карлу Марксу: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁹¹.

⁸⁸ Булгаков. Верещагин... С. 139.

⁸⁹ Переписка Верещагина и Стасова. Т. 1. С. 15.

⁹⁰ *Vereshchagin. Asie*. P. 222.

⁹¹ Цит. по: Лебедев. Василий Васильевич Верещагин... С. 57.

В то время как отношение царя к туркестанской серии Верещагина оставалось неясным, некоторые картины этой серии всерьез заделали ряд высших чиновников империи. Многие батальные сцены представляли среднеазиатскую кампанию России в откровенно бесславном свете. Не слишком помогали делу и политические взгляды самого художника — некоторые считали его нигилистом. Однако, в противоположность своей репутации в последующие годы, Верещагин не был пацифистом-догматиком. Он никогда не оспаривал амбиций царизма в Туркестане. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он безоговорочно поддерживал ее цели, пусть его кисть яростно обличала те методы, которыми эти цели достигались. Более того, когда брат Верещагина, Александр, после ранения на Балканском фронте во время этой войны подумывал о том, чтобы выйти в отставку, художник призывал его остаться на военной службе и выполнить свой долг перед родиной и семьей⁹². А когда Япония в 1904 г. объявила войну России, он забрасывал царя Николая II письмами, в которых призывал его не поддаваться «желтолицым». Он даже предлагал свои услуги: «Если сабля моя не сильна, то хоть карандаш послужит Вам»⁹³. Верещагин выступал не против самой войны, а против ее эксцессов и против некомпетентности армейского командования.

Вместе с тем, будучи художником, твердо верящим в свой долг изображать реальность, Верещагин считал своей почетной обязанностью избегать прославления или сентиментализации войны с присущей ей жестокостью. По его мнению, традиционное изображение войны художниками — это откровенное жульничество. Он так отзывался об официозном художнике-баталисте Августе-Александр фон Коцебу: «Это был батальный живописец старой школы... В его картинах ясно, как на ладони, атаковали, штурмовали, обходили, брали в плен и умирали — по всем правилам военного искусства, как тому учат в академиях, и вполне согласно официальным релициям главнокомандующих, т. е. так, как хотели, чтобы было, но как в действительности никогда не бывает»⁹⁴.

Заключение

Неспособный покоиться на лаврах, Верещагин покинул Санкт-Петербург еще до закрытия своей выставки в Министерстве внутренних дел. На этот раз он отплыл с женой в Индию, после чего провел два года в путешествиях

⁹² Письмо Верещагина Стасову, 4 октября 1877: Переписка Верещагина и Стасова. Т. 1. С. 192.

⁹³ Письмо Верещагина Николаю II, 18 февраля 1904 // Красный архив. Т. 2. 1931. С. 169.

⁹⁴ *Верещагин. Листки...* С. 146.

по этой огромной колонии. Хотя порой он сталкивался с противодействием англичан, подозревавших в бывшем морском офицере царского шпиона, холсты Верещагина, созданные по итогам поездки, отличались полной аполитичностью, изображая в ярких, сочных красках экзотическую архитектуру, людей и пейзажи субконтинента.

Верещагин так и не завершил все запланированные работы, поскольку его внимание скоро привлекла растущая напряженность между православными народами Балкан и их османскими повелителями. К тому моменту, когда в апреле 1877 г. разразилась война между Россией и Турцией, он сумел устроиться при штабе одного из главных царских генералов, чтобы увидеть войну собственными глазами. Картины, написанные после года пребывания на фронте, в еще большей степени, чем его туркестанские батальные сцены, показывали тяжелую кампанию в самом неприглядном свете. Несмотря на то, что Верещагин снова полностью поддерживал цели войны, поставленные в Петербурге, его кисть запечатлела огромные потери, понесенные войсками, и бессердечность командиров.

В течение следующих тридцати лет художник провел много времени в Палестине, на Филиппинах, в Северной Америке и Японии, отображая эти страны на своих полотнах. Во время его второго путешествия в северо-восточную Азию, когда островная Японская империя выступила против России, Верещагин 31 марта 1904 г. погиб на борту флагманского русского броненосца, подорвавшегося на mine в море у Порт-Артура.

За время своей плодотворной карьеры Верещагин демонстрировал работы на тридцати выставках в Европе и Северной Америке. Тщательно продуманный антураж, включавший азиатские костюмы, редкости и произведения искусства, нередкое использование музыкального сопровождения, а также невысокая входная плата, на чем всегда настаивал Верещагин, неизменно привлекали на его выставки массы восторженных зрителей. К выставкам всегда издавались каталоги с обширными комментариями, разъясняющими те или иные аспекты идей, заложенных в его картинах. По словам искусствоведов, это был особый жанр, в котором комментарии, вместо того чтобы объяснять работы, представляли собой словесные вариации на ту или иную художественную «тему»⁹⁵.

Верещагин отличался большой трудоспособностью. Он издал дюжину книг и около 80 статей, многие из которых были переведены на французский, немецкий и английский⁹⁶ языки. Они охватывают самые разные темы — от путевых заметок и мемуаров до размышлений художника об искусстве, истории и текущих событиях. Его перу принадлежит даже повесть

⁹⁵ *Верещагин. Повести...* С. 18.

⁹⁶ Самую полную библиографию см.: *Лебедев. Василий Васильевич Верещагин...* С. 350–353.

«Литератор». Эта полуавтобиографическая история о соперничестве прогрессивного журналиста и штабного офицера-аристократа за сердце молодой женщины, происходящая на фоне русско-турецкой войны, своим искренним тоном слегка напоминает «Что делать?» Чернышевского⁹⁷.

Ни кисть Верещагина, ни его перо не чуждались выражения решительных убеждений. В том, что касается Средней Азии, они включали в себя твердую веру в «цивилизационную миссию» России и в долг всех цивилизованных наций нести блага просвещенного образа жизни своим менее развитым братьям. В этом отношении туркестанская кампания генерала фон Кауфмана совпала с прогрессивными политическими чаяниями художника. В то же время его преданность кредо Чернышевского — критическому реализму — требовала от него со всей откровенностью показывать ту жестокую цену, которую платили за военные победы русские солдаты. Будучи учеником одного из самых выдающихся парижских мастеров, Верещагин не мог не воспринять шаблоны ориентального искусства о восточной жестокости, фанатизме и порочности. Тем не менее, как видно из его произведений, ему не было присуще представление о принципиальном различии между Западом и Востоком. В следующих известных словах Верещагин повторяет свое твердое убеждение в том, что Европа и Азия в реальности не так уж сильно отличаются друг от друга: «Мы нередко слышим заявления о том, что наше столетие весьма цивилизованно, и что трудно себе представить, как человечество может развиваться еще дальше. Не верно ли на самом деле противоположное? Не лучше ли признать, что человечество лишь делает первые неуверенные шаги в тех или иных направлениях, и что мы по-прежнему живем в век варварства?»⁹⁸

Перевод с английского Николая Эдельмана

⁹⁷ *Верещагин В. В. Литератор (повесть). М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев, 1894.*

⁹⁸ *Верещагин. Листки... С. 82.*

А. Л. Шемякин

М. Г. ЧЕРНЯЕВ И СЕРБИЯ

Генерал Михаил Григорьевич Черняев как реальный исторический деятель и, еще более, как персонаж славянской мифологии занимает столь заметное место в истории России и Сербии, что его фигура продолжает неизменно привлекать внимание ученых, исследующих ту приснопамятную эпоху общих устремлений и совместной борьбы русского и сербского народов. Этой личности была посвящена и наша статья «Генерал М. Г. Черняев и Сербская война», опубликованная в 2006 году во 2-м томе «Русского сборника»¹. В том исследовании мы постарались показать, опираясь на богатый материал первоисточников, что из-за своих личных качеств Черняев в ипостасях военачальника, политика и администратора стал олицетворением многих самых неприглядных психологических и поведенческих черт русского добровольческого движения в Сербии периода Восточного кризиса 1870-х гг., и потому именно на этом человеке лежит немалая доля персональной ответственности за разгром Сербии в войне против Турции 1876 года.

Со времени выхода той нашей статьи увидели свет новые исследования, так или иначе затрагивающие фигуру Черняева. Автор одной из них, историк С. А. Кочуков, пишет, что «дать оценку деятельности и позиции генерала по балканскому вопросу достаточно сложно»², хотя, на наш взгляд, уже введенные в научный оборот источники позволяют сделать это со всей ясностью. В другой статье ученый-филолог О. В. Червинская предприняла

¹ *Шемякин А. Л.* Генерал М. Г. Черняев и Сербская война // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. II. М., 2006. С. 199–217.

² *Кочуков С. А.* К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х годов XIX века // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов, 2008. С. 82.

попытку на материале «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, через призму восприятия его автора, рассмотреть М. Г. Черняева как историческую личность, однако, из-за незнакомства Червинской с собственно *историческими* источниками и исследованиями о Черняеве, эта ее попытка вылилась в написание панегирика, воспроизводящего набор мифов, которые бытовали в русском обществе 70-х годов XIX века, в период массового всплеска панславянских эмоций и иллюзий³. К примеру, слова Достоевского о «строгом, твердом, неуклонном характере» Черняева исследовательница считает «наиболее отточенной характеристикой генерала»,⁴ тогда как подлинные факты говорят о противоположном.

Меж тем за прошедшее время, занимаясь иными темами, мы волей случая буквально натыкались на новые материалы, непосредственно относящиеся к Черняеву и подкрепляющие наши прежние выводы, в том числе и по поводу тех черт характера, которые приписывал этому человеку Достоевский. Вдобавок целый ряд источников представляет отставного генерала в совершенно непривычном виде — в роли «коммерсанта», причем именно в Сербии. Увы, — не будем длить интригу, — им он оказался столь же неудачливым, как и полководцем (не путать с *солдатом*), политиком и администратором, о чем уже немало говорилось в статье о Сербской войне. Итак, новые архивные находки, как и спорные суждения цитированных выше авторов, побуждают нас вновь обратиться к личности М. Г. Черняева. Но сначала, «стыкуя» старый и новый наши тексты о Черняеве, напомним заключение более раннего⁵.

Очевидно, что как военный руководитель Черняев показал себя человеком с явным несоответствием способностей и амбиций. Весьма посредственные дарования уживались с крайне гипертрофированным самомнением. Воинский начальник третьего эшелона (в 1886 г. он был уволен в отставку в чине генерал-лейтенанта), никогда не командовавший дивизией, мнил себя самостоятельной фигурой стратегического масштаба. Поэтому и пост *главнокомандующего* — пусть даже сербской крестьянской милицией — так грел ему душу... В результате случилось то, что и должно было случиться, несмотря на все позднейшие самооправдания.

Как борец за «славянское дело», М. Г. Черняев особо нагляден в сравнении с другим знаменитым представителем русского добровольческого движения — полковником Н. Н. Раевским, самоотверженным идеалистом,

³ Червинская О. Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М. Г. Черняева в рецепции Ф. М. Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя») // Исторична панорама. Збірник наукових статей. Вип. 10. Чернівці, 2010. С. 41–66.

⁴ Там же. С. 54–55.

⁵ Шемякин А. Л. Генерал М. Г. Черняев и Сербская война... С. 213–214.

отдавшим жизнь за свободу Сербии⁶. И даже самое приблизительное их сопоставление показывает, что перед нами — две отличные позиции, причем практически во всем: в восприятии ими славянской идеи, в мотивах пребывания в Сербии, в трактовке самого понятия «доброволец». Что, думается, позволяет более точно определить место каждого из них в иерархии добровольческого движения — не по звездам на погонах, разумеется.

Группировать добровольцев по различным категориям, в зависимости от взглядов, мотивов и личных качеств, начали еще сами участники Сербской войны. Так, офицер и публицист Н. В. Максимов подразделил их на пять групп. В первой находились идеалисты, «строго-сознательно явившиеся в Сербию, в силу святого увлечения идеей борьбы за свободу и независимость родственного народа». Во второй — «люди честные, но разбитые жизнью, измученные, много страдавшие, явившиеся в Сербию с открытым, бесстрашным взглядом в глаза смерти». Третья, и самая многочисленная, оказалась на Балканах «под влиянием возбужденных чувств». Четвертая «состояла из искателей приключений, из жаждущих славы, высшего положения, увлекавшихся повышениями, наградами в виду удобного случая». Ну, а пятая — «из всякого праздншатающегося в России люда».

К категории «идеалистов» следует отнести Раевского — одного из тех, кто сохранил в Сербии честь русского имени. Черняев же, на наш взгляд, заслуживает место в группе «жаждущих славы», вполне подтверждая вердикт Максимова: «Эти люди встали во главе третьей категории и... испортили дело».

В данных выводах — квинтэссенция предыдущей статьи. Желающих проверить их (не) состоятельность отсылаем к ее тексту...

Ну, а теперь — обещанные новые источники, которые органично корреспондируют с данными выше оценками, во-первых, и ярко иллюстрируют миф о «мощном» характере генерала, во-вторых. Причем, что важно, они относятся к обстановке *после* Джунисского погрома, когда сей «характер» проявился особо наглядно, — генерал не умел проигрывать достойно.

Для начала дадим слово П. А. Висковатову — эмиссару И. С. Аксакова в Сербии по вопросам организации и обеспечения русских добровольцев. 4 ноября 1876 г. он писал из Белграда своему шефу:

«Уговорить М. Г. написать письмо стоило невероятных усилий. Он то решался, то нет. Кажется, теперь сделает это и напишет с Карцевым⁷. М. Г.

⁶ Раевский Николай Николаевич (1839–1876) — полковник, внук генерала от кавалерии Н. Н. Раевского (бородинского героя). В 1876 г. — доброволец в Сербии. Погиб 20 августа в бою у селения Горни Адровац. Подробнее об участии Раевского в Сербской войне и его взаимоотношениях с Черняевым см.: Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского (2-е изд.). СПб., 2006.

⁷ Карцов Андрей Николаевич (1835–1907) — русский дипломат. В 1875–1877 гг. — консул России в Белграде. В тексте письма очевидна ошибка в написании его фамилии.

вообще выказывает удивительную слабость. Сегодня он говорит и делает одно, завтра — противоположное. Неровны и отношения его к людям. Так, он Хорватовича⁸ поднимал до небес, теперь костит его. С Карцевым то враждует, то постоянно к нему бегают. Есть ли это следствие нервного состояния, или свойство характера, не знаю — сколько мне знаком М. Г. по прежним годам, я думаю, что в отношениях с людьми он никогда не отличался большим характером. В данную минуту он спокойнее. Просит только сплавлять скорее добровольцев, которые, как всем, так и ему, надоели [...]. М. Г. по слабости своей сам распустил людей».

Это — к вопросу о «характере» Михаила Григорьевича.

А далее — уже о «политических соображениях сербского правительства», которые, по Достоевскому, «могут сильно помешать ему довести свое дело до конца»: «Положение страны отчаянное. Порядка решительно никакого нет. Тут две администрации — сербская и русская. Я должен сознаться, что сам Черняев виноват в безурядице. Он решительно ничего знать не хотел о здешних порядках; вел дело по-своему и все перепутал. Милан⁹ правду говорит, замечая, что русские отлично дрались и показали свое превосходство над сербскими войсками, но, что касается административного порядка, то он ими совершенно погублен. Да, я уверяю Вас, что М. Г. распустил сербскую администрацию (хороша ли, худа ли она была), а русскую не создал. И я, и Дандевиль¹⁰, мы пришли к результату, что все толковее и скорее все-таки сделаешь лишь при действии вместе с сербскими учреждениями, а не парализуя их деятельность [...] О том, чтобы сделать переворот в стране (sic! — А. III), Ч., кажется, перестал мечтать».

И, наконец, как печальный эпилог, — картина полного хаоса, охватившего Белград: «Все возвращающееся (с фронта в столицу. — А. III.) бушует. Кричат, что Славянский комитет всех надул, обещая много, а теперь приходится сидеть без денег и платья. Большинство во все время пребывания здесь ничего не получало. Штаб Черняева не только не выдавал денег, которые назначал Черняев, но и посланные из России деньги не доходили. Действительно, штаб Черняева — это верх безобразия. Теперь, получив все по три креста, они оставляют Черняева, и помощи он видит немного. Народ этот, весьма им избалованный, получает по 20 и более дукатов в месяц, живет при генерале на всем готовом, в то время как боевые офицеры редко получают даже и ас-

⁸ Хорватович Джура (1835–1895) — сербский военачальник, генерал. Родился в Славонии. В сербской армии с 1862 г. В 1886–1887 гг. — военный министр. Во время войны 1876 г. — командир корпуса.

⁹ Обренович Милан (1854–1901) — князь (1868–1882), затем король (1882–1889) Сербии.

¹⁰ Дандевиль Владимир Дезидериевич (1826–1907) — русский генерал и военный писатель. В 1876 г. — представитель Петербургского отдела Славянского комитета в Белграде по делам русских добровольцев.

сигнованные им 7 дукатов. Особенно теперь, с зимою и после джунисских дней, когда вещи и платья каждого утрачены, положение офицеров страшное. М. Г. требует частого его посещения, т. к. он устал и не видит более, что делать и как держаться [...]. Рассчитываю я так, что здесь осталось теперь тысяч до двух с небольшим (русских. — А. Ш.). Списков не ведено. Дандевиль просит прибавить, что сведения эти возможны при хорошо организованном штабе — здесь никакого нет. При отступлении же и даже бегстве, на этот раз, невозможно знать, кто где лежит, кто убит, кто ранен»¹¹.

Комментировать такую картину непросто. Тем не менее, Висковатов несколько не сгустил красок, что подтверждает и другой очевидец. Его сообщение из сербской столицы придает законченный вид дефиниции из предыдущего письма («штаб Черняева — это верх безобразия»), а также проливает свет на денежные вопросы, в которых, как оказалось, был «замешан» и сам генерал.

Перед нами — отрывки корреспонденции из Белграда на имя редактора «Одесского вестника» П. А. Зеленого, которая, судя по всему, так и не была опубликована: «Ноябрь 1876 г. Белград переполнен войсками [...]. При подобном наплыве военных не обходится без скандалов [...]. Всему причиной, конечно, праздность и безнаказанность,¹² чтобы не наделал русский, все ему с рук сходит, даже преступление остается без взыскания, что же удивляться, ежели безобразничают, да, наконец, пример всякой гадости исходит от штаба генерала Черняева. Состав этой орды до такой степени пакостный и бездарный, что становится легендарным в сербском народе, который их не иначе величает, как “русскими башибузуками”. Вот один весьма характеристичный факт: после падения Джунисских высот Главный штаб бежал вслед за прочими в Парачин. Генерал Черняев приезжает прямо

¹¹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 14. Д. 97. Л. 1–5.

¹² А чем же заключалась главная причина такой «праздности и безнаказанности»? В донесении члена Петербургского отдела Славянского комитета П. С. Толстого И. С. Аксакову от 1 февраля 1877 г. читаем: «До Дюнишского (т. е. Джунисского. — А. Ш.) погрома порядок в городе, насколько он касался добровольцев, поддерживался русскими властями; генерал Дандевиль в качестве коменданта имел постоянно подробный отчет о прибывающих и уезжающих русских, о месте их жительства и поведении [...]. Когда же после Дюнишского поражения в Белграде появился генерал Черняев, то главным распорядителем делами коменданта сделался он, а так как генерал был окончательно нравственно расстроен вследствие понесенной неудачи, то распоряжения его были не соответственны положению дел и мало последовательны. В то же время добровольцы были недовольны генералом потому, что он все в том же состоянии потерявшего самообладание человека бросил их после неудачного дела на произвол судьбы и, прибыв в Белград, не позаботился о доставке и приеме их, так что по прибытии туда они не находили ни пристанища, ни пищи. Вследствие всего этого, добровольцы почувствовали, что над ними не только нет твердой власти, но и той слабой, которая была; по неудовольствию на нее, у них явилось горячее желание не повиноваться» (цит. по: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 1. М., 1961. С. 583–584).

во дворец князя Милана, его встречает смотритель, главнокомандующий говорит ему: я останавлиюсь здесь во дворце, смотритель на это отвечает: очень хорошо, Ваше Высокопревосходительство, только я осмеливаюсь просить расположить офицеров вашего штаба вне дворца, так как *тут еще есть вещи, принадлежащие Его Светлости* (выделено в оригинале. — А. Ш.). Этот ответ смотрителя достаточно характеризует мнение, которое имеют о штабе генерала Черняева [...].

Для полной характеристики Главного штаба генерала Черняева, состоящего из более чем восьмидесяти человек, привожу здесь точную копию полученного рапорта в Белградском военном министерстве: “Довожу до сведения военного министерства о сообщенном мне на станции “Граница” происшествии. От гг. жандармских офицеров Конради и Крыжановского, равно и от кассира германской железной дороги г. Гофмана, при многих свидетелях, говоривших это, узнал я следующее. Некто, называвший себя адъютантом генерала Черняева, г. Лаврентьев возбудил подозрение безумными тратами в поездной прислуге, о чем и было сообщено выше поясненным личностям. На вопрос: “Что это за суммы?” Лаврентьев объяснил: “Пять тысяч дукатов везет он г-же Черняевой от мужа, а три тысячи дукатов получил в свое распоряжение”. Зная грустное положение многих русских служащих в Моравско-Тимокской армии, зная печальную известность г. Лаврентьева, спешу сообщить Вам эти сведения для соображений. По приезде в Петербург не премину довести, какими бы путями то ни было, до сведения Военного министра генерала Милютина. 7 сентября 1876 г. Варшава. Капитан Горбаневский¹³.”

Обсуждать здесь, думается, нечего; присовокупим единственно, что копия, приведенная в корреспонденции, действительно точна (с малыми лексическими, но отнюдь не смысловыми, нюансами): оригинальный текст рапорта капитана Горбаневского хранится в фонде Йована Ристича, занимавшего в 1876 г. пост министра иностранных дел Сербии¹⁴. Вот как бывает — полевые офицеры не получали и 7 законных дукатов в месяц, а главнокомандующий отправляет супруге пять тысяч монет (!?) «Черняев поправил в Сербии свои денежные дела», — писали мы в предыдущем тексте.

Продолжал заниматься он этим и в дальнейшем. Приведем тому один пример, столь прозрачный, что он позволяет не увивать неприглядные факты в политкорректный флер, но называть вещи своими именами или же не называть вообще — все и так ясно.

¹³ Государственный архив Одесской области. Ф. 162. Оп. 1. Д. 1. Л. 119–120 об.

¹⁴ Архив Српске академије наука и уметности (далее — АСАНУ). Фонд Ј. Ристића. Инв. бр. 18/212. Сигн. XVIII / 2.

14 июня 1880 г. профессор П. А. Кулаковский, занимавший кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе, оставил в дневнике запись о встрече с М. Г. Черняевым, прибывшим в сербскую столицу как представитель компании Л. С. Полякова: сербы, собираясь (во исполнение требований Берлинского конгресса) строить железную дорогу, выбрали подрядчика. И, кроме прочего, зафиксировал следующее: «Сам Черняев очень откровенно рассказывает, что он Полякову показал долговое обязательство князя Милана в 160 тыс. франков, которые тот занял из денег, присланных Черняеву *Славянским комитетом* (здесь и далее выделено нами. — А. Ш.), и на которые он рассчитывает, как на *свое* материальное вознаграждение за те *потери*, которые он понес, принявши участие в Сербской войне»¹⁵.

Однако монарх, проводивший лето на австрийских курортах, не спешил вернуться на родину. «Князь все не едет, а, приехав, едва ли найдет то, что нужно от него Черняеву», — без особого энтузиазма сообщал Кулаковский И. С. Аксакову 9 августа¹⁶. Но нет, все же нашел! И, как результат, новая запись в дневнике от 4 октября: «Долг князя Милана в 160 тыс. франков Черняев взял уже, по словам Персиани»¹⁷...

* * *

А теперь пришла пора «револющений»: М. Г. Черняев — «коммерсант» в Сербии. Главные наши источники — дневник и переписка профессора П. А. Кулаковского.

Итак, как уже упоминалось, после Берлинского конгресса встал вопрос о постройке сербской железной дороги. В качестве возможных подрядчиков из России конкурировали две компании: Баранова и Мамонтова, получившие рекомендации правительства. Черняев же прибыл в Белград в начале 1879 г. как представитель третьей — Полякова, причем без всяких рекомендаций, надеясь, судя по всему, на свое имя. «Экспансивный и болезненно самолюбивый Черняев ожидал, что его в Сербии встретят с распростертыми объятиями и не сомневался, что он немедленно по-

¹⁵ Рукописное отделение Института русской литературы РАН (Пушкинского дома. Далее — РО ИРЛИ). Ф. 572. Д. 1. Л. 9 об.

¹⁶ Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. // Голос Минувшего. 1915. № 9 (сентябрь). С. 244.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 11 об. Персиани Александр Иванович (1841–1896) — русский дипломат. В 1877–1895 гг. — дипломатический представитель России в Сербии (последовательно — дипломатический агент и генеральный консул; министр-резидент; чрезвычайный и полномочный посланник).

лучит все, чего добивался», — подчеркивал создатель кафедры истории славян Истфака МГУ В. И. Пичета. Но... «действительность разбила все его иллюзии»¹⁸.

Оценивая сам факт трансформации генерала в «коммерсанта», Кулаковский писал в дневнике: «Черняев — из того типа «идеально-бродяжнического» людей, если так можно выразиться, которые к России присоединяли целые области. Удивительно, как в нем уживаются рядом величайшие идеальные порывы с какой-то материальной, невероятной для него, чертой. Для меня, во всяком случае, объяснима его железнодорожная компания с Поляковым только тем, что всякий человек имеет не только право, но и обязанность позаботиться о материальном обеспечении себя и своего семейства. Средство, выбранное им, никак не бесчестное. Но с другой стороны, я, во всяком случае, не могу назвать его по душе прекрасным средством, потому что оно заключается в торговле своей репутацией и славой»¹⁹. Точнее, думается, не скажешь. И еще: «Было бы, признаюсь, больно, если бы Черняев из чистого деятеля идеи обратился в практика, строящего в Сербии железные дороги». И наконец: «Как-то трудно себе представить Черняева, стоявшего во главе войны славянской, строителем-железнодорожником»²⁰... Но встает вопрос — а мог ли он вообще «строить железные дороги» (как ранее — администрировать, заниматься политикой, водить войсковые соединения)?

О коммерческих «способностях» генерала русский ученый сообщал И. С. Аксакову: «Надежд на то, чтобы Черняев что-нибудь здесь получил, никаких. Сам Черняев в начале положительно не знал, чего хотел: он и условий не представлял для постройки железной дороги, а с другой стороны, ничего не будет и по политическим причинам»²¹. И далее: «Черняев здесь [...] был принят очень сухо. С одной стороны, сербское правительство хотело бы подслужиться к Австрии, которую очень боится, — и поэтому не хотело хорошим приемом Черняева напугать Швабию, с другой, сам Черняев кругом виноват. Он привез предложение какой-то железнодорожной компании, и когда Ристич ему сказал, что он воспользуется только компанией, рекомендованной правительством нашим, а таких две, то Черняев стал утверждать, что сербы не должны полагаться на наше правительство, потому что оно находится в самом шатком положении и т. д. Это было так неуместно, что Ристич тот-

¹⁸ Пичета В. И. Предисловие // Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг С. 233, 235.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 9 об. (запись от 14 июня 1880 г.).

²⁰ Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг С. 241–242.

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 19 (П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову, Белград, 4 февраля 1881 г.).

час стал заступаться за наше правительство перед русским генералом»²². «Он бестактен в речах и поступках», — подводится итог²³.

10 декабря 1880 г. следует новая запись в дневнике Кулаковского: «Черняев еще в Белграде. Несчастный человек! Он делает глупости за глупостями»²⁴. Примеры таких «глупостей» находим здесь же. Одним из агентов Черняева в Сербии был небезызвестный Н. В. Зюсман — экс-доброволец войны 1876 г. (ни разу, правда, не участвовавший в боях и оставшийся в Сербии корреспондентом русских газет), редкий аферист и пройдоха²⁵. Так вот, он «объявил, что подкупил скупщинов провалить на скупщине предложение одного бельгийского банка (союзника конкурирующей фирмы Баранова. — А. III.) и что обещал им дать 50 червонцев [...]. Черняев, приехав сюда в мае, дал ему эти 50 червонцев»²⁶. Теперь Черняев признается, что он давал ему 100 руб. в месяц в течение года. Мало того, Черняев мне говорил, что он подсылал его подкупить «Заставу»²⁷. Он посылал его для каких-то интриг в Австрию и внутренность Сербии»²⁸.

В январе — очередное письмо Аксакову: «Черняев все еще тут. Право, это больной человек. Из его дела едва ли что-нибудь может выйти: и уважаю его, а готов и ругаться иногда с ним. Его обижают, надувают, ему льстят в глаза, лгут на него за его спиной, он всякому слуху, всякой лжи верит. Просто больно за него. Сделался он подозрительным и болезненно раздражительным»²⁹.

Месяц спустя Кулаковский уже не информирует Аксакова, но прямо-таки взывает к нему: «Пишу к Вам по совершенно особенному делу — именно

²² ОР РНБ. Ф. 14. Д. 189. Л. 12 об. (П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову, Белград, 14 февраля 1879 г.).

²³ Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. С. 243.

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 14 об.

²⁵ Подробнее о Зюсмани и его «приключениях» в Сербии см.: *Шемякин А. Л.* Никола Пашич в Болгарии // *Studia Balkanica*. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010. С. 104–107.

²⁶ В январе 1881 г. пришедшее на смену либералам Й. Ристича правительство напредняков во главе с Миланом Пирочанцем изгнало Зюсмана из Сербии. И, как видим, за дело. При этом Черняев в письме И. С. Аксакову, ничтоже сумняшеся, отрицал очевидные факты собственной и Зюсмана незаконной деятельности, представляя того невинной жертвой: «Подателя этого письма, Зюсмана, выслали отсюда без всякой вины из одного опасения, чтобы он не мучил скупщины» (См.: Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. // *Голос Минувшего*. 1915. № 9 (сентябрь). С. 240). Еще одно указание на то, что русские «мутили», находим у сербов. В 1897 г. Пайя Михайлович записал в дневнике: «Алимпие Васильевич говорил мне, что, при обсуждении вопроса о железной дороге, одним из конкурентов Бонту был генерал Черняев» и что радикалам (ярим противникам соглашения с Бонту) «Черняев дал 20 тысяч рублей. Он уверял меня, что об этом, в крайне доверительной форме, ему рассказывал сам генерал» (*Михайлович П.* Дневники. Београд, 2010. С. 191–192).

²⁷ «Застава» («Знамя») — орган Сербской либеральной партии (в Воеводине). Выходила в Новом Саде на сербском языке.

²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 16 (запись от 16 января 1881 г.).

²⁹ Там же. Д. 44. Л. 13 об. (П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову, Белград, 8 января 1881 г.).

о М. Г. Черняеве. Я начинаю бояться за него, да и он сам начинает бояться за себя. Сегодня он приезжал к нам, я был на лекциях, он долго разговаривал с женой. Она вынесла впечатление, что он ставит вопрос о своей удаче или неудаче здесь равносильным вопросу о жизни и смерти. Что это впечатление верно, доказывается тем, что я слышал от него сегодня, когда встретил на дороге, возвращаясь из Великой школы домой. Он мне сказал, что ему писала жена письмо, в котором его чуть ли не упрекает, что выбора ему не остается, [...] что благоприятное или неблагоприятное решение дела почти решит, жить ли ему или умереть, что он истратил массу денег³⁰, что в России его ждут долги и голод и т. д. Он, очевидно, сознает сам, что ему нужно ехать, но по природе людей усталых и неудачников, он ни на что не решается и все ждет случая. А между тем, он здесь ни с кем не ужился: когда был Ристич на власти, он был с ним на ножах и хвалил тогдашнюю оппозицию, теперь всюду видит обиду себе со стороны теперешних властей [...].

С Персиани он не в ладах, хотя Персиани, по крайней мере с виду, отдает ему все почтение. Но не стану того передавать, что Персиани говорит о Черняеве³¹, и Черняев о Персиани: это все печально очень, хотя — если хотите — оба правы. Персиани, впрочем, имеет больше правды на своей стороне: оно и понятно, Персиани — здоров, Черняев — положительно болен³².

А еще через 10 дней — откровенная просьба вернуть того в Москву: «С Черняевым нахожусь я в отличных отношениях. Я уважаю искренно и даже люблю этого человека, и поэтому я было хотел писать Вам, чтобы Вы своими письмами к нему вызвали его отсюда [...]. Он иногда доходит до такого нервного раздражения, что сам боится за свою голову, а искренность его такова, что он сам говорит, что удача или неудача в железнодорожном вопросе может ему представить необходимость выбрать “жизнь или смерть” [...] Вы бы сделали доброе дело, если бы иногда писали Черняеву в успокоительном тоне насчет отъезда и существования в России [...].

³⁰ Вопрос — на что? «Как только он приехал, — информировал Кулаковский Аксакова, — его окружила всякая шваль, выманивала у него деньги, он просто кидал червонцы в разные стороны. Всем, кто бы у него не просил, он давал, и иногда подачки доходили до 25 червонцев одному лицу». (Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. С. 243). Присовокупить к тому содержание Зюсмана и прочих «прихлебателей, которых у него так много» (РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 15 об.), оплату их и своих собственных афер, и все станет ясно... Но ведь были ж у него 160 тысяч франков «гонорара» за Сербскую войну!

³¹ В дневнике Кулаковский не скрывал этого: «Я теперь все более и более прихожу к заключению, что Черняев действительно сходит с ума, как выражается о нем Персиани» (РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 17 (запись от 26 января 1881 г.).

³² Там же. Л. 18 (П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову, Белград, 4 февраля 1881 г.).

Черняев живет впечатлениями, и как первоначально был рад падению Ристича и приветствовал новый кабинет, так после стал утверждать, что он австрийский. Признаюсь Вам и только Вам прямо: пока был Ристич у власти, он еле достаивал М. Гр-ча своего разговора, теперь ухаживает; теперешнее правительство, как оппозиция, кланялось в пояс Черняеву, теперь от него бегают. С ним сербы — подлецы и играют как с ребенком: он это начинает понимать. Я его предупреждал, сколько мог, но Вы знаете его раздражительный характер»³³. И еще, чуть позже (в марте): «Хотя я очень уважаю М. Г. Черняева, но прошу Вас не всегда верить ему: это большой человек с раздраженными нервами и раздраженной мыслью. В Белграде он часто видел совсем навыворот вещи и нередко принимал за правду самую нелепую ложь, самый дикий вымысел»³⁴.

И, как итог, из дневника: «Редко встречаются подобные ему люди по легкомыслию и безрасчетной, до глупости доходящей, доверчивости. В сущности, Черняев уже отпетый поконченный человек, — и правы те, которые его называют авантюристом. Я бы прибавил слово *несчастный* — как эпитет к этому имени (выделено в оригинале. — А. Ш.)»³⁵.

В конце концов, генерал не получил в Сербии ничего и был вынужден собираться в Россию «не солоно хлебавши»³⁶. Единственным позитивным результатом его пребывания в этой стране стало сооружениеobeliska павшим русским добровольцам в окрестностях Алексинаца, на высоте Руевица. 10 августа 1880 г. Кулаковский писал В. И. Ламанскому: «В Сербии теперь М. Г. Черняев, приехавший в качестве представителя железнодорожной компании Полякова. Теперь он в Алексинце по делу задуманного им памятника в память убитых и умерших здесь добровольцев 1876 г. Об этом плане сообщено И. С. Аксакову, и он старается найти отзыв среди москвичей и русских богатых людей»³⁷. Аксаков объявил подписку на памятник³⁸, давшую необходимые средства. По свидетельству Кулаковского, он «стоил около 40 000 франков, из которых 10–15 тыс. украдено»³⁹.

Свое фиаско (т. е. передачу дороги не ему — Черняеву, — а «какому-то» Э. Бонту) наш герой воспринял крайне болезненно. Он, как мы наблюда-

³³ Там же. Л. 1–2 об (П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову, Белград, 14 февраля 1881 г.).

³⁴ Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. С. 248.

³⁵ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 15 об. (запись от 15 января 1881 г.).

³⁶ Подряд на строительство железной дороги Белград — Ниш получила французская компания «Юнион Женераль» (во главе с Эженом Бонту), тесно связанная с венским «Ландербанком».

³⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 802. Л. 8.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 437. Л. 1.

³⁹ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 1 об (П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову, Белград, 14 февраля 1881 г.).

ли, не умел проигрывать, всегда ища причины собственных неудач где угодно, но только не в себе самом⁴⁰. Вот и теперь (в письмах Аксакову) он гневно обрушился на сербскую интеллигенцию — «виновницу» всех его бед. «Недоразвитая, полуграмотная, без религии, без всякого нравственного воспитания, без малейшего чувства долга», да к тому пребывающая во «враждебном настроении к России и всему русскому» — нещадно костит ее генерал⁴¹.

В поисках причин подобного состояния, он никак не мог не пуститься в «больные воспоминания» (по выражению Кулаковского)⁴², с тем чтобы Бог знает в который раз, и, наверное, уже инстинктивно, оправдаться за *тот* провал: «Нельзя приписать эту вражду исключительно тому, что мы присудили Пирот с округом болгарам, а не сербам, — это только подлило масла в огонь. Эта вражда существовала задолго до С.-Стефанского договора и обнаружилась весьма резко в 1876 г.». И далее: «Мне кажется, что причина вражды заключается во внутреннем сознании сербской интеллигенции своей несостоятельности, которая должна обнаружиться при соприкосновении с народом более образованным». Поэтому-то «сербская интеллигенция и возненавидела добровольцев. Она увидела их превосходство и считала себя приниженной. Она сознавала, что почва уходит из-под ее ног, и нравственное значение русских день ото дня усиливается [...]. Из 360 офицеров, участвовавших в войне 1876 г., сколько припомню, 2 убито и 8 ранено. Наши добровольцы, начавшие прибывать в середине войны, легли наполовину»⁴³.

Оставляя без комментариев эти высокопарные тирады генерала (без нас говорящие сами за себя), отнесем последние цифры к его совес-

⁴⁰ Как собственных поражений, Михаил Григорьевич не мог терпеть ни малейшей критики — вплоть до поистине дуэльного возбуждения. Сохранилось его письмо редактору газеты «Голос» А. А. Краевскому от 25 марта 1878 г.: «В газете Вашей, при обсуждении моей публичной деятельности, неоднократно встречались выходки противу моей личности. Всему есть предел, и потому предупреждаю, что при первой малейшей в Вашей газете выходке против меня Вы будете иметь дело лично со мною. Прибавлю к этому, что отсутствие мое из Петербурга, как бы оно продолжительно не было, не избавит Вас от заслуженного возмездия» (ОР РНБ. Ф. 73. Д. 1226). В сущности, это чем-то напоминает пафос О. В. Червинской, настоятельно призывающей сказать «особое слово» о Черняеве. Кстати, она не первая, кто прямо приглашает историков возвести генерала на пьедестал. Более полувека назад, в октябре 1951 г., дочь Михаила Григорьевича, Надежда Михайловна, обратилась с похожей просьбой к академику А. М. Панкратовой: «Надеюсь, что, как автор пользующихся успехом переиздаваемых Вами учебников, Вы найдете возможным более справедливо, чем это было до сих пор, оценить деятельность моего отца М. Г. Черняева» (Там же. Ф. 1009. Д. 10. Л. 5).

⁴¹ Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. С. 239.

⁴² Там же. С. 243.

⁴³ Там же. С. 238–239.

ти: настоль они злобно тенденциозны. При этом, интересно, — учел ли он в числе «двух» убиенных сербских офицеров и майора Стевана Велимировича, который, после незаслуженного разноса с публичным обвинением в трусости со стороны «разгоряченного» командующего, покончил жизнь самоубийством, бросившись в воды Моравы (его ординарец Христофор Стефанович также застрелился от стыда)?.. Забыл, наверное.

Раздражение Черняева было так велико, что он предлагал И. С. Аксакову чуть ли не порвать с Белградом дипотношения: «Посоветуйте в “Руси” уволить Персиани в отпуск, а на время его отсутствия пусть останется один секретарь, вновь же назначенного второго секретаря Богданова не присылать»⁴⁴. Именно так, «по-государственному», оценивал себя генерал.

Показательно, — в качестве единственного средства «лечения» сербов, он прописал им... «подпасть на время под власть Австрии», поскольку «только бессердечное немецкое иго может переродить здешнюю интеллигенцию, которая сама на ноги стать не может»⁴⁵.

Вот так! Былой «борец за сербское объединение, — резюмирует В. И. Пичета, — [...] Черняев кончил тем, что был готов отдать всех сербов австрийцам, словно в отместку за постигшие его неудачи и австрийскую ориентацию сербского правительства после 1878 г.»⁴⁶, которая, заметим, во многом была спровоцирована именно политикой Петербурга.

Но критика (на грани прямых оскорблений) — критикой, однако пора бы и о родине подумать: «Черняев уехал, наконец-то, во вторник 4 марта. Этот сумасшедший человек, кажется, питает надежды при новом государе сделаться министром военным, но еще курьезнее, он об этом говорит уже здесь иным сербам. Висковатову он сказал, что он бы не мешал Бонту, если бы Бонту дал ему отступных и вознаградил бы его за издержки. Дико, но что сказал это Черняев, я вполне верю. Он мне не посмел этого сказать, потому что прежде еще я всегда выражал мнения такие, которые никогда не могли бы оправдать подобный его поступок»⁴⁷.

В этом финальном пассаже из дневника Кулаковского в концентрированном виде содержится все, на что, помнится, особо напирала защитники генерала, — его «характер» и «достоинство»! А, кроме того, гигантское самомнение с вытекающим из него отсутствием хоть мало-мальски трезвой самооценки. Что ж! Он *всегда* оставался верен себе...

Более Михаил Григорьевич в Сербии не появлялся.

⁴⁴ Там же. С. 241.

⁴⁵ Там же. С. 240.

⁴⁶ Пичета В. И. Предисловие // Письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. С. 235.

⁴⁷ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 19 об. (запись от 6 марта 1881 г.).

* * *

И в заключение, печальная иллюстрация, говорящая, на наш взгляд, куда больше о значении исторического деятеля и об истинном отношении к нему, чем проникновенные, но не подкрепленные фактами «оды». 9 августа 1898 г. известный сербский ученый Милан Миличевич зафиксировал в дневнике: «В Соборной церкви, после литургии, митрополит Иннокентий, владыка Димитрий, вместе со священниками и двумя дьяконами, отслужили панихиду по покойном генерале Михаиле Григорьевиче Черняеве⁴⁸. Церковь была почти пуста: от правительства — никого, от армии — никого, и только от городской общины — два человека»⁴⁹.

⁴⁸ М. Г. Черняев скончался 4 августа 1898 г. в родовом имении Тубышки (ныне в Могилевской области Республики Беларусь).

⁴⁹ АСАНУ. Бр. 9327/XVI (2). Дневник Милана Миличевича.

Джон Стейнберг

ВОЕННЫЕ ТРАДИЦИИ И АРМЕЙСКАЯ РЕФОРМА (1856–1904): НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА СПАСТИ РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ

За время, прошедшее от победы над Наполеоном до свержения династии Романовых, российская армия утратила свой прежний статус владычицы европейских полей сражений, в конце концов развалившись в хаосе Первой мировой войны и революции. Однако превосходство русской военной машины, в постнаполеоновский период превратившейся в «жандарма Европы», никем не оспаривалось в первой половине XIX века. Именно в это время русская армия вышла победительницей из войны с Османской империей 1828–1829 гг. В годы правления Николая I (1825–1855) и Александра II (1855–1881) русские войска успешно воевали на Кавказе и в Персии, а в 1860-е и 1870-е гг. покорили для империи Среднюю Азию. Более того, одновременно с ведением колониальных войн императорская армия также подавляла внутренние восстания, самыми известными из которых были польские восстания 1831 и 1864 гг., в то же время выполняя роль внутренних полицейских сил там, где это было необходимо. Эти оперативные успехи служили делу подготовки солдат и офицеров и их обучения военному искусству, в то же время наполняя подданных царя гордостью за империю. В целом, за XIX век русская императорская армия выиграла больше сражений и войн, чем проиграла, одновременно являясь для империи источником политической и социальной стабильности.

Тем не менее императорская армия позднего периода больше всего запомнилась поражениями, которые она потерпела от коалиции великих

держав (Франции, Великобритании и Турции) в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. и от японцев во время русско-японской войны (1904–1905 гг.). Потрясение и потери, вызванные неудачей в Крыму, потребовали полной переоценки боевых возможностей русской военной машины. Соответственно, в данной статье мы исследуем источники и причины, позволившие России побеждать в большей части войн, которые она вела, и все же, в конечном счете, не сумевшие спасти державу от ее многочисленных врагов в посткрымский период. Неразрывно связанная со всей социально-политической сферой российской истории, модернизация вооруженных сил являлась целью большинства русских правителей начиная с Петра I, создателя гвардейских полков, которые к концу XIX в. являлись воплощением русской военной традиции. Поэтому ключевой темой данной статьи станет вопрос о том, каким образом институциональные реформы 1860-х и 1870-х гг. привели к перестройке русского военного образования, издавна представлявшего собой вотчину аристократии. Особое внимание будет уделено новому типу учебных заведений, созданных в 1860-е гг., — военных училищ, а также Николаевской академии Генерального штаба, которая обеспечивала подготовку русского верховного командования в конце XIX — начале XX в.

Тревожным для русской аристократии в середине XIX в. было то, что в результате посткрымских реформ доступ в офицерский корпус оказался открыт для всех способных подданных империи. Перемены, навязанные России современностью, начиная от индустриальной революции и заканчивая ростом националистических и демократических движений, подрывали позиции русской аристократии. Одновременно с тем, как эпоха прогресса трансформировала и международное, и стратегическое окружение, сравнительно малочисленные высшие классы России уже не могли обеспечить военную машину достаточным числом людей на все офицерские должности в новой массовой призывной армии. Этот процесс, порой именуемый демократизацией офицерского корпуса, также станет одной из тем данной статьи. Подготовка офицеров к командованию войсками на индустриализованном поле боя, которое уместнее всего охарактеризовать как окружение, состоящее из все более смертоносных систем оружия, оказавшихся на вооружении массовых армий, своей численностью превосходящих любое войско, когда-либо собранное Наполеоном, стала серьезной задачей для правителей Российской империи, стремившихся реформировать свою потрепанную военную систему. Ситуация требовала срочных мер в силу того, что старая элита держала в своих руках все командные должности. Как выражался один знаток русской армии, типичный офицер императорской гвардии был твердолобой, ревнивой, упрямой, амбициозной и гордой личностью. Хуже того, эти люди погрязли в мире, в котором наивысшее значение придава-

лось «мелочам армейской муштры и военной формы»¹. Гвардейские офицеры воспитывались в убеждении, что им по праву рождения надлежит возглавлять русское верховное командование, и, несмотря на изменения, которые нес с собой ход времени, они делали все для того, чтобы сохранить свой престиж и свои позиции. В итоге эти убеждения превратились в серьезное препятствие для всех, кто пытался реформировать и модернизировать армию в посткрымский период. Традиционная военная элита, негодуя, все же вытерпела реформу своих учебных заведений, однако видоизменение того, что происходило на плац-параде, предназначавшемся для военной подготовки войск путем бесконечных строевых упражнений, шло вразрез со всеми военными традициями, начиная с той роли, которую играл царь в императорской армии².

Николай I и его армия

Как хорошо известно, Николай I пришел к власти в обстановке династической неразберихи. К досаде человека, который всегда считал себя в первую очередь солдатом, а не политическим лидером, ему, взойдя на престол, сразу же пришлось подавлять бунт значительной части гвардейских офицеров, восставших с целью вынудить режим к политическим изменениям. События, связанные с восстанием декабристов, еще сильнее укрепили у царя недоверие к любым новшествам. Более того, они вынудили Николая не только усомниться в личной преданности всех его офицеров, но и тщательно изучить возможности своей армии, чем он занимался в течение всего своего царствования путем назначения специальных правительственных комиссий, обычно состоявших из офицеров, которым он доверял. Например, один из уроков, преподанных русско-турецкой войной 1828–1829 гг., состоял в том, что армия становится слишком велика для того, чтобы ею мог руководить один командир на поле боя. Эта проблема впервые всплыла еще в наполеоновскую эпоху, но на институциональном уровне для ее решения не было ничего сделано. При всем несгибаемом консерватизме Николай I он в то же время признавал серьезность этой проблемы для будущего армии и пришел к выводу, что ему требуются кадровые штабные офицеры, единственной задачей которых будет командовать крупномасштабными скоплениями войск на поле боя. С целью ускорить появление таких квали-

¹ *Dominic Lieven. Russia against Napoleon. New York: Viking, 2009. P. 54–55.*

² *John L. H. Keep. The Military Style of the Romanov Rulers // War and Society. 1:2. September 1983. P. 61–84.*

фицированных офицеров царь пригласил в Россию швейцарского барона и генерала времен наполеоновских войн Антуана-Анри Жомини, поручив ему создание Императорской военной академии — так на свет появилась русская Академия Генерального штаба³. Однако Николай I оставался таким убежденным сторонником русских военных традиций, что он, вопреки советам барона Жомини, добился того, чтобы офицеры, обучавшиеся в Академии Генерального штаба в 1830-е и 1840-е гг., ежедневно должны были по три часа заниматься на плац-параде строевыми упражнениями⁴.

Подобная система существовала на протяжении всего бурного XVIII века, способствуя вхождению России в число великих держав и в конечном счете сыграв важную, если не решающую роль в разгроме Наполеона в 1812–1814 гг. Офицеры императорской гвардии — костяк этой военной системы — служили опорой и источником престижа для престола, в силу чего сохраняли свои неприкосновенные позиции в рамках военной машины вне зависимости от докладов любых комиссий, создававшихся Николаем I для инспекции своей армии. С начала XVIII века, в период, последовавший за смертью Петра I в 1725 г., офицеры императорской гвардии пользовались своим аристократическим происхождением и соответствующими связями для того, чтобы контролировать назначения на все главные командные должности в армии. Ничто не служило более явным символом их привилегированного статуса, чем существование кадетских корпусов — учебных заведений, основанных в правление императрицы Анны (1730–1740) в качестве награды гвардейским офицерам, способствовавшим ее восхождению на престол: их дети теперь могли получать бесплатное военное образование⁵. Молодые аристократы, обучавшиеся в кадетских корпусах, получали и военную подготовку, и политическое воспитание, учившее их поддерживать режим. Обучение в кадетском корпусе служило для молодых офицеров пропуском и в гвардейские полки, и даже в круг ближайших военных приближенных царя и царицы —

³ Первоначально основанная в 1832 г. по приказу Николая I, обратившегося к барону А.-А. Жомини с просьбой организовать ее, первая российская штабная академия была названа Императорской военной академией. После смерти Николая I и в порядке признания особой роли академии в подготовке офицеров, она 30 августа 1855 г. была переименована в Николаевскую академию Генерального штаба. Краткий обзор истории российской Академии Генерального штаба см.: *Машикин Н. А.* Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997. С. 27–42. Двумя важными исследованиями по истории академии являются: *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1882; *Гейсман П. А.* Учреждение Императорской Военной Академии // Военный сборник. 1908. № 11. С. 81–98; О Жомини см.: *Sby, John. Jomini // Peter Paret, ed.* *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age.* Princeton, 1986. P. 143–186.

⁴ *John Keep.* *Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia, 1462–1874.* Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 346.

⁵ *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2002. О политических истоках кадетских корпусов см. на с. 110–120.

императорскую свиту. С ведома и одобрения самодержца гвардейские офицеры использовали свои связи для того, чтобы сохранить контроль над верховным командованием армии, а также не допустить проникновения в его ряды военнослужащих скромного происхождения. Традиции и нравы этой военной системы выковывались во время смотров и учений на плац-парадах с их помпезностью и стилем; ее легитимность была подтверждена ключевой ролью, которую российская армия сыграла в разгроме Наполеона.

Д. А. Милютин и великие реформы

Однако потрясшее всех поражение в Крымской войне не могло не вскрыть недостатков царской военной машины, что, в свою очередь, сыграло роль катализатора на пути России к великим реформам. Поражение в Крымской войне требовало срочных мер для преодоления выявленной военной слабости России. В то время как целью и главным достижением великих реформ было освобождение крепостных, эти реформы затронули большинство аспектов российского общества. Ключевая задача для русской военной машины сводилась к тому, чтобы преобразовать крепостническую армию, находившуюся под командованием аристократии, в массовую призывную армию во главе с офицерами, оказавшимися на высших командных должностях вследствие своих способностей, а не социальных связей. Вероятно, никто лучше не понимал проблем, создаваемых стремительно изменяющимся миром, чем Д. А. Милютин, которого Александр II в 1861 г. назначил военным министром. Милютин сыграл ключевую роль в попытках Александра II модернизировать русскую военную машину в период великих реформ. Главная сложность состояла в необходимости реформировать военную систему, благоприятствующую аристократам, с тем чтобы восстановить блеск императорской армии, в то же время обеспечивая политическую и военную поддержку режима.

Что выделяло Милютина из числа его сверстников, так это способность разглядеть общую картину за дымовой завесой войны и политики. Отец Милютина был небогат, но его семья имела достаточно связей для того, чтобы Милютин начал свою военную карьеру в качестве юнкера в лейб-гвардейском полку, а благодаря интеллектуальным способностям он в 30-летнем возрасте в 1836 г. стал одним из первых выпускников Императорской военной академии. С 1837 по 1845 гг. он дважды служил на Кавказе — театре непрерывных военных действий, где армия Николая I получала боевой опыт, — а после ранения в ходе первой из этих командировок получил десятимесячный отпуск

для лечения в Европе. Кульминацией раннего периода его карьеры стало присвоение ему чина подполковника и произошедшее в 1845 г. назначение в военную академию в качестве профессора военной географии. Никогда не теряя времени даром, Милютин получил известность в интеллектуальных кругах за исследование взаимосвязи между ресурсами и военным потенциалом страны, первым применив статистический анализ к военной географии. Его статистическое исследование ресурсов противника по отношению к театрам военных действий не только стало зародышем современных методов сбора разведывательной информации, но и создало устойчивую традицию, которая заняла заметное место в обучении будущих российских и советских штабных офицеров. Во время Крымской войны Милютин нес службу в императорской свите, и после того, как исход конфликта уже ни у кого не вызывал сомнений, оказался в позиции, позволявшей ему выступать с предложениями реформ⁶.

Когда в столице после крымского поражения задули ветры перемен, Милютин, поначалу не нашедший понимания, на четыре года вернулся на Кавказ, где получил возможность проверить свои теории на практике в качестве начальника штаба у генерала Барятинского⁷. Совместно они положили начало процессу, который в конце концов привел к умиротворению кавказских повстанцев, сражавшихся с царскими войсками в течение почти всего правления Николая I. Вернувшись в 1860 г. в Санкт-Петербург, Милютин вступил в ряды императорских чиновников, вполне подготовленных к реформированию всех аспектов жизни в России⁸. Служба в армии и путешествия по Европе не только привели Милютина к реформаторским идеям, основанным на серьезных исследованиях, хорошем знании мира и обширном опыте, но и наделили его ясным пониманием всех сложностей имперской политики. После своего назначения военным министром 9 ноября 1861 г. Милютин начал процесс полной перестройки российских военных институтов в ходе ряда дальновидных реформ. Во-первых, он создал военные округа с целью

⁶ Подробности биографии Милютина см.: *Осипова М. Н.* Д. А. Милютин. М.: Anumi Fortitudo, 2005; или обстоятельное исследование, вышедшее сразу после его смерти: *Бильдерлинг А.* Граф Дмитрий Алексеевич Милютин // Военный сборник. № 2. Февраль 1912. С. 3–16. По-английски см.: *Forrest A. Miller.* Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia. Nashville, Vanderbilt University Press, 1968.

⁷ Вскоре после поражения русской армии в Крыму Милютин стал увязывать попытки военной модернизации с освобождением российских крепостных, вследствие чего оказался в рядах откровенных сторонников серьезных реформ. В итоге он вернулся в действующую армию на Кавказе, где и находился до тех пор, пока в ходе развития дискуссий о реформах его взгляды не стали приемлемыми. См.: *John Keep.* Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia, 1462–1874. P. 356.

⁸ Для лучшего понимания всех хитросплетений русской бюрократической политики в эпоху великих реформ см.: *W. Bruce Lincoln.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. Dekalb, IL: Northern Illinois University Press, 1982; и его же: *The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia.* Dekalb, IL: Northern Illinois University Press, 1990.

централизации власти военного министерства по всей империи; каждый военный округ стал административной единицей, подотчетной военному министерству и выполнявшей задачу обучения, подготовки и снабжения всем необходимым войск, находившихся под началом округа. Одновременно с этой перестройкой административной структуры армии вторая важная реформа Милютина переделывала на новый лад всю систему военного образования. Посредством этих реформ Милютин повысил качество военного образования, а также, открыв новые учебные заведения, обеспечил всем российским мужчинам возможность сделать в армии карьеру на основе своих личных заслуг. Однако реформаторские усилия Милютина увенчались наибольшим успехом, когда он убедил Александра II в 1874 г. принять закон о всеобщей воинской повинности. Эта реформа обеспечила армию кадрами для обучения призывников в соответствии с ее новой административной структурой и тем самым дала России массовую призывную армию. Таким образом, закон 1874 г. о всеобщей воинской повинности стал подтверждением того, что Россия собирается присоединиться к европейским державам в деле создания и содержания вооруженной нации, обладающей потенциалом к мобилизации такого же, если не большего, количества людей и ресурсов, какое могли выставить все западноевропейские державы, вместе взятые. Отныне перед Россией стояла задача оптимального использования этих ресурсов с целью сохранения своего влияния и имперского статуса⁹.

В разгар своей реформаторской деятельности Милютин раскрыл существование у него единого плана, нацеленного на общее усовершенствование российской военной машины. Более того, внимание, которое Милютин уделял военному образованию, свидетельствовало о том, что, по его мнению, судьба империи зависела от наличия высокообразованного, профессионального офицерского корпуса, способного привести вооруженную нацию к победе. Старый метод образования и тренировки офицерского корпуса не позволял дать людей, подготовленных к занятию командных должностей в современной армии, и не обеспечивал достаточного числа офицеров для существенно увеличившейся в размерах массовой призывной армии. Соответственно, военно-учебные реформы Милютина не только способствовали формированию профессиональной идентичности в ходе обучения офицеров в реформированных учебных заведениях, но и были призваны резко увеличить число людей, из которых готовили офицеров императорской армии. Поэтому Милютин стремился поднять стандарты образования,

⁹ Впервые Милютин систематически изложил свои планы реформ в представленном в январе 1862 г. докладе Александру II, целиком перепечатанном в: Столетие Военного министерства, 1802–1902 / Под ред. Д. А. Скалона. Т. 1. СПб., 1902. С. 70–183 (Приложение). Впоследствии Милютин дал истолкование своих реформ в: Военные реформы Императора Александра II // Вестник Европы. 1882. № 1. С. 5–35.

в то же время увеличивая число мест в военно-учебных заведениях. С целью достижения обеих целей он в первую очередь провел преобразование кадетских корпусов, в которых издавна обучались исключительно офицеры гвардии, в военные гимназии, куда принимали любых достаточно способных учащихся вне зависимости от их социального происхождения¹⁰. Кроме того, он реорганизовал и упорядочил юнкерские училища, создал возможности для молодых талантливых солдат, служивших в армии, но не обладавших достаточным образованием для поступления в военные гимназии¹¹.

Из всех военно-учебных реформ Милютина самым важным было создание специализированных военно-учебных заведений нового уровня, известных как военные училища. Они были призваны обеспечить дальнейшее военное образование для офицеров, давая им специальную военную подготовку как практического, так и теоретического плана¹². В то время как офицерский чин присваивался выпускникам кадетских корпусов и юнкерских училищ, целью военных училищ было расширенное образование офицеров путем их ознакомления с тактическими и оперативными требованиями тех родов войск, в которых они намеревались продолжить свою карьеру. Если бы военные училища преуспели в этой задаче, они бы дали русским офицерам квалификацию, необходимую для занятия высших командных должностей в армии.

Соответственно, выпускники кадетских корпусов или юнкерских училищ разделялись на три общие категории, в зависимости от своих прежних успехов в учебе. После двух лет службы в полевой армии офицеры, закончившие учебное заведение с отличием, имели возможность продолжить свое военное образование и автоматически получали допуск в одно из шести элитных военных училищ империи. Из шести военных училищ, основанных Милютиным в 1860-х гг., три — Павловское, Константиновское и Александровское — были пехотными, в то время как три остальных готовили офицеров к службе в более специализированных родах войск: это были Михайловское артиллерийское училище, Николаевское кавалерийское училище и еще одно Николаевское училище для офицеров инженерного корпуса¹³.

¹⁰ Об истории кадетских корпусов во время и после великих реформ см.: *John W. Steinberg, D. A. Milutin's Impact on the Education of the Russian Officer Corps // The Making of Russian History: Society, Culture, and the Politics of Modern Russia, Essays in Honor of Allan K. Wildman, John W. Steinberg & Rex Wade, eds. Bloomington, IN: Slavica Academic Publishers, 2009.*

¹¹ См. лучшее англоязычное исследование об этих заведениях: *J. E. O. Screen, The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of Officer Training in the Russian Army, Helsinki, 1986.* О реформе юнкерских училищ см.: *Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 240–246.*

¹² Постановления о военно-учебных заведениях. Свод военных постановлений, издания 1869. Кн. 15. СПб., 1871. С. 99.

¹³ *Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 313.* Летом 1914 г. в стране насчитывалось уже 15 военных училищ.

После двухгодичного обучения в этих училищах офицеры направлялись в свои полки, обладая достаточной квалификацией для назначения на высшие армейские должности. Однако при создании этих военных училищ необходимо было учитывать настроения императорской гвардии — приближенной к царю военной элиты. Поэтому 16 сентября 1863 г. Павловский кадетский корпус был формально переименован в Павловское военное училище, став первым и главным специальным военным училищем в империи до самой революции 1917 г. Павловское военное училище, расположенное в столице империи — Санкт-Петербурге, в глазах знати своим престижем уступало лишь Пажескому корпусу¹⁴. Реорганизовав его в специальное военное училище, Милютин согласился сохранить классовый характер этого заведения, тем самым заручившись молчаливым одобрением военных училищ со стороны гвардейских офицеров. Обучение в двух других училищах — Константиновском и Александровском — было доступно и для офицеров более низкого социального происхождения¹⁵. Ставя перед собой цель устранить привилегии, которые социальный статус давал в рамках военной машины, Милютин был готов идти в этом плане на компромиссы, если они способствовали решению долговременных стратегических задач.

Создание и стандартизация учебного плана для всей системы русского профессионального военного образования обеспечили Милютину средство нивелирования социальных различий в русском офицерском корпусе. Долго составлявшийся официальный учебный план для военных училищ был издан в 1883 г. под названием «Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах». Эта инструкция исходила из Главного управления военно-учебных заведений, которому подчинялись все военно-учебные заведения империи. Как и в случае с кадетскими корпусами, учебный план военных училищ делился на две части: общеобразовательные и специальные военные предметы. Однако, в отличие от кадетских корпусов, в военных училищах основной упор, естественно, делался на специальные предметы. В результате начиная с 1880-х гг. (по иронии судьбы, вскоре после того, как Милютин лишился своей должности) программа военных училищ включала в себя следующие предметы¹⁶:

¹⁴ Пажеский корпус был создан в начале XIX в. исключительно для обучения детей высшей аристократии и их подготовки к гражданской и военной службе царю. См.: *Левшин Д. М.* Пажеский Его Императорского Величества Корпус за сто лет. 2 тт. СПб., 1902.

¹⁵ *Гребенищikov А.* Павловцы: Павловское военное училище в 1909–1911 гг. Архив Бахметьева, Колумбийский университет (Bakhmetieff Archive, Columbia University). Неопубликованная рукопись. С. 6–11.

¹⁶ Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах. СПб., 1883. С. 5–9 (далее — ИУЧ).

**Учебный план военных училищ с числом академических часов,
уделявшихся каждому предмету в неделю**

Предмет	1883		1898	
	Мл. класс	Ст. класс	Мл. класс	Ст. класс
А) Специальные военные предметы				
Тактика	3	4	3	4
Военная история	0	2	0	2
Артиллерия	2	3	2	3
Фортификация	2	3	2	3
Военная топография	3	2	3	1
Военная админ.	0	2	0	2
Военное право	1	2	1	2
Итого	10	18	11	17
Б) Общеобразовательные предметы				
Закон божий	1	0	1	1
Инженерное дело	3	0	3	0
Химия	3	0	3	0
Русский	2	2	2	2
Французский	1	1	1	1
Немецкий	1	1	1	1
Итого	11	4	11	5

Источники: информация за 1883 г. содержится в «Инструкции...» (ИУЧ). Информация за 1898 г. относится только к Павловскому военному училищу и взята из: Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома, 1798–1898. СПб, 1898. С. 717.

На первом году обучения офицерам, поступившим в военное училище, преподавались как общеобразовательные (закон божий, инженерное дело, химия, русский, французский, немецкий языки), так и специальные предметы. На втором году обучения основное внимание уделялось таким специальным военным предметам, как тактика, военная история, артиллерия, топография, военная администрация и военное право. Такое содержание учебного плана свидетельствует о хронической потребности в образовании не только для армии, но и для России в целом. Офицерам, поступающим в военные училища, не хватало языковых и общеобразовательных навыков, и поэтому двухлетний учебный план включал один год интенсивного обще-

го образования, за которым следовал еще год специализированного военного образования.

Несомненно, самым важным предметом из преподававшихся в специальных военных училищах была тактика. Согласно «Инструкции...» (ИУЧ) 1883 г., цель курса тактики состояла в том, чтобы изучать «боевое устройство трех родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии. Соединение трех родов оружия. Организация отрядов. Боевые порядки. Местность и ее влияние на действия войск. Расположение войск на отдых. Охранение войск. Походные движения войск в сфере влияния противника. Бой. Управление войсками в бою. Употребление войск в некоторых частных случаях»¹⁷.

В «Инструкции...» содержался четкий набор практических указаний, на которые могли полагаться офицеры и их преподаватели. Однако в некоторых мемуарах, посвященных данному периоду, сообщается, что содержание занятий по тактике состояло в изучении трудов Суворова, интерпретировавшихся через призму мышления генерала М. И. Драгомирова. Идея об изучении прикладной тактики на основе оперативных принципов XVIII века дожила в военных училищах по меньшей мере до периода после русско-японской войны! Кроме того, на втором году обучения в училище курс тактики самым непосредственным образом дополнялся занятиями по военной истории, в ходе которых офицеры изучали классические военные кампании — такие, как вторжение Ганнибала в Италию или многочисленные кампании Наполеона. Не следует недооценивать влияние М. И. Драгомирова на преподавание тактики в этих училищах. Как отмечал П. Н. Краснов, помимо чтения его учебника, учащиеся получали много указаний о том, как тренировать солдат в соответствии с освященными временем драгомировскими принципами «воспитания» и «образования»¹⁸.

Из дальнейшего изучения мемуаров мы увидим, что учебный день в Павловском военном училище начинался в 6.00; первый час уделялся упражнениям, второй отводился на завтрак. С 8.00 до 12.00 офицеры занимались в небольших (по 35 человек) классах, выучивая наизусть содержание лекций; проверка их знаний проводилась путем строгих контрольных работ. После часового перерыва на обед офицеры в 13.00 собирались на плац-параде для прикладных полевых упражнений, на которые уделялось три часа. В мемуарах отмечается, что в реальности полевые упражнения сводились

¹⁷ ИУЧ. С. 5.

¹⁸ Краснов П. Н. Павловцы: 1-е военное павловское училище полвека тому назад. Париж, 1943. С. 21; Гребенщиков. Павловцы. С. 383–385. Наилучший англоязычный анализ идей Драгомирова см.: Bruce W. Menning, *Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Bloomington, IN, 1992. P. 39.

к тому, что офицеры занимались гимнастикой, призванной поддержать здоровый дух в здоровом теле. Затем следовал перерыв на ужин, после которого офицеры до 20.00 занимались в библиотеке. После того, как та закрывалась в 20.00, офицеры расходились по казармам, где им разрешалось заниматься вплоть до отбоя в 22.00¹⁹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при обучении русских офицеров очень мало внимания уделялось практическому овладению ими элементарных навыков, необходимых для командования частями на поле боя.

Вершину профессионального военного образования в России представляла Николаевская академия Генерального штаба. Предполагалось, что выпускники Николаевской академии представляют собой сливки офицерского корпуса, обладающие достаточным образованием и подготовкой для того, чтобы стать военными профессионалами. В рамках своих военно-учебных реформ Милютин преобразовал Императорскую военную академию в Николаевскую академию Генерального штаба с целью выпускать из нее офицеров, достаточно образованных и подготовленных для того, чтобы не теряться и успешно действовать в том сложном мире, в котором им предстояло вести русские войска к победе²⁰. Ради достижения этой цели Милютин пересмотрел процедуру приема в академию, сделал ее расписание более строгим и выступал за то, сделать обучение в академии Генерального штаба более привлекательным. Для того чтобы поступить в академию, продолжать обучение в ней и получить диплом об ее окончании, учащимся требовалось выдержать многочисленные экзамены, которые начинались на окружном уровне и заканчивались защитой работы на военно-историческую тему перед комиссией из преподавателей академии; написанию этой работы посвящался третий год обучения. К началу XX века окончание академии Генерального штаба стало для офицеров самым верным способом получить назначение в Генеральный штаб и на высшие командные должности в армии. В этот период неотъемлемой частью системы русского военного образования стали прогрессивные профессионально мыслящие офицеры, понимавшие, в чем состоят задачи офицеров Генерального штаба. Эти задачи — обучение войск в мирное время и координация перемещений живой силы и материальных средств в военное время — определяли круг полномочий военных вождей и командиров на смертоносном, индустриализованном поле боя конца XIX — начала XX в.

¹⁹ Гребенщиков. С. 22–27; Краснов. С. 23–24.

²⁰ Глиноецкий. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба; *Carl Van Dyke*. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. Westport, CT, 1990.

Составляя первый учебный план Военной академии, барон Жомини имел в виду цель создать для офицеров научное святилище, в котором они могли бы посвятить свои силы превращению в интеллектуальную головку армии. В результате вплоть до Милютин их занятия проходили в классных комнатах, где они собирали статистические данные о противнике, читали книги по военной истории и изучали различные академические предметы²¹. Милютин сыграл ключевую роль во включении в учебный курс академии сбора информации о военных возможностях друзей и врагов России, что впоследствии стало неотъемлемой частью обязанностей офицеров Генерального штаба, занимавших должности в руководящих штабах армии. Исходя из своего опыта службы в Генштабе, Милютин в качестве военного министра начиная с 1860-х гг. добавил в учебный курс офицеров Генерального штаба дополнительное число полевых упражнений, призванных повысить эффективность офицерской подготовки в мирное время. Однако старые традиции отмирали с трудом; строевые занятия на плац-параде оставались святыней для гвардейских офицеров, а акцент в академическом образовании по-прежнему делался на развитии навыков, необходимых для управления войсками, а не командования ими на поле боя. Более того, как наглядно показывает следующая таблица, в эпоху великих реформ немногие офицеры стремились учиться в Академии:

**Статистика поступления в Николаевскую академию
Генерального штаба, 1862–1879**

Год	Количество абитуриентов	Количество зачисленных в академию	Количество выпускников
1862	144	77	78
1863	9	8	32
1864	18	12	48
1865	38	22	14
1866	43	31	10
1867	61	34	22
1868	47	27	26
1869	30	20	—
1870	—	27	23

²¹ *Carl Van Dyke. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. P. 58–62.*

Год	Количество абитуриентов	Количество зачисленных в академию	Количество выпускников
1871	—	36	24
1872	—	36	17
1873	—	30	17
1874	—	40	23
1875	—	37	21
1876	—	48	24
1877	—	15	24
1878	—	86	58
1879	—	100	—
<i>Итого</i>	390	687	461

Источники: таблица составлена на основании двух источников. Первый из них: Богданович М. И. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880). СПб, 1879–1881. Т. 3. Приложение 54; Т. 5. Приложение 95. Другой источник, в котором обсуждаются эти цифры: Голодобов А. Наша Академия Генерального Штаба // Военный сборник. Т. LXXIX. Май 1871. № 5. С. 74.

Хотя Милютин стремился поднять стандарты обучения в Николаевской академии так же, как во всех военно-учебных заведениях, до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. офицеров Генерального штаба рассматривали в армии скорее в качестве полковых чиновников, нежели боевых командиров. Тем не менее Милютин сумел повысить уровень подготовки и образования офицеров, которые со временем вошли в состав верховного армейского командования; теперь его системе военно-учебных заведений требовалось время для того, чтобы упрямые традиционалисты сдали свои позиции и реформаторски настроенные, прогрессивно мыслящие военные профессионалы могли в полной мере воспользоваться открывшимися перед ними перспективами²².

Реформы Милютина создали для целеустремленных и решительных учащихся возможность достичь высших командных должностей в армии,

²² См. следующие важные исследования по Великим реформам: *Forrest A. Miller, Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia*. Nashville, 1968; *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. Об идеях самого Д. А. Милютина см.: *Дневник Д. А. Милютина* / Под ред. П. А. Зайончковского. В 4 т. М., 1947–1950; *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1860–62* / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1999. О событиях начала 1862 г. см. с. 297–304. По военно-учебным заведениям в России на рубеже веков см.: *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных главному их управлению, 1881–1891. СПб., 1892; *Обзор деятельности военного министерства в царствование Императора Александра III, 1881–1894*. СПб., 1903; *Thomas Darlington*. Education in Russia. London, 1909.

устранив к этому препятствия. Существование образованных офицеров было необходимо для заполнения вакансий в массовой призывной армии. Не менее важным было и то, что агитация Милютина за образовательные реформы привела к началу дискуссий о преподавательских и педагогических методах, применявшихся в профессиональных военно-учебных заведениях вплоть до падения династии Романовых. Милютин понимал, что одного лишь заучивания лекций, прочитанных в классах, недостаточно для подготовки офицеров, готовых к роли командиров на современном поле боя. Во всех русских военно-учебных заведениях перевод с одного курса на другой и выпуск учащихся осуществлялся по результатам экзаменов, в ходе которых проверялось, выучили ли офицеры все положения полевых уставов, относящиеся к дисциплине, караульной службе и применению личного оружия²³. Возможно, еще более вредным, но типичным для всего русского военного обучения вплоть до периода после русско-японской войны было то, что система обучения в военно-учебных заведениях от низших до академии Генерального штаба была основана на запоминании и повторении. На лекциях преподаватели лишь читали и едва объясняли материал, необходимый для сдачи экзаменов²⁴. Более того, преподавателей обвиняли в несоответствии стоящим перед ними задачам; так, например, курс военной истории нередко сводился к историям о героизме данного полка, знание которых считалось необходимым для службы в этом полку, но которые не давали практически никаких знаний в стратегической, оперативной, тактической и иных сферах²⁵. И если Милютин мог открыть доступ в военно-учебные заведения для всех способных подданных империи вне зависимости от их социального происхождения, то добиться от преподавательского состава, чтобы он отказался от своих прежних методов, представляло собой куда более серьезную задачу.

Еще большей проблемой являлось то, что ради реального повышения эффективности военного обучения в России императорской армии требовалось пересмотреть цели и методы проведения ежегодных маневров. Вместо того, чтобы использовать летние учения как возможность произвести на царя впечатление четкостью парадного строя, ежегодные маневры следовало превратить в средство приобретения серьезного опыта, знакомившее не только штабных офицеров, но и всех военнослужащих как с механикой сражений, так и с марш-бросками, маневрами и, что самое важное, с методами снабжения войск всем необходимым в оперативных условиях.

²³ Гребенищikov. С. 241–242.

²⁴ Там же. С. 78.

²⁵ Там же. С. 383.

Различные административные реформы, сопровождавшиеся совершенствованием учебного плана во всех военно-учебных заведениях, не могли наделить будущих военных вождей опытом, необходимым для эффективного командования войсками. Вероятно, самая важная часть их обучения приходилась на летние месяцы, когда все офицеры, находившиеся на действительной службе (включая и учащих военно-учебных заведений), отправлялись в ежегодные летние лагеря для проведения полевых маневров и участия в военных играх. Целью этих учений была практическая тренировка офицеров, призванная подготовить их к тому дню, когда они получат повышение и встанут во главе своего собственного полка²⁶. Продолжительность пребывания в этих лагерях могла достигать двенадцати недель, в течение которых офицеры порой по большей части лишь состязались друг с другом в меткости на стрельбище. Обычно маневры начинались только после формального смотра, по возможности проводившегося в присутствии царя, причем этот смотр мог как обеспечить, так и сломать офицеру карьеру. Соответственно, практическая польза этих учений подвергалась суровой критике. Слишком часто цель пребывания в летних лагерях заключалась в том, чтобы произвести благоприятное впечатление на царя или какого-либо другого представителя царской семьи или верховного командования и тем самым гарантированно обеспечить себе быстрое повышение в чинах. Этот анахронистический обычай удержался в императорской армии вплоть до крушения империи. Милютин, несмотря на всю свою энергию, авторитет военного министра и реформаторскую дальновидность, почти ничего не сделал для того, чтобы изменить подобную практику полевых учений императорской армии в период великих реформ²⁷.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В качестве примера неудачи военно-учебных реформ можно рассмотреть конфликт с Турцией. Насколько возросли возможности императорской армии, со всей наглядностью вскрылось во время войны с турками. Двухвековое противостояние Российской империи и османской Турции имело две основные причины: географическую гегемонию над стратегически важным входом в Чёрное море (Дарданеллы, Мраморное море и пролив Босфор) и религиозную причину. С момента завоевания османами Византийской

²⁶ ИУЧ. С. 48–53.

²⁷ Военная история Отечества с древних времен до наших дней / Под ред. В. А. Золотарева и др. Т. 2. М., 1995. С. 5–28.

империи все европейские великие державы использовали положение христианских подданных султана как повод для вмешательства в турецкие дела. В период после Крымской войны вопрос национального самоопределения балканских народов еще сильнее осложнил отношения между Константинополем и Санкт-Петербургом. Напряжение, порождавшееся главным образом выступлениями сербов, румын и болгар против турецкой налоговой политики, возрастало на протяжении всех 1870-х гг. Это в сочетании с распространением в России панславянских чаяний дало царю Александру II причину для возможного вооруженного противостояния с турками. Обещанный Габсбургами нейтралитет устранил последние сомнения, и Российская империя 24 апреля 1877 г. объявила войну Османской империи. Этот очередной этап русско-турецкого противостояния выявил очевидные улучшения на административном и организационном уровнях, наилучшим выражением которых стал военный план. Более того, в период мобилизации офицеры Генерального штаба продемонстрировали значительное профессиональное мастерство, с которым они выполняли этот план. Однако сразу же после того, как в предрассветные часы 15 июня русские войска вторглись на Балканы, вскрылись всевозможные оперативные недостатки, из-за которых армия в последующие месяцы и годы столкнулась с колоссальными проблемами²⁸.

Хотя военные действия происходили на двух театрах — Балканском и Кавказском, главным полем сражений в этой войне стала Болгария, в которую императорская армия вторглась через Румынию. Первоначально ни один наблюдатель не сомневался в том, что реформы Милютина оказали позитивное влияние на ход войны. Вступление императорской армии в Румынию в июне 1877 г. было тщательно спланировано офицерами Генерального штаба под руководством Н. Н. Обручева, которого иногда называют русским Мольтке; Обручев возглавлял военное планирование в Главном штабе — административном органе, отвечавшем за оперативную сторону действий императорской армии²⁹. Обручев совместно с офицерами Генштаба спланировал молниеносный прорыв через Балканы с целью застать турок врасплох и поставить весь мир перед свершившимся фактом³⁰. При-

²⁸ О событиях, которые привели к войне, см.: *Dietrich Geyer*. Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy 1860–1914. New Haven: Yale University Press, 1987. P. 65–85; *David MacKenzie*. Russia's Balkan policies under Alexander II, 1855–1881 // Hugh Ragsdale and Valerii Nikolaevich Ponomarev, eds. Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press and the Woodrow Wilson Center Press, 1993. P. 219–246.

²⁹ *Айпанетов О. П.* Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев, 1830–1904. СПб., 1998.

³⁰ Всеобъемлющее описание русского военного плана см.: *David Rich*. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge, MA, 1998. P. 127–146. Оценку этого плана см.: *William C. Fuller*. Strategy and Power in Russia, 1600–1914. New York, 1992. P. 311–317.

близительно основываясь на этом плане, Балканская кампания разделялась на три этапа: 1) в июне и в июле четыре русских армейских корпуса при поддержке румын перешли из Бессарабии в Валахию и переправились через Дунай, создав надежный плацдарм на его южном берегу. 2) На следующем этапе, продолжавшемся с июля по декабрь, вторгшиеся в Болгарию русские практически сразу же застряли на местности, препятствовавшей быстрым передвижениям, что еще сильнее усугублялось наличием турецких крепостей на балканских перевалах. Главные сражения на этом этапе кампании происходили под Плевной, выдержавшей в июле и августе три штурма. Не сумев выбить турок из их редутов, русские, понеся ужасающие потери, решили обойти, окружить и осадить Плевну, чем и занимались до конца этой кампании. При потерях, доходивших до 25% офицерского корпуса и до 23% рядового состава, Верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич отказался от мысли о молниеносной войне на Балканах. Поэтому остаток кампании армия провела медленно и осторожно. 3) На третьем этапе, с осени до февраля, когда был подписан договор в Сан-Стефано, русская армия преодолела Балканы и стала непосредственно угрожать самому Константинополю³¹.

Помимо Балкан, которые представляли собой главный театр военных действий, русские также отправили войска на Кавказ — для предотвращения угрозы османского наступления на этом направлении и ради контроля за восточным побережьем Черного моря. Хотя русская императорская армия в конце концов одержала победу, сражаясь на Балканах летом, осенью и зимой 1877–1878 гг., она страдала от просчетов, начиная с неверных данных разведки о вражеских силах и заканчивая неумением предвидеть влияние рельефа и погоды на передвижение армии по изрезанной гористой местности. Однако более важным было то, что оперативная доктрина императорской армии не сумела привести ее к решающим победам на поле боя. Русская армия по-прежнему вела сражения в наполеоновском стиле: солдаты сомкнутыми рядами наступали по открытой местности на вражеские укрепления. Даже турки-османы обладали достаточной огневой мощью для того, чтобы вносить опустошения в ряды войск, подставлявшихся продольному ружейному огню. Несмотря на пагубное воздействие подобной практики на боевой дух и возможности армии, ключевые фигуры в командовании так и не сделали для себя должных выводов и не выучили ценные уроки, преподанные войной. Так, генерал М. И. Драгомиров, впоследствии возглавивший Никола-

³¹ Наилучший англоязычный обзор этой войны содержится в: *Menning. Bayonets Before Bullets*. P. 51–86. Также см. классическое исследование: *Керсновский А. А. История русской армии*. Т. 2. СПб., 1993. С. 202–280. См. также: *Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956; Золотарев В. А. Россия и Турция. Война 1877–78 гг. М., 1983.*

евскую академию и считавшийся одним из самых выдающихся тактических мыслителей в армии, был одним из командующих во время штурма турецких укреплений в Плевне. Он участвовал в «современном» сражении, видел, к чему приводит проведение операций в соответствии с практиковавшейся доктриной, и все же настаивал на том, что тщательно обученные и дисциплинированные войска смогут выстоять под смертоносным огнем на индустриализованном поле боя. Драгомиров и после войны сохранил решительное убеждение в том, что холодная сталь штыка более эффективна, чем любое современное штурмовое оружие, заряжающееся с казенной части, вследствие того влияния, которое фронтальная штыковая атака оказывает на боевой дух бойцов обеих сторон³².

После войны многие, от Александра II и Милютина до младшего офицерского состава, понимали необходимость исследования и оценки завершившегося конфликта для анализа успехов и неудач армии на Балканах, а также недавних реформ. К несчастью, такая оценка могла поставить под сомнение способности руководителей армии, во главе которой по-прежнему стояли, главным образом, члены Дома Романовых. Иными словами, сомнения в успешном руководстве были одновременно и сомнениями в способностях царских родственников. В конце концов, главнокомандующим армией, вторгшейся на Балканы, являлся великий князь Николай Николаевич-старший, брат царя, а его сын, царевич Александр, номинально командовал Восточным отрядом армии, состоявшим примерно из 70 тыс. человек и первоначально напавшим на крепость Рушук. В результате попытки изучить действия императорской армии во время войны 1877–1878 гг. сразу же завязли в болоте, куда их загнала озабоченность в отношении образа семьи Романовых и ее взаимосвязей с военными успехами и неудачами. Кроме того, как хорошо известно, задолго до того, как официальная историческая комиссия огласила итоги своей работы, царь Александр II был убит террористами 1 марта 1881 г. Его сын Александр III проявлял меньшую терпимость к новшествам, особенно под впечатлением от убийства своего отца, и вынудил Милютина уйти в отставку, что тот и сделал 5 мая 1881 г.

³² Биографию Драгомирова см.: Список Генерального штаба. СПб.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1905. С. 7; *Бонч-Бруевич М. Д.* Михаил Иванович Драгомиров // Известия императорской Николаевской военной академии. № 25 (январь 1912). С. 80–100. Об учении Драгомирова см.: *Драгомиров М. И.* Избранные труды. Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1956; *Menning.* Bayonets Before Bullets. P. 38–39.

Судьба реформы в эпоху контрреформ

Милютина в должности военного министра сменил П. А. Ванновский, являвший собой квинтэссенцию гвардейского офицера. Нет нужды говорить, что он оказался в чрезвычайно непростом положении³³. Неся ответственность за общую безопасность империи, наряду с тем он подвергался серьезному давлению со стороны кругов, желающих обратить время вспять, то есть отменить все реформы Милютина. Но, несмотря на всю верность Ванновского императорской гвардии и ее окружению, он не мог себе позволить игнорировать цели милютинских реформ. Стоявшую перед ним задачу — дать армии интеллигентных и инициативных офицеров вне зависимости от их социального происхождения и, самое важное, обеспечить достаточное их количество для заполнения всех соответствующих вакансий в реформированной армии — нельзя было предать забвению в ходе контрреформ, не ставя под удар будущее армии и безопасность империи. Тем не менее через 25 дней после отставки Милютина Ванновский ограничил прием в военные училища, 30 мая 1881 г. представив Александру III план по их реорганизации. Указывая, что более 50% обучающихся в военных училищах приходят туда из иных учреждений, нежели военно-учебные заведения, Ванновский хотел сохранить доступ в военные училища лишь для выпускников только что реформированных им кадетских корпусов³⁴. Если внешне цель Ванновского состояла в том, чтобы принимать в военные училища лишь тех, кто уже получил соответствующее начальное военное образование, то в реальности он хотел ликвидировать альтернативные методы, использовавшиеся для получения доступа в военные училища, тем самым оставив в них лишь учащихся, обладавших правильным социальным происхождением. Александр III принял предложение Ванновского, но потребовал, чтобы всем офицерам была дана возможность поступать в военные училища посредством вступительных экзаменов, которые ежегодно должно было проводить Главное управление военно-учебных заведений. В данном случае Александр III показал себя пронизательным правителем, понимавшим, что русская армия 1880-х гг. нуждалась в большем количестве обученных офицеров, нежели могла дать аристократия. Размеры армии и технические задачи современной войны требовали образования и под-

³³ Биографию Ванновского см.: *Лалаев М. С.* К юбилею военного министра генерал-адъютанта Ванновского. Материалы для биографии с кратким очерком развития военно-учебных заведений с 1881 по 1890 год. СПб., 1890. Глава 1; *П. С. Ванновский* (некролог) // Педагогический сборник. 1904 (апрель). С. 390–397.

³⁴ *L. G. Beskrovny. The Russian Army and Fleet in the Nineteenth Century / Gordon E. Smith, trans. Gulf Breeze, FL, 1996. P. 121.*

готовки всех квалифицированных и способных людей, вне зависимости от их социального происхождения³⁵.

Таким образом, Александр III и Ванновский приглушили самый скандальный аспект милютинских реформ, призванных открыть доступ в офицерский корпус для всех желающих. Действия Ванновского не могли не сказаться на социальном составе офицерского корпуса. Например, можно отметить исчезновение юнкеров, в данном случае офицеров неаристократического происхождения, из числа поступивших в Павловское военное училище в годы после отставки Милютина, как видно из следующей таблицы.

Количество зачисленных в Павловское военное училище, 1880–1896

Год	Количество зачисленных	Количество юнкеров
1880	196	33
1881	250	69
1882	186	14
1883	237	31
1884	186	6
1885	239	4
1886	201	1
1887	230	0
1888	175	7
1889	232	2
1890	209	0
1891	198	2
1892	214	1
1893	212	1
1894	189	1
1895	156	1
1896	223	6

Источник: Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома, 1798–1898. СПб, 1898. С. 581–582.

³⁵ *Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома, 1798–1898. СПб., 1898. С. 576–578.*

Ванновский фактически закрыл Павловское военное училище для офицеров неаристократического происхождения. Он старался сделать все возможное, чтобы угодить и реформаторам, и традиционалистам, в то же время сохраняя боеспособность императорской армии. Более того, Александр III понимал, что армия должна идти вперед, пусть и не в таком быстром темпе, какой задал Милютин, и принимать в офицерский корпус всех членов общества. Несмотря на серьезные попытки ограничить прием выходцев из социальных низов в некоторые военные училища, с приближением XX века в рядах императорского офицерского корпуса становилось все больше офицеров недворянского происхождения. Институциональные реформы Милютина, затрагивавшие военно-учебные заведения, по большей части не подверглись ревизии, потому что его преемники ничем не могли оправдать демонтаж учебной системы, созданной Милютиным³⁶.

Опираясь на успехи Генерального штаба во время русско-турецкой войны, а также благодаря собственным достижениям в качестве боевого командира, генерал М. И. Драгомиров принял в 1878 г. под свое начало Николаевскую академию Генерального штаба. В 1890 г. его сменил генерал Г. А. Леер, которому академия подчинялась до 1898 г.³⁷ Драгомиров уже долгое время являлся главным в русской армии разработчиком и исполнителем тактической доктрины. Леер в 1898 г. подал в отставку, имея репутацию талантливого оперативно-стратегического теоретика. Драгомиров и Леер совместно создали концепции, положенные в основу военной доктрины, с которой императорская армия вышла на поля сражений XX века. В то время как пересмотр Милютиным стандартов зачисления в академию, ее учебного плана и методов преподавания привел к повышению общего качества ее работы, ни общество в целом, ни, хуже того, армия, так и не сумели должным образом оценить роль офицеров Генерального штаба. Однако успешная работа во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. резко повысила статус и престиж Генерального штаба, тем самым представшего в глазах армии и общества в новом свете. Начиная с того момента и вплоть до свержения династии Романовых зачисление в академию Генерального штаба стало считаться чрезвычайно

³⁶ Обзор деятельности военного министерства в царствование Императора Александра III, 1881–1894. СПб., 1903. С. 212–234. См. ниже статистические данные, подтверждающие этот вывод.

³⁷ Информативный, хотя и чрезмерно восторженный обзор деятельности академии Генерального штаба в период, когда ее возглавляли Драгомиров и Леер, см.: Столетие военного министерства. 1802–1902: Исторический очерк возникновения и развития в России генерального штаба в 1825–1902. СПб., 1910. Кн. 2. Т. 4. С. 381–407. Этот же источник сформировал мои представления о влиянии русско-турецкой войны на профессионализацию Генерального штаба. Хорошим англоязычным источником по этой войне является донесение американского военного атташе. См.: *F. V. Greene. Report on the Russian Army and its Campaigns in Turkey in 1877–1878.* New York: D. Appleton and Company, 1879, особ. P. 118–128.

Численность слушателей академии Генерального штаба, 1883–1903

	Младший класс	Старший класс	Геодезическое отделение	Дополнительный курс	Итого
1883	124	88	5	58	275
1884	124	88	5	58	275
1885	70	73	4	64	211
1886	70	73	4	64	211
1887	70	44	6	68	188
1888	72	56	4	37	169
1889	81	62	10	50	203
1890	Нет сведений				
1891	72	75	12	62	221
1892	72	80	4	66	222
1893	138	68	5	72	283
1894	136	113	3	65	317
1895	Нет сведений				
1896	Нет сведений				
1897	144	122	13	44	323
1898	137	126	13	85	361
1899	139	127	18	105	389
1900	156	110	12	70	348
1901	145	116	8	67	336
1902	144	117	7	79	347
1903	127	116	5	86	334

Источник: см. соответствующие тома «Всепогоднейшего отчета о действиях военного министерства» (СПб., 1885–1905). Все тома этого отчета издавались через два года после того года, которому они были посвящены. Информация о Николаевской академии Генерального штаба всегда находилась в разделе о Главном штабе.

престижным, поскольку успехи в учебе давали выпускникам академии возможность стремительного повышения в чинах и назначения на самые желанные должности и позиции в армии, а также шанс наладить тесные связи с верховным армейским командованием, включая членов императорской семьи. Высшее военное образование в сочетании с постоянным пребыванием на виду привели к тому, что выпускники академии гене-

рального штаба в 1880-е и 1890-е гг. заняли должности во всех штабах и в бюрократическом аппарате армии³⁸.

Поскольку офицеры русского Генерального штаба продемонстрировали пользу своего образования и подготовки в реальных боевых условиях, образовательные стандарты были по вполне понятной логике сочтены удовлетворительными и не требующими немедленного пересмотра. Офицеры Генерального штаба не только проявили свои навыки, но и нашли для себя новую роль при руководстве армией. Помимо того, что офицеры Генерального штаба исполняли административные обязанности в Военном министерстве и в Главном штабе, а также вели преподавательскую работу в многочисленных российских военно-учебных заведениях, отныне они считались необходимым ингредиентом в составе штабов дивизий и бригад³⁹. В результате основные усилия военной машины, по крайней мере с момента вступления Драгомирова в должность начальника Николаевской академии, были направлены на подготовку достаточного количества офицеров, требующихся для этой службы.

Из статистики зачисления в академию Генерального штаба следует, что число офицеров, стремившихся поступить и в итоге поступивших в это высшее военно-учебное заведение, значительно возросло в тот период, когда во главе академии стояли Драгомиров и Леер.

Число учащихся в академии резко возросло в 1890-е гг. благодаря новому положению, предложенному генералом Драгомировым и позволявшему офицерам поступать в академию Генерального штаба после двух, а не четырех лет службы в полевой армии⁴⁰. Новые условия приема в академию в сочетании с повышением статуса Генерального штаба в глазах общественности и военных кругов не только послужили для офицеров дополнительным стимулом для поступления в академию, но и внесли вклад в увеличение доли офицеров неблагородного происхождения среди выпускников академии⁴¹. Соответственно, в течение 1880-х и 1890-х гг. вопрос о социальном происхождении офицеров потерял свою остроту, так как Драгомиров и его

³⁸ Глиноецкий. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. С. 316.

³⁹ Состав Генерального штаба и обязанности его офицеров были недвусмысленно определены в следующем учебнике для старших курсов академии: *Макшеев Ф.* Русский генеральный штаб: состав и служба его. СПб., 1894. Издание этого учебника стало прорывом, поскольку он был первым в своем роде. По-видимому, учащиеся академии оставались более-менее в неведении относительно своих конкретных обязанностей и круга задач вплоть до 1894 г., когда Макшеев написал свой учебник, предназначенный для курса военной администрации.

⁴⁰ Столетие военного министерства. Кн. 2. Т. 4. С. 356.

⁴¹ Допуск офицеров-недворян в Генеральный штаб и в офицерский корпус вообще породил явление, которое П. А. Зайончковский называл «демократизацией офицерского корпуса». См.: *Зайончковский.* Самодержавие и русская армия... С. 294–338.

преемник Леер основные усилия прикладывали к реальному образованию, получаемому офицерами в академии⁴².

Николаевская академия Генерального штаба, будучи центром создания русской военной доктрины еще в те дни, когда в ней преподавал Милютин, вернула себе этот статус в период, когда ее возглавляли Драгомиров и Леер. Однако мышление, определявшее этот процесс, восходило к XVIII веку и к учению А. В. Суворова, великого полководца той эпохи. Отталкиваясь от его учения, Драгомиров развивал свои идеи о «воспитании» и «образовании». Несмотря на унижение Крымской войны и на недооценки, просчеты и трудности в достижении поставленной цели — собственно говоря, победы в недавней русско-турецкой войне, русская императорская армия, главным образом благодаря усилиям Драгомирова и Леера, вышла на поле боя XX века с оперативной доктриной, восходившей к мышлению XVIII века, наилучшим образом выражавшемуся во фразе «Пуля — дура, штык — молодец»⁴³. Тем не менее в 1880-е и 1890-е гг. в стенах академии проходили бурные дискуссии по вопросам военной доктрины, однако, как видно из следующей таблицы, они почти не отразились на содержании учебного курса академии.

Хотя не снятый с повестки дня вопрос о роли обучения офицеров Генерального штаба отражался в дискуссиях о том, следует ли давать в академии общее или специальное образование, из вышеприведенной таблицы четко видно, что учащиеся подавляющую часть своего времени посвящали изучению военных предметов. Сущность обучения в академии на протяжении 1880-х и 1890-х гг. мало изменилась, за одним важным, потенциально революционным исключением. Между 1883 и 1890 гг. в академии был отменен формальный курс военной истории, а вместо него появился новый курс, называвшийся «история военного искусства». Это изменение подхода к изучению военной истории представляло собой кульминацию двух дискуссий, оказавших непосредственное влияние на подготовку офицеров Генерального штаба в России. Первая из этих дискуссий касалась учета современной русской военной истории при обучении штабных офицеров. Вплоть до 1880-х гг. изучение военной истории в академии в первую оче-

⁴² Из этого не следует, что окончание Николаевской академии гарантировало должность в Генеральном штабе. А. И. Деникин упорно боролся за то, чтобы получить такое назначение, утверждая, что он был жертвой своего низкого социального происхождения. См.: А. И. Деникин. The Career of a Tsarist Officer: Memoirs, 1872–1916 / Translated by Margaret Patoski. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. P. 55–64.

⁴³ Влияние и наследие Суворова обсуждаются в превосходной статье: Bruce Menning. Russian Military Innovation in the Second half of the Eighteenth Century // War & Society. 2:1. May 1984. P. 23–41, где речь идет не только о Суворове, но и о состоянии русской военной мысли. Также см.: Menning. Bayonets before Bullets. P. 123–152.

Содержание учебного курса в академии Генерального штаба

	Число лекций в неделю (в учебных часах)					
	1883		1890		1896	
	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.
Основные предметы						
Стратегия	0	2	0	2	0	2
Военная история	4	2,5	—	—	—	—
	Число лекций в неделю (в учебных часах)					
	1883		1890		1896	
	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.	Мл.	Ст.
Основные предметы						
Военное искусство	—	—	4	2	4	3
Тактика	4	0	4	0	4	1
Военная администрация	1,5	2	1,5	2	1,5	2
Военная статистика						
А) русская	0	2	0	2	0	2
Б) зарубежная	0	1	0	1	0	1
Геодезия и картография	2	1	2	1	2	1
Черчение и съемка местности	4	4	4	4	4	4
Вспомогательные предметы						
Фортификация	1	2	1	2	2	0,5
Артиллерия	1	0	1	0	1	0
Физическая геогр.	1	2	0	2	0	2
Русский язык	1	0	1	0	2	0,5
Полит. история	—	—	—	—	3	3
Железные дороги	—	—	—	—	0	1
Телеграф	—	—	—	—	0	2
Военные сообщения	—	—	1	1	1	1
<i>Итого</i>	19,5	16,5	18,5	21	24,5	26

Источник: см. соответствующие тома «Всепогоданнейшего отчета».

редь подразумевало знакомство с классической зарубежной военной историей. В результате такого подхода учащиеся академии наверняка больше знали о Гражданской войне в США (теме, вызывавшей большой интерес) или об Александре Македонском, чем о недавнем опыте своей собственной армии. Вторая дискуссия, логически вытекавшая из первой, была связана с появившимся у офицеров в 1880-е гг. пониманием того, что для исправления оперативных недостатков русской армии следовало изучать военное прошлое страны и создавать новые доктрины, основанные на недавнем опыте и текущих возможностях. Создание курса военного искусства, призванного рассматривать оперативные вопросы в историческом контексте, было направлено на пересмотр русской военной доктрины⁴⁴.

Несмотря на эти тенденции, обучение в академии вплоть до начала русско-японской войны все так же страдало от чрезмерного педантизма, характерного для всего русского военного образования того периода. Природу этой проблемы помогает выявить мемуарная литература. Б. В. Геруа, учившийся в академии в 1901–1904 гг., писал, что некоторые преподаватели делали изучение военной истории интересным и информативным. Так, генералы А. З. Мышлаевский и Н. П. Михневич читали специальные курсы по таким недавним конфликтам, как франко-прусская война, или по таким темам, как взаимосвязь современных технологий с индустриализованным полем боя. С другой стороны, по словам Геруа, лекции профессора П. А. Гейсмана по истории военного искусства были скучными и фактически бесполезными для учащихся⁴⁵. Эти настроения более лаконично выразил другой выпускник академии Генерального штаба, А. А. Игнатъев, который, как и Геруа, служил в гвардейском полку до своего поступления в академию в 1899 г.:

«Гершка (прозвище Гейсмана. — Д. С.) ежегодно читал по написанному одну и ту же лекцию. Задолго до моего поступления в академию он напечатал свои учебники или, как он их сам величал, “ученые труды” по истории военного искусства от Александра Македонского до Наполеона. Это была бесталанная компиляция объемом в добрые десять тысяч страниц. Под всеми примечаниями было тщательно отмечено: “примечание автора”, из чего естественно явствовало, что самый текст был заимствован у кого-то другого. Немало часов пришлось нам сладко дремать под гнусавый и монотонный

⁴⁴ Классический советский источник, освещающий эти дискуссии: *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 182–271. Общий обзор вопросов, поднятых в ходе этих дискуссий, см.: *Штейфон Б. А.* Национальная военная доктрина. Таллин, 1937. По-английски см.: *Jacob W. Kipp.* The Beginning: Imperial Russia and Soviet Mobil Warfare to 1920 // *Historical Analysis of the Use of Mobile Forces by Russia and the USSR.* (College Station, TX: The Center for Strategic Technology, Occasional paper No. 10, 1985). P. 37–45.

⁴⁵ *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 140.

голос Гершки, пересказывавшего на лекциях почти дословно тот или иной из своих учебников»⁴⁶.

Жалобы на скучные и бесполезные лекции, так же как и на коряво написанные, занудные учебники, характерны для всей соответствующей мемуарной литературы данной эпохи⁴⁷. Вне зависимости от реформ Милютин или от знаний и репутации Драгомирова и Леера преподавание в академии по-прежнему носило на себе отпечаток мышления XVIII — начала XIX в. не только в отношении методов обучения, но и в отношении военных дел, что было куда более опасно для судеб империи. Итогом разгоревшегося в академии конфликта о пользе военной истории стала неспособность использовать ее уроки и увязать их с модернизацией военной доктрины. Об этом также свидетельствует мемуарная литература: например, К. К. Акинтьевский, обучавшийся в академии после русско-японской войны, отмечал, что он закончил академию и поступил на службу в Генеральный штаб, почти не имея никакого понятия о единой русской военной доктрине⁴⁸.

Хуже того, даже при наличии подобия академической свободы профессорам академии следовало проявлять крайнюю осторожность в своей преподавательской работе. Например, в последние годы XIX века академия кипела негодованием на историческую комиссию по русско-турецкой войне 1877–1878 гг., так и не составившую никакой официальной истории этого конфликта. К возмущению студентов и профессоров, в академии не читалось никакого курса лекций по этой недавно завершившейся войне. В 1898 г. полковник Е. И. Мартынов попытался ввести такой курс, созданный на основе исследований официальной исторической комиссии, в учебный план академии Генерального штаба. Но после того, как несколько лекций из этого курса было прочитано избранной группе офицеров Генерального штаба и членов императорской семьи, от проекта пришлось отказаться. В лекциях Мартынова выявлялись причины оперативной негибкости, которая привела к тому, что продвижение армии затормозилось из-за плохой погоды и гористой местности на Балканах. Из подобного анализа в конечном счете следовало, что Верховное командование императорской армии нередко

⁴⁶ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989. С. 131.

⁴⁷ Хотя эти жалобы могут показаться знакомыми для университетских профессоров во всех частях света, стоит отметить, что Геруа выражал то же самое мнение о Гейсмани. См.: *Геруа*. Т. 1. С. 140–141. Деникин же просто критиковал уровень преподавания в академии вообще. См.: *Деникин А. И.* Старая армия. В 2 тт. Париж, 1929–1931. Т. 1. С. 64–68.

⁴⁸ *Акинтьевский К. К.* Воспоминания: Императорская николаевская военная доктрина. Бахметьевский архив Колумбийского университета (Bakhmeteff archive, Columbia University). Box No. 1. P. 56. Хороший обзор истории дискуссий о военной доктрине, особенно в период 1905–1914 гг., содержится в: *Штейфон*. Национальная военная доктрина.

оказывалось не в состоянии оценить собственные возможности во время боя. Более того, вступив в сражение, армия придерживалась доктрины, требовавшей от русских солдат атаковать под опустошительным вражеским огнем, в силу чего несла громадные потери, вынуждавшие войска прекращать наступление и выводившие из себя Верховное командование. Откровения Мартынова о недостатках Верховного командования слишком сильно задевали членов императорской семьи, командовавших армией во время балканской кампании⁴⁹. В результате царского вмешательства лекции Мартынова были запрещены, несмотря на то что вскоре после этого была издана многотомная история войны⁵⁰.

Несмотря на проходившую после Крымской войны неустанную борьбу за реформирование военной машины на всех уровнях и вследствие отчаянных усилий традиционалистов, императорская армия вступила в XX век, придерживаясь давно отжившей свой век учебной практики. У нас почти нет свидетельств о существовании серьезных военных упражнений на каком-либо уровне подготовки русских офицеров или их дальнейшей карьеры. Вместо этого цель полевых учений, касалось ли это кадетских корпусов, юнкерских и военных училищ или даже академии Генерального штаба, состояла в том, чтобы подготовить учащихся к императорской инспекции — чтобы царь остался ими доволен во время любых смотров и проверок. Помимо умения ходить строем перед царем, полевые упражнения в основном обучали офицеров тому, как поддерживать дисциплину в войсках и внушать солдатам уважение к своим командирам⁵¹. При этом почти не прилагалось усилий к тому, чтобы подготовить будущих офицеров к командованию крупными частями на марше и во время их маневров на поле боя. Таким образом, фундаментальный изъян императорской армии в преддверии конфликтов XX века скрывался в учебной системе, которая, конечно, отражала в себе доктринерское мышление интеллектуальной элиты вооруженных сил. Такие люди, как Драгомиров и Леер, понимали, что полевые учения, особенно проводившиеся в летние месяцы, должны обучать будущих военных вождей тонкому искусству командования и обеспечить им соответствующую практику⁵². В то же время

⁴⁹ *Denikin. Career. P. 56; Зайончковский. Самодержавие и русская армия...* С. 322.

⁵⁰ В результате работы комиссии на свет появилось 97-томное исследование войны. См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 97 тт. СПб., 1898–1911. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. поистине стала забытой войной в русской военной истории. К тому времени, как изучение недавних войн стало в академии общепризнанным фактом, кампания 1877–1878 гг. оказалась в тени катастрофы 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке.

⁵¹ *Гребенщиков. С. 138–139; Краснов. С. 26–28.*

⁵² Об идеях самого Леера в отношении подготовки войск и роли тактики в военном деле см.: *Леер Г. А. Прикладная тактика. СПб., 1877. С. 1–15.*

они отрицательно относились к обычаю крупномасштабных маневров, считая их пустой тратой времени, несмотря на постоянно возрастающие масштабы армий и полей сражений. Вместо этого они — в первую очередь Драгомиров — решительно выступали за маневры, проводившиеся мелкими частями, считая, что они дают будущим офицерам наилучшую возможность обучиться тонкостям своей профессии⁵³. Поэтому вплоть до отставки Ванновского в сфере практической подготовки армии не происходило почти никаких изменений.

А. Н. Куропаткин и продолжение военных реформ

До тех пор, пока офицерский корпус находился под полным контролем аристократии, изменить такое отношение к практическим учениям едва ли было возможно. Очередным сторонником нового подхода стал А. Н. Куропаткин, в 1898 г. сменивший Ванновского в должности военного министра. Куропаткин был представителем новой породы штабных офицеров, которым принесло заметную пользу обучение в заведениях, реформированных Милютиным. Куропаткин не отличался высоким аристократическим происхождением, и его главные задачи не имели никакого отношения к защите традиционного статуса придворных кругов. Вместо этого Куропаткин был намерен улучшить подготовку будущих офицеров и расширять ряды офицерского корпуса русской армии. После своего назначения военным министром он принял меры к увеличению количества военно-учебных заведений, преобразовав все юнкерские училища в военные, обучение в которых велось по той же программе, что и в шести училищах, созданных Милютиным в 1860-х гг.⁵⁴ О результатах этого решения свидетельствует следующая таблица: В целом, после 1898 г. из военных училищ было выпущено не менее 50% поступивших в них абитуриентов. Медленно, но верно военные училища становились доступными

⁵³ Ведя еженедельную колонку в журнале «Разведчик», Драгомиров написал для нее столько статей, что они составили три тома, будучи собранными воедино. См.: Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858–1880. В 2 тт. СПб., 1881; *Драгомиров М. И.* 14 лет, 1881–1894: Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1895. Отношение Драгомирова к мелкомасштабным маневрам подробно обсуждается во введении Л. Г. Бескровного к: *Драгомиров*. Избранные труды. С. 7. Следующий курс лекций, изданных посмертно (Драгомиров умер в 1905 г.), предназначался для молодого Николая II: *Драгомиров М. И.* Конспект лекций по тактике // Военный сборник. 1912. № 9. С. 24.

⁵⁴ Приложения к отчету Генерал-Адъютанта Куропаткина: Улучшение быта офицеров. Варшава, 1906. С. 7.

Количество зачисленных в военные училища и их выпускников

Год	Зачислено	Выпущено
1880	1 272	642
1884	1 502	752
1885	1 525	—
1890	1 524	732
1891	1 600	—
1894	1 572	1 031
1895	1 116	—
1899	1 501	773
1900	1 584	673
1901	1 695	807
1902	1 907	1 023
1903	1 854	857
1904	1 926	917
1905	1 975	865
1906	2 056	964
1907	2 319	1 037
1908	2 276	1 050
1909	3 077	1 463
1910	5 243	2 146
1911	5 566	2 116
1912	5 837	2 222
1913	5 000	2 100
1914	5 000	2 831

Источники: за 1880 г. см. Педагогический сборник. Ч. III. Апрель — май — июнь 1882. С. 6. За 1884–1900 гг. см. соответствующие тома «Всеподданнейшего отчета о действиях военного министерства»; за 1900–1914 гг. см.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 33.

для всех способных офицеров в армии. К моменту убийства Александра II (1881 г.) в русской армии насчитывалось 1462 тыс. человек. В том же году Главное управление военно-учебных заведений дало офицерскому корпусу 605 выпускников подведомственных ему заведений. К моменту внезапной кончины Александра III (1894) размер русской армии увеличился

до 2 352 тыс. человек, а военно-учебные заведения в том году окончил 1 171 человек. Таким образом, военно-учебные заведения шли нога в ногу с разрастанием армии. Открыв военные училища для всех способных офицеров, Куропаткин обеспечил достаточное число офицеров для всех армейских должностей⁵⁵.

Помимо этого, в период пребывания Куропаткина в должности военного министра офицерский корпус императорской армии наконец-то оказался открыт для людей любого социального происхождения. Об этой тенденции свидетельствуют следующие данные по социальному составу военно-учебных заведений.

Социальный состав военно-учебных заведений в %, 1880–1914

Год	Дворянство		Офицеры и чиновники	Дух.	Каз.	Купе- чество	Крестья- не	Ин.
	Н	Л						
1880	65,29	5,96	12,64	2,03	4,50	9,58		—
1884	71,67	2,56	16,14	1,44	3,34	4,5		0, 2
1890	59,18		30,83	0, 62	4,13	5,18		—
1894	63,89		21,14	1,25	9,90	3,82		—
1899	34,26		37,80	2,15	2,08	23,61		0, 1
1906	35,96	5,16	54,27	0, 53	1,51	1,78	—	—
1907	38,65	—	55,28	0, 72	1,45	3,11	—	0, 79
1912	15,27	16,04	14,6	3,30	7,01	25,41	18,18	0, 011

Сокращения: Н — дети наследственных дворян; Л — дети личных дворян, Дух. — дети духовенства; Каз. — дети казачества; Ин. — дети иностранцев.

Примечание. До 1905 г. вышеприведенные цифры основаны на данных о зачисленных в шесть первоначальных военных училищ — Павловское, Константиновское и Александровское пехотные училища, Николаевское кавалерийское, Николаевское инженерное и Михайловское артиллерийское училища. После русско-японской войны Главное управление военно-учебных заведений стало включать в эту статистику и юнкерские училища.

Источники: за 1880 г. см. Педагогический сборник. Ч. II. Апрель — май — июнь 1882. С. 13; за остальные годы см. соответствующие тома «Всеподданнейшего отчета о действиях военного министерства».

⁵⁵ О размерах армии см.: Приложения к отчету Генерал-Адъютанта Куропаткина. С. 1. Число выпускников военно-учебных заведений см.: Столетие военного министерства, 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Т. X. Ч. III. С. 146.

Несмотря на поставленную Ванновским цель принимать в военные училища лишь выпускников кадетских корпусов, доля представителей потомственного дворянства, зачисленных в военные училища, сократилась с 65,29% в 1880 г. до 15,27% в 1912 г. Разумеется, не один Куропаткин отвечал за снижение доли потомственного дворянства в военных училищах. Это 40-процентное снижение стало результатом процесса, начало которому положил Милютин. Несмотря на попытки Ванновского, в течение всего периода его пребывания в должности военного министра, сохранить присутствие потомственного дворянства в русских военно-учебных заведениях, их доля среди зачисленных в военные училища сократилась до 34,26% — на 30% меньше по сравнению с составом этих училищ в 1880 г. Усилия Ванновского не предотвратили утрату наследственной знатью доминирующих позиций в кадетских корпусах. Эта получившая широкое распространение тенденция к началу XX в. привела к тому, что потомственное дворянство во всех военно-учебных заведениях оказалось в явном меньшинстве. Отныне большинство в военных училищах принадлежало выходцам из слоя среднего чиновничества. В результате армейская карьера оказалась открыта для всех целеустремленных людей, вне зависимости от их социального происхождения. Русская военная машина не могла себе позволить придерживаться кастового менталитета, присущего традиционной служилой элите, из-за разрастания размеров армии.

Соответственно, одним из результатов реформ Милютина к началу XX в. стало появление в офицерском корпусе значительного слоя офицеров недворянского происхождения. Усилия Милютина превратить военную карьеру в один из путей социальной мобильности сказались на рубеже веков и на армии, и на Генеральном штабе. В 1895 г., вскоре после восхождения Николая II на престол, императорский офицерский корпус насчитывал 31 350 человек. Из их числа лишь 15 938 офицеров, или 50,8%, имели благородное происхождение, что стало серьезным изменением по сравнению с дореформенным периодом, когда высший класс доминировал в офицерском корпусе⁵⁶. Эти цифры свидетельствуют о широком проникновении недворянского элемента в офицерский корпус и тем самым демонстрируют, насколько успешными в итоге оказались милютинские реформы. Устранение социальных барьеров на пути к высшим армейским должностям затронуло в этот период и Генеральный штаб. Из 858 офицеров (3% от общей численности офицерского корпуса), числившихся в 1899 г. в списке Генерального штаба, 260 были генералами, из которых 149 (57%) начинали свою карьеру в качестве гвардейских

⁵⁶ Зайончковский. Самодержавие и русская армия... С. 202–206.

офицеров⁵⁷. Однако об ограниченной готовности Верховного русского командования к грядущим вызовам лучше говорит тот факт, что из этих 260 генералов только 80, или 31%, обучались в каком-либо из военных училищ, созданных Милютиным ради подготовки офицеров к будущим войнам. Лишь в следующем поколении офицеров число тех, кто обучался в военных училищах, составило значительную долю в командном составе. К 1914 г. практически каждый генерал в составе Генерального штаба был воспитанником одного из военных училищ⁵⁸.

Несмотря на глубокое понимание Куропаткиным армии и ее проблем, он не обладал ни проницательностью, ни кругозором своего более способного предшественника Милютина и никогда не пользовался такими же поддержкой и доверием со стороны Николая II, какие получал Милютин от Александра II или Ванновский от Александра III. Тем не менее Куропаткин принялся за осуществление собственного плана по реформированию Николаевской академии, направленного на ее преобразование в военный университет в противоположность специальному штабному учебному заведению. Согласно идеям Куропаткина, академическое образование следовало поднять на новый уровень по всем тем причинам, на которые указывалось в мемуарах, — большинство лекций были либо скучными, либо бесполезными, а студентов перегружали бесконечными формальными заданиями, ничего не дававшими им в плане практического командования войсками. Идея Куропаткина по реформированию Николаевской академии состояла в том, чтобы превратить ее в военный университет, обеспечивавший офицеров интеллектуальными средствами для решения сложных задач⁵⁹. В дополнение к подобному образованию, задавшись целью обеспечить будущим штабным офицерам такую тренировку, которая бы подготовила их к работе на современном поле боя, Куропаткин попытался видоизменить проведение маневров и военных учений мирного времени с тем, чтобы превратить их в практические занятия, более подходящие для офицеров, которым предстояло командовать войсками в реальной боевой обстановке. Он поставил перед собой задачу модернизировать всю военную машину посредством создания и развития единой системы подготовки⁶⁰.

⁵⁷ Список Генерального штаба. СПб., 1899.

⁵⁸ Список Генерального штаба. СПб., 1914.

⁵⁹ Дискуссии о том, следует ли давать в академии Генерального штаба специальное или общее военное образование, продолжались вплоть до краха Российской империи. Их содержание удачно сформулировано в: *Калнин Э. Х. Генеральный штаб и его специальность*. СПб., 1909.

⁶⁰ *John W. Steinberg. All the Tsar's Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press and the Woodrow Wilson Center Press, 2010. P. 37–44.

Однако в годы пребывания Куропаткина в должности военного министра (1898–1904) приверженность традициям и сопротивление реформе были столь сильны, что Куропаткину стало ясно: попытки покунуться на освященные временем обычаи военных маневров затрагивают самое большое место офицеров императорской свиты и гвардейских полков. При поддержке грозного Драгомирова традиционно мыслящие гвардейские офицеры мобилизовали все имевшиеся в их распоряжении ресурсы, включая поддержку царя, с целью сохранения давно отживших свой век армейских традиций полевых учений. Драгомиров, покинув Николаевскую академию, был назначен командующим Киевским военным округом, благодаря чему сохранял большое влияние, особенно в сфере армейского обучения. Более того, поскольку он был наставником будущего императора Николая II в военных делах, тот прислушивался к его мнению вплоть до смерти Драгомирова в 1905 г.

Тем не менее Куропаткин понимал и символическое, и практическое значение ежегодных военных учений и истратил огромное количество политического и финансового капитала на то, чтобы в августе — сентябре 1902 г. провести в Курской губернии крупнейшие в истории Российской империи военные маневры⁶¹. Для этих маневров потребовалась мобилизация двух военных округов целиком и еще двух — частично. В Курских маневрах приняло участие более 90 тыс. человек, при том, что прежде даже маневры с 10 тыс. участников производили впечатление грандиозных. Куропаткин стремился дать своей армии опыт передвижения огромных людских масс на поле боя и вне его: он хотел, чтобы солдаты маршировали, командиры командовали, но в первую очередь он хотел выявить логистические возможности армии. После завершения маневров Драгомиров выходил из себя, обвиняя Куропаткина в пустой растрате сил и средств. Что еще хуже, практическое значение маневров было обесмыслено присутствием царя; его сторона должна была победить, и все это знали. Но самым пагубным и для ближайшего будущего империи, и для самого Куропаткина было то, что, как ему стало ясно, от него могли ожидать неверного решения или шага в ключевой момент сражения⁶².

⁶¹ Отчет о большом маневре в Курской губернии в высочайшем присутствии в 1902 году: Московская армия. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1903; Отчет о большом маневре в Курской губернии в высочайшем присутствии в 1902 году: Южная армия. Киев: Типография штаба Киевского военного округа, 1903. Помимо этих обстоятельных официальных отчетов, есть и краткие описания: Московская армия на больших маневрах под Курском // Разведчик. № 626. 1902. С. 925–929; № 627. 1902. С. 948–953; Действия Южной армии на Курских маневрах в высочайшем присутствии в 1902 году // Разведчик. № 637. 1903. С. 4–9; № 638. 1903. С. 30–35.

⁶² Steinberg. All the Tsar's Men. P. 117–147.

Заключение

Под Курском Куропаткин не только понял, что царь и его свита являются главным препятствием на пути реформ, но и был вынужден признать, что модернизацию армии тормозят военные традиции. Разногласия между Куропаткиным и царем с его сторонниками по поводу Курских маневров заставили военного министра и многих других прогрессивных мыслителей пересмотреть вопрос о том, какие военные реформы были реальны, а какие — нереальны⁶³. Хотя полный провал Куропаткина как командующего на русско-японской войне вынудил его к преждевременной и фактически позорной отставке, ничто не могло остановить начатого им процесса реформирования русского военного образования. Правильно понимая, что во всех родах войск ощущается крайняя нехватка образованных офицеров, он открыл доступ в военные училища для всех способных царских подданных, в то же время превращая юнкерские училища в военные. Более чем удвоив число военных училищ, дававших офицерам специальное военное образование, Куропаткин раз и навсегда покончил с засильем аристократии в офицерском корпусе, по крайней мере, в численном выражении. Он понимал, что Россия нуждается в квалифицированных людях для заполнения вакансий в офицерском корпусе и в достаточном числе военных училищ ради удовлетворения этой потребности, несмотря на протесты со стороны традиционной служилой элиты — офицеров гвардейских полков. Таким образом, его влияние на образование, дававшееся в военных училищах, представляло собой кульминационный момент создания профессионального офицерского корпуса в дореволюционный период российской истории. Однако подобный прогресс, как хорошо известно, уже не сумел помочь ни императорской армии, ни режиму.

К началу XX века, в промежутке между неустанными усилиями Милютина и последующим возвышением А. Н. Куропаткина, который сам по себе был порождением его реформ, в русском обществе стало возникать подобие единой системы военного образования, способной на подготовку офицеров для современного боя. Слабым местом этой системы были низкая квалификация преподавателей и устаревшие педагогические методы. Ее сотрясали бесконечные дебаты о том, каким именно должно быть содержание учебных курсов. Она подвергалась нападкам традиционной элиты, последовавшим

⁶³ В конечном счете решение вопроса о том, как повысить эффективность полевых учений, состояло в том, чтобы проводить скромные полковые учения как можно дальше от глаз царя, его родственников и их непоколебимых приверженцев. Хороший обзор роли маневров в русской военной традиции см.: *Гареев М. А.* Общевоинские учения. М.: Военное издательство, 1990. С. 8–90. Примеры того, как мелкомасштабные маневры повышали эффективность учений, см.: *Steinberg.* All the Tsar's Men. P. 232–270.

за убийством Александра II, отставкой Милютин и усилиями Ванновского по сохранению позиций дворянства в офицерском корпусе. Тем не менее с момента завершения Крымской войны и вплоть до падения династии Романовых военное образование постоянно претерпевало изменения, имевшие целью найти более удачные и более продуктивные методы обучения русских офицеров. Одним из следствий этого процесса, главным образом по причине постоянно увеличивавшейся потребности в офицерах, была утрата аристократией контроля над командными должностями в армии. Вследствие того, что офицеры Генерального штаба получали широкое образование как в военных, так и в гражданских училищах и академиях, они оказались в числе подданных империи, обладавших наиболее передовым мышлением. К началу XX века даже царь был вынужден неохотно признать, что офицеры Генерального штаба, вне зависимости от их личного происхождения, были людьми, лучше других понимающими всю сложность мира, в котором они жили, — они были военными профессионалами, от которых зависела охрана режима от внутренних и внешних врагов.

Однако глубоко укоренившиеся социальные различия воспрепятствовали появлению сплоченной военной элиты, которая бы обладала влиянием и дальновидностью для того, чтобы решать стоявшие перед империей военные проблемы. Ни одна реформа, как бы блестяще она ни была задумана и как бы мастерски ни была исполнена, не могла преодолеть наследия военных, политических и социальных обычаев, складывавшихся, по меньшей мере, в течение двухсот лет. Реформы Милютин начали процесс преодоления власти традиционной военной элиты и создания институтов, которые вымостили путь к подготовке военных профессионалов. К 1914 году перестроенная система военного образования готовила офицеров в количестве, достаточном для управления массовой армией. Реформаторы сделали все, что было в их силах, чтобы во второй половине XIX и начале XX века осуществить в России модернизацию армии. Тем не менее традиционалисты сохраняли власть и по-прежнему сопротивлялись всему, что воспринимали как угрозу своей позиции и авторитету. Пестрый социальный состав русского офицерского корпуса, в сочетании с крайне централизованной военной администрацией, не говоря уже о постоянном вмешательстве со стороны царя, его родственников и их всевозможных приближенных, особенно всякий раз, когда армия пыталась проводить практические полевые учения, не позволил Генеральному штабу превратиться в такой всемогущий орган, каким он был в Германии, и обладать достаточным авторитетом, чтобы привести русскую армию к победе на полях сражений начала XX столетия.

Ф. А. Гайда

КАК ОКТЯБРИСТЫ СТАЛИ ОППОЗИЦИЕЙ

Переход октябристов в оппозицию в историографии обычно объяснялся постоянным и фатальным правлением правительственного курса, начавшимся еще при Столыпине и закрепленным при Коковцове: «Союз 17 октября», будучи изначально основной опорой власти, не мог противодействовать этой тенденции, но под угрозой грядущей революции все более опасался ее поддерживать. В конечном счете, в 1913 г. это привело к разрыву партии с правительством¹. Такое представление было связано с ленинским взглядом на октябристов как основных выразителей классовых интересов крупной буржуазии, которая, в соответствии с подобной концепцией, все более разочаровывалась в существовавшем политическом строе; отражением этой тенденции и была эволюция партии октябристов.

Октябристы, безусловно, были одним из основных элементов Третьеиюньской системы. Для самих октябристов Манифест 3 июня 1907 г. был благом безотносительным: именно после него, как утверждал Гучков в своем докладе на III партийном съезде в октябре 1909 г., «наступило общее отрезвление». Лидер октябристов считал: «Акт 3-го июня был спасением для Г. Думы. [...] Только благодаря этой реформе избирательного закона представительный строй России пустил глубокие корни. И теперь только в безумных головах может родиться мысль о его уничтожении». Суть реформы, по его мнению, заключалась в «ограничении влияния инородцев, [...] усилении влияния коренного населения, и в том, что к законодательной

¹ Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 360–363; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 493, 495–499; Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 20–22.

деятельности призывались элементы, привыкшие к работе в земских и городских самоуправлениях»².

Однако уже в 1908–1909 гг. обозначились первые противоречия между октябристами и властью. Если проведение аграрной реформы и рабочего законодательства, начатое или заявленное премьером, было не в интересах крупных землевладельцев и торгово-промышленников — основной социальной базы октябристов, то желание Столыпина превратить парламент в инструмент проведения своей политики прямо расходилось с представлениями «Союза 17 октября». В ситуации распада партийных структур, затронувшего все российские партии, а октябристов — в первую очередь³, желание закрепить в парламенте, перейти к частичному парламентскому контролю и управлению, выходило на первый план. Попытки октябристов обозначить себя в качестве самостоятельной политической силы выражались, прежде всего, в оборонной и церковной сферах. В юридической плоскости спор шел о прерогативах монархии и представительства, т. е. о трактовке соответствующих статей Основных государственных законов (96 ст., позднее — 65 и 87 ст.). Это вызвало противодействие со стороны верховной власти, которая традиционно воспринимала эти сферы как исключительно свои. В правовой коллизии вокруг 96 ст. ОГЗ, касавшейся прерогатив Императора в сфере обороны, верховная власть формально одержала верх, но октябристы смогли поддержать свой образ независимой политической силы и развили неформальные отношения с военными верхами. Во второй сфере главным стал вопрос церковно-приходских школ. Это вело к конфликту по поводу 65 ст. ОГЗ. Между тем Столыпин, в отличие от Николая II, долгое время выражал уверенность в возможностях политического компромисса с октябристами — даже летом 1910 г. он говорил министру иностранных дел А. П. Извольскому: «С политическими деятелями правее кадет я веду дело лично, конечно, могу на них влиять тысячьо путями, но делаю это лично. Это не всегда легко — партию не закроешь, как газету!»⁴

Дополнительным пунктом противоречий стала модификация столыпинского курса. Под влиянием внутри- и внешнеполитических обстоятельств взгляды Столыпина значительно эволюционировали. Конкретизированная правительственная программа, предполагавшая сосредоточение

² Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 82, 334.

³ Численность местных организаций «Союза 17 октября» уже в 1907–1908 гг. сократилась с 53 до 10, а число их участников, доходившее в 1907 г. до 18 778 чел., в 1908 г. составило только 409, а в 1909 г. — 60. У партии был только один печатный орган — «Голос Москвы» (Политические партии России: 1907–1917 гг. (количественный анализ) / Сост. Н. Д. Постников. М., 2001. С. 14–15. Табл. 1–2).

⁴ П. А. Столыпин — А. П. Извольскому, 1 июля 1910 г. // П. А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 369.

на ряде ключевых задач (форсирование аграрной реформы, увеличение финансирования самоуправления и начального образования, «укрепление западных окраин», повышение обороноспособности) в целом была менее масштабным и более прагматичным вариантом предыдущего курса, но она требовала снижения уровня правительственного либерализма. Реализуя эту программу, Столыпин рассчитывал на расширение социальной базы своей политики и сделал ставку на русских националистов (Всероссийский национальный союз). Между октябристами и националистами как правительственной опорой присутствовала принципиальная разница — в силу разницы их партийной структуры и опоры: националисты, пользовавшиеся поддержкой самых разных сословий, преимущественно в западных регионах страны, по своему составу были гораздо демократичнее. Ярко выраженный лидерский характер октябристской партии также играл важную роль. В результате Столыпин склонился к националистам, хотя и продолжал поддерживать личный контакт с Гучковым и даже использовал его, насколько возможно, как инструмент усиления собственной власти над Думой.

Наращение противоречий между октябристами и верховной властью в перспективе угрожало последним потерей правительственной поддержки на выборах. Однако октябристы были подчеркнута принципиальны: «Наш идеал — конституционная монархия дуалистического типа, сильная монархическая власть и министерство, ответственное перед монархом. Эту позицию мы сохраняем и поныне и за это подвергаемся ярым нападкам. [...] Нас называют правительственной партией и упрекают в угодничестве. Но двухлетняя работа в Гос. Думе — прямое опровержение этого упрека. [...] Не осталось ни одного темного уголка правительственной деятельности, который не был бы беспощадно и ярко освещен представителями нашей партии. И мы боролись не только с правительством: рядом с правительством и над ним мы указали наличность вредных темных сил, очень влиятельных и безответственных. [...] На [...] путь оппозиции ради оппозиции [...] мы никогда не встанем»⁵. Как отмечал позднее Милоков, Гучков тем самым затевал собственную «большую игру»⁶.

Политика октябристов уже в начале 1910 г. привела к частичной потере инициативы в рамках Думы, активизации правого и левого крыльев и кризису октябристского центра. К это времени фракция, изначально насчитывавшая 154 депутата, сократилась на 32 человека (с 35 до 27%)⁷. Однако перспективы выборов подталкивали октябристов к поиску более тесных

⁵ Партия «Союз 17 октября»... С. 85.

⁶ Милоков П. Н. Большой человек: А. И. Гучков // Последние новости, 15 февраля 1936 г.

⁷ Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 9–11.

отношений как с правительством, так и с избирателями. В этой перспективе националисты и кадеты выступали естественными конкурентами октябристов. Для создания прочного большинства в Думе Столыпину требовалось объединить националистов и октябристов. В марте 1910 г. премьер выступил инициатором избрания Гучкова председателем Думы. Самому Гучкову такое назначение позволяло установить прямой контакт с императором⁸ и усилить свои личные позиции; при этом он не намеревался отказываться от прежнего октябристского курса в парламенте. Избрание Гучкова отчасти разрешило думский кризис⁹. Гучков пытался использовать свой пост для установления неформальных отношений с правительством¹⁰. Теснейший неформальный контакт — письменный и телефонный — был установлен им со Столыпиным, причем он осуществлялся по несколько раз в день¹¹. В результате в конце 1910 г. между правительством и октябристами было достигнуто соглашение правительства и думского большинства по военно-морской программе¹².

А. И. Гучков «вообще был любителем сильных ощущений»¹³, человеком авантюрного склада, не слишком задумывавшимся о последствиях своих действий. Вице-директор I департамента МИД В. Б. Лопухин вспоминал: «Заварив кашу круто и напористо, он предоставлял расхлебывать ее смене»¹⁴. Он не был склонен к законотворческой рутине. А. Н. Наумов как-то спросил Гучкова о наличии слишком больших уступок крестьянам в одном земском законопроекте, Гучков «столь цинично» ответил: «Было бы о чем торговаться с вами! [...] Государственный совет надбавит, тогда и мы сбавим — иначе с вами не сладишь!»¹⁵ Отстаивая интересы октябристов как партии, Гучков лично претендовал и на надфракционную позицию. Он находился в дружеских отношениях с лидером группы центра П. Н. Крупенским. Крупенский был

⁸ В период III сессии Гучков имел 1 личный доклад, IV сессии — 2 (Там же. С. 64).

⁹ Это признавали даже «Московские ведомости» (см.: *Юрский*. Думские очерки. XIV. Перелом // *Московские ведомости*, 23 июня 1910 г.).

¹⁰ *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б. М. Виттенберга. М., 2001. С. 71–72. 4 декабря.

¹¹ Там же. С. 80. Январь 1911 г.

¹² *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 45.

¹³ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 843. Кн. В. Н. Шаховской отмечал: «Не было ни одного революционного движения за границей, которое не поехал бы лично изучать Гучков». Имелись в виду боксерское и македонское восстания, а также младотурецкий переворот (*Шаховской В. Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 185).

¹⁴ *Лопухин В. Б.* Воспоминания // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Л. 194.

¹⁵ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954–1955. Кн. 2. С. 213.

«термометром думского большинства»¹⁶, «отличался необычайной живостью, энергией и изобретательностью», все узнавал первым и был главным думским информатором Столыпина¹⁷. Такие связи Гучкова с Крупенским предыдущий председатель Думы левый октябрист Н. А. Хомяков считал для фракции октябристов «самым опасным»¹⁸. Хомяков опасался не зря: деятельность Гучкова по созданию союза октябристов и националистов вела самих октябристов к расколу¹⁹. Вместе с тем правые, оставшиеся в изоляции, считали, что Гучков готовит военный переворот. Депутат А. С. Вязигин прогнозировал: такой переворот «удастся, ибо царь, чего доброго, прикажет войскам не стрелять!»²⁰

Гучков также надеялся на свое обаяние в личных беседах с царем. 18 ноября состоялась очередная высочайшая аудиенция Гучкова. Судя по дневнику октябриста А. С. Клюжева, она длилась более часа, император был благо-расположен и разговор шел о военных делах и Сухомлинове²¹. Гучков даже «допытался» у царя о впечатлении от Потсдамского свидания: монарх сообщил, что, по его мнению, мир обеспечен еще по крайней мере на 5 лет²². 30 ноября аудиенции был удостоен председатель бюджетной комиссии Думы М. М. Алексеенко, что, видимо, было согласовано Гучковым. Возникли даже слухи, что он заменит министра финансов В. Н. Коковцова²³. 20 ноября Гучков поведал фракции об очень благоприятных результатах аудиенции, на фракцию отчет произвел «самое отрадное впечатление». Было решено вторично представиться фракцией императору, но обязательно еще в эту сессию, поскольку последняя (предвыборная) сессия будет «не совсем удобна для такого представления»²⁴. Однако эйфория закончилась печально. Дословная передача слов императора проникла в печать, после чего Николай II был оскорблен поведением Гучкова²⁵. Одновременно, 24 ноября Пуришкевич через Дедюлина передал царю записку с «верноподданническим предупреждением» о подготовке Гучковым военного заговора²⁶. Впоследствии императрица в беседе с графом П. Н. Игнатьевым так отзывалась о Гучкове: «Он ненавидит Государя, стремится устроить республику и стать

¹⁶ Дневник А. А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 135.

¹⁷ Наумов А. Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 181–182.

¹⁸ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 63.

¹⁹ Наумов А. Н. Ук. соч. Кн. 2. С. 65.

²⁰ Дневник А. А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 140. 26 ноября.

²¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 66–67.

²² Дневник А. А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 139. 24 ноября.

²³ Там же. С. 140.

²⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 66–67.

²⁵ Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 80–82.

²⁶ Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. к. и. н. М., 2003. С. 204–207.

ее президентом»²⁷. Разрыв между императором и председателем Думы был обеспечен.

В конце 1910 г. произошел еще целый ряд событий, осложнивших взаимоотношения октябристов с властью. В ноябре Дума приняла законопроект о начальной школе, похоронив церковно-приходские школы. «Московские ведомости» отмечали влияние кадетов на октябристов, которые уже стали применять методы оппозиционной борьбы²⁸. А 12 декабря Столыпин написал Гучкову довольно резкое письмо по поводу инцидента, произошедшего в думской комиссии по городским делам (в ее заседании октябрист И. В. Годнев обвинил в некомпетентности председателя совета по делам местного хозяйства МВД Н. Н. Анциферова), в котором проявилось явное охлаждение отношений премьера и октябристов²⁹.

Начало 1911 года сопровождалось значительным политическим оживлением и повышенными надеждами на Думу. Партии уже разворачивали подготовку к предвыборной кампании. Сказалось новое настроение Гучкова. 1 января 1911 г. «Голос Москвы» поменял шапку: вместо стилизованной вязи шрифт названия приобрел сходство со знаменитым «Голосом» А. Д. Градовского. 5 января Громобой опубликовал в «Голосе Москвы» передовицу «Последние иллюзии». Ранее Совет министров и Дума, писал автор, шли «рука об руку», «но теперь — по пути ли им дальше?» Громобой обвинял Государственный совет в том, что он хоронит думское законодательство и задавался вопросом: «Что остается делать представителям умеренных партий, превращенных Г. Советом, при попустительстве министерства, в крамольников, обреченных на бесплодность своей работы? Раньше всего — сообщить об этом родине. Парламент не может быть ширмой, за которой укрывается реакция». Затем, по мнению публициста, необходимы были законы об основных свободах. И следовал общеполитический вывод: «Пора недомолвок и компромиссов прошла. И на смену ей наступает иная пора — новой организации общественных сил. Если нельзя ждать помощи извне — наступает пора самопомощи»³⁰.

При голосовании по вопросу о сооружении за казенный счет петербургской городской канализации правые и националисты поддержали правительство, но вопрос был решен отрицательно с перевесом всего в 1 голос (при этом против голосовал и Гучков): Дума не дала государственной власти вмешаться в сферу местного самоуправления. Продемонстрировав канализационную принципиальность, октябристы в дальнейшем не снижали

²⁷ *Игнатъев П. Н.* Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 8. С. 316.

²⁸ *Тур К. И.* Опасность кадетской лжи // Московские ведомости, 27 ноября 1910 г.

²⁹ П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 450–452.

³⁰ Голос Москвы, 5 января 1911 г.

темпов. 24 января в 2-х чтениях прошел законопроект о введении всеобщего начального образования (9 февраля Дума приняла его окончательно)³¹. На следующий день под председательством Гучкова состоялось межфракционное совещание о плане сессии. Кадеты выступали за проведение законопроекта о расширении бюджетных прав Думы, волостного земства и рабочего страхования (в последнем их поддерживали социалисты). Октябристы поддержали подготовку законопроекта о расширении и в результате левоцентристское большинство согласовало свой план³². 26 января в Думе раздалась демонстративная и резкая критика Морского министерства³³ (октябристам было известно, что 1 января морской министр Воеводский был награжден). 31 января на заседании октябристской фракции обсуждался вопрос кредитов на образование. Левые октябристы распекали правительство. Речь Гучкова расставляла все по местам. «Мне кажется [...] что в данном случае смешиваются две стороны: [...] одна чисто партийная, то есть рекламная, и другая — чисто деловая, затрагивающая существо самого дела», — сказал он и отметил, что деловая сторона требовала компромиссов. С точки зрения рекламной, по мнению Гучкова, октябристы «все равно» не могли угнаться за кадетами, поэтому он предлагал деньги дать, но смету демонстративно урезать³⁴.

12 февраля состоялась аудиенция Гучкова, на которой он планировал добиться личного посещения императором Думы 19 февраля (при праздновании 50-летия освобождения крестьян). Правые и даже Волконский выступали против этого плана. Судя по официальной хронике, Гучков был принят на полтора часа и удостоился расспросов³⁵. Однако именно в это время Николай II просил военного министра Сухомлинова передать Гучкову, что считает его «подлецом»³⁶. После этого император считал Гучкова «личным врагом» и прямо говорил это министрам. Как отмечал Барк, это было совершенно необычно, поскольку к лицам, ему неприятным, царь обычно относился «с полным безразличием»³⁷. Тогда же пресса, в том числе и октяб-

³¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 277, 502–575, 1512–1518.

³² Новое время, 26 января 1911 г.

³³ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 770–780.

³⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–15 об.

³⁵ Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год. Подготовка текста, вступительная статья и примечания И. В. Лукоянова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 103–104.

³⁶ *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. Т. 1. М., 1924. С. 110.

³⁷ *Барк П. Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 180. С. 82.

ристская, начала активное обсуждение «дела Илиодора» (конфликт Синода с царичинским иеромонахом Илиодором (Труфановым), пользовавшимся высочайшей благосклонностью), болезненного для императора. Отношения Гучкова с премьером между тем в целом еще сохранялись. 14 февраля Столыпиным был дан обед, на котором присутствовали министры, Акимов, Гучков, члены Государственного совета и Думы³⁸. 19 февраля Столыпин и Гучков вместе вспоминали о крестьянской реформе у памятника Александру II³⁹. Как отмечал А. А. Бобринский, «юбилей [...] прошел без малейших неурядиц и без тени обещанной «революции»⁴⁰. Возможно, именно тесная связь, которую демонстрировал Столыпин в отношении октябристов, и дала повод к весьма неожиданным слухам о его возможном уходе. «Октябристы не в чести» (из-за политики по народному образованию), однако и «Столыпин, как говорят, стоит очень шатко», — отмечал октябрист Клюжев⁴¹.

Накануне обсуждения в Думе бюджетной сметы МВД левые октябристы вошли в соглашение с кадетами: в соответствии с ним бывший товарищ председателя Думы октябрист С. И. Шидловский должен был с трибуны критиковать отход правительства от октябристского курса, что вело власть в тупик, а кадет В. А. Маклаков упирал бы на тайные симпатии Столыпина к правым⁴². 26 февраля при обсуждении сметы МВД (правительство на заседании отсутствовало) Шидловский раскритиковал административные репрессии, которые, по его заявлению, октябристы не намерены были «покрывать». В речи И. В. Годнева звучали утверждения о взяточничестве в Департаменте полиции и необходимости урезать ассигнования. Даже Милюков неожиданно взял слово и выразил радость по поводу эволюции октябристов⁴³. «Голос Москвы» вынужден был признать, что прения по бюджету «далеко вышли за пределы обсуждения бюджета по существу и приняли общеполитический характер». Далее шла следующая тирада: «Критику политики Министерства внутренних дел в Г. Думе следует рассматривать как верное отражение настроения на местах. Это простое эхо обывательского эха, вопля людей, безнадежно застрявших в пучине бесправия. То обстоятельство, что в критике правительственной политики приняли участие группы, лояльность которых вне спора и сомнений, группы, вовсе не склонные играть в оппозицию ради оппозиции, показывает, что недовольство современным положением охватило и пославшую их среду, умеренную в своих требованиях и желани-

³⁸ П. А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 348; Новое время, 12 февраля 1911 г.

³⁹ Голос Москвы, 20 февраля 1911 г.

⁴⁰ Дневник А. А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 144.

⁴¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

⁴² Из кулуаров Государственной думы... С. 114–115.

⁴³ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1910–1911. Стб. 2986–2995.

ях. [...] Куда же мы идем? Неужели назад, к тому времени, когда правительство и общество представляли собою два враждебных и вечно воюющих лагеря? Не будет ли это приближением и повторением уже пережитого однажды страшного государственного краха? Нельзя не считаться с общественным мнением, нельзя не учитывать его настроений, если, конечно, не смотреть на общество, как на врага внутреннего, которого непременно надо покорить». Но, в отличие от кадетов, считал «Голос Москвы», «партия центра не придала своему выступлению характера демонстрации». «Это не в ее правилах. Партия не прибегает ни к бесцельным угрозам, ни к запугиваниям»⁴⁴.

В марте политическая ситуация резко изменилась. В Государственном совете голосами левых и части правых был провален законопроект о земстве в западных губерниях. «Голос Москвы» был возмущен: «Г. Совет проявил абсолютную независимость. [...] Верхняя палата действовала независимо от высших сфер, от правительства, от Г. Думы, от демократической тенденции и всецело независимо от русских интересов»⁴⁵. В ответ на действия Государственного совета Гучков инициировал спешное повторное проведение проваленного законопроекта через Думу⁴⁶. Как отмечало «Новое время», Дума могла рассмотреть законопроект через месяц⁴⁷. А далее кризис вступил во вторую фазу. 12 марта последовал роспуск палат на 3 дня с целью проведения законопроекта по 87 статье ОГЗ. Для Думы роспуск оказался полной неожиданностью⁴⁸. Националисты ликовали, октябристы, наоборот, были возмущены⁴⁹. В октябристских кругах царил убеждение, что «коренная ошибка» Столыпина крылась именно в том, что он не сговорился с Гучковым⁵⁰. Гучков действительно был «крайне недоволен», что Столыпин прервал сессию без предварительной договоренности с ним⁵¹. «Голос Москвы» проповедовал «суровый и энергичный протест» и утверждал, что сам Столыпин «либеральнее своей политики». Как считалось в октябристских кругах, конфликт «закончился поражением правых как раз в ту минуту, когда они готовы уже были торжествовать победу. [...] Положение П. А. Столыпина, по-видимому, прочнее, чем когда-нибудь». Выражалась надежда на продолжение прежнего курса. Однако в октябристских кругах царил недовольство. Мейендорф (двоюродный брат Столыпина) отмечал: «Нельзя допускать, чтобы Государственный совет превращался в учреждение, одобряющее все,

⁴⁴ Голос Москвы, 1 марта 1911 г.

⁴⁵ Там же. 6 марта 1911 г.

⁴⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 121.

⁴⁷ Новое время, 12 марта 1911 г.

⁴⁸ Из кулуаров Государственной думы... С. 127.

⁴⁹ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 81. 14 марта.

⁵⁰ Из кулуаров Государственной думы... С. 127.

⁵¹ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 81. 12 марта.

что предложит правительство». Кн. И. А. Куракин выражал неприятие: «У нас есть гораздо более важные законопроекты [...] и их не проводят таким образом». Левый октябрист Ю. Н. Глебов прогнозировал, что законопроект будет внесен в палаты после окончания сессии, пролежит до осени, когда земские выборы уже состоятся и ничего нельзя будет менять⁵². 12 марта состоялось заседание октябристского бюро: было решено голосовать против законопроекта, если он будет проведен по 87 статье, что «сразу приподняло настроение фракции». Гучков считал борьбу неизбежной, иначе, как он отмечал, роль октябристов «сведется к нулю». Годнев удивлялся тому, что фракция только сейчас заметила то беззаконие, которое длилось уже 3 года. Мейендорф признавал, что поступок стал «унижением и оскорблением» самой власти, но задал вопрос о почве для борьбы: мог ли ею стать бюджет? Алексеенко считал это невозможным, поскольку правительство в таком случае при проведении бюджета могло обойтись и без палат⁵³. Затем Столыпин принял делегацию октябристов в составе М. В. Родзянко, П. В. Каменского и Ю. Н. Глебова (Гучков на эту встречу, конечно, не поехал). Октябристы выразили протест, чем Столыпин был «очень удивлен». Ночью они опять посетили Столыпина и привезли ему резолюцию фракции, на что премьеру оставалось только выразить сожаление, потому что решение уже было принято на высочайшем уровне. После этого Гучков официально подал в отставку⁵⁴. Как считали октябристы, Столыпиным «все советы Гучкова и его искательство отвергнуты с оттенком даже пренебрежения»⁵⁵. 18 марта его единогласно избрали председателем фракции⁵⁶.

Однако после первой резкой реакции в самой Думе было тихо⁵⁷, а следовательно, весь думский расклад теперь зависел от октябристов⁵⁸. Громобой писал, что правительство отвергло сотрудничество думского центра: «Готовы были верить, жаждали верить — и остались с пересохшими губами, и в протянутую руку получили даже и не камень. [...] Хотели перед Европою сохранить конституционное лицо. Скоро будет видно, успокоили ли таким путем Россию, но уж Европу-то, наверное, потеряли»⁵⁹. На заседании октябристского ЦК было решено внести спешный запрос о незаконности действий Столыпина, однако вопрос о сложении октябристами депутат-

⁵² Голос Москвы, 13 марта 1911 г.

⁵³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–35.

⁵⁴ Голос Москвы, 15 марта 1911 г. «Речь» отмечала, что невозможно было бы поверить в неведение Гучкова в данной ситуации, если бы он не подал бы в отставку (Там же.).

⁵⁵ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 83. 23 марта.

⁵⁶ Голос Москвы, 19 марта 1911 г.

⁵⁷ Новое время, 16 марта 1911 г.

⁵⁸ Из кулуаров Государственной думы... С. 125.

⁵⁹ Голос Москвы, 22 марта 1911 г.

ских полномочий был отложен на сутки⁶⁰. Заседание было очень бурным, но единой позиции не было⁶¹. «Голос Москвы» выступал против, напоминая, что партия «никогда не была партией мирного сопротивления»⁶². В конце концов ЦК проголосовал против сложения и перехода в оппозицию, что неизбежно провоцировало раскол фракции⁶³.

Тем не менее фракции нужно было показать стране свою принципиальность. Для открытой демонстрации своего настроения октябристы планировали обратиться к правительству с запросом. В октябристских кругах ходили разговоры, что уклонение Столыпина от спешного ответа на запрос приведет к тому, что фракция в ответ не проголосует за строительство 4 дредноутов, которое планировалось в рамках Морской программы⁶⁴. Как указывало «Новое время», сам характер запроса фактически означал переход октябристов к требованию «ответственного министерства»⁶⁵. «Русские ведомости» полагали, что октябристы после своих шагов должны теперь добиваться отставки Столыпина или роспуска Думы, что представлялось более вероятным. Роспуск, таким образом, «произойдет на основном вопросе всей русской государственной жизни: должны ли мы жить под режимом бюрократического абсолютизма или у нас существует хотя бы в самой элементарной форме конституционный строй?». Последствия кризиса были неочевидны, но он «по крайней мере окончательно разбивает иллюзии искренних и неискренних апологетов “обновленного строя” в истолковании Столыпина»⁶⁶.

Однако вскоре в самой октябристской фракции начался сбор подписей за пересмотр принятых решений⁶⁷. Сам Гучков прогнозировал близкую смену Столыпина на лидера правых Государственного совета П. Н. Дурново и решил отправиться на Дальний Восток⁶⁸. 20 марта накануне перевыборов думского председателя Гучков был принят Столыпиным. Гучков «вынес впечатление, дающее мало надежды на то, что политический кризис будет улажен», и захотел «на некоторое время» отойти от политической жизни⁶⁹. В разговоре со Столыпиным Гучков сказал: «Вы некоторый урон нанесли нашей молодой русской конституции, но главный — это то, что вы сами себе нанесли удар. Если раньше с вами считались, как с человеком, имеющим

⁶⁰ Партия «Союз 17 октября»... С. 324–325.

⁶¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 37–38.

⁶² Голос Москвы, 15 марта 1911 г.

⁶³ Из кулуаров Государственной думы... С. 126.

⁶⁴ Там же. С. 127.

⁶⁵ Новое время, 22 марта 1911 г.

⁶⁶ Русские ведомости, 15 марта 1911 г.

⁶⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 129.

⁶⁸ Там же. С. 131.

⁶⁹ Голос Москвы, 22 марта 1911 г.

большой вес, то это, по-моему, политическое харакири». Кроме того, он заявил, что премьеру нельзя было давить на Государственный совет и отправлять в отпуск лидеров правых («такие кары неудобны — за голосование против правительства расправляться») ⁷⁰. 27 марта Гучков отбыл на Дальний Восток ⁷¹. Струве верно отметил, что своим отъездом он как бы доказывал незначительность для него происходивших событий ⁷². Поведение Гучкова и фракции вело к тому, что конфликт в результате должен был уладиться ⁷³. Для перспектив октябристов это был мощный удар.

Успокоение произошло слишком быстро. По результатам кризиса проигравшими себя чувствовали только октябристы, однако большинство фракции настоящим виновником поражения могло считать лично Гучкова. «Голос Москвы» тушил пожар: «Оппозиционная» печать предается безудержному ликованию по поводу конституционного, или лучше сказать, антиконституционного промаха, сделанного г. Столыпиным. [...] Эта печать выражает величайший страх, как бы инцидент не уладился и как бы вновь не наладилась правильная работа в Г. Думе». Практика увольнения в отпуск членов палаты называлась обычной для Европы — в тех случаях, когда относится «к области мер личного воздействия на близкие и особенно доверенные круги». И только в России, где все это ново, она «привлекает нервное любопытство широких масс», а в Государственном совете — «толки о том, что правительство стремится, чтобы назначенные члены Г. Совета были его “холопами”» ⁷⁴. Националист профессор Т. В. Локоть отмечал, что Столыпин «пошел против представителей старого олигархическо-бюрократического духа и строя, открыто и определенно объявил себя на стороне нового, — если не строя, то нового государственного принципа, формулируемого как национальное народное представительство». Остальное, по мнению автора, было лишь «формальные резкости, шероховатости и возбуждение» ⁷⁵.

Дума вышла из кризиса без председателя, а новый должен был ввести палату в последнюю — предвыборную — сессию. При избрании правые и националисты не желали голосовать за кандидата правого центра кн. В. М. Волконского, поскольку не хотели брать на себя ответственность за Думу перед предстоящими выборами. Кадеты и прогрессисты вообще не собирались поддерживать новых кандидатов. Единственной реальной кандидатурой был

⁷⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 112.

⁷¹ Голос Москвы, 25 марта 1911 г.

⁷² Струве П. Еще один «кризис» на политической сцене // Русская мысль. 1911. № 4. II паг, с. 163–164.

⁷³ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 83. 23 марта.

⁷⁴ Голос Москвы, 19 марта 1911 г.

⁷⁵ Локоть Т. Дума, Столыпин и национализм // Там же. 20 марта 1911 г.

М. В. Родзянко. Отставной поручик Кавалергардского полка и сын гвардейского полковника 52-летний Родзянко имел многочисленные связи в столице, в частности, был давним знакомым Столыпина⁷⁶. 15 марта он уступил пост председателя фракции Гучкову⁷⁷. Правое крыло октябристов еще осенью 1910 г. в отсутствие иных подходящих кандидатур хотело видеть во главе Думы Родзянко, однако, как отмечал октябрист М. Я. Капустин, Родзянко не был способен сглаживать противоречия⁷⁸. Даже левых октябристов Родзянко не устраивал, и некоторые собирались поддержать Волконского в пику Родзянко⁷⁹. Выдвигалась кандидатура Алексеенко, но сам он был против выдвижения⁸⁰. На заседании фракции Гучков категорически отказался баллотироваться вновь. 12 голосов (Шидловского, Алексеенко, фон Анрепа и др.) было подано против выдвижения какой бы то ни было кандидатуры⁸¹. Октябристская фракция разделилась: за Родзянко проголосовали 38 человек, за Алексеенко — 56, но он отказался. Родзянко тоже отказался (якобы по личным мотивам), но в результате он все же дал себя уговорить⁸². Секретарь думской фракции И. С. Ключев отметил: «Неизвестно, кто правее — он или Волконский»⁸³. Гучков знал о желании левой части фракции голосовать за Волконского, но вида не подал. Ключев описывал заседание: «Гучков и Родзянко сидели рядом и мирно беседовали. “Вот она, настоящая-то политика, — сказал я себе мысленно, — ведь каждый из них прекрасно знает, что оба они подставляют друг другу ноги и смотрят на настоящее положение диаметрально противоположно, а между тем и вида не подают, что понимают один другого”»⁸⁴. Для правых Родзянко был «ни то, ни сё»⁸⁵, однако 22 марта при выдвижении кандидатов в Думе он стал лидером (188 голосов)⁸⁶, его основным соперником — Волконский (124), остальные набирали по 1–4 голоса. В итоге 199 голосами против 123 Родзянко был избран председателем. Дума поделилась на 2 части по фракции октябристов, только социалисты воздержались (за это «Голос Москвы» получил возможность обвинить их в избрании Родзянко⁸⁷, что выглядело достаточно курьезно).

⁷⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 58 об.

⁷⁷ Голос Москвы, 15 марта 1911 г.

⁷⁸ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 63–65 об.

⁷⁹ Из кулуаров Государственной думы... С. 132–133; Голос Москвы, 23 марта 1911 г.

⁸⁰ Новое время, 20 марта 1911 г.

⁸¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 42, 43 об.

⁸² Голос Москвы, 22 марта 1911 г.

⁸³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 46 об.

⁸⁴ Там же. Л. 50 об.

⁸⁵ Дневник А. А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 149.

⁸⁶ Еще в январе он хотел сложить с себя полномочия депутата, поскольку не мог навязать своей воли бюро октябристской фракции (Из кулуаров Государственной думы... С. 92).

⁸⁷ Голос Москвы, 23 марта 1911 г.

При вступлении в должность Родзянко, в частности, произнес: «Я верил и верю в жизненную мощь и государственную важность для нашей родины представительного строя, дарованного Святой Руси непреклонной волей и мудростью нашего Великого Государя [...] но никогда эта вера не была так во мне крепка [...] как в эти дни тревог и опасений [...] — хочу верить — напрасных, но все же жгучих и тяжелых». Выступление столь маловразумительное было воспринято без особого энтузиазма и при смехе на скамьях левых⁸⁸. Однако речь была поддержана «Россией»⁸⁹. Хотя сам Родзянко заявлял себя противником столыпинской меры⁹⁰, его считали ставленником Столыпина, отсюда проистекала вся его щепетильность в отношении прав парламента⁹¹. «Речь» объявила избрание Родзянко капитуляцией октябристов перед Столыпиным⁹². Начальник канцелярии IV Думы Я. В. Глинка писал о Родзянко: «Неумен и необразован. В юридических вопросах совершенно не разбирается. [...] На мои возражения слышится: “Ну Вы юридический крючок, что ж тут такого”, повторяя слова крылатые Столыпина: “Маленький нажим на закон или я издаю это по 87-й статье”»⁹³. По мнению Милюкова, Родзянко, несмотря на представительный вид, «особым честолюбием... не страдал, ни к какой “политике” не имел отношения и не был способен на интригу»⁹⁴. На аудиенции царь поинтересовался у Родзянко, проголосует ли Дума за Морскую программу, в чем Родзянко выразил сомнение. Сам Родзянко задал вопрос о применении 87 ст. и, несмотря на нежелание царя отвечать прямо, получил ответ, что на этот вопрос есть разные точки зрения (т. е. косвенную поддержку Столыпина). В заключение Родзянко, по его словам, «так “осмелел”, что, откланиваясь, решился задать вопрос прямо и спросил: “Ваше Величество, довольны ли Вы Думой?” Государь, после некоторого раздумья и, как показалось Родзянко, не без колебания ответил: “Да, доволен”»⁹⁵. Считалось, что своей искренностью Родзянко серьезно поправил положение. Кроме того, на правах старого знакомого он пригласил Столыпина в Думу⁹⁶.

«Московские ведомости» выражали осторожную радость по поводу назначения Родзянко из-за его взглядов на национальный вопрос⁹⁷. По мне-

⁸⁸ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб., 1910–1911. Стб. 1455–1456.

⁸⁹ Россия, 24 марта 1911 г.

⁹⁰ Из кулуаров Государственной думы... С. 136.

⁹¹ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 83. 28 марта.

⁹² Речь, 23 марта 1911 г.

⁹³ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 85. Май.

⁹⁴ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 337–338.

⁹⁵ Из кулуаров Государственной думы... С. 135.

⁹⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 58 об.

⁹⁷ Юрский. Думские очерки. Новый председатель // Московские ведомости, 29 марта 1911 г.

нию «Русских ведомостей», избрание Алексеенко могло обеспечить левоцентристский блок, Волконского — неопределенность, а приход Родзянко означал желание октябристов «вернуть к себе расположение министерства ценой еще новых уступок»⁹⁸. Голосование октябристов обнажало их противоречия, перспектива раскола становилась реальностью⁹⁹. Взвзвывая влево Громобой констатировал тупик правительственной политики и отвечал на угрозу досрочного роспуска Думы: он «явится окончательным признанием банкротства власти и отсутствия поддержки власти в стране». Итог был угрожающим: «История пойдет своим ходом. Лед тронулся! [...] Истомившей всех неопределенности приходит вождельный конец»¹⁰⁰. Избрание Родзянко было названо ошибкой. Правительству бросался вызов: «пусть попробует работать в одиночестве, без поддержки общественных групп». Его шаги могли привести к отмене конституции, а «роль конституционного председателя при этом» стала бы «невозможна»¹⁰¹. 23 марта левые октябристы стали выходить из бюро фракции¹⁰². По поводу перспективы раскола «Голос Москвы» писал: «Нужно рубить запутавшийся узел»¹⁰³.

27 апреля Столыпин выступил в Думе с речью о применении 87 статьи¹⁰⁴. Дума, неожиданно для октябристов и благодаря уклонению правых от голосования, набрала более $\frac{2}{3}$ голосов против разьяснения Столыпина. Это позволяло ей по ст. 60 ОГЗ через своего председателя обратиться к императору напрямую, однако октябристы на это не пошли¹⁰⁵. В большинстве своем октябристы не мыслили себе полного разрыва со Столыпинам. Именно поэтому 7 мая октябристская фракция приняла решение о консолидированном голосовании под угрозой удаления из своего состава¹⁰⁶. 13 мая думская сессия завершилась.

Положение октябристов было незавидным. Гучковский «Голос Москвы» резко критиковал политику Министерства народного просвещения и Синода¹⁰⁷, однако перспективы партии в связи с предстоящими выборами были туманными, а партийная организация и вовсе стала эфемерной. По поводу сложившейся внутри партии стагнации депутат-октябрист барон Е. Е. Тизенгаузен недоумевал: «Что сей сон значит?» Он пытался найти Гучкова,

⁹⁸ Русские ведомости, 24 марта 1911 г.

⁹⁹ Новое время, 25 марта 1911 г.

¹⁰⁰ Громобой. Начало кризиса // Голос Москвы, 23 марта 1911 г.

¹⁰¹ Ошибочный шаг октябристов // Там же.

¹⁰² Голос Москвы, 24 марта 1911 г.

¹⁰³ Безнадежность // Голос Москвы, 3 апреля 1911 г.

¹⁰⁴ Голос Москвы, 3 мая 1911 г.

¹⁰⁵ Из кулуаров Государственной думы... С. 136–137.

¹⁰⁶ Голос Москвы, 8 мая 1911 г.

¹⁰⁷ Там же. 6 апреля 1911 г.

но тот «очень хорошо спрятался»¹⁰⁸. У октябристов отсутствовал план будущей предвыборной кампании, хотя общей тенденцией, по оценке полиции, было стремление к блоку с националистами. Все зависело от общего развития ситуации. «Летом его (блока. — Ф. Г.) шансы были очень слабы, и что скажет осень — неведомо»¹⁰⁹.

Сразу после известия о покушении на Столыпина в сентябре 1911 г. «Голос Москвы», сообщая об отношении петербургского совета партии к покушению и безусловно его осуждая, не удержался от упоминания о «разногласиях и противоречиях по частным вопросам в законодательной области и в некоторых других случаях»¹¹⁰. Однако смерть премьера позволяла сделать из него знамя октябризма в борьбе на два фронта — с правой «реакцией» и кадетской «революцией». После смерти премьера газета уже осуждала всякую оппозицию и утверждала: «Общество, как сумма отдельных лиц, никогда не будет удовлетворено своим правительством»¹¹¹. В противодействии Столыпину Гучков обвинял «бывших людей» во главе с Дурново и Витте, Союз русского народа и объединенное дворянство. Оправдывая Столыпина, Гучков указывал, что мартовская мера была вызвана «волею свыше» и что «разрыв» с октябристами был для Столыпина «тяжким ударом»¹¹². На торжественном заседании ЦК 17 октября К. Э. Линдеман характеризовал скончавшегося премьера «как верного слугу царя, единомышленника октябристов по убеждениям и государственного деятеля, неуклонно проводившего в жизнь великий манифест 17-го октября»¹¹³. «Голос Москвы» называл Столыпина первым министром, опиравшимся на общество, на его национально-либеральный центр, и прогнозировал, что курс не изменится, поскольку альтернативы ему не было¹¹⁴. На заседании 17 октября А. И. Звегинцев утверждал: «Самая смерть П. А. Столыпина не могла изменить общей государственной политики, ибо она находила поддержку в большинстве Г. Думы». Даже возможное вовлечение России в войну было не страшно, поскольку, как отмечал один из авторитетных октябристов, наличие парламента действовало на страну «успокаивающе»¹¹⁵.

Однако для октябристов смерть Столыпина означала шанс на восстановление отношений с правительством и, одновременно, возможность избавиться

¹⁰⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 505. Л. 6. Е. Е. Тизенгаузен — К. Э. Линдеману, 23 августа 1911 г.

¹⁰⁹ Там же. Л. 12. И. В. Никандров — В. М. Грибовскому, 24 августа 1911 г.

¹¹⁰ Голос Москвы, 3 сентября 1911 г.

¹¹¹ Там же. 7 сентября 1911 г.

¹¹² Там же. 16 сентября 1911 г.; Партия «Союз 17 октября»... С. 334–335.

¹¹³ Партия «Союз 17 октября»... С. 343.

¹¹⁴ Голос Москвы, 13 сентября 1911 г.

¹¹⁵ Партия «Союз 17 октября»... С. 344.

от левых конкурентов: «Наступила пора для граждан стряхнуть с себя апатию и мертвящее безразличие и вступить в борьбу с [...] оппозицией и рождаемой ею революцией. [...] Будущее полно тревог и загадок. Только дружные и открытые выступления всех людей порядка и свободы могут спасти Россию от той гибели, которую готовят ей левые политические партии»¹¹⁶. Октябристы намеревались наладить тесные отношения с новым премьером и восстановить свои политические позиции. «Судьба октябристов выводит», — отметил в дневнике Я. В. Глинка. Однако первая аудиенция у Коковцова Гучкову не понравилась, а Осведомительное бюро сообщило о ее факте, и это означало, что Коковцов не пожелал видеть Гучкова своим «тайным советником»¹¹⁷. В октябристской среде даже опасались резкого смещения Коковцова влево: «Будет ли Гучков и его штаб сочувствовать Коковцову — неважно, а важно, чтобы левое крыло Государственной думы не выразило явного сочувствия новому председателю Совета министров». Хомяков предполагал, что под влиянием левых премьер мог «запутать» в Думе октябристские законопроекты¹¹⁸. Но Гучков все же был полон оптимизма: «Коковцов мало чувствует ко мне расположения, но тоже считается со мной и ни в какой поход на меня не пойдет»¹¹⁹. Он был уверен в возможности партии взять инициативу и усилить свое положение. Кроме того, после смерти Столыпина Гучков вполне мог считать себя единственным героем первого плана на российской политической сцене. Один из октябристов, причастных к предвыборной кампании, говорил Глинке: «Подождите, и в эту избирательную кампанию мы выдадим такие векселя, которых они, конечно, никогда оплатить не смогут»¹²⁰.

Октябристы шли на последнюю сессию для поднятия собственного престижа в глазах избирателей и установления более тесных связей с правительством — тогда эта двойная задача казалась им вполне выполнимой. 15 октября открылась последняя сессия III Государственной думы. Сессия началась с панихиды по почившему премьеру, на 40-ой день его смерти. Родзянко произнес речь о верности Столыпина представителю строю¹²¹. Затем были оглашены три запроса о событиях 1 сентября. Октябристы и националисты потребовали расследования преступления должностных лиц. Социал-демократы обвинили власть в применении практики провокации, частным следствием которой и стало данное событие. Гучков в своей речи осудил террор и, одновременно, прозрачно обвинил полицию в убийстве.

¹¹⁶ Голос Москвы, 7 сентября 1911 г.

¹¹⁷ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 87.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 508. Л. 3. Н. А. Хомяков — В. В. Жуковскому, 4 октября 1911 г.

¹¹⁹ Там же. Д. 517. Л. 100. А. И. Гучков — Ф. И. Гучкову, 9 октября 1911 г.

¹²⁰ Глинка Я. В. Ук. соч. С. 87–88.

¹²¹ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1911. Стб. 1–4.

Октябристы проголосовали за спешность всех трех запросов, чтобы, по словам Гучкова, внести «известную новую ноту в обсуждаемый предмет». Против голосовали правые и кадеты¹²².

Премьер хранил молчание по поводу неформальных контактов с фракциями. Коковцов принял Крупенского и, как и ожидалось, «не сказал собственнo ничего определенного»¹²³. В Думе уже считали, что Коковцов, вопреки ожиданиям, решил ориентироваться не на Балашова и Гучкова, а на левых октябристов Хомякова¹²⁴. Поведение Коковцова и шатание октябристов портило настроение Гучкова. «Вчера видел Гучкова — настроение у него среднее; в министры он не пойдет, как и никто, кроме чиновников; больших дел впереди он не ждет»¹²⁵.

Положение октябристов было поправлено финляндским законодательством. 28 октября обсуждался правительственный законопроект о замене воинской повинности для финляндских граждан на возмещение от финляндской казны. Коковцов выступил с вполне националистической речью. Она вызвала восторг правых и всего думского центра. «Голос Москвы»: «Является уверенность в продолжении национальной политики Столыпина». Капустин считал, что речь была «очень определена». Гучков посчитал речь «прекрасной». Он прямо заявил: «За последнее время чувствовалось некоторое расхождение между центром Г. Думы и правительством. Теперь открывается полная возможность совместной работы»¹²⁶. В интервью «Новому времени» он торжествовал по поводу воссоздания думского центра и заявлял: «Теперь спокойно можно продолжить уже начатую национальную работу»¹²⁷. Ключев записал в дневник: «Коковцов говорил прекрасно — произвел на октябристов и особенно на националистов и все правое крыло крайне большое впечатление»¹²⁸. «Новое время» хвалило речь и выражало радость по поводу объединения октябристов, националистов и правых¹²⁹.

На Коковцова единение правительства и Думы по финляндскому вопросу произвело «чрезвычайно благоприятное впечатление»; премьер даже надеялся на благоприятное решение вопроса с церковно-приходскими школами¹³⁰. 7 декабря октябристы инициировали законодательное предположение о выделении городов в особые земские единицы, Коковцов направил

¹²² Там же. Стб. 25–69.

¹²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 510. Л. 91. Ковалевский — Савенко, 23 октября 1911 г.

¹²⁴ Там же. Оп. 241. 1911. Д. 307а. Л. 45–46. 20 октября 1911 г.

¹²⁵ Там же. Оп. 265. Д. 510. Л. 89. М. Киселев — Л. В. Дашкевичу, 22 октября 1911 г.

¹²⁶ Голос Москвы, 29 октября 1911 г.

¹²⁷ Новое время, 29 октября 1911 г.

¹²⁸ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.

¹²⁹ Новое время, 29 октября 1911 г.

¹³⁰ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Л. 22–27. 14 ноября 1911 г.

его для подготовки в МВД¹³¹. 22 декабря был рассмотрен законопроект об устройстве земско-городского кредита. 8 марта 1912 г. он также был высочайше утвержден¹³². В целом октябристы могли быть довольны. «Голос Москвы» напоминал избирателям, что Думой в прошедшую сессию была «сделана огромная работа»: в интересах народа проведено рабочее страхование и положение о воинской повинности, в интересах поляков — городское управление в Царстве Польском¹³³.

Однако избирателям надо было продемонстрировать и самостоятельность своей политической позиции. Использован был «распутинский козырь». 24 января тиражи номеров «Голоса Москвы» и «Вечернего времени» был арестован за опубликованное в нем обращение к Синоду, написанное М. А. Новоселовым, в котором выражался протест против попустительства церковных властей в отношении адепта хлыстовства. 25 января «Голос Москвы» заявил об этой конфискации «по распоряжению из Петербурга», а Дума по инициативе октябристов выступила с запросом (единогласно, кроме 1 депутата). Гучков произнес резкую речь¹³⁴. Даже «Московские ведомости» заняли критическую позицию: «Принятие запроса, радостного для врагов существующего порядка, лицами, составляющими несомненно его защитников, показывает, что гнилая язва стала нестерпимой. [...] Дай Бог, чтобы смысл этот был понят во всей своей страшной глубине»¹³⁵. «Новое время» опубликовало речи, но без комментариев¹³⁶. После запроса о Распутине некий министр (вероятно, Сухомлинов) передал Гучкову слова Николая II: «Гучкова мало повесить»¹³⁷. Гучков парировал: «Вожусь с Гришкой Р. От этого дела не отвяжусь. Уж очень большие гнусности раскрываются. Неужели наверху не понимают, какую опасную игру играют»¹³⁸. Гучков просил добиться от Новоселова антираспутинского материала для передачи императору через Родзянко¹³⁹. Ф. Гучков предчувствовал, что Макаров «запутается» в объяснениях при ответе на запрос об арестах газет¹⁴⁰.

15 февраля произошел новый арест тиража из-за статьи «Исповедь одной жертвы Распутина» об изнасиловании. На следующий день «Голос Москвы»

¹³¹ Там же. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 44. Л. 1–4.

¹³² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1911 год. М., 2002. С. 495–506.

¹³³ Голос Москвы, 15 декабря 1911 г.

¹³⁴ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1912. Стб. 1013–1016.

¹³⁵ Запрос о конфискации газет // Московские ведомости, 27 января 1912 г.

¹³⁶ Новое время, 26 января 1912 г.

¹³⁷ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 6. М. –Л., 1926. С. 252.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 506. Л. 32. А. И. Гучков — Ф. И. Гучкову, 8 февраля 1912 г.

¹³⁹ Там же. Л. 23. А. И. Гучков — Ф. И. Гучкову, 4 февраля 1912 г.

¹⁴⁰ Там же. Л. 33. Ф. И. Гучков — А. И. Гучкову, 8 февраля 1912 г.

сообщал о конфискации и отмечал: «Остается ждать отмены неписаного закона о неприкосновенности Распутинской личности»¹⁴¹. Намекалось также на связь Распутина с Витте¹⁴². Таким образом, Распутин активно «вводился» в большую политику. 18 февраля за статью о Распутине был арестован тираж «Речи». В том же номере содержалась заметка о визите Распутина к премьеру, который «остался доволен Распутиным». 18 февраля в «Новом времени» была опубликована статья М. О. Меньшикова «У Григория Распутина» с пересказом его речей, тон статьи был холодный, описательный, речи — путаные и оборонительные¹⁴³. 26 февраля вопрос о Распутине был поднят на аудиенции Родзянко. Родзянко получил секретное поручение о расследовании по делу Распутина, но об этом тут же узнала вся Дума, потом весь Петербург «и дальше». Впрочем, депутаты были уверены, что Родзянко никаких данных не соберет, а расследование будет только на руку Распутину¹⁴⁴.

Однако в выигрыше были и октябристы. Тема стала крайне популярной. Даже Тихомиров записал в дневник: «В Петербурге неслыханные пучины Распутинского болота. [...] Даже во сне не могло привидеться ничего подобного»¹⁴⁵. Распутинская тема и критика кадетов присутствовали в каждом номере «Голоса Москвы». Заметки о Распутине демонстративно публиковались сразу после официальной хроники царской семьи¹⁴⁶. Гучков о своей очередной речи 9 марта писал: «Вчера я сказал в Государственной думе то, чем болел все это время. Не судья я тому, как то вышло... Впечатление есть. Каковы будут результаты? Я ведь имел в виду одного только слушателя. Внемлет ли он? В левых кружках бешенство: я отнимаю почву из-под их ног. В правых — частью сочувствие, частью смущение. Родзянко собирается эти дни в Царское Село [...] Дай то Бог, чтобы удалось предостеречь!»¹⁴⁷ Гучков в своей речи сказал о связи Распутина с Витте. Тот, в свою очередь, отмечал, что суть речи заключалась отнюдь не в критике синодальных порядков: «Весь поход, затеянный лабазником Гучковым, метит гораздо выше. [...] Ни в первой, ни во второй Государственной думе не позволяли говорить то, что дозволили говорить Гучкову по поводу сметы Святейшего Синода. Для всех, у кого ум не затемнен страстями, ясно, что речь идет не о Распутине, а о колебании монархии в России»¹⁴⁸. 14 марта кампания достигла апогея:

¹⁴¹ «Неприкосновенность личности» // Голос Москвы, 16 февраля 1912 г.

¹⁴² Голос Москвы, 21 февраля 1912 г.

¹⁴³ Новое время, 18 февраля 1912 г.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 563. Л. 710. Г. А. Алексеев — А. С. Алексееву, 1 марта 1912 г.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 102.

¹⁴⁶ Напр.: Голос Москвы, 23 марта 1912 г.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 563. Л. 720. А. И. Гучков — Ф. И. Гучкову, 10 марта 1912 г.

¹⁴⁸ Там же. Д. 564. Л. 818. Гр. С. Ю. Витте — епископу Варнаве (Накропину), 13 марта 1912 г.

в «Голосе Москвы» появилась карикатура на Распутина, обнимавшего на природе некую даму, и одновременно сообщалось, что он выезжает в Крым.

В начале 1912 г. предвыборная кампания и застой в делах обострили отношения правительства и парламента до невиданной с 1907 г. степени. Правительство попыталось оказать давление на депутатов, одобрив прошение членов Думы Я. Г. Гололобова (правого октябриста) и В. А. Образцова (члена фракции правых) о возбуждении уголовного преследования за клевету в отношении 34 депутатов — кадетов и социалистов. Совет министров одобрил обращение в I департамент Государственного совета¹⁴⁹. «Голос Москвы» об этом деле писал: «Положение создается серьезное. За время существования всех трех Дум не было еще столь опасного покушения на права Г. Думы»¹⁵⁰. Однако угрозы остались угрозами. 26 мая Дума постановила в течение 1 недели внести законопроект о депутатской неприкосновенности. Но намеченные 3 заседания не состоялись за недостатком кворума, после чего по 37 параграфу Наказа Думы комиссия подлежала реформированию¹⁵¹. По сути это было признанием поражения октябристской политики.

12 мая военно-морская комиссия проголосовала за Морскую программу. Коковцов приписывал заслугу себе и Григоровичу и обращал внимание монарха, что проведение его через комиссию в создавшейся в Думе ситуации было непростым делом¹⁵². В бюджетной комиссии Гучков указывал, что рост расходов на оборону необходимо было совместить с налоговой реформой, поскольку нужды Военного и Морского министерств не удовлетворялись. Предложение Гучкова об урезании расходов не прошло (19 против 26)¹⁵³. В результате октябристы не смогли сговориться о едином голосовании, Звегинцев обвинил Гучкова «в передержке цифр»¹⁵⁴. Фракция решила голосовать произвольно, только правые и националисты голосовали целиком «за». Левые октябристы во главе с Гучковым, поляки и часть прогрессистов проголосовали в целом «за», но против строительства 4 дредноутов. Часть националистов во главе с Балашовым при голосовании по дредноутам воздержалась. Кадеты и социалисты голосовали отрицательно¹⁵⁵. 6 июня в закрытом заседании Большая морская программа была принята в сразу в трех чтениях¹⁵⁶.

¹⁴⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год. М., 2004. С. 43–46.

¹⁵⁰ Голос Москвы, 24 января 1912 г.

¹⁵¹ Государственная дума. Обзор V сессии III Государственной думы. СПб., 1912. С. 265–266.

¹⁵² РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Л. 34–37. 12 мая 1912 г.

¹⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 797–810.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 570. Л. 1426. М. И. Гучкова — Н. И. Гучкову, 7 июня 1912 г.

¹⁵⁵ Новое время, 6, 8 июня 1912 г.

¹⁵⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 3760–3789, 3944–3950.

Накануне окончания сессии 8 июня император принял 250 депутатов и выразил «истинное удовлетворение» голосованием по морской программе, поблагодарил за вклад в развитие землеустройства, рабочего страхования, народного обучения и государственной обороны. В качестве критики была отмечена беспокойность прений, император также отметил, что «некоторые дела получили не то направление, которое ему представлялось бы желательным»; в частности, имелся в виду законопроект о церковно-приходских школах¹⁵⁷. Николай II сам вставил в свою речь пассаж о школах¹⁵⁸. При личном приветствии царь демонстративно сделал вид, что не знаком с Гучковым. После приема Гучков «был так возмущен, что не стеснялся выражениями»¹⁵⁹. Вязигин также отметил: «Гучков взбешен»¹⁶⁰. 9 июня в ответ на речь царя октябристы демонстративно решили отклонить ассигнования на приходские школы. Родзянко спешно снял вопрос с повестки, но член Думы архиепископ Евлогий (Георгиевский) его поднял, и тогда октябристы и все левые покинули зал, сорвав кворум¹⁶¹. 9 июня Дума была распущена.

В новой Думе «Новое время» призывало Гучкова идти вместе с националистами, создать сильный «национальный центр», в таком случае IV Дума «могла бы затмить собою третью»¹⁶². Однако Ф. И. Гучков, встречавшийся с Коковцовым и министром внутренних дел А. А. Макаровым, при всей их любезности не нашел у них поддержки: «Более чем когда-либо вижу, что мы одиноки»¹⁶³. Линдеман признавался, что А. И. Гучков «очень подавлен разными петербургскими впечатлениями и полон мрачных предсказаний и ожиданий»¹⁶⁴. В сентябре 1912 г. власть поставила точку во взаимоотношениях с октябристами. «Россия» писала: «С понятным сожалением видим себя вынужденными отметить, что «Голос Москвы», как выясняется, окончательно решил, подражая «Речи» и подобным ей органам, стать на путь инсинуаций по адресу правительства»¹⁶⁵. «Земщина» уже не видела разницы в политической платформе октябристов и кадетов: «Вся разница лишь в том, что Гучков все-таки ловчее неудачливого ка-децкого батьки»¹⁶⁶. Кроме того, по мнению газеты, «Гучков может явиться

¹⁵⁷ Дневник // Русская мысль. 1912. № 7. II паг. С. 153.

¹⁵⁸ Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003. С. 284.

¹⁵⁹ Шаховской В. Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 183–186. Гучков возвращался с приема в одной карете с близким знакомым Шаховского.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 570. Л. 1434. А. С. Вязигин — Т. И. Вязигиной, 8 июня 1912 г.

¹⁶¹ Там же. Л. 1443. А. С. Вязигин — Т. И. Вязигиной, 9 июня 1912 г.

¹⁶² Меньшиков М. Честь и место // Новое время, 14 июня 1912 г.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 506. Л. 126. Ф. И. Гучков — А. И. Гучкову, 30 августа 1912 г.

¹⁶⁴ Там же. Д. 571. Л. 1599. К. Э. Линдеман — П. В. Каменскому, 6 июля 1912 г.; Д. 572. Л. 1686. К. Э. Линдеман — Ф. И. Гучкову, 25 июля 1912 г.

¹⁶⁵ Россия, 27 сентября 1912 г.

¹⁶⁶ Имеется в виду П. Н. Милюков. «Ка-деками» правые называли кадетов, по аналогии с «эсдеками» — социал-демократами.

наиболее удобным связующим звеном между властью и “прогрессистами”, если Коковцов действительно пойдет на смену курса¹⁶⁷. Правая публицистика резко клеймила октябристов за полонофильство¹⁶⁸. Слева октябристы осуждались не менее активно: «Роль октябристского большинства по достоинству оценена и заклеяна общественной Россией. Тяжкий грех этого большинства не простится ему ни историей, ни самою странюю. Из нынешней избирательной кампании октябризм выходит настолько же умаленным, насколько он сам своей беспринципной тактикой угодничества перед господствующей бюрократией умалил авторитет народного представительства»¹⁶⁹. «Октябризм — это оскорбление. Сказать “октябрист” — значит приписать человеку открытое вероломство, подхалимство, беспринципность, служение в политических передних и продажу оптом и в розницу за одобрительную улыбку начальства всех народных требований и нужд страны. [...] Октябризм изжит. Страна должна пинком отбросить его в мусорный и грязный ящик истории», — писало «Русское слово»¹⁷⁰. К октябрю Линдеман уже сомневался в шансах Гучкова пройти в Думу¹⁷¹. 15 октября Гучков произнес отчаянную речь на октябристском собрании в Московском купеческом клубе: октябризм, как он отмечал, это «договор [...] это выражение лояльности между исторической властью и народом». «Манифест 17 октября есть акт высокого доверия к народу. И октябризм отвечает актом веры со стороны народа в искренность власти», — вещал партийный лидер¹⁷². Эти слова явно запоздали.

По результатам выборов в IV Думу октябристы получили только 90 мест (националисты обошли их на 15 мест, став крупнейшей фракцией)¹⁷³. Землевладельческая курия отдала октябристам 32,8%, крестьянская — 22,4%, городская — только 10%¹⁷⁴. Вторая городская курия проголосовала, как и в 1907 г., первая выдвинула в 2 раза больше прогрессистов, чем октябристов и правых вместе взятых. Октябристов постиг оглушительный провал: они не были избраны ни в Петербурге, ни в Москве¹⁷⁵. 18 октября в Москве был забаллотирован Гучков. Московские купцы голосовали против него, поскольку он был сторонником Балканской войны, а она привела бы к блокаде Проливов

¹⁶⁷ Не пускайте в Думу Гучкова! // Земщина, 5 октября 1912 г.

¹⁶⁸ Утугаев И. Между 3-ей и 4-й Г. Думой. СПб., 1912. С. 5–10, 23.

¹⁶⁹ Москва перед выборами // Утро России, 17 октября 1912 г.

¹⁷⁰ Маляры обновленного строя // Русское слово, 28 сентября 1912 г.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 577. Л. 2140. К. Э. Линдеман — редактору «Нового времени» А. И. Коростелеву, 1 октября 1912 г.

¹⁷² Голос Москвы, 16 октября 1912 г.

¹⁷³ Там же. 8 ноября 1912 г.

¹⁷⁴ Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003. С. 287–293; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35.

¹⁷⁵ Русские ведомости, 28 октября 1912 г.

и ущербу для торговли¹⁷⁶. Октябристы называли провал ожидаемым и объясняли его расхождением партии с правительством¹⁷⁷. Линдеман писал: Гучков «перенес удар с большим внешним спокойствием, хотя я читал в душе его ясные признаки глубокого огорчения». Линдеман винил в этом самого Гучкова, который запустил свою предвыборную кампанию¹⁷⁸.

25 октября московский городской совет партии дал торжественный обед в честь Гучкова, который выступил с примирительной речью: «Мы еще не привыкли к мысли, что политическая жизнь государства должна иметь свои приливы и отливы». Гучков завещал хранить конституционный строй и закончил возгласом «ура!» в отношении царя. В результатах выборов Гучков, несмотря на «случайные давления», усматривал тревожные настроения, вылившиеся «в форму негодующего протеста». «Пусть этот протест был выражен несколько близоруко, но психологически он вполне объясним», — отмечал Гучков¹⁷⁹. Октябристы открыто констатировали «малочисленность» своей фракции¹⁸⁰, но считали ее самой «сплоченною и единоюдушною»¹⁸¹. Гучков отбыл на Балканы с миссией Красного Креста. Пуришкевич разослал телеграммы во все газеты: «А. И., примите пост главнокомандующего на Балканах. Там есть, с кем посчитаться, и дело скорее выгорит, чем в не оценившей своего Наполеона Москве»¹⁸². Однако Тихомиров резонно отмечал, что Гучков «человек гибкий, найдет, где ему явиться»¹⁸³.

«Новое время» также прогнозировало, что политическая карьера Гучкова не закончится, поскольку он мог оставаться лидером октябристов и вне Думы. Тем не менее среди думских октябристов и националистов было мало личностей: «Четвертая Г. Дума выясняется в тумане, как нечто химерическое и невозможное. Но пройдут три недели, и загадка раскроется просто. Ничего в ней не окажется особенного. Дума как Дума: без явной революции, но с большим зарядом беспорядка. Вместо великих идей мы, конечно, натолкнемся на малые. Вместо серьезного и упорного труда начнется более или менее изящное безделье, бесконечные речи, жаркие препирательства, словесные потасовки...» Кроме того, усилившиеся думские правые, по мысли Меньшикова, должны были стать головной болью правительства, поскольку

¹⁷⁶ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 10.

¹⁷⁷ Утро России, 19 октября 1912 г.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 579. Л. 2391. К. Э. Линдеман — П. В. Каменскому, 23 октября 1912 г.

¹⁷⁹ Партия «Союз 17 октября»... С. 377–379.

¹⁸⁰ Там же. С. 380. Приветствие ЦК думской фракции (Голос Москвы, 30 ноября 1912 г.).

¹⁸¹ Там же. С. 381. Заседание ЦК от 3 декабря 1912 г.

¹⁸² Утро России, 21 октября 1912 г.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2423. Л. А. Тихомиров — Е. Е. Замысловскому, 26 октября 1912 г.

требовали бы вечных подачек¹⁸⁴. Крупенский отправил Гучкову письмо с искренним сожалением¹⁸⁵. В консервативных кругах провал Гучкова на выборах объяснялся активностью кадетов¹⁸⁶. «Московские ведомости» ликовали: «Если кто-нибудь в зале Таврического дворца действительно угрожал концом монархической России, то, конечно, Александр Иванович Гучков»¹⁸⁷. «Гражданин» считал победу кадета М. В. Челнокова в Москве гораздо менее важной, чем провал Гучкова, поскольку он «представляет собой более резкий оппозиционный тип, чем кадеты»¹⁸⁸.

Прогрессистское «Утро России» праздновало победу: «Политическая карьера А. И. Гучкова кончена!»¹⁸⁹, «его опередил никому не ведомый противник, какой-то Новиков, вчерашний икс, а сегодня — избранник Москвы!»¹⁹⁰ Газета заключала: «Октябризм даже в “чистом” виде в России просто не имел под собою почвы, несмотря на то, что в России множество людей, видящих идеал в осуществлении начал 17 октября и не дальше. Это звучит, как парадокс, а между тем это — так. Почему? Потому что каждый идейный октябрист в России, оказывается, должен практически [...] быть кадетом! Потому что было бы очень наивно думать, что достаточно желать и требовать начал 17 октября “и не дальше”, чтобы их получить. Нужно было именно требовать дальше, не стесняясь “запросом” — чем дальше, тем лучше»¹⁹¹. Изгоев писал: «Преступлением Александра Ивановича Гучкова мы считаем то, что, будучи лидером большой легализованной партии, он сделал все, чтобы убить ее и лишить всякой общественной силы. [...] По психологии ничем не отличается от тех бюрократов, которые, наружно приняв конституционные формы, лишали их всякого внутреннего содержания». Большинство октябристов, кроме 3–5 десятков, были черносотенцами или безыдейными. Их предвыборная кампания была крайне вялой, «на предвыборных собраниях тянулась избитая канитель интеллигентской перепалки между социал-демократами и кадетами»¹⁹². «Речь» не выказывала большой радости по поводу провала Гучкова, но полагала, что его отсутствие в Думе усугубит вероятность прямого лобового столкновения правых и левых в грядущей Думе и завершит политическую стагнацию¹⁹³. В. А. Маклаков писал Бобрищеву-Пушкину:

¹⁸⁴ Новая порода людей // Там же. 23 октября 1912 г.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 509. Л. 112. П. Н. Крупенский — А. И. Гучкову, 23 октября 1911 г.

¹⁸⁶ Новое время, 20 октября 1912 г.

¹⁸⁷ Московские выборы 18 октября // Московские ведомости, 23 октября 1912 г.

¹⁸⁸ Дневник // Гражданин. 1912. № 43. С. 13.

¹⁸⁹ Что означает поражение А. И. Гучкова? // Утро России, 19 октября 1912 г.

¹⁹⁰ Урок // Там же. 19 октября 1912 г.

¹⁹¹ *Польнов С.* Победы и поражения // Там же. 21 октября 1912 г.

¹⁹² *Изгоев А.* На переломе // Русская мысль. 1912. № 11. II пар. С. 171–177.

¹⁹³ Речь, 20 октября 1912 г.

«Октябризм как либерализм, в отличие от конституционно-демократического радикализма и демократизма, не только необходим, но и является обязательным условием успешного развития конституции. Гучков, как оппозиция, внушительнее и сильнее Милюкова, и здраво понятые интересы политического освобождения требовали бы не подрывать ему ноги в этот момент»¹⁹⁴.

«Голос Москвы» полагал проигравшими все партии от националистов до социалистов, но предрекал правительству большие трудности в общении с новой Думой¹⁹⁵. Звегинцев предлагал октябристам сложить с себя ответственность за судьбу Думы, оставить за собою лишь пост секретаря («чтобы иметь в руках делопроизводство») или его товарища («для информации»), сохранив под контролем только бюджетную комиссию. Думе пришлось бы «играть в нашу дудку» или уйти: «Хуже выборов, чем эти, для нас быть не могут и даже, если маятник перевалится влево, то нам легче и естественнее будет быть тогда в оппозиции кадетам, чем теперь в оппозиции с ними. [...] Соглашение же с националистами сейчас есть попытка на самоубийство и повторная, ибо наша партия сейчас пострадала за эту ошибку Гучкова»¹⁹⁶. Октябристы, уверенные в том, что власть на выборах именно их расценивала как основного противника, выступали за формулу: «или центр без правых, или крылья без центра»¹⁹⁷. Шидловский выступал за дистанцирование от правительства, которое он обвинял в результатах выборов¹⁹⁸. Он настаивал на отделении левых октябристов от остальной части фракции на ближайшем заседании фракции: «постоянное соглашение направо при заглядывании в глаза правительству» его более не устраивало¹⁹⁹.

15 ноября открылась I сессия IV Государственной думы. «Новое время» пыталось создать благоприятный фон: Дума, отмечал Меньшиков, «уже принята всеми как естественное явление нового порядка вещей, настолько вошедшее в сознание масс, что уже отсутствие народного представительства в эти тяжелые долгие месяцы тревог и международного осложнения чувствовалось и осознавалось особенно ясно и непосредственно»²⁰⁰. При открытии товарищ председателя Государственного совета И. Я. Голубев под крик Некрасова «Да здравствует конституция!» передал депутатам

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2473. В. А. Маклаков — А. В. Бобрищеву-Пушкину, 30 октября 1912 г.

¹⁹⁵ После поражения // Голос Москвы, 28 октября 1912 г.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2464. А. И. Звегинцев — Н. И. Антонову, 29 октября 1912 г.

¹⁹⁷ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 10–11.

¹⁹⁸ Новое время, 29 октября 1912 г.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 581. Л. 2546. С. И. Шидловский — бар. А. Ф. Мейендорфу, 4 ноября 1912 г.

²⁰⁰ Новое время, 15 ноября 1912 г.

приветствие императора и его «пожелание спокойной и плодотворной работы». Родзянко 251 голосом против 150 был избран председателем²⁰¹. За него голосовали все октябристы²⁰². При избрании он произнес: «Я всегда был убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах». Родзянко выразил надежду на то, что Дума исполнит народные чаяния, которые он свел к укреплению обороноспособности, законности, устранению «недопустимого произвола», развитию местного самоуправления и благосостояния²⁰³. Правые и националисты в ответ покинули зал. Октябристы выражали бурную радость по поводу речи Родзянко. Ключев отметил: «Вступительная речь Родзянко была прекрасна. Я оценил ее баллом 5+»²⁰⁴. Это был, по словам «Голоса Москвы», «первый удар» по правым²⁰⁵. «Утро России» отмечало, что даже Гучков при открытии прежней Думы таких слов не произносил и что октябристы приблизились к оппозиции. В случае подобной эволюции новая Дума могла «оказаться значительно лучше, чем можно было ожидать»²⁰⁶. «Речь» также ликовала²⁰⁷. Националисты с горечью отмечали: «В Думе образовалось левое большинство, руководимое Милюковым»²⁰⁸.

Октябристы выступили за признание первоочередными реформы Сената, административной юстиции, законопроектов о неприкосновенности личности, исключительном положении, волостном земстве, улучшении земско-городских финансов, вероисповедного законодательства и пересмотра бюджетных правил. Фракция считала необходимым «на первое время» создать три комиссии: по местному самоуправлению, финансам, по реформе Сената и административной юстиции²⁰⁹. «Голос Москвы» упирал на невозможность для думского центра блокироваться ни с правыми, ни с левыми («конечно, не может быть и речи, чтобы думский центр встал на принятую кадетами непримиримую позицию, носящую все признаки “оппозиции ради оппозиции”»), после чего единственной здоровой перспективой становился роспуск Думы²¹⁰.

²⁰¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 2–7.

²⁰² Фракция Союза 17 октября в Государственной думе (обзор деятельности). Сессия I. 15 октября 1912–25 июня 1913 г. СПб., 1914. С. 10.

²⁰³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 2–7.

²⁰⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 11. Л. 31–33 об.

²⁰⁵ Первый удар // Голос Москвы, 17 ноября 1912 г.

²⁰⁶ Утро России, 17 ноября 1912 г.

²⁰⁷ Речь, 16 ноября 1912 г.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 582. Л. 2692. А. И. Савенко — Н. А. Маклакову, 15 ноября 1912 г.

²⁰⁹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 3.

²¹⁰ Что же дальше? // Голос Москвы, 6 февраля 1913 г.

Октябристы вступили в торги. Отзываясь на слова Милокова в «Русской молве» о необходимости объединения оппозиции, «Голос Москвы» писал: «Время союзов партий еще не наступило, но оно близко или, по крайней мере, должно быть близко. Все яснее делается опасность раздробленности прогрессивных общественных элементов, которой так умело пользуется сплоченная реакция. Нужно новое “содружество”». Но программа его пока представлялась неясной²¹¹.

Первая сессия IV Думы закончилась полным провалом: октябристы, занятые своими внутренними проблемами, вели себя крайне бледно, произошла активизация правых и левых, в мае произошел разрыв между палатой и правительством (т. н. «министерская забастовка»). Реванш октябристы взяли летом 1913 г. на общественных съездах. Гучков выступил на городском съезде с проектом резолюции, предлагавшей коренную реформу городского положения, что «встречает самые серьезные препятствия при современных политических условиях [...] при тяжелом состоянии законодательного творчества и глубоком расстройстве управления и при существующем отношении правительственной власти к органам самоуправления». Полиция закрыла съезд, но собрание единодушно поддержало резолюцию. Гучков дал интервью «Вечернему времени»: «В стране господствует резко-оппозиционное настроение. Все общественные деятели без различия партий сходятся на тяжелом приговоре над центральным правительством и его местными представителями. Я лично убедился в этом из разговоров с людьми самых разнообразных слоев, положений и профессий. Рассказы о всяких беззакониях, чинимых местными властями, о том, что на них нельзя найти никакой управы у центрального правительства, несутся со всех сторон. Политика правительства времен Коковцова с его застоём в законодательной работе, с ее расстройством всего управления не встречает ни в ком поддержки. Большую роль в этом общем озлоблении сыграла, несомненно, избирательная политика, которая велась правительством»²¹². Выступление Гучкова, как отмечала «Речь», «представляет выдающийся политический интерес», хотя все им указанное имело место и при Столыпине²¹³. «Русские ведомости» были столь же оптимистичны: «Пора общественной подавленности миновала». Съезды были оценены как «одно из самых знаменательных общественных событий последнего времени»²¹⁴. Гучков, по мнению газеты, наконец, почувствовал желания страны: «Это — просто естественное движение проснувшегося человека, который во сне не чувствовал, что задыхается

²¹¹ «Объединение оппозиции» // Голос Москвы, 14 февраля 1913 г.

²¹² Голос Москвы, 21 сентября 1913 г.

²¹³ Речь, 21 сентября 1913 г.

²¹⁴ Русские ведомости, 21 сентября 1913 г.

от отсутствия воздуха и который, очнувшись, стремится открыть форточку». В то же время, как отмечалось, окончательно пропала надежда на сотрудничество с властью²¹⁵.

20 сентября и 5 октября кадетский ЦК обсудил ситуацию в стране. «Речь» сообщала, что В. Маклаков и Гучков договорились о «прогрессивном блоке», в чем не находила ничего нового, кроме того, что почвой для него была лишь земско-городская реформа. Гучков открыто настаивал на сугубо отрицательной программе, не предполагавшей какого бы то ни было отказа от партийных программных положений. «Речь» расценивала это как значительный прогресс для октябристов, но напоминала, что это не являлось мнением всей фракции, поскольку она «есть совокупность личных карьер, так или иначе проходящих свой стаж в Государственной думе». В случае раскола октябристов могла возникнуть новая партия, но она не имела «нового социального базиса», а потому ее «принципиальные разногласия с к.-д. как партией строгого и последовательного демократизма, останутся не менее значительными, чем они есть в настоящее время»²¹⁶. По мнению кадетов, октябристы пока не перешли в оппозицию: «они от одного берега отстали, а к другому не пристали»²¹⁷.

7–10 ноября состоялась конференция октябристов. Присутствовало около 200 человек (свыше 100 — из Москвы и провинции). Заседания имели закрытый характер. Формулировались жалобы делегатов съезда: «Давно уже власть не допускала такого произвола, какой царит на местах в настоящее время». Единогласно была принята резолюция по земскому вопросу, предложенная С. Т. Варун-Секретом: новое земство должно было основываться на бессловности и низком цензе, считалось необходимым «расширение компетенции» земства и введение его на окраинах, создание волостного земства, ограничение вмешательства администрации в земские дела, введение предельного обложения, земское обложение церковной земли, допуск женщин к голосованию²¹⁸. Аналогичная резолюция была принята и по городскому вопросу²¹⁹. Конференция также поддержала идею не образовывать партийных блоков²²⁰. Вопрос о политике фракции ввиду явно намечавшегося раскола оказался наиболее трудным, в результате конференция вынуждена была ограничиться общим призывом к фракции о выполнении тех

²¹⁵ Там же. 22 сентября 1913 г.

²¹⁶ Речь, 28 сентября 1913 г.

²¹⁷ Русские ведомости, 26 сентября 1913 г.

²¹⁸ Партия «Союз 17 октября»... С. 424.

²¹⁹ Там же. С. 444.

²²⁰ Там же. С. 444–445.

задач, которые сформулировала конференция²²¹. Однако члены октябристского бюро сообщили Ефремову, что резолюции конференции подписаны подавляющим большинством фракции «за исключением лишь нескольких человек»²²². 8 ноября с пространной программной речью на конференции выступил Гучков. Он отметил неизменную приверженность октябристов своей политической программе: «Октябризм явился молчаливым, но торжественным договором между исторической властью и русским обществом, договором о лояльности, о взаимной лояльности. [...] Но договор заключал в себе обязательства обеих сторон, и сотрудничество с правительством означало общую работу в деле проведения широкой программы намеченных реформ». Гучков отрицал реакционную природу дворянства и чиновничества, но констатировал правый поворот в настоящее время: «Правительством был составлен и приведен в исполнение грандиозный план фальсификации выборов. [...] Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко. [...] Развал центральной власти отразился, естественно, и полной дезорганизацией власти на местах». Страна, по мнению Гучкова, шла «к неизбежной, тяжелой катастрофе». «Никогда еще революционные организации, добывающиеся насильственным переворотом, не были в таком состоянии разгрома и бессилия, и никогда еще русское общество и русский народ не были так глубоко революционизированы действиями самой власти; ибо с каждым днем все более теряется вера в эту власть, а с ней и вера в возможность нормального мирного выхода из ситуации», отмечал лидер октябристов²²³. Как отметил «Голос Москвы», таким образом был «сделан последний шаг для убеждения правительства в глубокой ошибочности и опасности его политики, и на него падет ответственность за дальнейшее»²²⁴.

«Вестник Европы» считал, что речь имела «ясно выраженный покаянный характер», но сомневался, что ей можно верить: «Октябризм долго — слишком долго! — был более, чем политической ошибкой: он был политической неправдой...»²²⁵. Кадеты не верили в слова Гучкова, их нужно было проверить на практике²²⁶. «Утро России» отмечало, что речь Гучкова имела адресатом правительство, отмечая при этом: «Октябристский кот Васька слушает гучковскую речь и продолжает есть из правительственного корыта...»²²⁷

²²¹ Там же. С. 448.

²²² Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 322.

²²³ Партия «Союз 17 октября»... С. 426–438.

²²⁴ Голос Москвы, 12 ноября 1913 г.

²²⁵ Кузьмин-Караваев В. Хроника. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1913. № 12. С. 439, 444.

²²⁶ Русские ведомости, 10 ноября 1913 г.

²²⁷ А. И. Гучков // Утро России, 10 ноября 1913 г.

Меньшиков отрицал наличие договора власти и октябристов: никаких взаимных обязательств принято не было, власть просто нуждалась в поддержке в период революции. Съезд произвел на публициста «тяжелое и грустное впечатление»²²⁸. Националист А. И. Савенко в письме Гучкову печально признавал, что после речи на конференции «для той идеи, которой я ныне поглощен, для идеи образования правого центра, Гучков умер: пути наши разошлись»²²⁹.

29 ноября октябристская фракция приняла постановление, по которому решения конференции имели для нее лишь стратегическое значение, а в тактических вопросах сохранялась автономия. Алексеенко сразу вышел из фракции. Создалась угроза раскола. А. В. Бобрищев-Пушкин выступил за немедленный созыв ЦК и чистку фракции. По его представлению, если бы оппортунистов оказалось большинство, то можно было распустить партию, войти в переговоры с прогрессистами и правым кадетом В. А. Маклаковым и даже при благоприятных обстоятельствах вступить в ряды прогрессистов²³⁰. Гучков считал, что «процесс внутреннего разделения начался» и «идет своим естественным порядком»²³¹. К. Э. Линдеман признавался Н. И. Антонову: «Лично я чувствую себя глубоко огорченным и готов опустить руки и идти в сторону»²³². Шубинский писал: «Очень трудно вести серьезную и ответственную государственную работу в обстановке, когда задача одних (левых) — противодействовать всякой парламентской работе, а других — вести мелкое политиканство, полное зависти и мелочного коварства. Это может истощить всякое терпение, и я чувствую, что мое — на исходе»²³³. К 10 декабря раскол на «фракцию Союза 17 октября» (левых октябристов, гучковцев) и «фракцию земцев-октябристов» стал реальностью²³⁴. К концу сессии их численность составила 22 и 60 депутатов соответственно.

А. С. Изгоев писал о расколе: «Лучшие представители помещичьей среды понимают, куда ведет нынешний курс, и слагают с себя ответственность за последствия. Иметь группу образованных, просвещенных, пользующихся уважением людей, к которым страна могла бы обратиться в минуту нужды в людях, это большой общественный выигрыш». Октябристы потерпели поражение, но это «не есть их личная неудача. Она знаменует собой крах целой идеи. Обновление России не может совершиться силами поместно-

²²⁸ Меньшиков М. Третья оппозиция // Новое время, 12 ноября 1913 г.

²²⁹ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1085. Л. 1–1 об. 25 декабря 1913 г.

²³⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 969. Л. 3. А. В. Бобрищев-Пушкин — А. И. Гучкову, 1 декабря 1913 г.

²³¹ Партия «Союз 17 октября»... С. 454.

²³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1231. 6 декабря 1913 г.

²³³ Там же. Л. 1267. Н. П. Шубинский — А. А. Ознобишину, 30 декабря 1913 г.

²³⁴ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999, № 10. С. 11–18, 20–22.

го класса. Лучшие люди его бессильны. 1861 год не повторится. Решение общественной задачи переходит в другие руки: идет демократия»²³⁵. «Речь» позитивно оценивала раскол, но сомневалась в возможности создания левого большинства в Думе²³⁶. Более того, раскол октябристов мог, наоборот, ускорить формирование правого центра в 235 голосов²³⁷. Родзянко отрицал проправительственный характер земцев-октябристов (для них было возможно лишь деловое соглашение) и угрожал всемерной борьбой против законопроектов, не устраивавших фракцию²³⁸. Что это означало на самом деле, становилось ясно из того, что он безуспешно добивался от правительства приглашения участвовать в официальных мероприятиях (в том числе земском юбилее в январе 1914 г.), но после аудиенции, которая носила крайне милостивый характер, был совершенно польщен²³⁹.

После конференции партии не стало: местные структуры уже не функционировали, в 1915 г. прекратили существование ЦК и газета «Голос Москвы». Октябристские фракции оказались вовлечены в Прогрессивный блок и фактически потеряли свое самостоятельное значение. Партия, созданная как проправительственная сила, стала жертвой политических амбиций своих лидеров, стремившихся сыграть ведущую партию в большой политической игре.

²³⁵ Изгоев А. На перевале // Русская мысль. 1914. № 1. II паг., с. 146–147.

²³⁶ Речь, 1 декабря 1913 г.

²³⁷ От Пуришкевича до Бенningсена // Утро России, 4 декабря 1913 г.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 928. Л. 1223. Д. Н. Шипов — Н. И. Астрову, 4 декабря 1913 г.

²³⁸ Новое время, 14 декабря 1913 г.

²³⁹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 32–34.

Дэвид Макдональд

ЗАПИСКА ДУРНОВО: ОФИЦИАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ И КРИЗИС САМОДЕРЖАВИЯ¹

14 февраля 1914 г. статс-секретарь и бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново подал Николаю II меморандум об «ориентации» российской внешней политики. Дурново призывал царя выйти из рядов Антанты и вступить в союз с центрально-европейскими империями, опасаясь, что в противном случае России предстоит война с Германией, которая приведет к «социальной» революции и безнадежно подорвет «монархическое начало» в Европе. Историки узнали о записке Дурново после ее первой публикации в 1920-х гг.; с тех пор записка часто переиздавалась в сборниках источников². За последующие 75 лет на предсказаниях этого «пророка судного дня»³

¹ Статья перепечатывается с разрешения *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*.

² В качестве первого издания записки чаще всего ссылаются на публикацию: *Павлович М.* Записка Дурново // *Красная новь*. 1922. № 6. С. 178–199. В том же году Е. В. Тарле опубликовал статью об аргументации Дурново: *Тарле Е. В.* Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // *Былое*. 1922. № 19. С. 161–176. Согласно С. С. Ольденбургу, текст записки еще раньше был опубликован в 1921 г. в русско-немецком журнале «Aufbau»: *Oldenburg S. S.* The Last Tsar: Nicholas II, His Reign and His Russia. 4 vols. Gulf Breeze, Fla.: 1975–1977. Vol. 3. P. 222–223, note 42. Экземпляр оригинальной записки содержится в Бахметьевском архиве (собрание Барка): P. L. Bark Collection, Bakhtmeteff Archive Columbia University. Первый перевод записки на английский был опубликован в: *Goldner F. A.* (ed.). Documents of Russian History, 1914–1917. New York, 1927. P. 3–23. В числе множества позднейших публикаций можно назвать: *Riba T.* (ed.). Readings in Russian Civilization. 3 vols. Chicago, 1969. Vol. 2. P. 465–479; *Dmytryshyn B.* Imperial Russia: A Source Book, 1700–1917. 3rd edition. Chicago, 1990. P. 491–508.

³ *Oldenburg.* The Last Tsar... Vol. 3. P. 167.

или «войны и революции»⁴ сложилась целая историографическая традиция. Глядя на Дурново из-за водораздела 1914–1917 гг., историки в первую очередь отмечают его талант оракула и стратегическую проницательность, в то же время вырывая записку из того контекста, в котором она была составлена⁵.

В дальнейшем обсуждении мы будем исходить из предпосылки о том, что записка Дурново требует переосмысления именно с точки зрения ее риторического и политического контекста. При подобном подходе записка позволяет заново осветить ряд важных вопросов, не сводящихся к мнимому ясновидению Дурново, включая интеллектуальное содержание его аргументов и вытекающие из них следствия, момент подачи записки и, наконец, то, как в записке и сопутствующих ей событиях отразилось проявившееся к 1914 г. угасание самодержавия как концептуальной системы в глазах таких консерваторов, как Дурново.

Прочтение записки Дурново в ее интеллектуальном контексте требует отхода от методов, обычно применявшихся историками при ее анализе. Дурново был опытным политическим деятелем, подававшим свои аргументы так, чтобы они произвели максимальный эффект на аудиторию, включавшую не только императора, но и не менее пятидесяти тщательно отобранных адресатов⁶. Соответственно, его аргументация заслуживает такого же контекстуального анализа, который обычно применяется лишь в сфере интеллектуальной ис-

⁴ *Aldanov, Mark*. P. N. Durnovo: Prophet of War and Revolution // *Russian Review*. 2 (1942). P. 31–45. Алданов посвящает последние три страницы своей статьи ответу на вопрос: «Какое состояние разума дает человеку способность предсказывать будущие события?» Самую недавнюю ссылку на «поразительное предвидение» Дурново см.: *Jonathan Frankel*. The Problem of Alternatives // Rogovin-Frankel E., Frankel J., and Knei-Paz B. (eds). *Revolution in Russia: Reassessments of 1917*. New York, 1992. P. 7–8.

⁵ Тарле рассматривал записку Дурново как «лебединую песнь» консервативного направления в русской внешнеполитической мысли, восходящего к Александру III и Н. И. Панину: *Тарле*. Германская ориентация... С. 161. Д. Ливен, современный британский специалист по бюрократии и внешней политике поздней Российской империи, следуя примеру таких историков, как И. В. Бестужев и Дитрих Гейер, проводит связь между несомненным консерватизмом Дурново, его «прогерманским» уклоном во внешнеполитических делах и внутренним состоянием Российской империи в начале XX в.: *Lieven D. C. V. Pro-Germans and Russian Foreign Policy, 1890–1914* // *International History Review*. 1980. № 2. P. 34–54. Внимания к нюансам, свойственного подходу Ливена, крайне не хватало в предшествовавших работах, проводивших аксиоматическую связь между прогерманской ориентацией и реакционными политическими взглядами. Наилучшим выражением взглядов, принятых в советской науке, до сих пор остаются работы Бестужева: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906–1910 гг. М., 1961; и его же: Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // *Исторические записки*. 1965. № 75. С. 44–85.

⁶ На экземпляре записки, сохранившемся среди документов Барка в Бахметьевском архиве, стоит номер, из которого следует, что Дурново разослал ее в количестве не менее пятидесяти штук. Барк в феврале 1914 г. был министром финансов.

тории⁷. С этой точки зрения записка Дурново интересна не столько как точный прогноз, сколько как амальгама нескольких дискурсов, связанных с традицией, которую я бы назвал официальным консерватизмом. Этой традиции, утверждавшей абсолютную неоспоримость государственной власти как *sine qua non* русского самодержавия, к эпохе Дурново противостояло более уступчивое отношение к «гражданскому обществу», характерное для государственной политики после 1905 г. Я называю такую точку зрения консервативной, а не авторитарной, с целью подчеркнуть ее сходство и родство с традициями, присущими в XIX в. европейской консервативной мысли. В случае России этот консерватизм указывал на необходимость верховной власти, способной обуздать и призвать к порядку своих подданных, считавшихся своевольными или мятежными вследствие их эгоистических побуждений как представителей того или иного сословия или темной народной стихии, чья инстинктивная непокорность просто отражает исконную мятежность человеческой природы, впервые проявившуюся во время библейского грехопадения. Этот консерватизм был «официальным» в той степени, в какой он признавал право на законную политическую активность лишь за правителями и должностными лицами, проявлявшими свою власть через политические институты; он отрицал стратегии и законность более известных проводников реакции — таких, как «черносотенные» организации правых думских депутатов, чьи действия в публичной сфере официальные консерваторы рассматривали как вызов, брошенный эксклюзивности самодержавной власти⁸.

Если привязать аргументы Дурново к риторической традиции официального консерватизма, то выяснится, что записка Дурново, нередко рассматри-

⁷ Введение в подобные методы см.: *Koselleck R. Linguistic Change and the History of Events // Journal of Modern History. 1989. № 61. P. 649–666*, где приводится хорошее краткое резюме более объемистых работ Козеллека на немецком. Мой подход к контекстуализации записки Дурново в некоторой степени напоминает подход, применявшийся Квентином Скиннером в его исследованиях раннеמודерной политической мысли, но отличается от него в двух принципиальных отношениях: во-первых, в качестве законных объектов исследования рассматриваются официальные документы; во-вторых, намного большая роль придается политическим событиям и изменениям — например, революции 1905 г. — как экзогенным факторам, которые могли приводить и приводили к реконфигурации концептуального контекста и наделяли новым смыслом прежние дискурсы в российском консерватизме. О Скиннере и его подходе см.: *Tully J. (ed.). Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. Princeton, 1988*. В исследовании *Wcislo F. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914. Princeton, 1990. P. 294–295*, автор намекает на использование лингвистического анализа в кратком обзоре записки Дурново как отражение его представлений об источниках нестабильности внутреннего российского строя, связанных с излюбленными аргументами консерваторов о природе крестьянских масс. Ниже я частично развиваю эту тему.

⁸ Ср.: *Lieven D. C. B. Bureaucratic Authoritarianism in Later imperial Russia: The Personality, Career and Opinions of P. N. Durnovo // Historical Journal. 26 (1983). No. 2. P. 391–402*. Самое свежее исследование об этих группировках: *Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. New York, 1995*. Работа Раусона также содержит очень полезную библиографию по неофициальным правам. См. также: *Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley, 1986*.

ваемая как статичный образ реакционного мировоззрения, скорее отражает в себе резкие изменения, привнесенные в консервативную мысль революцией 1905–1907 гг. и ее последствиями. Эти изменения наиболее заметны в том, как Дурново интерпретирует «монархическое начало» и проводившиеся консерваторами после 1905 г. причинные связи между сферами внешней и внутренней политики, прежде рассматривавшимися по отдельности.

Однако, проследив истоки аргументов Дурново, мы не объясним, чем был обусловлен его выбор момента для подачи записки — вопрос, который прежние исследователи, как правило, игнорировали. Фактически, в этом выборе проявилась реакция Дурново на последние перестановки в русском правительстве и на новые тенденции во внешней политике империи. В конце января 1914 г. Николай II во время обострения русско-германских отношений отправил В. Н. Коковцова в отставку с должности председателя Совета министров. Существенно, что не один Дурново воспользовался этим моментом для призывов к переориентации русской политики. По словам одного из мемуаристов, точно к тому же в тот момент призывал целый «хор» официальных правых⁹. Действия этой группы опровергают заявления об уникальности взглядов Дурново, подчеркивая существование единого мировоззрения среди правого крыла российского официоза, представители которого усматривали в политических обстоятельствах февраля 1914 г. не только необходимость, но и возможность переориентации российской политики.

Подобно любому мировоззрению, «официальный консерватизм» существовал в концептуальных пределах, не позволявших его представителям разглядеть возможности и последствия, несовместимые с этими рамками, — и в этом отношении весьма сходных с «парадигмами», на идее которых строится работа Томаса Кана по истории науки¹⁰. Участники «хора» предполагали, что Николай разделяет их идеи о взаимосвязях между внешней и внутренней политикой, оценит связь между «ориентацией» России и своей собственной самодержавной властью и соответственно использует эту власть для корректировки внешней политики России. Когда же, к разочарованию «хора»,

⁹ *Taube, Baron M. de. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'empire des tsars: Mémoires. Paris, 1931. P. 331.*

¹⁰ *Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1970.* Однако между консервативным мировоззрением и канновскими парадигмами существует принципиальное различие. Первое существовало и находило поддержку в плотном контексте социальной структуры и практик российского имперского общества, мифологий, легитимировавших и защищавших самодержавную власть, и более узкой сферы политических и идеологических дискуссий по поводу определения и применения политической власти, уже давно бурливших в рамках самого самодержавия. В то же время официальный консерватизм должен рассматриваться как небольшое подмножество более общей «парадигмы», представляющей собой систему символов и ценностей, которая обеспечивала взаимодействие между различными уровнями политической дискуссии в обществе царской России.

Николай не стал так делать — это вынудило некоторых к осторожной конфронтации с ним, что создавало неприятный парадокс в их восприятии самодержавия и ожиданиях по отношению к олицетворявшему его самодержцу. Иллюстрируя еще одну сторону «кризиса самодержавия», контекстуализация записки Дурново демонстрирует, что при поиске причин, вызвавших свержение царизма, противоречия между социальными группами или между «государством и обществом» объясняют лишь часть процесса; историки также должны учитывать степень сплоченности самодержавия как матрицы тесно связанных друг с другом ценностей и соответствующих концепций, разделявшихся теми, кто действовал в рамках самой государственной структуры.

I

Записка Дурново напоминает многие официальные документы, проходившие через русскую бюрократическую машину и еженедельно ложившиеся на стол царю. Судя по сохранившемуся экземпляру записки, она была представлена в таком же формате, в котором составлялись официальные доклады императору, и на точно такой же плотной, очень гладкой бумаге¹¹. Однако, в отличие от большинства этих документов, автор записки излагал свои аргументы с бескомпромиссной прямоотой, опиравшейся на давнюю традицию консервативной мысли в среде русской бюрократии¹². С тем, чтобы показать,

¹¹ P. L. Bark Collection, Bakhmeteff Archive, Columbia University.

¹² «Официальный консерватизм», как я его называю, впервые кристаллизовался в форме, принятой на вооружение Дурново, в ходе дискуссий о роли правительства и определении самодержавной власти и авторитета, начавшихся после убийства Александра II и предшествовавших «контрреформам». По-видимому, эти дискуссии являлись ответом на вызовы различных уровней, вставшие перед самодержавным строем внутри государства и за его пределами в конце 1870-х гг. Перед лицом недовольства, растущего в обществе после Берлинского конгресса, с одной стороны, и идей таких государственных деятелей, как граф М. Т. Лорис-Меликов и Д. А. Милютин, надеявшихся погасить это недовольство, допустив ведущих представителей общества в некоторые ограниченные сферы политики, официальные консерваторы сформулировали в 1880-х гг. комплекс аргументов в защиту реанимированного самодержавия, основанного на патриархальном, персональном проявлении неограниченной власти царя как средстве призвать неуправляемое, непокорное население к порядку. Обсуждение этих дискуссий см.: *Wcislo*. Reforming Rural Russia... Chapters II, III; *Verner A.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990; особ. см. обсуждение на с. 84–103; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. Как пример нарождающейся аргументации официального консерватизма в первую очередь следует упомянуть произведение К. П. Победоносцева. Англоязычные читатели могут ознакомиться с ними по изданию: *Pobedonostsev K. P.* Reflections of a Russian Statesman. Ann Arbor, 1965. Об этом и других примерах такого мировоззрения см.: *Byrnes R. F.* Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington, 1968. Наконец, Д. Ливен в своей работе «Bureaucratic Authoritarianism» рассматривает взгляды Дурново в ином контексте.

как Дурново в своей записке по-новому сочетает некоторые из этих традиций, сперва будет необходимо вкратце изложить ее содержание.

Дурново выдвигает аргументы трех типов — стратегические, экономические и такие, какие он называет политическими, — с целью доказать, что текущая ориентация России приведет к трагическим последствиям. Движущей силой его анализа выступает Европа, все события в которой происходят, по словам Дурново, из борьбы «не на жизнь, а на смерть»¹³ между дряхлеющей Британской империей, опирающейся на колонии, торговлю и военно-морское господство, необходимое для защиты того и другого, и молодой Германской империей, чья экономическая и политическая динамичность основывалась на быстром росте населения, для которого становилось недостаточно ресурсов и территории этой континентальной империи. Возникающее избыточное давление вело к поиску демографических и экономических выпускных клапанов в виде колоний, которые сами по себе требовали защиты, обеспечиваемой флотом. Это англо-германское соперничество определяло европейскую политику и вынуждало все державы становиться на ту или иную сторону. По словам Дурново, Россия с 1907 г. предпочла выступать на стороне Великобритании, отказавшись от своей прежней политики сохранения европейского равновесия путем оборонительного союза с Францией и одновременного поддержания династических и добрососедских связей с Германией.

Дурново задавался вопросом: «Верна ли, однако, эта ориентация и обещает ли нам даже благоприятный период войны такие выгоды, которые искупили бы все трудности и жертвы, неизбежные при исключительной по вероятной своей напряженности войне?»¹⁴ Как и следовало ожидать, ответ дается однозначно отрицательный. С одной стороны, Дурново указывает, что конфликт с Германией совершенно не нужен. У России, не нуждающейся ни в заморских колониях, ни в сильном флоте, нет никаких претензий к Германии, кроме областей с польским населением: «Но зачем нам эти области... когда и с русскими поляками нам не так легко управляться»¹⁵. Более того, до 1907 г. Германия не выказывала никакого интереса к Ближнему Востоку; ход событий после 1907 г., включая боснийский кризис и Балканские войны, продемонстрировал все последствия смены германской ориентации на британскую. С другой стороны, в тех регионах, с которыми связаны реальные интересы России, — в Азии и черноморских проливах, — ее истинным соперником является не Германия, а Великобритания.

Более того, участие России в «надвигающейся войне» на стороне Антанты противоречит ее политическим интересам. Дурново предсказывал,

¹³ Красная новь. 1922. № 6. С. 183.

¹⁴ Там же. С. 189.

¹⁵ Там же.

что вследствие слабости британских сухопутных сил и французской оборонительной стратегии «главная тяжесть войны... выпадет на нашу долю»¹⁶, к чему Россия совершенно не готова. В этом виноваты российские «законодательные учреждения, дилетантски интересовавшиеся нашею обороною», из-за чего меры, принятые в этом отношении, недостаточны «при тех невиданных размерах», которые приобретет будущая война, и «упорной борьбе», в которую она выльется. Русская армия страдала от недостаточности военного снабжения и запасов, чрезмерно зависела от иностранной промышленности и имела в своем распоряжении слишком мало стратегических железных дорог и крепостей¹⁷. Кроме того, Дурново критиковал министерство иностранных дел, выбравшее новую ориентацию «при сочувственном отношении общества», и тех дипломатов, чье поведение «не лишено, до известной степени, даже некоторой агрессивности, могущей чрезмерно приблизить момент вооруженного столкновения с Германией»¹⁸.

В записке наряду со стратегическими аргументами изучаются экономические осложнения, вызванные текущей «ориентацией» России. Дурново, составлявший записку в момент ярых дебатов по поводу возобновления старого русско-германского торгового соглашения, заключенного на десять лет в разгар русско-японской войны, признает превосходство Германии в текущих двусторонних экономических отношениях, но указывает, что это преимущество в значительной степени вызвано запаздывающим индустриальным развитием России и тем, что Германия в 1904 г. извлекала выгоду из сложившейся ситуации, но такое поведение «не может учитываться как враждебное» и является «актом здорового национального эгоизма»¹⁹. Кроме того, эти соображения перевешиваются тем фактом, что Германия, как основной получатель российского экспорта и посредник в российской экспортной торговле, не будет заинтересована в уничтожении этого источника прибылей. Еще более важно, по словам Дурново, то, что возможное разрушение германской экономики в результате войны крайне пагубно скажется на перспективах российской экономики. Россия лишится своего самого значительного экономического контрагента и крупнейшего рынка, вследствие чего не сможет возместить колоссальные расходы, неизбежные в грядущей войне, при том, что союзники России будут требовать выплаты военных займов.

Однако Дурново полагал, что стратегические и экономические аспекты текущей российской ориентации «все же отступают на второй план перед

¹⁶ Красная новь. 1922. № 6. С. 187.

¹⁷ Там же. С. 188–189.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 191.

политическими последствиями этого по существу своему противоестественного союза»²⁰. В последней части своей записки Дурново подробно описывает, каким образом война с Германией повлечет за собой крах самодержавия в России. Здесь он переключает внимание с беспощадного стратегического и экономического конфликта между Великобританией и Германией на более принципиальную борьбу, в которой Россия и Германия как представители «консервативного начала в цивилизованном мире» противопоставлены «началу демократическому, воплощаемому Англией и ... Францией». «Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома», в международных делах всегда оказывала поддержку «всем народным движениям, направленным к ослаблению монархического начала»²¹.

Война между Россией и Германией, какими бы ни были ее итоги, приведет к ослаблению обеих держав, являющихся «единственным надежным оплотом» консервативного принципа, поскольку, «по глубокому убеждению» автора, на территории побежденных «неминуемо» разразится социальная революция, быстро перекинувшись и на страну-победительницу. Дурново основывает этот вывод «на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений», под которым скромно имеет в виду свою долгую службу в Министерстве внутренних дел, увенчавшуюся недолгим пребыванием на посту министра с конца 1905 по середину 1906 г.²² С учетом того, что Россия представляет собой «особенно благоприятную почву для социальных потрясений», поскольку ее «народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма», угроза революции будет здесь наиболее серьезной. В свою очередь, в силу этого здесь становится невозможной какая-либо «политическая» революция под лозунгом расширения прав законодательной власти, возглавляемая представителями «общества», вставшего по отношению к правительству в оппозицию — такую же «бессознательную», как и социализм широких масс. Но вследствие слабости «общества» политическая революция неизбежно выльется в социальную революцию: народ не видит «никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных»²³. Они будут стремиться к удовлетворению лишь своих желаний: «Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта»²⁴, и, если правительство допустит

²⁰ Красная новь. 1922. № 6. С. 195.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 195–196.

²⁴ Там же. С. 196.

распространение лозунгов с такими обещаниями, Россия «будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905–1906 годов. Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации».

По мнению Дурново, угроза революции будет создана «неизбежными» трудностями в войне с Германией. В свете «исключительной нервности нашего общества» и его оппозиционности подобные неудачи приведут его к конфронтации с правительством. В идеале власти должны подавлять любую оппозицию, но Дурново опасался, что правительство вместо этого пойдет на уступки своим противникам. Подобный курс ослабит государство точно «к моменту выступления социалистических элементов». Пытаясь примириться с оппозицией, правительство лишь зря потратит время: оппозиция, как показало Выборгское воззвание, не представляет собой «никакой реальной силы». Видимость влияния ей придает лишь «искусственный» избирательный закон; если же предоставить выборы «их естественному течению», в законодательные органы не попало бы «ни одного интеллигента», поскольку «между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия»²⁵. Более того, Дурново предупреждает, что правительство, пойдя на такое соглашение, откажется «от роли беспристрастного регулятора социальных отношений» и выступит «перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения».

Дурново полагал, что если Россия одолеет Германию, то послевоенные беспорядки среди крестьян и рабочих удастся легко усмирить. Однако поражение приведет к катастрофе. В Думе начнется антиправительственная агитация, за которой последует революционная агитация по всей стране, и все закончится народным восстанием, с которым оппозиция не сможет справиться. Точно так же события будут развиваться и в побежденной Германии, подорвав основы «консервативного начала», а также экономического и политического благополучия России.

Таким образом, заключает Дурново, ориентация на Великобританию совершенно невыгодна России и может вовлечь ее в конфликт с Германией из-за британских интересов. Он настаивал на выходе из Тройственной Антанты, поскольку та — «комбинация искусственная», и отдавал предпочтение «несравненно более жизненному тесному сближению» России, Германии, Франции и Японии, которое способно обеспечить мир и пресекать «вполне естественное» стремление Англии удержать ускользающее от нее военноморское господство²⁶. Разумеется, согласно Дурново, Германия тоже должна

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 199.

выразить желание к восстановлению дружеских отношений и заключению договора с Россией на таких условиях «нашего с нею сожительства, которые не давали бы почвы для противогерманской агитации со стороны наших конституционно-либеральных партий, по самой своей природе вынужденных придерживаться не консервативно-германской, а либерально-английской ориентации».

Читая записку Дурново сквозь призму последующих событий, легко понять восхищение историков перед его талантами прорицателя. Однако вместе с тем такое прочтение ведет к деисторизации записки. Кроме того, комментаторы уделяют недостаточное внимание тому, какой смысл до лета 1914 г. эти аргументы имели для самого Дурново, насколько это поддается выяснению. В феврале 1914 г. Дурново видел уникальный шанс исправить ошибки предшествовавших семи лет, укрепив и оживив «консервативное» начало не только во внешних отношениях России, но и в ее внутренних делах. Вообще, при ретроспективном рассмотрении аргументов Дурново интерпретаторы упускают из вида то, что в ходе своих рассуждений о внешней политике он подвергает завуалированной, но уничтожительной критике всю российскую внутреннюю политику после революции 1905–1907 гг.

Дурново подкрепляет свою аргументацию доводами, которые издавна выдвигались первыми лицами империи, считавшими, что царь должен опираться на государственную структуру, насаждающую и поддерживающую порядок сверху. Однако в данном случае эти доводы окрашены двумя новыми оттенками, показывающими, насколько консерваторы опасались вызовов своим взглядам, исходящих из пределов России: оборонительной позицией, за которой стояло отношение к краху самодержавия как к событию более чем возможному, и укрепляющим эту позицию проведением более тесных, чем раньше, связей между внутренней и внешней политикой России.

II

Драматизм аргументов Дурново проистекает из противопоставления трех пересекающихся сфер конфликтов, способных привести к войне и революции: соперничества между «молодой» Германией и стареющей Британской империей, подкрепляемого конфликтом между «монархическим», или «консервативным», и «либеральным» началами, чьим отражением, в свою очередь, служит оппозиция между русским «государством» и «обществом», за которой скрывается призрак революционного насилия, исходя-

щего от «масс». Историки мимоходом проявляли интерес к тому или иному компоненту этой амальгамы, однако никто из них не изучал внутренние механизмы, посредством которых Дурново увязывает внешний конфликт с революцией в России.

Интересную иллюстрацию того, как развивалась историографическая традиция, связанная с запиской Дурново, мы увидим в комментариях к рисуемой им картине англо-германского соперничества. Большинство исследователей выделяет ту роль, которую Дурново приписывает в этом конфликте экономическим факторам, отмечая ироническое сходство между взглядами консерватора Дурново и представлениями Маркса и Энгельса, чьи последователи-большевики способствовали исполнению прогнозов Дурново²⁷. Однако даже краткое рассмотрение политической риторики начала XX в. показывает, что мыслители марксистской направленности не обладали монополией на материалистический политический анализ. На идею о взаимосвязи экономической и политической борьбы, позаимствованную у Спенсера и Дарвина, в Европе XIX и начала XX в. опиралась не только социал-демократическая, но и консервативная идеология. Руководители Германии использовали такие соображения с целью оправдать *Weltpolitik* новой империи²⁸. Вокруг этих же факторов вращались и французские предвоенные дебаты по вопросу воинского призыва. Русский министр финансов С. Ю. Витте отстаивал свою политику индустриализации как единственный способ сохранить великодержавный статус России и выступал за то, чтобы с помощью торговли расширять российское влияние в Китае²⁹. Говоря более конкретно, заявления Дурново об англо-германском соперничестве, о взаимной зависимости России и Германии, о незаинтересованности каждой из этих держав в этнически неоднородных областях по другую сторону общей границы уже прозвучали предыдущим летом в широко известной статье князя Г. Н. Трубецкого, который в конце 1913 г. возглавлял ближневосточный отдел Министерства иностранных дел и проповедовал политику, осуждаемую Дурново³⁰. Более интересным, с постмарксистской точки

²⁷ *Тарле*. Германская ориентация... С. 171. См. также: *Aldanov*. P. N. Durnovo P. 37. В этом абзаце Алданов невольно отдает должное Тарле. В свою очередь, Д. Ливен называет Дурново «экономическим детерминистом». См.: *Lieven D. C. B. Russia and the Origins of the First World War*. London, 1983.

²⁸ См.: *Geiss I. Origins of the First World War // Koch, H. W. (ed). The Origins of the First World War: Great Power Rivalry and German War*. 2nd edition. London, 1990.

²⁹ См. перевод записки Витте по этому вопросу в: *von Laue T. Sergei Witte on the Industrialization of Imperial Russia // Journal of Modern History*, 26 (1954). P. 64–67.

³⁰ Копия этой статьи находится в архиве французского Министерства иностранных дел, попав туда как приложение к донесению французского консула в Риге от 31 июля 1913 г. (н. с.): *Ministère des Affaires Étrangères, Paris, Nouvelle série [MAE. NS]. 145, 133–135*. Статья была опубликована за подписью Трубецкого и с упоминанием его официального титула в журнале «*Rigaische Rundschau*», о котором Эйльманн отзывался как о «feuille Gallophobic».

зрения, является тот факт, что Дурново не видел никакого противоречия между индустриальной экономикой и «монархическим началом». Напротив, он, как сторонник абсолютизма, считал, что экономическая мощь дополняет мощь государственной власти, не имея никакой обязательной связи с либеральным или монархическим принципом. Так, растущее могущество Германии он объяснял ее энергичной индустриализацией и утверждал, что запоздалая индустриализация вредит торговым отношениям России, так как Германия «из здорового национального эгоизма» не гнушается использовать свое преимущество.

Более поразительным в историографии, посвященной меморандуму Дурново, является пренебрежение его ссылками на «монархическое начало»: этот термин обычно воспринимается как штамп. Между тем то, как Дурново использует эту концепцию, подводит читателя к самой сути тех изменений, которые произошли в официальном консервативном мировоззрении после революции 1905–1907 гг. С момента основания «Священного союза» постоянным мотивом в отношениях между династиями Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов стала защита порядка и монархии от угрозы революции, после 1848 г. получившим наиболее яркое выражение в неуклюжем термине «Dreikaiserbund». К концу 1890-х гг. эта идея служила основой для попыток Германии сохранить хорошие отношения с Россией, все сильнее склонявшейся к союзу с Францией³¹. О всеобщем признании этого принципа свидетельствовало и удивление европейцев по поводу того, что Александр III в Кронштадте в 1891 г. обнажил голову при исполнении «Марсельзы»³².

Вплоть до 1905 г. монархическая идея противопоставлялась идее республиканской сразу в нескольких отношениях, причем не только как умозрительно противоположный ей идеологический конструкт. В конце XIX в. монархическая идея стала темой дискуссий, вызванных все более тесными дипломатическими отношениями России с Третьей

Следует также отметить, что предсказания Дурново о длительной войне разделялись многими тогдашними наблюдателями: в России Иван Блюх еще почти двадцатью годами ранее издал многотомное исследование, в котором указывал, что усовершенствования в технологии и экономической организации делают войну немислимой, поскольку ее протяженность и вызванные ею тяготы разрушат экономику воюющих сторон и приведут к крупномасштабному социальному взрыву. Интересно, что, по мнению Блюха, отсталость России станет гарантией того, что здесь не случится самого худшего. Сокращенный перевод этой работы на английский впервые появился в 1899 г. и переиздан в 1972 г.: *Jean de Bloch* [sic]. *The Future of War in its Technical, Economic and Political Aspects*. New York, 1972.

³¹ Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892 / Под ред. Ф. Ротштейна. Paris, 1970. С. 304. (Запись от 4 марта 1892).

³² См., например: *Kenman G.* *The Fateful Alliance: France, Russia and the Coming of the First World War*. New York, 1984. P. 98–99.

Республикой. Несомненно, тех, кто выступал против сближения и союза с Францией, не устраивала сама идея о связи самодержавной России с республиканизмом и революцией³³. Свою роль играл и монархический снобизм. В 1891 г. Александр III откладывал вручение ордена Св. Андрея Первозванного французскому президенту Сади Карно до момента после дня рождения императрицы, поскольку не желал «опускаться [s'encanailler], оказывая слишком интимные знаки внимания этим республиканцам»³⁴. Впоследствии Вильгельм II прибегал к такому же языку в своих попытках спасти разваливающийся Бьёркский договор, когда писал Николаю, что, поскольку правители Франции — не «принцы или императоры», им нельзя вполне доверять³⁵. Однако многие русские должностные лица в куда более прагматичном ключе считали республиканское правительство от природы нестабильным, основывая это заключение на чехарде министерских кабинетов во французской Третьей Республике³⁶. Эта нестабильность беспокоила российских политиков во время дискуссий 1890-х гг., предшествовавших заключению союза: они считали невозможным рассчитывать на какую-либо преемственность французской политики и даже на конфиденциальность переговоров, которые влекли за собой риск спровоцировать германские подозрения³⁷.

В противоположность взгляду, выраженному Дурново, ссылки русских политиков на монархический принцип в 1890-х гг. не были связаны с озабоченностью возможными внутренними беспорядками вследствие сближения с республиканской Францией. Если такие тревоги определяли интервенционистскую и легитимистскую политику Александра I и Николая I, защищавших поственский европейский порядок, то они совершенно исчезли к 1890-м гг. — периоду, который характеризовался неловкой реакционностью, выражавшейся в «контрреформах» сельской жизни, русификации приграничных областей, полемике Победоносцева против демократии или, наконец, в предостережении Николая против «пустых мечтаний» в момент унаследования им престола от отца в 1894 г. Интересно, что череда побед,

³³ См., например: Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890) / Под ред. Ф. А. Ротштейна. М.-Л., 1926. С. 63. (Запись от 5 марта 1889), 263 (запись от 9 января 1890). Эти взгляды разделялись и немцами. См.: Kennan. The Fateful Alliance... Р. 101, где Кеннан цитирует письмо германского представителя генерала Л. фон Швейница.

³⁴ Ламздорф. Дневник 1891–1892. С. 49. (Запись от 20 февраля 1891).

³⁵ Русско-германский договор // Красный архив. № 5. 1924. С. 24.

³⁶ Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). С. 47 (Запись от 11 января 1887). Ламздорф здесь цитирует министра иностранных дел Н. К. Гирса, открыто спрашивавшего, «предпочитает его величество союз с г. г. Флокэ и Клеменсо союзу с монархами, олицетворяющими порядок и устойчивость?».

³⁷ См., например: Ламздорф. Дневник 1891–1892, С. 262 (запись от 31 января 1892), с. 271 (запись от 8 февраля 1892), С. 298 (запись от 25 февраля 1892).

одержанных консерваторами во время дискуссий 1880-х гг. о контрреформах, явно основывалась на забвении всякой связи между поражением в Крымской войне и Великими реформами, которые сейчас оказались под угрозой отмены, или более недавнего брожения, последовавшего за дипломатическим провалом на Берлинском конгрессе, — недовольство его результатами привело к созданию «конституции» Лорис-Меликова, которая стала первой жертвой нового отката к самодержавию, осуществлявшегося К. П. Победоносцевым и Александром III.

В тот момент русские защитники монархического принципа усматривали главную угрозу этому принципу в поражении Германии от реваншистской Франции. Согласно их точке зрения, победа французов привела бы к свержению монархии в Германии вследствие возрастающей воинственности германской социал-демократии и вновь пробуждающегося партикуляризма государств, из которых Бисмарк сколотил федеративную империю. Эти государства, по мнению многих, получили бы независимость как республики, а возможность этого вызывала беспокойство у ряда русских наблюдателей, так как при таком развитии событий на западной границе России появились бы нестабильные республиканские правительства³⁸. Но если подобное развитие событий представлялось возможным в Германии, то лишь немногие российские должностные лица питали такие опасения в отношении своей страны.

Руководители России, проводя связь между внутренним строем и внешней политикой своего государства, обычно делали это в иных контекстах, не связанных с «монархическим принципом». Во-первых, существовало мнение о том, что Россия нуждается в европейском равновесии, которое позволит ей направить часть ресурсов не на оборону, а на неотложные внутренние нужды — такие, как борьба с голодом в деревне и индустриализация³⁹. Этому взгляду противостояла более распространенная вера в силу

³⁸ Там же. С. 298–299 (запись от 25 февраля 1892). Эти опасения за судьбу германской монархии, не способной справиться с внутренними вызовами, сами по себе опирались на давнюю традицию. Еще в 1866 г. Александр II протестовал против изменения status quo, вызванного австро-прусской войной, когда писал прусскому королю Вильгельму: «Я остаюсь убежден в том, что по Монархическому принципу [le principe Monarchique] наносится тяжелый удар, когда Династии [sic] сметаются с карты росчерком пера. Этот удар не становится менее тяжким из-за того, что его нанесла рука Королевской Власти [sic], а не революции. Также я убежден в том, что свойственная германскому парламенту привлекательность для либералов, но отнюдь не для консерваторов [peu conservateurs], сделает беззащитной власть, чье существование сопряжено с опасностями, преодолеть которые едва ли удастся даже самой сильной личности». Письмо Александра Вильгельму, Петергоф, 12 / 24 августа 1866 // Die auswaertige Politik Preussens, 1858–1871. Bd. 8. Berlin, 1934. S. 42–43. Теоретическое обсуждение этой проблемы современниками Дурново см.: Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. 3rd edition. Berlin, 1919. P. 471–474.

³⁹ См.: Lieven. Pro-Germans... P. 36–37; Ламздорф. Дневник 1891–1892. С. 209 (запись от 27 ноября 1891); о его взглядах на неотложное состояние внутренних нужд России см.: Там же.

России, гарантирующую мир и соблюдение интересов самой империи,⁴⁰ — представлявшая собой резкий контраст с сомнениями Дурново в готовности России к конфликту с Германией. В начале 1890-х гг. военное поражение казалось многим офицерам немислимым; однако оно оказалось мрачной реальностью в 1905 г., когда катастрофа в войне с Японией стала одной из вероятных причин революции в России.

После 1905 г. практически все русские, интересовавшиеся иностранными делами, усматривали причинную связь между военным поражением и революцией. Разгром на Дальнем Востоке всего лишь способствовал кристаллизации уже зарождавшихся представлений о внутреннем строе, которые впервые проявились во время крестьянских и студенческих волнений 1902 г. В начале 1904 г. военный министр генерал А. Н. Куропаткин выражал беспокойство последствиями надвигающейся войны, зафиксировав в своем дневнике разговор с принцем А. П. Ольденбургским, который отмечал, «общее недовольство всюду растет, что вопрос о войне может стать “династическим”»⁴¹. После 1905 г. российская внешняя политика велась в тени революции. Вплоть до начала 1914 г., в том числе во время череды кризисов на Балканах, царская дипломатия следовала лозунгу, выдвинутому П. А. Столыпиным, который предупреждал о том, что новая мобилизация в России наделит силой революцию, от которой страна только начинает оправляться, и что любая политика, кроме чисто оборонительной, будет представлять угрозу для правящей династии⁴².

Взаимосвязь, усматривавшаяся между войной и революцией, способствовала слиянию двух прежде независимых течений в официальной консервативной мысли: консерваторы после 1905 г. утверждали, что Россия должна находиться в союзе с Германией именно ради сохранения самодержавия и внутреннего порядка. Как отмечал сам Дурново, этот взгляд был противоположен мнениям либералов, которые в печати и в Думе утверждали обратное — т. е. что участие в Антанте укрепит новые хрупкие элементы конституционализма в постреволюционной России. Историки уже давно обращали внимание на эту так называемую дискуссию об ориентации, но игнорировали концептуальные механизмы, посредством которых в либеральном и в консерватив-

С. 262 (запись от 31 января 1892).

⁴⁰ Ламздорф. Дневник 1891–1892. С. 205. (запись от 24 ноября 1891).

⁴¹ Дневник Куропаткина. // Красный архив. 1922. № 2. С. 5–117. Здесь цит. по с. 93 (запись от 09.12.1903), с. 90 (запись от 28.11.1903).

⁴² Цит. по: Три совещания / Под ред. М. Н. Покровского // Вестник Народного Комиссариата иностранных Дел. 1919. № 1. С. 24. Об этой аргументации в целом см.: McDonald D. M. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge, Mass., 1992; Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906–1910 гг.

ном мировоззрении сочетались соображения внешней и внутренней политики⁴³.

По сути, записка Дурново была всего лишь наиболее внятным изложением нового консервативного взгляда, который усматривал в монархическом принципе могучую опору, позволяющую российскому государству восстановить порядок в империи. Такой взгляд в двух отношениях выворачивал наизнанку существовавшее до 1905 г. понимание «монархического начала». Военное поражение и последовавшие за ним внутренние беспорядки, прежде предсказывавшиеся для Германии, теперь пришли в Россию, в то время как в роли главного гаранта монархического строя выступала Германия. В том же ключе отныне считалось, что главная угроза для монархического строя исходит не от соседей-республиканцев, а создается социальным брожением в самой России. В обоих отношениях монархический принцип превратился из признака российской силы в оборонительную доктрину, призванную сохранить самодержавие в России путем союза с зарубежной монархией.

Этот сдвиг с поразительной быстротой произошел в 1905 г. в качестве ответа на революционное насилие. К началу 1906 г. министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф отказался от своей прежней отрицательной позиции по Бьёркскому договору, которой придерживался осенью 1905 г., и подал Николаю докладную записку, в которой настаивал, что, ввиду угрожающего развития революционного движения в России, необходимо было обдумать объединение всех консервативных сил в Европе, прежде всего ориентируясь на сотрудничество с Германской империей⁴⁴. В конце 1906 г. государственный контролер П. Х. Шванебах излагал эту же точку зрения более красноречиво: «Союз с Францией, несомненно, обрадовал все революционные элементы в России, но был осужден всеми теми, кто желал сохранить существующий порядок вещей... все прочное и надежное, что существует в России, было создано по германскому образцу либо исходило из германских источников. Более тесное сближение с Германией, очевидно, отвечает интересам русского правительства, особенно в данный момент. Самым

⁴³ Отчасти исключением служит внимание, уделяемое историками неудачной попытке кадетов убедить французских финансистов не выдавать России крайне необходимых ей займов до тех пор, пока имперское правительство не наделит Думу требуемыми прерогативами. Эти события удачно излагаются в: *Ferenczi C. Aussenpolitik und Oeffentlichkeit in Russland, 1906–1912.* Husum, 1982. S. 94–117; *Liszkowski U. Zwischen Liberalismus und Imperialismus: Die zaristische Auszenpolitik vor dem Ersten Wehkrig im Urteil Miljukovs und der Kadettenpartei, 1905–1914.* Stuttgart, 1974. S. 79–85.

⁴⁴ *Таубе М. А.* Воспоминания. Недатированная рукопись: Bakhmeteff Archive, Columbia University, 95. В рукописи содержатся свидетельства о том, что она написана позже опубликованных воспоминаний Таубе «La politique russe d'avant-guerre» (см. прим. 9), которые цитируются на с. 78, сноски 1. Кроме того, Таубе на с. 47 (прим. 2) цитирует мемуары В. Н. Коковцова «Из моего прошлого», впервые изданные в 1933 г. в Париже.

удовлетворительным результатом стало бы восстановление союза трех императоров, которые могли бы оказывать друг другу взаимную помощь в поддержании монархического принципа и сохранении мира в Европе»⁴⁵.

Все предсказания Дурново о том, чем для России закончится участие в войне против Германии, основывались на уроках, преподанных 1905 годом сторонникам сохранения монархического принципа в России. Дурново ссылаясь на события 1905 года как на прямое предвестие того, что можно ожидать в случае «неизбежных» неудач на первых этапах предполагавшейся войны. Детально расписанный Дурново ход событий, при котором попытки государства примириться с политической агитацией среди образованных классов приведут к народному восстанию и к свержению самодержавия, обладает явным сходством с реальной цепочкой событий, включавшей в себя растущее разочарование «общества» ходом войны на Дальнем Востоке, земский съезд 1904 г., пребывание Святополк-Мирского в должности министра внутренних дел и Октябрьский манифест, сопровождавшиеся нарастанием волнений по всей городской и сельской России. Собственно, если рассматривать записку Дурново в ее политическом контексте, станет ясно, что Дурново ставит под сомнение всю стратегию, проводившуюся после 1905 г. сменявшимися друг друга правительствами Витте, Столыпина и Коковцова в их отношениях с обществом в целом и с Думой в частности.

Это отчасти дает нам ответ на вопрос о том, почему Дурново выбрал именно тот момент для подачи своей записки. Еще с лета 1913 г. Коковцов, никогда не обладавший авторитетом своего предшественника Столыпина, подвергался резким нападкам, исходящим от самых разных сил, включая правую печать, Думу и Государственный совет, по вопросу о государственной винной монополии и использовании пьянства крестьян для извлечения дополнительных доходов⁴⁶. Отставка Коковцова стала еще одним подтверждением возраставшего недовольства Николая сдержками, накладывавшимися на него конституционным строем образца 1906 г. Бывший председатель Совета министров был последним защитником идеи «единого правительства» — имитации кабинетного правления, созданной как препятствие не-

⁴⁵ Public Record Office, Foreign Office [PRO / FO], 418 / 38, конфиденциальное донесение сэра Артура Николсона (С.-Петербург) сэру Эдварду Грею, 9.01.1907 (н. с.). Х. Хайльброннер написал две очень полезные статьи об отношениях между Шванебахом и графом А. Эренталем, послом императора Франца-Иосифа в С.-Петербурге, а впоследствии министром иностранных дел Двусединой монархии: *Heilbronner H. An Anti-Witte Diplomatic Conspiracy, 1905–1906: The Schwanebach Memorandum // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, 14 (1966). S. 347–361. См. также: Idem. Aehrenthal in Defense of Russian Autocracy // JGO 17 (1969). S. 380–396.*

⁴⁶ *Кривошеин В. А. А. В. Кривошеин (1857–1921 г.): Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 170–174; Коковцов В. Н. Из моего прошлого. 2-е изд. В 2-х тт. Париж, 1969. Здесь цит.: Т. 2. С. 310 и далее.*

ограниченному проявлению Николаем своей власти⁴⁷. Раздражение Николая, впервые проявившееся в ходе празднования трехсотлетия династии, находило выражение в назначении все более консервативных министров, нередко вопреки возражениям Коковцова. Кроме того, Николай, охваченный нетерпимостью, всерьез задумывался о роспуске Думы⁴⁸.

Помимо момента подачи записки, ее содержание также представляет собой очевидную реакцию Дурново на отставку Коковцова. Описывая, как война с Германией приведет к революции, Дурново основывает весь свой прогноз на предупреждении о том, что правительство пойдет на уступки «обществу» и Думе, вместо того чтобы жестко подавлять выражения протеста с их стороны. Пойдя на примирение со слабейшим слоем общества, который обязан своим политическим влиянием «искусственному» избирательному закону, государство подготовит почву для социального взрыва, отказавшись от своей роли «беспристрастного арбитра», стоящего над всеми социальными группами, и подчинившись той группе, которой менее всего доверяют массы. Подобная критика вполне отвечала позиции, которую Дурново занимал с момента его назначения в Государственный совет в 1906 г., где он проявил себя как решительный противник какой-либо передачи государственных прерогатив обществу — эта позиция привела к его открытому конфликту со Столыпиным во время кризиса, вызванного законом о «западном земстве» в начале 1911 г.⁴⁹ Таким образом, в записке Дурново за критикой внешней политики империи скрывались решительное осуждение внутренней политики, проводившейся правительством после 1906 г., и призыв отказаться от прежней восьмилетней практики работы с Думой, обращенный к Николаю, чья возросшая активность вкупе с отставкой Коковцова давала надежду на то, что этот призыв будет услышан. Вместо этой политики Дурново предлагал такую точку зрения на авторитет государства, которая воскрешала риторику контрреформ и традиционные определения легитимности самодержавия. Исследователи русского государства и общественной мысли сразу же узнают характерные черты описываемой им России с государством, стоящим как над эгоистической и дилетантской интеллигенцией, так и над «массами» несознательных рабочих и крестьян, стремящихся только к тому, чтобы завладеть чужой собственностью. Охрану порядка можно доверить лишь сильной государственной власти. Если та исчезнет, Россия рухнет в пучину социальной революции.

⁴⁷ *McDonald*. United Government, chapter 8.

⁴⁸ *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. London, 1973. P. 202.

⁴⁹ Об этом кризисе см.: *Hosking*, Constitutional Experiment, chapter 5; *Дьякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. Глава X; *Wcislo*. Reforming Rural Russia. P. 281–284.

В своем презрении к гражданскому обществу Дурново использует для его критики те же аргументы, которые выдвигал К. П. Победоносцев в резких нападках на общество и общественное мнение, требовавшие для себя какой-либо представительной власти. Прикладывая эту точку зрения к внешним отношениям, Дурново в первую очередь указывает на Думу, общественное мнение и либеральные элементы в Министерстве иностранных дел, чьи заявления без всякой нужды испортили отношения с Германией. Помимо того, представления о массах как о стихийной угрозе для порядка, нуждающейся в постоянном присмотре, являлись лишь очередным выражением образа, восходящего от Победоносцева к Карамзину и эпохе после завершения «Пугачевщины». Однако если Карамзин и Победоносцев предрекали лишь бунты и беспорядки в том случае, если государство перестанет обуздывать народные массы, то Дурново, писавший после 1905 г., полагал, что подобные события приведут к гибели самодержавия. В этих аргументах отражались опыт и мировоззрение государственного чиновника, чья карьера в основном совершалась в Министерстве внутренних дел, которое проводило в жизнь патриархальные представления о порядке, насаждавшиеся Александром III и его советниками в русской деревне⁵⁰. Воспринимая отставку Коковцова в контексте событий предыдущих восьми месяцев, Дурново призывал императора отказаться как от сотрудничества с Думой, так и от ориентации России на Антанту. Однако уход Коковцова с политической арены являлся лишь одной из причин появления записки. Чтобы более ясно понять, почему Дурново выбрал именно этот момент для обращения к Николаю, необходимо также рассмотреть развитие внешних отношений России в начале 1914 г. и соответствующую реакцию со стороны тех, чьи интересы так или иначе были связаны с внешней политикой империи.

III

С точки зрения некоторых обозревателей, отставка Коковцова влекла за собой серьезные осложнения для внешней политики России. Барон М. А. Таубе, одно время служивший в Министерстве иностранных дел, а в 1914 г. занимавший высокую должность в Министерстве народного просвещения, называл отставку Коковцова устранением убежденного сторонника международного мира, способного в критический момент воспользоваться правом вето, человека, который был единственной сдерживающей

⁵⁰ Карьеру Дурново как министра внутренних дел очень пронизательно обрисовывает Ливен: *Lieven. Bureaucratic Authoritarianism...*

силой в Совете министров⁵¹. Таубе и другие консерваторы начали выражать беспокойство по поводу того, что безудержное англофильство Сазонова могло привести Россию к конфликту с Германией, о чем, по их мнению, уже давно мечтали в Лондоне⁵².

Подтверждением этих страхов стало обострение русско-германских отношений из-за «дела Лимана фон Зандерса» — скандала, вызванного назначением немецкого генерала Лимана фон Зандерса командующим Первым армейским корпусом османской армии в Стамбуле. В глазах русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова этот шаг представлял собой очередную попытку Германии воспользоваться русской пассивностью на Балканах — в число прежних шагов входила поддержка Австро-Венгрии во время боснийского кризиса 1908–1909 гг. и в ходе незадолго перед тем завершившихся Балканских войн⁵³.

Сазонов воспользовался назначением Лимана как поводом для защиты русского престижа и отказа от прежних девяти лет сдержанности в российской внешней политике. Он энергично требовал от Франции и Великобритании участия в совместном нажиме на Высокую Порту с целью добиться отмены этого назначения, заявляя, что данный вопрос «станет проверкой Тройственной Антанты на прочность»⁵⁴. Внутри России Сазонов развернул энергичную кампанию в поддержку решительной политики, включающей такие меры «принуждения», как оккупацию стратегически важных пунктов в Малой Азии⁵⁵. Несмотря на риск «европейских осложнений», вызванных такими мерами, Сазонов подчеркивал, что признание Россией назначения Лимана будет означать большое политическое поражение с возможными «гибельными» последствиями⁵⁶. На особом совещании 31 декабря 1913 г. Сазонова поддержали представители военных учреждений, считавшие, что война «вполне допустима» при поддержке других держав, входивших в Тройственную Антанту⁵⁷. Только Коковцов смог умирить накал дискуссии,

⁵¹ Таубе. Воспоминания... С. 208.

⁵² Там же. С. 209; см. также: *Taube*. La politique russe... P. 328, 330.

⁵³ МАЕ, NS, Turquie, 158, телеграмма Делькассе (С.-Петербург) в Париж, 17.11.1913 (н. с.), 133–134; донесение Луциуса (С.-Петербург) в Берлин, 17.11.1913 (н. с.) // Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914 [GP]. 42 Bd. Berlin, 1922–1927. Bd. 38. S. 208–209. О «деле Лимана» см.: *Gooch, G. P., Temperley H. N.*, eds. *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914* [BDOW]. London, 1927–1938. Vol. X / 1.

⁵⁴ О'Бэйрн (С.-Петербург) — Грею, 1.12.1193 (н. с.): PRO / F0 371 / 1847,54 365, file 49 385. По другому поводу Сазонов многозначительно отмечал, что Антанты не оказывала серьезной поддержки русскому правительству и его союзникам во время недавних балканских конфликтов.

⁵⁵ Копия «Доклада» в Собрании С. Д. Сазонова: *S. D. Sazonov Collection, Bakhmeteff Archive, Columbia University*, 4.

⁵⁶ Там же. С. 2.

⁵⁷ *Захер Я.* Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. № 7. С. 48–76. Здесь цит. С. 48–49.

напомнив о внутренней слабости России. В итоге совещание решило прибегнуть к военным мерам лишь при наличии поддержки со стороны других держав Антанты.

Хотя скандал из-за назначения Лимана был быстро улажен в январе 1914 г.⁵⁸, его последствия продолжались ощущаться и в русско-германских отношениях, и в русской внешней политике, особенно ввиду сохранения напряженности на Балканах и в Эгейском море. После ухода Коковцова в отставку Сазонов уже не сталкивался со сколько-нибудь серьезной оппозицией его призыву занять более жесткую позицию по отношению к Германии. Он предпринимал энергичные шаги к превращению Тройственной Антанты «в оборонительный союз без всяких секретных пунктов и обнародованный во всех газетах мира. В этот день опасность германской гегемонии будет окончательно устранена»⁵⁹. Враждебность Сазонова к Германии в основном разделяло и общественное мнение столиц, в течение Балканских войн становившееся все более антигерманским. Эти настроения еще сильнее подпитывались дискуссиями о возобновлении русско-германского торгового соглашения. Дурново был достаточно обеспокоен подобными взглядами для того, чтобы полемизировать с ними в своей записке.

Кроме того, отставка Коковцова, поставив под вопрос обоснованность страхов перед революцией, задававших направление русской дипломатии после 1906 г., сделала возможной переоценку военных возможностей России, проводившуюся как внутри правительства, так и за его пределами. «*Spiritus rector*» отставки Коковцова, министр сельского хозяйства А. В. Кривошеин⁶⁰, во время Балканских войн стал известен своими решительными выступлениями в Совете министров за более энергичную российскую внешнюю политику. Осенью 1912 г., во время Первой балканской войны, в ответ на призывы Коковцова проявлять сдержанность Кривошеин возражал, что нужно «больше верить в русский народ и в его исконную любовь к родине, которая выше всякой случайной подготовленности или неподготовленности к войне»⁶¹. Аналогичные настроения были заметны и вне правительственных кругов. За две недели до того, как Дурново подал свою записку, влиятельная газета «Новое время» разразилась комментарием по по-

⁵⁸ С целью умиротворить русское правительство османские власти перевели Лимана на церемониальную должность.

⁵⁹ Письмо Сазонова Бенкендорфу (Лондон), 19 / 06.02.1914 опубликовано: Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств, 1878–1914. Серия III. В 10 тт. М.-Л., 1931–1937. Т. I. С. 360 (русский перевод: С. 362). См. также телеграмму Сазонова Бенкендорфу, 12.02 / 30.01.1914 (Там же. С. 306).

⁶⁰ *Taube*. La politique russe. P. 329. См. также: *Кривошеин А. В.* Кривошеин... С. 174–186; *Коковцов*. Из моего прошлого. Т. 2. С. 310 и далее.

⁶¹ *Коковцов*. Из моего прошлого. Т. 2. С. 128.

воду недавнего выступления в Государственном совете барона А. А. Розена, призывавшего к улучшению русско-германских отношений и предупреждавшего об опасности шовинистических взглядов. В духе позиции, занимаемой Кривошеиным, газета писала: «Вполне вероятно, что судьба готовит нам новые тяжкие испытания в виде кровавого столкновения с внешними врагами, но вся история России... не оставляет сомнения в том, что истинным защитником нашей национальной государственности в кровавую годину последней битвы с немцами явятся не остзейские патриоты из либерально-олигархической закваски, а верующий в государственную правду и справедливость многомиллионный русский народ... Будем же бережно хранить эту веру, как чудотворный талисман, который спасет нас от гибели во всяких и внешних или внутренних невзгодах»⁶².

Через неделю после отставки Коковцова Сазонов и военные министры провели еще одно особое совещание по вопросу о том, как русская политика должна реагировать на какие-либо неожиданные изменения на Ближнем Востоке с тем, чтобы «исторический вопрос проливов» был решен благоприятным для России образом⁶³. Совещание пришло к парадоксальному выводу, что Россия не может позволить ни одной другой державе захватить проливы, но сама до 1917 г. будет не в состоянии высадить десант и оккупировать их, в силу чего требуется ускорить строительство Черноморского флота⁶⁴. Несмотря на множество оговорок, сопровождавших этот вывод, Таубе и другие встревожились тем направлением, которое принимала русская политика⁶⁵.

Таким образом, в тот момент, когда Дурново подавал свою записку, другие, обеспокоенные новой тональностью русской политики, пытались склонить Николая к тому, чтобы отказаться от союза с Великобританией и объединить силы с Германией. Таубе в своих мемуарах описывает эти попытки как «настоящий заговор»⁶⁶, за которым стояли опасения по поводу последствий отставки Коковцова. Участники этого «заговора» инстинктивно принимали во внимание довольно тесную связь [enchainement] между следующими фактами: война (даже победоносная)... по крайней мере в 1914 г. — это экономический кризис; экономический крах — это революция; революция — это конец Романовых, а конец династии — это анархия и конец России»⁶⁷. В этот «хор “пацифистов”» Таубе зачисляет разнородную

⁶² Гофштейнтер М. Крокодиловые слезы остзейского патриотизма // Новое время. 1 / 14.02.1914. С. 13.

⁶³ Захер. Константинополь... С. 52.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Таубе. La politique russe... P. 329–330.

⁶⁶ Таубе. Воспоминания. С. 208.

⁶⁷ Таубе. La politique russe... P. 331. (Переведено с оригинала на французском языке.)

группу высших государственных чиновников, включая Витте, Дурново, министра юстиции И. Г. Щегловитого, министра образования Л. А. Кассо, князя В. М. Мещерского, князя В. Н. Орлова (начальника царской военной канцелярии) и представителей Министерства иностранных дел, включая Розена⁶⁸. За исключением Розена и, возможно, Витте, все они были убежденными консерваторами. Эти фигуры предпринимали «различные попытки открыть царю глаза и уравновесить отставку бывшего Председателя Совета отставкой г-на Сазонова». Заговорщики надеялись заменить Сазонова русским послом в Марокко или Н. Н. Гирсом, русским послом при Высокой Порте.

По описанию Таубе трудно судить, насколько скоординированным был этот «заговор». Безусловно, представители «хора», о котором он пишет, отличались самыми разными взглядами на внешнеполитическую ориентацию России⁶⁹. Так, позиция одних, включая Дурново или Орлова, основывалась на «монархическом начале», другие, например Боткин, придерживались не столько прогерманских, сколько антибританских взглядов⁷⁰. Равно интересен и тот факт, что хорошо осведомленный и часто ссылающийся на советские публикации Таубе ни разу не упоминает о записке Дурново. Вероятно, «хор», о котором пишет Таубе, был задним числом собран в его воображении, так как действия его участников представляли собой более-менее единую, но нескоординированную реакцию на обстоятельства, созданные событиями начала 1914 г.

Действия «заговорщиков» принимали различные формы. Некоторые сводились к неофициальным дискуссиям, содержание которых попадало в европейские донесения при любых перестановках в петербургском правительстве. На третьей неделе февраля Орлов говорил германскому послу, что желал бы укрепления связей между двумя империями. Затем в первую неделю марта в «Новом времени» появилась анонимная статья, обычно приписываемая Витте⁷¹, автор которой призывал к созданию континентального альянса — давней идеи бывшего министра финансов,⁷² — в который вошли бы Франция, Россия, Германия и другие страны. В середине марта Н. Н. Гирс, только что вернувшийся из С.-Петербурга в Константинополь, на-

⁶⁸ Ibid. P. 329–330. (С французского.)

⁶⁹ Различные взгляды ряда лиц, называемых Таубе, обсуждает Ливен: *Lieven*. Pro-Germans...

⁷⁰ См. переписку Боткина с Орловым: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1012. Оп. 1. Д. 50. Боткин выражал обеспокоенность тем, что Антанта стала для Британии всего лишь новым механизмом, посредством которого эта держава ограничивала российское вмешательство в те сферы британских интересов, которые она желала зарезервировать для себя.

⁷¹ См., например: донесение Дулсе (С.-Петербург) Думергу, 21.03.1914 (н. с.): МАЕ, NS, Russie, 42. P. 255.

⁷² *Bumme* С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1962. С. 459–460.

нес визит германскому послу Г. фон Вангенхейму⁷³. Гирс был «tres en verve» в отношении своих шансов сменить Сазонова на посту министра иностранных дел. Он сказал Вангенхейму, что «в России существует большая и сильная партия, к которой он принадлежит, считающая ключевым моментом российской политики отношения с Германией»⁷⁴. После этого он предложил, чтобы Россия и Германия совместно взяли на себя роль посредников в спорах, спровоцированных их союзниками. Вангенхейм пишет, что воспринял заявления Гирса «с тайным удовольствием»⁷⁵.

Однако, наряду с подобными неформальными демаршами, такие чиновники, как Дурново и Таубе, выступали с воззваниями, отличавшимися поразительным сходством в смысле предсказания революционных последствий войны с Германией. Злободневность этих предчувствий неявно подчеркивалась тем фактом, что они не попадали в протоколы внешнеполитических дискуссий в русском правительстве. Записка Дурново касалась той темы, к которой ее автор, судя по протоколам, прежде не проявлял особого интереса и которая лежала далеко за пределами его компетенции в качестве члена Государственного совета. Еще более драматично поступил А. А. Розен, «совершенно неожиданно»⁷⁶ прервавший дебаты в Государственном совете, посвященные теме пьянства, и потребовавший немедленно положить конец существованию двух враждебных альянсов, пока России не пришлось вступить в войну, будучи ослабленной расколом между государственной властью и обществом, который может привести к революции, подобной той, что последовала за поражением на Дальнем Востоке⁷⁷. В выступлении Розена вновь прозвучала та обеспокоенность, которую он дважды выражал в течение предыдущего года⁷⁸. Таубе публично обратился лично к Николаю на ежегодном собрании Императорского Русского исторического общества во время речи, формально посвященной австро-русским отношениям до Крымской вой-

⁷³ Вангенхейм (Пера) — Бетманн-Хольвегу, 26.03.1914 (н. с.) // GP. Bd. 39. S. 572–577.

⁷⁴ *Ibid.* S. 575.

⁷⁵ *Ibid.*

⁷⁶ *Гофунтеттер*. Крокодиловые слезы... С. 13.

⁷⁷ Государственный совет: Стенографические отчеты, сессия девятая. Пг., 1914. С. 864.

⁷⁸ Первой из этих попыток стала объемистая записка, адресованная Розеном Николаю осенью 1912 г., во время Балканской войны (в тот момент Николай находился в своем охотничьем поместье в Спале). Хорошее изложение этой записки дается в: *Lieven*. Pro-Germans... Ливен опирается на пересказ этого документа — почти такой же длинный, как собственно записка — самим Розеном в его мемуарах: Baron A. Rosen [sic]. *Forty Years of Diplomacy*. Vol. 2. New York, 1922. P. 83–108. Оригинал записки находится в бумагах Николая: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 543. Оп. 12. Д. 672. Вторую попытку Розен предпринял во время дебатов в Государственном совете в апреле 1913 г., когда повторил аргументы, приводившиеся в его записке и позднее снова выдвинутые им в начале 1914 г.: Государственный совет: Стенографические отчеты. 1912–1913 годы, сессия восьмая. СПб., 1913. С. 1428.

ны⁷⁹. В заявлении, зачитанном Таубе, отмечалось «пагубное сходство нашей политики за последние годы с отсутствием духа преемственности и предвидения у русской дипломатии перед Крымской войной»⁸⁰. Свое выступление Таубе завершил надеждой на то, что «светская власть» Романовых окажется достаточно крепка и выдержит испытания, ожидающие ее впереди. Несмотря на явное впечатление, произведенное этой речью на царя, Таубе сетовал, что его слова были все равно что написаны «вилами на воде».

Историки выдвигают много предположений о том, почему попытки Дурново и его единомышленников добиться переориентации русской внешней политики завершились неудачей; при этом чаще всего ссылаются на негибкость европейской системы альянсов. Но в самом узком смысле важнейшим фактором, как хорошо знали консервативные чиновники, была позиция самого Николая. В то время как консерваторы призывали к переориентации русской политики, Николай делал свои собственные выводы о внешних отношениях России, особенно под впечатлением от «дела Лимана». В середине ноября, в разгар этого скандала, один из придворных говорил французскому послу, что «Императора не могло не возмутить до глубины души [touché au vif] это дело, открывшее глаза тем, кто еще питал иллюзии в отношении того, что Россия может ожидать от Германии»⁸¹. В середине января Николай с несвойственной ему откровенностью заявил, что «в деле Лимана четко проявилась германская угроза жизненным интересам России», и упомянул о «возможно, неизбежном столкновении германских амбиций и российских интересов»⁸². В тоне, противоречащем оценкам Дурново, он добавил: «Мы не позволим наступать нам на ноги, и *на этот раз* все будет не так, как во время войны на Дальнем Востоке — народ нас поддержит»⁸³. К февралю Николай утверждал, что необходимо убедить британское правительство взять на себя «более точные и связывающие обязательства по отношению к России»⁸⁴. В качестве неявного ответа на события последних недель Николай в середине марта, отметив в разговоре с британским послом, что «по общему мнению, ничто не разделяет Россию и Германию», в ответ на это заявил, что «Германия стремится совершенно запереть Россию в Черном море». Если Германия попытается это сделать, «Он будет противиться этому всеми Своими силами, даже если единственной альтернативой окажется

⁷⁹ Таубе пересказывает этот эпизод в: *Taube. La politique russe*. P. 333–339.

⁸⁰ *Ibid.* P. 336.

⁸¹ Телеграмма Делькассе (С.-Петербург) на Кэ-д'Орсе, 1.12.1913 (н. с.) // МАЕ, NS, Turquie, 159. P. 5.

⁸² Телеграмма Делькассе (С.-Петербург) на Кэ-д'Орсе, 29.01.1914 (н. с.) // МАЕ, NS, Russie, 42. P. 223.

⁸³ *Ibid.*, 222. Курсив оригинала.

⁸⁴ Письмо Извольского (Париж) Сазонову, 18 / 05.03.1914 // Международные отношения. Серия III. Т. 2. С. 43.

война»⁸⁵. Через несколько недель русское правительство начало переговоры о заключении военно-морского договора с Великобританией⁸⁶.

IV

Таким образом, значение записки Дурново заключается не столько в ее предсказаниях, сколько в том, что она представляет собой наиболее известный и наиболее четко сформулированный из числа одновременных ответов на конкретную политическую ситуацию, сложившуюся в 1914 г. При внимательном изучении интеллектуального и политического контекста записки становится ясно, что Дурново в своем анализе российской внешней политики применяет набор аргументов, традиционных для официального консерватизма, защищая «монархическое начало», подвергнутое пересмотру после 1905 г., но одновременно с тем призывая к полной переориентации внутренней политики России: эти мотивы так же глухо прозвучали в петициях Розена и Таубе. Все три обращения к царю, отмеченные резко оборонительной тональностью, несут на себе отпечаток 1905 года в том смысле, что их авторы проводят строгие причинные связи между внешнеполитической ориентацией империи и перспективами сохранения внутреннего порядка.

Мы не знаем, как Дурново реагировал на дальнейший курс русской политики, направленной на все более тесное сближение с Антантой и, наконец, поставившей на кон престиж империи, когда Россия летом 1914 г. выступила в защиту Сербии. Однако Таубе, много лет спустя в изгнании вспоминая эти события, пытался найти причины, по которым его «хор» не сумел убедить Николая в правоте своего дела накануне войны, закончившейся свержением самодержавия. Размышления Таубе, даже неся на себе отпечаток позднейших событий, проливают свет на, пожалуй, самую непростую проблему, связанную с обстоятельствами, в которых появилась записка Дурново: ту степень, в которой финальный кризис самодержавия вызывался его возроставшей после 1905 года неубедительностью для своих приверженцев в качестве связанной концептуальной системы.

«Царь, не видевший почти никого, кроме своих министров, офицеров и нескончаемых делегаций, впадал во все большую зависимость от своего политического окружения; бюрократическая машина [engrenage], как истин-

⁸⁵ Отчет об аудиенции, данной Николаем британскому послу сэру Дж. Бьюкенену, изложенный Палеологом в телеграмме Думергу, 04.04.1914 (н. с.) // Documents diplomatiques français. Troisième série. Paris, 1929–1936. Vol. X. P. 113–114.

⁸⁶ Об этих переговорах см.: BDOW. Vol. X / 2. P. 774–821.

ный самодержец, постоянно втягивала мнимого [fictif] самодержца в рискованные политические комбинации, которых он лично хотел бы избежать»⁸⁷.

В другой работе я писал о появлении серьезных расколов на высших уровнях русского правительства после провала попыток навязать Николаю «единое» правительство. Не только для таких деятелей, как Витте, Столыпин или Коковцов, но и для многих из тех, кто поддерживал идею кабинетного правления как противовеса присущей Николаю склонности к использованию своей самодержавной власти, сопротивление императора идее «единого правительства» после 1911 г. раскрыло глаза на глубокий и прежде не осознававшийся парадокс: авторитет тех, кто пытался ограничить проявление царем своей суверенной власти, зависел от нее самой. Поневоле столкнувшись с этим парадоксом, Витте, например, смирился с неизбежностью конституционного правления, учитывая личные недостатки самого Николая⁸⁸. Столыпин, в свою очередь, питал идеи усиления кабинетного правления путем перестройки российского правительства, но лишь неявно, за счет прерогатив самодержца⁸⁹.

Как демонстрируют размышления Таубе, консерваторы тоже столкнулись с прежде незаметными ограничениями и парадоксами в своем мировоззрении, когда Николай отверг их призывы к переориентации политики. Прежде проводившаяся ими связь между благополучием и порядком в России и неограниченной властью самодержца подверглась серьезному испытанию, когда Николай отказался вставать на их точку зрения. На самом простейшем уровне примером лакуны восприятия в мировоззрении консерваторов может служить то, как они избегали каких-либо упоминаний об Австро-Венгрии в своей дискуссии о русско-германских отношениях, несмотря на поддержку Двойной монархии Германией во время неоднократных балканских кризисов. Сам Дурново затронул этот вопрос лишь с целью проиллюстрировать безрассудство российской политики после 1907 года; больше Двойная монархия в его анализе не упоминается. На более глубоком уровне схематичная структура официального консервативного мировоззрения очевидно просматривается в попытках Таубе примирить поведение Николая с теми чаяниями и предположениями, которыми в первую очередь и руководствовались оппозиционный «хор». По-видимому, Дурново и другие «заговорщики» руководствовались таким представлением об императоре и самодержавии, которое автоматически связывало в единую матрицу различные переменные

⁸⁷ *Taube. La politique russe.* P. 339.

⁸⁸ *Bumme. Воспоминания.* Т. 1. М.-Пг., 1923. С. 250–251.

⁸⁹ *Zenkovsky A. V. Stolypin: Russia's Last Great Reformer / translated by M. Patoski.* Princeton, 1986. P. 38–49. Эта работа была также издана по-русски: *Зенковский А. В. Правда о Столыпине.* Нью-Йорк, 1957.

и интересы — войну как угрозу для династии, логическую ассоциацию между «монархическим началом» и улучшением отношений с Германской империей; а в записке Дурново, естественно, прозвучал и отказ от системы, сложившейся в 1905–1906 гг., в пользу возвращения к неограниченному самодержавному правлению. Можно также указать на противоположность представлений Дурново о взрывоопасности народных масс, которые воспользуются войной для присвоения чужой собственности, и мнения Николая, считавшего, что «на этот раз» народ поддержит действия России на Балканах.

Ссылка Таубе на *engrenage bureaucratique*, узурпировавшую власть, выражает в себе тревожный парадокс, с которым он столкнулся, когда Николай не сумел осознать свои истинные интересы как самодержца. Объясняя это обстоятельство, Таубе прибегает к дискурсу, представлявшему собой самую суть моральной риторики самодержавия — образ справедливого правителя, окруженного злыми советниками и вынужденного принимать решения, «которых он лично хотел бы избежать». Мотив этого «средостения», хорошо известный исследователям социальных волнений в средневековой и ранне-модерной европейской истории, воспроизводился в риторике русской оппозиции со времен «Пугачевщины», фигурируя как у просвещенных критиков самодержавной власти в XVIII в.⁹⁰, так и в языке заявления, принятого земским съездом в ноябре 1904 г. Варианты этой метафоры употреблялись и в официальных кругах. Многие придворные Александра I называли А. А. Аракчева «визирем», контролировавшим доступ к императору и тем самым подчинившим себе его волю и намерения. В 1905 г. консервативные чиновники протестовали против создания должности нового сильного председателя Совета министров, называя ее «визират»⁹¹. Столыпин и Коковцов пытались избавиться от этого образа в своих отношениях с Николаем. Как еще в начале 1911 г. понял Столыпин, Николай был убежден в том, что председатель Совета министров заслоняет его, каким-то образом встав между монархом и страной.⁹² Коковцов пришел к аналогичному выводу во время празднования трехсотлетия Романовых, когда «все более и более сквозил взгляд, что правительство составляет какое-то «средостение» между [императором и страной], как бы мешающее их взаимному сближению»⁹³.

⁹⁰ Хорошие примеры такой критики можно найти в главе «Спасская полость» «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева и в нескольких произведениях Д. Фонвизина, включая его притчу «Каллисфен» и «Рассуждение о непременных государственных законах».

⁹¹ *McDonald*. United Government. P. 77, 77, 153, 158, 161–162.

⁹² Заметки Столыпина о разговоре с Николаем в начале марта 1911 г. // РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 325. Л. 1.

⁹³ *Коковцов*. Из моего прошлого. Т. 2. С. 155. Разумеется, эти образы, в свою очередь, отражались в критических изображениях правительства, особенно «единого» правительства в 1905 г., и в отношении к председателю Совета министров как к «визиру». См.: *McDonald*. United Government. P. 77, 84, 161–162.

Образ бюрократической стены позволял верить в самодержавие, в то же время не соглашаясь с его практикой, и сохранять убеждение в святости власти царя как центра системы, в то же время оспаривая личные решения государя. Вместе с тем в контексте начала 1914 г. образ «стены» был связан с отдалением от императора, которое ощущалось консерваторами в дни расцвета «единого» правительства, возглавлявшегося Столыпиным и Коковцовым. По иронии судьбы, это же самое отдаление позволяло им сохранить идеализированную убежденность в том, что Николай пойдет навстречу их призывам, как только вернет себе роль самодержца. Группа Дурново и Таубе выбрала путь прямого воззвания к императору ради того, чтобы пробить бюрократическую стену, за которой он замуровал себя, но при этом испытывая известную уверенность в том, что, когда глаза императора будут «раскрыты», он воспользуется своей властью для следования намеченному ими курсу: подобный сценарий неявно присутствовал в метафоре «стены» и намерении спасти плененного правителя. В формальном смысле Дурново следовал этой стратегии, выступив против законов Столыпина о земских институтах в западной России и вырвав у Николая для себя и своих союзников в Государственном совете разрешение голосовать по своим убеждениям против предложения правительства. Если Столыпин в конце концов одержал верх, то лишь расплатившись за это подтверждением своей роли «стены», вставшей между Николаем и миром, лежащим за пределами его кабинета.

Заявление Таубе о том, что Николай был мнимым самодержцем и пленником бюрократии — фактического обладателя самодержавной власти, звучит особенно зловеще. В ретроспективе Таубе косвенно относит свержение Николая к началу 1914 г., когда работа *engrenage bureaucratique* обратила его самодержавную власть в фикцию. Вся глубина такой реакции, отражающей подлинный кризис в отношении консерваторов к самодержавию, подчеркивалась внешними и внутренними угрозами, вставшими перед самодержавием в начале 1914 г. Это ощущение кризиса еще больше углублялось начинавшим зарождаться к концу марта 1914 г. пониманием того, что путеводная звезда их надежд на спасение «монархического принципа» — сам Николай — придерживается откровенно иных взглядов на международную ситуацию и на место России в ней.

Но, возможно, основная ирония заключалась в том, что Николай, вероятно, проигнорировал советы Дурново и его единомышленников по причинам, связанным с его собственными представлениями о самодержавной власти. Издавна известный чувствительностью к нерушимости своей власти, Николай после триумфального повторения в 1913 г. пути, которым проследовал Михаил Романов во время коронации, по-видимому, с новой силой уверился в своем органическом контакте с русским «народом», отражением чего

стала высказанная им уверенность в народной поддержке при следующем столкновении с Германией. И действительно, Николай вел себя все более решительно в отношениях со своим правительством и в нескольких случаях, казалось, был готов вернуться к режиму, существовавшему до 1905 года. Уволив Коковцова, он одновременно ослабил должность председателя Государственного совета, демонстративно назначив на нее И. Л. Горемыкина, которого многие воспринимали как чисто декоративную фигуру⁹⁴. Для наблюдателя вроде Дурново такие шаги вполне могли означать, что Николай сбрасывает узы, сковывавшие его с 1905 и 1906 гг., — конституционный строй, который после 1907 г. также стал ассоциироваться с ориентацией России на Антанту.

Однако производившиеся Николаем в начале 1914 г. назначения и перестановки в Совете министров, в первую очередь возвышение Кривошеина и его протеже П. Л. Барка в Министерстве финансов, свидетельствовали о том, что сторонники прогерманской ориентации приписывали Николаю представления о должном проявлении и интересах самодержавной власти, отличавшиеся от его собственных. Так, призывая Николая изменить курс российской внешней политики, официальные консерваторы апеллировали к Николаю как к образу того, каким должен быть самодержец. Их провал, бесспорно, стал, по памятному выражению Тарле, «лебединой песней» русского консерватизма; в то же время он отражал и ту степень, в какой даже самые лояльные защитники самодержавия были не в состоянии примириться с идеей о том, что их государь может отвергать аргументы, основанные на монархическом принципе. Этот вывод, в свою очередь, указывает на тот факт, что кризис самодержавия являлся не просто результатом роста противоречий между самодержавным государством и зарождающимся обществом; логика самодержавия как концептуальной системы, способной насаждать лояльность и легитимировать власть, подвергалась эрозии даже среди первых должностных лиц государства. Собственно, логика такого конструкта, как «стена», привела Таубе к самому ошеломляющему выводу: пленником этой стены является «мнимый» самодержец; легитимное же самодержавие фактически исчезло. Размышления Таубе об этом факте поверх исторического водораздела войны и революции свидетельствуют, в каком тупике многие подобные ему государственные деятели оказались в начале 1914 г.

Перевод с английского Николая Эдельмана

⁹⁴ *McDonald*. United Government. P. 197–198.

В. Б. Каширин

**БЕССИЛИЕ И ЛУКАВСТВО
У ПОРОГА БАЛКАН:
ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ
ВОЕННОЙ СИЛЫ В СТРАТЕГИИ
РОССИИ НА ЧЕРНОМОРСКО-
БАЛКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ
В 1914–1915 ГГ.¹**

Ученые, занимающиеся военной и политической историей поздней Российской империи, подобны консилиуму врачей, которые спустя немало времени после смерти больного пытаются разобраться в хитросплетениях одолевавших его недугов, проследить их возникновение, симптомы, развитие, взаимное влияние и последствия. Императорскую Россию погубил целый набор тяжелых болезней, совокупность которых была несовместима с жизнью государственного организма. К их числу относились системная порочность кадрового отбора в высшие эшелоны военной и статской службы, что вело к деградации и деморализации институтов власти; глубокая архаичность аграрных отношений; промышленная и техническая отсталость и, как следствие, вопиющая слабость военной экономики; дерзкое хищничество крупного частного капитала, нашедшего политический ин-

¹ Большая часть данной статьи представляет собой фрагменты моей книги по военно-политической стратегии России на Балканах в годы Первой мировой войны, которая сейчас готовится к изданию в рамках задуманного мною цикла работ о борьбе России за Балканы в конце XIX — начале XX в. Приношу благодарность моим друзьям и коллегам О. Е. Алпееву и к. и. н. А. В. Ганину за высказанные ценные мысли и замечания по поводу рукописи.

струмент в лице безответственно-разрушительной либеральной оппозиции в Государственной Думе; наконец, пагубная роль явно вырождающейся императорской фамилии. Эти причины крушения Российской империи в мировой войне и революции назывались и раньше, а новейшие исследования, в том числе и выходявшие из-под пера многих авторов этого сборника, подтверждают данный диагноз на качественно новом уровне знания фактов и их анализа.

Однако не вполне выясненным пока остается вопрос о роли и значении военно-политической стратегии российского руководства в ряду факторов, повлиявших на плачевное для России развитие событий Великой войны 1914–1918 гг. Не вызывает сомнения, что стратегический курс Российской империи в Первой мировой войне был неудачным. Однако в некоторых исторических и мемуарных работах высказывались суждения о том, что Россия упустила вполне реальный шанс переломить ход войны в свою пользу путем завоевания преобладающих позиций на Балканах и совместного с союзниками завладения черноморскими Проливами. К примеру, об этом говорил военный историк русского зарубежья А. А. Керсновский (1907–1944), автор талантливо и страстно написанной «Истории Русской армии», которая ныне является в России едва ли не самым влиятельным обобщающим трудом по истории Первой мировой войны. О том же писал в своих воспоминаниях А. И. Верховский (1886–1938) — даровитый, хоть и не в меру амбициозный генштабист старой России, много работавший при флотских штабах на Черном море и занимавшийся десантными операциями. Подобные взгляды и суждения перекочевали на страницы эмигрантской печати и затем стали достоянием многочисленной группы поклонников и апологетов поздней Российской империи, сторонников теории «украденной победы» и исторической случайности крушения монархической государственности.

Концепция упущенного стратегического шанса на южном фронте Великой войны возникла и развивалась в условиях явного недостатка конкретного фактического материала, извлеченного из архивов военного и военноморского ведомств. Начиная с 1920-х годов, отечественные и иностранные историки много и усердно писали о борьбе Антанты и Центральных Держав за привлечение Болгарии и Румынии на свою сторону, о политической подготовке операции по захвату Проливов. Немало внимания уделялось и участию в тех событиях России, которая традиционно была ключевым игроком на Балканах. Однако в большинстве случаев исследователи, сознательно или нет, сужали предмет своего внимания до дипломатической переписки. При этом они совершенно упускали из виду, что любой проект дипломатии стоит меньше, чем потраченные на него чернила и бумага, если он не подкреплен реальными ресурсами — военными, военно-морскими, финансово-

экономическими, энергетическими, транспортными и коммуникационными, а также интеллектуальными, идеологическими и моральными.

Дипломатический аспект этой истории в значительной мере был раскрыт известными документальными публикациями 1920–1930-х гг., прежде всего — двухтомником «Константинополь и Проливы» и 10-томной 3-й серией издания «Международные отношения в эпоху империализма». Один из составителей последней, крупный историк-международник Ф. И. Нотович, написал фундаментальную монографию о дипломатической борьбе за Балканы в годы Первой мировой войны². О взаимодействии России с западными союзниками по вопросам ведения войны на Балканах писал советский историк В. А. Емец³. Политические аспекты отношений России с балканскими странами в годы Великой войны получили освещение в работах отечественных балканистов Ю. А. Писарева⁴, В. Н. Виноградова⁵, О. В. Соколовской⁶.

Существует и несколько ценных работ по операциям русского Черноморского флота в годы Первой мировой войны, в которых подробно освещено соотношение сил сторон на Черном море, оперативные и стратегические взгляды их командования⁷. А наименее изученной до сих пор оставалась проблема обеспечения сухопутными силами любых «земноводных» операций на Черном море, будь то «Босфорская экспедиция», тактические десанты на побережье турецкого Лазистана, высадка на болгарский берег или действия русских войск в Добрудже при поддержке Черноморского флота.

Признавая важность изучения дипломатической истории, мы считаем, что именно исследование планов и мероприятий военного и военно-морского ведомств позволит нам приблизиться к пониманию проблем стратегии России на Балканах и Проливах. Весомый вклад в изучение этой темы

² *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1. Потеря союзниками Балканского полуострова. М.; Л., 1947.

³ *Емец В. А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916 гг.) // Исторические записки. Т. 56. М., 1956. С. 52–90; он же. Позиция России и ее союзников в вопросе о помощи Сербии, осенью 1915 г. // Исторические записки. Т. 75. М., 1965. С. 122–146; он же. Очерки внешней политики России в Первой мировой войне: Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977.

⁴ *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968; он же. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; он же. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990; он же. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.

⁵ *Виноградов В. Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969.

⁶ *Соколовская О. В.* Греция в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг. М., 1990.

⁷ *Новиков Н. В.* Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах. СПб., 2003 (Первое издание — в 1927 г.); Флот в первой мировой войне / Под ред. Н. Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. М., 1964; *Козлов Д. Ю.* Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003; он же. «Странная война» в Черном море (август — октябрь 1914 года). М., 2009.

внес О. Р. Айрапетов. В своем обширном очерке «На восточном направлении» и в ряде других работ он показал развитие черноморско-балканской стратегии России накануне и в годы Первой мировой войны в общем контексте военно-политической борьбы Антанты и Центральных Держав за Балканы и Проливы⁸. На материале широкого круга источников О. Р. Айрапетов — впервые на таком уровне глубины и обобщения в отечественной историографии — наглядно выявил взаимосвязь военных и политических событий на Балканах с проблемами стратегии и политики Российской империи, ее противников и союзников. Именно работы О. Р. Айрапетова указали ряд наиболее важных, актуальных и малоизученных направлений для дальнейших исследований по истории русской политики и стратегии на Балканах, Проливах и на всем Ближнем Востоке.

Работая в русле заложенного Айрапетовым подхода, автор этих строк ранее уже писал о несостоявшейся крупномасштабной экспедиции русских вооруженных сил в Болгарию осенью 1915 года, а также о планировании и подготовке похода в Добруджу XLVII армейского корпуса генерала А. М. Зайончковского 1916 года⁹. И потому теперь представляется целесообразным заглянуть в предшествующий период Первой мировой войны и рассмотреть процесс возникновения и начальной эволюции взглядов руководства Российской империи на проблему использования военной силы на Балканах, а также взаимосвязь этих планов с подготовкой действий по захвату Босфора.

Иными словами, это очерк о том, какими силами располагала Российская империя для активных действий в черноморско-балканском регионе в первый год Великой войны, до вступления Болгарии в войну на стороне Центральных Держав в сентябре 1915 года, и о том, как военное и политическое руководство страны предполагало использовать эти ресурсы для достижения стратегических целей. Основное внимание наше будет направлено именно на проблему обеспечения любых действий такого рода сухопутными силами. Проблема операций русского Черноморского флота изучена несколько лучше, однако и в ней остается много белых пятен, заслуживающих отдельного исследования по материалам архива военно-морского ведомства. В нашем же очерке основную источниковую базу составили документы

⁸ *Айрапетов О. Р.* Балканы. Стратегия Антанты в 1916 году // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 48–60; он же. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. Сборник статей под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002. С. 158–261; он же. Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 191 — 224.

⁹ См.: *Каширин В. Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175–203; он же. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // *Studia Balkanica*. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010. С. 139 — 185.

военного ведомства из фондов Российского государственного военно-исторического архива, прежде всего — фонда Главного управления Генерального штаба (ГУГШ; ф. 2000), Штаба Верховного Главнокомандующего (ф. 2003), штаба 7-й армии (ф. 2129), штаба Одесского военного округа (ф. 1837).

Первым и основным эшелоном сухопутных вооруженных сил империи, предназначенным для действий на черноморско-балканском стратегическом направлении, со времени милютинских реформ 1860-х — 1870-х гг. были войска Одесского военного округа. Этот округ, образованный в 1862 году в числе четырех первых военных округов, охватывал территорию Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской губерний. С момента учреждения Одесского округа и вплоть до начала мировой войны в нем постоянно находилось два армейских корпуса. Накануне Великой войны VII армейский корпус (штаб — Симферополь) состоял из 13-й пех. дивизии (Севастополь) и 34-й пех. дивизии (Екатеринослав). VIII армейский корпус (штаб — Одесса) имел в своем составе 14-ю пех. дивизию (Кишинев), 15-ю пех. дивизию (Одесса), отдельную 4-ю стрелковую бригаду (Одесса) и 8-ю кавалерийскую дивизию (Кишинев). Кроме того, в случае мобилизации предполагалось развертывание в округе из скрытых кадров частей первой очереди еще четырех второочередных пехотных дивизий: 62-й (Севастополь), 63-й (Тирасполь), 64-й (Одесса) и 71-й (Екатеринослав)¹⁰.

Из пяти западных приграничных военных округов империи Одесский, с его двумя корпусами, был самым слабым по численности своих войск в мирное время. Для сравнения: накануне мировой войны Варшавский и Киевский военные округа имели по 5 армейских корпусов, Виленский и Петербургский округа — по 4 корпуса каждый. Особо заметная на этом фоне слабость войск Одесского военного округа может показаться странной, учитывая историческую значимость для России южного стратегического направления. Однако стратегия подготовки к большой европейской войне, заложенная начальником Главного штаба Н. Н. Обручевым и его сотрудниками в 1880–1890-е гг., предполагала сосредоточение как можно большего количества войск в Галицию и Польшу — на главный театр войны против Центральных Держав. В силу такой расстановки приоритетов, для действий на остальных направлениях, включая и балканское, выделялся лишь необходимый минимум военных сил. Причем до решающего поворота событий

¹⁰ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М., 1926. С. 107–110.

на главных театрах войны или до иных крупных перемен в военной и политической обстановке руководство на второстепенных направлениях должно было рассчитывать почти исключительно на собственные резервы.

Войскам Одесского округа, при сравнительной незначительности их сил, предстояло решать две крупные стратегические задачи — ведение военных действий на Балканском театре (против Турции и/или Румынии) и осуществление Босфорской десантной операции. С 18 (30) октября 1883 года¹¹ Румыния была связана с Центральными Державами тайным оборонительным союзом, который неоднократно продлевался в последующие годы¹². Поэтому вплоть до Первой мировой войны это королевство, с его очевидными притязаниями на российскую Бессарабию, рассматривалось русскими штабами как вероятный противник. Однако в эпоху Обручева румынская армия представляла собой полумилиционное войско с громоздкой и архаичной структурой, слабой артиллерией и прочей военной техникой. В то время для русской императорской армии вооруженные силы Румынии были заведомо неравноценным противником. Босфорскую же экспедицию высшее военное и государственное руководство России предполагало осуществить стремительным броском ограниченного воинского контингента, который имел бы на своей стороне преимущество ускоренной мобилизации и повышенной боеготовности, заранее накопленные запасы военной техники и специального снаряжения, превосходство русского флота на Черном море над морскими силами Османской империи. В предвоенный период предполагалось, что в десанте на Босфор будут задействованы 13-я пехотная дивизия (Севастополь) из VII корпуса и 15-я дивизия (Одесса) из VIII корпуса.

В конце XIX века силы Одесского округа считались вполне достаточными для решения обеих задач — борьбы с Румынией и десанта на Босфор. Однако уже в 1900-е годы военная ситуация в регионе стала быстро изменяться, становясь всё менее благоприятной для Российской империи. В вооруженных силах Румынии был осуществлен ряд мероприятий по их модернизации и повышению боеспособности. К примеру, в 1908 году в большей части румынской армии была упразднена архаичная, восходившая еще к XIV веку система «скимба», т. е. территориально-милиционного комплектования. Вследствие крупных заказов на заграничных заводах быстро улучшалась военно-техническая оснащенность румынских войск. Благодаря небольшой площади территории и стратегически удобной сети железных дорог Румы-

¹¹ Даты в статье приводятся по старому стилю (Юлианскому календарю), кроме тех случаев, где используется двойная датировка. В XX веке Юлианский календарь «отставал» от Григорианского на 13 дней.

¹² Это происходило 13 (25) июля 1892 года, 18 (30) сентября 1896 года, 4 (17) апреля 1902 года и, в последний раз, 23 января (5 февраля) 1913 года. См.: *Мозилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 260.

нии ее армия обладала преимуществом над войсками Одесского военного округа в скорости мобилизации и сосредоточения, причем довольно существенным, в 6–7 дней, а также превосходила их в численности, по некоторым сценариям — также весьма значительно. Практически единственным вероятным образом действий вооруженных сил Румынии в случае европейской войны в русских высших штабах считалось немедленное наступление против России — на восток, через Бессарабию на Одессу, или на северо-восток, для совместных с австрийцами действий в Подолье.

Таким образом, войска Одесского военного округа должны были вести оборону против численно более сильной румынской армии, а также сохранять готовность к быстрой десантной операции на Босфор, причем считался вполне вероятным тот вариант, при котором политические и военные обстоятельства могли потребовать одновременного решения обеих этих задач.

Для характеристики взглядов штаба Одесского округа на возможные действия румын весьма важны материалы военной игры этого штаба, проведенной в 1909 году. По легенде этой игры, Австрия объявила войну России; на ее стороне выступили Германия, Турция и Румыния. Турецкое выступление заставило союзную России Болгарию направить все свои силы на южную границу. И это позволило Румынии выставить всю свою полевую армию (4 армейских корпуса и 1 рошиорскую¹³ кавалерийскую дивизию) против России. Румынской армии была поставлена самостоятельная задача — овладение Бессарабией¹⁴.

Одесский военный округ направил половину своих первоочередных войск — VII армейский корпус и 4-ю стрелковую бригаду — на усиление войск Киевского военного округа, против Австрии. Таким образом, на стороне румын изначально оказалось полуторное превосходство в силах. Первым днем мобилизации было установлено 1 мая. События военной игры развивались крайне неблагоприятно для русской стороны. В первый же день противник занял Болград, на второй день — Измаил, из-за чего мобилизация в Измаильском уезде была сорвана. По ходу игры уже 9 мая румынская дивизия рошиоров, брошенная в глубокий рейд, переправилась через Днестр, продвинулась к Бирзуле (ныне Котовск) и сумела 11 мая нарушить движение по железной дороге Бирзула — Раздельная. К вечеру 20 мая основные силы румынской армии вышли на линию Кишинева. Русские войска отступили на Бендерскую позицию. Около полудня 24 мая дивизия рошиоров бомбар-

¹³ Рошиори (от рум. «красные») — красные гусары, регулярная кавалерия румынской армии.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 450. Л. 4–8. Выражаю благодарность моему другу и коллеге О. Е. Алпееву, глубокому знатоку темы военных игр русского Генштаба, указавшему мне на этот ценный документ.

дировала Тирасполь и заняла его, но была выбита прибывшим по железной дороге русским пехотным полком¹⁵.

В ходе игры соотношение сил сторон еще больше изменилось не в пользу русских, когда 6 мая (т. е. на 6-й день игры) 13-я (севастопольская) и 15-я (одесская) пехотные дивизии начали посадку на суда для десантной операции на Босфоре. В результате против 8 румынских первоочередных пехотных дивизий были оставлены всего 1 русская первоочередная и 4 второочередные дивизии¹⁶.

Ход игры показал, что сил для защиты Бессарабии у России было недостаточно, особенно в случае активных действий против Босфора. С наступлением темноты 25 мая русские войска, под давлением превосходящих сил и при угрозе охвата с фланга и тыла, оставили Бендерскую позицию и отошли на левый берег Днестра. Итак, военная игра 1909 года закончилась убедительной победой румынской армии, которая, используя значительное превосходство в силах, в течение первого же месяца войны завладела всей Бессарабией до Днестра и перенесла военные действия на его левый берег. Обращали на себя внимание особенно энергичные рейдовые действия рошиорской дивизии и быстрое продвижение основных сил румынской армии вглубь Бессарабии. Как показала игра 1909 года, теперь русские военные специалисты весьма серьезно относились к румынскому фактору.

Балканские войны 1912–1913 гг. резко изменили обстановку в регионе; их итоги толкнули Болгарию к сближению с Тройственным Союзом и в то же время привели к сильному охлаждению между Румынией и Центральными Державами. Проведенный в Отделе генерал-квартирмейстера (Огенквар) ГУГШ внимательный анализ событий 1912–1913 гг. на Балканах заставил разработчиков стратегических планов России внести в них определенные изменения сразу по горячим следам завершившихся Балканских войн. 25 сентября 1913 года император Николай II утвердил составленные генерал-квартирмейстером ГУГШ Ю. Н. Даниловым и его ближайшими сотрудниками Н. А. Обручевым и И. И. Щолоковым «Основные соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза (к введению в действие мобилизационного расписания № 20)»¹⁷. В этом документе говорилось, что основными противниками Рос-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГВА. Ф. 37 967. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 11–28. «Высочайше утвержденные 25 сентября 1913 года Основные соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза (к введению в действие мобилизационного расписания № 20). Составлены на основании всеподданнейшего доклада Военного Министра от 22 сентября 1913 года № 392».

сии на западе по-прежнему оставались Германия и Австро-Венгрия. Авторы «Основных соображений» писали: «Что касается Румынии, то, несмотря на несколько изменившееся положение названного королевства в отношении держав Тройственного союза, тем не менее, при войне на западе, мы все же должны считаться с возможностью неприязненных выступлений против нас»¹⁸. По оценке Данилова и его подчиненных, для действий на Русском фронте Румыния могла выставить не более трех армейских корпусов с соответствующими резервными частями, или же 132 батальона, 67 эскадронов и 557 орудий. В случае развертывания в северной части Молдавии румынская армия должна была быть готова к переходу в наступление основными силами на утро М+18 (18-го дня мобилизации), а при развертывании в средней части Молдавии — на утро М+15.

По существовавшим к началу войны русским стратегическим планам (мобилизационное расписание 1910 года в варианте от 1 мая 1912 года и готовившееся к введению мобилизационное расписание № 20), для противодействия Румынии предполагалось сформировать из войск Одесского военного округа отдельную 7-ю армию в составе одесского VIII армейского корпуса и четырех второочередных дивизий. VII армейский корпус и 4-я стрелковая бригада из Одесского военного округа должны были быть сразу отправлены на Юго-Западный фронт, против Австро-Венгрии.

Отметим, что в высших штабах военного ведомства России долгое время сохранялись разногласия в вопросе о количестве первоочередных войск, которое следовало оставить в пределах Одесского военного округа в случае европейской войны. Желание максимально усилиться против австрийцев вступало в прямое противоречие с необходимостью защитить юго-западные пределы России от возможного румынского вторжения. По мобилизационному расписанию 1910 года предполагалось, в случае начального нейтралитета Румынии, направить VIII армейский корпус в 3-ю армию, формируемую из войск Киевского военного округа и нацеленную на австрийскую Галицию. Выступление же Румынии против России, по оценкам русских генштабистов, должно было приковать VIII корпус к Бессарабскому театру войны, по меньшей мере, на 1–1½ месяца¹⁹. На известном Московском совещании начальников окружных штабов в феврале 1912 года рассматривалось компромиссное решение — направить в 3-ю армию только 15-ю дивизию, оставив 14-ю дивизию на румынском направлении. В докладе о совещании говорилось: «Принимая во внимание, что VII-я армия состоит исключитель-

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Ед. хр. 832. Л. 12. Отчетная работа штаба Киевского военного округа. Отдел IV-й. План действий III-й армии. И вновь приношу благодарность О. Е. Алпееву за любезно предоставленные им ценные материалы по предвоенному планированию.

но из второочередных частей, Совещание признало необходимым оставить 14-ю пехотную дивизию в составе VII-й армии.

В связи с этим вопросом возник вопрос об оставлении в рядах VII-й армии и 15-й пехотной дивизии. Прения, возникшие по этому поводу, привели Совещание к убеждению, что оставление в составе VII-й армии даже и двух полевых дивизий едва ли даст возможность этой армии начать активные действия против 10-ти румынских дивизий, особенно принимая во внимание громадные недочеты в материальной части наших второочередных дивизий, составляющих во всяком случае главную силу VII-й армии»²⁰. В итоге вопрос было решено вынести на благовозрение самого императора Николая II, который распорядился оставить в 7-й армии весь VIII корпус²¹.

Вскоре затем, во время мобилизационного кризиса в декабре 1912 года, командующие войсками и начальники штабов Варшавского и Киевского округов вместе с примкнувшим к ним генералом М. В. Алексеевым приняли решение вновь добиваться усиления VIII корпусом Проскуровской группы 3-й армии²².

Эта же идея получила отражение в «Основных соображениях» от сентября 1913 года, посвященных введению в действие мобилизационного расписания № 20. Заглядывая вперед, авторы этого документа не исключали возможность благоприятного для России румынского нейтралитета, что позволило бы усилить всем VIII корпусом Проскуровскую группу на крайнем левом фланге Юго-Западного фронта. Генерал Данилов писал: «Однако, оставляя на фронте против Румынии VIII корпус, надлежит, ввиду современной политической обстановки, предусматривать возможность переброски его на ближайший фронт против австрийцев, на каковой случай необходимо иметь уже заранее подготовленные соображения»²³. Именно этот вариант и был претворен в жизнь в ходе мобилизации летом 1914 года, что позволило существенно усилить 8-ю армию А. А. Брусилова и увеличило перевес в силах русских войск на левом фланге Галицийской битвы.

В течение осени и зимы 1913–1914 гг. в Огенкваре продолжали изучать стратегическую обстановку на Балканах и положение Румынии. Ко времени составления Даниловым «Записки о силах и вероятных планах наших за-

²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 1811. Л. 6–6 об. Доклад по ГУТШ «О Совещании, бывшем в Москве 21-го сего февраля, под председательством Военного Министра» от 25 февраля 1912. Подписал В. А. Сухомлинов.

²¹ Там же. Л. 2.

²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7140. Л. 54 об. О влиянии кризиса конца 1912 года на русское военное планирование см.: Алтеев О. Е. На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872–1914 гг. // Русский Сборник. Т. X. М., 2011. С. 183–260.

²³ РГВА. Ф. 37 967. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 16 об.–17.

падных противников», отразившей данные на 1 марта 1914 года, некоторые оценки были уточнены и исправлены²⁴. В частности, генерал-квартирмейстер ГУГШ писал: «Что касается Румынии, то общность политических интересов ее с государствами Тройственного союза после Балканских войн 1912–1913 гг. значительно ослабела; весьма вероятно, что, в случае Европейской войны, Румыния вначале будет соблюдать строгий нейтралитет и лишь позже, в зависимости от хода событий, примкнет к той или другой группировке держав»²⁵. Учитывая необходимость оставить I и V корпуса на болгарской границе, против России Румыния могла направить три остальных армейских корпуса, что составляло 12 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, или же 135 батальонов, 150 тыс. штыков, 9600 сабель, 464 орудия и 290 пулеметов.

По оценке Данилова, наибольшую помощь австрийцам румынская армия могла оказать своим наступлением из Северной Молдавии на фронт Вапнярка — Жмеринка, с целью угрозы крайнему левому флангу и тылу русских войск в Проскуровском районе. Однако такое движение потребовало бы от румын длинного марша, тогда как их фланг был бы уязвим для удара со стороны русских войск Одесского военного округа. Короче и безопаснее, с военной точки зрения, были пути наступления на Кишинев — Бендеры или Маяки — Одессу из Средней или Южной Молдавии. Эти пути могли вести к достижению желанной для Румынии политической цели — захвату Бессарабии. Конечный выбор направления наступления, писал Данилов, зависел от того, чему отдаст предпочтение румынский Генштаб, — военно-стратегическим соображениям коалиции Тройственного Союза или частным национальным интересам Румынии.

Если бы Румыния выполнила свои союзнические обязательства в отношении Центральных Держав и выступила против России, наступление основных сил ее армии пришлось бы сдерживать VIII армейскому корпусу и четырем второочередным дивизиям Одесского округа. Этим силам, согласно всем предвоенным расчетам русских штабных экспертов, следовало упорно оборонять линию Днестра, так как на удержание Бессарабии шансов практически не было.

Однако более вероятным русское военное руководство все же считало вариант нейтралитета Румынии. Именно этот сценарий, позволивший направить VIII корпус против Австро-Венгрии, был разыгран в ходе хорошо известной Киевской стратегической военной игры 20–24 апреля 1914 года²⁶.

²⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 133–179. Ю. Н. Данилов. «Записка о силах и вероятных планах наших западных противников». К 1 марта 1914 года.

²⁵ Там же. Л. 133 об.

²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 1990. Л. 12. Отчет о стратегической военной игре, состоявшейся в г. Киеве с 20-го по 24-е апреля 1914-го года. Подписал Н. Н. Янушкевич.

События первых дней войны подтвердили верность оценок, которые русская разведка и дипломатия давали в отношении политических намерений румынского руководства. Правительство Румынии решило не вступать в борьбу на стороне Центральных Держав. Вечером 21 июля (3 августа) 1914 года в замке Пелеш в Синае, летней резиденции румынского короля в Карпатах, состоялось знаменитое заседание Коронного совета, на котором, при участии лидеров всех основных политических партий страны, включая вождей оппозиции, решался вопрос о действиях Румынии в условиях начавшейся европейской войны. На этом заседании король Кароль I огласил текст союзного договора 1883 года и призвал к исполнению Румынией союзнических обязательств по отношению к Центральным Держavam и немедленному вступлению в войну на их стороне. Однако, к его глубокому удивлению, он оказался почти в полном одиночестве. Члены либерального правительства во главе с премьером Ионом Брэтиану открыто пошли против воли монарха и высказались за вооруженный нейтралитет Румынии в европейской войне. Позицию короля поддержал лишь бывший премьер-министр, старый поклонник Германии и закоре-нелый русофоб Петре Карп (1837–1919), один из лидеров консерваторов. Однако глава консервативной партии Александру Маргилومان, которого поддерживала подавляющая часть однопартийцев, высказался за выжи-дание. Подавляющим большинством голосов членов совета было приня-то решение не вступать в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии и принять меры по защите границ Румынии²⁷.

Главные итоги заседания Коронного совета стали быстро известны за-интересованным силам. В частности, один из участников совещания под-робно рассказал о нем представителю русской газеты. Уже на следующий день, 22 июля, генерал-квартирмейстер штаба Одесского военного округа М. И. Шишкевич срочной телеграммой передал в Огеньквар, что совет при-нял решение о вооруженном нейтралитете Румынии²⁸. В течение ближай-ших нескольких дней одесским разведчикам удалось выяснить подробности заседания Коронного совета и расстановку сил на нем, в частности то, что, несмотря на требования короля Кароля и даже его угрозы отречься от пре-стола, глава правительства Брэтиану и наследный принц Фердинанд высту-пили за вооруженный нейтралитет, т. е., в тех условиях, в пользу лагеря Со-гласия²⁹. Одновременно русской разведке стало известно, что на практике

²⁷ Подробнее о Коронном совете в Синае см.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. С. 40 — 48.

²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3131. Л. 25, 27. М. И. Шишкевич — в Огеньквар. 22 июля 1914. № 426–427.

²⁹ Там же. Л. 31, 34. М. И. Шишкевич — в Огеньквар. 24, 26 июля 1914. № 188, 465.

решение Коронного совета о мерах по защите страны означало негласное приведение румынской армии на военное положение без официального объявления мобилизации.

Примечательно, что еще до Коронного совета в Синае и объявления Румынией вооруженного нейтралитета руководство Российской империи приняло рискованное решение об усилении Юго-Западного фронта за счет значительной части полевых войск, предназначенных для прикрытия румынской границы.

Частная мобилизация Одесского военного округа была объявлена в 8 часов 15 минут вечера 16 (29) июля 1914 года. Затем в полночь на 18 (31) июля началась общая мобилизация Вооруженных сил Российской империи. Как и было предусмотрено действующим на тот момент мобилизационным расписанием 1910 года (в варианте 1912 года), из войск Одесского военного округа была сформирована отдельная 7-я армия. Во главе ее встал командующий войсками округа генерал от артиллерии В. Н. Никитин (1848–1922). Это был престарелый военачальник, ветеран Освободительной и русско-японской войн, начальник полевой артиллерии Порт-Артура в 1904 году, кавалер ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, командующий войсками Одесского военного округа с 1912 года. В годы Великой войны современники отмечали его физическую немощь. Резкий в оценках и злой на язык офицер Ставки штабс-капитан М. К. Лемке после встречи с генералом Никитиным в ноябре 1915 года назвал его в своем дневнике «развалиной и шляпой». Там же автор дневника утверждал, что до войны вместо Никитина Одесским военным округом командовала его жена, что было якобы общеизвестно³⁰.

Один из двух первоочередных корпусов Одесского округа, VII армейский, в соответствии с прежними планами был направлен на север и включен в состав 8-й армии А. А. Брусилова, образовавшей левое крыло Юго-Западного фронта. Однако благоприятные данные о политической позиции Румынии позволили русскому руководству принять решение о еще большем усилении армии Брусилова за счет войск 7-й армии. Уже 15 июля 1914 года начальник Генштаба генерал Н. Н. Янушкевич телеграфировал Никитину, что, на случай мобилизации, было высочайше одобрено направление в состав 8-й армии, в район Проскурова, частей VIII армейского корпуса³¹. Таким образом, армия Никитина лишалась главного ударного кулака первоочередных войск, предназначавшегося для отражения возможного нападения румын. Однако этот риск был сочтен допустимым и оправданным. Напряженная работа русской дипломатии и военной разведки на румын-

³⁰ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1915. Минск, 2003. С. 276.

³¹ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 15 июля 1914. № 1742.

ском направлении принесла первые важные плоды еще накануне вступления России в европейскую войну. Сведения, по их каналам поступающие в Петербург из Румынии, позволили военному руководству империи сделать верное заключение, что в существующих условиях румынские власти не выступят против России.

При этом высшее командование в своих директивах особо подчеркивало необходимость соблюдения крайней осторожности в ходе мобилизации войск 7-й армии, чтобы ни в коем случае не спровоцировать опасения и враждебную реакцию соседа за Прутом. В другой своей телеграмме от 15 июля Янушкевич указывал Никитину: «Политическая обстановка исключает вероятность военных действий против Румынии. Поэтому мероприятия по перечням первому и второму подлежат выполнению лишь поскольку они необходимы для обеспечения общей мобилизации войск округа, перевозок на австрийскую границу и обороны побережья. Следует остерегаться всех мероприятий, кои дали бы возможность Румынии усмотреть в них меры, направленные непосредственно против названного государства, расположенного к нам пока вполне благожелательно. Это разъяснение должно быть руководящим. Прошу предупредить о сем пограничную стражу»³². В соответствии с этой директивой штаб 7-й армии предписывал подчиненным частям, расположенным вблизи румынской границы, оставаться, отобилизовавшись, в местах постоянного квартирования и не высылать в сторону румынской границы разведывательных разъездов и авангардов. Специальные красные пакеты, в которых хранились распоряжения на случай открытия боевых действий против Румынии, было предписано не вскрывать³³. Части пограничной стражи получили указание — с началом мобилизации отобилизоваться, но не сосредотачиваться на сотенные сборные пункты, не рвать телеграфные провода из Унген в Яссы и из Рени в Галац и не разрушать железнодорожный мост через Прут в Унгенах (единственную связь между железными дорогами России и Румынии), что было намечено еще в довоенное время. Пограничникам было разъяснено, что рвать провода и взрывать мост в Унгенах следовало лишь в случае начала войны с Румынией, но никак не раньше. Впрочем, тут же выяснилось, что взорвать мост вовсе не было возможности из-за отсутствия пироксилина. Ситуация выглядела дико: русское командование долгие годы ломало голову, как оно будет сдерживать первый бросок румынской армии к Днестру и Одессе, но никто не потрудился подготовить подрыв стратегически важного моста в Унгенах. В итоге начальник 8-й кавалерийской дивизии и командир 21-й Скулянской

³² Там же. Л. 1. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 15 июля 1914. № 1732.

³³ Там же. Л. 3. М. И. Шишкевич — начальникам 8-й кавалерийской и 14-й пехотной дивизий. 16 июля 1914. № 544.

пограничной бригады получили нелепое предписание на случай начала войны против Румынии — мост «разрушить в мере возможности»³⁴.

После отправки на Юго-Западный фронт VII и VIII армейских корпусов, отдельная 7-я армия осталась в составе четырех второочередных пехотных дивизий (62-й, 63-й, 64-й, 71-й), частей других родов оружия, пограничной стражи и государственного ополчения. 29 июля генерал Никитин докладывал в Петербург на имя Верховного Главнокомандующего, что части 7-й армии, заканчивающие мобилизацию, располагались в пунктах прежнего квартирования VII и VIII корпусов. Командующий армией писал: «В случае войны с Румынией и наступления их (румын. — В. К.) на Кишинев — Бендеры мною предположено, в виду превосходства сил и готовности румынской армии, оборонять Днестр, сосредоточив в районе Тирасполя шестьдесят вторую, шестьдесят четвертую и семьдесят первую пехотные дивизии. Шестьдесят третья пехотная дивизия сосредоточится на линии Кишинев — Бендеры. 8 кавалерийская дивизия, усиленная Крымским конным и седьмым Донским казачьим полками, главными силами будет сосредоточена в районе Ганчешты, разведывая на фронте Ботушаны — Яссы — Хуш. Скулянская и Измаильская бригады пограничной стражи соберутся в сотни для охраны и наблюдения границы. Пехотные гарнизоны Севастополя, Очакова и Керчи по окончании формирования ополченческих частей будут сменены этими последними»³⁵.

К началу августа 1914 года русская Ставка уже приняла бесповоротное решение — забирать из 7-й армии полевые войска для борьбы в Галиции. 8 августа Н. Н. Янушкевич телеграфировал Никитину распоряжение Верховного Главнокомандующего — немедленно приступить к стягиванию 8-й кавалерийской дивизии к железной дороге для посадки на поезда и отправления на север³⁶.

В тот же день Никитин докладывал в Ставку, что к 8 августа было полностью завершено снаряжение и приведение в готовность к походу всех четырех второочередных пехотных дивизий 7-й армии с их артиллерией. По мнению Никитина, эти войска следовало сосредоточить в такое исходное положение, из которого они, при необходимости, могли быть двинуты как для отражения румынского вторжения, так и для удара по правому флангу австрийцев. Подобное расположение могло выглядеть следующим образом: 63-я дивизия — в районе Кишинев — Бендеры, 62-я дивизия — в районе

³⁴ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 25. М. И. Шишкевич — начальнику 8-й кавалерийской дивизии. 1 августа 1914. № 67.

³⁵ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 6. В. Н. Никитин — вел. кн. Николаю Николаевичу. 29 июля 1914. № 48.

³⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 15. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 8 августа 1914. № 3118.

Рыбницы, 71-я дивизия — в районе Балта — Ананьев, 64-я дивизия — Одесса. При этом для гарнизонной службы, охраны побережья и пунктов внутри округа оставались бы 18 запасных батальонов (16-ротного состава), 119 рот, формируемых управлениями воинских начальников из излишков запасных, и ополченские части³⁷. Главной идеей такого сосредоточения было перенести центр тяжести сил 7-й армии на север Бессарабии, чтобы не вызывать ненужного беспокойства в Румынии. Ставка в целом не возражала против такого сосредоточения сил, однако предписала оставить 62-ю дивизию в Севастополе³⁸. Одновременно генерал Янушкевич успокаивал Сазонова и через него, опосредованно, власти Румынии, объясняя, что передвижения войск в приграничной полосе являются следствием переброски части сил Одесского военного округа против австрийцев и замены их второочередными формированиями. Янушкевич подчеркивал, что эта замена должна лишней раз убедить румын в доверии России к их дружелюбной политике, и говорил, что генералу Никитину предписывается не выдвигать войск к самой границе и заниматься лишь подготовкой к обороне линии Днестра³⁹. Дипломатическая канцелярия Ставки советовала МИД использовать отправку 8-й кавалерийской дивизии из пределов Одесского военного округа в район Ивангорода как доказательство румынскому правительству отсутствия у России всяких враждебных намерений по отношению к Румынии⁴⁰.

К 17 августа 1914 года перечень войск 7-й армии выглядел следующим образом: 62-я пех. дивизия (Севастополь), 63-я пех. дивизия (Кишинев, Бендеры, Тирасполь), 64-я пех. дивизия (Одесса), 71-я пех. дивизия (уже вывозилась из района армии и отправлялась на фронт), Крымский конный полк (Бельцы), 49-й Донской казачий полк (Рыбница), Одесский морской батальон (Одесса), 4-й полевой жандармский эскадрон (Одесса), автомобильная команда (Одесса), 11-я и 16-я отдельные саперные роты (Елисаветград), 6-я отдельная телеграфная рота (Елисаветград), 6-я авиационная рота (Одесса), 24-й корпусной авиаотряд (Одесса), 3-й и 4-й отдельные инженерные парки (Одесса, Елисаветград), 23-я отдельная Донская казачья сотня (Луганск, патронный завод), бригады пограничной стражи — 21-я Скулянская, 22-я Измаильская, 23-я Одесская, 24-я Крымская и особый Керченский отдел. Наконец, в организационном отношении в 7-ю армию входили находившиеся в подчинении командующего морскими силами на Черном море — крепос-

³⁷ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 30. В. Н. Никитин — Н. Н. Янушкевичу. 8 августа 1914. № 776.

³⁸ Там же. Л. 32. Ю. Н. Данилов — В. Н. Васильеву. 11 августа 1914. № 3221.

³⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3018. Л. 65. Н. Н. Янушкевич — С. Д. Сазонову. 7 августа 1914. № 3009.

⁴⁰ Там же. Л. 139. Н. А. Базили — в МИД. 12 августа 1914. № 26.

тные артиллерийские, саперные, минные и авиационные части крепостей Очаков и Севастополь, а также Керченских укреплений. В общей сложности действующие части 7-й армии насчитывали: 64 батальона, 20 эскадронов и сотен, 192 орудия, 14 аэропланов, 18 инженерных рот (саперных, телеграфных, искровых, минных), 8 конных сотен, 7 конных команд и 15 пеших сотен пограничной стражи, 12 артиллерийских и 2 инженерных парка.

Таким образом, к середине августа 1914 года 7-я армия располагала силами, достаточными, по крайней мере, для обороны Черноморского побережья от попытки турецкого десанта и для сдерживания первого румынского наступления. Однако в ближайшие дни Ставка продолжила забирать у генерала Никитина полевые части, прежде всего — второочередные пехотные дивизии. В течение второй половины августа из 7-й армии были взяты для австро-германского фронта 63-я, 64-я и 71-я дивизии. К началу сентября в подчинении генерала Никитина не оставалось больше ни одной дивизии полевых войск⁴¹. 62-я пехотная дивизия продолжала находиться в Севастополе, в подчинении у коменданта крепости и командующего Черноморским флотом. Однако в 20-х числах ноября 1914 года и эта дивизия по распоряжению Верховного Главнокомандующего была отправлена на австро-германский фронт⁴².

Меж тем, хотя Румыния действительно занимала позицию выжидательного нейтралитета, с самого начала европейской войны у руководства России были все основания сохранять наготове военные силы для демонстрационных или же активных действий на Балканах. Причиной тому была открыто недружественная позиция, занятая властями Болгарии.

С самого начала европейской войны правительство Третьего Болгарского царства заявило о своем нейтралитете. Тем не менее в поисках союза с Центральными Державами оно само проявляло инициативу, и его воинственный порыв сдерживала лишь неготовность Берлина и Вены полностью удовлетворить обширные территориальные притязания болгарской стороны. 20 июля (2 августа) 1914 года, на второй день большой войны, Радославов по воле царя Фердинанда обратился к германскому и австрийскому посланникам Г. Михаэлесу и А. Тарновскому с предложением выступления Болгарии на стороне Тройственного Союза, в обмен на гарантии целостности болгарской территории и присоединения областей, на которые Болгария имела исторические и этнические права⁴³.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 42. Ф. Н. Васильев — Ю. Н. Данилову. 31 августа 1914. № 198.

⁴² Там же. Л. 88–88 об. Ю. Н. Данилов — П. К. Кондзеровскому. 22 ноября 1914. № 918/1546.

⁴³ *Silberstein, Gerard E.* The Troubled Alliance. German-Austrian Relations, 1914–1917. Lexington, Kentucky, 1970. P. 129; *Марков, Георги.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916. София, 1995. С. 53.

Однако предложение Радославова о союзе вызвало колебания дипломатии Центральных Держав, которые в те дни не хотели обещать Болгарии территориальные приобретения за счет Румынии и Греции. Вена и в особенности Берлин еще надеялись привлечь эти страны в свой лагерь, а риск оттолкнуть их в объятия Антанты был слишком велик. К 24 июля дипломатические ведомства Германии и Австро-Венгрии подготовили проекты тайных двухсторонних договоров с Болгарией. Согласно этим проектам, очень близким по содержанию, Центральные Державы гарантировали Болгарии, в обмен на ее помощь, территориальную целостность и права на приобретение земель, на которые она имела исторические и этнические права, с преобладающим болгарским населением. Для объединения действий армий будущих союзников предполагалось подписать военную конвенцию, с обязательством сторон не заключать сепаратный мир. Австрийский проект договора отличался тем, что в нем указывалось на необходимость для Болгарии принять существующую границу с Румынией, т. е. отказаться от возвращения Добруджи⁴⁴. Это, как отмечает болгарский историк Георги Марков, стало существенным препятствием к достижению согласия между Веней и Софией⁴⁵. Радославов, со своей стороны, сразу же предложил поправку, согласно которой Болгария могла претендовать на все территории, в прошлом охваченные действием Мюрцштегской реформы, т. е. на всю Вардарскую и Эгейскую Македонию, включая Салоники. Говоря о землях Мюрцштегской реформы, болгарский премьер-министр выходил далеко за рамки границ Сан-Стефанской Болгарии. Такие непомерные амбиции не могли не вызвать затруднений в достижении союза с Центральными Державами.

26 июля правительство Радославова обратилось ко всем иностранным миссиям с устной нотой, в которой говорилось о намерении Болгарии придерживаться строгого нейтралитета в европейской войне. Конечно, это лживое заявление было тактическим маневром. В тот же самый день в Софии был получен из Вены окончательный проект договора с Австро-Венгрией. Этот проект подразумевал, что за участие болгарской армии в военных операциях против Сербии Болгария должна была получить Вардарскую Македонию. Правительство Болгарии немедленно начало обсуждение этого проекта. 3 августа проекты договоров с Центральными Державами были в принципе одобрены советом министров Болгарии. По настоянию царя был изменен пункт 3-й договора с Германией; по новой редакции, Болгария должна была получить не только Вардарскую Македонию (Сербия), но и ту часть Эгейской Македонии (Греция), на кото-

⁴⁴ *Silberstein, Gerard E.* The Troubled Alliance. P. 130–131.

⁴⁵ *Марков Г.* Голямата война... С. 56–57.

рую раньше распространялось действие Мюрцштегской реформы⁴⁶. Этим дополнением София делала проект фактически неприемлемым для Германии, которая искала союза с Грецией и принципиально не желала обещать кому-либо греческие земли.

В ближайшие дни австрийский и германский посланники не раз обращались к Радославу с мольбами о скорейшем военном выступлении Болгарии против Сербии или хотя бы мобилизации болгарской армии. Министр-председатель отвечал, что Болгария могла сделать это только после заключения союза с Турцией и Румынией. Подписание союзного договора между Болгарией и Румынией в то время было практически исключено, так что подобная позиция правительства Радослава была равносильна воздержанию от заключения союза с Центральными Державами. София решила ждать исхода первых больших сражений европейской войны, а также еще более выгодных для себя предложений территориальных приращений. Правителям Болгарии уже стало ясно, что приобретение Вардарской Македонии Центральные Державы были готовы им гарантировать. Теперь можно было начать торг за такие же гарантии в отношении Добруджи и Эгейской Македонии.

Русская разведка не могла знать всех подробностей тайных переговоров Болгарии с Центральными Державами. Однако вернувшийся в Софию в первые дни мировой войны русский военный агент полковник Ю. Д. Романовский получал и передавал в Петербург большое количество сведений, в том числе агентурного происхождения, ясно указывавших на активную подготовку режима Кобурга к вооруженному выступлению против Сербии.

Не ограничиваясь широкой поддержкой четнического движения в Македонии, власти Болгарии после начала большой войны осуществили целый ряд других прямо враждебных России военных и политических мероприятий. 23 июля полковник Романовский докладывал полученные им агентурные сведения о начавшейся постановке морских мин в Варне и Бургасе⁴⁷. Вице-консул в Филиппополе С. Г. Богоявленский сообщал 31 июля, что там было получено секретное предписание о перевозке запасов угля из Варны и Бургаса вглубь страны⁴⁸. 7 августа данные Романовского о минных постановках получили подтверждение; в Варне близ береговых батарей велись земляные работы⁴⁹. 6 августа Романовский сообщал, что, по полученным им агентурным сведениям,

⁴⁶ Там же. С. 63.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 58. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 23 июля 1914. № 109.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1914 г. Ед. хр. 3770. Л. 35. С. Г. Богоявленский — в МИД. 31 июля 1914. Б. н.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 46. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 7 августа 1914. № 146.

в Варне, Бургасе и Русуке были созданы австрийские разведывательные бюро, обязанностью которых было получение сведений из России⁵⁰.

9 августа управляющий русским вице-консульством в Варне Удинцов докладывал: «Официально объявлено о минировании портов Варны и Бургаса. Вход в Варненский порт разрешается коммерческим судам от восхода до захода солнца. Суда должны ожидать пилота у устья реки Камчия. Запрещено судам проходить севернее параллели Камчия и западнее меридиана 28 градусов 5 минут Гринвича. Бургасский порт закрыт совершенно»⁵¹. «Русским судам затруднен вход в болгарские порты различными формальностями, от которых освобождены суда других наций. Варна и Бургас минированы», — говорилось в сводке сведений о Балканских странах штаба 7-й армии за 3–11 августа 1914 года⁵². По вполне проверенным агентурным сведениям Романовского, близ Бургаса мины были поставлены на линии Созополь — Эмине. 12 августа русский военный агент телеграфировал, что накануне в Варну и Бургас было отправлено несколько железнодорожных платформ с тяжелыми орудиями из софийского крепостного батальона⁵³. С того дня отправка орудий для береговых батарей Варны и Бургаса происходила в темное время суток. Минирование черноморских портов было шагом, однозначно направленным против России, и все успокоительные заявления на этом счет болгарских властей отметались представителем русского Генштаба. 9 августа Романовский докладывал: «Военный министр заявил мне, что минирование портов Варны и Бургаса вызвано опасением Турции и работы по установке мин начаты значительно ранее. Фактически хотя работы действительно начаты ранее, но мера эта является выпадом против России, о чем я и заявил военному министру, указав ему, что при явно недоброжелательном и двусмысленном поведении правительства Болгария, конечно, не может рассчитывать на компенсации при ликвидации всей войны и, во всяком случае, всякий враждебный шаг к Сербии является вызовом России»⁵⁴. 11 августа в Болгарии было объявлено военное положение. «В правительственной прессе началась усиленная кампания против Сербии», — докладывал Романовский⁵⁵.

Закрытие Варны и Бургаса стало ясным свидетельством ориентации болгарского руководства на Центральные Державы и, одновременно, про-

⁵⁰ Там же. Л. 43. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 6 августа 1914. № 142.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3018. Л. 86. Ю. Г. Удинцов — в МИД. 9 августа 1914. Б. н.

⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3055. Л. 13–16. Сводка сведений о положении в Румынии, Турции и Болгарии с 3 по 11 августа 1914.

⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 52. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 12 августа 1914. № 153.

⁵⁴ Там же. Л. 50. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 7 августа 1914. № 149.

⁵⁵ Там же. Л. 52. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 12 августа 1914. № 153.

явлением его серьезного страха перед возможной высадкой русских войск в Болгарии. В конце июля 1914 года из Петербурга приходили тревожные для царя Фердинанда и его режима сообщения. Управляющий болгарским посольством в России Павел Патев в те дни считал решенным вопрос о русском десанте в Варну и Бургас. Он докладывал, что русское правительство, по всей видимости, собиралось дать Болгарии несколько часов на ответ, согласна ли она пропустить русские войска на помощь Сербии. В случае отказа русские войска высадились бы на болгарском берегу силой⁵⁶. Сведения болгарского дипломата совершенно не соответствовали действительности. В то время русское командование не собиралось отправлять свои войска в Сербию или вторгаться в Болгарию. Вопрос о высадке русских войск на болгарском побережье в те дни не рассматривало и руководство дипломатического ведомства России.

Однако русский посланник в Софии А. А. Савинский 20 августа (или несколькими днями ранее), всецело по собственной инициативе, в одном из разговоров с Радославовым поднял вопрос о возможности высадки русских войск в болгарских портах, в случае начала военных действий между Россией и Турцией. Докладывая в МИД об этом разговоре, Савинский подчеркивал, что он всего лишь «заметил только чисто академически, что, даже если бы нам было нужно высадиться в Болгарии, то болгарский солдат не стрелял бы в русского». Радославов согласился с последним утверждением и начал лживо уверять Савинского, что вопрос об отношении Болгарии к такой высадке еще не рассматривался. Русский посланник знал, что накануне это обсуждалось советом министров, который принял решение не противодействовать силой высадке, но протестовать «перед Европой». Уличенный во лжи, Радославов, по словам Савинского, был смущен⁵⁷. Однако подобные сцены в те годы происходили десятки раз, а смущение болгарских политиков не могло принести России никакой пользы.

Самочинно начатый Савинским разговор о высадке русских войск в Болгарии был редким проявлением инициативы у этого дипломата, и проявлением неудачным, поскольку подобные «чисто академические» беседы должны были еще больше встревожить русофобское болгарское руководство и укрепить его страхи в отношении замыслов России. Сазонов, узнавший из некоего секретного источника о разговоре Савинского и Радославова, запросил посланника в Софии, действительно ли тот поднял вопрос о высадке русских войск. Савинский отвечал, что он не настаивал на высадке и сразу же подчеркнул Радославову, что разговор ведется им по личному

⁵⁶ Марков Г. Голямата война... С. 59.

⁵⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. (Далее — МОЭИ). М.; Л., 1935. Т. 6. Ч. 1. № 295. С. 288–289. А. А. Савинский — С. Д. Сазонову. 9 (22) сентября 1914. № 273.

почину⁵⁸. Выговора за свою самодеятельность посланник так и не получил, хотя, как представляется, в данном случае явно его заслуживал.

Ни в июле, ни в августе 1914 года Россия даже теоретически не рассматривала возможность отправки своих военных сил на Балканы. Первый проект такого рода был выдвинут лишь в начале осени. В то время в России ожидали скорого вступления Румынии в мировую войну на стороне Держав Согласия, и в связи с этим русские представители на Балканах предлагали конкретные меры по предотвращению возможных враждебных шагов Болгарии. В шифрованной телеграмме № 189 в Огенквар от 5 сентября 1914 года полковник Романовский высказал предложение послать в румынскую Новую Добруджу⁵⁹, в случае выступления Румынии против Австро-Венгрии, отряд русских войск для оказания силового давления на Софию. Романовский писал: «Бригада русской пехоты с двумя — тремя сотнями казаков где-либо в Балчике или Добриче не только отобьет у царя (Фердинанда Кобурга. — В. К.) желание свести счеты с Румынией, но, принимая во внимание симпатии к нам болгарского народа, в воображении которого наш отряд вырастет в экспедиционный корпус, дает нам большие шансы удержать царя от других авантур и может круто изменить политику в нашу сторону»⁶⁰.

При этом русский военный агент докладывал, что в этом вопросе он поддерживает точку зрения посланника А. А. Савинского. Полковник Романовский был гораздо более опытным и авторитетным знатоком Болгарии и Балкан, чем Савинский, и все же, предлагая силовое давление на Софию, он ссылался на мнение главы русской миссии. Думается, это было вызвано стремлением избежать межведомственных трений с МИД. Любопытно, что идея отправки русских войск в Добруджу стала в те дни известна и союзной дипломатии. Ее поддержали и французский посланник в Софии, и, как докладывал Савинский, Тодоров (очевидно, речь шла о видном представителе русофильской партии цанковистов Христо Тодорове, министре в кабинетах Стояна Данева и Ивана Гешова). Примечательно, что Тодоров напрямую увязывал с этим и возможность уступки Румынией Болгарии захваченных в 1913 году территорий⁶¹. Т. е. там, где русский генштабист предлагал силовое давление, болгарский политик имел в виду, что ввод русского

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Новая Добруджа — использовавшееся румынами название территорий на юге Добруджи, захваченных Румынией у Болгарии в результате 2-й Балканской войны 1913 года. Общая площадь — 2769 кв. миль, население — 286 тыс. человек, преимущественно болгар, турок и татар. Основные населенные пункты Новой Добруджи — Добрич (Базарджик), Балчик, Силистрия, Туртукай (Тутракан).

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 82. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 5 сентября 1914. № 189.

⁶¹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. № 285 и примечания. С. 279–280. А. П. Извольский — С. Д. Сазонову. 7 (20) сентября 1914. № 419.

отряда в Новую Добруджу может послужить прелюдией к ее возвращению в состав Болгарии.

24 сентября (7 октября) британский военный атташе подполковник Генри Нэпир обратился к Савинскому с вопросом о судьбе замысла посылки русских войск в Добруджу. Тот сообщил в ответ, что идея изначально принадлежала Романовскому, но русское военное ведомство отклонило данный план, отказавшись выделить для этого войска⁶².

Возлагая ответственность за отказ на военных, дипломат говорил неправду. В действительности его собственное ведомство с самого начала было напугано радикальным предложением Романовского и поспешило похоронить его. 6 сентября министр Сазонов телеграфировал посланнику в Румынии С. А. Поклевскому, что он опасается возникновения в Бухаресте неправильного представления о русских намерениях послать войска в румынскую Добруджу. Сазонов поручал сообщить И. Брэтиану, что в России не возникало подобных предположений, которые здесь, по словам министра, считали нецелесообразными⁶³. Поклевский в ответ телеграфировал 11 сентября, что и по его мнению было нежелательно даже поднимать вопрос о посылке русских войск в Новую Добруджу в той форме, в какой это предложила миссия в Софии. Появление там русских войск, писал Поклевский, Румыния могла бы одобрить лишь в случае своего активного выступления на стороне Антанты и нападения на нее Болгарии⁶⁴. Фактически, дипломат спрогнозировал именно тот сценарий, который реализовался по итогам переговоров 1916 года, когда Бухарест потребовал прибытия русского корпуса на болгарскую границу, для отражения угрозы с юга и обеспечения румынского наступления на севере, в Трансильвании. Причем тогда инициативу в этом вопросе проявляли как раз румыны, а не русские военные круги.

В сентябре 1914 года полковник Романовский тщетно продолжал настаивать на целесообразности своего предложения о посылке отряда в румынскую Добруджу. Как он докладывал 16 сентября, из достоверного источника ему стало известно о заявлении Радославова, что, в случае выступления Румынии против Австрии, Болгария частью сил займет Македонию и направит свои войска против румын. В связи с этим русский военный агент подчеркивал:

«В случае намерения Румынии выступить против Австрии, считаю своим долгом вновь указать на целесообразность посылки, с согласия Румынии, небольшого нашего отряда в Добруджу. Мера эта даст нам следующие выго-

⁶² *Napier, Henry Dundas*. The Experiences of a Military Attaché in the Balkans. London, n. d. P. 45.

⁶³ АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1914 г. Ед. хр. 3770. Л. 113. С. Д. Сазонов — С. А. Поклевскому. 6 сентября 1914. № 2767.

⁶⁴ Там же. Л. 121. С. А. Поклевский — в МИД. 11 сентября 1914. № 282.

ды: первое — надежно обеспечит тыл Румынии, ибо против русских штыков народ никоим образом не пойдет, за это я ручаюсь. Второе: позволит нам по той же причине легко занять Варну, если бы турки захотели бы ею воспользоваться; третье: представит действительную угрозу авантюризму царя, который сдерживался до сих пор исключительно симпатиями к нам народа, который не преминет в данном случае откликнуться на наш призыв. Без реальных же угроз удержать царя и правительство почти невозможно»⁶⁵.

Эти донесения полковника Романовского очень важны, поскольку они передают его видение задач русской стратегии на болгарском направлении и конкретных путей их достижения. Глава русской военной разведки в Болгарии уже в самом начале мировой войны пришел к убеждению, что силовое давление на Софию было единственным средством разрешения болгарской проблемы в интересах России. В сентябре 1914 года возможность экспедиции русских войск непосредственно на болгарскую территорию с целью свержения режима Кобурга еще не рассматривалась всерьез ни дипломатическими, ни военными кругами Российской империи. Но уже тогда полковник Романовский не питал никаких иллюзий насчет перспектив дипломатических увещаний софийского руководства и обещаний уступки Болгарии части Вардарской Македонии. Следует признать, что осенью 1914 года Романовский еще сохранял общее для большинства русских деятелей заблуждение, что болгарские солдаты ни при каких обстоятельствах не будут сражаться против России. Лишь события осенней кампании 1916 года в Добрудже и в Румынии окончательно разрушили эту пагубную иллюзию. Отметим, что идея посылки в Добруджу отряда русских войск с целью воспрепятствовать воинственным устремлениям болгарского руководства возникла уже в 1914 году. Однако к осени 1916 года, когда именно эта задача была возложена на XLVII армейский корпус генерала А. М. Зайончковского, обстановка на Балканах существенно изменилась в пользу врагов России. Это стало главной причиной катастрофических неудач русских экспедиционных сил в Румынии в ту кампанию.

Осенью же 1914 года смелый проект военного агента в Софии был зарублен на корню из-за робкой осторожности дипломатического ведомства. Впрочем, и военное руководство не пожелало отстаивать инициативу Романовского. В районе 7-й армии не было ни одной свободной бригады полевых войск, а снимать действующие части с австро-германского фронта для политического давления на Болгарию русское верховное командование и вовсе не желало. Напротив, оно продолжало выкачивать из 7-й армии все новые силы и средства.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 85–87. Ю. Д. Романовский — в Огенквар. 16 сентября 1914. № 203–204. Оpubл.: МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. № 334–335.

5 октября штаб генерала Никитина жаловался, что после отправления на Юго-Западный фронт легкого артиллерийского парка № 82 в 7-й армии не осталось никаких парковых запасов снарядов и патронов. Это означало, что в случае начала военных действий армия оказалась бы в затруднительном положении⁶⁶. 14 октября Ставка приказала направить 62-ю пехотную дивизию — последнее соединение полевых войск на северном побережье Черного моря — из Севастополя в Луков, на австро-германский фронт. Но всего два дня спустя произошло событие, резко изменившее обстановку в регионе. 16 (29) октября турецкие боевые корабли внезапно атаковали русские черноморские порты. Османская империя вступила в свою последнюю войну. С этого дня для России открылся южный фронт, протянувшийся от юго-восточной окраины Балкан через Проливы, побережье Анатолии и Закавказье до персидской границы. Это было событие огромного исторического значения, одинаково важное для обоих воюющих лагерей и балканских государств. В ретроспективе оно явилось судьбоносным и для всех государств Ближнего Востока, и для Российской империи.

Чёрное море стало театром активных военных действий русского и турецкого флотов, сухопутный фронт войны с Турцией был открыт в Закавказье. Однако все эти события никак не сказались на способности и готовности России использовать свои сухопутные силы для военных действий на Балканах и близ Босфора. Сразу же после нападения Турции русское командование приняло решение задержать 62-ю пехотную дивизию в Севастополе, однако никаких других мер для усиления войск на побережье Черного моря принято не было.

Вступление Турции в войну, по мнению многих государственных и военных мужей того времени, делало более вероятной попытку Болгарии использовать это для повторения своей успешной кампании 1912 года и реванша во Фракии. Однако все данные говорили, что в ближайшие недели и месяцы ожидать такого шага не следовало. Последнее, в известном смысле, было даже на руку русской политике, так как самостоятельный бросок болгар к Царьграду явно не соответствовал стратегическим видам Петрограда. После выезда из Константинополя русский военный агент в Турции генерал-майор М. Н. Леонтьев на пути в Россию посетил Софию, Ниш и Афины. В столице Болгарии, где у него были давние и ценные связи, Леонтьев провел важный разговор с военным министром Иваном Фичевым. Тот сказал русскому генералу, что считает выступление Турции безумием и что лично он сам работает для присоединения Болгарии к Антанте. В текущий мо-

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 66. М. И. Эбелов — в Ставку. 5 октября 1914. № 132.

мент, по словам Фичева, болгарская армия была не вполне готова к военным действиям из-за неудачной деятельности прежнего министра Климента Бояджиева. В частности, не хватало сапог, медикаментов, шанцевого инструмента. Боеприпасов было достаточно, даже если бы Румыния не пропустила в Болгарию заказанные в Австрии 200 тыс. шрапнелей, сказал Фичев. Все недостающие военные материалы он рассчитывал получить к 1 января 1915 года. Также военный министр Болгарии заверил Леонтьева в том, что пропуск боеприпасов в Турцию был прекращен⁶⁷.

По итогам этой беседы с Фичевым генерал Леонтьев пришел к выводу, что выступление Турции будет иметь благоприятные для России последствия в Болгарии. Примечательно, что русский разведчик посчитал выгодной для России как раз задержку выступления Болгарии против Турции. По мнению Леонтьева, быстрое продвижение болгар к Константинополю не отвечало бы русским интересам. Но эту ситуацию могла бы изменить высадка хотя бы небольшого отряда русских войск на Черноморском побережье или в одном из портов Болгарии, чтобы Константинополь, по словам генерала, был завоеван не только болгарской, но и русской кровью. Естественно, подчеркивал Леонтьев, такая высадка могла бы состояться только после завоевания русским флотом господства на Черном море⁶⁸. В русском МИД скоро также пришли к выводу, что выступление Болгарии против Турции было бы своевременным только после эвентуальной высадки русских войск на Балканах⁶⁹.

Генерал Леонтьев практически повторял старую предвоенную идею о том, что оптимальным способом действий для овладения Проливами был бы не непосредственный десант русских войск на берегах Босфора, а высадка их в одном из портов Болгарии, скорее всего — в Бургасе, и дальнейшее продвижение русского отряда вместе с союзными болгарскими войсками к Константинополю по сухому пути. Достоинством этого плана была меньшая рискованность, по сравнению с планом десанта на Босфоре, который разрабатывался во времена Н. Н. Обручева, в условиях политического разрыва с Болгарией. Во всяком случае, при высадке на болгарском берегу русским экспедиционным силам не угрожало сбрасывание в море и полное уничтожение, что могло произойти в случае провала десанта на Босфоре. Однако на сухом пути русским и болгарам предстояло штурмовать Чаталджинскую укрепленную линию, о которую осенью 1912 года разбился наступательный порыв болгарской армии. Кроме того, совмест-

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 151. ПА. Оп. 482. 1914 г. Ед. хр. 3770. Л. 191–192. В. Н. Штрэндтман — в МИД, 23 октября 1914. № 854.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 2. № 649. С. Д. Сазонов — С. А. Поклевскому. 3 (16) декабря 1914. № 4302.

ные наземные действия против Константинополя могли привести к серьезной распри между Россией и Болгарией по вопросу обладания Царьградом и Проливами. И все же идея высадки русского корпуса на болгарском берегу была вполне жизнеспособна, и весной 1915 года ей предстояло оказаться в стратегической повестке дня. Но в конце 1914 года подобные предложения могли иметь лишь теоретическое звучание, поскольку, как уже отмечалось, в военном отношении на черноморских рубежах Россия в тот момент была бессильна.

В составе 7-й армии полевых войск к тому времени не оставалось вовсе. Впрочем, забирая на фронт пехотные дивизии, верховное командование вместо них направляло в состав 7-й армии ряд частей государственного ополчения. Армейское командование неустанно работало над повышением их боеспособности и сведением в более крупные организационные единицы. 30 октября штаб 7-й армии направил в Ставку свой проект реорганизации ополченских частей в составе армии. Согласно ему, все части ополчения (бригады № 10, 29, 34, 36, 38) и отдельные ополченские дружины предполагалось переформировать в шесть однотипных бригад, каждая из шести дружин (по 4 роты), одной батареи, полуроты сапер и одной конной сотни. Из отдельных Бессарабских дружин № 655–658, имевших в общей сложности 25 рот, следовало сформировать 6 четырехротных дружин и свести их в еще одну бригаду, с придачей им артиллерии, саперов и обоза. Все эти бригады следовало свести по три в две ополченские дивизии, придав им по одной пулеметной команде. Из имеющихся казачьих частей сформировать сводный казачий отряд в 17 сотен, считая в том числе 7-й и 49-й Донские казачьи полки и 5 отдельных и особых сотен.

20 ноября Ставка приказала направить 62-ю пехотную дивизию в Белосток, причем делать это предписывалось немедленно, возможно большим числом поездов. Первый эшелон дивизии отбыл из Севастополя уже утром 21 ноября. А ход событий на Черноморском побережье продолжал преподносить сюрпризы.

Около 9 часов утра 24 ноября на Бурнасской пристани, в малонаселенном Аккерманском уезде Бессарабской губернии, высадился турецкий десант. Известие об этом вызвало настоящий переполох в русских штабах и полномасштабную боевую тревогу в частях 7-й армии. Горькая ирония истории заключалась в том, что Россия много десятилетий готовилась к молниеносному и громоподобному десанту на берега турецкого Босфора, но, вместо этого, в начале войны сама подверглась высадке османских сил на своем побережье. Впрочем, уже 26 ноября крестьянам села Тарутинское того же Аккерманского уезда сдался в полном составе турецкий конный отряд: 2 офицера, 1 вахмистр, 1 унтер-офицер и 18 рядовых 1-го и 13-го кавалерий-

ских полков. Этой группой и ограничивался весь турецкий десант в южной Бессарабии, наделавший столько шума. Разъезд был вооружен магазинными винтовками Маузера (по 250 патронов на человека) и палашами; 6 человек имели пики; офицеры были при шашках и револьверах. Отряд имел палатки и превосходное конское снаряжение, однако сами лошади были турецкие, плохие и, вдобавок, страшно изнуренные. Саперных принадлежностей и взрывчатки при них обнаружено не было.

Командиром отряда был поручик Могамет-Оглу Хусейн, адъютант 13-го кавалерийского полка, македонец-мусульманин родом из Адрианополя. Он получил среднее образование в Болгарии, а военное в Турции; неплохо говорил по-русски и по-французски. Хорошо владел русским и вахмистр, долгое время живший в Баку. Второй офицер группы, подпоручик из того же 13-го полка, чистокровный турок, был угрюм, иностранных языков не знал. Командир группы явно боялся его, однако на первых же допросах показал следующее.

Его полк стоял на Дарданеллах, откуда Могамет-Оглу был вызван в Константинополь, где Энвер-бей в своем личном кабинете, с глаза на глаз, отдал ему приказание отправиться с отрядом на разведку русских сил в Бессарабию. Энвер обещал командиру группы, что, в случае неуспеха, по его следам будет отправлен следующий отряд из 40 чинов 1-го кавалерийского полка. Затем, по словам главы османского военного ведомства, должен был высадиться отряд в 3 000 курдов из числа «хамали» (носильщиков-чернорабочих), снабженных взрывчаткой для разрушения железной дороги. И лишь вслед за этим, сказал Энвер, должен был последовать десант регулярных войск.

Энвер-бей заслуженно слыл отчаянным и безрассудным авантюристом, но в изложенном химерическом плане он превзошел сам себя. Десантная группа выбрасывалась им в полную неизвестность, навстречу почти неотвратимой гибели и практически без шансов на благополучное возвращение. В свете этого вполне правдоподобно выглядят показания Могамет-Оглу Хусейна о том, что он с самого начала намеревался сдаться в плен русским и искал лишь крупного населенного пункта, чтобы избежать расправы населения.

22 ноября отряд был посажен в Константинополе на небольшой пароход «Зафер». К месту высадки его сопровождал крейсер «Бреслау» («Мидилли»). Высадившись на неохраямой Бурнасской пристани, турецкие кавалеристы захватили вахмистра русской пограничной стражи и двух местных жителей. Последних они передали на «Зафер», а вахмистра взяли с собой в качестве проводника и позднее отпустили, дав ему 3 рубля. Пароход ушел, оставив обещание вернуться за отрядом через 8 дней. От берега разъезд

шел балками и степью, а через два дня, 26 ноября, за невозможностью найти продовольствие и фураж, сдался жителям села Тарутинское⁷⁰.

Русское командование с начала войны очень серьезно относилось к возможности турецкого десанта на слабо защищенном северном берегу Черного моря. Однако организованная Энвер-беем полуанекдотическая авантюра с высадкой конной группы в Аккерманском уезде наилучшим образом развеяла угрозу появления на русском побережье Бессарабии, Новороссии или Крыма значительных сил османской армии.

4 декабря Ставка одобрила проект штаба 7-й армии по переформированию и организационной унификации ополченских бригад. «В формировании же ополченских дивизий отказано, ввиду весьма острого положения офицерского вопроса», — было записано в журнале военных действий штаба армии. Кроме того, Ставка продолжала максимально ослаблять вооружение и техническую часть 7-й армии. Теперь очередь дошла до ручного стрелкового оружия. К 1 декабря 1914 года на вооружении частей 7-й армии и на ее складах состояло 38 097 пехотных винтовок, 11 479 драгунских винтовок и 4 252 казачьих винтовки. Ставка распорядилась о направлении трехлинейных винтовок в действующие части и о перевооружении войск 7-й армии японскими винтовками Арисака.

14 декабря генерал Никитин ходатайствовал об оставлении трехлинейных винтовок на вооружении хотя бы у трех ополченских бригад в составе армии. В то время уже происходило перевооружение 10-й бригады японскими винтовками. Боекомплект японской винтовки составлял всего 125 патронов на ствол, так что полное перевооружение ими должно было значительно ослабить боевую силу частей 7-й армии.

В ответ Ставка 20 декабря сообщила, что оставить винтовки Мосина даже в трех ополченских бригадах 7-й армии не представлялось возможным. Генерал Никитин немедленно вновь ходатайствовал об оставлении трехлинейек в 10-й, 72-й и 34-й бригадах. И вновь Ставка указала, что винтовки Мосина были необходимы для действующих войск. Кроме того, из Барановичей сообщили, что предположенное штабом 7-й армии формирование обоза и санитарных учреждений для пяти ополченских бригад не подлежит осуществлению, так как, по записи в журнале штаба армии, «вообще дальнейшее развитие 7-й армии не предположено, ввиду ущерба армиям на главных фронтах».

Таким образом, в конце 1914 года русская Ставка сделала осознанный выбор в пользу того, чтобы в районе 7-й армии, на северном побережье Черного моря, оставались лишь численно и качественно слабые, неспособные

⁷⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 105–105 об., 110–112.

к самостоятельному маневрированию и активным действиям части государственного ополчения. Несмотря на начавшиеся военные действия против Турции, явно недружественную позицию Болгарию и двусмысленное поведение Румынии, военное и политическое руководство Российской империи предпочло отказаться от создания хотя бы минимального стратегического резерва для действий на черноморско-балканском направлении.

8 декабря глава дипломатического ведомства С. Д. Сазонов обратился к начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу со строго секретным письмом, в котором задавал принципиально важный вопрос о задачах и планах русской военной стратегии на южном направлении. Министр писал: «С точки зрения общегосударственных интересов и огромных жертв, которые мы несем в настоящей европейской войне, я полагаю, что таковая никоим образом не должна закончиться без овладения Россией обоими проливами, т. е. без обеспечения ей верного, свободного выхода к Средиземному морю. Я не считаю, однако, чтобы победы, которые Господь даст нам одержать над Австриею и Германиею, позволят нам разрешить одновременно и Восточный вопрос в желательном для нас смысле. Тут вновь придется прибегнуть к силе, ибо, очевидно, турки добровольно не согласятся уйти из Константинополя. Одним дипломатическим воздействием этого нельзя будет достигнуть. Ввиду этого, позволяю себе просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в сообщении мне, в целях ориентировки Министерства в этом важном вопросе, к каким военным операциям решено прибегнуть для фактического проникновения к проливам и захвата их, вместе с прилегающею областью, безотносительно к времени осуществления сказанных мер»⁷¹.

В ответ Янушкевич по поручению августейшего Верховного Главнокомандующего сообщал: «При нынешней обстановке, требующей сосредоточения всех наших усилий на главном театре военных действий, вопрос о выделении особых сил для овладения проливами не может быть поднят ранее достижения нами решительного успеха над нашими западными противниками. Если бы, после достижения такового успеха, нам не удалось обеспечить себе обладания Константинополем и проливами дипломатическим путем, то вопрос этот должен будет составить предмет совершенно особой военной операции, определить объем которой в настоящее время представляется весьма затруднительным»⁷².

В конце 1914 года русская Ставка не допускала возможности десантной операции на Босфоре, что также практически исключало вероятность

⁷¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1867. Л. 29–29 об. С. Д. Сазонов — Н. Н. Янушкевичу. 8 декабря 1914. № 863.

⁷² Там же. Л. 30–30 об. Н. Н. Янушкевич — С. Д. Сазонову. 12 декабря 1914. № 1064.

использования русской военной силы на Балканском полуострове. Что ж, по крайней мере, этой стратегической концепции нельзя было отказать в цельности. Однако она никак не может быть признана дальновидной, поскольку ее носители не принимали в расчет целый ряд важных факторов, которыми пренебрегать было нельзя, — настроения высшего руководства страны и общественное мнение, позицию других ведомств империи, быстрое изменение политической обстановки на Балканах, большую международную политику и задачи коалиционной войны, а также негласное соперничество с западными союзниками, Болгарией и Грецией за преобладание на Проплывах.

Новым мощным импульсом в развитии вопроса о применении русской военной силы на черноморско-балканском направлении стала начавшаяся Дарданелльская операция англичан и французов. В 9 час. 51 мин. 6 (19) февраля 1915 года британский линкор «Корнуоллис» произвел первый выстрел по турецкому форту «Орхание» на азиатском берегу Дарданелл, что знаменовало непосредственное начало ожесточенной борьбы за Проливы, которая велась на суше и на море до конца 1915 года. Это гигантское военное предприятие Антанты имеет столь же колоссальную историографию. Однако взаимосвязь операции союзников против Дарданелл и военных планов и мероприятий российского руководства до сих пор изучена весьма слабо. Итак, как же повлияла Дарданелльская операция на готовность Российской империи применять свои военные силы на Балканах?

Первоначальные успехи союзного флота против устаревших турецких укреплений Дарданелл вызвали у русского руководства серьезные опасения не успеть достаточно подготовиться — в дипломатическом и военном отношении — к близкому, как тогда казалось, падению Константинополя и Проливов. По обоим направлениям закипела оживленная работа: дипломаты активизировали торг с союзниками в вопросе о размерах доли России в османском наследстве, а военные начали готовить экспедиционные силы для участия в оккупации Константинополя и его района.

Политическая задача момента находилась в противоречии с взглядами высших чинов военного ведомства. Они, как и прежде, считали, что судьба Проливов и Балкан в любом случае решится на сухопутном австро-германском фронте и что до этого времени русская армия все равно не сможет выделить достаточные силы для боевых действий в районе Босфора. Однако развитие операций союзников против Дарданелл, настроения императора

и внешнеполитического ведомства, чаяния общества — все это в совокупности вынудило Ставку начать зимой 1915 года подготовительные работы по десантной операции на Черном море.

Тайные переговоры с союзниками о действиях против Проливов шли с конца 1914 года, ощущение приближавшихся больших событий буквально висело в воздухе. Однако верховное командование долгое время не баловало штаб 7-й армии какими-либо указаниями или инструкциями на сей счет. Как было записано в журнале 7-й армии, 12 января «командующий армией обратился к Начальнику штаба Верховного Главнокомандующего с просьбой ориентировать его по вопросу о возможной десантной операции на Черном море, имея в виду некоторые подготовительные меры, осуществляемые флотом»⁷³. 17 января Янушкевич отвечал, что «пока еще не установлены основания для производства десантной операции и что они будут сообщены штабу армии по выработке»⁷⁴.

Однако после начала Дарданелльской операции союзников русское высшее военное командование все же решило — как мы увидим, не без задней мысли — приступить к подготовке контингента войск для высадки на Босфоре. В районе 7-й армии с конца 1914 года практически не оставалось полевых войск. Поэтому верховным командованием было решено сосредоточить в Одессе и Севастополе один армейский корпус русских войск, который мог бы быть использован для осуществления десантной операции в районе Босфора или же для высадки в одном из портов Болгарии, с целью дальнейшего движения к Константинополю. Источник, из которого можно было взять этот корпус, был найден Ставкой легко — им стала Кавказская армия, которая в декабре 1914 года с трудом, но блистательно отразила в ходе Сарыкамышской операции наступление превосходных сил Энвер-паши. Лишь после этого сражения кавказское командование сумело, настойчиво работая над развертыванием новых частей и опираясь в этом лишь на собственные возможности, впервые создать армейский резерв. Им стал вновь сформированный V Кавказский корпус генерала Н. М. Истомина, в составе 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад и 3-й Кавказской стрелковой дивизии (развернутой из бригады, с приведением полков в четырехбатальонный состав). И почти сразу же Ставка потребовала отдать ей для десанта на Босфор этот корпус, состоявший из выдающихся по своим боевым качествам войск. Генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии Е. В. Масловский вспоминал: «Исключительно только вследствие этой усиленной работы по формированию командующий Кавказской армией мог помочь Ставке, отправив по ее

⁷³ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 13. Журнал военных действий штаба 7-й армии. 12 января 1915.

⁷⁴ Там же. Л. 22. 21 января 1915.

требованию на запад только что сформированный 5 Кавказский корпус в составе 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад и 3 Кавказской стр[елковой] дивизии, а также 20-ю пех[отную] дивизию, всего 43 батальона, т. е. больше трети бывших в декабре 1914 г. сил всей Кавказской армии, и в то же время сохранив армию в 106 бат[альонов], 222 сотни и 356 орудий»⁷⁵.

А генерал Ю. Н. Данилов так писал в своих воспоминаниях: «Кавказскому сухопутному начальству было отдано приказание о подготовке десантного отряда, в составе одного корпуса, из числа войск Кавказского фронта. Корпус этот (V-й Кавк[азский]), перевезенный в северные порты Черного моря, с одной стороны, мог служить для демонстративных целей по адресу Турции, Болгарии и Румынии, а с другой — служить стратегическим резервом, для направления его в нужную минуту на главный западный фронт».⁷⁶ Этими строками бывший генерал-квартирмейстер русской Ставки фактически подтверждал, пусть и годы спустя, что штаб великого князя Николая Николаевича, главным стратегом которого был сам Данилов, изначально имел в виду возможность использования V Кавказского корпуса на австро-германском фронте. Это и не удивительно, так как Данилов-«черный» всегда был сторонником идеи сосредоточения усилий на борьбе с главным противником, германской армией, и практически игнорировал десантные операции и действия на второстепенных театрах войны.

20 февраля Янушкевич телеграфировал в Одессу Никитину: «В Батуме готовится к посадке пятый Кавказский корпус, предназначенный для оккупации Босфора, если бы обстановка этого потребовала. В состав этого корпуса войдет и 53-й Донской [казачий] полк, перевозимый в Одессу. После высадки названный корпус будет базироваться на Одессу»⁷⁷. Затем штаб Кавказской армии сообщил в Одессу данные о составе V Кавказского корпуса, который насчитывал 27 батальонов пехоты, 52 легких полевых и 12 горных орудий, 6 гаубиц, 2 артиллерийских парка, 2 саперные роты, 690 офицеров, 35 100 нижних чинов и 6900 лошадей⁷⁸.

Одновременно в подготовку к десантной операции на Черном море активно включились военные моряки — командование Черноморского флота и Транспортной флотилии контр-адмирала А. А. Хоменко. В этой работе они тесно сотрудничали со штабом 7-й армии, в ходе чего накапливался драгоценный опыт взаимодействия моряков и армейцев. Высочайшим повелени-

⁷⁵ *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. Стратегический очерк. Париж, 1933. С. 143.

⁷⁶ *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 323.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 13–13 об. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 20 февраля 1915. № 8488.

⁷⁸ Там же. Л. 17. Л. М. Болховитинов — М. И. Шишкевичу. 23 февраля 1915. № 777.

ем 18 февраля 1915 года был учрежден Временный Одесский военный порт (секретный приказ по флоту и Морскому ведомству от 19 февраля № 75). 24 февраля была утверждена «Инструкция для перевозки войск в Черном море». По этой инструкции, командир Одесского военного порта подчинялся командующему Транспортной флотилией, а тот — непосредственно командующему флотом Черного моря⁷⁹.

Штаб Транспортной флотилии, во главе которого стал капитан 2 ранга Э. С. Молас, был сформирован в конце марта 1915 года в Одессе. В его состав также вошли лейтенант флота Г. М. Веселаго и несколько офицеров корпуса корабельных инженеров. Как вспоминал Веселаго, в апреле 1915 года сотрудники штаба флотилии работали круглосуточно, так как в те дни ожидалось скорое падение Дарданелл и раздел османского наследства. Лейтенант Веселаго и представитель армии — Генштаба капитан А. И. Верховский — в кратчайшие сроки составили ряд важных документов о правилах перевозки войск в Черном море, упорядочивавших обязанности и взаимоотношения капитанов торгового флота, комендантов транспортов и армейских начальников⁸⁰.

23 февраля Ставка запросила штаб 7-й армии, какие там существуют предположения о сведении ополченских частей в более крупные единицы. В ответ сообщалось, что желательным представляется формирование первой ополченской дивизии из 29-й, 36-й и 38-й ополченских бригад, вооруженных берданками, а второй дивизии — из 10-й, 34-й и 72-й бригад, вооруженных японскими винтовками. Также штаб 7-й армии предлагал создать и 3-ю дивизию, включив в нее находящуюся в Крыму 12-ю бригаду ополчения и расположенные в крепостях 11-ю и 13-ю бригады. «Если формирование третьей дивизии не осуществится, то желательно 12-ю бригаду включить в состав второй дивизии, вместо 72-й бригады, укомплектованной малоразвитыми молдаванами», — указывал штаб 7-й армии⁸¹.

В последний день зимы 1915 года из Ставки в Одессу пришло долгожданное распоряжение — немедленно приступить к сведению бригад государственного ополчения 7-й армии в две дивизии, каждая из трех ополченских бригад нормального состава (6 дружин, 1 сотня, 1 скорострельная батарея, 1 саперная полурота). Эти две дивизии следовало свести в корпус, который получал наименование XXXII армейского; корпусу придавался 7-й Донской казачий полк. К формированию корпуса следовало приступить незамедли-

⁷⁹ Там же. Л. 57.

⁸⁰ *Веселаго Г. М.* Несколько эпизодов из моей службы в Черноморском Флоте, 1915–1917 гг. // Морские записки. 1952. Т. 10. № 1–2. С. 28–29.

⁸¹ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 55–55 об. Журнал военных действий штаба 7-й армии. 23 февраля 1915.

тельно. Причем делать это предписывалось «ввиду благоприятного хода событий в Дарданеллах, а также достигнутого нашим флотом господства на Черном море, в целях усиления армий Юго-Западного фронта для закрепления нашего положения в Буковине»⁸².

А уже 2 марта Верховный Главнокомандующий повелел, не дожидаясь формирования корпуса, выбрать две головные бригады для отправки в м. Новоселицы, на Юго-Западный фронт и безотлагательно приступить к их посадке в эшелоны. Для этого были назначены 29-я и 36-я бригады ополчения. За ними должны были последовать и остальные части нового XXXII корпуса. Телеграмма Янушкевича от 25 марта указывала, что «с прибытием частей 5 Кавказского корпуса в район 7-й армии явится возможность, не ожидая развития Дарданелльской операции наших союзников, немедленно по готовности направлять части 32 ополченского корпуса в район Новоселиц»⁸³. Уже 2 апреля штаб XXXII корпуса убыл в действующую армию; отправка на фронт частей и учреждений корпуса продолжалась до середины апреля.

С формальной точки зрения, это решение высших чинов русской Ставки было вполне обоснованно. Место ополченских бригад в районе 7-й армии должны были занять перевозимые из Батума части V Кавказского корпуса. То есть, казалось бы, речь не шла о создании вакуума силы в северном Причерноморье. Однако, как мы увидим вскоре, Ставка изначально имела мысль о направлении V Кавказского корпуса на австро-германский фронт. Планировалась простая двухходовая комбинация — ополченский корпус забирался у 7-й армии под предлогом освобождения места для V Кавказского корпуса, а тот, в свою очередь, должен был отправиться вслед за ним, в Галицию, в силу тех или иных фронтовых обстоятельств. Таким образом, Ставка в интересах борьбы на австро-германском фронте фактически обкрадывала другие стратегические направления на целых два армейских корпуса, забрать которые без священного «босфорского» предлога ей было бы затруднительно.

Почти с самого начала Дарданелльской операции союзников в русских планах действий против Босфора важное место стала занимать проблема Болгарии и ее отношения к борьбе на Проливах. Еще задолго до мировой войны, после сближения с Болгарией на рубеже веков руководство Российской империи начало рассматривать в качестве одного из основных сценариев проведения Босфорской операции высадку русского десантного корпуса в одном из портов на болгарском побережье (предпочтительно, в Бургасе, к югу от главного Балканского хребта) и дальнейшее продвижение по суше к Константинополю. В условиях начала 1915 года эта идея приоб-

⁸² Там же. Л. 61. 1 марта 1915.

⁸³ Там же. Л. 86. 26 марта 1915.

рела новое, крайне актуальное звучание. Русский Черноморский флот был в высшей степени заинтересован в возможности получения промежуточной базы в Бургасе для ведения морских операций против Босфора.

17 февраля (2 марта) 1915 года Верховный Главнокомандующий отправил Сазонову телеграмму следующего содержания: «Признавая крайне необходимым для обеспечения разрешения нашей операции овладения Босфором, чтобы наш флот имел возможность грузиться углем в Бургасе, посему прошу Вас употребить все безусловно возможные средства, дабы заставить Болгарию дать на это свое согласие»⁸⁴.

Вопрос был признан настолько важным, что для его обсуждения собралось особое совещание министров иностранных дел, военного и военно-морского. Судя по итоговой записке, составленной морским министром И. К. Григоровичем, первую скрипку на заседании играл С. Д. Сазонов, доводы которого легли в основу решения совещания. В записке читаем: «Министр иностранных дел считает, что обращение к Болгарии за разрешением пользоваться Бургасом крайне нежелательно, так как Болгария наверное потребует себе крупных компенсаций и будет настаивать, чтобы ей был отдан г. Родосто, или предъявит иные непомерные требования. Несомненно, что наши переговоры с Болгарией были бы длительны и сделались бы вскоре известны неприятелю, что обнаружило бы ему наши планы и затянуло операцию. Поэтому является предпочтительным овладеть Бургасом даже без разрешения Болгарии, а прийти туда с флотом, протралить рейд и на нем расположиться»⁸⁵. Казалось бы, участники совещания склонялись к активным силовым действиям. Но дальнейшее чтение записки рассеивает эту иллюзию: «Все же завладеть бургасским рейдом настолько невыгодно в политическом отношении, что было бы желательно, по возможности, обойтись без него»⁸⁶.

Записка Григоровича была представлена императору Сазоновым, что лишний раз доказывало особую заинтересованность министра иностранных дел в затронутом вопросе. Николай II распорядился выяснить мнение адмирала А.А. Эбергарда, командующего Морскими силами Черного моря. Последний в телеграмме на имя морского министра подчеркнул, что использование турецких портов Зунгулдак и Эрегли (на черноморском берегу западной Анатолии) и Иниада (близ болгарской границы) никак не могло заменить Бургас в качестве базы для операции на Босфоре.

⁸⁴ Вел. кн. Николай Николаевич — С. Д. Сазонову. 17 февраля 1915. № 97 // Константинополь и проливы. Т. 2. № 217. С. 289.

⁸⁵ И. К. Григорович. Записка. 18 февраля 1915 // Константинополь и проливы. Т. 2. № 219. С. 290–291.

⁸⁶ Там же.

И тогда 20 февраля Сазонов напрямую обратился к императору с докладной запиской, в которой говорилось: «Испрошение от болгарского правительства согласия на использование Бургаса как базы для нашего флота представляется затруднительным, ибо наше достоинство не позволяет нам подвергнуться возможности получения от Болгарии даже уклончивого ответа, под предлогом необходимости для нее придерживаться и впредь нейтралитета. Занятие же Бургаса без предварительного уговора связано с серьезными последствиями, потому что будет истолковано болгарским правительством как посягательство на его независимость»⁸⁷. Таким образом, глава русского МИД под фальшивым предлогом заботы о престиже России открыто отказывался начинать переговоры с Болгарией о Бургасе, то есть уклонялся от выполнения прямых и главных обязанностей своего ведомства.

На этой записке Сазонова император Николай II поставил резолюцию «Согласен»⁸⁸. Казалось бы, в вопросе об использовании Бургаса была поставлена точка. Однако последний российский самодержец, при всем его упрямстве и мнительности, мог в корне менять свои решения, если окружавшим его высшим сановникам удавалось проявить достаточно ловкости в отстаивании собственных взглядов. Борьба за мысли и настроения императора была ключевым вопросом военной и государственной стратегии Российской империи.

Военное руководство не смирилось с неудачей в вопросе о Бургасе и предприняло еще одну попытку склонить Николая II на свою сторону. В первых числах марта адмирал Эбергард вновь сообщил в Ставку, что приобретение базы в Бургасе является необходимым условием для успешного ведения десантных операций в районе Босфора. Ставка поддержала эту мысль командующего Черноморским флотом, впрочем не преминув лишний раз указать ему, что самостоятельная крупная десантная операция на Босфоре в любом случае не входила в ее планы. 6 марта Янушкевич писал Эбергарду:

«Письмо Вашего Высокопревосходительства за № 241 я доложил Верховному Главнокомандующему, который, ввиду нахождения на Ставке Его Императорского Величества, представил свои соображения на благоусмотрение Государя Императора. Вполне оценивая всю трудность десантной операции и форсирования Босфора — при базировании на Севастополь, удаленный на 300 миль от цели действий, Его Императорское Величество изволил повелеть срочно войти в сношение с министром иностранных дел в целях выяснить, как отнесется Болгария и наши союзники к нашей высадке в Бургасе (без применения вооруженной силы против болгар).

⁸⁷ Сазонов С. Д. Всеподданнейшая записка. 20 февраля 1915 // Константинополь и проливы. Т. 2. № 223. С. 293–294.

⁸⁸ Там же.

Не допуская риска в такое время, когда все силы должны быть сохранены для предстоящей Черноморскому флоту исторической задачи овладения Босфором и Константинополем, тем не менее необходимо идти навстречу пожеланиям союзников, ожидающих от нас содействия еще до окончания ими операции у Дарданелл.

Цель такой операции двоякая: 1) Оттяжка сил и внимания турок от Дарданелл и 2) Фактическая подготовка наших будущих боевых действий у Босфора путем вылавливания мин и обстрела ближайших к устью Босфора береговых укреплений.

Таким образом намеченный Вами в телеграмме от 5-го марта за № 5509 план операции захватывает более широкую задачу, чем нами намеченная. То, что предположено Вами, отвечает идее вполне самостоятельной и законченной операции с развитием сухопутных действий против большой и недеморализованной турецкой армии и может быть выполнено силами от 8-ми до 10-ти армейских корпусов.

Такая задача в настоящее время, до окончания войны на главном театре, для нас непосильна. При условии же, что захват Дарданелл и Мраморного моря союзниками и дальнейшее их движение в тыл Босфорским укреплениям произведет ожидаемое впечатление на турок и побудит их отказаться от расширения сферы боевых действий путем сосредоточения к берегам проливов всей их сухопутной армии, наше движение к Босфору и высадка нашего корпуса в качестве оккупационной силы явятся вполне возможными, целесообразными и необходимыми.

Причем предполагается занятие территории как Константинополя, так и прилегающих районов проливов, т. е. Босфора по обоим его берегам, а Дарданелл по западному берегу, с заранее предусмотренным выделением в ведение союзников отдельных кварталов турецкой столицы.

Вот для этой цели и намечалось назначение сухопутного десантного корпуса»⁸⁹.

Штаб Верховного Главнокомандующего поддержал соображения Эбергарда о необходимости базирования на Бургас; они были включены в доклад Николая Николаевича императору. Эффект был достигнут: как Янушкевич 6 (19) марта сообщил Сазонову, император при докладе Николая Николаевича соизволил вновь указать на необходимость изучения вопроса о Бургасе. Было решено обсудить вопрос с союзниками по Антанте. И здесь министерство Певческого моста сразу получило мощную поддержку британского правительства. Секретарь по иностранным делам Великобритании Эдуард Грей направил Сазонову памятную записку, в которой утверждал, что «зая-

⁸⁹ РГВА. Ф. 37 967. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 196–196 об. Н. Н. Янушкевич — А. А. Эбергарду. 6 марта 1915. № 102.

тие Бургаса без согласия Болгарии было бы, в особенности в настоящее время, весьма серьезной политической ошибкой, которая даже может повести к губительным последствиям»⁹⁰. Британия, формально вступившая в Первую мировую войну из-за попрания германцами нейтралитета Бельгии, вновь рядилась в одежды защитника суверенитета нейтральных государств. Однако подобные заявления звучали довольно цинично, учитывая не только всю многовековую историю создания Британской империи, но и тот факт, что уже в начале 1915 года в Лондоне рассматривали возможность высадки англо-французских войск в греческих Салониках. Как известно, это мероприятие было осуществлено осенью того же года, что стало грубейшим попранием нейтрального статуса Греции.

Своим заявлением по поводу занятия Бургаса Грей фактически торпедировал идею совместных операций союзников против Проливов. Как отмечал крупный болгарский историк Иван Илчев, резоны Форин Офис в этом вопросе были вполне очевидны — в те весенние дни 1915 года, когда Дарданелльская операция начинала приобретать затяжной характер, англичане меньше всего хотели видеть русские войска, успешно продвигающиеся к Константинополю по сухому пути от Бургаса⁹¹.

Однако Сазонову позиция Лондона принесла явное удовлетворение, коль скоро по его просьбе британский посол передал Грею: «Он очень рад, что ваше превосходительство столь решительно высказались по поводу насильственного нарушения болгарского нейтралитета, так как это усилило его позицию в отказе на просьбу военных властей о занятии... Мысль эта, как мне известно, теперь оставлена»⁹². Иными словами, русский МИД для своей борьбы с военным ведомством нашел союзника в лице британского правительства и теперь благодарил его за оказанную ценную услугу. В описанной истории о планах по использованию Бургаса во всем своем отвратительном убожестве проявились ведомственная трусость, лень, пассивность и двуличие русского МИД периода поздней империи.

Но и высшее командование русской армии и флота в те дни действовало не намного лучше, чем руководство дипломатического ведомства. Ставка была готова бороться с министерством Певческого моста в вопросе об использовании Бургаса как базы для действий Черноморского флота против Босфора. Более того, в Барановичах в тот период рассматривали возможность высадки русских экспедиционных сил в Бургасе для развития сухо-

⁹⁰ С. Д. Сазонов — Н. А. Кудашеву. 10 (23) марта 1915. № 1318 // Константинополь и проливы. Т. 2. № 233. С. 300.

⁹¹ *Илчев, Иван*. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 132–133.

⁹² Дж. Бюкенен — Э. Грею. 11 (24) марта 1915. № 367 // Константинополь и проливы. Т. 2. № 234. С. 300.

путных операций против Константинополя. Однако вся эта подготовка, по сути, не выходила за рамки теоретических дискуссий, и это дает основание предположить, что она вообще имела имитационный характер.

К 15 марта в Ставке Генштаба полковник Б. М. Стахович, еще до войны занимавшийся Балканами в Огенкваре ГУГШ, составил «Краткий очерк путей для наступления десанта от Бургаса к Константинополю». Главная идея этого документа заключалась в следующем. Наступающим русским войскам пришлось бы обходить с запада горный массив Странджа, поскольку движение через него было практически невозможно. Четыре основные дороги, обходящие хребет с запада, сходятся у города Кирк-Килисе (где в октябре 1912 года болгары нанесли поражение туркам в первом генеральном сражении Балканской войны). Таким образом, по мысли Стаховича, русское командование в целом могло руководствоваться опытом двух левофланговых болгарских армий (1-й и 3-й) в войну 1912 года. Далее наступать в сторону Константинополя можно было либо от Кирк-Килисе, либо с фронта Кирк-Килисе — Баба-Ески. Связь армии с Черноморским флотом могла бы поддерживаться через приморские населенные пункты Бургас, Иниада и Мидия. Но на протяжении участка от Бургаса до Иниады не было поперечных путей через хребет Странджа, так что связь с побережьем здесь была бы затруднена⁹³.

Составленный Стаховичем документ был невелик по объему и не мог претендовать ни на исчерпывающую глубину содержания, ни на абсолютную истинность оценок. Однако сам факт написания такого очерка указывал на внимание Ставки к проблеме действий на Балканах в те дни. Но реализация любого подобного плана упиралась в позицию руководства Болгарии. Рассчитывать на политическую поддержку МИД в этом вопросе не приходилось. Благодаря донесениям разведки и дипломатов, в Штабе Верховного Главнокомандующего были хорошо осведомлены о политических взглядах руководства Болгарии и потому считали, что лишь демонстрация силы на Черном море могла вразумить Софию и подвигнуть ее к сотрудничеству. Ю. Н. Данилов вспоминал: «Державы Согласия уже не рассчитывали более на целесообразность обращения к болгарскому правительству с простыми увещаниями; они полагали, что только благополучный исход союзных операций против проливов и Константинополя, или еще лучше — появление русских войск в Варне или Бургасе может положить конец вредной деятельности кабинета Радославова и вызвать в Болгарии всеобщее движение в пользу кооперации с союзниками»⁹⁴.

Генерал-квартирмейстер Ставки признавал, что он был осведомлен о поступающих предложениях болгарской русофильской оппозиции ис-

⁹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1867. Л. 38–39.

⁹⁴ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне... С. 328.

пользовать подготовленные к десанту русские войска для свержения режима Фердинанда Кобурга. Данилов писал: «Насколько мне известно, мысль о высадке русских войск в одном из болгарских портов и даже о вступлении на болгарскую почву императора Николая — внука Царя-Освободителя — поддерживалась даже некоторыми болгарскими патриотами. Этим актом имелось в виду создать опору народному движению против немецкого влияния. По мысли болгарских патриотов, видную роль в этом движении должен был сыграть генерал Радко-Дмитриев, командовавший у нас в это время на фронте одною из армий»⁹⁵. Очевидно, источником этих сведений Данилова был русский военный агент в Софии Генштаба полковник А. А. Татаринцов, сменивший Романовского в сентябре 1914 года и уже успевший приобрести широкие связи с болгарской оппозицией, прежде всего в офицерских кругах. Но имеющиеся источники не позволяют однозначно судить, имело ли место действительное посредничество полковника Татаринцова между Ставкой и оппозицией в Болгарии или же речь шла просто об информировании в самом общем смысле этого слова. Во всяком случае, сохранившиеся документальные данные не дают нам оснований предполагать, что весной 1915 года русское командование и его разведка сколько-нибудь серьезно рассматривали проблему военного переворота в Болгарии.

Горячим сторонником активного воздействия России на ситуацию в Болгарии был капитан 2 ранга В. В. Яковлев, назначенный в феврале 1915 года на новоучрежденный пост военно-морского агента в Софии. Прибыв к месту службы, Яковлев развил кипучую деятельность в области агентурной разведки и сбора информации в разных кругах болгарского общества. 27 марта 1915 года он телеграфировал в Морской Генеральный штаб: «Болгарский народ ждет с нетерпением активного шага России в виде высадки в Бургасе или иного, дабы вступить на единственный путь, обеспечивающий дальнейшее существование страны. Относительно активного выступления против Турции с нами я имел подтверждение из военных, духовных и политических кругов Софии и провинции, вчера же подтвердил это Посланнику Радославов»⁹⁶. Эта телеграмма вызвала недоумение у начальника Морского Генштаба А. И. Русина, который приказал Яковлеву объяснить мотивы отправки такого донесения политического характера. В ответ военно-морской агент отправил подробный рапорт от 6 апреля, в котором вновь доказывал, что политическая ситуация в Болгарии требовала прямого вмешательства России. Он писал: «Я беру на себя смелость изложить, как я представляю себе тот активный шаг, о котором говорю в своей телеграмме: если болгарская территория будет признана как наиболее удобная для высадки наших

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3494. Л. 1. В. В. Яковлев — в Генмор. 27 марта 1915. № 46.

войск, направляемых против Турции, то без всяких предварительных переговоров с болгарским правительством эти войска будут высажены в том пункте, где это будет найдено лучшим; одновременно публикуется во всеобщее сведение обращение Его Императорского Величества к Царю, правительству и народу с напоминанием о важности для всего славянства данного момента и категорическим обещанием удовлетворения (после заключения мира) национальных стремлений болгарского народа во Фракии и Македонии в границах до Бухарестского мира.

Я не сомневаюсь нисколько, что высадка войск не только не может встретить какого-либо сопротивления, но непременно заставит и Царя, и правительство выполнить волю народа, поставив свои войска в распоряжение Его Императорского Величества, Который столь же популярен среди болгарского народа, как и Его Августейший Дед»⁹⁷.

Идеи Яковлева не были одобрены в Генморе и не получили дальнейшего движения. Нельзя не отметить их созвучия с вышеприведенными донесениями полковника Романовского о посылке русского отряда в Добруджу, на болгарскую границу, которые тот писал полугодом раньше. Представители армии и флота Российской империи одинаково верили, что одно лишь появление русских войск в болгарских землях или у их пределов будет способно без вооруженного столкновения обеспечить резкий поворот в политике Болгарии. Но для проверки на практике этой гипотезы в 1914–1915 гг. у России не оказалось свободных сил, а в 1916 году, когда военная и политическая обстановка на Балканах существенно изменилась, ожесточенная борьба между русскими и болгарскими войсками была уже неизбежна.

Не менее решительные проекты озвучивались и отдельными представителями дипломатического ведомства. Генерал Данилов в своих воспоминаниях использовал лишь общие выражения, говоря о планах организации в Болгарии «народного движения против немецкого влияния». Лучше понять, какого рода предложения поступали из Болгарии, позволяет одно из донесений русского вице-консула в Дедеагаче В. Н. Гаджемуква, потомка владетельных князей черкесского племени бжедугов. Он имел свою агентуру на эгейском побережье, в турецкой Фракии и Константинополе. 30 апреля Гаджемукв докладывал в русскую миссию в Софии (копия телеграммы была отправлена в Севастополь): «Ко мне постоянно являются болгары, офицеры и бывшие солдаты, с просьбой выдать им только паспорта для поездки в Россию для поступления в армию. К сожалению, приходится им отказывать. Последнее время ко мне обращаются организаторы больших групп до 200 человек и выражают желание вступить в армию. Не найдете ли воз-

⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3493. Л. 13–14. В. В. Яковлев — А. И. Русину. 6 апреля 1915. № 5.

можным разрешить осторожно предложить желающим организовываться в районе Бургаса в огромные четы, которые, получив оружие, могли бы открыть одновременно с нашим десантом четнические действия»⁹⁸. Фактически, предлагая готовить «огромные четы», русский дипломат выступал с идеей создания крупных вооруженных отрядов из представителей болгарской оппозиции для борьбы с режимом Фердинанда Кобурга.⁹⁹ Речь явно не шла о четнических действиях против укрепленных оборонительных позиций турецкой армии у Адрианополя или Чаталджи; с военной точки зрения такие операции были бы абсолютно бессмысленны. Руководство МИД — надо отдать ему должное — не положило проект Гаджемукова под сукно, а передало его на рассмотрение военных экспертов в Генштаб и Ставку. Однако Штаб Верховного Главнокомандующего отверг инициативу дипломатов, недвусмысленно сформулировав свое отношение к замыслу высадки русских войск на болгарском побережье. 12 мая генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов телеграфировал в Петроград М. Н. Леонтьеву: «Допустить отпущение оружия болгарским четникам, намеревающимся оказать содействие нашему десанту, не представляется возможным по неимению у нас запасов оружия, кроме того, вопрос о производстве десанта на побережье Чёрного моря для действий в Прибосфорском районе не обсуждался»¹⁰⁰.

Эта история произошла уже после Горлицкого прорыва австро-германцев, который имел самые катастрофические последствия для воюющей России и, в частности, для подготовки к десантным операциям на Черном море. Однако и до Горлицы руководство Ставки категорически не хотело десантной операции ни на болгарском берегу, ни близ Босфора. И это нежелание верховному командованию приходилось скрывать не только от турок и немцев, но также и от своих союзников, ведомства Сазонова и даже от самого императора. Это требовало от первых лиц Ставки, включая великого князя Николая, довольно изощренного служебного двуличия. И некоторые секреты вообще не доверялись бумаге делопроизводственных документов, даже с грифами высшей секретности. Самое ценное свидетельство об этом содержится в неопубликованных воспоминаниях бывшего начальника военно-морского управления Ставки контр-адмирала (в то время) Д. В. Ненюкова. Он вспоминал:

⁹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3023. Л. 229.

⁹⁹ Следует отметить, что в начале правления Фердинанда Кобурга в Болгарии горы в районе Бургаса в 1886–1887 гг. уже становились ареной действий чет, состоявших из черногорских и болгарских добровольцев под руководством капитана русской службы Набокова. Эти четы, выступавшие против режима Стамболова, были разбиты правительственными войсками. См.: Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов. Сост. П. Павлович. М., 1935. С. 33–37, 85–89.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7423. Л. 157.

«После неудачи 18 марта союзники уведомили нас, что операции у Дарданелл будут энергично продолжаться, и просили сделать демонстрацию у Босфора, чтобы отвлечь возможно большее число турецких сухопутных сил от Дарданелл. Мы уже изучали с оперативной частью вопрос о возможности одновременной высадки союзников у Дарданелл и нашей у Босфора, но пришли к заключению о крайней рискованности подобной операции. Мы не могли по нашим транспортным средствам высадить сразу более одного корпуса, причем высадку пришлось бы производить в бездорожной гористой местности. Предприятие могло бы удалиться только в том случае, если бы наши войска заняли сразу оба берега Босфора на протяжении 10 километров и смогли бы удержаться там до подвоза нового корпуса, что могло произойти только в недельный срок от начала первой высадки войск. Кроме того главное командование не считало возможным оторвать для этой цели более одного корпуса. С морской точки зрения операция была выполнима, но присутствие “Гебена”, о котором мы не знали, что он подорван нашими минами, все же делало ее не безопасной в смысле возможности потопления нескольких транспортов с войсками. В случае же неудачи захвата части пролива нашими войсками в кратчайший срок, т. е. в два — три дня, положение корпуса сразу сделалось бы катастрофическим, так как без удобной базы для выгрузки снабжения корпус существовать не мог. 27 марта Великий Князь потребовал меня к себе и сказал приблизительно следующее: “Поезжайте сегодня же в Севастополь и отвезите адмиралу это предписание, изготовиться в кратчайший срок к высадке десанта у Босфора, для чего в Севастополь будет доставлен один из Кавказских корпусов. На словах же под величайшим секретом скажите ему, что десанта не будет, но нужно, чтобы турки были уверены, что он состоится”.

Начальник Штаба, когда я пришел доложить о полученном приказании, говорил со мной таким тоном, что можно было думать, что десант дело решенное, и я уехал в некотором сомнении, все ли ему известно относительно военных операций. Что же касается до генерала Данилова, то он только лукаво ухмыльнулся и сказал: “Ага, наконец-то и за вас всерьез взялись”, но по выражению его лица я понял, что он-то во всяком случае все знает.

Приехав в Севастополь, я сейчас же явился к адмиралу Эбергарду и вручил ему пакет с предписанием. Я наблюдал, как лицо его по мере чтения все омрачалось более и более. Тогда я, убедившись, что нас никто не может подслушать, сообщил ему слова великого князя, и он вдруг сразу расцвел. Мы уговорились, что экспедиция будет подготавливаться без особой секретности, но и без широкой огласки, чтобы не переборщить и не заставить турок догадаться о простой демонстрации, но, конечно, шуму создано

с излишком. Св. Синод даже прислал епископа на должность судового священника на корабль “Ростислав”, как говорили, для торжественного освящения храма Св. Софии.

Адмирал Эбергард послал своих радиотелеграфистов-офицеров к адмиралу де Робеку, командующему английскими морскими силами, действовавшими против Дарданелл, чтобы завязать прямые телеграфные сношения. Транспортная флотилия приготовилась к приему войск, и Кавказский пластунский корпус (так в тексте. — В. К.) по железной дороге был доставлен в Севастополь, где и разместился частью в казармах, частью бивуаком. Вообще личный состав был убежден, что дело предстоит нешуточное, и конечно турки обо всех приготовлениях были осведомлены через свою агентуру»¹⁰¹.

Итак, в секретных директивах о подготовке к десантной операции на Босфор весной 1915 года руководство Ставки писало одно, а устно, с курьером в лице адмирала Ненюкова, под еще большим секретом передавало в Севастополь прямо противоположное. В известном смысле, подобные явления были вообще свойственны самой природе стратегического управления в поздней Российской империи. Великий князь Николай и главный стратег его Ставки, генерал Данилов, были просто вынуждены прибегать к таким приемам. Заслуживают глубокого внимания и слова Ненюкова о том, как расцвело лицо Эбергарда, когда он услышал, что десанта на Босфор на самом деле не будет. В условиях, когда высшее командование не хотело данной операции, а командование флотом радовалось этому и испытывало облегчение, десант просто не мог состояться, что бы ни думали по этому поводу союзники, дипломаты и сам Державный Вождь русских вооруженных сил.

Однако внешняя видимость крупномасштабных военных приготовлений к высадке на Босфоре была создана вполне успешно. 26 марта Ставка сообщала в Одессу о направленных в Тифлис указаниях: «Пятый Кавказский корпус подлежит перевозке из Батума: штаб корпуса, корпусные учреждения, обе пластунские бригады с артиллерией и гаубичная батарея в Севастополь, Третья Кавказская стрелковая дивизия в Одессу. Отправлять желательно до семи эшелонов в сутки, чередуя отдельные части войск по направлению в указанные пункты»¹⁰².

Перевозка частей V Кавказского корпуса по железной дороге из Батума на Ростов-на-Дону и далее в Одесский военный округ была начата 27 марта, причем первыми шли части, направленные в Севастополь. О ходе переброски Ставка распорядилась информировать ее ежедневно. Первые три эшело-

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Ед. хр. 532. Л. 32–35. Воспоминания Д. В. Ненюкова.

¹⁰² РГВИА. Ф. 1837. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 1. С. А. Ронжин — А. А. Колпакову. 26 марта 1915. № 229.

на V Кавказского корпуса с полутора пластунскими батальонами прибыли в Севастополь 4 апреля¹⁰³. Основная масса войск корпуса генерала Истомина была сосредоточена в Одессе и Севастополе в течение второй декады того месяца. К 13 апреля в Севастополь прибыли штаб корпуса и обе пластунские бригады; в Одессу — 9-й Кавказский стрелковый полк, 3 батареи и 1 батальон 10-го Кавказского стрелкового полка¹⁰⁴. 14 апреля в Одессу прибыли штаб 3-й Кавказской дивизии, весь 10-й полк, управление и 2 дивизиона 3-й Кавказской стрелковой артиллерийской бригады¹⁰⁵.

И в тот же самый день 14 апреля Одесса приветствовала высочайшего гостя — самого Державного Вождя русской армии и флота. Во время посещения Николаем II Одессы, Николаева и Севастополя с 14 по 18 апреля в полной мере проявилась вся серьезность, с которой сам император и многие лица его окружения относились к подготовке десанта на Босфор весной 1915 года. Царский поезд прибыл в Одессу в 9 часов утра 14 апреля. В торжественной встрече императора участвовали городские власти, духовенство, делегации купечества и общественных организаций, тысячи местных жителей. В Одесском кафедральном соборе архиепископ Херсонский Назарий вручил Николаю II историческую реликвию — медный крест, отлитый из пятаков и гривен, которые пожертвовали нижние чины в 1854 году, когда архиепископ Одесский Иннокентий (Борисов) благословлял шедшие на войну войска. С тех пор медный крест хранился в ризнице собора. Вручив этот дар Николаю II, владыка Назарий в своей речи озвучил пожелание, чтобы крест был водружен в колыбели русского православия — в Царьграде.

После этого на площади «Куликово поле» близ Одесского вокзала император провел смотр войск, в котором приняли участие моряки Гвардейского экипажа и два полка 3-й Кавказской дивизии (стрелки которых попали на смотр чуть ли не прямо из эшелонов, сразу после прибытия в Одессу). Обратившись с речью к гвардейским морякам, Николай II напутствовал их перед выступлением в поход и открыто сказал, куда им предстояло отправиться: «Во время последней турецкой войны Гвардейский экипаж занимал Константинополь, уверен, что Господь Бог приведет вам и ныне вступить в Царьград, во главе наших победоносных войск»¹⁰⁶. Командиру прибывшей Кавказской бригады Николай II сказал, что рад повидать хотя бы часть офицеров бригады «накануне ее выступления в поход». Тогда же на смотр импе-

¹⁰³ Там же. Л. 2, 3, 12.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 20. М. И. Шишкевич — Ю. Н. Данилову. 13 апреля 1915. № 737.

¹⁰⁵ Там же. Л. 22. М. И. Шишкевич — Ю. Н. Данилову. 15 апреля 1915. № 742.

¹⁰⁶ *Дубенский Д. Н.* Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Январь — июнь 1915 г. Пг., 1915. С. 128.

ратор вручил чинам Гвардейского экипажа тот самый медный крест времен Крымской войны, чтобы они водрузили его на Св. Софии¹⁰⁷.

Был ли император посвящен в замыслы Ставки по имитации подготовки к десанту? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Но можно с большой степенью уверенности утверждать, что, напутствуя войска в Одессе и Севастополе в поход на Царьград и вручая гвардейским морякам медный крест для водружения на Св. Софию, император не лукавил. Хорошо известно, что Николай II, имевший религиозно-мистический склад ума, всегда придавал огромное значение подобным торжественным речам, символическим действиям и реликвиям. Судя по всему, в те дни он был убежден, что десант на Босфор и вступление русских войск в Константинополь состоится в ближайшее время. Именно поэтому, на наш взгляд, великий князь-Главковерх, Янушкевич и Данилов были вынуждены пускаться на вышеописанную хитрость, чтобы у Николая II не возникло сомнений в желании Ставки провести десантную операцию.

Известный военный историк русского зарубежья А. А. Керсновский, пассионарий, крайний монархист и мистик по взглядам, писал в своей «Истории Русской армии»: «Один лишь Император Николай Александрович чувствовал глубокую необходимость для России этой спасительной операции (десанта на Босфор. — В. К.). По настоянию Государя в конце марта и в начале апреля в портах Черного моря сосредоточился V Кавказский корпус (стрелки и пластуны) и сюда ожидался и II армейский корпус. Руководить операцией должен был командующий 7-й армией генерал Никитин. Никогда еще российским войскам не предстояло совершить более великое и более важное дело, чем то, что вставало в те апрельские дни 1915 года перед черноморскими моряками, пластунами и молодыми полками кавказских стрелков»¹⁰⁸.

Как мы видели, Керсновский не ошибался, говоря о том, что в апреле 1915 года император Николай II был одинок, поскольку командование армии и флота не поддерживало идею операции на Босфоре. Самое большее, на что могло решиться военное руководство империи в те недели, — это оказывать содействие союзникам операциями Черноморского флота против Босфора, а также демонстративными приготовлениями к десанту. 5 (18) апреля 1915 года командующий англо-французскими морскими силами в Дарданеллах адмирал Дж. Де Робек отправил на имя А. А. Эбергарда телеграмму за № 145, в которой говорилось: «Дабы воспрепятствовать отправке подкреплений из Константинополя к Дарданеллам, прошу Вас произвести большую

¹⁰⁷ Таубе Г. Н. Описание действия Гвардейского Экипажа на суше и на море в войну 1914–1917 гг. // Морские записки. Издание Общества бывших Русских Морских Офицеров в Америке, инк. Т. 2. № 3. Нью-Йорк, 1944. С. 209.

¹⁰⁸ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 3. М., 1992. С. 271–272.

демонстративную посадку войск на транспорты и распространить сведения, что они должны быть отправлены в Турцию немедленно. Благоволите, пожалуйста, уведомить о времени получения этой телеграммы. Подписал Де Робек»¹⁰⁹.

Генерал Янушкевич, передавая эту телеграмму из Ставки в Одессу командующему 7-й армией, указывал: «Верховный Главнокомандующий ничего не имеет против оказания такого содействия в пределах благоразумной осторожности, с целью убедить кого следует (курсив мой. — В. К.), что действительно предпринимается десантная операция, для чего в Одессе и Севастополе придется произвести демонстративную посадку на транспорты некоторых войсковых частей»¹¹⁰. Итак, даже подобную демонстрацию в Ставке уже в начале апреля рассматривали как вынужденную необходимость; о практическом осуществлении десантной операции на Босфоре в армейском командовании никто и подавно всерьез не думал.

Поскольку в те дни головные части V Кавказского корпуса только начинали прибывать в Одессу и Севастополь, для демонстрации была избрана 34-я бригада Государственного ополчения, входившая в состав формируемого XXXII армейского корпуса. 10 апреля 1915 года в Одессе была проведена посадка на транспорты 34-й бригады (6 дружин, 1 скорострельная батарея, 1 саперная полурота) и 53-го Донского казачьего полка. Всего для посадки было предназначено 138 офицеров, 6 159 нижних чинов и 1 633 лошади¹¹¹. Генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии В. А. Соковнин, сообщая начальнику бригады и командиру казачьего полка о назначенной на следующий день посадке, писал: «Полученное распоряжение о посадке надлежит не скрывать. Передвижение в порту и самую посадку надлежит делать открыто, не стесняясь возможностью обнаружения жителями цели передвижения»¹¹². В итоге ополченцы и казаки получили распоряжение передвигаться в порту и садиться на суда как можно более открыто и говорить во всеуслышание, что они идут «на Царьград». После наступления темноты войска сошли на берег и небольшими частями, по окраинам и переулкам вернулись в казармы¹¹³.

Вражеская разведка внимательно следила за приготовлениями русского экспедиционного корпуса в районе Одессы. Прибывший в Болгарию в январе 1915 года германский флотский капитан Изендаль создал аген-

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 41–42. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 6 апреля 1915. № 9682.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 47.

¹¹² Там же. Л. 54. В. А. Соковнин — начальнику 34-й ополченской бригады и командиру 53-го Донского казачьего полка. 9 апреля 1915. № 696, 697.

¹¹³ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 313–314.

турную сеть морской разведки на черноморском побережье, которая была подчинена софийской резидентуре д-ра Штанге. Тогда же Изендаль по специальному поручению полковника Вальтера Николаи, главы германской военной разведки, организовал поездку в Россию одного хорошо известного там болгарского журналиста с целью сбора сведений о формировании и назначении резервной армии в районе Одессы. 19 февраля Николаи доложил Фалькенгайну, что вернувшийся из Бессарабии агент подтвердил факт подготовки десантного корпуса (в те дни речь могла идти только о XXXII армейском корпусе, который практически не рассматривался русским командованием как десантный)¹¹⁴. Еще в начале 1915 года агент австрийской морской разведки сообщал из Марселя о намечавшейся высадке 100-тысячной англо-французской армии в Дарданеллах. «Считалась также возможной высадка русского десанта в Варне или Бургасе, и такой план, по Данилову (т. е. по цитированной книге Данилова «Россия в мировой войне». — В. К.), тогда действительно существовал. Наши консулы в Дедеагаче и Бургасе с напряженным вниманием следили за всеми событиями», — вспоминал глава австрийской военной разведки генерал-майор Макс Ронге¹¹⁵.

Перевозка 3-й Кавказской стрелковой дивизии в район 7-й армии была завершена 18 апреля¹¹⁶. А уже на рассвете следующего дня, 19 апреля (2 мая), на фронте произошло событие, полное огромного стратегического значения и глубокого трагизма для воюющей России. Германская 11-я армия генерала Августа фон Макензена и австро-венгерские 3-я и 4-я армии, после блестяще и скрытно проведенного сосредоточения, не замеченного русской разведкой и высшим командованием, начали сокрушительной артиллерийской подготовкой прорыв фронта русской 3-й армии генерала Радко Димитриева на линии Горлице — Тарнов, на р. Дунаец в Западной Галиции, между верхней Вислой и Бескидами.

Уже 20 апреля Янушкевич в телеграмме за №9999 передал Никитину просьбу Верховного Главнокомандующего обратить особое внимание на боевую подготовку временно оставленных в Одесском военном округе 12-й и 38-й ополченских бригад, «так как возможна обстановка, при которой эти бригады придется включить в состав десантного отряда взамен некоторых частей пятого Кавказского корпуса, если таковые потребуются, как это можно предвидеть, на Западный фронт»¹¹⁷. В действительности это

¹¹⁴ Александров В. България и тайната война. Австро-унгарското и германското разузнаване в България 1914–1944. София, 1992. С. 42–43.

¹¹⁵ Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М., 2000. С. 106–107.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 112. Журнал военных действий штаба 7-й армии. 21 апреля 1915.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 8. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 20 апреля 1915. №9999.

«возможное» развитие событий было уже неотвратимо, так как оно соответствовало и прежним видам Ставки, а теперь этого повелительно требовала новая обстановка в Галиции.

24 апреля Ставка приказала начать перевозку 3-й Кавказской стрелковой дивизии из Одессы во Львов. На следующий день, 25 апреля, Янушкевич телеграфировал Никитину: «Верховный Главнокомандующий повелел весь пятый Кавказский корпус направить немедленно на Львов. О времени начала и конца посадки частей корпуса, находящихся в Севастополе, благоволите не отказать в распоряжении об уведомлении меня»¹¹⁸. Начать перевозку было предписано не позднее 18 часов 26 апреля, притом довести ее до пределов пропускной способности железных дорог. Штаб 7-й армии исправно выполнил этот приказ. Уже 25 апреля из Одессы были отправлены первые эшелоны 3-й Кавказской дивизии¹¹⁹. К утру 27 апреля воинские поезда V Кавказского корпуса начали движение и из Севастополя. 29 апреля Данилов предписал Соковнину крайнюю необходимость срочной перевозки корпуса, причем санитарные части могли быть двинуты лишь в хвосте боевых частей и войсковых обозов¹²⁰. Ставка, наконец, осознала всю опасность положения в Западной Галиции и начала спешно перебрасывать туда все наличные резервы. 30 апреля из Севастополя в действующую армию убыл последний эшелон обоза 1-й пластунской бригады¹²¹.

Замысел Ставки был выполнен: для австро-германского фронта был получен целый корпус отличных кавказских войск. Однако в сложившихся условиях их предстояло использовать уже не для развития наступательных действий в Карпатах или на Венгерской равнине, а для сдерживания наступления Макензена на Сане и в Восточной Галиции, для латания оперативных брешей дрогнувшего Юго-Западного фронта. Корпус генерала Истомина был направлен на стык между русскими 3-й и 8-й армиями.

А. А. Керсновский писал: «Генерал Иванов пытался сразу же после горлицкого разгрома оказать 3-й армии помощь переброской туда XXXIII армейского корпуса из Заднестровья. Но Ставка запретила трогать этот корпус: он был ей нужен для задуманного ею наступления 9-й армии — покорения гуцульских поселков. Великий князь распорядился отправить вместо XXXIII корпуса V Кавказский, предназначенный для овладения Константинополем. Совершена была величайшая стратегическая ошибка —

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 3. Ед. хр. 68. Л. 191. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 25 апреля 1915. № 143.

¹¹⁹ Там же. Л. 194, 230.

¹²⁰ Там же. Л. 414. Ю. Н. Данилов — В. А. Соковнину. 29 апреля 1915. № 261.

¹²¹ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 122. Журнал военных действий штаба 7-й армии. 1 мая 1915.

величайшее государственное преступление. Отказавшись от форсирования Босфора и овладения Константинополем, великий князь Николай Николаевич обрекал Россию на удушье. Отныне война затянулась на долгие годы. В апреле 1915 года Россия была поставлена перед дилеммой: Царьград или Дрыщув. И Ставка выбрала Дрыщув...»¹²².

Название посада Дрыщув — населенного пункта на Тернопольщине, где в 1915 году шли бои — было явно выбрано Керсновским из-за его неблагозвучности, чтобы, на контрасте с «Царьградом», как можно ярче подчеркнуть мелочность и убогость стратегии русской Ставки того времени. Эта хлесткая фраза получила большое распространение среди апологетов последнего императора из Дома Романовых, однако бросается в глаза грубость и беспомощность риторического приема Керсновского. Автор этого резкого и безапелляционного суждения явно не хотел видеть вопиющего несоответствия между гипотетическим намерением российского императора совершить боевую десантную операцию V Кавказского корпуса на Босфоре, с одной стороны, и реальной степенью готовности и способности армии, флота, их высшего командования, разведки и дипломатии к осуществлению такой операции, с другой стороны.

Одновременно с направлением V Кавказского корпуса во Львов, Ставка 25 апреля распорядилась о формировании в Одесском военном округе десантного отряда из 12-й, 38-й и 2-й бригад Государственного ополчения. Для этого 12-я и 38-я бригады (каждая в составе 6 дружин, 1 скорострельной батареи, 1 конной сотни и 1 саперной полуроты) были исключены из уходящего на фронт ополченного XXXII армейского корпуса. 2-я бригада направлялась в Одессу из Киева и прибыла на место 28 апреля. Примечательно, что 2-я бригада еще 17 апреля, в день отправки ее по распоряжению Генштаба из Петроградского военного округа в Киев, была названа бригадой «особого назначения»¹²³. Это позволяет предположить, что еще до окончания сосредоточения V Кавказского корпуса в Одессе и Севастополе и до Горлицкого прорыва неприятеля высшее командование намеревалось заменить корпус Истомина в составе десантного отряда на существенно менее ценные ополченские части.

По решению Ставки, выделенные для подготовки к десанту три бригады ополчения следовало перевооружить трофейными австрийскими манлихерами и объединить в одну дивизию. Пристальное внимание предписывалось обратить на подготовку и снабжение частей обмундированием и снаряжением.¹²⁴ Дивизия должна была состоять из трех бригад, каждая в составе

¹²² Керсновский А. А. Указ. соч. С. 279.

¹²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 1. М. А. Беляев — Н. Н. Янушкевичу. 17 апреля 1915. № 11382.

¹²⁴ Там же. Л. 10. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 25 апреля 1915. № 145.

двух трехбатальонных полков. Планировалось придать дивизии 53-й Донской казачий полк, а из трех саперных полурот сформировать саперный батальон, в составе двух саперных и одной телеграфной роты. Также было намечено придать дивизии формируемую в Одессу артиллерийскую бригаду из вновь поступивших японских орудий (6 батарей по 6 орудий). Ставка считала необходимым придать по одной пулеметной команде если не каждому полку, то хотя бы каждой бригаде новой ополченской дивизии¹²⁵.

Генерал-квартирмейстер Ставки Данилов подчеркивал, что, ввиду возможности совместных действий с союзниками на Проливах, ополченскую дивизию требовалось особо тщательно снарядить и обмундировать, а также принять меры к улучшению офицерского состава, для чего признавалось возможным даже привлечь офицеров действительной службы из других частей¹²⁶.

3 мая Янушкевич отправил генералу Никитину совершенно секретное письмо, в котором подробно объяснял видение Ставкой проблемы десантной операции на Черном море. Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего писал:

«Из доклада генерала Истомина выясняется, что на месте существует по-видимому не совсем ясное представление о целях того десантного отряда, который собирается в Одесском военном округе и в состав коего раньше предназначался V Кавказский корпус, а ныне 2, 12 и 38 ополченские бригады. Считаю необходимым разъяснить, что ни по могуществу нашего флота, ни по количеству и составу частей, которые могут быть предназначены в десантный отряд, мы не имеем возможности задаваться широкими целями и ставить себе задачу форсирования Босфора и высадку в его районе в условиях военного времени. Подготавливаемый нами десантный отряд имеет задачу более ограниченную — высадку в том случае, когда флоту наших союзников удастся открыть Дарданеллы и Босфор, для занятия с оккупационными целями того или иного района или же, в случае благоприятной политической обстановки, высадку в одном из портов Болгарского или Турецкого побережья для совместных с болгарской армией действий в направлении на Константинополь. Несмотря, однако, на такие скромные задачи, которые могут быть поставлены нашему десантному отряду в соответствии с его силами, необходимо, чтобы этот отряд отличался должной боевой подготовкой и был бы соответственно снаряжен. Вследствие этого Верховный Главнокомандующий рассчитывает, что Ваше Высокопревосходительство обратите особое внимание на организацию, снаряжение и боевую подготовку ополченских бригад, кои ныне должны составить десант-

¹²⁵ Там же. Л. 18–19. Ю. Н. Данилов — П. К. Кондзеровскому. 3 мая 1915. № 2261.

¹²⁶ Там же. Л. 11–11 об.

ный отряд. Было бы желательно довести подготовку этого отряда до такой степени, чтобы можно было бы впоследствии составляющие его ополченские части переформировать в полевые войска, а именно в шесть трехбатальонных полков, с каковой целью необходимо теперь же разработать штаты и порядок перехода к таковой полевой организации отряда, пользуясь временем, пока еще не открыты Дарданеллы»¹²⁷.

Ровно те же самые мысли прозвучали и в письме на имя адмирала Эбергарда за подписями Н. Н. Янушкевича и Д. В. Ненюкова, отправленном десяти днями позже, 13 мая. В нем говорилось:

«Вследствие отношения за № 555 сообща Вашему Высокопревосходительству нижеследующее: При настоящей обстановке в Черном море и Дарданеллах, три ополченские бригады, сосредоточенные в Одессе, имеют исключительно демонстративное значение и не могут быть использованы даже и для частных десантных экспедиций, о которых Вы упоминаете в Вашем отношении. В случае перемены в обстановке, как, например, захвата союзниками Галлиполийского полуострова и продвижения союзной армии к Чаталджинской позиции или выступления Болгарии против Турции, будут приняты меры, в зависимости от хода операций на главном театре войны, для сформирования десантного корпуса надлежащей силы, чтобы достойным образом представить Россию при совместных действиях против Константинополя. Сообразуясь с создавшейся обстановкой своевременно будет организовано и высшее командование сухопутными и морскими операциями, однако Штабу Вашего Высокопревосходительства следует продолжать разработку как морской, так и сухопутной стороны десантной операции при различной возможной обстановке, пользуясь для того содействием Штаба 7-й армии, о чем Генерал Никитин будет поставлен в известность. Предположенное Вашим Высокопревосходительством сформирование осадного парка следует считать пока преждевременным. В случае необходимости посадки на суда для демонстрации или производства опытов надлежит сноситься с Командующим 7-й армией»¹²⁸.

В этих письмах от 3 и 13 мая руководство Ставки в очередной раз, спокойно, но твердо и категорично указывало командованию 7-й армии и Черноморского флота на необходимость расстаться с иллюзиями и прекратить ожидать крупномасштабной боевой десантной операции русских сил на Черном море. Для горячих голов в штабах армии и флота — а таковые там все же имелись — эти письма должны были стать ушатами холодной

¹²⁷ Там же. Л. 20–20 об. Н. Н. Янушкевич — В. Н. Никитину. 3 мая 1915. № 2252.

¹²⁸ РГВА. Ф. 37 967. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 204–204 об. Н. Н. Янушкевич — А. А. Эбергарду. 13 мая 1915. № 384.

воды. Их содержание, несомненно, разочаровало сторонников активных действий на болгарском или турецком берегу. Однако руководству Ставки в те дни нельзя было отказать, по крайней мере, в трезвом реализме мышления. В разгар тяжелых боев в Галиции никто в Барановичах не считал осуществимой боевую десантную операцию против Босфора. Допускалась лишь возможность участия русского отряда в оккупации Константинополя в случае взятия его союзниками или же совместных операций с болгарской армией. Для первого требовалась победа англо-французских сил в Дарданеллах, для второго — еще менее вероятный триумфальный успех русской и союзной дипломатии в Болгарии.

В известном смысле, в операциях на южном фронте, пролежавшем через Балканы и Проливы, русская Ставка в то время рассчитывала стать потребителем чужих успехов, притом полностью устранив от инициативы в действиях, в частности, в отношении Болгарии. Заботам дипломатов предоставлялось склонение Болгарии на сторону Антанты, причем упускалось из виду, что, помимо прочего, именно предполагаемая подготовка русских войск к высадке в Варне или Бургасе весной 1915 года заставляла болгарское руководство колебаться и рассматривать возможность вынужденного присоединения к лагерю Согласия. Пассивность и слабость русских военных сил в Одесском округе вели к усложнению задач русской дипломатии на Балканах; ошибки и глупости дипломатов ухудшали политическую и военную обстановку в регионе. Все это замыкалось в порочную спираль, по которой русское дело на Балканах и Черном море катилось к своему поражению. Естественно, и тогда, и впоследствии военные и дипломаты возлагали друг на друга ответственность за все неудачи.

С конца апреля 1915 года русское командование просто не имело возможности держать в Одесском военном округе на случай десантной операции сколько-нибудь значительные и боеготовые силы. В те недели никакие признаки не позволяли надеяться, что победа союзников на Галлиполи или выступление Болгарии на стороне Антанты произойдут в близком будущем. Поэтому августейший Главковерх, Янушкевич и Данилов полагали, что обстановка предоставляла достаточно времени для подготовки новых войск в Одесском округе. А то, что эта подготовка не могла быть краткой, было вполне очевидно.

Помимо непрестых работ по сколачиванию частей будущей 3-й ополченской дивизии и формированию ее управления, крайне остро стояла проблема с ее вооружением, из-за его разношерстности и нехватки боеприпасов. 12-я бригада была вооружена японскими винтовками Арисака, 38-я бригада — берданками, 2-я бригада только что получила трофейные манлихеры, а конные сотни и саперные полуроты имели трехлинейные

винтовки драгунского образца¹²⁹. Притом манлихеры 2-й бригады находились в отвратительном состоянии. В журнале военных действий штаба 7-й армии от 7 мая было отмечено: «На вооружении [2-й ополченской] бригады находится винтовка двух типов, различающихся устройством прицелов, что невыгодно влияет на обучение. В числе винтовок находится значительный процент с погнутыми стволами, испорченными или недостающими мелкими частями. Штыки коротки и не удовлетворяют своему назначению как по качеству (железо с небольшой примесью стали), так и по пригонке. Значительное количество винтовок имеет сломанные рукоятки затворов, и все вообще винтовки сильно тронуты ржавчиной как снаружи, так и внутри»¹³⁰. И вооруженные таким ржавым ломом ополченцы 2-й бригады могли бы появиться на берегах Босфора! Легко представить, как бы это повлияло на ход возможных боев с турками или на престиж русской армии в глазах союзников.

Все три бригады новой ополченской дивизии предполагалось перевооружить австрийскими винтовками, однако вскоре выяснилось, что их наличное число было абсолютно недостаточно для этого. Не хватало и патронов к ним, из-за чего бригады не могли бы получить также и австрийские пулеметы Шварцлозе. Еще к австрийским винтовкам не имелось штыков. В итоге было решено вооружить все три бригады японскими винтовками¹³¹. Однако и с этим не все обстояло благополучно, прежде всего, из-за нехватки патронов. Первая партия японских винтовок с 25 млн патронов к ним была полностью распределена, в т. ч. среди войск в Одесском военном округе, которые получили в среднем по 175 патронов на винтовку. Затем прибыла вторая партия оружия и боеприпасов из Японии, в размере 100 тыс. винтовок и 12,5 млн патронов к ним. 3 млн патронов из этой партии были выданы частям XXXII корпуса. Как уведомило ГАУ, приобрести в Японии больше винтовок и патронов было невозможно. Таким образом, частям «дивизии особого назначения» могло быть выдано всего по 450–500 патронов на каждую японскую винтовку, при том что остальные 80 тыс. винтовок остались бы вообще без боекомплекта¹³².

Черноморский флот и Транспортная флотилия занимались совершенствованием техники организации морских перевозок войск. 12–15 мая в окрестностях Одессы состоялись новые крупные десантные учения, включавшие в себя морские маневры и высадку войск на открытом берегу. В учениях

¹²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 3, 5.

¹³⁰ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 128–128 об. Журнал военных действий штаба 7-й армии. 7 мая 1915.

¹³¹ Там же. Л. 136. 15 мая 1915.

¹³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 23–24.

приняли участие 2-я ополченская бригада и 53-й Донской казачий полк. По плану учений, утром 12 мая на транспорты должны были погрузиться штаб 2-й бригады, 7-я, 9-я и 10-я пешие дружины, 2-я саперная полурота и перевязочный отряд этой бригады. 13 мая они должны были высадиться на берег в районе того же порта. На 14 мая была намечена посадка на транспорты 53-го Донского полка, 8-й пешей дружины и 12-й скорострельной батареи Государственного ополчения. 15 мая они должны были высадиться на открытый берег в районе Дофиновского лимана в окрестностях Одессы¹³³.

Десантные учения состоялись согласно плану, однако были организованы настолько плохо, что это даже привело к серьезному конфликту между начальником 2-й бригады генерал-майором А. Н. Клембовским (брат будущего Наштаюза, выдающегося военачальника генерала В. Н. Клембовского) и командованием Транспортной флотилией. Уже 13 мая Клембовский направил в штаб 7-й армии подробный рапорт, в котором он жаловался на пренебрежительное отношение моряков к сухопутным войскам, на примитивное, с точки зрения тактики, содержание учений, на низкие качества транспортных и десантных средств. Этот документ содержит ценные сведения об уровне организации морских десантных операций в русских вооруженных силах в начальный период Первой мировой войны и потому заслуживает быть приведенным целиком. Клембовский писал:

«12-го сего мая в военном порту произведена пробная посадка на суда некоторых частей вверенной мне бригады, с выгрузкой их сего числа в местности Пересыпь.

Присутствуя при производстве означенной операции, я убедился, что порядок ее выполнения представляется совершенно бесполезным в тактическом отношении для принимавших в ней участие сухопутных войск, а роль, возложенная на означенные войска, — служить живым грузом для обучающихся чинов флота — вряд ли соответствующей достоинству военной службы.

Части были погружены вчера до полудня и после этого простояли у мола в полном бездействии до сегодняшнего утра; сегодня, в 6 часов утра, люди посажены в боты и в течение свыше двух с половиной часов десантная флотилия маневрировала в расстоянии около версты от берега, видимо без всякой тактической цели, представляя ясно видимую и легко поражаемую не только артиллерийским, но даже ружейным огнем цель.

По выполнении означенного морского маневра боты были подведены к берегу, где на расстоянии 30–40 шагов от него была произведена выгрузка большей части людей прямо в воду, несмотря на то, что в непосредственной

¹³³ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 73–73 об. Э. С. Молас — в Оперативный отдел штаба 7-й армии. 10 мая 1915. Б. н.

близости находились мостки на сваях, на которые свободно можно было высадить все части.

С своей стороны нахожу, что если высадка совершалась без соблюдения условий, требуемых тактической обстановкой, лишь для обучения обслуживающего высадку морского персонала, то выгрузка людей в воду и сопряженная с ней возможность простуды и порчи обуви и одежды не может иметь оправдания. Никто не сомневается в том, что каждый здоровый человек может при тихой погоде сойти по сходне из лодки в воду и пройти несколько десятков шагов по воде при глубине в 1–1½ аршина; поэтому я отказываюсь понимать, какая цель заключалась в требовании, при изложенных выше условиях, лезть в воду в одежде или, хотя бы, как это наблюдалось, без шаровар и исподних брюк, но в полном походном снаряжении, когда рядом находилась пристань.

Осмотрев транспортные суда, предназначенные для перевозки войск, считаю долгом службы довести до сведения Вашего Превосходительства, что некоторые из них, по моему мнению, представляют явную опасность для перевозки людей и лошадей по морю. Так, например, на транспорте «Ай-Петри», отведенном перевозочному отряду вверенной мне бригады, борта едва возвышаются над уровнем воды, и лошади, расположенные совершенно открыто на палубе, будут при самой малой волне заливаться водой. Также и транспорт «Дмитрий» вызывает значительные сомнения. Транспорт этот, по словам самих моряков, принадлежит к числу наиболее старых и исключительно валких судов коммерческого флота Черного моря. Полагал бы, что при этих условиях назначение его для перевозки штаба бригады не целесообразно, так как в случае свежей погоды бригада может лишиться управления в самую нужную минуту.

Наконец, обращает внимание полнейшее отсутствие заботы об обеспечении возможной безопасности войск, перевозимых транспортной флотилией. Паровой катер тянет три бота, в каждом из коих помещается около 80 человек, при этом на ботах не имеется не только каких-либо спасательных принадлежностей, но даже весел, так что, в случае потопления катера неприятельским огнем или просто в случае разрыва буксирного каната, около 250 человек будут совершенно беспомощно носиться по волнам.

Усматривая из всего изложенного, что намеченная высадка войск, являющаяся исключительно трудной операцией, могущей привести к успеху лишь при тщательной и всесторонней подготовке, — вследствие своей новизны и неожиданности, по видимому, недостаточно продумана Морским ведомством, — ходатайствую о сообщении мне теперь же списка судов, на которых предполагается перевозка частей вверенной мне бригады и, если Ваше Превосходительство признаете возможным, о спешном назна-

чении смешанной комиссии для своевременного выяснения степени соответствия этих судов означенной цели, равно как и для обсуждения всех, возбуждаемых мною и могущих возникнуть в дальнейшем вопросов, связанных с осуществлением намеченной высадки»¹³⁴.

Содержание жалобы Клембовского было передано из штаба 7-й армии в штаб Черноморского флота. Естественно, моряки Транспортной флотилии не согласились с упреками в свой адрес и выдвинули встречные. Командант транспорта «Дмитрий» жаловался на «незаконные» распоряжения генерала Клембовского в ходе спора о порядке высадки и управления ею. По мнению представителя флота, положения «Инструкции» говорили в его пользу¹³⁵. Опыт весьма слабо организованных учений 12–15 мая 1915 года, как и произошедший конфликт генерала Клембовского и подчиненных адмирала Хоменко, свидетельствовал, что в области взаимопонимания моряков и сухопутных войск, а также в их тактической подготовке к высадке десанта мало что изменилось со времен неудачных маневров армии и флота под Очаковым в 1903 году¹³⁶.

Зато изменилась к худшему ситуация с обеспечением десантной операции военно-техническими средствами и особенно с кадрами для их обслуживания. Еще со времен Н. Н. Обручева предполагалось, что десант на Босфоре для действий против турецких укреплений будет обеспечен мощным осадным артиллерийским парком и различными техническими новшествами. Отработка погрузки и выгрузки осадных орудий и сопутствующих грузов занимала важное место во всех учениях, связанных с подготовкой Босфорской экспедиции.

4 мая 1915 года Данилов запросил у штаба 7-й армии данные о составе формирующегося в Севастополе осадного парка для десантной операции — о числе и калибре орудий, боекомплекте, прислуге. В Одессе этих сведений не оказалось — тогда был запрошен Севастополь. Его командант генерал А. Н. Ананьин отвечал, что в состав осадного парка предполагалось включить 2 осадных артиллерийских полка, каждый из 3 дивизионов по 3 батареи. Для обеспечения осадного парка материальной частью имелось 12 пушек Канэ калибра 6 дюймов, 23 пушки 190-пудовые калибра 6 дюймов, 40 береговых мортир калибра 9 дюймов. Наличный боекомплект для этих орудий был таков: по 200 фугасных бомб на каждую 6-дм пушку Канэ; по 60 мелинитовых и 60 чугунных бомб и 80 шрапнелей на 190-пудо-

¹³⁴ Там же. Л. 76–78. А. Н. Клембовский — начальнику штаба 7-й армии. 13 мая 1915. № 109.

¹³⁵ Там же. Л. 79–81 об.

¹³⁶ Об этих маневрах см.: *Айранетов О. Р.* «На сопках Маньчжурии...»: Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 384–387.

вую пушку; по 30 фугасных и 115 чугунных бомб на 9-дм мортиру. Для обслуживания парка Севастопольской крепостной артиллерией из сверхкомплекта могло быть выделено 4 339 нижних чинов. Однако также для парка было необходимо 18 штаб- и 78 обер-офицеров, 10 военных чиновников, 4 врача и 2 ветеринара. Однако Севастополь мог выделить, с большим ущербом для обороны крепости, лишь 2 штаб- и 29 обер-офицеров, 4 чиновников и 1 врача. Необходимых для парка 1 095 лошадей не имелось, как и снаряжения для них¹³⁷. 15 мая дежурный генерал Ставки П. К. Кондзеровский телеграфировал в штаб 7-й армии: «Начальник штаба (Янушкевич. — В. К.) приказал сообщить, что в настоящее время вопрос о создании осадного парка для десантного отряда отпадает»¹³⁸. Если и будет решено сформировать таковой, то лишь в размере одного пушечного полка, указывал Кондзеровский. Укомплектование этого полка могло быть произведено только за счет Севастопольской крепостной артиллерии.

Таким образом, большая война на западных границах поглотила силы и средства осадного парка, готовившегося с 1890-х годов для десанта на Босфоре. В 1915 году в случае боевой десантной операции на Черном море русский отряд был бы практически лишен поддержки осадной артиллерии. Еще один пункт босфорского завещания Обручева был вычеркнут его наследниками. Однако в 1915 году русское командование и не собиралось штурмовать турецкие укрепления Проливов и Константинополя.

В пределах Одесского округа, как в других местах империи, продолжались мероприятия по формированию новых частей и соединений государственного ополчения. Ставка стремилась к увеличению числа соединений за счет ослабления их состава. В середине мая 1915 года в Барановичах решили сформировать в Одесском округе не одну «дивизию особого назначения» в составе трех бригад, а две дивизии, из двух ополченских бригад каждая. Данилов запросил Одессу, какая из оставшихся в округе ополченских бригад могла стать четвертой, в дополнение к 2-й, 12-й и 38-й бригадам. Взамен этой четвертой бригады Ставка обещала прислать в район 7-й армии три ополченские дружины из Иркутского военного округа¹³⁹.

В штабе генерала Никитина намерения Ставки забрать у 7-й армии еще одну бригаду не могло вызвать энтузиазма, хотя с начала войны они должны были уже привыкнуть к постоянному выкачиванию верховным командованием из Одесского округа всех мало-мальски боеспособных войск. Генерал-квартирмейстер штаба армии В. А. Соковнин докладывал Данилову,

¹³⁷ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 58–62.

¹³⁸ Там же. Л. 63. П. К. Кондзеровский — В. А. Соковнину. 15 мая 1915. № 9093.

¹³⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 38. Ю. Н. Данилов — В. А. Соковнину. 14 мая 1915. № 640.

что в распоряжении 7-й армии имелись лишь 72-я и 110-я ополченские бригады, сил которых было мало даже для выполнения задач по охране побережья. При этом 72-я бригада, укомплектованная, как мы помним, «малоразвитыми молдаванами», теперь приобрела для штаба армии особую ценность, поскольку уже отлично освоилась с районом Одессы и побережья близ нее. 110-я бригада находилась в стадии формирования из отдельных дружин. Указывая на это, Соковнин предложил Ставке взять из Очаковской крепости 11-ю ополченскую бригаду, находившуюся в подчинении командующему Черноморским флотом. Эта бригада, сформированная в начале войны, была отлично сколочена и готова к боевым действиям, а присутствие ее в Очакове, по военной обстановке того времени, было необязательно. Кроме того, в Севастополе, также в подчинении командования флота, находились 13-я ополченская бригада и семь отдельных дружин, сведенных в еще одну, Севастопольскую крепостную ополченскую бригаду¹⁴⁰.

Вряд ли это могло понравиться адмиралу Эбергарду и его штабу, однако Ставка в итоге согласилась взять для формирования новой дивизии именно 11-ю бригаду. Было решено, что 2-я и 12-я бригады образуют 3-ю ополченскую дивизию, а 38-я и 11-я бригады — еще одну дивизию.¹⁴¹ Вскоре затем два этих новых соединения получили наименование 104-й и 105-й пехотных дивизий. Все четыре их ополченские бригады были перевооружены японскими винтовками. Наибольшие проблемы возникли с личным составом и материальной частью артиллерии обеих формируемых дивизий. Они получили на вооружение японские орудия, с которыми солдаты и офицеры были незнакомы.

10 июня Янушкевич отправил начальнику штаба 7-й армии распоряжение выяснить и проверить, на случай десанта к Босфору, все вопросы подготовки к посадке на транспорты отряда силой до двух дивизий пехоты. На обороте этой телеграммы кто-то из чинов штаба 7-й армии карандашом набросал примерное расписание сил этого отряда: 104-я и 105-я пехотные дивизии, с полками трехбатальонного состава, 2 артиллерийских дивизиона японских орудий, с соответствующими парками, 2 саперные роты, 53-й Донской казачий полк и 1 батальон Гвардейского флотского экипажа¹⁴². Однако в разгар тяжелого кризиса на Юго-Западном фронте эти поверочные распоряжения не могли не быть фиктивными. Уже 18 июня Ставка предписала штабу 7-й армии настолько ускорить формирование 104-й и 105-й дивизий, чтобы уже к 1 июля их можно было направить на театр военных действий. 5 июля великий князь Николай Никола-

¹⁴⁰ Там же. Л. 39–42. В. А. Соковнин — Ю. Н. Данилову. 15 мая 1915. № 1065.

¹⁴¹ Там же. Л. 48–52.

¹⁴² РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 87–87 об. Н. Н. Янушкевич — Н. П. Стремоухову. 10 июня 1915. № 1476.

евич повелел срочным порядком перевозить из Одессы в Ригу наиболее готовую из двух дивизий, даже без артиллерии, если таковая была еще не готова. Была избрана 104-я дивизия, ускоренная перевозка которой началась 7 июля. Боекомплект патронов в частях этой дивизии был пополнен до 300 патронов на винтовку, притом за счет 105-й дивизии, в которой осталось всего по 190 патронов на японскую винтовку. Вскоре затем и 105-я дивизия была направлена в Галицию, на станцию Козова (к западу от Тарнополя), в район 11-й армии. Наконец, 25 июля Главковерх повелел начать 27 июля отправку 104-го и 105-го артиллерийских дивизионов с их парковыми дивизионами в Вильну¹⁴³.

Русское верховное командование, в то время вынужденное в прямом смысле слова затыкать дыры за счет всех возможных резервов, разбросало по разным участкам австро-германского фронта две дивизии, которые ранее предполагалось готовить в качестве десантного корпуса на Черном море. Как ранее и V Кавказский корпус, эти соединения были брошены в пожар боев Великого отступления и, подобно кавказским стрелкам и пластунам генерала Истомина, сгорели в этих боях.

В июле и августе 1915 года ситуация с подготовкой войск в Одесском военном округе с зеркальной точностью повторяла то, что уже происходило раньше. Ставка вновь предписывала штабу 7-й армии формировать полевые соединения из оставшихся в наличии ополченских частей, вооружая и снабжая их преимущественно за счет местных запасов. При этом на бумаге не исключалась возможность использования этих войск в качестве десантного отряда, на случай успеха союзников в Галлиполи и совместной оккупации Константинополя. Однако на практике новые полевые соединения готовились для австро-германского фронта.

В летние месяцы моряки Транспортной флотилии продолжали исправно изучать технические аспекты погрузки и выгрузки войск. 9 июля адмирал Хоменко, штаб которого стоял на рейде Одессы, писал генералу Никитину, что для систематического обучения команд транспортов десантным операциям было необходимо, чтобы войсковые части предоставляли для погрузки и выгрузки типичные предметы снаряжения и обоза: орудия, зарядные ящики, пулеметы, обозные и лазаретные повозки и двуколки, лошадей и пр. Обучение, по мысли Хоменко, должно было вестись поотрядно в Одессе, Николаеве и Херсоне. В дальнейшем требовалось обучение целых соединений, маневры по их посадке и высадке на открытом берегу¹⁴⁴.

Однако в 7-й армии, по сути, не было соединений, подходящих для десанта и свободных от иных предназначений. 29 июня 1915 года последо-

¹⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 85–86, 104–107, 112, 124.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 88. А. А. Хоменко — В. Н. Никитину. 9 июля 1915. № 3040.

вало распоряжение Ставки о начале формирования из ополченских частей 7-й армии новой пехотной дивизии. Было предписано из 72-й и 110-й бригад сформировать дивизию в составе четырех полков, каждый из трех батальонов и пулеметной команды. Из 13-й и 72-й саперных полурот следовало создать одну саперную роту. 10-ю, 11-ю, 12-ю, 13-ю и 72-ю ополченские батареи, вооруженные поршневыми орудиями, следовало обратить на формирование артиллерийской бригады шестибатареинного состава, добавив материальную часть для недостающей батареи из запасов округа. В первое время, по мысли Ставки, дивизия могла быть вооружена винтовками Бердана и поршневыми орудиями, затем ее можно было бы перевооружить японскими винтовками и орудиями. Желательной признавалась замена всех старых по возрасту ратников в 72-й и 110-й бригадах на молодых, за счет остающихся в 7-й армии ополченских дружин. Начальника дивизии, командиров бригад и полков следовало избрать из резерва чинов округа¹⁴⁵.

При этом Ставка требовала максимально ускорить формирование этой новой 125-й пехотной дивизии. Штаб Никитина отвечал, что полной боеготовности дивизия могла достичь не ранее конца августа 1915 года. 72-я бригада уже была вооружена японскими винтовками, 110-я бригада — перевооружалась ими. Для поршневых орудий, которыми была вооружена артиллерийская бригада 125-й дивизии (получившая № 90), имелось по 963 выстрела на ствол, но всего одному зарядному ящику на орудие. Таким образом, возимый боекомплект составлял всего по 110 выстрелов на орудие. Перед командованием 7-й армии и Одесского округа встала сложная задача по формированию парков для 90-й артбригады и доведению ее возимого боекомплекта хотя бы до 500 выстрелов на орудие. 4 сентября 1915 года, *всего за неделю до всеобщей мобилизации в Болгарии*, 125-я пехотная дивизия была исключена из состава 7-й армии и передана в распоряжение Юго-Западного фронта. Тогда было предписано перевозить ее в Винницу для завершения формирования и обучения¹⁴⁶.

Кроме того, 2 июля 1915 года Ставка распорядилась из 13-й ополченской бригады, составлявшей гарнизон Севастополя и находившейся в подчинении командующего Черноморским флотом, сформировать неотдельную пехотную бригаду силой в два полка трехбатальонного состава, при одной пулеметной команде. Как и в случае со 125-й дивизией, старых ратников предписывалось заменить более молодыми. Стоявшие на вооружении в бригаде винтовки Бердана при первой возможности следовало заменить на более новые. 17–18 июля 13-я бригада выбыла из Севастополя в Одессу; на смену ей в Севастополь был направлен батальон Гвардейского флотского экипажа.

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 1–1 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 63.

Формируемую из 13-й ополченской бригады новую неотдельную полевую бригаду было решено назвать Черноморской пехотной, без номера.¹⁴⁷

11 сентября генерал Стремоухов докладывал в Ставку на имя нового генерал-квартирмейстера М. С. Пустовойтенко, что Черноморская бригада закончила формирование и была обеспечена боекомплектom в 115 патронов на японскую винтовку. На этой телеграмме новый Наштаверх генерал М. В. Алексеев написал: «11. IX. 915. Нужно перевозить. Пусть учатся и готовятся. Хотя я теперь не снимал бы с Черноморского побережья ни 125 див[изии], ни Черноморской бригады»¹⁴⁸. Эти полные внутреннего противоречия слова вышли из-под пера Алексеева на другой день после начала всеобщей мобилизации в Болгарии, когда уже не оставалось никаких сомнений, что эта страна готовится выступить на стороне врагов России. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего отлично сознавал, что в новых условиях становилось насущной необходимостью иметь хоть какую-то вооруженную силу в Одесском военном округе, хотя бы для имитации угрозы Болгарии. Однако сомнения Наштаверха не могли нарушить работу уже запущенного огромного механизма формирования и отправки на австро-германский фронт новых частей. 13 сентября Ставка телеграфировала в Одессу, что Черноморская пехотная бригада была включена в состав войск Юго-Западного фронта; это сообщалось для подготовительных распоряжений по ее перевозке¹⁴⁹. Судя по всему, на некоторое время Черноморская бригада все же задержалась в районе 7-й армии; но 13 октября Главкоюз генерал-адъютант Н. И. Иванов распорядился об отправке ее в Проскуров, на свой фронт¹⁵⁰.

Итак, во имя задач борьбы на главном, австро-германском фронте Ставка буквально вымела подчистую из района 7-й армии все способные к активным действиям части, причем сделала это в самые дни судьбоносных перемен в военно-политической обстановке на Балканах. К середине сентября 1915 года боевая сила 7-й армии была ничтожной. В ее состав тогда входили 9-й Уральский казачий полк (4 сотни); 4-й полевой жандармский эскадрон (силой в четверть эскадрона); автомобильная и прожекторная команда; 21-я, 22-я, 23-я и 24-я бригады пограничной стражи (общей силой в 15 пеших и 8 конных сотен и 7 конных команд); 111-я ополченская бригада (в составе 5 дружин); 15 отдельных ополченских дружин и 1 отдельная ополченская рота; 8 конных ополченских сотен. Общая сила частей Государственного ополчения в армии генерала Никитина составляла 20 $\frac{1}{4}$ пеших дружины и 8 конных сотен. Кроме того, в подчинении адмирала Эбергарда находилась Севастопольская крепост-

¹⁴⁷ Там же. Л. 29–29 об., 33–33 об., 40, 48.

¹⁴⁸ Там же. Л. 66. Н. П. Стремоухов — М. С. Пустовойтенко. 11 сентября 1915. № 2354.

¹⁴⁹ Там же. Л. 67.

¹⁵⁰ Там же. Л. 69.

ная ополченская бригада (6 дружин) и 5 отдельных дружин, всего 11 дружин ополчения, а также Гвардейский флотский экипаж, Одесский морской батальон и крепостные части Севастополя, Очакова и Керчи.

В этих условиях вполне естественно возник вопрос об упразднении полевого управления невоюющей и лишенной войск 7-й армии. При рассмотрении ходатайства Никитина об увеличении штата армейского штаба генерал Алексеев заявил, что увеличение штатов полевого и тылового управлений 7-й армии было недопустимо, и поручил управлению дежурного генерала Ставки выяснить вопрос о полном упразднении этой армии. В итоге к 22 сентября наиболее подходящим был признан проект расформирования полевого управления 7-й армии, с сосредоточением власти в руках главного начальника Одесского военного округа, при котором в этом случае был бы создан определенный небольшой штаб¹⁵¹.

В ночь на 1 (14) октября болгарские войска начали наступление на сербской границе, стычки и перестрелки на которой шли уже несколько дней. 5 октября 1915 года император Николай II в Ставке подписал манифест об объявлении войны Болгарскому царству. После этого в пределах Одесского военного округа заново, буквально с чистого листа, началось формирование 7-й армии, которая предназначалась для вторжения в болгарские пределы по сухому пути или к высадке на черноморском побережье Болгарии¹⁵². Спираль событий войны замкнула очередной виток, и России вновь предстояло догонять непоправимо упущенное время и утраченную стратегическую инициативу.

18 августа 1915 года Генштаба генерал от инфантерии М. В. Алексеев, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, был назначен начальником Штаба Верховного Главнокомандующего. А 5 дней спустя, 23 августа, звание Главковерха возложил на себя император Николай II. Закончился «великокняжеский» период в истории русской Ставки. Ее новому руководству досталось плачевное наследство в виде тяжелой обстановки на австро-германском фронте, катастрофы в области военной экономики и начала внутривосточного кризиса.

Кроме того, смена высших чинов Ставки практически совпала по времени с присоединением Болгарии к вражескому лагерю и последовавшей потерей

¹⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 155–156. П. К. Кондзеровский — М. С. Пустовойтенко. 22 сентября 1915. № 1737.

¹⁵² Об этом подробнее см.: *Каширин В. Б. Несостоявшаяся экспедиция...*

союзниками большей части Балкан. С первых же недель в должности Нашта-верха генералу М. В. Алексееву пришлось серьезно заниматься проблемами Балканского полуострова, где произошло резкое ухудшение военно-политической ситуации, при отсутствии у России как стратегических резервов для действий на южном направлении, так и разработанных оперативных планов. Данные разведки по Балканскому театру имелись, однако зачастую они были фрагментарными, запоздавшими или неточными. Если великокняжеская Ставка вообще игнорировала Балканы, то генерал Алексеев и его сотрудники, также поглощенные и скованные непосильными задачами борьбы на основном австро-германском фронте, могли заниматься южным стратегическим направлением лишь урывками, методом поспешных импровизаций.

Это привело к череде трагических неудач. Укрепленные и упорно обороняемые противником Проливы продолжали отделять Россию от ее союзников, что играло ключевую роль в неприятельской стратегии удушения и измора. Союзные России Сербия и Черногория подверглись разгрому в конце 1915 года; совершенно необеспеченным в военном отношении было и присоединение Румынии к лагерю Антанты в августе 1916 года. Представляется глубоко символичным, что именно катастрофа союзников-румын в ноябре — декабре 1916 года, потеря ими Валахии и Бухареста стали последним стратегическим поражением России в мировой войне, вслед за чем последовали Февральская революция и крушение имперской государственности.

Поколение спустя, в ходе Второй мировой войны, российское государство (в его советской исторической ипостаси) взяло мощный военный и геополитический реванш, в том числе и в черноморско-балканском регионе. Добившись подавляющего количественного и качественного превосходства своих сил над противником, Советский Союз сокрушил войска Германии и ее сателлитов на основных сухопутных фронтах. После этого восточные Балканы упали к ногам победителя, подобно спелому плоду. Балканские друзья и союзники СССР были освобождены, враги — жестоко наказаны.

Однако триумфы 1944–1945 гг., ставшие результатом уникального мобилизационного сверхнапряжения нашей страны, следует рассматривать скорее как историческую аномалию. Более типичным для русской военно-политической стратегии на черноморско-балканском направлении приходится считать как раз неудачный опыт периода Первой мировой войны, отличительными чертами которого были недостаточность выделяемых сил и средств, военно-техническая бедность, отсутствие эффективной идеологической базы для работы дипломатии и секретных служб в странах региона, межведомственные войны и интриги.

В этой статье мы постарались показать, что разговоры об упущенном стратегическом шансе России на южном фронте Великой войны относятся

скорее к области утопической фантазии, нежели к конструированию реальной военно-исторической альтернативы. У Российской империи не было ни достаточных военных сил для решительных операций на Черном море и Балканах, ни желания высшего военного руководства проводить такие операции. Как мы видели, смелые, амбициозные и порой дерзкие проекты выдвигали представители различных ведомств — генштабист Романовский, моряк Яковлев, дипломат Гаджемукوف. Однако их служебный статус и вес были слишком незначительны, чтобы обеспечить их предложениям поддержку в высоких инстанциях. Их руководители — великий князь Николай Николаевич, генерал Данилов, адмирал Эбергард, министр Сазонов — своими делами и бездействием максимально способствовали тому, чтобы вопрос об эффективном применении военной силы на Черном море, Балканах и Проливах так и не был переведен в практическую плоскость.

Десантная операция на Босфоре или черноморском побережье Балкан требовала мощных согласованных усилий военного, военно-морского и дипломатического ведомств. В Российской империи в годы ее последней войны каждое ведомство предпочитало заниматься исключительно своим делом, не обременяя себя взаимодействием с другими органами государственной власти. Сухопутное командование считало лучшей стратегией — долбить неподготовленными лобовыми атаками мощную позиционную оборону австро-германцев (река Стрыпа — декабрь 1915 г., озеро Нарочь — март 1916 г., далее — великие наступательные битвы мая — сентября 1916 г.), не считаясь с огромными кровавыми потерями. Военные моряки весной и осенью 1915 года предпочитали заниматься бомбардировками и минными постановками у Босфора и вражеских берегов, не связываясь с обременительными и плохо отработанными десантными операциями, которые были сопряжены с большим риском. Наконец, русская дипломатия на протяжении всего первого года Великой войны, с августа 1914 по сентябрь 1915 г., пыталась достигнуть взаимного согласия Сербии и Болгарии на компромиссный передел Македонии, что гипотетически должно было способствовать возрождению Балканского союза образца 1912 года и его участию в мировой войне на стороне Антанты. Это была длинная и дорогостоящая интеллектуальная игра, столь же увлекательная, сколь и бессмысленная по своему практическому наполнению.

В период до осени 1915 года, т. е. до времени вступления Болгарии в войну, борьба России за Балканы велась политическими средствами, и основную долю вины за ее итоги несло на себе Министерство иностранных дел. Однако и ответственность военного руководства за потерю Балкан была чрезвычайно велика. Несколько раз в течение Первой мировой войны ситуация заставляла руководство России заново приступать к подготовке своих войск к действиям в районе Проливов и/или на Балканах. В каждом слу-

чае ситуация имела свои отличительные черты. Весной 1915 года речь шла о подготовке оккупационного отряда для совместного с союзниками занятия Константинополя и Проливов. Осенью 1915 года критическая ситуация на Балканах вынудила русское командование заново, в условиях сильной спешки формировать экспедиционную армию для вторжения в Болгарию. Однако осознание неготовности к решению столь сложной задачи заставило Ставку обратить эту подготовку в стратегическую демонстрацию, равно грандиозную и бесполезную. Наконец, летом 1916 года русское командование с прискорбным небрежением подошло к проблеме вступления Румынии в войну и подготовке экспедиции русских сил в Добруджу, на болгарскую границу. Явная недостаточность выделенных сил и ряд других ошибок привели к неудаче этого похода, что усугубило военный разгром Румынии в 1916 году. В последний раз подготовка русских сил к высадке в районе Босфора была начата уже в 1917 году, в условиях революционного развала армии и флота бывшей империи, который окончательно похоронил все планы и надежды России по завладению Проливами.

В каждом перечисленном случае инициатива исходила не от русского командования. Напротив, оно было вынуждено действовать под давлением обстоятельств, которые диктовались усилиями противников и союзников. Как следствие, на стратегически важном черноморско-балканском направлении русской стороне каждый раз не хватало ни сил, ни времени, ни заранее собранных разведанных и продуманных оперативных планов.

В условиях Первой мировой войны Балканский полуостров для обоих противоборствующих лагерей был образцовой площадкой для таких военных и политических действий, к которым вполне применимо предложенное Б. Лиддел-Гартом понятие стратегии «непрямого действия» (собственно, как раз осмысление опыта войны 1914–1918 гг. и позволило сформулировать эту влиятельную концепцию британского военного мыслителя и историка). Способность к реализации такой стратегии является одним из точных показателей общего уровня военного и политического руководства. Приходится признать, что в годы Первой мировой войны власти Российской империи такой способностью не обладали. А значит, они не могли с помощью искусных стратегических шагов хотя бы немного компенсировать отставание от неприятеля по целому ряду важнейших военных и экономических показателей, чтобы обеспечить сколько-нибудь более благоприятный для России ход и исход борьбы в 1914–1918 гг. С помощью материала этой статьи мы хотели показать, что история стратегических усилий России на черноморско-балканском направлении в годы Первой мировой войны является одним из важных доказательств безальтернативности военной и государственной катастрофы Российской империи в 1917 году.

Мирослав Йованович

**«СЕРБИЯ, СЕРБИЯ,
ЖАЛЬ МНЕ ТЕБЯ,
ПРОКЛЯТАЯ ГЕРМАНИЯ
ИДЁТ НА ТЕБЯ...»:
РУССКАЯ ПОМОЩЬ
СЕРБИИ В 1914–1915 ГГ.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЗАРИСОВКА**

1914 год. Первый день Первой мировой войны. Российский император Николай II записывает в своем дневнике: «15-го июля. Вторник. Принял доклад Сухомлинова и Янушкевича. Завтракали: Елена и Вера Черногорская... 16-го июля. Среда. Утром принял Горемыкина. В 12 ¼ произвел во дворце около ста корабельн[ых] гардемарин в мичманы. Днем поиграл в теннис; погода была чудная. Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом. Вечером читал и еще принял Татищева, кот[орого] посылаю завтра в Берлин»¹. Это было начало самой кровавой, драматичной и первой «тотальной войны» за всю предшествующую историю. Начало «Великой войны», которая преобразила и Сербию, и Россию до такой степени, что к ее концу обе они, каждая по-своему, исчезли с исторической сцены: Сербия — растворив свою

¹ Дневники Императора Николая II / Общ. ред. К. Ф. Шацillo. М., 1992. С. 476.

государственность в новообразованном государственном образовании южных славян — Королевстве СХС / Югославии, а Россия — переплавившись в водовороте революции и Гражданской войны в первую страну социализма — до того времени невиданный и непостижимый политический и социальный эксперимент в истории человечества. Однако Первая мировая война преобразила и Европу, и мир, а также изменила и те представления о мире, политике, обществе и месте человека в нем, которые были известны на протяжении XIX века. «Великая война» знаменовала начало «Экстремального века», «времени нетерпеливых».

Но все эти драматические перемены и радикальные потрясения наступили позднее. В июле и августе 1914 года они еще едва ли могли даже предвидеться. Война, в духе новой «стратегии непрямого действия», началась как локальное столкновение Австро-Венгрии и Сербии. Но, так как Европа уже была резко поделена на два враждующих политических и дипломатических лагеря: Тройственный союз и Антанту, которые за десятилетие перед Сараевским убийством 15 (28) июня 1914 года прошли от кризиса к кризису, через дипломатические стычки и пробы сил (Первый и Второй Марокканские кризисы, Аннексия Боснии и Герцеговины, Балканские войны), — австро-сербский локальный конфликт, в соответствии с дипломатической логикой того времени, неизбежно провоцировал помощь противнику Австро-Венгрии со стороны союзников из лагеря Антанты. Сербии — хоть она формально не являлась членом Антанты, была истощена Балканскими войнами и находилась под постоянным натиском наступательных австро-венгерских («Прорыв на Балканы») и германских («Drang nach Osten», железная дорога Берлин-Багдад) дипломатических, экономических, политических и военных планов — была очевидно нужна помощь союзников, прежде всего России, а именно России дома Романовых, которая в восприятии сербского политического и общественного мнения рассматривалась как один из важнейших и могущественнейших союзников. России, которая с первых дней после предъявления австро-венгерского ультиматума оказала безоговорочную поддержку властям Белграда. А после объявления Австро-Венгрией войны 15 (28) июля 1914 года — в знак поддержки Сербии — объявила мобилизацию, вследствие чего балканский конфликт, в полном соответствии с замыслами и желаниями германского и австро-венгерского генеральных штабов, перерос в европейскую и мировую «Великую войну»².

Сербы ожидали поддержку от России и видели в ней защитницу, надежду на существование и освобождение (те сербы, которые тогда еще жили

² Подробнее см.: *Митровић, Андреј*. Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке 1908–1918. Београд, 1981.

в Габсбургской монархии). То, насколько была распространена надежда на Россию в простом народе, наглядно показывает реакция осужденного на смерть в Австро-Венгрии священника Вида Парежанина, который, как говорится в австро-венгерском полицейском докладе, «под виселицей и с петлей на шее неоднократно прокричал: Да здравствует Сербия, да здравствует сербская армия и да здравствует великая Россия!»³. Эти великие надежды и ожидания сразу после начала военных действий выразились в просьбах о поддержке помощи и кредитовании, с которыми сербские власти обращались в Петроград⁴.

В первый день войны правительство Николы Пашича запросило кредит у России и Франции. Россия дала согласие. Десятью днями позднее, 27 июля (9 августа) 1914 года, сербское правительство обратилось к России с новой просьбой о кредите и о поставке военного снаряжения и продовольствия. И эта просьба получила положительный ответ. И сразу за этим, 28 июля (10 августа), власти Белграда обратились к русскому правительству с просьбой о том, чтобы Россия направила в Сербию понтоны для наведения моста длиной в 1000 метров, а уже на следующий день у властей в Петрограде была запрошена посылка в Сербию морских мин, миноносных кораблей или моторных катеров для постановок мин, вместе с необходимым числом военных специалистов, которые помогали бы Сербии в деле постановки минных заграждений⁵. И всего через пять дней, 3 (16) августа, в Одессе была сформирована первая группа из 17 моряков-минеров, которая отправилась в Сербию на пароходе «Болгария» Русско-Дунайского пароходства, проследовала мимо Оршовы и уже 7 (20) августа прибыла в Прахово. Тут их ожидал инженерный поручик сербской армии Карич, бывший воспитанник Инженерного училища в Санкт-Петербурге, который стал гостеприимным хозяином, переводчиком и сопровождающим этой группы. По прибытии в Сербию группа первым делом представилась в штабе обороны Белграда на Торлаке и сразу после этого отправилась на обследование берега Дуная, в поисках удобнейших мест для постановки мин против австрийских мониторов, которые действовали вдоль границы, по Саве и Дунаю⁶. Одним из наиболее удобных мест в самом начале показалась возвышенность у Остружницы под Белградом,

³ *Митровић, Андреј*. Србија у Првом светском рату. Београд, 1984. С. 119.

⁴ В целом о сербско-русских отношениях во время Первой мировой войны см.: *Поповић, Никола*. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977.

⁵ *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату.. С. 117–118.

⁶ *И.* На Дунае в 1914 году (По рассказам участника войны) // Морской сборник (издаваемый под наблюдением Морского Генерального Штаба). Том СССХСШ. № 4, Апрель. Пг., 1916. С. 91–92. (На этот важный исторический источник мне указал коллега Василий Борисович Каширин, за что я выражаю ему благодарность.)

на правом берегу Савы, где русские минеры установили первую «торпеду Уайтхеда»⁷. Вскоре затем, 12 (25) августа, из Одессы в Сербию отправилась остальная часть группы, во главе с ее начальником, старшим лейтенантом русского флота Ю. Ф. Волковицким, которая доставила мины, торпеды и необходимое снаряжение. После их прибытия группа в общей сложности состояла из 44 русских моряков-минеров⁸. Целью этой миссии было нейтрализовать австро-венгерские мониторы, которые угрожали Белграду с Дуная и Савы.

Власти в Петрограде незамедлительно шли навстречу почти всем пожеланиям Сербии. Они послали вооружение, военное снаряжение, обмундирование, обувь, даже 2 000 лошадей для артиллерии (вывоз которых из России был запрещен на время войны), а затем и продовольствие, медицинское оборудование и санитарные миссии. Был послан даже один воздушный шар, который был размещен в авиационном лагере на Банице, близ Белграда, вместе с воздухоплавательными аппаратами других союзников⁹. Для решения сложной задачи транспортирования больших количеств различных военных и медицинских грузов, а также продовольствия, притом в условиях, близких к боевым, русское правительство 16 (29) августа 1914 года сформировало Экспедицию особого назначения, во главе которой был поставлен военный моряк, капитан 1 ранга М. М. Весёлкин, и которая перевозила грузы из русского порта Рени по Дунаю в Сербию¹⁰.

К тому времени выяснилось исключительное стратегическое значение, которое Дунай имел для Российской империи — как одна из важнейших коммуникационных линий, связывавших Россию с Европой. Это проявилось в решении русских военных властей после начала боевых действий перевести на Дунай целую небольшую военную флотилию (малых торпедных катеров, приспособленных к несению патрульной службы на реке) для за-

⁷ И. На Дунае в 1914 году (По рассказам участника войны)... С. 92. («Мина (торпеда) Уайтхеда» — торпеда, которую сконструировал английский инженер Роберт Уайтхед, начавший ее серийное производство на своей семейной фирме в Риеке (Фиуме) в 1868 года; в Русском императорском флоте была принята на вооружение с 1876 года, когда Уайтхед продал России право на использование его изобретения и когда началось ее серийное производство; подробнее см.: Торпедой — пли! История малых торпедных кораблей // Под общ. ред. А. Е. Тараса. Составители Калмыков Д. И., Калмыкова И. А. Минск, 1999. (<http://militera.lib.ru/h/torpedo/index.html>); Ю. Л. Коршунов, Г. В. Успенский, Торпеды Российского флота. СПб., 1993. (http://wunderwaffe.narod.ru/WeaponBook/MO_01/); Geoff Kirby. A History of the Torpedo The Early Days // Journal of the Royal Navy Scientific Service. Vol. 27. No. 1. (<http://www.btinternet.com/~philipr/torps.htm>)

⁸ И. На Дунае в 1914 году (По рассказам участника войны)... С. 95; Поповић Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 117–118.

⁹ Рајс Р. А. Шта сам видео и проживео у великим данима. Београд, 1991. С. 72.

¹⁰ Ајранетов, Олег Рудольфович. Русија између Србије и Бугарске у Првом светском рату // Годиншњак за друштвену историју. Год Х, св. 1–3, 2003. Београд, 2004. С. 53.

щиты исключительно важного для России сербского порта Прахово. Эти корабли были размещены в порте Кладово на Дунае¹¹.

Со временем большое число русских кораблей и моряков было задействовано в перевозках различных военных материалов в Сербию. Точное число транспортов неизвестно, но есть данные о том, что один из русских моряков, лейтенант Анатолий Васильевич Ленин, входивший в состав Экспедиции особого назначения, участвовал в 45 транспортных операциях. За искусство, проявленную смелость и храбрость он был произведен в следующий чин старшего лейтенанта, награжден русским орденом Св. Анны III степени и сербским орденом Св. Саввы IV степени; ранее он был удостоен памятной медали сербско-турецкой войны 1912 года «Отмщенное Косово»¹².

Помимо хронической нехватки военных материалов и снаряжения, Сербия с первых месяцев войны столкнулась еще с одной серьезной проблемой, для решения которой она обратилась за помощью к России и другим союзникам. Сразу после открытия боевых действий австро-венгерские мониторы, действовавшие на пограничных реках Дунай и Сава, получили контроль над западным и северным рубежами Сербии, стали угрозой сербским коммуникациям, начали бомбардировать главный город страны — Белград. Поэтому председатель сербского правительства Никола Пашич уже 5 (18) сентября 1914 года запросил у русских властей послать в Сербию два длинноствольных орудия калибром 220 или 240 мм, с орудийными расчетами и необходимой амуницией, для стрельбы по мониторам на Дунае и Саве. Свой запрос Пашич мотивировал, помимо прочего, утверждением о том, что австро-венгерские мониторы представляли опасность и для русских транспортов. Русские власти быстро выразили готовность удовлетворить сербские просьбы. Министр С. Д. Сазонов телеграфировал в Ставку 10 (23) сентября, что, с политической точки зрения, было весьма желательно пойти навстречу желаниям сербского союзника, и уже 11 (24) сентября сербский посланник в Петрограде М. Спалайкович мог сообщить в Ниш, что Ставка согласилась выделить для Сербии два береговых орудия калибра 150-мм, с боезапасом в 500 снарядов на орудие, с командой из 10 нижних чинов и 1 офицера¹³. Кроме этих двух береговых 150-мм орудий, Россия послала в Сербию и два скорострельных 75-мм орудия. По словам одного из современников, полковника Милутина Лазаревича, они, наряду с французскими и английскими артиллерийскими подразделениями, также рас-

¹¹ Рајс Р. А. Шта сам видео и проживео у великим данима... Београд, 1991.

¹² Лобыцын В., Дядичев В. «Лейтенант Ленин», Дом и Корабль // (http://www.domikorabl.ru/review/Leitenant_lenin_sudba_celoveka.html)

¹³ Поповић Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату... С. 119–120.

положенными вдоль берега, стали «препятствием для свободного движения мониторов по Дунаю»¹⁴.

Первостепенной задачей подразделений русских минеров и артиллеристов была борьба против мониторов и артиллерии неприятеля, расположенной на другом берегу реки, близ Земуна.

Основной целью минеров стало обеспечение безопасности ключевых пунктов всей австро-сербской границы по Саве и Дунаю. Поэтому с 25 августа по 6 октября (с 7 сентября по 19 октября) русские моряки занимались в основном постановками минных заграждений на участке реки Сава от Белграда до Шабаца — в районе Остружницы, Шабаца, Раденковича, Мачванской Митровицы и Владимираца¹⁵. Самая крупная и зрелищная акция того периода была осуществлена близ села Раденкович, на берегу Савы, напротив устья речки Босут, впадающей в Саву с австрийской стороны. В том месте русские минеры в середине сентября сумели торпедой Уайтхеда подорвать искусственный бассейн в устье Босути, который служил местом укрытия двух австрийских мониторов. После подрыва берега возле стенки шлюза мониторы из-за низкого уровня воды оказались на мели и вышли из строя на целый месяц¹⁶. В начале октября 1914 года одна группа русских моряков была направлена в Белград, чтобы торпедами воспрепятствовать движению австрийских мониторов, которые со стороны Земуна все чаще тревожили Белград. Первая торпеда была пущена у Ратного острова близ устья Савы, в один из дней между 7 (20) и 11 (24) октября, однако она не взорвалась ни у монитора, ни на берегу. Новые торпеды были поставлены 23 октября (5 ноября) у Ратного острова и на белградском берегу у Купалишта, однако они не были использованы, так как австрийские мониторы больше не тревожили Белград¹⁷. После того русские минеры подводными минами перегородили Саву в нескольких местах. К этому времени уже пришло известие о самом большом успехе русских минеров. Австрийский монитор «Темеш», флагман Дунайской флотилии, в ночь на 10 (23) октября налетел на мину, поставленную близ острова Оршадска ада на Саве, подорвался и затонул¹⁸.

Новые задачи русские моряки получили во время второго вторжения в Сербию австрийцев под командованием фельдцейхмейстера О. Потioreка, поздней осенью 1914 года. Прежде всего, с 27 октября (9 ноября) русские моряки занимались снятием уже установленных торпед, а затем 16 (29) но-

¹⁴ Лазаревич Мил. Д. Борбе око Београда 1915. године. Један прилог историји наших ратова. Београд, 1922. С. 18.

¹⁵ И. На Дунае в 1914 году (По рассказам участника войны)... С. 92–96.

¹⁶ Там же. С. 93–95.

¹⁷ Там же. С. 96–97.

¹⁸ Там же. С. 97–98.

ября получили приказ взрывать мосты и железнодорожные пути позади отступающей в глубь страны сербской армии. В первую очередь были взорваны железнодорожный мост в Белграде и мосты у Топчидера, затем рельсы во многих местах и, наконец, железнодорожный тоннель у Ресника. Также русские минеры получили специальную задачу установить мины близ Железных ворот на Дунае, так как имелись сведения, что австрийские силы планируют атаку на Дунае, у румынской границы, чтобы разорвать дунайскую линию коммуникаций между Россией, Сербией и остальными союзниками¹⁹. Однако, когда после Колубарской битвы австрийское наступление было остановлено, сербская армия перешла в неудержимое контрнаступление, в ходе которого полностью очистила территорию Сербии от австро-венгерских войск. В то время, 8 (21) декабря, австрийский монитор «Самош» налетел на мину, поставленную у разрушенного железнодорожного моста в Белграде, взорвался и затонул²⁰. Еще во время австрийского отступления русские минеры в середине декабря вернулись из Ниша в окрестности Белграда и Шабаца, где возобновили минные постановки на Саве и Дунае²¹. Работа русских моряков в Сербии, как и деятельность специалистов из других иностранных миссий (французской и британской), была исключительно драгоценна для обороны Сербии в 1914–1915 гг. Поскольку, как отмечали сами русские минеры, «при всей любезности сербских властей и при всем воинственном пыле простых солдат, сербы, видимо, были мало подготовлены к операциям на воде и мало понимали в них»²².

И все-таки, даже действуя с минимальными средствами, русские минеры сделали дело исключительной важности, что и побудило адмирала Трубриджа, командующего британской морской миссией в Сербии, в особом докладе, который после завершения деятельности иностранных миссий в Сербии, в начале 1916 года, был направлен императорскому правительству в Петрограде, особо «подтвердить свое восхищение настойчивостью и мужеством, проявленными русской экспедицией во время боев при Белграде с 5-го по 8-ое Октября», под командованием старшего лейтенанта Василия Григоренко²³.

В упомянутый период русским артиллеристам было доверено ключевое место в обороне Белграда. Одна батарея была расположена в город-

¹⁹ И. На Дунае в 1914 году (По рассказам участника войны)... С. 99–102.

²⁰ Однако по австрийским источникам эта информация не подтверждается (*Каширин В. Б.* Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко // *Родина*. 2010. № 11. С. 138).

²¹ И. На Дунае в 1914 году (По рассказам участника войны)... С. 103–104.

²² Там же. С. 105.

²³ Морской Министр, Ген-адъют. Григорович. Приказ по Флоту и Морскому ведомству в Петрограде, января 24 дня 1916 г., № 34 // *Морской сборник* (издаваемый под наблюдением Морского Генерального Штаба). Том CCCXIII. 1916. № 4, Апрель. Пг., 1916. С. 106.

ской крепости Калемегдан, у церкви Ружице, а одна в нижнем городе. Обе батареи, особенно расположенная на калемегданской возвышенности, контролировали место впадения Савы в Дунай. Орудия были установлены на стальных лафетах, без укрытия, на бетонном основании (подобно французским и английским батареям, участвовавшим в обороне города)²⁴.

Русские артиллерийские расчеты, которыми руководили унтер-офицеры и которым в качестве переводчика был придан серб, русский кадет Джордже Пантелич, очень быстро нейтрализовали неприятельскую артиллерию и принудили мониторы отойти на базу за Земун. Если какой-нибудь монитор пытался в ночное время беспокоить Белград, сербские дозоры «открывали» его прожектором, а русские батареи прогоняли его гранатами²⁵.

Русские артиллеристы необычным образом «обогатили» военную повседневность сербской столицы. Под вечер, в часы затишья, часто бывало, что русские артиллеристы, глядя с калемегданских высот на место впадения Савы в Дунай, искусно запевали:

*«Волга, Волга, мать родная,
Волга русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака...»²⁶.*

Сильные и складные русские голоса разносились по берегам реки. В памяти современника остался эпизод, когда в одно из воскресений русские артиллеристы, возвращаясь с церковной службы, во главе с русским кадетом, сербом Джордже Пантеличем, промаршировали по городу, распевая под звуки гармоники подходящую военную песню:

*«Сербия, Сербия, жаль мне тебя,
Проклятая Германия идёт на тебя.
Австрия, Германия, как вас звать,
С кем ты воюешь... твою мать?!»*

²⁴ *Гајић Ј.* Одбрана Београда 1914 г. // Агонија Београда у Светском рату. Београд, 1931. С. 22; *Војиновић-Пеликан Б.* Агонија Београда 1915 г. // Агонија Београда у Светском рату. Београд, 1931. С. 199; *Максимовић В.* Битка код Београда 6–10 октобра 1915: Историографска студија из раније прошлости из Београда // Агонија Београда у Светском рату, Београд 1931, с. 327; *Несторовић Ђ.* Херојски пад Београда // Агонија Београда у Светском рату. Београд, 1931. С. 466; *Лазаревић М. Д.* Борбе око Београда 1915... С. 18.

²⁵ *Ђорђевић, Светозар А.* Кроз ратне вихоре. Први светски рат и српска авијатика. Београд, 1967. С. 54.

²⁶ *Ђорђевић С. А.* Кроз ратне вихоре... С. 54–55.

Этот своеобразный военный парад в разрушенном Белграде, маршевый шаг, звуки гармоник и песня русских воинов привлекли большое внимание — женщины и девочки бросали солдатам цветы, а босоногая детвора бежала за «парадом». Но всё «представление» оборвал обстрел неприятелем города, из-за которого русские артиллеристы поспешили на свои боевые позиции. Ближе к вечеру, после того, как австро-венгерская артиллерия была подавлена, русские воины отметили это трофейным ромом, вместо водки²⁷.

Русские артиллеристы оставались в Белграде до осени 1915 года. Наряду с частями сербской армии, французскими и английскими артиллеристами, русскими и английскими минерами они участвовали в обороне Белграда во время совместного австро-германского наступления под руководством генерал-фельдмаршала А. фон Макензена, которое было начато 24 сентября (7 октября) 1915 года и привело к взятию Белграда и оккупации Сербии.

В обороне Белграда 1915 года было задействовано в общей сложности 77 артиллерийских орудий, в том числе 4 русских (два береговых 150-мм и два полевых скорострельных калибра 75-мм), 8 английских и 3 французских береговых орудия, 20 батальонов всех трех призывов, 2 эскадрона, 400 добровольцев и 45 русских моряков и минеров, снабженных торпедами²⁸.

Совместное наступление германских и австро-венгерских войск началось с подготовительного артиллерийского обстрела берегов Дуная и Савы, для обеспечения траления мин, поставленных русскими и английскими минерами. А во время общего наступления войск Макензена, начавшегося в четверг 24 сентября (7 октября) 1915 года, одной из главных тактических потерь сербов стало то, что, как отмечает очевидец полковник генштаба Милутин Лазаревич, «оба русских береговых 150-мм орудия и оба скорострельных 75-мм орудия на стальных лафетах и одно французское [...] были приведены в негодность».²⁹

Вскоре, несмотря на упорное сопротивление защитников, последовало падение обороняющегося Белграда. Символично, что точным признаком этого падения стало отступление русской миссии 28 сентября (11 октября) 1915 года, как и других союзнических миссий — французской и английской, которые размещались в окрестностях Белграда, на Торлаке, при штаба обороны города, во главе с генералом Михайло Живковичем — «Железным». Миссии союзников, как отметил один современник, «выступили,

²⁷ Борђевић С. А. Кроз ратне вихоре... С. 55.

²⁸ Гајић Ј. Одбрана Београда 1914 г. // Агонија Београда у Светском рату, Београд 1931. С. 22; Максимовић В. Битка код Београда 6–10 октобра 1915: Историографска студија из раније прошлости из Београда // Агонија Београда у Светском рату, Београд, 1931. С. 326.

²⁹ Лазаревић М. Д. Борбе око Београда 1915... С. 18.

простившись со всеми из штаба, а за ними сразу же потянулась и колонна беженцев»³⁰.

Так закончился этот эпизод совместных действий союзников. А в списках сербских жертв, понесенных в ходе обороны Белграда, сохранилось и имя одного русского минера — унтер-офицера Ивана Соловьева, павшего, защищая Белград³¹.

«Великая война» продолжалась. Сербия была оккупирована, а Россия прошла через драматичный кризис революции 1917 года, чтобы — как было сказано в начале текста — после войны с политической карты Европы исчезли и Сербия, растворившая свою государственность в Югославии, и Российская империя, переплавившая свою государственность в революции и Гражданской войне в Советскую Россию. Как следствие этого, их совместные военные усилия первых месяцев Первой мировой войны на долгие годы оказались вытеснены на периферию историографического интереса и внимания.

Перевод с сербского Василия Каширина

³⁰ Војиновић-Пеликан Б. Агонија Београда 1915 г. // Агонија Београда у Светском рату, Београд 1931. С. 245.

³¹ Агонија Београда у Светском рату. Београд, 1931. С. 542.

Пол Симмонс

БОРЬБА С ДЕЗЕРТИРСТВОМ И ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕЙ В ПЛЕН В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Дезертирство и добровольная сдача солдат в плен стали бичом для русского Верховного командования с самого начала войны. Из донесений с Юго-Западного фронта следовало, что в период с 29 сентября по 15 декабря 1914 г. на одних только станциях Юго-Западной железной дороги было задержано 3394 солдата¹. На таких железнодорожных станциях, как Казатин, в ноябре 1914 г. задерживали до 40 человек в день². В первую военную зиму проблемы создавала и добровольная сдача в плен. Хотя точную численность солдат, добровольно сдавшихся врагу, выяснить затруднительно, многие командиры полевой армии в конце 1914 г. сетовали на то, что солдаты добровольно сдаются в плен «целыми партиями»³.

В августе 1914 г., согласно статье 128 Устава о наказаниях, дезертирство определялось как «самовольное отсутствие военнослужащего от команды или от места своего служения, продолжающееся в мирное время более шести дней, а в военное более трех» (если он прослужил менее шести месяцев, то дезертиром его считали лишь после семи дней отсутствия). Отсутствие на меньший срок рассматривалось как самовольная отлучка⁴. Максимальным

¹ РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 377. Л. 1.

² РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 373. Л. 179–190 об.

³ РГВИА. Ф. 16 142. Оп. 2. Д. 14. Л. 30, 46, 76.

⁴ Статьи 128–129: Воинский устав о наказаниях. Кн. 22. СВП, 1869. 4-е изд. СПб., 1912.

наказанием за это преступление служили, в зависимости от наличия предыдущих случаев дезертирства, перевод в дисциплинарный батальон или арестантское отделение⁵. Целью этого наказания считалось исправление солдата, а согласно статье 1429 Военно-судебного устава, если преступление было совершено в районе военных действий, то приговор приводился в исполнение лишь после окончания войны. До тех пор же провинившиеся возвращались в свой полк и зачислялись в категорию «штрафованных», что означало лишение некоторых привилегий и дополнительные обязанности. Кроме того, дезертирам давался шанс искупить свою вину, совершив смелый и отважный поступок. С учетом колоссальных потерь, понесенных русской армией, мы не удивимся, узнав, что многие предпочитали мелкое наказание, полагавшееся за дезертирство, или даже заключение в тюремном лагере гибели на фронте. И хотя добровольная сдача врагу наказывалась смертью, приговор, разумеется, нельзя было привести в исполнение, пока преступник находился во вражеском лагере для военнопленных. В результате солдаты, виновные в этих преступлениях, по большей части избегали наказания.

На этот факт настойчиво указывали Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н. И. Иванов и его начальник штаба генерал М. В. Алексеев, добивавшиеся от Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича изменения закона и ужесточения наказаний за дезертирство и самовольную отлучку. Они предлагали увеличить наказание при повторном совершении такого преступления до 20 лет каторжных работ, а в третий раз приговаривать к расстрелу. Что еще более важно, они предлагали в качестве дисциплинарной меры учредить телесные наказания, которые военные начальники, не прибегая к судебным процедурам, могли бы назначать по своему усмотрению в отношении приговоренных к исправительным наказаниям, не исполненным в силу обстоятельств военного времени. Иванов полагал, что только так удастся быстро и эффективно справиться с дезертирами и отбить у других охоту следовать их примеру. После длительных размышлений Верховное Главнокомандование решило, что, хотя закон, очевидно, надо менять, восстанавливать телесные наказания все же необязательно⁶. Тем не менее другие изменения, предложенные генералом Ивановым, были учтены в законе, подписанном императором 26 декабря 1914 г. и вошедшим в силу с 1 января 1915 г.⁷

В начале 1915 г. ситуация не только не улучшилась, а, наоборот, существенно ухудшилась. В течение первых трех месяцев того года по всей России силами жандармов и полиции были задержаны 21 064 солдата, а на желез-

⁵ Статьи 131, 136: Там же.

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 58–59 об, 98.

⁷ Приказ по военному ведомству № 1, 01.01.1915, статьи 1308–1309.

ных дорогах Юго-Западного фронта — примерно 20 981 солдат⁸. Вследствие такого огромного количества провинившихся обычные военные суды, буквально затопленные волной дезертиров и других преступников, перестали справляться с работой. В результате судебный процесс застопорился, суды оказались неспособны сдерживать растущий беспорядок, и власти начали прибегать к произвольным наказаниям.

Одним из первых шагов, предпринятых Верховным главнокомандованием для борьбы с дезертирством, сдачей в плен и насаждением дисциплины в целом, было учреждение военно-полевых судов. Эти суды предназначались для рассмотрения дел по преступлениям немедленно после их совершения и были призваны стать эффективным, менее забюрократизированным способом безжалостной борьбы с серьезными проступками, в то же время путем вынесения суровых наказаний (вплоть до смертного приговора) препятствуя совершению подобных проступков другими. Однако на практике право проводить военно-полевые суды получили только командующие фронтами, армиями и военными округами, а в исключительных обстоятельствах — командиры осажденных крепостей и частей, отрезанных от своих войск⁹. Вскоре верховное армейское командование поняло, что эта система работает крайне неэффективно и едва ли способна справиться с нарастающей лавиной дел. Поскольку фронты достигли огромной протяженности, посылать из конкретного полка в штаб фронта донесение с просьбой разрешить проведение военно-полевого суда было крайне затруднительно и отнимало массу времени. Когда в полк, наконец, приходило разрешение, бесценное время было уже упущено, а поскольку части постоянно меняли свои позиции, не удавалось собрать нужные сведения и допросить свидетелей. В результате возможность наказывать преступников немедленно, без длительного следствия и в пример другим, сводилась к нулю. Это заставило некоторых генералов добиваться внесения в закон изменений, которые бы позволили полковым командирам проводить военно-полевые суды¹⁰. После ряда дискуссий Николай II 14 ноября 1914 г. одобрил эти изменения, позволив командующим фронтами и армиями передавать право на проведение военно-полевых судов на театре военных действий полковым командирам¹¹.

Однако вскоре командиры полков стали слишком часто прибегать к военно-полевым судам. По словам заведующего военно-судной частью при главном начальнике снабжений Юго-Западного фронта, как только на полковом уровне создавались военно-полевые суды, они начинали использоваться для решения

⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 322–323, 662–663; РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 337. Л. 1.

⁹ Приказ по военному ведомству № 464, 30.07.1914.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 15–15 об.

¹¹ Приказ по военному ведомству № 724, 11.11.1914.

«сложных по уликам и юридическим конструкциям» дел, а также таких дел, где между моментом совершения преступления и обнаружением виновных «протекал значительный промежуток времени, доходивший иногда до нескольких месяцев»¹². Поскольку военно-полевые суды занимались еще и разбором преступлений, за которые полагалось незначительное наказание, они стали утрачивать свой исключительный характер, а приговоры этих судов, нередко оправдательные, потеряли свое «устрашающее значение»¹³.

В результате военно-полевым судам не удалось обуздать дезертирство, особенно в тылу, что и привело генерала Алексеева к выводу, что единственным выходом является введение телесных наказаний. Они были отменены в армии в 1904 г. Это не означало, что телесные наказания были полностью запрещены, так как они по-прежнему могли применяться в военных тюрьмах в отношении тех, кто не был освобожден от них по правам состояния, по образованию или по особым постановлениям. Вошедшие в силу после начала мировой войны «Правила военного положения» в статье 12 разрешали осуществление телесных наказаний, но лишь в единичных случаях и в чрезвычайных обстоятельствах. Алексеев предлагал наказывать задержанных на месте, не дожидаясь военно-полевого суда, и широко оповещать об этом, чтобы удержать других от совершения аналогичных проступков¹⁴. На этот раз его план тоже был отвергнут, но чуть позже, в первом квартале 1915 г., военные власти уступили и разрешили привести предложение Иванова и Алексеева в исполнение. Вероятно, это было сделано по секретному приказу Ставки.

Рядовой Пирейко, один из немногих солдат, оставивших воспоминания об испытанном, писал, что правительство в качестве средства устрашения велело пороть уличенных в первом дезертирстве. В результате офицеры стали назначать порку даже за мелкие проступки — например, когда солдаты самовольно уходили из лагеря, чтобы купить хлеба¹⁵. Другой солдат писал, что телесные наказания быстро вошли у офицеров в привычку: «Редкие случаи были с начала этого нововведения. Наказывали телесно солдат исключительно за чрезмерные проступки, но с течением времени процент телесно наказуемых с ужасающей быстротой распространился по армии. В настоящее же время это явление стало обыденным: секут за то, за что вздумается, за самые ничтожные пустяки, часто совершенно безвинных, а то и просто по прихоти начальства»¹⁶.

¹² РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350. Л. 690–690а. об.

¹³ Там же.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 105–106 об.

¹⁵ Чаадаева О. Н. Солдатские письма в годы мировой войны // Красный архив. № 4–5. 1934. С. 126.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 353.

Кроме того, порки играли на руку революционерам. Вот текст одной из прокламаций, призывавшей солдат не участвовать в империалистической войне:

«Товарищи солдаты!

По приказу главнокомандующего, к вам, крестьянскому и рабочему люду, отныне применяется самый гнусный, бесчеловечный вид наказания — розги. Бичом согнали вас сюда, оторвали от родимых полей, жен и детей, чтобы через две — три недели повести на убой новый запас человеческого мяса под германские пули. Розгой хотят поддержать в вас дух повиновения и патриотизма. Что русскому правительству до горя, до обид, до достоинства русского народа?! Розгами пороли исправники по повелению свыше русских крестьян, добывавшихся земли и воли. Розгами расправляются сейчас с русским солдатом, безропотно отдающим свою жизнь за чужое дело, в которое вовлекло его русское самодержавие и правительство чиновников и помещиков»¹⁷.

Нарушители получали от 5 до 50 ударов, в зависимости от тяжести проступка и от того, какой офицер назначал наказание, но в среднем обычно назначалось 25 ударов. После наказания солдата отправляли обратно в свои полки. Можно представить себе, что они при этом чувствовали, и неудивительно, что многие после этого начинали прислушиваться к социалистической пропаганде и сдавались в плен при первой возможности. Следующий отрывок из письма, отправленного осенью 1915 г. в Казань и перехваченного цензорами, в полной мере отражает чувства, которые телесные наказания вызывали у солдат: «Близок тот час, очень даже близок, что разыграется буря. Тихий ропот и пока скрытый говор всех солдат миллионной армии постепенно усиливается. Недовольство растет быстро, и могут произойти серьезные последствия. Тысячам солдат, сидящим в окопах и ежечасно умирающим там, больно смотреть, как их товарищей секут за то, что он съел яблоко, сорванное им в помещичьем саду, где комфортабельно устроился прапорщик Н. в то время, как этот солдат, сорвавший яблоко, гнезвился в ненастную ночь в сыром окопе и назавтра же был убит, защищая Родину. Все глядя на телесно наказанного возмущены и оскорблены до крайности, не говоря уже о наказанном»¹⁸.

В целом, телесные наказания только отрицательно сказывались на настроениях солдат, и многие призывники приходили в ужас, узнав, что в армии могут высечь взрослого человека. Телесные наказания не смогли пресечь дезертирство и сдачу в плен, которые продолжались в прежних масштабах. Порка лишь подливала масла в огонь: после нее

¹⁷ Сидоров А. Л. Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны, 1914 — февраль 1917: Сборник документов. М., 1966. С. 71.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 353.

в бега пускалось еще больше солдат¹⁹. Как объяснялось в одном письме, перехваченном цензурой, «а почему наши так начали сдаваться, потому что нас бьют дураков кругом: на позиции немцы, а в тылу, за все маловажные проступки наказывают телесным наказанием — бьют розгами. Тот, как розгами отлупят, то он смотришь, говорят ушел в плен; там расскажет, а немцу то того и надо»²⁰.

Несмотря на то, что в январе 1915 г. наказание за дезертирство ужесточилось и вместо прежнего тюремного срока, который надлежало отбыть после окончания войны, за второй побег стали давать до 20 лет каторжных работ, а за третий выносили смертный приговор, воздействие нового закона было минимальным, особенно в случае добровольной сдачи в плен. Поэтому правительство решило сбить волну дезертирства и сдачи в плен, наказывая семьи виновных солдат. В апреле 1915 г. Совет министров принял закон, в котором объявлялось, что семьи нижних чинов, добровольно сдавшихся врагу без употребления оружия или дезертировавших, будут лишены права на получение очередного казенного продовольственного пайка. Сущность мероприятия заключалась в следующем. По получении уведомления от начальников частей о случаях сдачи в плен или побега, губернаторы должны были оповестить население о подобных деяниях и дать распоряжения надлежащим учреждениям об исключении членов семейств таких нижних чинов из раздаточных ведомостей. Указанное оповещение в городах делалось учреждениями, выдающими паек, а в селениях при посредстве земских начальников и заменяющих их лиц, через волостных старшин, сельских старост, десятских и других должностных лиц крестьянского управления. Помимо того, местным властям следовало предавать проступок огласке, чтобы навлечь позор и на самого солдата, и на его семью²¹.

Когда данный законопроект проходил обсуждение в Думе в комиссии военных и морских дел, по этому поводу стали высказываться опасения. Некоторые депутаты Думы приводили примеры того, как солдат ложно обвиняли в дезертирстве или в добровольной сдаче, и в результате их семьи несправедливо лишались права на продовольственный паек. Впрочем, российские парламентарии признавали, что отмена этого закона создаст впечатление, будто бы солдаты могут совершенно безнаказанно дезертировать или сдаваться в плен. Поэтому депутаты предложили, чтобы влас-

¹⁹ *Пирейко А.* В тылу и на фронте Империалистической войны. Воспоминания рядового. М., 1926. С. 27.

²⁰ Царская армия в период мировой войны и февральской революции: Сборник. Казань, 1932. С. 26.

²¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 17.

ти разработали особый законопроект, в котором было бы предусмотрено, кто и как в войсковых частях устанавливает факт и обстоятельство добровольной сдачи в плен, в каких случаях отлучка из войсковой части будет считаться дезертирством и какой ответственности подвергаются лица, давшие неверные сведения о нижнем чине, имевшие последствием признание его изменником или дезертиром. Кроме того, они требовали, чтобы эти меры ни в коем случае не применялись в отношении тех, кто просто опоздал из увольнения или пропал без вести на поле боя²². В конце концов, соответствующий указ был издан в сентябре 1915 г. В нем учитывались поправки и объявлялось, что уведомление местных властей о лишении родственников преступника продовольственных пайков должно исходить как минимум от командира данной части, и лишь в том случае, если имеются свидетельства очевидцев о добровольной сдаче или дезертирстве²³.

Для воздействия на тех, у кого не было близких родственников, или тех, кому они были безразличны, власти развернули пропагандистскую кампанию, описывавшую ужасы жизни в лагерях для военнопленных. Идея такой кампании фактически была подана председателем Думы Родзянко, который считал, что было бы полезно рассказать солдатам, «как дурно обращаются с нашими [военнопленными. — П. С.] в германском плену». Родзянко понимал, что многие не доверяют официальной пропаганде, и считал, что солдаты поверят лишь той информации, которая будет исходить от бывших военнопленных. К этому делу он предлагал привлечь солдат-инвалидов, во множестве скопившихся в Петрограде, к чьим свидетельствам могли бы прислушаться другие нижние чины²⁴. Верховное командование в целом одобрило эту идею, но предложило тщательно отбирать кандидатов с тем, чтобы отсеять зараженных вражеской пропагандой или критически относящихся к существующему режиму²⁵.

Впоследствии военными властями было издано много брошюр и рассказов очевидцев, неизменно снабжавшихся иллюстрациями. В одной из таких листовок — «Как живет наш пленный в Германии и Австро-Венгрии» — очень подробно описывались все те ужасы, которые якобы наблюдались в лагерях для военнопленных²⁶. Это делалось в пику германской пропаганде, живописавшей, как комфортно живет в немецких тюрьмах, и обещавшей солдатам, что сдавшимся в плен не будет причинено никакого вреда, а после окончания войны их отпустят восвояси. Чтобы русская пропаганда

²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 30.

²³ Там же. Л. 39.

²⁴ Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 52–53.

²⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. Л. 455.

²⁶ *Навоев П.* Как живет наш пленный в Германии и Австро-Венгрии. Пг., 1916.

была более убедительной, в брошюрах также приводились рассказы пленников, которым удалось бежать²⁷.

Согласно этим брошюрам, дорога в лагеря военнопленных занимала несколько дней и описывалась как «марш смерти», совершаемый полуголыми и босыми людьми. В дороге ни один офицер или солдат, ни раненый, ни здоровый, не получает никакой еды или питья, и пленные кормятся лишь подачками от крестьян или овощами, украденными с полей и огородов²⁸. Пленные умирают от жары и от голода. Жизнь в лагерях ужасна и унижительна. За любой мелкий проступок назначают суровое наказание. Пленных часто бьют, причем стража пускает в ход штыки. Обычная практика — заключение в карцер на срок от одного до 14 дней²⁹. Кроме того, из-за плохого питания многие пленные становятся легкой добычей тифа и других болезней. Говорилось, что пленников буквально пожирают вши и блохи. Из-за нехватки пищи люди страдают от истощения, а многие умирают от голода. Содержат их в зданиях, которые не отвечают даже минимальным требованиям гигиены. Рядовой Денисов так описывал жизнь пленников в лагере: «Нас разместили в дощатых бараках; пола не было; спали на земле; ни коек, ни матрацев не давали. Бросили нам немного соломенной трухи, которой хватило только под головы. Некоторые из нас были босые и в одних рубашках, а морозы были градусов 10–12»³⁰.

Последние исследования показывают, что русским военнопленным действительно несладко приходилось в большинстве германских лагерей. По немецкой статистике, в лагерях умерло 72 586 русских пленников (5,06%), из которых 294 были офицерами, а 72 292 — солдатами. Уровень смертности среди русских пленников почти вдвое превышал уровень смертности французов и англичан (3% и 2% соответственно), хотя был не таким высоким, как у итальянцев (5,46%), сербов (6,07%) и румын (28,64%)³¹. Известно, что жизнь русских, сербских и итальянских военнопленных была намного более суровой, чем у пленников из западных стран. Французы, англичане и бельгийцы получали обильную материальную и политическую помощь от своих правительств и благотворительных организаций, в то время как русские пленники оказались лишенными поддержки со стороны государственного аппарата своей страны, а усилия общественных организаций «не смогли в корне изменить ситуацию»³².

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 85.

²⁸ *Навоев*. Как живет наш пленник в Германии и Австро-Венгрии. С. 11.

²⁹ Там же. С. 33–35.

³⁰ Там же. С. 18.

³¹ *Нагорная О. С.* Другой военный опыт: российские военнопленные первой мировой войны в Германии 1914–1922. М., 2010. С. 115–116.

³² Там же. С. 97.

Кроме того, стремясь пресечь добровольную сдачу в плен, российское правительство и Верховное командование во время Первой мировой войны предпринимали огромные усилия для того, чтобы объяснить солдатам «всю позорность таких сдач и вред наносимый им Родине»³³. Командующие армиями издавали многочисленные директивы, взывавшие к чувству долга и патриотизму солдат. Вот пример одной из таких ранних директив: «За полтора года до этой войны мы также дрались с немцами, но тогда о сдаче не было речи, напротив немецкий король говорил тогда “русского солдата мало убить, надо еще повалить”. Такова была русская стойкость. К великому стыду теперь замечается, что в эту войну русские сдаются в плен. Неужто мы — сыновья и внуки героев — дошли до того, что забыв присягу, забыв позор который пленные приносят своему полку, армии, родной матери — святой Руси, — измалодушествовались до страха перед врагом. Не может такого быть! и этого нет: главная масса армии — честные солдаты и они свято несут свой долг перед родиной. Попадают же только отдельные трусы, забывающие, что они несут честное русское имя и позорящие его. Ни будет же им ни пощады ни милости!»³⁴.

Для борьбы с дезертирством и сдачей в плен привлекалась и церковь. Полковые священники в своих проповедях убеждали солдат, что тот, кто сражается без усердия и добровольно сдается в плен, совершает тяжкое преступление перед Богом, так как нарушает присягу и не выполняет свой долг перед царем и отечеством. Мало того, такие люди позорят свой полк и предают товарищей, проливающих кровь на поле боя³⁵. Однако у нас почти нет свидетельств о том, чтобы подобные слова оказывали влияние на солдат. Понимая, что взывать к любви к своей стране недостаточно, власти решили прибегнуть к более знакомой мере и стали грозить бойцам суровыми наказаниями. Следующий приказ, изданный в июне 1915 г., представляет собой попытку обуздать дезертирство и добровольную сдачу в плен угрозой расстреливать преступников на месте: «А тех позорных сынов России, наших недостойных братьев, кто, постыдно, малодушествуя положит перед подлым врагом оружие и сделает попытку сдаться в плен или бежать, я, с болью в сердце за этих неразумных, безбожных изменников, приказываю немедленно расстреливать, не давая осуществиться их гнусному замыслу: пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою, а когда раненый пулей своих, не успеешь добежать до неприятеля или когда после войны, по обмену пленных, вновь попадешь к нам, то будешь расстрелян»³⁶.

³³ РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 101. Л. 3.

³⁴ Приказ по 2-й армии С.-Западного фронта, 19.12.1914. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 218.

³⁵ *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе вере, царю и отечеству // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 764.

³⁶ Приказ по 2-й армии С.-Западного фронта, 4.06.1915. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 219.

Особенно старались довести до сведения всех солдат, какие наказания грозят им за добровольную сдачу в плен или за дезертирство. В брошюре «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью» доступно излагались существующие на этот счет законы, с описанием соответствующих статей Уголовного кодекса, по которому преступника ждала высшая мера наказания — смертный приговор³⁷.

Практическое пресечение дезертирства и соблюдение воинского порядка в ближайшем тылу изначально возлагались на командующих армиями и командиров корпусов, а в более глубоком тылу — на главных начальников снабжения и главных начальников военных округов³⁸. После одного года войны стало очевидно, что эти учреждения не справляются со своими обязанностями и требуются дополнительные меры. Поэтому по приказу главнокомандующего Северным фронтом № 37 от 25 сентября 1915 были созданы отдельные «контрольные районы» в тылу армии для усиления надзора и устранения беспорядков. Эти районы были образованы в Петроградском (в Лифляндской, Эстляндской, Петроградской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерниях) и Двинском (в Витебской и Псковской губерниях) военных округах. Во главе контрольного района стояли генералы, непосредственно подчиненные начальнику штаба фронта. Наделенные широкими полномочиями, они отвечали за «немедленную ликвидацию беспорядков», сдавая виновных воинских чинов местным военным властям для предания суду или немедленного отправления в армию. В особо важных случаях (грабеж, мародерство), при полной очевидности преступления, генералам разрешалась учреждать военно-полевые суды³⁹.

Однако более продуманный план по решению проблемы дезертирства в тылу был разработан в конце 1915 года штабами Северного и Западного фронтов⁴⁰. Вскоре общепринятая версия этого плана была одобрена Ставкой, разославшей соответствующие инструкции по всем армиям. Согласно приказу начальника Штаба Верховного Главнокомандующего № 290 от 27 ноября 1915 г., в каждой армии в районах корпусных и армейских тылов создавались военно-полицейских отряды⁴¹. Поскольку полицейских стражников, приданных к армиям из числа чинов общей полиции, на фронте было недостаточно (на Западном фронте их имелось не более чем по 200 человек на каждую армию), было решено создать полицейские части, назначая в них

³⁷ Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Пг., 1916. С. 16.

³⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 1–2.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Приказ командующего Северным фронтом № 226, 20.12.1915, Приказ командующего Западным фронтом № 2140, 20.10.1915. РГВИА. Ф. 2106. Оп. 3. Д. 188. Л. 69–73.

⁴¹ Приказ Начальника штаба Верховного главнокомандующего № 290, 27.11.1915. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 413–414.

по два солдата и по два унтер-офицера из каждой роты пехотного полка и не менее одного отделения казаков от второочередных казачьих полков⁴². Впоследствии к службе в военно-полицейских отрядах привлекались полевые жандармские эскадроны, а также железнодорожная и уездная полиция из эвакуированных губерний. (Иногда создавались наряды из ополченских сотен и частей регулярной кавалерии.) Эти отряды действовали в тылу каждой армии, размещаясь главным образом на перекрестках и дорогах, ведущих к крупным населенным пунктам, железнодорожным станциям, различным санитарным учреждениям и в первую очередь к пунктам питания. Была организована сеть полицейских дорожных постов вблизи населенных районов и регулярные патрули, а по железнодорожным линиям на небольших станциях располагались офицерские подвижные военно-полицейские заставы для проверки документов у следующих в поездах нижних чинов. В городах нижним чином запрещалось выходить на улицу после 9 часов вечера и ездить в вагонах трамвая (за исключением раненых или имеющих на то особое разрешение). Приказ также предусматривал установление резких отличий в форме одежды нижних чинов строевых частей и тыловых учреждений, вводя для последних цветные погоны с соответствующей шифровкой. Мародеры и дезертиры предавались военно-полевому суду, а вынесенные им приговоры оглашались в ближайших частях. Резервные части, направляющиеся на фронт, сопровождал вооруженный конвой⁴³.

Помимо этого, Верховное командование вело агитацию среди местных жителей. Всем домовладельцам, содержателям гостиниц, заезжих домов, меблированных комнат, а также хозяевам частных квартир необходимо было немедленно сообщать о каждом прибывшем к ним для проживания офицере и военном чиновнике в местное полицейское управление и в комендантское управление. Нижних же чинов вообще запрещалось принимать. Виновные в нарушении этого постановления подвергались штрафу до 3000 рублей или заключению в тюрьму или крепость на три месяца. Наблюдение за исполнением этого постановления возлагалось в городах на комендантов, а в прочих населенных пунктах — на старшего из начальников местной полиции. На этих же лиц возлагалось размещение нижних чинов, прибывающих в населенный пункт и предъявивших документы на право пребывания в данном пункте⁴⁴.

Еще одна мера по борьбе с побегами к неприятелю и с дезертирством, которой так и не суждено было осуществиться, но которая заслуживает упо-

⁴² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 48.

⁴³ Приказ Начальника штаба Верховного главнокомандующего № 290, 27.11.1915. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 413–414.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 320.

минания, была предложена командующим 10-й армией генералом Е. А. Радкевичем. Он призывал отказаться на срок войны от принципа правосудия, не допускающего заочных приговоров, и предоставить военно-полевым и корпусным судам право выносить заочные приговоры по делам о добровольной сдаче в плен и дезертирству⁴⁵.

По мнению Радкевича, законодательно существовавший запрет заочных осуждений лишал «возможности произвести на сослуживцев преступника должное впечатление, вследствие чего тягчайшие воинские преступления... в глазах массы нижних чинов как бы оставались безнаказанными». Впоследствии, видя такую безнаказанность, у многих появлялось желание «подобным же способом избавиться от тягостей боевой обстановки» в надежде, что потом, при благополучном окончании войны, им будет даровано полное помилование. Соответственно, разрешение выносить заочные приговоры продемонстрировало бы, что «преступления не остаются безнаказанными и что каждого совершившего таковое ждет в будущем то же самое». Радкевич отмечал, что судебные ошибки в подобных случаях маловероятны, так как в делах о серьезных преступлениях обычно нет ничего неясного, и во многих случаях присутствие преступника совсем не требуется. Кроме того, поскольку расследование будет производиться сразу же после совершения преступления, это даст возможность допросить всех свидетелей, что-либо знающих по существу дела⁴⁶.

Идея Радкевича получила горячее одобрение исполняющего обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала В. И. Гурко, выступавшего за вынесение заочных приговоров, но лишь в тех случаях, когда факт преступления подтверждается свидетелями. Гурко полагал, что такая мера окажет влияние на тех, кто подумывает о дезертирстве или сдаче в плен, ведь они убедятся в том, что преступление обязательно повлечет за собой наказание. Гурко отмечал, что с начала отступления в 1915 г. наблюдались случаи сдачи в плен «отдельных нижних чинов» и «небольших партий» и что «бороться с этим злом» очень трудно. Ситуация усугублялась тем, что командующие отдельных частей не имели «средств немедленного справедливого возмездия за преступление» даже в тех случаях, когда факт добровольной сдачи в плен четко устанавливался свидетельскими показаниями и вывод о виновности не подлежал сомнению. Что еще более важно, нижние чины думали, что, сдавшись в плен, они после войны смогут раствориться в массе репатрируемых пленных, затруднив поиск свидетелей и проведение суда⁴⁷. Гурко подчеркивал негативное воздействие такого положения дел на «слабовольных», видевших,

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 258–259 об.

⁴⁶ Там же. Л. 258–259.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 165.

что их товарищи сдаются в плен, не неся за это никакого наказания, и считавших такой вариант удачным способом уклониться от службы⁴⁸.

Радкевича и Гурко поддержал командующий Западным фронтом А. Е. Эверт, утверждавший, что единственный способ предотвратить дезертирство — это донести до сведения всех солдат, что военно-полевой суд не будет отложен и что преступник еще до возвращения из побега и плена лишает себя в своем отечестве всех прав состояния. Кроме того, Эверт предлагал проводить такие суды в случаях второго или третьего побега или самовольной отлучки от караула ввиду неприятеля⁴⁹.

Несмотря на то, что Ставка к тому времени находилась под контролем сторонника жесткой дисциплины Алексеева, там придерживались иного мнения. Главный военный суд (ГВС) указывал, что по российским законам, заочный военно-полевой суд недопустим, так как он не только лишает обвиняемого возможности выступить в свою защиту, но и «противоречит всему духу законов, требующему, чтобы суд проводился в присутствии подсудимого». Помимо этого, в ГВС считали, что подобные процессы бессмысленны, так как приговор все равно может быть приведен в действие лишь после войны, а для этого достаточно и существующих законов⁵⁰.

Хотя наказание за дезертирство постепенно становилось все более строгим, определение этого преступления оставалось прежним. В течение первого года войны термин «дезертирство» носил чисто формальный характер, связанный лишь с продолжительностью отлучки и не принимающий во внимание конкретных обстоятельств дела. Лишь 14 января 1916 г., после просьбы Алексеева пересмотреть законодательство⁵¹, был принят новый закон, снимавший эту неувязку⁵². Согласно приказу по военному ведомству № 29, весь раздел о самовольной отлучке и дезертирстве (статьи 128–140) заменялся новыми статьями 128–137. Теперь основной упор делался на намерении дезертировавшего лица, а не на продолжительности отлучки. Под дезертирством отныне понималось любое отсутствие с целью избежать военной службы, службы в действующей армии или участия в конкретной военной операции. Все прочее рассматривалось как самовольная отлучка. За дезертирство полагались либо каторжные работы сроком от 4 до 20 лет, либо смертная казнь. Кроме того, важно, что смертью по-прежнему каралась как добровольная сдача в плен, так и подстрекательство к ней⁵³.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 256.

⁵⁰ Там же. Л. 260–263 об.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 18–18 об, 20.

⁵² Приказ по военному ведомству № 29, раздел 1, 14.01.1916.

⁵³ Там же.

Тем не менее в новых законах и инструкциях, касающихся дезертирства, по-прежнему оставались некоторые пробелы, которые ставили в тупик представителей властей и использовались дезертирами. Многие солдаты, задержанные на театре военных действий, утверждали, что они действительно «дезертировали» из арьергардных частей, но только потому, что желали сражаться с врагом, и направились на фронт⁵⁴. В большинстве случаев это было лишь уловкой, так как многие из этих же солдат дезертировали снова, пока их везли на фронт.

Однако в некоторых случаях такие заявления были правдой. Солдаты, выжившие от ран или болезней и направленные в новую часть, обычно «дезертировали» с целью вернуться в свою старую часть (особенно если та располагалась поблизости), к своим прежним товарищам, и получить обратно свое жалованье и награды. Согласно закону, такой проступок наказывался военно-полевым судом, но желание солдата вернуться в прежнюю часть было вполне понятно. Солдаты, выписавшиеся из полевых госпиталей, в которых они встретили родственников и земляков, служивших в других частях, также обычно стремились продолжать службу вместе с ними. Для этого они сообщали ложные сведения о своих частях, чтобы попасть в одну часть с товарищами⁵⁵.

Весной 1916 г. число дезертиров продолжало расти. Согласно имеющимся данным, с апреля по июнь 1916 г. в прифронтовой зоне Юго-Западного фронта в среднем задерживалось по 4 300 солдат за месяц. На железных дорогах за тот же период были задержаны 5 284 человека, а жандармские и полицейские отделения по всей империи за это же время задерживали в среднем по 4 680 солдат в месяц⁵⁶.

Постепенно меры по борьбе с дезертирством начали приносить плоды, а следовательно, властям приходилось думать, как поступать с задержанными солдатами. Согласно закону, право военно-полевого суда над солдатами, покинувшими свою часть, принадлежало их командиру, и любая попытка судить их в другом месте обычно наталкивалась на препятствия. Желающие предать дезертира военно-полевому суду должны были представить копию послужного списка обвиняемого, выписку из дисциплинарной книги его части и сведения о его предыдущих приговорах, а все это можно было получить только из его полка после длительной переписки. Выявление всех фактов побега также требовало обширной переписки с воинской частью дезертира. В результате, после короткого допроса, имеющего целью выяс-

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 207. Л. 956–957.

⁵⁵ Там же. Л. 946.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 267. Л. 391; Приказы начальника снабжения Юго-Западного фронта № 1128, 1141. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 377. Л. 37–45; ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4461. Л. 189–190, 235–236, 278–279.

нить личность солдата, всех дезертиров с целью их направления к своим частям препровождали с тыловых этапов данного фронта на ближайшие войсковые этапы соответствующей армии, а их дальнейшим направлением распоряжались уже эти войсковые этапы. Нижние чины из состава армий других фронтов направлялись на распределительный пункт, а далее партиями под конвоем — к своим частям. Таким же порядком направлялись в ближайшие запасные батальоны задержанные нижние чины, отлучившиеся и бежавшие из состава маршевых рот и команд, следовавших на боевой фронт, а также те нижние чины, о которых не представлялось возможным выяснить, какой они части⁵⁷.

Помимо очевидных логистических проблем, вся эта процедура была крайне непопулярна у офицеров. Многие командиры сетовали на то, что, когда полк находился на фронте, каждый офицер был на счету и не было возможности вести какие-либо судебные действия. Поскольку предание полковому, а равно и прочим судам беглых было возможно только при полном выяснении личности (что вызывало массу переписки и нежелательную трату времени), было бы лучше, чтобы дезертиров возвращали в их части лишь после того, как вся бумажная работа будет проведена тыловыми комендантами. В противном случае сама идея военно-полевого суда, «как суда немедленного, поражается в самой основе»⁵⁸.

Впрочем, на Юго-Западном фронте власти скоро осознали, что перевозка солдат по всему фронту для наказания в своем полку затруднительна и не нужна. Осужденных солдат было проще отправлять в ближайший полк⁵⁹. На Северном фронте тоже поняли, что перевозки следует свести к минимуму. Начальник военных сообщений проинструктировал пересыльные пункты о том, что всех солдат, отставших по пути на фронт, следует отправлять в ближайшие резервные батальоны. Кроме того, он приказал, чтобы так же поступали с солдатами, отказывающимися сообщать номера своих частей, и просил командиров соответствующих резервных частей соблюдать это требование, так как ранее они иногда отказывались брать к себе таких солдат⁶⁰. Однако и эта практика сталкивалась с затруднениями. Командир 47-го пехотного Сибирского полка, вероятно выражая мнение многих других командиров, утверждал, что присутствие осужденных солдат оказывает разлагающее воздействие на часть⁶¹. Из-за такого рода возражений практика эта осуществлялась непоследовательно.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 207. Л. 496; Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 23.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 207. Л. 959–960.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 208. Л. 395.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2033. Оп. 1. Д. 181. Л. 331.

⁶¹ Там же. Л. 208.

Но прежде чем дезертира могли отправить в его часть, следовало выяснить его личность и полк. Арестованные солдаты обычно разделялись на четыре категории: отказывавшиеся сообщать номер своего полка; утверждавшие, что забыли номер полка; называвшие несуществующие части, например «1-й пехотный невский гусарский полк»; и еще не получившие назначения ни в какой конкретный полк. Солдаты последней категории обычно утверждали, что сбежали из своих батальонов, стремясь попасть на фронт и сражаться за родину, несмотря на всю иронию такого заявления, поскольку многие из них сбежали из маршевых рот по пути в окопы. Вообще пойманные дезертиры часто подавали прошения об отправке на фронт защищать отечество. К концу 1916 г. стало ясно, что порой это была лишь очередная уловка. Согласно одному донесению, из 600 солдат, задержанных 101-м тыловым пересыльным пунктом и подавших такие прошения, 88 сбежали снова⁶².

В результате дезертиров содержали на пересыльных пунктах до тех пор, пока не удавалось выяснить номер их части. Очень скоро это превратилось в крупную проблему, поскольку число арестованных достигло огромных величин и разместить их на пересыльных пунктах не было возможности. Кроме того, там их было трудно держать под стражей из-за недостатка специально обученной охраны и отсутствия приспособленных гауптвахт. Отправлять их на фронт считалось опасным, в то время как содержась под стражей в тылу, они избегали службы на фронте, чего, собственно, и добивались. Слабый надзор облегчал им возможность побега. В конце концов, многих стали временно отправлять в местные тюрьмы и на гауптвахты⁶³.

Нехватка охраны особенно остро ощущалась во время перевозки заключенных, поскольку те своей численностью значительно превосходили охрану. Это создавало отличную возможность для нового побега, которой дезертиры весьма часто и с успехом пользовались. В случае нового ареста весь процесс повторялся. Кроме того, сбежать было легко и во время отступлений русской армии. Если же арестованные не сбежали, многим из них приходилось столько времени ждать суда, что прокуроры, инспектировавшие тюрьмы, порой освобождали их как слишком долго пробывших в заключении или за недостаточностью улик. В любом случае арестованных было невозможно держать на пересыльных пунктах, которые не были для этого приспособлены⁶⁴.

Тем временем число задержанных солдат все росло, и к лету 1916 г. тюрьмы и гауптвахты, в которых их содержали, трещали по швам. Главным образом это происходило из-за того, что солдаты могли проводить в заключении

⁶² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1406. Л. 1110.

⁶³ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 207. Л. 959–960.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 78. Л. 180–182.

по несколько месяцев, ожидая, когда будет установлена или подтверждена их личность, без чего нельзя было квалифицировать их преступление и назначить наказание⁶⁵. Стоит ли говорить, что многие знали об этих слабых местах системы и сознательно сообщали о себе ложные сведения, тем самым вводя власти в заблуждение и получая отсрочку от наказания. Некоторые командиры предлагали отправлять задержанных солдат специальными конvoями на фронтовые принудительные работы — например, укрепление окопов, — но это было сочтено слишком опасным⁶⁶.

Было очевидно, что требовались решительные меры. В июле 1916 г. коменданты пересыльных пунктов получили новые инструкции об обращении с дезертирами. Те разделялись на три группы. В первую входили те, чья личность оставалась неустановленной. Предполагалось, что солдаты, отказывающиеся называть свой полк, забывшие номер или назвавшие несуществующую часть — это те, кто стремится уклониться от службы. Их полагалось судить общим корпусным судом или, в очевидных случаях — например, когда солдат отказывался назвать номер своей части, — военно-полевым судом, учрежденным по приказу начальника этапного пункта, а затем отправлять осужденного в ближайшую часть вместе с копией приговора. Во вторую группу попадали солдаты, принадлежащие к маршевым командам, следовавшим на пополнение войск, но еще не распределенным по частям. В подобных случаях местные власти должны были сперва связаться с запасным полком солдата, чтобы выяснить, когда и куда полк направляется, а затем — со штабом соответствующей армии, чтобы узнать, прибыл ли полк к месту назначения. После того, как местонахождение запасного полка было установлено, задержанного солдата следовало вернуть туда вместе со своей информацией, относящейся к его аресту. Наказание предполагалось назначать в полку. Если власти выясняли, что солдат случайно отстал от части, то к нему применялись простейшие дисциплинарные меры или дело вовсе закрывалось. Если солдат покинул свою часть сознательно, но без намерения уклониться от военной службы, его судили за самовольную отлучку. Однако если он сбежал с намерением уклониться от военной службы, то его судили уже за дезертирство либо в общем корпусном суде, либо военно-полевым судом. Если часть, из которой он сбежал, еще не прибыла на место, дело солдата разбирали там, где он был задержан⁶⁷. К третьей группе относились солдаты, чья личность и место службы были известны. После быстрого расследования этих солдат возвращали в части, где отдавали под суд⁶⁸.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 391.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 79. Л. 1039–1040.

⁶⁸ Там же. Л. 1520.

К сентябрю 1916 г. число задержанных солдат, находившихся в различных тыловых учреждениях, непомерно выросло. Командующий Северным фронтом решил, что ситуация требует немедленных мер. Местным властям было приказано выяснить личность содержащихся под стражей солдат и номера их частей. Низшим чинам давался еще один шанс сообщить о себе сведения, но их предупреждали, что при попытке ввести власти в заблуждение они подвергнутся телесному наказанию. Виновных в дезертирстве и самовольной отлучке или не явившихся к месту службу, а также тех, чья личность была известна, отправляли в их части, если только они не были закоренелыми дезертирами и не совершили преступлений, караемых смертной казнью. Прочих следовало оставлять под стражей до выяснения обстоятельств⁶⁹.

Этот приказ немедленно оспорил начальник Петроградского военного округа. Помимо того, что установление личности дезертиров отнимало много времени, многие воинские части переформировывались, а некоторые были даже распущены, вследствие чего вся эта процедура становилась бессмысленной. Он также указывал, что лишь немногие из задержанных будут казнены. Большинство же будет послано на принудительные работы, а для того, чтобы отправить их по своим частям, потребуется множество конвоиров, и, стало быть, еще больше солдат придется отрывать от основных обязанностей. Более того, использование телесных наказаний в гражданских тюрьмах было запрещено, а значит, находящиеся там осужденные солдаты будут избавлены от самой тяжелой части приговора⁷⁰.

В октябре 1916 г. были изданы новые инструкции. Согласно приказу №915, солдаты, чья личность не была установлена или если для этого требовалось слишком много времени, подлежали отправке в резервные батальоны на фронт. Обвиняемых в дезертирстве и/или других серьезных преступлениях и чья вина была очевидна, можно было предавать военно-полевому суду на месте. Однако, если доказательств вины не имелось, их также следовало отправлять в резервные батальоны на фронт. В самих резервных батальонах из солдат, принадлежавших к этим двум группам, формировались нештатные роты⁷¹.

Зимой 1916 г. число солдат, арестованных по подозрению в дезертирстве и утверждавших, что они отстали от своих полков, достигло критических размеров. В одном Двинском военном округе за ноябрь и декабрь были задержано 10 332 человека, на железнодорожных станциях Юго-Западного фронта за этот же период арестовали 4 191 солдата, а в районах, подведомственных губернских жандармским и полицейским управлениям, были арестованы

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 229–239.

⁷⁰ Там же. Л. 236.

⁷¹ Там же. Л. 277–279.

12 112 нижних чинов⁷². Большинство из них не имело документов, многие отказывались говорить, где и когда они покинули свои полки. Верховное командование решило, что посылать таких солдат в какие-либо фронтовые части или хотя бы на принудительные работы в траншеях слишком опасно, так как среди них могут скрываться преступники и шпионы. К тому же считалось, что за время отлучки от повседневной военной службы они отучились выполнять приказы, стали ленивыми и недисциплинированными. Власти полагали, что такие солдаты окажутся бесполезными в армии и будут только развращать остальных. Наконец, даже отправка на фронт или на принудительные работы не мешала многим из них сбежать при первой благоприятной возможности. В результате они содержались под стражей там, где были задержаны. Однако было ясно, что неопределенно долго держать подобные элементы на пересыльных пунктах нежелательно. Соответственно, было решено создавать из таких солдат специальные команды, в которых они бы находились до тех пор, пока их личность не будет установлена или подтверждена. Эти команды следовало организовывать по принципу дисциплинарных батальонов с тем, чтобы арестованные не сидели без дела (как на гауптвахтах при этапных пунктах), а проходили бы военную подготовку в условиях строго дисциплинарного режима. На этих основаниях был разработан план, утвержденный командующим Западным фронтом и отправленный на одобрение в Ставку. Около Смоленска на Покровской горе были оборудованы две казармы с кухней и прочими службами, рассчитанные на 1 400 человек⁷³.

Главными задачами этих специальных команд было выяснение личности и места службы задержанных, не имевших при себе никаких документов, последующая отправка этих людей к месту службы, а также перевод тех из них, кто был найден виновным, в места заключения или передача их военно-полевым судам. Наконец, пока все это происходило, среди задержанных водворялась строгая военная дисциплина, для чего вводился жесткий режим, как в дисциплинарных батальонах. Команды разделялись на роты и взводы. Первая рота называлась «исправительной» и состояла из более обученных и дисциплинированных солдат, остальные роты носили название «дисциплинарных». Обучение происходило ежедневно, даже по воскресеньям, и состояло из теоретических занятий, военной подготовки (включая стрельбы) и принудительных работ в дисциплинарных ротах. Принудительные работы представляли собой ремонт зданий, починку одежды и обуви и иные виды физического труда. Проступки наказывались заключением сроком до 1 месяца или поркой березовыми прутьями. Вся полнота власти принадлежа-

⁷² РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215; РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 377. Л. 65–76; ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4461. Л. 494–495 об, 534–535 об.

⁷³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1405. Л. 1014–1017.

ла дисциплинарному комитету, в который входили все ротные командиры и священник, во главе стоял командир специальной команды. Комитет отвечал за принятие решений по общему распорядку в исправительной роте, давал разрешение на перевод солдат из дисциплинарной в исправительную роту и наоборот и, что самое важное, определял, готов ли солдат к возвращению в свою часть. Если солдата предстояло судить или он получал условный приговор с отсрочкой исполнения, его содержали в дисциплинарной роте до тех пор, пока не решали, что он достаточно обучен и дисциплинирован. Признанных виновными в серьезных преступлениях немедленно отправляли в места заключения. Тех солдат, которых сочли готовыми покинуть специальную команду, отправляли под надзором в резервные батальоны, там выдавали обмундирование и возвращали в прежние части. Уличенных в дезертирстве посылали под стражей в места заключения⁷⁴.

Для того, чтобы оценить, как резервные части справляются со своими задачами, была проведена специальная инспекция во главе с заведующим военно-судной частью при полевом управлении главнокомандующего армиями Северного фронта генералом Б. В. Шавровым. Он посетил три таких батальона. 171-й резервный полк, расположенный в Красном Селе, насчитывал 363 солдата. К моменту отправки в батальон личность ни одного из них не была установлена, и все они содержались под стражей за колючей проволокой. Условия содержания были плохими: не хватало обмундирования и теплой одежды. Шавров отмечал, что поддержанию дисциплины способствуют телесные наказания и те, кого можно было законно наказать, как правило, ведут себя послушнее. Лишь шесть солдат были преданы военно-полевому суду, и только одного из них осудили за дезертирство. Шавров выяснил, что помимо солдат, отправленных в эту часть согласно приказу № 916, туда также прислали множество солдат из других резервных батальонов в наказание за самовольную отлучку.

Генерал также проинспектировал 285-й резервный батальон, размещавшийся в Нарве и насчитывавший 753 солдата. Наказание для 129 из них было отложено до окончания войны. При поступлении о них также не было известно почти ничего, кроме имен, и они не были даже разделены на категории. Телесные наказания назначались здесь всего один раз. В обоих резервных батальонах выяснение личности солдат и места их службы занимало много времени, а полученная в итоге информация не всегда бывала точной. Наконец, многие солдаты из самого 285-го резервного батальона в наказание за различные проступки несли службу рядом с подозреваемыми в дезертирстве. В первый день инспекции Шавров обнаружил в батальоне 400 солдат, чей чин и место службы

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1405. Л. 1017 об. – 1022 об.

были хорошо известны. Большинство из них было наказано за самовольные отлучки. Выяснилось также, что различные резервные батальоны направляли в эти части провинившихся, прежде чем посылать их на фронт. Можно представить, как все это действовало на воинский дух солдат-фронтовиков⁷⁵.

Командиры резервных батальонов соглашались с тем, что одна из главных причин массового дезертирства — безразличие к беглецам со стороны местной полиции. Некоторые полицейские из корыстных целей даже помогали солдатам, укрывавшимся в деревнях. Был случай, когда о местонахождении десяти солдат, сбежавших в Петроград, было сообщено полицейскому патрулю, но тот отказался участвовать в их задержании под предлогом, что они — не гражданские лица. Одна только полиция в Финляндии оказывала военным властям полное содействие⁷⁶.

Шавров также отмечал продажу солдатами армейского обмундирования крестьянам. По данным 122-го полка, крестьяне Новгородской губернии почти поголовно ходили в военной одежде. Кроме того, предприниматели помогали дезертирам и находили им работу, невзирая на отсутствие у них документов⁷⁷.

По-видимому, к декабрю 1916 г. многие солдаты и гражданские лица перестали обращать внимание на дезертиров. Отмечалось, что дорожные и мостостроительные части не утруждали себя ведением списков и принимали солдат, уклоняющихся от военной службы. Например, командующий 1-й армией докладывал, что солдат, не имеющих нужных документов, брали на работу в такие части и даже выдавали официальные документы. При более тщательной проверке выяснилось, что в одной такой части насчитывалось 133 человека вместо 98 официально зарегистрированных⁷⁸.

Из доклада генерала Шаврова ясно следует, что режим для дезертиров в резервных батальонах был практически аналогичен тому, который существовал в дисциплинарных частях. Солдатам выдавали использованное обмундирование, а вместо сапог они носили деревянные башмаки⁷⁹. К сожалению, военное командование стало относиться к особым ротам в составе резервных батальонов как к реальным дисциплинарным частям, хотя те таковыми не являлись. В итоге в эти роты стали направлять на исправление нарушителей из резервных частей, а затем и солдат с фронта. Таким образом, в тылу создавалась целая армия из дезертиров, так как в некоторых резервных батальонах и полках насчитывалось до 20 тыс. человек⁸⁰.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 32–33.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 3. Д. 191. Л. 221.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 35.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 3. Д. 191. Л. 221.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553. Л. 32.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2032. Оп. 21. Д. 170. Л. 7–8 об.

К 1917 г. резервные части были переполнены «дезертирами», а также виновными в самовольной отлучке, поскольку по закону солдат, чье наказание было отложено до окончания войны, следовало отправлять в резервные батальоны. В конечном счете такой подход оказался ошибкой, поскольку дезертиры, как и любой другой криминальный элемент, временно содержащийся в учреждениях непенитенциарного характера, обычно не исправляются, а, напротив, благодаря новому опыту лишь подвергаются дальнейшему разложению.

Накануне Февральской революции сложилась катастрофическая ситуация. В декабре 1916 года в плену Центральных держав насчитывалось около двух миллионов российских военнопленных⁸¹. К этому же времени приблизительно один миллион солдат уже имел опыт дезертирства. Все усилия властей, направленные на борьбу с дезертирством и добровольной сдачей в плен, полностью провалились. Причин тому несколько. Это и отсутствие соответствующих военному положению законодательных актов, недооценка властями масштабов данной проблемы, и принятие запоздалых, неоправданных решений. Учреждение военно-полевых судов и введение телесных наказаний не оказали должного эффекта, а создание контрольных районов производилось недостаточно продуманно. Более того, судя по имеющимся свидетельствам, страна лишилась воли для борьбы с этим злом. Противодействие дезертирству наталкивалось не только на безразличие полиции и местных властей, но и на действия самого военного командования. На пересыльных пунктах не интересовались тем, будут ли солдаты доставлены к месту назначения или нет, что лишь поощряло профессиональных дезертиров⁸². Полицейские сетовали на то, что дезертирам, для поимки которых прикладывалось столько усилий, после их передачи военным властям снова удавалось сбежать благодаря недостаточной охране поездов и железнодорожных станций. Некоторые так называемые «пилоты» вообще ухитрялись жить, перебираясь с одного пересыльного пункта на другой и промышляя там игрой в карты, а по пути покупая и перепродавая обмундирование. В конце концов вся эта возраставшая день ото дня масса дезертиров, влившаяся в резервные батальоны, нанесла сокрушительный удар по дисциплине в русской армии.

Перевод с английского Николая Эдельмана

⁸¹ A. K. Wildman. The end of the Russian Imperial army: The old army and the soldiers revolt March – April 1917 (Princeton, 1980). P. 95.

⁸² РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 431.

А. С. Пученков

В. В. ШУЛЬГИН И ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ В РОССИИ

«Рыцарь монархии» Василий Витальевич Шульгин встретил Февральскую революцию одним из лидеров Прогрессивного блока, выражавшего стремление либеральной общественности довести Первую мировую войну до победного конца. Ушедший на фронт добровольцем, Шульгин был ранен и вернулся в 1915 году из действующей армии в Петроград в подавленном настроении, болезненно переживая неготовность армии к войне и ее необеспеченность самым необходимым для ведения боевых действий — пушками, снарядами, винтовками¹. С фронта Шульгин, по его словам, принес в столицу «горечь бесконечных дорог отступления и закипающее негодование армии против тыла»².

По собственной инициативе Шульгин пошел на сближение со своим многолетним политическим противником по Государственной Думе лидером кадетов Павлом Николаевичем Милюковым³. Первоначальный разговор с Милюковым послужил «прологом к тому, что впоследствии получило название “прогрессивный блок”, — вспоминал Шульгин. После ряда консультаций парламентариев разных политических направлений в августе 1915 года был образован Прогрессивный блок, в который вошло (считая вместе с членами Государственного Совета) более трехсот человек⁴. «Весь смысл Прогрессивного блока, — отмечал В. В. Шульгин, — был предупредить ре-

¹ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 253–254.

² Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 113.

³ Стенографический отчет заседания членов Государственной Думы первого, второго, третьего и четвертого созывов 27 апреля 1917 г. Пг., 1917. С. 21.

⁴ Шульгин В. В. Годы // Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 366–367.

волюцию и... довести войну до конца»⁵. «Прогрессивный блок, — утверждал В. В. Шульгин в одной из своих работ, — с нашей точки зрения имел единственной целью: примирение политических русских партий для доведения войны до конца, во что бы то ни стало... К несчастью, русское правительство в противоположность тому, что делали правительства всех воюющих стран, не сочло возможным договориться с Государственной Думой, объединившейся во имя спасения Отечества. Из этого родилась продолжительная распря, кончившаяся страшной катастрофой»⁶.

В своем дневнике за февраль 1918 г. Шульгин писал об образовании Прогрессивного блока: «Предчувствуя роковую опасность, националисты перешли в лагерь кадетов, перешли для того, чтобы закрепить союз, для того, чтобы укрепить кадетов в мысли, что борьба с Германией есть вместе с тем борьба за свободу, для того, чтобы общими усилиями не дать восторжествовать ненавистникам России. В этом шаге были плюсы. Несомненный плюс был тот, что кадеты удерживались в патриотическом лагере, несомненный минус состоял в том, что пришлось самим националистам заразиться кадетизмом, а кадетизм в своем прошлом был революционен и затронут ненавистью к России. Выгоды и невыгоды здесь переплелись. Грядущую революцию пытались подменить в эволюцию, пытались задержать приход и развитие революционного настроения решительным требованием сравнительно небольших уступок. Если бы тогда же в 1916 г. на эти уступки пошли, — быть может, Россия удержалась. Но тут выступило в помощь революции настроение трона. Россия... в конце концов была добита сочетанием на троне роковых качеств: атрофированной воли и мистического упрямства (разрядка моя. — А. П.)»⁷.

Вспоминая потом о самом характере думской оппозиции, Шульгин писал: «Была формация людей, шедших “за отечество”, но против Сухомлинова, Штюмера и Распутина, т. е. — против царицы, т. е. — против царя. Да иначе, пожалуй, и не могло быть. Война разбудила патриотические чувства, чувства к родине, даже там, где их никогда не было. Она же безмерно усилила это чувство у тех, кто всегда к патриотизму был склонен. Когда этим людям, любящим Россию, показалось, что престол заблудился, они, спасая Родину, стали самыми разнообразными способами учить престол уму-разуму. Разумеется, ничему не научили, но среди этого процесса рухнула и династия, и Россия, и царь, и отечество»⁸. В одной из своих

⁵ Государственный архив Российской Федерации. (ГА РФ). Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 21. Л. 4. В большинстве случаев отточия принадлежат самому В. В. Шульгину.

⁶ Шульгин В. Prodomosua // Русская газета. Париж, 1924. 30 ноября.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 25а. Л. 3.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 20. Рукопись повести В. В. Шульгина «Голубой звук». Л. 147–147 об.

статей в «Киевлянин», написанной вскоре после падения самодержавия, Шульгин подчеркивал: «Никогда мы красными не были... Мы прежде всего были монархистами и считали совершенно необходимым во время войны иметь министерство доверия... наш самый дорогой лозунг...: раз начата была война, она должна быть доведена до конца»⁹. В то же время «Россия не могла простить своему Государю, что он вел войну так, что это грозило позорным миром. За это свое неумение Царь должен был отречься от престола»¹⁰.

Суть же конфликта Государственной Думы с короной, завершившегося Февральской революцией 1917 года, заключалась, по мнению В. В. Шульгина, в «вопросе о назначении министров “с согласия Государственной Думы”»¹¹. Сам Шульгин считал тогда, что для расхождения Думы с властью нет «органических причин», но «нынешняя власть, — писал Василий Витальевич за две недели до начала революции, — слаба, разъединена, не уверена в своем положении. Нам нужен русский Ллойд-Джордж», который, по мысли В. В. Шульгина, должен был бы возглавить «ответственное министерство»¹². Назначаемое же царем правительство, как считал Шульгин, не было способно на решение стоящих перед Россией задач¹³.

Таким образом, лишь неспособность самодержавной власти к компромиссу с парламентариями привела Шульгина в стан оппозиции накануне Февральской революции, в которой Василий Витальевич принял деятельное участие, войдя в состав Временного Комитета Государственной Думы, удачно названного А. Ф. Керенским «зародышем нового общенационального правительства»¹⁴. Какие бы суждения по поводу революции позднее ни позволял бы себе Шульгин, но в те февральские дни Василий Витальевич был одним из ее творцов, а значит, если говорить без обиняков, — активным врагом самодержавного строя, который как раз и сокрушила революция. По словам В. А. Маклакова, Шульгин в момент революции все-таки «не решился стать за власть, против всех нас; не из трусости вовсе, а потому что вера в эту власть улетела»¹⁵. Получил Шульгин и предложение войти в состав Временного правительства, на которое он ответил отказом, мотивируя свой отказ тем, что он «только публицист, а не политик»¹⁶.

⁹ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 29 марта.

¹⁰ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 21 марта.

¹¹ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 7–8.

¹² Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 15 февраля.

¹³ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С предисловием Н. Лапина // Красный архив. Т. 1–2 (50–51). М.-Л., 1932. С. 143.

¹⁴ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С. 186.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 38. Письмо Маклакова Шульгину, 1924 г.

¹⁶ Миллюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 45.

Крупнейшим же, конечно, событием всей политической карьеры В. В. Шульгина стал тот факт, что именно Шульгину «убежденному монархисту... пришлось по какой-то злой иронии судьбы присутствовать при отречении двух императоров»¹⁷. Советские авторы позволяли себе в связи с этим заявлять, что Шульгин «дважды предал монархов и с ними монархию»¹⁸. Сам В. В. Шульгин признавался несколько лет спустя, что вспоминает этот эпизод своей биографии без раскаяния, осознавая неизбежность происшедшего¹⁹. «В этот день я только исполнил свой долг, — говорил В. В. Шульгин, — правда, очень тяжелый. Корона неизбежно должна была тогда пасть, и я предпочел, чтобы она пала в мои руки, чем в руки Чхеидзе с батальоном солдат. Утешением для меня было то, что я привез из Пскова такие слова в акте отречения, которые примирили с бывшим Государем даже его врагов»²⁰. Текст был написан «удивительными словами, которые теперь все знают»²¹. Об отречении Николая II и о степени участия, которое принял Шульгин в этом эпизоде, немало было написано советскими и эмигрантскими историками²². Сам текст манифеста,²³ авторство которого Шульгин изначально приписывал самому Николаю II, был «составлен в Ставке, по поручению Алексева, камергером Базили при непосредственном участии самого начальника штаба и Лукомского и был послан царю в 7 ч. 40 м. на случай, если царь “соизволит принять решение”»²⁴.

Не будем рассказывать хорошо известную предысторию поездки А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. В данном случае важнее другое: как и почему монархист Шульгин согласился участвовать в этой миссии. То, что В. В. Шульгин присоединился к Гучкову во время поездки в Псков, было обусловлено двумя факторами: во-первых, личной просьбой А. И. Гучкова к представителям ВКГД командировать Шульгина вместе с собой, чтобы он был свидетелем всех последующих событий; а во-вторых, желанием Шульгина «ценою отречения спасти жизнь государю... и спасти монархию»²⁵. В Псков Шульгин ехал потому, что «отречение должно быть передано в руки монархистов

¹⁷ Государственное совещание. М.-Л., 1930. С. 108.

¹⁸ *Заславский Д. О.* Рыцарь черной сотни В. В. Шульгин. Л., 1925. С. 53.

¹⁹ *Р. С.* Отречение Николая II // Последние новости. Париж, 1922. 4 января.

²⁰ Там же.

²¹ *Шульгин В. В.* Дни... С. 256.

²² *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 37–49; Он же. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 34–38; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 91–111; *Стурин Л. М.* Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 74–81; *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 189–198.

²³ Российский Государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 1278. Оп. 10. Д. 5. Л. 11–14.

²⁴ *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 195.

²⁵ *Шульгин В. В.* Дни... С. 195.

и ради спасения монархии»²⁶. «Император, который по собственному признанию не мог быть императором... должен был кончить отречением, а верноподданный, который глубоко скорбел о трагическом положении своего монарха, должен был быть около него в самую тяжелую минуту. Для чего? Для того, чтобы смягчить ее; по возможности. Отречение для царя и принятие сего отречения человеком, глубоко царю сочувствовавшим, вытекали из их прошлого. Это была “зрелая карма” для них обоих, их общая судьба», — так мистик Шульгин расценивал события спустя почти полвека после Февральской революции²⁷.

Гучков с Шульгиным выехали в Псков в 3 часа дня, 2 марта 1917 с Варшавского вокзала Петрограда²⁸. Около 9 часов вечера, как сообщал дворцовый комендант Воейков, поезд достиг Пскова,²⁹ и уже через 40 минут делегаты были приняты государем в императорском поезде³⁰. Накануне вечером В. В. Шульгиным был набросан проект отречения императора, некоторые поправки в который внес А. И. Гучков³¹. Прибыв на станцию назначения, Шульгин сообщил встречавшему думских делегатов полковнику А. А. Мордвинову, что «в Петрограде творится что-то невообразимое... Мы находимся всецело в их руках и нас наверно арестуют, когда мы вернемся». Василий Витальевич добавил: «Мы (А. И. Гучков и В. В. Шульгин. — А. Л.) надеемся только на то, что, быть может, государь нам поможет»³². Как император должен был помочь думским делегатам, Шульгин А. А. Мордвинову не сообщил. Самому же Николаю II, ценившему до этого В. В. Шульгина за твердые монархические убеждения, «было очень тяжело узнать, что Шульгин едет депутатом сюда в Псков», вспоминал придворный историограф генерал Д. Н. Дубенский³³. Впрочем, тот же автор пишет, что «по виду Шульгин да и Гучков казались смущенными и конфузливо держались в ожидании выхода государя»³⁴. Сам В. В. Шульгин спустя несколько дней сообщал: «Мне кажется, я не волновался. Я дошел до того переутомления и нервного напряжения, когда ничто, кажется, не может удивить и показаться невозможным. Мне было все-таки несколько неловко, что я явился к царю в пиджаке, грязный и не-

²⁶ Там же. С. 234.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 304. Л. 12–13. Рукопись Шульгина «Сон “Императрица”».

²⁸ Подробности отречения Николая II // Русские ведомости. Москва, 1917. 8 марта.

²⁹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 3. Л., 1925. С. 78–79.

³⁰ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (доп.). Д. 25. Л. 9 об.

³¹ Гучков А. И. В царском поезде // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 189–190.

³² Мордвинов А. А. Последние дни императора // Отречение Николая II... С. 114.

³³ Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II... С. 69.

³⁴ Там же.

мытый, четыре дня небритый, с лицом каторжника, выпущенного из только что сожженной тюрьмы»³⁵. Ф. Винберг уже в эмиграции обвинил Гучкова и Шульгина в «подлоге, ими совершенном в ту минуту, когда они дерзнули с русским царем говорить от имени России, в то время как говорили они от имени заговорщиков»³⁶. Беседа императора с думскими комиссарами была непродолжительна: С. С. Ольденбург объясняет это нежеланием царя разговаривать с «представителями своих врагов»³⁷. Представляется, что понять подлинную драму, переживаемую в те дни Николаем II, очень трудно. Очевидно одно: царю в те дни было невероятно тяжело.

Камер-фурьерский журнал сдержанно повествует о происходивших событиях: «Его Величество, войдя к представителям народа, сказал: “Я все это обдумал, решил отречься. Но отрекаюсь не в пользу своего сына, так как я должен уехать из России, раз я оставляю верховную власть. Покинуть же в России сына, которого я очень люблю, оставить его на полную неизвестность, ни в коем случае не считаю возможным. Вот почему я решил передать престол моему брату, Великому Князю Михаилу Александровичу”. Представители Временного правительства Гучков и Шульгин просили Его Величество еще раз обдумать свое решение. Государь Император удалился в соседнее отделение салон-вагона, в котором происходила беседа. Через 20 минут он вышел оттуда с текстом манифеста в руках и, передавая его, сказал: “Решение мое твердо и непреклонно”»³⁸.

Уже в эмиграции В. В. Шульгин, отвечая на обвинения представителей монархического лагеря в «измене монархии», писал, что «Псков не поразил Россию внезапно, как землетрясение. Был длительный процесс, который к этому привел». Спасти монархию в тех условиях было, по всей видимости, нельзя. Последний же долг верноподданного перед своим государем В. В. Шульгин, по его убеждению, выполнил: «Отречением, совершенным почти как таинство, [удалось] стереть в памяти людской все то, что к этому акту привело, оставив одно величие последней минуты». «Когда все было кончено, — вспоминал В. В. Шульгин, — Государь подал мне руку и слегка улыбнулся, я бы сказал — почти дружелюбно, если бы это слово было здесь уместно. И это царское рукопожатие и прощальная улыбка больше говорят моей совести, чем весь тот яд, которым мою душу стараются отравить»³⁹. Спустя почти полвека Шульгин писал, что «хотя я принял отречение из рук императора, но сделал это в форме, которую решаюсь назвать джентльменской. Этот акт

³⁵ Подробности отречения Николая...

³⁶ *Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 174.

³⁷ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 253.

³⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (доп.). Д. 25. Л. 9 об.

³⁹ *Шульгин В.* Prodomosua...

не только величайшего значения, как перемена форм правления, имеющего тысячелетнюю давность, но он является рубежом между двумя эпохами»⁴⁰.

Закончив вопрос с отречением императора Николая II и с назначением председателем Временного правительства князя Г. Е. Львова, а Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, А. И. Гучков и В. В. Шульгин немедленно телеграфировали начальнику штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексееву с просьбой передать имеющуюся информацию М. В. Родзянко. Последнего они просили сообщить в Псков о положении дел в Петрограде⁴¹. «В 11 ½ час. ночи мы простились. В 2 часа ночи наш поезд двинулся в Петроград, куда мы везли отречение Николая II», — вспоминал В. В. Шульгин⁴².

Переживший глубокую личную драму император Николай II оставил 2 марта 1917 года в своем дневнике следующую запись: «Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»⁴³ Сам поступок императора Николая II однозначно расценивать нельзя. Скажем, П. Б. Струве в отречении императора виделась «неувядаемая нравственная красота» и готовность «принять на себя мученичество за Россию и во имя России»,⁴⁴ в то время как В. В. Шульгин в письме к В. А. Маклакову подчеркивал, что «Его Величество [Николай II. — А. П.] 2-го марта вступил на путь нарушения закона, передав престол брату при живом сыне»⁴⁵. Узнав об отречении Николая II в пользу Михаила Александровича, а не в пользу наследника цесаревича, Шульгин думал, что может быть, «государь и не имеет права отречься в пользу того, кого он выбрал, пусть на всякий случай отречение будет не совсем правильным. Кроме того, малолетний царь не мог бы установить конституционный строй, что возможно для Михаила. Если же события пойдут так, что не сможет удержаться и династия, то и тут положение Михаила будет легче, чем ребенка Алексея»⁴⁶. Все же Шульгин пытался возражать Николаю II, но А. И. Гучков пресек его слабые попытки, заявив, что он не может противиться отеческим чувствам царя. Опешившему же от удивления генералу Ю. Н. Данилову В. В. Шульгин охотно пояснил, что в самом акте отречения Николая II в пользу Михаила Алек-

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–2. Письмо Шульгина Л. Ф. Ильичеву, 1963.

⁴¹ Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. Т. 3 (22). М.-Л., 1927. С. 15.

⁴² Р. С. Отречение Николая II...

⁴³ Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 625.

⁴⁴ Струве П. Неувядаемая красота // Возрождение. Париж, 1925. 17 июля.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 70. Л. 7.

⁴⁶ Р. С. Отречение Николая II...

сандровича есть «юридическая неправильность»⁴⁷. Уже в эмиграции, в 1928 г., Шульгин, вспоминая отречение Николая II, писал Гучкову: «Что же касается того, будто бы мы не знали основных законов, то я, лично, знал их плохо. Но не настолько, конечно, чтобы не знать, что отречение в пользу Михаила Александровича не соответствует закону о престолонаследии»⁴⁸. Не исключено, что в голове Шульгина даже в тот критический момент «прокручивались» какие-то комбинации по спасению института монархии в России.

Вскоре после полуночи 3 марта 1917 года текст манифеста отрекшегося императора пришел в Ставку. Телеграфная лента была немедленно унесена к ген. Алексееву, который лежал в постели с сильными болями в почках и с температурой в 40 градусов. Через час из Пскова были переданы полные тексты актов. Текст отречения полностью совпадал с составленным в Ставке проектом с добавлением лишь о нежелании Николая II расстаться с сыном и о передаче престола брату. Заключительные слова, относившиеся в проекте Ставки к великому князю Алексею Николаевичу, были отнесены к Михаилу Александровичу. Около двух часов ночи на телеграф поступила депеша ген. Алексеева главнокомандующим с текстами актов и приказанием объявить их войскам и привести войска к присяге на верность императору Михаилу Александровичу. Передача этой депеши была назначена в 3 ч. 10 м. ночи. Через 10 минут М. В. Родзянко именем Родины вызвал к аппарату ген. Алексеева и умолял его задержать опубликование акта отречения, так как в Петрограде считается неприемлемым воцарение Михаила Александровича. Около 4 час. ночи ген. Алексеев телеграммой главнокомандующим приказал задержать опубликование актов. Через сутки, в ночь на 4 марта, они были вновь переданы на фронт для опубликования, но уже с добавлением заявления вел. кн. Михаила Александровича о том, что он не считает возможным вступить на престол, не выслушав мнения Учредительного собрания⁴⁹. Если бы опубликование текста манифеста не было задержано, у Михаила Александровича, вероятно, были хорошие шансы заручиться поддержкой в войсках, в которых его имя было хорошо известно и популярно. Михаил Александрович узнал бы «по многим, многим проводам, в том числе и от молчавших генералов, подлинное к нему отношение всей России,» — думалось начальнику военной контрразведки Петрограда Б. Никитину⁵⁰. В войсках новость об отказе Михаила Александровича занять царский трон была воспринята с недоумением и недовольством, как вспоминал генерал-

⁴⁷ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. М., 1993. Т. XIX. С. 237.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 61. Л. 13.

⁴⁹ Сергеевский Б. Семь лет назад // Новое время. Белград, 1924. 21 марта.

⁵⁰ Никитин Б. Роковые годы. (Новые показания участника.) Venson, 1987. С. 42.

лейтенант Н. Н. Шиллинг, в 1917 году — командир лейб-гвардии Измайловского полка⁵¹.

В. В. Шульгин оставил и свое письменное свидетельство о событиях на Миллионной, 12, где вел. кн. Михаил Александрович отказался вступить на царский престол⁵². Отказ Михаила Александровича вступить на престол В. В. Шульгин не считал единственно возможным в тот момент вариантом развития событий. В письме к В. А. Маклакову Шульгин писал, что «не подлежит никакому сомнению, что если бы на месте Великого князя был один из перечисленных выше генералов [М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель и др. — *А. П.*] или просто... депутат есаул Караулов..., то сопротивление было бы организовано, и если бы не увенчалось победоносным успехом, то все же впоследствии было бы отмечено историками земли российской, как героическое проявление славного русского духа. Но... мягкая женственность великого князя и вся его натура незлобивая и тихая, очень может быть пригодная для спокойных времен, конституционных, совершенно не соответствовала суровой беспощадности минуты той»⁵³. Для спасения монархии в ту минуту правым нужно было, по мнению Шульгина, в борьбе с революцией обнаружить ту же «свирепую лютость, каковую обнаружили революционеры слева»⁵⁴. Шульгин, наряду с Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковым и Н. В. Некрасовым, составлял проект отречения Михаила Александровича⁵⁵. П. Н. Милоков, горячо убеждавший Михаила Александровича вступить на престол и надеявшийся на поддержку Шульгина и Гучкова, торопившихся в Петроград из Пскова, таковой поддержки в их лице не нашел⁵⁶. А. И. Гучков Милокова действительно поддержал, но «Шульгин вовсе не произнес ни слова»⁵⁷. Сторонники старой династии в тот момент не имели никакой реальной силы, способной подавить революцию в Петрограде. Для них, напротив, было совершенно очевидно, что «великий князь был бы немедленно убит»⁵⁸. В таких условиях В. В. Шульгин не мог рекомендовать Михаилу Александровичу принять престол⁵⁹. Сам великий князь Михаил Александрович не нуждался в уговорах: «Вам, господа, виднее, какова воля

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 745. Л. 2 об.

⁵² Шульгин В. В. Дни... С. 272.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1 Д. 70. Л. 9.

⁵⁴ Там же. Л. 9.

⁵⁵ Нольде Б. Э. В. Д. Набоков в 1917 году // Архив русской революции. М., 1991. Т. VII. С. 7; Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. I. С. 20.

⁵⁶ Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. II. С. 271.

⁵⁷ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996. С. 200.

⁵⁸ Родзянко М. В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. М., 1991. Т. 6. С. 62.

⁵⁹ Шульгин В. В. Дни... С. 275.

народа», — говорил Михаил Александрович⁶⁰. В том, что он согласится вступить на престол, мало верили и в окружении Николая II⁶¹. Сам же отрекшийся император Николай II, размышляя о поступке брата, в своем дневнике записал, что «Бог знает, кто надумил его (Михаила Александровича. — А. П.) подписать такую гадость!»⁶². В то же время Василий Витальевич, вспоминая в эмиграции отказ Михаила Александровича вступить на престол, был доволен самой формулировкой этого отказа: «Объявление великого князя Михаила Александровича есть только личное мнение Его Величества, ни для кого кроме его особы не обязательное: ни один из остальных членов императорской фамилии сим подобным отречением не был принужден к отречению от своих прирожденных прав, и наоборот даже видимостью отречения великого князя Михаила Александровича за всю императорскую фамилию все остальные члены династии сей видимостью как бы невидимо и весьма тонко прикрыты... А если бы последовало бы всеобщее отречение (имеется в виду Михаил Александрович в пользу Кирилла Владимировича и т. д. — А. П.), а это было бы неизбежно, в случае правильного юридического поведения великого князя Михаила Александровича, то с династией было бы покончено совсем и реставрация хотя бы в подобии и стиле Бурбонов была бы окончательно невозможна»⁶³.

Таким образом, отречение Михаила Александровича было составлено с заведомыми юридическими «неправильностями», использование которых в будущем, при более благоприятной политической конъюнктуре, могло бы дать повод к восстановлению династии. Шульгиным же был определен и статус Временного правительства: «Временное правительство, по почину Государственной Думы возникшее»⁶⁴. Анализируя в дальнейшем отказ великого князя Михаила Александровича вступить на российский престол, В. В. Шульгин обращал внимание на позицию П. Н. Милюкова, убеждавшего Михаила Александровича согласиться на царское служение. В тот момент, после неожиданного отречения Николая II в пользу Михаила Александровича, в обход цесаревича, у всех думских деятелей было некое оцепенение; все их предварительные расчеты и договоренности потеряли всякий смысл. Сохранял спокойствие только П. Н. Милюков, убежденный в том, что «Михаил должен принять власть, и все остальное устроится»⁶⁵. Стояли ли за призывами Милюкова какие-то реальные действия? В. В. Шульгин

⁶⁰ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921. С. 62.

⁶¹ Дубенский Д. Н. Указ. соч. С. 63.

⁶² Дневники императора Николая II... С. 625.

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 70. Л. 11.

⁶⁴ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 21.

⁶⁵ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 221.

убежден, что нет. «Классический пример этой трагической беспомощности представлял Миллюков в 1917 году во время падения монархии. Стоя во главе самой влиятельной, казалось, русской политической партии, имевшей отделы в каждом городе и городишке, он 3 марта горячо убеждал великого князя Михаила Александровича не отказываться от престола. Однако в защиту этого престола и просто для личной охраны будущего Михаила II он не мог дать ни одного человека, так-таки ни одного. Казалось бы, в такую трагическую минуту естественно было бы дать членам партии к-д., находившимся в Петрограде, приказ: с оружием в руках сбежаться к дому № 12 на Миллионной, где решался вопрос, может ли принять престол великий князь Михаил Александрович. Но это столь естественное теперь предположение может вызвать только горькую улыбку у тех, кто ясно себе представляет, что такое была конституционно-демократическая партия. В защиту и «конституции» и «демократии» она могла лить только слова, слова, слова, да еще чернила, в то время, когда необходимо было лить кровь, — свою и чужую. И вот мы присутствовали при вразумительном зрелище: убеленный сединами глава первой русской политической партии Миллюков самоотверженно, но жалко, метался по петербургским казармам, убеждая, упрашивая, умоляя взбунтовавшуюся солдатчину сохранить дисциплину. Мудрено ли, что при таких обстоятельствах великий князь Михаил Александрович отказался принять престол. Представим себе на минуту, что в то странное время с просьбой принять престол обратился бы к великому князю не Миллюков, а глава партии, скажем, «русских фашистов», т. е. человек, опирающийся на вооруженные когорты, готовые окружить № 12 на Миллионной несколькими десятками тысяч штыков. Вероятно, ответ великого князя был бы иной. Мы все были 3 марта 1917 года так же бессильны, как Миллюков», — прибавлял В. В. Шульгин⁶⁶.

Участие в принятии отречения двух императоров воспринималось В. В. Шульгиным как главное событие не только всей его политической карьеры, но и жизни. Шульгин, переживший русские революции 1917 года почти на 60 лет, с годами все более болезненно воспринимал свою вольную или невольную сопричастность к трагической судьбе семьи Романовых. На закате своих дней, в 1966, Шульгин писал: «С царем и с царицей моя жизнь будет связана до последних дней моих, хотя они где-то в ином мире, а я продолжаю жить — в этом. И эта связь не уменьшается с течением времени. Наоборот, она растет с каждым годом. И сейчас, в 1966 году, эта связанность как будто достигла своего предела. Каждый человек в бывшей России, если подумает о последнем русском царе Николае II, непременно,

⁶⁶ Шульгин В. Приготовительный класс. (Ответ П. Н. Миллюкову) // Русская газета. Париж, 1924. 22 августа.

припомнит и меня, Шульгина. И обратно. Если кто знакомится со мной, то неизбежно в его уме появится тень монарха, который вручил мне отречение от престола 50 лет тому назад»⁶⁷. По мнению Шульгина, «и государь, и верноподданный, дерзнувший просить об отречении, были жертвой обстоятельств, неумолимых и неотвратимых»⁶⁸. Но даже осознание этого факта не избавляло Шульгина от постоянных мыслей о Романовых. В архиве сохранились пронзительные строки Василия Витальевича: «Да, я принял отречение для того, чтобы царя не убили, как Павла I, Петра III, Александра II... Но Николая II все же убили! И потому, и потому я осужден: мне не удалось спасти царя, царицу, их детей и родственников. Не удалось! Точно я завернут в свиток из колючей проволоки, которая ранит меня при каждом к ней прикосновении»⁶⁹. Но еще более интересно другое его наблюдение: «Судьба всех бывших подданных этого несчастного царя была навсегда с ним связана. Многие из них разделили, рано или поздно, его злосчастную судьбу, т. е. погибли насильственной смертью. Их убивали сначала за то, что они не приняли революции. Потом, т. е. несколькими годами позже, стали убивать и тех, что пошли за триумфальной колесницей, т. е. за Революцией. И те и другие были подданными царя Николая II. Разница была в том, что первые были верноподданные; а вторые, если можно так сказать, «скверноподданные». Судьба тех и других была одинакова: смерть, как последствие «крушения Империи»»⁷⁰.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 304. Л. 40–42.

⁶⁸ Там же. Л. 10.

⁶⁹ Там же. Л. 53.

⁷⁰ Там же. Л. 7–9.

А. В. Ганин

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ГЕНЕРАЛА СЕЛИВАЧЁВА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ¹

Переломная и трагическая эпоха начала XX века богата на непростые судьбы. Это утверждение особенно справедливо в отношении офицеров русской армии, оказавшихся перед сложнейшим выбором — с кем быть в годы братоубийственной Гражданской войны. Однако, даже по меркам Гражданской войны, довольно необычной кажется судьба русского генерала и советского военного специалиста Владимира Ивановича Селивачёва, погибшего в годы Гражданской войны при обстоятельствах, которые до сих пор остаются загадкой для историков.

Имя этого выдающегося военного деятеля России, участника русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, до сих пор было незаслуженно забыто. Думается, немалую роль в этом сыграл тот факт, что Селивачёв в 1919 г. был выдвинут на вершину советского военного Олимпа Л. Д. Троцким, чье имя позднее также оказалось на десятилетия вычеркнуто из истории Гражданской войны и Красной армии.

В работах исследователей лишь изредка цитировались небольшие фрагменты дневников Селивачёва за 1917 год, опубликованные в журнале «Красный архив» в 1925 г. другим незаурядным советским военным специалистом, бывшим Генштаба полковником Н. Е. Какуриным и отражавшие от-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00 350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Выражаю благодарность к. и. н. О. Р. Айрапетову, к. и. н. В. Б. Каширину, А. С. Кручинину, к. и. н. В. В. Поликарпову, И. М. Разиной, М. А. Хайрулину, д. и. н. В. Ж. Цветкову за ценные рекомендации. Схемы подготовлены О. Е. Алпеевым.

ношение Селивачёва к императорской власти и революции. Неопубликованная и большая часть дневников генерала, как и другие документы, связанные с его деятельностью, оставались невостребованными и забытыми.

Предлагаемый вниманию читателей очерк не ставит своей задачей полное и всестороннее жизнеописание Селивачёва. Основное внимание мы уделили периоду Гражданской войны, с которым связаны наиболее загадочные страницы биографии генерала. Служба Селивачёва до этого времени анализируется нами лишь постольку, поскольку она может давать объяснение тем или иным его действиям в 1918–1919 гг. и дополнять важными штрихами портретную характеристику генерала.

Одним из центральных событий, рассматриваемых в нашей работе, является неудачное советское наступление на Южном фронте в августе — сентябре 1919 г. Собственно подготовкой и участием в этом наступлении в качестве командующего одной из двух армейских групп фактически оказалась ограничена штабная служба Селивачёва в Красной армии. Следовательно, анализ участия Селивачёва и подчиненной ему группы в Гражданской войне представляет собой исследование небольшого по протяженности периода, ограниченного рамками одной операции. Тем не менее до сих пор об этом непродолжительном, но крайне важном и чрезвычайно интересном эпизоде истории Гражданской войны было известно очень мало, а отдельные факты лишь кочевали из работы в работу. Автор этих строк взял на себя смелость предложить вниманию читателей первый подробный обзор истории боевых действий на фронте группы Селивачёва летом — осенью 1919 г., основанный на впервые вводимом в научный оборот большом документальном материале.

Для нас представляет интерес ответ на целый ряд непростых вопросов. Прежде всего, остается неясным, как и почему на одном из самых ответственных для судьбы Советской России летом 1919 г. руководящих постов РККА неожиданно оказался бывший генерал, не только не имевший никакого командного и штабного стажа в Красной армии, но даже едва освобожденный из-под ареста по обвинению в контрреволюционном заговоре. Другим вопросом без определенного ответа является упомянутая выше историческая загадка, почему и при каких обстоятельствах в самый разгар операции руководивший ею Селивачёв неожиданно скончался. Такое сочетание событий при отсутствовавших до сих пор деталях произошедшего позволяло предполагать, что смерть генерала каким-то образом связана с неудачным исходом возглавляемого им наступления.

Разумеется, необходимо также понять, по каким причинам столь блестяще начавшееся и тщательно готовившееся наступление завершилось полным провалом, а белые смогли существенно продвинуться на север

для финального рывка к Москве. Важно разобраться, не было ли в этом провале злого умысла, вызванного возможной деятельностью в руководстве группы Селивачёва мощной антибольшевистской подпольной организации. Во всяком случае, на это косвенно указывают как свидетельства некоторых участников Белого движения, так и выявленные нами факты массового исчезновения целой группы ответственных штабных работников 8-й советской армии в сентябре — октябре 1919 г. Для проверки этой версии мы попытались не только подробно изучить весь ход операций группы Селивачёва, но и проанализировать отдаваемые им распоряжения на предмет соответствия их действительной фронтовой обстановке. Кроме того, интересно понять, имел ли какое-либо отношение к антибольшевистскому подполью сам Селивачёв и насколько вообще он мог быть лоялен большевикам.

Чтобы разобраться в этом внушительном перечне исторических загадок и проблем, возникших вокруг деятельности Селивачёва, мы изучили всю совокупность доступных нам опубликованных и неопубликованных документов, касающихся событий лета — осени 1919 г. в группе Селивачёва. Основу работы составили материалы четырех архивов — РГВИА, РГВА, ГА РФ и архива регионального управления ФСБ по Архангельской области.

В работе были использованы как служебные, так и личные документы Селивачёва, оперативная документация подчиненных ему объединений. Нами был осуществлен сплошной просмотр всех без исключения материалов фонда группы Селивачёва из собрания РГВА, тщательно изучены материалы фонда 8-й армии за период ее нахождения в составе группы. Значение обнаруженных в этих фондах материалов трудно переоценить. Однако в отложившемся в РГВА фонде 13-й армии, часть которой также входила в состав группы Селивачёва, практически не оказалось документов, проливающих свет на события августа — сентября 1919 г. Скорее всего, часть документации попала к белым (например, известно о тайной передаче начальником штаба 13-й армии А. М. Зайончковским большого количества оперативных материалов противнику в октябре 1919 г.²) и находится где-либо в зарубежных архивохранилищах. Помимо этих материалов, были проанализированы документы непосредственного начальства Селивачёва — командования Южного фронта, Полевого штаба РВСР и главнокомандующего всеми Вооруженными силами Республики, переписка советского военно-политического руководства, оперативные документы белых (отложившиеся в РГВА или опубликованные в эмиграции), а также разнообразные мемуарные свидетельства участников Гражданской войны. Необходимо отметить,

² Подробнее об этом: *Ганин А. В.* Саквож генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.

что множество архивных единиц хранения по этой теме не только никогда не анализировалось, но даже не попадало в руки исследователей.

Мы постарались внимательно проследить жизненный и служебный путь генерала Селивачёва, его успехи и неудачи к моменту рассматриваемых событий, проанализировали часть дневников, которые он вел до революции, и те характеристики, которые давали Селивачёву его сослуживцы. Все это позволило составить достаточно полное представление о личности генерала, его профессиональных и человеческих качествах и приблизиться к ответам на исторические загадки, связанные с последними месяцами жизни героя нашего очерка.

Владимир Иванович Селивачёв родился 14 июня 1868 г.³ в потомственной дворянской семье Санкт-Петербургской губернии. В 1886 г. он окончил Псковский кадетский корпус, а в 1888 г. — Павловское военное училище, в училище был портупей-юнкером и старшим портупей-юнкером. Свою армейскую службу Селивачёв начал в рядах 147-го пехотного Самарского полка, квартировавшего в Ораниенбауме, куда был выпущен подпоручиком 9 августа 1888 г. со старшинством с 7 августа 1887 г. Уже 20 августа 1891 г., отслужив положенные три года в строю, молодой офицер был откомандирован для держания вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба. По всей видимости, Селивачёв был достаточно целеустремленным человеком. Поступить в академию ему удалось с первого раза. Уже в стенах академии пришло известие о производстве в следующий чин поручика (27 апреля 1892 г. со старшинством с 7 августа 1891 г.).

Селивачёв благополучно отучился в академии и окончил ее по первому разряду 1 мая 1894 г. Более того, за отличные успехи в науках был Высочайшим приказом произведен в штабс-капитаны 18 мая 1894 г., после чего 25 мая приказом по Генеральному штабу № 74 был отчислен от академии к своей части «и вместе с тем для ближайшего ознакомления со службою Генерального Штаба в поле, командирован на время лагерных сборов в распоряжение Штаба Петербургского военного окр[уга]»⁴.

В списках Генштаба Селивачёв не значился и по Генштабу не служил. Как отмечал впоследствии другой выпускник академии Н. Е. Какурин, Сели-

³ Все даты до февраля 1918 г. указаны по старому стилю, даты после февраля 1918 г. указаны по новому стилю. В исключительных случаях, относящихся к отдельным событиям на белом Юге, где продолжал существовать старый стиль, приводятся две даты.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П / с 149–082 (1918 г.). Л. 15.

вачёв окончил академию «без причисления к Генеральному штабу по мотивам, имевшим мало отношения к успешности его научных занятий, и снова вернулся в строй тянуть лямку армейского пехотного командира»⁵. К ответу на вопрос, почему это произошло, мы вернемся чуть позже.

И все же факт окончания академии периодически давал о себе знать, отражаясь на службе будущего генерала. Например, с 1 по 17 июля 1896 г. Селивачёв был командирован в Новгород для участия в полевой поездке офицеров 22-й пехотной дивизии в качестве руководителя. С 5 по 22 августа Селивачёв находился в командировке там же, но на этот раз для участия в подвижном сборе 22-й дивизии. Наконец, 9 января 1897 г. он был прикомандирован к штабу I армейского корпуса для ознакомления с обязанностями старшего адъютанта — должностью, замещавшейся офицерами Генерального штаба. С 27 января он уже официально занял эту должность, на которой находился четыре года до 5 января 1901 г.

8 октября 1900 г. Селивачёв был произведен в капитаны со старшинством с 6 мая того же года. 6 мая 1903 г. последовало производство в подполковники с переводом в 88-й пехотный Петровский полк, располагавшийся в селе Грузино Новгородской губернии, а 19 июля 1904 г. Селивачёв отправился на войну с Японией, и 27 августа Селивачёв уже был в Маньчжурии.

Во время русско-японской войны Селивачёв командовал батальоном, проявил чудеса храбрости и был 3 октября 1904 г. «при взятии Новгородской Сопки ранен ружейной пулей в левую ушную область, причем пуля засела поперек наружного прохода в костях и хрящах».⁶ Бой за Новгородскую (так называемую «сопку с деревом», названную Новгородской в честь штурмовавших ее бойцов 22-й пехотной дивизии, в мирное время дислоцированной в Новгородской губернии) и Путиловскую (названа в честь генерал-майора П. Н. Путилова) сопки произошел на заключительном этапе сражения на реке Шахэ 3–4 октября 1904 г. Обе сопки представляли собой отроги одной и той же высоты (западный отрог — Путиловская и восточный — Новгородская), поэтому указание из воспоминаний самого Селивачёва, что речь шла об одной и той же высоте,⁷ недалеко от истины. Эта высота находилась в центре расположения русских войск и овладение ею имело принципиальное значение, поскольку давало возможность контролировать долину реки Шахэ.

За контроль над этими высотами развернулись ожесточенные бои, сопровождавшиеся штыковыми атаками и рукопашной. Для овладения со-

⁵ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П / с 149–082 (1918 г.). Л. 24.

⁷ *Селивачёв В. И.* Японо-Русская война. Петровцы на Путиловской сопке (Воспоминания батальонного командира). СПб., 1905. С. 16.

сками 3 октября был выделен сильный отряд из трех полков 22-й пехотной дивизии — 86-го пехотного Вильманстрандского, 87-го пехотного Нейшлотского и 88-го пехотного Петровского под временным командованием генерал-майора В. М. Новикова и 2-я бригада 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора П. Н. Путилова — 19-й и 20-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. Также в атаке участвовали некоторые другие части. Только в бою 3 октября укрепившиеся на высоте японцы потеряли порядка 1 500 человек, бригада генерал-майора Ямада была практически уничтожена, наши войска захватили 14 орудий противника и пулемет. Потери наступавших русских войск должны были быть выше. По некоторым данным, атака двух сопков обошлась нашим войскам в 3 000 человек убитыми и ранеными⁸.

В своих воспоминаниях Селивачёв подробно описал события и собственные переживания после принятия решения о переходе в атаку:

«Я перебежал к людям и, крикнув “за мной”, вошел в реку. Ясного отчета себе, что я делаю, я, конечно, не отдавал, а чувствовал, что надо же перейти на ту сторону, так как лежать тут тоже было не сладко. Войдя в реку, я удивился, что она как бы кипела — так сильно били по воде пули, по реке шли пузыри.

Кровь прилиwała к лицу, в висках стучало, во рту пересохло, а там впереди — неизвестно, быть может и смерть; становилось страшно.

Устроив первых переведенных людей, я стал махать на тот берег, чтобы переходили другие, но видя, что меня, вероятно, не замечают, я перешел реку снова, перевел еще часть людей и вернулся за остальными. Тут я встретил раненых, командира нашего полка и подполковника Лаврова и, сообразив, что остался в полку старшим, бегом направился к полку...

Подъем на сопку был в высшей степени труден.

Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек и резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса — “толпа в образе колонны”, впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади для того, чтобы удерживать людей от поворота. Четыре раза эта масса по крику одного — “японцы бьют” поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымалась вверх.

На офицеров легла тут тяжелая нравственная ответственность.

Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовал, что поверни эта масса еще раз назад, и я инстинктивно подчинюсь ее влиянию.

Но, Слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку; сильно уже стемнело... Не доходя до японских окопов, я был свален

⁸ История русско-японской войны 1904–1905 гг. Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 293.

ударом пули в ухо. Обливаясь кровью, я пролежал несколько минут без памяти, но затем был подхвачен санитаром, который и сделал мне первоначальную перевязку. С помощью полкового адъютанта я перебрался через реку и направился на перевязочный пункт. Но своего пункта я найти не мог, а, воспользовавшись встреченною лошадию, стал искать хоть какой-нибудь перевязочный пункт. Часа через три я, наконец, добрался до отряда Цеgefон-Мантейфеля.

Желание мое вернуться к полку, командовать которым остался капитан, не осуществилось, так как меня била лихорадка и температура доходила до 40°.

4-го октября на армянском транспорте, под страшным проливным дождем, я добрался до №4 Подвижного Госпиталя Красного Креста, бывшего у Фушунской ветки, и здесь провел остаток ночи с 18-ю ранеными японцами.

На следующий день 5-го октября нас поместили в товарные вагоны, и в этих «теплушках», на полу, мы провели 5 ½ дней до Харбина, причем два дня не обедали»⁹.

По итогам боя за сопки противники перешли к позиционной борьбе, продолжавшейся до мукденского сражения. За боевые отличия в сражении на реке Шахэ в период с 28 сентября по 5 октября 1904 г. Селивачёв был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами (28 ноября 1904 г.) и произведен в полковники (31 мая 1906 г.). Судя по мемуарам Селивачёва, он еще был в те годы убежденным монархистом или, во всяком случае, декларировал свою исключительную приверженность императору¹⁰. Уже в 1905 г. он писал о тесной спайке с нижними чинами, которые иногда проявляли трогательную заботу о своем командире¹¹.

Лишь 19 апреля 1906 г. Селивачёву удалось вернуться в свой полк.

В этот период империя уже погрузилась в хаос массовых беспорядков периода первой русской революции, которые тогда ликвидировались силами армии. Селивачёв также участвовал в обеспечении государственной безопасности. В частности, в период с 30 августа по 4 сентября 1906 г. он был во главе батальона командирован в Череповец для несения охранной службы.

Уже 4 сентября последовала новая командировка, на сей раз в столицу, в Комитет по образованию войск, где с 8 сентября по 30 ноября он состоял членом комиссии по пересмотру устава полевой службы. По всей видимости, недавнего «академика» начальство сочло более подходящим для умственной работы. Грамотный офицер был замечен в Петербурге и с 30 ноября 1906

⁹ Селивачёв В. И. Указ. соч. С. 21–22.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 19.

по 15 января 1907 г. состоял членом комиссии по пересмотру образцов пехотного снаряжения. Однако и после этого Селивачёв не отпустили в полк, взяв в комиссию генерал-адъютанта Н. П. Зарубаева, учрежденную при Главном штабе, в которой наш герой состоял с 15 января по 30 апреля 1907 г.

Только 10 мая, после долгого восьмимесячного отсутствия, Селивачёв вернулся к командованию своим батальоном. Летом ему пришлось временно командовать полком (28 июня — 1 июля 1907 г.).

11 сентября 1907 г. он вновь командирован в комитет по образованию войск в Петербург. Через 6 дней, 17 сентября, последовало новое назначение от комитета членом комиссии для производства проверки успешности выполнения принятых Офицерской стрелковой школой программ и правильности постановки курса практических занятий.

Наконец, 9 января 1908 г. Селивачёв получил в командование 179-й пехотный Усть-Двинский полк и принял полк 31 января, 2 ноября 1911 г. был назначен командиром 4-го Финляндского стрелкового полка, а 22 марта 1914 г. за отличия по службе произведен в генерал-майоры.

2 апреля 1914 г. последовало назначение Селивачёва начальником 4-й Финляндской стрелковой бригады,¹² с которой он и пошел на фронт Первой мировой. Новая война стала важнейшим периодом жизни и службы Селивачёва. В эти годы он в полной мере проявил свои выдающиеся командные качества, и, хотя некоторые его действия вызывали критику и нарекания, показал себя весьма энергичным командиром¹³.

21 августа Селивачёв со штабом бригады выступил по железной дороге из Таммерфорса. 25 августа бригада прибыла в Августов, высадилась и повела наступление на Марграбово в Восточной Пруссии. В дальнейшем бригада отступила к Августову и 1 сентября заняла позиции возле этого города в авангарде XXII армейского корпуса. 3–4 сентября Селивачёв руководил обороной под Августовом и отходом на позиции у деревень Грусски и Ястржембна. 6 сентября бригада дралась под Грусками. С 10 по 13 сентября бригада находилась в резерве корпуса, а с 14 сентября участвовала в наступлении в составе корпуса. 17 сентября с боем был занят город Сейны, а с 18 по 20 сентября бригада наступала на Сувалки, тогда же произошел двухдневный кровавый лесной бой у деревни Гаврихруда. Бои продолжались непрерывно до начала октября, пока 3 октября бригада не была отведена в резерв командующего 10-й армией в районе Августова, однако уже с 5 октября бои с участием бригады Селивачёва возобновились. С 19 октября бригада наступала на город Лык, который был занят нашими войсками 24 октября,

¹² Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е Апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 935.

¹³ Критическую оценку деятельности Селивачёва в сентябрьских боях 1915 г. см.: *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. М., 2005. С. 386, 395, 399, 410, 414–415, 417, 420.

и бригада стала продвигаться в глубь Восточной Пруссии к городу Арис, также вскоре занятому войсками Селивачёва. После этого войска Селивачёва выдвинулись к линии озер, где заняли позиции и стали закрепляться на них. В ноябре бригада находилась в корпусном резерве, а затем началась позиционная война, и ярких событий в жизни бригады до конца 1914 г. больше не происходило.

8 января бригаду Селивачёва в составе корпуса перебросили на Юго-Западный фронт (в район Львова), куда она прибыла 19 января. Уже на следующий день бригада оказалась вовлечена в позиционные бои на хребтах Мыта и Растично. К 25 января были заняты позиции у деревень Козювка, Росохач, Оравчик. Бои здесь продолжались до 28 апреля, после чего начался отход с Карпат. Бригада отступала с боями, один из которых произошел у города Дрогобыч.

По записи из фронтового дневника Генштаба капитана (позднее — генерал-майора) А. И. Верховского, относящейся к началу мая 1915 г., «в 4-й финляндской стрелковой бригаде на двенадцатый день боя расстреляны последние патроны, и пополнить их было неоткуда. Австрийцы, обнаглев, совершали все передвижения открыто и пошли в атаку густыми сомкнутыми массами, а у наших стрелков не было ни одного патрона. 4-я бригада не удержалась и отошла. Ее блестящий начальник, генерал Селивачёв, выехал к отступавшим, сам в цепи подбадривал людей, и действительно ему удалось остановить отход на следующем лесном рубеже. Когда же сверху пришел обычный грозный запрос, кто виноват в неудачном бою бригады, Селивачёв с достоинством ответил: «побеждают мои полки, а если несем неудачу, то виноват я один». Вот бы нам побольше Селивачёвых! Наверное не было бы такого позора, который мы переживаем сейчас»¹⁴.

Талантливого командира заметили. 26 февраля 1915 г. за отличия в делах против неприятеля он был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. с мечами, а 27 марта 1915 г. — с мечами к ордену Св. Владимира 3-й ст. Приказом войскам 8-й армии от 18 апреля 1915 г., утвержденным высочайшим приказом от 10 ноября 1915 г., Селивачёв был за бои с 25 января по 27 февраля 1915 г. у деревни Росохач награжден Георгиевским оружием. Более того, высочайшим приказом от 1 сентября 1915 г. Селивачёв за отличие в бою 7 мая 1915 г. у деревни Гай Вышний был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., 10 июля он удостоивается ордена Св. Анны 1-й ст. с мечами, а 8 октября — ордена Св. Владимира 2-й ст. с мечами и Высочайшего благоволения.

В апреле 1915 г. бригада Селивачёва была развернута в дивизию, а 12 мая 1915 г. Селивачёв был высочайше утвержден ее командующим. Во второй по-

¹⁴ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918. С. 31.

ловине мая в период отступления произошла еще одна реорганизация — дивизию передали в состав VI армейского корпуса. Отступление русских войск продолжалось, дивизия в период с 5 по 10 июня вела отступательные бои и закрепилась на позиции на северном берегу Днестра, где выдержала трехдневный бой у местечка Бобрка. 14–15 июня дивизия отошла за реку Гнилая Липа и дралась у города Бржезаны вновь в составе XXII корпуса. С 16 июня по 5 июля стрелки стояли в резерве у местечка Поморжаны, а затем были направлены на позиции у деревень Дунаюв и Добротвор. 28 июля дивизия погрузилась в эшелон на станции Броды и была переброшена на станцию Кошедары, куда прибыла 3 августа. После высадки началось наступление дивизии на крепость Ковно и бои в составе XXVI армейского корпуса и 10-й армии. Однако успеха добиться не удалось, начался отход с боями к городу Новые Троки, ожесточенные бои у которого шли во второй половине августа. В сентябре дивизия дралась под местечком Крево.

Численность дивизии тогда составляла лишь четыре батальона — 92 офицера, 2 316 штыков и 905 нижних чинов, вооруженных винтовками в различных командах при 22 пулеметах и 13 орудиях¹⁵. Дивизия была деморализована огромными потерями. В начале октября дивизия сосредоточилась в районе местечка Беница в резерве XXVI армейского корпуса, после чего перешла в резерв V Кавказского армейского корпуса в район деревни Канюхи. Затем дивизию перебросили в окрестности Николаева для укомплектования и пополнения. С середины октября по конец ноября она в боях не участвовала. Однако в декабре пополнившаяся дивизия в составе 7-й армии и V Кавказского армейского корпуса приняла участие в наступлении в районе Пилявы.

Позиция в районе деревень Пилява — Площа и высоты 387 была занята стрелками, которые провели здесь половину декабря, январь и почти весь февраль. 24 февраля дивизия отошла в район Подволочиска и Тарноруды в резерв армии, а 25 февраля была передана в резерв 8-й армии и вошла в состав VIII армейского корпуса. В районе города Ровно в резерве дивизия простояла до 16 мая 1916 г. Как раз в период бездействия дивизии с 26 февраля по 24 апреля 1916 г. Селивачёв был эвакуирован с фронта по болезни.

Вскоре после возвращения Селивачёва к войскам началось наступление Юго-Западного фронта. Стрелки прорвали фронт и участвовали в преследовании противника в авангарде корпуса от Луцка и на переправах через реку Полонку. В период с 29 по 31 мая дивизия сосредоточилась в районе местечка Суск в резерве XXXIX и V Сибирского армейских корпусов, к 3 июня дивизия была передана в состав XXX армейского корпуса, а затем на протяжении

¹⁵ Свечин А. А. Искусство вождения полка. С. 386.

большей части июня побригадно действовала в XXX и V Сибирском армейских корпусах. В конце июня — начале июля произошло новое переподчинение — на этот раз командованию I Туркестанского армейского корпуса. На протяжении июля шли жестокие бои на Стоходе, причем стрелки заняли плацдарм на западном берегу реки. В начале августа дивизия готовилась к прорыву позиций противника на Стоходе. 6 августа 1916 г. дивизия Селивачёва по его инициативе форсировала реку Стоход и захватила Червищенский плацдарм, взяв большие трофеи (1 146 пленных, орудие, 4 миномета, 18 пулеметов).

Затем дивизию переподчиняли то командованию XVI армейского корпуса, то вновь командованию I Туркестанского. 22 сентября 1916 г. Селивачёв был произведен в генерал-лейтенанты со старшинством с 27 мая 1916 г. и утвержден в должности начальника дивизии. С 8 сентября по 19 ноября дивизия перешла на позиции в районе Гулевичи — Рудка Миринская в составе отряда генерала Ванновского. Во второй половине ноября дивизия была переброшена в город Кременец и в период с 24 ноября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. занимала позиции в районе деревень Колодно — Новики — Ихровица — Плешковице — Вертелка — Иванчаны, причем с января 1917 г. находилась там в качестве резерва командующего 11-й армией. С 28 февраля по 3 апреля дивизия находилась на позиции по линии деревня Гнидава — Лес Хукалиовце в составе XVII армейского корпуса. В общей сложности, по наблюдению самого Селивачёва, его дивизия за годы войны переменила 34 корпуса и 14 армий,¹⁶ что не свидетельствует о высоком уровне организации старой армии.

Серьезные перемены в служебном положении Селивачёва, несомненно, были связаны с революционными событиями 1917 г. Селивачёв прекрасно понимал пагубность революционной смуты и анархии для армии. Эти мысли нашли отражение в его дневнике. Сугубый технический профессионализм автора дневника и его убежденность в том, что политика не должна влиять на армию, вполне наглядно отражены, например, в записи от 7 марта 1917 г.: «Вчера получил телеграмму от к[оманди]ра 743 запасного пех[отного] полка, укомплектовывающего дивизию, такого содержания: “Счастлив сообщить, что полк в полном составе офицеров и нижних чинов присоединился к новому правительству. Продолжаем работать по подготовке укомплектований”.

Несомненный дурак — какое мне дело до его политических убеждений: присылай лучше обученные укомплектования»¹⁷.

Генерал Селивачёв был заботливым отцом-командиром, хорошо разбирался в солдатской психологии. «Я глубоко убежден, — записал он в днев-

¹⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 26а об.

¹⁷ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 111.

нике 10 марта 1917 г., — что солдаты желают теперь только одного — еды и мира, так как устали от войны, питаться же громкими фразами об “отечестве”, его славе и могуществе родины наш солдат не может, особенно настоящий, так как в деревнях его в этом духе не воспитывали, а армия не имеет времени заняться этим, так как должна вести бой...»¹⁸. При этом он констатировал беспомощность офицеров в общении с солдатской массой при новых условиях: «Гг. Офицеры, не имевшие права в мирное время даже читать “якобы неблагонадежных” газет, оказались совершенно неподготовленными к политическим выступлениям и беседам; современная же молодежь-офицеры абсолютно никуда не годны для воспитания солдата — полнейшее незнание, полнейшее лентяйничанье и полнейшее непонимание обстановки»¹⁹.

3 апреля 1917 г. по распоряжению командующего 11-й армией Селивачёв отправился в штаб Киевского военного округа для руководства и наблюдения за формированием отделов управления XLIX армейского корпуса. Вскоре Селивачёв возглавил этот корпус. Прощание с родной дивизией было трогательным. Депутация 14-го Финляндского стрелкового полка поднесла генералу специально подготовленный адрес: «В лице Вас мы имели начальника, в совершенстве понимающего военное дело и искренно преданного ему душою, телом и всеми своими помышлениями. Начальника, в котором мы вполне уверены, про которого мы знали, что Он не пойдет ни на какую рискованную авантюру, ради своих личных служебных выгод, что он не возьмет на себя исполнение задачи, не продумав ее глубоко и не изучив всесторонне, и это сознание давало нам уверенность в возможности и необходимости выполнения данной нам задачи, что неимоверно ценно для осуществления каждого предприятия. Тяжело для нас терять такого начальника, тем более в предстоящий страданный период. Но наша скорбь смягчается мыслью, что наш взгляд на Вас, Владимир Иванович, разделен и новым Правительством, которое при назначениях на ответственные посты не руководствуется не чем иным, как только талантами, заслугами перед родиною и вообще личными достоинствами людей. Дай Бог Вам и дальнейшего повышения по службе, вполне Вами заслуженного»²⁰. Сам генерал тоже высоко оценил свою боевую работу:

«Итак, окончены три года тяжелой неустанной работы с дивизией, которой отдал все свои силы, знания и здоровье, дивизии, которая требовала именно крутой работы, чтобы с нею можно было чего-нибудь добиться.

¹⁸ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 112.

¹⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 82 об.

²⁰ Там же. Л. 92а.

Благодарю Тебя, Господи, за дарованные мне в эти три года силы; только Твоя неизреченная Милость поддерживала меня в моих трудах. Слава Тебе, Господи! Помоги мне в предстоящей работе и вразуми меня на новое, великое служение родине!!!

Пресвятая Владычица, помоги мне!!»²¹

За отличия в делах против неприятеля 9 апреля 1917 г. Селивачёв был награжден орденом Белого Орла с мечами.

С 16 апреля 1917 г. он командовал ХLIX армейским корпусом, вошедшим в состав 11-й армии. К 25 мая Селивачёв завершил формирование корпуса. В ходе не особенно удачного июньского наступления русской армии корпус Селивачёва (82-я пехотная, 4-я и 6-я Финляндские стрелковые дивизии, Чехословацкая стрелковая бригада) нанес поражение IX австрийскому корпусу в знаменитом сражении у Зборова. 18–19 июня на участке высота Могила — деревня Конюхи Селивачёв прорвал укрепленную позицию противника и начал его преследование. Однако в разгар наступления Селивачёв получил новое назначение. 21 июня личным приказом военного министра он был назначен командующим 7-й армией и на следующий день принял эту должность.

С 22 июня по 9 сентября Селивачёв командовал 7-й армией, сменив на этом посту Генштаба генерал-лейтенанта Л. Н. Бельковича. Армия вплоть до 6 июля держала оборону позиции против города Бржезаны. Именно Селивачёву удалось спасти войска от возможного окружения противником. Возглавив армию, он сделал все возможное, чтобы уберечь ее от разложения (вплоть до применения артиллерии в отношении бунтовщиков). Комиссары 7-й армии даже жаловались на невозможность работать из-за того, что в армейском руководстве оказались противники революции²². Сам Селивачёв не стеснялся высказывать комиссарам свое мнение по принципиальным вопросам управления армией и, как говорили, «усиленно воевал» со своим армейским комиссаром²³.

С 7 по 13 июля армия отступала в районе рек Серет, Стрыпа и Збруч, а с 14 июля стала закрепляться на позиции по линии местечко Гржималув — река Гнила — река Збруч (фактически — по старой русской границе). На этих позициях, несмотря на попытки противника атаковать (например, у Гусятина), армия находилась вплоть до ухода из нее самого Селивачёва в сентябре 1917 г.

²¹ Там же. Л. 93.

²² Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.–Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106.

²³ *Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 38.

Селивачёв был одним из наиболее передовых по своим взглядам представителей высшего командного состава русской армии. Он уделял большое внимание подготовке войск, хотя в условиях развала фронта это было не просто. Еще 12 июля в письме к жене он откровенно отметил: «Командовать подобными бандами невозможно»²⁴. 14 августа 1917 г. в своем дневнике он записал, что армию «надо учить, учить и учить, т. к. она совершенно не боеспособна, а прибывающие пополнения только ухудшают ее во всех отношениях...»²⁵.

Генерал внимательно следил за развитием военной науки и техники. Немногие из командующих армиями эпохи Первой мировой войны могли похвастаться, к примеру, полетами на аэропланах в боевой обстановке. Селивачёв, наряду с другим выдающимся русским генералом того периода П. А. Лечицким, придавал большое значение таким полетам и действительно совершил два полета в августе 1917 г. Он искренне говорил сопровождавшим его летчикам: «Вот где должен находиться командующий армией во время боев... Разве можно сравнить то, что видишь на наблюдательном пункте, с тем, что развертывается перед глазами с самолета»²⁶. Совершив 12 августа второй полет в сопровождении семи истребителей, Селивачёв записал в дневнике: «Картина в воздухе была великолепная»²⁷.

Генерал планировал продолжить полеты и даже облететь весь фронт своей армии. Показательно, что Селивачёв пренебрегал при этом личной опасностью. Так, когда один из устаревших аппаратов «Вуазен», на котором он поднялся в воздух, оказался неисправен, Селивачёва это не смутило, и он продолжил полет на другой машине. У летчиков остались исключительно благожелательные воспоминания о генерале. По воспоминаниям летчиков, Селивачёв — «невысокий, худощавый генерал с большой сидящей бородой... с видимым сожалением расстался командующий армией со своими хозяевами. С таким же сожалением расставались с ген. Селивачёвым и летчики. За эти короткие часы они сумели увидеть болезненно стыдливую, замкнутую обычно, но прекрасную, чистую и пламенную душу своего начальника, раскрывшуюся в дружной офицерской семье в те смутные тяжкие дни»²⁸. При этом враги Селивачёва стали распускать слухи, что генерал летал на аэроплане, чтобы сигнализировать немцам и указать места для прорыва русских позиций²⁹.

²⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 6а.

²⁵ Там же. Л. 5 об.

²⁶ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. №46. 31.12. С. 9.

²⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 об.

²⁸ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний. С. 9–10.

²⁹ *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 34.

В день своего второго полета, 12 августа, Селивачёв также записал в своем дневнике: «С минуты на минуту ожидаются крупные события и вызов корниловцев не позднее 15-го авг[уста]. Дай Бог Корнилову остаться на месте и справиться с этой разрухой — гидрой!!»³⁰ При этом сам Верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов советовал Селивачёву избегать конфликтов с комиссарами, так как вскоре ожидалось серьезные перемены³¹. После совещания командующих армиями 15 августа Селивачёв записал: «Общая наша (командующих армиями. — А. Г.) песенка одна — Армии больны, необходима власть начальникам, сокращение работы разного рода Комитетов и Комиссаров, т. к. толку в них никакого. До исцеления армии думать о наступлении трудно — слава Богу еще, что в армиях идут боевые поиски»³². Характеристика министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского Селивачёвым вполне ожидаема: «Общее впечатление от него — как от человека истерического, которому место в больнице душевнобольных»³³. Неудивительно, что во время корниловского выступления Селивачёв поддержал генерала Л. Г. Корнилова, после чего был отстранен от должности и арестован комиссаром Юго-Западного фронта Н. И. Иорданским³⁴.

28 августа Селивачёв присоединился к датированной предыдущим днем телеграмме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. И. Деникина, адресованной Керенскому, Корнилову и главнокомандующим фронтами:

«Я солдат и не привык играть в прятки. 16-го июля на совещании с членами Временного Правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту Главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным Правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Главковерха.

Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного Правительства, что по этому пути с ним не пойду. 27 августа № 145. Генерал Деникин»³⁵.

³⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 об.

³¹ Там же. Л. 4а.

³² Там же. Л. 6-6 об.

³³ Там же. Л. 13 об.

³⁴ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106; *Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 554–556.

³⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 13–13 об.

Тогда же Селивачёв принял решение уйти из армии по состоянию здоровья, истинная же причина заключалась в невыносимости условий службы. В тот же день находившийся при Селивачёве комиссар Временного правительства перевел в свое подчинение комендантскую команду штаба армии и броневики³⁶. 31 августа Селивачёв записал в дневнике, подводя итог состоянию войск: «Великое дело спасения армии попадает в руки полнейших невежд. Бедная, бедная родная армия — из этой — из этой могучей, страшной врагам силы, ты превратилась в толпу разнузданных хулиганов, шкурников... Лично я не вижу просвета и глубоко убежден в полном развале армии»³⁷.

2 сентября генерал был арестован, но освобожден уже 11 сентября. По одному из свидетельств, «озверелая солдатня арестовала его и гнала сорок верст по грязи до станции железной дороги»³⁸. Под арестом Селивачёв находился в бердичевской тюрьме. В дальнейшем на фронт он уже не вернулся. В послужном списке генерала об аресте не говорилось, но отмечалось, что 2 сентября 1917 г. Селивачёв был отправлен в штаб армий Юго-Западного фронта для освидетельствования состояния здоровья на предмет эвакуации внутрь России. 11 сентября был освидетельствован к эвакуации через Киевский эвакуационный пункт, а 13 сентября поступил на учет Петроградского тылового распределительно-эвакуационного пункта. С 20 сентября по 20 ноября Селивачёв числился уволенным в отпуск по болезни. 20 ноября он вернулся на учет и был вновь уволен в двухмесячный отпуск с 24 ноября 1917 г. по 24 января 1918 г. Следующий двухмесячный отпуск он получил с 25 января по 25 марта 1918 г., причем на основании приказа народного комиссара по военным делам от 29 января 1918 г. № 113 согласно личному желанию был уволен вовсе от военной службы.

Селивачёв был женат первым браком на дочери протоиерея лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Марии Федотовне Гордиевской (1869 года рождения), которая родила ему шестерых детей — трех сыновей и трех дочерей³⁹.

Интересную характеристику Селивачёва оставил его подчиненный в годы Первой мировой войны, будущий гетман Украины П. П. Скоропадский. Селивачёв, по его словам, не сочувствовал украинскому вопросу, но к Скоропадскому лично относился очень хорошо. «Хороший генерал, это тоже один из честных русских генералов. Вообще, как и во всем в России,

³⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 18 об.

³⁷ Там же. Л. 22.

³⁸ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний. С. 10.

³⁹ Дети Селивачёва с указанием дат их рождения: Борис (03.02.1895), Ксения (25.05.1896), Татьяна (05.10.1897), Михаил (07.11.1901), Константин (05.05.1903), Анастасия (21.01.1909).

вечно самые яркие контрасты, также и в среде генералов. Чуть ли не ходячее мнение, что наш высший командный состав плох. Это, по-моему, неверно; среди нашего генералитета были действительно светлые личности, и к таким, между прочим, я причисляю Селивачёва. Но при существующей у нас вечной анархии и справа, и слева честным людям приходится преодолевать несравненно больше препятствий для проявления своей воли и инициативы в полезную сторону, чем где бы то ни было в другой стране... Вообще, это был редко честный человек»⁴⁰.

Другой сослуживец, офицер-генштабист, говоря о Селивачёве, также употребил эпитеты в превосходной степени: «Это был замечательный человек и выдающийся военачальник. О нем необходимо сказать несколько слов... Передо мной стоял небольшого роста, худощавый человек с большой бородой, бакенбардами и невероятного фасона головы. Голова уходила вверх острым клином; это была сахарная голова и, когда генерал одевал фуражку, то верхняя, острая часть головы выпирала кверху через эту фуражку. Я был предупрежден о его внешности, но невольно взглянул на голову. Этот физический недостаток не повредил его мозги, а скорее обострил их. Умный, строгий взгляд его карих глаз, живость характера, горячая преданность военному делу, настоящий “*feu sacré*” (“священный огонь”) и большая требовательность к своим подчиненным делали его выдающимся военным учителем. Он окончил Академию Генерального Штаба, но перед выпуском начальник Академии будто бы сказал ему, что с таким фасоном головы выпустить его в Генеральный Штаб не могут»⁴¹. К офицерам Генерального Штаба генерал Селивачёв относился отрицательно и недружелюбно. Младших офицеров Генерального Штаба он насмешливо называл “стратегические мальчики”, и меня он встретил учтиво, но холодно и недоверчиво...»⁴² Вероятно, не без основания нас ста-

⁴⁰ *Скоропадський П.* Спогади. К.-Філадельфія, 1995. С. 64–65, 66. Любопытно, что сам Селивачёв в дневниковой записи от 22 августа 1917 г. дал совершенно противоположную характеристику Скоропадскому: «Вечером приехал генерал Скоропадский все, конечно, со своими бесконечными жалобами и просьбами по вопросу Украинизации. Пришлось крупно поговорить с ним, т. к. он стал доказывать, что в этой разрухе не он виноват, а те, кто согласился на Украинизацию, намекая, конечно, в числе “тех” на меня. Я, не выдержав, резко ответил ему, что он с первых же шагов сделал неправильно, взяв с собой неукраинских офицеров, а теперь поставил их так, что, работая, они могут ожидать только своего ухода из дивизий, которые они обучают, ради каких-то “самостийных” идей, что, на мой взгляд, для России не только вредно, но просто преступно». (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об.)

⁴¹ «Этого он мне сам никогда не рассказывал и, может быть, это относится к разряду выдумок так же, как и то, что будто бы ему во время японской войны все же предложили должность по Генеральному Штабу, на что он ответил, что фасон головы у него не переменялся» (*прим. автора*).

⁴² «Это относится лишь к службе. В частной жизни я был принят в их милой семье как свой: семья состояла из добрейшей хозяйшки, Марии Федотовны, и 6 детей. Две из его дочерей были уже взрослыми интересными барышнями» (*прим. автора*).

ли называть в других частях “селивачи” (т. е. Селивачёвцы)... Возвращаясь с учёня, генерал Селивачёв постоянно экзаменовал офицеров из полевого устава тактическими и другими вопросами, вроде: какова дальность полета пули, можно ли стрелять по закрытым целям и т. п., чем приводил в восторг командира корпуса, генерала барона Бринкена»⁴³.

Похожую характеристику оставил и Генштаба генерал-майор Б. В. Геруа: «Не помню, кто командовал 6-м корпусом, но командира 49-го забыть трудно. Это был генерал Селивачёв, составивший себе вообще, а в те смутные дни в особенности славу ловкого, толкового и энергичного начальника. Небольшого роста, худой, с необыкновенно длинным лицом, в усах и бороде, точно из-под кисти El Greco, и с еще более длинным лысым черепом, возвышавшимся в форме цилиндра. Селивачёв обращал на себя внимание. Голова эта сослужила плохую службу Селивачёву в Академии Генерального штаба: учился он очень хорошо, а в Генеральный штаб его не выпустили. Сказали: “Нельзя с таким природным цилиндром, над которым будут шутить!”

Но под цилиндром были отличные мозги, а на войне Селивачёв доказал и свою волю»⁴⁴.

Свидетельство о недопущении Селивачёва в Генеральный штаб из-за физического недостатка подтверждается еще одним мемуаристом, общавшимся с Селивачёвым в августе 1917 г., когда генерал совершал свои полеты на аэропланах. Эта история, если она соответствовала действительности, выпукло показывает отнюдь не недостаток самого Селивачёва. Она отчетливо демонстрирует один из симптомов тяжелой болезни военного управления поздней Российской империи — порочную, иррациональную и близорукую кадровую политику, при которой наверх часто выдвигались худшие элементы, а лучшие, наоборот, подвергались унижениям и порицанию. Очевидец вспоминал: «В тесной авиационной семье охотно разговорился считавшийся угрюмым и замкнутым, умный и интересный старик-командир. Он так увлекательно рассказывал, что слушать его было одно наслаждение. Но воспоминания молодости, об академии — звучали какою-то затаенною горечью, которую все чувствовали, но не понимали ее причины.

Должно быть, он это заметил, потому что вдруг выдержал паузу и сказал с непередаваемой иронией: “И знаете... что мне мешало... Вот...” Он снял фуражку, с которой не расставался во время ужина, и указал на свою голову: “Вот, моя голова. Когда я подал прошение о том, что хочу держать экзамены в академии, то там еще думали и решали, можно ли принять в академию человека

⁴³ *Архитов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // *Военная Быль*. 1968. Март. № 90. С. 21–22.

⁴⁴ *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж, 1970. С. 186–187.

с такой формой головы...” Он коротко и болезненно рассмеялся. Всем было не по себе... Голова генерала была действительно редкой формы, яйцообразная, конусообразная, очень вытянутая сверху и совершенно лысая теперь.

— А я в академии им всем и насолил. Кончил первым. Но все же трудно поверить, из-за формы головы меня не перевели по Генеральному штабу... Много мне эта моя голова хлопот в жизни причинила... Впрочем, — теперь ерунда. Об этом не стоит вспоминать. Лучше расскажу, как ездил я сегодня в одну дивизию, вызвали меня туда. Отказывались там полки в наступление идти. Ставят какие-то условия... Приезжаю, строятся... Здороваюсь. В чем дело, друзья мои. Какие такие вы ставите условия, чтобы воевать.

— А желаем, чтобы впереди полков шли командиры, рядом попы с крестами, опосля офицеры, за ними доктора и сестры — а позади мы.

— Очень хорошо, говорю. Долго жил. Много всего видел. Только не видел, чтобы ездил извозчик задом наперед. Этого, признаюсь, не видел. Как же он управлять будет. Кто же вами, друзья, управлять будет.

Помолчали, подумали. Засмеялись... Дело уладилось... на сегодня. А завтра — один Бог знает, что еще изобретут. До чего заморочили им головы... До слез мне жаль нашего мужика-солдата»⁴⁵.

По оценке генерала А. И. Деникина, Селивачёв — «прямой, храбрый и честный солдат, который был в большой немилости у комитетов»⁴⁶. Многие годы Селивачёв вел дневник, что говорит об определенных чертах характера — усидчивости, упорстве, силе воли. По другим оценкам, Селивачёв был довольно наивным и доверчивым человеком⁴⁷.

Еще один белый генерал-генштабист, П. С. Махров, привел следующую характеристику Селивачёва: «Я лично знал Селивачёва еще в 1915–1916 годах, когда он в армии генерала Брусилова командовал одной из стрелковых дивизий 22-го Финляндского (правильно — армейского — А. Г.) корпуса генерала фон Бринкена. Я тогда исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Селивачёв несколько раз заходил ко мне по делам службы. Ему было тогда лет сорок пять. Он был небольшого роста, коренастый, но не полный. Самым характерным в его внешности была его голова, напоминавшая редьку, обросшую внизу большой, длинной, густой, темной бородой, и небольшой копной волос на макушке. Это был очень энергичный, живой, веселый человек и прекрасный боевой начальник дивизии, который терпеть не мог пассивность и всегда стремился вперед. Он очень

⁴⁵ Е. Д. и В. Б. Из авиационных воспоминаний. С. 10.

⁴⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917). М., 2003. С. 540.

⁴⁷ Рауш П. Р. фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 147.

хорошо окончил Академию Генерального штаба, но по каким-то причинам не был переведен в Генеральный штаб, на что, безусловно, имел право и все данные. Злые языки говорили, что его не допустили в Генеральный штаб из-за формы его головы, хотя она и была у него умной.

Этой несправедливости Селивачёв никак не мог простить и не любил офицеров Генерального штаба⁴⁸. Он замечал все их мелкие ошибки и промахи и, будучи очень остр на язык, язвительно высмеивал при всех. С начальством он держался независимо, с подчиненными — доброжелательно. Начальство не любило Селивачёва, но его ценили, так как он был незаменим в боях, особенно в трудные минуты боевых операций. Лично мне он был очень симпатичен, и я относился к нему с большим уважением⁴⁹. Подобная оценка, высказанная противником Селивачёва по Гражданской войне, дорогого стоит.

Итак, перед нами храбрый офицер, военный профессионал с блестящей подготовкой и огромным боевым и командным опытом на всех уровнях военного управления до уровня армии включительно. Человек, глубоко и несправедливо обиженный при старом режиме, но не принимавший революционную анархию и считавший, что армия должна быть вне политики. Монархистом по состоянию на 1917 г. Селивачёв уже не был. В дневниковой записи от 20 марта он отмечал: «Помощником военного министра назначен генерал Маниковский, который шел впереди толпы с красным знаменем. — Вот наши бывшие приверженцы Монархического строя, зажигавшие своими речами за Царя. — Сколько же лжи и неправды сплотилось вокруг Царского трона!!!»⁵⁰

Генерал даже возлагал ответственность за многочисленные провалы во внутривойсковых вопросах и в неудачах на Восточном фронте на последнего императора и его пруссаков, по мнению Селивачёва, окружение. Более того, Селивачёв, судя по его дневнику, был склонен верить слухам о шпионаже императрицы Александры Федоровны в пользу немцев⁵¹. Доверчивое отношение генерала к подобным нелепостям вызывало удивление современников и непонимание, как во главе армии может стоять такой доверчивый человек⁵². Однако те, кто считает генерала наивным, не анализируют

⁴⁸ Судя по дневникам Селивачёва и его переговорам в 1919 г., например, с А. М. Зайончковским, такая категоричная оценка не совсем справедлива.

⁴⁹ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 93–94.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 72об.

⁵¹ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М. –Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 110–111.

⁵² Раутах Р. Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 147.

дневниковые записи Селивачёва, в которых тот показал себя и с совершенно другой стороны. Например, запись от 2 февраля 1917 г. о неизбежности грядущей революции⁵³ или запись от 11 марта, в которой он прогнозировал выдвижение генерала А. А. Брусилова на пост Верховного главнокомандующего, действительно произошедшее два с лишним месяца спустя⁵⁴.

Селивачёв прекрасно понимал недостатки системы военного управления и отмечал 28 января 1917 г.: «Неуменье организовать, управлять и наблюдать — вот наше несчастье нашей общей и военной жизни»⁵⁵. По всей видимости, он был готов поддержать любые политические силы, которые были способны навести порядок в стране и в армии: «Пора бы ввести настоящую крепкую власть: в ней одной у нас теперь спасение,» — записал Селивачёв 13 июля 1917 г.⁵⁶ Возможно, именно по этой причине наш герой после окончания Первой мировой войны оказался в рядах Красной армии.

19 марта 1918 г. Селивачёв был уволен со службы по собственному желанию с правом свободного проживания в городах Финляндии. Соответствующий документ был ему выдан в финском городе Тавастгус⁵⁷.

26 июня 1918 г. он подал прошение об увольнении в отставку по болезни: «Будучи эвакуирован по болезни из действующей армии, я был зачислен на учет при Петроградском тыловом распределительном эвакуационном пункте, от коего и был уволен в отпуск по болезни в Финляндию. Ввиду окончания срока пребывания моего в эвакуации (6 месяцев) и невозможности, вследствие прекращения всякого сообщения с Петроградом, возвратиться из отпуска, я просил тавастгусского окружного воинского начальника об увольнении меня вовсе от службы, в чем и получил удостоверение за № 673.

По возвращении в Петроград я был освидетельствован в состоянии моего здоровья в комиссии при Николаевском военном госпитале, которая и признала меня подлежащим увольнению от службы по болезни с правом на получение пенсии»⁵⁸. В это время Селивачёв проживал в Петрограде по адресу: Надеждинская улица, дом 52, квартира 4.

⁵³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 15 об.

⁵⁴ Там же. Л. 57 об.

⁵⁵ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М. –Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 105.

⁵⁶ Там же //Красный архив (М. –Л.). 1925. Т. 3 (10). С. 149.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П / с 149–082 (1918 г.). Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 1.

В тот же день Селивачёв написал письмо своему другу Николаю Николаевичу, скорее всего, бывшему Генштаба генерал-лейтенанту Н. Н. Стогову, ставшему крупной фигурой в РККА — начальником Всероссийского Главного штаба: «Дорогой и милый Николай Николаевич!.. Оставшись теперь без всяких средств и не имея никакой службы и никакого дела, я подал прошение в Главный штаб об увольнении меня в отставку с пенсией. Это единственный теперь источник моего существования; поэтому получить эту пенсию возможно скорее составляет для меня большой вопрос... Да хранит Вас Господь, родной мой! Целую Вас крепко-крепко. Искренно Вас любящий и глубоко уважающий В. Селивачёв»⁵⁹. Из документа следовало, что это уже не первое обращение Селивачёва к Стогову за содействием. Письмо с просьбой о помощи в решении пенсионного вопроса Селивачёв направил и бывшему генералу П. М. Гурскому.

По всей видимости, Стогов смог выручить Селивачёва, так как в одном из последующих документов было отмечено, что Всероголвштаб снесся с Наркоматом по финансам, и пенсия Селивачёву была обеспечена⁶⁰. Селивачёву полагалась пенсия в 3 600 руб. в год из казны и 859 руб. из эмеритальной кассы⁶¹. Определенную помощь в получении пенсии оказал Селивачёву его сын Михаил, но из-за бюрократических сложностей и отсутствия дубликатов некоторых служебных документов Селивачёву пришлось утрясать свой пенсионный вопрос вплоть до осени 1918 г.

Перебравшись в Москву, Селивачёв поселился на Маросейке, 9, кв. 4, где для него и его семьи было реквизировано полквартиры Беловых⁶². Материальное положение Селивачёвых в 1917–1918 гг. было незавидным. После ухода с военной службы бывший генерал был вынужден трудиться в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяц⁶³. Необходимо было содержать большую семью (жена и шестеро детей), в которой помимо несовершеннолетних детей была еще и неработоспособная дочь. Но по каким-то причинам возвращаться на военную службу и служить в РККА в этот период он не стремился. В конце концов Селивачёву удалось найти соответствующую его квалификации, спокойную и лучше оплачиваемую работу.

1 ноября 1918 г. Селивачёв был принят на службу в Главное управление архивным делом в должности заведующего первым московским отделением

⁵⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 9.

⁶¹ Там же. Л. 10–11.

⁶² Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // *Тиченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 362. Сын Селивачёва Борис проживал по этому же адресу на момент своего ареста 29 августа 1937 г. (Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007).

⁶³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1 000 руб.⁶⁴ Новая должность давала Селивачёву и ряд других преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачёв получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачёва следующие «льготы»:

«а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.

б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.

в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми (в документе несогласованно — необходимыми. — А. Г.) для перевозки их мебели и имущества.

г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.

д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»⁶⁵.

Кроме того, Селивачёв был отнесен ко второй категории «классового пайка»⁶⁶.

Селивачёв был человеком благодарным и заботливым. Устроившись в Главное управление архивным делом, он помог в трудоустройстве туда же недавно выручившего его с пенсией бывшего генерала Стогова, который только освободился из-под ареста. Последний устроился к Селивачёву в отделение с 25 ноября 1918 г. сначала как секретарь канцелярии с окладом 940 руб., а затем стал помощником заведующего (т. е. самого Селивачёва) с окладом 1 200 руб.⁶⁷ Так на практике осуществлялась взаимовыручка бывших офицеров в непростых советских условиях.

С 15 декабря 1918 г. Селивачёв пошел на повышение и стал заведующим третьей (военно-морской) секцией с окладом 1300 руб. Кроме того, он был членом коллегии Главного управления архивным делом. Его прежнюю должность заведующего отделением занял известный военный историк Г. С. Габаев, а помощником Габаева стал зять Селивачёва Д. Д. Зуев.

В анкете Селивачёв указал, что его могли аттестовать руководитель Главного управления архивным делом, видный большевик Д. Б. Рязанов, а так-

⁶⁴ Там же. Л. 1.

⁶⁵ Там же. Л. 3.

⁶⁶ Там же. Л. 4.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

же видные военспецы Г. И. Теодори и И. И. Вацетис.⁶⁸ Уже через несколько месяцев все трое будут активно добиваться освобождения Селивачёва из-под ареста.

Возможно, не без протекции отца в Главное управление архивным делом 27 января 1919 г. смогла устроиться дочь Селивачёва Татьяна в качестве секретаря 2-го разряда с окладом 830 руб.⁶⁹

Только в декабре 1918 г., сравнительно поздно, Селивачёв был мобилизован в РККА. Первоначально он работал сотрудником-составителем в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при Всероссийском Главном штабе. Такую службу нередко выбирали те военспецы, которые не желали участвовать в Гражданской войне. Комиссия была создана при военно-историческом отделе организационного управления Всероглавштаба приказом РВСР № 355 в ноябре 1918 г. Временно исполняющим должность ее председателя стал известный военный специалист и ученый А. А. Свечин. Ответственными редакторами были В. Н. Клембовский, К. И. Рыльский, Д. П. Парский, Я. К. Цихович, Д. К. Лебедев. В состав комиссии также вошли сотрудники-составители: В. Е. Борисов, В. И. Соколов, А. Н. Суворов, А. С. Гришинский, К. К. Байов, Л. А. Радус-Зенкович, Д. А. Долгов, А. А. Незнамов, А. Д. Окунев, В. И. Селивачёв, Н. Г. Корсун⁷⁰. Селивачёв должен был заниматься периодом Первой мировой войны с сентября 1916 по начало Февральской революции, а также действиями на Румынском фронте⁷¹. Одновременно Селивачёв преподавал в академии Генштаба РККА и на курсах разведки и военного контроля. После того, как совместительство было ограничено, он был вынужден оставить работу в комиссии⁷².

Оснований любить большевиков у Селивачёва не было. В феврале — июле 1919 г. он находился под арестом в Бутырской тюрьме по обвинению в принадлежности к подпольной объединенной офицерской организации⁷³. В советской литературе, за исключением краткого упоминания в труднодоступ-

⁶⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

⁶⁹ Татьяна Владимировна Селивачёва окончила Екатерининский институт благородных девиц и счетоводные курсы М. В. Побединского, работала во 2-м петроградском военном строительстве конторщицей (15.10.1918–15.01.1919) с окладом 800 руб., откуда ушла по обстоятельствам личного характера. По другим документам, также работала и. д. помощника бухгалтера в 4-м военном строительстве в Вятке (до 18.01.1919). 13 августа 1919 г. уволилась по прошению с должности секретаря 2-го разряда и делопроизводителя Главного управления архивным делом. Счетовод отдела медицинского снабжения наркомата здравоохранения РСФСР с окладом 2020 руб. (с 05.12.1919). Проживала в Москве по адресу: Маросейка, 9, кв. 29 — ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 228. Л. 1, 2; Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1732. Л. 1, 2, 4, 6; Ф. А-482. Оп. 40. Д. 1835. Л. 2, 4–4 об.

⁷⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 173.

⁷¹ Там же. Л. 174 об.

⁷² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 130 об.

⁷³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 326; Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 414.

ной тогда «Красной книге ВЧК», факт длительного пребывания Селивачёва в заключении не только не афишировался, но даже, скорее, наоборот, намеренно замалчивался. Например, П. Г. Софинов в «Очерках истории ВЧК», выпущенных в 1960 г. Государственным издательством политической литературы, прямо указал: «Во главе военных заговорщиков вначале стоял бывший царский генерал Селивачёв, сотрудник Исторической комиссии при Всероглаштабе. Вскоре Троцкий “выдвинул” генерала Селивачёва на должность помощника командующего Южным фронтом. Уезжая на фронт, Селивачёв передал руководство контрреволюционной организацией полковнику (так в тексте — А. Г.) Стогову, начальнику Всероглаштаба. Находясь в действующей армии, Селивачёв не прерывал связи с московскими заговорщиками. Из Москвы он получал шпионские материалы и переправлял их Деникину»⁷⁴. Далее Софинов утверждал, что к маю 1919 г. ВЧК, якобы, располагала данными о шпионской деятельности Стогова и Селивачёва, но их аресту воспротивился Троцкий. Позднее Стогов был арестован, якобы за хозяйственные преступления, а Селивачёв так и остался на свободе⁷⁵.

Изложение Софинова следует считать намеренной фальсификацией, призванной, вероятно, скрыть какие-то неудобные для чекистов стороны их ранней истории. Вкратце смысл этого пассажа заключался в том, чтобы показать сложную работу бдительных чекистов и вредительство Троцкого. Однако Софинов не считал необходимым вдаваться в детали, которые говорят о том, что на самом деле Стогов был под подозрением с конца 1918 г., неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог. На май 1919 г. он не был ни полковником, ни главой Всероглаштаба. Арестованный почти на полгода Селивачёв тоже не мог ему передать эстафету, тем более, что никаких определенных данных о причастности Селивачёва к московскому военному подполью, не говоря уже о руководстве им, нет. Нет данных и о том, что на фронте Селивачёв поддерживал связь с московским подпольем и Деникиным. Технически это было невыполнимо. Наконец, неверно, что Селивачёв так и не был арестован, т. к. история с его арестом отчетливо прослеживается по архивным документам.

Арест Селивачёва произошел 9 февраля 1919 г., однако неожиданно у арестованного нашлись заступники. Причем переписка об освобождении бывшего генерала раскрывает некоторые ранее неизвестные факты, касающиеся взаимоотношений военспецов и чекистского руководства.

Консультант Регистрационного управления Полевого штаба РВСР Генштаба Г. И. Теодори телеграфировал начальнику Региструпра С. И. Аралову

⁷⁴ Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 169.

⁷⁵ Там же. С. 170.

секретно в собственные руки: «Контакта между нами (военспецами. — А. Г.) и особым отделом не получится до тех пор, пока с нами не прекратят неприлично держаться. Достаточно заявления тов. Эйдук,⁷⁶ сделанного мне 13 февраля, чтобы вопрос о взаимодействии отпал. Тот характер и тон отношений, который взят по отношению к выпуску, не только не допустим, но такой тон за 15 месяцев работы допустил лишь тов. Чикколини,⁷⁷ да и то один только раз. Являясь ответственным и доверенным лицом, как и многие из нас: Тарасов, Доможиров, Полозов, Майгур, Петров, Исаев, Кутырев, Срывалин⁷⁸ и т. д., я не могу допустить такого отношения к нам. Мы будем не только протестовать, но отвечать тем же, ибо никто не имеет права нас порочить, а особенно лица, кои зарекомендовали себя по совместной с нами работе отрицательно. Случай с Селивачёвым, за которого ручались Вы, Рязанов, Павулан⁷⁹ и 15 лиц выпуска 1917 года, показывает, что нам надо уходить, ибо на 15 месяце службы еще есть лица, кои имеют смелость и дерзость быть с нами неприличными, говоря громко о недоверии. Ваше пожелание надо направить в сторону тех, кто нас трогает. Москва. 14 февраля № 999/ру. Теодори»⁸⁰.

Фактически Теодори, опираясь на поддержку выпускников ускоренных курсов академии Генштаба, объявил войну высшему чекистскому руководству, ставя вопрос — либо мы, либо они⁸¹. Разумеется, Теодори проиграл в этой войне, оказавшись в длительном тюремном заключении, но это произошло чуть позже. Пока же на конфронтацию накладывала свой отпечаток предшествовавшая этим событиям передача ВЧК военной контрразведки — детища Теодори. За первой телеграммой последовала вторая, еще более резкая, копия которой была направлена председателю РВСР Л. Д. Троцкому в надежде на его весомую поддержку и, возможно, по согласованию с Араловым, т. к. последний по итогам предыдущего документа уже знал об аресте Селивачёва.

⁷⁶ Эйдук Александр Владимирович (1886–28.08.1938) — заместитель председателя Особого отдела ВЧК (01–06.1919).

⁷⁷ Чикколини Сергей Владимирович — член РКП(б). Член фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам. Начальник отделения военного контроля оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам. Заместитель заведующего оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам (до 08.08.1918). В распоряжении Л. Д. Троцкого. Начальник поезда Л. Д. Троцкого. Председатель реввоен трибунала Южного фронта. Отстранен от ответственной работы в советских учреждениях за произвол (31.01.1919).

⁷⁸ Речь идет об однокашниках Теодори — выпускниках ускоренных курсов 2-й очереди академии Генерального штаба.

⁷⁹ Павулан Валентин Петрович — заместитель начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВСР.

⁸⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 220–221.

⁸¹ Подробнее об этом см.: Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37.

15 февраля 1919 г. Теодори телеграфировал Аралову с копией Троцкому: «9-го февраля арестован В. И. Селивачёв. [В] тот же день Кедров⁸² обещал Вам, если не будет новых данных, освободить его. 13-го февраля, невзирая на ручательство Ваше, Рязанова, Павулана и 15 лиц выпуска 1917 года, Селивачёва Кедров, вернее Эйдук, не освободили. 13-го февраля я лично поехал к Кедрову под давлением телеграммы, полученной от представителей всего выпуска с фронта с просьбой освободить Селивачёва. Кедров обещал, [в] виду неполучения новых данных, к вечеру Селивачёва освободить. В это время зашел Эйдук и [в] резком недопустимом тоне заявил мне, что он поступит так, как знает. Селивачёв невинен, пользуется исключительным доверием Рязанова, Павулана и всего выпуска. Вы лично его знаете. Селивачёв ведет практические занятия в Академии и на наших курсах⁸³. Держат его только потому, что Эйдук помнит о моем отрицательном отношении к его работе в Вологде и несправедливой и вредной, ибо вносит раздражение среди работников выпуска 1917 года, уже 15 месяцев в подавляющем числе работающих даже идейно. В числе ходатайствующих из выпуска 1917 года — Теодори, наштасев Доможиров, наштаюж Тарасов, Оперодвост Полозов, оперодзап Барановский, наштам Латвии Майгур, Матис, Стульба, Исаев, Кутырев, Моденов, Кузнецов, Малышев, Петров, Яковский, Ивасиов, Поликарпов, Кук, Виноградов, Трофимов, Зиверт, Срывалин, Чинтулов, Григорьев, Лапшин, Черниговский-Сокол, Пирог. Я прошу принять меры к разумному использованию т. Эйдук своих неограниченных полномочий. Я знал, что передача контрразведки лицам, отрицательно зарекомендовавшим себя в Вологде, приведет к отрицательным результатам. События и жизнь подтверждают мои выводы. Поэтому очень прошу Вас беречь совесть выпуска от таких экспериментов и «личных счетов» тов. Эйдук. Я с трудом и большими усилиями сохранил выпуск в феврале и марте 1918 года, спаял его за лето и теперь, когда после занятия выпуском ответственных мест на фронтах, у нас всюду успех, когда оправдались мои слова, что нас сознательно убрали из главных управлений, когда сомнения проникли даже в ряды политических работников, а мы стойки, именно теперь надо поддерживать нас, а не позволять Эйдукам издеваться над нами из-за «личных» усмотрений и счетов. Москва. 15 февраля № 1005/ру. Консультант Региструп. Заведывающий курсами разведки и военного контроля. Член коллегии выпуска 1917 года Генерального Штаба Теодори»⁸⁴.

⁸² Кедров Михаил Сергеевич (12.02.1878–01.11.1941) — председатель Особого отдела ВЧК (01.01–18.08.1919).

⁸³ Речь шла о созданных Теодори курсах разведки и военного контроля.

⁸⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 217–219.

Таким образом, за историей с последовавшим арестом Теодори скрывалась личная неприязнь к нему со стороны Кедрова и Эйдука. Возможно, то же касалось и Селивачёва. Получив неограниченную власть, руководители недавно созданного Особого отдела ВЧК Кедров и Эйдук, которых современники обвиняли ни много ни мало в садизме и психопатии,⁸⁵ занялись банальным сведением личных счетов с неугодными им военспецами. Позднее наиболее активные представители выпуска ускоренных курсов 2-й очереди академии Генштаба были арестованы.

Если же отвести версию о личных счетах чекистов в отношении Селивачёва, то нужно признать, что он оказался под подозрением, наряду с бывшим генералом Н. Н. Стоговым, как контрреволюционер уже в начале 1919 г. Контакты с Селивачёвым осуждались — заступнику Селивачёва и его преждему подчиненному еще по 1917 г. И. Теодори при аресте были инкриминированы, помимо прочего, именно связи с бывшим генералом⁸⁶. Селивачёв находился под арестом вместе со своим старым сослуживцем бывшим генералом Стоговым. По свидетельству еще одного арестанта, бывшего генерала В. И. Соколова, он не мог отвергать причастности генералов к антибольшевистскому подполью⁸⁷.

6 марта арестованный Селивачёв был формально отчислен от должности сотрудника-составителя комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.⁸⁸

15 апреля 1919 г. одна из дочерей Селивачёва (вероятно, Татьяна) обратилась к главному И. И. Вацетису по телеграфу с просьбой помочь в освобождении отца из тюрьмы: «Отец Владимир Селивачёв арестован [в] Бутырской

⁸⁵ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 53; Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 86; *Соломон Г. А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 240–243; *Борман А. А.* Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1991. Кн. 1. С. 141; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 18, 31, 460; *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 175–176. Авторству Эйдука Мельгунов приписывал следующее стихотворение (совокупность известных к настоящему времени свидетельств о деятельности Эйдука позволяет считать, что он действительно мог быть автором таких строк):

*Нет больше радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры,
И начинает буйно страсть в груди вскитать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»*

⁸⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

⁸⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 414.

⁸⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 34 об.

тюрьме, горячо прошу содействия. Дочь»⁸⁹. Возможно поэтому Вацетис упомянул о Селивачёве в своем докладе председателю Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленину от 18 апреля. Вацетис писал: «На днях⁹⁰ арестован также товарищ Селивачёв, который намечался командующим Восточным фронтом. Селивачёв мне известен был еще до войны, и никогда не был монархистом, наоборот, при монархии он был в числе гонимых.

Оба эти ареста (речь шла и об аресте Г. И. Теодори. — А. Г.), вместе взятые, создают такое впечатление, что в центре растерянность и что там, не надеясь на генеральный штаб Красной Армии, забирают заблаговременно заложников, каковыми, по-видимому, являются Теодори и Селивачёв»⁹¹.

Тогда освободить генерала не удалось. Поскольку имя Селивачёва не значилось в списке «лиц Генштаба» РККА на 15 июля 1919 г., составленном Полевым штабом РВСР, можно предположить, что в это время он по-прежнему оставался в тюрьме (впрочем, он мог быть не указан в документе и как не причисленный к Генштабу). Таким образом, в 1919 г. бывший генерал провел в заключении около пяти месяцев.

19 июня 1919 г. главком И. И. Вацетис писал Л. Д. Троцкому: «Прилагая копию письма т. Селивачёва, прошу сообщить, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к назначению его на какую-либо должность на фронт и на какую именно»⁹². К сожалению, обнаружить письмо самого Селивачёва не удалось.

Зять Селивачёва, сотрудник Главного управления архивным делом, бывший полковник Д. Д. Зуев сообщал на совещании управляющих петроградскими отделениями секций Единого государственного архивного фонда 10 июля 1919 г. об итогах своей поездки в Москву, что «только благодаря исключительной заботливости Д. Б. Рязанова избежал опасности быть расстрелянным В. И. Селивачёв. Теперь он будет переведен из одиночного заключения в концентрационный лагерь и затем получит назначение по военному ведомству. Согласно распоряжению Д. Б. Рязанова, Селивачёв включен в требовательную ведомость»⁹³. Вскоре Селивачёв был освобожден и практически сразу, несмотря на отсутствие надлежащего стажа службы в РККА, получил ответственное назначение.

⁸⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 233.

⁹⁰ Очевидно, ошибка памяти, связанная с недавним получением прошения дочери Селивачёва. Арест Селивачёва произошел еще в феврале 1919 г.

⁹¹ Большевикское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. док. М., 1996. С. 87.

⁹² РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 587.

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 65. Л. 178; «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1918–1919 гг.). Публ. О. Н. Копыловой, Т. И. Хорхординой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 94–95.

Примерно с середины лета 1919 г. определяющее значение для исхода Гражданской войны приобрели события на Южном фронте, где развернулась ожесточенная борьба между частями Красной армии и наступавшими на советский центр формированиями Вооруженных сил на Юге России под общим командованием Генштаба генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Как известно, 3 июля (20 июня) 1919 г. Деникин в только что освобожденном от красных Царицыне издал приказ № 08878, более известный как «Московская директива». Согласно этому приказу конечной целью наступления армий было овладение Москвой. Части Добровольческой армии под командованием Генштаба генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского наступали в направлении Курск—Орел—Тула, для обеспечения с запада войска должны были выдвигаться на линию Днепра и Десны, занять Киев и другие переправы от Екатеринослава до Брянска. Наступавшая восточнее Донская армия Генштаба генерал-лейтенанта В. И. Сидорина должна была действовать на направлениях Воронеж—Козлов—Рязань и Новый Оскол—Елец—Кашира. Еще восточнее наступала Кавказская армия Генштаба генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, задачей которой был выход на линию Саратов—Ртищево—Балашов, смена донских частей на этих направлениях и последующее движение на Пензу—Рузавку—Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву⁹⁴. «Поход на Москву», как позднее мемуаристы и исследователи стали называть это наступление, первоначально развивался крайне успешно для белых. Части ВСЮР овладели Харьковом, Белгородом, Полтавой, Екатеринославом, продолжая безостановочно рваться к самому сердцу большевистской России.

Против частей ВСЮР красные к началу августа 1919 г. имели на Южном фронте 14-ю, 13-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю армии. Советское руководство лихорадочно пыталось организовать отпор Деникину. Новый главком, в прошлом Генштаба полковник С. С. Каменев, очевидно стремясь проявить себя на новой должности, разработал план разгрома войск Деникина (директива от 23 июля), наметив операцию на начало и середину августа⁹⁵. Главный удар в направлении на Царицын и Донскую область в середине августа должны были наносить располагавшиеся на левом фланге фронта 9-я и 10-я армии, которые сводились в Особую группу. Общее руководство ударной группой возлагалось на В. И. Шорина — бывшего командующего 2-й армией и

⁹⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5. Вооруженные силы Юга России. М., 2003. С. 487.

⁹⁵ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969. С. 438–439. Прежний главком И.И. Вацетис 22 июня 1919 г. планировал нанесение главного удара в районе Донской области и Украины — Там же. С. 433. Схемы подготовлены О. Е. Алесевым.

Северной группой Восточного фронта, которого Каменев хорошо знал по совместной службе на Восточном фронте (до июля 1919 г. Каменев был командующим этим фронтом). Кроме того, на начало августа Каменевым было намечено нанесение силами 8-й армии «более короткого удара» на воронежском направлении. Командующий фронтом В. Н. Егорьев в докладной записке от 25 июля был настроен более осторожно, считая, что фронт еще не вполне готов к активным действиям,⁹⁶ но Каменев, отличавшийся большим упорством,⁹⁷ 27 июля продолжал настаивать на ранее предложенном им плане⁹⁸.

Возникшие разногласия между главкомом и командующим фронтом не остались без внимания со стороны большевистского военно-политического руководства. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий решил, что эту ситуацию можно использовать для кадровых перестановок в руководстве фронта. Очень кстати оказалось и то, что к этому времени уже практически неделю на самом высоком уровне обсуждалось возможное назначение на какой-либо руководящий пост бывшего генерала Селивачёва. О Селивачёве неожиданно вспомнили, в результате чего в его жизни открылась последняя и, пожалуй, наиболее загадочная страница.

Зондирование возможного высокого назначения освобожденного из тюрьмы бывшего генерала началось в 20-х числах июля 1919 г. 21 июля

⁹⁶ Там же. С. 440.

⁹⁷ Недоброжелатели отзывались о Каменеве как о «человеке с большими усами и маленькими способностями» — *Галич Ю.* Красный главком // Красный хоровод: Повести; Рассказы. М., 2008. С. 237. Важную характеристику Каменева дал Троцкий. По его мнению, Каменев «отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки — не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизию, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизию, не приостанавливая наступления. Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен... Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным Советом (РВСР — А. Г.) и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу... Трудно сказать, кто из двух полковников (Вацетис и Каменев. — А. Г.) был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... С. С. Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения: «Ответ глупый и местами неграмотный»» (*Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 104–107).

⁹⁸ Директивы главного командования Красной армии. С. 441–442.

вопрос о его назначении на пост командующего 13-й армией обсуждался на заседании РВСР. Кандидатура Селивачёва была предложена главкомом С. С. Каменевым и членом РВСР С. И. Гусевым в связи с болезнью командовавшего армией А. И. Геккера. Было принято решение назначить Селивачёва, если не последует возражений со стороны Троцкого, однако это назначение не состоялось⁹⁹.

27 июля 1919 г. Троцкий телеграфировал В. И. Ленину, что командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев не верит в успех намеченного главкомом Каменевым контрнаступления. «Единственный выход — немедленная (до начала операции) смена командюжа¹⁰⁰ лицом, которое признает оперативный авторитет Главкома и разделяет его план. Может быть, Селивачёв сойдется с Каменевым, тогда он должен быть немедленно назначен пом[ощником] командюж с тем, чтобы через неделю — две быть назначенным командюж. Жду указаний, Троцкий»¹⁰¹. Таким образом, Троцкий сразу прочил Селивачёва, не имевшего еще командно-штабного опыта в РККА и к тому же долгое время находившегося под подозрением и в тюремном заключении, ни много ни мало на пост командующего советским Южным фронтом. Документального объяснения этому беспрецедентному лоббированию пока нет. В тот же день Селивачёв по распоряжению Троцкого был немедленно командирован в распоряжение РВС Южного фронта¹⁰². К сожалению, в документе не указано, был ли он при этом освобожден из-под ареста или же это произошло ранее.

Ленин в своей ответной телеграмме от 28 июля проигнорировал предложение Троцкого относительно Селивачёва¹⁰³. По всей видимости, Ленин просто не придавал значения этому предложению Троцкого, а, быть может, сознательно не хотел выдвижения на высокий пост его кандидата. Троцкий был возмущен и резко ответил 29 июля: «Отправку помощником Селивачёва после предварительной беседы с ним Главкома считаю крайне желательной. На это единственное предложение не отвечено, а рекомендовано внушать правила дисциплины»¹⁰⁴. В результате настойчивого продвижения Троцким кандидатуры Селивачёва назначение бывшего генерала все-таки состоялось.

Уже 30 июля¹⁰⁵ он получил крупную должность помощника командующего советским Южным фронтом (официально проведено приказом

⁹⁹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997. С. 268, 271.

¹⁰⁰ Командюж — телеграфное сокращение должности командующего Южным фронтом.

¹⁰¹ Рукописный оригинал — РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 258 об.; опубли. в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления.* М., 2000. С. 204.

¹⁰² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 209.

¹⁰³ *Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг.* М., 1987. С. 191.

¹⁰⁴ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч.* С. 205.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 48.

РВСР № 131 л/с от 25 августа 1919 г.¹⁰⁶) и 1 августа 1919 г. отправился к месту назначения¹⁰⁷. Стремительное назначение, возможно, объясняется спешной подготовкой наступления фронта и острой потребностью в опытных специалистах, к числу которых, безусловно, относился Селивачёв. Куда делись былые подозрения — непонятно.

На новом посту Селивачёв находился вплоть до своей неожиданной смерти в сентябре 1919 г. 3 августа Троцкий решил обосновать свое недавнее продавливание кандидатуры Селивачёва перед ЦК РКП (б) при помощи пространных философских рассуждений:

«Назначение Селивачёва по существу. Конечно, политбюро, надеюсь, никому не собирается гипнотически внушать доверия к оперативному авторитету. Тут нужны некоторые более серьезные гарантии. Назначение Селивачёва и является в моих глазах такого рода относительной гарантией не только по отношению к Козлову,¹⁰⁸ но и по отношению к Москве, т. е. если там будут делаться серьезные промахи, то Селивачёв своевременно тактичным советом (если захочет) поправит без конфликта. Видимость будет соблюдена, и план будет проводиться как нужно. Селивачёв во всяком случае всеми признается умным, способным и знающим человеком. Весь вопрос в том, в какой мере он захочет быть добросовестным и активным. Но если он останется чисто пассивным исполнителем, вреда и тогда не будет, а небольшая польза будет, так как в повседневной работе он не сможет не вносить те или другие поправки в работу Козловского командования.

Отсюда небольшой вывод. При всей полноте веры в оперативный авторитет нет основания отказываться от кое-каких дополнительных практических гарантий, которые в дальнейшем ходе событий могут оказаться надежнее веры и надежнее самого авторитета, а в настоящее время обеспечивают только наилучшее (т. е. наиболее свободное от грубых промахов) проведение намеченного плана... Р. С. Назначение Селивачёва состоялось. Полагаю, что демонстративное укомплектование Реввоенсовюж¹⁰⁹ отпало. Стало быть, инцидент исчерпан. Л. Т.»¹¹⁰.

В этом послании Троцкий охарактеризовал Селивачёва как «авторитетного и опытного в оперативном смысле человека, через которого можно будет иметь некоторую проверку как сомнений, колебаний, так и факти-

¹⁰⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. С. 271.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 216.

¹⁰⁸ Штаб Южного фронта.

¹⁰⁹ РВС Южного фронта.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 272-272 об.; опубли. в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Указ. соч. С. 208.

ческих ошибок... дело будет поставлено с достаточной основательностью, вполне обеспечивающей проведение плана»¹¹¹. Для придания большего веса своим словам Троцкий отметил, что в такой оценке с ним солидарен член РВС Южного фронта Г. Я. Сокольников.

Этот документ свидетельствует о том, что назначение Селивачёва далось Троцкому нелегко. По всей видимости, прежде чем начать борьбу за кандидатуру Селивачёва, Троцкий консультировался в отношении его профессиональных качеств с кем-то из военспецов и получил блестящие отзывы. Троцкий просто не мог хорошо знать Селивачёва, почти не служившего ранее в РККА. В то же время необходимость пространных обоснований свидетельствует об острых разногласиях, которые вызывало в советском военнополитическом руководстве ответственное назначение никому не известного и находившегося под подозрением бывшего генерала. Не менее странным выглядит назначение Селивачёва и в контексте еще не улегшихся страстей по поводу июльских арестов ставленников Троцкого в Полевом штабе РВСР.

В том же документе Троцкий подверг резкой критике предложенное Каменевым направление главного удара предстоявшей наступательной операции. Троцкий был против наступления через Донскую область, так как обоснованно считал, что на казачьих территориях красные встретят наибольшее сопротивление¹¹². Идея Троцкого (возможно, до начала наступления еще не полностью оформившаяся) заключалась в том, чтобы разделить две опоры белых — добровольцев и казаков, отделив военную задачу разгрома Добровольческой армии от решения вопроса о казачестве. Такое разделение было возможно при наступлении по более короткому пути на Харьков и Каменноугольный бассейн (Донбасс). Вопрос о казачестве Троцкий считал в большей степени политическим, чем военным¹¹³. Однако красное командование явно недооценило значение харьковского направления для Деникина. Между тем именно оно для белых по факту являлось основным. Здесь же были сосредоточены лучшие части Добровольческой армии.

Очевидно, что Каменев выстраивал этот план, базирясь на своем прежнем опыте командования Восточным фронтом. Доводы, которыми мог руководствоваться Каменев, не кажутся убедительными. Так, утверждается, что план срывает возможность соединения Деникина и Колчака¹¹⁴. Этот довод считал несерьезным еще Троцкий, по мнению которого истоки плана Каменева лежали в стратегической ситуации мая 1919 г., когда действительно существовала угроза соединения Колчака и Деникина. Очевид-

¹¹¹ Цит. по: Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 206.

¹¹² Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 207.

¹¹³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 442.

¹¹⁴ Mawdsley E. The Russian Civil war. Edinburgh, 2008. P. 244.

но, Каменев стал заложником своих прежних опасений. Однако ко второй половине лета 1919 г. эти основания уже потеряли свою актуальность, поскольку в июле — августе 1919 г. основные силы колчаковских армий были отброшены на Урал и в Зауралье, и соединение с Деникиным стало невозможным.

Экономия времени при переброске частей с Восточного фронта на левый фланг Южного фронта и необходимость обороны Средней Волги как района пополнения Красной армии также едва ли могут быть признаны решающими аргументами. Думается, вопрос расстояния для переброски частей был соображением второстепенного характера и давал лишь кратковременную выгоду, но отнюдь не должен был становиться определяющим при выборе направления главного удара, как оказалось у Каменева. Нельзя не признать и того, что центральные губернии имели не меньшее значение для пополнения РККА, чем Средняя Волга.

Существует точка зрения, что план Каменева оставлял стратегическую инициативу за красными и предусматривал полный разгром противника путем овладения базой Деникина на Северном Кавказе¹¹⁵. Но план Каменева отнюдь не означал, что красные будут лишены стратегической инициативы при ином выборе направления главного удара. Что касается Северного Кавказа, то он как база для антибольшевистских сил к середине 1919 г. был уже истощен неоднократными мобилизациями¹¹⁶. В это время белое командование возлагало большие надежды на новые районы пополнения живой силы. Именно таким районом для Деникина была Украина, угроза потери которой крайне беспокоила Ленина (удивительно, что он при этом не требовал изменений в плане Каменева в сторону более активных действий в направлении Харькова, а не Царицына, и не поддержал Троцкого).

Каменев считал тогда Селивачёва проводником своей политики в штабе Южного фронта, как и задумывал Троцкий¹¹⁷. Критикуя директивы командующего Южным фронтом Егорьева, Каменев 4 августа 1919 г. рекомендовал тому обсудить вопрос с Селивачёвым, чтобы устранить разногласия, однако Селивачёв Егорьеву сообщил, что его план одобрен Каменевым,¹¹⁸ в результате Егорьев не знал, как ему поступать.

Сознательно или неосознанно Селивачёв запутывал Егорьева — этого мы не знаем, однако уже 4 августа Каменев и Егорьев смогли согласовать план действий, предусматривавший нанесение сильного удара на Валуйки и Купянск. Причем этот удар вопреки первоначальному плану Каменева

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5. Вооруженные силы Юга России. С. 498.

¹¹⁷ Директивы главного командования Красной армии. С. 443.

¹¹⁸ Там же.

было решено наносить одновременно с главным ударом Особой группы Шорина¹¹⁹.

Наряду с назначением помощником командующего Южным фронтом, Селивачёв возглавил еще одну (помимо группы Шорина) ударную группу войск Южного фронта, созданную по распоряжению командующего Южным фронтом В. Н. Егорьева в начале августа 1919 г. для нанесения вспомогательного удара по войскам Деникина на харьковском направлении. Как уже отмечалось, основной удар в соответствии с первоначальным планом Каменева наносила группа Шорина, на которую возлагались задачи овладения Царицыном и Новочеркасском. Кандидатура Селивачёва как командующего группой многим генштабистам из Полевого штаба РВСР казалась очень удачной¹²⁰.

Членами РВС группы Селивачёва стали В. А. Барышников и В. Х. Ауссем, одновременно являвшиеся и членами РВС 8-й армии — основы только что созданной группы. В состав группы вошли 8-я армия А. И. Ратайского (12-я, 15-я, 16-я, 33-я, 40-я стрелковые дивизии, бригада 31-й стрелковой дивизии), часть 13-й армии А. И. Геккера (3-я, 42-я стрелковые дивизии, 13-я отдельная кавалерийская бригада), Воронежский укрепрайон (в оперативном подчинении с 22 августа 1919 г.¹²¹), резерв группы (13-я стрелковая дивизия и бригада 31-й стрелковой дивизии).

К сожалению, в литературе нередко используются произвольные подсчеты численности групп Селивачёва и Шорина. Масштаб искажений не может не вызывать удивления, поскольку достигает 10 000 штыков и сабель по группе Селивачёва и почти 27 000 по группе Шорина. Характерно, что искажения носят односторонний характер — в сторону приуменьшения численности группы Шорина и преувеличения численности группы Селивачёва. Думается, эти искажения не случайны, так как вопрос группировки войск Южного фронта теснейшим образом связан с крайне политизированным в советское время вопросом о плане разгрома Деникина и ролью в его разработке большевистских вождей В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и особенно И. В. Сталина.

Например, бывший командующий советским Южным фронтом А. И. Егоров в своем исследовании «Разгром Деникина», впервые изданном в 1931 г., указал, что в группе Селивачёва насчитывалось 43 000 штыков, 4 660 сабель при 1 600 пулеметах и 310 орудиях¹²². По данным энциклопедии «Граждан-

¹¹⁹ Директивы главного командования Красной армии. С. 444.

¹²⁰ Панов А. В полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.

¹²¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

¹²² Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 188.

Южный фронт РСФСР в августе — октябре 1919 г.

ская война и военная интервенция в СССР», у Селивачёва было 49,7 тысячи штыков и 4,7 тысячи сабель, 268 орудий, 1 381 пулемет¹²³. Однако перерасчет по данным о боевом составе дивизий и бригад группы на 15 августа 1919 г. дает гораздо меньшую численность — 40 066 штыков, 4 153 сабли, 235 орудий и 1 236 пулеметов¹²⁴ на фронте в 410 км.

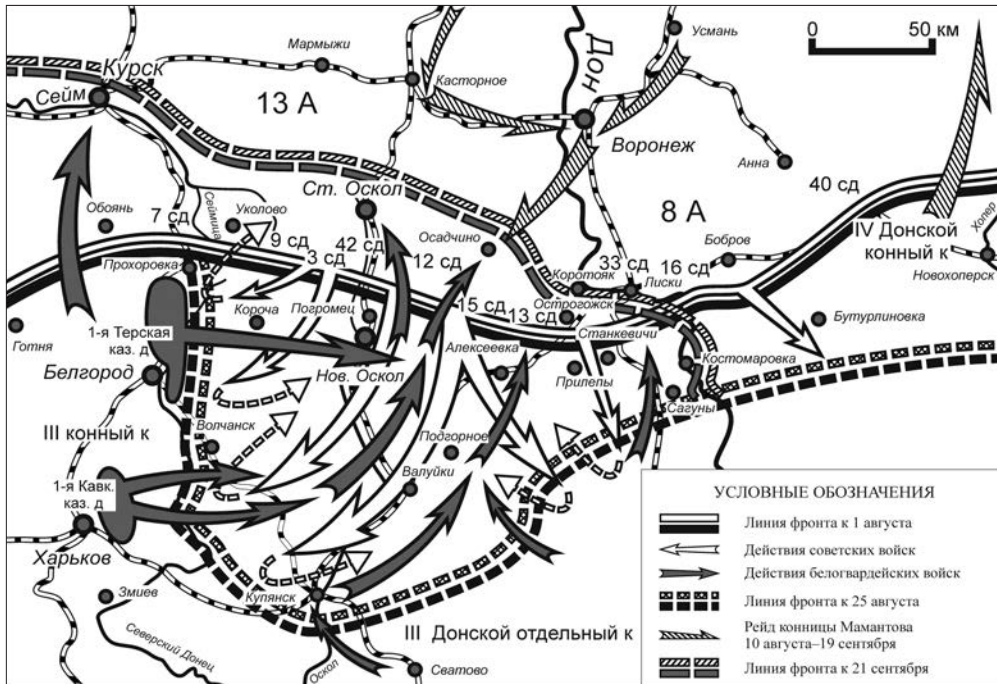
Для сравнения ударная группа Шорина, сведения о численности которой тоже сильно варьируются (57 000 штыков и сабель по данным А. И. Егорова и 67 000 штыков и сабель по данным энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР»), по наиболее достоверным расчетам имела порядка 69 тысяч штыков, 14,9 тысячи сабель, 340 орудий и 1 316 пулеметов¹²⁵ на фронте в 350 км.

Таким образом, неверно считать, как делалось прежде на основе неточных данных, что обе группы были примерно равными по численности, а идея главного удара «не нашла своего выражения ни в группировке сил, ни в численном соотношении, ни в обеспечении наиболее благоприятных для наступления

¹²³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 17.

¹²⁴ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 73–74.

¹²⁵ Гражданская война в СССР. Т. 2. Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М., 1986. С. 159.

Действия группы В. И. Селивачёва

условий»¹²⁶. При более тщательных расчетах разница между главной и вспомогательной группами достигает ощутимых показателей примерно в 29 тысяч штыков, более 10 тысяч сабель, 105 орудий и 80 пулеметов. При таком разрыве очевидно, что идея главного удара на предложенном Каменевым направлении была выражена им в группировке войск вполне отчетливо.

Силы Добровольческой и Донской армий белых, действовавшие на воронежском и курском направлениях против группы Селивачёва, оценивались советским командованием на 1 августа 1919 г. в 18,1 тысячи штыков, 12,3 тысячи сабель при 116 орудиях и 404 пулеметах¹²⁷. Таким образом, Селивачёв обладал лишь полуторным превосходством в численности над противником, но в то же время белые обладали троекратным превосходством над ним в коннице. По орудиям у Селивачёва было двукратное превосходство, а по пулеметам — трехкратное.

Начальником штаба подчиненной Селивачёву 13-й армии был не кто иной, как бывший Генштаба генерал от инфантерии А. М. Зайончковский, который высоко ценил Селивачёва еще в годы Первой мировой войны, а зна-

¹²⁶ Егоров А. И. Указ. соч. С. 188.

¹²⁷ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. Т. 4. Материалы, указатели. М., 1978. С. 483.

ком был с довоенных времен¹²⁸. Уместно отметить, что Зайончковский в это время не был полностью лоялен большевикам и вел свою собственную игру¹²⁹. Не исключено, что в этом они с Селивачёвым были похожи. Начальниками штаба 8-й армии были бывший Генштаба полковник А. С. Нечволодов (до 10 августа 1919 г.) и позднее бывший Генштаба капитан В. Ф. Тарасов.

14 августа Троцкий с гордостью сообщал своему заместителю Э. М. Склянскому по прямому проводу для передачи в ЦК: «Снова посетил 13-ю и 8-ю армии. Выполнена огромная работа. Готовый ударный кулак обеих армий составляет тридцать тысяч штыков, две тысячи сабель, прекрасно оборудованных артиллерией, бронепоездами, бронеотрядами. Настроение частей вполне наступательное. По всем обстоятельствам успех на этом направлении обеспечен. Успех скажется немедленно на укр[аинском] фронте приостановкой деникинского наступления, что даст возможность 14-й армии использовать все данные ей материальные, организационные элементы для превращения в боеспособную армию. Выезжаю на левый фланг для ознакомления с главной ударной группой»¹³⁰. Вождь РККА, таким образом, лично приехал благословить своего протеже Селивачёва на проведение операции. Но, как оказалось, оптимизм Троцкого был преждевременным.

10 августа, практически накануне советского наступления, белые провалили фронт на стыке 8-й и 9-й советских армий, и в прорыв устремились конные массы IV Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова (до 9 000 шашек и штыков при 12 орудиях, 7 бронепоездах и 3 броневых автомобилях), положив начало знаменитому рейду по красным тылам. Разумеется, фактор наличия конницы противника в тылу серьезно осложнял обстановку на фронте для красного командования и отрывал войска от участия в наступлении (из 8-й армии для ликвидации Мамантова была выделена 31-я дивизия, из 9-й — 36-я). Активные наступательные действия предпринимались белыми и на фронтах Добровольческой и Кавказской армий. Тем не менее советское командование не отказалось от решения предпринять в этих условиях общее наступление.

Наступление Южного фронта, к которому так тщательно готовились красные, должно было начаться 14 августа на участке группы Шорина. Наступление

¹²⁸ Двух бывших генералов связывали дружеские отношения, совместная служба в старой армии и единство взглядов по ряду вопросов. Например, в разговоре с Селивачёвым около 19 августа 1919 г. Зайончковский так отзывался о коменданте Курского укрепрайона генштабисте М. С. Свечникове: «Мне трудно было поверить, что я говорю с генштабистом, а как будто бы имею дело с одним из тех батальонных командиров, которых мы с тобой осмеивали много лет тому назад». (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 150 об.). 4 сентября 1919 г. Селивачёв телеграфировал Зайончковскому: «Всего лучшего, обнимаю взаимно, храни тебя Бог» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 140 об.).

¹²⁹ Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского.

¹³⁰ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 319.

группы Селивачёва намечалось с утра 15 августа¹³¹ Задержка на сутки на его участке была обусловлена необходимостью подтянуть тылы и осмотреться¹³². В то же время председатель Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленин был крайне обеспокоен тем, что операция не началась еще в начале августа, и требовал от главкома и фронтового командования решительных действий без какого-либо промедления¹³³. Изначально группы Шорина и Селивачёва должны были действовать в расходящихся направлениях, что сделало невозможным взаимодействие между ними. Главкомом Каменевым группе Селивачёва было приказано разгромить войска противника на сумском и курском направлениях ударом на Бирюч — Валуйки — Купянск,¹³⁴ причем свой главный удар 15 августа ударная группировка (3-я и 42-я стрелковые дивизии, кавалерийская бригада 13-й армии, 12-я, 13-я, 15-я и 16-я стрелковые дивизии) наносила в стык Донской и Добровольческой армий белых. Обеспечение правого фланга группы Селивачёва возлагалось на 14-ю армию.

Удар Селивачёва пришелся по фронту III Донского отдельного корпуса (1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 8-я Донские дивизии, около 8000 штыков и шашек на фронте в 200 верст, штаб — станция Кантемировка). Казачьи историки-эмигранты отмечали, что «Штаб Донской армии или совсем не имел сведений о долго подготавливаемом красным командованием генеральном ударе по 3-му Донскому корпусу или же не придавал должного значения мероприятиям красного командования»¹³⁵. Во всяком случае, в начале наступления Селивачёва корпус также получил наступательную задачу в направлении на Коротомяк и Острогжск. Однако, разумеется, это наступление не удалось, поскольку донцы не имели сил для активных действий на обширном фронте, 1-я и 3-я дивизии были откровенно слабыми, а, кроме того, в корпусе ощущалась нехватка опытных генштабистов¹³⁶. Штаб корпуса, судя по оперативным переговорам со штабом Донской армии, просто не знал, что противопоставить советскому наступлению в те дни¹³⁷. Начальник штаба корпуса Генштаба полковник А. В. Говоров просил у штаба армии танки и броневые автомобили, так как корпус не получал техники, а потом командование выдвигало упреки в бездействии¹³⁸. Донское командование вместо этого собиралось усилить корпус Донской стрелковой

¹³¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹³² Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. Т. 2. М., 1972. С. 306.

¹³³ Директивы главного командования Красной армии. С. 449, 450.

¹³⁴ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 159.

¹³⁵ Трагедия казачества (Очерк на тему: Казачество и Россия). Ч. III. (Июнь—декабрь 1919). Париж, 1936. С. 224.

¹³⁶ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 179 об., 220 об.

¹³⁷ Там же. Л. 190 об.

¹³⁸ Там же. Л. 192.

бригадой из Новочеркасска, правда, без артиллерийских и обозных лошадей¹³⁹. Армейское командование просило при отступлении не взрывать, а демонтировать железнодорожные стрелки из-за их нехватки¹⁴⁰.

За первый день наступления Селивачёв, несмотря на упорное сопротивление, отеснил 5-ю Донскую конную дивизию на Юдин — Станкевичи — Прилепы — Владимировка, 3-ю Донскую конную дивизию — на Алексеевку и Бирюч, а 2-ю и 8-ю дивизии на Марьевку — Глинное — Погромец.

Уже 16 августа командующий Южным фронтом выразил недовольство медленным развитием операции. Селивачёв отвечал, что наступать приходится в боевых, а не в походных условиях, а дороги из-за непрерывных дождей труднопроходимы¹⁴¹. 17 августа в связи с недовольством Егорьева Селивачёв издал приказ: «Наступление согласно директивы Командюж № 8400 вести с полной энергией, на какую способны войска, имея в виду малочисленность противостоящего противника и помня, что решительность и энергия в ведении операции ведет не только к уничтожению противника, но и к отвлечению сил его с других участков фронта, что необходимо для окончательного разгрома пр[отивни]ка»¹⁴². Кстати, для укрепления обороны железнодорожных узлов Касторное и Мармыжи от казаков Мамантова Селивачёв предлагал опираться на местных коммунистов,¹⁴³ что свидетельствует в пользу добросовестности его службы красным.

За первые три дня наступления красных донцы на участке Новый Оскол — Острогжск отступили на 35 верст. Основной удар Селивачёва пришелся на участок между городами Новый Оскол и Бирюч, где располагались 2-я и 8-я Донские дивизии общей численностью 4 100 штыков и шашек. У казаков не хватало технических средств, чтобы противостоять сильной артиллерии и бронепоездам красных, были проблемы с качеством артиллерийских снарядов, 80% которых, по оценке командования корпуса, не разрывалось, пехота из мобилизованных крестьян отличалась неустойчивостью и разбегалась, захватывая оружие¹⁴⁴.

19 августа датирован приказ Егорьева армиям фронта, в котором от войск Селивачёва требовалось немедленно овладеть Белгородом силами правого фланга группы, на остальном фронте наступать в направлении на Волчанск — Валуйки¹⁴⁵. 20 августа в разговоре с начальником штаба фрон-

¹³⁹ Там же. Л. 191.

¹⁴⁰ Там же. Л. 206 об.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 102–103.

¹⁴² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

¹⁴³ Там же. Л. 22.

¹⁴⁴ Трагедия казачества. С. 226; РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 220 об.

¹⁴⁵ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 314–315.

та Н. В. Пневским Селивачёв недоумевал по поводу новой директивы штаба фронта: «Я в недоумении относительно направления, которое дано по директиве и просил разъяснения, полагая, что там ошибка, Вы мне ответили, что это не ошибка. Не откажите еще раз заглянуть на карту и выслушать меня. Общее направление, если я его понимаю правильно, остается к линии Белгород — Купянск через Волчанск, а далее, опять-таки если я это понимаю верно, на Харьков. Таким образом, если первая половина моей ударной группы, т. е. 13 армия направится на Белгород — Волчанск, то вторая половина должна направиться на Волчанск — Купянск»¹⁴⁶. Далее Селивачёв просил Пневского еще раз проверить намеченное по карте.

К 20 августа Селивачёв овладел Валуйками (первая задача, поставленная группе), далее по директиве Егорьева правый фланг группы должен был, начиная с 21 августа, наступать на Белгород и овладеть им в кратчайший срок, остальная часть группы должна была развивать наступление на Волчанск — Купянск¹⁴⁷. 13-я армия должна была овладеть железнодорожной линией Белгород — Волчанск включительно (на 20 августа она была в 50 верстах от Белгорода и 75 — от Волчанска), 8-я армия — выйти на линию Волчанск—Купянск—Богучар.

Донские части отступали под ударами красных. 8-я Донская дивизия спешно отходила по железной дороге Валуйки—Купянск и даже потеряла связь со своим корпусом¹⁴⁸. Безостановочным был отход 7-й Донской пластунской бригады. Боевой состав этой бригады был ничтожным. К 1 августа в ней числилось лишь 654 штыка, а к 28 августа осталось только 280 штыков¹⁴⁹. Видимо, вследствие безысходности командный состав бригады, по данным на 24 августа, пьянствовал¹⁵⁰. В итоге город Купянск от красных прикрывали одни только бронепоезда. В 8-й Донской пластунской бригаде были свои проблемы — командир бригады генерал-майор В. И. Тапилин был снят со своей должности (затем назначен командиром 2-й бригады 3-й Донской конной дивизии) вследствие недоразумений с начальником 5-й Донской дивизии, которому была подчинена бригада¹⁵¹.

21 августа Селивачёв получил из штаба 13-й армии секретную телеграмму, одна из копий которой была отправлена и в Полевой штаб РВСР через штаб Южного фронта, с неприкрытыми обвинениями в свой адрес: «По всем данным неприятель на фронте 13 армии намного уступает нам в силе. Энергичные действия нашей армии должны перевернуть ход событий и дать

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 162.

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 242.

¹⁴⁹ Там же. Л. 261, 280.

¹⁵⁰ Там же. Л. 257.

¹⁵¹ Там же. Л. 294.

полную победу всему Южному фронту. А между тем мы несколько дней топчемся на одном месте. Первая бригада 7 дивизии и 3 бриг[ада] 9 дивизии, нацеленные с фронта и фланга на отряд противника, который должен быть совершенно уничтожен, не только останавливаются при первом с ним столкновении, но имеют тяготение отходить назад. Первая бригада 9 дивизии, по донесению которой враг перед ней уходит назад, движется вперед очень медленно, а отход обходной колонны от дер. Уколово в Архангельск при занятии 74-м полком Троицкое является совершенно необъяснимым. Действия 3-й дивизии не имеют характера нанесения решительных ударов, а легкого щекотания пр[отивни]ка как бы с целью указать ему опасные для него пункты. Войска в ней вводятся в бой мелкими пакетами и напрасно несут тяжелые потери. И только действия 42-й дивизии не вызывают замечания¹⁵². Телеграмму подписали вр. и. д. командарма В. К. Гондель и член РВС Г. Л. Пятаков. Отметим, что 42-й дивизией командовал легендарный Г. Д. Гай — опытный и одаренный военачальник.

Сам Селивачёв в это время был в большей степени недоволен тем, что намеченных рубежей не смогли достичь части 8-й армии, что срывало выполнение директив командующего фронтом¹⁵³. В тот же день Селивачёв, руководивший операцией из Воронежа, провел переговоры по прямому проводу с начальником штаба 13-й армии А. М. Зайончковским. Селивачёв поинтересовался здоровьем Зайончковского и тем, не возникло ли вопросов и недоумения в связи с новой директивой. Два генштабиста общались между собой по-дружески и на «ты». Зайончковский в ответ сообщил: «Здоровье неважно, стал стар, пора на печь. Вопросов к тебе нет, недоразумений тоже. Вся беда в том, что войска дерутся плохо, а начдивы не хотят или не догадываются принять более деятельное участие в вождении войск, а только управляют ими наподобие штарма. Всем им послано надрание (так в документе. — А. Г.), копия которого послана и тебе»¹⁵⁴. Зайончковский считал важным взятие города Корочи, жаловался на топтание войск на месте. Селивачёв же похвалил своего подчиненного, отметив, что спокоен за работу штаба 13-й армии¹⁵⁵. В это время разрыв между группами Селивачёва и Шорина (или, как выражался сам Селивачёв, — «ворота») уже достиг 40 верст¹⁵⁶.

22 августа 13-я армия получила приказ Селивачёва № 9 во что бы то ни стало взять город Короча, оборонявшийся 1-й пехотной дивизией белых. Приказ № 10 от 23 августа свидетельствовал о намерении Селивачёва на-

¹⁵² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 4. Л. 44–44 об.

¹⁵³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

¹⁵⁵ Там же. Л. 26.

¹⁵⁶ Там же. Л. 29.

ступать ударной группой на Купянск¹⁵⁷. К 25 августа обе эти задачи были решены. Корочу заняли части 42-й дивизии Гая, после чего предполагалось развитие успеха на Белгород, но сделать это не удалось. Тогда же 12-й дивизией 8-й армии был взят Волчанск, а Сводной кавалерийской бригадой — Купянск¹⁵⁸. Но уже в этот день стало известно о сосредоточении крупных сил противника в районе Бутурлиновки¹⁵⁹ и угрозе флангового удара со стороны Донской области.

Не будем забывать, что Селивачёву угрожали такие крупные узловые центры, как Харьков и Белгород, через которые белые могли перебрасывать войска против его группы. Части ВСЮР на этом направлении продолжали наступление на Курск, грозя выйти Селивачёву во фланг и тыл. Как уже говорилось, угрозы имелись и в отношении левого фланга группы со стороны донцов. В переговорах с Селивачёвым по прямому проводу проблема нежелательности растягивания линии фронта была предметом особого обсуждения уже 20 августа¹⁶⁰. Сам Селивачёв тогда опасался, что фронт его группы может растянуться от Белгорода до Купянска на 150 верст и от Купянска до Новохоперска — еще на 400¹⁶¹. На Купянск Селивачёву было рекомендовано наступать только силами конницы. Опасения Селивачёва, как показали дальнейшие события, оказались небеспочвенными. К тому же группа начинала испытывать патронный и снарядный голод. 22 августа Селивачёв запросил у главкома по 5 миллионов патронов для каждой из подчиненных ему армий¹⁶². Очевидно, получить запрошенное было непросто, приходилось идти на значительное сокращение заказа. 24 августа он просил прислать уже хотя бы по 2 миллиона с досылкой остального по мере возможности¹⁶³.

Задачу по овладению Белгородом Селивачёв поставил группе только 25 августа в приказе № 11, причем город планировалось занять к 27 августа. Группа должна была занять Купянск (что и произошло 25 августа) и далее продвигаться на Харьков¹⁶⁴. Планы поворота ударной группы на Харьков, «не оставляя щелканья зубами на Купянск» (выражение самого Селивачёва в переговорах от 19 августа), Селивачёв обсуждал и согласовывал со штабом фронта¹⁶⁵. Таким образом, нет никаких оснований считать, что уклонение группы на юго-запад, о котором писали в советское время как о негативном

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 286.

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

¹⁶⁰ Там же. Л. 1.

¹⁶¹ Там же. Л. 4.

¹⁶² Там же. Л. 58 об., 79; Д. 10. Л. 26.

¹⁶³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.

¹⁶⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

¹⁶⁵ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 155.

явлении, не позволившем взаимодействовать с группой Шорина,¹⁶⁶ было самовольным решением Селивачёва. Эти действия были согласованы со штабом фронта и имели целью взятие Харькова.

Думается, неверно утверждать, как делалось в белой печати осенью 1919 г., что наступление на Волчанск и Белгород противоречило идее наступления на Харьков¹⁶⁷. На самом деле достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в обратном. Овладение Волчанском и Белгородом в той обстановке было необходимым условием взятия Харькова.

26 августа Селивачёв получил приказ фронтового командования силами 8-й армии овладеть Харьковом¹⁶⁸. Таким образом, Селивачёв одновременно наступал по нескольким расходящимся направлениям, что можно было делать либо при полной уверенности в своем превосходстве над противником, либо с тайной целью срыва советского наступления. По некоторым данным, после овладения Купянском резервы Селивачёва оказались израсходованы,¹⁶⁹ а сам он прекратил какие-либо наступательные действия, заняв селение Кисловка примерно в 15 верстах к юго-востоку от Купянска, причем, по свидетельству противника, «красные держались пассивно, так что Донской бронепоезд мог обстреливать самый г. Купянск»¹⁷⁰. Однако на самом деле наступление было здесь остановлено Селивачёвым не из-за отсутствия резервов, а из-за того, что он просто не ставил задач по продвижению к югу от Купянска. Его главный удар был направлен на Харьков и Белгород, а Купянск был не более чем точкой на крайнем левом фланге юго-западного крыла.

Дроздовец-артиллерист капитан Г. А. Орлов записал в своем дневнике 25 (12) августа 1919 г.: «У Купянска и Волчанска у нас довольно серьезный прорыв, меры к ликвидации которого уже приняты. Прорвав наш фронт, красные сначала загибали крайний левый фланг донцов, а теперь всей силой своего удара обрушились на нас. Поговаривают о том, что эта невыгодная комбинация будет ликвидирована дня за 4»¹⁷¹. При этом мемуарист отмечал существенное усиление частей Красной армии.

В соответствии с директивой Каменева, к 27 августа войска группы продвинулись на 60–150 км, заняв Новый Оскол, Бирюч, Валуйки, Купянск и подойдя к Белгороду и Харькову (на 40 км). Действия войск в районе 27 августа

¹⁶⁶ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160.

¹⁶⁷ Подробнее см.: *Кручинин А. С.* «Нужно писать правду..» (Военный историк и писатель А. И. Деникин) // Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 71.

¹⁶⁸ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. Март 1919 — февраль 1920. Сб. док. и мат. М., 1961. С. 516.

¹⁶⁹ *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 216.

¹⁷⁰ Трагедия казачества. С. 229.

¹⁷¹ Честь офицеров. Записки и дневник участников Белого движения. Сост. М. И. Першин. М., 2010. С. 401.

Селивачёв и, видимо, командующий советским Южным фронтом, характеризовали как «решительный поворотный момент сражения»¹⁷². Выход красных на ближние подступы к Харькову создавал угрозу тылу I армейского корпуса Добровольческой армии, штабам I армейского корпуса и Добровольческой армии, находившимся в городе. По некоторым данным, начальник штаба корпуса Генштаба генерал-майор Е. И. Достовалов считал, что Харьков белые не удержат, и даже отдал распоряжение об эвакуации штаба¹⁷³.

Белое командование было вынуждено спешно собирать ударный кулак для ликвидации прорыва красных. Уже 17 августа по директиве А. И. Деникина в резерве на курском направлении в районе узловой станции Ржава (к северу от Белгорода) должен был сосредоточиться III конный корпус знаменитого белого генерала А. Г. Шкуро. Корпус планировалось бросить в наступление на Старый Оскол и Воронеж. Части корпуса перебрасывались в район сосредоточения по железной дороге с Украины — погрузка велась на станции Басы южнее города Сумы, в Черкассах и на станции Знаменка, переброска планировалась на станции Гостищево и Прохоровка севернее Белгорода¹⁷⁴. Перебрасывался также Сводно-стрелковый полк, задействованный в борьбе с махновцами¹⁷⁵. В связи с прорывом красных белые временно приостановили свои операции против 14-й советской армии на Украине¹⁷⁶.

В приказе по группе Селивачёва № 12 от 27 августа прямым текстом сказано о наступлении на Белгород и Харьков, а также о том, что белые концентрируют свои силы в районе Корочи. 13-й армии по-прежнему ставилась задача занятия Белгорода, а 8-я армия продолжала выдвижение на линию Волчанск — Купянск — Евстратовка. Занятие Белгорода считалось первостепенной задачей, а взятие Харькова — задачей второй очереди¹⁷⁷. Сам Селивачёв в разговоре с Егорьевым 27 августа тоже отметил, что не следует гнаться за двумя зайцами одновременно¹⁷⁸. Тем более, что белая конница осуществила прорыв в районе Корочи и двигалась к Новому Осколу. А. М. Зайончковский 28 августа забил тревогу и предложил свернуть фронтную операцию, отойдя севернее Нового Оскола, т. к. «по-видимому противник задался целью завязать узелок на высоте Новый

¹⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 155. Л. 5 об.

¹⁷³ Пятьдесят лет верности России. 1917–1967. Издание марковцев-артиллеристов. Париж, 1967. С. 194.

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 189, 224, 242 об.

¹⁷⁵ Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 2. 1919–1920 гг. Париж, 1964. С. 60.

¹⁷⁶ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. М., 1990. С. 263.

¹⁷⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.

¹⁷⁸ Там же. Л. 128.

Оскол — Бирюч»¹⁷⁹. Речь шла о возможности окружения наступавших сил красных.

Расположение группы Селивачёва напоминало клин высотой более 100 км с вершиной в Купянске и основанием протяженностью свыше 200 км в районе Короча — Бирюч — Сагуны. Удар его группы был направлен на юго-запад, что привело к нарушению оперативного взаимодействия с Особой группой Шорина и, возможно, преднамеренно открыло противнику фланги обеих групп¹⁸⁰. Подобные действия вскоре после Гражданской войны официально объяснялись тем, что Селивачёв и командующий фронтом слишком увлеклись развитием достигнутых успехов¹⁸¹. По мнению Н. Е. Какурина и И. И. Вацетиса, «успешности контрманевра белых против группы Селивачёва много содействовало то обстоятельство, что группа сразу рванулась глубоко вперед, не позаботившись о достаточном расширении основания клина своего вторжения. 8-я армия узким и длинным языком вдавалась вперед, что делало весьма уязвимыми ее фланги. Несомненно, что здесь играло свою роль увлечение погоней за территорией»¹⁸².

Как и следовало ожидать, белые сосредоточили крупные силы на флангах группы Селивачёва и сами перешли в контрнаступление 26 августа, попытавшись создать «Канны», срезав основание купянского клина ударами в сходящихся направлениях добровольческих, а также кубанских и терских частей генерала Шкуро на Корочу, Новый Оскол и Волчанск и донской конницы генерал-лейтенанта А. К. Гусельщикова на Валуйки и Бирюч. По всей видимости, общий план белого командования предполагал окружение прорвавшейся группировки красных. Не способствовали успехам красных и действия конницы генерала Мамантова, совершавшей рейд по советским тылам.

На московское направление III конный корпус Шкуро был переброшен во второй половине июля 1919 г.¹⁸³ В приказе по корпусу от 25 августа № 0723 Шкуро изложил свой план разгрома красных, который предусматривал удар по противнику на участке Волчанск — Короча с развитием успеха на Валуйки¹⁸⁴. На Волчанск и Валуйки от Харькова наступала группа Генштаба генерал-майора А. М. Шифнер-Маркевича (Кубанская партизанская бригада 1-й Кавказской казачьей дивизии с двумя батареями, полтора батальона Са-

¹⁷⁹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 317.

¹⁸⁰ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160; *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 194.

¹⁸¹ *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 194.

¹⁸² Гражданская война 1918–1921. В 3 т. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.-Л., 1930. С. 257–258.

¹⁸³ *Цветков В. Ж.* Генерал-лейтенант А. Г. Шкуро // Белое движение: Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель... Сост. А. С. Кручинин. М., 2003. С. 330.

¹⁸⁴ Трагедия казачества. С. 230.

мурского полка и батарея 3-й артбригады). Со стороны Белгорода в наступление на Корочу и Новый Оскол переходила 1-я Терская казачья дивизия генерал-майора В. К. Агоева. Резерв Шкуро (Хоперская бригада 1-й Кавказской казачьей дивизии, Волчий дивизион, стрелковые полки 1-й Терской и 1-й Кавказской казачьих дивизий) находился в районе Белгорода.

Генерал Шкуро вспоминал: «Вскоре была получена телеграмма, что сосредоточение моего корпуса закончено, но что я вызываюсь первоначально в Харьков на съезд командиров корпусов. Я выехал туда. В совещании участвовали командир 5-го конного корпуса генерал Юзефович, Добровольческого — Кутепов, генерал Май-Маевский и я. Председательствовал генерал Деникин. Киев и Курск были уже взяты,¹⁸⁵ но красные перешли в контрнаступление и взяли Купянск; их разъезды появились уже в 15 верстах от Харькова. Получив задание ликвидировать этот прорыв красных, я решил отрезать прорвавшуюся группу от главных сил и затем уничтожить ее по частям. Перейдя от Белгорода к востоку, я разбил у Корочи несколько дивизий красной пехоты, взял 8 орудий, массу пулеметов и до 7 000 пленных. Все, что успело уже прорваться к югу, бросилось обратно; я разбил всю эту группу по частям»¹⁸⁶. Шкуро также просил от командования разрешения соединиться с корпусом Мамантова для конного набега на Москву, но такое разрешение ему дано не было.

Относительно прорвавшихся Селивачёв заявил главному Каменеву 29 августа: «В нашем деле имя имеет магическое действие: если бы под командой Шкуро находилась одна шукура, то и ее бы боялись»¹⁸⁷. Как видим, нашего героя даже в сложной ситуации не покидало чувство юмора. Но, как выяснилось, войска красных не были подготовлены к отражению крупных конных масс противника, а действия белых в тот период получили высокую оценку в переговорах советского командования как систематичные и разумные¹⁸⁸.

1-я Терская дивизия в районе Корочи нанесла поражение 3-й и 42-й стрелковым дивизиям красных, вынужденным отходить на Новый Оскол. Между прочим, до 27 августа 3-й стрелковой дивизией командовал бывший Генштаба генерал-майор Н. С. Махров, родной брат которого, также Генштаба генерал-майор, в это время занимал у белых пост начальника военных сообщений Кавказской армии Врангеля, а позднее служил под началом Шкуро, войска которого атаквали дивизию его брата в августе 1919 г.

¹⁸⁵ Шкуро, очевидно, путает последовательность событий, т. к. Киев и Курск были взяты белыми позднее.

¹⁸⁶ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 225.

¹⁸⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

¹⁸⁸ Там же. Л. 62.

В этих боях белые понесли серьезные потери, в том числе в командном составе. Так, в конной атаке под Корочей был убит командир 2-го Терского казачьего полка Генштаба полковник Г. Г. Колесников, в ходе боев был контужен начальник дивизии генерал Агоев, тяжело ранен начальник штаба дивизии Генштаба полковник Н. И. Химич. 30 августа (по другим данным, 31-го) терцы взяли Новый Оскол, перерезав железнодорожный путь от Валук на Старый Оскол и Касторное. Затем терцы повернули на юго-восток, атакуя советские дивизии, сопротивлявшиеся действиям группы Шифнер-Маркевича. По всей видимости, Новый Оскол был ими оставлен. На этом направлении была разбита упорно оборонявшаяся 12-я стрелковая дивизия красных, остатки которой отходили на Бирюч и в леса к северу от Валук.

Группа Шифнер-Маркевича 26–29 августа вела упорные бои на реке Северский Донец. В итоге красные были отброшены за линию железной дороги Волчанск — Купянск¹⁸⁹. По некоторым данным, 30 августа казаками был занят Купянск, но, видимо, затем его пришлось оставить. Бои в районе Волчанска также шли с переменным успехом. К 1 сентября белые были вынуждены отойти к Волчанску, несмотря на требования командующего Добровольческой армией Генштаба генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского разбить красных в кратчайший срок.

На левом фланге Селивачёвского клина действовала донская казачья конница. 26 августа командир III Донского отдельного корпуса приказал командиру 7-й Донской пластунской бригады генерал-майору А. А. Дукмасову (штаб — Сватово) овладеть Купянском и, соединившись с бронепоездами, действовать на Валуйки, имея разведку на Волчанск и на Белый Колодезь¹⁹⁰. Для содействия Дукмасову два бронепоезда из первого бронеполка полковника Петрашкевича перебрасывали на линию Луганск — Сватово — Купянск, остальные прикрывали Харьков на линии Харьков — Купянск¹⁹¹. Конная группа Гусельщикова, выделенная из состава III Донского отдельного корпуса, к 27 августа прорвала фронт и на следующий день вышла к железнодорожной линии Лиски—Валуйки—Купянск на участке Алексеевка — Бирюч,¹⁹² разрушив железнодорожный путь. С юга вдоль железной дороги здесь наступала 8-я Донская пластунская бригада, однако Селивачёв контратаковал и вышел в тыл Гусельникову, в результате чего казакам пришлось отойти. 28 августа командующий III Донским отдельным корпусом генерал-лейтенант М. М. Иванов уже обвинил в нерешительности, беспричинном отходе и позорном поведении казаков сводно-конного полка и 8-й пластунской

¹⁸⁹ Трагедия казачества. С. 232.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

¹⁹¹ Там же. Л. 128; Д. 13. Л. 178.

¹⁹² РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 134.

бригады (96-й полк). По мнению комкора, их действиями были поставлены под угрозу группа Гусельщикова и даже исход операции¹⁹³. 31 августа был повторен приказ командиру 7-й Донской пластунской бригады энергичными действиями занять Купянск и выручить бронепоезда¹⁹⁴.

1 сентября командующий I армейским корпусом Добровольческой армии генерал-лейтенант А. П. Кутепов разослал свой приказ по корпусу начальникам штабов всех соединений, участвовавших в операции, — III отдельного и III Донского отдельного корпусов, а также не задействованного в ликвидации прорыва V кавалерийского корпуса: «Во исполнение приказа командарма приказываю напрячь все силы для окончательного уничтожения разбитого противника в районе Валуйки — Купянск — Волчанск. Переход корпуса в наступление на остальном фронте откладывается до особого распоряжения, частям корпуса активно обороняться на занимаемых ныне позициях»¹⁹⁵.

Несмотря на 2–3-кратное превосходство над противником в пехоте, у Селивачёва начались сложности¹⁹⁶. К 29 августа 13-я армия под натиском противника стала проявлять неустойчивость, причем 3-я и 42-я дивизии начали отступать. Непростая ситуация складывалась и на левом фланге в районе захваченного белыми города Бирюч, который Селивачёв приказал отбить немедленно за счет резерва 8-й армии¹⁹⁷. 8-я армия оказалась в крайне тяжелом положении, которое лишь ухудшалось вплоть до начала октября 1919 г. Над ударной группой нависла угроза окружения, хотя окружить такую группировку силами конницы было невозможно, а пехоты у белых для окружения явно не хватало. Селивачёв сообщал командующим подчиненными ему армиями о необходимости быть готовыми к перерыву связи¹⁹⁸. В 8-й армии к 1 сентября на исходе было горючее, что могло привести к остановке работы бронемашин¹⁹⁹.

На 1 сентября войска группы находились на линии Волчанск — Купянск — Валуйки — Подгорное. Фронт группы к этому времени достиг протяженности в 700 верст²⁰⁰. По оценке красных, против Селивачёва к 1 сентября 1919 г. белые имели на воронежском и курском направлениях 27,2 тысячи штыков и 12,6 тысячи сабель при 152 орудиях, 502 пулеметах, 19 бронепоездах и 12 танках²⁰¹. В тылу активно действовала белая конница.

¹⁹³ Там же. Л. 136.

¹⁹⁴ Там же. Л. 144.

¹⁹⁵ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 146.

¹⁹⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

¹⁹⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

¹⁹⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

¹⁹⁹ Там же. Л. 74.

²⁰⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

²⁰¹ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 488.

Селивачёв руководил начавшимся отходом группы на линию Короча — Новый Оскол — Алексеевка и отвечал за операции на обоянском направлении. При этом он пытался контратаковать и даже наступать. 2 сентября он поставил задачу 13-й армии занять город Суджа для оказания помощи 14-й армии, продвигавшейся к Сумам, требовал усилиями флангов 8-й и 13-й армий войти в связь у Нового Оскола²⁰². Это свидетельствует о том, что в тылу Селивачёва дела обстояли неблагополучно и между флангами его армий связь была нарушена. Но Новый Оскол красным удалось отстоять.

Помимо этого на плечи Селивачёва легла тяжелая обязанность обороны Воронежа от мамантовской конницы²⁰³. «Впервые слышим столь приятную новость», — сказал не без иронии Селивачёв командующему Южным фронтом 4 сентября, узнав о движении Мамантова на Воронеж²⁰⁴. Город Купянск Селивачёву пришлось окончательно оставить 2 сентября под ударами наступавших частей Деникина,²⁰⁵ однако из-за низкой активности сравнительно слабых донских частей советские дивизии купянского направления сумели вырваться из грозившего им окружения²⁰⁶. В районе Волчанска против войск Селивачёва действовал Сводный отряд, в который входили кубанские сотни корпуса Шкуро, Сводно-стрелковый полк и элитные «цветные» части Добровольческой армии — марковцы (батальон 2-го офицерского генерала Маркова пехотного полка, взвод 2-й Марковской артиллерийской батареи) и корниловцы (батальон 1-го Корниловского ударного полка), наступавшие на Новый Оскол²⁰⁷. На Обоянь наступал 2-й Корниловский ударный полк.

2 сентября Селивачёв беседовал по прямому проводу с членом РВС Южного фронта Г. Я. Сокольниковым и членом РВС 8-й армии В. А. Барышниковым. В разговоре зашла речь о том, что ударная группа 8-й армии требовала непосредственного руководства командарма из Валук или какого-либо другого пункта, а остальная часть армии могла управляться самим Селивачёвым из Воронежа²⁰⁸. Селивачёв потребовал подтверждения такого приказа со стороны командующего Южным фронтом. В это же время на борьбу с Мамантовым требовалось отзывать части (до бригады) с фронта 13-й армии, направив их для защиты станции Касторное. На следующий день переброс-

²⁰² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

²⁰³ Там же. Л. 48.

²⁰⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 146.

²⁰⁵ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 326.

²⁰⁶ Егоров А. И. Указ. соч. С. 217.

²⁰⁷ Левитов М. Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 283; Пятьдесят лет верности России. С. 183.

²⁰⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 98.

ка бригады 3-й дивизии была санкционирована²⁰⁹. Уже 3 сентября командующий Южным фронтом предъявил Селивачёву претензии в растерянности командования, на что Селивачёв ответил, что ни о чем подобном он лично не докладывал и у командующих армиями тоже не замечал²¹⁰. В это время в войсках распространилась паника, видимо связанная с решительными действиями казачьей конницы Шкуро и Гусельщикова (несмотря на то, что в группе Гусельщикова к 4 сентября уже не хватало патронов²¹¹) в красном тылу. Например, бригада 13-й дивизии считала себя разбитой, потеряв лишь 8 человек убитыми и 45 ранеными²¹².

Фронт 8-й армии белые прорывали в направлении участка железной дороги Острогжск — Лиски. В тылу армии по-прежнему действовала конница Мамантова. 4 сентября Селивачёв считал возможным отвести армию на линию Новый Оскол — Бирюч — Евдаково. В крайнем случае он допускал отход до линии Старый Оскол — Коротояк — Лиски²¹³. Штаб фронта, кстати, не представлял малочисленности сил Селивачёва и того, что в некоторых бригадах оставалось лишь по 500 человек, несмотря на невысокую интенсивность боев²¹⁴.

5 сентября Селивачёв говорил со сдержанным оптимизмом, что «мы хватили пр[отивни]ка своим наступлением за самое его живое место, а посему он теперь кусается. Хотя мы мало побии, однако пр[отивни]к [в] своем приказе, нами захваченном, делает укор одному из своих начдивов, а именно Говорову,²¹⁵ [в] недостаточном умении маневрировать, указывая на нас, как маневрирующих настолько, что их части принуждены отходить. Вся беда в командном составе — нет военного образования, нет верного взгляда военного, на самые мелочи приходится указывать. Я полагаю, что непосредственная угроза нам в известной степени отклонена, а если продвинется группа Шорина, то положение и совсем будет хорошо»²¹⁶.

Оптимизм Селивачёва, однако, не разделял командующий фронтом Егорьев. 5 сентября в разговоре по прямому проводу с начальником Полевого штаба РВСР П. П. Лебедевым он прямо сказал, что «действия Селивачёва еще не вышли из стадии подготовительных операций и уже потребовали отвлечения части 9 армии для действий в западном направлении»²¹⁷. Иными словами, командую-

²⁰⁹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 79.

²¹⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 129 об.

²¹¹ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 302.

²¹² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 133.

²¹³ Там же. Л. 140.

²¹⁴ Там же. Л. 148 об.

²¹⁵ Очевидно, речь идет не о начдиве, а о начальнике штаба III Донского конного корпуса Генштаба полковнике А. В. Говорове.

²¹⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 155.

²¹⁷ Директивы главного командования Красной армии. С. 462.

щий фронтом считал, что операция группы Селивачёва не увенчалась успехом. Более того, неудача Селивачёва грозила срывом всего наступления, поскольку командованию фронта приходилось оказывать Селивачёву содействие за счет основной ударной группы Шорина. Лебедев выступил категорически против отвлечения сил группы Шорина от их основной задачи.

Удивительно, что в этот же день Троцкий и члены РВС Южного фронта Л. П. Серебряков и М. М. Лашевич потребовали от главкома Каменева назначить Селивачёва командующим Южным фронтом, а на место Селивачёва назначить помощника командующего фронтом А. И. Егорова²¹⁸. Каменев против такого назначения Селивачёва не возражал, но перемещение Егорова считал нежелательным, т. к. не был уверен, что тот справится с управлением двумя армиями, входившими в группу Селивачёва²¹⁹. Дальнейшее катастрофическое для красных развитие событий не позволило осуществить намечавшуюся перестановку.

К этому времени становилось очевидным, что августовское наступление Южного фронта развивается не столь успешно, как предполагалось, а ближе к середине сентября стало понятно, что операция провалилась. Уже 5 сентября 1919 г. Егорьев признал, что операция Селивачёва, изначально планировавшаяся как вспомогательная, в процессе ее реализации приобрела самостоятельное значение как харьковская операция²²⁰.

В телеграмме 5 сентября, копия которой была направлена в ЦК, Троцкий и члены РВС Южного фронта потребовали от Каменева смещения центра операции на курско-воронежское направление, однако на следующий день получили недоуменный ответ Ленина с протестом от имени Политбюро против перемены плана. В конечном итоге план Каменева, поддерживавшийся Лениным до тех пор, пока еще оставалась хотя бы минимальная надежда на успех,²²¹ провалился. В результате реализован был план Троцкого (возможно основанный на замысле прежнего главкома Вацетиса), но красные потеряли несколько месяцев на бесплодные попытки воплотить в жизнь план Каменева.

Сам Каменев с упорством, достойным лучшего применения, на протяжении сентября продолжал считать свой июльский план правильным, полагая, что борьба на курско-воронежском направлении выгоднее для белых, тогда как красным более целесообразно наносить основной удар через Донскую область в направлении на Кубань, чтобы отрезать белых от основных районов пополнения их живой силы²²².

²¹⁸ Директивы главного командования Красной армии. С. 463.

²¹⁹ Там же. С. 463–464.

²²⁰ Там же. С. 461.

²²¹ Там же. С. 466.

²²² Там же. С. 464–465.

В результате красные не только не добились овладения Северным Кавказом, но даже не смогли достичь перелома на фронте группы Шорина, наступлению которой ожесточенно сопротивлялись Кавказская и Донская армии белых. На этом участке красным не удалось взять Царицын, не говоря уже о намечавшемся Каменевым проникновении на Кубань. По оценкам военных специалистов, достигнутые успехи имели лишь местное значение²²³. В Донской области белые удержали линию Хопра. В то же время красные упустили развитие успеха противника на харьковском направлении, позволили Деникину создать на Украине плацдарм для дальнейшего наступления и к октябрю 1919 г. столкнулись со вполне реальной угрозой Орлу и Туле, а войска красных оказались измотаны тяжелыми боями. Фактически реализация плана Каменева поставила под вопрос само существование Советской России.

Бывший советский главком И. И. Вацетис в конце 1919 г. писал в своих неопубликованных мемуарах об отсутствии преимущества в советской стратегии после замены Вацетиса на Каменева в июле 1919 г.:

«После ареста 8 июля никто не поинтересовался узнать, каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего. Его бывший начальник Штаба, Костяев, тоже был арестован, арестованы были также ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального Штаба. Таким образом, новый главнокомандующий приехал и стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе. Такая практика допустима лишь в том случае, когда налицо имеются полные, определенные и исчерпывающие доказательства того, что работы прежнего командования не приносили никакой пользы. Этих условий ни в коем случае не было... Стратегия главнокомандующего Вацетиса заслуживала того, чтобы с нею познакомиться поближе и взять оттуда все, что было полезно. Примеры из военной истории подтверждают, что такое бесцеремонное разрушение ставки не могло привести непосредственно к боевым успехам и подобные действия всегда сопровождались неблагоприятием в области стратегии. В августовском наступлении уже при новом главнокомандующем это вполне подтвердилось. На своем кратковременном пребывании на посту новый главнокомандующий, очевидно, не успел войти в курс дела, не успел ознакомиться с общим положением Республики, не успел нащупать особенностей обстановки на Южном фронте. По-видимому, он принял этот пост, имея наготове план действий, разработанный где-то заранее, на чисто схоластических началах и на предположениях, лишенных ясного представления о специфических особенностях не только Южного фронта, но и общей

²²³ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. С. 264; Егоров А. И. Указ. соч. С. 361.

стратегической и политической обстановки нашего военного лагеря. Ничем иным нельзя объяснить направление главного удара на фронте Донского казачества. Ничем иным нельзя объяснить игнорирование кавалерийского рейда генерала Мамонтова, разрушившего базу Южного фронта в Тамбове, в то время, когда Южный фронт лишь начал выполнение составленного плана, имея у себя в тылу столь внушительные кавалерийские силы противника. В таком случае никоим образом уже составленный план не мог быть начат своим выполнением в прежнем своем виде»²²⁴.

Таким образом, если логика Вацетиса верна, а рациональное зерно в ней, безусловно, есть, провал августовского наступления оказался прямым следствием арестов высших военных руководителей РККА по «делу» Полевого штаба РВСР, поскольку новый главком не имел еще достаточно времени, чтобы войти в курс дела.

20 сентября 1919 г.²²⁵ Троцкий обратился в ЦК, отмечая важность направления, на котором наступал Селивачёв:

«Особенно тяжелое положение создалось, однако, в отношении южного фронта. Общестратегический план был ложен с самого начала. Мы пустили главные силы на самом отдаленном, самом трудном и самом протяженном направлении. Сейчас совершенно ясно, что те же и даже значительно меньшие силы, своевременно брошенные на направление Купянск — Харьков, дали бы несравненно большие результаты. Украина не была бы к настоящему моменту основным плацдармом Деникина, мы сохранили бы Курск, Туле не грозила бы непосредственная опасность.

Но хуже того: те поправки, какие могли и должны были вноситься ходом событий, хотя бы и с некоторой потерей темпа, не вносились даже тогда, когда необходимость их становилась очевидной. Причина тому, в том, что оперативный план из временной и обусловленной рабочей программы командования превратился в знамя группы влиятельных товарищей, стал для них в некотором смысле вопросом чести. Большинство членов Политбюро Цека (два или [три] товарища) сочло даже возможным связать авторитет Цека партии не только [с] указанным общеперативным планом, но и с его отдельными изменениями. Это привело к такому положению, когда командование чувствовало себя и оказывалось вынужденным упорствовать в шагах, явно и очевидно нецелесообразных, иногда бессмысленных и прямо преступных. Таков был последний эпизод с переброской корпуса

²²⁴ РГВА. Ф. 39 348. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–47.

²²⁵ Так этот документ, не приводя ссылки, датируют В. Г. Краснов и В. О. Дайнес (*Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Указ. соч. С. 227). В обнаруженном нами варианте документа дата отсутствует. Сам Троцкий позднее отмечал, что его обращение в Политбюро относится к концу сентября 1919 г. (*Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 108).

Буденного на участок группы Шорина, в то время, как вся обстановка, все оперативные данные, все логические соображения ясно требовали сосредоточения сил на Курском направлении. Еще более недопустимым явилась переброска полков 21-й дивизии из Тулы на Новохоперск и окончательное очищение угрожаемой дороги Курск — Тула — Москва.

Необходимые мероприятия:

1. Освобождение Главкома от обязанностей по отношению к «царицынскому» плану;

2. Разъяснение Главкому в той или другой форме, что его оперативные решения сами по себе не могут иметь поддержки Цека, который лишь ставит ему в известном порядке определенные задания; другими словами, что ответственность за операции не снимается с Главкома лично ни при каких условиях»²²⁶.

Итоги неудачного наступления красных наглядно отражены в полковой истории Корниловского ударного полка: «К концу августа (старого стиля. — А. Г.) прорыв красных на Купянск и Волчанск был окончательно ликвидирован, и части Добровольческой Армии получили возможность продолжать прерванное наступление. С другой стороны, неудача красных в широко задуманной ими операции, для которой ими были собраны значительные силы, больно отозвалась на моральном состоянии Красной армии, и без того сильно потрепанной нами на линии рек Сейм и Сеймица. Добровольческая Армия не встретила поэтому того сопротивления, которое можно было ожидать при взятии укрепленного района г. Курска»²²⁷. По другому свидетельству, «советские войска, защищавшие Курск, бродили отдельными деморализованными группами и охотно сдавались в плен. Лишь только некоторые части оказали сопротивление»²²⁸.

Но все это было уже после тех драматических событий середины сентября, которые произошли в группе Селивачёва. Сейчас трудно сказать, что именно предопределило неудачу действий войск Селивачёва — ошибочный расчет Каменева и неправильное распределение сил, решительные действия белых, промахи самого Селивачёва или же злой умысел заговорщиков в руководстве группы. Как бы то ни было, финальная катастрофа группы неумолимо надвигалась.

В ночь на 7 сентября белые вновь взяли Новый Оскол (бои в районе Новый Оскол — Бирюч продолжались вплоть до 12 сентября, причем Бирюч был прочно занят казаками только 15 сентября). 1-я Терская казачья дивизия повела наступление на Старый Оскол, а 1-я Кавказская казачья на-

²²⁶ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 457–458.

²²⁷ Левитов М. Н. Указ. соч. С. 287.

²²⁸ Пятьдесят лет верности России. С. 187.

ступала на северо-восток от города Бирюч вдоль линии железной дороги на Острогожск — Лиски. Здесь совместно действовали группа Гусельщикова и 8-я Донская пластунская бригада.

7 сентября Селивачёв приказом № 20 принял на себя временное командование 8-й армией для ликвидации прорыва противника, а непосредственное управление группой из 2-й бригады 31-й дивизии, 12-й, 13-й, 15-й и 16-й дивизий в оперативном отношении передал вр. и. д. командующего 8-й армией А. И. Ратайскому (подробнее о нем см. Приложение 1) при начальнике штаба Г. С. Горчакове, кроме того, Селивачёв взял на себя непосредственное руководство 33-й и 40-й дивизиями и 1-й бригадой 31-й дивизии. Отмечу, что донским командованием 31-я и 33-я дивизии красных оценивались очень высоко²²⁹. В это время Мамантов, занявший 5 сентября Задонск, 6 сентября — Касторное и 7-го — Усмани, с трех направлений угрожал Воронежу, где находился штаб Селивачёва. Воронеж был взят Мамантовым уже 11 сентября, возможно, именно с этим и был связан переход Селивачёва в штаб одной из армий. Точные причины такого решения неизвестны, но в результате дальнейшая судьба Селивачёва оказалась целиком связана с событиями в 8-й армии.

Селивачёв 7 сентября произвел и другие важные кадровые перестановки. Вр. и. д. начальника штаба 8-й армии стал состоявший в распоряжении Селивачёва бывший Генштаба полковник А. С. Нечволодов. Вр. и. д. начальника штаба 8-й армии бывший Генштаба капитан В. Ф. Тарасов должен был вступить во временное исполнение должности начальника оперативного отдела штаба 8-й армии²³⁰. Принципиально важно, что все они вскоре загадочным образом исчезли. По одним данным, это произошло 2 октября 1919 г., когда Нечволодов, Тарасов и начальник разведывательного отделения штаба армии бывший Генштаба генерал-майор В. А. Желтышев пропали без вести при переводе полевого штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную (севернее Воронежа)²³¹. По другим, более достоверным сведениям, Нечволодов исчез отдельно от двух своих сослуживцев и примерно на две недели раньше. Тарасов и Нечволодов вскоре объявились в войсках Деникина, а судьба остальных до сих пор неизвестна.

Командир III конного корпуса генерал-лейтенант А. Г. Шкуро оставил важное свидетельство на этот счет. Как он отмечал в воспоминаниях, «штаб красной 13-й армии сдался добровольно в плен (кроме командующего, недавно умершего). Временно командовавший армией, бывший начальник штаба ее, Генерального штаба капитан Тарасов дал чрезвычайно ценные показания. Он объяснил (и подтвердил это приказами), что все время нароч-

²²⁹ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 314 об.

²³⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

²³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47; Д. 69. Л. 38 об.—39.

но подставлял под удары отдельные части красной 13-й армии; он сообщил также, что Буденный, закончив формирование Конармии, движется с нею с востока, имея задание разбить порознь меня и Мамонтова. Капитан Тарасов и его подчиненные были приняты на службу в Добрармию»²³².

Воспоминания Шкуро были записаны с его слов и подвергнуты литературной обработке полковником В. М. Беком после Гражданской войны — в 1920–1921 гг. в Париже. При этом были возможны различные ошибки и неточности, чем и объясняется явная ошибка в номере армии, в которой служил Тарасов (к слову, в недавнем прошлом начальник штаба советского Южного фронта). Разумеется, Шкуро имел в виду штаб не 13-й, а 8-й армии, недавно умершим командующим которой и был Селивачев.

До сих пор это свидетельство Шкуро исследователи не сопоставляли с реальным ходом событий, видимо считая его из-за указания на 13-ю армию недостоверным, однако происходившему в 8-й армии оно вполне соответствует. Более того, свидетельство Шкуро содержит прямое указание на наличие в штабе 8-й армии антибольшевистской подпольной организации. Вместе с Тарасовым к белым попали и другие штабные работники, но, к сожалению, их имен Шкуро не назвал.

Любопытное указание содержится и в мемуарах С. М. Буденного, в тот период командовавшего конным корпусом РККА. По его свидетельству, 4 октября красные перехватили белогвардейский аэроплан, направленный для связи с Мамантовым. Летчик принял буденновцев за казаков Мамантова, приземлился и был взят в плен. Мамантову летчик вез приказ командующего Донской армией Генштаба генерал-лейтенанта В. И. Сидорина и письмо от Шкуро, причем Сидорин, если верить Буденному, рекомендовал белым связаться с командующим (у Буденного — заместителем командующего) 8-й армией красных А. И. Ротайским, на которого, якобы, «можно положиться»²³³. В другом месте Буденный отметил, что «в руководстве армии произошло крупное предательство: заместитель командующего армией, тот самый бывший царский генерал (в действительности — полковник. — А. Г.) Ротайский (так в тексте. — А. Г.), о котором упоминал в своей записке Сидорин, с группой штабных военспецов перешел на сторону белых»²³⁴. Произошло это, если верить Буденному, в начале октября. Именно в это время в плен к буденновцам попал летевший для связи с Мамантовым 23-летний летчик капитан З. В. Снимщиков. Белое командование было серьезно обеспокоено тем, что вместе с летчиком красным достались важные оперативные документы. И действительно было чего опасаться! Как выяснилось, Снимщикову

²³² Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 231.

²³³ Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М., 1958. С. 257.

²³⁴ Там же. С. 258.

было выдано для передачи Мамантову несколько директив и до 200 телеграмм неизвестного содержания²³⁵. Возможно, среди этих документов мог находиться и тот, что цитировался Буденным. Нам не удалось подтвердить факт пленения или перехода к противнику вр. и. д. командующего 8-й армией Ратайского, но свидетельство о массовом переходе штабных работников 8-й армии на сторону белых соответствует действительности.

Эти факты дают огромный простор для разного рода предположений. Действительно ли имел место белогвардейский заговор в штабе 8-й армии? Был ли к нему причастен Селивачёв? Мог ли он стать его жертвой? К сожалению, известные нам документы пока не позволяют однозначно ответить на эти вопросы.

Наличие подписанного Селивачёвым приказа от 7 сентября о кадровых перестановках свидетельствует, что как минимум за десять дней до своей смерти бывший генерал был вполне здоров и мог управлять вверенной ему группой. В то же время — это самый поздний из обнаруженных нами документов за подписью самого Селивачёва. Отметим также, что с 13 сентября Ратайский подписывал распоряжения не как командующий группой, а вновь как вр. и. д. командующего 8-й армией,²³⁶ т. е. Селивачёв в это время оказался не у дел. Данных о том, возглавлял ли кто-то группу Селивачёва с тех пор, в архивных документах обнаружить не удалось. Таким образом, в середине сентября группа Селивачёва фактически прекратила свое существование²³⁷.

Как бы то ни было, войска, входившие в группу, продолжали вести тяжелые бои, в том числе по берегу реки Оскол. 12 сентября белые взяли Обоянь. 1-я и 3-я Донские дивизии 12 сентября получили приказ усилить бдительность, чтобы не пропустить отход красных²³⁸. Корпус Шкуро двигался по тылам 8-й армии, причем донское командование просило Шкуро помочь группе Гусельщикова в наступлении на Острогожск²³⁹. Наступление на Острогожск продолжалось еще несколько дней. Белое командование все еще надеялось отсечь и окружить отступавшие части красных, но сделать это не удалось. Командир III Донского отдельного корпуса, видимо, по этим причинам считал, что командный состав корпуса был

²³⁵ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 14. Л. 228–228 об. Благодарю М. А. Хайрулина за указание на этот источник.

²³⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

²³⁷ В советской литературе утверждалось, что группа Селивачёва, якобы, была расформирована в конце сентября 1919 г. (Группа В. И. Селивачёва // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 160). На основе каких документов сделано такое заявление, нам неизвестно.

²³⁸ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

²³⁹ Там же.

не всегда на высоте своего положения²⁴⁰. Лишь 21 сентября Острогожск был занят силами 6-й и 7-й Донских пластунских бригад, красные отступили на Лиски²⁴¹.

В дальнейшем Шкуро продолжал громить красные тылы. По воспоминаниям самого генерала, «совершая это движение, я бил красных по частям; особенно крупных боев, кроме боя у Старого Оскола, не было. Однако в течение трех недель я взял 75 орудий, свыше 300 пулеметов и около 35 000 пленных»²⁴². Фактически к середине сентября результаты августовского наступления на фронте группы Селивачёва были сведены на нет, а войска понесли большие потери и оказались сильнееобразом перетомлены. Бои теперь шли в районе Лиски — Коротояк²⁴³.

Еще летом 1919 г. белая разведка сумела добыть план действий группы Селивачёва и данные о ее составе, впрочем едва ли исходившие из штаба самой группы. По этим сведениям, роль Селивачёва как командующего группой «не вполне выяснена. По-видимому, находясь под надзором комиссара, он не может явно вредить операции своими распоряжениями, но делает, что может. Сообщают, что благодаря ему у группы нет резервов»²⁴⁴. Таким образом, белые агенты считали, что Селивачёв являлся их тайным сторонником, что, возможно, было недалеко от действительности. Когда эти материалы оказались в руках чекистов, надо полагать, подозрения в отношении Селивачёва многократно усилились. Однако произошло это не ранее конца августа — сентября 1919 г. и роли в судьбе Селивачёва, скорее всего, уже не сыграло.

Между тем, в начале сентября Троцкий продолжал выдвигать Селивачёва на пост командующего Южным фронтом²⁴⁵. По данным на 8 сентября, назначение Селивачёва было отложено лишь в связи с перерывом с ним связи²⁴⁶. Именно Троцкий покровительствовал Селивачёву, и бывший генерал в этот период вполне мог считаться его креатурой. Соответственно, любая неудача военспеца бросала тень и на его патрона. Однако деятельность Селивачёва и без документов белой разведки стала вызывать подозрения большевистского руководства.

К сожалению, точно не датирована интересная записка Ленина Э. М. Склянскому: «Склянскому только лично и особо секретно (Ленин). Не послать ли *особо надежным шифром* (курсив документа. — А. Г.) Со-

²⁴⁰ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

²⁴¹ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 4. Л. 159.

²⁴² Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 227.

²⁴³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 148.

²⁴⁴ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 250–251.

²⁴⁵ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 357.

²⁴⁶ Там же. Л. 393.

кольникову такой телеграммы: Примите лично все меры для ближайшего наблюдения за политической добросовестностью Селивачёва. Сообщайте чаще ваши наблюдения и их итоги»²⁴⁷. Этот документ из архива Склянского не публиковался в полном собрании сочинений Ленина.

11 сентября на заседании Политбюро ЦК обсуждался доклад главкома о положении на фронтах и вопрос о командировании в штаб Селивачёва высокопоставленного чекиста Я. Х. Петерса в качестве члена РВС, причем было решено до получения согласия Троцкого этого решения в исполнение не приводить²⁴⁸. Судя по всему, большевистское руководство больше всего беспокоил перерыв связи с Селивачёвым. Все остальные опасения и подозрения в возможной измене пока были лишь предположительными.

Разумеется, нам неизвестны все детали, о которых тогда говорилось в Политбюро. По всей видимости, подозрения в отношении нелояльности Селивачёва были столь серьезными, что отреагировать на них вскоре должен был уже и сам Троцкий. Удалось обнаружить черновик его шифрованной телеграммы в ЦК от 12 сентября. «Кандидатура Петерса слишком демонстративна, не давая никаких гарантий военной проверки»²⁴⁹. Считаю более целесообразным назначение лучших агентов на должности делопроизводителя для поручений и шофера и пр. при Селивачёве. Сейчас наиболее критический момент для Селивачёва. Я выезжаю [в] Балашов, чтобы связаться с ним, вызвать его [в] Орел на совещание с Главкомом для назначения командюж. После этого опасность измены крайне уменьшится. Предлагаю во всяком случае назначения не производить до выяснения, где Селивачёв, и до вызова его в Орел, так как в случае его колебаний назначение Петерса может побудить его принять крайнее решение. Практического же значения назначение Петерса [в] ближайшие дни все равно иметь не будет. Троцкий. № 380»²⁵⁰.

Фактически это первый документ, в котором Троцкий допустил вероятность измены своего протеже. Он согласился с предложениями ЦК окружить Селивачёва соглядатаями из ВЧК, но предпочитал действовать осторожно и не назначать к Селивачёву такую знаковую фигуру, каким был прославившийся своей беспощадностью к врагам революции Петерс. Удивительно, но Троцкий еще не оставил мысли о возможности назначения Селивачёва командующим Южным фронтом и, что уже совсем странно, пола-

²⁴⁷ The Trotsky papers 1917–1922. Edited and annotated by J. M. Meijer. Vol. 1. 1917–1919. L. — Hague — P., 1964. P. 670.

²⁴⁸ Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) 1 июля — 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301). С. 159.

²⁴⁹ Зачеркнуто: контроля — А. Г.

²⁵⁰ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 396–397.

гал, что более высокое назначение Селивачёва почему-то должно уменьшить вероятность измены с его стороны. Телеграмма свидетельствует и о том, что на 12 сентября связи с Селивачёвым по-прежнему не было, что не могло не вызывать озабоченности в советском руководстве.

На протяжении нескольких следующих дней новостей о Селивачёве по-прежнему не было. 16 сентября В. И. Ленин писал члену РВСР С. И. Гусеву:

«Связи с Селивачёвым не установили, надзора за ним не установили, вопреки *давнему* и *прямому* (здесь и далее — курсив документа. — А. Г.) требованию Цека.

В итоге и с Мамонтовым застой и у Селивачёва застой (вместо обещанных ребячьими рисуночками «побед» со дня в день — помните, эти рисуночки Вы мне показывали? и я сказал: о противнике забыли!!).

Если Селивачёв сбежит или его начдивы изменят, виноват будет РВСР, ибо он спал и успокаивал, а дела не делал. Надо лучших, *энергичнейших* комиссаров послать на юг, а не сонных тетерь»²⁵¹.

Ситуация с Селивачёвым не на шутку встревожила большевистского вождя. В тот же день Ленин написал председателю РВСР Троцкому и членам РВС Южного фронта Л. П. Серебрякову и М. М. Лашевичу: «Политбюро Цека считает абсолютно недопустимым, что Селивачёв остается до сих пор без особого надзора вопреки решению Цека. Настаиваем на установлении связи хотя бы аэропланом и на посылке к нему Серебрякова во что бы то ни стало и немедленно, комиссаром при Селивачёве. Поведение начдивов в районе вторичного прорыва крайне подозрительно. Примите героические меры предотвращения.

Политбюро поручает т. Сталину переговорить с Главкомом и поставить ему на вид недостаточность его мер по установлению связи с Селивачёвым и по предотвращению подозрительной небрежности, если не измены, в районе вторичного прорыва»²⁵².

17 сентября датирована телеграмма Троцкого из Тамбова в Орел Серебрякову и Лашевичу, ответ на которую Троцкий рассчитывал получить в Козлове: «Имеете ли связь с штабром 8 и Селивачёвым? Мои попытки связаться с Селивачёвым из Балашова не дали успеха. Каково положение на внутреннем фронте? Какие последние донесения южфронта?»²⁵³ Получается, что ни руководство Южного фронта, ни сам Троцкий не могли связаться с Селивачёвым весь период с 8 сентября по день его смерти. Возможно, свою роль в перерыве связи сыграл рейд Мамантова, но причины этого требуют дополнительного изучения.

²⁵¹ Ленин В. И. Военная переписка. С. 203.

²⁵² Там же. С. 204.

²⁵³ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 416.

Однако обнаружение этого документа опровергает ранее высказывавшееся в литературе предположение, что «смерть генерала оказалась как нельзя более кстати для Троцкого и его сотрудников... в условиях непрекращающейся грызни реввоенсоветчики могли опасаться, что раскрытие подрывной деятельности столь высокопоставленного военачальника будет угрожать их собственному положению, — особенно когда в непосредственной близости к ожидаемой ревизии появилась фигура Сталина — постоянного недруга Председателя РВСР»²⁵⁴. Как мы знаем, в действительности Селивачёв тогда лишь находился под подозрением, а никаких документальных подтверждений его подрывной деятельности на сегодняшний день не обнаружено. Кроме того, нет данных о том, что И. В. Сталин принимал активное участие в решении этой проблемы.

На объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) 18 сентября 1919 г. было решено командировку Л. П. Серебрякова к уже умершему Селивачёву отменить²⁵⁵. Возникает резонный вопрос, как могло случиться, что до смерти Селивачёва с ним почти две недели не могли связаться, а информация о его смерти распространилась мгновенно?! 22 сентября Троцкий уже запрашивал Серебрякова о причинах смерти Селивачёва²⁵⁶.

Интересно, что Ленин привлек к решению этого вопроса такого непримиримого врага Троцкого как Сталин. Как справедливо отметил московский историк А. С. Кручинин, содержание ленинских писем дает основание считать, что советский вождь не был в курсе болезни Селивачёва, которая, скорее всего, могла быть внезапной. Однако далее исследователь предполагает, что руководству советского Южного фронта и даже РВСР было выгоднее ликвидировать Селивачёва, чем оправдываться за неудачи на фронте и за назначение вероятного белого агента на руководящую должность²⁵⁷. Последнее утверждение представляется спорным. Обнаруженные нами документы свидетельствуют, что не только Ленин и Троцкий, но и командование советского Южного фронта не знало о состоянии Селивачёва, прежде всего вследствие длительного перерыва связи со штабом 8-й армии, где тот находился. Важно и то, что документальных подтверждений версии об убийстве Селивачёва пока не обнаружено.

По официальной версии, Селивачёв умер от тифа 17 сентября 1919 г. в возрасте 51 года²⁵⁸. Белая печать незамедлительно отреагировала на это

²⁵⁴ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 74.

²⁵⁵ Ленин В. И. Военная переписка. С. 355.

²⁵⁶ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 425.

²⁵⁷ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 73–74.

²⁵⁸ Селивачёв В. И. // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.,

событие. Видный деятель Белого движения Генштаба полковник А. А. фон Лампе под псевдонимом «Л. Г. Семеновский» (в честь Лейб-гвардии Семеновского полка, в котором он служил в русской армии) 6 октября (23 сентября) написал в Новороссийске и 22 (9) октября опубликовал в газете «Великая Россия» резкую статью «Смерть Селивачёва», в которой высоко оценил квалификацию Селивачёва, но обвинял бывшего генерала в предательстве и даже припечатал его фразой из стихотворения А. Толстого «Сон Попова»: «Начнут как Бог, а кончат как свинья».

Фон Лампе писал: «По слухам, в Совдепии умер от острого воспаления кишок бывший генерал русской службы Селивачёв, недавно еще руководивший операцией красных на Валуйки и Купянск, операцией, инициатору которой нельзя отказать в способности правильно разбираться в вопросах стратегии и умении организовать наступление в армейском масштабе.

Все это дает основание предполагать, что неудавшаяся красным операция обхода Харькова была задумана лицами, получившими высшее военное образование, а таким-то именно и был Селивачёв, на которого красные возложили ее проведение в жизнь. Таким образом, естественно, возникает пред[по]ложение, что исполнитель операции мог быть и ее автором.

Ход операции, ее выполнение под руководством Селивачёва, дает полное основание предполагать, что неудача ее произошла не вследствие саботажа со стороны ее руководителя, а лишь вследствие искусного контрманевра командования Ю[жных] а[рмий] и, таким образом, за Селивачёвым остается желание расколоть надвое силы Ю[жных] а[рмий], и привести свое предприятие к желательному для Троцкого и губительному для генерала Деникина концу!

А между тем, будучи командующим VII армией на внешнем фронте, Селивачёв в сентябре 1917 г. был арестован комиссаром армии Сургучевым за «враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам» и за то, что он не только высказал свою солидарность с генералом Деникиным, телеграммой заявившим свой протест против смещения генерала Корнилова с поста Верховного Главнокомандующего, но и всеми мерами способствовал распространению известного воззвания генерала Корнилова к войскам, воззвания, квалифицированного политическим комедиантом Керенским как измену и мятеж против верховной власти.

Солидарность генерала Селивачёва с «ныне привлеченным к дознанию по делу о восстании против временного правительства» Генералом Деникиным и с «изменником и мятежником» Корниловым заставила расторопного комиссара устранить генерала Селивачёва от командования армией.

В сентябре 1917 года генерал Селивачёв теряет пост командующего русской армией за поддержку генералов Корнилова и Деникина, а менее чем через два года после этого товарищ Селивачёв забывает свое “враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам” и, став во главе разбойничьей организации комитета интернациональных мошенников, — выступает с оружием в руках против бывшей армии генерала Корнилова, руководимой генералом Деникиным.

“Как люди в страхе гадки. Начнут как Бог, а кончат как свинья!”²⁵⁹

Есть основания думать, что Селивачёв пошел на службу к большевикам и принял пост красного командарма под угрозой смерти, но ведь и генералу Радко-Дмитриеву его убийцы предлагали такой же ценой купить право на жизнь, однако доблестный генерал предпочел ужасную смерть под шашками обезумевших негодяев — службе красному хаму!

Не всякому дано быть героем, но как неумолима жестокая судьба — совершив свое предательство с целью спастись от смерти, Селивачёв умирает от эпидемического заболевания!

Уми он от той же болезни раньше своей измены — он отошел бы в вечность несчастным, измученным, но русским человеком; откажись он от предлагаемой ему, заведомыми для него разбойниками, сделки с жизнью и честью и презренной роли большевистского наемника — он умер бы героем — он умер после своего перехода на службу интернационалистам, врагам своей родины, и имя его останется навсегда в ряду имен тех, кто замарал себя изменой родному делу!

Надо думать, что многие из тех, кто готов для сохранения своей жизни пойти на сделку с совестью, невольно задумаются над жестокой насмешкой судьбы, сыгравшей злую шутку с умершим! Более яркого примера бесцельной измены ждать трудно!»²⁶⁰

К сожалению для них, белые тогда еще не поняли, что на одном только страхе армию создать невозможно, а основания службы многих офицеров в Красной армии были совсем иными. К тому же сложно говорить об измене в условиях раскола общества и отсутствия каких-либо критериев для определения, что есть в подобной ситуации измена.

Несколько лет спустя после этих событий, уже по окончании Гражданской войны, вышли «Очерки Русской Смуты» генерала А. И. Деникина, в которых Деникин привел следующее свидетельство: «Московские Центры»²⁶¹ поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения боль-

²⁵⁹ «Гр[аф] А. Толстой. “Сон Попова”» (прим. фон Лампе).

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

²⁶¹ Т. е. «Правый Центр» и «Национальный Центр».

шевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя»²⁶². По предположению А. С. Кручинина, генерал Деникин имел в виду Селивачёва²⁶³. Кручинин исходил из того, что формулировка Деникина «мои армии» должна относиться к событиям 1919 г., а оговорка из «Очерков Русской Смуты» «генерал Селивачёв» при том, что рядом без всякого прежнего звания указан бывший полковник Шорин, не случайна.

Это предположение полностью подтвердилось в результате обнаружения нами важного свидетельства в неопубликованном дневнике Генштаба генерал-майора А. А. фон Лампе. 24 декабря 1922 г. фон Лампе теперь уже с любопытством и сожалением записал следующее: «Все хочу записать рассказ Деникина, который меня очень поразил — относительно генерала Селивачёва (здесь и далее — разрядка фон Лампе. — А. Г.). По мнению Деникина, Селивачёв, который когда-то был арестован за противодействие большевистским комиссарам, таковым и остался до самого конца и в операции против Добровольческой Армии, на Купянск, ведя ее совершенно правильно в таком направлении, которое заставило весьма беспокоиться самого Деникина, вдруг, без всякого смысла, свернул на Харьков, об который разбились советские части, до того резавшие нашу армию пополам. По предположению Деникина, “холера”, от которой умер Селивачёв, — могла быть и просто отравлением его большевиками за проигранную намеренно операцию...

Если это так, то я очень виноват перед доблестно погибшим Селивачёвым, которого я квалифицировал в моей статье в “России” “начнет как Бог, а кончит как свинья”, базируясь именно на п р а в и л ь н о с т и выбранного им направления для удара на Купянск...

Но как же установить, как это было на самом деле...»²⁶⁴

²⁶² Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003. С. 548.

²⁶³ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 69–74.

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

В другом месте фон Лампе отметил: «...был момент, когда стоявший на стороне большевиков бывший генерал Селивачёв, прорвав наш фронт у Купянска, был обязан развивать прорыв на юг, чем привел бы нас к катастрофе, — он этого не провел в жизнь... правда о последнем случае говорят, что Селивачёв сделал это намеренно и был за это отравлен, но это еще требует подтверждения»²⁶⁵.

По мнению Кручинина, срыв операции был бы невозможен без эффективного взаимодействия белой агентуры и деникинской ставки, следовательно, у Деникина должна была быть точная информация на этот счет²⁶⁶. Однако из записи фон Лампе следует, что Деникин отнюдь не был уверен в правильности своих предположений, причем эта неуверенность передана и самому фон Лампе. Соответственно, достоверных данных на этот счет Деникин не имел. Что же касается поворота на Харьков, то, как уже говорилось выше, на самом деле его не было, так как Харьков и был одной из основных целей наступления Селивачёва, а Купянск — лишь крайним пунктом на левом фланге юго-западного крыла группы. Другое дело, что для Деникина именно Купянск как вершина Селивачёвского клина выглядел в качестве основной цели наступления. На самом деле наступать к югу от Купянска, оставив на фланге такие крупные центры, как Белгород и Харьков с располагавшимися в их районе главными силами Добровольческой армии, для Селивачёва было бы самоубийственно. По всем этим причинам его движение на Харьков выглядит вполне обоснованным.

В то же время совершенно достоверно, без допусков и предположений, установить истину в этом вопросе вряд ли удастся. Существуют и другие аргументы против того, что Селивачёв действовал умышленно во вред красным. Мощным контрдоводом является то, что уже изначально обе группы советского Южного фронта действовали по расходящимся направлениям. План Каменева не предусматривал нанесения главного удара группой Селивачёва, тогда как белые фактически наносили свой главный удар как раз на фронте его группы, что объективно ставило Селивачёва в тяжелые условия. Свободе действий Селивачёва мешал и рейд Мамантова по красным тылам.

Еще одним аргументом против того, что бывший генерал вел подрывную работу, на наш взгляд, является отказ Селивачёва 14 августа от предложенного ему подчинения группы войск, наступавшей на узловую станцию Готня (западнее Белгорода)²⁶⁷. Думается, настоящий белый агент и саботажник не отказывался бы от подчинения себе этой группы, а постарался бы взять

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 290.

²⁶⁶ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 74.

²⁶⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

под свой контроль максимум войск, чтобы затем нанести и максимальный вред. Наконец, едва ли способствовало желанию рисковать наличие у Селивачёва большой семьи, которая в случае его ареста и расстрела могла остаться без средств к существованию. Селивачёв не был безответственным человеком, заботился о близких и вряд ли стал бы рисковать их будущим.

Конечно, Селивачёв как опытный человек мог попытаться замаскировать свою возможную подрывную работу, однако сделать это было бы непросто. Нельзя забывать о том, что контроль над его действиями был достаточно серьезным и многоуровневым. Копии всех приказов Селивачёва отсылались в штаб фронта. Последний, как видно из оперативной переписки, внимательно следил за подчиненными ему формированиями вплоть до дивизионного уровня. Непосредственный начальник Селивачёва, командующий советским Южным фронтом В. Н. Егорьев имел большой опыт штабной работы и мог разоблачить вредительство Селивачёва. Однокашником по академии и, видимо, единомышленником Егорьева был другой опытный генштабист — начальник штаба фронта Н. В. Пневский. Приказы Селивачёва также отправлялись в Полевой штаб РВСР, где их изучали главком Каменев и начальник Полевого штаба Лебедев. Наконец, соответствие приказов Селивачёва обстановке контролировали штабы и РВС подчиненных ему армий, которые также отправляли копии своих телеграмм в штаб фронта и в Полевой штаб РВСР. Ежедневно, пока существовала связь, Селивачёв беседовал по прямому проводу с командующим Южным фронтом, а иногда и непосредственно с главкомом Каменевым.

Фактически, если у Селивачёва и была возможность отдать какие-то вредительские приказы, то произойти это могло с наибольшей вероятностью лишь в период перерыва связи его группы с центром в сентябре 1919 г., когда операция уже и так была провалена. И в этом смысле переход Селивачёва из штаба группы в штаб одной из вверенных ему армий может восприниматься либо как попытка лично спасти положение на месте, поскольку нет надежды на подчиненных, либо же как стремление оказаться ближе к линии фронта, уйти из-под контроля вышестоящего начальства, отдать соответствующие вредительские приказы и перейти к противнику, что, конечно, представляется менее вероятным.

Этот эпизод в художественной форме был изложен генералом Деникиным в его рассказе «Исповедь» из сборника «Офицеры», вышедшего в 1928 г. в Париже. Герой этого рассказа — бывший генерал и советский командарм — был отравлен по косвенному приказу Троцкого из-за того, что подвел вверенную ему армию под поражение с целью помочь белым.

Деникин писал: «Еще недавно, не более недели тому назад, операция прорыва белого фронта началась так блестяще, и острый, точно режущий

клин, прочерченный на большой стратегической карте, висевшей в оперативном отделении, впивался все глубже и глубже к югу, в расположение белых. Только полсотни верст отделяло победоносные красные полки от важного южного центра, когда командарм неожиданно для своего штаба свернул армию на запад... прошло еще дня два — три, и в ходе операции наступил неожиданный перелом: армия, производя перемену направления, сама открыла белым свои сообщения и тыл, по которому ударили “белые” бронепоезда и кубанская конница. Роли переменялись, будто по сигналу: N-ая красная армия повернула на север и в паническом бегстве искала спасения. Несколько дней штаб²⁶⁸ не имел даже сведений о своих войсках... Командарм сидел в салоне своего вагона, задумчиво глядя на разложенную карту. Толстая цветная линия общего советского фронта — на участке его армии — обращалась в пунктир неопределенного очертания: нельзя было установить точно расположение дивизии; а синие стрелки, изображавшие направления колонн белых, — прямые, острые — словно разрывали паутину фронта, выпрямляли опустившийся было к югу клин и вонзались глубоко в расположение красных. Одна стрелка, прочерченная сбоку, с востока, наперерез железнодорожной линии, все время опережала движение штабного эшелона. Вот-вот захватят...

Операция окончательно и безнадежно погублена.

Командарм сложил карту, откинулся на спинку кресла, задумался. “На этот раз, пожалуй, не удастся выйти благополучно...”²⁶⁹

Рассказ Деникина завершился тем, что на исповеди умиравший командарм сказал священнику, что служил красным только для вреда. Однако история с отравлением — лишь предположение Деникина, обусловленное его неприязнью большевиков и стереотипами в отношении красного террора. Подлинных обстоятельств произошедшего знать он, скорее всего, не мог. По всей видимости, Деникин считал, что Селивачёва действительно отравили, подозревая в сочувствии белым и в измене²⁷⁰. Иностранцы также высказывают предположения, что внезапная смерть Селивачёва каким-то образом могла быть связана с неудачей его группы²⁷¹. Из рассказа «Исповедь» следует и то, что у командарма в штабе был сообщник,²⁷² что может перекликаться с подлинными историческими событиями, связанными с гибелью Селивачёва.

²⁶⁸ Штаб армии.

²⁶⁹ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 415, 417, 418–419.

²⁷⁰ Рутыч Н. Биографический справочник // Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 251.

²⁷¹ Mawdsley E. The Russian Civil war. Edinburgh, 2008. P. 243.

²⁷² Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 421.

В ходе поисков в фондах РГВА автору этих строк посчастливилось обнаружить документы, проливающие свет на судьбу Селивачёва. Они отыскались в двух малоприметных полевых книжках штаба 8-й армии, многие из которых заполнялись ближайшим сотрудником Селивачёва генштабистом Нечволодовым. До сих пор эти документы не привлекали внимания исследователей.

Из этих документов следует, что на 12 сентября штаб 8-й армии находился в селе Костомаровка, где располагалась переправа через Дон. К 14–15 сентября штаб армии планировал добраться до Острогожска,²⁷³ однако этого не случилось. Именно в Костомаровке и скончался В. И. Селивачёв. При этом штаб Селивачёва находился в непосредственной близости от линии фронта. Уже 13 сентября в 10 верстах к северо-востоку от переправ появились разъезды белых²⁷⁴. На Костомаровку вела наступление 3-я Донская дивизия²⁷⁵.

В тот же день начальнику охраны обоза штаба 8-й армии Черноусову была отправлена телеграмма с приказанием начальника штаба армии Нечволодова о высылке к Селивачёву врачей штабного околотка и фельдшеров. «Положение командарма очень плохое», — сообщалось в телеграмме²⁷⁶. Нечволодов в эти дни отдавал распоряжения об обороне Костомаровки и переправ и ни в чем подозрительном заподозрен быть не мог. Правда, по мнению Троцкого, высказанному 1 августа 1919 г., он был малопригоден на своей должности²⁷⁷. Однако это не свидетельствует ни о его возможной работе на противника, ни о его причастности к смерти Селивачёва.

Среди обнаруженных документов имеется описание состояния здоровья Селивачёва 15 сентября, которое уместно здесь опустить по этическим соображениям. Отметим, что налицо были признаки желудочного заболевания, хотя врачи констатировали некоторое улучшение, отмечали, что у больного прошли судороги и он находился в сознании, но был очень слаб²⁷⁸.

К 16 сентября штаб 8-й армии не имел связи со штабом Южного фронта уже вторую неделю²⁷⁹. Сообщения отправлялись через штаб 9-й армии. 8-я армия действовала в отрыве от главных сил и почти полностью лишилась боеприпасов.

16 сентября Нечволодов телеграфировал командующему Южным фронтом: «Помощник командующего Южным фронтом командующий группой

²⁷³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 466. Л. 228.

²⁷⁴ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 12.

²⁷⁵ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 4. Л. 122.

²⁷⁶ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 13.

²⁷⁷ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 267.

²⁷⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 30–30 об.

²⁷⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 357. Л. 184.

8 и 13 армий (в документе — армиями. — А. Г.) Владимир Иванович Селивачёв при переезде со штабом 8 из Боброва в Острогожск заболел в д. Костомаровке 13го сентября остро-желудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере. Состояние здоровья внушает опасения. Командование 8-ой армией вновь передано тов. Ратайскому»²⁸⁰.

На следующий день телеграмма Нечволодова уже сообщала печальное известие:

«Оперативная вне всякой очереди

1) Командюжу

2) Главкому

№ 27 17 сент. 23 час.

Место отправления Костомаровка

Помкомандюж Владимир Иванович Селивачёв, заболел в селе Костомаровке на Дону 13 сентября остро-желудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере, скончался 17 Сентября в 23 часа.

Предан земле будет в селе Костомаровка.

Состоящий при Помкомандюже Генштаба Нечволодов»²⁸¹.

Таким образом, смерть генерала, скорее всего, носила естественный характер, но, вопреки официальной версии, не была вызвана тифом. При этом выявленные документы не противоречат и версии отравления, приведшего к летальному исходу.

Телеграмма Нечволодова также оставляет некоторые вопросы без ответа. Означает ли наличие этой телеграммы, что не существовавшая две недели связь со штабом фронта после смерти Селивачёва в одночасье наладилась? Это еще одна загадка, связанная со смертью бывшего генерала.

Переписка со знатоками прошлого и настоящего Костомаровки дает основание считать, что могила Селивачёва там не сохранилась. Если бы было наоборот, место и обстоятельства его смерти не оставались бы до сих пор исторической загадкой. Скорее всего, могила генерала затерялась еще тогда. Не исключено, что ее уничтожили белые, занявшие Костомаровку с отходом красных, тем более что в районе Костомаровки шли ожесточенные бои,²⁸² а донесение Нечволодова на протяжении девяноста лет хранилось в архиве невестребованным.

В следующей телеграмме № 28, адресованной РВС 8-й армии, дополнительно сообщалось, что болезнь Селивачёва протекала «при наличии порока сердца»²⁸³. Телеграммой № 29, адресованной начальнику Поле-

²⁸⁰ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 31–31 об.

²⁸¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.

²⁸² См., напр.: Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. В обработке М. Борисова. Под общей редакцией В. Н. Алексева. Воронеж, 1933. С. 132.

²⁸³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 5.

вого штаба РВСР П. П. Лебедеву, Нечволодов продублировал информацию о смерти Селивачёва и добавил: «просьба сына: подготовить семью к этому несчастью»²⁸⁴. Из этой фразы, предположительно, может следовать, что сын Селивачёва находился вместе с отцом на фронте. Тот факт, что Селивачёва похоронят в Костомаровке, Нечволодов объяснял военными обстоятельствами. Телеграммы передавались через штаб 33-й дивизии. Отдельная телеграмма была отправлена начальнику санитарной части 8-й армии.

На другой день часть сотрудников штаба армии выезжала из Костомаровки в Острогжск. При отъезде штаба армии выяснилось, что Нечволодов с женой бесследно исчезли. По всей видимости, это произошло в ночь с 18 на 19 сентября.

10 часами утра 19 сентября датирована телеграмма председателю исполкома села Костомаровка, подписанная помощником начальника санитарной части 8-й армии товарищем Биберганом: «Сообщаем, что Начал[ьник] Штаба VIII арм[ии] тов. Нечволодов Ал[ександр] Сем[енович] и жена его Екатер[ина] Карловна сегодня утром в 9^т час. в квартире у себя не обнаружены. Вещи в раскрытом виде, как портплед и др. находились в комнате. Из разговоров выяснилось, что они будто бы на квартире не ночевали.

Предлагаем принять меры к выяснению их местопребывания и сообщить немедленно в штаб 8 арм[ии].

Вещи, какие обнаружены в квартире, взяты нами в штаб 8 арм[ии]»²⁸⁵.

В Особый отдел 33-й дивизии было отправлено донесение похожего содержания и две фотокарточки Нечволодова.

Нечволодов с женой бросили все и бежали. Все говорило о поспешности их исчезновения. Нечволодов оставил верховую лошадь (что странно при побеге, но может объясняться, например, попыткой скрытно переправиться через Дон на лодке), 3 тюка вещей, коробку и небольшой чемодан²⁸⁶.

Был ли Нечволодов причастен к смерти Селивачёва? По какой причине он решил бежать? Не был ли он связан с антибольшевистским подпольем? Эти вопросы до сих пор остаются без ответа.

Исчезновение четы Нечволодовых лишь добавляет загадочности в поистине детективные события вокруг смерти Селивачёва и, разумеется, не может не быть связано со смертью героя нашего очерка. Вероятнее всего, Нечволодов опасался ответственности за неудачный исход операции на фронте группы Селивачёва. Однако нельзя исключать и любых других версий, в том

²⁸⁴ Там же. Л. 4.

²⁸⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 12–12 об.

²⁸⁶ Там же. Л. 22, 23.

числе и версии о том, что именно он руководил антибольшевистской организацией в штабе 8-й армии.

При этом в документах учета кадров Генштаба и в оперативной переписке Нечволодов значится исчезнувшим лишь 2 октября, к тому же именно в этот день вр. и. д. начальника штаба армии вместо Нечволодова был назначен бывший слушатель ускоренных курсов академии Генштаба Г. С. Горчаков, ранее служивший в должности начальника оперативного отдела²⁸⁷. Почему возникла эта нестыковка в датах — опять-таки непонятно.

Уже к 5 октября Нечволодов объявился у белых в Таганроге, где находился под следствием за службу в Красной армии. В документах он указывал, что состоял членом организации офицеров Генштаба, но что имелось в виду, неясно. Возможно, речь шла как раз о подпольной организации.²⁸⁸

Исключительно важную оценку деятельности Селивачёва дал бывший командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев уже после Гражданской войны, когда решался вопрос о пенсионном обеспечении семьи Селивачёва. 3 марта 1922 г. «лицо для особо важных поручений при РВСР» Егорьев писал начальнику административно-хозяйственного отдела Штаба РККА: «Покойный Владимир Иванович Селивачёв был назначен моим Помощником по должности Командюжа, на каковую вступил в конце июля 1919 г. Ввиду полученных мною в это время директив по переходу Южного фронта в энергичное наступление против Деникина я возложил на Селивачёва разработку всех подробных соображений по Административной Части по организации этого наступления и отчасти привлекал его к детализированию оперативных указаний.

Все порученные работы Селивачёв выполнил в кратчайший срок и с полным для меня удовлетворением. При самом переходе в наступление я назначил Селивачёва Командующим ударной группой в составе 13-й и 8-й Армий. Наступление было развито им во всем согласно с моими указаниями и с присущим ему талантом, причем в необходимых случаях Селивачёв находился при передовых частях.

После прорыва Мамонтова, когда вся база этой группы была отрезана Мамонтовым, Селивачёв создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамонтова. Находясь все время при войсках, Селивачёв внезапно скончался, по одним сведениям, от холеры, по другим — от отравления агентами Деникина.

Считаю Селивачёва выдающимся Красным Военно-Начальником, погибшим на передовом фронте при исполнении служебных обязанностей и име-

²⁸⁷ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 5.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 62.

ющим право на особоисключительное отношение высшей военной власти к его осиротевшей семье.

Бывший Командюж, ныне лицо для особо-важных поручений при РВСР В. Егорьев»²⁸⁹.

Этот документ важен по двум причинам. Во-первых, он объясняет причины перехода Селивачёва к непосредственному руководству 8-й армией необходимостью создания новой базы против Мамантова. Во-вторых, Егорьев допускал вероятность отравления Селивачёва, но не агентами красных, как считал Деникин, а агентами белых. Соответственно, слухи об этом распространялись в советской военной элите и, вполне возможно, имели какое-то обоснование. Вдова Селивачёва считала, что ее муж умер от холеры²⁹⁰.

На основе характеристики Егорьева заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский в марте 1922 г. подготовил обращение в наркомат социального обеспечения, в некоторых местах дословно повторив слова Егорьева: «Начальник Штаба РККА возбудил ходатайство о назначении усиленной пенсии семье умершего помощника командующего Южным фронтом Генштаба В. И. Селивачёва.

Из имеющихся в деле сведений видно, что покойный Селивачёв, имея высокий образовательный и служебный боевой стаж в старой армии (командовал армией) вступил на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, в которой в июле 1919 года занял высшую должность помощника командующего Южным фронтом. При переходе Южного фронта в энергичное наступление против Деникина Селивачёв был назначен командующим ударной группой в составе 8-й и 13-й армий, причем развил это наступление с талантом, находясь в необходимых случаях при передовых частях. После прорыва Мамантова, Селивачёв создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамантова.

Находясь все время при войсках, Селивачёв внезапно скончался при исполнении служебного долга 17-го ноября (так в документе. — А. Г.) 1919 года, оставив вдову Марию Федоровну (правильно — Федотовну. — А. Г.) Селивачёву, 50 лет, и 4-х детей, из которых старший сын 20 л. находится на фронте, остальные же трое детей — на попечении вдовы; второй сын, 19 лет и дочь, 21 года, не служат вследствие болезненного состояния, причем последняя в настоящее время лежит в больнице, младшая дочь 13 лет.

Принимая во внимание особую самоотверженную преданность покойного Селивачёва служебному долгу и важные заслуги, оказанные им Республике, руководствуясь п. в) ст. 3 декрета Совнаркома от 5-го декабря 1921 года,

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 44–44 об.

²⁹⁰ Там же. Л. 38.

я нахожу, что вдове Селивачёвой должна быть назначена усиленная пенсия, о чем, с приложением переписки на 19-ти листах, и ходатайствую перед Наркомсобесом»²⁹¹.

Для характеристики обстановки на фронте отметим, что в день исчезновения Нечволодова завершился рейд Мамантова по красным тылам, Мамантов соединился с корпусом Шкуро, наступавшим на Воронеж, у села Осадчино юго-западнее Воронежа. В этот же день оперативный штаб 8-й армии прибыл на станцию Лиски²⁹². Уже 19 сентября красные были вынуждены отойти в северную часть Костомаровки, на бугры, причем в донесениях белых отмечалось, что «противник отличается особенной стойкостью, понеся большие потери, атакующие части сходились на 40 шагов»²⁹³. На следующий день, после упорного боя Костомаровка была полностью занята частями 3-й Донской дивизии, также был захвачен паром через Дон²⁹⁴. Все это произошло лишь через три дня после того, как здесь скончался Селивачёв.

Как уже отмечалось, Нечволодов был не единственным высокопоставленным работником штаба 8-й армии, исчезнувшим в тот период. Потери командно-начальствующего состава и особенно штабных работников 8-й армии в сентябре — октябре 1919 г. составляют внушительный список. Еще 17 сентября попал в плен слушатель академии Генштаба РККА Н. В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части²⁹⁵. В тот же день умер временно командовавший армией до своей болезни Селивачёв. На следующий день исчез начальник штаба армии Нечволодов. 2 октября сбежали начальник разведывательного отделения Генштаба В. А. Желтышев и сменивший Нечволодова вр. и. д. начальника штаба армии Генштаба В. Ф. Тарасов — очевидно, люди, хорошо осведомленные об оперативной обстановке. Позднее при отступлении 8-й армии исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В. В. Вдовьев-Кабардинцев. Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге начальник[а] оперативного отдела Б. П. Лапшин,²⁹⁶ остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А. Н. Коновалов²⁹⁷.

Таким образом, за два месяца армия лишилась не менее восьми выпускников и слушателей академии Генерального штаба, что составляет около

²⁹¹ Там же. Л. 37–37 об.

²⁹² РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 6. Л. 177.

²⁹³ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 4. Л. 157 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 158–158 об.

²⁹⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.

²⁹⁶ Там же. Л. 5 об.

²⁹⁷ Там же. Л. 7.

трети от их общего числа в армии даже с учетом слушателей академии Генштаба РККА. При расчете только по выпускникам и слушателям старой академии Генштаба за вычетом «красных генштабистов» погибшие и перебежавшие составляют не менее половины их общего количества. Столь высокие показатели и синхронность исчезновений могут быть неслучайными. Подобные события вполне возможны, например, при наличии в штабе армии антибольшевистской подпольной организации. С другой стороны, военспецы могли бежать, испугавшись ответственности за неудачи.

В итоге большой объем работы был взвален на плечи нового вр. и. д. начальника штаба армии Г. С. Горчакова, который не был к этой роли должным образом подготовлен, поскольку в 1917 г. из-за болезни не окончил даже ускоренные курсы академии Генштаба. Однако на фоне повальных изменений штабных работников армейскому начальству особенно выбирать не приходилось, а Горчаков все же имел большой опыт работы именно в штабе 8-й армии. После того, как обстановка на фронте несколько нормализовалась, он 17 октября обратился к начальнику штаба Южного фронта со следующей телеграммой: «10 месяцев непрерывно не зная ни дня отдыха с утра до глубокой ночи бессменно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач. оперативного отделения, начальник оперативного отдела и наштарма 8. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [в] ту войну я в течение 2-х с лишним лет также нес сложные обязанности, работая по оперативной части и был дважды тяжело ранен. Взываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения здоровья (так в документе. — А. Г.) и обращаюсь не по команде в силу того, что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями. Врид наштарм 8 Горчаков»²⁹⁸. Эта телеграмма в полной мере характеризует обстановку в штабе армии в предшествующий период.

В самом конце 1918 г. командование 8-й армии и в целом руководители советского военного строительства в Воронеже даже Л. Д. Троцкому казались вполне надежными в партийном отношении²⁹⁹. Троцкий продолжал так считать и в начале августа 1919 г., заявляя, что 8-я армия «является бес-

²⁹⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311–311 об.

²⁹⁹ Мухомина И. В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. Сб. ст. М., 2009. С. 276.

спорно сильнейшей и надежнейшей во всех отношениях»³⁰⁰. По мнению Троцкого, эта армия ничуть не уступала мощнейшей 5-й армии Восточного фронта.

Но уже к лету 1919 г. картина изменилась. Сохранилось описание обстановки в штабе 8-й армии в июле 1919 г., составленное 3 июля присланными в него слушателями Красной Академии Генштаба. Как и во многих других случаях, молодежь возмущалась старыми генштабистами. По их мнению, «не приходится уже говорить о работе серьезной, работе в крупном масштабе, участии на заседаниях при разработке оперативных действий, составлении боевого приказа частям армии или на других важных заседаниях, а вместо этого слышишь со стороны Начальника Оперативного Отдела тов. Голубева и его помощника тов. Лапшина (старых Генштабов) только грубое, в невежливой форме обращение, видя в нас подчиненных, сами становятся начальниками старого пережитого времени, да наконец громкий крик: “я вам приказываю”, “я вас сейчас отправлю под арест”, а “еще больше, даже расстреляю”, — что это за отношения, кому это нужно, наконец, разве нас Красная Академия послала на практику для этого... Просим довести до сведения, кому это знать нужно, этой старой рутине нет места в штабах нашей Армии. Подписали: Слушатели Красной Академии Генерального Штаба Морозов, Ягунов, Миронцев, Петрусевиц»³⁰¹.

Один из слушателей, Н. В. Миронцев, 29 июля 1919 г. писал, что его с товарищами направили не на те должности и не на ту работу, к которой готовили, «и вот результат месячной работы в Штабе Армии, каждый из нас набил немного руку в канцелярщине, ничего общего не имеющей со стратегией, тактикой и службой Генштаба, и немало израсходовал энергии и сил большей частью на совершенно нецелесообразную работу или на войну со специфической атмосферой Штаба армии (8-й. — А. Г.), который порой, казалось, был Штабом не Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а царской старорежимной... в Штабах дивизии нас не оставляли, а послали на должности не выше помощников по оперативной части начал[ьников] штабов бригад, и это в то время, когда у нас 90% должностей Генштаба вакантны и кроме того не только начальники Штабов бригад, а подчас Начальники Штабов дивизий не только не Генштабы, а подчас полуграмотные в отношении тактики и др. люди... Теперешний штаб армии гораздо громоздче старого штаба, для размещения его учреждений даже в Воронеже не хвата-

³⁰⁰ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Указ. соч. С. 207. Непонятно, однако, как это утверждение сочеталось со скептическим отношением Троцкого к командованию 8-й армии в августе 1919 г. Троцкий считал командарма А. И. Ратайского слабым человеком, а начальника штаба А. С. Нечволодова — малопригодным по своей должности (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 267).

³⁰¹ РГВА. Ф. 24 696. Оп. 1. Д. 56. Л. 36.

ет помещения, а еще Штабы дивизии, бригад, полков, когда один оперативный отдел штаба при движении занимает 77 вагонов»³⁰². Миронцев вполне допускал, что за раздутостью штаба мог скрываться злой умысел военспецов. Работу же комиссаров штаба Миронцев считал неэффективной, так как «вопрос, возможен ли вообще контроль в оперативном и другом отношении, весьма спорен, и я даже из своего опыта как комиссара армии скажу невозможен»³⁰³.

Была и другая точка зрения. Бывший начальник оперативного отдела штаба 8-й армии (с декабря 1918 г.), а позднее и начальник штаба армии (по август 1919 г.) генштабист Б. Л. Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «Условия работы в Штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в Штабе с 10 часов, я оканчивал таковую в 3–4, а иногда и в 6 часов утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен начальником Штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки, и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки»³⁰⁴.

Похожий путь (вплоть до тех же должностей и аналогичного переутомления) проделал в штабе 8-й армии генштабист С. Н. Голубев, писавший Л. Д. Троцкому: «В конце 1918 года я был переведен в 8 армию Южного фронта, где и был назначен начальником штаба 13 дивизии, где и был у Вас с докладом на ст. Тулиново. Затем я был начальником Оперативного отдела Штаба 8 армии, начальником штаба этой же армии; в этих должностях мне неоднократно приходилось делать Вам доклады, когда Вы летом в 1919 году приезжали к нам в армию. В дальнейшем, благодаря сильнейшему переутомлению, я был уволен в отпуск по болезни»³⁰⁵.

Изменам и разного рода неожиданностям способствовала сложная фронтовая обстановка. Фактически к середине сентября все территории, занятые в ходе наступления группы Селивачёва, были красными оставлены. Наступление белых армий Юга России на советский центр продолжалось. Фронт между Курском и Воронежем был прорван белыми. 20 сентября 1919 г. части Добровольческой армии взяли Курск, развивая успех в направлении Орла. 30 сентября генерал Шкуро занял Воронеж. Успешными были действия деникинцев и на других участках фронта.

³⁰² Там же. Л. 50, 52.

³⁰³ Там же. Л. 51.

³⁰⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229–229 об.

³⁰⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 130.

К 15 сентября в группе Селивачёва оставалось 30 918 штыков, 3 432 сабли при 220 орудиях и 681 пулемете³⁰⁶. Войска 8-й армии в это время находились в глубоком отступлении. Армия понесла большие потери, была деморализована, осталась без боеприпасов, а 16-я и 31-я дивизии были полностью разбиты белыми³⁰⁷. 28 сентября без боя был сдан противнику Землянск. Белые охватывали фланги армии. К 22 сентября 12-я и 13-я дивизии насчитывали только по 500 штыков и были небоеспособны, другие дивизии также понесли серьезные потери³⁰⁸. 31-я дивизия частично разбежалась, частично была обезоружена и направлена в распоряжение ревтрибунала³⁰⁹. Армия отошла к линии реки Дон. Как уже отмечалось, к началу октября армия лишилась части состава и штабных работников. Общая численность армии к 4 октября составляла лишь 7 600 штыков и сабель³¹⁰. Лишь в начале октября появилась возможность заняться приведением армейского тыла в порядок³¹¹. Рейд Мамантова также нанес серьезный удар по положению армии. При этом командование требовало от почти разгромленной армии активных наступательных действий.

По свидетельству члена РВС 8-й армии Г. И. Окуловой-Теодорович, «Мамонтов прошел по тылам VIII армии и разграбил все базисные склады продовольствия и обмундирования. Армия осталась без снабжения. Наступили холода.

Фронт перемещался. Линия фронта была нарушена. Отправляясь в свои части, мы легко могли попасть в расположение врага, так как конница Мамонтова отличалась большой подвижностью»³¹².

Однако после своего знаменитого рейда Мамантов предпринимал новые рейдирующие действия по красным тылам. Его казакам удалось захватить даже члена РВС 8-й армии В. А. Барышникова и некоторых других ответственных работников. Мамантов планировал отправить их в тыл как заложников, но предложил большевикам сделку: «Если советской власти угодно получить свои звезды обратно, то я могу вернуть их за соответствующий выкуп (конечно, не денежный)»³¹³. Предполагалось, что состоится обмен на пленных казачьих офицеров, однако по каким-то причинам красным организовать такой обмен не удалось, и Барышников был повешен³¹⁴.

³⁰⁶ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 73–74.

³⁰⁷ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 333.

³⁰⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 6. Л. 177.

³⁰⁹ *Кажурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. С. 279–280.

³¹⁰ *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 292.

³¹¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 359. Л. 242.

³¹² *Окулова-Теодорович Г. И.* Большевистские комиссары // Этних дней не смолкнет слава. Воспоминания участников гражданской войны. М., 1958. С. 45.

³¹³ РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 37.

³¹⁴ Подробнее о Барышникове: Герои гражданской войны. Книга о москвичах — участниках

Мамантов считал положение 8-й армии совершенно безнадежным. По его мнению, армия была окружена за исключением 1-й и 3-й бригад 40-й дивизии. Мамантов был настолько уверен в своем успехе, что даже предложил красному командованию 3 октября (20 сентября) очистить в трехдневный срок район Воронеж — Коротояк — Бобров — станция Анна, оставив ему всю артиллерию, вооружение и запасы. За это он гарантировал неприкосновенность даже комиссарам и коммунистам, не говоря уже о красноармейцах, и обещал пропустить войска в направлении станции Грязи³¹⁵.

По мнению Окуловой-Теодорович, командарм Ратайский был неподходящей кандидатурой для этой должности. «Он был уже старик, вероятно, очень утомленный. Во время докладов, которые делали ему работники оперативной части, он часто засыпал»³¹⁶.

Столь же безотрадную для красных картину рисует описание подвига начальника 42-й стрелковой дивизии (правофлангового соседа 8-й армии) генштабиста И. Х. Пауки, за который он был награжден орденом Красного Знамени: «В сент[ябре] 1919 г. неудачные действия некоторых соседних частей поставили 42 дивизию в крайне тяжелое положение и потребовали от ее руководителя, т. Паука, высокого напряжения сил и искусного управления, дабы сохранить дивизию и вывести ее из-под фланговых ударов противника. С этой целью части дивизии постепенно отводились на новые позиции в северном направлении, причем отвод частей приходилось совершать все время в непрерывных боях с противником. 27 сент[ября] части дивизии согласно приказу начдива были сосредоточены на рубеже Новоселки — Ниж[нее] Чесночное — ст. Ведуга. Однако, вскоре и эту позицию противник начал обходить с обоих флангов. 3 окт[ября] 3 дивизия оставила г. Ливны, а через несколько дней и ст. Русский Брод. После разгрома отряда т. Фабрициуса у Нижнедевица всякое соприкосновение с правым флангом 8 армии прекратилось, и левый фланг 42 дивизии оказался на весу совершенно обнаженным. Сложившаяся обстановка потребовала дальнейшего отхода 42 дивизии на позиции в непосредственной близости от г. Ельца на линию р. Сосна от Есенки до Шаталова и далее до Павловка — Екатериновка. В это же время дивизии было приказано выделить ударную группу на своем правом фланге для оказания содействия 3 дивизии по обратному овладению г. Ливны. С середины октября и до последних чисел месяца шли упорные бои за удержание г. Ельца. Противник упорно стремился захватить этот район, все время стараясь наносить фланговые удары частям 42 дивизии»³¹⁷.

боевых сражений. Сб. М., 1974. С. 217–222.

³¹⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 45–46.

³¹⁶ Окулова-Теодорович Г. И. Указ. соч. С. 47.

³¹⁷ Приказ РВСР по личному составу № 126. 13.03.1920.

Из катастрофического положения 8-ю армию вывели только действия конного корпуса С. М. Буденного против белых в октябре 1919 г.³¹⁸ Вполне определенную картину печальных итогов отступления 8-й армии дает свидетельство бывшего Генштаба генерал-майора М. В. Фастыковского, содержащееся в его показаниях на следствии в ноябре 1937 г.:

«Вскоре было получено распоряжение о назначении меня Помощником Командарма 8. Это было, примерно, в октябре 1919 г.

Не без риска попасть в лапы белых, производивших в это время нажим в районе Борисоглебска, через который лежал мой путь, я добрался до Штарма³¹⁹ 8, находившегося в небольшом городке (или большом селе), название которого не помню, верстах в 60–80 восточнее Воронежа. Армия состояла из 5 дивизий; причем связь с 3-мя правофланговыми дивизиями командарму организовать никак не удавалось, а потому управление армией было до крайности затруднено. Командарм Сокольников предложил мне отправиться в Воронеж и, организовав связь с 3-мя правофланг[овыми] дивизиями, взять в свои руки управление ими. Получив в свое распоряжение вагон и порученца, я отправился в Воронеж. Пришлось дневать и ночевать на телеграфе, чтобы заставить его работать, как надо; пришлось самому ходить с ремонтными колоннами и выставлять охрану телеграфных проводов, которые все время находились под угрозой порчи со стороны укрывшихся в окрестностях Воронежа наших врагов. Вскоре все было налажено прочно, и командарм 8 ежедневно получал из моего вагона телеграфную оперативную сводку о 3-х правофланговых дивизиях. Были налажены мною и некоторые другие вопросы. Командарм благодарил меня за работу, разговаривал со мной по телеграф[ному] аппарату, а затем подчеркнуто благодарил во время своего приезда в Воронеж. Вскоре Воронеж связался прочной связью и с 2-мя левофланговыми дивиз[иями]. Штарм 8 перешел в Воронеж. Ввиду болезни н[ачальни]ка штарма³²⁰ Сокольников уговорил меня принять должность н[ачальни]ка штарма. После победы т. Буденного под Касторной (12-я дивизия 8-й армии была соседкой Конной армии слева) началось наступление 8-й армии³²¹. При этом, очевидно, последственный Фастыковский отнюдь не намеревался сгущать краски. Тем не менее хаос в управлении армией, пусть и осторожным языком, его свидетельство отчетливо передает.

³¹⁸ Егоров А. И. Указ. соч. С. 294.

³¹⁹ Штарм — штаб армии (телеграфное сокращение).

³²⁰ Т. е. начальника штаба армии.

³²¹ Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 179–180. Сверено с оригиналом: Архив Регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-14 080. *Фастыковский М. В. Л.* 19 об.–20.

Закончить характеристику этого периода истории 8-й армии можно менее критической оценкой участника событий, призванной уравновесить отрицательные отзывы. По этому свидетельству, «разрезываемая рейдами на части, поворачивая фронт чуть ли не во все стороны, отрезанная от снабжения тыла вследствие перерыва коммуникаций, извиваясь под ударами сильнейшего врага, 8-я армия сдерживала напор белых в то время, как 9-я и 13-я армии далеко откатились к северу»³²².

В качестве итога можно констатировать, что августовское наступление центральной части советского Южного фронта, которую занимала группа Селивачёва, не только провалилось в начале сентября, но затем в результате перехода инициативы к белым и активных действий их конницы в красных тылах (причем не только в ходе рейда Мамантова, но и позднее) превратилось в настоящую катастрофу, в особенности на фронте 8-й армии. Как единое целое группа Селивачёва фактически перестала существовать уже 13 сентября 1919 г., когда командующий группой смертельно заболел, не назначив преемника.

Провал наступления привел и к кадровым перестановкам. Еще 28 сентября 1919 г. один из членов РВС Южного фронта, Г. Я. Сокольников или Л. П. Серебряков, предлагал Ленину и Троцкому срочно заменить командующего фронтом:

«Отозвание командюжа Егорьева необходимо в кратчайший срок. Растерянность и неуверенность Егорьева погубят любую операцию так же, как была загублена харьковская (приказ об отходе, когда наши разъезды были в 10 в[ерстах] от Харькова, путь перед двумя дивизиями на Харьков открыт, Волчанск прочно занят 12 див., и от Белгорода части 42 див. были в 3-х верстах).

Заменить Егорьева предлагаю нынешним командармом 10 — Клюевым,³²³ который политически внушает полное доверие, а в смысле оперативных и административных способностей, несомненно, представляет незаурядную величину»³²⁴.

Думается, не случайно в начале октября 1919 г. красные сменили командующего Южным фронтом, назначив вместо В. Н. Егорьева А. И. Егорова, а через несколько дней был заменен и начальник штаба фронта (вместо Н. В. Пневского им стал Н. Н. Петин). Командующим 8-й армией стал в целях спасения этой армии большевик Г. Я. Сокольников (Бриллиант).

³²² Богучарцы. С. 127.

³²³ Речь шла о бывшем Генштаба подполковнике Леониде Лавровиче Клюеве (04.08.1880–29.01.1943).

³²⁴ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 89. Л. 160.

Самое удивительное, что эта катастрофа в сентябре — начале октября 1919 г. так и не позволила белым достичь своей цели в виде захвата советского центра. Уже в октябре 1919 г. на Южном фронте произошел перелом в пользу РККА, позднее приведший к разгрому антибольшевистских сил юга России. Не помогло белым, как гипотетическое, в случае Селивачёва, так и вполне реальное в некоторых других случаях содействие со стороны бывших офицеров, служивших в РККА в качестве военспецов, в том числе на руководящих постах³²⁵. Генштаба генерал-майор А. А. фон Лампе впоследствии отмечал в своем дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»³²⁶.

Фактически у белых для успешного осуществления планов «похода на Москву» просто не хватило сил, причем настолько, что даже связанная с огромным риском и самопожертвованием помощь им со стороны некоторых военачальников и штабистов Красной армии не смогла переломить эту ситуацию. Можно согласиться с бывшим Генштаба полковником Н. Е. Какуриным, по оценке которого «начиная с сентября 1919 г. стратегия белого командования уже не основывается на данных действительной обстановки и строгого учета сил, а является игрой азартного игрока, надеющегося одним ударом сорвать ставку крупной игры»³²⁷. Однако надежды так и остались надеждами.

Версия сознательного срыва наступательной операции Селивачёвым или его сотрудниками, затем бежавшими из РККА, представляется куда более правдоподобной, чем ее продолжение в виде версии о намеренном убийстве бывшего генерала кем-то из комиссаров. К сожалению, известные нам документы пока не позволяют утверждать что-то более определенно. Однако 2 октября 1919 г. на заседании РВСР обсуждался вопрос о материальном обеспечении семьи умершего Селивачёва, причем постановили до разрешения в ближайшем будущем вопроса о пособии семье сохранить за ней жалование военспеца³²⁸. Если бы речь шла о заведомом изменнике, скорее всего, подобный вопрос даже не ставился бы на обсуждение, следовательно, советские политические и военные руководители (в заседании участвовали Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Э. М. Склянский, С. И. Гусев, С. С. Каменев, П. П. Лебедев) не считали Селивачёва изменником, хотя, возможно, он так и не был разоблачен³²⁹.

³²⁵ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Саквояж генерала А. М. Зайончковского.

³²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

³²⁷ *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. С. 276.

³²⁸ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. С. 422.

³²⁹ Подробнее о положении семьи Селивачёва в советский период см. приложение 3.

В дневнике Селивачёва за 1901 г. имеется эпитафия: «Жить сознательно, значит отдавать себе отчет во всех явлениях своей жизни». Быть может, подобную сознательность он и проявил, пожертвовав собой во имя борьбы с большевиками в 1919 г. Впрочем, пока это только предположение. В нашей работе мы показали, что серьезных документальных подтверждений изменническим действиям бывшего генерала нет, а его внезапная смерть, по-видимому, носила естественный характер. Однако, если провал наступления Селивачёва, катастрофа 8-й армии и массовые измены ее штабных работников осенью 1919 г. все же не были случайным совпадением, возможно, речь идет о крупнейшем в истории РККА этого периода военном заговоре целого коллектива ответственных оперативных сотрудников. Нам удалось лишь отчасти приоткрыть завесу тайны, окутавшей эти события, но по-прежнему в них больше вопросов, чем ответов. Имеющийся документальный материал не позволяет однозначно ответить на все поставленные вопросы. Поэтому нельзя исключать, что череда необъяснимых происшествий сентября — октября 1919 г. в группе Селивачёва и в штабе 8-й советской армии так и останется загадкой для историков. Возможно, уже навсегда...

Приложение 1

Письмо И. Я. Врачева в редакцию «Военно-исторического журнала» по поводу спорных моментов биографии вр. и. д. командующего 8-й советской армией А. И. Ратайского. 31 марта 1966 г.

Копия³³⁰

В Редакцию «Военно-исторического журнала» товарищу В. Д. Поликарпову³³¹

Уважаемый Василий Дмитриевич!

³³⁰ Вписано от руки И. Я. Врачевым.

³³¹ Поликарпов Василий Дмитриевич (13.03.1918–22.03.2008) — известный советский историк, доктор исторических наук (1979), профессор, специалист по истории Гражданской войны. В 1939–1968 гг. — на службе в Советской армии. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1951). Полковник. Сотрудник редакции «Военно-исторического журнала». В 1968–1991 гг. — сотрудник института истории СССР АН СССР. Автор книг «Павел Степанович Нахимов» (1960), «Бурям навстречу» (1961), «Пролог гражданской войны в России» (1976), «Начальный этап гражданской войны: история изучения» (1980), «Военная контрреволюция в России. 1905–1917» (1990).

Покойный А. И. Тодорский³³² рассказывал мне, как крепко Вы позаботились о реабилитации Б. М. Думенко³³³. Хочу привлечь Ваше внимание еще к одному, менее сложному делу. Я имею в виду одного старого военного специалиста, добросовестно служившего в Красной Армии и после своей смерти почему-то причисленного... к нашим врагам. Речь идет об А. И. Ратайском³³⁴. Вокруг его имени произошли случайные и нехорошие наслоения.

³³² Тодорский Александр Иванович (01.09.1894–27.08.1965) — родился в селе Деледино Весьегонского уезда Тверской губернии в семье священника. Окончил Краснохолмское духовное училище, обучался в Тверской духовной семинарии (не окончил), на Высших коммерческих курсах в Санкт-Петербурге (не окончил), окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков (1914–1915), военную академию им. М. В. Фрунзе (1924–1927). Писарь Тверского окружного суда. С началом Первой мировой войны добровольцем пошел на фронт. Участник Первой мировой войны. В 295-м пехотном Свирском полку. Младший офицер, начальник полковой саперной команды 24-го Сибирского стрелкового полка. Последнее звание в старой армии — капитан. Награжден шестью орденами. Избран председателем полкового комитета (1917). Командир V Сибирского армейского корпуса (с 11.1917). Начальник гарнизона г. Кременец в период немецкой оккупации (1918). После демобилизации вернулся в Весьегонск, редактор уездной газеты. Член РКП (б) с 06.1918. Зав. отделом агитации Весьегонского комитета РКП (б). Редактор газеты «Известия Тверского губисполкома» (1919). Добровольно поступил в РККА с 08.1919. Участник Гражданской войны. Помощник начальника штаба 39-й стрелковой дивизии по оперативной части, командир 2-й бригады 38-й стрелковой дивизии, командир 1-й бригады 20-й стрелковой дивизии, начальник 32-й стрелковой дивизии. Командующий Карабахско-Зангезурской группой войск. Заместитель Народного комиссара по военным и морским делам Азербайджанской ССР. Командир 2-й Кавказской стрелковой дивизии. Помощник командующего войсками и член РВС Туркестанского фронта, командующий Ферганской группой войск. Председатель центрального партийного бюро военной академии им. М. В. Фрунзе. Помощник командующего войсками Белорусского военного округа. Начальник штаба и начальник управления военно-учебных заведений РККА. Заместитель начальника Главного управления РККА. Посетил Германию (1928) и Италию (1934) в составе группы командиров. Начальник и комиссар Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (с 1933). Комкор (1935). Начальник управления высших военно-учебных заведений РККА (с 08.1936). Член Военного Совета при наркомобороны СССР. Уволен из РККА по политическому недоверию (17.09.1939). Арестован (19.09.1938). По обвинению в принадлежности к военному заговору в РККА и во вредительстве приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к 15 годам лагерей (04.05.1939). Отбывал срок в Ухто-Ижемском (Коми АССР) и Озерном (Иркутская область) лагерях. В ссылке в Красноярском крае (с 06.1953). Реабилитирован определением Военной коллегии Верховного Суда СССР 19.03.1955. Освобожден из ссылки (12.04.1955). После реабилитации присвоено звание генерал-лейтенанта. В отставке. Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Награды: ордена Красного Знамени РСФСР (1921, 1923), орден Красного Знамени Армянской ССР (1924), орден Красного Знамени Азербайджанской ССР (1924), орден Красной Звезды (1936).

³³³ Думенко Борис Мокеевич (1888–11.05.1920) — родился в семье украинского крестьянина-бедняка хутора Хомутец-Казачий Области войска Донского. Участник Первой мировой войны. Вахмистр. Участник Гражданской войны. Организовал и возглавил партизанский отряд в хуторе Веселом (весна 1918), командир батальона 3-го сводного крестьянского социалистического полка. Командир 1-го кавалерийского крестьянского социалистического полка (с 07.1918). Командир 1-й Донской советской кавалерийской бригады (с 09.1918). Начальник 1-й сводной кавалерийской дивизии (с 11.1918). Сражался на Южном фронте. Помощник начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части (с 03.1919). Член РКП (б) с 1919. Командующий группой войск 10-й армии (05.1919). Тяжело ранен (05.1919). Командир Сводного кавалерийского корпуса (с 09.1919). Участник взятия Новочеркасска (01.1920). Осужден и расстрелян в Ростове-на-Дону по ложному обвинению. Награды: орден Красного Знамени (1919), почетное революционное оружие.

³³⁴ Ратайский Андрей Иосифович (28.11.1870–?) — военный специалист РККА. Учился в Санкт-Петербургской гимназии (курс не окончил), окончил Одесское пехотное юнкер-

Дело в том, что после 1937 года в какой-то брошюре имя Ратайского было отнесено к врагам народа. Вероятно поэтому в первой книге С. М. Буденного «Пройденный путь» говорится о Ратайском как о перебежчике в стан белых. А воронежский писатель М. Булавин в своем романе «Богучарцы», назвав Ратайского бывшим царским генералом, изобразил его как заведомого шпиона, являвшегося представителем белогвардейцев... в штабе 8-й армии.

Меня это поражало, так как я сохранил в памяти Ратайского как добросовестного военного специалиста, лояльно относившегося к Советской власти. Я знал его с 1918 года. В августе 1918 года я был назначен военным комиссаром 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной в октябре того же года в 13-ю стр. дивизию. Начальником дивизии был А. И. Ратайский.

Мое положительное мнение о Ратайском разделяет и бывший комиссар 12-й стр. дивизии и комиссар штаба 8-й армии И. А. Чувев. Он передавал мне, что и бывший заместитель начальника политотдела 8-й армии тов. Алексеева удивляется, как это имя Ратайского причислено к изменникам.

Я помню, что вопрос о Ратайском возникал среди членов Военно-исторического общества (в группе 8-й армии). Покойный М. М. Пурыйжинский, порывшись в архивах, нашел два приказа войскам 8-й армии осени 1919 года, после рейда Мамонтова. В одном приказе объявлялось, что бывшего вр. и. д. командующего армией Ратайского следует считать пропавшим без вести, а в другом, во изменение предыдущего, — попавшим в плен.

Недавно я запросил генерал-лейтенанта Б. К. Колчигина³³⁵ (с которым состою в переписке), что ему известно о Ратайском. Ответ пришел такой.

ское училище по 1 разряду, На службе с 29.05.1890. Подпоручик (со ст. с 01.09.1893), поручик (со ст. с 01.09.1897), штабс-капитан (со ст. с 01.09.1901), капитан (со ст. с 01.09.1905), подполковник, полковник (со ст. с 08.12.1915). На службе в 1-м Лейб-гренадерском Екаеринославском полку. Участник кампании 1900–1901 гг. и русско-японской войны (оборона Порт-Артура), ранен, причислен к 3-му классу раненых. В 13-м Сибирском стрелковом полку. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны. На службе в РККА. Командующий 8-й армией (вр. и. д., 03.07–12.10.1919). Инспектор пехоты Юго-Западного фронта, назначен в распоряжение управления по формированию войск Юго-Западного фронта (с 29.02.1920). Награды: орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1901), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1904), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905).

³³⁵ Колчигин Богдан Константинович (03.12.1895–25.10.1976) — родился на хуторе Копанка Изюмского уезда Харьковской губернии (по др. данным — в Киеве). Генерал-майор (с 04.06.1940), генерал-лейтенант (с 05.03.1944). Кандидат военных наук, доцент. В русской армии с 05.1914. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1904), ускоренный курс Александровского военного училища (1914), Военные академические курсы высшего начсостава, КУВНАС при Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе (1928). Участник Первой мировой войны на Юго-Западном и Западном фронтах. Капитан. На службе в Лейб-гвардии Литовском полку. Избран солдатами командиром батальона, затем полка. В РККА (с 1918). Участник Гражданской войны. Командир 1-й бригады 1-й Воронежской стрелковой дивизии (с 06.1918), начальник 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной в 13-ю стрелковую. Командовал 41-й стрелковой дивизией (с 04.1919), начальник экспедиционной дивизии 8-й армии Южного фронта (с 05.1919), командовал 1-й рабочей Московской, 13-й (с 06.1919) стрелковыми дивизиями, отдельной образцовой ударной

А. И. Ратайский был скромным человеком. В царской армии он лет пятнадцать командовал ротой. Дослужился до полковника. Был в родственных отношениях с крупнейшим военным специалистом Красной Армии П. П. Лебедевым. Б. К. Колчигин встретился с Ратайским в Москве, на Арбатской площади, в 1922 году (подчеркнуто автором. — А. Г.). Ратайский пригласил Колчигина к себе домой (жил Ратайский на Большом Конюшенном переулке, а работал в каком-то гражданском учреждении). Второй раз Б. К. Колчигин встретился с Ратайским также в Москве, на Моховой улице, в 1928 году. Ратайский сообщил, что ему установлена пенсия за его службу в Красной Армии, но он все еще работает в тресте (каком — Колчигин не запомнил) консультантом.

В 1933 году Б. К. Колчигин встретился в Наркомате обороны с сыном Ратайского, работавшим в Военно-топографическом управлении. Он сообщил о смерти отца.

Когда вышла книга С. М. Буденного «Пройденный путь», Б. К. Колчигин сообщил обо всем этом (в отношении А. И. Ратайского) и по другим ошибочным и неточным моментам труда автору книги и получил ответ от секретаря маршала, что С. М. Буденный признал, что представленный ему материал написан со знанием дела и что он будет учтен при переиздании книги. Но 1-я книга «Пройденного пути» пока еще не переиздавалась.

Запрошенный мною по этому вопросу повторно Б. К. Колчигин ответил, что он написал «то, за что готов нести всегда ответственность» и что он не возражает против ссылки на его письмо в печати.

Хочется привести еще одно свидетельство в пользу Ратайского. В 40-й дивизии в 1919 году командовал 2-й бригадой квалифицированный и честный пожилой военный специалист В. В. Страхович³³⁶. Я хорошо его помню,

бригадой 8-й армии (с 11.1919). Командующий войсками Донской области (с 03.1920). Начальник 2-й Донской стрелковой дивизии (с 05.1920). Вр. и. д. командующего войсками Витебского района (с 09.1921). Командовал 5-й (с 01.1922), 52-й и 11-й стрелковыми дивизиями. Помощник инспектора пехоты РККА (с 07.1929). Военный руководитель Московского государственного института журналистики (с 07.1931), начальник отдела управления механизации и моторизации РККА (с 11.1932), начальник кафедры общей тактики Военной технической академии связи им. В. Н. Подбельского (с 01.1935), для особых поручений при командующем ОКДВА (с 02.1936). Преподаватель кафедры общей тактики Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе (с 08.1937), позднее — начальник кафедры. Начальник кафедры общей тактики Высшей военной школы ПВО Красной армии (с 06.1941). Участник Великой Отечественной войны. Заместитель командующего 4-й резервной армией (с 09.1942), 3-й гвардейской армией Юго-Западного фронта (03–05.1943). Освобожден от должности по несоответствию, назначен командиром 34-го стрелкового корпуса (05.1943). Командир 96-го стрелкового корпуса (с 01.1944). Командир 7-го гвардейского стрелкового корпуса 2-го Прибалтийского фронта (с 02.1944). Ранен в боях за г. Пустошка. С 06.1945 г. в отставке по болезни. Награды: орден Красного Знамени (трижды — 1919 г., 1923 г.), орден Ленина, орден Кутузова 2-й ст. (1944), Суворова 2-й ст., медалями.

³³⁶ Страхович В. В. — военный специалист РККА. Командир 2-й Кубанской бригады 33-й стрелковой дивизии. Командир 2-й бригады 40-й Богучарской стрелковой дивизии (с 28.07.1919).

так как был в то время комиссаром 40-й дивизии. В своих воспоминаниях В. В. Страхович пишет:

«3 сентября в 11 часов из штарма, расположенного в Лисках, прибыл ординарец с личным приказанием командарма Ратайского: немедленно прибыть с бригадой в Лиски. В 12 часов бригада уже выступила. Дорога была тяжелая, моросил дождь; обогнав бригаду, я поспешил в Лиски, в штаб. Оказалось, что весь штаб уже выбыл в Воронеж, и только командарм ожидал моего прибытия. По имевшимся сведениям, Мамонтов намеревался 4 сентября занять Лиски, стремясь тем самым прервать связь фронта с тылом.

Последними словами командарма были: «Умрите, но Лиски должны быть в наших руках». С этими словами командарм выбыл на бронепоезде в Воронеж»³³⁷.

Книга, в которой помещены воспоминания В. В. Страховича, была подготовлена к изданию Исполотделом Обкома ВКП(б) ЦЧО³³⁸ и вышла в 1933 году. Если бы Ратайский совершил изменнический поступок, мог ли не знать об этом Отдел истории партии и Октябрьской революции Обкома? Не подлежит сомнению, что версия об измене и предательстве Ратайского вошла в оборот после трагических событий 1937–1938 годов. Кого тогда только не зачисляли в списки «врагов народа»! Мне, например, пришлось читать объемистый «труд» некоего Н. Д. Головачева (к счастью, не изданного), в котором объявлялись предателями и врагами М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, В. И. Шорин, А. И. Егоров, М. М. Лашевич, Г. Я. Сокольников, В. М. Гиттис,³³⁹ И. Э. Якир; делались выпады против такого крупнейшего и безупречного деятеля партии, как С. И. Гусев; возводились поклепы на бывшего Главкома С. С. Каменева.

Пора снять темное пятно с памяти крупного военного специалиста, добросовестно послужившего в Красной Армии в период ее зарождения и становления и в ходе смертельной схватки с белогвардейцами на Юге. Но как это сделать? Не смогли бы Вы, Василий Дмитриевич, оказать содействие? Может быть, окажется полезным открытое письмо по этому поводу Б. К. Колчигина? А куда? В Ваш журнал или в «Красную звезду»?

³³⁷ «Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. Книгоиздательство «Коммуна», Воронеж, 1933, стр. 165» (прим. автора). Автор неточен, т. к. 13 сентября командование армией вновь было передано Ратайскому в связи с болезнью Селивачёва. Более того, А. И. Ратайский указан в приказе РВСР по личному составу № 278 от 6 июня 1920 г. как инспектор пехоты Юго-Западного фронта, назначенный в распоряжение управления по формированию войск Юго-Западного фронта с 29 февраля 1920 г. Таким образом, если Ратайский и находился в плену или пропал без вести осенью 1919 г., то на конец февраля 1920 г. вновь числился в РККА (подробнее см.: Приказы РВСР по личному составу. 1920 г.)

³³⁸ ЦЧО — Центрально-Черноземной области.

³³⁹ В документе ошибочно указано — В. В. Гиттис.

С приветом и уважением
31 марта 1966 г.
Адрес:³⁴¹
Иван Яковлевич Врачев

И. Врачев³⁴⁰

РГВА. Ф. 40 874. Оп. 22. Д. 9. Л. 1-2об. *Заверенная машинописная копия.*

Приложение 2

Хроника событий (июль — октябрь 1919 г.)

23 июля — директива главкома С. С. Каменева с планом разгрома войск А. И. Деникина.

27 июля — телеграмма председателя РВСР Л. Д. Троцкого председателю СНК В. И. Ленину с предложением назначить бывшего генерала В. И. Селивачёва помощником командующего Южным фронтом, а затем командующим фронтом.

30 июля — назначение Селивачёва на пост помощника командующего Южным фронтом.

3 августа — письмо Троцкого в ЦК РКП (б) по поводу назначения Селивачёва и подготовки наступления на Южном фронте. Критика направления главного удара, предложенного Каменевым.

Начало августа — назначение Селивачёва командующим группой войск в составе 8-й и части 13-й армий с сохранением должности помощника командующего Южным фронтом.

10 августа — 19 сентября — рейд IV Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова по красным тылам.

³⁴⁰ Врачев Иван Яковлевич (14.04.1898 — после 1990) — родился в Екатеринодаре в семье кочегара и прачки. Окончил 3 класса церковно-приходской школы. Член РСДРП (б) с 03.1917. В 58-м пехотном запасном полку (Воронеж, 1917). Член ВЦИК. Участник Гражданской войны. Военный комиссар 3-й Воронежской пехотной дивизии (с 08.1918), 13-й стрелковой дивизии, 40-й Богучарской стрелковой дивизии (05.11.1919–20.03.1920). Помощник командующего Кавказской трудовой армией по политчасти (1920–1921). Помощник командующего и командующий войсками Ферганской области (1922). Начальник политуправления Отдельной Кавказской армии (с 1922). Исключен из партии как троцкист (1927), восстановлен (1930) и вновь исключен (1936). В ссылке (1937). Участник Великой Отечественной войны. Арестован (1949) и осужден Особым совещанием на 25 лет лишения свободы. Освобожден и реабилитирован (1956). Награды: орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и др.

³⁴¹ Не публикуется. — А. Г.

14 августа — начало наступления советского Южного фронта на участке Особой группы В. И. Шорина.

15 августа — начало наступления советского Южного фронта на участке группы Селивачёва.

25 августа — занятие красными Волчанска и Купянска.

26 августа — переход соединений ВСЮР в контрнаступление против группы Селивачёва.

26 августа — 2 сентября — бои в районе Валуйки — Купянск — Волчанск.

2 сентября — оставление красными Купянска, начало отступления группы Селивачёва на линию Короча — Новый Оскол — Алексеевка.

5 сентября — телеграмма Троцкого и членов РВС Южного фронта Л. П. Серебрякова и М. М. Лашевича главкому Каменеву с копией в ЦК РКП (б) о переносе центра тяжести операции Южного фронта на курско-воронежское направление и с требованием назначить Селивачёва командующим Южным фронтом. Назначение отложено из-за перерыва связи.

6 сентября — телеграмма Ленина Троцкому, Серебрякову и Лашевичу с протестом от имени Политбюро против пересмотра плана операции.

7–15 сентября — бои в районе Новый Оскол — Бирюч.

7 сентября — принятие Селивачёвым на себя временного командования 8-й армией, передача управления группой А. И. Ратайскому.

Около 8 сентября — потеря советским командованием связи с Селивачёвым.

11 сентября — взятие Воронежа конницей Мамантова.

11 сентября — обсуждение ситуации в группе Селивачёва на заседании Политбюро ЦК РКП (б), предложение командировать к Селивачёву чекиста Я. Х. Петерса для предотвращения измены.

12 сентября — протест Троцкого против командирования Петерса.

12 сентября — взятие белыми Обояни.

13 сентября — начало тяжелой болезни Селивачёва, фактическое прекращение существования его группы.

16 сентября — записка Ленина С. И. Гусеву по ситуации у Селивачёва.

16 сентября — записка Ленина Троцкому, Серебрякову и Лашевичу по ситуации у Селивачёва, предложение командировать Серебрякова комиссаром к Селивачёву.

17 сентября — телеграмма Троцкого Серебрякову и Лашевичу об отсутствии связи с Селивачёвым.

17 сентября — пленение белыми помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части слушателя академии Генштаба РККА Н. В. Миронцева.

17 сентября. Около 23.00 — смерть Селивачёва в селе Костомаровка на Дону от острого желудочно-кишечного заболевания.

18 сентября — объединенное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). Решение отменить командировку Серебрякова к Селивачёву в связи со смертью последнего.

В ночь 18–19 сентября — исчезновение вр. и. д. начальника штаба 8-й армии Генштаба А. С. Нечволодова с супругой Е. К. Нечволодовой из штаба армии в селе Костомаровка.

20 сентября — взятие белыми села Костомаровка, взятие белыми Курска.

21 сентября — взятие белыми Острогожска.

22 сентября — запрос Троцкого Серебрякову о причинах смерти Селивачёва.

28 сентября — взятие белыми Землянска.

30 сентября — взятие белыми Воронежа.

2 октября — заседание РВСР, на котором был положительно решен вопрос о материальном обеспечении семьи Селивачёва.

2 октября — бегство к белым начальника разведывательного отделения штаба 8-й армии Генштаба В. А. Желтышева и вр. и. д. начальника штаба армии Генштаба В. Ф. Тарасова при переводе полевого штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную (севернее Воронежа). Вр. и. д. начальника штаба 8-й армии стал Г. С. Горчаков.

4 октября — бегство к белым начальника оперативного отдела штаба 8-й армии Б. П. Лапшина.

После 5 октября — исчезновение начальника тылового штаба армии Генштаба В. В. Вдовьева-Кабардинцева при отступлении 8-й армии.

Приложение 3

Положение семьи В. И. Селивачёва после Гражданской войны

Нельзя не остановиться на положении семьи Селивачёва после его смерти. Нам посчастливилось обнаружить уникальное пенсионное дело вдовы бывшего генерала, в котором содержатся ценные свидетельства о службе Селивачёва и, особенно, о трудной жизни его близких в советских условиях.

Как помощник командующего Южным фронтом Селивачёв получал месячный оклад в 4000 руб., которым был обеспечен по 1 сентября 1919 г. Уже после смерти Селивачёва 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады по 6000 руб. Селивачёву как помощнику командующего фронтом и В. И. Шорину как командующему Особой группой. Кроме того, с 1 сентября 1919 г. по декрету СНК от 11 сентября оклад Селивачёва должен был возрасти на 20%³⁴². Троцкий был благодарным человеком и в приказе по Полевому штабу РВСР № 290 от 13 октября 1919 г. распорядился сохранить за семьей Селивачёва жалование из оклада в 6000 руб.³⁴³

6 июня 1922 г. на заседании центральной комиссии по назначению усиленной пенсии было решено установить за заслуги Селивачёва усиленное пенсионное обеспечение его вдове. Об этом в марте 1922 г. ходатайствовали известные советские военные работники В. Н. Егорьев, А. А. Самойло и Э. М. Склянский. До 1 декабря 1924 г. вдова Селивачёва Мария Федотовна получала персональную пенсию в 93 руб. 14 ноября 1924 г. центральной комиссией по назначению персональных пенсий и пособий была установлена пенсия вдове Селивачёва в размере 50 руб. Решением от 9 декабря 1934 г. с 1 января 1935 г. размер пенсии был повышен до 100 руб., с 1 мая 1936 г. пенсия составила 125 руб., а с 1 марта 1937 г. — 200 руб. (позднее увеличена с этого же числа до 214 руб.)³⁴⁴. Однако даже персональная пенсия республиканского значения не давала возможности свободно существовать вдове бывшего генерала.

Направляя ходатайство о выдаче пенсии в РВС СССР, Мария Федотовна писала не без преувеличений: «Т. Селивачёв первый из высшего командного состава старой армии перешел в ряды Красной Армии и благодаря своему высокому образовательному цензу и исключительной преданности делу русской революции оказал перед ней огромные заслуги. Т. Селивачёв бывш[ий] командующий Южным фронтом»³⁴⁵.

По данным на октябрь 1925 г., вдова Селивачёва занимала комнату в 3,7 квадратных сажени (16,8 м²) с оплатой 1 руб. 85 коп. в месяц. Мебель имела только самая необходимая³⁴⁶. На иждивении Селивачёвой находилась мать — А. И. Гордиевская (1846 года рождения), проживавшая в Ленинграде. Позднее Селивачёва усыновила собственного внука — Ивана Дмитриевича

³⁴² ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 48.

³⁴³ Там же. Л. 49.

³⁴⁴ Там же. Л. 1об., 27.

³⁴⁵ Там же. Л. 2. Селивачёв не был ни первым представителем высшего комсостава старой армии, перешедшим к красным, ни командующим Южным фронтом.

³⁴⁶ Там же. Л. 29.

Зуева,³⁴⁷ родившегося в 1928 г., в документах 1941 г. было отмечено, что ее внук — круглый сирота³⁴⁸.

23 ноября 1934 г. М. Ф. Селивачёва обратилась в комиссию СНК РСФСР по назначению персональных пенсий при Наркомсобесе РСФСР с заявлением: «Не имея особо острой нужды, я не считала себя правой возбуждать в последующие годы вопрос об увеличении пенсии и кое-как перебивалась, удовлетворяя небольшие свои потребности. В настоящее время я вынуждена обратиться к Вам с просьбой об увеличении размера пенсии, так как существовать на 50 руб. исключительно тяжело, а реальной, систематической помощи от детей, имеющих свои семьи, я не имею возможности [получать], так как вполне сознаю их положение. Я очень прошу Вас дать мне возможность закончить свое существование, не завися от благотворительности. Мне сейчас 65 лет»³⁴⁹.

В документах 1934 г. было упомянуто нахождение на иждивении у М. Ф. Селивачёвой 10-месячной внучки,³⁵⁰ впрочем, в дальнейшем об этом уже не говорилось. Мария Федотовна вместе с внуком занимала одну комнату их прежней квартиры. Помимо пенсии она, по данным на 1940 г., подрабатывала вязанием для артели, что давало еще 30–40 руб. в месяц³⁵¹.

Тяжелая нужда вынудила Марию Федотовну вновь просить об увеличении пенсии весной 1940 г. На простом тетрадном листке она набросала следующее заявление:

³⁴⁷ Ксения Владимировна Селивачёва была замужем за Дмитрием Дмитриевичем Зуевым (1890–1931). Зуев был сыном генерала Д. П. Зуева, потомственным дворянином Псковской губернии. Окончил Пажеский корпус. Владел немецким и французским языками. Полковник Лейб-гвардии Преображенского полка. Командовал 1-й («государевой») ротой полка. Ранен в годы Первой мировой войны. В 1917 г. по приказу командира полка полковника А. П. Кутепова спрятал полковое знамя. В 1919 г. работал в Главном управлении архивным делом помощником управляющего 1-м отделением 3-й секции Единого государственного архивного фонда. В РККА служил в качестве военспеца (с 09.1919). В Петроградском военном округе (до 1921). В штабе Бухарско-Ферганской группы войск (с 04.1922). Помощник начальника отдела войсковой подготовки штаба Ленинградского военного округа (с 05.1924). Начальник общего отдела инспектората Ленинградского военного округа (с 11.1925). Переведен в Москву. Служил в 1-м оперативном управлении Штаба РККА (с 1926). Командирован в Германию по рекомендации М. Н. Тухачевского (1927). Работал преподавателем курсов усовершенствования высшего начальствующего состава. Преподаватель заочного отделения Военной академии РККА (на 1930). Секретный сотрудник ОГПУ (с 1923), участник операции «Трест». Спрятанное знамя было обнаружено сотрудниками ОГПУ в начале 1930-х гг., когда Зуев был арестован и расстрелян по делу «Весна». В семье было трое детей: Владимир, Дмитрий и Иван. Ксения Селивачёва тяжело болела с 1929 г. Подробнее см.: Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 342; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 149–151.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 4, 8.

³⁴⁹ Там же. Л. 27–27 об.

³⁵⁰ Там же. Л. 25.

³⁵¹ Там же. Л. 18.

«После смерти моего мужа, Владимира Ивановича Селивачёва, бывшего помощником командующего южным фронтом и погибшего на фронте 1920 г. (так в документе, правильно — в 1919 г. — А. Г.). В настоящее время я за него получаю 200 руб. пенсии. Будь я одна, я бы не смела беспокоить Вас своей просьбой, но у меня на руках внук, круглый сирота. Мальчик уже большой — 12 лет. Надо его одеть, обуть — покупка книг — тетрадей это уж для меня становится тяжело, тем более, что заработать мне по моему болезненному состоянию и возрасту (70 л.) почти невозможно. Поэтому прошу Вашего содействия не отказать мне, сколько возможно, в прибавке пенсии.

М. Ф. Селивачёва
11. IV 40 г.»³⁵²

Социальные службы отреагировали быстро. Уже 16 апреля 1940 г. было проведено обследование материально-бытовых условий М. Ф. Селивачёвой, по результатам которого был составлен следующий документ: «Акт обследования материально-бытовых условий п[ерсональной]/п[енсионер]ки б[ез]/р[аботной] Селивачёвой М. Ф. 71 года, живет с внуком 12 лет, учащимся в средней школе. Пенсия 214 руб., на которые содержатся вдвоем. Слаба, всю зиму не выходит из квартиры; через силу обслуживает мальчика, нанимая помощницу, живущую в той же квартире, платит ей 20 руб. в м[еся]ц. Комната небольшая, плохо освещенная. Обстановка удручающе запущенная. Просьба об увеличении пенсии обоснованна. В. Кугушев. 16/IV-40 г.»³⁵³ Если таким было положение персональных пенсионеров республиканского значения, то остается только предполагать, в каких условиях существовали семьи репрессированных, не имевшие никаких привилегий.

В соседней комнате жила сноха Марии Федотовны — Надежда Львовна Селивачёва 1900 года рождения — жена «изъятого» (так в документе) органами НКВД в 1937 г. Бориса Владимировича Селивачёва, с дочерью Ириной 1928 года рождения³⁵⁴. Надежда Львовна делала цветы для «Всекохудожник» и другого треста, чем зарабатывала 500–600 руб. в месяц. Обследование бытового материального положения Селивачёвых 7 июня 1940 г. показало, что домашняя обстановка у обеих простая. Михаил Владимирович Сели-

³⁵² ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 21–21 об.

³⁵³ Там же. Л. 20.

³⁵⁴ Бывший офицер Борис Владимирович Селивачёв перед арестом работал заведующим отделом наглядных пособий торгово-производственного сектора Московского зоопарка, был арестован 29.08.1937, приговорен тройкой УНКВД по Московской области 17.10.1937 к расстрелу по обвинению в «формировании вокруг себя лиц из социально-чуждой среды и высказывании антисоветских настроений среди окружающих», расстрелян 21.10.1937 и захоронен на Буговском полигоне НКВД. Реабилитирован в июле 1956 (Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007).

вачёв долгие годы добросовестно служил в советской военной авиации³⁵⁵. Будучи летчиком-испытателем Воронежского завода № 18, он трагически погиб 23 августа 1936 г.³⁵⁶ До своей гибели он оказывал матери помощь. Мать имела право на получение пенсии и за его заслуги. Младший сын бывшего генерала, Константин Селивачёв, на 1941 г. жил недалеко от матери, на Маросейке 7/8, кв. 21. Вдова Селивачёва в конце жизни болела — не могла ходить и скончалась за день до начала Великой Отечественной войны — 21 июня 1941 г.³⁵⁷

Разумеется, нельзя сказать, что семья бывшего генерала оказалась забыта советской властью. Наличие государственной поддержки служит еще одним доказательством того, что Селивачёв не был изобличен как белый агент и, вероятно, таковым не являлся. Тем не менее бытовые условия семьи бывшего генерала, несмотря на персональное пенсионное обеспечение его вдовы, были крайне тяжелыми.

³⁵⁵ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. № 46. 31.12. С. 9.

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 22–23.

³⁵⁷ Там же. Л. 9, 14.

Энтони Дж. Хейвуд

ВОЕННЫЕ РАЗРУШЕНИЯ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Насколько сильно была повреждена индустриальная инфраструктура России во время Первой мировой и гражданской войн и насколько эффективно большевистский режим справлялся с проблемой повреждений и разрушений? Эти вопросы весьма важны вследствие их связи с несколькими общими проблемами ранней советской истории. Во-первых, на гипотезе о том, что повреждения и восстановительные работы были весьма обширными, держится общепризнанная парадигма первого десятилетия советской экономики: за хаосом и разрушениями времен «военного коммунизма» последовало возрождение под эгидой новой экономической политики (нэп), когда колоссальные усилия государства по «восстановлению» экономики позволили к середине/концу 1920-х гг. добиться постепенного возвращения к довоенному уровню производства в большинстве секторов экономики. Соответственно, во-вторых, наш вердикт по поводу восстановления экономики и экономической эффективности нэпа в известной степени зависит от того, каким нам видится масштаб разрушений. К 1928 г. сами большевики стали описывать 1921–1925 гг. как «восстановительный период», который в отношении инфраструктуры сводился к важнейшим восстановительным работам, в отличие от военных лет с их разрушениями или последующего «периода реконструкции» (начиная с 1926 г.), характе-

ризовавшегося процессом обновления и замены инфраструктуры; советские историки пользовались теми же самыми концептуальными рамками. Тем не менее, в-третьих, западные аналитики, как правило, не доверяют советским статистическим данным, не в последнюю очередь из-за возможности политически мотивированных искажений. В данном случае вполне можно себе представить, что режим преувеличивал масштабы и влияние разрушений с целью опорочить российские и иностранные антисоветские силы, преувеличить соответствующую степень военных и экономических успехов большевиков и, в идеале, получить от зарубежных держав компенсацию за причиненный ущерб. Несомненно, именно такой точки зрения придерживались в то время западные правительства, отказавшись удовлетворять требования о колоссальных компенсациях, выдвинутые советской делегацией на геновской конференции по восстановлению европейской экономики в апреле 1922 г.¹

Фактически, среди историков не существует консенсуса в отношении масштабов и природы инфраструктурных повреждений. В советской энциклопедии о гражданской войне утверждается, что было уничтожено около 60 процентов донбасских мощностей по выработке электроэнергии, разрушено и затоплено большинство донбасских шахт и что общенациональный ущерб, причиненный железнодорожной инфраструктуре и оборудованию, включал в себя 2700 мостов, 51 депо, 990 верст (1050 км) путей и 980 станций водоснабжения, а также повреждение около 85 тыс. верст (90 100 км) телеграфных линий². Однако обычно вторичным источникам несвойственна такая точность. Большинство авторов предпочитает просто создавать у читателя общее впечатление разрушений, ущерба и дезорганизации. Например, согласно И. Б. Орлову, производительные силы страны были «расшатаны до основания», вследствие чего промышленное производство в 1920 г. по сравнению с 1913 г. сократилось семикратно³. Алек Ноув также описывает 1917–1921 гг. как эпоху разрушений и сражений, в то время как Эвэн Моудсли просто говорит, что промышленность очень сильно пострадала от боевых действий в Донбассе, на Украине и на Урале, а Рэймонд Хатчинс заключает, что «особенно большой ущерб был причинен железнодорож-

¹ См., например: S. White. *The Origins of Detente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922*. Cambridge, 1985. P. 139–45. В первую очередь представителей Антанты, естественно, интересовало то, чтобы не был признан принцип ответственности за причиненный ущерб. Сами советские претензии см.: *Документы внешней политики СССР* / Под ред. А. Е. Богомолова и др. М., 1961. Т. 5. С. 293–359.

² *Разруха хозяйственная // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия* / Под ред. С. С. Хромова и др. М., 1987. С. 500.

³ *Орлов И. Б. Восстановление промышленности // Россия Нэповская* / Под ред. А. Н. Яковлева и др. М., 2002. С. 121.

ному транспорту, угледобыче и металлургии»⁴. При этом Хатчинс более осторожно отмечает, что «военные действия в основном оказывали на экономику дезорганизующее влияние, непосредственные же разрушения носили второстепенный характер» и что «гражданская война в разной мере затронула разные отрасли экономики». Некоторые другие авторы приводят еще более скептические оценки. Так, Дж. Н. Уэствуд полагает, что в результате военных действий железные дороги «всегда оказываются повреждены менее сильно, чем кажется на первый взгляд», а Джонатан Куперсмит указывает, что главной причиной краха 1917–1921 гг. в производстве электроэнергии был топливный кризис, а не разрушение линий электропередачи⁵.

Таким образом, в идеале нам следует как можно точнее определить общий объем разрушений и повреждений, и если соответствующие заявления являются преувеличенными, то объяснить почему. Реалистична ли такая цель? По-видимому, наверняка здесь можно сказать лишь то, что абсолютная точность невозможна. Статистика, составленная во время любой гражданской войны, неизбежно будет сомнительной, а в данном случае доверять ей будет еще более проблематично из-за традиционных сомнений в искренности советского режима. Кроме того, мы можем столкнуться с затруднениями при попытке провести рубеж между разрушениями и повреждениями, которые вызваны непосредственно военными действиями, и косвенным ущербом — таким, как порча, вызванная отложенным ремонтом. Более того, в советской статистике не существовало точных критериев разрушений и ремонта, и поэтому степень разрушений могла определяться по-разному. Например, на железных дорогах и удаление рельсовых скреплений, и сплошное разрушение шпал считаются разновидностями порчи путей, но первое — это мелочь по сравнению со вторым и чинится гораздо легче. Тем не менее мы можем сделать ряд полезных выводов, если проявим достаточную осторожность и закроем глаза на некоторые неясности. Благодаря более легкому доступу к архивам мы перестали зависеть от потенциально ненадежных опубликованных советских источников. Оперативные данные, собранные советскими должностными лицами в ходе повседневного управленческого процесса, вполне помогут нам более точно определить масштабы разрушений и повреждений: хотя эти данные не всегда свободны от ошибок и противоречий, тем, кто принимает решения, обычно требуется знать настолько точную картину, насколько это

⁴ A. Nove. *An Economic History of the USSR*. Harmondsworth, 1982. P. 47; E. Mawdsley. *The Russian Civil War*. Boston, 1987. P. 288; R. Hutchings. *Soviet Economic Development*. 2d ed. Oxford, 1982. P. 33–34.

⁵ J. N. Westwood et al. *The Railways // From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR* / Ed. R. W. Davies. Basingstoke, 1990. P. 183; J. Coopersmith. *The Electrification of Russia, 1880–1926*. Ithaca, 1992. P. 130–138.

позволяют обстоятельства. Более того, такая информация может многое сказать нам о представлениях полисимэйкеров и содержать разночтения с опубликованными данными, сами по себе достойные изучения. Наконец, мы сможем лучше себе представить, насколько адекватны были наши знания о данном предмете.

В качестве отправного момента для дальнейших исследований и дискуссий мы в своей статье анализируем достоверность важнейших советских и постсоветских источников о непосредственных повреждениях и разрушениях, причиненных железным дорогам общего пользования (таблица 1). Данный сектор экономики идеально подходит для подобного исследования благодаря его ключевому экономическому, политическому и военному значению⁶. Рассматривая только стационарные железнодорожные сооружения — пути, мосты, здания и т. п., в противоположность локомотивам и подвижному составу — мы задаемся следующими принципиальными вопросами: когда возникли проблемы? где они возникли? почему они возникли? что было разрушено или повреждено? насколько обширными были разрушения и повреждения? когда начались и когда завершились восстановительные работы? и какое влияние разрушения оказали на железнодорожную систему, особенно на движение поездов? Эти вопросы в целом определяют структуру статьи, построенной вокруг двух взаимозависимых ключевых тем. Первая из них — подробный анализ того, что именно означали статистические категории и что в данном контексте означали приводившиеся в них цифры. Опираясь на этот анализ, мы можем точно сказать, что советская статистика действительно не заслуживает особого доверия. Второй темой является подробное сопоставление источников. Статья выявляет некоторые серьезные аномалии, но вместо того, чтобы объяснять их, как можно было бы ожидать, в основном идеологическими причинами, мы показываем значение таких банальных причин, как опечатки в отчетах.

⁶ *Mawdsley*. Russian Civil War, 17. Общий железнодорожный контекст см.: *J. N. Westwood*. A History of Russian Railways. London, 1964; *Westwood et al.* The Railways. P. 169–188; и *R. T. Argenbright*. The Russian Railroad System and the Founding of the Communist State: 1917–1922. Ph. D. diss., University of California at Berkeley, 1990, особ. P. 473–476. В число других важных книг по этой теме входят: *A. J. Heywood*. Modernising Lenin's Russia: Economic Reconstruction, Foreign Trade and the Railways. Cambridge, 1999; *Ловцов Л. В.* КПСС в борьбе за восстановление и развитие железнодорожного транспорта (1921–1925 гг.). М., 1980. Важный пример современных российских работ: История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917–1945 / Под ред. В. Е. Павлова и М. М. Уздина. СПб., 1997. С. 12–21, 25–31, 42–44. За рамками данной статьи остаются промышленные и местные подъездные пути, не относящиеся к дорогам общего пользования, а также локомотивы и подвижной состав. О локомотивах см.: *A. J. Heywood*. Change in the Russian and Soviet Steam Locomotive Stock, 1913–1928. SIPS Discussion Paper No. 31 (CREES University of Birmingham, 1991).

Когда и где?

Вопросы о том, когда и где возникали проблемы, настолько сильно взаимосвязаны, что их следует рассматривать одновременно. При этом важно помнить, что армии относились к железным дорогам не просто как к важнейшим целям для разрушения, но и как к приоритетным объектам для восстановления и развития. Например, еще в октябре 1914 г. российская армия и Министерство путей сообщения были крайне озабочены вопросом ремонта, использования и развития железных дорог, захваченных в Галиции, и большинство магистральных линий было введено в строй к 1 января 1915 г.⁷ Аналогично, в гражданскую войну ремонтные работы на железных дорогах проводились и советскими, и антисоветскими силами еще до завершения боевых действий.

В принципе, можно выделить два разных периода и региона работ, соответствующих основным событиям — мировой войне и гражданской войне, сопряженной с иностранной интервенцией. До 1917 г. сухопутные сражения происходили лишь на западе и на юге империи. Под контролем военных и в этих, и других регионах находилась приблизительно треть всех путей и подвижного состава, хотя лишь небольшая часть этого объема была повреждена в ходе боевых действий⁸. Однако когда гражданская война охватила большую часть бывшей Российской империи, масштаб повреждений на железной дороге резко возрос. Собственно, непосредственных повреждений во время боев реально избежали лишь те фрагменты железнодорожной сети общего пользования, которые всегда оставались в руках большевиков, — в первую очередь, московский узел и прилегающие районы.

Какова была протяженность железных дорог в этих центральных регионах — вопрос непростой. Следует проводить различие между общей длиной железных дорог, находившихся под контролем большевиков в каждый конкретный момент времени, и длиной тех дорог, которые всегда контролировались большевиками. Разница между двумя этими цифрами составляет около 8 тыс. километров. Согласно данным Народного комиссариата путей сообщения, в ведении которого находились советские железные дороги, в мае 1919 г. под его контролем оставалось лишь около 24 700 километров путей, однако лишь около 16 430 километров путей

⁷ Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну, часть 1-ая (С начала войны по 1 января 1915 года). Пг., 1916. С. 51–52. К сожалению, объем разрушений не был зафиксирован. Приводимые цифры, вероятно, относятся к длине перегонов, без учета вторых путей, боковых веток и станционных путей.

⁸ Отчет о деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов за период сентябрь 1915 г. — сентябрь 1916 г. Пг., 1916. С. 12–13.

Таблица 1

**Основные советские и российские источники,
использовавшиеся для сравнения данных**

Сокращенное название	Дата	Составитель	Что собой представляет	Для кого предназначен
[Разрушения на железных дорогах, 1 янв. 1917–1 апр. 1920]	1920	НКПС?	Доклад (неопубликованный)	Для Генерального штаба Красной армии
Краткий обзор деятельности НКПС в 1920 г.	1920	НКПС	Доклад	Для VIII съезда Советов
Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году	1921	НКПС	Доклад	Для IX съезда Советов
[требование о зарубежных компенсациях]	1922	НКПС или НКВД?	Доклад	Для Генуэзской конференции
Краткий обзор разрушений	1922	А. Н. Лебедев (НКПС)	Доклад	Для ежегодного съезда инженеров-путейцев
Пятилетие советского транспорта	1923	В. В. Фомин (НКПС)	Брошюра	Популярное издание, к 5-летию Октябрьской революции
Достижения советского транспорта	1924	Л. Е. Бинович	Брошюра	Популярное издание
Советский транспорт за десять лет	1927	П. Е. Безруких	Брошюра	Популярное издание, к 10-летию Октябрьской революции
Железнодорожный транспорт СССР за 15 лет	1932	А. А. Карabanов	Брошюра	Популярное издание, к 15-летию Октябрьской революции
Гражданская война	1987	Под ред. С. С. Хромова и др.	Энциклопедия	Научно-популярное издание
История железнодорожного транспорта России	1997	Под ред. В. Е. Павлова и М. М. Уздина	Книга	Научно-популярное, официальное издание
Железнодорожный транспорт: XX век	2001	Под ред. С. А. Пашинина и др.	Книга	Популярное, полуофициальное издание

всегда находилось в руках большевиков и, соответственно, по-видимому, избежало повреждений⁹. Эти различия, возможно, вызваны ошибками в докладах, но в большинстве своем они, скорее всего, объясняются последним наступлением генерала А. И. Деникина осенью 1919 г., когда его армия ненадолго захватила большие территории с относительно густой железнодорожной сетью¹⁰.

Соответственно, к распространенному утверждению о том, что в зоны военных действий попало не менее 80 процентов железнодорожной сети, следует относиться с осторожностью. Проблема заключается в вопросе о том, на основе какой статистики автор делает подобные заключения: включает ли она в себя железные дороги в Финляндии, Польше и прибалтийских государствах, узкоколейные железные дороги общего пользования и местные вспомогательные железные дороги как широкой, так и узкой колеи? Например, очень часто вычисления производятся на основе длины железных дорог в Российской империи по состоянию на 1913 год; хотя, к сожалению, в разных источниках на этот счет приводятся разные данные, из них более-менее четко следует, что неповрежденная сеть дорог в центре страны, имевшая протяженность в 16 430 км, составляла примерно 22–24 процента довоенной сети, и следовательно, 76–78 процентов сети потенциально попадало в зоны сражений¹¹. По сути, для того, чтобы получить цифру в 80 процентов, по-видимому, необходимо брать всю железнодорожную сеть бывшей Российской империи накануне Октябрьской революции: длина этой сети оценивалась в 83 830 км, включая около 11 360 км путей, построенных в 1914–1917 гг., вспомогательные железные дороги и линии, на тот момент захваченные врагом; в итоге мы получим 19,6 и 80,4 процента соответствен-

⁹ Данные о длине железнодорожной сети см., например: *Свердлов В.* Все на транспорт! М., 1920. С. 7; *Ивановский Н. В.* Транспорт и Новая экономическая политика // Техника и экономика путей сообщения. № 1. 1922. С. 34. Данные о длине неповрежденных путей см., например: *Свердлов.* Все на транспорт! С. 36; Краткий обзор деятельности НКПС в 1920 г.: Материалы к докладу VIII Съезду Советов. М., 1920. С. 56; *Лебедев А. Н.* Краткий обзор разрушений железных дорог в итоге минувшей гражданской войны и восстановление разрушенных искусственных сооружений // Труды XXXIII Советательного съезда инженеров службы пути русских железных дорог 1922 года (происходившего в Москве от 26/XI–25/XII). М., [1923]. С. 54–62. Неясно, включают ли эти цифры данные о местных подъездных путях, которых в 1913 г. насчитывалось 15, общей протяженностью примерно в 3500 км.

¹⁰ Намеки на это объяснение содержатся в: *Баевский Д. А.* Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957. С. 189–190.

¹¹ Цифры за 1913 г. см.: Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник / ред. и сост. А. М. Анфимов и А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 110–112. Аналогичные вычисления можно сделать на основе следующих источников: Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 53. Железнодорожный транспорт в 1924 / 25 опер. году. М., 1926. С. 2; Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году: Материалы к докладу IX Съезду советов. М., 1921. С. 67. Большинство довоенных подъездных путей находилось в прибалтийских губерниях.

но¹². Разница где-то в 2–4 процента в данных обстоятельствах может показаться незначительной, однако она, возможно, достаточно показательна. Цифра в 80 процентов, которая впервые появилась около 1919 г., возможно, отражала существовавшее в тот момент убеждение, что все эти линии в должное время перейдут под советский контроль. Однако для 1920-х гг. такое сопоставление уже было неуместным. Соответствующее искажение, сознательное или неумышленное, способно ввести в заблуждение.

Если мы более внимательно рассмотрим вопрос о хронологии и географии разрушений, то увидим еще два момента, требующих осторожности. Первый касается периода 1914–1917 гг. В данном случае мы можем предположить, что непосредственные разрушения ограничивались лишь теми вышеперечисленными частями империи, которые непосредственно входили в зону боевых действий. Однако при этом возникает сложность в отношении восстановительных работ периода нэпа, потому что большинство западных регионов империи вплоть до советско-германского пакта 1939 г. оказалось за пределами советской территории, если не считать неудачного вторжения Красной армии в Польшу в 1920 г. Иными словами, в 1920-е гг. большинство, если не все повреждения железных дорог, произошедшие на западе страны в 1914–1917 гг., не относились к ведению НКПС. Несомненно, именно эта причина, а не какие-либо идеологические соображения, объясняет, почему информация НКПС о восстановительных работах связана почти исключительно с разрушениями времен гражданской войны.

Второй момент относится к периоду гражданской войны. Существует тенденция предполагать, что разрушению в достаточно равномерной степени подверглись все пути, во время войны переходившие из рук в руки. Так, цифры претензий, предъявленные на Генуэзской конференции, основывались на подсчете среднего ущерба на одну версту путей. Но в реальности, по оценкам железнодорожного ведомства, во многих районах повреждения были незначительными. Это ясно следует, например, из карты, прилагавшейся к отчету НКПС для VIII съезда Советов в декабре 1920 г., на которой выделены те районы, где железные дороги подверглись сильному разрушениям¹³. Из этой карты видно, что большинство серьезных повреждений приходилось на Урал и некоторые части Украины и южной России — или ограничивалось только ими¹⁴. Если этот источник и его современный вариант 1997 года издания в основном точны, то можно предположить,

¹² Линии, открытые в 1914–1917 гг., перечислены в: Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. / Сост. Г. М. Афолина. М., 1996. С. 87–93.

¹³ Краткий обзор деятельности НКПС в 1920 г. С. 56 и приложение 19.

¹⁴ Подобное замечание в отношении промышленности делает Моудсли: (*Mawdsley. The Russian CivilWar*).

что, хотя некоторым важным регионам был причинен значительный ущерб, большая часть железнодорожной сети была затронута войной сравнительно незначительно — к этому выводу мы еще вернемся, когда будем оценивать влияние разрушений¹⁵.

Почему?

Для солдат, находящихся на передовой, причины разрушения железных дорог, несомненно, не составляют никакой загадки. Разрушения вызывались бомбардировками, артобстрелами и аналогичными действиями с той или иной стороны, а также специально производятся во время отступления, чтобы помешать вражескому наступлению. Но опять же, мы в своем анализе пойдем дальше. Из доклада НКПС VIII съезду Советов следует, что разрушение линий в 1914–1917 гг. главным образом производилось отступающими армиями, которые производили подобную работу систематически и тщательно. Напротив, в ходе отступлений времен гражданской войны разрушения производились не так методично, потому что линия фронта непрерывно и стремительно изменялась. Согласно докладу, некоторые области пострадали сильнее других, потому что они неоднократно переходили из рук в руки¹⁶.

Однако это еще не все. Когда весной 1918 г. боевые действия стали обостряться, в Москве начались дискуссии о том, стоит ли в отношении железных дорог во время отступлений проводить политику выжженной земли. Центральный комитет Союза инженеров, в котором преобладали специалисты, открыл кампанию, направив 14 мая 1918 г. письмо в НКПС. Отмечая ухудшение состояния и разрушение железных дорог, а также огромные затраты на восстановление мостов, авторы письма требовали, чтобы советским войскам было запрещено уничтожать основные мосты и приказано прикладывать все усилия к их охране. Письмо было передано в Отдел пути НКПС — также состоявший из инженеров-специалистов, — который 19 июня представил наркому свои соображения в поддержку этой точки зрения, отметив,

¹⁵ Данные 1997 г. см.: История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 14–15. Аналогичная карта была предъявлена и IX съезду Советов: Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. Фиг. 43.

¹⁶ Краткий обзор деятельности НКПС в 1920 г. С. 56. Заявления о том, что в ходе гражданской войны разрушения были не менее сильными, чем во время мировой войны, см.: *Свердлов*. Все на транспорт! С. 36; *Ивановский*. Транспорт и Новая экономическая политика. С. 39. Р. Т. Эргенбrait полагает, что белые армии могли разрушать железнодорожные линии более тщательно (письмо автору от 12.11.2002).

в частности, что металлургическая промышленность не в состоянии поставить достаточного числа материалов для восстановления мостов. Однако никаких действий предпринято не было, и вскоре разрушению подверглось несколько больших мостов, в том числе Александровский, Симбирский и Сызранский мосты через Волгу. Это привело Отдел пути в такое негодование, что 11 октября он надавил на наркома с тем, чтобы вопрос был вынесен на обсуждение в Совнарком¹⁷.

Однако на этом дело затормозилось. Военный наркомат, очевидно, сопротивлялся этой попытке ограничить ему свободу действий. Специалистов-инженеров могли даже заподозрить в антисоветских настроениях. Тем не менее весной 1919 г. вопрос обсуждался в Совете обороны. Как ни странно, предложение НКПС не было отвергнуто: резолюция Совета требовала от НКПС и военных властей составить проект постановления относительно политики по разрушению стратегических объектов во время отступлений¹⁸.

Основой для дискуссий, очевидно, служил документ, проект которого был составлен — по-видимому, военными властями — примерно в апреле 1919 г.¹⁹ В этом документе проводилось различие между временными отступлениями, когда разрушения следовало производить исключительно для дезорганизации противника и создания ему помех, и отступлениями на долгий срок, когда следовало причинить противнику как можно больше затруднений. Применительно к железным дорогам это означало соблюдение заранее составленного и согласованного плана, предусматривавшего два варианта: разрушения лишь при крайней необходимости и с учетом наличия ресурсов для восстановительных работ, и уничтожение линии, начиная с того оборудования и сооружений, которые было наиболее трудно починить. Местному военному командованию следовало решать, какой вариант подходит в конкретном случае, и производить соответствующие разрушения. Документ фактически завершался определением того, что считалось крайней необходимостью. В нем запрещалось разрушение, среди прочего, гражданских сооружений, зданий для пассажиров, жилья, конторских помещений, локомотивных депо и мастерских. Ограниченное разрушение мостов включало сожжение и разборку пролетов, а из локомотивов, которые нельзя было эвакуировать, следовало удалять детали, необходимые для их работы.

¹⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884 (НКПС). Оп. 42. Д. 1097. Л. 1 (ЦК Союза инженеров — НКПС, 14 мая 1918); Там же. Л. 3 (Отдел пути НКПС — наркому, 19 июня 1918); Там же. Л. 2 (Отдел пути — наркому, 11 октября 1918).

¹⁸ Там же. Л. 362 (Марков — Техническому управлению НКПС, 21 мая 1919).

¹⁹ Там же. Л. 358–359 (Положение по разрушению железнодорожных линий, оставляемых при отходе войск противнику [ок. апреля 1919]).

На состоявшемся 23 мая 1919 г. совещании представителей НКПС и Управления военных сообщений Генерального штаба обе стороны занимали диаметрально противоположные позиции²⁰. Основные споры разгорелись вокруг убеждения армии в том, что во время долговременных отступлений необходимо производить полные разрушения, что категорию разрушений должны определять военные командиры и что армейские железнодорожные войска должны находиться в абсолютной независимости от НКПС. НКПС возражал, что во время гражданской войны полные разрушения неприемлемы и здесь должны применяться иные стандарты, потому что железные дороги — это не просто оружие, так как без них невозможна «жизнь страны». Более того, с точки зрения практических военных соображений успех контрнаступления зависел от того, возможно ли быстро восстановить движение по железным дорогам. Основания для этой дискуссии, очевидно, были достаточно спорными. Фактически требовалось сделать выбор между политикой выжженной земли и политикой непричинения серьезного вреда железным дорогам. Результаты дискуссии неизвестны, но представляется вероятным, что в тех сложных условиях взгляды армии возобладали. Однако последующее утверждение НКПС о том, что разрушение железных дорог производилось менее тщательно, чем во время Первой мировой войны, заставляет предположить, что позиция армии также представляла собой лишь идеал. С учетом всего вышесказанного, можно сделать вывод, что отступающие советские силы, производя разрушения, по большей части игнорировали желания НКПС²¹.

При этом необходимо сделать замечание еще по одному моменту. В докладе НКПС 1922 г. отмечалось, что много деревянных железнодорожных построек было разобрано на дрова и что грабежи и небрежность стали причиной множества пожаров²². Несомненно, в жертву приносилось и другое деревянное оборудование — такое, как товарные вагоны и шпалы. Но подобные целенаправленные разрушения трудно анализировать. В какую категорию следует относить разборку сооружений на дрова — проблему, характерную не только для районов боевых действий, но и для центра страны, вымерзающего без топлива? С учетом того, что пожары на железной дороге, вызывавшиеся искрами из локомотивов и другими банальными причинами, даже в мирное время были обычным делом, удастся ли обоснованно про-

²⁰ Там же. Л. 363 об. (Отдел пути — начальнику Технического управления, май 1919); Там же. Л. 375–377 (отчет Отдела пути [ок. мая 1919]).

²¹ Аналогичные дискуссии с похожими результатами, вероятно, происходили и в стане белых сил.

²² Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. (Отчет НКПС ко 2-му Всероссийскому Съезду Объединенного Союза работников железнодорожного и водного транспорта). М., 1922. С. 30.

вести различие между разрушениями военного типа, разборкой на дрова и разрушениями в результате случайностей? По данным НКПС, число пожаров на советских железных дорогах снизилось с 3 718 в 1920 г. до 2 630 в 1923 г., хотя протяженность железнодорожной сети за это время резко возросла. Объясняя этот факт, наркомат подчеркивал возросшее использование нефти в локомотивах (которая давала меньше искр, чем уголь), строгое соблюдение требований в отношении противопожарного оборудования, и усовершенствование профилактических мер, но не ссылаясь на окончание боевых действий. Причиной большинства пожаров, зафиксированных в 1923 г., были искры из паровозов, печи и халатное отношение к противопожарным мерам, и лишь 73 пожара объяснялись поджогами²³. Таким образом, в конечном счете на эти вопросы, вероятно, нельзя дать точный ответ, о чем и следует сделать соответствующую оговорку.

Что именно и в какой степени?

У нас нет недостатка в ссылках на объекты, подвергшиеся разрушению, и на масштабы этих разрушений на железных дорогах, но имеющиеся статистические данные обычно порождают больше вопросов, чем ответов, особенно когда между источниками наблюдаются несовпадения. В качестве подходящей иллюстрации можно взять официальную многотомную историю российских и советских железных дорог, которая начала издаваться в 1994 г. Эта работа представляет собой авторитетный пример постсоветского российского мышления: среди ее авторов фигурируют многие из наиболее плодотворных историков железнодорожного министерства, а перу одного из главных редакторов, М. М. Уздина, принадлежит статья о восстановительных работах 1920-х гг. Согласно этому источнику, около 80 процентов железнодорожной сети было «выведено из строя», разрушения и повреждения затрагивали более 4 000 мостов, более 400 локомотивных депо и железнодорожных мастерских, около 3 000 стрелочных переводов, более 5 000 гражданских сооружений, около 186 тыс. км телефонных проводов и более 5 000 предметов телеграфного и телефонного оборудования. В стране насчитывалось множество «кладбищ» выведенных из строя локомотивов и товарных вагонов. Ущерб превышал «в ценах 20-х годов более 1 млрд руб. золотом».²⁴

²³ Работа железнодорожного транспорта с октября 1922 г. по март 1924 г. М., 1924. С. 91–92.

²⁴ История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 25.

С учетом вышеприведенной дискуссии о том, в каких регионах наблюдались разрушения, к заявлению Уздина о том, что около 80 процентов сети было «выведено из строя», следует отнести как к порождению фантазии. Что касается других данных, то сравнение с другими вторичными источниками выявляет поразительные аномалии. Приводимая Уздиным одинокая ссылка в качестве источника статистических данных, послуживших основой для его оценок, указывает лишь на один вторичный источник, авторы которого не называют свой собственный источник²⁵. Более того, на той же странице того же вторичного источника фигурируют совершенно иные данные по разрушенным мостам: 3 672 моста взорвано и сожжено. Но опять же, источник этой цифры не указан, а Уздин никак не комментирует это различие²⁶. В книге, изданной в 2001 г., вообще содержится поразительное заявление о том, что разрушению и повреждениям подверглось 3 350 мостов с металлическими пролетами и 28 тыс. деревянных мостов²⁷.

Продолжая этот сравнительный анализ, мы увидим, что цифры Уздина в большинстве своем совпадают с цифрами из брошюры, составленной в 1923 г. членом коллегии НКПС В. В. Фоминым²⁸. Но между двумя этими изданиями существуют три заметных различия. Согласно Фомину, разрушению подверглись 3672 моста (за исключением мостов в Дальневосточной Республике (ДВР), 175 тыс. верст (185 500 км) телефонных и телеграфных проводов, около 5 000 гражданских сооружений, 2 904 стрелочных переводов, 406 станций водоснабжения, 381 паровозный сарай, депо и «мастерские» (sic) и 15 137 предметов телефонного и телеграфного оборудования. Первое разночтение, касающееся мостов, может быть связано с отсутствием у Фомина данных по мостам ДВР. Второе и третье почти наверняка объясняются опечатками. Отдельная цифра по «депо и мастерским», очевидно, была пропущена Фоминым, и Уздин сильно преувеличивает цифры ущерба, причиненного именно депо, не разобравшись в источнике; отметим, что под паровозным сараем понималось место, необходимое для одного локомотива, и что другие источники того времени оценивают общий ущерб,

²⁵ Железнодорожный транспорт в восстановительный период / Сост. З. К. Звездин и др. М., 1979. С. 5. Очевидно, первоначальным источником являлись оценки ущерба, предъявленные на Генуэзской конференции (Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 339–341).

²⁶ Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 5; История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 25.

²⁷ Железнодорожный транспорт: XX век / Под ред. С. А. Пашинина, А. А. Поликарпова и И. В. Харлановича. М., 2001. С. 21. Источники тоже не указаны, но цифра для деревянных мостов, возможно, представляет собой опечатку или неверно понятые данные об общей протяженности разрушенных железнодорожных мостов; в генуэзских претензиях действительно идет речь о 3 351 разрушенном металлическом мосте.

²⁸ См.: *Фомин В. В.* Пятилетие советского транспорта 1917–1922 гг. и его ближайшие перспективы. М., 1923. С. 10.

причиненный депо, в 381 сарай, отдельно называя цифру ущерба, причиненного железнодорожным мастерским, — примерно 4000 квадратных саженей (8536 кв. м)²⁹. Что касается данных по телефонному и телеграфному оборудованию, то «более 5 000» предметов у Уздина вместо 15 137 у Фомина, вероятно, является опечаткой.

Однако насколько надежными являются источники 1920-х гг.? В некоторых из них приводится весьма подробная статистика разрушений и повреждений. В число таких источников входят отчеты НКПС для VIII и IX съездов Советов в 1920 и 1921 гг. соответственно, требование 1922 г. о иностранных компенсациях, доклад А. Н. Лебедева для 33-го съезда инженеров-путейцев в конце 1922 г. и брошюра Фомина³⁰. Но самый всеобъемлющий источник, известный автору, — это неизданная сводная таблица повреждений инфраструктуры с 1 января 1917 г. по 1 апреля 1920 г., составленная для армейского Генштаба (*таблица 2*)³¹.

Эта таблица представляет собой хорошую отправную точку для сравнений с другими современными источниками, хотя приведенные в ней цифры тоже можно подвергнуть сомнению. Во-первых, четыре цифры в графе «итого» неверны, хотя эти ошибки невелики и, вероятно, вызваны неточными вычислениями (см. таблица 2, примечание Б). Во-вторых, что более серьезно, в таблице не учтены Среднеазиатская и Томская железные дороги — несомненно, потому, что они только что попали в руки красным; кроме того, отсутствуют данные по Закавказской железной дороге и дорогам ДВР, которые не включались в советскую железнодорожную статистику до 1921–1922 и 1923 гг. соответственно. В-третьих, отсутствие цифр по протяженности отрезков Мурманской и Северной железных дорог, находившихся в зоне боевых действий в 1918–1919 гг., возможно, указывает на неполноту некоторых данных. И, наконец, в таблице, естественно, не учтен ущерб, причиненный после 1 апреля 1920 г. Но, с другой стороны, тот факт, что таблица составлена по данным военного ведомства и отличается необычно высокой степенью детализации, позволяет предположить, что она представляет собой серьезную и в целом заслуживающую доверия попытку выявить реальную ситуацию — в чем крайне нуждались в тот момент и НКПС, и Красная армия, не только вследствие начала серьезной работы по восстановлению экономики, но и вследствие новых угроз, созданных польским вторжением и кампанией генерала Врангеля на юге страны. Отсутствие данных по некоторым желез-

²⁹ См., например: Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. С. 30.

³⁰ См.: Краткий обзор деятельности НКПС в 1920 г. С. 56; Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году: Материалы к докладу IX Съезду Советов. М., 1921; Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 339–343; *Лебедев*. Краткий обзор разрушений... С. 54–62.

³¹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 42. Д. 1097. Л. 445об.–446; источник для таблицы указывается на Л. 440.

ным дорогам едва ли вносило серьезные искажения в общую картину: Среднеазиатская, Закавказская и дальневосточные железные дороги не считались сильно поврежденными, а ущерб, причиненный Томской железной дороге, вероятно, примерно соответствовал тому, который наблюдался на соседней Омской железной дороге³². Что касается польской и врангелевской кампаний, то зона боевых действий в ходе двух этих кампаний покрывала значительно меньшую площадь, чем прежние кампании, и большая часть разрушений на Польском фронте приходилась на территорию, до Второй мировой войны оказавшуюся за пределами советских границ. Соответственно, за возможным исключением неполноты цифр по некоторым пунктам, в целом данные этой таблицы можно считать достаточно точными.

При условии, что читатель согласен с таким выводом, мы можем перейти к интерпретации приведенных в таблице данных. В целом из таблицы видно, что у железнодорожных властей особое беспокойство вызывали четыре сферы, связанные с разрушениями и повреждениями инфраструктуры: собственно железнодорожные линии (стрелочные переводы, рельсовый путь и мосты); оборудование для обслуживания локомотивов и подвижного состава (депо, поворотные круги, системы водоснабжения и мастерские); коммуникационное оборудование (телефонная и телеграфная аппаратура); и так называемые гражданские сооружения (конторские помещения, железнодорожные больницы и жилье, но станционные строения сюда, вероятно, не включались). Кроме того, таблица 2 подтверждает предположение о том, что разрушения в основном приходились на относительно небольшое число территорий. Например, из таблицы следует, что более ста мостов было разрушено лишь на 10 из 27 перечисленных линий; что касается рельсового пути, то лишь на пяти дорогах он был разрушен на протяжении более 50 верст (53 км).

Насколько эти данные соответствуют данным из других источников того времени? В таблице 3 приводятся общие итоговые цифры из таблицы 2 наряду с данными, взятыми из пяти источников, опубликованных в 1920–1923 гг., в порядке их публикации. Сразу же можно увидеть, что оценка ущерба имеет тенденцию к увеличению с течением времени, но эта тенденция по большей части носит скромный характер. В число объяснений общего характера следует включить повреждения, причиненные после 1 апреля 1920 г., более тщательное ведение статистики благодаря завершению войны и учет тех дорог, по которым ранее не было сведений, кроме, возможно, же-

³² Наиболее поврежденными участками Томской железной дороги были ветки от Славгорода на Барнаул и Семипалатинск и участок Транссибирской магистрали в районе Красноярска. См.: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 42. Д. 1097. Л. 94–94 об. (инспектор Технического управления В. Зернов — начальнику Технического управления НКПС, 29 июля 1920); а также доклады по ситуации в Барнауле (Там же. Л. 90–92) и на бывшей Алтайской железной дороге (Там же. Л. 131–140).

лезных дорог ДВР. При всем при этом, однако, некоторые разночтения носят загадочный характер. Во-первых, в отношении двух источников 1920 г., скромное увеличение цифр, вероятно, связано с продолжением боевых действий, однако обращает на себя внимание аномально огромный скачок в графе «гражданские сооружения»; если эта цифра точна, то она вполне может объясняться вышеупомянутой разборкой деревянных строений на дрова, а также, возможно, учетом ущерба, причиненного в 1914–1917 гг. Во-вторых, в отношении двух докладов для съездов, серьезное увеличение оценки ущерба для рельсового пути и мостов, вероятно, обязано появлению уточненных данных после окончания боевых действий; однако таинственным является снижение числа поврежденных станций водоснабжения. Наконец, разночтения между докладом для съезда 1921 г., отчетом Лебедева и брошюрой Фомина в целом незначительны, если не считать четырех исключений. Возможно, это просто опечатки; так, резко уменьшается число поврежденных станций водоснабжения («б» приняли за «0?»), а приведенные у Фомина данные по уничтоженной телефонной и телеграфной аппаратуре резко расходятся с другими источниками (мы предполагаем, что две эти цифры просто перепутаны местами). Резкое возрастание потерь для телефонных и телеграфных линий может объясняться кражей проводов, но продолжающееся разрушение зданий, если соответствующие цифры верны, остается загадкой.

С учетом этих сопоставлений интересно выглядят советские требования 1922 г. о зарубежных компенсациях. К сожалению, большая часть содержащейся в них информации имеет форму оценок в денежном выражении, но некоторые данные по ущербу приведены в том же виде, что и в источниках НКПС, и поэтому легко сопоставимы с ними. Лишь статистика по телефонам вполне соответствует источникам НКПС. Цифра для телеграфных линий лежит примерно посреди интервала между оценками НКПС с их поразительно огромным разбросом. Данные по разрушенным стрелочным переводам оказались даже ниже, чем во всех прочих источниках, за исключением таблицы 2. Кроме того, несколько цифр существенно превышают те, что фигурируют в источниках НКПС: данные по телеграфным аппаратам выше более чем на 50 процентов, а общая цифра для разрушенных мостов (с учетом деревянных мостов) должна составлять не менее 4500. Эти разночтения тем более достойны внимания, поскольку цифры претензий, очевидно, основывались на данных НКПС и были опубликованы еще до издания отчета Лебедева и брошюры Фомина³³. Поскольку отчет Лебедева предназначался для инженеров, участвовавших в восстановительных работах

³³ Изучение документов комиссии, готовившей список претензий, было невозможно при работе над данной статьей.

Таблица 2

Разрушения на железных дорогах, 1 января 1917 г. — 1 апреля 1920 г.

Название дороги	Протяженность линий (в верстах), попавших в зону боевых действий (по годам)			Число разрушенных объектов											
	1918	1919	1920	Рельсовый путь (верст)	Стрелочные переводы (шт.)	Мосты	Дело св.	Мастер- ские	Гидро- колонны (шт.)	Водо- снабж. (зданий)	Пово- рот- ные круги	Линии связи (верст)	Телер. ап.	Гражд- данские сооруж.	Телеф. ап.
Юго-Восточные	579	2667	723	88	195	193	6	4	12	18	5	2183	156	97	752
Западные	939	639	-	-	87	63	Н. св.		7	3	-	429	21	-	70
Курская	-	179	-	13	128	39	3	1	7	3	-	-	-	32	-
Северо-Донецкая	-	711	560	135	37	55	-	-	-	3	-	500	50	57	80
Юго-Западные	-	4080	2991	18	93	161	1	-	12	23	-	10 000	450	300	800
Александровская	332	-	-	-	-	5	-	-	6	2	-	11 000	66	1	260
Сызрано- Вяземская	235	-	-	10	168	16	2	4	1	14	-	16	60	93	91
Омская	-	2159	-	59	188	34	-	-	3	42	-	4500	285	40	925
Полесские	-	1152	1692	3	27	133	-	-	1	4	1	289	187	24	348
Рязанско- Уральская	1571	641	-	153	151	245	5	1	2	24	-	2000	120	240	231
Риго-Орловская	934	329	-	40	-	49	1	1	-	3	2	2684	110	3	13
Северные	-	-	230	-	52	18	-	-	2	8	-	900	53	36	118
Самара-Злат.	657	1035	-	14	40	103	1	1	8	1	-	14 626	300	40	250

Ташкентская	220	2951	2563	27	23	177	-	1	11	2	-	6156	120	119	190
Тр-Орск	-	493	-	-	-	2	-	1	-	-	-	636	20	2	40
Забайкальская	-	-	825	27	200	132	1	-	5	16	1	12	83	308	298
Екатерининская	-	2418	2512	3	69	78	-	-	4	12	-	1200	380	50	1084
Мурманская	-	-	984	-	-	16	-	-	-	4	-	15	-	6	-
М.-Виндавско-Рыбинская	269	544	364	4	18	43	-	-	23	-	-	1150	17	32	74
Северо-Западные	1545	1180	757	9	200	124	1	1	14	12	3	2339	30	24	50
М.-Казанская	1070	-	-	1	21	146	-	-	-	6	-	-	-	34	-
Волго-Буг.	542	457	-	8	140	39	-	1	8	4	1	200	93	5	141
Пермская	-	3287	-	63	269	202	8	6	42	24	1	1311	460	62	1111
Южные	464	2667	1709	11	140	133	2	-	34	26	1	11 300	574	105	2513
Владикавказская	-	250	3807	-	-	37	-	-	-	-	-	-	-	-	- ^А
М.-Киевско-Воронежская	269	1631	457	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	- ^А
Николаевская	-	-	56	2	-	4	2	-	2	3	1	-	-	10	- ^А
<i>Итого^Б</i>	9626	29 470	20 220 [#]	688	2246	2247	33	22	204	257	16	73 447 [#]	3633 [#]	1718 [#]	9439

Источник: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 42. Д. 1097. Л. 445 об.-446.

Примечания:

А: точные данные не получены; доступная информация приписована к данным по Курской и Южным железным дорогам

Б: цифры, помеченные знаком #, должны читаться как 20 230, 73 446, 3635 и 1720 соответственно, если данные в соответствующих столбцах верны

Таблица 3

Данные по разрушениям на 1 апреля 1920 г. в сравнении с данными по разрушениям, оглашенными на VIII и IX съездах Советов, приведенных в требованиях о зарубежных компенсациях и согласно сообщениям А. Н. Лебедева и В. В. Фомина

	Табл. 2, 1.01.17-1.04.20	Доклады НКПС:		Требование о компенсациях, 1922	Доклад Лебедева, 1922	Брошюра Фомина, 1923
		VIII съезду Советов, 1920	IX съезду Советов, 1921			
Длина ж/д сети, верст (км)		[ок. 69 000]* (73 140)	63 337 (67 237)	Ок. 69 000 (73 140)	68 350 (72 451)	
Длина пути, не затронутого военными действиями, верст (км)		15 500 (16 430)			15 500 (16 430)	
Длина пути, затронутого военными действиями, верст (км)		53 586* (56 801)	54 000 (57 240)	42 201* (44 733)	52 850* (56 021)	
Рельсовый путь, верст (км)	688 (729)	991 (1051)	Более 1700 (более 1802)		1664** (1764)	1700 (1802)
Стрелочные переводы	2246		2900	2520	2900; 2774**	2904
Мосты	2247	Ок. 2700	3597	3351 (только металлоческие)	3672	3672**
Протяженность мостов, сажени (м)				35 106 (74 916); 47 147+ (100 612+)	36 770	36 770 (78 467)
Дело	33	51			51	
Паровозные сараи		300	381			381

Поворотные круги	16						16**	
Гидроколонны	204	250	264					
Станции водоснабж.	257	480	466				466	406
Телеграфные и телефонные про- вода, верст (км)	73 447 (77 853)	85 000 (90 100)	86 500 (91 960)	130 948 (138 805) (телеграф)				175 000 (185 500)
Телегр. аппараты	3633	Ок. 4300	4331	6600				10 806
Телефоны	9439	Ок. 10 800	10 896	11 000				4331
Гражданские сооружения	1718	Ок. 4300	Ок. 5000				5000	5000
Станции				2700				
Площадь гражданских сооруже- ний, кв. саженей (кв. м)		Ок. 96 000 (204 864)	Более 117 000 (249 678)	163 889 куб. саженей			120 000 (256 080) 164 000** (349 976)	124 000 (264 616)
Мастерские	22 (всех типов)	34 (всех типов)					38	
Площадь мастерских, кв. саженей (кв. м)			4000 (8536) (всех типов)					

#Включая линии, отошедшие к Польше, Эстонии, Латвии и т. д.

*Исключая 5437 верст (5763 км), отошедших к Польше, Эстонии, Латвии и т. д., а также, вероятно, железные дороги ДВР

**Цифры НКПС для 42 200 верст (44 732 км) железнодорожной сети на январь 1922 г., за исключением железных дорог ДВР и железных дорог, ото-
шедших к Польше, Эстонии, Латвии и т. д.

#*За исключением железных дорог ДВР

и нуждавшихся в точных данных, можно предположить, что в требования о компенсациях были сознательно включены завышенные цифры — возможно, по политическим соображениям и/или вследствие учета отложенных восстановительных работ. Однако непонятно, почему Фомин не повторяет в своей брошюре цифры из требований о компенсациях, хотя он преследует политические цели, обращаясь в преддверии пятой годовщины революции к широкой отечественной аудитории. Как минимум из нашего сопоставления следует, что в тот момент НКПС не занимался систематическим завышением сведений об ущербе.

К сожалению, эти источники оказываются малопригодны в смысле контекстуализации ущерба, и поэтому мы не в состоянии выявить значение приведенных в них данных во всей его полноте. В лучшем случае мы получаем потенциально сомнительные, как отмечалось выше, цифры относительного ущерба для разных участков железнодорожной сети. Однако мы можем частично восстановить контекст, изучив статистику по некоторым активам за 1913, 1917 и 1923 гг. (таблица 4). Из сопоставления таблиц 3 и 4 следует, что учтенным повреждениям подверглась лишь небольшая доля рельсового пути, стрелок, депо, поворотных кругов, станций водоснабжения и, вероятно, большей части других видов железнодорожного оборудования. Абсолютная длина уничтоженных телеграфных и телефонных проводов впечатляет, но вследствие того, что между столбами натягивалось несколько проводов, длина выведенных из строя линий должна быть намного меньше³⁴. Точное число мостов в пределах всей железнодорожной сети неизвестно, но из имеющихся данных можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве они уцелели. И хотя цифры ущерба, причиненного мастерским, не дают статистики отдельно по главным и мелким участковым мастерским, судя по всему, доля разрушенных мастерских также была невелика. Достаточно большой выглядит только доля уничтоженной телеграфной и телефонной аппаратуры — более 20 процентов, и только по телеграфным аппаратам наблюдается снижение численности по сравнению с 1913 годом (повторяю: мы полагаем, что в брошюре Фомина данные по телеграфным и телефонным аппаратам перепутаны местами). Иными словами, замалчивание контекста позволяло создать впечатление более высокого уровня разрушений, чем он был в реальности.

Можно было бы ожидать, что к 1924 г., когда бывшие железные дороги ДВР оказались в ведении Москвы, разночтения из данных должны были быть устранены. На самом же деле сопоставление с соответствующими источниками 1932 г., когда этот вопрос в целом представлял собой предмет

³⁴ Очень удивляет отсутствие в таблице данных по уничтоженным телеграфным столбам.

Таблица 4

**Стационарные активы
российских железных дорог, 1913/1917/1923**

	1913	1917	1923
Протяженность ж/д сети, верст (км)	63 749 (67 574)	59 304 (62 862)	69 500 (73 670)
Стрелочные переводы	103 917		104 894
Мосты			17 818 (только метал., 1926/27)
Протяженность мостов, в сажених (м)			174 000 (371 316)
Депо			[ок. 700]
Паровозные сараи			4378
Поворотные круги			745
Водокачки			[ок. 5000]
Станции водоснабжения			2717
Телеграфные/телефонные провода, верст (км)	298 899 (316 833)	382 000 (404 920)	456 000 (483 360)
Телеграфные аппараты	13 509	16 251	8375
Телефоны	35 574	43 910	43 800
Мастерские			58 главных, 355 участковых (на 1.11.1921)
Площадь мастерских, кв. сажених (кв. м)		314 301 (670 718) (только главные мастерские)	

Источники: Неопиханов А. А. Материалы к перспективному плану, вып. 1. О перспективном плане железнодорожного транспорта на пятилетие 1923/24–27/28 г. М.: 1924. Фиг. 52–54, 56 (стрелочные переводы, телефоны, телеграфная аппаратура, провода); аннотации 1919 г. к отчету о главных мастерских: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 43. Д. 593. Л. 92 (площадь мастерских); Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 91 (число мастерских в 1921 г.); «Оценка состояния и ударные задачи по тяговому хозяйству» (23 марта 1923): РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 43. Д. 594. Л. 19–38 (паровозные сараи, станции водоснабжения, поворотные круги, а также данные, на основе которых сделана оценка числа водокачек); Железнодорожный транспорт 1925/26–1926/27 гг.: Материалы к докладу Народного комиссара путей сообщения IX Съезду Профсоюза железнодорожников СССР. М.: 1928. С. 13 (число металлических мостов в 1926/27 г.); Михайлов И. Д. Эволюция русского транспорта, 1913–1925 гг. М.: 1925. С. 161 (протяженность железнодорожных мостов). Число депо в 1923 г. оценивается, исходя из числа паровозных сараев и поворотных кругов.

чисто исторического интереса, снова дает нам картину полного разнобоя. С одной стороны, цифры Фомина в известном смысле стали восприниматься в качестве общепризнанных. Например, в официальной брошюре 1924 г. они воспроизведены целиком, включая и таинственные данные по телефонным и телеграфным аппаратам, хотя в глаза бросается опечатка или поправка в графе о разрушенном рельсовом пути: теперь эта цифра составляет 21 250 верст (22 525 км) вместо 1 700 верст (1 802 км) у Фомина. Аналогичным образом, в брошюрах, изданных к 10-й и 15-й годовщинам революции в 1927 и 1932 гг., часть сведений взята из брошюры Фомина, а часть — из доклада для IX съезда Советов³⁵. С другой стороны, в данных встречаются и важные поправки, главным образом в сторону увеличения. Например, в 1925 г. два доклада НКПС сообщали о 4 345 и 4 497 разрушенных мостах³⁶. Цифра в 4 345 мостов повторяется в новом докладе 1926 г., вместе с намного более высокой цифрой в 514 тыс. кв. м для площади разрушенных зданий, в то время как в 1927 г. ведущий технический железнодорожный журнал оценивал число разрушенных мостов в 4500³⁷. В 1932 г. автор брошюры к 15-й годовщине революции вдвое сократил протяженность разрушенного пути по сравнению с цифрой Фомина — до 950 км, но удвоил приводимые Фоминым данные по площади разрушенных гражданских сооружений и мастерских, оценивая их в 468 тыс. кв. м и 16 тыс. кв. м соответственно³⁸. Подобное резкое увеличение вряд ли можно объяснить учетом данных по железным дорогам бывшей ДВР, на которых повреждения были относительно невелики и где американские инженеры провели восстановительные работы еще до 1921 г.³⁹ Скорее, оно было вызвано политическими причинами — например, проводившейся НКПС в середине 1920-х гг. кампанией за увеличение инвестиций в железные

³⁵ *Бинович Л. Е.* Достижения советского транспорта. М., 1924. С. 7; *Безруких П. Е.* Советский транспорт за десять лет. Л., 1927. С. 17; *Карабанов А. А.* Железнодорожный транспорт СССР за 15 лет. М., 1932. С. 10.

³⁶ См.: Объяснительная записка НКПС к годовому отчету по железнодорожному транспорту за 1924/25 г., цит. по: Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 236 (составители во введении не объясняют, почему они проигнорировали более высокую цифру); *Шилов С. И.* Железные дороги в 1923–1924 году: Краткий обзор состояния и работы железнодорожного транспорта. М., 1925. С. 5.

³⁷ Сводный годовой отчет по железнодорожному транспорту за 1924–1925 бюджетный год. М., 1926. С. 17, цит. по: *Кожмяко Т. А.* Восстановление железнодорожного транспорта в первые годы НЭПа // Из истории борьбы Коммунистической партии за развитие советского железнодорожного транспорта. Л., 1960. С. 103; *Иванов Н. И.* Путевое хозяйство в период 1917–1927 г. // Железнодорожное дело. № 10–11. 1927. С. 26.

³⁸ *Карабанов.* Железнодорожный транспорт... С. 10.

³⁹ К. М. Фоуст готовит к печати новое исследование по работе американских железнодорожных инженеров в России.

дороги⁴⁰. Также не исключены ошибки и сознательное искажение данных. Так или иначе, ранняя советская статистика разрушений на железных дорогах дает историку широкий простор для выбора.

Восстановительные работы

Значительный объем восстановительных работ был произведен еще до завершения боевых действий. Вклад антисоветских сил в эту работу советскими историками почти совершенно игнорировался, но, опираясь на архивные исследования, мы можем предположить, что этот вклад был весьма серьезным. Без восстановления железных дорог невозможно было вести боевые действия, а кроме того, из Америки, в основном в 1919 г., было поставлено большое количество оборудования — локомотивы, вагоны, рельсы, станки, сырье и т. д., закупленного по большей части еще царским и временным правительствами⁴¹. При этом, проводя восстановительные работы на мостах, антисоветские силы, вероятно, ограничивались строительством временных деревянных конструкций из-за отсутствия материала для замены металлических пролетов. Более того, при отступлении эти силы тоже разрушали железнодорожное оборудование, и поэтому непонятно, какая часть произведенных ими восстановительных работ дождалась окончания войны.

Советская власть в годы войны прилагала огромные усилия к восстановлению разрушенного на железных дорогах. Если царское правительство в 1914–1917 гг. использовало восемь «головных ремонтных восстановительных поездов» (сокращенно — «горемов»), то у большевиков во время гражданской войны действовало 67 таких поездов плюс несколько поездов для капитальных восстановительных работ на мостах, вспомогательные поезда снабжения и крупный бюрократический аппарат, отвечавший за эти

⁴⁰ См., например, призыв выделять железной дороге намного больше денег: К проблеме восстановления железнодорожного транспорта // Вестник путей сообщения. № 18. 1925. С. 1–2.

⁴¹ Подробности о поставках из Америки см. в: Отчет о деятельности Миссии Министерства Путей Сообщения в Америке с 1 января 1918 г. по 30 июня 1919 г.; Отчет о деятельности Миссии Министерства Путей Сообщения в Америке с 1 июля 1919 г. по 1 мая 1920 г. Оба отчета находятся в: Hoover Institution Archives, Russia: Posol'stvo (U. S.). Box 102. О зарубежных закупках для железных дорог в период войны см.: *Heywood*. Modernising Lenin's Russia. P. 23–47; A. J. *Heywood*. Russia's Foreign Supply Policy in World War I: Imports of Railway Equipment // *Journal of European Economic History*. Spring 2003. P. 77–108 (русский перевод: Хейвуд Э. Дж. Зарубежная заготовительная деятельность царского правительства в Первую мировую войну: импорт железнодорожного оборудования // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. II. М., 2006. С. 264–292).

работы⁴². Решались такие масштабные задачи, как восстановление мостов через Каму и в Сызрани в 1919 г. О достижениях, естественно, трубили на все лады. Согласно книге, изданной в конце 1919 г. к VII съезду Советов, ремонтные работы в 1918 г. включали 3 000 верст (3 180 км) пути, а также 38 мостов из 48 поврежденных, после чего в январе — июне 1919 г. было восстановлено еще 2 500 верст (2 650 км) пути и 480 мостов (из 545 поврежденных)⁴³. Между тем в докладе НКПС для того же съезда говорилось о восстановлении более 5 000 верст (5 300 км) пути вместе с соответствующим путевым оборудованием и около 1 600 мостов⁴⁴. В декабре 1920 г., когда боевые действия практически закончились, оставалось лишь двенадцать невосстановленных мостов, «имеющие непосредственное значение для обеспечения непрерывности движения», большинство из которых находилось на второстепенных линиях; в это же время работали 59 «восстановительных поездов» и шесть поездов для ремонта мостов⁴⁵. Позже НКПС даже утверждал, что железные дороги всегда производили достаточно ремонтных работ для того, чтобы обеспечить транспортные потребности военного наркомата и выполнение государственного плана по прочим первоочередным перевозкам⁴⁶.

Очевидно, что к тому моменту, как НКПС в декабре 1921 г. предупредил IX съезд Советов о «колоссальном» объеме разрушений, для исправления которых потребуются годы, большая часть необходимых работ уже была выполнена. Капитальный ремонт был завершен на 1 406 мостах (39,1 процента от заявленного числа в 3 597 разрушенных), а временный ремонт произведен на 2 148 мостах (59,7 процента). Из оставшихся 43 мостов на 31 для движения была открыта одна колея, и лишь 12 были полностью закрыты. Более того, ремонтным работам была свойственна явная дальновидность: ремонт производился с расчетом на использование более тяжелых локомотивов, чем прежде. В этом смысле мосты вскоре оказались в лучшем состо-

⁴² См., например: Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. С. 45; Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 94. Часть работ, произведенных этими силами, несомненно, представляла собой отложенный текущий ремонт. Следует также отметить, что для ремонта и содержания локомотивов и вагонов было создано более двух дюжин «подвижных ремонтных мастерских». Сложная история бюрократических учреждений, ответственных за восстановительные работы, и ремонтных поездов, описывается в: Яковлев П. В. Восстановление железных дорог, разрушенных при военных действиях: Сборник материалов и практических указаний. М., 1923. С. 5–13.

⁴³ Народный комиссариат путей сообщения. Сборник статей к Съезду советов под редакцией члена коллегии Наркомпути тов. Балатова. М., 1920. С. 5–6. Данные о протяженности пути, вероятно, относятся к тем участкам, на которых было возобновлено движение, а не к общей длине восстановленного пути.

⁴⁴ Народный комиссариат путей сообщения за два года революции. М., 1920. С. 30. См. также: Баевский. Очерки по истории хозяйственного строительства... С. 251.

⁴⁵ Краткий обзор деятельности НКПС в 1920 г. С. 57.

⁴⁶ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 72.

янии, чем в 1913 г.⁴⁷ Что касается прочего путевого хозяйства, из брошюры Фомина следует, что все поврежденные пути были отремонтированы к августу 1922 г.⁴⁸ Более того, НКПС отчитывался о восстановлении 58 651 версты (62 170 км) телеграфных линий с 348 189 верстами (369 080 км) провода — что даже больше тех цифр, которые фигурируют в отчетах о повреждении телеграфных линий!⁴⁹ Количество телефонов и телеграфных аппаратов, по-видимому, возросло⁵⁰. Мастерские, согласно неопубликованному внутреннему отчету, находились в весьма хорошем состоянии, потому что большое количество оборудования было эвакуировано из районов боевых действий и с бездействующих заводов⁵¹. По-видимому, в 1923 г. единственной действительно серьезной проблемой, вызвавшей критическую ситуацию на нескольких железных дорогах, были задержки с ремонтом оборудования систем водоснабжения⁵².

К концу 1921 г. НКПС уверенно заявлял, что главными препятствиями к восстановительным работам являются трудности снабжения и недостаток средств⁵³. Ремонт систем водоснабжения тормозился из-за нехватки труб, а недостаточные поставки металла замедляли ремонт мостов. Ассигнования планировалось выделить «в такой ничтожной сумме, которая не позволит разрешить радикально вопрос об успешном проведении планов капитального восстановления разрушений на железных дорогах»⁵⁴. Но в условиях тотального дефицита аргументы НКПС не всегда звучали убедительно. Например, хотя наркомат сетовал на трудности с импортом «необходимого» коммуникационного электрооборудования, он мог управлять движением поездов с помощью системы бумажных записей — пусть не идеальной, но по крайней мере работоспособной. Поэтому в 1924 г. планировалось лишь ничтожное увеличение числа телеграфных аппаратов к 1928 г., хотя число имевшихся аппаратов составляло лишь 67 процентов от уровня 1913 года⁵⁵. Более того, НКПС в 1920 г. пользовался абсолютным приоритетом в отношении всех зарубежных поставок оборудования, какие только были возможны.

⁴⁷ Краткий обзор деятельности НКПС в 1920 г. С. 53; Westwood et al. *The Railways*. 183.

⁴⁸ *Фомин*. Пятилетие советского транспорта.... С. 43.

⁴⁹ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 73, 186–187.

⁵⁰ См.: *Неопиханов А. А.* Материалы к перспективному плану. Вып. 1. О перспективном плане железнодорожного транспорта на пятилетие 1923/24–27/28 г. М., 1924. Фиг. 52, 54. В конечном счете, количество телеграфных аппаратов слегка уменьшилось к 1924 г., после чего не планировалось серьезных изменений.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 43. Д. 594. Л. 32–33 (Оценка состояния и ударные задачи по тяговому хозяйству железных дорог (без теплового хозяйства), 23 марта 1923).

⁵² Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 95.

⁵³ См., например: Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. С. 140.

⁵⁴ Обзор состояния и работы транспорта в 1921 году. С. 72–74, 95, 186.

⁵⁵ *Неопиханов*. Материалы к перспективному плану. Фиг. 54.

Он заказывал новые рельсы, коммуникационное электрооборудование, материалы для восстановительных работ и т. д., но в несколько преждевременном стремлении к модернизации выделил большую часть своих средств — около 240 млн золотых рублей — на закупку новых локомотивов⁵⁶. Если бы он объявил приоритетным направлением инфраструктурные нужды, то мог бы быстрее завершить оставшиеся восстановительные работы.

В конечном счете, сетования НКПС на недостаток ресурсов оказались бесплодными. По сути, позиции наркомата по этому вопросу были подорваны его собственной инспекцией, которая сообщала, что восстановительные работы производятся слишком медленно, даже когда в наличии имеются все ресурсы⁵⁷. В другом издании отмечалось, что ресурсов вполне достаточно для стратегии постепенного восстановления, которая отныне осуществима⁵⁸. Иными словами, становилось очевидно, что важнейшие восстановительные работы завершены. И поэтому зимой 1921/1922 гг., когда переход к нэпу потребовал жесткого бюджета, а в высшем руководстве поднялся шум из-за того, что НКПС тратит столько золота на импорт локомотивов, явно переставший быть необходимостью, правительство резко сократило средства, отпускаемые НКПС для восстановления военных разрушений⁵⁹. Соответственно, НКПС в 1922 г. пришлось сократить размах восстановительных работ, несмотря на передачу в его ведение Закавказской железной дороги, где также наблюдались определенные повреждения. Так, например, хотя к 1 августа на железных дорогах насчитывалось 2 090 временно восстановленных и сорок невосстановленных мостов, число организаций, занимавшихся восстановлением мостов, было сокращено с шести до трех⁶⁰. Отныне под «восстановлением» главным образом понимались работы по отложенному текущему ремонту, а устранению военных разрушений придавалось лишь второстепенное значение.

Завершая данный раздел на конспирологической ноте, можно предположить, что эти финансовые затруднения объясняют отмечавшееся выше странное возрастание числа поврежденных мостов в двух отчетах НКПС за 1925 г. Когда наркомат докладывал о 4 345 разрушенных мостах, он не делал принятого впоследствии различия между восстановительными работами, подразумевающими только ремонт разрушенных мостов, и реконструкцией, в ходе которой мосты совершенствовались или заменялись,

⁵⁶ О политике в сфере импорта см.: *Heywood. Modernising Lenin's Russia. P.*

⁵⁷ Отчет о деятельности Главной Инспекции путей сообщения Республики за 1921 год и план работ на 1922 год. М., 1922. С. 16.

⁵⁸ *Короткевич М.* Проблема планомерного восстановления транспорта. М., 1922. С. 6.

⁵⁹ О шуме по поводу чрезмерных расходов НКПС на закупки локомотивов см.: *Heywood. Modernising Lenin's Russia. 163–99.*

⁶⁰ Железнодорожный и водный транспорт в 1921–1922 гг. С. 45, 140.

подвергаясь модернизации, позволяющей эксплуатировать более тяжелые локомотивы⁶¹. Собственно, начиная с 1919 г. «восстановление» мостов в реальности нередко представляло собой процесс их «реконструкции» с тем, чтобы мост мог выдержать вес более тяжелых локомотивов, чем прежде. Подобные меры были весьма разумными в тех обстоятельствах, но начиная примерно с 1922 г., когда был урезан бюджет на борьбу с военными разрушениями, они стали создавать известные финансовые проблемы. Поскольку в ведении НКПС находились сотни старых слабых мостов, требовавших реконструкции или замены, отмеченное нами завышение данных о повреждениях, возможно, являлось попыткой получить дополнительные средства на усовершенствование мостов под рубрикой устранения последствий войны.

Экономическое влияние

Разные авторы нередко выражают экономическое влияние гражданской войны на состояние железных дорог в падении объема перевозок примерно до одной трети от довоенного уровня⁶². Оно, несомненно, было весьма заметным, хотя и менее значительным, чем кажется, потому что эти цифры не учитывают объема перевозок, осуществлявшихся антисоветскими силами. Однако нам сейчас важен вопрос о том, в какой степени объем перевозок сократился вследствие повреждений и разрушений. Иными словами, действительно ли наблюдались проблемы с перевозками, вызванные повреждениями и разрушением железных дорог?

Хорошо известные жалобы на громадные задержки в движении грузовых составов и знакомые образы страшно переполненных пассажирских поездов предполагают утвердительный ответ на этот вопрос. Но на самом деле ответ, вероятно, должен быть отрицательным — по четырем главным причинам. Во-первых, несмотря на складывающееся противоположное впечатление, на железных дорогах никогда не наблюдалось общей нехватки работоспособных локомотивов. В резерве у НКПС локомотивы имелись даже в самый разгар борьбы с задержками в движении; с весны 1920 г. до февраля 1921 г. этот резерв быстро вырос до 1 000 с лишним локомотивов — отчасти из-за нехватки топлива — и оставался крупным в течение следующих нескольких лет⁶³. Ситуация с вагонами была более сложной, однако о незна-

⁶¹ Цит. по: Железнодорожный транспорт в восстановительный период. С. 236.

⁶² История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 25.

⁶³ *Westwood et al. The Railways. P. 184; Heywood. Modernising Lenin's Russia.*

чительности фактора разрушений можно судить по тому факту, что в июне 1920 г., когда рабочий подвижной состав насчитывал 192 тыс. вагонов, еще 150 тыс. вагонов не участвовали в перевозках из-за того, что другие учреждения использовали их «неправильно»⁶⁴. Во-вторых, с учетом того, что большая часть железнодорожной сети не подверглась разрушениям, разрушенные мосты зачастую можно было преодолеть по обходным линиям. Там, где подобные объезды были невозможны, нередко применялись временные приспособления — такие, как паромные переправы через реки. В-третьих, из вышеприведенной дискуссии следует, что почти все разрушенные мосты были открыты для движения к декабрю 1921 г. — по крайней мере, за год до того, как объем перевозок действительно начал расти. Наконец, повреждение средств электросвязи, систем водоснабжения и прочей инфраструктуры могло причинять крайние неудобства, но эти проблемы почти наверняка не могли привести к перерывам в движении, пока спрос на железнодорожные перевозки оставался низким. Короче говоря, транспортные проблемы, созданные непосредственно разрушениями и повреждениями, вероятно, были менее значительными, чем считалось, а в начале 1920-х гг., возможно, и вовсе носили незначительный характер, потому что восстановительные работы завершились прежде, чем появился спрос на увеличение объема перевозок. Однако в придачу к этому существовала возможность проблем с перевозками, которая бы проявилась в том случае, если бы объем перевозок начал резко расти.

Непосредственные разрушения и повреждения железнодорожной инфраструктуры затрагивали главным образом постоянный путь и мосты, мощности по обслуживанию и ремонту локомотивов и подвижного состава, коммуникационное оборудование и так называемые гражданские сооружения — такие, как принадлежащие железной дороге жилые дома и сторожки. Большая часть разрушений, вероятно, была вызвана военными действиями, хотя многие дома были разобраны на дрова, а главной причиной уничтожения проводов, возможно, являлось воровство. К имеющейся статистике необходимо относиться с осторожностью вследствие отсутствия единообразия в представлении данных, ошибок, некоторых преувеличений и возможного завышения данных по уничтожению, в частности, мостов и проводов. Однако у нас нет свидетельств о систематическом искажении статистики. Мифотворчество действительно имело место, однако его истоки, очевидно, лежали в запутанной смеси опечаток, недопонимания, бюджетной политики и определенного желания обмануть западные державы. Еще больше проблему усложняло неумение поставить статистические отчеты в четкий

⁶⁴ Клеменчик В. Итоги работы железных дорог за 3 года (1917–1920 гг.). М., 1920. С. 13. «Неправильное» использование включало приспособление вагонов под склады и жилье.

контекст. При этом основные восстановительные работы были завершены к концу 1921 г. и включали в себя определенные меры по модернизации железнодорожной сети. Впоследствии восстановительные работы утратили прежний темп из-за перераспределения ресурсов на более неотложные цели. Общее влияние разрушений на железнодорожное движение в начале 1920-х гг. почти наверняка было минимальным, хотя впоследствии оно могло усилиться.

Дальнейшие архивные исследования могли бы снизить неопределенность наших выводов и выявить состояние дел в других отраслях экономики. Так, сферой, достойной исследования, является проблема контекстуальной статистики; в данном случае более полные данные в таблице 4 помогли бы нам выяснить значение разрушений и повреждений на железных дорогах. Аналогично, документы военного наркомата и комитета, готовившего требования о компенсациях для Генуэзской конференции, могли бы многое сказать нам о советской политике восстановления не только железных дорог, но и экономики в целом. Наконец, документы таких организаций белых сил, как Омское правительство, могли бы дать полезную информацию о процессах в экономике, находившейся вне большевистского контроля, что является крупным, но зачастую не учитываемым аспектом гражданской войны. Подобные исследования, охватывающие другие сектора экономики, потребуют очень большой работы, но существенно расширят наши представления о ранней советской экономике.

Аналогичным образом такой подход можно применить и к документам по повреждениям и восстановительным работам во время и непосредственно после Второй мировой войны. Например, в книге Павлова и Уздина приводится таблица статистики по советским восстановительным работам на железных дорогах в СССР и за границей в период 1941–1945 гг., причем цифры в этой таблице по большей части ниже тех, что приводятся в истории советских железных дорог во время Второй мировой войны, составленной Г. А. Куманевым. Относятся ли эти различия лишь к объему восстановительных работ, не завершенных к концу войны? Насколько точны приводимые Куманевым данные по довоенному состоянию железных дорог? Не удастся ли найти в неопубликованных источниках статистику, подтверждающую эти цифры? И нет ли в доступных источниках как умышленных, так и неумышленных искажений?⁶⁵

Между тем наше исследование позволяет сделать несколько выводов общего характера. Во-первых, едва ли мы найдем доказательства того, что масштаб разрушений и повреждений в экономике во время Первой мировой

⁶⁵ История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 376; Куманев Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945. М., 1988. С. 231.

и гражданской войн систематически завышался в советских источниках. Если мы выявим другие случаи завышения данных в статистических отчетах, то их причины, скорее всего, будут вполне прозаическими, а давние предположения о идеологическом статистическом заговоре вполне могут оказаться мифом. Но по многим другим причинам мы должны с осторожностью относиться к заявлениям и статистическим данным, и реальный объем разрушений и повреждений может оказаться менее существенным, чем зачастую считается. Не исключено, что мы сумели прийти к верному ответу, исходя из неверных предпосылок.

Нет нужды говорить, что одна лишь работа железных дорог не может служить мерилom эффективности нэпа. Однако из нашего исследования, несомненно, вытекает, что к большевистским концепциям «восстановления» и «реконструкции» экономики в годы нэпа следует относиться с осторожностью. Если дать этим терминам точное определение, они помогут провести полезное различие между двумя типами восстановительных работ. Но их использование режимом для периодизации эпохи нэпа основано в большей степени на политической пропаганде, чем на реалиях восстановительных работ в сфере индустриальной инфраструктуры. По сути, в той мере, в какой дело касается железных дорог, восстановительные работы более быстро производились в период «военного коммунизма» благодаря административной централизации, атмосфере кризиса, безжалостной расстановке приоритетов и приданию этим работам наиважнейшего значения; неудивительно, что они затормозились, когда нэп поставил на первое место приоритеты, задаваемые бюджетными соображениями.

Можно спорить по поводу того, служит ли исправление непосредственных повреждений и разрушений подходящим тестом на эффективность нэпа. В любом случае такие работы вполне могли составлять лишь небольшую долю всех восстановительных работ эпохи нэпа. Вполне вероятно, что влияние отложенного ремонта создавало для экономики куда более серьезные проблемы, наряду с перестройкой финансовых, торговых и прочих взаимоотношений. Пусть взорванные мосты и разрушенные здания и бросались в глаза, но, по крайней мере, в отношении железных дорог реальные проблемы состояли совсем в ином.

* * *

Для написания данной статьи мною использовались гранты Британского совета и университета Брэдфорда. Выражаю особую благодарность Бобу Эргенбрайту, Мэри Конрой, Эйлин Конси, Ричарду Дэвису, Брюсу Меннингу,

Стефану Мерлу, Джеймсу Миллару, Джону Уэствуду и редакции The Russian Review за их советы и оказанное мне содействие. Статья была первоначально опубликована в: The Russian Review. Volume 64. No. 3. July 2005. P. 456–479. Перевод публикуется с любезного разрешения The Russian Review и издательства John Wiley and Sons.

Перевод с английского Николая Эдельмана

Ю. А. Борисёнок

**КАК ПОСТАВИТЬ ПОД РУЖЬЁ
«МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»:
«ВОСПОМИНАНИЯ»
АЛЕКСАНДРА ШЕМЕЛЯ (2004)
И ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАЦИО-
НАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬ-
СКИХ ВЛАСТЕЙ НА ЗАПАДНО-
БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ**

В феврале 1885 г. в подцензурном петербургском польском еженедельнике «Край» помещик Игуменского уезда Минской губ. Александр Ельский (1834–1916) высказал достаточно оптимистическую точку зрения: «Что же до белорусского языка, который употребляют с небольшими отличиями более пяти миллионов человек, то поскольку независимо от полностью индивидуальной, свойственной ему характеристики является он языком средним между польским и русским языком, — борьба против него с любой стороны была бы безрезультатной, потому что ни белорусский говор не изменится полностью и добровольно на польский либо русский, ни также давление никоим образом не смогло бы тут благотворно воздействовать на духовность народа, на его моральную сущность»¹.

¹ *Ельскі А.* Выбранае. Мінск, 2004. С. 314.

Размышления энтузиаста белорусской традиционной идентичности польского культурного круга для своего времени были предельно логичны: в условиях, когда, по данным того же Ельского, приведённых в подцензурном же и польскоязычном «Географическом словаре Царства Польского и других славянских стран» (6-й его том увидел свет в Варшаве в том же 1885-м), в Минском уезде «в 1883 году на 96 деревенских детей учится 1»², перспективы насильственной смены языка и этничности крестьян-белорусов выглядели крайне мрачно. Польская культура после 1864 г. не имела уже для этого сколько-нибудь адекватных ресурсов, властям же Российской империи пришлось бы применить фантастический в условиях тогдашних реалий метод ускоренного обучения сельского населения грамоте, востребованный через 40 лет большевиками в рамках «культурной революции».

В начале XX в., в особенности после объявленных властями в 1905 г. послаблений в области веротерпимости, а также появления определённых признаков модернизации повседневного уклада жизни, сторонники тотальной полонизации и русификации белорусской этнической территории заметно активизировались³. Однако до Первой мировой войны проблема так и осталась в русле жарких, но идейных споров, но никак не практической реализации жёстких и однозначных установок. С конца 1918 г., с возникновением спустя 123 года независимого польского государства, а в особенности с марта 1921 г., после подписания Рижского мира между II Речью Посполитой, РСФСР и УССР, к осуществлению подобных замыслов приступили лишь польские власти, несмотря на внешние различия между программами «национальной ассимиляции» по Р. Дмовскому или «государственной ассимиляции» по Ю. Пилсудскому в значительной степени транслировавшие, не оправдавшие себя на практике установки национальной политики Российской империи трёх последних царствований. Советские же государственные структуры с весны 1923 г. ускоренно и результативно, в особенности в период до 1928 г., осуществляли прямо противоположный проект «коренизации», в условиях БССР получивший название «белорусизации»⁴. Нетрудно заметить, что в основу данного

² Ельські А. Указ. соч. С. 186.

³ Подробнее см.: Борисёнок Ю. А. Изменения границ на пространстве бывшей Российской империи в 1939–1940 гг.: тенденции и исключения // Июнь 1940-го: Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР. М., 2010.

⁴ Конкретные примеры см. в сборнике документов: Беларусізацыя. 1920-я гады. Мінск, 2001; о характере и итогах «белорусизации» подробнее см.: Борисёнок Ю. А., Шемякин А. Л. Долой поджачников! Как товарищ Сталин выучил белорусов их собственному языку на сербский манер // Родина. 2008. № 1. С. 76–82; Борисёнок Ю. А. Наш ответ Пилсудскому. Советская белорусизация как реванш за чудо на Висле // Союзное государство. 2008. № 3. С. 94–101.

курса был получен взгляд на белорусскую идентичность и язык, сформулированный в своё время Ельским и его младшими современниками из русского культурного круга, в частности Е. Ф. Карским и М. В. Довнар-Запольским (примечательно, что Ельский заинтересованно и благосклонно следил за первыми шагами в науке последнего, тогда ещё студента Киевского университета⁵).

Практическим последствием «белорусизации» стало появление уже к концу 1930-х гг. крайне необходимого советской власти слоя молодых перспективных выдвиженцев из крестьян, получивших образование на родном языке и искренне преданных большевикам. Считается, что в межвоенной Польше аналогичную социальную группу так и не удалось сформировать. Несомненно, итог политики «государственного воспитания» во II Речи Посполитой не принёс ничего даже отдалённо похожего на возможность появления из жителей «восточных кресов» политических фигур уровня видных советских руководителей А. А. Громыко, К. Т. Мазурова, М. В. Зимянина или П. М. Машерова, но и у этого курса были свои результаты, впрочем практически полностью перечёркнутые начавшейся Второй мировой войной. Именно об этом убедительно свидетельствуют мемуары Александра Шемеля «Воспоминания кресовяка военных лет. Верные, но забытые», увидевшие свет в Варшаве в 2004 г. в небольшом частном издательстве «Лосьграф»⁶.

Перед нами чрезвычайно сложный с точки зрения достоверности источник. Если верить авторскому предисловию, этот текст написан с 1957 по 1966 годы, в тексте имеются отсылки к 1968-му, но в реальности содержание существенно переработано Шемелем при участии дочери Малгожаты. Именно поэтому формулировки воспоминаний приобрели совершенно невероятное даже в самых антисоветских сочинениях 1960-х гг. звучание, соответствуя настроениям части современных пожилых поляков, ностальгирующих по оставшимся в современных Беларуси, Украине и Литве родных местах — тех самых «восточных кресах», что так и не сумела ассимилировать и даже сколько-нибудь адекватно освоить межвоенная польская государственность. Отсюда и совершенно причудливое сочетание «правды и вымысла», свойственное этим неплохо написанным с литературной точки зрения мемуарам. Если добавить сюда отсутствие не просто редактуры, а элементарной вычитки текста (когда 1930-е годы во многих местах почему-то оказались 1950-ми), книгу можно смело зачислить по известному разряду «на правах рукописи».

⁵ *Ełski A.* Указ. соч. С. 444.

⁶ *Szemeł A.* Wspomnienia kresowiaka z lat wojny. Wierni choć zapomniani. Warszawa, 2004. Ссылки на книгу далее даются в тексте.

При этом как вполне достоверные места источника, так и широко представленные у Шемеля стереотипы и клише санационной и современной польской пропаганды весьма ценны для исследователей общественного сознания и позволяют скорректировать ряд принципиальных выводов недавних работ. В частности, в обстоятельной и объективной монографии В. И. Кривутья «Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси» (2009) подчеркивается, что «политика “государственного воспитания” стала орудием полонизации национальных меньшинств. Фактически ставилась цель воспитать не просто достойного гражданина, а гражданина-поляка. Это привело к неудачам “государственного воспитания” на территории Западной Беларуси в отличие от непосредственно польских земель, где оно достигло значительных позитивных результатов»⁷. Повествование пристрастного мемуариста Шемеля при подробном анализе обнаруживает, что на фоне несомненной «неудачи» в целом по западнобелорусскому региону у молодежной политики, провозглашенной Пилсудским и детально разработанной его соратниками, министрами просвещения в последние годы его жизни С. Червиньским и Я. Енджеевичем, некоторые успехи все-таки наблюдались.

По крайней мере, выходец из бедной крестьянской семьи Александр Шемель, которому на момент исчезновения с карты Европы II Речи Посполитой было 16 лет, идеи «государственного воспитания» впитал на всю оставшуюся жизнь. Его биография на практике подтверждает вывод Кривутья о педагогических замыслах режима «санации»: «Это была вызванная жизненной необходимостью стройная и детально разработанная система. Ее положительными чертами были актуализация и связь с жизнью, воспитательный характер обучения. Она ставила перед собой цель воспитать у молодежи сильную волю, динамизм, дисциплинированность, лояльность, умение правильно оценивать реальность, способность к жертвенности и героизму»⁸. Кое-что из перечисленного выше у юного жителя гмины Плюсы на самом севере западнобелорусских земель межвоенные польские власти действительно сумели сформировать: дисциплинированность и лояльность точно, а заодно и смену этнической идентичности. Заметим попутно, что «умение правильно оценивать реальность» ни одна государственная политика, на наш взгляд, привить не в состоянии, и мемуары Шемеля тому яркое подтверждение. Сама же теория «государственного воспитания», как видим, имела немало общего с современной ей советской пионерско-комсомольской идеологией и была одновременно и ответом на давший реальный ре-

⁷ Кривутья В. И. Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси (1926–1939 гг.). Минск, 2009. С. 181.

⁸ Там же.

зультат большевистский вызов, и беззастенчивым плагиатом со сталинских идейных конструкций.

Столь желанный пилсудчиками «новый человек» Шемель был, впрочем, продуктом нетипичным и в чем-то тепличным, выращенным в таких условиях, где от польской власти обычному человеку и деться было некуда, даже посреди лесов и болот. Мемуарист появился на свет 24 марта 1923 г. в деревне Думаришки-6, ныне это Плюсский сельсовет Браславского района Республики Беларусь. Это не просто пограничная территория (не лишена смысла мысль о том, что вся Беларусь, и западная, и восточная, с конца XVIII и в XX в. включительно это территория пограничья⁹), это многогранное пограничье. В рамках Российской империи в этих местах были лишь межэтнические рубежи, с начала 1920-х гг. пространство разделилось государственными границами: всего в километре от родной деревни Шемеля отныне располагалась Латвия, немногим южнее была литовская граница, недалеко были и советские территории — чуть ближе БССР, чуть дальше РСФСР (Псковщина). Польская власть появилась здесь транзитом через «Срединную Литву» генерала Л. Желиговского, в октябре 1920 г. якобы по собственной инициативе захватившего Вильно и Виленский край, в итоге так и не отошедшие к Литве¹⁰.

В итоге появившийся на свет уже при «польской власти» мальчик стал объектом интенсивного воздействия сразу нескольких польских государственных структур, одержимых воспитанием: государственной польской школы, Корпуса охраны пограничья, разместившегося в Думаришках-4 (маленьких деревень под этим названием всего семь) и ставшего, по мнению Шемеля, «форпостом просвещения и культуры» (s. 13), а также известных молодежных организаций — Стрелецкого союза (готовившего юное поколение к защите польской родины) и Союза сельской молодежи «Сев», проводившего в 1930-е гг. вместе со стрельцами и католическими молодежными организациями масштабную акцию «сельскохозяйственной подготовки»¹¹. Альтернативных официальным структурам II Речи Посполитой влияний при формировании личности ребенка не замечалось: за границы не пускали (только в годы Второй мировой войны Шемель с матерью посетит родственников в ближних латвийских окрестностях), компартия Западной Беларуси в этих насыщенных пограничной стражей местах, похоже, активную работу вести не рисковала, хотя среди односельчан мемуарист с неизменным воз-

⁹ Подробнее см.: *Борисёнок Ю. А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 116–122.

¹⁰ Подробнее см.: *Fabisz D.* Generał Lucjan Żeligowski. 1865–1947. Warszawa, 2007.

¹¹ См. *Кривуть В. И.* Указ. соч. С. 108–110.

мущением находил сторонников советской власти (таков например, Васька Голуб — «темный московский фанатик» (s. 27). Власть в лице пограничников была даже ближе, чем ближайший костел в Плюсах, до которого летом нужно было добираться 10 километров.

Примечательно, что свое прошлое до августа 1939 г. Шемель вспоминает крайне неохотно: его ранней биографии посвящены четыре страницы в предисловии и несколько вставок в основном тексте. Причина проста и понятна: жизнь семьи при независимой Польше была в точности такой, как ее описывали еще сталинские пропагандисты: «После Первой мировой войны было исключительно тяжело. Было голодно и холодно. Две старшие сестры умерли от скарлатины, старший брат перенес страшную болезнь — черную оспу, а я — английскую болезнь, или рахит. Вылечили меня солнце и одна бутылка рыбьего жира. Но я не вышел ростом и не мог похвастаться силой, которой обладали мои ровесники» (s. 14). Отметим романтичность повествования Шемеля: наверняка и голод в озерной и лесной Браславщине переносился несколько легче, а уж отчего посреди сплошных лесов было «холодно», дать внятного ответа невозможно.

Семья же и вправду была, мягко говоря, небогатой. Отец автора, Наполеон Шемель, был младшим из сыновей местного лесника Винцентия, служившего сорок лет и занимавшегося организацией охоты для окрестной элиты с графом Плятером во главе. Дед же Наполеона и прадед мемуариста, Петр Шемель, был человеком богатым: «В первой половине XIX века прибыл из Курляндии и в Думаришках купил около 80 га земли, на которой выстроил большой по деревенским меркам дом с настоящим полом и печной трубой» (s. 14). Многочисленность потомства Петра и Винцентия привела к многочисленным разделам и обеднению семьи, а отцу нашего героя, как младшему сыну, выпала самая незавидная участь — упоминания «настоящего пола и печной трубы» из кирпича наверняка не случайны, и семье Наполеона Шемеля, не исключено, приходилось какое-то время обходиться и без этого.

О своем социальном происхождении (в отличие от этнического) Александр Наполеонович упоминает глухо и сбивчиво — надо полагать, в семье перемешались потомки мелкой шляхты (и явно той, что после восстания 1830–1831 гг. десятилетиями, подобно предкам известного историка-полониста И. И. Костюшко, вынуждена была доказывать свое дворянство, причем очень часто безуспешно¹²) и местного крестьянства. Шемель столь же глухо упоминает и о весьма отдаленном родстве с самим Пилсудским — для романтика это, впрочем, вполне естественно.

¹² Подробнее см.: *Борисёнок Ю. А. 60 лет в строю, или Патриарх славяноведения. Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко* // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И. И. Костюшко). М., 2009. С. 11–21.

Этничность же свою автор подчеркивает постоянно, к месту и не к месту, доказывая читателю, что он, процентов 80 его односельчан и окрестных жителей — поляки, самые настоящие поляки, самые лучшие из поляков. Сбивчивый текст предисловия убеждает нас в том, что в родных местах Шемеля помимо поляков-автохтонов обитали самые различные народы: евреи (автор, явно не читавший Сергея Довлатова, разделяет его удивление на предмет «евреев-крестьян, которых было много в гмине Плюсы» (s. 11), но к филосемитам точно не относится), русские старообрядцы (они не лучше евреев, Шемель их считал «московскими шовинистами, конокрадами, людьми плохими, коварными, темными и фанатично ненавидящими поляков» (s. 31), литовцы, латыши (они «не относились к полякам враждебно, но немного нами помыкали» (s. 12); «в местечке Видзах жило немного татар, польский патриотизм которых не подлежал никаким сомнениям» (s. 12).

Нет здесь только одного народа — реальных автохтонов белорусов, язык белорусский либо его «разновидность» на селе присутствуют, а самих — нет. Есть нечто другое, удивительно созвучное с официальной идеологией «санации» по белорусской проблеме: «Люди рождались, жили и умирали в двуязычной среде... Двуязычное единство коренилось в каждом человеке, и навязывание силой одного из этих языков встречало сопротивление» (s. 12). О сопротивлении насильственной полонизации, обычной для «восточных кресов», мемуарист не упоминает вовсе, а вот о своем недовольстве изучением белорусского языка в советской школе после сентября 1939 г. пишет неоднократно. Где-то, может, белорусы, и обитали, но «не в нашем районе». Впрочем, по-белорусски всё же говорили «на дружеских встречах», а вот на публичных увеселениях якобы уже по-польски. О том, что в школе говорить по-белорусски запрещалось, у Шемеля ни полслова. Зато громко о неудачах невесть откуда взявшихся белорусов: «Случались попытки пробуждения белорусского национального сознания, но они не имели успеха. Несколько ксендзов из монастыря отцов мариан в Друе старались внедрить в костел белорусский язык. Это встретило острое сопротивление властей. Трех ксендзов принудительно перевезли в Варшаву на Беляны, и это не сопровождалось сколько-нибудь значительным протестом со стороны населения. Деревенские бабы были разочарованы не акцией полиции, но инициативами ксендзов, которые “за советские рубли” пытаются бороться с польскостью этих земель» (s. 12).

В последнем случае мемуарист повторяет зады примитивной пропаганды польских властей, направленной на сельских жителей: авторитет ксендза в ту эпоху был все же выше авторитета полиции, а безбожная советская власть, насколько известно, до сих пор не уличена в финансовой поддержке белорусских

католических энтузиастов в межвоенную эпоху — те были прямыми конкурентами западнобелорусских коммунистов в борьбе за крестьянские умы. Шемель здесь пишет заведомую неправду сознательно, врет идейно — и в это свое вранье верит, пытаясь доказать читателю, что по сей день, в XXI веке, во всех шести Думаришках живут самые настоящие поляки, хотя «забыли о них все — даже правительство возрожденной Речи Посполитой» (s. 16).

Александр Наполеонович, несмотря на бедность, малый рост и массу проистекающих отсюда комплексов, старается выдать себя за «первого парня на деревне», говорить от имени этнографически бесспорного, но безмолвствующего белорусского крестьянства. Известные основания для этого есть: мальчик был несомненно способным, учился с охотой и хорошо, запоем читал книги, неплохо рисовал. Были у него и способности к языкам — русский он освоил очень неплохо и после войны пытался со знанием его устроиться на Польское радио в Варшаве, «несуществующий» белорусский знал тоже: при описании 20 месяцев жизни «под советами» в 1939–1941 гг. находим антисоветскую частушку той поры, очень правильно воспроизведенную (в отличие от транскрипции русских текстов: автор явно выдает, какой из языков восточных славян ему родной):

*Едзе Сталін на карове,
Варашылаў на быку.
Куды едзеш, чорт рагаты?
У Варшаву па мужу (s. 78).*

Из него легче и проще было вылепить того самого «гражданина-поляка», в котором с высокой трибуны нуждались Пилсудский, Червиньский и Енджеевич. Как и в советской действительности, в приграничной польской полосе то, чего никак не могли дать растущему молодому человеку родители, дало государство. Известны и имена «комиссаров в пыльных шлемах», склонившихся над юным Шемелем, — это была молодая учительница Мария Децовская из начальной школы в Думаришках, прибывшая «на дальнее пограничье» из «коренной Польши» с целью колонизации местной ребятни, а также поручик Бусякевич и сержант Юрчик из Корпуса охраны пограничья. О них мемуарист отзывается крайне тепло.

Формы и методы патриотического воспитания не содержали в себе ничего необычного, но были для глубинки вполне себе разнообразны. Школьное обучение начиналось с забавного стишка: «— Kto ty jesteś? — Polak mały», далее добрые пограничники давали пострелять и завлекали в Стрелецкий союз, в рамках «сельскохозяйственной подготовки» отправляли на специальные курсы (среди подготовленных там инструкторов был и брат Алек-

сандра Юзеф), долгими зимними вечерами читались лекции не только на тему «Как растение развивается в почве». В 1929 г., по словам мемуариста, с участием молодежи из всех Думаришек поставили патриотическую пьесу из времен Тадеуша Костюшко «Сапожник Килиньский». А в 1937 г. деревенскую молодежь вдохновляли нобелевским лауреатом Генриком Сенкевичем — устраивая «суд» в виде диспута над его известным персонажем Янкой-музыкантом, не забывали вспомнить времена, в которых жил классик: «Говорили о восстаниях, о преследованиях униатов, о Муравьеве-Вешателе. Пролетали часы, а никто не хотел уходить домой. Такой вечер заканчивался пением: “Нужно с живыми идти вперед” (s. 13).

Учительница Децовская, несомненно, была человеком творческим, пограничники обладали очень ценным по тем временам сокровищем — большой библиотекой, которая к тому же каждый год менялась, перемещаясь от одной заставы к другой. В обычной, непограничной западнобелорусской деревне, где была лишь школа, наш герой вряд ли достиг бы таких высот патриотизма и ассимиляции. Юный Шемель, у семьи которого деньги на покупку книг отсутствовали напрочь, перечитал всё и был поощрен: «За наибольшее число прочитанных книг я получил в награду книгу с дарственной надписью командира заставы» (s. 14).

Итак, первый, в родной деревне, этап «государственного воспитания» для маленького Шемеля прошел более чем успешно. Он стал образцовым юным гражданином II Речи Посполитой, готов был и встать под ружье, и учиться дальше на благо отечества. Настроения — те же самые, как и в песне Пахмутовой на стихи Добронравова:

*Я в мир удивительный этот пришёл
Отваге и правде учиться.
Единственный друг, дорогой Комсомол,
Ты можешь на нас положиться!*

Комсомол до поры до времени успешно изображали школа и пограничники, но за околицей Думаришек-6 был уже другой мир, более жестокий и куда менее романтичный. Об этом Шемель вспоминает скороговоркой, нехотя, заставляя вспомнить стихи другого Николая, по фамилии Некрасов:

*Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господя.*

Мария Децовская выхлопотала для любимого ученика стипендию, благодаря которой он успешно закончил 5-й и 6-й класс школы в Плюсах, а в июне 1938 г. выдержал экзамены в единственную в округе гимназию в Браславе. 15-летний Шемель был настолько рад своему успеху, что за ночь отмахал 30 км от Браслава до родной деревни. Это чистая правда, а дальше та самая скороговорка и вранье: «Месячная плата за обучение составляла немного, только 27 злотых, но 100 злотых получаемой за целый год стипендии едва покрывало часть оплат за учебу. Дирекция однако махнула на это рукой, и я учился бесплатно. Должен признаться, что никогда не чувствовал никакой дискриминации со стороны более богатых соучеников. Все мы были равны, ибо так нас воспитывала предвоенная школа. Подвозимая до школы на автомобиле княжна Мирская была у нас никем иным, кроме как подружкой Марыськой» (с. 14–15).

Романтическая картина классового мира в иных местах мемуаров предстает несколько мрачнее. Учиться и жить в 30 км от дома Александру было явно тяжело, и в этом плане приход советской власти в сентябре 1939 г. давал ему неплохой шанс, но в начале 1940-го старший брат забрал нашего героя из браславской школы, хотя новый директор Антонов и обещал ему материальную помощь (с. 61). Родителям требовались рабочие руки, денег на жизнь в новоявленном райцентре не было, и особых упреков в адрес советской власти за то, что та не дала ему получить образование, в тексте мы не находим, хотя Сталина и его режим Шемель задним числом костерит едва ли не на каждой странице. «Учеба в то время была моей наивысшей целью, к которой я стремился несколько лет и о которой я больше всего мечтал» (с. 61).

Мечты Александра Наполеоновича разбились о суровую реальность жизни — в романтическом остатке оказались воспитание уже не существующего государства, внушенная им идеология, сочлененная с юношеской романтикой. Остались и внушенные санационной педагогикой дисциплинированность и лояльность: Шемель неплохо научился «колебаться вместе с генеральной линией». Продержись советская власть дольше отведенных ей перед войной 20 месяцев, наш герой наверняка бы попытался сделать карьеру как человек из низов и почти наверняка как белорус. Неплохо он чувствовал себя и при гитлеровцах, будучи канцеляристом в управе в Плюсах. Оказавшись после войны в ПНР, не сразу, но сделал карьеру на службе новой власти, получив диплом юриста в Варшавском университете и работая на относительно престижных чиновничьих должностях в энергетическом ведомстве и варшавских городских властях. Забавно, что мемуарист и сегодня, несмотря на весь свой антисоветский пыл, гордится тем, например, что в 1972 г. отвечал за прием самого министра энергетики СССР П. С. Не-

порожного. В современной Польше пенсионер Шемель перестроился в который раз...

А вот со «способностью к жертвенности и героизму», несмотря на то что большая часть мемуаров написана с целью описания пребывания автора в 1944 г. в 23-й Браславской бригаде Армии Крайовой, далеко не все гладко. Жертвенности и тем более героизма на поверку гораздо меньше, чем упомянутого выше эфемерного, но ценного качества — «умения правильно оценивать реальность». Когда с появлением Красной армии в окрестностях Вильно, которые Шемель с товарищами шли освобождать, романтическая мечта в очередной раз рухнула, мемуарист в июле 1944 г. не отправился на фронт, хотя уговаривали его весьма настойчиво. В тексте звучит даже упрек «неправильным» полякам из Центральной Польши, которые двинулись дальше на запад.

Выставляя себя сегодня несчастной жертвой сталинского режима, который «ни с того ни с сего» отправил его в 361-й запасной полк валить лес в мещерские леса и обрек на «изматывающий труд, голод, физическое и моральное издевательство» (s. 17), автор скромно забыл о том, что переживали в конце 1944 — начале 1945 г. на фронте, в том числе и поляки из Армии Людовой... И положение в 361-м запасном полку было не хуже, чем в описанном в воспоминаниях старейшего российского историка Н. И. Павленко 105-м полку, дислоцированном в Забайкалье. При 105-м полку находился и 106-й — кладбище, куда свозили умерших от недоедания и болезней солдат¹³. И не был 361-й полк «каторгой» специально для несогласных с советской властью поляков с «кресов». Более того, Шемель (поначалу, наверняка, неосознанно) выбрал линию поведения, дававшую ему больше шансов выжить в 1944-м: не уйди он в леса с Армией Крайовой, был бы призван в Красную армию на обычных условиях. Другое дело, что путь в родные места после войны уроженец Думаришек-6 счел для себя заказанным: служба в гитлеровской управе и вправду могла аукнуться. Но в ПНР способный молодой человек даже теоретически не мог сделать той карьеры, которую позволяли себе его ровесники в БССР. Зато в наши дни энергичный пенсионер постарался отыгаться и «вспомнить всё», попутно доказав, что санационная политика «государственного воспитания» и этнической ассимиляции на западнобелорусских землях приносила не одни только неудачи...

¹³ Подробнее см.: Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 3.

К. В. Шевченко

РУСИНЫ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: БОРЬБА РУСОФИЛОВ И УКРАИНОФИЛОВ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В 1920-е ГОДЫ

«Украинские стремления чужды каждому нашему мужику. Украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения».

«Народная газета». 1925. №3

«Мы, русины, племя малорусское, которое сейчас называется украинским... Царизм... не смог русифицировать русинов-украинцев на Украине. В еще меньшей степени это может получиться у некоторых наших русификаторских обществ».

«Свобода». 21 февраля 1929. №8

Этнокультурные процессы среди карпатских русинов, большая часть которых в межвоенный период входила в состав Чехословакии, проходили под знаком противоборства нескольких идентификационных моделей. Главными представителями данных моделей были традиционалисты-русофилы, трактовавшие русинов как наиболее западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, и украинофилы, считавшие русинов этнографической частью украинского народа с недостаточно «разбуженным» украинским самосознанием, которое они считали своим долгом «пробудить».

В рамках русофильского направления постепенно сформировалось третье, русинофильское течение, считавшее русинов не частью русских или украинцев, а отдельным восточнославянским народом.

В своей культурно-национальной деятельности и в борьбе за влияние на местное население русофилы и украинофилы опирались на собственные культурно-просветительские общества и средства массовой информации, пользуясь поддержкой идеологически близких политических партий Чехословакии. Симпатии официальной Праги в 1920-е гг. были на стороне украинофилов. Левая часть чешского политического спектра, близкая Граду и президенту Масарику, а также чешские католические круги в целом занимали проукраинские позиции. Более консервативные политические силы Чехословакии придерживались русофильской ориентации¹.

Основной организационной и идеологической структурой, развивавшей и координировавшей украинское движение в Подкарпатской Руси, стало культурное общество «Просвита», созданное в мае 1920 г. в Ужгороде по примеру львовской «Просвиты» выходцами из Галиции и местными украинофилами при поддержке тогдашнего губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича и чешской администрации. Активная деятельность «Просвиты», направленная на «пробуждение» у местного русинского населения отсутствовавшего у него в то время украинского самосознания, вызвала решительное противодействие русофилов. В 1923 г. в противовес «Просвите» русофилы создали культурное общество имени А. Духновича, объединившее русофильски настроенную часть интеллигенции Подкарпатя.

Зарождение и растущее влияние украинского культурного фактора в Подкарпатской Руси, представлявшего собой совершенно новое явление, ранее неизвестное местному населению, в условиях межвоенной Чехословакии было вызвано несколькими обстоятельствами. В первую очередь это было связано с влиянием соседней Галиции. Неудачный исход борьбы Западно-украинской Республики (ЗУНР) с Польшей и последующее вхождение Восточной Галиции в состав польского государства вызвали массовую эмиграцию галицких украинцев в соседнюю Чехословакию. Пользуясь благоприятным отношением Праги, многие галичане осели на территории Подкарпатя и активно включились в украинскую пропаганду, стремясь «пробудить» у этнически близкого им местного русинского населения украинскую самоидентификацию.

Межвоенная Чехословакия «стала главным европейским центром украинских беженцев. Здесь возникли десятки украинских образовательных и научных структур... Среди беженцев выделялись 4 тысячи солдат Украин-

¹ См. *Svoboda D.* Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // *Slovanský přehled.* 2008. № 4. S. 549.

ской галицкой армии, которые, спасаясь от наступавшей польской армии, отступили в мае 1919 г. на территорию Подкарпатя. Для их размещения был выделен заброшенный лагерь для военнопленных в Немецком Яблоннем². Архивные материалы свидетельствуют о том, что в начале 1930-х гг. официальное количество украинцев, имевших статус эмигрантов в ЧСР, составляло около 6 000 человек. Примерно 30% из них были выходцами из Галиции³. Учитывая то, что в начале 1920-х гг. число украинских эмигрантов-галичан в ЧСР было намного больше, чем в 1930-е гг., и что «идеология украинского национализма в значительной степени формировалась на территории Чехии и Моравии»,⁴ большое влияние украинской интеллигенции из Галиции на ситуацию в Подкарпатской Руси становится очевидным.

По воспоминаниям одного из украинских эмигрантов, «когда в июле 1919 г. полк Крауса из украинской галицкой армии пришел в Подкарпатскую Русь, много галичан осталось здесь на постоянное жительство. Они развернули украинскую пропаганду и учредили общество “Просвита”... Русины-автохтоны объявили себя русским народом и основали общество имени А. Духновича... Русины разделились на два враждебных лагеря, а чехословацкое правительство использовало это разделение, поддерживало и тех, и других, а когда русины начали добиваться автономии, чехословацкие власти отказывали и требовали, чтобы до получения автономии русины пришли между собой к согласию»⁵. Известный общественный деятель Подкарпатской Руси русофил А. Геровский в своих воспоминаниях утверждал, что чехословацкое правительство специально допустило на территорию Карпатской Руси «остатки украинской армии во главе с австро-немецким майором Краусом» с целью украинизации населения Подкарпатя. По сведениям А. Геровского, солдаты и офицеры этой армии в течение многих лет состояли на содержании чехословацкого правительства⁶. Благоприятное отношение Праги к представителям украинского национального движения из Галиции в значительной мере было вызвано напряженными отношениями с Варшавой и стремлением чехословацких властей опереться на галицких украинцев в противостоянии с Польшей. Хотя Чехословакия формально не признала ЗУНР, с конца 1918 г. правительство ЗУНР имело в Праге свое

² Ibidem. S. 548.

³ *Tejcbmanová S.* Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném Československu // *Slovanský přehled.* 1992. № 2. S.184.

⁴ *Svoboda D.* Op. cit. S. 550.

⁵ *Кмітківевич Я.* 1919 рік на Закарпатті. Спогад // Науковий збірник музею української культури в Свиднику. 1969. № 4. С.391.

⁶ *Геровский А.* Борьба чешского правительства с русским языком // Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни / Под редакцией О. А. Грабаря. Том II. Нью-Йорк, 1977. С. 93–124.

неофициальное представительство во главе с профессором С. Смаль-Стоцким, которого позднее сменил К. Левицкий. Более того, правительства Чехословакии и ЗУНР подписали торговый договор, который предусматривал поставки чешского оружия для галицких украинцев в обмен на поставки нефти из дрогобычско-бориславского месторождения. С ведома Праги в армии ЗУНР служили некоторые чехословацкие офицеры, что вызывало болезненную реакцию польских властей⁷. Символично, что ведущие представители и теоретики украинского движения в Подкарпатской Руси, включая филологов И. Панькевича, В. Бирчака и других, были не местными уроженцами, а эмигрантами из Галиции. Со временем украинофилам удалось привлечь на свою сторону часть русинской интеллигенции Подкарпатья.

С самого начала культурные и политические приоритеты украинофилов вызывали острое неприятие и враждебное отношение русинских традиционалистов. Украинофилы настаивали на принятии украинской фонетической орфографии, что вступало в противоречие с традиционной русинской этимологической системой письма, близкой церковнославянскому и русскому литературному языкам. Кроме того, идеологический и культурный облик украинофильского течения в его радикальном галицком варианте предполагал полный и категорический отказ от традиционных русинских ценностей и культурного наследия, отмеченных глубокой русофилией, преклонением перед Россией и русской культурой и верностью идее «единого русского племени от Карпат до Тихого океана». Полная противоположность традиционной русинской и новой для карпатских русинов украинской идеологии создавала питательную почву для постоянного противоборства, приобретающего довольно радикальные формы.

Пропагандируемые украинофилами идеи и ценности воспринимались представителями русофильской русинской интеллигенции как нечто нелепое, чуждое и враждебное. «До войны никто из нас даже не слышал о подобной чудовищности, что мы украинского происхождения... Это украинское чудовище появилось у нас неожиданно, — писала в 1930 г. издававшаяся в восточной Словакии «Народная газета» и с осуждением заключала: — Хотят нас убедить, что нам нет дела до России, ибо мы — русины-украинцы»⁸.

Полемика украинофилов и русофилов, доминировавшая в русинской прессе в течение всего межвоенного периода, затрагивала весь спектр мировоззренческих вопросов, ярко отразив такую особенность традиционного русинского мировосприятия, как приверженность идее восточнославянского единства и историческому наследию Киевской Руси. Русофилы рассматривали Россию как прямую преемницу Киевской Руси, исходя из су-

⁷ *Svoboda D.* Op. cit. S. 540.

⁸ Народная газета. 1930. № 2.

ществования единого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов. Русофильская пресса в Подкарпатской Руси и восточной Словакии поддерживала, развивала и всячески пропагандировала идею общерусского единства, включая «южных русских» и белорусов. «Название “русский” не свойственно только одному великоросскому племени, но в равной мере принадлежит и южноруссам, и белорусам; оно является родовым понятием, объединяющим всю совокупность видовых понятий, — утверждал В. Вилинский в своей статье “Корни единства русской культуры”. — Несмотря на разделение прежде единой русской земли,.. ни в Северо-Восточной, ни в Юго-Западной части ее не забывалось бывшее общим для обеих частей имя Русь»⁹.

Карпатские русины рассматривались местными русофилами как малая, самая западная ветвь общерусского дерева, сохранившаяся только благодаря духовной связи с Россией. «В славянском мире немало есть исторических примеров, когда славянская ветка, занесенная в чужестранную пустыню, погибала в песках, — писал В. К. Могильницкий, представитель союза карпаторусской молодежи “Возрождение” в Праге. — ..Сколь счастливы мы — карпатороссы. И причиной тому является то обстоятельство, что наша веточка все еще держится и питается соками великого русского дерева. Как только мы допустим объявить себя “самостоятельным” племенем, как только оторвемся мы от живительной традиции наших достопамятных предков,.. мы погибнем»¹⁰.

Наибольшим радикализмом в полемике с украинофилами отличалась русинская пресса в восточной Словакии. Если представители украинского течения доказывали «украинскость» русинов, то русинские традиционалисты-руссофилы отрицали само существование украинцев как отдельного народа. Печатный орган Русской Народной партии в Словакии «Народная газета» постоянно публиковал острые полемические статьи, утверждавшие, что украинское национальное движение было не более чем искусственным феноменом, изобретенным в Берлине и Вене с целью расколоть русский народ и ослабить его единство.

Председатель Русской Народной партии в Словакии доктор Мачик, выражая взгляды русофильской интеллигенции, рассматривал Украину только как географическую часть России и отрицал существование отдельного украинского народа. На страницах «Народной газеты» Мачик утверждал, что все украинское движение представляет собой не более чем «предательские устремления определенных кругов» подорвать единство русского народа и подчинить его иноземному игу. «Австрии было невыгодно русское

⁹ Карпатский свет. 1928. № 4. С. 68.

¹⁰ Карпатский свет. 1928. № 1–2–3. С. 32.

самосознание в Галиции, и вот австрийское правительство рука об руку с польской шляхтой... старается создать из русского населения Восточной Галиции особый, отличный от русского, народ с отдельной культурой и особым языком, — писал доктор Мачик. — ...На помощь к этому стремлению приходят иезуиты. Под видом реформы ордена св. Василия поместили там иезуитов, которые старались создать особый язык, всем славянским языкам чуждый, язык украинский, устраивали в Галиции интернаты, в которых воспитывали в желательном для них духе новую интеллигенцию... Доктор К. П. Крамарж сообщает следующий любопытный эпизод: ...он работал в венских архивах, где познакомился с чиновниками министерства народного просвещения. Пригласив одного из них на прогулку за город, он получил отказ и на вопрос, чем же он так занят в министерстве, услышал ответ: “Не могу, мы должны наспех делать украинскую грамматику”. Славянский мир боролся за свободу, а “самостийники” организовывали в Галиции легионы для борьбы против России... Все стремление этой партии (а не народа, ибо особого украинского народа не существует), — резюмировал доктор Мачик, — разбить единство русского народа и подвергнуть его чуждому игу... У нас в бывшей Венгрии не найти ни одного мужика, который бы назвал себя украинцем, а не русским. Здесь у нас не было ни одного писателя, который бы примкнул к украинизму. Украинские стремления чужды каждому нашему мужику. Украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения»¹¹.

Яркой иллюстрацией отношения русинской интеллигенции к украинской пропаганде в 1920-е гг. может служить статья студента Пражского университета Н. Калиняка, который писал в «Народной газете», что «Украина не может представлять собой... краины в национальном смысле, а прямо название это происходит от территорий в юго-западной части России... Как и у других народов, так и в нашем русском народе нашлись юдаши, фарисеи, которые запродали свое русское убеждение за деньги и таким образом появились “лже-украинцы”, купленные за австро-венгерские кроны... Так называемые украинцы должны были удирать со своим атаманом Петлюрой куда кто мог. Этой армии некоторая часть попала в нашу республику, которая их принимала в гости, не зная, кто они такие. Это те же самые, которые на русских позициях убивали чешкословенских легионеров»¹². Редакция «Народной газеты» и русофильски настроенные русинские деятели часто обращали внимание чехословацкой общественности на то, что амбициозные внешнеполитические планы украинских политиков могут со временем поставить под угрозу территориальную целостность Чехословакии

¹¹ Народная газета. 1925. № 3.

¹² Народная газета. 1924. № 1.

и что во время Первой мировой войны украинские военные формирования сражались на стороне Германии, против которой воевали чехословацкие legionеры.

Особое внимание представители русофильского направления уделяли полемике с украинофилами в области истории и филологии, на что была направлена их основная издательская и публицистическая деятельность. Общество им. Духновича издавало большое количество брошюр и популярной литературы, рассчитанной на массового читателя, которая пропагандировала традиционные русофильские взгляды, основанные на идее общерусского культурно-языкового единства, и, опираясь на русофильскую трактовку истории, полемизировала с украинофилами.

Одним из главных направлений публицистической деятельности русофилов было отстаивание культурного и языкового единства всех восточных славян, обоснование тезиса о принадлежности карпатских русинов к единому русскому народу и критика взглядов украинофилов в этом вопросе. «Сохранив основу русской культуры, угророссы при первой же возможности потянулись к общерусской культуре для полного слияния с нею. Национальное пробуждение угророссов во второй половине XIX в. характеризуется именно этими стремлениями... Малая ветвь русского народа в ½ миллиона душ, живущая в неблагоприятных материальных условиях, не может сама развивать самостоятельную культуру. Отстояв свое национальное достоинство от наступавшего мадьяризма,... эта ветвь может развиваться только... восстановив культурное единство с остальной Русью»¹³ — писал представитель русофильского направления Н. Павлович.

Обосновывая необходимость единого общерусского литературного языка для всех восточных славян, Н. Павлович, как и другие идеологи русофилов, ссылаясь на опыт западноевропейских народов. «Вершина русской культуры есть русский литературный язык, общий для всей Руси. Все великие народы имеют один литературный язык, сколько бы наречий не было в их разговорном языке. Так дело обстоит у немцев, французов и других народов, — утверждал Павлович. — При этом у некоторых народов различные наречия отличаются одно от другого значительно больше, чем мы видим это в русском языке... Жители Прованса говорят так, что парижане их совсем понять не могут. Но, тем не менее, литературный язык у французов один, общий для всех ветвей французского народа. Этому общему французскому языку учат во всех французских школах... У нас, русских, тоже есть свой общий всем частям народа литературный язык»¹⁴. Русофилы Подкарпатя постоянно подчеркивали, что в создании и развитии русского литературного языка

¹³ Павлович Н. Русская культура и Подкарпатская Русь. Ужгород, 1926. С. 12–13.

¹⁴ Там же. С. 15.

и литературы принимали участие не только великороссы, но и все остальные «ветви русского народа» в лице малороссов и белорусов, и что русский язык является одним из «главнейших достижений русской культуры»¹⁵.

Большое место в публицистической деятельности русофилов занимала критика украинского литературного языка и истории его создания; при этом русофильские публицисты постоянно указывали на важную роль австрийских властей и польской администрации Восточной Галиции в становлении и распространении украинского языка. Один из наиболее последовательных критиков украинского движения А. М. Волконский, в 1920-е гг. бывший профессором «Pontificum Institutum Orientalium Studiorum» в Риме, в своей брошюре «В чем главная опасность? Малоросс или украинец?», опубликованной Обществом им. Духновича в 1929 г., утверждал, что украинский язык был рожден «в первые годы текущего века при сотрудничестве австрийских канцелярий. Основной мыслью при его выработке было добиться несходства его с русским языком. Потому в словарь его были включены многочисленные польские, немецкие, латинские корни; потому он полон «искусственно, по польским и немецким образцам, придуманных новообразований» (слова Ягича)... Украинский язык гениальное политическое достижение, но филологическое уродство», — резюмировал А. М. Волконский¹⁶.

Однако вину за последующее этнокультурное и языковое размежевание между малороссами и великороссами Волконский возлагал не только на австро-польские козни в Галиции, но и на недалководидную политику Санкт-Петербурга. «Малорусский литературный язык русскому единству не противоречит... На горе России этого в Петербурге многие не понимали: Валувевскими циркулярами загнали естественное малороссийское краелюбие — по ту сторону границы, — утверждал Волконский. — Там, под австрийско-германо-польским воздействием, оно приобрело по отношению к российской империи изменнический оттенок. Тогда и породили украинский язык — орудие расчленения России и русского народа»¹⁷. В своей критике украинского языка и методов его создания русофильские публицисты апеллировали к мнению тех авторитетных ученых-славистов, которые придерживались схожих с русофилами взглядов. Так, критикуя крупного украинского филолога, черновицкого профессора Смаль-Стоцкого и его украинскую «грамматику», изданную в 1914 г. во Львове научным обществом имени Шевченко, один из русофильских публицистов ссылаясь на мнение

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Волконский А. М. В чем главная опасность? Малоросс или украинец? Ужгород, 1929. С. 4–5.

¹⁷ Там же. С. 6.

ведущего авторитета в области славянской филологии профессора Ягича, считавшего украинский язык лишь «тенденциозным экспериментом»¹⁸.

Особое место представители русофильского направления уделяли исследованию происхождения и последующей эволюции термина «Украина» и этнонима «украинец». На основании анализа исторического материала русофильские деятели делали вывод о том, что «никогда ни народа, ни государства с сознанием и наименованием украинского народа, украинского государства, не было. Название “Украина” употреблялось как имя нарицательное, в значении область, край, пограничье... но никогда не служило для обозначения национальной принадлежности... И в эпоху литовско-польскую, и козацко-гетманскую предки малороссов всегда называли себя русскими... и никаких украинцев в современном смысле не знали»¹⁹.

Последовательная и настойчивая пропаганда украинофилами нового для карпатских русинов этнонима «украинец», который они старались распространить среди населения Подкарпатья, воспринималась русофилами как стремление окончательно стереть в сознании местного населения ощущение родства с русским народом, которое отражалось в самоназвании, содержащим корень «рус». «Чтобы выразить стремление к самостоятельности и в самом названии,.. часть малороссов стала употреблять в новейшее время для обозначения своей национальной принадлежности термины “украинец”, “украинский”, чтобы таким образом совершенно уничтожить сознание родства и племенного единства, которое выражалось в общности названия: Русь, русский... Эта тенденция выражена в записке Наукового Товариства им. Шевченко во Львове, которую галицко-украинские деятели в 1915 г. подали австрийскому правительству в подкрепление своего требования переименовать галицко-русское население в “украинцев”, — отмечал русофильский публицист и резюмировал: — Название “украинец” необходимо для того, чтобы внушить малороссам мысль инородчества по отношению к русскому народу, чтобы порвать всякую историческую связь даже в самом названии»²⁰.

Русофилы критиковали украинских публицистов и ученых за то, что они, требуя замены этнонима «русский» термином «украинский», не замечают «или заметить не желают несоблюдения выдвинутого ими самими требования» учитывать общепринятое в науке правило, «согласно которому

¹⁸ Зоркий Н. Доказано ли научно существование вполне самостоятельного «украинского языка»? Ужгород, 1924. С. 11–12.

¹⁹ Панас И. К вопросу о русском национальном имени. (По поводу меморандума галицких украинофилов о замене народного имени «русин» термином «украинец»). Ужгород, 1934. С. 36, 12.

²⁰ Там же. С. 8–12.

всякий народ должно называть таким именем, каким он сам себя называет»²¹. Русофилы здесь имели в виду навязывание этнонима «украинец» малороссийскому населению, которое само продолжало называть себя «русским».

Вместе с тем, говоря о зарождении и развитии сепаратистского движения среди малороссов, многие русофильские публицисты вину за инициирование и поддержку этого процесса возлагали не только на австрийские власти, но и на часть великорусской интеллигенции, которая своей деструктивной деятельностью способствовала отчуждению малороссов и великороссов. «Споры о древности малороссов в Киевской области, о вопросе, кто создал первую русскую историю и литературу, обострившиеся в 1850-х годах, когда против Максимовича и других малороссов выступили Срезневский, Лавровский и особенно Погодин, много содействовали стремлению отдалить как можно больше оба племени, — писал И. О. Панас. — Характерно, что именно великороссы указывали на различия между великороссами и малороссами, в то время как малороссы подчеркивали сходство обоих русских племен»²².

«Грехи Петербурга», способствовавшие эволюции малороссийского самосознания в неблагоприятном для общерусского единства направлении, подчеркивал и А. М. Волконский, упрекавший российские власти в неспособности дать свободу местному говору, что, по его мнению, привело к «обострению самостийных течений»²³. Тем не менее главным фактором развития украинской идеологии, противостоящей идее общерусского единства, русофильские деятели считали политику австрийских властей в Восточной Галиции, которая, по мнению некоторых русофилов, была в мягкой форме и с некоторыми модификациями продолжена Прагой в отношении карпатских русинов.

Представители русофильской интеллигенции крайне негативно воспринимали любые проявления общественно-политической активности украинцев и болезненно реагировали на факты поддержки украинофилов со стороны чехословацких властей. Так, в 1921 г. союз подкарпатских студентов «Возрождение» в Праге направил правительству Чехословакии меморандум, в котором выражал протест против перенесения украинского университета из Вены в Прагу и призывал чехословацкие власти создать вместо этого русский университет²⁴.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 6–7.

²³ Волконский А. М. В чем главная опасность? Малоросс или украинец? С. 3.

²⁴ Státní Ústřední Archiv (SÚA), fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

Активнейшее участие в полемике с украинцами принимали москвофилы Галиции, прекрасно информированные о развитии украинской идеологии на галицких землях и о роли австрийских и польских властей в этом процессе. В октябре 1926 г. орган галицких москвофилов львовский «Русский голос» опубликовал пространную статью о патриархе украинской историографии и крупном украинском политике М. С. Грушевском, доказывая, что научные проекты Грушевского полностью соответствовали политическим интересам Австро-Венгрии и координировались из Вены. «М. С. Грушевский являлся учеником историка В. Б. Антоновича, поляка по происхождению, неумолимого врага русской державы. Кандидатура его на Львовскую кафедру была принята Веней и поляками по рекомендации последнего»²⁵, — писал «Русский голос». При поступлении на австрийскую службу в качестве профессора Львовского университета Грушевский «обязался проводить в жизнь заранее выработанную в Вене сложную политическую программу, имевшую в виду втянуть не только правобережную, но и левобережную Малороссию в сферу влияния придунайской монархии... Задачей миссии Грушевского во Львове явилась работа в трех направлениях: 1) Создать украинский литературный язык, возможно менее похожий на русский. 2) Переделать историю Малороссии так, чтобы она перестала быть частью истории русского народа. 3) Образовать ядро украинской интеллигенции с таким умонастроением, при котором она считала бы Россию «великою тюрьмою народов»²⁶. Москвофилы признавали, что Грушевский взялся за дело «с необычайным рвением» и за 20 лет своей деятельности во Львове сумел достичь «громких результатов». Давая оценку научным изысканиям патриарха украинской историографии, «Русский голос» писал: «Вряд ли в исторической науке можно подыскать другой пример столь наглого и бессовестного извращения истории, какой представляют собою исторические труды М. С. Грушевского»²⁷.

* * *

К украинофильскому направлению в Подкарпатской Руси относилась часть местного грекокатолического духовенства, а также левые политические партии в лице социал-демократов и коммунистов, которые, расходясь в политических вопросах, были едины в трактовке местного восточнославянского населения как части украинского народа.

²⁵ Русский голос. 10 октября 1926. № 174.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Украинофильское течение среди русинов было намного моложе русофильского и, в отличие от русофилов, не могло опираться на традиционное русинское культурное наследие по причине его русофильского характера. Главным преимуществом украинофилов было их обращение к «естественному праву» и к очевидной близости карпатских русинских диалектов к украинскому языку, что позволяло считать русинские говоры частью украинского языка. В интерпретации украинских активистов в Подкарпатской Руси это означало в первую очередь «право народа на создание своей собственной литературы на родном наречии»²⁸.

Стремясь к историческому обоснованию украинофильских идей, представитель украинофилов филолог из Галиции В. Бирчак писал, что если русское направление подкарпатской литературы опирается на русофильские традиции будителей XIX века, то украинофилы продолжают традиции XVII и XVIII веков, когда среди русинов появились «произведения в основном религиозного характера, написанные на разговорном народном языке»²⁹. Начало противостояния русофилов и украинофилов Бирчак относил еще к 60-м годам XIX века, когда в карпаторусском журнале «Свет», издававшемся на карпаторусском «язычии» (т. е. на смешанном русско-церковнославянском языке) было опубликовано письмо в редакцию, автор которого под псевдонимом «верховинец» критиковал «непонятный» язык «Света» и требовал, чтобы журнал был написан «по-нашему»³⁰.

Если русофилы ссылались на авторитет профессора Ягича, настроенного критически по отношению к украинскому языку, то украинофилы постоянно апеллировали к мнению тех ученых-славистов, которые считали русинские говоры диалектом украинского языка. Этой точки зрения придерживались не только украинские филологи, но и авторитетные чешские слависты, включая академика Нидерле. Позиция украинофилов в известной степени отражала растущее осознание частью русинов своего языкового и этнического родства с украинцами, национальная идеология которых, однако, была абсолютно несовместима с традиционным русинским мировоззрением и системой ценностей.

В своей практической деятельности, направленной на «прививку» украинского самосознания русинскому населению, идеологи подкарпатских украинофилов стремились учитывать приверженность местного населения сложившемуся культурному наследию. Немедленное введение украинского фонетического алфавита, который значительно отличался

²⁸ *Birčák V. Dnešní stav podkarpatské literatury // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě. 1936. S. 193.*

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Ibidem.*

от традиционного русинского, было проблематично. Осознавая это, более умеренная часть украинофилов прибегла к тактике постепенной украинизации местного населения с учетом его культурного своеобразия, что в целом нашло поддержку у чехословацких властей. Так, «Грамматика» для местных школ была написана филологом из Галиции Панькевичем, который, тем не менее, ориентировался на местные диалекты и использовал традиционный этимологический алфавит как более привычный для местного населения. Вместе с тем подкарпатские русины рассматривались Панькевичем и другими украинскими идеологами как этнографическая разновидность украинцев, своеобразие которой было продуктом как исторического развития, так и местных географических условий. «Подкарпатская Русь в этническом и языковом отношении является частью украинской языковой группы, дальше всего выступающей в юго-западном направлении, — писал И. Панькевич. — ...Историческое развитие выделило язык подкарпатских русинов в особую группу в славянской семье... Горная среда обитания всегда тормозила темпы языковых процессов... Язык подкарпатских русинов представляет собой один из диалектов украинского языка»³¹.

«Грамматика» Панькевича, задуманная как промежуточный шаг и своего рода тактический маневр в процессе перехода к украинскому фонетическому алфавиту, достаточно успешно сыграла отведенную ей роль. Учебник, автором которого был другой влиятельный представитель украинофилов В. Бирчак, пытался перебросить мост от традиционных русинских к новым украинским ценностям, помещая в одном сборнике стихи убежденного русофила Духновича, отрицавшего существование украинского народа, и стихи украинских поэтов. Подобное соседство выглядело крайне неестественно и высмеивалось русофилами. Участники юбилейного собрания русофильского культурно-просветительского общества имени А. Духновича, состоявшегося в начале 1929 г. в Ужгороде, констатировали, что «все учительские конгрессы высказывались большинством за преподавание на литературном русском языке. Но... создается поколение языковых, а значит, и культурно-национальных калек. Все это зависит от учебников, которые министерство просвещения, вопреки целому ряду научных отзывов, указывающих на их полное несовершенство, все же нашло уместным не только рекомендовать, но признать единственными для преподавания. Возьмите “Читанку”, составленную господином Бирчаком: там есть несколько стихов Духновича,... а дальше украинские

³¹ Dr. Pankevič I. Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha. 1923. S. 130–131.

авторы с какими-то гетманами, Украинами и пр.»³², — иронизировали представители русофилов.

Одним из наиболее последовательных украинофилов из числа местных русинов — уроженцев Подкарпатя был грекокатолический священник и глава народной партии Августин Волошин, проделавший сложную мировоззренческую эволюцию от яркого противника украинской идеи до убежденного сторонника украинской ориентации. С начала 1920-х гг. Волошин уже был активным украинофилом, хотя еще в 1909 г. он в весьма резких выражениях осуждал «страшную заразу украинизма»³³ в Галиции. Причины столь радикальной смены ориентиров, судя по всему, заключались не только в национальном «пробуждении», в результате которого Волошин осознал себя украинцем, но и в конъюнктурных соображениях.

Органом местных народовцев-украинофилов была издаваемая Волошиным и украинофильским грекокатолическим духовенством Подкарпатя еженедельная газета «Свобода», которая первоначально использовала традиционное русинское «язычие» с ориентацией на местные диалекты, постепенно вводя все больше элементов украинского литературного языка. «Свобода», выступавшая с позиций воинствующего грекокатолицизма, настойчиво пропагандировала идею культурной и языковой особенности русинов от великороссов, одновременно проводя мысль о тождественности русинов и украинцев. Если русофилы исходили из существования единой общерусской культуры и единого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов, то украинофилы изображали Россию исключительно в роли врага и всячески подчеркивали культурно-языковые различия между великороссами и малороссами, постепенно заменяя термин «малоросс» этнонимом «украинец».

«Мы не стремимся к какому-то панскому, но чужому нам змосковщеному язычию... Мы знаем, что история уже давно развела нас и великороссов и что объективная наука это признала, — писала «Свобода» в феврале 1923 г. — Царская централизованная политика России стремилась подчинить нашу культуру, остановить развитие нашего языка. Царская Россия о нас не заботилась. После 1849 г. она могла бы легко обеспечить нам народную свободу, но этого не сделала, так как это не служило целям централизации»³⁴.

Основной пафос волошиновской «Свободы» был направлен против русского литературного языка и его использования в Подкарпатской Руси; при этом всячески подчеркивалась чуждость и непонятность русского язы-

³² Карпатский свет. 1929. № 5(15). С. 615-616.

³³ Болдижар М. Закарпаття між двома світовими війнами: факти, події, люди, оцінки. Ужгород, 1996. С. 93.

³⁴ Свобода. 18 февраля 1923. Число 6.

ка местному населению. Так, сообщая о заседании «Просветительского комитета» в Ужгороде в феврале 1923 г., на котором выступавшие говорили по-русски, «Свобода» заостряла внимание на том, что собравшиеся на заседание русины «не понимали ни единого слова» и требовали «толмача». «Мы не хотим украинизацию, но протестуем против того, чтобы “наши просветители” говорили по-московски»³⁵, — цитировала «Свобода» реплики участников мероприятия из числа местных жителей. Сам А. Волошин часто выступал на страницах «Свободы» в роли публициста, пропагандируя украинские идеи и национальные символы среди русинов. «Сине-желтое знамя с давних пор было знаком нашей народной индивидуальности... Наш народ очень любит эти цвета. Синее небо и золотой колос — это радость и утеха для земледельца, — писал 13 декабря 1923 г. в одной из своих статей А. Волошин и тут же, опровергая собственное утверждение о “всемирной” любви к этим цветам, продолжал: — Нашлись больные, глупые или злые люди, которые против этого знака посмели выступить... При въезде нового губернатора... (речь идет о втором губернаторе Подкарпатской Руси А. Бескиде, который сменил на этом посту Г. Жатковича. — *К. III*.) они разорвали наш флаг и даже ввергли его в болото... То же самое сделали прихвостни реакции и в Мукачехе»³⁶.

Стремясь всячески дискредитировать своих оппонентов-русофилов и все, связанное с Россией, украинофилы часто обвиняли русских в связях с мадьярами. «Ряд российских генералов, офицеров, отставных политиков... получают периодическую финансовую поддержку от мадьярского правительства, — сообщала “Свобода” в июне 1923 г. — В Будапеште есть... войсковая миссия генерала Врангеля, официально признанная мадьярским правительством. Эмигранты-монархисты из России находят теплый прием у мадьярской интеллигенции, особенно приближенной к урядовым кругам»³⁷. Данные упреки украинофилов имели под собой определенные основания. Любопытно, что о теплом приеме, оказанном ему в Венгрии, вспоминал позднее А. И. Деникин. «Не раз в Венгрии мне пришлось встречаться с бывшими врагами, участниками войны... и всегда эти встречи были искренно радостны. Особенно дружелюбное отношение проявили к нам офицеры... 38-й гонведной дивизии, с которой судьба несколько раз столкнула на полях сражений Железную дивизию, — писал А. И. Деникин. — В Первой мировой войне сохранялись еще традиции старого боевого рыцарства»³⁸.

³⁵ Свобода. 25 февраля 1923. Число 7.

³⁶ Свобода. 13 декабря 1923. Число 48.

³⁷ Свобода. 6 июня 1923. Число 21.

³⁸ Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 339.

Со временем язык «Свободы» становился ближе к нормам украинского литературного языка. Отдельные авторы, публиковавшиеся в «Свободе», среди которых был известный украинофил М. Брацыйко, писали свои статьи на чистом украинском литературном языке. Наряду с этим, «Свобода» все более последовательно и открыто заявляет об «украинскости» карпатских русинов. «Мы, русины, племя малорусское, которое сейчас называется украинским, — просвещала «Свобода» своих читателей в 1929 г. — ...Царизм при помощи всего административного аппарата и преследований... не смог русифицировать русинов-украинцев на Украине. В еще меньшей степени это может получиться у некоторых наших русификаторских обществ»³⁹. Объектом постоянных нападок «Свободы» были русофилы восточной Словакии. Печатный орган партии Волошина часто обвинял «кацапов Пряшевщины» в приверженности «духу царславного православия»⁴⁰ и в незнании истории и литературы своего народа.

Лагерь украинофилов был неоднороден. Наряду с более умеренными грекокатолическими кругами во главе с Волошиным, которые не желали сразу рвать с традиционным русинским «язычием» и этимологическим письмом, склоняясь к постепенному распространению украинской идентичности среди местного населения, существовали радикальные украинофилы в лице коммунистов, которые выступали за немедленное введение украинского литературного языка. Именно коммунистические газеты были одними из первых в русинском культурном пространстве, отказавшимися от традиционного этимологического письма и ставшими использовать украинский фонетический алфавит⁴¹. «Весь украинский народ пишет фонетикой (т. е. так, как говорят)... Сохранение этимологии отделяет нас от всего украинского народа, — писала «Карпатська правда» в январе 1927 г. — Это нужно не нам, а чешской буржуазии, которая хочет нас изолировать и чехизировать»⁴². Кроме того, коммунисты уже в 1920-е гг. постоянно употребляли термин «Закарпатская Украина» вместо общепринятого тогда названия «Подкарпатская Русь».

Более последовательная в своей «украинскости» коммунистическая «Карпатська правда», с середины 1920-х гг. издававшаяся на литературном украинском языке, обвиняла Волошина и прочих «попов» в недостаточно четкой национальной ориентации, а также в прислуживании «чехизаторам» и «русификаторам». «Попы-народовцы из «Свободы» выслуживаются перед

³⁹ Свобода. 21 февраля 1929. Число 8.

⁴⁰ Свобода. 29 августа 1929. Число 35.

⁴¹ Штець М. Боротьба за літературну мову українців Східної Словаччини у 1919–1945 рр. // *Oktober a ukrajinská kultura*. Prešov, 1968. S. 284.

⁴² Карпатська правда. 2 січня (января) 1927. Число 1.

чехизаторами. Утверждение, что принципом “Свободы” является писать чистым народным языком — неправда, — заявляла «Карпатська правда». — Читайте “Свободу” и вы найдете там... массу церковнославянизмов, словакизмов, чехизмов и русизмов... Придерживаясь этимологии, сам Волошин поддерживает тех... реакционеров, которые до сих пор мечтают о единой неделимой матушке-России. Наша этимология не отличает нас от российской этимологии, на которой держится вся российская реакция. Тем самым Волошин и иже с ним поддерживают и оправдывают не только чехизаторские, но и русификаторские эксперименты»⁴³.

Обвинения коммунистов в адрес волошинцев в поддержке «русификаторов» были явно незаслуженными, поскольку враждебное отношение к русскому языку и культуре было примерно в равной степени присуще как коммунистическим, так и грекокатолическим украинофилам. Презрительные эпитеты «русопьяты», «реакционеры», «кацапы», «москальчуки» и пр., употреблявшиеся в качестве синонимов, нередко появлялись как на страницах грекокатолической «Свободы», так и коммунистической «Карпатської правды». Однако даже наиболее последовательные сторонники украинской ориентации в лице коммунистов были вынуждены фактически признать, что украинский литературный язык не был полностью понятен подкарпатским русинам. Так, украинские названия месяцев и некоторые другие непонятные русинам украинские слова редакция «Карпатської правды» дублировала в скобках традиционными русинскими названиями, приучая русинов к литературному украинскому языку.

Обвиняя русофильское направление в стремлении «русифицировать» Подкарпатье, коммунисты вместе с тем утверждали, что введение плохо понятного местному населению русского языка способствует политике чехизации Подкарпатской Руси. «Русификация помогает, а украинизация препятствует чехизации»⁴⁴, — писала «Карпатська правда». В свою очередь, представители русофилов указывали на то, что введение в Подкарпатской Руси украинского языка, находящегося в стадии становления и не имеющего за собой, в отличие от русского языка, глубокой, стабильной и богатой литературной традиции, облегчает чешским властям денационализацию карпатских русинов.

В поэтической форме суть воззрений русинских украинофилов эмоционально выразил один из первых украиноязычных поэтов Подкарпатье Василь Гренджа-Донський, который в своем стихотворении «Мы украинцы», написанном в 1927 г., с гордостью провозглашал «украинскость» карпатских русинов:

⁴³ Карпатська правда. 2 січня (января) 1927. Число 1.

⁴⁴ Карпатська правда. 21 липня (юлій). 1929. Число 7.

*Чи ми є, ми не ганьбимося,
Знайте: ось чий ми сини:
Ми українцями звемося!
А не «руснацькі русини».*

Мировоззренческое противоборство русофилов и украинофилов затронуло и многочисленную русинскую диаспору в Северной Америке. Активным и убежденным противником украинофилов и украинской пропаганды был популярный среди американских русинов «Американский Русский Вестник», орган влиятельного «Соединения Грекокатолических Русских Братств». «Здесь украинские газеты тенденциозно называют нас прикарпатскими украинцами, а нашу родную землю “Прикарпатской Украиной”. Мы очень хорошо знаем те не столь давние времена, когда все нынешние украинцы назывались галицийскими руснаками и понятия не имели о том, что значит слово украинец, — с иронией писал “Американский Русский Вестник” в феврале 1930 г. — Мы знаем, что украинизм есть творение немецкой политики, которая не хотела, чтобы подкарпатский и галицийский русский народ объединился и... добился свободной национальной жизни. Немецкая политика и гроши сотворили в Галиции украинизм на стыд и поругание русского народа»⁴⁵.

Касаясь собственной позиции в полемике русофилов и украинофилов, «Вестник» подчеркивал, что «газета наша, как орган нашей русской организации, всегда будет на страже и... энергично выступит против тех, кто ... против воли народа нашего переменить бы хотел наше честное русское имя... Мы русский народ..., наш язык русский, наша культура, наш дух, наши традиции суть русские... Есть среди нашего народа в старом краю несколько украинских авантюристов... Волошин, Брацайко и их компания могут быть уверены, что рак украинизма никогда не расширится на теле русского народа... Мы русские люди... и сие наше имя никогда не изменим на украинцев»⁴⁶.

* * *

В своем соперничестве с русофилами украинофилы опирались на благоприятное отношение и поддержку со стороны официальных кругов. Открытая поддержка украинофилов чехословацкими властями проявилась в их отношении к русофильскому обществу имени А. Духновича и к украинофильскому обществу «Просвита». В 1930 г. правительство Чехословакии

⁴⁵ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 27, 1930. № 9.

⁴⁶ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. August 29, 1929. № 34.

выделило «Просвите», оказавшейся в тяжелом финансовом положении, один миллион крон помощи. Комментируя этот факт, «Народная газета» утверждала, что без правительственной поддержки украинцы в Подкарпатской Руси не имели бы никаких шансов на выживание. «Удивляемся, почему чехословацкое правительство не предоставит украинцев своей судьбе, — говорилось в заметке с характерным названием “Бальзамирование трупа”, опубликованной в “Народной газете”, — без его помощи давно бы об украинцах на Подкарпатской Руси не было бы и помину. Поведение правительства, поскольку оно не проявляет равной щедрости по отношению к русско-культурно-просветительскому обществу “Александр Духнович”, не может рассматриваться иначе как пристрастие к украинизму»⁴⁷. О щедрой материальной помощи чехословацкого государства «Просвите» с самого начала ее деятельности с благодарностью писал И. Панькевич⁴⁸.

В отличие от украинофильской «Просвиты», созданное в противовес ей русофильское общество имени А. Духновича пользовалось гораздо меньшей материальной поддержкой чехословацких официальных кругов. Примечательно, что в начале 1920-х гг. президент Масарик передал на нужды общества «Просвита» 100 000 крон, в то время как общество имени Духновича получило от него всего 50 000, т. е. в два раза меньшую сумму⁴⁹. Заинтересованность Масарика в материальной поддержке «Просвиты» проявилась с самого начала ее создания. Так, в документе, направленном чехословацкому правительству в мае 1921 г. сразу после отставки Г. Жатковича с поста губернатора Подкарпатской Руси, Масарик указывал на необходимость материальной помощи «Просвите». В этом же документе Масарик писал, что «Просвита» уже получила от правительства 25 000 крон, но ей необходимо 200 000⁵⁰.

Русофилы, почувствовав в «Просвите» идейного оппонента, с самого начала воспринимали ее деятельность как попытку украинизации русинского населения. «Товарищество “Просвета” есть не культурное общество, а политическое, посредством которого украинствующие Брацайки, Волошины... хотят построить “самостийну Украину” на нашей русской земле, — комментировала в январе 1923 г. цели “Просвиты” прешовская газета “Русь” — ...Панове “украинцы”! Не забывайте, что вы уже не в Австрии... Лучше всего будет, если вы поставите крест на “Питкарпатську Украину” и вернетесь назад до Галиции»⁵¹.

⁴⁷ Народная газета. 1930. № 3.

⁴⁸ Dr. Pankevič I. Spolek „Prosvita“ v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... S. 300

⁴⁹ Карпатский свет. 1930. № 1–2. С. 772.

⁵⁰ Archiv Ústavu T.G. Masaryka (AÚTGM), fond T.G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.

⁵¹ Русь. Пряшев, дня 4 января 1923. Год III.

Несмотря на преференции украинофилам со стороны Праги, русофильское общество имени Духновича, основанное в 1923 г., в целом пользовалось значительно большей поддержкой среди местного русинского населения, чем украинофильское общество «Просвита». Так, в середине 1930-х гг. общество «Духнович» имело 315 общественных читален и насчитывало 21 000 постоянных членов, в то время как в распоряжении «Просвиты» было 223 читальни и около 15 000 членов⁵². Однако данные цифры свидетельствуют одновременно и о колоссальном прогрессе украинофильского течения, учитывая, что изначально украинская самоидентификация была практически неизвестна местному русинскому населению. Сильной стороной украинофилов, привлекавшей к ним симпатии социально активных слоев населения, в первую очередь молодежи, было их внимание к насущным социально-экономическим вопросам, особенно актуальным в Подкарпатской Руси.

Рост украинского культурного влияния был тесно связан не только с деятельностью украинофильской части грекокатолического духовенства, но и с усилением местных коммунистов, являвшихся самой популярной партией в Подкарпатской Руси, население которой страдало от многочисленных социально-экономических проблем. С середины 1920-х гг. местные коммунисты, подчиняясь партийной дисциплине (в соответствии с решениями международного коммунистического движения все русины были признаны украинцами), стали сторонниками украинского направления и одними из первых приступили к изданию своих периодических изданий на украинском литературном языке. Если галицкие эмигранты в своей украинизаторской деятельности опирались на поддержку государственных структур Чехословакии и на помощь из соседней Галиции, то проукраинская пропаганда коммунистов поддерживалась всей мощью международного коммунистического движения во главе с СССР. Власти Советской Украины, где в то время также проходила кампания украинизации, принимали самое деятельное участие в разработке и реализации механизма украинизации русинского населения Подкарпатья.

В январе 1926 г. на совещании представителей компартии Украины, галицкой краевой организации компартии Польши и подкарпаторусского комитета компартии Чехословакии обсуждался вопрос украинизации русинов и активизации коммунистического движения в карпатском регионе с последующим присоединением Галиции и Подкарпатской Руси к Советской Украине. В ходе совещания «было принято решение о том, что Украина будет нелегально, по линии Коминтерна, обучать в Харьковском коммунистическом университете имени Артема русинов-коммунистов украинскому языку

⁵² См. *Dr. Nedzelskij E. Spolek A. V. Duchnovyče; Dr. Pankevyč I. Spolek „Prosvita“ v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání...* S. 298–300.

и методам нелегальной коммунистической деятельности. Одновременно, компартия Украины будет финансировать двуязычную газету “Карпатская правда” (издаваемую на венгерском и русинском языках), но с непреложным условием, чтобы в дальнейшем эта газета издавалась только на украинском языке. Поскольку в Подкарпатской Руси не было среди местного населения человека, который бы знал украинский язык и справился бы с должностью редактора украиноязычной газеты, то из Галичины в Ужгород был направлен галичанин-коммунист О. Бодан»⁵³.

Нарком просвещения и один из главных идеологов кампании украинизации в УССР М. Скрипник был удовлетворен украинизаторской деятельностью коммунистов в Подкарпатской Руси. В своей статье в журнале «Знамя марксизма» в 1928 г. Скрипник несколько поспешно констатировал «полный переворот взглядов» местного населения, которое, по его словам, «возродилось» и стало действительно «осознавать себя украинским»⁵⁴. В своей статье Скрипник отводил коммунистам ведущую роль в украинизации Подкарпатя, с удовлетворением отмечая, что в национальном вопросе компартия заставила пойти за собой не только социал-демократов, но и некоторые москвофильские и клерикальные организации. Примечательно, что в своей статье Скрипник с видимым удовольствием цитировал клерикальную грекокатолическую «Свободу» А. Волошина, в которой один из ее читателей подчеркивал необходимость принятия фонетического украинского правописания и борьбы с «москализмами» в языке. Именно этот пассаж из «Свободы» пришелся по вкусу идейному вождю украинских коммунистов и вдохновителю кампании украинизации в УССР⁵⁵.

Украинофилы Подкарпатя, таким образом, располагали несравнимо большими материальными ресурсами, чем русофилы, опираясь не только на галицких эмигрантов, поддерживаемых чехословацкими властями, но и на мощное коммунистическое движение во главе с СССР. Поддержка украинофилов Подкарпатя со стороны советских властей резко критиковалась русофилами. «Выходит на Подкарпатской Руси коммунистическая газета “Карпатская правда”, которая до 1924 г. печаталась по-русски, но позже из Харькова было получено приказание печатать ее по-украински, — писал “Карпаторусский голос”. — Эту газету никто не читает... между обывателями из-за украинского языка она не находит отзыва. Мы удивляемся, что на советские деньги на Подкарпатской Руси ведется украинская политика»⁵⁶.

⁵³ *Годьмаш П., Годьмаш С.* Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород, 2003. С. 86.

⁵⁴ *Скрипник М.* Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. № 1 (2). С. 230.

⁵⁵ Там же. С. 219.

⁵⁶ Карпаторусский голос. 18 января 1933. № 12.

По иронии судьбы, Россия, к которой постоянно апеллировали русинские русофилы, трансформировавшись в СССР, энергично содействовала искоренению традиционного русофильского самосознания русинов и его замене на украинское.

Русинские деятели вообще обращались к теме СССР довольно часто и, как правило, в очень критическом ключе. За исключением коммунистической «Карпатской правды», освещавшей все происходящее в Советском Союзе только в розовых тонах, остальная русинская пресса была настроена в отношении к СССР крайне негативно. Объектом критики была не только национальная политика в СССР, составной частью которой являлась кампания украинизации в УССР в 1920-е гг., но и советская идеология в целом, а также социально-экономический курс советского руководства. «Одна шестая часть земной суши, занятая еще недавно Российским государством, в настоящее время носит название... “СССР”. Но произошла не только перемена в названии, а произошла коренная перемена в сущности... во всех отношениях общественной жизни и быте народном, — писал «Карпаторусский голос». — В настоящее время над русским народом... производится опыт наподобие опытов над животными, производимых в медицине и носящих там название “вивисекции”. Опыт, проводимый чуждыми народу людьми... опыт бесконечно тягостный... 14 лет происходит этот опыт и 14 лет тягчайшие страдания испытывает русский народ под игом коммунистов»⁵⁷.

Особое неприятие русинских публицистов вызывала крестьянская политика Москвы. «В России коммунисты обещали селянству землю, но когда пришли к власти, забрали самые лучшие владения в свои руки и сделали из них государственные хозяйства (совхозы), которыми управляют комиссары и относятся к селянству хуже, чем прежние помещики»⁵⁸, — писал в январе 1926 г. орган республиканской земледельческой партии в Подкарпатской Руси «Карпаторусский вестник». «Коммунистическая партия... есть коренным неприятелем земледельца, ей нужно его большинство и его сила только для приобретения власти, — утверждал «Карпаторусский вестник», критикуя СССР и одновременно полемизируя с местными коммунистами. — Как только коммунистическая партия этой власти достигает (например в России), то она уже не нуждается в мирном селянском обывателе... и начинает его ужасно притеснять, дерет из села 20 шкур для того, чтобы насытить и обогатить свою лингарско-жидовскую армию и своих городских агитаторов»⁵⁹.

Русинская пресса очень подробно информировала о негативном опыте тех, кто побывал в Советском Союзе. «На днях возвращается из России коло-

⁵⁷ Карпаторусский голос. 1 мая 1932. № 1.

⁵⁸ Карпаторусский вестник. 7 января 1926. № 2.

⁵⁹ Карпаторусский вестник. 12 февраля 1926. № 7.

ния из 30 коммунистических семей из Годонина... которые в прошлом году уехали в “советский рай” искать лучшую долю, — говорилось в заметке “Торькое возвращение колонистов из коммунистического рая”. — Большевики сделали своим лингарско-жидовским управлением в России полный развал всей экономической жизни. Селянству живется в России хуже, чем во всех других странах»⁶⁰. Русинская пресса пристально следила за внутривнутриполитической обстановкой в СССР, особенно выделяя примеры сопротивления населения властям. Так, 3 января 1933 г. «Карпаторусский голос» со ссылкой на консульское донесение из Ростова-на-Дону сообщал о крупном антисоветском восстании кубанских казаков у станицы Тихорецкая, которое было подавлено, участники казнены, а 18.000 местных жителей были высланы на север⁶¹.

Крайне негативно русинские деятели отзывались о кампании украинизации, которая активно проводилась властями Советской Украины в 1920-е гг. Особую критику русинов вызывали насильственный и жесткий административный характер украинизации, а также личность одного из главных советских «украинизаторов» Л. М. Кагановича. Сворачивание украинизации в начале 1930-х гг. было положительно воспринято общественным мнением Подкарпатской Руси, в то время как украинская пресса Галиции с возмущением отреагировала на данный поворот в политике Кремля по отношению к УССР. Издававшаяся во Львове газета «Вперед», орган украинской социал-демократической партии, реагируя на смерть главного идеолога советской украинизации Скрипника, обвиняла Москву в окончательном переходе на позиции «собиранья русских земель» и в полной утрате интереса к «игре в украинскую государственность», и без того предназначенной главным образом «на экспорт»⁶². Негодуя по поводу «русотяпского курса московского центра», украинская пресса в Галиции связывала со смертью Скрипника начало «беспощадного похода московского империализма на Украину» и клеймила «харьковских русотяпов» за то, что «жертвами их террора» были в основном работавшие или учившиеся в УССР выходцы из Галиции и Волыни⁶³.

Со временем русофилы были вынуждены признать рост популярности украинофилов в Подкарпатской Руси. В 1931 г. орган общества им. Духновича «Карпатский свет» заявлял, что «если принять во внимание исключительную материальную и моральную поддержку украинского движения со стороны некоторых высших инстанций, то можно сказать, что попыт-

⁶⁰ Карпаторусский вестник. 5 марта 1926. № 10.

⁶¹ Карпаторусский голос. 3 января 1933. № 2.

⁶² Вперед. Львів, серпень 1933. Число 3.

⁶³ Там же.

ка украинизации потерпела полное поражение». Но одновременно с этим «Карпатский свет» выражал сожаление в связи с тем, что все должности в сфере народного образования всецело находятся «в руках украинствующих; реальная гимназия, учительская семинария в Ужгороде воспитывают исключительно в украинском духе; кроме того и в других средних школах имеются преподаватели украинского направления, не желающие подчиняться воле большинства... Поощрение украинизации школы и населения... затронуло уже наше семейное благополучие. Дети восстают на родителей... Русские учителя! Мы призываем Вас вводить русские учебники и обучать по ним детей... — взывал «Карпатский свет». — Господа редакторы!.. Русские люди! Вы сами должны стремиться придать Вашим городам и селам русский вид... Братья Чехи и Словаки! Мы надеемся, что Вы признаете законность наших требований»⁶⁴. Это эмоциональное обращение, в котором отчетливо проступали нотки отчаяния, было фактическим признанием успехов украинофилов, противоречившим предыдущему утверждению о полном банкротстве украинского движения.

Противостояние русофилов и украинофилов временами выходило за рамки идеологических дискуссий и газетной полемики, принимая форму открытого террора против оппонентов. Особую склонность к подобному методу выяснения отношений демонстрировали галицкие национальные радикалы. Так, 1 июня 1930 г. во время празднования «Дня руськой культуры» в ужгородском театре студент Ф. Тацинец, идеологически «обработанный» и подготовленный галицкой политэмигранткой Ст. Новакивской, преподававшей в ужгородской гимназии, открыл стрельбу из револьвера по профессору той же гимназии престарелому о. Е. Сабову. Покушение на Е. Сабова, видного представителя русофильской интеллигенции и автора русофильской грамматики, оказалось неудачным, поскольку террорист от волнения в спешке не смог попасть в свою жертву. На суде «Новакивская признала, что с помощью теракта думала поднять в русинах Подкарпатской Руси националистическое движение против русификации украинского Подкарпатя. В итоге теракт только усилил в Подкарпатской Руси антигалицкий синдром»⁶⁵. Представители украинофилов как из грекокатолического, так и из коммунистического лагеря стремились возложить вину за происшедшее на русофилов. «Покушение, совершенное Тацинцом 1 июня 1930 г... все еще не полностью расследовано... Ясно только то, что провокации, которыми организаторы съезда духовниковцев оскорбляли наше народное направле-

⁶⁴ Карпатский свет. 1931. № 5–7. С. 1208–1209.

⁶⁵ *Годьмаши П., Годьмаши С.* Указ. соч. С. 87.

ние... стали главной причиной, вызвавшей нервозность с обеих сторон»⁶⁶, — писала волошиновская «Свобода».

Тон комментариев коммунистической «Карпатской правды» также свидетельствовал о полном отсутствии симпатий к жертве преступления. «Арестованный Тацинец заявил в полиции, что он хотел убить Сабова как представителя русотяпского направления и как главу общества имени Духновича, поскольку считает, что это политическое направление (т. е. москвофилы) вредит развитию украинского народа в Закарпатье, — писала «Карпатська правда» в статье под названием «Неудачная попытка убить попа Сабова». — ...Мы относимся к данному случаю со всей серьезностью и объясняем происшедшее с нашей пролетарской точки зрения... Внимание привлекает не сам факт неудачного покушения на Сабова, а политическая почва, на которой вырос данный выстрел»⁶⁷.

Попытка убийства Сабова вызвала гневную реакцию русинской общественности в Северной Америке. «Покушение украинского студента на жизнь архидьякона Е. Сабова. Выпущенная пуля потеряла цель и не ранила самого большого патриота Подкарпатской Руси. Разъяренный русский народ хотел линчевать взбесившегося украинского убийцу... Патер Волошин в великом страхе скрывается от гнева народа», — под такими заголовками сообщал своим читателям о трагическом происшествии в Ужгороде «Американский Русский Вестник», особенно подчеркивавший, что Волошин был вынужден признать Тацинца своим воспитанником и допустить существование в Подкарпатской Руси тайной украинской организации под названием «Меч и кровь»⁶⁸. Позже, информируя своих читателей о том, что Тацинец был признан виновным в покушении на жизнь Сабова и получил три года тюрьмы, «Американский Русский Вестник» выражал сожаление по поводу невозможности привлечь к ответственности украинских редакторов и наказать их. По словам «Вестника», украинские журналисты «своими дикими писаниями создают атмосферу покушений и полагают, что за стрельбу в стариков русского убеждения надо давать еще награду»⁶⁹.

Развитие событий в Подкарпатской Руси оказывало самое непосредственное воздействие на положение в восточной Словакии. Рост украинского влияния в Подкарпатской Руси вызывал растущую тревогу у местной русинской интеллигенции. В отличие от русинов Подкарпатья, которые управлялись непосредственно из Праги, словацкие русины зависели от местных словацких властей, которые, опасаясь потенциальной угрозы украинского

⁶⁶ Свобода. 12 июня 1930. Число 24.

⁶⁷ Невдала спроба вбити попа Сабова // Карпатська правда. 8 червня (юнія) 1930. Число 22.

⁶⁸ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. June 26, 1930. № 26.

⁶⁹ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. April 16, 1931. № 16.

сепаратизма, не поддерживали украинофилов. Соперничество русофилов и украинофилов в восточной Словакии протекало поэтому в более естественных условиях.

С тревогой наблюдая за успехами украинского движения в Подкарпатской Руси, русинская интеллигенция в Словакии образовала единый и монолитный антиукраинский фронт, активно препятствуя украинской пропаганде и противодействуя назначению украинофилов на ведущие посты в области образования и культуры. Словацкие власти, информируя чехословацкий кабинет министров о съезде общества грекокатолических учителей Прешовской епархии, состоявшемся 16 апреля 1931 г. в Прешове, сообщали о том, что «участники съезда единодушно высказались против “украинизма” и выслали делегацию к епископу Гойдичу с требованием общества грекокатолических учителей сместить с должностей нескольких влиятельных украинофилов»⁷⁰. Среди лиц проукраинской ориентации, вызывавших особое недовольство русинских учителей восточной Словакии, были названы директор местного учительского института М. Мачевич, профессор учительского института Е. Андрейкович, а также Д. Зубрицкий, Й. Дюлай и Е. Бихари⁷¹.

Почти каждый номер местной «Народной газеты» содержал ярко выраженные антиукраинские полемические материалы, которые изображали украинское направление в роли злейшего врага России, славян и Чехословакии. Русская Народная партия Словакии, издававшая «Народную газету», активно использовала антиукраинскую пропаганду во внутривосточной борьбе и была одной из самых популярных партий среди восточнословацких русинов. «Настало время и для нас, карпатороссов, подводить итоги достигнутому за старый год, — писала “Народная газета” 4 января 1929 г. — Уничтожено сектантство. Враги... старались нас поделить на “руснаков”, “русинов”, “украинцев” и “москалей”... но и на этом грязном поле наш народ вышел с победой... Выиграны выборы — насколько важны окружные и краевые выборы, каждый знает. Тут наш народ проявил изумительную стойкость и, несмотря на происки врагов, держался при своей Русской Народной партии. Теперь в каждом округе и в краевом заступительстве в лице доктора К. П. Мачика и учителя М. Жатковича будем иметь своих защитников. Эти выборы принесли нам пользу ту, — подчеркивала “Народная газета”, — что убит змеиный зародыш украинства и латинизации»⁷².

Корреспондент «Американского Русского Вестника», побывавший в конце 1930 г. в культурном центре словацких русинов г. Прешов, с удовлетво-

⁷⁰ SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150. Úprava národných a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Народная газета. 1929. № 1.

нием отмечал национальную стойкость местных русинов и подчеркивал, что «Пряшев есть и будет русским, а не словацким центром»⁷³. По словам «Вестника», главную роль в сохранении и «процветании русскости» в Прешове играли местные «русские вожди» и «русские профессора», надлежащим образом воспитывавшие русскую молодежь⁷⁴. Полный провал попыток украинской пропаганды в северо-восточной Словакии был поэтому вполне закономерен.

В 1930 г. небольшая группа интеллектуалов — украинофилов во главе с Д. Зубрицким основала в Прешове местное отделение украинофильского общества «Просвита». Однако все попытки основать отделения «Просвиты» в русинских селах восточной Словакии потерпели неудачу и «зарождавшееся украинское движение не смогло получить развития»⁷⁵. Д. Зубрицкий сразу после начала своей деятельности в Словакии оказался в числе тех украинофилов, которые вызвали особое недовольство местной русинской интеллигенции. Съезд общества грекокатолических учителей в Прешове в апреле 1931 г. потребовал смещения Зубрицкого и других видных украинофилов с занимаемых должностей. В известной степени нишу украинофилов в восточной Словакии заняло русинское течение, которое подчеркивало важность местных особенностей активнее, чем русофилы, не отрицая в то же время традиционного культурного наследия русинов.

⁷³ Amerikansky Rusky Viestnik. Homestead, PA. January 15, 1931. № 3.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Magosci P. R. The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. P. 43.

А. А. Смирнов

«СОЦИАЛЬНЫЙ РАСИЗМ» И ДЕИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ КОМАНДНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ В 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

«Как известно, — писал в 1935 г. заместитель начальника 2-го отдела Генерального штаба РККА С. Н. Богомягков, — тактически грамотные командиры — это на 99% — люди с хорошим общим развитием и широким кругозором. Исключения единичны»¹. Мысль о связи между общим развитием командира и его умением эффективно решать боевые задачи проводил и видный русский военный писатель полковник Е. Э. Месснер, когда отмечал в 1938 г., что «офицерство знающее и — *это самое важное — офицерство интеллигентное* (выделено мной. — А. С.) проливает кровь бережно, как искусный хирург, офицерство же неинтеллигентное “пускает кровь” без меры, как цирюльник»². Действительно, недостаток общего развития и обусловленная им *узость кругозора* неизбежно порождают у командира *тягу к шаблону*, не позволяя ему действовать по обстановке. Ведь человек

¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 31 983. Оп. 2. Д. 182. Л. 79. Цитата взята из сделанных Богомягковым 27 ноября 1935 г. заметок к тезисам доклада начальника 2-го отдела Генштаба РККА А. И. Седякина «Об итогах боевой подготовки РККА за 1935 учебный год и о задачах на 1936 г.» Прочитированная фраза, вместе с другими, развивающими содержащуюся в ней мысль, была включена и в сам доклад (подписанный Седякиным 1 декабря, см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 213. Л. 394).

² Цит. по: *Домнин И. В.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // *Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания* (Российский военный сборник. Вып. 17). М., 2000. С. 505.

с небольшим багажом знаний психологически склонен возводить то небольшое, что он знает, в абсолют, смотреть на немногие известные ему сведения как на некую «универсальную отмычку» для разрешения любой проблемы — словом, «держаться устава, яко слепой стены». Именно так командовали, например, в апреле 1932 г. курсанты Среднеазиатской объединенной военной школы, «тактическая подготовка» которых «упиралась, в основном», в «недостаток общей грамотности», в «малограмотность и отсутствие достаточного общего развития». «Шаблон в решениях и в постановке задач, — констатировала проверявшая школу комиссия начальника штаба Среднеазиатского военного округа С. А. Пугачева, — заучивание подаваемых команд и приказных формулировок при недостаточном их осмысливании и недостаточно гибком приложении их к конкретным условиям реальной обстановки»³. Писательница М. С. Шагинян фактически очертила требования к командиру, когда отметила в 1933 г., что от начальника политотдела МТС требовалось «суметь очень быстро, толково и правильно найти один из миллиона способов, отличающийся от остальных девятиста девяти тысяч, которым легче и лучше всего надлежало бы руководить в данном месте и при данных условиях, отличных от других мест и условий. А эта гибкость и способность ориентации [...] зависит в очень большой мере от степени интеллигентности начальника политотдела»⁴. Вовсе не случайно, что успешными действиями финских войск в ходе «Зимней войны» 1939–1940 гг. в Приладожской, Средней и Северной Карелии руководили офицеры, которые «не только получили хорошую военную подготовку, но и принадлежали к интеллектуальной элите страны», были «людьми разносторонними»⁵ и способными поэтому легко переключаться на поиск нового, соответствующего вновь сложившейся обстановке решения. Это начальник генерального штаба финской армии генерал-лейтенант К. Эш — не только выпускник военной академии, но и ученый-ботаник, известный «проявлением интереса к научным тонкостям»; командующий группой «Северная Финляндия» генерал-майор В. Туомпо, являвшийся еще и «специалистом по истории и филологии»; и последовательно разбивший советские 163-ю и 44-ю стрелковые дивизии командир 9-й пехотной дивизии полковник Х. Сиилавуо — стать «находчивым», «расчетливым и изошренным командиром»⁶ которому явно помогло изучение, помимо военного дела, юриспруденции и опыт ра-

³ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 22. Л. 276, 254, 250.

⁴ Шагинян М. Тайна трех букв (главы из книги) // Шагинян М. Собр. соч. В 9 тт. Т. 2. М., 1971. С. 784. В оригинале значится «отличающИхся», но по смыслу это причастие должно стоять не во множественном, а в единственном числе и не в родительном падеже, а в винительном.

⁵ Энгл Э., Паананен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма. 1939–1940. М., 2004. С. 70.

⁶ Там же. С. 70–73, 162.

боты в Министерстве образования. Именно «повышенный уровень общей интеллигентности» офицеров артиллерии, считал русский военный писатель генерал-лейтенант Б. А. Штейфон, помог им быстрее пехотных усвоить новые тактические требования, выдвинутые русско-японской войной: ведь «для усвоения, конечно, не механического, а идейного, всех этих новшеств требовалась соответствующая психологическая подготовка» (психологическая готовность к новому. — *А. С.*)⁷. А вот воспоминания участников Великой Отечественной И. Г. Кобылянского и А. З. Лебединцева. Решения командовавшего в 1943–1944 гг. нашей батареей старшего лейтенанта Л. Н. Винокурова, пишет Кобылянский, «всегда были взвешенными и своевременными». А ниже замечает, что в беседах с комбатом — бывшим архитектором, чья речь «выдавала в нем образованного горожанина», — он «ощутил широкий кругозор Льва Николаевича». Общий кругозор явно помогал и капитану Салопу — геологу, ставшему на войне начальником штаба полка и учившемуся в 1944 г. вместе с Лебединцевым на курсах «Выстрел». Салоп упорно добивался демобилизации и направления на работу по специальности, и «учеба его интересовала мало». Тем не менее ответы на занятиях этот бывший вузовский преподаватель, кандидат наук, давал «всегда аргументированно»⁸.

Правда, само по себе хорошее общее развитие тактической грамотности не гарантирует; так, командиры полков польской армии, проверенные в 1931 г. виленским армейским инспекторатом, при «значительной интеллигентности» все-таки отличались «некоторой узостью тактического кругозора, особенно поражающей во встречном бою»⁹ (их подводила недооценка военной науки). Но слабое общее развитие (повторим мнение специалиста) — это *99-процентная гарантия* «узости тактического кругозора».

«Хорошее общее развитие и широкий кругозор, — продолжал С. Н. Богомяков, — приобретается всей суммой полученного образования и опыта жизни, и то лишь людьми, которые обладают не менее, чем средними умственными способностями. Невозможно простым натаскиванием внедрить эти качества, какие-либо (так в тексте; должно быть: «какие бы». — *А. С.*) методы мы для этого ни рекомендовали»¹⁰. Значение жизненного опыта и способностей комментариев не требует; что же касается «всей суммы полученного образования», то понятно, что в данном случае важно образование не только и не столько специальное, сколько общее. Больше того, без достаточного

⁷ Штейфон Б. Русско-японская война // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции (Российский военный сборник. Вып. 16). М., 1999. С. 68.

⁸ Кобылянский И. Г. Прямой наводкой по врагу. М., 2005. С. 138, 140, 142; Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М., 2004. С. 215.

⁹ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 102. Л. 170.

¹⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 213. Л. 394. Цитируется по докладу А. И. Седякина от 1 декабря 1935 г. (см. примечание 1).

общего образования тактически грамотного командира в 20–30-е гг. XX в. не могло получиться даже и при наличии жизненного опыта и умственных способностей. В самом деле, к чему можно свести задачи командира в боевых действиях этого времени — насыщенных разнообразной техникой и потому чрезвычайно динамичных, изобилующих *внезапными изменениями обстановки*? Прежде всего к тому, чтобы быстро оценить вновь сложившуюся обстановку и адекватно отреагировать на нее, отдав соответствующие команды или распоряжения. Иными словами — к тому, чтобы *проанализировать вновь поступившую информацию и использовать ее в своих интересах*. А именно к этому и приучает человека общее образование! Ведь, учась в общеобразовательной школе, человек делает, по существу, то же самое:

— постоянно сталкивается с новой информацией (в виде нового учебного материала) и — постоянно же пытается использовать эту информацию в своих интересах, запоминая и анализируя учебный материал (если не для того, чтобы овладеть знаниями, то хотя бы для того, чтобы не иметь неприятностей в школе и дома, получить документ об образовании и т. п.).

Можно выразиться и еще проще: общее образование приучает человека *думать* — а это именно то, что прежде всего требуется от современного командира. Общее образование, таким образом, не только *побуждает* командира искать адекватное обстановке решение (формируя понимание той истины, что известными ему шаблонами военное искусство отнюдь не исчерпывается), но и дает ему необходимый для такого поиска *навык* — навык умственной работы, *привычку* к такой работе. На это еще в 1835 г. указывал «прекрасно разбиравшийся в сущности офицерской профессии и веяниях времени» саксонский генерал-лейтенант Черрини: «Знания, как таковые, бесполезны на поле сражения: с этим легко согласиться. Что нам нужно, так это навык. С другой стороны, особенно в мирное время, скорейший путь к приобретению навыков — образование». («Шаг от знаний к навыкам, возможно, велик, но от невежества — значительно больше», — подчеркивал и командующий сухопутными войсками «веймарской» Германии генерал пехоты Х. фон Зект.)¹¹

Само собой понятно, что чем больше классов общеобразовательной школы закончил командир, тем этот навык, эта привычка к умственной работе у него прочнее. Когда в августе — сентябре 1943 г., во время битвы за Днепр, в 48-м стрелковом полку 38-й стрелковой дивизии (воевавшей тогда в составе ряда армий Воронежского фронта) три штатных стрелковых батальона приходилось из-за больших потерь сводить в один, командиром этого единственного батальона быстро стали предпочитать назначать старшего лейтенанта

¹¹ Цит. по: *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М., 2007. С. 111, 112.

Т. Ф. Ламко — хотя, в отличие от штатных комбатов, он не имел никакого военного образования и в офицеры был произведен за боевые отличия из сержантов. Дело в том, что Тихон Федорович, был, видимо, единственным в полку офицером с законченным средним образованием, а поэтому лучше других умел *думать* над тем, как выполнить боевую задачу (и, соответственно, лучше других ее выполнял). Если его предшественник на посту командира сводного батальона предпочитал ломать голову в основном над тем, как избежать ответственности за невыполнение задачи, то Ламко умел принять решение, *адекватное сложившейся обстановке*; если требовалось — нестандартное. Так, когда вечером 18 августа 1943 г. его роты вынуждены были залечь у переднего края обороны противника, он проанализировал обстановку и, осознав, что бойцы не смогут окопаться, так как отрываемые на мокром лугу окопы тут же заполняются грунтовой водой, и что утром (когда солнце уже не будет бить немцам в глаза) лежащий на открытом месте батальон будет быстро расстрелян обороняющимися, — решил не ждать назначенной на утро артподготовки и атаковать ночью, без выстрела, сделав ставку на внезапность и эффект от залпа ручных гранат. В результате первая траншея заранее подготовленного оборонительного рубежа немцев была захвачена батальоном практически без потерь (при одном убитом и трех раненых).

А вот упомянутые выше курсанты Среднеазиатской школы с их «недостатком общей грамотности», сталкиваясь с новой обстановкой, «в большинстве терялись, медленно реагировали на вводные данные». Не будучи «достаточно» развитыми», продолжала комиссия С. А. Пугачева, они «не могут быть» и «достаточно инициативными командирами»¹². Отмечая осенью 1935 г., что командиры плохо умеют организовать и вести разведку, управлять войсками «в динамике встречного боя», организовать выход из окружения — словом, действовать там, где быстро изменяется обстановка, где необходимо проявлять инициативу, хитрость, изобретательность, — составители годового отчета политуправления Московского военного округа прямо указывали, что одной из причин этого является «низкая общая грамотность начсостава (так официально до 26 сентября 1935 г., а полуофициально и позже именовали комначсостав. — А. С.), особенно среднего». О том же говорилось и в составленном тогда же отчете об итогах боевой подготовки войск Северо-Кавказского округа (СКВО) за 1934/1935 учебный год: плохое умение среднего комсостава организовать современный, динамично развивающийся бой, отсутствие у младшего комсостава твердых навыков в выборе боевых порядков с учетом местности и огня противника и в ведении боя внутри оборонительной полосы противника (т. е. по завершении спланированной

¹² РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 22. Л. 254, 251, 234.

ранее атаки ее переднего края, в обстановке, требующей *новых* решений. — А. С.), все это коренится в «недостаточной общей грамотности» младших и «невысокой грамотности» средних командиров (начальник Управления боевой подготовки РККА командарм 2 ранга А. И. Седакин еще и в сентябре 1936 г. отмечал, что комсостав СКВО «медленно разбирается в сложной обстановке и много затрачивает времени на принятие решений»¹³). Умение управлять подразделением «в напряженной, сложной, меняющейся обстановке», освоение тактики, «построенной на внезапности, на тренировке в находчивости, на тренировке в быстроте решений и действий» — все эти задачи, подчеркивал 23 декабря 1934 г. начальник Управления военно-учебных заведений РККА (УВУЗ РККА) Е. С. Казанский, «не будут разрешены без дальнейшего улучшения общеобразовательной подготовки»¹⁴.

Наряду с принятием адекватного решения, от командира требуется организовать проведение этого решения в жизнь, а это в 20–30-е гг. также было сопряжено с *большим объемом умственной работы*. Ведь здесь требовалось организовать и взаимодействие родов войск, и разведку, и тыловое и инженерное обеспечение боевых действий, и управление войсками в ходе боя или операции... Без достаточного общего образования, приучающего людей не только думать, но и формулировать свои мысли, вырабатывать связную речь, иметь дело с книгой, текстом, ручкой, карандашом, — командиру трудно выработать и такие элементарные необходимые для него навыки, как умение быстро составить внятное донесение, сформулировать внятный приказ или распоряжение, быстро и грамотно нанести обстановку на карту, графически изложить на ней свое решение, оценить по карте характер местности и т. п.

Мы не говорим уже о том, что нехватка общего образования не позволяет овладеть техническими и математическими знаниями, необходимыми командирам специальных родов войск. Так, артиллеристам, чтобы быть в состоянии решить *любую* огневую задачу (а не несколько типовых), требовалось владеть теорией стрельбы, а это было возможно лишь при хорошем знании математики (включая теорию ошибок и вероятности).

Во всем этом отдавало себе отчет и руководство СССР 20–30-х гг. Однако затеянное им построение в России социализма по К. Марксу, т. е. общества без частной собственности на средства производства, противоречило интересам большинства населения страны, которое либо владело (как крестьяне, казаки, ремесленники и городская буржуазия) средствами производства, либо не могло (как интеллигенция) полноценно работать в условиях обеспечивавшей построение социализма «диктатуры пролетариата», т. е. в условиях несвободы. Соответственно, важнейшую свою опору — армию —

¹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 215. Л. 495; Д. 213. Л. 176, 178; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 40.

¹⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1321. Л. 256–257.

власть могла считать надежной лишь при условии недопущения в нее вышеперечисленных слоев населения. «Мы строили и строим, — напоминал 2 декабря 1924 г. в “Красной Звезде” М. В. Фрунзе, — классовую армию»¹⁵. Правда, тех, ради кого строился марксистский социализм, — рабочих — для укомплектования вооруженных сил было слишком мало, и в «классовую армию» пришлось брать и тех собственников, кто, будучи, по В. И. Ленину, не только собственником, но и «тружеником» (т. е. таким же человеком физического труда, что и рабочий), все-таки подавал надежду на инкорпорацию в социалистическое общество — крестьян (исключая, впрочем, наиболее зажиточных). Но «прочих» стремились все же отсекают. Это относилось и к командному составу. А рабочие и крестьяне имели, как правило, низкое общее образование! С предельной откровенностью эту коллизию изложил в июне 1927 г. заместитель начальника Главного управления РККА (ГУ РККА) В. Н. Левичев. Отвечая на обвинения в неспособности военных школ удовлетворить «запросы современной войны к комсоставу», он назвал вещи своими именами: «Почему все военно-учебные заведения (а их 60) не удовлетворяют в должной мере подготовке комсостава требований современной войны (так в тексте. — А. С.). Потому, очевидно, что рабоче-крестьянская молодежь, наполняющая ВУЗы (здесь: военно-учебные заведения. — А. С.), имеет довольно низкий общеобразовательный уровень. Известно, что процент оканчивающих школу 2 ступени (т. е. неполную среднюю и среднюю. — А. С.) из молодежи рабочих и крестьян (а крестьян набираем из бедняков и середняков) — невысок. Можем ли мы заменить этот контингент укомплектования школ советскими разночинцами и прочими, общеобразовательный ценз которых выше и тяга имеется налицо? Не можем. Следовательно, приходится сетовать в данном случае только на то, что наш класс недостаточно культурен»¹⁶.

«Тут налицо, — столь же деловито напоминал в 1930 г. начальник управления военно-учебных заведений ГУ РККА (УВУЗ ГУ РККА) А. И. Тодорский, — разрыв между объективно взятыми формальными и приемными требованиями и подготовленностью *тех контингентов, которые в целях классового комплектования кадров РККА только и должны быть принимаемы в военные школы* (выделено мной. — А. С.)»¹⁷.

В результате «сословные ограничения, введенные на призыв в РККА, закрыли дорогу в военно-учебные заведения» 20-х и первой половины 30-х гг. «для многих тысяч наиболее образованных молодых людей»¹⁸ — не только

¹⁵ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 1. М., 2006. С. 299.

¹⁶ Там же. Кн. 2. М., 2006. С. 90–91.

¹⁷ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 209 об.

¹⁸ Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг. О подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 355.

способных, но и желавших стать командирами. И, если в России с 1910 г. от желающих стать офицерами во всех случаях требовали наличие полного среднего (тогда 8-классного) образования (а иметь менее 4 классов не позволяли уже с 1860-х гг.), то в декабре 1924 г. пленум Реввоенсовета СССР (РВС СССР) вынужден был установить для поступающих в пехотные и кавалерийские школы общеобразовательный ценз в объеме всего лишь 3 классов (т. е. *ниже начального образования*), а для тех, кто поступал в специальные (артиллерийские и инженерные) военные школы — в объеме 4 классов (т. е. начальной школы)! Таблица 1¹⁹ наглядно показывает, что при проводимой тогда большевистским руководством политике, как ее метко назвал О. Ф. Сувениров «социального расизма», другого выхода и не было...

Таблица 1

**Социальный состав принятых
в военные школы РККА в 1925–1932 гг. (в %)**

год	рабочих	крестьян	всего рабочих и крестьян	прочих
1925	36,8	55,5	92,3	7,7
1926	36,0	50,0	86,0	14,0
1927	39,0	46,0	85,0	15,0
1928*	56,0	34,4	90,4	9,6
1929*	66,2	26,7	92,9	7,1
1930	около 60,0	—	—	—
1931	69,7	—	—	—
1932**	63,8	32,4	96,2	3,8

* Без школ ВВС и военно-морских; по данным УВУЗ ГУ РККА. По данным отдела статистики ГУ РККА — рабочих 51,0%, крестьян 38,8% (всего рабочих и крестьян 89,8%), прочих 10,2%.

** Без школ ВВС и военно-морских.

Знак «—» означает отсутствие данных.

В апреле 1926 г. Реввоенсовету СССР пришлось все-таки постановить «повысить к поступающим в школы общеобразовательные требования» (начальник артиллерии РККА В. Д. Грендаль в марте того года прямо заявил,

¹⁹ Составлено по: Реформа в Красной Армии. Кн. 1. С. 446; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 188; РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 29; Ф. 62. Оп. 3. Д. 172. Л. 278; Д. 77. Л. 174; Д. 74. Л. 55.

что без наличия у поступающих знаний в объеме 7–9 классов «нормальных условий обучения в артшколах» не создать)²⁰. Однако повышение требований привело (см. табл. 1) к двукратному увеличению среди поступивших в 1926 и 1927 гг. доли «прочих». Она и после этого осталась очень небольшой, но власти предрержащие все равно озаботились столь «угрожающей» тенденцией, и с 1928 г., выдвинув «задачу орабочивания командных кадров» (и, соответственно, «орабочивания курсантского состава военных школ»), открыто стали считать показателем качества кандидата в командиры не уровень его образования, а социальное положение (начальник отдела статистики ГУ РККА Айзенберг 19 марта 1930 г. так прямо и сформулировал: «качественный подбор» комначсостава — это обеспечение роста в комначсоставе «рабоче-батрацкой» и партийной прослойки)²¹. Только рабочих среди курсантов должно было теперь быть не менее 60%. Как видно из таблицы 2²², это привело к отказу даже от тех сверхминимальных требований к общему образованию будущих командиров, которые были приняты в 1924 г.! (Впрочем, как показывает вторая колонка этой таблицы, они часто не соблюдались уже и в 1927 г., когда 2,4% принятых образования не имели вообще.)

Таблица 2

**Общеобразовательный уровень принятых
в военные школы РККА в 1927–1932 гг. (в %)**

год	без образования	низшее	7 классов	8–9 классов
1927	2,4	73,0	24,6	
1928*	86,0		14,0	—
1929*	12,1	69,5	18,4	
1930	14,0	63,0	23,0	
март* 1932*	37,8	58,2	4,0	
1932*	77,7		13,9	8,4

* Без школ ВВС и военно-морских.

** Специальный прием кандидатов из воинских частей.

²⁰ Реформа в Красной Армии. Кн. 1. С. 707, 539.

²¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 201; Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 18; Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 308.

²² Составлено по: Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 233; РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 248. Л. 1; Д. 172. Л. 278; Д. 74. Л. 55; Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 30; Ф. 9. Оп. 36. Д. 262. Л. 31 об.

К сожалению, в большинстве случаев источники дают общую цифру принятых с неполным (7–8 классов) и полным (9 классов) средним образованием. Но из таблицы 4 явствует, что в 1929–1933 гг. 90–95% курсантов сухопутных военных школ полного среднего образования не имели. Следовательно, *среди принятых в 1927–1932 гг. в сухопутные военные школы полное среднее образование имели (против 100% в 1910–1913 гг.) не более 5–10%*. При этом в пехотных и кавалерийских школах, как видно из таблицы 3, 5–10% зачастую не превышал и процент принятых с полным и неполным средним образованием. Иными словами, *свыше 90% лиц, принимаемых в конце 20-х гг. для учебы на пехотных и кавалерийских командиров (из которых вышло потом и немало командиров-танкистов), имели лишь низшее образование!*

Но главное, с 1928 г. командиров чем дальше, тем больше стали готовить и из людей вообще без какого бы то ни было образования. 6-месячные («батрацкие») подготовительные курсы при военных школах, через которые пропустили, например, «грамотных без образовательного ценза», принятых в 1930 г., и 3-месячные курсы ликвидации безграмотности, через которые прошла другая часть принятых «без образования», общим образованием считать, безусловно, не приходится. Людей, которые ни дня не учились в общеобразовательной школе, стали зачислять даже в такие военные школы, которые требовали серьезных физико-математических знаний, — артиллерийские (программа которых включала элементы высшей математики!), инженерные и школы связи (см. таблицу 3²³).

В военно-инженерных школах, признавали в своем докладе о личном составе военных школ РККА на 1 января 1930 г. начальник отдела статистики ГУ РККА Айзенберг и его помощник Болотов, лица без образования будут, конечно, «балластом». Но, тем не менее, надо поставить всем военно-учебным заведениям (и «особенно техническим») «задачу сохранения этой категории курсантов, т. к. как раз эта группа курсантов в классовом отношении (рабочие, батраки, бедняки) является для армии ценной»²⁴. Комментарии к этому пассажиру излишни — как излишни они и к одному из выводов отчета Ленинградской артиллерийско-технической школы за 1931/1932 учебный

²³ Составлено по: РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 31; Ф. 62. Оп. 3. Д. 22. Л. 77. Сложение цифр, указанных в источниках для 1930 г., дает по каждому типу школ несколько больше 100% (от 100,9 до 104,5). По-видимому, это объясняется тем, что составители документа отнесли к имеющим неполное или полное среднее образование всех когда-либо учившихся на рабфаке и в совпартшколе (среди принятых в 1930 г. в пехотные, кавалерийские, артиллерийские и инженерные школы таких было соответственно 3,2%, 8,3%, 7,0% и 23,4%), а не только окончивших эти учебные заведения. В таблице процент имеющих неполное и полное среднее образование среди принятых в 1930 г. уменьшен нами до величины, при которой сложение всех цифр строки дает ровно 100.

²⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 30 об.

Таблица 3

**Общеобразовательный уровень принятых в 1928–1930 гг.
в военные школы по родам войск (в %)**

школы	год	без образования	низшее	всего без образ. и с низшим	неполное среднее и среднее*
пехотные	1928	3,3	87,5	90,8	9,2
	1929	12,5	78,3	90,8	9,2
	1930	15,5	75,1	90,6	9,4
кавалерийские	1928	5,2	91,2	96,4	3,6
	1929	11,3	79,8	91,1	8,9
	1930	21,9	61,7	83,6	16,4
артиллерийские	1928	1,0	80,6	81,6	18,4
	1929	8,3	62,5	70,8	29,2
	1930	11,4	61,1	72,5	27,5
инженерные	1928	—	58,3	58,3	41,7
	1929	16,5	38,1	54,6	45,4
	1930	4,0	43,3	47,0	53,0
связи	1928	1,0	75,3	76,3	23,7
	1929	1,3	65,1	66,4	33,6

* В том числе студенты рабфаков и слушатели школ советского и партийного актива (совпартшкол).

год: около 40% курсантов младших курсов, с трудом могущих осилить учебу ввиду полного отсутствия образования, «но принятых в школу ввиду их полнотности во всех других отношениях», — надо дотягивать до выпуска²⁵. Результаты подобного подбора курсантов видны из таблицы 4²⁶.

²⁵ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 21. Л. 258. В отчете говорится лишь, что общеобразовательный уровень этих примерно 40% курсантов младших курсов недостаточен для успешной учебы. Но они вообще не имели образования, как можно заключить из того, что в целом по школе к февралю 1932 г. без образования было 28% курсантов (Там же. Д. 219. Л. 43).

²⁶ Составлено по: Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 302; РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 28 об.; Ф. 62. Оп. 3. Д. 81. Л. 116; Д. 22. Л. 77; Д. 81. Л. 116.

Таблица 4

**Общеобразовательный уровень курсантов сухопутных
военных школ РККА в 1927–1933 гг. (в %)**

дата	без обра- зования	менее 7 классов*	всего без об- разования и с низшим	7 классов**	9 классов	всего с не- полным средним и средним
1927/28 учебный год	—	—	82,0	—	—	18,0
01.01.1929	2,2	82,3	84,5	—	—	15,5
01.01.1930***	10,3	66,1	76,4	17,8	5,8	23,6
01.01.1931	14,0	66,0	80,0	—	—	20,0
15.01.1932	21,2	55,8	77,0	15,3	7,7	23,0
15.07.1933	12,3	68,9	81,2	14,1	4,7	18,9

* В том числе окончившие школы ФЗУ (фабрично-заводского ученичества).

** В том числе студенты рабфаков и слушатели совпартшкол.

*** По данным УВУЗ ГУ РККА. По данным отдела статистики ГУ РККА, без образования — 10,6%, окончивших менее 7 классов — 66,0% (всего без образования и с низшим образованием 76,6%), с неполным средним и средним образованием 23,4%.

Знак «—» означает отсутствие данных.

Правда, военные школы пытались повысить общеобразовательный уровень курсантов, преподавая им общеобразовательные предметы с конечной целью дать всем тем, кто его не имел, полное среднее образование. Но толку от этого было немного; «это место, — подытожил в апреле 1936-го новый начальник УВУЗ РККА армейский комиссар 2 ранга И. Е. Славин, — преподаватели завалили»²⁷. Действительно, преподаватели зачастую были недостаточно требовательны; то, что «в ряде школ» завышают оценки, признавалось даже в докладе начальника Главного управления и военно-учебных заведений РККА (ГУ и ВУЗ РККА) Б. М. Фельдмана об итогах 1932/33 учебного года²⁸. Еще в 1934–1935 гг. общим явлением были крайне либеральные требования к устным ответам курсантов: «основной формой проверки является вопросно-ответная форма», не приучающая «к связному изложению»; «при ответах допускается свободное пользование записями в тетрадях»; «зачастую довольствуются отрывочным, малопонятным ответом; допускают бесконечное число наводящих вопросов» и т. п.²⁹ Но главная причина «заваливания»

²⁷ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 234. Л. 72.

²⁸ Там же. Д. 17. Л. 166.

²⁹ Там же. Д. 187. Л. 9, 41.

общеобразовательной подготовки в военных школах заключалась отнюдь не в халатности преподавателей.

Куда бо́льшую роль сыграли здесь педагогические эксперименты 20-х гг., отбросившие под предлогом борьбы с «гимназической зубрежкой» (и вообще «наследием царской школы») урочную методику преподавания (изложение преподавателем нового материала — домашняя работа ученика по заучиванию этого материала и/или усвоению его путем выполнения практических заданий — проверка преподавателем усвоения материала на следующем уроке) и не заменившие ее чем-либо более эффективным. Урок с изложением обязательного для усвоения нового материала был заменен мало к чему обязывающей беседой, четкое требование заучивать материал — расплывчатой установкой «прорабатывать материал» (в связи с чем почти не использовались учебники), а проверка усвоения проводилась лишь путем выдачи практических заданий. При фактическом игнорировании необходимости сначала изучить теорию, эффекта это не давало, и результатом применения этого «лабораторного метода» было «недостаточно глубокое и сознательное усвоение», а также «неуменье курсантов в достаточной мере самостоятельно закреплять и приобретать новые знания» из-за отсутствия «прочных навыков в работе над книгой и в самостоятельной работе вообще»³⁰. К урочной системе с ее домашними заданиями и учебниками формально вернулись только в 1932/1933 учебном году, а фактически еще и в 1933/1934 г. повсеместно господствовал ставший уже привычным «лабораторный» метод. Работники УВУЗ ГУ РККА, инспектировавшие военные школы зимой и весной 1934 г., докладывали одно и то же: «урок по-настоящему не задается, урок по-настоящему не поверяется, урок (поэтому. — А. С.) не готовится курсантами»³¹; вместо учебника пользуются лишь сделанными в классе записями (правда, многие школы тогда еще не были обеспечены стабильными учебниками). В целом ряде школ пережитки «лабораторного метода» фиксировались еще и зимой и весной 1935 г. И только с 1935/1936 учебного года можно, пожалуй, говорить о реальном утверждении в советских военных школах урочной системы преподавания, которая (как показал опыт) только и могла обеспечить сколько-нибудь прочные знания обучаемых. Таким образом, основной массе курсантов с низким общеобразовательным уровнем, принятых до 1933 г., общеобразовательные дисциплины преподавали по порочной методике. При этом до 1932 г. широко использовался и такой совершенно абсурдный метод обучения, как бригадный — являвшийся, по существу, методом *избавления от обучения*. Появившись на волне обожествления рабочего коллектива и заключаясь в коллективном, всей ученической бригадой, в выполнении учебных заданий, он позволял слабым ученикам ничего не делать,

³⁰ Там же. Д. 223. Л. 97 об.—96 (листы дела пронумерованы по убывающей).

³¹ Там же. Д. 187. Л. 8.

но числиться успевающими за счет выполнявших всю работу способных (ведь оценка выставлялась бригаде в целом).

Любые усилия преподавателей заранее обесценивала и невероятная пестрота общеобразовательного уровня курсантов 20-х — первой половины 30-х гг. Для того, чтобы отдельно учить пропущенных лишь через курсы ликбеза, отдельно — окончивших 1 класс, отдельно — окончивших 2 класса и т. д., не хватило бы ни преподавателей, ни помещений. Поэтому в одну и ту же учебную группу зачисляли, и по одной и той же программе учили лиц с самым разным уровнем знаний — от выпускников курсов ликбеза до окончивших 8 классов! При таком составе группы начинали, естественно, с азов (при изучении, например, математики — с четырех действий арифметики, знакомства с простыми и десятичными дробями и понятиями процента, пропорции, площади, объема). Бывало, что проходить простые дроби заставляли и бывших студентов, успевших уже приступить к изучению высшей математики! В результате одни зря теряли время, не получая новых знаний, а другие все равно не успевали пройти за 1–2 года программу семи — девяти классов.

Но главной причиной провала попыток дать курсантам тех лет полное среднее образование следует считать слишком низкий общеобразовательный уровень принимаемых в военные школы. О каком получении всего за 2,5–3,5 года образования в объеме 9 классов могла идти речь, если в 1927/1928 учебном году большинство курсантов до поступления в военную школу окончило лишь 4 и менее классов³² и если на изучение общеобразовательных дисциплин отводилось лишь 15–30% учебного времени (для военной школы и это было слишком много)? О каком достижении за это время сколько-нибудь приемлемого уровня знаний и общего развития могла идти речь, если в 1931–1932 гг. от седьмой до пятой части курсантов вообще не имело за плечами ни одного класса общеобразовательной школы (не получив при этом и домашнего образования, которое получали такие юнкера до революции)? Тут не помогли бы ни передовая методика обучения, ни сколь угодно большое количество преподавателей и помещений (позволившее бы дифференцировать программы). Будучи вынуждены, по выражению начальника 1-й Ленинградской артиллерийской школы Н. Н. Воронова, проноситься по программе бегом, малограмотные курсанты не только не могли получить полное среднее образование, но даже не успевали ликвидировать и элементарную неграмотность в целом ряде вопросов.

В самом деле, что показало, например, упомянутое выше инспектирование в апреле 1932 г. комиссией С. А. Пугачева Среднеазиатской объединенной

³² Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 302.

военной школы? Что ситуация, когда 66,3% курсантов не имели до поступления в школу никакого образования, а еще 29,2% закончили менее 7 классов, оборачивается наличием даже на 2-м курсе лиц, которые «с трудом читали устав, плохо его понимали, тратили больше часа на черчение пустяковой таблицы (одной страницы тетради [...]), в конце концов путались в понимании того, чем они, собственно, занимаются»; «составляемые частью курсантов донесения почти невозможно понять» и русские по национальности курсанты вообще плохо знают русский язык. При столь низком уровне умственного развития, отмечала комиссия, общеобразовательные дисциплины усваиваются неудовлетворительно³³.

А вот выдержки из политдонесения военного комиссара Иркутских курсов подготовки командиров пехоты от 29 мая 1932 г., подписанного замвоенкома Н. Попковым: значительная часть курсантов, общеобразовательный уровень которых «чрезвычайно низок», не в состоянии самостоятельно работать с книгой, так как «может проработать в час не больше трех страниц несложного материала учебника»; «очень медленно читают газету, иногда не понимая прочитанного»³⁴. К донесению была приложена копия рапорта, написанного одним из курсантов (с сохранением орфографии подлинника)³⁵, которую мы воспроизводим ниже и которая не нуждается в комментариях.

«Командиру ботольона
Иркутских курсов
подготовки командирв
Пехоты
от дижурного по ботольону
курсанта 4 взвода 1-й роты
23 мае 1932 года № 1
Иркутск

Рапорт:

Доношу вам отом, что курсант 1-й роты ещечнка (Ещенко. — *Прим. снявшего копию*) опоздалъ из городского отпуска 20 мин.

Приобходи мной коньюшни былъ обнарушн дневальный спящим. Дижурныи Покуфни низналь своих обезанасти накуфне было грязна. дижурныи не умель одать рапорта.

Дижурнаи Поботольону
Перетолчин

Верно: Начальник Строевого Отделения (подпись) Николаев»

³³ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 22. Л. 276–275, 247 (листы дела пронумерованы по убывающей).

³⁴ Там же. Л. 220.

³⁵ Там же. Л. 217.

Курсанты, проверенные в марте 1932 г. в Бакинской пехотной школе, не только «слабо владели устной и письменной речью», не только «не имели прочных навыков в работе над книгой и в самостоятельной работе», но и не обладали еще установившимся почерком³⁶, т. е., по существу, с трудом умели писать!

При таком составе курсантов типичной была ситуация, отраженная в докладе временно исправляющего должность начальника УВУЗ ГУ РККА С. А. Смирнова о результатах инспектирования им в январе 1934 г. Татаро-Башкирской объединенной военной школы: несмотря на правильную методику преподавания курсантам приема 1932 года тригонометрии, «результаты усвоения слабы, причиной чего, безусловно, является общая слабость математической подготовки и, в частности, недостаточность знаний по арифметике (простые и десятичные дроби, пропорции и т. д.)»³⁷. А бывало, что до тригонометрии и тому подобных вещей не удавалось даже и дойти. «В силу недостаточной предварительной (до поступления в школы) общеобразовательной подготовки курсантов, — признал, подводя итоги 1932/33 учебного года начальник ГУ и ВУЗ РККА Б. М. Фельдман, — школам не под силу оказались программы с некоторыми разделами математики, которые оказались непройденными»³⁸. Во 2-й Ленинградской артиллерийской школе, где к февралю 1932 г. 83% обучаемых имели лишь низшее образование, а у 7,8% не было никакого, курсанты «слабо владели устной и письменной речью», а большинство принятых в 1931 г. еще и в апреле 1934 г. характеризовалось так: «делаются ошибки в самых простых словах, в изложении искажается смысл», «особенно слабы знания и навыки в арифметике: действия с простыми и десятичными дробями». В 1-й Ленинградской артиллерийской многие из принятых в 1931–1932 гг., когда в школы набрали особенно много людей без образования, еще и к сентябрю 1934 г. «весьма слабо знали элементарную грамматику», а некоторые «неверно произносили военные термины» и вообще отличались «некультурной речью, с искажением слов». Даже к февралю 1935 г. эта часть курсантов не только сплошь и рядом продолжала искажать слова («много танок» и т. п.), но и вообще толком не владела русским языком, нагромождая в своих тетрадных записях столько стилистических, синтаксических и орфографических ошибок, что записи подчас полностью искажали смысл сказанного преподавателем. «В отношении курсантов этих групп, — подытоживал 13 апреля 1934 г. проверявший ленинградские артшколы помощник начальника 1-го сектора УВУЗ ГУ РККА Гулевич, — нужно откровенно сказать, что из них

³⁶ Там же. Д. 181. Л. 56.

³⁷ Там же. Д. 187. Л. 42 об.

³⁸ Там же. Д. 17. Л. 162 об.

полноценных командиров подготовить не удастся, даже если бы и был прибавлен им срок обучения»³⁹.

В общем, распоряжение наркомата просвещения СССР, согласно которому окончившие военные школы считались лицами с полным средним образованием, в РККА никогда всерьез не принимали. Уже в обзоре состояния Красной Армии, составленном в ГУ РККА в октябре 1928 г., указывалось, что «фактически это будет неверно»; то же констатировал и Б. М. Фельдман в 1931 («для выпусков и прошлых лет» и 1931 года «характерна» «недостаточная общеобразовательная подготовка») и в 1933 г. («общий уровень общеобразовательной подготовки выпускаемых в этом году командиров заставляет желать много лучшего. Даже простейшие задачи на простые и десятичные дроби, составление простейших уравнений 1-й степени, а также осмысленное изложение из отрывков литературных произведений многим курсантам не под силу. [...] Знания курсантов по математике и русскому языку крайне поверхностны и неглубоки») ⁴⁰. В октябре 1936 г. начальник УВУЗ РККА И. Е. Славин в докладе наркому обороны выразился еще определеннее: «Огромное количество курсантов не могло справиться с программой общеобразовательной подготовки и, больше того, не могло ликвидировать своей элементарной неграмотности и малограмотности. В армию выпускались безграмотные и малограмотные командиры»⁴¹. Ни о каком получении полного среднего образования не было и речи; так, 22,4% выпущенных в октябре 1936 г. из 1-й Ленинградской артиллерийской школы (набор 1932 года) знаниями по русскому языку обладали лишь в объеме 5 классов, 58,2% — в объеме 6 классов и 19,4% — в объеме 7 классов; по математике 42,6% имели знания в объеме 6 классов, 36,8% — в объеме 7 классов, 17,6% — в объеме 8 классов, и лишь у 3,0% знания соответствовали уровню выпускника полной средней школы⁴². Около трети выпущенных в мае 1936 г. из Тульской оружейно-технической школы ухитрились получить «посредственно» и «плохо» даже по арифметике, а знание алгебры и геометрии у них решили вовсе не проверять. От выпускавшихся тогда же из Ленинградской артиллерийско-технической (обладавших к моменту поступления в 1932 г. «крайне низким» общеобразовательным уровнем) «общее впечатление» было «таково, что большинство курсантов не имеет навыков в умении четко и ясно излагать свои мысли на бумаге

³⁹ Там же. Д. 223. Л. 97–97 об.; Д. 226. Л. 2, 28; Д. 229. Л. 487; Ф. 9. Оп. 36. Д. 1673. Л. 33 об.

⁴⁰ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 313; РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 172. Л. 271; Д. 17. Л. 162–162 об.

⁴¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 227.

⁴² Подсчитано по: Там же. Д. 242. Л. 18.

и не обладает сколько-нибудь установившимся почерком» (т. е. с трудом держит в руках перо и карандаш! — А. С.)⁴³.

Провалы в общеобразовательной подготовке, указывал в своем октябрьском докладе 1936 года И. Е. Славин, «плохо отражались и на уровне специальных военных знаний, приобретаемых курсантами»⁴⁴. Еще 25 июля 1928 г. РВС СССР признал, что преобладающий в школах «неподготовленный курсант не может охватить в рамках существующих сроков всех вопросов учебы и вместо сознательного усвоения часто берет зубрежкой», что ведет лишь к «формальному усвоению знаний»⁴⁵. Многие не могли брать и зубрежкой: у них просто не хватало сил. На почве «вынужденной учебной перегруженности курсанта, имевшего до поступления в школу слабую общеобразовательную подготовку», отмечал в 1930 г. начальник УВУЗ ГУ РККА А. И. Тодорский, у такого курсанта «развиваются неврастения и болезни сердца; это вторая по распространенности (после неуспеваемости) причина отчислений»⁴⁶. Особенно тяжело приходилось будущим командирам артиллерии. Из-за отсутствия времени на изучение чуть ли не с нуля всего курса математики многим из них приходилось, «не зная элементарных вещей из арифметики (действия с дробями и вычисление %)\», изучать... логарифмы: ведь это им было «повседневно необходимо как артиллеристам»⁴⁷. Получить так прочные математические знания было нельзя; соответственно, нельзя было и овладеть теорией стрельбы — а значит, и умением решать любые, какие бы ни попадались, огневые задачи. Оставалось обходиться механически зазубренными решениями нескольких типовых задач, но и это было подчас недостижимо! О том, что «попытки зазубривания теоретических вопросов без их понимания» «ведут к немедленному забыванию пройденного», в Инспекции артиллерии РККА кричали все 20-е и начало 30-х гг.; убедились в этом и работники УВУЗ РККА, инспектировавшие зимой 1935 г. 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу⁴⁸.

Нельзя забывать, что в начале и середине 30-х гг. низким общеобразовательным уровнем отличались и те, кто учил будущих командиров — строевой комсостав и преподаватели военных школ. В 20-е гг. это были, как правило, лица со средним, а то и высшим образованием, бывшие офицеры русской армии и другие «старые спецы». Соответственно, в июле 1928 г. РВС СССР констатировал, что «учебно-преподавательский состав вузов (здесь: воен-

⁴³ Там же. Д. 241. Л. 132, 133 об., 204 об.

⁴⁴ Там же. Д. 74. Л. 227.

⁴⁵ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 233.

⁴⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 209 об.

⁴⁷ Там же. Д. 229. Л. 487.

⁴⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1673. Л. 33 об., 34.

но-учебных заведений. — А. С.) по своему социальному и партийному положению все еще неудовлетворителен»⁴⁹, и принял надлежащие меры. Если с 1 декабря 1926 г. по 1 сентября 1928 г., т. е. за 21 месяц, «рабоче-крестьянская прослойка» среди преподавателей военных и специальных предметов выросла там в 1,6 раза — с 14% (в том числе 5% рабочих) до 23% (в том числе 8% рабочих), — то за следующие три месяца — с 1 сентября по 1 декабря 1928 г. — в 1,8 раза (и в целом по преподавательскому составу школ достигла 42,2%, в том числе 11,0% рабочих)⁵⁰. Следующий этап «освежения» (читай: «орабочивания») «кадров школ» начался в 1930 г. Доля бывших офицеров (т. е. «прочих») среди преподавателей военных и специальных дисциплин уменьшилась в этом году с 59,4% до 49,8%; точно такое же снижение на одну шестую — с 31,4% на 1 января 1930 г. до 26,0% на 1 января 1931 г. — дал и процент бывших офицеров среди строевого комсостава школ⁵¹. В официальных документах появились уже совершенно кликушеские причитания вроде того, что наличие к началу 1930 г. среди преподавателей военно-морских учебных заведений 72,5% бывших офицеров делает «вполне ясным неблагоприятное положение в отношении педагогов-моряков» или что «самым слабым местом укомплектования» Орджоникидзенской пехотной школы «нужно считать» то обстоятельство, что среди преподавателей «резко снизилась прослойка рабочих», и что в школе (где 52% курсантов 1-го курса не имели никакого образования! — А. С.) «основной задачей является самое решительное повышение рабочей прослойки среди преподавателей» (март 1932 г.)⁵². Понижение в итоге общего образования учителей будущих командиров отражено в таблице 5⁵³.

В бронетанковых школах на 1 августа 1936 г. низшее образование было не у 30, а у 36,3% преподавателей военных и военно-технических дисциплин: в Саратовской бронетанковой на 1 октября 1931 г. — не у 20–25%, а у 51,1% строевого комсостава; в Саратовской бронетанковой на 1 июня 1932 г. — у 65,8% (и у 42% руководителей военного и технического циклов), а в Бакинской пехотной на 8 марта 1932 г. — у 80,8%⁵⁴. В Севастопольской школе зенитной артиллерии на 1 января 1936 г. с низшим образованием

⁴⁹ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 233.

⁵⁰ Там же. С. 306; РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 212 об.–213.

⁵¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 22. Л. 78.

⁵² Там же. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 35; Ф. 62. Оп. 3. Д. 178. Л. 67. Против процитированных нами слов доклада помкомвойсками СКВО М.Д. Великанова от 3 марта 1932 г. о результатах обследования Орджоникидзенской школы начальник штаба ВУЗ РККА А. И. Тодорский пометил на полях: «Дело в первую очередь не в социальном, а в партийном лице», но о профессиональном лице тоже даже не заикнулся.

⁵³ Составлено по: РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 90–91, 178, 212 об.–213.

⁵⁴ Подсчитано по: Там же. Л. 21; Д. 81. Л. 152; Д. 22. Л. 197; Д. 181. Л. 85.

Таблица 5

**Общеобразовательный уровень преподавателей и строевого
командного состава военных школ РККА в 1927–1936 гг. (в %)**

дата	преподаватели			строевые командиры и начальники*			
	низшее	среднее	высшее	низшее	неполное среднее	среднее	высшее
01.12.1927	13,1	78,7	8,2	—	—	—	—
15.07.1935**	—	—	—	15,8 27,9	15,7 12,7	62,9 54,8	5,6 4,6
11.1936**	30,1***	59,6***	10,3***	24,0 20,9	39,6 32,1	32,6 24,7	3,8 22,3

* В числителе — командный состав, в знаменателе — военно-технический состав.

** Без школ ВВС, военно-морских, бронетанковых и военно-политических.

*** Только преподаватели военных и военно-технических дисциплин.

Знак «—» означает отсутствие данных.

было 100% (!) командиров взводов, батарей и дивизионов, а на 1 февраля 1937 г. — 72,4%; в Оренбургской школе зенитной артиллерии на ту же дату — 90,9%; в Омской объединенной военной школе в 1936 г. низшее образование имели 82,6% строевых командиров и преподавателей военных и военно-технических дисциплин, вместе взятых⁵⁵. Впрочем, ни эти, ни табличные цифры не передают всего драматизма ситуации. На проведенном весной 1932 г. сборе руководителей и командиров батарей артиллерийских школ обнаружилось, что в этих школах служат командиры, которые «не только не знают логарифмов и простейших основных положений тригонометрии и алгебры, но и даже не умеют обращаться с десятичными дробями и вычислениями процентов, без чего не мыслится понимание стрельбы артиллерии»⁵⁶. Докладывая по окончании 1932/1933 учебного года, что многие из выпускников не в состоянии решать элементарнейшие задачи на простые и десятичные дроби, составлять простейшие уравнения первой степени и осмысленно писать изложение по произведениям художественной литературы, Б. М. Фельдман тут же сообщал, что «начальствующий состав школ» и сам

⁵⁵ Подсчитано по: Там же. Д. 74. Л. 12, 13; Д. 240. Л. 86.

⁵⁶ Там же. Д. 5. Л. 166.

«в этой области подготовлен еще очень слабо»⁵⁷. В Рязанской пехотной даже в сентябре 1935 г. «встречались командиры, не умеющие грамотно написать самого простого донесения»; в Севастопольской школе зенитной артиллерии в апреле того же года комначсостав лишь «грубо» «владел карандашом» и не умел в своих выводах «главное отделить от второстепенного». В Татаро-Башкирской пехотной школе еще и зимой 1937 г. большинство строевого комсостава проходило лишь программу 6-го класса, а «безграмотность комсостава» была «удивительная — комроты, например, подписывается: “ст. лейтинант”»⁵⁸.

С комначсоставом школ проводили занятия по общеобразовательной подготовке, но толку от этих занятий не было: у командиров была масса других дел, а возраст уже не благоприятствовал усвоению школьных наук.

То же и с *курсами усовершенствования командного состава (КУКС)*. К примеру, среди тех, кто учился на них в 1929/30 учебном году, рабочие составляли 41,2%, крестьяне — 32,1%, а «прочие» — лишь 26,7%. При этом величина «рабоче-крестьянской прослойки» (73,3%) лишь на доли процента отличалась от доли слушателей с низшим образованием (73,5%; практически полное соответствие — 77,7% и 76,3% — было здесь и в 1927/1928 учебном году)⁵⁹. Закономерный результат зафиксировал 25 марта 1930 г. начальник 3-го отдела УВУЗ ГУ РККА Рошковский: «Все КУКС отмечают, что к прохождению нормальных программ слушатели все же не подготовлены»⁶⁰. То же и в первой половине 1930-х. Так, на курсах усовершенствования старшего и среднего технического состава мотомеханизированных войск к апрелю 1934 г. до 60% слушателей не умели ни читать карту, ни написать короткое донесение, ни отдать простейшее распоряжение. Опять достаточно тесная корреляция с общеобразовательным уровнем: у 50% этих танковых и автомобильных техников было за плечами от нуля до 3 классов, а у 30% — 4 или 5. Около половины слушателей Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования начальствующего состава РККА, докладывал 7 марта 1934 г. инструктор культпросветотдела ПУ РККА Пухов, «не подготовлены к прохождению программы, по технике и огневому делу в первую очередь», и «не справляются с тем учебным материалом, который им преподносится», поэтому программы по огневому и техническому циклам необходимо упростить⁶¹. И упрощали; конечный итог виден из доклада начальника политотдела Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава

⁵⁷ Там же. Д. 17. Л. 162–162 об.

⁵⁸ Там же. Д. 190. Л. 97; Д. 232. Л. 29; Д. 203. Л. 132.

⁵⁹ Там же. Д. 74. Л. 216; Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 304.

⁶⁰ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 216.

⁶¹ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1295. Л. 13–14, 72.

(АКУКС) от 6 апреля 1937 г. «До сих пор», указывал дивизионный комиссар И. М. Вейнерович, на АКУКС «значительные группы командиров» «приходилось доучивать простейшим вопросам, не выходящим из пределов теоретических сведений, даваемых нормальными школами»⁶². Иными словами, КУКС свою задачу не выполняли.

Постепенно перестали ее выполнять и *военные академии*. Учеба в них требовала еще большего общего развития, чем прохождение курса военных школ, и командиры и политработники ЛВО — авторы письма, направленного между 10 февраля и 8 марта 1924 г. в ЦК РКП (б), объективно были правы, утверждая, что руководством военно-учебных заведений «проводится линия изоляции пролетарского элемента от школ, и в особенности высших, благодаря высоким требованиям, отсутствию подготовительных курсов и т. д. (пример В. А. Ш. [Военная академия Генштаба. — А. С.], где вступительная программа под силу лишь бывшим офицерам или интеллигентам)»⁶³. Вплоть до 1928 г., когда началось рьяное «орабочивание командного состава», состав слушателей академий «по социальному признаку», как выразились в июне 1929 г. составители отчетного доклада РВС СССР в Политбюро ЦК ВКП (б), «оставлял желать лучшего (в 1927 г., например, прием в Военную Академию РККА дал рабочих 15,4%, крестьян — 9,8% и прочих — 74,8%)»⁶⁴. Но в 1928 г. добрались и до академий: их *задачей прямо провозгласили не подготовку командиров с высшим военным образованием, а «создание пролетарских кадров во всех отраслях военной работы РККА»*⁶⁵. Реввоенсовету, беззастенчиво продолжали составители доклада РВС СССР, пришлось «принять ряд мер по повышению качества [sic!] поступающих в Академии. [...] Особое внимание обращено на подготовку в частях кандидатов из рабочих. Для них с осени 1928 года созданы при ВПАТе (Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева. — А. С.) подготовительные курсы». И в 1929 г. среди принятых на основной факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе рабочих было уже 60,88%, крестьян — 13,39%, а прочих — лишь 25,73%; другие академии, удовлетворенно заключал 20 марта 1930 г. отдел статистики ГУ РККА, тоже «очень значительно улучшили состав своих первых курсов». На 1 января 1930 г. среди слушателей академий рабочие составляли уже 55,5%, а с батраками — 57,1%, крестьяне — 17,2%, а служащие — лишь 25,0%⁶⁶.

⁶² Там же. Д. 2478. Л. 143.

⁶³ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. С. 107.

⁶⁴ Там же. С. 188.

⁶⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 193. Л. 220.

⁶⁶ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. С. 188–189; РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 4; Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 217.

Соответственно, стал расти и процент слушателей с низшим общим образованием: если в 1928 г. среди принятых в академию имени М. В. Фрунзе и Военно-воздушную академию РККА таких было соответственно 56,6% и 14,5%, то в 1929 г. — 81,5% и 40,7%⁶⁷. В целом на 1 января 1929 г. низшее общее образование имели 38,4% слушателей военных академий, а на 1 января 1930 г. — 44,4% (еще у 0,3% не было вообще никакого)⁶⁸. «Большим препятствием в их работе», признавал, характеризуя советские военные академии периода 1924–1932 гг., начальник ГУ и ВУЗ РККА Б. М. Фельдман, «являлся недостаточный общеобразовательный уровень слушателей»⁶⁹. Не лучше обстояли дела и в дальнейшем. «Основными недостатками при приеме в военные академии в 1933 г. и в Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1934 г., — констатировал 2 июля 1934 г. тот же Фельдман, — явились: недостаточная подготовленность кандидатов по общеобразовательным дисциплинам и, особенно, по математике для поступающих в специальные академии»⁷⁰. Принятые в 1933 г. на командный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА (ВАММ) обладали «явно недостаточным общекультурным развитием»; 41,4% зачисленных в июне 1934 г. на основной факультет академии имени Фрунзе получили на приемных экзаменах пять и более «неудов», 18,7% — четыре, 36,1% — от одного до трех, и только 2,8% были приняты без «неудов», но при приеме, подчеркивал 22 июня 1934 г. помощник начальника «Фрунзевки» по политической части Е. А. Щаденко, руководствовались «не только результатами приемных экзаменов, но и ценностью данного кандидата для армии»⁷¹ (читай: социальным положением, этим критерием политической благонадежности. — А. С.). Ознакомившемуся с набором 1934 года в ВАММ работнику 5-го отдела ПУ РККА Е. М. Борисову пришлось все же потребовать «срочных и решительных мер» для того, чтобы оставить на первых курсах лишь тех, кто не только обладает подходящими «социально-партийными данными», но и «по своей общеобразовательной подготовке и по способностям сможет обеспечивать нормальное прохождение учебной программы». В самом деле, в такой среде «массовым явлением» были «неумение работать над книгой», «огромная трата времени на неудачные записи», «беспомощность в пользовании справочником по физматовским предметам». Однако, как отметил сам же Борисов, «попасть в академию легко, а вот «вылететь» за непригодность крайне труд-

⁶⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 12.

⁶⁸ Там же. Л. 3–3 об., 12; Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 217.

⁶⁹ Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 81. Л. 172.

⁷⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1321. Л. 111.

⁷¹ Там же. Д. 1280. Л. 25; Д. 1279. Л. 4, 6.

но». В результате окончившие ВАММ *инженеры*, как показала предпринятая в 1934 г. проверка, «не владели математическими познаниями»⁷².

В Артиллерийской академии РККА (по оценке начальника ее учебного отдела Я. М. Шапиро) «недостатки» общеобразовательной подготовки слушателей «сильно тормозили весь ход учебного процесса» и в 1935 г., а до 1934/1935 учебного года «недостаточно твердые знания средней математики» даже не позволяли некоторым «слушать квалифицированную лекцию. Отсюда попытки превратить лекцию в диктовку и постоянные жалобы на быстрый темп лекции». Неудивительно, что инженеров академия и к 1937 г. выпускала «еще недостаточно квалифицированных»⁷³.

В общем, подытоживал в марте 1935 г. в тезисах к докладу «О реализации постановления ЦИК СССР о высшей школе и ВВУЗ (высших военно-учебных заведениях. — А. С.) РККА» помощник инспектора ВВУЗ РККА Г. Г. Невский, до выхода 16 сентября 1932 г. названного постановления из-за «очень слабой подготовки поступающего контингента», «неудовлетворительной работы нормальных школ» и «преимущественного привлечения пролетарских кадров» «правильно обслужить обучаемых» военным академиям «не удавалось» и *академии «в значительной мере снизились до уровня техникумов* (выделено мной. — А. С.)»⁷⁴. Невский, однако, умолчал не только о том, что последний из названных им факторов породил и первые два, но и о том, что положение не улучшилось и после 1932 г. Это за него сделал сам нарком обороны К. Е. Ворошилов. «Беда заключается в том, — признал он еще 9 декабря 1935 г., на Военном совете при наркоме обороны, — что мы принимаем людей неподготовленных, что они не успевают переваривать то, что им дают. [...] Наши слушатели всех академий воют, что им такими темпами преподают, что они не успевают воспринимать, и поэтому движение вперед идет на холостом ходу»⁷⁵.

Другим, помимо классовых ограничений на прием в военно-учебные заведения, методом «орабочивания» (и, следовательно, деинтеллектуализации) командных кадров Красной Армии в 20-е — начале 30-х гг. было целенаправленное увольнение из РККА как политически неблагонадежных бывших офицеров русской армии. Анализируя изменение облика комсостава РККА в 1923–1926 гг., Управление делами наркомата по военным и морским делам СССР отметило «постепенную и неуклонную убыль бывших офицеров»⁷⁶. «Все они, — откровенно писал 17 декабря 1924 г. об уволенных бывших

⁷² Там же. Д. 1280. Л. 20, 22, 25, 55.

⁷³ Там же. Д. 1988. Л. 83–83 об; Д. 2368. Л. 16.

⁷⁴ Там же. Оп. 29. Д. 193. Л. 220–221.

⁷⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 94.

⁷⁶ Реформа в Красной Армии. Кн. 1. С. 654.

белых офицерах заместитель председателя РВС СССР М. В. Фрунзе, — служили вполне лояльно, но дальнейшее оставление их в армии, особенно в связи с переходом к единоначалию (предполагавшему ответственность командира и за политическое воспитание подчиненных. — А. С.), просто нецелесообразно»⁷⁷. Среди командиров, уволенных «за невозможностью соответствующего использования» в 1927 г., бывших офицеров, не прошедших переподготовку в военно-учебных заведениях РККА, было 18,5% — хотя их доля среди комсостава РККА на 1 декабря 1926 г. составляла лишь 15,1%⁷⁸. Военное образование большинства этих лиц (ускоренные курсы военных училищ или школы прапорщиков) действительно было неполноценным — однако при этом в РККА сохранили немало командиров (8,6% общего количества на 1 декабря 1927 г.), которые военного образования вообще не имели⁷⁹. Начавшееся в 1928 г. рьяное «обрабочивание командных кадров» дало новый толчок изгнанию бывших офицеров. «Увольнение по несоответствию и [за] невозможностью использования в РККА, — отмечал 7 марта 1931 г. временно исправляющий должность начальника отдела статистики ГУ РККА Гринкевич, — главным образом, идет по социальной группе «прочих»⁸⁰. Только аресту органами ОГПУ в 1930–1932 гг. подверглось 3496 лиц комначсостава из бывших офицеров⁸¹.

Конечно, к октябрю 1917 г. подавляющее большинство русского офицества составляли те, кто стал офицером лишь благодаря мировой войне, многократно увеличившей потребность в комсоставе; многие из них имели весьма скромное общее образование (вплоть до «грамотности без окончания школы»). Однако (судя по случайной выборке из семи пехотных частей 6-й армии Румынского фронта, данные по которым опубликовал ее бывший генерал-квартирмейстер генерал-майор В. В. Чернавин) в целом общеобразовательный уровень даже и пехотного «предоктябрьского» офицества был далеко не таким низким, чтобы разбрасываться этими кадрами (см. таблицу 5⁸²).

Как видим, даже на четвертом году мировой войны доля лиц с неполным или законченным средним образованием среди офицеров русской пехоты была в 1,2–1,5 раза выше, чем среди комсостава РККА в 1924–1927 гг. А поскольку в кавалерии и артиллерии к осени 1917 г. сохранилось на порядок

⁷⁷ Там же. С. 693.

⁷⁸ Там же. Кн. 2. С. 311, 316.

⁷⁹ Там же. С. 312.

⁸⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 26. Л. 79 об.

⁸¹ Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М., 2005. С. 460.

⁸² Составлено по: Чернавин В. В. К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военно-исторический журнал. 1999, № 5. С. 90; Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 312.

Таблица 5

**Общеобразовательный уровень офицеров семи пехотных частей*
6-й армии Румынского фронта к осени 1917 г.
и комсостава РККА в 1924–1927 гг. (в %)**

образование	1917	1924	1925	1926	1927
домашнее и на службе	22,0	61,7	72,2	74,2	76,7
низшее	31,0				
неполное среднее	20,0	35,5	26,0	24,0	21,7
среднее	22,0				
высшее	5,0	2,8	1,8	1,8	1,6

* 160-й пехотный Абхазский, 241-й пехотный Седлецкий, 459-й пехотный Миропольский, 10-й и 29-й стрелковые и 36-й и 40-й Сибирские стрелковые полки (соответственно 40-й, 61-й и 115-й пехотных, 3-й и 8-й стрелковых и 9-й и 10-й Сибирских стрелковых дивизий).

больше, чем в пехоте, кадровых офицеров (с общим образованием не ниже неполного среднего), по общеобразовательному уровню командного состава «предоктябрьская» русская армия превосходила Красную 20-х гг. в еще большей степени, чем можно заключить из таблицы 5.

Но, может быть, увольняли только тех «бывших», которые имели низшее образование? Отнюдь; так, на протяжении 1925 года процент бывших офицеров уменьшился в 1,25 раза — и почти настолько же — в 1,38 раза — стало меньше и лиц с образованием выше низшего. Для 1926 г. корреляция между изменениями этих двух показателей оказывается еще более тесной: первый уменьшился в 1,12 раза, а второй — в 1,08. А для 1927 г. изменения обоих показателей совпадают до третьего знака после запятой — и бывших офицеров и лиц с образованием выше низшего стало меньше в 1,107 раза⁸³. К марту 1931 г. в запасе только командного состава РККА накопилось 62 784 бывших офицера, в том числе 40 756, служивших после 1917 г. только в Красной Армии, и 4 779, не служивших ни в Красной, ни в белых армиях (еще 11 238 человека служили сначала в белых, а затем в Красной, а 6 011 — только в белых)⁸⁴. Это больше, чем вся численность комсостава тогдашней РККА, и при желании среди этих 60 тысяч давно можно было найти достаточное для нужд армии число лиц со средним или хотя бы неполным средним образованием (при-

⁸³ Подсчитано по: Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 312, 313.

⁸⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 26. Л. 74.

чем большинство из них наверняка удалось бы заинтересовать в службе материально: уволенные из РККА бывшие офицеры зачастую бедствовали). Военное образование большинства этих людей, будучи полученным в годы Первой мировой войны и, как следствие, ускоренным, оставляло желать лучшего, но приличное общее образование (в сочетании с боевым опытом) позволяло надеяться на успех переподготовки их на КУКС или в нормальных военных школах (в начале 20-х в них уже доучивали выпускников командных курсов времен Гражданской войны). Командиры запаса — участники Первой мировой и Гражданской войн (т. е. в большинстве бывшие офицеры. — А. С.), приписанные к частям 37-й стрелковой дивизии, еще в мае — июне 1936 г. показывали на сборах, что умеют «быстро разбираться в сложной обстановке» (выделено мной. — А. С.) и способны к выполнению сложных боевых задач в боевой обстановке⁸⁵. «Не имея высшего военного образования, — значилось в аттестации начальника отдела штаба 12-го стрелкового корпуса Приволжского военного округа полковника М. А. Меандрова за 1938 год, — по своему уровню развития и тактической работы в войсках не отличается от многих командиров, окончивших Военную Академию»⁸⁶. И это при том, что бывший штабс-капитан не кончал и КУКС, да и курс военного училища прошел (в 1915 г.) лишь ускоренный. Но удивительного тут мало: до училища Меандров окончил классическую гимназию.

Однако власть исходила из иных критериев, ярким примером следования которым может служить резолюция, наложенная в 1932 г. на отзыве о преподавателе Ульяновской бронетанковой школы Можевитинове: «Старый офицер-поручик. Аполитичен, к службе в мото-мех[анизированных] частях не пригоден»⁸⁷.

«Стремление иметь политически благонадежных командиров, — подвел в 1934 г. общий итог видный русский военный писатель полковник А. А. Зайцов, — приводит к замещению командных должностей лицами, по своему происхождению и подготовке как раз-то наименее подготовленными к их занятию. Командиры же, получившие общую и специальную военную подготовку, с точки зрения коммунистической партии — ненадежны. *Из этого тупика выхода нет, и в этом основной порок Красной Армии. Конфликт между потребностями армии и требованиями правящей СССР коммунистической партии неразрешим* (выделено мной. — А. С.). При желании иметь “пролетарский” командный состав нужно считаться с его безграмотностью. При желании иметь подготовленных, в современном смысле этого слова, командиров нужно бросить “пролетарские

⁸⁵ Там же. Ф. 37464. Оп. 1. Д. 11. Л. 125.

⁸⁶ Цит. по: Александров К. Указ. соч. С. 460–461.

⁸⁷ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 250. Л. 157.

нормы»⁸⁸. Проведенные в 1931–1932 гг. принудительные «специальные наборы» в военные школы лиц, которые были бы одновременно и коммунистами, и рабочими (или вчерашними рабочими), и обладателями хотя бы неполного среднего образования, «выходом из тупика» стать не могли и не смогли: таких лиц в СССР было слишком мало. И так большинство набранных пришлось снимать с учебы в гражданских вузах, техникумах и на рабфаках (куда их в свое время тоже направили для увеличения «пролетарской прослойки»). Уже спецнабора 1931 года, часть которого поглотили школы ВВС, хватило лишь на 4 артиллерийские, 2 бронетанковые и 1 школу связи, да и их первые курсы спецнабором укомплектовать смогли лишь частично. При этом среднее образование было лишь у 50% присланных в эти школы по спецнабору; еще 26% имели неполное среднее, а 24% курсантов спецнабора сухопутных школ (на 100% состоявшего из членов и кандидатов в члены ВКП (б) и на 95,8% из рабочих) пришлось все-таки рекрутировать из лиц с низшим образованием (наиболее подготовленных кандидатов получили школы ВВС, 57% курсантов спецнабора которых пришли с 1-го или 2-го курса вузов). К 11 января 1932 г. среди курсантов спецнабора сухопутных школ оказалось даже около 40 человек (1,4%) вовсе без образования⁸⁹. В 1932 г. коммунистов из рабочих со средним или неполным средним образованием удалось наскрести еще меньше, такие составили лишь 70% спецнабора этого года (против 76–77% в 1931)⁹⁰. Кроме того, уровень их реальных знаний документам об образовании не соответствовал. Так, в 1931 г. 21%, 55% и 59%, а в 1932-м — 43%, 74% и 82% курсантов спецнабора, прибывших в 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу, показали неудовлетворительную подготовленность соответственно по арифметике, алгебре и геометрии, а «неудовлетворительные познания» по русскому языку, «доходящие у отдельных лиц почти до безграмотности», в 1932 г. выказали 35%⁹¹. Это и неудивительно: в те времена, когда, как выразился в апреле 1936 г. командующий войсками БВО командарм 1 ранга И. П. Уборевич, «в средней школе черт знает что делалось», а «пролетариев» в высшую и среднюю специальную школу тянули буквально за уши и требования при приеме и учебе предъявляли к ним чисто символические, — и в техникуме, и в вузе могли учиться (и учились) совершенно безграмотные выходцы из рабочей среды. Это из них получались помянутые в 1936 г. Уборевичем инженеры и техники, «которые не знают, под каким соусом едят термодинамику, не знают дробей»⁹².

⁸⁸ Зайцов А. Шестнадцать лет «РККА» // Военная мысль в изгнании. С. 249–250.

⁸⁹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 10. Л. 168, 164; Д. 76. Л. 13.

⁹⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 262. Л. 209.

⁹¹ Там же. Д. 259. Л. 81–81об.

⁹² Два очага опасности (Выступление командующего Белорусским военным округом командарма 1 ранга И. П. Уборевича на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // Военно-исторический журнал. 1988, № 10. С. 43.

Впрочем, из приведенных выше цифр видно, что идея спецнаборов в конечном счете вылилась все в тот же «классовый подбор», что главным требованием к курсантам спецнабора оказалось все-таки не наличие среднего образования, а «социально-классовое лицо» и партийность. Дальнейший поиск способов разрешить неразрешимый «конфликт между потребностями армии и требованиями коммунистической партии» свелся (как и следовало ожидать) к чистой маниловщине. Ужасающие результаты учебы «пролетарских кадров», принятых в военные школы в 1931 г. — наиболее безграмотных с середины 20-х — в феврале 1932 г., заставили-таки Б. М. Фельдмана признать, что «необходимо добиться во что бы то ни стало, чтобы набор 32 года дал бы школам «кадры» *«с обязательной грамотностью не ниже семилетки»* (выделено мной. — А. С.). Но «повысить требования к общеобразовательному уровню поступающей в школы молодежи» начальник ГУ и ВУЗ РККА собирался... «всемерно повышая и улучшая партийно-комсомольскую, рабочую (дети рабочих и военнослужащих) и колхозную прослойку!»⁹³ Перестать обманывать самих себя никак не решались. Приведя в проекте своего доклада на пленуме РВС СССР осенью 1932 г. огромные цифры рабочей и партийно-комсомольской прослойки, Фельдман заученно заверял, что комплектование военных школ «дает такой состав курсантов, с которым можно добиться самых высоких результатов в боевой подготовке»; в составленном в марте 1932 г. акте инспектирования Бакинской пехотной школы, зафиксировавшем, что 59 из 73 лиц комначсостава и 386 из 398 курсантов имеют низшее образование, что «курсанты слабо владеют устной и письменной речью» и «не имеют прочных навыков в работе над книгой», — столь же ритуально провозглашалось, что «наличие подавляющего большинства рабочей прослойки» и «высокая партийная и комсомольская прослойка» «являются базой для успешной военно-политической учебы»⁹⁴.

И только осенью 1932 г., после приема, давшего контингент еще более безграмотный, чем в 1931, и впоследствии на 40–50% отчисленный по неуспеваемости,⁹⁵ — советскому военному руководству стало ясно, что от того оголтелого «орабочивания командных кадров», которое началось в 1928 г., придется все же отказаться. Этой осенью общеобразовательный ценз для поступающих в военные школы *впервые за все годы советской власти был поднят до 7 классов, т. е. до наличия неполного среднего образования*. Правда, в первый год действия нового ценза — 1933 — выдержать его требования полностью не удалось: наркомвоенмор К. Е. Ворошилов приказал, как и раньше, «преимущество отдавать рабочим, детям рабочих

⁹³ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 17. Л. 189.

⁹⁴ Там же. Д. 20. Л. 437; Д. 181. Л. 84, 85.

⁹⁵ Там же. Д. 234. Л. 68.

и военнотружущих», а РВС СССР установил невероятно жесткие требования к партийности принимаемых (не менее 60% членов и кандидатов в члены ВКП (б) и не менее 35% членов ВЛКСМ, в артиллерийских, бронетанковых, технических и авиационных школах — соответственно не менее 80% и не менее 20%; из беспартийных же принимать только рабочих, передовых колхозников и лучших ударников, да и то лишь «тщательно проверенных и имеющих положительные рекомендации» партийных, комсомольских и профсоюзных организаций)⁹⁶. Для заполнения всех имевшихся на первых курсах военных школ вакансий таких сверхблагонадежных «в социальном и партийном отношении» и в то же время имеющих неполное среднее образование лиц хватить не могло, и 40% принятых оказались все-таки с низшим образованием (при этом за 1932/33 учебный год из курсантов отчислили 437 «классово чуждых» и 244 «политически неустойчивых элемента», хотя, как беззастенчиво признал Б. М. Фельдман, «все эти элементы очень хорошо сумели замаскировать свое лицо отличной учебной работой»⁹⁷). Но все же, как видно из таблиц 6 и 7, ради того, чтобы общеобразовательный уровень будущих командиров повысился, власть в 1933 г. смирилась с тем, что доля рабочих при приеме — чего не было с 1926 г.! — уменьшилась, а процент «прочих» вырос в три раза.

В том же 1933 г. уже определенно выяснилось, что *это было начало отказа от попыток разрешить неразрешимый «конфликт между потребностями армии и требованиями правящей СССР коммунистической партии»*, начало пути к окончательному выбору в пользу потребностей армии («при желании иметь подготовленных, в современном смысле этого слова, командиров нужно бросить «пролетарские нормы»). В своем докладе об итогах 1932/33 учебного года Б. М. Фельдман еще осудил попытки исключать из военных школ «социально близких» «только по признакам малоуспеваемости» (sic!), но твердо потребовал прекратить принимать впредь лиц с образованием менее 7 классов, малограмотных. А сообщая в другом своем докладе об отсеивании на приемных испытаниях половины кандидатов, направленных осенью 1933 г. в военные школы войсковыми частями, подчеркнул, что это «есть результат такого действительно тщательного отбора в школы не только по социально-классовому признаку, но и по общеобразовательному», который *стоит на повестке дня*⁹⁸.

Подобная «генеральная линия» была выдержана и в 1934–1935 гг. Необходимого количества лиц с неполным средним образованием, годных по «социально-классовому признаку», не сумели найти и в 1934, а сменив-

⁹⁶ Там же. Д. 92. Л. 14, 74, 93.

⁹⁷ Там же. Д. 17. Л. 121, 146, 168.

⁹⁸ Там же. С. 143, 140, 116.

ший Б. М. Фельдмана в качестве главы военно-учебных заведений начальник УВУЗ РККА Е. С. Казанский еще и 13 августа 1935 г. грозно писал начальникам военных школ: «Еще раз предупреждаю, что формальный подход к отбору курсантов, с точки зрения их общеобразовательной подготовки, в настоящих условиях больше, чем когда-либо, нетерпим. Весь ценный по своим социальным и партийным признакам, желающий учиться в школе и подающий надежды на быстрое повышение своей общеобразовательной подготовки контингент — должен быть безусловно принят в школы»⁹⁹. Согласно инструкции, утвержденной наркомом обороны 17 июня 1935 г., поступающие должны были иметь партийные или комсомольские характеристики, обсуждавшиеся на общем собрании предприятия или учреждения и утвержденные парторганизацией, их кандидатуры должен был лично проверять районный военный комиссар (при непосредственном участии и представителя НКВД), а утверждать — райком или горком партии. Однако на практике «социально-классовый признак» при отборе учитывали в еще меньшей, а «общеобразовательный» — в еще большей степени, чем в 1933 г. (см. таблицы 6¹⁰⁰ и 7¹⁰¹). Среди принятых в 1935 г. в школы связи и в военно-инженерную долю «прочих» (т. е. прилично образованных) решились увеличить почти до половины — до 46–48,5%¹⁰². Лиц же с образованием менее 7 классов в 1935 г. принимали уже не по политическим, а по деловым соображениям — из-за увеличения числа вакансий в школах (вызванного, в свою очередь, резким увеличением численности РККА) и из-за стремления зачислить в школы побольше лиц с опытом службы в армии и командования подразделением — младших командиров действительной службы.

И, наконец, в 1936 г. прямо стали стремиться к тому, что раньше считалось нежелательным: поставили *специальную задачу* «вовлечь в школы учащихся старших классов гражданских учебных заведений (полной средней школы, техникумов)»¹⁰³, т. е. лиц, не являвшихся по своему социальному положению ни рабочими, ни крестьянами (и в лучшем случае писавших «из рабочих» или «из крестьян» в анкетной графе «социальное происхождение»), но имевших приличное общее образование. Львиную долю тех «прочих», которых в 1936 г. приняли (см. таблицу 6) больше, чем раньше принимали рабочих, составили именно учащиеся, а вообще среди принятых в сухопутные военные школы РККА в 1936 г. учащихся оказалось больше половины — 52,1% (по другим данным, 55,2%), т. е. в пять раз больше, чем в 1935 г., когда их было

⁹⁹ Там же. Д. 109. Л. 77.

¹⁰⁰ Составлено по: Там же. Л. 55; Ф. 9. Оп. 36. Д. 4227. Л. 4.

¹⁰¹ Составлено по: Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 55, 77, 148.

¹⁰² Там же. Д. 74. Л. 60.

¹⁰³ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4227. Л. 5.

Таблица 6

**Социальный состав принятых в сухопутные
военные школы РККА в 1932–1936 гг. (в %)**

год	рабочих	крестьян	всего рабочих и крестьян	прочих
1932	63,8	32,4	96,2	3,8
1933	61,4	27,6	89,0	11,0
1934	57,7	25,1	82,8	17,2
1935*	41,0	26,7	67,7	32,3
1936**	22,2	8,8	31,0	69,0

* Согласно другому составленному в УВУЗ РККА документу (докладу от 5 октября 1936 г. об итогах комплектования сухопутных военных школ РККА курсантским составом в 1936 г., рабочих 41,9%, крестьян 25,4% (всего рабочих и крестьян 67,3%), прочих 32,7%.

** Согласно докладу начальника УВУЗ РККА от 5 октября 1936 г., рабочих 21,7%, крестьян 7,2% (всего рабочих и крестьян 28,9%), прочих 71,1%.

Таблица 7

**Общеобразовательный уровень принятых
в сухопутные военные школы РККА в 1932–1936 гг. (в %)**

год	без образования и низшее	7 классов	8–10 классов*
1932	77,3	13,9	8,4
1933	40,3	47,7	12,0
1934	23,0	60,8	16,2
1935	16,4	55,2	28,4
1936**	—	28,6	71,4

* В том числе студенты техникумов, рабфаков и вузов. Первый выпуск лиц с 10-классным полным средним образованием вместо 9-классного общеобразовательные школы произвели в 1935 г.

** Согласно другой составленной в УВУЗ РККА справке («Выводам по итогам комплектования сухопутных военных школ РККА курсантским составом в 1936 г.»), с 7 классами тогда было принято 26,5%, а с 8–10 классами — 73,5%.

Таблица 8

**Общеобразовательный уровень принятых в 1936 г.
в военные школы различных родов войск (в %)**

школы	7 классов	8 классов	9 классов	10 классов
Одесская артиллерийская	—	—	—	100,0
1-я Ленинградская артиллерийская	—	6,0	94,0	
Другие артиллерийские школы и артиллерийские отделения объединенных школ (кроме четырех) *	20,0			80,0
Артиллерийские школы и артиллерийские отделения объединенных школ в целом	21,8	20,5	23,0	34,7
Специальные (кроме четырех)	8,0–14,0		86,0–92,0	
Бронетанковые	44,1	18,8	20,3**	16,8***
Одесская пехотная	—	—	—	100,0
Ленинградская пехотная	19,1			80,9
прочие пехотные и кавалерийские	30,0–50,0		50,0–70,0	

* По данным отчетного доклада УВУЗ РККА за 1936 г. (октябрь 1936 г.). Согласно докладу об итогах комплектования сухопутных военных школ РККА курсантским составом в 1936 г. от 5 октября 1936 г., с 7 классами — 14–19%, а с 8–10 классами — 81–86%.

** В том числе студенты техникумов и рабфаков.

*** В том числе студенты вузов.

10,9%¹⁰⁴. Именно благодаря этому почти неприкрытому «отбрасыванию «пролетарских норм» в 1936 г. и удалось, наконец, выполнить поставленную осенью 1932 г. задачу принимать в военные школы исключительно лиц с образованием не менее 7 классов (т. е. как минимум с неполным средним образованием). При этом зачисленные в артиллерийские и технические школы в большинстве своем окончили по 8–10 классов (см. таблицу 8¹⁰⁵).

А в начале 1937 г. решили поднять планку еще выше и принимать в военные школы (которые с 16 марта 1937 г. назывались военными училищами) лиц с общим образованием не ниже 8 классов, а также увеличить с одной

¹⁰⁴ Там же. Л. 4; Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 77.

¹⁰⁵ Составлено по: Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 87, 219, 228–229; Ф. 9. Оп. 36. Д. 4227. Л. 4.

до пяти число артиллерийских школ, комплектуемых исключительно лицами с полным средним образованием. Согласно справке, подписанной 25 января 1938 г. временно исправляющим должность начальника УВУЗ РККА комбригом С. А. Смирновым, эта задача была выполнена: 99,2% принятых осенью 1937 г. в сухопутные военные училища окончили 8–10 классов (и лишь у 0,8% была только семилетка), причем среди зачисленных в артиллерийские училища 72% (вдвое больше, чем в 1936 г.) имели полное среднее образование¹⁰⁶.

Но было уже поздно. На общеобразовательный уровень комсостава Красной Армии образца 1941 года этот происшедший в 1933–1936 гг. отказ от «социального расизма», от подготовки командиров исключительно из рабочих и крестьян повлиять уже не успел. И поражения Красной Армии в 1941 г. напрямую связаны с этой, одной из социальных утопий большевиков.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 248. Л. 1, 3.

М. А. Колеров

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАЛИНИЗМА: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, БИОПОЛИТИКА И ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА

«Вся Россия делается тюрьмой... и будут войны — вот уже время близко».

Схиеромонах Аристоклий Афонский. 1917–1918

«Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству... как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, — разглядите их внимательно и воздайте им по их делам»

И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946

1. Сталинизм в его эпохе

Сталинский СССР¹ в середине XX века, пожалуй, был временем **наивысшего военно-политического могущества Исторической России**. Ос-

¹ Понятие «сталинизм» я принимаю здесь для обозначения политического, экономического и социального режима в СССР периода единоличной диктатуры И. В. Сталина (1929–1953). В тех конкретно-исторических условиях сталинизм был одним из примеров европейских традиций политической диктатуры и террора, первым случаем коммунистического эксперимента в области общеевропейской индустриализации и специфическим образцом коммунистической коллективизации сельского хозяйства. Обширный очерк более литературно-общественной, чем историографической, дискуссии в СССР и постсо-

новой могущества сталинского СССР, явленного в победе над нацистской Германией и её европейскими союзниками в оборонительной тотальной войне на уничтожение — и созданного, в первую очередь, ради этой победы, стала тотальная мобилизация всех ресурсов страны, основанная на репрессивной политической диктатуре, форсированной сверхиндустриализации и всеобщей системе принудительного труда. Угроза тотальной войны и подготовка к ней на пути тотальной мобилизации в 1920–1930-е гг. — вот главные исторические условия сталинизма, в которых он существовал вместе со всем миром и особенно вместе со всей Европой и Азией. Международная политико-экономическая изоляция СССР этого времени, его относительная технологическая и социальная отсталость, международная конкуренция за обладание его ресурсами, предопределившая обострение исторических угроз безопасности, практический и доктринальный опыт капиталистической индустриализации и социального контроля — вот его главные предпосылки. Актами подготовки к тотальной войне и тотальной мобилизации СССР стали форсированная индустриализация, принудительная коллективизация и массовый террор. Главным содержанием экономической подготовки СССР к войне — строительство эшелонированной стратегической глубины военно-промышленного и ресурсного потенциала, подчинённой идее «второго промышленного центра» страны на Урале и в Сибири, то есть повторной индустриализации и расширения ресурсно-промышленного потенциала Урала и создания такового потенциала в Западной Сибири и на севере Туркестана. Такой план экономической подготовки был невозможен без массового принудительного труда.

Подобно тому, как Эрнст Нольте в своих трудах о нацизме в его эпохе², обнаружил — вслед за Уинстоном Черчиллем (1874–1965), после победы над Гитлером заявившим, что «фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма» — якобы *реактивный* характер фашизма, его *ответ на вызовы эпохи* (особенно — большевизм) и в этом смысле вернул явление породившему его времени, представляется необходимым вернуть сталинизм породившему его месту и времени. Но исследовать его генезис не в «реабилитирующем» или ревизионистском объяснении-оправдании, а в его доктринальных, идейных, исторических пределах, в правилах эпохи, которым следовал сталинизм. Только так мы сможем оценить подлинные зло и ужас эпохи и то, в какой степени сталинизм на деле преумножил эти

ветской России (с вкраплением концепций Л. Д. Троцкого и А. Г. Авторханова) о границах и содержании «сталинизма» см.: *Чельцова А. Е.* Феномен «сталинизма» в отечественной историографии // Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в. / Отв. ред. А. С. Усачев. М.; СПб., 2012.

² *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе [1963]. Новосибирск, 2001; *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм [1997]. М., 2003.

зло и ужас. Следует исследовательски **вернуть сталинизм его времени, в котором он был учеником**: социал-дарвинизму, марксизму, индустриализации, милитаризации и тотальной войне, всесторонней мобилизации населения, угрозам безопасности, мучительной колонизации, империализму и ожесточённой борьбе за ресурсы — вернуть в европейский и русский XIX век, не только Первой мировой войне, но всему социал-милитаристскому консенсусу Запада. На самом деле, не так важно, насколько этот социал-милитаристский консенсус отражал подлинные потребности человечества, важно то, насколько всепроникающим было убеждение властвующих словом и делом в том, что без такой готовности к новым войнам и испытаниям, человечество не будет защищено, а конкретные государства исчезнут, лишённые безопасности.

Преобладающим методологическим дефицитом в интернациональной историографии сталинизма до сих пор остаётся дефицит исследования актуального и общего **исторического контекста** сталинизма, **исторического опыта** (публично транслированной и общественно значимой **памяти** об этом опыте) создателей сталинского режима и — как это ни странно при гигантской литературе о национальных корнях большевизма — **интеллектуальной традиции** (общественной и профессионально-государственной повестки дня, предмета дискуссий), в лоне которой вызревали государственные задачи сталинизма.

Представляется методически важным особо отметить и то, что историческое сознание всегда переживает новые события «впервые», описывая и интерпретируя их, вырабатывая «ответы на исторические вызовы» на языке прецедентов, совершенно не предполагая того будущего горизонта, с высоты изменений которого исторических деятелей будут судить будущие историки. Для исторического сознания Русской революции начала XX века навсегда останутся доминирующе важными Великая французская революция 1789 года, Парижская коммуна 1871 года — и, разумеется, полностью не существующими Париж и Прага 1968-го. В высшей степени реальными и незабываемыми останутся Великая война 1914–1918 гг. и Брест-Литовск 1918 года — и полностью непредсказуемым, почти не существующим Берлин 1945-го. Перед лицом пережитой Россией единой революции 1917 года, которая *сначала* стала результатом и фактором поражения страны в мировой войне, развивалась *внутри* дезинтеграции государства и длительной, кровавой Гражданской войны и террора, социально-экономической и демографической катастрофы, а лишь *затем* реализовывалась в вооружённой реинтеграции страны в остром конфликте с альтернативными центрами интеграции, сепаратистскими государствами, мировыми державами, непосредственно оккупировавшими огромные части территории страны,

можно сказать, что абсолютно преобладающим опытом советских властей в 1920–1930-х гг. был опыт чрезвычайного физического выживания режима и лишь затем — опыт коммунистического эксперимента, догма которого, как известно, легко приносилась большевиками в жертву ради завоевания и сохранения власти и в 1917-м («чёрный передел»), и в 1918-м (Брестский мир), и в 1921-м (НЭП) годах. Фактор «чрезвычайности» в деле проведения ускоренной технологической модернизации страны целиком укладывается в контекст тотальной угрозы национальной безопасности, ставящей под сомнение перспективы самого существования государственности. Для такой модернизации — мобилизация действительно становится главным инструментом самоспасения. Но в персонально пережитом большевиками и их сотрудниками в деле управления СССР историческом опыте революций существовал и более широкий контекст, и более глубокая историческая диахрония.

Сталин, насыщая свою риторику историческими экскурсами, приучил историков с особым вниманием относиться к персональным историческим аналогиям, к упоминаниям Петра Великого и Ивана Грозного, к которым прибегал Сталин для легитимации своего геополитического курса и своего политического режима³. Но, похоже, историки сталинизма до сих пор с недостаточным вниманием отнеслись к методологическому смыслу известного признания Сталина в его обращении 2 сентября 1945 года к советскому народу в связи с победой СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции (к тому времени уже практически мёртвой) в войне против Японии. Описывая источники и угрозы Второй мировой войны с запада на восток, с германской угрозы на западе, Сталин указал на многолетнюю японскую угрозу с востока. Описывая систему этой угрозы с востока, Сталин прибегал не к партийным, идеологическим, а ко вполне рафинированным этатистским и историческим категориям:

«У нас есть еще свой особый счет к Японии. Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура... Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и,

³ См. например: *Сталин И. В.* Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. СПб., 2006.

таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток... Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил... Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии. Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке».

Из этих признаний историкам следует не только выстраивать лежащие на интерпретационной поверхности концепции «национал-большевистского» или «великодержавно-патриотического», «традиционно-имперского» перерождения сталинского режима. Для описания сути этой перемены избыточны указания на возрождение русской истории в советском курсе учебных наук, восстановление в СССР Патриаршества, традиционной военной формы и званий в РККА и т. п. Для настоящего исследования это значит, что именно «война на уничтожение» (и её многолетняя угроза), уничтожение народа и государственности исторической России предопределило «перерождение» идеологических принципов правящего большевизма в области внешней политики и стратегической безопасности. Находившийся во внутренней национально-церковной оппозиции коммунизму старый русский писатель М. М. Пришвин записал в дневнике 22 и 25 июня 1941 года: «Пришло ясное сознание войны как суда народа: дано было почти четверть века готовиться к войне, и вот сейчас окажется, как мы готовились... Сейчас коммунизм до очевидности сидит целиком на *отечестве*»⁴.

В этом контексте из признаний Сталина о Японии следует и методически ещё более важный вывод: не только о том, что Сталин считал себя и свой СССР государственными наследниками Петра Великого и его России, но и о том, что сталинский СССР, свершившись к 1941 году как адекватное своим континентальным масштабам государство, неизбежно наследовал

⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М., 2012. С. 491, 495.

исторические (географически — континентальные) угрозы. С этими угрозами столкнулась бы любая суверенная государственность на территории исторической России, даже в интернационалистском проекте «мировой революции», исповедуя который ранний коммунистический СССР не мог не укреплять собственной государственности как ресурсно-идеологического «оплота» мирового коммунизма. В 1920-х гг., вскоре после неудачи «мировой коммунистической революции» на территории бывших Германской и Австро-Венгерской империй и неудачи союзничества коммунистической Советской России с националистической Турцией на обломках Османской империи, после того как «Европа» отделилась от России сетью авторитарно-националистических лимитрофов, часть которых новоизобретёнными («Великая Финляндия», «Великая Румыния») или ещё более масштабными, чем прежде («Междуморье» Польши) имперско-колониальными (за счёт исторической России) проектами, интернациональный проект советского коммунизма становился всё более антиколониальным и всё более направлялся далее на Восток, к пределам ещё живой Британской империи, к «красному Китаю», расчленяемому колониализмом, — и принудительно требовал от советских коммунистов всё более внимательного отношения к собственным ресурсам и положению Востока СССР. Так даже ранний советский коммунизм вставал лицом к лицу перед оставленными ему в наследство Российской империей проблемами Зауралья, Туркестана, Сибири и Дальнего Востока, которые традиция русской оппозиционной мысли предпочитала описывать в категориях «царской каторги», «тюрьмы народов», тщетной колонизации, пустых царских торгово-империалистических амбиций, ведущих к будущему столкновению с Японией и стоявшей за ней Британской империей. Традиция же русской государственной мысли, менее популярная, вела многодесятилетние исследования русского Зауралья как ресурсно неисчерпаемой и, в отличие от Аляски, гораздо более досягаемой, не внешней, а внутренней «Русской Америки», лоббировали и реализовывали её экономическое освоение, чтобы... укрепить Россию в её будущем столкновении с Японией и стоявшей за ней Британской империей. Поэтому любой государственно ответственный проект Востока России автоматически прибегал не к антисамодержавному пустословию и социальной критике, а к уже сложившемуся консенсусу относительно освоения и защиты своего Востока, в котором защита от угроз с востока адекватно понималась как защита будущего ресурсного сердца всей России. Вспоминая, как «сорок лет ждали мы, люди старого поколения», восстановления безопасности России на Дальнем Востоке, Сталин вновь и вновь актуализировал на деле никогда не предававшиеся забвению, но лишь отходившие на риторически третий план, систему и структуру **интеллектуального консенсуса в русской государствен-**

НОЙ МЫСЛИ. Этот консенсус, его исторические прецеденты, всегда были естественными спутниками общественно-политической реакции на внешние угрозы государственной безопасности. И непосредственно диктовали стратегические решения по преодолению или предупреждению этих угроз.

Россия, несмотря на традиционные волны внутренней колонизации с Запада на Восток, Север и Юг, сменяющиеся сопоставимым оттоком населения с окраин к центру, исторически сталкивается со значительным внешним миграционным давлением, но более всего — с прямыми внешними военными угрозами её безопасности на Западе, на Юге (Кавказе и Азии) и на Дальнем Востоке. Они и диктуют её государству приоритеты географического развития, независимо от формул условного спора «западников» и «славянофилов» о враждебности или образцовости Запада для развития России. После Кавказской войны стал возможен нефтяной Баку, после завоевания Туркестана стал возможен «второй индустриальный центр» в Западной Сибири. До того времени все претензии такого рода не шли дальше повторного освоения Урала.

Именно поэтому в ряду стратегических интересов России и СССР в XX веке оставалось географическое обеспечение внешней безопасности страны⁵: создание военного, технологического, коммуникационного и экономического потенциалов, позволяющих гарантировать устойчивость национальной обороны, способность страны защитить свои исторические границы и обеспечить себе значимые внешнеполитические позиции в деле устройства континентальной (глобальной) безопасности, формирования предвоенных союзов и послевоенной мировой архитектуры. Учитывая, что наибольший потенциал угроз безопасности России традиционно находился на Западе и Юго-Западе, непосредственно граничащих с центрами исторического политического и нового (с XIX века) промышленного развития России, логично было представление о Западе как естественном фронте будущей войны, в отношении к которому и старопромышленный Центр, и новопромышленные Донецкий бассейн и Баку находились под непосредственной угрозой, а старопромышленный Урал, и новопромышленное Поволжье — в ближнем тылу, который — в случае военных неудач — становился «центром», а в ходе развития наступательных вооружений противника — фронтом второго эшелона. И. В. Сталин писал В. М. Молотову 12 июля 1925: «Хозорганы в СССР наметили уже программу строительства новых заводов. Боюсь, что начнут строить в приграничных районах без учёта ряда

⁵ О внутриполитической консенсуальности внешней национальной безопасности для российского общества XX века см.: *Колеров М. А.* История консенсуса и война большинства // М. Колеров. Война: Внешняя политика России и политическая борьба. М., 2009 (*Kolero M.* The School of Consensus and the War of the Majority // Ivan Krastev, Mark Leonard and Andrew Wilson (Eds.) What does Russia think? London, 2009).

неблагоприятных в этом отношении факторов, и потом, если прозеваем момент, невозможно будет исправить допущенные ошибки. Хотят, например, строить новые фабрики в Питере, в Ростове, что нецелесообразно. Я думаю, что при выработке строительной программы следовало бы учесть, кроме принципа приближения заводов к сырью и топливу, ещё два соображения: смычку с деревней [интеграцию лёгкой и машиностроительной промышленности и сельскохозяйственного производства] и географически-стратегическое положение районов новых заводов. Наш основной тыл — Урал, Поволжье, Чернозёмный юг (Тамбов, Воронеж, Курск, Орёл и т. д.). Именно эти районы (если не считать Урал) страдают отсутствием промышленности. Между тем именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развить промышленное строительство. Питер в этом отношении абсолютно неудобен. Будет, конечно, давление с мест, но его надо преодолеть. Этот вопрос до того важен для нас, что следовало бы поставить его на Пленум ЦК, если бы это понадобилось для преодоления давления с мест. Хорошо бы узнать на этот счёт мнение семёрки». И вновь Молотову 22 сентября 1930-го: «Плохо обстоит дело с Уралом. Миллионы руды лежат у рудников, а вывезти её не на чем. Нет рельс для подведения подъездных и внутризаводских веток, — в этом вся беда. Почему нельзя было бы приостановить на год новое железнодорожное строительство где-либо на Украине или в другом месте и, освободив рельсы вёрст на 200–300, отдать их немедленно Уралу?»⁶.

Весь цивилизационный Центр России от Белого моря до Кавказа и Каспия неизменно оставался географически уязвимым, а борьба России за Прибалтику, Польшу, Украину и Кавказ — географическим условием исторической безопасности её исторического Центра.

Например, известная официально-пропагандистская **«военная тревога»** (военная истерия, ожидание ближайшей войны) в СССР 1927 года (тер-

⁶ *Сталин И.* Сочинения. Т. 17 / Сост. А. Е. Кирюнин, Р. И. Косолапов, С. Ю. Рыченков. Тверь, 2004. С. 194–195, 367. Из этих межрегиональных противоречий стратегического планирования западный исследователь, во всех иных случаях абсолютизируя деспотическую волю Сталина, делает ошибочный вывод о том, что в практической реализации территориальных приоритетов экономического развития в СССР якобы протекала борьба не между союзным центром и региональными группами влияния, а между квазифедеративными субъектами формирования общей союзной политики, целиком относящейся к компетенции Политбюро: «За распределение инвестиций шла яростная борьба. Урал, Сибирь и республики Закавказья хотели быть центрами тяжелой промышленности, тогда как Россия и Украина стремились отстоять свое первенство» (*Грегори Пол.* Политическая экономия сталинизма [2004]. М., 2006. С. 106). Эта крайне некорректная и просто ложная формула, изобретенная в духе современной националистической историографии бывших советских республик игнорирует тот простой факт, что региональные кланы в СССР боролись, условно говоря, не за обладание собственным стратегическим потенциалом или ядерным оружием, а за долю в централизованных ресурсах, отпускаемых на их создание.

минологически копирующая европейские «военные тревоги» 1875 и 1887 гг.), когда на конфликт СССР и его Коммунистического Интернационала с Великобританией наложились неудачи поддерживаемого СССР «красного Китая», а также призывы русской белой, антикоммунистической эмиграции к новой иностранной интервенции против СССР, считается в историографии непосредственным политическим импульсом к началу ускоренной индустриализации и коллективизации, то есть к скорейшей военно-экономической мобилизации тыла. Дискуссия идёт лишь о степени оправданности этой «военной тревоги» и управляемости этой истерии, её якобы инструментализации Сталиным для борьбы с его конкурентами в руководстве СССР⁷. В научной литературе звучат суждения о том, что в тех конкретно-исторических условиях никто из европейских участников потенциального антикоммунистического блока не был готов к новой войне — особенно против СССР⁸, что в любом случае, даже позволяя обвинить советскую власть

⁷ В апреле 1927 года расправа главы китайской национальной партии Гоминьдан Чан-Кай-ши над своими коммунистическими союзниками в Китае привела к утрате Коминтерном возможности прямого влияния на события в Китае и краху идеи «единого фронта» Коминтерна с национально-освободительными движениями. Это стало актом нового поражения плана «мировой революции», который проповедовали отстранившие от высшей власти в СССР Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и Л. Д. Троцкого Бухариным председателем исполкома Коминтерна Н. И. Бухарин и Сталин и окончательным аргументом в пользу «построения социализма в одной стране». 27 мая 1927 г. Англия разорвала дипломатические отношения с СССР. Замглавы НКВД СССР М. М. Литвинов направил Англии ноту о том, что её решение о разрыве дипломатических отношений «нельзя рассматривать иначе, как форсированную подготовку войны». 1 июня 1927 г. ЦК ВКП(б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам» о необходимости готовности к империалистической агрессии. Во исполнение этого началась подготовка мобилизационных мероприятий. 7 июня 1927 г. в Варшаве был убит полпред (посол) СССР в Польше П. Л. Войков. В конце 1927 года «военная тревога» привела к сокращению вдвое поставок зерна крестьянством в ожидании войны («зерновой кризис»). Оппозиция Сталину и Бухарину (Троцкий, Каменев, Зиновьев) оживилась, видя их поражение вне и внутри страны. Трудно поверить, что на самом деле — в условиях только начинающегося социально-экономического конфликта с крестьянским большинством, — искусственно разжигая истерию о внешней угрозе, сталинское руководство не отдавало бы себе отчёта о том, что это лишь укрепляет надежды противников власти и ослабляет её социальный фундамент.

⁸ В противоречие общей для межвоенной Европы практике стратегической военной и экономической долговременной подготовке к тотальной войне, при которой военная промышленность, коммуникации, мобилизационные резервы и армия не создаются после «непосредственной угрозы» и для которой уже не требуются непосредственные угрозы и поводы, считая «непосредственной угрозой» только отобомбизованные вооружённые силы и привлечение военных союзников, современные критики Сталина и СССР оспаривают реальность неспровоцированной военной угрозы СССР со стороны западных держав, доказывают её преувеличенность в конце 1920-х, которая использовалась СССР для ускоренной коллективизации и индустриализации в рамках подготовки к тотальной войне. Они считают реальные действия СССР в Китае и Англии по продвижению коммунизма вполне достаточными для адекватной реакции Англии. А обострение отношений СССР с Англией (экспорт коммунизма и нагнетание «военной тревоги») равно Сталиным и Троцким толкуют только в интересах их внутривнутриполитической борьбы — мобилизации

в «неискренности», не отменяет психологической обоснованности и исторической реальности её внешнеполитических страхов⁹. В литературе практически игнорируется то, что современные, в полноте источников, оценки военно-стратегических потенциалов противников 1920-х были невозможны даже для самых сильных мировых разведок, и главное — что в ожидании новой войны при жизни тогдашнего поколения руководство и население СССР были совершенно едины с политическими классами и избирателями межвоенной Европы. Важнее любых апостериорных оценок для того поколения был **личный исторический опыт и мощная интеллектуальная традиция его истолкования, международный консенсус**: война у дверей — и это ещё более страшная война, чем пережитая только что, в 1914–1918 гг. «Военная тревога» 1927 года, в частности, обнажила для руководства СССР слабость Красной Армии и открыла путь радикальной модернизации армии («по плану Тухачевского») — форсированному техническому перевооружению в опоре на собственные ресурсы и использование производств «двойного назначения»¹⁰. Биограф Бухарина свидетельствует, что «до 1927 г. краткосрочные планы военной подготовки не занимали большого места в экономической философии Бухарина. Несмотря на все свои высказывания

сторонников в борьбе за власть и ресурсов (*Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. С. 243–276, 260–266). См. также указание на то, что враждебность, например, Англии в 1927 году носила исключительно реактивный характер в ответ на действия СССР в самой Англии и Китае: *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002. С. 268–280.

⁹ См.: *Нежинский Л. Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6; *Николаев Л. Н.* Угроза войны против СССР (конец 20-х — начало 30-х годов): Реальность или миф? // Советская внешняя политика, 1917–1945. М., 1992; *Симонов Н. С.* «Крепить оборону Страны Советов»: («Военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. М., 1996. № 3. Комментируя «массовую военную истерию, убеждение, что война начнется не позднее весны, в крайнем случае осени 1927 г., другой исследователь резюмирует: «Доказательства того, что западные страны в то время не планировали военную агрессию против Советского Союза, не опровергают мнение, что правящие круги СССР действительно восприняли ситуацию 1927 г. как возможное преддверие войны и начали перестройку всей жизни страны, создавая мобилизационную модель экономики» (*Кудюкина М. М.* Красная Армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 162, 153). Специалисты подчёркивают рискованность социальной «истерии», если бы она была на деле организована властью: в массе населения СССР в 1920-е гг. «почти никто не сомневался в поражении Советской России» в случае войны (*Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1930-е гг. М., 2008. С. 115; *Баранов А. В.* «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 189; *Посадский А.* От Царицына до Сызрани. Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. С. 397; *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. С. 359).

¹⁰ *Минаков С.* Военная элита 20-х — 30-х годов XX века. 2 изд. М., 2006. С. 485 (особенно: С. 345–371 — глава «Военная тревога» 1926–1927 гг. и советская военная элита).

об «эпохе войн и революций», он предусматривал продолжительную «передышку». Теперь же он и его союзники формулировали экономические рекомендации с учётом возможности войны»¹¹. И в обращении к примеру Петра Великого в сентябре 1928 года Сталин прямо акцентировал внимание на его индустриализации как факторе государственного и военного строительства, не отказав себе и в возможности указать на чрезвычайный характер усилий царя, который «лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны»¹².

Кроме того, для большевистского политического класса Советской России и, очевидно, особенно Сталина, десятилетия помнившего «Чёрное пятно» поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг., эта «военная тревога» развивалась в логике глобальных событий, предшествовавших той войне и её революционным последствиям в России. Известный консервативный публицист, востоковед, конфидент императора Николая II, единомышленник С. Ю. Витте, глава Русско-Китайского банка и российской Маньчжурской железной дороги, издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» Э. Э. Ухтомский (1861–1921), под впечатлением от антияпонской колониальной интервенции Германии и Франции в Китай в 1895–1898 гг. и «временного и случайного» участия в нём России (и, несомненно, под впечатлением от начавшейся англо-бурской войны 1899–1902 гг.), настойчиво призывал дистанцироваться от истребительной колониальной практики названных держав и Англии и, утверждая традиционное, якобы неконфликтное соседство России с Китаем, предрекал: «Запад может ожидать от современной Азии многих политических осложнений. Мы стоим там, вне всякого сомнения, — накануне великих катастроф... Кровавый пожар, подготовляемый Европой на Дальнем Востоке, страшным заревом займётся над бесконечным побережьем... Запад насилиями своими разбудил Восток... Азия страдает, поняв, что между нею и Европой — глубочайшая бездна, тогда как между нашим полным творчества хаосом и ею (этой Азией) нет препон, ибо её предопределённый покровитель и главарь — пестротканая Россия, а между тем, параллельно с ростом и усилением России мы... теряем политическое чутьё в восточных делах»¹³. И делал главный для собственно государственного строительства России — перед лицом приходящего с окраин нового пердела мира — вывод о необходимости исследования и освоения Сиби-

¹¹ Коэн С. Бухарин: Политическая биография, 1888–1938. М., 1988. С. 324.

¹² Сталин И. В. Сочинения. Т. 11, М., 1952. С. 248.

¹³ Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае: Об отношении Запада и России к Востоку [1900]. М., 2012. С. V, 71, 77. См. также его труд «Перед грозным будущим: К русско-японскому столкновению» (1904). См. также специально исследование китайского автора: Чжинцизин Сунь. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX века: «жёлтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008.

ри, Кавказа, Туркестана: «Философски-художественная история нашего движения в Азию до сих пор не написана. Русский народ столь медленно приходит к осознанию, что почти никому ещё не ясна картина нашего коренного единства и последовательного с Востоком. Земли за Уралом пытались даже именовать “колонией”. Связи её с так называемой “метрополией” иными признавались и чуть ли не признаются одинаково искусственными как быстро порвавшиеся политические узы между Испанией и Америкой, между Англией и молодыми заатлантическими Штатами... Не пора ли отдать себе отчёт, почему это неизбежно случилось и отчего наше поступательное движение в Азии нельзя считать завершённым? Ключ к подобному истолкованию лежит в характере завоевания и заселения великорусским племенем сродного ему Заволжья и Зауралья», а именно в его веротерпимости и низкой конфликтности¹⁴.

Исследователь многолетней, широкой европейской (в том числе русской) религиозной, литературно-художественной и политической дискуссии о растущей военной угрозе, пожирающей ресурсы цивилизации и сопутствовавшей ей дискуссии о «жёлтой угрозе» для всей европейской цивилизации, исходящей от Китая и Японии, отмечает, что в общественном (не профессиональном) осмыслении опыта и угроз войны (сначала Первой мировой, а затем и Второй) особая роль принадлежала известному марксисту-востоковеду М. Павловичу (М. Л. Вельтману, 1871–1927), который начал свой творческий путь с детального анализа общественного смысла военных итогов колониальной англо-бурской войны, проповедуя, как и все социалисты, всеобщее милиционное вооружение народа, противостоящего профессиональной армии (колонизаторов)¹⁵. Англо-бурская война, давшая своему времени образцы концлагерей, партизанской войны «вооружённого народа» и «войны на уничтожение», однако, исторически следовала после кубинской и тихоокеанских войн Соединённых Штатов, спешащих апроприировать колониальное наследие Испании. Русский военный разведчик на англо-бурской и русско-японской войне отмечал принципиальное значение американских усилий по формированию новой ситуации на Дальнем Востоке: «С помощью всё время поддерживавшихся ими кубинских и филиппинских революционеров американцы овладевают Кубой, Гуамом и Филиппинами и, таким образом, в несколько скачков оказываются в самом центре великой восточной арены»¹⁶. О прецедентном характере их методов

¹⁴ Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. С. 14, 79–81.

¹⁵ Обатнин Г. Три эпизода из предыстории холодной войны // Европа в России: Сб. ст. / Под ред. П. Пессонена, Г. Обатнина и Т. Хутунена. М., 2010. С. 238–274, особенно 255–256.

¹⁶ Вандам А. Е. Наше положение [1912] // А. Е. Вандам (Едрихин). Наше положение / [Сост. В. В. Рыбин]. СПб., 2009. С. 67.

войны современные исследователи обычаев войны и биополитики говорят не часто. Тем временем завоевание Филиппин США и подавление сопротивления филиппинцев в 1898–1901 гг. выглядело так: подавляя сопротивление населения, американский генерал Д. Смит «применял те самые методы «концентрации» (насильственное переселение жителей в прибрежные пункты), которые в своё время практиковались испанцами на Кубе и являлись в 1897–1898 гг. объектом столь резкой критики в американском Конгрессе. Их отмена была одним из центральных требований к испанскому правительству со стороны США перед началом испано-американской войны... Смит не только по примеру испанцев предписал обитателям внутренних районов острова (Самара — *М. К.*) переселиться в прибрежные барии, — он предавал казни всех, кто не выполнял его распоряжения». Один из представителей гражданской администрации США на Филиппинах сообщил, что методом действий войск США было «полное сжигание поселений, чтобы опустошить районы и чтобы инсургенты не могли их занять». «Мы сожгли все их дома; я не знаю, сколько мужчин, женщин и детей убили ребята из Тенесси. Они не брали пленных», — рассказывал американец. По итогам американо-филиппинской войны «на одного пленного приходилось пять убитых»¹⁷.

В развитие этого опыта и личного опыта описания связи мобилизации и репрессивной системы концлагерей, М. Павлович в советское время как государственный служащий составлял масштабные проекты централизованного строительства и централизованного труда, тесно связанных с освоением Сибири, и подводил итоги Первой мировой войны. Он писал: «Военная индустрия сделалась фактором огромной важности во внутренней и внешней жизни государств. Милитаризм... превратился в самоцель... Первым естественным результатом мировой войны будет такое усиление милитаризма и империализма, какого не знали даже предшествующие десятилетия... Следовательно, не разоружение военное, а ещё более бешеная горячка вооружений, не отказ от военных кредитов у себя дома, а усиленная милитаризация бюджета, не содействие торжеству пафистских идей в других государствах, а, наоборот, небывало интенсивная погоня за внешними рынками для сбыта отечественных пушек, пулемётов и т. д., вытекающее отсюда стремление всех первоклассных и передовых в промышленном отношении государств к перевооружению с ног до головы даже таких стран, с которыми, может быть, завтра придётся вести войну, — таковы намечающиеся тенденции ближайшего последствия страшного катаклизма, покрывшего всю Европу горами трупов и развалин... Ныне во всём мире, в экономической конъюнктуре и международном положении великих империалистических держав действуют факторы, рождающие войну,

¹⁷ Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948. С. 403, 406–407.

факторы более могущественные, чем те, которые вызвали страшную бойню 1914–1918 гг. Ныне для мировой войны больше причин, чем было накануне 1914 года». Причины: нарушения экономического, политического и военного равновесия в Европе: экономическая борьба между государствами, балканизация Европы, обострение национального движения, «необычайный рост милитаризма и маринизма». Автор особенно подчеркивал объективный характер внешних угроз, исходящих от великих держав непосредственно и косвенно, через содействие лимитрофов: «В результате мировой войны ни одна великая держава не считает себя “насыщенной”. Империалистическое государство всегда находится в стадии расширения. От этого расширения своей территории не желают отказаться ни Япония, которая выдвигала доктрину неуклонного расширения, ни С. Штаты, ни Англия, ни тем более Франция, ни Польша, ни Италия, ни Юго-Славия, ни Греция, ни даже Румыния». Угрозы для СССР от великих держав, Англии и Франции, через действия Польши, Румынии, Латвии, Финляндии, в Средней Азии и Персии... Кроме С. Штатов, нет другой страны, за исключением Советской России, которая обладала бы такими безграничными естественными богатствами. Россия — единственная страна на европейском континенте, имеющая в своём распоряжении все основные элементы производства, без которых ни одна страна не в состоянии собственными силами обеспечить своё существование. Мы имеем хлеб, мы имеем уголь, имеем железо, имеем хлопок и вдобавок богаты нефтью, многочисленные источники которой у нас ещё не затронуты...»¹⁸. Ему по-своему вторил другой внимательный

¹⁸ Павлович М. П. Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны [1917–1918, 1923]. Изд. 2-е. М., 2012. С. 12, 121–122, 245, 251, 279, 337. О предметном опыте мобилизации производства, экономики за рубежом, в первую очередь — в передовых индустриальных странах, о масштабных и принципиальных задачах такового в СССР вообще много писалось и переводилось в СССР в межвоенные годы, что становилось доминирующим фоном общеполитической и общенациональной идеологической подготовки к будущей тотальной войне. См.: Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918; Бернгарди Ф. О войне будущего. М., 1921; Вацетис И. И. О военной доктрине будущего. М., 1923; Серриньи Б. Размышления о военном искусстве. Л., 1924; Дике А. Война и народное хозяйство по опыту Германии в Первую мировую войну. М., 1926; Каратыгин П. Общие основы мобилизации промышленности. М., 1926; Данилов Н. А. Экономика и подготовка к войне. М.; Л., 1926; Святловский Е. Экономика войны. М., 1926; Вольпе А. Современная война и роль экономической подготовки. М., 1926; Вишнев С. Мобилизация промышленности в Северо-Американских Соединенных Штатах. М., 1927; Будущая война. М., 1928; Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918. М., Л., 1928; Бухитан Я. М. Военно-хозяйственная политика: Формы и органы регулирования народного хозяйства за время Мировой войны 1914–1918. М., Л., 1929; Фельдман Б. М. К характеристике новых тенденций в военном деле. М., 1931; Маретта Р. Какой будет завтрашняя война? М., 1934; Пигу А. К. Политическая экономия войны. Л., 1934; А. Гистев. Мобилизация производства на военные и предвоенные годы. М., 1937; Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М., 1940. См. также об этом: Белов П. А. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951. Из новейших российских исследований см.: Ялбулганов А. А. «Готовность к войне стоит... дорого» // Военно-исторический журнал. М., 1999. № 5; «Тотальная война будущего не должна застать Германию врасплах...» / Публ. И. Н. Шерстнева // Военно-исторический журнал. М., 2001.

свидетель и практик: «Очень многое изменилось: вместо того, чтобы обрекать на голод отдельные укрепленные города, подвергшиеся осаде, теперь целые нации методически подвергались или их старались подвергнуть осаде и голоду. Все население страны в том или ином количестве принимало участие в войне; все одинаково являлись объектом нападения. По воздуху открылись новые пути, по которым люди несли смерть и ужас далеко за линию фронта, в тыл, среди женщин, детей, стариков и больных, среди всех тех, кто раньше остался бы нетронутым. Великолепная организация железнодорожного, морского, моторного транспорта позволяла использование десятков миллионов людей на войне. Врачебное дело и санитария, достигшие изумительного совершенства, позволяли вылечивать раненых и отправлять их вновь на бойню. Ничего не было упущено из того, что могло бы способствовать страшному процессу опустошения!.. Установлено, что отныне все население страны будет принимать участие в войне, и в свою очередь все население будет служить мишенью для нападения со стороны неприятеля. Установлено, что нациям, считающим, что их жизнь поставлена на карту, не может быть поставлено никаких ограничений в использовании всех возможных средств для того, чтобы обеспечить свое спасение. Вероятно, даже более того — достоверно, что среди средств, какие будут в следующей войне в распоряжении воюющих, будут факторы и процессы неограниченного уничтожения, причем — раз они будут приведены в действие — ничто не сможет их остановить»¹⁹. Советские военные историки с началом Второй мировой войны резюмировали выводы предвоенной советской военной мысли о сути военно-промышленной мобилизации царской России в той войне: «Отсталая и слабая российская промышленность не могла справиться с тем новыми ответственными задачами, которые поставила перед ней мировая империалистическая война... Россия была не в состоянии мобилизовать свою промышленность так быстро и в таких масштабах, как это сделали другие государства, имеющие мощную индустрию... Мировая война стёрла грань между “фронтом” и “тылом” в прежнем понимании этих слов... Развитие авиации уже в период мировой войны сделало уязвимыми жизненные центры страны, расположенные в глубоком тылу... Перенесение войны в глубь страны авиацией в сочетании с мобилизацией всех людских и материальных ресурсов на нужды фронта сделали явно устаревшим прежнее понятие о “тыле” как о спокойном месте, надёжно ограждённом линией фронта от ударов врага»²⁰.

№ 6; *Миц М. М.* Представления военно-политического руководства СССР о будущей войне с Германией.... // Вопросы истории. М., 2007. № 7; *Галубев А. В.* «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х гг. // Отечественная история. М., 2008. №5.

¹⁹ *Черчилль У.* Мировой кризис: 1918–1925. М., 2010. С. 311–312.

²⁰ *Болтин Е. и Вебер Ю.* Очерки мировой войны 1914–1918 гг. М., 1940. С. 57, 144.

Опирающаяся на исторический контекст и прецеденты и резко подстегнувшая сталинские индустриализацию и коллективизацию «военная тревога» 1927 года и во внешнеполитическом контексте, и в интеллектуальной традиции очевидным образом связывались с её предшественницей начала XX века и дублировали её «театр» в лице действующих лиц: Англии, Китая, Японии, антиколониальной борьбы. Маньчжурский инцидент 1931 года, с которого начался захват Маньчжурии Японией, в непосредственной близости от границ СССР, современный японский автор ошибочно считает поворотным событием: по его мнению, именно этот инцидент «является начальным пунктом развития советской мобилизационной политики со стратегической точки зрения, имея в виду два фронта — на Западе [Германия и Польша] и Востоке [Япония]»²¹. Здесь он полностью следует исторической концепции сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)», в котором изложена эта схема, до сих пор, по сути, так и не преодоленная ни западной, ни отечественной историографией: в декабре 1925 года XIV съезд ВКП (б) берёт курс на индустриализацию («Индустриализация страны обеспечивала хозяйственную самостоятельность страны, укрепляя её обороноспособность...»); 1926 год — индустриализация осознана как задача создания тяжёлой промышленности, в том числе оборонной, средства для финансирования индустриализации «внутри страны» найдены в лице государственных инвестиций за счет централизованных доходов государства и труда крестьянства²², поэтому XV съезд ВКП (б) в декабре 1927 г. берёт курс на ускоренную коллективизацию, пятилетний план на 1928–1933 гг. ставит задачу создания «второй угольной базы Советского Союза — Кузбасс». В конце 1931 года происходит оккупация Маньчжурии Японией, а в 1933-м — приход к власти в Германии Гитлера, что создаёт два центра будущей Второй мировой войны²³. Представляется, что и осознание русской мыслью Сибири как стратегического тыла для обоих главных театров военных действий —

²¹ *Киосуже Тэраяма*. Советская мобилизационная политика на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Сб. / Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002. С. 122.

²² В свою очередь, эта восходящая к Карлу Марксу большевистская доктринальная логика «первоначального социалистического накопления» непосредственно восходит к внутрироссийской дискуссии об источниках капитала для отечественной индустриализации, которую ещё до Первой мировой войны вёл, например, марксистский экономист М. И. Туган-Барановский (1865–1919), в 1920-е годы ставший главным доктринальным противником для такого идеолога сталинской индустриализации, как Н. И. Бухарин. Туган-Барановский писал: «Россия принадлежит к числу стран, бедных капиталом. Наш собственный капитал накапливается в стране в таком незначительном количестве, что его недостаточно для значительного промышленного подъёма» (*Туган-Барановский М. И.* Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900–1909 гг. и виды на будущее [1910] // *Туган-Барановский М. И.* Избранное. М., 1997. С. 500).

²³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевик): Краткий курс / Под ред. Комиссии ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. М., 1950. С. 264, 267–269, 274, 284.

на Западе и на Востоке — стало результатом не самых остро актуальных внешнеполитических событий, а результатом исторической колонизации, предшествовавшей русско-японской войне 1904–1905 гг. Историк обращает внимание, что официальное выделение Дальнего Востока из Сибири стало фактом в конце XIX века²⁴. И вскоре этот факт общественного понимания стал фактом фронта.

Но и это, тем не менее, были только лишь те причины, что можно отнести к непосредственному историческому и политическому опыту поколения, генезису его исторического сознания независимо от его доктринальных предпочтений. Более глубокие предпосылки и более широкая историческая реальность сталинизма видятся в комбинации факторов, существовавших независимо от *личного* опыта поколения и *отдельных доктрин*, практическую применимость и нелживость которых ещё требовалось доказать. Они целиком располагались не в личной судьбе, а в **континууме** технико-экономической реальности, **социальном** опыте совокупности преемственных и противоборствующих поколений, **консенсусе** государственной мысли. Среди эти факторов представляются важнейшими следующие события на Западе и в России XVIII–XX вв:

(1) *промышленный переворот и капиталистическая индустриализация, опыт социально-экономической мобилизации общества и урбанизации;*

(2) *военно-экономический опыт Первой мировой войны, тотальной «войны на уничтожение»;*

(3) *индустриальная «политика населения» (биополитика);*

(4) *традиционная для русской государственной мысли задача углубления стратегической безопасности России — создания «второго индустриального центра» в Сибири;*

(5) *мировая практика соединения репрессий и мобилизации принудительного труда (концентрационные лагеря).*

(1) Капиталистическая **индустриализация** Запада и России XVIII–XIX и начала XX вв. нашла своё выражение в милитаризации общества (всеобщая воинская повинность), коммуникаций (железные дороги и флот) и экономики (тяжёлая промышленность), мобилизации национальных и мировых (колониальных²⁵) рынков, природных ресурсов и труда, по-

²⁴ Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 142.

²⁵ Современный немецкий историк свидетельствует, подводя итоги историографического развития, что его приобретением стало доказательное обнаружение «колониальных практик и образов “внутри” европейских или североамериканских “центров”. Это могли быть войны на уничтожение, ведшиеся армией нацистской Германии на Востоке, или практики

пытках тотального контроля, планирования и концентрации труда, социальной революция «первоначального накопления капитала», активной социальной политики государства. Тотальность индустриализации становится тотальностью общества. Именно это глубоко продуманное и детально исследованное во всеоружии современных гуманитарных методов понимание общей истории Европы даёт в распоряжение исследователей сталинизма современная наука о европейском контексте русской революции и коммунизма. Говоря об очевидных корнях революции в мировой войне, полагает один исследователь, «Россию не следует рассматривать в отрыве от остальной Европы. Наоборот, в связи с тем, что динамичная связь между общенациональной мобилизацией и тотальной войной считается “транснациональным или наднациональным явлением”... гражданскую войну в России можно рассматривать только как самый законченный образец наиболее протяженной “европейской гражданской войны”, охватывающий и Великую войну, и значительное время после нее». Тем не менее — «мы упускаем из вида то, что “социальная организация насилия, сделавшая тотальную войну возможной, начала формироваться уже с конца девятнадцатого века”. В частности, начало государственным методам тотальной войны и массового уничтожения людей положил колониализм... можно показать, что “на самом деле не столько война или “милитаризация” организует общество, сколько само общество организует себя через войну и во имя войны... милитаризация порождается самим гражданским обществом, а не навязывается ему извне”. Хотя государственное управление ресурсами (материальными, равно как и людскими) — один из ключевых компонентов тотальной войны, не менее важным фактором является и самобилизация гражданского общества на достижение конечных целей тотальной войны... Действительно, тотальная война была тесно связана с усовершенствованием политики управления массами, что признавали и сами современники... девятнадцатый век отмечен неуклонным ростом сознательного интереса к “населению” как объекту государственной политики, выражением которого стала концепция “политики населения” (от немецкого *Bevölkerungspolitik*). Термин «политика населения» был впервые предложен камералистами, которые рассматривали население в качестве одного из видов экономических ресурсов. Однако в течение XIX века, с возникновением понятия “социальное” как сферы го-

внутренней колонизации в различных контекстах как европейской, так и североамериканской истории. Таким образом, беспощадное насилие и владычество *modo coloniale* было принято и осуществлялось не только за пределами западных «центров», а такое азиатское национальное государство, как Япония, выработало на этом фоне свой способ колониальной экспансии и контроля» (*Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 73*).

сударственного вмешательства, “политика населения” стала иметь более широкое толкование...», само её становление было тесно связано с военной статистикой, изучавшей мобилизационные возможности населения. В России «до Первой мировой войны технология массового воздействия на население применялась в основном в районах колонизации и в приграничье (у *черты оседлости*)... отличительной чертой тотальной войны является не столько наличие принуждения как такового, сколько его размах и интенсивность — размах и интенсивность такой степени, которой невозможно достичь единственно за счет усилий государства. Эта вселенская катастрофа характерна не только тем, что в ее период многие люди пострадали от насилия, но и тем, что многие весьма охотно это насилие применяли — зачастую под влиянием каких-то более высоких идей. Именно эта самомотивация общества на тотальную войну беспрецедентно расширила организационные возможности государства и способствовала революционной трансформации общества»²⁶. Широкое распространение получили данные современной социологии с описаниями принудительного труда на Западе: в исправительных колониях для нищих и бродяг в Бельгии и Голландии, рабочих домах, тюрьмах, сельскохозяйственных рабочих колониях исправительного типа в Англии и на континенте. Предвосхищая невежественные домыслы советологии о том, что якобы именно индоктринированная марксизмом советская пенитенциарная практика изобрела заключение как «метод перевоспитания» историк ясно показывал, что именно британская практика социального приречения претендовала на то, что учреждения принудительного труда «представляют собою попытку создания здоровой нравственной и экономической опоры для исправления опустившихся людей»²⁷. Один из русских экономистов, ставших основателями американской славистики, А. Гершенкрон (1904–1978), убедительно помещал сталинскую индустриализацию за счёт крестьянства в её широкий исторический контекст: «Важнейший факт, подлежащий рассмотрению, заключается в том, что промышленный труд в смысле устойчивой, прочной и дисциплинированной группы работников, которая порвала пуповину связи с землёй и стала годной для использования на фабриках, в отсталой стране (как Россия — М. К.) не избыточен,

²⁶ Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999.

²⁷ Гобсон Дж. Проблемы безработицы [1896]. М., 2011. С. 118–120, 130. В своём семинаре на историческом факультете МГУ медиевист С. Д. Червонов ещё в середине 1980-х прямо сравнивал британские рабочие дома, упоминаемые в «Капитале» Маркса, и ГУЛАГ. См. современный ресурс, специально посвящённый теме: [Peter Higginbotham] The Workhouse: The story of an institution: www.workhouses.org.uk.

но крайне редок. Создание такой промышленной рабочей силы, которая реально соответствует своему названию, есть очень трудный и затяжной процесс. История российской промышленности предоставляет некоторые разительные примеры этого. Многие германские промышленные рабочие XIX столетия были выращены жестокой дисциплиной юнкерского поместья, подготовившей их, по-видимому, к суровости фабричных правил. И всё трудности были велики, и можно вспомнить восхищённые и завистливые взгляды, которые в конце (XIX) столетия германские авторы вроде Шульце-Геверница бросали через Ла-Манш на английского промышленного рабочего, “человека будущего... рождённого и воспитанного для машины... [которому] нет равных в прошлом”...»²⁸. Примечательно, что с тем же почти восхищением через 20 лет после Шульце-Геверница писал из Франции русский революционер Б. В. Савинков: «Война стала машинной. Так говорят газеты, так говорят обыватели, так говорят даже те, которые дерутся в траншеях... Немцы 40 лет готовились к этой войне. Они предвидели значение машины. Они создали её, эту губительную машину. Они поклонились ей... И только через два с половиной года войны французы в неодушевленном, в машинном, в производственном, в наживном сравнялись с ними и даже их превзошли»²⁹.

Рациональной и детально продуманной государственно-общественной программой капиталистической индустриализации России стало инициированное применением правящим грюндером и цивилизатором экономики России министром финансов С. Ю. Витте (1849–1915) применение учения немецкого экономиста Фридриха Листа (1789–1846) об основах национальной экономики (народного хозяйства), позволяющего выстроить суверенную и неколониальную экономику в мире, где властвует формально фритредерская внешнеторговая и промышленная монополия Британской империи и Соединённых Штатов, доказавшего свою государственную силу в объединившейся Германии XIX века. Биографически и идейно эта традиция связала с идеей экономического суверенитета идеи Д. И. Менделеева о ресурсно-пространственном развитии России и идеи П. Б. Струве о социалистической перспективе культурно-политического и капиталистического развития страны. Предваряя содержательную мини-антологию вопроса, исследователь сообщает: «Перед Первой мировой войной правота “национальной экономики” Ф. Листа подтвердилась тем, что США и Гер-

²⁸ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в экономической перспективе [1962] / Пер. Г. Д. Гловели // Истоки: экономика в контексте истории и культуры / Гл. ред. Я. И. Кузьминов. М., 2004. С. 424-425.

²⁹ Савинков Б. Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 — июнь 1915 [1916]. М., 2008. С. 251–252.

мания, которые придерживались политики протекционизма, опередили фритредерскую Британию. Однако промышленный рынок Германского рейха был тесно связан с имперским милитаризмом, выигрывавшим от раскручиванием винта охранительных таможенных пошлин и казённых заказов и подтолкнувшим в конце концов мир к мировой войне. Эпоха после неё стала временем дезинтеграции мировой экономики и торжества протекционизма, национализма и милитаризма. В пору Великой депрессии 1929–1933 годов принципами свободы торговли поступилась даже Британия, благодаря чему её экономическое развитие в 1930-х годах оказалось более успешным в 1920-х. Но после второй мировой войны вышедшие из неё явно сильнейшими США задали тон возрождению фритредерства... Говорить о протекционизме стало считаться дурным тоном...»³⁰. Добавлю, что именно эти США — мало заботясь о соответствии внешней риторики своим внутренним экономическим реалиям — после Второй мировой войны и с началом «холодной войны» против СССР и задали доминирующий пропагандистский тон разоблачению сталинского «тоталитаризма» как тупиковой социалистической ветви человеческого развития, имеющей ничтожно мало общего со столбовой дорогой либерального по сути человеческого прогресса. Витте, реферируя Листа, предупреждал: «Фритредеры считают протекционную систему выдумкой взбалмошных умов. Но история свидетельствует, что система эта представляет собой средство к национальной независимости и могуществу... Большая нация должна базировать свою экономическую жизнь на внутреннем производстве и потреблении...». Менделеев разъяснял: «государственное невмешательство, т. е. *laissez faire*, и “свобода торговли” (*free trade*) не есть общий закон, человечеству обязательный и полезный, а непременно приведёт к экономической гегемонии народов, у которых промышленность успела развиться ранее признания указанного принципа, над народами, принявшими принцип невмешательства ранее, чем у них развилась своя промышленность, могущая бороться с иностранною»³¹. Современные французские исследователи мировой экономики объясняют, как на деле на мировом рынке действовали эти британские *laissez faire* и *free trade* в XIX веке: «Англия прагматично прибегала как к приёмам “свободной торговли”, так и к протекционистским приёмам, в зависимости от обстоятельств. Свободная торговля применялась, если не существовало опасности для британской

³⁰ Гловели Г. Лист, Витте и «национальная экономия» в России // Фридрих Лист. Национальная система политической экономии [1841]. *Vumme С. Ю.* По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист [1889, 1912]. Менделеев Д. И. Толковый тариф, или Исследование о промышленности России в связи с её общим таможенным тарифом 1891 года [1892] / Сост. В. А. Фадеев. М., 2005. С. 17–18.

³¹ Там же. С. 299–300, 314.

продукции; наоборот, она позволяла им завоёвывать иностранные рынки, а когда конкуренция принимала неблагоприятный оборот для местных производителей, тогда без колебаний применялись протекционистские меры. Таким образом, протекционизм и свободная торговля последовательно применялись в определённых секторах, например, в сельском хозяйстве и текстильной промышленности»³².

Эти разъяснения остаются важными и теперь, оставляя простор для недобросовестного толкования протекционистского опыта Российской империи как естественной предпосылки сталинского автаркии, но ещё больше — указывая на то, что европейский и иной мир, окружавший Россию в конце XIX — начале XX века, в преддверии коммунистического переворота, отнюдь не отвечал принципам даже экономического либерализма, не говоря уж о либерализме политическом, исходя из абстрактной схемы которого о дьяволе «тоталитаризма» и благе либертарианства публицисты и философы призывают историков дать историческую оценку сталинизму.

(2) Военно-экономический **опыт Первой мировой войны** (1914–1918) стал опытом не только тотальной (интегральной) войны, вызревающей из военно-политической традиции Клаузевица, но и в большем масштабе реализованной во время войны нацистской Германии против СССР «войны на уничтожение»³³, революционного технического перевооружения армий, практики «выжженной земли», ликвидации различия фронта и тыла в тотальной социально-экономической мобилизации, предопределил подготовку будущей мировой войны как ничем не ограниченного взаимного уничтожения и борьбы всех без исключения наличных возможностей государств. Западный исследователь отмечает, что достигшая беспрецедентных пределов в ходе Первой мировой войны милитаризация экономики и об-

³² А. Брюне, Ж.-П. Гишар. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М., 2012. С. 53.

³³ Об этой «войне на уничтожение» см.: *Ventte V.* Война на уничтожение: Вермахт и Холокост // Новая и новейшая история. М., 1999. № 3; Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941–1945: Доклады. М., 2005; *Полян П.* Сталин и жертвы национал-социалистической войны на уничтожение // Сталин и немцы: Новые исследования / Под ред. Ю. Царуски. М., 2009; *Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы международной научной конференции (Псков, 10–11 декабря 2009 года)* / Под ред. А. Р. Дюкова, О. Е. Орленко. М., 2010; *Втулжин С. В.* Дж. П. Мигарджи. Война на уничтожение: боевые действия и геноцид на Восточном фронте, 1941 // Начало Великой Отечественной войны: современная историография. Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. М. М. Минц. М., 2011 (*Megargee G. P.* War of Annihilation: Combat and the Genocide on the Eastern Front, 1941. Lanham (Maryland), 2006); *Минц М. М.* Х. Хартман. Вермахт в войне на Востоке: фронт и тыл, 1941–1942 гг. // Там же (*Hartmann C.* Wehrmacht im Ostkrieg: Front und militärisches Hinterland, 1941/42. München, 2009); *Полян П.* Военно-полковой Холокост: советские военнопленные-евреи как первые жертвы геноцида // *Котляр Л.* Воспоминания еврея-красноармейца. М., 2011.

щества привела не только к милитаризации труда в оборонных отраслях промышленности, но и шире — к осознанию значения фактора труда в промышленной части подготовки и ведения войны в целом³⁴.

В сфере труда в годы войны проявился острый дефицит рабочей силы в промышленности, немедленно вызвавший к жизни практику прикрепления рабочих к военным предприятиям, трудовой повинности: «труд все более принимал принудительный характер». В России появилось «полупринудительное» привлечение беженцев из фронтовых губерний во внутренние губернии к труду (всего беженцев в 1915 — 2,6 млн, в 1916 — 3,3 млн). Если в 1915 — военнопленных среди вспомогательных рабочих у мартезовских печей на Урале было 3–4%, 1916 — военнопленных на вспомогательных и основных работах там же стало 48–50%. Резко выросло число иностранных рабочих по вольному найму (персы, китайцы, корейцы), расширилась доля женского и детского труда, практика переселения к промышленным зонам³⁵. При этом современники и исследователи солидарно отмечают, что военные власти России, которым, вроде естественно было бы исповедовать милитаризм именно к промышленной и общеэкономической мобилизации страны в интересах войны, оказались не готовы³⁶ и в этом смысле были не более чем учениками своих милитаризованных европейских врагов и союзников.

(3) Индустриализация сталинского СССР была преемственным в отношении капиталистической индустриализации и милитаризации российским вариантом того, что в западной историографии именуется «мобилизацией труда периода экстенсивной индустриализации»³⁷. Европейская практика **«политики населения» (биополитики)** XVIII–XIX вв. и России XX в. прямо и непосредственно предшествовала всей совокупности трудовых повинностей³⁸ в Советской России, сталинским «второму изданию крепостного

³⁴ *Мак-Нил Уильям*. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 368.

³⁵ *Маевский И.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 318–319, 321–324.

³⁶ *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну [1930]. М., 1937. С. 161–162; *Э. Хейвуд Дж.* «Самый катастрофический вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в поздней имперской России // *Русский Сборник*. Том VI. М., 2008. С. 112–113, 141.

³⁷ *Van der Linden M.* Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism // *Free and Unfree Labour: The Debate Continues* / Ed. T. Brass, M. Van der Linden. Bern, 1997.

³⁸ О практике трудовых повинностей, непосредственно предшествовавшей сталинским индустриализации и коллективизации: Декреты Советской власти. Т. I–XVIII. М., 1957–2009 (издание продолжается); Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. 1920 год / Отв. сост. Е. В. Хандурина. М., 2000; *Аманжолова Д. А.* «Совещание признало полезным». Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. // *Исторический архив*. М., 2004. № 3; *Литина С. А.* Принудительные работы крестьянства Вятской губернии в годы Первой ми-

права» в коллективизации, военизированному режиму промышленного труда периода Второй мировой войны, ГУЛАГ и ГУПВИ НКВД / МВД СССР, принудительным социальным и этническим депортациям³⁹, — принудительных миграций, социального контроля, этнических чисток⁴⁰. Европейский опыт

ровой войны // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. № 22 (237). История. Вып. 46; *Илюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917–1922 гг.). Смоленск, 1998; *Борисова Л. В.* Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006; *Цысь В. В.* Трудовые армии: от трудовых частей к государственным рабочим артелям // Отечественная история. М., 2007. № 5; *Цысь В. В.* Трудовые армии периода Гражданской войны // Военно-исторический журнал. М., 2007. № 7; *Хазиев Р. А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: Хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007; *Буряк Е. М.* Всеобщая трудовая повинность на Урале в первые годы советской власти // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 27 (№ 34 (135)). Челябинск, 2008; *Воейков Е. В.* Красная армия в борьбе с топливным кризисом в Среднем Поволжье. 1919–1921 гг. // Военно-исторический журнал. М., 2008. № 6; *Воейков Е. В.* Топливная трудовая повинность в Среднем Поволжье в 1918–1921 гг. // Вопросы истории. М., 2009. № 1; *Воейков Е. В.* Красная армия на трудовом фронте. 1920–1921 гг. // Военно-исторический журнал. М., 2010. № 1; *Славко А. А.* Трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей в России 1924–1933 годов // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2009. № 16 (154). История. Вып. 32.

³⁹ Первыми этническими чистками в Советской России были акты воинствующего интернационализма. См. о них на территории нынешней Чечни приказ члена РВС Кавказского фронта по Кавказской трудовой армии С. Орджоникидзе от 23 октября 1920: «Станицу Калиновскую жечь... станицы Ермоловская, Закан-Юрт (Романовская), Самашкинская и Михайловская отдать беднейшему безземельному населению и, в первую очередь, всегда бывшим преданными совласти нагорным чеченцам, для чего: всё мужское население вышеназванных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжёлых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц» (*Ислюкин А. А.* Национальные отношения в районах нефтедобычи в 1920-е годы // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты / Отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2006. С. 503). См. также: *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995; *Герман А. А., Курочкин А. Н.* Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). М., 1998; Депортация народов Крыма: документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 2002; *Джуха Иван.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006; Сталинские депортации: 1928–1953 / Составители Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005; *Гончаров Г.* «Мобилизовать в рабочие колонны на всё время войны...» // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2008; *Серазетдинов Б. У., Иванов А. С.* Спецпереселенцы-калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1944–1945): особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 38 (№ 41 (179)). Челябинск, 2009; «Условия незавидные, а работа очень тяжёлая»: Трудовая армия на строительстве нефтеперерабатывающего завода в Гурьеве. 1943–1945 гг. / Публ. Ж. У. Кыдыралиной // Исторический архив. М., 2010. № 4.

⁴⁰ О едином историческом контексте этнических чисток периода Первой мировой войны и после неё, геноцида армян в Османской империи и «обмена населением» (до 2 млн человек) между Грецией и Турцией по Лозаннскому договору, сталинских этнических чисток и изгнания немцев из Польши и Чехословакии, преемственности Холокоста в отношении геноцида армян: *Naimark Norman M.* Flammender Hass: Ethnische Säuberungen im 20. Jahrhundert [Fires Of Hatred: Ethnic Cleansing In 20th Century Europe. Harvard, 2001]. Bonn, 2009. См. также о геноцидальных акциях в Австро-Венгрии и Польше против русинов: *Ваврик Василий.* Терезин и Талергоф. Львов, 1928 (перизд.: М., 2001), *Шевченко К. В.* Как у русинов-лемков ампутировали родину: Операция «Висла» (1947) // Русский Сборник: Иссле-

в этих сферах до и независимо от коммунизма был реализован в интернировании, этнических чистках и геноциде против потенциальных «пятых колонн» на театрах военных действий, «этнокультурной инженерии» (нацеленной на создание «пятых колонн»), массового принудительного труда

дования по истории России. Том VIII. М., 2010. Немецкий исследователь свидетельствует: «Нацистская политика насилия с её идеологией расизма, её стремлением к экспансии и в особенности войной на уничтожение на Востоке эхом отозвалась в самой Германии в конце войны и после безоговорочной капитуляции в мае 1945 г.. На конференции трёх держав в Потсдаме было принято решение о высылке немецкого населения как из восточных провинций Германии, так и из Чехословакии и Венгрии. Образцом огромного переселения людей служило для западных держав предусмотренное договором в Лозанне (24 июля 1923 г.) принудительное “перемещение населения”...» (*Шмидт Уте*. Людские и территориальные потери, бегство и изгнание — последствия Второй мировой войны для немецкого народа // *Послевоенная история Германии: российский-немецкий опыт и перспективы* / Под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М., 2007. С. 35, 37). Исследователь антисербской, антиеврейской и антицыганской депортационной политики пронацистского Независимого государства Хорватия (1941–1945) подчёркивает, что нацистские власти Хорватии опирались на идею моноэтничности и удачный пример её реализации находили в соглашении 1922–1923 гг. об обмене греческим и турецким населением между Турцией и Грецией, а «нацисты... рассматривали (это) как возможность расширить свой опыт для применения подобной практики в остальных европейских странах» (*Korb Alexander*. Construction nationale et Shoah. Les déportations dans l'État indépendant de Croatie (1941–1945) // *Qu'est-ce qu'un déporté? Histoire et memoires des deportations de la Seconde Guerre mondiale / Sous la directions de Tal Bruttman, Luarent Joly et Annette Wieviorka*. Paris, 2009. P. 204). Представитель современной украинской историографии, утверждающий легитимность сталинских границ Украины и инструментальность обеспечивавших их этнических чисток, пишет: «Переселения, а точнее депортации населения были обычной практикой той исторической эпохи. Перемещались по разным причинам (но практически всегда против собственной воли) в 1938–1945 гг. многомиллионные массы венгерского, румынского, немецкого, польского населения» (*Макаруч В*. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны: историко-правовое исследование. М., 2010. С. 40–41). См. кстати: Не надо строить иллюзий, будто бы ОУН-УПА не стремилась к этнической гомогенизации территории Украины: интервью [с украинским историком А. Портновым] // REGNUM. 20 декабря 2010: www.regnum.ru/news/polit/1358316.html: «Не надо строить иллюзий, будто бы лидеры украинского националистического подполья не стремились к этнической гомогенизации территорий, которые, по их мнению, должны были войти в состав будущего украинского государства. Анализируя межвоенную европейскую политику, они полагали, что аргументом при определении принадлежности определенной территории тому или иному государству является национальный состав ее населения... события на Волыни, на Балканах, послевоенное выселение миллионов немцев из Польши или Чехословакии — все это было в духе времени». Не говоря об огромной литературе о судьбе советских военнопленных в Польше в 1919–1921 гг., см. о практике интернирования и депортаций на территории Польши и вокруг неё: *Boguslawski Andrzej*. W znak pogoni. Internowanie Polaków na Litwie wczesień 1939 — lipiec 1940. Toruń, 2004; *Бёдекер Г*. Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944–1945. М., 2006; *Лукашанец С. А*. Палітыка польскай дзяржавы ў адносінах да нямецкага насельніцтва ў перыяд інтэграцыі заходніх земляў (1945–1950) // Российские и славянские исследования. Вып. 4. Минск, 2009: www.rsijournal.net. Советский японист даже делает острое, но вряд ли обоснованное сближение интернирования японцев в США и этнических депортаций в СССР: *Овчинников В*. Скелет в шкафу: Идею «этнического ГУЛАГа» Сталину подсказал Рузвельт // Российская газета. 23 декабря 2008. У Сталина и до войны было достаточно опыта этнических чисток в его собственной практике и в практике всех окружающих СССР государств, чтобы дожидаться американского образца.

заклѹченных и ссыльных⁴¹, военнопленных⁴², населения колоний. Тотали-

⁴¹ О системе принудительного труда в СССР помимо специальных проблем ГУЛАГа см. из новой литературы: *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 // Свободная мысль. М., 1992. № 13; *Кнышевский П. Н.* Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. М., 1994. № 2; *Расказов Л. П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве. Уфа, 1994; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; *Rosefielde Steven.* Systemzerüttung und Stalinismus: Die ökonomischen Grundlagen und Funktionen vom Terror: GULag, Zwangsarbeit, Massenvernichtung und Militarismus in postkommunistischer Perspektive // Dittmar Dahlmann, Gerhard Hirshfeld (Hrsg.). Lager, Zwangsarbeit, Vertriebung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Essen, 1999; *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 [2000]. М., 2001; *Craveri Marta.* Forced Labour in the Soviet Union between 1939 and 1956 // Reflections on the GULAG / Ed. by E. Dundovich, F. Gori, E. Guercetti. Milano, 2003; *Суслов А. Б.* Системный элемент советского общества конца 20-х — начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. М., 2004. № 3; *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. М., 2004; *Иваницкий Н. А.* Судьба расклученных в СССР. М., 2004; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы СССР, 1930–1960. М., 2005; *Хохлов Е. В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005; *Грегори П.* Политическая экономика сталинизма [2004]. М., 2006; *Дэвис Р.* Советская экономика и начало «Большого террора» // Экономическая история: Ежегодник. 2006 / Отв. ред. Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров. М., 2006; *Бикметов Р. С.* Спецконтингент в экономике Кузбасса (1930–1940-е гг.): состояние источниковой базы // Отечественные архивы. М., 2008. № 6; *Дэвис Р. В.* Архивы и экономика сталинизма // Экономическая история: Ежегодник. 2007. М., 2008; *Колесов В. А., Полян П. М.* Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М., 2009; *Верт Николая.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.

⁴² О трудовом использовании военнопленных и интернированных в России и за рубежом, особенно в период Первой мировой войны, см.: *Сергеев Е. Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. М., 1996. № 4; *Греков Н. В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. М., 1998. № 4; *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999; *Иванов Ю. А.* Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. М., 2000. № 2; *Солнцева С. А.* Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. М., 2000. № 4–5; *Солнцева С. А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март — октябрь) // Вопросы истории. М., 2002. № 1; *Поликарпов В. В.* Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. // Вопросы истории. 2007. № 2. *Миловидов Б. П.* Турецкие военнопленные в России в 1812 г. // Вопросы истории. М., 2008. № 10; *Самович А.* Османские сюжеты русского плена [1877–1878 гг.] // Родина. М., 2010. № 6; *Самович А. Л.* Содержание военнопленных в России в 1806–1807 гг. // Военно-исторический журнал. М., 2010. № 10; *Нагорная О. С.* Другой военный опыт: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. М., 2010; *Ковалевский Н. Ф.* Военнопленные. Военно-исторический и статистический обзор (по опыту России) // Военно-исторический журнал. М., 2010. № 8; *Гурьянова С. И.* «Вятский плен» германских и австро-венгерских подданных (1914–1916 гг.) // Военно-исторический журнал. М., 2011. № 4; *Белова И.* Первая мировая война и российская провинция [Калужская и Орловская губернии]. 1914 — февраль 1917. М., 2 011 (здесь же — о мобилизационных мерах и миграции); *Суржикова Н. В.* Производительность труда пленных иностранцев на Урале. 1914–1917 гг. // Вопросы истории. М., 2012. № 2. Указание на обширную немецкую литературу вопроса см.: *О. С. Нагорная.* Другой военный опыт: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. С. 19, прим. 27.

зация войны и прямо зависящая от фундаментальных политических установок индустриальная биополитика прямо повлияли на судьбу военнопленных: ориентированная на геноцид в отношении «расово неполноценного» врага, гитлеровская Германия не сразу приняла решение о массовом использовании принудительного труда военнопленных⁴³; ориентированный на эксплуатацию труда, СССР с самого начала был ориентирован на использование их труда. В противоположность распространённым пропагандистским формулам «тоталитаризма», историческое сравнение характеристик гитлеризма и сталинизма даёт достаточно оснований для принципиальных различий⁴⁴.

⁴³ О положении и принудительном труде советских военнопленных и граждан в нацистской Германии союзных её странах см. современные исследования: *Коваленко В. Г.* Новейшая финляндская историография о советских военнопленных в Финляндии // Отечественная история. М., 1994. № 3; *Штрайт К.* Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные рабочие // Вторая мировая война: Дискуссион. Основные тенденции. Результаты исследований / Под ред. Вольфганга Михалки [München, 1989]. М., 1997; *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. 1941–1945. Bonn, 1997 (русский перевод: *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009); *Herbert U.* Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Bonn, 1999; *Ch. Streit.* Die sowjetischen Kriegsgefangenen in der deutschen Lagern // Dittmar Dahlmann; Gerhard Hirschfeld (Hrsg.) Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung Und Deportation: Dimensionen Der Massenverbrechen in Der Sowjetunion Und in Deutschland 1933 Bis 1945. Essen, 1999; *Полян П.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2 изд., перераб. и доп. М., 2002; *Дугас И. А., Черон Ф. Я.* Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941–1945). М., 2003; *Ерин М. Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. М., 2004. № 7; *Шнеер А.* Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005; *Ерин М. Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль, 2005; *Андрянов В.* Архипелаг OST: Судьба рабов «Третьего рейха» в их свидетельствах, письмах и документах. М., 2005; *Кан А. С.* [Рец. на:] М. Н. Сульхейм. Рабы с востока. Советские военнопленные в Норвегии 1941–1945 гг. // Вопросы истории. М., 2006. № 6; *Биннер Й.* Разработка истории угнанных на принудительный труд в Германию // Изучение диктатур: Опыт России и Германии / Отв. ред. М. Б. Корчагина. М., 2007; *Ерин М. Е.* Отечественная историография о советских военнопленных в нацистской Германии в 1941–1945 // Россия и Германия. Вып. 4 / Отв. ред. Б. М. Туполев. М., 2007; *Тенфельде К.* Изучение принудительного труда в годы Второй мировой войны: новые акценты // Послевоенная Германия: российско-немецкий опыт и перспективы / Под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М., 2007; *Христофоров В. С.* Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. М., 2008. № 3; *Шнеер А.* Советские военнопленные в плену союзников нацистской Германии // Материалы международной научной конференции «Интерпретации различных аспектов Второй мировой и Великой Отечественной войны в современной восточно-европейской историографии». Кишинёв, 21–22 мая 2010. Кишинёв, 2010; *Паникар М. М.* Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны. Архангельск, 2010.

⁴⁴ *Нольте Х.-Х., Полян П.* Гитлер и Сталин: с кем же жить лучше, с кем веселее? // Неприкосновенный запас. № 2 (28). 2003; *Поль Д.* Массовые преступления национал-социализма и сталинизма: размышления по поводу научного сопоставления // Сталин и немцы: Новые исследования / Под ред. Ю. Царуски. М., 2009.

С 1944 года — времени нового восстановления и нового планирования стратегической безопасности СССР — новым инструментом мобилизации принудительного труда стал труд военнопленных и интернированных (системы ГУПВИ), функционирование которого создало поле для новой, уже сугубо внутримобилизационной рационализации труда, когда сам принудительный труд окончательно стал специфическим товаром, а его распределение, перераспределение, эффективность использования — предметом борьбы субъектов административного рынка⁴⁵. Географическое же распределение принудительного труда в интересах стратегической глубины стало инерционным, уже не соответствующим географии внешних угроз. Здесь лагерная биополитика ступила на много раз отмеченный историками ГУЛАГа путь саморазрушения ещё до того, как ГУЛАГ решил упразднить его маршал — Л. П. Берия (1899–1953).

Современный исследователь западного общества Джорджо Агамбен обращает внимание на то, что «глубокие разыскания», например, Ханны Арендт о «тоталитаризме» свой недостаток имеют в «отсутствии даже минимальной биополитической перспективы», в то время как «политика смогла в невиданных прежде масштабах состояться как политика тоталитарная только благодаря тому, что в наше время она полностью обратилась в биополитику... Связь между массовой демократией и тоталитарными государствами не может быть понята как внезапный переворот... Лишь исходя из того, что биологическая жизнь с её потребностями повсюду стала ключевым *политическим* аргументом, можно понять ту парадоксальную скорость, с которой парламентские демократии в XX веке превратились в тоталитарные государства... Наиболее значимое явление в этой перспективе — параллельное введение в правовые системы многих европейских стран норм, делающих возможными денатурализацию и денационализацию множества собственных граждан. Первооткрывателем здесь была Франция (1915) — в отношении натурализованных граждан «вражеского» происхождения; в 1922 году примеру Франции последовала Бельгия, аннулирувавшая натурализацию граждан, совершивших «антинациональные» действия во время войны; в 1926 году фашистский режим издал аналогичный закон о гражданах, оказавшихся «недостойными итальянского гражданства»; в 1933 году наступил черёд Австрии, и так далее, пока Нюрнбергские законы о «гражданстве рейха» и «защите немецких крови и чести» не довели этот процесс до крайности... Известно, что юридической основой для интернирования послужило не обычное право, но *Schutzhaft* (буквально: предварительное заключение),

⁴⁵ Образец анализа советской политики и экономики с точки зрения административного рынка (торга вокруг) ресурсов см.: Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000; Кордонский С. Ресурсное государство. М., 2007.

юридическое учреждение прусского происхождения, которое нацистские юристы иногда классифицировали как превентивную полицейскую меру, поскольку она позволяла “брать под стражу” людей, независимо от степени их уголовной ответственности, единственно для того, чтобы отвести угрозу для государственной безопасности. Однако истоки *Schutzhaft* лежат в прусском законе от 4 июня 1851 года об осадном положении, которое в 1871 году распространилось на всю Германию (за исключением Баварии), и, ещё раньше, в прусском законе о “защите личной свободы” от 12 февраля 1850 года... Не нужно забывать, что первые концентрационные лагеря в Германии были созданы не нацистским режимом, а социал-демократическими правительствами, которые не только в 1923 году, после введения чрезвычайного положения, интернировали, пользуясь *Schutzhaft*, тысячи коммунистов, но и открыли в Котбус-Зиле *Konzentrationslager für Ausländer*, принимавший в первую очередь еврейских беженцев из стран Востока... *Лагерь — это пространство, возникающее тогда, когда чрезвычайное положение превращается в правило...* Правильный вопрос об ужасах концентрационных лагерей — это не лицемерное вопрошание о том, как стало возможным совершение столь чудовищных преступлений против человеческих существ (об этом вопрошает Х. Арндт. — М. К.); честнее и, главное, полезнее тщательно исследовать, с помощью каких правовых процедур и политических средств люди могли быть столь полно лишены собственных прав и преимуществ — до такой степени, что любое действие, совершённое по отношению к ним, больше не являлось преступлением (и тогда действительно уже всё становилось возможным)⁴⁶.

(4) Традиционные внешние угрозы и континентальный характер Исторической России, освоение Сибири и Дальнего Востока⁴⁷, продиктовали

⁴⁶ Агамбен Дж. НОМО SACER. Суверенная власть и голая жизнь [1995]. М., 2011. С. 153, 155, 168, 212, 214, 217.

⁴⁷ О традиции и итогах рациональной интеграции Сибири и Дальнего Востока в имперское пространство см.: Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985. С. 149–153; Wolf David. To the Harbin station. The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford (Calif.), 1999; Молчанов Л. А. «Целью института является...»: Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Исторический архив. М., 2000. № 6. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX в. Омск, 2004; Родигина Н. Н. Образ Сибири как интеллектуальный конструкт и феномен общественного мнения России второй половины XIX в. // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. Новосибирск, 2004; Савченко М. М. «Дерзаю выставлять на Ваше усмотрение плоды моих занятий». Письма Д. И. Менделеева Николаю II. 1897–1901 гг. // Исторический архив. М., 2004. № 2, 4; Андреева Т. В. «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова». Письма М. М. Сперанского. 1819–1821 гг. // Исторический архив. М., 2006. № 5; Сибирь в составе Российской Империи / Сост. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007; Чач Е. А. «Имперское востоковедение» в России рубежа XIX–XX вв.: государственные

русской и затем советской государственной мысли (особенно в трудах энциклопедиста Д. И. Менделеева (1834–1907)⁴⁸, в протекционистской и железнодорожной геополитике его правящего покровителя, министра финансов России в 1892–1903 гг. С. Ю. Витте⁴⁹, геолого-инфраструктурных исследованиях В. И. Вернадского (1863–1945)⁵⁰ и занятиях созданной им во время

и общественные инициативы // II Омские исторические чтения: Сборник воспоминаний и статей. Омск, 2009; *Хобта А. В.* Строительство Транссиба: очерки истории (конец XIX — начало XX в.). Иркутск, 2009; *Никитин Н. И.* Присоединение Сибири // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории / Ред. колл. А. И. Аксенов, Я. Е. Водарский, Н. И. Никитин, Н. М. Рогожин. М., 2011.

⁴⁸ О рецепции наследия Менделеева в высшем эшелоне большевистской власти и трансляции её в государственную политику см.: *Троцкий Л. Д.* И. Менделеев и марксизм (Доклад четвертому Менделеевскому съезду по чистой и прикладной химии 17 сентября 1925 г.). Также о преемственно масштабном праздновании 100-летия Менделеева в СССР по решению Политбюро в 1934 г.: Академия Наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000.

⁴⁹ См. произнесённые С. Ю. Витте стратегические проблемы и задачи России: вызовы милитаризма, пространственная уязвимость, потребность в угольной базе для промышленности Урала, колонизация Сибири, имплементация наследия Ф. Листа в области защиты внутреннего рынка и развития национальных железных дорог: *Bumme С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве [1902, 1911]. М., 2011. С. 102, 108–111, 127, 238. Ср. совершенно «виттевское» заявление И. В. Сталина 17 января 1941 на заседании Политбюро о железных дорогах: «Наше государство с экономической, хозяйственной стороны не представляет единого целого и состоит из отдельных кусков. Чтобы соединить эти куски в единое целое, нужны железные дороги... Нам надо ещё лет 10 усиленно строить железные дороги. Надо не жалеть для этого сил и средств. Надо помнить, что история промышленности показывает, что основным стимулом для развития чёрной металлургии был всегда железнодорожный транспорт» («Пройдёт десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»: Дневник В. А. Малышева (1937–1951) // Старая площадь. Вестник Архива Президента РФ. М., 1997. №5. С. 114).

⁵⁰ Исходя из опыта Первой мировой войны, В. И. Вернадский прямо ссылаясь на давнюю идею Д. И. Менделеева о переносе ресурсного (и политического) центра России в Сибирь (Омск) и заключал, что после потери в Первой мировой войне территории Галиции, Польши и части Прибалтики «русское общество... увидело неизбежную необходимость спешного исследования... за это время в России открыты новые неожиданные отложения каменного угля в Предкавказье и Западной Сибири, на Урале найдены большие скопления никелевых руд, в Забайкалье впервые открыты руды висмута в количестве, позволяющем его добычу, найдены россыпи монацита, первые находжения селена, боксита, серьёзные руды цинка, руды ванадия» (*Вернадский В. И.* Публицистические статьи / Отв. ред. В. П. Волков. М., 1995. С. 245, 205, 244, 247 («Задачи науки в связи с государственной политикой в России», 1917, «Война и прогресс науки», 1915 — впервые: Чего ждет Россия от войны. Сб. ст. Пг., 1915). См. также: *Вернадский В. И.* Дневники (1917–1921): Октябрь 1917 — январь 1920 / Сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржачев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. Киев, 1994. С. 43 (запись от 14 ноября 1917). В 1933 году П. Н. Савицкий писал: «За редким исключением, русские люди конца XIX — начала XX в. забывали о зауральских пространствах (один из тех, кто помнил о них, был гениальный русский химик Д. И. Менделеев). Ныне наступили иные времена. Весь “Уральско-Кузнецкий комбинат” с его домнами, угольными шахтами, новыми городами на сотню-другую тысяч населения каждый — строится за Уралом. Там же воздвигают “Турксиб”...» (*Савицкий П. Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Пётр Савицкий. Континент Евразия / Сост. А. Г. Дугин. М., 1997. С. 295). Сын В. И. Вернадского, в 1920-е гг. — евразиец, историк Г. В. Вернадский писал в эмиграции в 1934 году, наблюдая за СССР: «В то время как до 1917 года русская промышленность сосредоточена была преимущественно на территории доуральской России, а промышлен-

Первой мировой войны для укрепления ресурсной базы государственной мощи России — Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС, 1915–1930, затем — Совет (СОПС))⁵¹ необходимость инфраструктурного и ресурсного обеспечения Востока России⁵², отвечающего интересам стратегической безопасности⁵³ нового районирования территории России *как континента*⁵⁴ и создания — в дополнение к промышлен-

ность Урала была развита гораздо менее интенсивно, не говоря уже о промышленности Сибири, к окончанию первой пятилетки (1933 г.) наряду с прежней донецко-южнорусской угольно-металлургической базой построена вторая — урало-алтайский комбинат. Новые мощные заводы выросли как в восточной части доуральской России — в Поволжье, так и на Урале и за Уралом» (*Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры*. М., 2005. С. 104). Одно время глава отдела науки ЦК ВКП (б), сын А. А. Жданова, активный участник бюрократической борьбы конца 1948 г., противник Берии, свидетельствует о важности наследия В. И. Вернадского и Д. И. Менделеева как идеологов индустриализации и освоения ресурсов России для своего политического мировоззрения (*Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца*. Ростов-на-Дону, 2004. С. 138–144, 160–161, 166, 422–423).

- ⁵¹ В 1930 году КЕПС была реорганизована в СОПС со главе с И. М. Губкиным (СОПС просуществовал до 1960). И. М. Губкин (1871–1939) — автор идеи «Второго Баку»: Волго-Уральской нефтегазоносной области. Библиография опубликованных работ Комиссии по изучению производительных сил в России и Совет по изучению производительных сил СССР АН СССР (1915–1967). М., 1969; *Кольцов А. В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России, 1915–1930 гг. СПб., 1999; См. также: *Козыбаев М. К.* Из истории организации деятельности Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны // *Известия АН СССР: Казахская ССР. Серия истории, археологии и этнографии*. Вып. 1. Алма-Ата, 1962; В. И. Вернадский и проблемы организационно-экономических исследований. М., 1989; *Фронт и тыл: Геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны*. М., 1990; *Гракина Э. И.* Учёные России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 2000.
- ⁵² После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке «главным инструментом [власти] становятся русская крестьянская колонизация, железные дороги, таможенный протекционизм и опора на национальный капитал... На место охранительных и военно-мобилизационных задач в дальневосточной политике вышли колонизационные задачи». И если Витте был лоббистом более всего развития железнодорожной инфраструктуры на Восток и колонизации, то Менделеев ставил задачи освоения природных ресурсов (*Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX в. Омск, 2004. С. 524, 324–327, 453), то есть гораздо более масштабного государственного проектирования, включающего отобработанные трудовые ресурсы, строительство инфраструктуры и обеспечение внутренних инвестиций, а годы Первой мировой войны заставили круг Вернадского увидеть военно-стратегический смысл освоения ресурсов Востока России.
- ⁵³ Терминология главы военного ведомства СССР К. Е. Ворошилова при обсуждении пятилетнего плана на XV съезде партии 13 декабря 1927: «районирование промышленности должно соответствовать требованиям стратегической безопасности» (Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчёт. Т. 2. М., 1962. С. 993). О заблаговременном переносе промышленных предприятий из «угрожаемых зон» на Урал и Юг., см.: *Шигалин Г.* Подготовка промышленности к войне. Л., 1928. С. 128.
- ⁵⁴ Ещё до евразийцев и одновременно с известными работами раннего П. Н. Савицкого в 1915–1916 гг. в журнале его учителя П. Б. Струве понятие «континент» в применении к России использовал В. И. Вернадский, «континент» употреблял и русский военный разведчик и стратег А. Е. Вандам (*Вандам А. Е.* Величайшее из искусств. Образ

ному центру в Европейской России и развитию старого промышленного Урала — «**второго индустриального центра**» на Севере и в Сибири, приближенного к новым источникам природных ресурсов (Печорский бассейн, Урало-Кузбасс)⁵⁵, проекту нефтяного «**второго Баку**» в Поволжско-уральском регионе⁵⁶.

Во второй половине XIX века, когда ближайшие угрозы с запада формально были отодвинуты, даже видя умиротворённую Польшу и мирную Финляндию в составе Российской империи, Д. И. Менделеев исследовал ресурсный потенциал нового имперского пространства с точки зрения его стратегической глубины и сформулировал приоритеты использова-

современного положения в свете высшей стратегии [1913] // А. Е. Вандам (Едрихин). Наше положение. СПб., 2009. С. 168). Очевидно, что и очерченный круг, и евразийское продолжение не исчерпывают всех геоэкономических и геополитических интуиций русской мысли, из которой и составил естественный консенсус, продиктовавший логику советского (в первую очередь — сталинского) рационального пространственного развития. В дополнение см.: *Войков А. И.* Будет ли Тихий океан главным торговым путём земного шара? [1904] СПб., 1911; *Хлыновский М. Х.* Будущее Дальнего Востока. СПб., 1910; *Хлыновский М. Х.* Угроза Сибирскому Востоку. СПб., 1910; *Э. Беренс.* Центр и государственные границы России в XX столетии [1911] / Публ. К. Бурмистрова // Исследования по истории русской мысли [7]. Ежегодник 2004/2005 / Под ред. Н. С. Плотникова и М. А. Колерова. М., 2007. Об этом см.: *Баных С. Г.* Географический детерминизм от Льва Мечникова до Льва Гумилёва: Исторические очерки. Екатеринбург, 1997; *Беленький И. Л.* Роль географического фактора в отечественном историческом процессе. Аналитический обзор. М., 2000; *Якушин В. И., Зеленев Е. И., Зеленева И. В.* Российская школа геополитики. СПб., 2008; *Гловели Г. Д.* Геополитическая экономика в России: от дискуссий о самобытности к глобальной модели (XIX в. — первая треть XX в.). СПб., 2009; *Глазьев В. Л.* Город без границ. М., 2011; *Цымбурский В.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011.

⁵⁵ О военно-стратегическом значении «второго промышленного центра» в сталинской науке, пропаганде и практике см.: *Ферсман А. Е.* Урал — сокровищница Советского Союза. М., 1942; *Дьяков Ю. Л.* Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие. М., 1973; *Левшин Б. В.* Работа комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны (1941–1945 гг.) // Академия Наук и Сибирь. 1917–1957 гг. Новосибирск, 1977; *Антуфьев В. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992; *Ломако П. Ф.* Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1995; *В. П. Могутнов.* Война. Урал. Резерв: 1941–1945. Курган, 1999; *Храмкова Е. Л.* Тыл России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Библиографический указатель литературы. Самара, 2000; *Яковлев Н. Д.* «Урал, Сибирь, Средняя Азия стали сердцем советской индустрии...» / Публ. В. Г. Оппокова // Военно-исторический журнал. М., 2003. № 2; *Савицкий И. М.* Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.

⁵⁶ Об этом, прежде всего, см.: *Пробст А. Е.* Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М., Л., 1939; *Грановский Е.* Сырьё и топливо в Отечественной войне. М., 2003; *Иголкин А. А.* Нефтяная политика СССР в 1928–1940-м годах. М., 2005; *Соколов А. К.* Советское нефтяное хозяйство накануне войны // Экономическая история: Ежегодник. 2008 / Отв. ред. Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров, С. А. Саломатина. М., 2009; *Иголкин А. А.* Советская нефтяная политика в 1940-м — 1950-м годах. М., 2009; *Иголкин А. А.* Нефтяная политика России в XX — начале XXI века // XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2010.

ния природных ресурсов Малороссии и Донецкого бассейна⁵⁷, Баку, Урала, севера Туркестана, Западной Сибири, Дальнего Востока⁵⁸, и с самого начала — не просто в качестве ресурсных территорий, но и в качестве потенциальных промышленных и коммуникационных центров. Пропагандируя наследие Менделеева, консервативный публицист М. О. Меньшиков писал: «Будущая Россия — Сибирь, которую недаром все ставят в параллель с Америкой»⁵⁹. Речь шла о стратегии, результатом которой должен был стать новый индустриальный центр России с собственной ресурсной, транспортной и промышленной базой. В итоговом труде «К познанию России» (1906), находя перспективный государственный центр России в Западной Сибири, Менделеев обращает внимание на «огромные рудные запасы России около Качканара, Магнитной горы, Урала, р. Синар [река Синара современной Челябинской области], Кривого Рога», а также на то, что «такие богатейшие каменноугольные копи, как Экибастузские (в Киргизской степи, со всеми условиями подвоза на Урал), у нас почти бездействуют, хотя могут принести Южному Уралу и Степному краю, к нему прилегающему, условия большого промышленного развития»⁶⁰. Таким образом, новый промышленный центр России должен был быть привязан к новым источникам энергии и сырья, в то время как старый промышленный центр был привязан к угрожаемым ресурсам Донбасса и Баку. Соответственно основным районам потребления нефти в России, главные коммуникации из Баку в Центр и Поволжье пролегли по Каспию и Волге⁶¹, в непосредственной близости от потенциального театра военных действий. Традиционная вертикальная связь потребителей и производителей ресурсов на внутрисоссийском рынке тесно привязывала к Центру и нефтяной Баку, и угольный Донбасс, не оставляя пространства для выстраивания альтернативных коммуникаций. Старый ресурсно-про-

⁵⁷ Об оценке потенциала Донецкого бассейна и Урала ещё по указанию Николая I см.: *Дьюкс Пол. Родерик Мерчисон на Урале* // Русский Сборник. Исследования по истории России. Том VIII. М., 2010.

⁵⁸ «Часть наших исторических задач, без сомнения, лежит в развитии нашего Дальнего Востока, прилегающего к Великому океану» (*Менделеев Д. И. Познание России. Заветные мысли*. М., 2008. С. 301. «Заветные мысли» (1904)). См. об этом: *Н. П. Никитин. Экономико-географические работы Д. И. Менделеева* // Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. / Под ред. Н. Н. Баранского, Н. П. Никитина, Ю. Г. Саушкина. М., 1957.

⁵⁹ *Меньшиков М. О. Памяти Д. И. Менделеева [1907]* // М. Меньшиков. Национальная империя / Сост. М. Б. Смолен. М., 2004. С. 110. Ср. с тем, что С. Н. Сыромятников (Сигма) писал в 1903 году: «Восток не только наша колония, он зародыш новой России, по типу более близкий к Америке, чем в Европе и Азии» (Цит. по: *Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX в. С. 344*). «К 1890-м гг. в народнической прессе аналогии Сибири и Америки стали достаточно расхожим явлением, публицистическим штампом» (*Родигина Н. Н. «Terra incognita» или «якорь спасения России»*. С. 137).

⁶⁰ *Менделеев Д. И. Познание России. Заветные мысли*. С. 114, 81.

⁶¹ *Сеидов В. Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX — начало XX века): Историческое исследование*. М., 2009. С. 258.

мышленный центр на Урале оставался замкнут на себе — и равно далёк как от Донбасса и Баку, так и от Западной Сибири. Немного особняком здесь стояли возможности коммуникации Урала и Европейского Севера России, но уральская промышленность также нуждалась в расширении ресурсной базы, а потенциальная разработка месторождений Ухты и Печоры были сориентированы на промышленность Санкт-Петербурга, то есть того же старого (и угрожаемого) промышленного центра. Всё этого создавало, как минимум, логистическую потребность в создании индустриального потребителя ресурсов Западной Сибири — в самой Западной Сибири.

Интересные связи обнаруживает специалист по пространственному развитию России В. Л. Глазычев: по его оценке, Менделеев первым подчинил экономическое районирование страны единой программе развития европейской и азиатской её частей и уровню / задачам её индустриализации. Главная суть учения Листа для мысли Менделеева состояла в следующем: «В контраст к либеральной идеологии англосаксов, фактически навязывавших через тезис о свободе торговли собственную волю другим странам, Лист писал, что нельзя понять народное хозяйство как органическое целое, если исключить из него государственное хозяйство... Государственная власть согласует и направляет усилия отдельных звеньев национального хозяйства во имя долгосрочных, коренных интересов нации». «К работе [Менделеева] “Уральская железная промышленность в 1899 г.” была приложена карта Урала с обозначением заводов, рудников и путей сообщений. По комплексности подхода труд Менделеева был исключительным явлением. Намечая цельную систему действий, Менделеев рассматривал горное дело, металлургию, машиностроение, лесное хозяйство и транспорт как единую проблему. Он особенно подчеркивает значение железных дорог для Урала как внутри его, так и для выхода в другие районы. Ставится, пусть в иных обозначениях, задача формирования единого Урало-Кузнецкого металлургического комплекса на привозном коксующемся угле... Мы останавливаемся на работах Менделеева по той причине, что именно эти идеи, пусть в несколько вульгаризированной форме, легли в основу идеологии КЕПС (Комиссии по изучению естественных производительных сил), созданной во время Первой мировой войны по руководством В. И. Вернадского, затем в основу Плана ГОЭЛРО и, наконец, программы большевистских пятилеток. Современники Менделеева — и промышленники, и ученые-экономисты — считали естественным для России повторять путь от развития легкой промышленности, не требующей больших капиталовложений и обеспечивающей быструю окупаемость вложенных средств. Лишь накопив солидный капитал, благодаря развитию лёгкой промышленности, можно строить тяжёлую индустрию. По мнению Менделеева, такая логика обрекала Россию на положение сырьевого придатка Запада. По его суждению, России необходимо было начать с созда-

ния тяжёлой индустрии на основе самой передовой технологии... Менделеев... настаивал на необходимости удвоения инвестиций в развитие промышленности, непременно осуществив радикальное смещение вектора индустриализации в Сибирь и к берегам Тихого океана. Наконец, одной из ключевых задач России он считал освоение Северного морского пути». Исследователь нащупывает и основу для пробольшевистского идейного союза дореволюционной военно-стратегической и научно-государственной мысли: в годы Первой мировой войны «неформальный союз между генштабистами и учёными был сформирован. Участники КЕПС видели, что по мере развития индустрии протяжённость России стала её ахиллесовой пятой, что России требуется подлинная революция в организации и обеспечении производства и прежде всего его инфраструктурной логистики. Для этой революции в тогдашнем российском капитализме не было и не могло найтись финансовых средств»⁶². Для этой революции, добавлю, средства смогло найти лишь «первоначальное социалистическое накопление», установившее 20–30-летнее крепостное право для крестьянского большинства России/СССР.

Прямая и тесная идейная связь геоэкономической русской мысли о «России-континенте» с задачей обретения её стратегической глубины во «втором индустриальном центре» в Сибири сегодня исследована всего лишь одним русским автором, но очень хорошо. Согласно очерку, преемственный и консенсуальный характер этой связи был явлен, кроме трудов Витте, Вернадского, В. П. Семёнова-Тян-Шанского (1870–1942) и П. Н. Савицкого (1895–1968), и в серии работ упомянутого марксиста М. Павловича (М. Л. Вельтмана), при большевиках — крупного деятеля НКВД и восточной политики СССР, инициатора создания и главы Главного комитета государственных сооружений и общественных работ РСФСР, уже в 1918 году ставшего прообразом высшей централизации строительства и принудительного труда; в исследовании марксиста А. А. Богданова (1873–1928) «Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания» (1923) о соединении и централизации рациональной интенсификации естественных и научных сил в исследовании и учёте минеральных и энергетических ресурсов, использовании труда, в которых чётко осознавался антагонизм технической рациональности и экономической рентабельности⁶³. В этот идейный кон-

⁶² Глазычев В. Л. Город без границ. М., 2011. С. 169, 170–171, 176–177.

⁶³ Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальной модели (XIX в. — первая треть XX в.). С. 82, 94–95, 146–147, 166, 170, 174. О новом распределении производительных сил см. также: Аникст А. Организация распределения рабочей силы. М., 1920; Александров И. Г. Основа хозяйственного районирования СССР. М., 1925; Замятин Д. Н. Научные школы и исследовательские программы в области экономического районирования России и СССР // Известия Русского географического общества. СПб., 1997. Т. 129. Вып. 3.

текст исследователь заслуженно встроил и известную книгу ректора МВТУ, инженера-теплотехника В. И. Гриневецкого (1871–1919) «Послевоенные перспективы русской промышленности» (Харьков, 1919, переизд.: М., 1922), прославленную мемуаристом круга меньшевиков-экономистов ВСНХ за то, что её главная идея о «перемещении центра тяжести российской индустрии на восток ближе к источникам сырья» вдохновила В. И. Ленина на план ГОЭЛРО⁶⁴ — план скромного энергетического развития России, прецедентно для политики большевиков и Сталина привязанного к пространственному развитию страны и эксплуатации её ресурсов. В. И. Вернадский вспоминал в письме к сыну Г. В. Вернадскому (1887–1973) в 1936 году: «Страна, в целом, несомненно, растёт, работает и учится. Я уверен, что если не будет войны — огромное будущее, а если начнётся война — неизвестно, кто победит. Разница с 1914 годом — колоссальная. В связи со всем переживаемым я вспомнил как раз человека, которому принадлежит большая идейная заслуга — государственного плана и широких государственных мероприятий для выхода из бедствий войны. Знаешь работу В. И. Гриневецкого...? Государственный план — а электричество»⁶⁵ и т. п. это его проект... Я с ним столкнулся ближе в 1905 г. и позже... П. И. Новгородцев был с ним близок. Очень было важно найти и его книжку... Я читал в то время. Фактически он инициатор идейный, повлиявший несомненно и сейчас уже забытый. Но исторически факт влияния его идеи существовал»⁶⁶. Уже в начале Великой Отечественной

⁶⁴ «Книга Гриневецкого... сделалась настольной в наркоматах, главках и в центрах... Она попала в руки Ленина в 1919 г. Красин первый обратил на нее его внимание... Книга, несомненно, произвела на В. И. Ленина огромное впечатление... Под влиянием этой книги Ленин стал настаивать на быстрейшем составлении государственных планов развития народного хозяйства, в основу которых должна быть положена электрификация страны». Мемуарист перечисляет задачи, поставленные Гриневецким: «1. Главной проблемой ближайшего будущего станет сбережение топлива... 2. «Урал должен встретить опасного соперника в Кузнецком районе, где... соберутся все данные для развития крупной металлургической промышленности современного типа»... 3. «Интересы промышленности... ставят на ближайшую очередь прямую железнодорожную связь Сибири и Туркестана». 4. «Создание новых водных магистралей потребует многолетних работ и колоссальных затрат. Сюда можно отнести соединение Волги с Доном, регулирование порогов Днепра, соединение Черного и Балтийского морей, Волжского бассейна с Белым морем и Ледовитым океаном» (*Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания [1956] / Сост. С. С. Волк. М., 1991). Фундаментальный очерк о Гриневецком (без упоминания Валентинова, но с указанием на частичный интеллектуальный приоритет М. Павловича в определении крупных государственных проектов: Р. 108), основанный на глубоком исследовании контекста см.: *Smolinski Leon.* Grinevetskiĭ and Soviet Industrialisation // *Survey* (London). No. 67. April 1968. P. 100–115 (благодарю Пола Чейсти за предоставленную копию этого редкого текста, указанного лишь в труде Роберта Такера «Сталин. Путь к власти»). См. также уже хрестоматизированные упоминания в современной литературе о Гриневецком: *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994. Глава 7; *Пушкарев Б. С.* Две России XX века. Обзор истории 1917–1993. М., 2008. С. 186.

⁶⁵ Таково прочтение публикатора. Вероятней всего — «электрификация» (М. К.).

⁶⁶ Week-end в Болшево, или ещё раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского / Публ. М. Ю. Сорокиной // *Минувшее: Исторический альманах*. 23. СПб., 1998. С. 336.

войны Вернадский мемуарно и свидетельски записывал в дневнике наблюдения над тем, как расширение ресурсно-промышленной базы на восток предсказуемо послужило во время войны делу стратегической устойчивости государства. Он писал 30 июля 1941 г.: «Создание сознательное могущественной военной силы, независимой от извне в своём вооружении, примат в данном моменте этого создания в гос. жизни — правильная линия, взятая Сталиным... Страна при миллионах рабов (лагеря и высылки НКВД) выдержит эту язву [“полицию”], так как моральное окружение противника ещё хуже...»; (22 марта 1942:) «В брошюре Ферсмана⁶⁷ о стратегическом сырье — вспоминались им уже в истор. аспекте 1915–1916 годы... общение с инженерами было в 1915 году в связи с КЕПСом... Гриневецкий — выдвинул плановую работу... о постройке металлургического завода американского типа в Сибири разговоры начались ещё в 1916 году... В 1925 г. в стране возобновились технические искания, вновь ожила [геологическая] разведка, заговорили о заводе, возникли проблемы Урало-Кузнецкого завода... Первую кузнецкую домну задули 1 апр. 1932 года. С этого дня Сибирь стала родиной металла... Это шаг, которого не делала и не знала ни одна промышленность мира»⁶⁸.

Одновременно развивавшаяся в целом независимо от и против большевизма идеократически-этатистская традиция в русской мысли (П. Б. Струве (1870–1944), С. А. Котляревский (1873–1939), П. И. Новгородцев (1866–1924), И. А. Ильин (1883–1954), В. Н. Муравьев (1885–1932), А. Ф. Лосев (1893–1988), отчасти П. А. Флоренский (1882–1937), сборники «Великая Россия», журналы «Русская Мысль» и «Проблемы Великой России», веховство, национал-большевизм, сменовеховство, евразийство) прямо утверждала защиту национальных интересов России на путях общенациональной мобилизации, единство внешней политики независимо от политики внутренней⁶⁹. Примечательно, что именно круг политизированных промышленников В. П. и П. П. Рябушинских в 1909–1912 гг. выступил спонсором идейно-политического творчества Струве и С. Н. Булгакова (1871–1944)⁷⁰, «веховского» круга, формулировавшего в сборниках «Великая Россия» программу либерального империализма⁷¹.

⁶⁷ Ферсман А. Е. Война и стратегическое сырьё. Красноуфимск, 1941.

⁶⁸ Вернадский В. И. Дневники. Июль 1941 — август 1943 / Сост. В. П. Волков. М., 2010. С. 27, 225, 316–317.

⁶⁹ Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1993 (современный сборник); Котляревский С. А. Развитие международных отношений в новейшее время. М., 1922.

⁷⁰ Петров Ю. Династия Рябушинских. М., 1997. С. 83. Подробно об этом: West J. L. Philosophical idealism and utopian capitalism: the Vekhi authors and the Riabushinski circle // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / Отв. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М., 2007.

⁷¹ Великая Россия. Сб. ст. по военным и общественным вопросам / Редактор-издатель В. П. Рябушинский. Книга первая. М., [1910]; Болховитинов [Л. М.]. Россия на Дальнем Востоке; Трубецкой Г. Россия, как великая держава; др.; Великая Россия. Книга вторая. М., [1911]; Болховитинов [Л. М.]. Колонизаторы Дальнего Востока; Бобров. Восстановление

Созданный в ходе войны в 1915 году при Московском биржевом комитете — Московский Военно-промышленный комитет во главе с П. П. Рябушинским действовал по программе, «отражавшей радикальный подход к проблеме мобилизации промышленности»: имея задачей «учреждение чего-то вроде Министерства вооружений с самыми широкими полномочиями», которое, кроме промышленности, должно было «определять и удовлетворять потребности в сырье, топливе, средствах перевозки и необходимой рабочей силе». Эта программа в мае 1917 приобрела всероссийский характер и по плану новые органы государственного капитализма уже после войны должны были «1. отвечать за создание плана мобилизации промышленности. 2. заниматься учётом производительных сил страны, учётом рабочего персонала, наблюдением за оборудованием заводов, ... участвовать в выработке плана снабжения армии на военный период». В 1918–1919 гг. эти Военно-промышленные комитеты стали кадровой основой советской системы центральных и местных органов экономического управления ВСНХ⁷² подобно тому, как кадры Генерального штаба — органов военного управления РККА. В целом налицо был консенсус в русской науке и мысли в отношении экстенсивного развития производительных сил России за счёт Сибири и Туркестана.

В 1919 году в подполье интеллектуальный центр широкой антибольшевистской военно-политической коалиции — Всероссийский национальный центр создал авторский коллектив под руководством С. А. Котляревского, при участии Л. Б. Кафенгауза (1885–1940), Я. М. Букшпана (1887–1939) (ставших затем ответственными советскими экспертами)⁷³ и др., для составления проекта послебольшевистского государственного строительства России от имени будущего нового правительства. Красноречиво, что экономическая его программа несомненно была созвучна и западной практике, и советской политике (и, как видим по датировке, формулировалась независимо от идей

силы; *Котляревский С.* Русская внешняя политика и национальные задачи; *Трубецкой Г.* Некоторые итоги русской внешней политики; *П. А. Т.* Железнодорожный вопрос в Персии и Великий Индийский путь; *Струве Петр.* Экономическая проблема «Великой России». Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве; др.

⁷² *Кюнг П. А.* Бизнес в условиях мобилизационной экономики. 1914–1915 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2010 / Отв. ред. Л. И. Бородкин, Ю. А. Петров. М., 2010. С. 175, 177–178, 184, 190.

⁷³ Я. М. Букшпан — экономист, преподаватель СПб. Политехнического института из круга П. Б. Струве, издатель сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922) (Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М. Колерова. М., 2002. С. 719–720), в 1921–1928 гг. — глава бюро мирового хозяйства ВСНХ (см.: *Букшпан Я. М.* Военно-хозяйственная политика: Формы и органы регулирования народного хозяйства за время Мировой войны 1914–1918. М., Л., 1929), Л. Б. Кафенгауз — экономист, преподаватель Московского коммерческого института из круга П. И. Новгородцева и С. Н. Булгакова, в 1917 г. — товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, с 1918 г. — глава Центрального отдела статистики ВСНХ, ответственный сотрудник Главного экономического управления ВСНХ.

Гриневецкого, но в их общей логике). В антибольшевистской программе звучало: «Как ни временны в исторической перспективе связанные с войной мероприятия правительства в виде организации торговли, мобилизации промышленности для целей обороны, регламентации цен, монополии отдельных отраслей хозяйства, принудительных синдикатов и т. п. — все эти проявления «этатизма», наблюдаемые во всех странах, не могут пройти бесследно для будущего. Так как организация народного хозяйства оказалась важнейшим условием необходимой боевой готовности каждой из воюющих сторон, то и хозяйственная демобилизация, подобно военному разоружению, естественно должна ставиться в зависимость от государственно-политических соображений и расчётов... снабжение сырьём, топливом и воссоздание военной промышленности — вот три главные области, где необходимо вмешательство государства в промышленную жизнь». В развитии путей сообщения приоритетным было расширение железнодорожной сети в направлении стратегического освоения Востока, учитывая, что эти железные дороги «сами по себе на первое время не могут быть доходными предприятиями», то есть требуют политических инвестиций государства: «важно и необходимо проведение линий пионерных, которые дадут доступ [к] неисчислимым богатствам на Севере России, в Сибири, на Кавказе, в Туркестане, Закавказье и на Дальне-Восточной окраине»⁷⁴. Известный русский критик большевизма и Сталина, высланный из Советской России в 1922 году и в эмиграции сотрудничавший, ради борьбы с большевизмом, даже с германскими специальными службами, Иван Ильин писал в дни войны, анализируя военно-стратегический потенциал и «второй индустриальный центр» СССР: «Уже сто лет, как в национально-политической литературе России отмечается порою совершенно открытый тезис европейцев: у русских варваров слишком большая территория, которая не используется. Поэтому не надо было иметь большого ума, чтобы после Первой мировой войны начать в России грандиозную индустриализацию... В ходе Первой мировой войны процесс индустриализации достиг огромных успехов и в военно-технической области. Любое русское правительство после Первой мировой войны, несомненно, энергично содействовало бы этому»⁷⁵.

⁷⁴ [Записка об экономическом развитии России, 1919] // Всероссийский национальный центр / Сост. Н. И. Канищева. М., 2001. С. 390, 400, 427–428. Ср.: «Из многочисленных месторождений России должно быть обращено особое внимание на энергичное восстановление Донецкого бассейна, антрацитовые залежи которого поистине огромны, и в особенности на Алтайский бассейн» ([Бухитан Я. М., Кафенгауз Л. Б. Программа экономического возрождения страны, составленная «Национальным центром» в 1919 году]. Россия после большевистского эксперимента: Программа экономического возрождения страны, составленная «Национальным центром» в 1919 году / Публ. А. С. Велидова // Неизвестная Россия. XX век. [Вып. I] / Гл. ред. В. А. Козлов. М., 1992. С. 151–153, 163).

⁷⁵ Ильин И. А. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов / Сост. Ю. Т. Лисица. М., 2004. С. 162 (8 февраля 1943).

Примечательно, что даже «революционный» план ГОЭЛРО (1920) провёл новое экономическое районирование России по тем узлам, что нащупывались ещё при императоре Николае I: советский проект видел экономические районы (Северный, Центрально-промышленный, Южный, Приволжский, Уральский, Западно-Сибирский, Кавказский и Туркестанский) там, где они были спроектированы ещё при Николае I (металлургия — Урал, Северо-Запад, Центр, уголь — Донбасс, Центр, промышленность — Центр, Северо-Запад). Энергетический акцент, который, кроме Центра и Ленинграда, Ленин в ГОЭЛРО делал на Урале⁷⁶, уже не был прогрессивным и стратегически перспективным — ни с точки зрения итогов русской государственной мысли, ни с точки зрения итогов Первой мировой войны. Промышленно-энергетический акцент на Западной Сибири⁷⁷, в соответствии с прописями рубежа XIX–XX веков, предстояло сделать Сталину.

(5) Сначала и параллельно мировые⁷⁸, а затем и российские прецеденты⁷⁹
соединения репрессий и мобилизации принудительного труда (кон-

⁷⁶ В. И. Ленин говорил в беседе с корреспондентом американской газеты *The World* в феврале 1920 года: «Мы намерены электрифицировать всю нашу промышленную систему (курсив мой. — М. К.) путем создания электростанций на Урале и в других местах». Современные историки ГОЭЛРО признают: «Ленин... ограничивал задачу электрификации Сибири лишь постольку, поскольку это необходимо для Урала, т. е. для снабжения уральской металлургии кузнечным углем» (История электрификации // 85 лет плана ГОЭЛРО (2005): www.85goelro.rao-ees.ru).

⁷⁷ География строительства первых АЭС в СССР в 1950-е гг. окончательно продемонстрировала сложившееся двоецентрие её энергетически-промышленной инфраструктуры (место, решение о начале / начало строительства): Обнинская (Калужская область, 1950), Белоярская (Свердловская область, 1954), Сибирская (Томская область, 1957), Нововоронежская (Воронежская область, 1958) АЭС.

⁷⁸ Образцовый очерк типологической истории концлагерей, начиная с 1803 года, когда Бонапарт интернировал всех английских подданных на территории Франции, см.: *Miloradović G. Logori za izolaciju — nastanak, razvoj, tipologija, stereotipi // Vojnoistorijski Glasnik. 1–3. Beograd, 1999* (русский перевод см. в соответствующем разделе книги: *Милорадович Г. Карантин идей: Лагерь для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010. С. 37–68*). См., например, о принудительном труде заключённых во франкистских концлагерях и рабочих батальонах для противников режима и военнопленных республиканцев в Испании в 1936–1945 гг. (общим числом до 500 000 человек, 50 000 из которых погибли) см.: *Las cifras hablan de crueldad // El País (Madrid). 14 marzo 2010*. О крупнейшем в Испании концлагере Miranda de Ebro (1937–1947), где содержались также интернированные: *Bagasones para nazis y judíos // Ibidem*. Общий очерк системы концлагерей в Испании см.: *Teijeiro D. R. Configuración y evolución del sistema penitenciario franquista (1936–1945) // HISPANIA NOVA. Revista de Historia Contemporánea. No. 7. 2007: <http://hispanianova.rediris.es/7/dossier/07d019.pdf> (благодарю Елену Висенс за найденные материалы).*

⁷⁹ О начальной российской практике концлагерей см., в частности: *Кубасов А. Л. Концентрационные лагеря на Севере России во время Гражданской войны // Новый исторический вестник / Гл. ред. С. В. Карпенко. М., 2009. № 2 (20); Иванова Г. М. Советские концентрационные лагеря в годы Гражданской войны // XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. А. С. Сенявский. М., 2010.*

центрационных лагерей) предопределили создание системы сталинского ГУЛАГа⁸⁰ (советские граждане) и ГУПВИ⁸¹ (иностранные граждане) для реа-

⁸⁰ Специально о роли ГУЛАГа в экономике и милитаризации СССР см.: ГУЛАГ в годы войны: Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина. Август 1944 г. / Публ. А. И. Кокурина // Исторический архив. М., 1994. № 3 (См. также: Новая и новейшая история. М., 1996. № 5); *Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. М., 1994. № 6; *Кравери М., Хлевнюк О.* Кризис экономики МВД, конец 1940-х — 1950-е годы // *Cahiers du monde russe. Volume XXXVI. No. 1–2. Paris, 1995*; Исторические аспекты Северо-Восточной России: Экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан, 1996; *Иванова Г. М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; *Красильников С. А.* Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП (б). 1929–1930 гг. // Исторический архив. М., 1997. № 4; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998; Экономика ГУЛАГа и её роль в развитии страны. 1930-е годы. М., 1998; *Хлусов М. И.* Система ГУЛАГа как элемент власти // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-е — 40-е гг.): Сб. ст. М., 1999; ГУЛАГ (Главное управление лагерей): 1917–1960 / Сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 2000; *Широков А. И.* «Дальстрой»: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000; *Рассказов Л. П.* Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история. Ежегодник. 2002 / Отв. ред. Л. И. Бородин, Ю. А. Петров. М., 2003; *Applebaum Anne.* GULAG. A History. New York; London, 2003 (Русский перевод: *Эттлибаум Энн.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006); *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag / Edited by Paul R. Gregory and Valery Lazarev Stanford, 2003* (русский перевод: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. Переизд.: М., 2008; Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Морук. М., 2005; *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; *Морук Михаил.* Правда ГУЛАГа из круга первого [1929–1945]. М., 2006; Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов и фотографий / Отв. ред. О. В. Хлевнюк. М., 2008; *Цеткалова А. А.* Главпромстрой в системе ГУЛАГа: экономика принудительного труда на «Великих стройках коммунизма» // Экономическая история: Ежегодник. 2008. М., 2009; *Нахатетов Б.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., 2009; *Ларьков С., Романенко Ф.* «Враги народа» за полярным кругом. Сб. ст. / Под ред. А. Н. Земцова. М., 2010; И. В. Грибанова. Труд в особых лагерях ГУЛАГа: Берлаг, 1948–1954 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2010. М., 2010; *Панков С. А.* Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. М., 2011. № 12. Крупнейшая энциклопедия документов по истории ГУЛАГа: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х: Собрание документов в 7 томах. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004; Т. 2: Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н. В. Петров. М., 2004; Т. 3: Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004; Т. 4: Население ГУЛАГа: численность и условия содержания / Отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталева, И. В. Безбородова. М., 2004; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004; Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключённых / Отв. ред. и сост. В. А. Козлов. М., 2004; Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах ГАРФ. Анн. указатель дел / Отв. ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. М., 2005. Об этом издании: *Колеров М. А.* [Рец. на:] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х: Собрание документов в 7 томах. М., 2004–2005 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IV. М., 2007.

⁸¹ О военнопленных и интернированных Второй мировой войны в СССР см., в частности: *Karner Stefan.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Vienne-Münich, 1995 (русский перевод: *Карнер Стефан.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе, 1941–1956. М., 2002); *Knoll H.* Österreichische Kriegsgefangene und Internierte in sowjetischer Hand // Stefan Karner (Hg.). «Gefangen in Russland». Die Beiträge des Symposiums auf der Schallaburg 1995. Graz-Wien, 1995; *Kolero M.* Arbeitsverwendung der Kriegsgefangenen und Internierten in der UdSSR (1946–1950). Nach dem Material in den «Sondermappen» des Sekretariats des NKVD/MVD der UdSSR // Ibidem;

лизации главной её миссии — колонизации⁸², мобильности и неограничен-

Архив новейшей истории России. Том IV: «Особая папка» Л. П. Берии: Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1946–1949 гг. Каталог документов / Отв. ред. М. А. Колеров. М., 1996; *Конасов В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996; *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997; *Кузнецов С. И.* Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997; *Безбородова И. В.* Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945–1953) // Отечественная история. М., 1997. № 5; *Колеров М. А.* Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам «Особой папки» Л. П. Берии (1946–1950) // Родина. М., 1997. № 9; *Пянкевич В. Л.* Репарации и труд военнопленных как источники восстановления экономики СССР после Второй мировой войны: (Вопросы историографии). СПб., 1999; *Всеволодов В. А.* «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 гг. // Трагедия войны — трагедия плена. Москва — Красноярск 1–2 октября 1998. Сборник материалов. М., 1999; *Конасов В. Б.* Дискуссия о судьбе немецких военнопленных между союзниками в 1944–1945 гг. // Там же; *Poljan Pavel M.* Westarbeiter. Reparationen durch Arbeitskraft. Deutsche Häftlinge in der UdSSR // Dittmar Dahlmann, Gerhard Hirshfeld (Hrsg.). Lager, Zwangsarbeit, Vertriebung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Essen, 1999; Michael Borchard. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Zur politischen Bedeutung der Kriegsgefangenenfrage 1949–1955. Düsseldorf, 2000; *Попов А. Б.* Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 2000; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М. М. Загоруйко, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская. М., 2000; *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. Волгоград, 2001; *Полян П. М.* Интернированные немцы в СССР // Вопросы истории. 2001. № 8; *Букин С. С., Долголюк А. А.* Смертность военнопленных в сибирских лагерях: масштабы и причины (1943–1948 гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Сб. / Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002; *Конасов В., Кузьминых А.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002; *Захаров В. В.* Указатель фондов иностранного происхождения и Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР Российского государственного военного архива // Отечественные архивы. М., 2002. № 3; *Унжакова Е.* Семнадцать лет на благо вражеского отечества // Отечественные записки. М., 2003. № 3; *Колеров М. А.* Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Там же; *Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003; *Катасонова Е. Л.* Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005; Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 / Отв. ред. В. Л. Воронцов, Ева Мария Варга. М., 2005; *Мюллер К.-Д.* Советские и немецкие военнопленные и интернированные: картотеки // Изучение диктатур: Опыт России и Германии / Отв. ред. М. Б. Корчагина. М., 2007; *Колеров М. А.* Правда «Сталинградского плена» // Родина. М., 2008. № 4; *И. П. Ким.* Репатриация японцев с Южного Сахалина в послевоенные годы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2009; *Фралов Д. Д.* Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки; СПб., 2009; *Джустини М. Т.* Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954. СПб., 2010; *Кузьминых А. Л.* Труд военнопленных в развитии экономики СССР. 1939–1956 гг. // Вопросы истории. М., 2010. № 8; *Перевошиков Д. В.* Военнопленные в Приуралье. 1941–1949 гг. // Военно-исторический журнал. М., 2011. № 3; *Земсков В. Н.* «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. М., 2011. № 3.

⁸² Об истории, логике, приоритетах колонизационной и миграционной политики в России и СССР, её региональном измерении см. исследования: *Ямзин И. Л., Воицинин В. П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926; *Осинский Н. (Оболенский В. В.)*. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928; *Рыбаковский Л. Л.* Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М., 1969; *Чернолуцкая Е. Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1995. № 6; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945. Новосибирск, 1996; *Зеленин И. Е.* Первая советская программа массового освоения целинных

ной эксплуатации, которые получили своё наивысшее выражение в практике ГУЛАГа (впрочем, опыт ГУЛАГа показал, что возможность неограниченной эксплуатации оказалась мифом)⁸³. Историк уточняет, что именно осознание необходимого масштаба трудовых ресурсов для освоения природных ресурсов Сибири стало центральным в изменении общественного отношения к Сибири — уже не в фокусе постепенно колонизируемой каторжниками и переселенцами дальней окраины, а в фокусе условий и целей производительного труда. Интересно, что заслуга этого последнего превращения принадлежит именно А. П. Чехову, проведшему по время поездки на Сахалин в 1890-м году полноценное социолого-гигиеническое исследование и познакомившего с его контекстом страну⁸⁴.

Известный русский исследователь социализма и критик большевизма, историк права П. И. Новгородцев приводил слова русского либерального правоведа Ф. Ф. Кокоркина (1871–1918), опубликованные ещё в 1912 году: «Если продумать идеал социализма во всех его практических последствиях, то надо прийти к заключению, что “вовсе не свободное анархическое общество, а союз... обладающий всеми существенными признаками государства и, в частности, принудительной властью... нельзя представить себе это государство без всеобщей обязательной повинности труда... Государство возьмёт в свои руки производство и распределение продуктов”...»⁸⁵.

Итак, стратегические цели и географические приоритеты мобилизации экономических и природных ресурсов для создания государствен-

земель (конец 20-х — 30-е годы) // Отечественная история. М., 1996. № 2; *Ткачева Г. А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX века. Владивосток, 2000; *Красильников С. А.* Государственная политика в сфере плановых и принудительных переселений в Сибирь (вторая половина 1920-х — 1930-е годы) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000; *Красильников С. А.* Крестьянская ссылка в Западной Сибири в планах и практике сталинского режима 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Сб. / Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002; *Красильников Сергей.* Серп и молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; *Васильченко О. А.* Государственная политика перемещения населения на Дальний Восток (1860–1917 гг.) // Вопросы истории. М., 2003. № 10; Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х — конец 1930-х гг. Сб. документов / Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2007; *Воронов И. И.* А. В. Кривошеин и колонизация Сибири // Новый исторический вестник / Гл. ред. С. В. Карпенко. М., 2007. № 1 (15); *Никитин Н. И.* Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М., 2010; *Меерович М., Коньшова Е., Хмельницкий Д.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М., 2011.

⁸³ *Ильин И. А.* Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов / Сост. Ю. Т. Лисица. М., 2004. С. 162 (8 февраля 1943).

⁸⁴ *Трепавлов В. В.* Урал и Сибирь: образы и стереотипы // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.) / Отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2011. С. 46, 49. См.: *Чехов А. П.* Остров Сахалин [1895] // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения. Т. 14–15. М., 1987.

⁸⁵ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале [1910–1921]. М., 1991. С. 307.

ной устойчивости России перед лицом внешних угроз были определены ещё в дореволюционной и антикоммунистической русской государственной мысли.

2. Историография сталинизма и либеральная критика этатизма

Таковы основные узлы исторического контекста, которые, несмотря на необозримое обилие частных исследований, принуждён тестировать каждый историк экономики сталинизма, независимо от его политической и моральной позиции в отношении к всепроникающей реальности несвободы, насилия и рабства, характеризовавшие сталинизм и его время. Представляется, что приближение к общему ответу о степени предопределённости сталинизма его эпохой, описанной в этих тематических блоках, лежит в способности найти и верифицировать интегральный, целостный образ сталинизма. Но этот образ должен быть произнесён, исходя не из априорных схем, а как результат исследования. К счастью, «архивная революция» в России 1990-х гг.⁸⁶ породила воистину целую отрасль исторической науки, по объёму рассекреченных современных массовых архивных источников не имеющую себе равных: историю СССР сталинского периода. К сожалению, из множества частных и ряда принципиальных открытий в области социальной, политической и экономической повседневности сталинизма, множества заново описанных событий и процессов — пока так и не родилось интегрального описания сталинизма и его места в современной истории. Начиная и резюмируя свои труды, историки чаще всего ограничиваются мало что значащими отсылками на общие формулы «историографической лояльности» о «тоталитаризме», никак не связанными с текстом и его открытиями, — примерно так, как во времена СССР подцензурные советские историки (или их редакторы) вписывали в любой гуманитарный текст «методологическую» ссылку на Маркса, Ленина, Брежнева или Горбачёва⁸⁷. Это оставляет русскую «архивную революцию» о сталинизме без адекватного и заслуженного числа собственных концептуальных приобретений, обре-

⁸⁶ Термин В. А. Козлова. Новый обзор этой тематики, в частности, см. здесь: *Колеров М. А.* К вопросу о достоверности статистики сталинских репрессий и «новом курсе» Л. П. Берия в Прибалтике // *Русский Сборник: Исследования по истории России*. Х. М., 2011. С. 437–455.

⁸⁷ Последний раз с такой попыткой автор этих строк столкнулся в редакции издательства МГУ весной — летом 1990 года при подготовке к печати комментированного издания известного сборника «Из глубины» (1918). К счастью, столкнувшись с протестом автора против принудительной цитаты из Ленина, редактор отступился.

кая её либо на повторение штампов о «тоталитаризме», либо на писательские апологии сталинских вождей СССР как «гениев менеджмента».

Что же представляет из себя ныне историографический консенсус в вопросе о предпосылках сталинизма? Корифей доархивной советологии Роберт Такер (1918–2010), будучи западным дипломатом, жил в сталинской Москве и знал сталинские реалии. Это, по-видимому, иной раз диктовало ему сфокусированность на собственно советских событиях, вне их контекста. Р. Такер был крайне критичен к Сталину: настолько, что, например, считал известную «военную тревогу» 1927 года актом постоянного недобросовестного нагнетания истерии со стороны Сталина, не имевшего фактических причин. Сам генезис ключевых характеристик сталинизма — в противоречии изложенным фактам по истории Запада и России — видится ему явлением вне времени и контекста, самым «некоммунистическим» из факторов которого выступает идейное влияние инженера Гриневецкого: «Вообще, идея и — в меньшей степени — практика использования рабочей силы восходит к временам Ленина. Тогда же возникло представление о воспитательном значении принудительного труда. Концентрационные лагеря, предназначенные для изоляции тех, кого считали политическими врагами, появились после революции 1917 г.. В 1924 г. Дзержинский предложил съезду деятелей советской юстиции использовать концентрационные лагеря для проведения “политики колонизации”... Военный характер сталинской индустриализации хорошо виден в её географии. Основная доля дореволюционной русской промышленности сосредоточивалась в европейской части России и на Украине плюс нефтяные месторождения в Баку и залежи полезных ископаемых в Закавказье. Огромные просторы Сибири и Казахстана, простирающиеся на восток и на юг от Урала, из-за суровых климатических условий оставались малозаселёнными, однако обладали огромными запасами полезных ископаемых и с военной точки зрения являлись наименее уязвимыми для противника районами. Принимая во внимание эти соображения и следуя указанию, данному ещё в 1918 г. русским инженером Василием Гриневецким в книге “Послевоенный взгляд на русскую промышленность”, сталинские хозяйственники избрали азиатскую часть России ключевым регионом для проведения индустриализации»⁸⁸.

Эрнст Нольте (род. 1923), очевидно преследовавший цель скрытой реабилитации германского мессианизма как достигшей в нацизме (осуждаемой, но лишь) крайней формы самозащиты европейской цивилизации от большевистского (восточного) варварства, склоняя к тому убеждению, что европейский нацизм был *принуждён* мобилизовываться адекватно уг-

⁸⁸ Такер Р. Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879–1929 [1973]; У власти. 1928–1941 [1990]. М., 2006. С. 464, 406.

розе, тем не менее дал ёмкое изображение предпосылок этой *мобилизации* и её исторически нового, *тотального* характера: «Всеохватывающая мобилизация с полным основанием считается наиболее обобщающим структурным признаком, по которому совпадают между собой все государства с тоталитарными порядками. Но не следует забывать, что известный способ мобилизации причислялся и к основным признакам либерального общественного типа, который до начала Первой мировой войны, как правило, считали современным... Если отвлечься от конечных целей и глобальных надежд, то русская революция — как раз согласно нескольким недвусмысленным высказываниям Ленина — являлась не чем иным, как рождённой из нужды всеохватывающей мобилизацией, сплотившей незначительные силы страны концентрацией и “принудительной синдикализацией”, а также поставившей каждого индивида на службу государству, его самоутверждению и дальнейшему развитию... Известно, насколько Ленина восхищал пример с немецким военным хозяйством... мобилизация Советского Союза служила отчасти заменой капиталистической мобилизации, отчасти же углубленным ее продолжением: громадное количество крестьян было освобождено, высокая в процентном отношении доля народных доходов направлялась в необходимые для индустриализации капиталовложения⁸⁹, на смену традиционалистскому господствующему классу пришла индустриально настроенная правящая прослойка»⁹⁰.

Эдвард Карр (1892–1982), другой классик советологии, сообщает, что русские марксисты избрали своим образцом германскую военную экономику периода Первой мировой войны за её плановость и централизацию. А дальняя идейная линия предшественников большевиков — совершенно в духе библейской генеалогии — возведена им к автору теории национальной экономики, в публицистике нередко называемому среди предтеч германского национал-социализма: «Исторически Фридрих Лист предшествовал Марксу как отец теории планирования; Ратенау, организовавший первое современное плановое хозяйство в Германии времен Первой мировой войны, предшествовал Ленину, чей подход к проблеме планирования в Советской России сознательно основывался на немецких прецедентах». В отличие от коллег, Э. Карр не удовлетворяется ссылкой на *deus ex machina* Гриневецкого, от-

⁸⁹ Эта констатация перераспределения национального дохода в пользу индустриализации лишь терминологически иначе излагает большевистскую в целом и сталинскую в особенности формулу о том, что для финансирования индустриализации СССР в условиях его финансово-экономической блокады Западом — то есть невозможности «первоначального капиталистического накопления» за счёт внешнего капитала — необходимо было реализовать «первоначальное социалистическое накопление» за счёт изъятия прибавочного и части необходимого прибавочного продукта у крестьянского большинства.

⁹⁰ *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм [1997]. С. 372–373, 375.

крывая новый, но столь же не далеко отстоящий от большевиков источник идеи «второго индустриального центра»: «На одном из совещаний в марте 1918 г. Ларин перечислил три наиболее горящих объекта общественных работ, которые подлежат осуществлению: развитие Кузнецкого угольного бассейна, электрификация промышленности Петрограда и ирригационные работы в Туркестане для полива земель под хлопковые»⁹¹.

Современная американская исследовательница сталинизма и зажига- тельный газетный критик современной России Энн Эпплбаум, фокусиру- ющаяся на истории ГУЛАГа, делает мужественное движение в сторону вос- становления его контекста, но останавливается далеко от того, что можно считать более всего существенной и, надо признать, суровой реальностью индустриализации и биополитики, которые едва ли не единственные за- ставляют исследовать собственное европейское общество, не назначая от- ветственными почти за все его преступления специально истолкованных, очищенных от истории Сталина и Гитлера. Новый историк пишет о контек- стах только это: «ГУЛАГ рос и развивался в определённое время и в опре- делённом месте, параллельно происходили другие события, и он принад- лежит, по меньшей мере, к трём разным контекстам. Строго говоря, ГУЛАГ, во-первых, принадлежит к истории Советского Союза (глубокая мысль! — М. К.); во-вторых, к международной и российской истории тюрем и ссылки; в-третьих, к истории особого интеллектуального климата в континенталь- ной Европе в середине XX века (только этого времени? — М. К.), породивше- го также и нацистские лагеря в Германии... Если ГУЛАГ нельзя полностью отделить от жизни остальной части Советского Союза, точно так же исто- рия советских лагерей составляет неотъемлемую часть долгой, интерна- циональной, кросс-культурной истории тюрем, ссылки, лишения свободы и концентрационных лагерей... Нацизм и советский коммунизм родились из варварского опыта Первой мировой войны и российской гражданской войны. Индустриальные способы ведения боевых действий, ... широкое рас- пространение индустриальных способов лишения людей свободы... Первые концлагеря в современном смысле возникли не в Германии и не в России, а в 1895 году на Кубе, которая была тогда колонией Испании. В том году, пытаясь положить конец череде восстаний на острове, королевская Испа- ния начала проводить в жизнь политику “сосредоточения” (*reconcentración*), целью которого было согнать кубинских крестьян с земли и “сосредото- чить” их в лагерях, лишая тем самым повстанцев продовольствия, укрытия и поддержки. К 1900 году от испанского слова уже было образовано анг- лийское, которое использовалось для обозначения сходного британского

⁹¹ *Карр Э.* История Советской России [1978]. Кн. 1. Т. 2. М., 1990. С. 678–679, 680, 683.

мероприятия во время англо-бурской войны в Южной Африке... В 1904-м немецкие колонисты в Германской Юго-Западной Африке тоже использовали британский образец — правда, с одним изменением. Они не просто согнали в лагерь африканское племя гереро, но и заставили людей работать для пользы немецкой колонии... Именно благодаря этим южноафриканским трудовым поселениям в 1905 году в немецком языке впервые появилось слово *Konzentrationslager*. ...С тех самых пор как система советских концлагерей приобрела широкий размах, заключённые и исследователи много думали и спорили о побудительных мотивах к её созданию. Возникла ли она спонтанно — как побочный результат коллективизации, индустриализации и других процессов, происходивших в стране? Или Сталин тщательно спроектировал рост ГУЛАГа, заранее планируя арест миллионов людей? ... (в 1929-м) Сталин решил использовать принудительный труд для ускоренной индустриализации страны и для разработки полезных ископаемых малообитаемого севера»⁹².

Ещё один видный западный историк, соавтор известного французского антикоммунистического манифеста «Чёрная книга коммунизма» Николя Верт, смело берясь за контекст и предысторию сталинизма, не видит их далее традиций русского государственного варварства и шире традиций прискорбного варварства Первой мировой войны (по-видимому, исключительно германского, что полезно для дальнейших сближений в рамках «тоталитаризма»). Он пишет: «Анализ большевистской практики восстановления государства требует учитывать два аспекта: с одной стороны, европейский контекст, контекст Первой мировой войны, фундаментального события, которое повсюду сопровождалось усилением роли государства в регулировании экономики, ростом контроля над гражданами, мобилизацией ресурсов...; с другой стороны, контекст бывшей Российской империи. Специфика большевистской практики тем более очевидна, если сравнить её с практикой их политических оппонентов. Новой была не столько практика реквизиций, применявшаяся всеми сторонами конфликта, новацией стала «классовая природа» реквизиций, проводимых большевиками...»⁹³ Вопрос о реквизициях и антирыночной политике рыночных государств в Первую мировую войну ещё потребует специального рассмотрения, тем более что в «большой» западной общественной и экономической науке, действующей вне «резерваций» советологии и русистики, эта проблема исследована детально и нелицеприятно. Здесь, однако,

⁹² *Этлбаум Энн*. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006 (Оригинал: *Applebaum Anne*. GULAG. A History. N. Y.; L., 2003. Как видим, художественная «паутина террора» в русском заголовке — исключительный произвол русского издателя). С. 23, 25, 29, 30, 12–13.

⁹³ *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 48.

следует обратить внимание, что именно не на классовый, а на институциональный, управленческий характер большевистской экономической политики обращает предметное внимание Н. Верт, когда речь заходит не о риторике, а о практике. Независимо от доктринальных установок большевиков и даже в прямом противоречии известным соображениям Р. Гильфердинга и В. И. Ленина о том, что предельная монополизация капитализма эпохи империализма и единый финансовый контроль равно над промышленностью и капиталом делает технически облегчённым перехват власти «пролетариатом», Н. Верт фиксирует, что доставшиеся (и просуществовавшие до лета 1918 года) большевикам от военно-экономического мобилизационного (принципиально родственного британскому, германскому и северо-американскому)⁹⁴ управления в Российской империи «бывшие военно-промышленные комитеты были поглощены новым Высшим советом народного хозяйства, структурой... практически с той же организацией и персоналом»⁹⁵. Здесь важно особенно подчеркнуть, что именно Госплан и более всего ВСНХ РСФСР / СССР и был вплоть до начала 1930-х годов главным инструментом экономической централизации, практического планирования, системного управления восстановлением и новой мобилизацией, а затем и проектированием сталинской индустриализации, возвращённой от «мировой революции» к реальности народнохозяйственной политики силами марксистов-меньшевиков⁹⁶, впоследствии основавших западную советологию, — там, где она была не агитацией, а наукой. То есть там, где практическое исследование не ограничивается рамками заданных схем, оно обнаруживает действительно важные обстоятельства, а в данном случае — прямую институциональную и экспертную, а не только чрезвычайную «военно-коммунистическую»

⁹⁴ Это касалось не только времени Первой мировой войны. Современный российский военный эксперт либерального толка подчёркивает: «Тех, кого коробит стигма сталинизма, лежащая на 30-х гг., спешу заверить, что ничего специфически сталинского в подходе к мобилизационной подготовке экономики СССР тех лет не было, ибо этот подход опирался на опыт мобподготовки и взгляды на её характер в других странах, прежде всего США» (*Шлыков В.* Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика // Военный вестник Межрегионального Фонда информационных технологий. № 9, сентябрь 2002: http://mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik9_11.html).

⁹⁵ Там же. С. 49. О ВПК см.: *Сергеева С. Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; *Кюнг П. А.* Бизнес в условиях мобилизационной экономики. 1914–1915 гг. См. также современному событиям очерк управленческого опыта ВПК, написанный главным бухгалтером Московского ВПК: *Горбачев И. А.* Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М., 1919.

⁹⁶ См. об этом фундаментальные для истории вопроса мемуары участника событий и исследования западных экономистов русского происхождения: *Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина; *А. Эрлих.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 [1960]. М., 2010; *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти [1967]. М., 2012.

связь советского управления экономикой с общепринятыми институтами мобилизационной экономики Запада.

В посткоммунистическую эпоху в России, исторически буквально накануне 11 сентября 2001 года, агрессий Запада в Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию, исследователям сталинизма — вместо лоции и навигации! — предписывалась французская «Чёрная книга коммунизма». Эта книга, изданная с предисловием «отца перестройки» А. Н. Яковлева и затем распространённая невозможным для современной русской научной книги массовым тиражом в 100 000 (!) экземпляров, наверное, сильно удивила русских историков тем, что объединила ссылки на их предметные труды алхимической и демагогической формулой своеобразного самозарождения коммунизма из средневековых утопий и злого русского большевизма: «Среди трагедий, потрясавших мир в XX веке, коммунизм — грандиозный феномен эпохи, начавшейся в 1917 году и окончившейся в Москве в 1991... Методы, пущенные в ход Лениным и возведенные в систему Сталиным, не только схожи с методами нацистов, но являются их предтечей»⁹⁷. Словно не видя кругом ни материала для «чёрной книги капитализма», или «...колониализма», или «...демократических умиротворителей Гитлера», ни собственной истории Нового времени с имманентной ей историей террора и социализма, авторы-разоблачители возвышали голос, полный ложного пафоса: «Почему Ленин, Троцкий, Сталин и другие считали необходимым уничтожить всех, кто представлялся им “врагами”? Почему сочли они себя вправе преступить священную заповедь, обращенную ко всему человечеству: “Не убий”?»⁹⁸. И такую свою моральную чистоту оснастили фактическим обвинением коммунизма в изобретении «тотальной войны», поставили в вину Сталину смерть доведённых Паулюсом до алиментарной дистрофии военнопленных немцев Сталинграда, получении законных репараций с Германии и её союзников, борьбе против одновременно обеих сторон польско-украинской резни на Волыни, гитлеровских коллаборационистов и даже... афганских моджахедов⁹⁹. Получалось также,

⁹⁷ Куртуа С. Преступления коммунизма // С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковски, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен, при участии Р. Коффер, П. Ригуло, П. Фонтен, И. Сантамария, С. Булук. Чёрная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии [1997] / Пер. под ред. Е. Л. Храмова. М., 1999. С. 34, 47.

⁹⁸ Там же. С. 60.

⁹⁹ «Законы и обычаи (войны) были записаны в различных конвенциях, из которых наиболее известна Гагская конвенция 1907 года, гласящая: “Во время войны гражданское население и участники боевых действий остаются под защитой принципов права, установленного цивилизованными народами, законов гуманности и требований совести”... А ведь множество военных преступлений были совершены по распоряжению Сталина или с его одобрения. Ликвидация почти всех польских офицеров, сдавшихся в плен в 1939 году, — самый наглядный тому пример, получивший широкую огласку. Но преступления несравненно большего размаха остались по существу незамеченными, в их числе — убийства или смерть в лагерях ГУЛАГа тысяч немецких солдат и офицеров, попавших в плен

что именно на основе рыночного либерализма и строгого следования заповеди «Не убий» западные демократии вели свою истребительную «войну на уничтожение» друг против друга, против большевиков, колоний и Гитлера, а предвоенный СССР не только обязан был игнорировать мобилизационный опыт Первой мировой войны, но и даже перспективу и практику тотальной войны создал сам и совершенно самопроизвольно. Самопроизвольность эта вообще издалека, с Запада, до сих пор кое-кому кажется экспромтом, который могут позволить себе разве что жертвы кинокатастрофы, обживающие необитаемый остров, — вне истории и вне контекста, якобы даже вообще вне существования Запада: «Административно-командная экономика была создана в СССР в начале 1930-х годов без глубокого теоретического обоснования и четкого плана ее построения небольшой группой революционеров... их первая попытка создания административно-командной системы, получившая название “военного коммунизма”, была обусловлена идеологическими причинами, хотя позднее были предприняты значительные усилия списать все на необходимость военного времени... Сталин и его соратники в конце 1920-х годов взяли курс на проведение форсированной индустриализации и принудительной коллективизации, что требовало создания новой командной системы»¹⁰⁰. Очарованный Сталиным, а потом разочарованный в Сталине и затем в коммунизме югославский коммунистический идеолог, в годы своего антикоммунизма тоже продемонстрировал крайнее мемуарное упрощение, сводя не только свою личную борьбу к личным счетам, но и всю историю коммунизма к подобию придворного макиавеллизма, распространившегося на всю Россию, лишь по случайности решающего задачи безопасности. Милован Джилас (1911–1995) неожиданно так писал в духе азбучного либерализма, словно в пережитые им десятилетия кто-то ждал от коммунизма не победы в войне, а исполнения утопии Маркса о том, как «все источники общественного богатства польются полным потоком»: «[советская] система не может быть экономически продуктивной, да и не в этом её задача. Цель системы — власть и господство над другими... Методами угнетения и террора система смогла осуществить индустриализацию страны — со всеми недостатками поверхностного планирования... Это планирование оказалось неэффективным со всех точек зрения: и про-

в 1943–1945 годах; прибавим к этому массовые изнасилования солдатами Красной Армии женщин в оккупированной Германии, не говоря уже о систематическом разграблении промышленных предприятий в странах, занятых Красной Армией. К той же самой статье... надо отнести и судьбы организованных участников сопротивления, боровшихся с коммунистической властью с оружием в руках, когда они попадали в плен и отправлялись на расстрел или в ссылку: участь бойцов польского антинацистского сопротивления (ПОВ и АК), «лесных братьев» в Литве и украинских партизан, афганских моджахедов и т. д.» (Там же. С. 38).

¹⁰⁰ *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма [2004]. М., 2006. С. 11–12.

дуктивности, и качества продукции, и её способности выдержать конкуренцию. Но у системы нет критериев для оценки таких явлений... производится главным образом то, что содействует укреплению власти»¹⁰¹.

Современный историк сталинской экономики Пол Грегори даёт ещё более смелое определение предпосылок ГУЛАГа, локализуя их в непосредственно сопутствующем ему контексте и даже — в будущей войне (!): коллективизации, «большой чистки», «драконовской трудовой политики» и последствий... Второй мировой войны¹⁰². Несмотря на избыточное теоретизирование — в большей части не относящееся прямо к теме исследования, Грегори возвращается к самой лапидарной из существующих интерпретаций сталинизма, странным образом мимо его собственных теоретизирований упирающейся в давнюю теорию профессиональной антикоммунистки Ханны Арендт (1906–1975) о том, что тоталитаризм — это злой умысел inferнального зла, зло сверху донизу, уничтожение политики как таковой¹⁰³. Он пишет о сталинизме как о результате едва ли не одномоментного заговора и эксперимента группы злодеев: «Административно-командная экономика была создана в СССР в начале 1930-х годов без глубокого теоретического обоснования и четкого плана ее построения небольшой группой революционеров... их первая попытка создания административно-командной системы, получившая название “военного коммунизма”, была обусловлена идеологическими причинами, хотя позднее были предприняты значительные усилия списать все на необходимость военного времени...»¹⁰⁴. Следуя такой теории заговора, Грегори делает странные, скандально внеисторические выводы из своих штудий: «Сталин [т. е. те самые форсированные коллективизация и индустриализация, ГУЛАГ, ограничение потребления за счет более быстрых темпов экономического развития] не был необходим, так

¹⁰¹ Джилас М. Предисловие // М. С. Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 9–10.

¹⁰² Paul Gregory. An Introduction to the Economics of the Gulag // The Economics of Forced Labor. P. 21.

¹⁰³ Это кстати, противоречит итогам предметных исследований О. А. Хлевнюка об «олигархизации» сталинской диктатуры (Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. Прежде: О. В. Хлевнюк. Ведомственные интересы в советской истории // Отечественная история. М., 1995. № 5), вернее — о возвращении в её практику начал коллективной диктатуры, что, учитывая взаимостребительную конкурентность в кругу ближайших соратников Сталина, и есть не что иное, как непубличная криптополитика, политическая борьба в форме групповой и ведомственной борьбы, по условиям сталинского СССР находящей своё наиболее радикальное выражение в направлении конкурирующих групп друг на друга острия политических репрессий. Впрочем, описание скрывающихся под скорлупой советского «тоталитаризма» разнородных социальных «групп интересов» было исследовательски дано в западной историографии более сорока лет назад: Skilling G. Interest Groups and Communist Politics // Soviet Politics / Ed. Gordon Skilling and Franklyn Griffiths. Princeton (N. J.), 1971.

¹⁰⁴ Грегори П. Политическая экономия сталинизма [2004]. М., 2006. С. 11–12.

как все долгосрочные цели развития России / СССР могли быть достигнуты на путях функционирования *стабильной рыночной экономики*¹⁰⁵. Это как понимать?! Неужели на самом деле современный историк экономики всерьёз полагает, что в 1920–1930-е гг. где-либо в мире могла существовать «стабильная» и особенно — незамутнённая ничем «рыночная» экономика? Похоже, посвятив себя изучению сталинизма, уважаемый западный автор так и не поинтересовался экономической реальностью Запада, ограничившись заучиванием либеральных азов.

Все эти давно изготовленные, исторически редуцированные до самых простых исторических связей, но интеллектуально выхолощенные формулы, скорее с меньшей, чем с большей готовностью воспроизводящие исторический контекст и в точном смысле слова исторические предпосылки сталинизма, одновременно являют собой мощную традицию интерпретации, которая требует особого отношения и, конечно, критического преодоления. Эта мощная традиция имеет в своём ландшафте почти непреходимую грань, резко отграничивающую настоящий контекст: она не говорит о тотальности индустриального капитализма, геноцидальной природе колониализма, санкционированных и реализованных западными демократиями грубейших актов репрессивной биополитики и историческом соучастии Запада в рождении «тоталитаризма». Эта традиция и её формулы более не являются инструментами исследования эпохи, в то время как современное источниковедческое состояние историографии сталинизма уже не требует пропагандистских поводырей.

Современные западная и российская историографии (военного дела императорской и советской России, её многонациональности, управления, социального строя, образования, науки, философии, литературы, экономики) далеко обогнали в концептуализации и контекстуализации своего взгляда на историю России — отечественную историографию сталинизма. При этом отечественная историография сталинизма, как это видно даже из той мизерной части литературы, что упомянута выше, фактографически чрезвычайно фундирована и необозрима и за 20 лет совершила подлинную источниковедческую революцию, которая похоронила историографическое реноме целого созвездия «властителей дум», от А. И. Солженицына (1918–2008) и А. В. Антонова-Овсеенко (род. 1920) до М. Н. Восленского (1920–1997) и Р. А. Медведева (род. 1925), упаковывавших своё идейное творчество в одежды исторического знания, и продолжает усложняться в пред-

¹⁰⁵ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчёты и оценки. М., 2003. С. 247, 249. Книга представляет собой перевод глав из монографий: «Russian National Income. 1885–1913» (1982) и «Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to First Five-years Plan» (1994).

метных, региональных и отраслевых исследованиях. Однако в выяснении принципиальных зависимостей, общих предпосылок и оснований сталинизма эта историография — до сих пор капитулирует перед историософским дилетантизмом «властителей дум» и, в лучшем случае, по-прежнему остаётся в плену у русской антикоммунистической пропаганды или, что хуже, в плену у западной либеральной экономической и философской критики «тоталитаризма», которая на поверку оказывается лишь политической антисоциалистической пропагандой и агитацией в защиту ничем не ограниченного первобытного капитализма, то есть не исследованием России и СССР, а вовлечением их в свою внутреннюю полемику в качестве дискредитирующих (в замысле) любую социальную политику фактом её исторической связи с «русским варварством» и «тоталитаризмом» (в лице нацизма и сталинизма).

Так и Карл Маркс в борьбе против русского царизма как «жандарма Европы» неизменно переходил грань примитивной русофобии, поддерживая обвинения против Российской империи в «великодержавном русском национализме и шовинизме» и «тюрьме народов». Тяжёлую и травматическую по последствиям «услугу» России в глазах её западных критиков оказали и традиционные для Европы польские эксперты по русским вопросам, с самой Ливонской войны XVI века изображавшие свой мессианизм на Востоке и *Drang nach Osten* в качестве единственного спасения от азиатской России. Даже западные знатоки русского, такие как автор классического, вдохновенного историко-поэтического труда «Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры» (1966) Джеймс Х. Биллингтон, своими образами лишь укрепляли лживую и примитивную формулу о том, что царизм был апогеем русского национализма и коллективизма, а сталинизм — его родным тоталитарным и великодержавным наследником. Главный официальный американский русист пишет, сразу отсекая любой горизонтальный контекст и выстраивая предпосылки сталинизма по линии если не цивилизаторского расизма, то уж во всяком случае — колонизаторской русофобии: «Тоталитаризм советского общества при Сталине логически следовал из ленинской доктрины партии... Сталин стал преемником Ленина как верховного диктатора не только потому, что был ловким интриганом и организатором, но и потому, что по складу ума стоял ближе к ограниченному и малопросвещённому русскому обывателю, чем его соперники. Не в пример большинству других большевистских руководителей — а многие из них были по происхождению евреями, поляками или прибалтами — Сталин воспитывался исключительно на каноническом православном богословии... Если говорить о превращении ленинизма в национальную религию, то и здесь семинарист явно находился в более выгодном положении, чем космополит... *Содержа-*

ние же новой эрзац-культуры было регрессивно националистическим... Однако при всех связях с русской традицией эпоха Сталина ознаменовалась промышленным развитием и социальными переменами, которым нелегко найти аналог в предшествующей истории... Счёт смертям шёл не на единицы и даже не на тысячи, но на миллионы. Более 10 млн голов крупного рогатого скота было забито на ранних этапах коллективизации (! — М. К.), не менее 5 млн крестьян погибли в общинных бунтах 30-х гг.»¹⁰⁶.

Из такого рода перспективы — сравнивающей смерть людей со смертью скота — с неизбежностью следовало, что «европейский», немецкий, итальянский, венгерский, польский шовинизм были идеологией национального освобождения, а немецкий, венгерский, польский, румынский и т. д. исторический антисемитизм невинным преувеличением — на фоне русских православия, «чёрной сотни» и полицейского антисемитизма. Что сталинское и коммунистическое — это и есть подлинное русское, требующее нещадного преодоления. Это и есть — полноценный апогей той западной биополитики, внутри которой рос сталинизм.

Культурное издательство «Новое литературное обозрение», выпуская в свет под редакцией хорошего историка Михаила Долбилова серию исторических трудов *Historia Rossica*, в своей декларации заявляет, словно не чувствуя исследовательской фальши: «Изучение отечественной истории в постсоветской России столкнулось с двумя опасностями — голым эмпиризмом и неоимперской мифологизацией истории. Работ же, сочетающих глубокое знание фактического материала и концептуальное их осмысление, явно не хватает. Серия *Historia Rossica* была создана, чтобы помочь ликвидировать этот пробел». Разве историк в принципе может бороться только с одной идеологической разновидностью мифологизации? Разве может он протестовать только против имперской мифологии, а либеральную или шовинистическую защищать и пропагандировать? Разве альтернативной своей мифологизацией он оплодотворит голый эмпиризм? Эмпиризм этот действительно концептуально бессилён — и в бессилие это действительно грубо имплантирует не только сталинскую апологию, но и либеральную пропаганду. Новый пример таковой поделки и представила серия русскому читателю — терминологически недобросовестную и интеллектуально крайне бедную книгу Эрика Лора «Русский национализм и Российская империя: кампания против “вражеских подданных” в годы Первой мировой войны», которая из всего исследовательского багажа западной историографии и, в первую очередь, западного самопознания причин и свойств «тотального» XX века извлекла лишь ту часть общей для Европы «тотальности», которая

¹⁰⁶ Биллингтон Джеймс Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. [1966]. М., 2011. С. 526, 532, 533.

показалась ему агитационно безотказной в анализе имперских корней советского коммунизма. Э. Лор пишет: «Ключевым аспектом первой для России тотально-мобилизационной войны явилась масштабная кампания, направленная против определённых меньшинств... Эта кампания изначально была нацелена на “неприятельских подданных”, определяемых международным правом как граждане вражеских государств в военное время. Эта категория... подверглась в период войны высылкам, интернированию и конфискациям собственности. Россия, естественно, не была единственной страной, принимавшей определённые меры против подданных враждебных государств, но в Российской империи данная кампания быстро распространилась на многие категории, в том числе и на имевшие значительные доли в населении страны»¹⁰⁷. Даже если принять на веру такую репрессивную исключительность тогдашней России, нельзя не обнаружить, что для Э. Лора «ключевым аспектом... тотально-мобилизационной войны явилась масштабная кампания... против... меньшинств», то есть не тотальность как таковая, не предельная для своего времени мобилизация, а антименьшинственный их характер... Представляет ли себе тотальность той войны защитник меньшинств? Описывает ли актуальная, видимо, для его нынешнего общества тематика разного рода меньшинств историческую реальность?

Авторитетный сейчас в России британский исследователь СССР и политический мыслитель Ричард Саква выступил, а его российские коллеги и международный редакционный совет издающейся в Москве масштабной серии «История сталинизма»¹⁰⁸ оперативно сообщили это выступление гуманитарному сообществу, читающему по-русски, с новым интегральным трудом о советском коммунизме и, прежде всего, о сталинизме. Р. Саква пишет: «Несмотря на ряд серьёзных недостатков, понятие тоталитаризма тем не менее даёт возможность задавать правильные вопросы, а именно: как мы можем объяснить феномен абсурдного роста государственных амбиций, а во многих случаях реальной власти, в XX в. Исследователи нацистской Германии показали изощрённость режима и использовали понятие тоталитаризма

¹⁰⁷ Эрик Лор. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны [2003]. М., 2012. С. 9. Из современной русской историографии на тему см.: Нелитович С. Г. Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. М., 1996. № 6; Нелитович С. Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. М., 2000. № 2; Иоффе Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. М., 2001. № 9; Айранетов О. Р. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский Сборник. Том VIII. М., 2010; Бахурин Ю. Принудительные миграции еврейского населения России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): причины и последствия // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. М., 2011. № 1(3).

¹⁰⁸ Й. Баберовски, Л. Виола, А. Грациоци, Э. Каррер д'Анкосс, А. Б. Рогинский, Р. Сервис, Л. Самуэльсон, Ш. Фицпатрик, О. В. Хлевнюк и другие.

только для того, чтобы продемонстрировать ограниченность возможности его применения в немецких условиях. В ходе Historikerstreit (спора историков) с 1986 г. предпринимались новые попытки найти причины и связи между советским и немецким гиперавторитаризмом (если не тоталитаризмом) в XX в. Эрнст Нольте рассматривал историю большевизма, СССР, национал-социализма и Третьего рейха в контексте того, что Европа, по его утверждению, находилась в состоянии гражданской войны...¹⁰⁹ Другими словами, Нольте уверен, что нацистские зверства отчасти были ответом на ранее совершённые преступления большевиков и, таким образом, не представляли собой уникальный или конкретный атрибут немецкой истории. Исследуя историю Третьего рейха в рамках более широких достижений европейской истории в XX в., и в частности большевистской революции и сталинского правления, он неизбежно рассматривает злодеяния немецкого режима как относительные и, таким образом, в известной степени оправдывает его преступления... Поиск истоков “тоталитаризма” продолжается. В своей во многом блестящей книге “Истоки тоталитаризма” Ханна Арендт взялась за проблему, имея недостаточно материала, чтобы говорить о развитии коммунизма в России¹¹⁰,

¹⁰⁹ На эту мысль Э. Нольте косвенно, но хорошо ответил русский историк в Германии, напоминая о подлинном, мировом масштабе контекста: «XX век кончается, но столетняя гражданская война, начавшаяся в 1901 году в Китае, не хочет и сейчас, в 1998 году, когда пишутся эти строки, прекращаться...» (*Копелев Л.* Вопросы остаются // Германия и русская революция. 1917–1924 / Издание Г. Кённена и Л. Копелева. М., 2007. С. 752). В качестве одного из источников теории Э. Нольте о «европейской гражданской войне», который дополнительно обнаруживает её, так сказать, «умышленный» характер, может рассматриваться известное признание Черчилля, поместившего именно обе мировые войны, начатые Германией, в «домашний» контекст исторического внутриевропейского конфликта, в котором за Германией однозначно сохранялось место агрессора: «Мы должны рассматривать эти тридцать с лишним лет раздоров, беспорядков и страданий в Европе как часть одного исторического периода. Я участник этого периода, так как в 1911 году был направлен в Адмиралтейство для подготовки флота к предстоящей войне с Германией. В своей основе — это история более чем тридцати лет войны, в которой британцы, русские, американцы и французы сражались до предела своих возможностей, сопротивляясь германской агрессии. От каждого из нас это потребовало самых тяжёлых жертв. Но наибольшие жертвы принёс русский народ, чья страна дважды подвергалась разорению. На широких просторах этой страны лилась кровь десятков миллионов русских людей, павших за общее дело» (*Черчилль У.* Мускулы мира. С. 445–446 (27 февраля 1945)).

¹¹⁰ Современный немецкий историк и подлинный специалист по России, критически излагая теорию Арендт, более чем вежливо, но от того ничуть не менее точно обнажает умозрительное ничтожество этой теории, которую не только легитимизирует, но и в своей книге перелагает Саква: «Период между мировыми войнами с инфляцией, уничтожением буржуазной собственности, безработицей, миграцией и переселениями народов демонстрировал конец действия триады “территория — народ — государство”, а вёл к массовому явлению утраты отечества, к новому типу бесправия народных низов, возвращению их к доцивилизационному натуральному состоянию. Разложение классовых структур, появление выкорчеванных из родной почвы масс, а также современных технологий под началом бюрократов, управляющих миллионами бесправного люда, нуждались в силе, которая могла бы на языке времени предложить выход из кризиса. Эту силу представляли тоталитарные движения... Остановить их можно лишь вмешательством извне. Типичным

тем более что она делала акцент на роль панславизма как прототипа пангерманизма. Панславизм, однако, очень отличается и не играет почти никакой роли в становлении великого русского национализма, который (как и антисемитизм) не является главной составляющей советского авторитаризма. Она боялась обвинить Маркса в том, что он дал толчок для развития деспотических особенностей коммунистического строя... Якобинский террор выступал в качестве модели для Ленина, хотя советское принуждение было сформулировано на языке классов. У большевиков был перед глазами и пример судьбы Парижской коммуны 1871 г., когда после поражения коммунаров тысячи людей были уничтожены силами “закона и порядка”. Террор не являлся заповедной зоной тоталитарных режимов левых и правых. Однако... все подобные системы в большей или меньшей степени опирались на массовое принуждение, чтобы остаться у власти и достичь своих целей... Тоталитарная модель предполагает, что и фашизм, и нацизм, и коммунизм, каждый по-своему, — варианты ответов на вызовы современности, и в посткоммунистическую эпоху различия между реакцией правых и левых были скрыты часто в полемических целях. Имея общие корни с традиционными социальными устройствами, столкнувшимися с вызовом современности, советский социализм оказался более прочным, чем его фашистский аналог. И от царского, и от советского режима XX век столетие потребовало перемен, и оба они оказались на это неспособны. У других европейских стран ответы были разные: Италия обратилась к фашизму, Испанию увлёл анархизм, а Германия в конце концов пришла к нацизму. Всё это были своего рода ответы на сопоставимую проблему — запоздалое формирование государства в условиях международной конкуренции, сопровождаемое интенсивными конфликта-

институтом времени стал концлагерь, а самозащита общества и государства была квинтэссенцией того урока XX века, который включил в себя также и рекомендацию Ханны Арендт, гласившую, что демократический мир должен решиться даже на бомбардировку советских концлагерей». (Заметим, что демократический мир вскоре решился и бомбардировал тоталитарные японские города Х. и Н.) Историк резюмирует: «Россия, как предмет исследования, для неё — не результат многолетних занятий, она появляется скорее на краях картины, центр которой занимает германский национал-социализм... Было бы немалой заслугой нового прочтения книги “Элементы и истоки тотального господства”, если бы оно поставило нас на почву реальных исторических фактов, т. е. проблем современного массового общества в Европе, а не отношений между Россией и Европой или вопроса о существовании некоего особенного “русского духа”... Становится ясным, что Арендт могла иметь лишь смутное представление о “русском обществе” того времени... В общем виде мы имеем дело с её представлением о России как некоем “обществе”, о советском государстве как некоем “государстве”, о трудовых лагерях как воплощении современного типа техники заключения людей и организации принудительного труда... Другими словами, это крайне абстрактное пространство, в котором редко удаётся распознать реально действующие исторические силы. Советская Россия видится издалека, скорее как модель, чем как историческая конкретность» (*Шлёгель К.* Археология тотального господства. Российский горизонт Ханны Арендт // Германия и русская революция. 1917–1924 / Издание Г. Кённена и Л. Копелева. М., 2007. С. 723, 724, 732, 725–726).

ми на почве национальной принадлежности, и глубокие культурные поиски ответа на вопрос, что считать основными особенностями цивилизации. Русский случай был крайним проявлением этого, и в определённом смысле проблемой, единственным решением которой был коммунизм, которого до сих пор не существовало»¹¹¹.

Изложенное Р. Саква — по большей части не о том, не о главном, не по существу, и заставляет меня полагать, что, несмотря на фрагментарные оговорки и фундаментальные требования исторической науки о контекстуализации исследуемых явлений, сталинизм до сих пор более всего изучается в интеллектуальной резервации, в парадигме либеральной идеологической критики, сопровождавшей его становление и развитие — как одного из примеров тоталитаризма, *родственного* нацизму и фашизму, и как наследника и продолжателя исторически враждебного Западу русского империализма — в 1930–1950-х годах. Современные исследования сталинизма основываются, прежде всего, на двух традициях идеологической критики советского тоталитаризма — либеральной и социалистической — в том их виде, как они получили своё наибольшее распространение в трудах внешних, либеральных, и внутренних, марксистских, противников советского коммунизма. Квинтэссенция первой традиции дана в трудах Х. Арендт, Ф. А. фон Хайека (1899–1992), Л. фон Мизеса (1881–1973), второй — в трудах Л. Д. Троцкого (1879–1940) и русских меньшевиков круга «Социалистического вестника». Примечательно, что пользующиеся своей долей влияния на современную науку, исследующие нацизм в его *противопоставлении* сталинизму ревизионисты во главе с Э. Нольте¹¹² действуют скорее в русле либеральной критики сталинизма, «реабилитируя» врага России и сталинизма — нацизм — в качестве защитника всё более риторических европейских ценностей. *Реальности* тотальной войны и тотальной мобилизации, ставших итогом общеевропейской индустриализации, либерально-социалистическая критика сталинизма противопоставила *лозунги* о ценности свободы, подменив исследование — публицистикой, в тени которой стало удобно расположиться даже ревизионизму с пропагандой «европейского единства» от Гитлера до Альберта Эйнштейна (1879–1955), после Второй мировой войны буквально по прописям Мизеса выступившего с идеей мирового правительства, в конкретно-исторических условиях прозвучавшей как апология мирового лидерства США.

В этом контексте хорошо звучит признание классика французской критики сталинских концлагерей М. Мерло-Понти (1908–1961), сделанное им

¹¹¹ Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе [2010]. М., 2011. С. 77, 133, 134, 135.

¹¹² Нольте Э. Фашизм в его эпохе [1963]; Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм [1997].

в 1948 году, с началом рационально централизованной и хорошо управляемой «холодной войны» против СССР: не критикуя СССР до войны, мы жили так, как будто не было ни границ, ни наций, ни войны, всё происходило так, «как будто бы мы тайком решили игнорировать такие элементы истории как насилие и несчастья, ибо принадлежали стране слишком счастливой и слишком слабой, чтобы их вообразить... Мы жили в некоем обиталище мира, опыта и свободы, образованном счастливым стечением обстоятельств, и не понимали, что эту землю надо защищать»¹¹³. Это о чём же так лживо свидетельствовал чуткий экзистенциалист? О каком рае, добровольно закрывшем глаза на сталинизм? О Франции и Западе 1920–1930–1940-х годов? О Первой мировой войне и капиталистической биополитике? О психозе мобилизации? О колониальной гекатомбе на большей части земного шара? После подобной избирательности невольно предпочтёшь самый ползучий позитивизм о сталинском СССР, лишь бы не повредить свой моральный вкус такого рода антисталинским философствованием.

Современный исследователь русской историографии сталинизма справедливо отмечает, что над её эмпиризмом — и до тех пор, пока он вращается вокруг формулы «тоталитаризма», — доминирует манихейская схема якобы чисто политического распределения научных ориентаций на «либеральную» и «консервативно-охранительную», что в современной русской историографии сталинизма новые источники лишь оснащают старые, ещё «перестроечные» публицистические схемы *сталинизма как тоталитаризма*, «в то время как для западных исследователей (наверное, всё-таки только для настоящих исследователей. — М. К.) сталинизм предстаёт как ключевая тема для понимания природы современного общества вообще, какова бы ни была его идеология»¹¹⁴.

Тем временем новая западная концептуальная историография индустриальной биополитики и социально-экономической мобилизации обществ Европы и США XIX–XX вв., даже в условиях «архивной революции» в России, в непосредственных штудиях о предпосылках сталинизма, — абсурдно изгоняемая «в дверь», прорывается в историографию сталинизма в многочисленные «окна» смежных предметов: социальной истории России, социальной истории Запада, военной истории, истории идей, истории коммуникаций. Прделанный немецким историком критический анализ, например, современной западной историографии военно-гражданских отношений в Российской империи убеждает, что в предпосылках сталинизма следует

¹¹³ Цит. по: Федорова М. М. Феноменология политического действия // Философия политического действия. Из истории левой политической мысли XX века. М., 2010. С. 211.

¹¹⁴ Чельцова А. Е. Феномен «сталинизма» в отечественной историографии. С. 210, 257, 267, 277.

искать интенсивные следы, так сказать, «интоксикации» государственных традиций России и СССР военными методами биополитики, в практике учёта всеобщей военной повинности и военно-полицейского завоевания и освоения национальных окраин империи, включая практику локальных этнических чисток. То, что такая «интоксикация» — факт, сомнений нет, но есть сомнения, что исследован сам механизм передачи и воспроизводства этого опыта в государственных институтах, идейном фундаменте, бюрократическом целеполагании властей СССР. Историк походя констатирует (и это выглядит подлинным историографическим открытием), что как бы весомо ни оценивали историки присутствие милитаристских традиции царской России в генезисе советского коммунизма и сталинизма, сколь бы тщетно ни выискивали они в царской России правящий национализм, самой общей основой для размышлений о природе царистско-сталинского транзита является его «*международный контекст, определяемый как **paneuropean modernity***»¹¹⁵. Историк заметен, что (несмотря на все будущие рекорды сталинизма) царская Россия в этом контексте, в силу отсталости, отнюдь не находилась в рядах лидеров по условной шкале военно-общественной мобилизации, которую демонстрировал индустриальный Запад: «Царская империя не обладала в целом ни институциональной инфраструктурой, ни общей базой для сотрудничества военных, государства и интеллигенции, чтобы стало возможным нечто вроде использования общества в военно-политических целях»¹¹⁶. Похоже, что эта определённая привязка сталинизма к широкой и длительной *paneuropean modernity* остаётся неведомой многим историкам России.

Сталинизм в его эпохе был, как минимум, одним из выработанных в Европе примеров восстания тотального индустриализма против отсталости, а **сталинизм в России**, как минимум, — кровавым спасением России и её народов от полного уничтожения во Второй мировой войне. Признание или непризнание этих формул требует внятной концептуальной аргументации, не сводимой к политическому нарративу.

Что же концептуального пишет в своей новой, отчасти итоговой книге отечественный историк, сделавший за свою более чем двадцатилетнюю карьеру исследователя множество источниковедческих, дескриптивных и позитивистских открытий, по праву называемый в числе главных сегодня русских историков сталинизма, О. В. Хлевнюк? Вот его выводы о сталинизме, без контекста, истории, Европы и с минимальной генетической глубиной, зато с максимальной субъективной зависимостью от воли вож-

¹¹⁵ Гумб Кристоф. Армия и общество: новые подходы к старой проблематике // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IX. М., 2010. С. 180.

¹¹⁶ Там же. С. 184.

дя: «Первостепенное значение имела особая приверженность Сталина репрессивным методам решения любых проблем. Эта тенденция не выглядит чем-то исключительным, если учесть политические традиции большевизма и то, что новое государство было порождением революции и Гражданской войны»¹¹⁷. А *объективный исторический* мотив принудительного труда О. В. Хлевнюк также видит на пространстве не шире СССР и во временном отрезке не долее 10–15 лет: ускорение индустриализации, освоение труднодоступных районов, мобильная рабочая сила, неограниченная эксплуатация, особая роль в крупных строительных проектах¹¹⁸. То есть поставленные ЦК РКП / ВКП (б) и описанные в сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)» *политические* задачи современный историк — к триумфу сталинистов и верных ленинцев — приравнивает к *объективным и историческим* (то есть даже лишённым того исторического, но вполне субъективного, обстоятельства, как корпоративная заинтересованность сталинцев в сохранении и укреплении власти) и соглашается с многократно высмеянной претензией марксистов и коммунистов на познание ими «объективных законов истории». Но почему весь горизонт объективной истории сталинизма ограничивается для О. В. Хлевнюка автаркическими рамками СССР в духе северокорейской доктрины «чучхе»? Почему в объективной этой истории нет даже внешних врагов, их опыта, их угроз и прецедентов? Почему, наконец, известная, но исторически очень краткая формула Е. А. Преображенского (1886–1937) и Сталина о «первоначальном социалистическом накоплении» отсекается от её исторически длительного капиталистического образца в изложении Маркса и многочисленных иллюстрациях поколений западных историков и экономистов, а сталинская индустриализация — от индустриализации вообще? В таком сужении горизонта и кругозора русский историк, очевидно, следует доминирующей традиции западных исследователей сталинизма.

Многолетняя исследовательница сталинского ГУЛАГа как системы (но лишь в узком её смысле, без учёта труда несовершеннолетних, военнопленных, интернированных, содержащихся в ПФЛ, спецпоселенцев, заключённых тюрем, др.) Г. М. Иванова, как только требуется найти историческое, институциональное и функциональное место ГУЛАГа, не находит ничего лучше и концептуальней, как определить, что ГУЛАГ — репрессивная система, превратившаяся в политически и экономически значимый «лагерно-промышленный комплекс», чья главная роль — не в производстве и реализа-

¹¹⁷ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 461.

¹¹⁸ Khlevnyuk Oleg. The Economy of the OGPU, NKVD, and MVD of the USSR, 1930–1953: The Scale, Structure, and Trends of Development // The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / Edited by Paul R. Gregory and Valery Lazarev. Stanford, 2003. P. 58–60.

ции стратегических решений, а в том, что он «был “главным хранителем”¹¹⁹ “рабочего фонда”...» и «принципом организации пространства заключения» со своими нормами и моралью. Чувствуя, видимо, крайнюю интеллектуальную бедность такого рода обобщения, Г. М. Иванова неожиданно прибегает к интеллектуальной помощи... современного исследователя психоаналитической антропологии и феноменологии В. А. Подороги, вынося в идейный зачин своего труда рискованно художественную мысль философа о том, что «ГУЛАГ — это громадная страна, что невидимо существовала во времени и пространстве сталинского режима»...¹²⁰ Невидимо? Отдельно в пространстве? То есть вне режима? Надо признаться, что такую итоговую «систематизацию» многолетнего труда историка иначе как бредовой не назовёшь.

Рафинированный автор исследований о русских военнопленных в Германии Первой мировой войны, ради следования колониальной моде на сильно втискивающий лапидарный вопрос о политической судьбе военнопленных в рамках «европейской гражданской войны» (глава 1.4; хорошо ещё, что не в вечный бой добра и зла), О. С. Нагорная суммирует свои исследования «радикальных новшеств» этой войны в деле военного плена, превращающих её в тотальную: «взаимные репрессии, принудительный труд, национальная и политическая агитация, вербовка в вооружённые формирования» военнопленных¹²¹. Одновременно констатирует «преобладание в Германии

¹¹⁹ Впрочем, может быть, этот образ вместо определения просто был позаимствован из иного, мобилизационного, контекста, у коллеги: ГУЛАГ — «особый социум и государственный институт, выполнявший в сталинской системе функцию специфического депозитария нерешенных и (или) неразрешимых социальных, экономических, политических, культурных и национальных проблем» (*Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006. С. 30–31*).

¹²⁰ *Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 9–12.* При этом сам В. А. Подорога даёт в своём труде вполне внятную и работающую формулу ГУЛАГа в контексте биополитики: «ГУЛАГ — в целом лагерь трудовой, в отличие от нацистских лагерей смерти, которые были экспериментальными, лаборатория невиданного евгенического эксперимента. Освенцим — фабрика технологий смерти (точнее — умерщвления) и, конечно, не имеет ничего общего ни с обычными лагерями для перемещенных или подозрительных лиц, содержащихся в заключении на время военных действий. Освенцим — биологический образец уничтожения населения» (*Подорога В. А. Апология политического. М., 2010. С. 40, прим. 19*).

¹²¹ В России из пленных австро-венгерской армии для участия в войне на стороне России формировались этнические части из чехов и словаков, сербов и хорватов. Противники России традиционно делали подобную ставку на украинцев и поляков. См. пример современного украинского исследования того, как украинских солдат Российской империи в германском плену небезуспешно старались превращать в солдат украинской независимости, действующей под германским протекторатом: *Саевич И. И. Военнопленные украинцы в лагерях Австро-Венгрии и Германии в период Первой мировой войны: выучка и организация быта. Дисс. к. и. н. Львов, 2007.* Командующий финскими частями вспоминал, что в начале 1918 при разоружении русских гарнизонов в Финляндии «украинцы и поляки освобождались немедленно» (*Маннергейм Карл Густав. Мемуары. М., 2011. С. 99*). Точно так же украинцы и «прибалты» освобождались из гитлеровского плена в 1941 году. Ясно, что и польские, литовские, латвийские и эстонские кадры независимых Польши,

колониальных стереотипов по отношению к восточным соседям. Данные коды определяли условия содержания российских военнопленных, дисциплинарные практики, судебные приговоры, место в системе принудительного труда... Пренебрежение к восточноевропейцам становится более явным на фоне более уважительного обращения немецкой стороны с пленными англичанами, французами и бельгийцами¹²². Ужесточение следствий, вытекающих из многовековых цивилизаторских стереотипов в отношении России, наличие неких кодов, приобретающих особую силу в условиях тотализации войны, в принципе, могут отчасти быть отнесены к генезису нацистских лагерей, когда О. С. Нагорная затрагивает тему сталинизма, включаясь в обсуждение дискуссионного «тезиса о прототипе». Но оказывается, она не шутя ограничивает исторические контекст и глубину предпосылок, полагая возможным серьёзно анализировать «утверждение о решающей роли лагерей Первой мировой войны как предшественников ГУЛАГа и нацистских лагерей»¹²³. Как же мыслимо говорить на методологически модном языке военно-общественной «тотализации», если на деле всерьёз допускать, что «решающую роль» в создании в СССР системы принудительного труда сыграла не констелляция исторических фактов и процессов, а изолированный пример одной, даже стремящейся к тотальности войны, словно тотальность эта стала возможной и была изобретена лишь на войне, а не благодаря растущей тотальности индустриальной биополитики, колониализма и серии войн? Плодовитый историк украинского воинствующего национализма и националистического подполья периода Второй мировой войны А. Го-

Литвы, Латвии и Эстонии 1918 года, провозглашённых под гарантии германских оккупационных войск, также были отчасти продуктом подобной этнической инженерии.

¹²² В исследовании Бельгии О. С. Нагорной можно порекомендовать ознакомиться с авторитетным трудом о том, как именно пример оккупированной немцами Бельгии в Первую мировую войну — в противовес прекраснородушную русскую исследовательницу — приобрёл особый политический и правовой вес: «Оккупация Бельгии [Германией в 1914 году] продлилась намного дольше, чем ожидалось [в соответствии с планами “скоротечной войны”]. Поскольку раздел гаагских правил (1907) о “военной власти на территории неприятельского государства” рассматривает главным образом такие старомодные вопросы, как собственность, налогообложение и репарации, Германии пришлось изобрести политику оккупации, которая со временем стала включать и насильственную депортацию рабочей силы в Германию, и эксплуатацию скудных ресурсов Бельгии в таком масштабе, что только благодаря реализации нейтральными государствами плана помощи голодающим был предотвращён массовый голод в стране. Вопрос о том, насколько ли Германия отступила в своих оккупационных методах от неопределённого, но безусловно признанного обычного юридического обязательства обходиться с гражданским населением занятых территорий настолько гуманно, насколько позволяют обстоятельства, стал предметом ростных споров и до сих пор является в какой-то степени открытым. Ответ Германии на этот упрёк, как и на многие другие, касающиеся её методов ведения войны, заключался в том, что другие страны, оказавшись они на её месте, были бы вынуждены во многом вести себя так же» (*Бест Джеффри*. Война и право после 1945 г. [1994]. М., 2010. С. 85).

¹²³ *Нагорная О. С.* Военный плен Великой войны на Восточном фронте: опыт, память, исследовательские перспективы. С. 125–126, 130, 132.

гун выступил с неожиданным неуместно морализирующим «открытием» из сферы тотальной войны: оказывается, «войну на уничтожение» придумал и инициировал Сталин, обращаясь в 1941 году с призывом чинить оккупантам все мыслимые препятствия¹²⁴ (далее следует ожидать давно известного из нацистской пропаганды хода мысли о том, что евреи, комиссары и НКВД специально вызвали с помощью партизанского сопротивления оккупантам массовый антипартизанский террор и геноцид, чтобы осложнить положение гитлеровцев и испортить им репутацию). О доктринальных и «цивилизационных» причинах гитлеровской «войны на уничтожение» на Востоке изрядно сказано и западными вообще, и немецкими в частности, и отечественными историками, игнорировать их труды — профессиональное повреждение. Но ещё большим повреждением (особенно для исследователя партизанской войны ОУН-УПА) представляется презумпция того, что в эпоху тотальной войны некий вождь в 1941 году может одним риторическим усилием породить теорию и практику «войны на уничтожение».

Этот случай заставляет сделать особый экскурс в историю и контекст тотальной войны, чтобы ещё раз обнаружить её неразрывную связь с «войной на уничтожение». В связи с этим стоит обратить внимание на предвоенный и военный опыт начала XX века, особенно — опыт его морального и политического переживания в прессе и обществе в целом. Например, в своей книге-утопии, хорошо известной в русском переводе с предисловием П. А. Кропоткина (1842–1921), французские революционные синдикалисты дали такое описание будущей революционной войны с внешним врагом — как войны тотальной: при отступлении революционной армии «продвижение [противника] вперёд было затруднено, благодаря различным препятствиям. Нельзя было и думать о том, чтобы использовать железнодорожные пути; помимо того, что мосты были перерезаны, туннели загромождены... дороги пострадали не меньше... Воды не было. Колодцы и ключи были заражены; ручьи и реки несли воды, загрязненные химическими веществами, вонючими и вредными. Всё население ушло, — уведя с собой скот и уничтожив запасы продуктов и урожая, которые оно не смогло унести с собой. Это было хуже, чем пустыня! Вражеские войска встречали перед собой только следы разрушения и опустошения»¹²⁵. Известный русский писатель-гуманист так описывал в своей корреспонденции из Франции отклик обществ стран Антанты на немецкие авиабомбардировки французских городов и английского по-

¹²⁴ О речи Сталина от 3 июля 1941 (с призывом к «взрыву мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджогу лесов, складов и обозов... хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть уничтожено»): *Гугун А.* «Создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников...» // Новый Часовой. СПб., 2010. № 19–20.

¹²⁵ *Пато Э., Пуже Э.* Как мы совершим революцию [1909]. М., 2011. С. 208.

бережья в июне 1915 года: в качестве ответа известный французский публицист Г. Эрве предложил применение «удушающих газов», а русский политик М. В. Родзянко (1859–1924) подчеркнул: «Я считаю необходимым отвечать немцам той же мерой. Если они пользуются ядовитыми газами, мы должны придумать ещё более разрушительное средство. Когда человека хватают за горло, не время думать о нравственности способов обороны. Все средства хороши, если ведут к цели», а другой русский политик Н. И. Гучков (1860–1935) сформулировал: «Чтобы не дать себя уничтожить, мы не только можем, но и должны начать применять самые ужасные способы борьбы»¹²⁶. Историк свидетельствует о проводившемся на другом европейском фронте — Австро-Венгрии против Италии тотальном изъятии продовольствия и одежды у оккупированного населения, грабительском самоснабжении оккупантов, во время которого «целые воинские подразделения зачастую сбивались в банды, терроризируя сельское население и вступая в вооружённые стычки с патрулями жандармерии»¹²⁷. Итальянский генерал, теоретик воздушной войны Джулио Дуэ (1869–1930), сенсационно объяснивший обществу будущих войн их даже техническую обречённость стать мишенями тотальной войны, в первую очередь с воздуха¹²⁸, писал: «Мировая война использовала все ресурсы втянутых в борьбу народов... Будущая война вновь вовлечёт целые страны со всеми их ресурсами, не исключая ни одного... «Не верьте, — сказал Фоккер, знаменитый авиационный конструктор, отлично знакомый с мышлением своих клиентов, говорящих на любом языке, — не верьте тому, что завтрашний неприятель, к какой бы стране он ни принадлежал, будет соблюдать различие между вооружёнными силами и гражданским населением своего противника». Фоккер прав... Различие между сражающимися и несражающимися в настоящее время неприемлемо ни юридически, ни фактически. Оно невозможно юридически — поскольку в странах, участвующих в войне, все работают на войну: солдат, держащий ружьё; рабочий,

¹²⁶ Неизданный В. Г. Короленко. Публицистика. 1914–1916 / Сост. Т. М. Макагоновой, И. Т. Пятосовой. М., 2011. С. 119–121 («Опять возмездие», 1915).

¹²⁷ *Миронов В. В.* Военнослужащие австро-венгерской армии и гражданское население оккупированных провинций Италии (1917–1918 гг.) // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В. И. Фрейдзона / Отв. ред. С. А. Романенко, И. В. Крючков, А. С. Стыкалин. СПб., 2011. С. 450–455.

¹²⁸ Памятью долгу идейную историю «второго индустриального центра» России / СССР, можно отметить, что — с некоторым преувеличением, но — принципиально совершенно точно исследователи подчёркивают доминирующее значение для этого проекта фактора территориальной (то есть авиационной) неуязвимости: «Программа индустриализации, по замыслу руководства страной, воплощала задачу массивированного “восточного дрейфа” тяжёлой индустрии и энергетики на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Именно сюда в тот период не могли долететь самолёты ни одного из вероятных противников» (*Меерович М., Коньшева Е., Хмельницкий Д.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. С. 90).

снаряжающий патроны; крестьянин, сеющий зерно; учёный, исследующий химический состав. Невозможно фактически — поскольку удары могут настичь всех граждан, а наиболее безопасным местом укрытия окажется окоп»¹²⁹. Это неизбежно делало «войну на уничтожение» орудием и нападения, и обороны. Современный историк права так описывает общие итоги Первой мировой войны в отношении гражданского населения:

«Практически весь корпус права, который до 1914 г. как будто регулировал отношения воюющих сторон друг с другом и с нейтральными государствами во время войны, практически полностью оказался выброшенным за борт, как и должно было произойти, учитывая лежавшие в его основе посылки об ограниченной войне и неизбежную его неспособность предусмотреть изобретение радикально новых видов вооружения, на применении которых обязательно будут настаивать государства, оказавшиеся в состоянии тотальной войны... В условиях распространения новых вооружений, обладавших мощной убойной и разрушительной силой, но лишённых отработанной целкости и точности поражения, вопросы избирательности и соразмерности приобрели беспрецедентно важное значение, но самым злободневным стал вопрос намерения: какие именно составляющие экономики противника и группы населения подверглись атаке? Ни в одной области ведения боевых действий центральный юридический принцип неприкосновенности гражданских лиц не был окутан столь опасным туманом... Вопросы приобретают другое звучание, когда гражданское население принадлежит к нации, которая переходит в состояние “единого военного лагеря”, мобилизуя (как это часто делалось в прошлом) всё взрослое трудоспособное население и подростков на работу в военной экономике и ставя под ружьё всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. Где бы это ни происходило (впервые в истории Нового времени это впечатляющим образом было осуществлено в революционной Франции), вероятное участие гражданского населения в экономике, едва ли не полностью мобилизованной для нужд национальной обороны, сильно затрудняет отнесение его к некомбатантам с той чёткостью и определённой, как того требует принцип неприкосновенности некомбатантов... Возникновение массовой политики породило неудобные вопросы по поводу того, отделено ли в реальности гражданское население от военных действий... Почему “гражданское население” экономически развитого региона государства-нации, участвующего в тотальной войне, не должно нести свою долю опасностей и страданий, на которые оно обрекает своих солдат (вопрос, на который даже такой совестливый

¹²⁹ Джулио Дуэ. Вероятные формы будущей войны [1928] // Джулио Дуэ. Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны; *Вотье А. М. П.* Военная доктрина генерала Дуэ. СПб., 2003. С. 234, 265, 284–285, 295.

и гуманный человек, как Авраам Линкольн, не нашёл утешительного ответа)?.. Первая мировая война очень сильно изменила весь контекст, в рамках которого оперировало право войны и в котором оно только и могло быть правильно понято...Все потенциальные воюющие стороны, по мере того как перспектива грядущей войны становилась всё более очевидной, готовились к худшему: переносить то, что представлялось неизбежным и, если хватит силы проявить инициативу, причинить как можно больше вреда противнику»¹³⁰. Существенно и то, что дальнейшее развитие права не только не избавило граждан от угрозы тотального насилия, но и прямо его легитимировало: «Суждения, содержащиеся в приговорах Международного военного трибунала и других судебных приговоров в Нюрнберге, не запрещали полностью и однозначно применение коллективных наказаний на оккупированных территориях; не запрещали они взятие и даже *in extremis* пропорциональную казнь заложников оккупационными армиями; не исключали возможности, что коллективное наказание, взятие заложников и прочие жестокости по отношению к населению оккупированной территории могут на самом деле быть оправданными в качестве репрессалий. Но, с негодованием отвергая ту лёгкость, с которой границы юридически допустимого растягивались, чтобы включить в них действия чисто террористические и/или направленные на поголовное истребление, и получали обоснование в чересчур вольном толковании военной необходимости, суды настаивали, что такие меры могут применяться только тогда, когда они адекватны, избирательны, пропорциональны и в любом случае являются последним средством». В числе мер, которые были признаны необходимым прежде расстрела заложников: «задержание подозрительных лиц», «эвакуация населения из беспокойных районов», «принудительные работы по ликвидации ущерба от диверсий»¹³¹. В ходе гражданской войны между поддержанной СССР и Китаем Северной Кореей и Южной Кореей, поддержанной «войсками ООН» во главе с США (1950–1953), как свидетельствует историк, «в наибольшей мере были опустошены северные районы Кореи — не только материальные разрушения были катастрофическими, но эти районы ещё и обезлюдели в результате смертей — вполне достоверные оценки количества погибших колеблются в диапазоне между 12 и 15% — и оставления места жительства; причиной массового бегства людей на юг был просто-напросто голод, а не какие-либо политические предпочтения. Военные действия велись настолько жестоко и несдержанно, насколько это вообще возможно. Пропорциональность и избирательность не принимались во внимание; если имелась возможность причинить разрушения,

¹³⁰ Бест Джеффри. Война и право после 1945 г. С. 86, 87–88, 90, 93, 101–102.

¹³¹ Там же. С. 307–308.

то она, как правило, максимально использовалась, особенно американскими ВВС...»¹³² Стоит ли в таких исторических условиях морализировать о риторике «войны на уничтожение», зная о доминирующей практике, в которой существует эта риторика?

3. Индустриализация и тотальная мобилизация Запада

Ещё задолго до Первой мировой войны знаменитый британский социал-либеральный экономист Джон Гобсон (1858–1940) дал афористическое наименование тому процессу, что протекал на его глазах в передовых европейских странах, понимая, что речь идет о процессе, прямые и косвенные последствия которого затрагивают всё общество, новую суть событий в капиталистическом развитии он назвал так: «Замещение военного дела индустриализмом»¹³³. Давно исследована и концептуализирована тесная связь индустриализации с разрушением феодальных корпоративно-сословных систем, становлением «гражданских наций», демократизацией военных повинностей. Всё это вместе взятое породило развитые и разветвлённые в производных сферы социального знания, в Германии, например, обеспечившие доминирование в деле социально-экономического управления катедер-марксистов, кабинетных социалистов, корпоративных апологетов государственного контроля, сторонников монархически покровительствуемой социальной политики, всепроникающую интеллектуальную моду на политический социал-реформизм. Но прав исследователь русских военно-общественных отношений в эпоху индустриальной мобилизации: следуя своим немецким учителям, русские марксисты и большевики проявили гораздо более вкуса к социальным наукам, чем их создатели в Англии или Америке¹³⁴ (для которых в целом, по-видимому, уже не стояла задача социальной мобилизации, ибо самой системой передового капитализма она была решена). Мобилизуя общество, русская власть оказалась перед задачей заменить уходящую через сито всеобщей воинской повинности систему патриархальных отношений, архаичной солидарности — новым единством. Но проиграла тому, что в войну обнажилось в основе новой солидарности, — тотальности насилия и этническому национализму¹³⁵.

¹³² Там же. С. 547.

¹³³ Гобсон Дж. Эволюция современного капитализма [1894]. М., 2010. С. 403.

¹³⁴ Sanborn Joshua A. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb (Illinois), 2003. P. 95.

¹³⁵ Ibidem. Chapter 5: Violence and the Nation.

Демократические и общегражданские корни тотальной милитаризации, насилия и труда, были доктринально осмыслены марксистами ещё в начале строительства единой Германии, вступившей на путь доминирования в Европе в единстве военного, индустриального, социального строительства. Фридрих Энгельс (1820–1895), формулируя теорию насилия нового времени (которую затем внимательно изучали его русские последователи), писал, что в определённую историческую эпоху «производство развилось настолько, что человеческая рабочая сила могла произвести теперь больше, чем требовалось для простого поддержания её; средства для содержания большого количества рабочих сил имелись налицо, имелись также средства для применения этих сил; рабочая сила приобрела стоимость... военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом. Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было вынуждено, наоборот, служить ему. Рабство было открыто». Теперь «милитаризм господствует над Европой и пожирает её. Но этот милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели... Что оказалось “первичным” в самом насилии? Экономическая мощь, обладание мощными средствами современной промышленности. Политическая сила... *отосредствована* экономической силой, высоким развитием металлургии, возможностью распоряжаться искусными техниками и богатыми угольными копями... Победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно — на “экономической мощи”, на “хозяйственном положении”, на материальных средствах, находящихся в распоряжении насилия»¹³⁶.

Ученик Энгельса Карл Каутский (1854–1938) детализировал прогнозируемое им самоотрицание милитаризма — в утверждении всеобщего вооружения большинства, ведущего свою классовую борьбу с оружием в руках, в «вооружении народа», расширяя до почти всеобщности контекст революционной мобилизации, конфликта и социальной революции: «...грядущая революция будет в меньшей степени походить на внезапное возмущение против властей и в большей степени на продолжительную гражданскую войну, — если бы с этим последним не соединялось представление о настоящих войнах и побоищах... Войны нельзя вести без напряжения всех сил народа». В таких условиях «организационной» эрозии подвергается и понимание борьбы социалистов за государственную власть, где первоначальные задачи достижения справедливости или классового социализма отходят на второй план перед общими, внеклассовыми, социально нейтральными задача-

¹³⁶ Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1957. С. 24–25. 15, 18, 11 («Анти-Дюринг», 1878).

ми управления и мобилизации ресурсов: «Дело в том, что война является самым нерациональным средством... Она приносит с собою такие страшные опустошения, предъявляет такие огромные требования к государству, что вытекающая из войны революция сильнее всего образом обременяется такими задачами, которые ей несвойственны и которые поглощают на время все её средства и силы»¹³⁷. Впоследствии, критикуя большевиков за практику их революционной власти, Каутский показал, что вполне адекватно оценил перемены, произошедшие с государством на Западе: «Современное государство — строго централизованная организация, располагающая громадной силой внутри современного общества; вторгающаяся в частную жизнь каждого, что всего ярче обнаруживается во время войны. В такой момент каждый чувствует, как его существование определяется политикой государственной власти»¹³⁸. Всё это, начиная с социалистической проповеди *всеобщего вооружения народа* как единственного способа «дисциплинирования масс»¹³⁹, «прошивало» нарастающие исторические события во всё более широком и хронологически длительном контексте, когда о подготовке к тотальной войне путём всё более тотальной мобилизации уже многие годы «говорил весь мир» и которую «делал весь мир».

Немецкий мыслитель и участник обеих мировых войн, Эрнст Юнгер (1895–1998) писал в Германии, в самом эпицентре межвоенной мобилизации: «В войне... решающую роль должно было играть то отношение, в каком отдельные ее участники находились к прогрессу. И в самом деле, в этом следует искать собственный моральный стимул этого времени, тонкое, неуловимое воздействие которого превосходило мощь даже наиболее сильных армий, оснащенных новейшими средствами уничтожения эпохи машин, и который, кроме того, мог набирать себе войска даже в военных лагерях противника. Чтобы представить этот процесс наглядно, введем понятие **тотальной мобилизации**... Защищать свою страну с оружием в руках... становится задачей каждого, кто вообще способен носить оружие... Наряду с армиями, бьющимися на полях сражений, возникают новые армии в сфере транспорта, продовольственного снабжения, индустрии вооружений — в сфере работы как таковой. На последней, к концу этой войны уже наметившейся стадии этого процесса нет уже ни одного движения, — будь то движение домработницы за швейной машиной, — которое, по крайней мере, косвенно не имело бы отношения к военным действиям... Для развер-

¹³⁷ Каутский К. Социальная революция [1902]. М., 2012. С. 53, 56, 59.

¹³⁸ Каутский К. Диктатура пролетариата [1919] // К. Каутский. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевик в тупике. [Сб.]. М., 2002. С. 47.

¹³⁹ См. также очерк «Милиция и постоянные войска» марксистского классика: Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства [1908]. М., 2011. С. 300.

тивания энергий такого масштаба уже недостаточно вооружиться одним лишь мечом, — вооружение должно проникнуть до мозга костей, до тончайших жизненных нервов. Эту задачу принимает на себя тотальная мобилизация, акт, посредством которого широко разветвленная и сплетенная из многочисленных артерий сеть современной жизни одним движением рубильника подключается к обильному потоку воинственной энергии... К началу войны человеческий рассудок еще вовсе не предвидел возможности столь масштабной мобилизации. И тем не менее она сказывалась в некоторых мероприятиях уже в самые первые дни войны — например, в повсеместном призыве добровольцев и резервистов, в запретах на экспорт, в цензурных предписаниях, в изменениях золотого содержания валют. В ходе войны этот процесс усилился. В качестве примеров можно назвать плановое распределение сырьевых запасов и продовольствия, переход от рабочего режима к военному, обязательная гражданская повинность, оснащение оружием торговых судов, небывалое расширение полномочий генеральных штабов... совмещение военного и политического руководства... Предел возможностей все же еще не был достигнут. Достичь его — даже если ограничиться рассмотрением чисто технической стороны этого процесса — можно лишь в том случае, если образ войны уже вписан в порядок мирного времени. Так, мы видим, что во многих послевоенных государствах новые методы вооружения приспособлены уже к тотальной мобилизации. Здесь можно упомянуть о таком явлении, как возрастающее урезание индивидуальной свободы, то есть тех притязаний, которые, на самом деле, уже издавна вызывали сомнение. Это вмешательство, смысл которого состоит в уничтожении всего, что не может быть понято как функция государства, мы встречаем сначала в России и в Италии, а затем и у нас дома, и можно предвидеть, что все страны, в которых живы еще притязания мирового масштаба, должны предпринять его, с тем чтобы соответствовать новым, вырвавшимся на свободу силам... Поучительно видеть, как захлебывается здесь экономическое мышление. «Плановая экономика» как один из последних результатов демократии перерастает самое себя, сменяясь развертыванием власти как таковой... Уже в этой войне было не важно, в какой степени государство являлось милитаристским или в какой оно таковым не являлось. Было важно, в какой степени оно было способно к тотальной мобилизации»¹⁴⁰.

Примечательно, что польско-британский исследователь идеократии и принудительного труда в сталинском СССР, урождённый русский подданный, Станислав Свяневич (1899–1997) начал в 1920-е гг. свои научные труды

¹⁴⁰ Юнгер Э. Тотальная мобилизация [1930] // Э. Юнгер. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / Пер. А. В. Михайловского. СПб., 2002. С. 446–447, 449–450, 450, 451–452, 457.

именно с выяснения иррациональных основ экономики в трактовке Жоржа Сореля (1847–1922)¹⁴¹, вождя французского анархизма, имевшего перед своими глазами полную гамму европейских событий XIX века, но отнюдь не русскую крестьянскую общину, якобы перерастающую в антизападный сталинизм.

Другой, кроме Э. Юнгера, столп немецкой мысли XX века и глубокий свидетель исторических перемен, Освальд Шпенглер (1880–1936) в те же годы метко обнаруживал, что именно британский либерализм и социальная политика меркантилизовали массовый труд («в Англии манчестерское учение о свободной торговле применялось профсоюзами к торговле таким товаром как рабочая сила») и убедительно анализировал итоги капиталистических индустриализации, милитаризации и колониализма, фундаментально изменяющих, если угодно прибегать к таким формулировкам, сам «цивилизационный код» либерального Запада: «Над всеми городами Европы и Америки раздавались триумфальные возгласы о “прогнесе человечества”, который ежедневно подтверждался постоянно растущей длиной железно-дорожных линий и редакционных статей, высотой фабричных труб и успехов радикалов на выборах, толщиной брони и пакетов акций в сейфах. Эти триумфальные возгласы заглушили канонаду американских орудий по испанским кораблям в Маниле и Гаване и даже канонаду новых японских орудий навесного огня, с помощью которых избалованные и превозносимые глупой Европой маленькие жёлтые люди доказали, на сколь слабые основания опиралось её техническое превосходство, а России, прикованной взглядом к своей западной границе, весьма чувствительно напомнили о существовании Азии...». К 1914 году в Европе «место непосредственной войны заняла опосредованная война в виде постоянного повышения боеготовности, темпов вооружений и технических открытий — война, в которой также были победы, поражения и недолговечные мирные договоры. Но этот способ скрытой войны предполагает национальное богатство, которого смогли достичь страны с крупной промышленностью. В значительной части оно состояло из самой этой промышленности в той мере, в которой та представляла капитал, предпосылкой же промышленности было наличие угля, на месторождениях которого она основывалась, ... сильная экономика стала решающей предпосылкой для ведения войны; за это она требует первостепенного внимания, и теперь во всё возрастающей мере пушки начинают

¹⁴¹ *Корнат М.* Свяневич, Ленин и тоталитаризм, или О пользе истории идей в поисках понимания России // *Nova Europa Wschodnia / Новая Восточная Европа. Специальный выпуск 2011/2012.* [Wrocław, 2011], S. 142,147. Труды Свяневича: *The Impact of Ideology on Soviet Economic Policy* (1969), *Coercion and Economic Growth: In The Light of Soviet Experience* (1960), *Forced Labour and Economic Development. An Enquiry into The Experience of Soviet Industrialization* (1965, 1985) .

служить углю... Колониальная и заокеанская политика превращается в борьбу за рынки сбыта и источники сырья для промышленности, в том числе, во всё возрастающей мере за месторождения нефти. Ибо нефть начинает подавлять и вытеснять уголь». «Большевизм, — отмечает О. Шпенглер, — недостаточно осознаёт своё западноевропейское, рационалистическое и городское происхождение... Чтобы сделать бессмысленными любые попытки завоеваний, большевики переместили центр тяжести своей системы дальше на восток. Все стратегически важные промышленные районы были созданы восточнее Москвы, большей частью восточнее Урала — вплоть до самого Алтая, а на юге — до Кавказа. Всё пространство западнее Москвы, а также Белоруссия, Украина, некогда самый жизненно важный район царской империи от Риги до Одессы, образуют сегодня фантастический гласис против “Европы” и может быть легко принесён в жертву, не приводя к крушению всей системы»¹⁴².

¹⁴² Шпенглер О. Годы решений [1933]. М., 2006. С. 50, 40, 54–55, 63, 64. Остаётся только удивляться, почему Гитлер, начиная войну против СССР, так и не принял во внимание предупреждений Шпенглера, как многих других, об этом сталинском гласисе (в фортификации: пологом откосе перед наружным рвом крепости) на пути нацистской агрессии. Об этой гибельной для Гитлера недооценке СССР см.: *Kahn D. Hitler's Spies. German Military Intelligence in World War II. L., 1978 (Ch. 24: The Greatest Mistake)*. См. также директиву главы МИД Германии И. Риббентропа немецкому посланнику в Ирландии по вопросу сепаратного мира Германии с Великобританией и США от 16 февраля 1945: «новым и самым важным фактором, вскрытым нынешней войной, является военная мощь Советского Союза. (...) военная промышленность [СССР], созданная в рамках всего нескольких лет, разбросана по всей стране и практически не подвержена опасности атак» (Мировое равновесие и «вакуум силы»: Прогноз министра иностранных дел Германии о судьбах послевоенного мира с приложением документов по истории сепаратных переговоров Германии и союзников / Публ. В. Ерошина и В. Ямпольского // *Неизвестная Россия. XX век / Гл. ред. В. А. Козлов. Кн. II. М., 1992. С. 303, 309*). Немецкий историк подчёркивает, помимо прочего, пространственную ошибку Гитлера, устремившегося за *Lebensraum* в СССР: «Наиболее роковые последствия имела принципиально ошибочная оценка советских вооружённых сил. В огромной степени недоучитывались способность к сопротивлению и готовность к борьбе красноармейцев, особенно на просторах их страны» (*Якобсен Г.-А. О соотношении целей и средств у Клаузевица и во Второй мировой войне: взгляд из Германии // Германия и Россия в судьбе историка: Сборник статей, посвящённый 90-летию Я. С. Драккина. М., 2008. С. 339*). Интересное свидетельство приводит российский историк: маршрут «туристической» поездки военного атташе Германии в Москве по СССР в мае — июне 1937-го отвечал цели исследования военно-стратегического потенциала СССР и пролегал: Черноземье, Украина, Крым, Донбасс, Кубань, Кавказ, Горький (Нижний Новгород), Куйбышев (Самара), Сталинград. За Урал его не пустили, в итоге он признал невозможность полного исследования (*Кантор Ю. Заключая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е гг. СПб., 2009. С. 282–284, 286*). Впрочем, для понимания масштабов «второго центра» достаточно было читать советские газеты. И всё же даже у союзного СССР британского вождя отомобилизованный потенциал СССР вызывал некоторое удивление, но отнюдь не в конце войны: «Весь мир изумлён тем, какую гигантскую силу России удалось сосредоточить и применить» (*Черчилль Уинстон. Мускулы мира [Избранные речи, 1938–1946] / Сост. Л. Яковлева. М., 2011. С. 364, 367 (29 ноября 1942)*). См. также: *Альтерман М. И. Историка ФРГ об оценке военно-политическим руководством гитлеровской Германии обороноспособности СССР накануне Великой Отечественной войны. Дисс. к. и. н. СПб., 2007*.

Касаясь принудительного труда в плане военной мобилизации, американский военный теоретик Клаус Кнорр (1911–1990) уже после Второй мировой войны сухо резюмировал общецивилизационный опыт: помимо экономических методов — мобильность рабочей силы во время войны обеспечивается также и «эффективным принуждением»: «Во время войны... цели, которыми обычно определяются экономические интересы в капиталистическом обществе, отходят на второй план... война больших масштабов ведёт к сужению личной свободы... Во всех странах, за исключением тоталитарных, исполнительная власть должна выполнять задачи, значительно ограничивающие свободу»¹⁴³. Другой стратег из США детализирует эту мысль: «Одной из наиболее характерных черт современной войны, несомненно, является создаваемый ею огромный спрос на гражданскую рабочую силу... Повсюду начинаются лихорадочные поиски дополнительных рабочих рук. На работу привлекают калек и инвалидов. Старых рабочих отзывают из “отставки”. На работах, на которые раньше допускались только мужчины, используется много женщин» — и в условиях США того времени: неполноправные негры и мексиканцы¹⁴⁴. Их немецкий современник подтверждает: во время войны, «как только достигается сравнительно полная занятость, возможности дальнейшего расширения производства резко ограничиваются. Фактически дополнительное увеличение производства может быть достигнуто в этом случае лишь путем удлинения рабочего дня или путем роста производительности труда. Во время войны самым простым мероприятием, конечно, является удлинение рабочей недели. А при тотальной военной экономике, когда возникает необходимость в массовом военном производстве, рано или поздно продолжительность рабочей недели доводится до предела выносливости рабочих и даже превышает эти пределы». Например, в Германии «к 1939 г. во многих отраслях военной промышленности стал правилом 11-, 12- и 14-часовой рабочий день при семидневной рабочей неделе» даже на юридически частных предприятиях, в отношении граждански полноценных работников. «Наряду с этим на немецких предприятиях была введена... потогонная система. Неизбежным результатом этого явились полное физическое и умственное истощение рабочих и сокращение их выработки»¹⁴⁵.

Сталинский ли все они описывали «тоталитаризм»? Только ли сталинский? И если да, то что нового он привнёс в человеческую практику, чтобы заслужить себе, кроме национально-исторического, это особенное имя, что изобрёл он такого, что не изобрела бы европейская *современность*

¹⁴³ Кнорр К. Военный потенциал государств [1956]. М., 1960. С. 352, 101, 102.

¹⁴⁴ Люмер Х. Военная экономика и кризис [1954]. М., 1955. С. 65.

¹⁴⁵ Кучинский Ю. История условий труда в Германии. М., 1949. С. 78–79.

(modernity) Нового времени? Итак, сталинский СССР был наивысшей точкой мобилизационного развития СССР¹⁴⁶. Наиболее характерные социальные явления сталинизма — тотальный **социальный контроль**, массовые **репрессии** и массовый **принудительный труд**, подчинённые государственной политике коллективизации сельского хозяйства и индустриализации, отвечали не только марксистским догмам о концентрации производства как прямом пути к построению коммунизма и задачам подготовки СССР к тотальной войне, но и мировому опыту капитализма и колониализма. В близости тотальной войны, требующей тотальной мобилизации общества и государства, в Европе и мире никто в 1920–1930-е годы не сомневался. В 1920-е — 1930-е гг., исходя из опыта участия России в Первой мировой войне, традиционных угроз на западных и юго-западных границах СССР и осознания политического одиночества СССР без «мировой революции» на Западе и необходимости «строительства социализма в одной стране», руководство СССР подчинило свою деятельность мобилизационной подготовке экономики, для которой изначально главным было не столько создание сбалансированного и устойчивого автаркического «социалистического народного хозяйства», как того требовала советская коммунистическая доктрина позднего Ленина и зрелого Сталина, не политические обязательства власти и сама легитимность большевистской диктатуры, а фундаментальное «обеспечение стабильности экономической системы в экстремальных военных условиях»¹⁴⁷.

Идеологический шок большевиков от неудачи «мировой революции» в 1918 (Германия) — 1919 (Венгрия) — 1920 (Польша) — 1923 (Турция и Германия) годах дополнился острым сознанием смертельной угрозы самому существованию той исторической государственности, в границах которой стабилизировался СССР и на владение ресурсами и уязвимостями которой он был обречён. Мировой опыт тотальной войны — каким он представлялся непосредственно после Первой мировой войны — делал уже недостаточными доктринально мотивированные попытки марксистских «всеобщего учёта и планомерности» (в троцкистском образе Госплана) ради технологичес-

¹⁴⁶ Несмотря на то, что формального военно-стратегического паритета с США — своим главным противником во второй половине XX века — СССР достиг лишь в начале 1960-х гг. Все дальнейшие усилия по развитию советского коммунизма были исчерпаны практически одновременно со смертью последних сталинских назначенцев: «Умерли сталинские зубры М. А. Сулов (1982), Л. И. Брежнев (1982), А. Н. Косыгин (1980), Д. Ф. Устинов (1984), А. А. Громыко (1989) и представитель младшей сталинской номенклатуры Ю. В. Андропов (1984) — и умер СССР» (М. К. [Рец. на:] И. В. Быстрова. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006 // Русский Сборник: исследования по истории России. М., 2010. С. 403–404).

¹⁴⁷ Мелия А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921–1941 гг.). Сб. статей. С. 54.

кого прогресса и уравнительной социальной справедливости. Он требовал от коммунистического руководства способности и одновременно подпитывал распространяющиеся, как вирус, претензии даже политически несамостоятельного военного руководства СССР «маневрировать всеми ресурсами страны»¹⁴⁸. Несмотря на то, что в момент известного межведомственного спора о военном плане в марте 1930-го между М. Н. Тухачевским (1893–1937) и К. Е. Ворошиловым (1881–1969) Сталин принял сторону последнего, обвинив Тухачевского, можно сказать, в неадекватных масштабу экономики СССР военно-мобилизационных претензиях¹⁴⁹ (год спустя Сталин извинился перед Тухачевским, признав его принципиальную правоту), и то, что обвинять

¹⁴⁸ См. программные установки главных военных стратегов в СССР: «Основным и важнейшим выводом из опыта минувшей империалистической войны 1914–1918 гг. является переоценка вопроса о роли и значении тыла в общем ходе военных операций. (...) Центр тяжести переносится на соответствующую организацию промышленности и вообще всего хозяйства страны» (*Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1940. С. 69. «Фронт и тыл в войне будущего» (1925); в предвоенный период «военизировать всю страну, всю экономику надо так, чтобы, с одной стороны, дать возможно большие ресурсы для ведения войны, а с другой стороны, чтобы эта мобилизация не разрушала основного хозяйственного костяка... Генеральные штабы привыкли обращаться с готовыми вооруженными силами, маневрировать искусно и быстро на театрах войны. Но маневрировать всеми ресурсами страны никто еще не умеет, а этот маневр наши работники должны знать так же хорошо, как они знают полевое вождение войск» (*Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 259–260. «Вопросы современной стратегии» (1926); «В наши дни, конечно, не приходится доказывать необходимость экономической подготовки войны, существования экономического плана войны. Это ныне осознано везде и всюду... Кроме мобилизации гражданской промышленности должна быть проведена вообще экономическая мобилизация во всей стране» (*Шапошников Б. М.* Мозг армии. М., 1927. Глава XVI. Экономика и война); «План войны должен соразмерить строительство вооруженных сил... с промышленной мобилизацией. Эта связь... охватывает мобилизацию всего народного хозяйства... в настоящее время все страны развивают свое народное хозяйство с учетом потребностей войны» (*Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1964. С. 5. «Война как проблема вооруженной борьбы» (1928)). К. Е. Ворошилов при обсуждении пятилетнего плана на XV съезде партии 13 декабря 1927 говорил: «Будущая война будет по преимуществу войной заводов, совершенно естественно поэтому, что мобилизация промышленности стоит в настоящее время в центре внимания тех, кто ведёт подготовку к войне». Он цитировал французского генерала Эрра: «Мобилизация — понимая под общим термином все частные мобилизации, то есть военную, финансовую, экономическую, промышленную и сельскохозяйственную...», цитирует французского генерала Жиро: «полной войной» [totale? — М. К.] будет, несомненно, следующая война. Здесь будет мобилизована вся нация... Никакой свободы выбора!.. Во время войны свободных людей со свободой выбора работы нет» (Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. Т. 2. М., 1962. С. 974–975, 977). В качестве квинтэссенции такого военно-политического консенсуса выступало решение Политбюро: «Признать, что основным фактором подготовки страны к обороне является готовность всего народного хозяйства» (Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) по докладу тов. Ворошилова [5 мая 1927] // Красная Армия в 1920-е годы / Шеф-редактор С. Кудряшов. М., 2007 (Вестник Архива Президента Российской Федерации). С. 166, 247).

¹⁴⁹ Сталин о плане Тухачевского: план «нарушает в корне всякую мыслимую и допустимую пропорцию между армией, как частью страны, и страной, как целым, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка» (Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 113) .

Тухачевского в крайнем мобилизационном милитаризме стало признаком хорошего исследовательского тона («экстремист»¹⁵⁰, «слишком ретивый из военных», «наиболее оголтелый красный милитарист»¹⁵¹), реальность, по-видимому, состоит всё же в том, что в радикальном своём милитаризме Тухачевский лишь отражал межвоенный консенсус, сложившийся на Западе и в СССР. Известный участник англо-бурской войны, член британского правительства во время Первой мировой войны, не упускавший случая сослаться на этот свой руководящий опыт, идя к власти и стоя во главе Великобритании в годы Второй мировой войны, У. Черчилль неизменно рассматривал тотальную мобилизацию всех наличных и особенно трудовых ресурсов в качестве важнейшего элемента в системе подготовки к войне. В 1938 году, по итогам Мюнхенского соглашения Англии, Франции и Германии о разделе Чехословакии, предсказывая новую войну, Черчилль приветствовал «мобилизацию промышленности» и говорил: «Отныне надо приложить для перевооружения такие усилия, подобных которым ещё не было; этой цели должны быть подчинены все ресурсы нашей страны и вся её сплочённая мощь»¹⁵². 27 апреля 1939 года в Великобритании была введена всеобщая воинская повинность. 27 января 1940 года Черчилль призвал: «Нужно в огромной мере увеличить количество нашей рабочей силы, в особенности квалифицированных и полуквалифицированных рабочих... Понадобятся миллионы рабочих; более миллиона женщин должны смело прийти на работу в нашу промышленность — на заводы боеприпасов, вооружения и самолётов»¹⁵³. И уже через четыре дня министр труда и национальной трудовой повинности Великобритании объявил программу принудительного набора в промышленность мужчин и женщин. После двух мировых войн даже американскому стратегу было неприлично отрицать принудительный характер тотальной мобилизации в сфере труда, «эффективное принуждение» как фактор мобильности рабочей силы во время войны: «война больших масштабов ведёт к сужению личной свободы... Во всех странах, за исключением тоталитарных, исполнительная власть должна выполнять задачи, значительно ограничивающие свободу»¹⁵⁴. Похоже, именно это повальное советское и иностранное увлечение тотальной подготовкой к войне всего действующего и живого кри-

¹⁵⁰ Кен О. Сталин как стратег. Между двумя войнами // Русский журнал / 2004. Войны XX века. М., 2004.

¹⁵¹ А. К. Соколов. «Военизация» первой пятилетки (советская военная промышленность в 1927–1932 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2007 / Отв. ред. Л. И. Бородин, Ю. А. Петров. М., 2008. С. 389, 417.

¹⁵² Черчилль У. Мускулы мира. [Избранные речи, 1938–1946] / Сост. Л. Яковлева. М., 2011. С. 68 (5 октября 1938).

¹⁵³ Там же. С. 158 (27 января 1940).

¹⁵⁴ Кнорр К. Военный потенциал государств. М., 1960. С. 352, 101, 102.

тиковал старый русский военный специалист на советской службе генерал А. А. Свечин, когда писал, критикуя европейский (в первую очередь, французский) опыт подготовки к будущей войне, — «многие армии готовятся к войне так, как будто будущая война начинается с конца — мобилизованной в тылу промышленностью»¹⁵⁵. Это значило, что идея такой предварительной, опережающей мобилизации доминировала в умах.

Шок от неудачи «мировой революции», в которой, по любому плану, отсталая Россия не должна была остаться в одиночестве, в стороне от технологически, индустриально и социально отобилизованного Запада, и осознание смертельной угрозы для её остатка в лице СССР дополнялись экзистенциальным требованием тотальной власти, в первую очередь, над людьми, сама мобилизация которых потребовала бы эксплуатации не только всех новейших средств коммуникации, но и, что вероятно важнее всего, их почти религиозной идейной консолидации, тотальности, подобной событиям Великой Французской революции, национально-освободительным движениям XIX века, движениям за германское и итальянское национально-государственное воссоединение, ожесточению Первой мировой войны, анархо-коммунистическому требованию «земли и воли», объединившему Россию в борьбе против своей государственности в 1917-м году.

4. Биополитика и тотальная «война на уничтожение»

Современная наука, кроме раскрытия внутренних механизмов тотальных претензий индустриального милитаризма (*войны и подготовки к войне*), не случайно вводит и более операциональное, нежели просто «принудительный труд», понимание «**биополитики**», или «политики населения» (подготовки и мобилизации *живой силы и массового труда*). Анализ «политики населения» диктатур XX века естественным образом и неизбежно обращает исследование к их историческим предпосылкам в XIX веке, включающим в себя, в первую очередь, создание самих *технологических возможностей и задач* для «биополитики». Отдавая себе отчёт в том, что XIX век с его пафосом естественных наук, социал-дарвинизма и позитивизма давно известен культурному сознанию как время анекдотических претензий на общественную вивисекцию, символически дезавуированных в образе тургеневского Базарова, не стоит и забывать, что приоритетным применением социал-дарвинизма было не базаровское представление об общественной роли госу-

¹⁵⁵ Постигание военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 246 («Интегральное понимание военного искусства», июль 1926).

дарства как селекционера, а доньше живое в сфере экономической теории представление о высшей справедливости самопроизвольной и самозаконной природной (рыночной) борьбы и естественного отбора, которое прямо эксплуатировал самый радикальный, фритредерский и манчестерский экономический либерализм, не стесняясь сопровождать социальные ужасы раннего капитализма экспериментаторской и расистской проповедью биологического лидерства¹⁵⁶. В сравнении с этим государственная биополитика, претендующая на роль «садовника» в социальной селекции, выглядела гораздо менее людоедски и анекдотично.

Понятие «биополитики» здесь я принимаю в том его толковании, которое детально развил Мишель Фуко (1926–1984)¹⁵⁷, подробно исследуя механизмы социального контроля, функционирования экономической мысли и государственной экономической политики в Европе Нового времени, в преддверии и во время капиталистической индустриализации, в ходе фундаментальной институционализации **современности**. По определению Фуко, биовласть — «совокупность механизмов, посредством которых то, что определяет основные биологические признаки человеческого вида, может проникать внутрь политики, внутри политической стратегии, внутрь генеральной стратегии власти», «разновидность власти, имеющей в качестве главной цели население», её «познавательное обеспечение — политическая экономия», её «ключевой инструмент — устройство безопасности» в её полицейском, дисциплинарном смысле.

Уже «для меркантилистов XVII столетия население — это не просто образование, способное символизировать величие суверена, но составляющая,

¹⁵⁶ Пример этого см. в творчестве известного британского экономического либерала: *Бейджхот У.* Естественное и политика: Мысли о применении начал естественного отбора и наследственности к политическому обществу [1872]. М., 2012. С этой либерально-дарвинистской проповедью полезно сравнить и социалистический (анархический) дарвинизм: *Кропоткин П. А.* «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902).

¹⁵⁷ Не будучи изобретателем самого термина, Фуко наполнил его богатым эвристическим содержанием. Фуко впервые выдвинул парные понятия биовласти / биополитики в 1976 году, чтобы «отразить “великое преобразование исторического в биологическое... при толковании социальной войны”. Задача защиты общества, таким образом, присоединяется к традиции войны, ибо осмысливается в конце XIX в. как “внутренняя война” против опасностей, порождаемых самим общественным телом»: биополитика поэтому приоритетно основывается на принципах «общественной безопасности»: здесь безопасность понимается исключительно как внутренняя безопасность, полицейская безопасность от преступности, защита свобод, — т. е. все те факторы, которые начисто игнорирует либеральная «австрийская школа», подвергающая критике экономические функции государства. По мнению Фуко, «не нужно пытаться подогнать этот новый тип власти к традиционным категориям политического мышления или атаковать его с помощью аналитической решётки “фашизма” или “тоталитаризма”...» (*Сенелья М.* Контекст курса // Мишель Фуко. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011. С. 483, 493). См.: *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций 1978–1979 учебного года, прочитанных в Коллеж де Франс. СПб., 2010.

более того, базовая составляющая системы обеспечения могущества государства и верховного правителя. Население — именно основной элемент данной системы, элемент, определяющий все остальные. Почему? Прежде всего, потому, что оно является поставщиком рабочих рук для сельского хозяйства... выступает поставщиком рабочих рук и для мануфактур... представляет собой основной элемент обеспечения государственной мощи постольку, поскольку его увеличение ведёт к росту конкуренции на рынке рабочей силы, вследствие чего у предпринимателей, разумеется, появляется шанс нанимать рабочих за сравнительно низкую заработную плату. Но относительно низкая заработная плата оборачивается относительно низкой ценой производимых товаров и высокой доходностью их экспорта, что не может не служить ещё одним фактором, гарантирующим величие государства... Ещё больше о том, что проблема населения действительно была ключевой для политико-экономической мысли вплоть до XIX столетия, свидетельствует знаменитое противостояние Мальтуса и Маркса... Мальтус сконцентрировался на населении и вследствие этого придал своей мысли биоэкономическую направленность, в то время как у Маркса место населения заняли классы, и он поэтому оперирует уже не биоэкономическим понятием населения, а историко-политическими понятиями класса, конфронтации классов и классовой борьбы. Да, переориентация с населения на классы оказалась переломным пунктом развития политико-экономической мысли, однако сама эта политико-экономическая мысль стала возможной только благодаря появлению феномена населения». В контексте биополитики и осознанных в начале XIX века задач международного внешнеполитического равновесия, ставших одним из итогов наполеоновских войн, касаясь известной мысли Клаузевица о том, что «война является продолжением политики», Фуко формулирует: «Война — это уже не обратная сторона деятельности людей... перед нами военно-политический комплекс, абсолютно необходимый для образования европейского равновесия в качестве механизма безопасности... война будет лишь одной из его функций. Понятно, что соотношение того, что представляют собой мир и война, соотношение гражданского и военного вновь вокруг всего этого переустраивается». Переустройство этого соотношения, известного военной науке как преобразование профессиональной воинской повинности во всеобщую, солдат в граждан-солдат, подразумевает биовласть как тотальность управления, включая появившиеся в индустриальной Европе такие сферы изучения и политики, как общественная гигиена и демография: «Население как собрание подданных сменяется населением как совокупностью естественных феноменов»¹⁵⁸. Современные марксисты и коммунисты

¹⁵⁸ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011. С. 13, 162, 104–105, 116, 398, 454.

(по их собственной идентификации) пишут по этому поводу: «Определять войну через биовласть и безопасность — значит принципиально трансформировать её правовые рамки... Прежние правовые рамки объявления и ведения войны более не действуют»¹⁵⁹.

М. Хардт и А. Негри возвращают читателя к историческому происхождению тотальной войны, резюмируя общее мнение современных историков и теоретиков: «Крупной промышленности принадлежит главная роль в определении нынешнего состояния дел в военной сфере — в плане технологических изменений, организационных моделей и тому подобного. Нынешняя война и современная промышленность развивались рука об руку». И параллельно индустриализации войны обнаруживают механизмы тоталитаризации общества в качестве имманентно присущих индустриальной биополитике. Цитируя формулу Джона Дьюи (1859–1952) «при сложившихся обстоятельствах война вынуждает все страны, даже кажущиеся наиболее демократическими, становиться авторитарными и тоталитарными»¹⁶⁰, авторы развивают её следующим образом: не «при сложившихся обстоятельствах», а «нынешнее глобальное состояние войны».

Исследователи традиционно толкуют формулу К. фон Клаузевица (1780–1831) о войне и политике в том смысле, что «война — это инструмент в арсенале государства, используемый в сфере международной политики. Иначе говоря, она есть нечто вполне внешнее относительно политических битв и конфликтов, возникающих внутри общества», но неожиданно уделяют особое внимание её ленинскому толкованию: «Заявление, будто политика

¹⁵⁹ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи [2004] / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2006. С. 37.

¹⁶⁰ «При сложившихся обстоятельствах» даже такой радикальный идеологический критик сталинизма, советский историк, ставший эмигрантом, Михаил Геллер в итоге вынужден был заявить почти в категориях биополитики: «В условиях экстенсивного развития, в чрезвычайных условиях военного наступления на общество (! — не государство или, на худой конец, страну или народ? — М. К.), в ходе создания советской системы сталинская техника власти, основанная на контроле человеческого фактора, продемонстрировала свою эффективность» (Геллер М. Техника власти [1986] // Сталинский диптих / Сост. Л. Геллер. М., 2011. С. 45). Ему вторил другой противник коммунизма, выросший из высших научных кадров ядерного проекта, руководимого Л. П. Берия, — А. Д. Сахаров, согласно которому труд заключенных ГУЛАГа, несмотря на то, что он был «частью экстенсивной расточительной экономики», «играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера» (цит. по: *Иваницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР*. М., 2004. С. 290–291). Холодный рационализм в отношении сталинского опыта СССР вообще был нередок для тех, кто выступал острым критиком сталинизма: за пределами критики они легко принимали язык «политики населения» — так, как это делал, например, классик западной советологии: «Массовые аресты, действительно, остаются в основном явлением политическим... Но когда масса людей уже была под арестом, их возможная эксплуатация представлялась экономически целесообразной. Не упуская из виду некую иррациональность сталинского террора, надо признать, что в решении влить труд заключенных в хозяйство страны нет ничего, противоречащего здравому смыслу» (*Конквест Роберт*. Большой террор. Firenze, 1974. С. 660).

есть продолжение войны, отличается от прежних рассуждений тем, что относится к власти в условиях её нормального функционирования, всегда и повсеместно, вовне и внутри каждого общества... Другими словами, война становится общей матрицей для всех властных отношений и методов господства независимо от того, сопряжены ли они с пролитием крови. Война обернулась *режимом биополитики*, то есть такой формой правления, которая нацелена как на обеспечение контроля над населением, так и на производство и воспроизводство всех сторон общественной жизни... Сегодня войне присуща тенденция к ещё большему распространению, к превращению в *устойчивую форму общественных отношений*. Некоторые нынешние авторы стараются выразить такое новшество, вывернув наизнанку формулу Клаузевица...: возможно, что война есть продолжение политики другими средствами, но и сама политика всё больше становится основным принципом организации общественной жизни, а политика — лишь одним из её инструментов или воплощений»¹⁶¹.

Начну описание практики «тотальной войны» — в том виде, как её методы были уже освоены к моменту Первой мировой войны и к периоду подготовки ко Второй мировой войне — с обширной цитаты из резюмирующего выступления современного исследователя, взявшего на себя труд представить историографические итоги изучения проблемы на материале, более всего, не российской и не советской истории, что придаёт этому резюме характер контекстуального очерка. Штиг Фёрстер недавно поделился с русской аудиторией основным содержанием своего исследования:

«С конца XVIII в. войны в возрастающей степени становились общенациональным делом. На военном и политическом уровне это способствовало возникновению идеи о мобилизации всех без исключения граждан на обширную войну. Для воплощения подобного рода идей на практике требовались достижения индустриализации, разворачивавшейся с середины XIX в. Однако даже в этом случае обширная мобилизация не стояла на повестке дня до тех пор, пока речь шла только о достижении ограниченных целей войны. Наблюдаемая тотализация целей войны стала результатом изменения образа врага в сознании граждан и их правительств. Исходящая от врага угроза стала представляться обществом и государством как основополагающая экзистенциальная опасность. Поэтому враг должен был быть навсегда уничтожен. В ходе последовавших затем многолетних ожесточённых войн, основанных на массовой мобилизации, люди привыкали к массовым убийствам. Благодаря этому опыту снизился порог скрупулёзного отбора всех средств, используемых для достижения победы... Понятие “тотальная

¹⁶¹ Там же. С. 59, 13, 32, 18, 25, 24.

война”, возникшее из опыта Первой мировой войны, в 20-е и 30-е гг. XX в., стало лозунгом и играло важную роль в многочисленных размышлениях по вопросу будущей войны... исходными пунктами тотальной войны Нового времени были Американская и Французская революции. Чтобы превзойти постоянные армии «старого порядка», революционеры изобрели “народную войну” и тем самым породили процесс, который имел чрезвычайные последствия. С появлением солдат-граждан у гражданского общества появился прямой интерес к войне. Народная война была возможна только при широкой поддержке общественности. Отсюда проистекала тенденция в определённый момент приобщать к военным действиям всё общество и всю нацию... Средства ведения тотальной войны появились только благодаря индустриализации: тогда появилась возможность формировать огромные добровольческие и сформированные на основе воинской повинности армии, перевозить их на фронт, обеспечивать оружием, обмундированием и продовольствием. К тому же, разумеется, это требовало значительных административных усилий. Тыл превратился в опору действующей армии... заманчиво было бы исследовать связь между тотальной войной и геноцидом (армян в Османской империи) или между тотальной войной и революцией (в России), поэтому спектр тем должен был быть ограничен. Исходя из этого... переломный момент наступил в 1916 г. После того как в ужасных битвах этого года командующие не смогли переломить патовую ситуацию, стали обдумываться новые возможности ведения военных действий. Результатом стала не только неограниченная подводная война и широкое использование новых видов оружия, но и серьёзная попытка полностью мобилизовать экономику и общество. Так называемая Программа Гинденбурга, мобилизационная политика Ллойд Джорджа и введение всеобщей воинской повинности в Великобритании придали войне новый оборот. Кроме того, в эти месяцы стало понятно, что все участвующие в конфликте государства были готовы бороться до самого конца... Нужно всегда иметь в виду, что само представление о “тотальной войне” стало развиваться только в 20–30-е гг. XX в.¹⁶².

Исследователь вычленил ряд характеристик тотальной войны¹⁶³: *тотальные цели войны, тотальные методы войны, тотальная мобилизация, тотальный контроль*. Он пишет:

¹⁶² Фёрстер Ш. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы / Сост. Ю. Хмелевская. М., 2005. С. 13–14, 16, 18.

¹⁶³ «По поводу понятия “тотальная война”: выражение впервые появилось во французской прессе в 1916 г. Тогда, несомненно, это было пропагандистским лозунгом, служащим полной мобилизации на войну всех французских ресурсов. Термин быстро сделал карьеру. Прежде всего, в 20-е годы он играл большую роль в международных дебатах о прошедшей войне и о войне будущего. Эти дебаты продолжились в 30-е гг. Во время Второй мировой войны понятие использовалось и как инструмент пропаганды, и как средство осмысления

«В течение столетий межгосударственные войны велись главным образом во имя ограниченных целей... В период Гражданской войны в США развитие событий приняло другое направление. Представители конфедерации боролись за ограниченные цели, т. к. они хотели достичь независимости. “Всё, о чём мы просим, чтобы нас оставили в покое” — провозгласил от их имени президент Джефферсон Дэвис. Но другая сторона в лице Авраама Линкольна ввиду возрастающей длительности войны формулировала цели Союза более радикально: “...характер войны изменится... Это будет покорение... Югу суждено быть разрушенным и замененным новыми суждениями и идеями”... Сходную тенденцию можно установить и во Франко-прусской войне. После того, как объявленная Леоном Гамбеттой “guerre a outrance” (война без границ) стала грозить немецким армиям значительными трудностями, Гельмут фон Мольтке потребовал полной оккупации и покорения вражеской страны. Испуганный кронпринц определил это как войну на порабощение, а Бисмарк отказался ему содействовать. В обоих случаях проявилась тенденция к тотальной войне, даже если тогда дело не дошло до полного покорения противника. Эта радикализация целей стала одним из признаков тотальной войны. Во время Первой мировой войны немецкие и французские цели войны подразумевали ликвидацию статуса противника как великой державы и даже раздробление государства-противника, т. к. каждая сторона определяла другую как основополагающую опасность для собственного существования. Брест-Литовский мирный договор и поведение французского руководства в конце войны показали, что при формулировании целей войны речь шла не только о риторических декларациях. В атмосфере Версаля носилось требование безоговорочной капитуляции, а немецкая делегация даже не была приглашена к столу переговоров. До закрепления тотальных целей войны в мирном договоре дело не дошло только благодаря успокаивающему влиянию англосаксонских держав. В период Второй мировой войны тотальные цели войны играли ещё более значимую роль. Самой радикальной из них был немецкий план уничтожения Советского Союза и порабощения и убийства населения захваченных областей (“Генеральный план Ост”)... Было бы наивно предполагать, что в прежние времена войны имели более человечный и более рыцарский характер. То, что это не так, отчётливо демонстрирует содержание Гаагской и Женевской конвенций, которые долж-

событий, произошедших между 1939 и 1945 гг. При этом понятие никогда точно не определялось и оставалось удивительно неясным. Чаще всего под ним подразумевалась прежде всего тотальная мобилизация (Людендорф, Геббельс, Черчилль). Впрочем, во время Второй мировой войны играло роль также представление о допустимости неограниченного применения отныне любых средств... Тотальная война современности как раз означает полный государственный контроль над экономикой и обществом во имя ведения войны» (Там же. С. 42–43).

ны были пресечь худшие перегибы. Однако обе мировые войны XX столетия показали, что эти конвенции в большей или меньшей степени нарушались воюющими государствами. Немецкое командование однозначно преступило международное право ведением неограниченной подводной войны. Это право было также нарушено применением химического и биологического оружия (японской стороной во время Второй мировой войны), ковровых бомбардировок и тактики “выжженной земли”. Этот ряд можно продолжить. Один из самых худших примеров — судьба военнопленных. В период Первой мировой войны, несмотря на частые злоупотребления, в обращении с военнопленными принятые международные правила в целом соблюдались. Правда, Нил Фергюссон недавно доказал, что военнопленных нередко убивали прямо за линией фронта. Во время Второй мировой войны, как известно, с миллионами военнопленных обращались ещё более бесчеловечно. Немецкие инстанции уничтожили значительное количество советских военнопленных, и в этом состязались с ними их японские союзники.

Другой важный аспект радикализации методов — война против действительных или мнимых партизан. Это началось при кровавом продвижении немецких солдат в 1914 г. в Бельгию и достигло своего пика в борьбе вермахта и СС “против партизан” в оккупированных советских областях... В ходе Гражданской войны в США военнопленные часто подвергались жестокому обращению. Однако массовая смертность в лагере военнопленных в Андерсонвилле была в большей степени печальным следствием небрежности и некомпетентности, чем результатом злых намерений. Случаи же убийства военнопленных прямо за линией фронта происходили, если в руки конфедератов попадали чёрные солдаты...

Тотальная мобилизация во время войны не является чем-то новым в истории человечества. Это практиковалось, кажется, уже в каменном веке и в эпоху переселения народов — по крайней мере, при вторжении германских племен на римскую территорию. Все же, чем сложнее и диверсифицированнее становилось базирующееся на разделении труда общество, тем сложнее становилось в случае войны мобилизовать значительный процент населения.... Однако в период революционных войн во Франции ситуация изменилась. Внезапно война, как заметил Карл Клаузевиц, снова стала делом народа, одного народа в 30 млн человек, которые стали определяться как граждане государства. Правда, воодушевления масс было явно не достаточно: уже в июле 1793 г. якобинцы ввели воинскую повинность для мужчин от 18 до 25 лет. Все остальные гражданки и граждане со своей стороны были призваны содействовать военным усилиям... Таким образом, родилась идея тотальной мобилизации государства и общества на военные цели... В относительно высокоразвитых обществах наряду с политикой тотальной

мобилизации одной из главных целей становилось достижение тотального контроля. Необходимо было не только преодолеть возможное сопротивление мобилизации, но и добиться её эффективной организации. Кроме того, нельзя было просто полагаться на воодушевление граждан, нужно было подкреплять его с помощью пропаганды»¹⁶⁴.

Начало Первой мировой войны, отмеченное во всех её странах-участницах взрывом патриотической пропаганды и появлением многочисленных историсофских конструкций об особом цивилизационном признании каждой из воюющих стран, поставило в центр общественных дискуссий проблему военной консолидации обществ и, вероятно, впервые в новой европейской истории — подчинения интеллектуальной повестки дня задачам внешней безопасности государства и, главное, военной миссии государства. В войну русское общество вошло в консенсусе разнообразно толкуемой и потому всепроникающей **мобилизации**¹⁶⁵. Из этого консенсуса не было идейно-политического выхода, который посмел бы отрицать опыт мобилизации и связанных с ней общественно-экономических институтов. Даже поражение и развал государства, прямое введение массовых либеральных, демократических, социалистических прав и свобод, — не уничтожали острого понимания того, что нет государственных институтов, способных гарантировать эти права и свободы, что речь отныне идёт о чрезвычайных мерах к национальному выживанию.

Поэтому когда русский философ, либерально-консервативный политик и активный противник большевизма Е. Н. Трубецкой в 1919 году признавался, что «из милитаризма рождается большевизм», — он вряд ли фокусировал своё трагическое внимание только лишь на России. Несомненно, в поле его зрения находился весь её исторический контекст. Поэтому и ярчайшие деятели русской либеральной антибольшевистской эмиграции буквально на ещё остывающем пепелище страны обменивались вполне рациональными предсказаниями: В. А. Маклаков писал Б. А. Бахметеву в августе 1921 года: «Производство и использование всех богатств, как природных, так и культурных, использование их в высшей мере — вот задача, которая поставлена

¹⁶⁴ Там же. С. 19–23, 25.

¹⁶⁵ См. например, как в русской политической литературе термин, описывающий частную концентрацию чего-либо (*Вольский А.* Мобилизация революции и мобилизация реакции // Текущий момент. Сб. М., 1906; *Святловский В. В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911), в русской праволиберальной среде превращается в синоним «единения»: *Шаховской Д. И.* Мобилизация хозяйства: О создании всенародной организации помощи и мобилизации мирной промышленности // Речь. 1914. № 32 (июль) (об этом также: *Кузьмина И., Лубков А.* Князь Шаховской: путь русского либерала. М., 2008. С. 361; *Финн-Енотаевский А.* Финансовая мобилизация // Современный мир. 1914. № 9. *Франк С.* Мобилизация мысли в Германии // Русская Мысль. 1916. Кн. 9. 3 отд. С. 21; *Бердяев Н.* Мобилизация интересов // Русская Свобода. № 12–13 [июль 1917].

мировыми событиями, войной, большевизмом и которая связана с нашим прошлым. Не воля царя или правящего меньшинства толкнёт Россию туда или сюда, а стоящая перед ней задача в масштабе мирового соперничества. Либо сама Россия... эту задачу разрешит, и тогда тот, кто её разрешит, и будет хозяином России, или сама Россия её не разрешит, и тогда... Россия не выдержит мирового соперничества и будет захвачена... перестанет быть самостоятельной единицей, ибо в мировом соперничестве она, хотя и на время, погибнет»¹⁶⁶. Таково было общее убеждение о специфике исторического времени и его инструментарии.

Какими бы футурологическими эмоциями ни сопровождались апокалиптические прогнозы в России и рядом с Россией, рациональным «моментом сборки» для всех выше перечисленных факторов — на практике служил личный и общественный опыт ленинско-сталинского поколения руководителей и теоретиков большевизма в Российской империи, Советской России и СССР, явленный им в непосредственном переживании исторических традиций, событий, прогнозов, языке их описания и некотором минимуме их интерпретаций. В нём сходились интеллектуально-идеологически близкие большевикам регистраторы событий в средствах массовой информации, прикладной политической и специальной теоретической литературе, — огромном массиве социалистической мысли XIX — начала XX в. и ещё большем массиве новостей, концентрировавшихся вокруг исторической повестки дня. Ввиду этих событий мысль искала и находила всепобеждающий, инерционный, целостный смысл связывающей их логической закономерности. Для рубежа веков особенно точным следует признать современное им принципиальное наблюдение равно авторитетного для буржуа и для революционеров экономиста-социолога Джона Гобсона: «Наука становится всё более и более исторической в следующем смысле: она всё более стремится показать, что законы и принципы, устанавливаемые ею, не только вытекают из наблюдения явлений, но и объясняют всю совокупность явлений, входящих в данную научную область. Точно так же и история становится всё более научной: события передаются в таком порядке, чтобы ясно выступали наружу законы и идеи, руководящие этими событиями, составляющими одно только внешнее проявление этих законов»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т. Т. 1 / Публ. О. В. Будницкого. М., 2001. Ср.: «История старой России состояла в том, что её непрерывно били за отсталость... Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...» (И. В. Сталин, февраль 1930).

¹⁶⁷ Гобсон Дж. Эволюция современного капитализма [1894]. М., 2010. С. 1.

Русский военный историк и практикующий военный эксперт 1920–1930-х А. А. Керсновский (1907–1944) в своей «Философии войны» точно выявил эволюцию классической немецкой военной мысли об «интегральной войне» в утверждение войны «тотальной». В современном понимании военного потенциала стран он акцентировал внимание на том, что это «не показатель суммы всех боевых средств и возможностей государства..., а показатель “интенсивности” этих средств — точное, показатель полезного напряжения сил данной страны», произведение суммы «абсолютных возможностей» страны (масса населения, сырьё, география) на сумму «относительных возможностей» («утилизация абсолютных возможностей»): системы комплектования вооружённых сил, степени развития обрабатывающей промышленности, сети путей сообщения. Например, именно в силу этой логики в Первую мировую войну, «уступая России количеством населения в 4 и 3 раза, Франция и Германия оказались в военном отношении во много раз более сильными, нежели Россия, имевшая огромные «абсолютные» и ничтожные “относительные” возможности». Керсновский заметно раньше антисталинских критиков определил СССР в ряду «варварских “тоталитарных государств”...», но военные корни тоталитарности законно нашёл, вслед за современной ему немецкой мыслью¹⁶⁸, в общей для современности теории «интегральной войны» Клаузевица, которая в современных условиях стала «стратегией на уничтожение», «битвой на уничтожение» (*Vernichtungsschlacht*). Именно «интегральная война» позволяла конкурировать в описанной логике с превосходящим противником и его «стратегией на уничтожение», компенсируя естественную слабость национальной обороны: «Военизация страны есть приспособление её к нуждам войны — переключение всей её жизни на военное положение... Военный потенциал есть производная степень военизации страны». В специальной главе «Философии войны» «Фронт и тыл» Керсновский определил и главное содержание современной военной и государственной тотальности, служащее главным объектом и мобилизации, и уничтожения: «Основной задачей промышленной мобилизации — помимо переключения тяжёлой промышленности на нужды фронта — должен быть учёт и подготовка кадров и рабочих рук...»¹⁶⁹. Видимо, только идейные соображения помешали ему прямо назвать обращение своих граждан в массовое военное рабство и массовое физическое и экономическое уничтожение граждан противника центральным ресурсом «интегральной войны».

¹⁶⁸ См.: *Franz Gunther (Hrsg.). Die Vernichtungsschlacht in kriegsgeschichtlichen Beispielen.* Berlin, 1928; J.L. Wallach. *Das Dogma der Vernichtungsschlacht. Die Lehren von Clausewitz und Schlieffen und ihre Wirkung in zwei Weltkriegen.* Frankfurt a.M., 1967.

¹⁶⁹ *Керсновский А. А. Философия войны [1932].* М., 2010. С. 121–123, 132, 126. Ср.: *Свечин А. Интегральное понимание военного искусства [1926] // Постигание военного искусства. Идейное наследие А. Свечина.* М., 1999.

И если, по завету Клаузевица, «целью войны всегда должно было быть сокрушение противника», то это сокрушение (и защита от него) должны быть столь же тотальными, сколь тотальной должна быть война: «Война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не чем-то самостоятельным... война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств. Мы говорим: при вмешательстве иных средств, чтобы вместе с тем подчеркнуть, что эти политические отношения самой войной не прекращаются, не преобразуются в нечто совершенно другое, но по существу продолжают, какую бы форму ни принимали средства, которыми они пользуются, и что главные линии, по которым развиваются и связываются военные события, начертаны политикой, влияющей на войну вплоть до мира... Когда политика становится более грандиозной и мощной, то таковой же становится и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что война приобретет свой абсолютный облик... Мы исходим из того, что политика объединяет в себе и согласовывает все интересы как внутреннего управления, так и гуманности и всего остального»¹⁷⁰.

Вдохновляясь высокой оценкой Лениным наследия Клаузевица, официальная советская военная мысль, не колеблясь, включала это наследие в фундамент интеллектуальной подготовки к новой войне. Говоря о войне как о «продолжении политики другими средствами», Ленин использовал формулу Клаузевица о том, что «война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств», и несомненно был вполне готов воспринимать все иные, кроме военных, средства государственной политики, саму полноту национальных ресурсов — как инструменты войны¹⁷¹. Именно об этом говорил Клаузевиц, широко пропагандируемый в советской военной среде: «Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала, во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что, впрочем, можно было бы знать и заранее), и во-вторых, что вероятность конечного успеха не во всех случаях уменьшается в соответствии с числом проигранных сражений и потерянных столиц и провинций»¹⁷². В теории Клаузевица для советских стратегов содержалось и без того уже воспринятое ими указание в области геостратегического планирования: для сокрушения врага (каковым для германской и западной мысли традиционно выступала Россия) рекомендовалось: «Первое: сводить всю тяжесть неприятельского могущества к возможно меньшему числу центров

¹⁷⁰ К. фон Клаузевиц. О войне. М., 1934. С. 536, 548–551.

¹⁷¹ «Серьезно относиться к обороне страны, это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является отступление в глубь страны» (Ленин В. И. «О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности»).

¹⁷² К. фон Клаузевиц. О войне. С. 150.

тяжести... Словом, первый принцип — в возможной степени сосредоточивать действие»¹⁷³. Соответствующим этому и должно было быть противоядие — умножение физических центров тяжести государственного могущества. Клаузевиц указывал, что «обезоружить государство» значит «лишить его возможности оказывать сопротивление», то есть в равной степени нейтрализовать как факторы вооруженные силы (уничтожить), территорию (оккупировать), волю к сопротивлению (подавить), — и одновременно не заплатить слишком высокую цену за такую победу. В применении к современной «войне ресурсов» это означало — ради рекомендуемого Клаузевицем причинения максимального ущерба врагу¹⁷⁴ — именно «войну против ресурсов», тыла, экономики, инфраструктуры и населения вражеской страны.

Тотализация войны, уравнивание фронта и тыла, и даже её превращение в «войну на уничтожение», то есть приоритетное уничтожение тыла как основы военно-стратегического потенциала, стали долгосрочным следствием тотализации «индустриальной современности», на пути к «глобальности» технологически и колониально подчинившей себе весь мир, следствием тотальных претензий индустриализма. Несмотря на риторические и реликтовые апелляции к материальной и политической свободе, частной собственности и правам человека, **тотальность современности**, индустриальной культуры и экономики, технологически всё более способной подчинить себе все сферы деятельности человека, а человеческие массы — масштабной **биополитике**, непосредственно превращалась в **тотальный милитаризм**, в войне 1914 года дебютировавший уже как военно-экономическое и информационно-политическое единство, а это единство уже служило естественной основой для **мобилизационного и идеократического тоталитаризма**. Как верно отметил современник-исследователь Карл Поланьи (1886–1964), именно «однотипность основных институциональных структур обусловила тот замечательный факт, что масштабные процессы, охватившие за полвека (1879–1929) громадные пространства земного шара, характеризовались, если брать их общую схему, поразительным

¹⁷³ Там же. С. 562.

¹⁷⁴ «Имеются еще 3 своеобразных пути, непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый — это занятие неприятельской территории, но не для удержания ее за собой, а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокрушение вооруженных сил противника, а нанесение ему как врагу вообще убытков. Второй путь будет заключаться в том, чтобы дать нашим операциям целеустановку преимущественно на увеличение убытков неприятеля. ...Третий путь — изнурения врага — по количеству обнимаемых им случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем постепенно наступающее, благодаря продолжительности действия, истощение физических сил и воли противника».

внутренним сходством. Все западные страны, независимо от национального характера, шли по одному пути... Мировая торговля означала теперь, что организацию жизни на нашей планете всецело определяет механизм саморегулирующегося рынка, охватывающего труд, землю и деньги... Державы, оказавшиеся всё более зависимыми от всё более шаткой системы мировой системы мировой экономики, тяготели к империализму и полусознательно готовились к автаркии... Протекционизм способствовал превращению конкурентных рынков в рынки монопольные. Всё в меньшей степени рынки представляли собой автономные и автоматические механизмы, состоящие из конкурирующих атомов, всё в большей степени на смену индивидам приходили ассоциации — люди и капиталы, объединённые в неконкурирующие группы... О каком бы рынке ни шла речь — о рынке земли, труда и денег, — напряжение выходило за пределы экономической сферы, и равновесие нужно было восстанавливать политическими средствами... Основным толчком к трансформации послужил крах рыночной утопии»¹⁷⁵. Этот крах нашёл своё институциональное выражение в установлении политического единства рынков труда и капитала, подчинённого задачам экспансии безопасности и непосредственной подготовке к «индустриальной войне». Среди главных черт европейского опыта государственного строительства, прошедшего в условиях перманентной подготовки к войне, отмечает Чарльз Тили, был непрерывный поиск баланса между эффективностью и центрами концентрации «принуждения» и «капитала». В этом опыте именно институциональное совпадение «центра принуждения» и «центра капитала», то есть сращивание военно-политической монополии с монополией финансово-экономической, «облегчало создание массовых вооружённых сил»¹⁷⁶.

В целом говоря, именно **индустриальная современность XIX–XX** веков, воспитавшая и консолидировавшая идеологии национализма, протекционизма, милитаризма, этатизма и одновременно социальной инженерии дарвинизма и позитивизма, создала основу и предопределила политический, принудительный по отношению к обществу и экономике, пафос тотальной мобилизации, крайними (и только лишь крайними перед лицом этого исторического консенсуса) проявлениями которой стала практика тоталитарных диктатур XX века. Современный социолог Энтони Гидденс верно обнаруживает и неосознанность этого консенсуса, и одновремен-

¹⁷⁵ *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [1944]. СПб., 2002. С. 228, 238, 239.

¹⁷⁶ *Тили Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 [1992]. М., 2009. С. 282, 318, 233. Об исследовании Ч. Тили связи мобилизации и революции, государственной мобилизации на фоне экономической и общей социальной мобилизации см.: *Епархина О. В.* Социальная революция в фокусе исторической социологии. Ярославль, 2011.

ного его историческую предопределённость: «Произвол в использовании политической власти представлялся основателям социологии [в XIX веке] прежде всего атрибутом прошлого. “Деспотизм”, казалось, был характерен лишь для государств, предшествовавших эпохе современности. Рассматривая результаты распространения фашизма, Холокоста, сталинизма и других эпизодов истории XX века, мы видим, что возможности для тоталитарного варианта развития событий *предполагаются* институциональными параметрами современности, а не *исключаются* ими (здесь в обоих случаях курсив мой. — М. К.) ... Тоталитарное правление объединяет политическую, военную и идеологическую власть в более концентрированной форме, чем это было возможно до появления современных национальных государств»¹⁷⁷.

Ведь как раз опыт англо-бурской войны 1899–1902 гг., частный опыт «цивилизованного» насилия, открывший для интернационального исторического опыта такие методы военно-государственного «умиротворения», как концентрационные лагеря и тактику «выжженной земли», всё то, что упомянутый только что Э. Гидденс называет «индустриализацией войны», вдохновил классика экономической социологии, равно «великого» и для «буржуазной науки», и для марксизма и большевизма первой половины XX века, Джона Гобсона на создание перевернувшего социально-историческое знание труда «Империализм» (1902), в котором детальней и профессиональней, глубже и точнее исследовал то, что так ещё архаично, риторично нащупывал Э. Э. Ухтомский, описывая, в первую очередь, британский опыт тотально-истребительного колониализма и империализма. Дж. Гобсон подробно исследовал системы и практики принудительного труда, организованного в колониях в интересах метрополий в XIX — начале XX в. и резюмировал предпосылки капиталистической мобилизации труда как неотъемлемой части капиталистической индустриализации и колониального освоения природных ресурсов. Очевидно, что выбор обезземеленного крестьянства в качестве главного поставщика кадров принудительного труда уже был сделан, в соответствии, кстати, с марксистской догмой о механизме первоначального накопления: «Земля — это наиболее важный момент для уяснения сущности “принудительного труда”. В известном смысле всякая работа “принудительна” или “несвободна” там, где “пролетариату” не предоставлена возможность получать средства существования от обработки земли. Это нормальное состояние огромного большинства людей, живущих в Великобритании и во многих других странах, населённых белыми. Для рассматриваемого нами “принудительного труда” характерно не это, а установление белой правящей расой легальных мер, специально направленных к тому,

¹⁷⁷ Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 119–120.

чтобы заставить отдельных туземцев покинуть ту землю, на которой они живут и которая даёт им средства к существованию, к тому, чтобы принудить их работать у белых и исключительно в интересах белых. Когда конфискуются земли, первоначально занятые туземцами, или когда они другим путём переходят в руки белых собственников, создание трудового фонда из обездоленных туземцев обыкновенно является вторичной целью этих мер. Но «принуждение» становится уже целой системой, когда правительство принимает насильственные меры с целью «побуждения» к труду»¹⁷⁸. Лишённый земли в метрополии, труд здесь путём уже рыночного принуждения мобилизовывался для интенсивной индустриализации и войны, а в колониях, оторванный от традиционного образа жизни и хозяйствования, труд путём прямого принуждения мобилизовывался для экстенсивной эксплуатации природных ресурсов. Но в любом случае — даже рыночный способ мобилизации труда не исключал использования самых грубых, традиционных форм принуждения, самой массовой из которых становилось военно-политическое принуждение к обязательному труду в период новых, «индустриальных» войн.

5. Мобилизация и принудительный труд

Индустриальный и монополистический капитализм к началу XX века снял все препятствия к мобилизации рабочей силы, капитала и экономических ресурсов в интересах централизованного государства, независимо от формы правления и идеологических санкций. Вернее — любая преобладающая идеологическая санкция в применении к государственному управлению питалась пафосом мобилизации, будь то либеральный колониализм, индустриальный национализм, национальное возрождение, милитаризм или социалистическая борьба пролетариата. Как отмечает современный мыслитель, прославившийся способностью к описанию наиболее общих и масштабных закономерностей цивилизационного развития, «право законодательно устанавливать способы контроля над рабочей силой ни при каких обстоятельствах не было просто теоретическим. Государства регулярно использовали это право, часто радикально меняя существующие формы. При историческом капитализме государства законодательно способствовали товаризации рабочей силы путём отмены различных связанных с обычаем ограничений перемещения рабочих из одной сферы занятости в другую...

¹⁷⁸ Гобсон Дж. Империализм [1902]. М., 2010. С. 197–221, 210–211.

Государства контролировали производственные отношения. Сначала они легализовывали, а позднее запрещали отдельные формы принудительного труда (рабство, принудительные общественные работы, контракт и т. д.) ... Они законодательно определяли рамки географической мобильности рабочей силы... все эти государственные решения принимались с учётом непосредственных экономических последствий для накопления капитала... Это означало, что государство важно как контролёр определённых ресурсов, поскольку ресурсы не только позволяли государству содействовать накоплению капитала, но и распределялись им и таким образом прямо или косвенно включались в дальнейшее накопление капитала... существует много способов, с помощью которых государство функционирует в качестве механизма максимального накопления капитала... Вторжение накопителей капитала, а следовательно, и государственных машин в повседневную жизнь трудящихся было гораздо более интенсивным, чем в предыдущих исторических системах. Бесконечное накопление капитала постоянно требовало реструктуризации организации (и местонахождения) рабочей силы, увеличения объёма абсолютной рабочей силы и осуществления психосоциальной перестройки рабочей силы»¹⁷⁹.

Другой, кроме Дж. Гобсона, великий экономист, равно признававшийся авторитетным и буржуа, и марксистами, свой очевидный вклад в марксистскую теорию капитала, предвосхитивший анализы спекулятивно-инвестиционной экономики, сделал именно в описании новых, тотализирующих тенденций в развитии капитализма, воспринятых из его уст В. И. Лениным, в качестве одного из признаков «высшей стадии капитализма». Речь идёт о «Финансовом капитале» Р. Гильфердинга (1871–1941). Это провидческое исследование также проливает особый свет на механизмы мировой капиталистической мобилизации, в условиях которых пришлось расти и самоопределяться мобилизации сталинской. Целый Отдел второй своей книги — «Мобилизация капитала. Фиктивный капитал» (т. е. спекулятивный капитал, финансовые рынки и портфельные инвестиции) — Гильфердинг посвятил тотальному характеру рынка капитализации, инвестиционного капитала, мобилизации и отчуждению акционерной собственности как условию инвестиций и биржевых спекуляций, производимая которыми оценка собственности на деле свободна от отражения её реальной, а не спекулятивной стоимости, — и становится либо инструментом развития, привлечения дополнительного, не всегда обеспеченного реальными активами капитала, либо инструментом злоупотребления и частных манипуляций, либо инструментом манипуляций масштабных, общенациональных. Инс-

¹⁷⁹ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008. С. 101, 102, 104, 112.

трументальным центром, механизм такой тотальной манипуляции становится банковская система, где «функция банка — осуществление мобилизации капитала — возникает из того, что в его распоряжении — все деньги общества»¹⁸⁰. Здесь термин «мобилизация» предметно возвращается к своему семантическому истоку, к смыслу придания подвижности, оперативному переносу чего-либо. Для модельной управленческой практики того времени, для исторического опыта это означает создание практически не ограниченных в рамках рынка (национального или международного, — зависит от исторических условий) возможностей для аккумуляции и почти произвольного увеличения финансовых средств, находящихся в распоряжении центра принятий решений, будь то олигархия, капиталистическое государство — или социалистическая диктатура, использующая рыночные финансовые инструменты. «Внутренняя закономерность капитализма, его потребность все стоимости, имеющиеся в обществе, отдать в качестве капитала на службу класса капиталистов и доставить каждой части капитала равный доход, приводит к мобилизации капитала, а вместе с тем к оценке его просто как капитала, приносящего проценты; в то же время, с другой стороны, биржа исполняет такую функцию, что она делает возможным эту мобилизацию, так как создаёт место для перенесения капитала и механизм этого перенесения. Мобилизация капитала в возрастающей мере превращает капиталистическую собственность в свидетельство на доход и таким образом делает капиталистический процесс производства всё более независимым от движения производства, не оказывая на него никакого влияния. Движение собственности приобретает теперь самостоятельный характер и уже не определяется производственными процессами... мобилизование является одновременно и расширением сферы того капитала, который может быть ассоциирован...»¹⁸¹.

Так, не только по мнению Гильфердинга или Ленина, но и по мнению большинства правивших представителей их поколения, становился возможным одномоментный переход к финансовой диктатуре, идейную окраску или степень тотальных претензий которой вольны были определять те, кто решал задачи предвоенной мобилизации — будь то британская демократия или большевики.

¹⁸⁰ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма [1910]. М., 2011. С. 138. В описанных условиях «отдельное лицо имеет право только на выручку: собственность, которая некогда знаменовала фактическое, неограниченное распоряжение средствами производства, а следовательно, и такое же руководство производством, теперь превратилась в простой титул дохода: у отдельного лица отнято право располагать производством. С экономической же точки зрения мобилизация сводится к тому, что капиталист получает возможность во всякое время извлечь свой вложенный капитал в денежной форме и перенести его в другие сферы» (С. 153).

¹⁸¹ Там же. С. 155, 211.

Именно сложившаяся в XIX веке многоуровневая индустриальная «мобилизация» (как ускорение концентрации) коммуникационно-экономической и финансовой инфраструктуры, населения как живой силы армии и трудовых ресурсов промышленности и сделала возможной тотальную (общества в целом) мобилизацию периода Первой мировой войны, к началу 1920-х гг. увенчалась мобилизацией и производства, и распределения. Мобилизационное единство производства и распределения (в соединении с прогрессирующим демографическим опустошением европейского сельского хозяйства) и стало фактическим фундаментом не только государственного капитализма в Европе, социализованного «нового курса» президента Рузвельта в США 1930-х годов, но и разных форм европейских диктатур и социализма в СССР. Ещё один авторитетный и для «буржуазной» науки, и для социалистов, и для большевиков, немецкий экономист и социолог Вернер Зомбарт (1863–1941) писал в это время: «То, что мы наблюдаем, представляет собой процесс преобразования в нормативно-регулируемую хозяйственную жизнь, которая до сих пор складывалась преимущественно натуралистично — по основным положениям либерализма: этот процесс уже совершается в течение нескольких поколений и в последнее время был лишь несколько ускорен. Это внедрение, как можно тоже выразиться, системы хозяйственного управления в систему свободных хозяйственных отношений называют в новейшее время социализацией. Но взгляд на события в европейской экономической политике последнего поколения учит, что выражение это — ново, но явление — старо. Понятие “социализация” имеет следующее содержание: в общем, это слово... означает движение в направлении к народному хозяйству, которое планомерно ведётся и контролируется в интересах всего народа. Социализация может иметь следующие степени: 1) Полная социализация, т. е. нормализация, рационализация всей хозяйственной жизни данного народа; полное как интенсивное, так и экстенсивное плановое устройство хозяйства. 2) Социализация целиком, т. е. полная социализация одной хозяйственной отрасли (хозяйственной области), интенсивная по частям полная социализация. 3) Частичная социализация, т. е. как интенсивная, так и экстенсивная неполная социализация хозяйственной жизни... Нам следует искать явлений социализации не только в области производства, как это обычно делают, но также в области потребления и распределения. Соответственно этому мы различаем: 1) Социализацию *потребления*, т. е. всякий общественный надзор над продающимся товаром... 2) Социализацию *распределения*, т. е. распоряжение уже созданными благами по “плану”: распределение жилищ, рационализация получения товаров, таксы на цены, налоги с социалистическими целями; огосударствление горного дела, принудительное государственное страхование и т. п. 3) Социализацию *производ-*

ства, которая несёт двоякий смысл: речь идёт или только о регулировании или воздействии на оставшиеся в основе предпринимательскими частные хозяйства... Или же вопрос касается исключения предпринимательского хозяйства, следовательно, замена или восполнение частнохозяйственной организации другим каким-либо общественно-окрашенным порядком»¹⁸². Русский историк и социальный мыслитель Г. П. Федотов в эмиграции писал: «Марксизм в России развил особый пафос техники, свойственный крупнокапиталистическому миру... Чуткость большевиков (впрочем, связанная с их доктриной) сказалась в обострённом внимании к проблемам техники и индустрии. Разрушители русской промышленности, они мечтают продолжать дело Витте, окарикатуривав его до сталинской пятилетки... Россия может и должна перерабатывать своё сырьё. Россия может добиться экономической независимости от Запада. По природе, по географическому размаху России, она призвана стать независимым хозяйственным миром. Экономическая автаркия, которая является вредной утопией для мелких государств, для России вполне достижима. Америка — хозяйственный организм, наиболее близкий России, несмотря на полярную разницу хозяйственной психологии». И далее: «Начало рационализации, т. е. расчётливого, планового построения хозяйства, свойственно капитализму с его зарождения. Зомбарт усматривал в рационализме саму душу этой экономической системы... На рынках, как национальных, так и международных, господствовала стихия конкуренции. Однако вот уже несколько десятилетий, как принцип *laissez faire* сделался экономически невозможным, и капитализм стал на путь организации. Мощное движение трестирования и картелирования, охватившее ведущие страны (Америку и Германию), указывает на новые экономические тенденции. В настоящее время наивным анахронизмом было бы отождествление капитализма с режимом личного хозяйства, построенного на свободе. Личное начало торжествует ещё в немногих организаторах, “королях” или “капитанах” индустрии: для большинства предпринимателей свобода хозяйствования в значительной мере уже утрачена. Всё растущая зависимость индустрии от финансового капитала (банков) превращает её уже окончательно в безличный объект действия посторонних и равнодушных к её целям денежных — зачастую тоже безличных — сил. Но это спонтанное движение к самоорганизации капитализма, не завершённое, лишь обостряет экономические конфликты — уже не между отдельными предпринимателями, а между могущественными корпорациями. Быстрое сужение и исчезновение некапиталистических рынков (колоний) делает борьбу гигантов ожесточённой — и безнадёжной. Капитализм стоит перед

¹⁸² Зомбарт В. Строй хозяйственной жизни [1925] // Вернер Зомбарт. Избранные работы. М., 2005. С. 134–135.

задачей — не доктринёрски, а жизненно поставленной в его собственных недрах — задачей завершения организационного процесса»¹⁸³.

При такой одновременной социализации и тотализации стало возможным и превращение государства в главного оператора экономической и социальной жизни, чья главная функция — перераспределение ресурсов в масштабах всего общества — ничем принципиально не отличалась от диктаторской. Марксово техническое понимание «перераспределения прибавочной стоимости» в процессе производства уступило место «перераспределению» (редистрибуция) в масштабах государства в том смысле, что придал ему Карл Поланьи¹⁸⁴.

Автор одной из чёрно-белых схем о доминирующем этатистски-репрессивном развитии России¹⁸⁵ в рамках «московско-православно-советской цивилизации», противостоящей западнически-либеральной «персоналистско-рыночно-киевской» альтернативе, даже предельно схематизируя (и почему-то отказываясь от термина «перераспределение»), корректно заключает, что «редистрибуция не только предполагает, но требует репрессии по самой природе редистрибутивных отношений» не может не видеть широкого (западного) исторического контекста для генезиса сталинизма: «Классические капиталистические общества первого эшелона модернизации (т. е. в Западной Европе. — М. К.) или диктатуры развития, возникающие в XX веке, в разной стилистике решали одни и те же задачи — разрушения традиционной культуры, перехода общества от экстенсивной к интенсивной стратегии исторического бытия... В этом отношении коллективизация, раскулачивание, Голодомор, “Указ о колосках”, уголовное наказание за опоздание на работу стоят в одном ряду с практикой огораживания, законами против бродяжничества, смертной казнью за проникновение в цех с целью сломать станок или виселицей за карманную кражу на сумму свыше 5 шиллингов. (...) Традиционное общество достаточно репрессивно на про-

¹⁸³ Федотов Г. П. Проблемы будущей России [1931] // Г. П. Федотов. Собрание сочинений в 12 тт.: Т. 5. И есть и будет. М., 2011. С. 141–142; Федотов Г. П. Что такое социализм? [1932] // Там же. С. 227.

¹⁸⁴ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс [1957] // Карл Поланьи. Избранные работы. М., 2010. С. 56, 63 («Перераспределение (redistribution) представляет акты стягивания товаров центром с их последующим перемещением из центра. Под обменом (exchange) подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы... Перераспределение — основной принцип отношений в родовой общине и древнем обществе, по сравнению с которым обмен играет лишь второстепенную роль, — приобрело огромное влияние в поздней Римской империи и постепенно набирает силу сегодня в некоторых индустриальных государствах (крайний случай — Советский Союз)»).

¹⁸⁵ И в этом, видимо, — равно последователь позднесоветского марксиста Е. Н. Старикова (Стариков Е. Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней [1990]. Новосибирск, 1996) и антисоветского русского националиста

тяжении всей своей истории. Но закат традиционного мира сопровождается резким, часто чудовищным ростом уровня насилия». Вместе с тем даже с точки зрения этого противника «московско-православно-советской цивилизации» — «репрессивная культура / локальная цивилизация возникает в рамках процессов самоорганизации и утверждается, в частности, потому, что является эффективной»¹⁸⁶.

* * *

Итак, биополитика и тотальная мобилизация капиталистической индустриализации, войны, революции и Гражданской войны в России и Германии (или даже «европейской гражданской войны» в её узком понимании — до середины 1920-х гг.¹⁸⁷) — в России превратились в военный коммунизм Ленина и массовую трудовую повинность. Тотальная мобилизация как акт подготовки ко Второй мировой войне — стала гипериндустриализацией Сталина, для чего коммунистической власти в СССР и понадобилось «первоначальное накопление» за счёт крестьянства, ограниченное рамками национальной экономики («социалистическое»). Сталинское «социалистическое народное хозяйство», институционально следующее образцам реальной экономики Германии, Франции, Англии, США, выступало, однако, не в качестве былого внешнеполитического конкурента для мировых держав, как Российская империя, а в качестве того — подобного Африке и Востоку — потенциально колониального рынка сбыта, труда и ресурсов, за обладание которым между мировыми державами шла борьба. В этом контексте произнесённое Лениным в одном из его предсмертных «политических завещаний» 1923 года («Лучше меньше, да лучше») признание Советской России частью революционирующегося Востока — было признанием себя, в первую очередь, обороняющимся объектом этой мировой колониальной конкуренции. Для гипериндустриализации и нужен был Сталину массовый принудительный труд колхозного, то есть вновь закрепощённого, крестьянства, который только так и аккумулировал (исторически чрезвычайно быстро мобилизовывал) внутренний капитал и трудовые ресурсы. А необходимость в стратегически неуязвимой для внешних угроз индустриализации потребовала, как это уже однозначно выяснила ещё имперская государственно-экономическая мысль России, повторного освоения природных ресурсов Евро-

¹⁸⁶ Яковенко И. Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 28–31, 61.

¹⁸⁷ См., например, об этом: Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения».

пейского Севера, Урала и освоения ресурсов Сибири и Дальнего Востока, создания «второго индустриального центра» — перед лицом традиционно уязвимого с Запада исторического ресурсно-индустриального центра в Ленинграде, Москве, на Украине. Это вновь поставило вопрос о её колонизации, но на этот раз уже не *сельскохозяйственной*, как в XIX — начале XX в., а *индустриальной*. Именно необходимость индустриальной колонизации Севера, Сибири и Дальнего Востока и поставила задачу мобилизации принудительного труда (ГУЛАГа, массовой ссылки), без которой тотальная мобилизация становилась нерациональной, ибо не решала вопроса о стратегической глубине тыла и его экономической устойчивости. Рыночных, рентабельных способов с нуля обеспечить постоянными трудовыми ресурсами «второй индустриальный центр», до 90% территории которого приходится на районы, по природным условиям приравненные к районам Крайнего Севера, не было, нет и до сих пор быть не может¹⁸⁸.

Тотальная мобилизация позволила СССР победить в тотальной войне, сохранить государственность, спасти народы СССР от биологически необратимого геноцида, приобрести вокруг своих границ зону влияния и безопасности, которая, однако, за исключением репараций (в том числе репараций трудом), фактически не дала никакой прибыли советской «метрополии». Здесь труд военнопленных и ряд технологических, производственных и ресурсных продуктов, особенно для советского атомного проекта, пожалуй, стали единственным «колониальным товаром» СССР. Очень быстро оказалось, что этот «товарный труд» не имеет особенного преимущества. Как только послевоенное восстановление народного хозяйства пошло к концу, тотальная мобилизация изменила свои правила (правила индустриального XIX века), в которых накопление ресурсов уже в принципе могло обойтись без массового принудительного труда, а его мобилизация носила избыточный характер. Пройдя нулевой цикл освоения природных ресурсов востока СССР, государство получило иные, полурыночные механизмы мобилизации труда, и уже в 1950-е годы успешно продемонстрировало это на «подъёме целины» в Казахстане, — в создании ещё одного центра аграрного производства в непосредственной близости от уже действующего «второго индустриального центра» на юге Западной Сибири и на севере Казахской ССР, а в 1960–1970-е — в создании нового

¹⁸⁸ Либеральный современный заместитель министра экономического развития и торговли России Кирилл Андросов вполне лояльно свидетельствует принципиальную нерыночность деятельности в этих природных условиях: в отличие от современных рыночных частно-государственных инвестиционных инфраструктурных проектов в Сибири, — сталинские проекты здесь имели «кардинальное отличие... у них была другая логика: прежде всего обеспечение индустриальной базы и обороноспособности страны» (*Ивантер А. Открытая панель // Эксперт. 2007. № 21. С. 62*).

нефтегазового центра страны в Западной Сибири, который кормит Россию до сих пор.

Экономическая, политическая и общественная мобилизация как общеевропейская современность — индустриальная и милитаристская эпоха конца XIX — первой половины XX в. — **в лице сталинизма имеет своё наивысшее утверждение**, но и в нём же — в том, что обнаруживается при анализе сталинизма как административного рынка ресурсов, — во *внутреннем* механизме функционирования этой тотальной мобилизации, не в её международном (цивилизационном), а в национальном (народно-хозяйственном) осуществлении, — имеет своё самопреодоление, демонстрируя внутри тоталитарной системы пример острой межведомственной, межклановой и межличностной политической борьбы, в её сталинском итоге, 5 марта 1953 года, закончившейся смертью самого Сталина.

Горан Милорадович

**«АНОМАЛИЯ»
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР
И МЕЖДУНАРОДНАЯ РОЛЬ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЮГОСЛАВИИ¹**

В конце Второй мировой войны, опираясь на договоренности стран-победителей и помощь Кремля, в государствах на пространстве от Балтики до Средиземноморья местные коммунисты путем различных коалиционных правительств пришли к власти, находя разные подходы к местным проблемам. Ситуация, в которой началось формирование двуполярной системы международных отношений, требовала изменения прежнего советского курса «социализма в одном государстве» и возврата к коминтерновскому варианту социализма как универсального образца, обязательного для всех коммунистов². Тем самым было найдено идеологическое оправдание контроля восточной части Европы. Это стратегическое изменение ситуации требовало от Москвы проведения в широком плане последовательной внешней политики, которая во вновь осуществленной системе советизированных стран не терпела никаких глубоких различий государств, ни, тем более, конкурентного поведения.

¹ Настоящая работа возникла в рамках проекта «Српско друштво и југословенска држава у 20. веку — Између демократије и диктатуре» (№ 177016), который финансируется Министерством науки и технологического развития Республики Сербии.

² *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002. С. 348.

Между тем все же сложилась конкурентная ситуация, что и стало причиной во многом неожиданного развития событий на юго-востоке Европы.

Судьба обновленной Югославии на первый взгляд была похожа на судьбы остальных восточноевропейских государств: с помощью Советского Союза местные коммунисты захватили власть. Они провели контролируемые, нечестные выборы, во время которых активно использовали пропаганду, угрозы и силу, им также помогала часть подчиненных им гражданских партий. Однако стоит обратить внимание и на некоторые важные различия. В Югославии существовало мощное местное движение сопротивления под руководством коммунистов, которое, в отличие от остальных оккупированных государств, смогло создать внушительную армию, имевшую более сотни тысяч бойцов и тяжелое вооружение, полученное от СССР и Британии³. Небольшой кружок коммунистов, захвативших земли, не пришли, как и сам Иосип Броз, непосредственно из Москвы и не были под покровительством сталинской власти, как это происходило в других частях Европы. Они прибыли из внутренних частей Югославии как победители в войне, во главе сильной, преданной партии армии. Их возглавлял сознательный и амбициозный вождь, суверенно управлявший партией, которую он годами формировал по сталинской модели. Тито обладал тем, что не было присуще другим коммунистическим вождям в Восточной Европе, — харизмой и личным авторитетом. Придя в Белград, Тито оказался в благоприятном положении — более, чем какой бы то ни было другой коммунистический вождь в Европе, кроме самого Сталина. Это между тем вело вовсе не к комплементарным, а к конкурентным отношениям с Советским Союзом.

Югославский вариант тоталитаризма

В исторической литературе редко ставится теоретический вопрос об идеологическом характере режима Тито, а тем более редко встречается аргументированный разбор его взглядов⁴. В тех работах, где термин «тоталитаризм» применен к социалистической Югославии, это, как правило, ничем не мотивируется⁵. Так это понятие квалифицируется и некоторы-

³ В 1945 году Тито утверждал, что его армия насчитывает 300 тыс. человек, а после получения необходимого вооружения могла бы возрасти до 700–800 тысяч (Тито Броз, *Josip. Борба народа поробљене Југославије*. Београд, 1945. С. 40).

⁴ Исключением является книга: *Spebnjak Katarina. Javnost i propaganda. Narodna fronta u politici i kulturi Hrvatske 1945–1952*. Zagreb, 2002. S. 15–50, 273.

⁵ О том, что режим Тито был идентичен режиму Сталина и другим «народным демократиям», особенно в вопросе «тоталитаризма», утверждает в: Warner Neal, *Fred. Titoism*

ми современниками, среди которых посол Чехословакии в Белграде Йозеф Корбел, некоторые американские дипломаты, а после своего отхода от власти, и югославский политик Коча Попович, как и албанский политик из Югославии Адем Демачи⁶. Титовский генерал в отставке Павле Якшич тоже считал «титоизм» идентичным сталинизму, оценивая его как «своеобразную религиозную идеологию»⁷. Владимир Велебит, бывший министр иностранных дел Югославии, считал Тито «ортодоксальным коммунистом коминтерновских убеждений», который был рабом марксизма-ленинизма, т. е. сталинизма⁸. Милован Джилас, прежний близкий соратник Тито, считал, что тоталитаризм КПЮ был делом пришедшей к руководству Титовской фракции⁹. Словенский интеллигент Дмитрие Рупел тоже считает, что югославское устройство было тоталитарным¹⁰. Почему же такое мнение было и до сих пор остается редким?

Столкновение с СССР в 1948 г. и позднейшее, в целом позитивное, представление о титовском режиме на западе решительно повлияли на образ другого югославского социализма — «социализма с человеческим лицом». Это, однако, не было достаточным для объяснения позиций теоретиков, которые иногда необычайно поверхностны. Ханна Арендт, к примеру, считает восточно-европейские «сателлиты» Москвы расширенной сферой сталинской тоталитарной власти, а Тито — единственным исключением. По ее мнению, массовость является неотъемлемым условием тоталитаризма, поэтому она полагает, что установление таких режимов в малых государствах невозможно, они могут существовать лишь на широких территориях тоталитарной империи¹¹. Между тем, Титовские концентрационные лагеря, существовавшие с 1944 по 1956 гг.,

in action. The reforms in Yugoslavia after 1948. Los Angeles, 1958. P. 9, 212–231; *Јовановић, Мирослав*. Стаљинизам // Историјски гласник. №. 1–2. 1993. С. 108–109; *Fire, Fransoa*. Prošlost jedne iluzije. Komunizam u dvadesetom veku, Beograd, 1996. С. 492–501; *Марковић, Предраг*. Београд између истока и запада 1948–1965. Београд, 1996. С. 493–513; *Allcock, John B.* Explaining Yugoslavia. London, 2000. С. 275; *Волокитина Т., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа... С. 3–26, а также Д. Стојановић в книге: *Димић, Љубодраг, Стојановић, Дубравка, Јовановић, Мирослав*. Србија 1804–2004: Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 141, 145–146.

⁶ *Korbel, Josef*. Tito's Communism, Denver, 1951. P. 170, 346; Интервью с А. Демачи, бывшим марксистом-ленинистом и политическим заключенным в Югославии, опубликовано в: *Petrović, Momčilo*. Pitaо sam Albance šta žele, a oni su rekli: republiku... ako može. Beograd, 1996. S. 264–265; *Lorejn, Lis M.* Održavanje Tita na površini. Sjedinjene države, Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2003. S. 25, 63.

⁷ *Jakšić Pavle*. Nad uspomenu. II. Beograd, 1990. S. 513. То же см. S. 36, 501–528.

⁸ *Šuvar Mira*. Vladimir Velebit: svjedok historije. Zagreb, 2001. S. 156, 452. Также S. 171, 372.

⁹ *Đilas Milovan*. Vlast. London, 1983. S. 17. Подтверждение, что югославская партия была тоталитарной, есть в кн.: *Ђилас, Милован*. Пад нове класе. Повест о саморазарању комунизма. Београд, 1994. С. 10, 18, 20, 212.

¹⁰ *Rupel Dimitrij*. Predgovor // Kocbek, Edvard. Dnevnik 1951–1952. Zagreb, 1986. S. 19.

¹¹ *Arendt Hana*. Izvori totalitarizma. Beograd, 1998. S. 316, 318. О значении масс в толковании тоталитаризма по Х. Арендт см. и S. 323–326.

ни по своим целям, ни по суровости не отставали от сталинских. Применялись и другие виды широкого спектра явных и секретных репрессивных методов, в том числе и сфабрикованные политические процессы¹². Франсуа Фире предложил основание для более убедительного объяснения позитивного взгляда части западной интеллигенции на «титоизм», сказав, что левая интеллигенция, была «антифашистской, а не анти тоталитаристской»¹³. Отправной точкой для формирования позитивного взгляда на «титоизм» у западных левых интеллигентов было разочарование в СССР, в то время как Югославия продолжала давать надежду на осуществление марксистской утопии.

Когда же к тому прибавилась и потребность правительств Запада в подрыве идеологического и политического единства восточного блока, на мировой арене появились предпосылки для роли Тито.

Как только раскол со Сталиным получил огласку, широчайшие слои югославов из пассивных и апатичных наблюдателей политических событий превратились в сосредоточенные и заинтересованные массы. Это было следствием сильных националистических настроений в Югославии, которые ослабли после захвата власти коммунистами, но возродились, когда появилась возможность хоть что-то изменить. Угрозы и обвинения, исходившие от Советского Союза, имели в Югославии обратный эффект. Они

Схема пересечения претензий на гегемонию СССР и Югославии 1945–1948 гг.

¹² См.: *Bekić, Darko*. Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama 1949–1955. Zagreb, 1988. S. 47; *Banac, Ivo*. Sa Staljinom protiv Tita. Informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990; *Režek, Mateja*. Med resničnostju in iluzijo. Slovenska in jugoslovanska politika v desetletju po sporu z Informbirojem (1948–1958). Ljubljana, 2005. S. 65–79.

¹³ *Fire, F.* Prošlost jedne iluzije... S. 531. Фире из своего обобщения выделяет только одного человека — Реймона Арона.

разжигали патриотизм и давали Тито возможность нейтрализовать до того находившиеся в жестокой конфронтации различные этнические национализмы, сосредоточив их на внешней угрозе. В действительности это было рождением национального сталинизма, гибридного феномена, характер которого был долго затуманен интернационалистической риторикой того времени. Однако на это все же вовремя обратили внимание...

Еще в апреле 1945 г. во время визита Тито и Джиласа к Сталину, последний объявил: «Нет, у вас не советская власть, у вас нечто среднее между Францией Де Голля и Советским Союзом»¹⁴. Различие, собственно говоря, состояло в сильном национализме, который и после прихода коммунистов к власти был доминантным политическим фактором в Югославии¹⁵. Решение Сталина опереться в конфликте с Тито на «здоровые силы», т. е. «интернационалистов»¹⁶ в КПЮ, было ошибочной (или недостаточной) мерой, т. к. большинство коммунистов все-таки сплотились около своего руководства. Часть граждан — противников местных коммунистов — еще меньше была готова поддержать коммунистов Советского Союза¹⁷. Глава Партии, конечно, понимал, какая участь его ожидает в случае проигрыша в конфликте со Сталиным, выход был только один — сопротивление до победного конца и любой ценой¹⁸.

Сила, которую Тито получил во время войны, состояла в многочисленной и преданной армии, независимых от Москвы дипломатических контактах, сильной Партии, которая успела уничтожить или вытеснить всех конкурентов в борьбе за власть, а также в благоприятном географическом положении государства, которым он стал управлять. Так у Тито появилась возможность использовать поддержку Сталина прежде всего в своих планах по захвату власти. Получив власть, Тито начал бороться за собственную са-

¹⁴ *Dilas, Milovan. Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990. S. 75.*

¹⁵ Согласно Фире, Титовская Югославия была «ребенком, рожденным в браке национальной идеи и идеи революции» (*Fire, F. Prošlost jedne iluzije... S. 494*). В этом случае становятся логичными и советские обвинения югославян в национализме, хотя югославским коммунистам в 1948 г. они казались чудовищными! О советском взгляде на югославский национализм после войны подробнее см.: *Губианский Леонид. От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 357.*

¹⁶ По определению Сталина, «интернационалист — тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР. Ибо кто думает защищать мировое революционное движение помимо и против СССР, тот идет против революции, тот обязательно скатывается в лагерь врагов революции» (из речи Сталина 1 августа 1927 г. на совместном пленуме ЦК и Центральной контрольной комиссии ВКП (б)). Цит. по: Протокол третьего совещания Коминформа. Заседание 5-е, 18 ноября 1949 г. Доклад Георгиу-Деж // Совещания Коминформа. С. 630).

¹⁷ См.: *Dilas, M. Vlast... S. 165.*

¹⁸ Процесс Ласло Райка в Венгрии, как своего рода замена невыполнимому процессу Тито, ясно показывает, что выбора не было. *Fire, F. Prošlost jedne iluzije... S. 497.*

мостоятельность, а тем самым и за большую самостоятельность Югославии. Важнейшим следствием конфликта с Советским Союзом для Югославии стала необходимость поиска защиты на Западе. Для того, чтобы сгладить различия между своим режимом и новыми покровителями, Тито допустил в большей мере свободу в культуре и в меньшей мере — в экономике и национальной политике. Будучи консерватором и убежденным марксистом-ленинистом, Тито все же изображал либерального правителя, потакая внешнеполитическим потребностям государства, сглаживая внутренние напряженности и защищая свою позицию. Его личная склонность к гедонизму здесь оказалась удачным обстоятельством. Если бы Тито не играл эту роль, ее бы сыграл кто-нибудь другой, как это показал пример неудачливого претендента Милована Джиласа¹⁹.

Когда речь идет об идеологии КПЮ, в научной литературе часто применяется термин «титоизм». Это выражение обычно ставится без кавычек, но и без особого объяснения. Употребляется оно для обозначения коммунистов, не подчинявшихся СССР, тех, кто старался следовать примеру Иосипа Броз 1948 года²⁰. В том же значении используются и выражения «титовская ересь», «схизма», «отлучение»²¹. Однако во время обострения конфликта Сталин — Тито 1948 г. главная особенность позиции Югославии сводилась более к «отрицанию авторитета СССР, чем к какой-либо особой программе, которая могла бы оправдать ярлык ревизионизма»²². Общественная система, построенная в Югославии, в сущности не отличалась от советского образца, так что можно говорить лишь о «титовской версии сталинизма», но никак не о какой-то отличной идеологии²³.

Термины «титоизм» и «титоисты» первоначально использовались советскими и другими социалистическими лидерами с *негативной* конно-

¹⁹ Впоследствии Джилас объяснял свое отступничество склонностью к демократии. Но, скорее всего, не это, а большие амбиции и властолюбие составляли ту «таинственную силу», которая побуждала его быть первым в приближении к Западу и нападать на позиции Тито См.: *Ђилас, М.* Пад нове класе... С. 19–21 и 323.

²⁰ В этом значении термин «титоизм» используется в следующих работах: *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita... С. 10; *Allcock J.* Explaining Yugoslavia... P. 3, 97, 241; *Гедис, Цон.* Хладни рат. Ми данас знамо. Београд, 2003. С. 80; *Lorejn L.*, Održavanje Tita... С. 10–11, 15, 86, 100, 102 и т. д.; *Jakovina Turtko.* Hrvatski izlaz u svijet. Hrvatska / Jugoslavija u svjetskoj politici 1945–1991 // Hrvatska politika u XX stoljeću. Zbornik radova sa znanstvenog skupa što je održan u palači Matice hrvatske 27–29. travnja 2004. Zagreb, 2006. С. 354, 355; *Boeckh Katrin.* Vjerski progoni u Jugoslaviji 1944–1953: staljinizam u titoizmu // Časopis za suvremenu povjest. №.2. 2006. С. 373–716.

²¹ См. напр.: *Maclean Fitzroy.* The Heretic. The life and times of Josip Broz-Tito. New York, 1957; *F. Warner Neal.* Titoism in action... P. 238; Hoffman, George, *Warner Neal, Fred.* Yugoslavia and the new communism. New York, 1962. С. 138–140, и т. д.

²² *Philip P. Wiener* (ed.). Dictionary of the History of Ideas, Electronic Text Center at the University of Virginia Library, 1. V 2003. <http://etext.virginia.edu/DicHist/dict.html>. (12. VI 2008).

²³ *Јовановић М.* Стаљинизам... С. 109.

тацией для обозначения политического и идеологического отступления от «единственно верного» толкования теории Маркса и Ленина — сталинского²⁴. Этой пропагандистской формулировкой клеймили отступников и запугивали верных последователей доктрины марксизма-ленинизма в ее единственно возможном толковании. В первое время после разрыва 1948 года это было средством давления на КПЮ, т. к. советские коммунисты сравнивали своих югославских коллег с проигравшими фракциями (с меньшевиками, троцкистами и бухаринцами)²⁵. В то же время этот лозунг использовался в целях дисциплинировать остальных коммунистов в восточной Европе. Подобно Кочи Дзодзе, Ласло Райку или Трайчо Костову, многие были осуждены как «титоицы» на сфабрикованных процессах и казнены. Другие же, со сходными обвинениями, были сняты с постов²⁶.

Позже, в пятидесятых годах, термин «титоизм» был заимствован на Западе, где ему была дана *позитивная* коннотация, и использован как оружие против СССР. Из-за огромного политического значения, употребление термина «титоизм» было особенно частым в период от начала обострения конфликта 1948 г. вокруг Информбюро и вплоть до смерти Сталина²⁷. Примечательно и важно, в данном контексте, принять во внимание наблюдение о том, что в начале и середине двадцатого века все «ревизионисты» были теми, кто находился на правой части коммунистического спектра²⁸, поэтому было вполне естественным, что и Югославия из крайне левого крыла коммунистической идеологии перешла в крайне правое²⁹. Тем самым Югославия стала более приемлемой для Запада. Однако, как уже было сказано по поводу конфликта 1948 года про югославских коммунистов, «они

²⁴ Напр. этому посвящена книга: *Hoxha, Enver. The Titoites: historical notes.* Tirana, 1982.

²⁵ К примеру, в болгарской прессе в 1949 г. были опубликованы стихи Ивана Бурина «Иуда Троцкий — Тито Искаротский». Приведено по: *Григоров Димитар.* 'Рачунајте на нас'. 'Одломак' о Титовой штафети или штафети младости // Годишњак за друштвену историју. XV. 1–3. 2008. С. 109.

²⁶ *Bilandžić Dušan.* Historija Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Glavni procesi, Zagreb, 1979. S. 151–161; *Maclean, F.* The Heretic... P. 357; *Boffa Giuseppe.* Povijest Sovjetskog Saveza II. Opatija, 1985. S. 277, 282–283; *Tedus, Џ.* Хладни рат... С. 80.

²⁷ См.: *Korbel J.* Tito's Communism... P. 339–340; *Ulam Adam.* Titoism and Cominform. Cambridge, 1952; *Warner Neal Fred.* Titoism in action...; *Hoffman G., Warner Neal F.* Yugoslavia and the new communism... P. 151–173; Halle, Louis J. The cold war as history. New York, 1967. P. 323–324; *Werth Aleksander.* Russia. The Post-War Years, New York, 1971. P. 68, 414–415; *Pipes Richard.* Russia under bolshevik regime. New York, 1995. P. 153; *Драгних Алекс.* Титова обећана земља Југославија. Београд, 2004; *Lorejn L.* Održavanje Tita... S. 10–11, 15, 86, 100, 102, 110, 114, 122–123, 187, 190, 244, 265–257, 288 и др. Мнение Алкока о том, что Адам Улам «выковал» термин «титоизм», неверно, т. к. этот термин использовал годом раньше Йозеф Корбел. См.: *Allcock J.* Explaining Yugoslavia... P. 3.

²⁸ *Hobsbaum Eric.* Revolutionaries. London, 1999. P. 159.

²⁹ *Лакер Волтер.* Историја Европе 1945–1992. Београд, 1999. С. 416.

не стали антисоветски настроенными. Вовсе нет»³⁰. Речь идет о политическом, а не об идейном расхождении. Тем более нельзя говорить о какой-либо «борьбе против сталинизма»³¹. Тито и КПЮ не предали сталинизм, они предали Сталина. Они не оставили советскую идеологию, но отстранились от влияния советского государства. Точно отмечено, что «это было присуще данному противоречию между целями централизованного движения с глобальными высокими устремлениями и бесконечно сложной реальностью, которая вынуждала приспосабливаться к местным условиям и даже к некоторой децентрализации»³². Ранее такое расхождение было невозможно, т. к. КПЮ оказалась первой компартией, которая имела эффективную власть и геополитические условия для оказания сопротивления Советскому Союзу. Позже этим путем пошли и другие партии, прежде всего Китайская.

На вопрос о различиях между доктринами КПЮ/СКЮ и СКП (б)/КПСС дал ответ сам Тито, причем еще при жизни Сталина, в 1952 г.: «Титоизма» как идеологического направления не существует, т. к. мы не привнесли ничего нового в науку марксизма-ленинизма... Если бы «титоизм» стал направлением, мы бы были ревизионистами и отказались бы от марксизма. Мы марксисты, я сам марксист и не могу быть «титоистом». Следовательно, ревизионистом является Сталин, т. к. мы продолжили идти правильным путем марксизма»³³. У Тито и его сторонников не было ни потребности, ни намерения, да и возможности развивать какую-то особую, новую идеологию. Марксизм-ленинизм³⁴ им полностью подходил, но вследствие конфликта 1948 г. им пришлось вместо «Сталина и других учеников Ленина»³⁵ представлять самих себя как последовательных теоретиков и «преемников» Маркса, Энгельса и Ленина. Без этого их идеология и политическая практика не согласовывались бы, что в перспективе могло привести к проблемам внутривнутриполитического плана.

Еще незадолго до этого, на V конгрессе КПЮ в 1948 г., Тито указывал на то, что югославские коммунисты являются последовательными и самоотверженными

³⁰ *Ulam Adam*. Nedovršena revolucija. Marksizam i komunizam u modernom svetu. Beograd, 1990. S. 244.

³¹ Так утверждается в: *Bilandžić D*. Historija SFRJ... S. 161. Также: S. 150–151, 157.

³² *Pipes R*. Russia... P. 153. Такое же главное значение термина «титоизм» – децентрализация сталинизма – отмечено и в: *Halle L*. The cold war... P. 323–324.

³³ Из интервью Владимира Дедиера с Тито от 1 июля 1952 г. См: *Dedijer Vladimir*. Novi prilozii za biografiju Josipa Broza Tita. III. Beograd, 1984. S. 610.

³⁴ Термин «марксизм-ленинизм» был введен в употребление Сталиным для обозначения своей трактовки марксизма. После критики «культы личности» Хрущевым для сталинского толкования марксистской доктрины начинает использоваться термин «сталинизм» (см: *Јовановић М*. Сталинизм... С. 105–106). Характерно, что Тито не делал различия между понятиями «марксизм» и «марксизм-ленинизм». Для него, как и для всякого сталиниста, это была одна и та же доктрина.

³⁵ Историја Свесавезне комунистичке партије (большевика). Кратки курс. Београд, 1945. С. 409–410.

продолжателями дела Ленина и Сталина. В конце своей речи Тито эмоционально воскликнул: «Давайте стремиться как можно глубже познать науку марксизма-ленинизма!», после чего присутствующие поднялись с мест и приветствовали его криками «Сталин — Тито!»³⁶ Речь он закончил словами о том, что КПЮ «своей непоколебимой верностью учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина на деле доказывает, что не свернула с пути этой науки»³⁷. Последовали бурные овации делегатов конгресса, продолжавшиеся в течение нескольких минут.

Сталинизм, без сомнения, был теорией и практикой югославских коммунистов. На его основах они сформировали свою партию и сами сложились как личности³⁸. Й. Б. Тито, полагаясь на молодые кадры страны, а не на отдельных эмигрантов, в конце 30-х гг. XX в. осуществил реорганизацию и чистку КПЮ; он же, будучи представителем Коминтерна, был тем человеком, который завершил процесс сталинизации³⁹. Уничтожив все другие фракции в КПЮ, Тито навязал в качестве единственной верной свою — сталинскую⁴⁰. Югославские коммунисты, показывая полную приверженность Советскому Союзу, старались (а иногда у них это получалось) превзойти СССР в последовательности идеологии⁴¹. Западная печать их за это насмешливо называла «сателлитом номер 1»⁴².

Впрочем, с точки зрения Запада, возможные идейные различия между коммунистами и не были так важны, интересен был лишь как можно более глубокий раскол в организационном единстве. Стечение обстоятельств в послевоенный период и борьба за влияние в Восточной Европе, на фоне которых происходило противостояние расширению зоны советского влияния, привели к появлению «национального коммунизма» в Югославии и других странах, что было полезно для дальнейшей стратегии в столкновении социалистической и капиталистической частей света⁴³. И те и другие

³⁶ *Broz Josip Tито*. Политички izvještaj Centralnog komiteta komunističke partije Jugoslavije. Реферат одржан на V конгресу КПЈ. Београд, 1948. С. 96.

³⁷ Там же.

³⁸ *Glđorijević Branislav*. Kominternu, jugoslovensko i srpsko pitanje. Београд, 1992. С. 237 и далее; *Волокитина Т., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа... С. 580; *Radelić Zdenko*. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991. Od zajedništva do razlaza. Zagreb, 2006. С. 278.

³⁹ *Nenadović A.* Razgovori s Kočom... С. 126–128; *Glđorijević, B.* Kominternu... С. 329–332.

⁴⁰ *Нешовић Слободан*. Моше Пијаде и његово време. Београд, 1968. С. 293–294, 354–360. Исчерпывающий анализ фракционной борьбы в КПЮ с 1919 до 1948 г. См.: *Vanac I.* Sa Staljinom protiv Tita... С. 56–118, а также: *Glđorijević B.* Kominternu... С. 184–236.

⁴¹ *Dilas M.* Vlast... С. 111, 121; *Vanac I.* Sa Staljinom protiv Tita... С. 31; *Ди Бьяджо А.* Создание Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 48; *Волокитина Т., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа... С. 212; *Јовановић Мирослав*, „Пресликана или самобитна друштвена изградња: Компаративна анализа Устава ФНРЈ (1946) и ‘Стаљинског’ Устава СССР (1936) // Tokovi istorije. № 1–2. 2008. С. 280–299; *Воечек, К.* Vjerski progoni... С. 373–716.

⁴² *Билас М.* Пад нове класе... С. 67.

⁴³ *Лакер В.* Историја Европе... С. 103.

поддерживали недовольных националистов в идеологическом лагере противника, претендовавшем на универсальность⁴⁴.

В свете конфликта Югославии и СССР необходимо обратить внимание и на провозглашение т. н. *самоуправляемого социализма*. Хотя основная причина разногласия была геостратегическая, выход Югославии из лагеря должен был иметь определенные санкции и идеологическое обоснование⁴⁵. Чтобы оправдать перенесенные страдания и страх, а также и обнаруженную непоследовательность, КПЮ должна была найти новую идеологическую формулу, «более прогрессивную», «более правильную», «более марксистскую» и «более ленинскую», чем советская, но при этом непременно — социалистическую. Соревнование Москвы и Белграда в последовательности применения и развития «науки» марксизма-ленинизма, превратилось за время конфликта с СССР в оружие, которого его обладатели потом больше не смели и не могли лишиться. Одним из доказательств является тот факт, что после смерти Сталина, когда непосредственная угроза от СССР осталась позади, а отношения были «нормализованы», югославская партия в своей программе, утвержденной на VII конгрессе в 1958 г., продолжала указывать на различия между советским и югославским путями и подчеркивала, что противостояние Сталину «было последовательно социалистическим и прогрессивным, именно поэтому оно и привело к усилению и преобладанию социализма в мире»⁴⁶. Во время периодических кризисов советско-югославских отношений 1948–1955, 1957–1961 и 1968–1970 гг. этот припев постоянно повторялся, чем, в действительности, подкреплялась неизменность позиции Югославии в течение «холодной войны».

Концепция «самоуправления» постепенно формировалась втайне от широких масс, в основном в треугольнике Кардель — Джилас — Кидрич. Лишь почувствовав поддержку Запада, югославы открыто выступили с тезисом о сталинской деформации подлинного учения Маркса и Ленина⁴⁷. Хотя их и не радовал «либеральный»⁴⁸ внешнеполитический поворот, к нему все же вынудила смена союзника. Чтобы превратить этот внешнеполитический поворот в свое преимущество и идеологически объединиться,

⁴⁴ Гедис Ц. Хладни рат... С. 250–251.

⁴⁵ Малиа Мартин. Советская трагедия. История социализма в России 1917–1991. М., 2002. С. 345. Это подтверждает прежний идеолог КПЮ/СКЮ: *Dilas, M. Vlast...* С. 197.

⁴⁶ По: *Marksizam — misao savremene epohe III* (антологичја текста). Beograd, 1976. С. 13.

⁴⁷ В 1950 г. Тито первый выступал против «самоуправления», т. к. считал, что «наши рабочие для этого еще не созрели». После того, как Кардель и Джилас переубедили Тито, последний «воодушевленно воскликнул: “Это так по Марксу – дать фабрики рабочим!”» (*Dilas M. Vlast...* С. 212).

⁴⁸ Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес (John Foster Dulles) «считал Югославию инструментом либеральной политики администрации» США. По: *Lorejn L. Održavanje Tita...* С. 225.

был сформулирован новый курс, *самоуправляемый социализм*, сопровождаемый формулировкой о «передаче предприятий в управление коллективов трудящихся»⁴⁹. Однако эта формулировка осталась лишь на словах, на деле же партия, с помощью государственных институтов и «передаточных звеньев» и дальше управляла всеми областями жизни, в том числе и экономикой: «Было бы неразумно и невозможно утверждать, что пролетариату после захвата власти больше не нужно государство,» — говорил Тито в 1960 г.⁵⁰

В конце 70-х гг. XX в. Константин Коча Попович, бывший министр иностранных дел и вице-президент Югославии, подвел итог теме «самоуправления» словами: «Мы, по правде, этот исторический гуманистический идеал сделали официально партийной и общественной целью, но ... политическая власть постоянно передвигала возвышенные идеалы интегрального самоуправления на неопределенное время, в непонятное будущее. ... В таких условиях самоуправление становится не только иллюзией, но и “соблазном”, если не сказать обманом»⁵¹. Целью этого политического маневра было сокрытие того факта, что силовая структура и методы правления остались неизменными, хотя и изменилась международная позиция государства⁵².

Одним из последствий разрыва с СССР и изменения способа презентации КПЮ/СКЮ на Западе стало то, что позже некоторые теоретики ошибочно считали социалистическую Югославию «белым пятном», т. е. тем государством, которое отличается от устройства обеих частей разделенной Европы⁵³. Между тем, ни после разрыва с СССР, ни после вступления Югославии в Балканский пакт, ни после смерти Тито способ правления в Югославии не изменился. Все, что было в семидесятые годы свойственно Советскому Союзу, было свойственно и режиму Тито: «Современная система Советского Союза — это сталинская система. После смерти Сталина она была ослаблена, но не была реформирована»⁵⁴. То же было свойственно и югославской системе, попытка Горбачева показала, что эти системы нельзя реформировать, не сломав. Та-

⁴⁹ *Broz Josip Tito. Razvoj socijalističkih društvenih odnosa i značaj radničkog i društvenog samoupravljanja* (V конгрес Савеза социјалистичког радног народа Југославије, 18. април 1960) // *Marksizam III...* S. 287.

⁵⁰ Там же. S. 288.

⁵¹ *Nenadović A. Razgovori s Kočom...* S. 168–169. Велебит считал, что «система самоуправления... с самого начала была изуродована политической монополией Союза коммунистов на всех уровнях и в каждой поре общества» (*Šuvar M. Vladimir Velebit...* S. 400).

⁵² *Басара Михајло. Балкански пакт и једнопартијски монопол* // Међинародни научни скуп „Балкански пакт 1953–1954“ Београд 9. и 10. новембар 2005. Београд, 2008. С. 88.

⁵³ *Féber Ferenc, Heler Agnes, Markuš Đerđ. Diktatura nad potrebama.* Београд, 1986. S. 11–12.

⁵⁴ *Kaiser Robert. Russia. The People and the Power.* New York, 1976. P. 386. В начале 1970-х гг. Кайзер был корреспондентом *Washington Post* в Москве.

ким образом, «титоизм» отличался от сталинизма только названием, являясь по сути тем же сталинизмом, но в местных условиях⁵⁵.

Международная роль социалистической Югославии

Государственная структура Югославии была построена по образцу государственной структуры СССР, вместе с тем непосредственно после Второй мировой войны Югославия проводила и схожую политику экспансии государства и расширения своего влияния во всех направлениях. По отношению к Италии, Австрии и Венгрии был выбран путь частичных аннексий территорий, населенных словенским и хорватским национальными меньшинствами⁵⁶. К Албании, Болгарии, Румынии и Греции была применена попытка расширения влияния путем создания «Балканской федерации», а решающим моментом в этом плане должна была стать победа коммунистов в гражданской войне в Греции⁵⁷. На Балканском полуострове есть только два порта, которые благодаря своей глубине, важности, инфраструктуре и сети путей сообщения имеют стратегическое значение в данном регионе: Триест и Фессалоники. Клинья Титовской политики были направлены на оба одновременно⁵⁸. Все это для того, чтобы образовавшаяся «Балканская федерация» занимала главенствующее положение среди социалистических стран восточной Европы, расширив свое влияние вплоть до Балтики⁵⁹. Воз-

⁵⁵ *Јовановић, М.* Сталинизм... С. 108–109.

⁵⁶ См.: *Petranović, Branko.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Socijalistička Jugoslavija 1945–1988. III. Beograd, 1988. S. 171–175, 250–251; *Petranović, Branko.* Srbija u Drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 698; *Понс Сильвио.* Сумерки Коминформа // Сопещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. С. 375, 382.

⁵⁷ См.: *Đilas, M.* Vlast... S. 119–121; *Ђилас, М.* Пад нове класе... С. 73–75, 79, 81; *Губианский Л.* От первого ко второму сопещанию Коминформа... С. 355, 359; *Protokol o rešenjima istorijske konferencije delegacija vlada FNRJ i NR Bugarske, Bled, 30. i 31. jul i 1. avgust 1947; Ugovor o prijateljstvu, saradnji i uzajamnoj pomoći između FNRJ i NR Bugarske.* Evksinograd, 27. novembar 1947 // *Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996. III. (1946–1996).* Beograd, 1999. S. 136–138 и 141–143; *Ristović, Milan.* Jugoslavija i građanski rat u Grčkoj (1945–1950) // *Balkan posle Drugog svetskog rata. Zbornik radova sa naučnog skupa.* Beograd, 1996. S. 71–85; *Павловић, Стеван.* Србија: историја иза имена. Београд, 2004. С. 199–200.

⁵⁸ *Броз, Јосип Тито.* Изградња нове Југославије. I. Београд, 1947. С. 158–159 (Речь по поводу празновања дня востания македонского народа, произнесенная в Скопье, 11 октября 1945 г.). О планах Тито по отношению к Македонии см.: *Ristović, M.* Jugoslavija i građanski rat u Grčkoj... S. 75; *Ристовић, Милан.* Између 'категоричког императива' и 'равнотеже сила'. Грчка криза у сенци односа Тито — Стаљин 1946–1949 // Тито — Стаљин. Зборник радова са међународног округлог стола 25. октобра 2006. Београд, 2007. С. 64; *Павловић, С.* Србија... С. 200.

⁵⁹ *Ђилас, М.* Пад нове класе... С. 79–80; *Баева, Искра; Калинова, Евгения.* Следивоенното десетилетие на българската политика (1944–1955). София, 2003. С. 198; *Ристовић, М.* Између

можно, позднейшее формирование движения т. н. *неприсоединения* было вдохновлено этой попыткой создания идеологического и политического «межпространства» между СССР и Западом?

Хотя для многих обострение конфликта Тито и Сталина 1948 г. походило на гром среди ясного неба, необходимо иметь в виду, что наряду с остальными геостратегическими вопросами, решавшимися в то время, вопрос о том, к какому блоку относится Югославия, тихо тлел еще до окончания войны. Речь Тито в Любляне в мае 1945 г., критиковавшая политику раздела на сферы интересов, была первым явным признаком разногласия с СССР⁶⁰. Затем последовали и другие расхождения, в основном они касались сферы культуры, вопрос состоял еще и в роли Красной армии в освобождении Югославии и самобытности югославской революции⁶¹. Между тем за подходом Тито к балканскому национальному вопросу крылось стремление к гегемонии, которая непосредственно касалась значения геополитических отношений на Балканах и в восточной части Средиземноморья⁶². Независимо от Москвы, Тито попытался создать свою социалистическую империю, что затронуло и поставило под угрозу соглашения, заключенные Сталиным с англичанами и американцами в Ялте и Потсдаме⁶³. Нейтрализация Тито как самостоятельного фактора в международной политике, консолидация советских позиций в Восточной Европе и дисциплинирование остальных коммунистов — все это было необходимо для укрепления престижа СССР как супердержавы и Сталина

‘категоричког императива’ и ‘равнотеже сила’... С. 66. Свои проекты балканской федерации имели в свое время Германия, СССР, Великобритания и США, а также и королевская Югославия. См.: *Petranović Branko*. Balkanska federacija 1943–1948. Šabac, 1991. S. 34–51.

⁶⁰ См.: Писма ЦК КПЈ и писма ЦК СКП (б). Београд, 1948. С. 40. Речь идет о письме, которое ЦК ВКП (б) отправил ЦК КПЮ 4 мая 1948 г.

⁶¹ Пример разногласия двух партий вокруг интерпретации Второй мировой войны в Югославии наиболее ярко проявил себя в кинематографии. Советский Союз предложил свое видение в фильме «В горах Югославии» (А. М. Роом, 1946), а югославы свое, полностью противоположное, в фильме «Славица» (В. Аффрић, 1947). См.: *Милорадович Горан*. Конец фильма. Триумфальное шествие соцреализма с «Мосфильма» на Белград // Родина. № 10. 2003. С. 112–114; Он же. Подарки Сталина (Тематика югославского художественного фильма, 1945–1955 гг.) // Русский сборник. Т. I. М., 2004. С. 317–318, 322–323; *Тимофеев А. Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии 1941–1945. М., 2010. С. 245–263.

⁶² О стратегическом значении Югославии см.: *Burton J. Bernstein*. American Foreign Policy and the Origins of the Cold War // *Politics and Policies of the Truman Administration* / Ed. Burton J. Bernstein. Chicago, 1970. P. 56–58; *Theobaris, Athan*. The Rhetoric of Politics, Foreign Policy, Internal Security, and Domestic Politics in the Truman Era, 1945–1950 // *Ibid*. P. 218; *Stojanović, Radoslav*. Savremena geopolitička obeležja Balkana // *Balkan posle Drugog svetskog rata*. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1996. S. 196; *Ристовић М.* Између ‘категоричког императива’ и ‘равнотеже сила’... С. 69–70.

⁶³ Тегеран, Ялта, Потсдам: Сборник документов. М., 1971. См. также: *Лалков Милчо*. От надежда към разочарование. Идеята за федерация в балканския югоизток (1944–1948). София, 6. г. С. 281.

как правителя, т. к. он лично выступал гарантом соблюдения договоров высокого уровня⁶⁴.

Со своей стороны, американцы вели себя весьма похоже. Гарри Трумэн 10 января 1946 г. открыто заявил на пресс-конференции, что Америка, «несмотря на все донесения о несвободных выборах и недостатке остальных свобод», признала титовскую Югославию, т. к. дала это обязательство в Ялте⁶⁵. Европейские вопросы были тогда уже в основном упорядочены, и никто не мог ожидать, что из-за небольшой амбициозной группы недовольных могут произойти какие-то существенные перемены. Строя свою доктрину в Европе, Гарри Трумэн пытался обезопасить существование Тито, заявляя, что «Югославия, ко всему прочему, является тем государством, чье стратегическое местоположение непосредственно важно для обороны Северо-Атлантического региона»⁶⁶. Во время гражданской войны в Греции заместитель госсекретаря США Дин Ачесон считал, что попадание Греции в сферу советского влияния для американцев могло бы в перспективе привести к потере всего Ближнего и Среднего Востока и северной Африки⁶⁷.

Конфликт Тито и Сталина, в конце концов, был следствием претворения в жизнь прежних договоров между странами-победительницами, в результате чего и появилась Югославия как «аномалия Холодной Войны: коммунистическое государство, которое откололось от Советского блока, но могло сохранять квазинейтралитет»⁶⁸. Правление Тито по сталинскому образцу было, в данном контексте, вполне рациональным и соответствовало западным интересам. Действительно, тоталитарные методы обеспечивали несравненную эффективность, без которой Югославию, расколотую только что завершившейся гражданской войной, вряд ли можно было бы сохранить как единое целое, а это было выгодно в первую очередь Западу. Если бы дело дошло до распада Югославии и ее физического раздела, тогда СССР полу-

⁶⁴ 14 октября 1947 г. ЦК ВКП(б) вынес решение о формировании системы коллективной безопасности в Восточной Европе путем заключения договоров о взаимной помощи между СССР и восточноевропейскими странами. Пока советская дипломатия пыталась однотипными договорами навести порядок в регионе, по партийной линии продвигалась доктрина «обострения классово-борьбы». См.: *Волокитина Т., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа... С. 43 — 47.

⁶⁵ Дипломатски архив Савезног министарства иностраних послова (Дипломатический архив Союзного министерства иностранных дел (ДА СМВД)), Политичка архива. 1946. Фасц. 3, Пов. №. 4274. Поверенный в делах посольства Югославии в Вашингтоне Сергей Макиедо СМВД, 11 января 1946 г.

⁶⁶ *Theobaris A.* The Rhetoric of Politics... P. 219. Цитата из письма Трумэна о внешней политике и безопасности членам комитетов Сената и Конгресса США, у которых Трумэн искал и получил средства для поддержки Югославии в 1950 г.

⁶⁷ *Ристовић Милан.* Труманова доктрина, Грчка и Југословенске реакције (1947–1949) // *Tokovi istorije.* № 1–2, 2008. С. 87.

⁶⁸ *Theobaris, A.* The Rhetoric of Politics... P. 218. См. также: *Bernstein B. J.* American Foreign Policy... P. 23.

чил бы шанс поучаствовать в дележе территорий, расширить свое влияние на эту часть Балкан и в конце концов выйти к Адриатическому морю.

Конфликт Югославии и СССР 1948 г. был одним из аспектов процесса формирования двух политических блоков, а иначе говоря, этот «конфликт за власть проистекал из амбиций Тито, лежащих за пределами Югославии»⁶⁹. Из этого следует, что в данных обстоятельствах как идеология и экономика, так и личная харизма и амбиции становились уже элементами глобального геостратегического конфликта⁷⁰. Это подтверждается и сведениями, согласно которым не только Милован Джилас, но и «некоторые другие личности» еще до того, как конфликт с Советским Союзом получил огласку, устно приводили тезис о «двух течениях в коммунистическом движении,... сопровождавшийся часто употребляемой трактовкой Югославии как некоего второго мирового революционного центра»⁷¹. Те, кто не следовал этой концепции, попали в югославский ГУЛАГ⁷², как и те, кто поддержал политику Тито, но находился, например, в Болгарии, попадали в один из многочисленных лагерей для политических противников как «титоисты» и «югославские шпионы»⁷³. Заместитель председателя правительства Димитрова, Трайчо Костов, был по подобному обвинению приговорен к смерти в 1949 г. и казнен⁷⁴, одновременно венгерский коммунист Ласло Райк был обвинен в попытке создания «военного блока» государств вокруг Югославии при поддержке США и направленного против СССР⁷⁵. Но, несмотря на затраченные силы и понесенные жертвы, у проекта Тито была одна значительная слабость: его нельзя было встроить в концепцию раздела сфер влияния, которые постепенно формировались с октября 1944 г., когда Уинстон Черчилль предложил Иосифу Сталину разделить юго-восточную Европу⁷⁶.

⁶⁹ Павлович, С. Србија... С. 201. Павлович ссылается на кн.: *Ulam A. Titoism and Cominform...* Подобное мнение встречается в: *Bjelakovic, Nebojsa. Comrades and adversaries: yugoslav-soviet conflict in 1948 — a reappraisal // East European Quarterly. XXXIII. № 1. March 1999. P. 112; Lempj, Džon R. Jugoslavija kao istorija. Bila dvaput jedna zemlja. Beograd, 2004. S. 218.*

⁷⁰ Владимир Велебит, бывший югославский дипломат, считал, что вопрос о балканской федерации был главной причиной конфликта Тито и Сталина 1948 г. См.: *Šivar M. Vladimir Velebit... S. 389.*

⁷¹ Архив Југославије (Архив Югославии, АЈ), фонд ЦК СКЈ (507), VII, К. VIII/17. С. 2–6. Письмо Радована Зогиича председателю комиссии кадров ЦК СКЈ Осману Карабеговичу, 1 марта 1949 г.

⁷² *Vanas I. Sa Staljinom protiv Tita... S. 232–233.* Банац указывает на югославские лагеря и тюрьмы: Сисак, Лоньско Поле, Лепоглава, Зеница, Вареш, Билеча, Сремская Митровица, Баница, белградская Главница, Ясеновац, Стара Градишка и Петроварадинская крепость, а также на островах Гольй Остров, Светой Гргур, Углян, Вис и Корчула.

⁷³ См. сборник воспоминаний о лагерях в Болгарии: *Свидетели. Българският ГУЛАГ. София, 1991.*

⁷⁴ *Баева И., Калинова Е. Следивоенното десетилетие... С. 190.*

⁷⁵ *Voffa G. Povijest Sovjetskog Saveza... II. S. 283; Лакер, В. Историја Европе... С. 103.*

⁷⁶ Факсимиле т. н. записки Черчилля о встрече в Москве 9 октября 1944 г. обнаружено в кн.: *Balkanski ugovorni odnosi... С. XII.*

Позиция Югославии была определена и закреплена после заключения в 1953–1954 гг. серии трехсторонних договоров между Югославией и двумя членами НАТО — Грецией и Турцией. Таким образом, Югославия косвенно попала в окружение стран — членов НАТО, что подорвало советские претензии в западной части Балканского полуострова⁷⁷. В то же время, благодаря изменению внешней политики Югославии, представление о ней в Америке резко улучшилось⁷⁸. Тогда Югославия получила роль «катализатора недовольства»⁷⁹ и «американского клина»⁸⁰, который нарушает однородность восточного лагеря в идеологии и дисциплине. Чтобы исключить такую вероятность, в 1955 г. в Белград приехала советская государственная и партийная делегация во главе с Никитой Хрущевым. Руководствуясь, в первую очередь, геостратегическими целями, советская делегация начала операцию по «возвращению» Югославии в свой лагерь, которая успеха не принесла⁸¹. Уже с момента принятия новой программы СКЮ в 1958 г. Хрущев начал открыто называть Югославию «тройным конем империализма», а ее политику описывать словами «ревизионизм», «оппортунизм» и «предательство социализма»⁸².

⁷⁷ См.: Анкарское соглашение и Тайный договор между Грецией, Турцией и Югославией 1953 г.; военные соглашения США с Грецией и Турцией 1953 и 1954 гг. и Балканский пакт, заключенный Грецией, Турцией и Югославией в 1954 г.: *Balkanski ugovorni odnosi...* S. 235–262.

⁷⁸ По исследованиям института Гэллага, в 1949 г. 70% американцев не знали, кто такой Тито, в то время как в 1951 г. 75% американцев о нем знали. Против оказания помощи Югославии в 1949 г. было 80% американцев, а в 1951 г. целые 72% высказывалось за оказание как можно большей помощи этому государству. *Smole Jože. Kako prosječni Američanin gleda na FNR Jugoslaviju // Vjesnik NFH*, no. 2112, г. XII, 17. II 1952. С. 4.

⁷⁹ Эта роль Югославии приносила желаемый эффект, что видно, среди прочего, и из того, что после посещения советской делегацией Белграда в 1955 г. члены Польской коммунистической партии засыпали свое руководство вопросами, дискредитировавшими тогдашнюю советскую политику: «Нам представляли Тито как фашиста, а теперь тов. Хрущев обращается к нему как к товарищу. [...] Какой в настоящее время строй в Югославии? [...] Был ли прав Тито до 1948 г.? Перестали ли югославы быть фашистами? [...] Не означает ли соглашение с Югославией идеологические уступки с нашей стороны? [...] значит ли, что политическая линия Гомулки была правильной» и т. д. Об этом докладывал посол СССР в Польше П. Пономаренко Президиуму ЦК КПСС и Хрущеву 18 июня 1955 г. за № 322. (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 86–87).

⁸⁰ *Lorejn L. Održavanje Tita...* S. 12, 27, 86–87, 93 и т. д.

⁸¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 170. Л. 1–25. «О некоторых итогах нормализации советско-югославских отношений», М. Сулов, Б. Пономарев и А. Громыко в ЦК КПСС, 7 января 1956 г. Обширный проект записки об упорядочении последствий югославской «ереси». В том же духе написано и очень квалифицированное донесение корреспондента «Правды» в Белграде С. Крушинского главному редактору Д. Т. Шепилору «В Югославии после переговоров», от 8 июля 1955 г., с пометой «совершенно секретно», представленное в ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 48–61 (особенно Л. 52); а также: А. ЦК КПЮ. 507, IX, 119/1–56, *Fragmenti iz zapisnika o sastanku plenuma CK KPSS jula 1955 o politici SSSR — a rema Jugoslaviji* («строго поверливо»). С. 18.

⁸² *Bogetić Dragan. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961*. Beograd, 2006. S. 17.

Заключение

Идеологическая близость югославской и советской Коммунистических партий не могла изменить ключевых геополитических обстоятельств в Европе. Ни к одной социалистической стране не подходит так же хорошо, как к Югославии, наблюдение о том, что пограничные территории тоталитарной системы по сути дела есть «самые свободные малые копии большой деспотической модели. Контрольный механизм современного аппаратного государства крайне усложняет такое освобождение, пока существует сама деспотическая метрополия. Обособление Тито стало возможным благодаря необычайным геополитическим обстоятельствам»⁸³. Поэтому, несмотря на многочисленные обвинения со стороны Советского Союза в ревизионизме, отступление Югославии от догм марксизма — ленинизма не может быть доказано. По этой же причине политика Тито была зеркальным отражением политики Сталина.

Несмотря на образ гуманиста и миротворца, руководствующегося прагматическими соображениями, Тито был тоталитарным лидером с развитым инстинктом самосохранения и эффективным пропагандистским аппаратом. Период стабильности и роста среднего уровня жизни югославских граждан с 60-х по 80-е гг. XX века затенил послевоенные массовые казни реальных и потенциальных врагов, изгнание сотен тысяч человек из страны, концентрационные лагеря, сфабрикованные судебные процессы, насаждение страха и идеологическое насилие.

В Югославии, как и в других социалистических государствах, тоталитарная Партия, во главе с харизматичным Лидером, управляла массами, насаждая тоталитарную идеологию. На угрозу своим позициям эта структура реагировала уменьшением гражданской свободы, чистками в Партии, репрессиями и идеологическим давлением. Тоталитарные методы осуществляли не в той мере, в какой хотели, а лишь насколько могли. Диапазон употребления силы в СССР и в Югославии имел разные границы, т. к. из-за разного уровня военной и экономической силы советское государство пользовалось гораздо большей степенью независимости. Югославский репрессивный аппарат отчасти был ограничен ее специфической международной ролью «клина» и «катализатора недовольства» по отношению к социалистическим государствам и необходимостью интеграции в новое, западное военно-политическое окружение. Если сравнивать баланс социализма в Советском Союзе и Югославии, необходимо сказать, что югославские граждане все-таки

⁸³ Wittfogel Karl August. Orijentalna despocija. Usporedno istraživanje totalne moći. Zagreb, 1988. S. 305. Термин «современное аппаратное государство» является эквивалентом термина «тоталитарное государство». То же: Halle L. The cold war... P. 79–80.

меньше пострадали, чем советские, но не благодаря характеру и методам деятельности и правления КПЮ/СКЮ и Тито, а вопреки им, — благодаря стечению крайне специфических геополитических обстоятельств.

Резюме

В научной литературе до сих пор существуют противоречия по вопросу о характере социалистической Югославии. Про это государство говорят, что оно имело «однопартийную систему», «авторитарную систему», «самоуправленческий социализм» и др. Гораздо реже встречается мнение, а еще реже аргументированные доказательства того, что это был тоталитаризм. Конфликт с СССР и позднейшее позитивное представление режима Тито на Западе создали образ режима, существенно отличающегося от советского, — образ «социализма с человеческим лицом». Это было в действительности рождением национального коммунизма, гибридного феномена, тоталитарный характер которого долго был затуманен интернационалистической и гуманистической риторикой того времени. Позитивный взгляд западных интеллигентов с левыми взглядами на т. н. «титоизм» был вызван отчасти разочарованием в СССР. В Югославии, как и в других социалистических государствах, тоталитарная Партия, во главе которой стоял харизматичный Вождь, управляла массами, насаждая тоталитарную идеологию. На угрозу своим позициям эта структура реагировала сокращением гражданских свобод, чисткой в Партии, репрессиями и идеологической гегемонией. Режим отчасти был либерален в культуре, в меньшей степени и в экономике и национальной политике. Будучи консерватором по личным убеждениям, Тито играл роль либерального правителя, чтобы удовлетворить внешнеполитическим нуждам государства, сгладить внутренние противоречия и защитить свою позицию. В то же время так он скрывал изгнание политических противников, концентрационные лагеря, насаждение страха и идеологическое насилие. Югославские коммунисты воплощали тоталитарные методы не в желаемом объеме, а насколько позволяли возможности, диапазон употребления силы в СССР и в Югославии имел разную ширину из-за различий в силе и степени независимости двух этих стран. Тито, несмотря на строившийся по прагматическим причинам имидж гуманиста и миротворца, был не чем иным, как тоталитарным лидером с развитым инстинктом самосохранения и эффективным пропагандистским аппаратом.

Перевод с сербского Н. Г. Струниной

Пол Чейсти

ПРОВАЛ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ (1990–1993): УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?

При анализе октябрьских событий 1993 г. западные исследователи в целом разделяют мнение о том, что российский парламент, созданный в поздний период перестройки, обладал полномочиями и структурами, несовместимыми с процессом демократической консолидации¹. Однако было бы ошибкой полагать, что российские парламентарии не были в состоянии осознать те проблемы, которые затрудняли как работу самого парламента, так и его взаимоотношения с исполнительной властью. Многие депутаты и союзного, и российского парламента выступали за создание «профессионального парламента», выдвигая многочисленные проекты реформ, призванных разрешить сложившийся в России, по мнению некоторых депутатов, «кризис парламентаризма». Эти реформы, предлагавшиеся и демократами, и консерваторами, ставили новые вопросы о целях и задачах депутатов первого постсоветского российского парламента. В данной статье, опираясь на многочисленные недавно опубликованные и неопубликованные источники, мы постараемся дать общее представление об этих предложениях, а затем выяснить, почему они в конечном счете не сумели обеспечить решение институциональных конфликтов, которые привели к трагическим событиям октября 1993 г.

¹ См.: *Hahn J. W.* 'Studying the Russian Experience: Lessons for Legislative Studies (and for Russia) // *Hahn J. W.* (ed.). *Democratisation in Russia: The Development of Legislative Institutions*. Armonk, NY, M. E. Sharpe, 1995. P. 241–261.

История парламентской реформы

С того момента, когда в поздний период перестройки в СССР была создана новая парламентская система, главной темой дискуссий стало предназначение новых законодательных органов. Являлись ли эти парламенты просто юридическими органами, призванными заново легитимировать власть Коммунистической партии? Была ли законодательная реформа искренней попыткой возродить советы как демократические институты? Можно ли построить правовое государство без создания «профессиональных парламентов»? Подобные вопросы подвергали сомнению норму, установленную доперестроечными парламентами; иными словами, разрушалась связь между партией и государством.

Эти расхождения во взглядах проявились уже на первых сессиях союзного парламента. На самой первой сессии Съезда народных депутатов СССР, проходившей в мае — июне 1989 г., Андрей Сахаров в своем первом выступлении перед съездом подверг критике двухуровневую структуру союзного парламента². Другие депутаты, по различным причинам, выражали потребность в создании «профессионального», постоянно работающего парламента³. Внутренние правила и процедуры также стали предметом реформ в связи с попытками депутатов повысить эффективность парламента⁴, сам же всесоюзный парламента, изначально создававшийся в рамках горбачевской демократизации, превратился в форум, на котором депутаты начали экспериментировать с различными парламентскими методами и процедурами⁵.

² Законодательные реформы Горбачева, впервые оглашенные на XIX партийной конференции (июнь 1988), предусматривали создание парламента с четко выраженной двухуровневой структурой. Этот орган состоял из двух законодательных собраний: Съезда народных депутатов — однопалатного верховного законодательного собрания с прямыми выборами депутатов, который собирался дважды в год и, в свою очередь, выбирал из своих рядов Верховный Совет — менее многочисленный, двухпалатный, постоянно действующий законодательный орган. Эти законодательные рамки были зафиксированы в Конституции РСФСР в октябре 1989 г.; первая сессия российского Съезда народных депутатов была проведена в марте 1990 г., Верховный Совет РСФСР избран в июне 1990 г.

³ Ср., например, взгляды депутатов Золотухина и Кудрявцева, указывавших, что новая парламентская структура затруднит создание полноценного профессионального парламента, в то время как Бурлацкий и ряд других депутатов полагали, что двухуровневая структура будет способствовать созданию такого института (*Then R. H. W. The USSR First Congress of People's Deputies: Complete Documents and Records, May 25 1989 — June 10 1989. New York, Paragon House, 1991. Vol. I. P. 48–56.*)

⁴ См.: Долганов В., Степовой А. Шаг к правовому государству // Известия. 2 ноября 1989. С. 1–2. Здесь приводится изложение дискуссии на второй сессии Верховного Совета СССР о способах совершенствования работы парламента — его комитетов и комиссий, палат и руководящих органов.

⁵ См.: Foster-Simons F. The Soviet Legislature: Gorbachev's «School of Democracy» // D. D. Barry (ed.). *Toward the 'Rule of Law' in Russia? Political and Legal Reform in the Transition Period.* Armonk, NY, M. E. Sharpe, 1992. P.115–137.

Учреждение аналогичной законодательной структуры на территории РСФСР в марте 1990 г. стало дальнейшим шагом к освобождению от оков КПСС. Критика двухуровневой парламентской структуры, прозвучавшая на первой сессии всесоюзного парламента, повторялась депутатами и на первой сессии российского Съезда народных депутатов в июне 1990 г. Предложение Сахарова ликвидировать двухуровневую структуру и превратить Съезд в постоянно функционирующий орган было встречено с большим энтузиазмом. Депутат Виктор Шейнис, представлявший, как и Сахаров, демократов, выступил с рядом предложений, которые ранее обсуждались в парламентской «согласительной комиссии» и сводились либо к превращению Съезда в постоянное законодательное собрание, либо к передаче его полномочий расширенному Верховному Совету. Шейнис заявил, что существующая законодательная структура «иррациональна и недемократична», поскольку она разделяет «депутатов на две категории: тех, кто фактически выполняет лишь роль выборщиков, и на депутатов, которые будут участвовать в постоянной законотворческой и контролирующей работе»⁶.

Этот взгляд, широко распространенный среди депутатов-демократов, не должен никого удивлять; в конце концов, демократы были крайне заинтересованы в ослаблении партийного контроля над Верховным Советом путем увеличения его размеров. Однако депутаты-центристы также поддерживали это предложение. Например, центристы-консерваторы из группы «Смена» предлагали реформы, предусматривавшие расширение Верховного Совета⁷. В итоге более шестисот депутатов — абсолютное большинство — проголосовали за отмену двухуровневой системы и превращение Съезда народных депутатов в постоянное законодательное собрание⁸. Такого числа голосов было недостаточно для внесения поправки в Конституцию, но в результате на самом первом этапе парламентского развития было выявлено желание депутатов-демократов и центристов исправить недостатки, присущие, по их мнению, парламентской структуре.

Крушение Коммунистической партии в августе 1991 г. и распад Советского Союза 31 декабря 1991 г. не сопровождались принятием новой Конституции для России. Двухуровневая парламентская система, находившаяся в центре ранних реформаторских предложений, продолжала существовать, а расту-

⁶ Съезд народных депутатов РСФСР: стенографический отчет // Советская Россия. 6 июня 1990. С. 7.

⁷ Съезд народных депутатов РСФСР: стенографический отчет // Советская Россия. 7 июня 1990. С. 2. См. также аналогичные предложения в выступлениях депутатов Дерягина, Пудовкина («Демократическая Россия»), Лысова («Смена»), Жигулина («Смена»), Пиче-оола и Нифантьева (С. 1–5).

⁸ Из 966 депутатов 603 проголосовали за это предложение, 317 — против, и 46 воздержались (Съезд народных депутатов РСФСР: стенографический отчет // Советская Россия. 7 июня 1990. С. 6).

щее напряжение между парламентом и исполнительной властью в отношении курса правительственных экономических реформ сильно тормозило процесс конституционного строительства. Демократы и реформаторски настроенные центристы как в составе парламента, так и за его пределами объявили о «кризисе парламентаризма»⁹ в России и рассматривали разные способы ускорить процесс политических реформ. События во время Шестого съезда народных депутатов¹⁰, проходившего в апреле 1992 г., и неспособность парламента добиться существенного прогресса в отношении вопроса о новой Конституции усугубили старания депутатов, озабоченных проблемой парламентской реформы. Но эти же события четко выявили раскол между депутатами в отношении требуемой стратегии. Депутаты из популистского крыла «Демократической России» — такие, как Глеб Якунин и Лев Пономарев, — выступали за роспуск Съезда и выборы нового законодательного собрания, в то время как «Свободные демократы», например в лице Марины Салье, предлагали созвать учредительное собрание дореволюционного типа с целью принятия новой Конституции. Напротив, умеренные демократы и центристы в составе парламента, чьи взгляды представляли такие депутаты, как Шейнис и Валерий Герасимов, координатор умеренной центристской фракции «Левый центр», стремились избежать дестабилизирующего конфликта с консервативными депутатами, враждебно относившимися к идее новых выборов¹¹. Делая акцент на необходимости создать в парламенте прореформаторский политический центр, который бы обеспечил стабильность и вымостил конституционную дорогу к новым выборам, такие депутаты признавали необходимым сохранить существующую структуру, хотя не отказывались от реформ, которые бы повысили эффективность парламента.

Те демократы и центристы, которые выступали за проведение внутренних институциональных реформ с целью усовершенствования функционирования существующей законодательной структуры, в переходный период до принятия новой Конституции в основном сосредоточили свое внимание на постоянно действующем органе парламента — Верховном Совете. Российские депутаты хорошо осознавали те проблемы, которые с самого

⁹ См.: *Малаш Л.* Шанс во спасение // Куранты. 29 мая 1992. С. 1.

¹⁰ На Шестом съезде (6–21 апреля 1992) депутаты вносили предложения по ограничению полномочий президента, а экономическая программа правительства подверглась резкой критике, что привело к неудачной попытке вынести вотум недоверия правительству. Однако, после угрозы правительства уйти в отставку был достигнут компромисс. Эти события использовались умеренными депутатами парламента как предлог для укрепления сотрудничества между парламентом и исполнительной властью с целью избежать серьезных конфликтов в будущем.

¹¹ Все эти различные взгляды были оглашены демократами на конференции, организованной парламентской группой «Реформа» после Шестого съезда народных депутатов. Описание этой встречи см.: *Малаш Л.* Шанс во спасение // Куранты. 29 мая 1992.

начала препятствовали законодательной деятельности Верховного Совета СССР¹², и, когда с аналогичными трудностями столкнулся Верховный Совет РСФСР, начали высказываться почти аналогичные опасения. Главным выразителем подобных инициатив стал демократ и союзник Ельцина Сергей Филатов, первый заместитель председателя российского Верховного Совета и второй по своему положению депутат парламента. В октябре 1991 г. Филатов, в то время — секретарь президиума, выступил перед Советом Национальностей с докладом «Об улучшении деятельности Верховного Совета»¹³. Этот доклад стал кульминацией развернувшихся в президиуме дискуссий по предложениям реформы. Затем в каждой палате Верховного Совета были созданы временные комиссии по рассмотрению этих рекомендаций, а их работу, в свою очередь, оценивала рабочая группа. Готовые результаты этой деятельности были представлены Верховному Совету в ноябре 1992 г.

Этот неформальный альянс между демократами и центристами в первые годы работы парламента, обеспечивший избрание Бориса Ельцина как его председателя, отчасти объясняет высокий уровень поддержки парламентских реформ, предложенных на Первом съезде народных депутатов России. В период вплоть до Шестого съезда народных депутатов и некоторое время после него демократы и умеренные центристы, по-видимому, также находили общий язык в отношении необходимости реформировать Верховный Совет. Например, в феврале 1992 г. семь влиятельных демократических и центристских фракций — «Демократическая Россия», «Объединенная фракция социал-демократов, республиканцев», «Левый центр», «Радикальные демократы», «Российский рабочий союз», «Беспартийные депутаты» и «Свободная Россия» — приняли декларацию, в которой очерчивалась совместная стратегия создания политического центра в поддержку экономических и политических реформ¹⁴. Эти фракции имели большое число сторонников как на Съезде, так и в Верховном Совете. Например, на Шестом съезде

¹² См. речь депутата Жигулина (Съезд народных депутатов РСФСР: стенографический отчет // Советская Россия. 7 июня 1990. С. 2).

¹³ Четвертая сессия Верховного Совета Российской Федерации, заседания Совета Национальностей: бюллетень № 6. 23 октября 1991. С. 15.

¹⁴ Авторы этой декларации, принятой в преддверии Шестого съезда народных депутатов, предлагали сформировать новый парламентский политический центр для поддержки экономических реформ правительства, при условии более серьезных социальных гарантий и усиленного внимания к политической реформе, а также для обеспечения политической стабильности и предотвращения угрозы «гражданской войны» и «диктатуры». Особый акцент делался на необходимости воспрепятствовать «бюрократизации» Верховного Совета (Проект-Заявление народных депутатов Российской Федерации — членов фракций «Беспартийные депутаты», «Демократическая Россия», «Объединенная фракция социал-демократов, республиканцев», «Левый центр», «Радикальные демократы», «Российский рабочий союз», «Свободная Россия». 17 февраля 1992: Личный архив д-ра Джеффри Глейснера, Университет Лидса, Великобритания. Автор выражает благодарность д-ру Глейснеру, ознакомившему его с этим документом).

народных депутатов из 829 депутатов, состоявших в каких-либо фракциях, 40% депутатов Съезда, 43% членов Верховного Совета с правом голоса и 45% процентов постоянных членов Верховного Совета (как с правом голоса, так и без него)¹⁵ были зарегистрированы как члены этих семи фракций¹⁶. Более высокое представительство фракций, поддерживающих реформы, в Верховном Совете по сравнению со Съездом — факт, подтверждающийся и другими исследованиями¹⁷, — а также большое число реформаторски настроенных демократов и депутатов-центристов, занимавших в то время важные должности в Верховном Совете, создавали возможность существенных перемен. Этой перспективе еще больше способствовало создание в мае 1992 г. парламентской группы «Реформа»¹⁸.

Созданная в ответ на «кризис» Шестого съезда, «Реформа» воплощала в себе озабоченность умеренных депутатов парламента, противостоявших радикальным экстремистам с обеих сторон. «Реформа» выступала за создание парламентского большинства, поддерживающего правительственную экономическую реформу, с целью ослабить влияние экстремистов в парламенте; кроме того, она требовала немедленных прагматических решений, направленных на превращение Верховного Совета в более эффективный законодательный орган. «Реформа» представляла собой внефракционную группу, состоявшую в основном из парламентских функционеров — руководящих должностных лиц, председателей комитетов и депутатов, в противоположность координаторам фракций, — и существовала отдельно от «Коалиции реформ»¹⁹. Она ставила перед собой целью привлечь в парламент «новые силы и сделать его более профессиональным, покончить с бездумной растратой времени на политические декламации и рекламу» и выступала за такие изменения в регламенте Верховного Совета, президиума и Съезда народных депутатов, которые «повысят эффективность их работы

¹⁵ Депутаты без права голоса — те депутаты Съезда, которые не были избраны в Верховный Совет, — могли работать в нем на постоянной основе. Они обладали совещательным голосом в комитетах и комиссиях, но не могли участвовать в голосованиях в обеих палатах парламента.

¹⁶ Эти цифры вычислены на основе данных пресс-центра Верховного Совета (Политическое самоопределение съезда: депутатские фракции и блоки // Парламентская неделя. 13–18 апреля 1992. С. 10).

¹⁷ См.: *Remington T., Smith S., Kiewiet D. and Haspel M.* Transitional Institutions and Parliamentary Alignments in Russia, 1990–1993 // *T. Remington* (ed.). *Parliaments in Transition: The New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe*. Boulder, CO, Westview Press, 1994. P. 173.

¹⁸ Заявление о создании внефракционной группы депутатов в Российском парламенте. Май 1992. Личный архив д-ра Джеффри Глейснера, Университет Лидса. Автор выражает благодарность д-ру Глейснеру, ознакомившему его с этим документом.

¹⁹ Многие члены «Реформы» состояли в «Коалиции реформ». «Коалиция» представляла собой аморфную группу, представлявшую множество оттенков демократического и центристского толка.

и исключают возможность манипулирования этими органами»²⁰. Из списка подписавшихся под заявлением об основании группы видно, что движущей силой, стоявшей за созданием «Реформы», были демократы; но несмотря на это, учредители группы подчеркивали необходимость межфракционного сотрудничества. Более того, группа пользовалась поддержкой со стороны многих высокопоставленных депутатов — например, в список учредителей вошли восемь председателей комитетов и комиссий, включая председателя Конституционной комиссии,²¹ — что свидетельствует о том влиянии, которое реформаторские идеи имели в верхних эшелонах парламента.

Неофициальным вождем «Реформы» являлся Филатов, и он же руководил рассмотрением реформаторских предложений, которые были подготовлены вышеупомянутой рабочей группой. Эта рабочая группа рекомендовала подробно определить правила и предписания, касающиеся взаимоотношений между парламентом и правительством, процедур проведения отдельных и совместных сессий парламента и президиума, разделения полномочий между руководящими органами Верховного Совета, статуса депутатов и этического кодекса их поведения, деятельности фракций, а кроме того, создать внутрипарламентский орган контроля за эффективным выполнением и соблюдением новых правил и процедур²². К тому времени, как эти предложения были представлены в Верховный Совет в ноябре 1992 г., отношения между Ельциным и председателем парламента Русланом Хасбулатовым заметно ухудшились. Этот разрастающийся конфликт привел к расколу в стане сторонников реформы, и, когда Хасбулатов успешно провел два голосования за приостановку рассмотрения предложений, рекомендованных парламентской рабочей группой, только 13 и 14 депутатов соответственно проголосовало «против»²³.

К лету 1992 г. складывающийся парламентский центр, состоявший из умеренных центристов и демократов, ориентировавшихся на Филатова, и консервативных центристов во главе с Хасбулатовым, оказался под угрозой распада²⁴. Нарастание конфликта между парламентом и президентом по вопросу о курсе экономических реформ, о чем свидетельствовали события на Шестом съезде народных депутатов, и спор по поводу контроля

²⁰ Заявление о создании внефракционной группы депутатов в Российском парламенте. Май 1992. С. 3.

²¹ Там же. С. 6.

²² Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей: бюллетень № 14. 5 ноября 1992. С. 6–7.

²³ Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей: бюллетень № 18. 13 ноября 1992. С. 15–16.

²⁴ Интересное изложение событий в парламенте в течение этого периода и в дальнейшем см.: *Gleisner J., Byzov L., Biryukov N. and Sergeyev V. The Parliament and the Cabinet: Parties, Factions and Parliamentary Control in Russia (1990–1993) // Journal of Contemporary History. 3. 1996. P. 427–461.*

над газетой «Известия»²⁵ летом 1992 г. поляризовали депутатов Верховного Совета²⁶. Реформы ассоциировались с пропрезидентски настроенными демократами, которые якобы угрожали подорвать работу парламента, а Филатова обвиняли в том, что он добивается места спикера. Хасбулатов использовал этот предлог для того, чтобы усилить свой контроль за парламентом. В августе 1992 г. он существенно урезал полномочия Филатова как первого заместителя председателя, и, хотя действия Хасбулатова были осуждены и демократами, и некоторыми центристами из состава парламента, его позиция не была серьезно поколеблена²⁷.

Это событие выявило снижение влияния демократов в парламенте. После Седьмого съезда народных депутатов Филатов покинул парламент, возглавив президентскую администрацию, и группа «Реформа» распалась. Причиной стало отсутствие парламентского центра. В течение 1993 г. и руководство парламента, и центристское большинство все сильнее смыкались с радикальной оппозицией; та, представленная в парламенте блоком «Российское единство», в итоге усилила свое влияние. Однако эти события не стали концом попыток реорганизовать парламент. Депутаты, ранее активно работавшие в «Реформе», ядро которой послужило основой для демократической фракции «Согласие ради прогресса», продолжали выступать за меры, призванные повысить эффективность парламента, а некоторые консервативные депутаты-центристы, патриоты и коммунисты — также настаивали на переменах.

Реформаторские предложения, обсуждавшиеся в течение недолгой жизни парламента, можно разделить на программы-минимум и программы-максимум. Программы-минимум предусматривали немедленные реформы, призванные повысить эффективность существующего законодательного собрания — Верховного Совета; программы-максимум включали в себя более сложную задачу — проведение конституционной реформы. Провал этих попыток стал серьезным ударом по тем, кто пытался найти демократический выход из тупика, в который зашел в 1992–1993 гг. конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти.

²⁵ После заявлений о том, что «Известия» целенаправленно пытаются дискредитировать парламент, председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов 17 июля 1992 г. издал указ, направленный на усиление парламентского контроля за газетой. Правительство — в первую очередь министр печати Михаил Полторанин — отказалось поддерживать действия парламента, и между правительством и парламентом разразилась словесная война.

²⁶ Изменениям в расстановке сил и политическим расколам, наблюдавшимся в парламенте в тот период, посвящается все большее число работ. См., например: *Sobyanin A. Political Cleavages Among the Russian Deputies // Remington (ed.). Parliaments in Transition. P. 181–215; Remington, Smith, Kiewiet and Haspel. Transitional Institutions and Parliamentary Alignments in Russia, 1990–1993 // Remington (ed.). Parliaments in Transition. P. 159–180.*

²⁷ Например, когда депутат-демократ Золотухин предложил расследовать действия Хасбулатова, это предложение поддержали лишь 22 и 24 депутата в каждой из палат Верховного Совета (*Лукьянова Л. Правила для председателя // Куранты. 6 января 1993. С. 4.*)

Программа-минимум реформ

Дискурс парламентской реформы был сильно нагружен такими словами как «профессиональный», «нормальный» и «цивилизованный». За этими словами стояло представление, в сознании одних депутатов сложившееся более, в сознании других — менее отчетливо, о том типе парламента, который желали создать эти политики. Понятие «профессионального парламента» восходило к позднеперестроечному периоду и было открыто для самых широких интерпретаций. С одной стороны, оно включало в себя перестроечный идеал компетентного представительства — создание работоспособных законодательных органов, состоящих из юристов и образованных профессионалов, работающих с остатками советской системы власти, — а с другой стороны, допускало и постперестроечные представления о парламенте, функционирующем в рамках либеральной системы сдержек и противовесов. Депутаты и союзного, и российского парламента вели открытые дискуссии об этих разнородных идеях.

Реформы по повышению «профессионализма» парламента включали в себя: а) изменения правил, позволяющие депутатам постоянно работать в Верховном Совете; б) рекомендации по повышению статуса и роли политических фракций; в) меры по повышению эффективности комитетов и комиссий; г) предложения по упорядочению руководящих органов парламента; д) реформы, направленные на повышение стандартов законодательной работы в парламенте.

Изменения правил для «профессионализации» депутатской работы

Законы СССР и РСФСР «О статусе народного депутата» содержали лазейки, позволявшие депутатам, избранным в Верховный Совет, сохранять свои рабочие места за пределами парламента²⁸. Утверждалась, что эта практика является одной из причин хронического отсутствия кворума на сессиях российского парламента, а также низкой посещаемости заседаний комиссий и комитетов. Подавляющее большинство депутатов как союзного, так и российского парламента поддерживало реформы по исправлению этой ситуации. Например, на 1-м Всесоюзном съезде народных депутатов более шестисот депутатов проголосовало за конституционную поправку по этому

²⁸ См.: Авакьян С. Профессия — депутат // Народный депутат. 1991. № 10. С. 13–21.

вопросу²⁹, а во время опроса 512 депутатов на 5-м съезде народных депутатов РФ, включая 145 членов Верховного Совета, лишь 37 депутатов отрицательно ответили на вопрос: «Считаете ли вы, что члены Верховного Совета должны работать только на постоянной основе?»³⁰. Двусмысленность, окружающая статус депутата, была в конце концов устранена на 5-м съезде народных депутатов с внесением поправки в 118-ю статью российской Конституции, которая отныне запрещала депутатам, избранным в Верховный Совет, иметь другое место работы.

Однако это стремление к созданию профессионального парламента не разделялось многими заметными фигурами как из президентского, так и из парламентского лагеря. Во-первых, многие депутаты, связанные с исполнительной властью, откровенно нарушали статью 92 Конституции, запрещавшую депутатам работать в исполнительной власти. И даже когда статья 92 получила более жесткую формулировку с целью повысить посещаемость сессий, парламенту все равно с трудом удавалось собирать кворум. Согласно одной из оценок, к лету 1993 г. до 150 депутатов продолжали работать в правительственных и президентских учреждениях³¹. Во-вторых, юридические права депутатов оказались под угрозой из-за растущей власти Хасбулатова. Летом 1992 г. Хасбулатов издал два указа; по первому из них председатель Верховного Совета получал возможность лишать отдельных депутатов права беспрепятственного прохода во все государственные и общественные учреждения³²; согласно второму, депутаты могли обращаться с запросами в органы исполнительной власти лишь с согласия председателя³³. Противостояние депутатов, желающих упрочить свою независимость, и Хасбулатова, стремящегося усилить свой контроль над парламентом, становилось все более опасным по мере того, как ухудшались отношения парламента с президентом.

Повышение роли политических фракций

Работу Верховного Совета затрудняло отсутствие организованных и дисциплинированных политических фракций. Фракции лишь ограниченно

²⁹ *Theen*. The USSR First Congress of People's Deputies: Complete Documents and Records. Vol. I. P. 60.

³⁰ *Кондратьев А. В., Собянин А., Юрьев Д.* Российский Верховный Совет может стать профессиональным уже на ближайшем съезде // Парламентская неделя. 14–20 октября 1991. С. 26.

³¹ Российская газета. 14 июля 1993. С. 1.

³² *Малаш Л.* Спикер всея Руси // Куранты. 9 сентября 1992. С. 4.

³³ *Соколов М.* Спикер-солнце: парламент — это я // Коммерсант. 24–31 августа 1992. С. 18.

влияли на действия главных органов парламента — президиума, комитетов и комиссий и обеих палат. За исключением фракции «Смена — новая политика», фракции не играли заметной роли в качестве инициаторов законопроектов и оказывали ограниченное влияние на то, как голосуют депутаты. В распоряжении фракций почти не имелось мер дисциплинарного воздействия. Например, слабость взаимоотношений между фракциями и внепарламентскими политическими партиями и общественными движениями позволяла депутатам забывать о наказах избирателей. Более того, существование фракций даже не было формально признано в регламенте Верховного Совета.

Инициативы реформ по усилению парламентских фракций исходили либо из Совета фракций — неофициального органа, созданного на Третьем съезде народных депутатов для содействия и координации работы фракций, либо из самих фракций. Владимир Новиков, председатель Совета фракций и координатор центристских фракций «Беспартийные депутаты» и «Свободная Россия», выдвигал предложения по формализации работы Совета. С целью повышения фракционной дисциплины Новиков также рекомендовал внедрить во фракциях систему «кнотов», ответственных за контроль над поведением членов фракций, и поддерживал идею об оплате должности лидеров фракций в ответ на повышение их ответственности и бдительности³⁴. Консервативные центристы из фракции «Смена — новая политика» призывали к более радикальным реформам по интеграции фракций в парламентскую структуру. Опираясь на опыт немецкого Бундестага, «Смена» предлагала изменить состав президиума, включив в него представителей фракций. Эта идея в итоге нашла свое отражение в структуре современной Думы. Наконец, демократической фракцией «Согласие ради прогресса» был предложен законопроект, содержащий рекомендации по увеличению ресурсов, доступных для фракций³⁵.

Однако все эти реформы оказались крайне противоречивыми, и все подобные предложения наталкивались на массовую неприязнь к действиям фракций в парламенте. Многие депутаты мысленно проводили различие между «профессиональной» законодательной работой в парламенте и «политической» деятельностью фракций, которая воспринималась в отдельности

³⁴ Поспелова Ю. Умом Россию не понять, кнутом парламент не исправить // Коммерсант. 3–10 февраля 1992. С. 20.

³⁵ Об утверждении положения об обеспечении деятельности депутатских фракций. Проект: Постановление Совета Республики Верховного Совета Российской Федерации, 3 мая 1993: Личный архив автора. В этом законопроекте предлагалось наделить фракции правом пользоваться офисными помещениями в Белом доме и на Новом Арбате, компьютерами и коммуникационной техникой, офисным оборудованием и организационными технологиями, транспортом, а также возможностью обращаться к услугам аппарата Верховного Совета на равных условиях с комитетами и комиссиями; оплачивать работу персонала и специалистов фракций из бюджета Верховного Совета; дать фракциям право держать одного представителя персонала в аппарате Верховного Совета и позволить им заводить неограниченное число помощников.

от «парламентской» работы³⁶. Такое отношение к фракциям уходило своими корнями в советскую эпоху. Соответственно, на пути этих реформ множились препятствия. Например, президиум противодействовал всем попыткам укрепить положение фракций в парламенте³⁷. Важную роль также играли политические факторы. Новикова критиковали за превращение Совета фракций в механизм проведения центристской политики как на Съездах народных депутатов, так и в Верховном Совете, а демократы в течение 1993 г. старались дискредитировать Совет фракций, обвиняя Новикова в том, что он использует его для лоббирования центристской поддержки Хасбулатова³⁸.

Создание эффективных комитетов и комиссий

Российский Верховный Совет обладал разветвленной сетью из двадцати семи постоянных комитетов и комиссий, сферы деятельности которых во многих случаях перекрывались. Комитеты и комиссии являлись главными законодательными органами парламента, но уровень законодательной продуктивности менялся от комитета к комитету и от комиссии к комиссии. Эта проблема отчасти была следствием низкого уровня участия как голосующих, так и неголосующих депутатов в работе комитетов и комиссий; еще сильнее она усугублялась отсутствием достаточных ресурсов для поддержки законодательной деятельности комитетов и комиссий.

Во время первых дискуссий о формировании новой системы комитетов и комиссий депутаты из различных центристских и демократических групп говорили о потребности в создании комитетов и комиссий, обладающих

³⁶ Согласно выборочному опросу членов фракций, проведенному Глейснером с группой исследователей, лишь 18% из опрошенных депутатов ответили, что они «полностью удовлетворены» работой своих фракций, а 31% выбрали ответ «полностью не удовлетворены»: Gleisner, Byzov, Biryukov and Sergeev. *The Parliament and the Cabinet: Parties, Factions and Parliamentary Control in Russia (1990–1993)*. P. 442.

³⁷ Председатели комитетов и комиссий, составлявшие основную массу членов президиума, враждебно относились к идее усилить представительство фракций в президиуме. Считалось, что фракции играют маргинальную роль в законодательной работе парламента. Например, предложения Новикова были прохладно встречены президиумом в феврале 1992 г. Председатель одного из комитетов Жуков выразился в отношении плана Новикова, что «не укладывается все это в голове», а председатель одной из комиссий Медведев заявил, что фракции «мешают работать» (*Поспелова Ю.* Умом Россию на понять, кнута парламента не исправить // *Коммерсант*. 3–10 февраля 1992. С. 20).

³⁸ См.: Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации, заседания Совета Республики: бюллетень № 11. 13 мая 1993. С. 25–28. Обсуждая предложения по повышению эффективности фракций, многие депутаты с подозрительностью высказывались о мотивах действий Новикова. Например, депутат Шеболдаев заявил, что Совет фракций станет еще одним орудием для контроля за деятельностью депутатов со стороны председателя Верховного Совета.

эффективными законодательными и контрольными функциями, благодаря чему парламент станет отличаться от своего предшественника³⁹. С этой целью предлагался ряд реформ, призванных обеспечить более эффективное функционирование системы комитетов и комиссий. Например, центристская фракция «Беспартийные депутаты» предложила объединить все двадцать семь комитетов и комиссий в семь суперкомитетов⁴⁰, а Филатов, первый заместитель председателя Верховного Совета, рекомендовал изменить парламентское расписание таким образом, чтобы у депутатов оставалось больше времени на работу в комитетах и комиссиях⁴¹. Группой социологов, проводивших исследование парламента по заказу Филатова, был представлен и более амбициозный проект по передаче ряда полномочий от председателя и президиума комитетам и комиссиям — по образцу германского Бундестага⁴². Эта исследовательская группа пришла к выводу о том, что комитеты и комиссии должны играть главную роль в законотворческой активности и что президиуму следует ограничиться координацией их работы⁴³.

Эти рекомендации противоречили интересам большинства депутатов парламента. Президиум выполнял роль буфера, отсекавшего все предложения, которые сокращали полномочия председателей постоянных комитетов и комиссий. Представляя доклад «О совершенствовании работы Верховного Совета», основанный на исследованиях вышеупомянутой группы социологов, депутат Митюков — реформаторски настроенный центрист и председатель Комитета по законодательству — признал, что реформы, предусматривающие уменьшение числа комитетов и комиссий, были бы невозможны

³⁹ См. выступления депутатов Ведерникова («Демократическая Россия»), Евтушенко («Радикальные демократы»), Герасимова (впоследствии состоявшего в «Левом центре») и Мазеева («Смена»). Первая сессия Верховного Совета Российской Федерации, заседания Совета Республики: бюллетень № 3. 14 июня 1990. С. 16–39.

⁴⁰ Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей. Бюллетень № 14. 5 ноября 1992. С. 35. Митюков, реформаторски настроенный председатель Комитета по законодательству, также предлагал, чтобы в каждой палате существовало только по шесть комиссий (Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей. Бюллетень № 41, часть 2. 24 июня 1993. С. 37).

⁴¹ Филатов предложил, чтобы каждая вторая неделя во время проведения сессий Верховного Совета отводилась исключительно на работу комитетов и комиссий (Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей. Бюллетень № 2, часть 2. 23 сентября 1992. С. 14).

⁴² По заказу Филатова были проведены два крупных аналитических исследования. Доклад по первому из них, представленный Амелиным и Востриковым, стал основой для предложений, представленных Верховному Совету в ноябре 1992 г.; второй доклад Владимира Амелина и Юрия Коломийца был опубликован уже после перехода Филатова в президентскую администрацию.

⁴³ Амелин В., Востриков Ю. Аналитический отчет по результатам социологического исследования: проблемы повышения эффективности деятельности Верховного Совета Российской Федерации и его аппарата. М.: ТОО «Инновационные формы обучения кадров столицы», 1992.

в обозримом будущем из-за оппозиции со стороны председателей комитетов и комиссий⁴⁴. Другие предложения реформ, вдохновителем которых также являлся Филатов, практически перестали выдвигаться после его отставки в январе 1993 г. Более того, в течение 1993 г., с нарастанием конфликта между Ельциным и парламентом, Хасбулатов поставил под более жесткий контроль работу комитетов и комиссий, что выразилось в «реорганизации» трех «демократических» комитетов в 1993 г.⁴⁵

Контроль за руководящими органами парламента

Важным фактором, стоявшим за инициативами реформ в Верховном Совете, была озабоченность растущей властью руководящих органов парламента, особенно аппарата его председателя. Главными сторонниками предложений такого рода были демократы, все сильнее ощущавшие на себе усиление влияния спикера, но не они одни призывали к реформам по децентрализации вертикальной структуры власти в парламенте.

Демократы утверждали, что Хасбулатов создал структуру коллективного руководства, обособленную от обеих палат и диктующую свою волю всему парламенту. Например, депутат Золотухин, демократ и активный участник «Коалиции реформ», заявлял, что «спикер должен быть не начальником палаты, не ее руководителем, а ее слугой»⁴⁶. Власть руководящего аппарата подвергалась критике и со стороны консерваторов в парламенте. Депутат Бабурин, один из координаторов «Русского единства», отмечал, что президиум — «это чуждый парламенту орган. И вместо того чтобы заниматься действительно укреплением парламентской системы, мы занимаемся укреплением номенклатурных подходов при организации работы Верховного Совета»⁴⁷. Нажим на Хасбулатова оказывали и председатели палат. Политически консервативный председатель Совета республики Вениамин Соколов открыто высказывался

⁴⁴ Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей. Бюллетень № 14. 5 ноября 1992. С. 5.

⁴⁵ В течение 1993 г. Хасбулатов инициировал кампанию против председателей тех «демократических» комитетов и комиссий, которые выражали поддержку Ельцину. Была объявлена необходимость в «реорганизации» шести комитетов и комиссий: Комитета по экономической реформе и собственности, Комитета по СМИ, Комитета по законодательству, Комитета по обороне и безопасности, Комитета по правам человека и Бюджетной комиссии. В итоге пострадали только три комитета — по СМИ, по экономической реформе и по законодательству. Председатели всех трех комитетов лишились своих должностей, а сами комитеты подверглись значительной реорганизации.

⁴⁶ Лукьянова Л. Правила для председателя // Куранты. 6 января 1993. С. 4.

⁴⁷ Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации, заседания Совета Республики. Бюллетень № 7. 3 марта 1993. С. 36.

за переход к «нормальной двухпалатной системе»⁴⁸. Реформаторы полагали, что путем усиления обеих палат и уменьшения числа совместных заседаний удастся существенно ограничить влияние председателя Верховного Совета.

Предложения по реформированию должности спикера опирались на сравнительный опыт парламентской работы. Депутат Румянцев, председатель Конституционной комиссии, предложил принять новые правила и предписания, четко определяющие полномочия председателя, взяв за образец правила, определяющие полномочия спикера американской Палаты представителей⁴⁹. Также предлагались реформы по усилению контроля за деятельностью секретариата председателя и смежных с ним аппаратов заместителей председателя. Например, депутат Красавченко, убежденный демократ и председатель Комитета по экономической реформе, рекомендовал отменить должность заместителя председателя, которая, по его мнению, лишь усиливала контроль председателя за Верховным Советом⁵⁰. Более того, президиум, как мы видели, оказался основной точкой приложения реформ по реструктуризации устройства парламента; а председатель Совета республики Соколов создал комиссию для рассмотрения предложений, выдвигавшихся депутатами самой разной политической ориентации, о различных способах усиления Совета республики и двухпалатной структуры парламента — кульминацией этих усилий стали реформы, направленные на содействие дискуссиям об экономической политике в палате⁵¹.

Однако эти реформы оказались безуспешными. С нарастанием конфликта между Ельциным и парламентом реформы все сильнее ассоциировались с демократами пропрезидентской направленности, которые якобы пытались дискредитировать парламента и отвлечь его от оппозиции экономическим реформам правительства; утверждалось, что это — составная часть президентской стратегии, однажды уподобленной в консервативной газете «Правда» «удушению парламента в мягких объятиях»⁵². Депутат Исаков, ре-

⁴⁸ Подкопалов А., Стремидловский С. Парламент сейчас повторяет худший вариант ЦК КПСС // Комсомольская правда. 1 июня 1993. С. 1.

⁴⁹ Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей. Бюллетень № 14. 5 ноября 1992. С. 27.

⁵⁰ Четвертая сессия Верховного Совета Российской Федерации, заседания Совета Национальностей. Бюллетень № 6. 23 октября 1991. С. 22–23.

⁵¹ В эту комиссию был внесен список из 27 различных предложений по усовершенствованию работы Совета Республики от депутатов, представлявших всевозможные политические направления. В число этих депутатов входили: Исправников («Рабочий союз — Реформы без шока»), Рыбкин («Коммунисты России»), Соколов («Россия»), Шеболдаев и Митюков («Свободная Россия»), Захаров («Коалиция реформ»), Румянцев («Родина»), Жигулин («Смена — новая политика»), Золотухин и Травников («Радикальные демократы»). (Предложения по организации работы Совета Республики Верховного Совета Российской Федерации, внесенные народными депутатами на заседаниях палаты. 16 февраля 1993: Личный архив автора.)

⁵² Как парламента «приручить» // Правда. 26 мая 1993. С. 1.

шительный критик ельцинского правительства, утверждал, что зацикленность «на пустых, по существу канцелярских вопросах — распределение должностных обязанностей между Заместителями Председателя Верховного Совета — имеет целью сознательно запутать депутатов»⁵³. Многие депутаты связывали свою судьбу с судьбой своего председателя, и потому неудивительно, что Хасбулатов успешно сопротивлялся попыткам ограничить его власть. Об этом свидетельствует та легкость, с какой Хасбулатов откладывал обсуждение предложений, внесенных в 1992 г. рабочей группой по парламентской реформе, а также его бесцеремонный отказ провести в президиуме обсуждение законов о контроле за полномочиями председателя⁵⁴. Кроме того, авторы некоторых предложений неверно понимали опыт работы других парламентов. По мнению многих демократов, председатель парламента в «нормальных» парламентах является просто нейтральной фигурой, ведущей заседания законодательного собрания.

Реформа законотворческой деятельности парламента

Верховный Совет был весьма плодовитым законодательным органом: на своих шести сессиях он принял более трехсот законов⁵⁵. Многие депутаты и обозреватели говорили о том, что парламент закладывает основы правового государства в России. Однако одно лишь количество — недостаточный показатель для оценки эффективности законодательства, а законотворческая работа затруднялась рядом факторов. Законодательная перегрузка; ограниченное привлечение внешних политических партий, общественных организаций и других официальных заинтересованных групп к законотворческому процессу; отсутствие четкой процедуры создания законопроектов; ограниченная информированность депутатов о законодательстве; неподходящие парламентские процедуры, такие как завышенные требования к кворуму, часто препятствовавшие принятию законов, — вот лишь некоторые проблемы из тех, с которыми сталкивались депутаты. Однако главными препятствиями для эффективного законотворчества были

⁵³ Овчаренко Г. Парламент в бушующем море кризиса // Правда. 5 сентября 1992. С. 2.

⁵⁴ Луговская А. Закрытое заседание Президиума Верховного Совета не скрыло нарастания острейшего парламентского кризиса // Известия. 9 июня 1993. С. 1.

⁵⁵ Четыре закона были приняты на первой сессии, 26 — на второй, 36 — на третьей, и 111 законов — на четвертой сессии (Российский парламент: от первого к седьмому съезду. М.: Известия, пресс-центр Верховного Совета, 1992. С. 26–70), 60 — на пятой сессии (Российская газета. 31 декабря 1992. С. 13) и 98 — на шестой сессии (Итоги шестой сессии // Парламентская неделя. № 23–24. 1993. С. 10).

те факторы, которые мешали успешному воплощению законов в жизнь. Контрольные полномочия парламента были весьма ограниченными, позволяя исполнительным органам посредством указов или иного вторичного законодательства выхолащивать законы, принятые парламентом.

Изменения в процедурах и в практике сказывались на проблемах, с которыми сталкивались депутаты. Рабочая группа, составившая план законодательной повестки дня для шестой сессии Верховного Совета, отчасти решила проблему законодательной перегрузки. Депутат Рябов, заместитель председателя Верховного Совета, воспринимал это как свидетельство возрастающего «профессионализма» парламента⁵⁶. Вносились предложения по наказаниям для депутатов, которые хронически не посещали голосования по палатам. Рябов предлагал лишать депутатов-прогульщиков зарплаты⁵⁷; в другой рекомендации предлагалось отменить правило кворума во время первого и второго чтений законопроектов, как принято в британской Палате общин⁵⁸. Закон по снижению требуемого кворума был в итоге принят в июле 1993 г., но на него наложил вето президент Ельцин. В начале 1993 г. в парламента был представлен более амбициозный проект создания органа, осуществляющего координацию работы всех участников законодательного процесса, как государственных, так и негосударственных. Однако это предложение во время обсуждения в Совете Республики было одобрено лишь 36 депутатами и критиковалось депутатами всех политических направлений как попытка руководства взять парламента под свой контроль⁵⁹. Реакция на это предложение, оглашенная Рябовым, выявила циничную оценку депутатами реформ, рекомендованных президиумом. В конце концов закон «О правительстве», ратифицированный на Седьмом съезде народных депутатов в качестве конституционной поправки, наделил правительство правом вносить в парламента законопроекты. Цель этого закона, расширявшего полномочия правительства, состояла в том, чтобы вывести министров из-под контроля президента и повысить подотчетность правительства перед парламентом⁶⁰. Однако эта поправка вступала в силу лишь начиная с Восьмого съезда, и в итоге правительством в парламента было представлено лишь семь законопроектов⁶¹.

⁵⁶ Звягин Ю. Верховный Совет в 1993 году // Народный депутат. № 6. 1993. С. 6.

⁵⁷ Рябов Н. Совет Республики сегодня и завтра // Народный депутат. № 18. 1992. С. 13.

⁵⁸ Актуальные проблемы конституционного законодательства. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Верховном Совете Российской Федерации. М., 1992. С. 94–103.

⁵⁹ Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации, заседания Совета Республики. Бюллетень № 2. 20 января 1993.

⁶⁰ См.: Законодательное закрепление принципа разделения властей — основа демократического государства (из стенограммы парламентских слушаний). 23 ноября 1992. С. 1–6.

⁶¹ Итоги шестой сессии // Парламентская неделя. № 23–24. 1993. С. 10.

Целью последней реформы было решение более серьезной проблемы разделения государственной власти в России. Закон «О правительстве» представлял собой попытку заново определить отношения между президентом и парламентом. Но каким образом депутаты интерпретировали такие концепции, как «разделение властей»? И какое место они отводили парламенту внутри новых конституционных рамок?

Программа-максимум реформ

В то время как депутаты всех политических направлений выступали за немедленные реформы, призванные повысить эффективность парламента, более сложный конституционный вопрос о будущей институциональной структуре государства выявил разногласия во взглядах среди реформаторов. За риторикой о «профессиональном парламентаризме» скрывались различные мнения о той роли, которую парламент должен играть в российской системе власти.

Тем депутатам из числа демократов и умеренных центристов, которые симпатизировали неконфронтационной стратегии группы «Реформа», было присуще такое видение парламентаризма в России, которое можно назвать либеральным или постперестроечным. Эти депутаты под влиянием президентской системы в США и премьерско-президентской структуры французского правительства признавали достоинства сильных институтов исполнительной власти, уравновешиваемых парламентом с эффективными законодательной и исполнительной контрольными функциями. Этот подход противоречил взглядам тех депутатов, которые предлагали немедленно распустить парламент и провести общенациональный референдум по принятию «суперпрезидентской» Конституции. По мнению сторонников неконфронтационной стратегии, один лишь президентализм оказывает деструктивное, а не конструктивное воздействие на политическую систему и, в свою очередь, ослабляет демократический контроль над номенклатурой. Поэтому они поддерживали смешанный конституционный вариант, предложенный Конституционной комиссией парламента,⁶² — так называемую конституцию с «сильным президентом и сильным парламентом». В заявлении о создании группы «Реформа» говорилось:

⁶² Согласно третьему проекту этого варианта Конституции, подготовленному для Шестого съезда народных депутатов Конституционной комиссией парламента, президент становится главой исполнительной власти, уполномоченным назначать и отправлять в отставку министров с одобрения парламента, но с ограниченным правом распускать парламент.

«Мы — убежденные сторонники конституционной реформы, осуществляемой конституционным путем. Мы — за сильную президентскую власть, самостоятельно действующую в сфере своих полномочий, и за парламент — единственный орган, издающий законы и утверждающий бюджет. Разумное разграничение полномочий между исполнительной и законодательной властями должна обеспечить новая Конституция России, проект которой в основном уже готов и принятие которой важно обеспечить в этом году.

До новых выборов на основе новой Конституции необходимо обеспечить эффективную работу нынешнего парламента. Мы выступаем против популистских приемов в политике и не поддерживаем проведение референдума, направлен ли он против парламента или Президента»⁶³.

До проведения Шестого съезда народных депутатов смешанный парламентско-президентский проект конституции пользовался поддержкой большинства демократических и центристских фракций⁶⁴. Фактически, согласно опросам, проведенным на Шестом и Седьмом съездах народных депутатов, такое конституционное устройство было наиболее популярным среди депутатов: 45% и 47% депутатов, опрошенных на Шестом и Седьмом съездах соответственно, высказались за смешанную президентско-парламентскую систему; чисто парламентскую систему поддерживали 38% и 37% депутатов, а президентской системе отдавали предпочтение лишь 17% и 15% депутатов соответственно⁶⁵. Более того, данные опроса, проведенного в марте 1993 г. на Восьмом съезде народных депутатов, позволяют сделать вывод о том, что большинство депутатов по-прежнему видело необходимость в упразднении Съезда как законодательного института — 56% депутатов, опрошенных на Восьмом съезде, согласились с этим вердиктом, а 52% депутатов выразили свою поддержку должности президента⁶⁶. По-видимому, эти данные подтверждают мнение о существовании в парламенте принципиального консенсуса между большинством демократов и центристов по вопросу о курсе политической реформы. Но без поддержки

⁶³ Заявление «О создании внефракционной группы депутатов в Российском парламенте». С. 2–3.

⁶⁴ В упоминавшейся выше совместной декларации демократических и центристских фракций, принятой в феврале 1992 г., все семь фракций выразили свою поддержку проекту, представленному Конституционной комиссией, и отвергли альтернативные варианты (Проект-Заявление народных депутатов Российской Федерации. С. 6).

⁶⁵ См.: Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации (социологический анализ) // Политическая социология: Информационный бюллетень № 7. Социологический и социально-психологический центр РАН, Институт комплексных социальных исследований. М., 1992. С. 9. Эти цифры основаны на опросе 352 депутатов, представлявших все политические блоки парламента.

⁶⁶ См.: Восьмой съезд народных депутатов Российской Федерации (Результаты опросов парламентариев) // Политическая социология: Информационный бюллетень № 4 (11). Социологический и социально-психологический центр РАН, Институт комплексных социальных исследований. М.: «Луч», 1993. С. 9. Эти цифры основаны на опросе 452 депутатов, представлявших все политические блоки парламента.

либо от парламентского руководства, либо от исполнительной власти сторонникам этого курса так и не удалось консолидироваться. Возможность достичь конституционного соглашения, которое бы устраивало и парламент, и президента, была упущена с эскалацией конфликта между Ельциным и парламентом. В результате инициатива перешла к тем депутатам, которые выступали за создание парламентской республики.

Депутаты с другого края парламентского политического спектра, которые поддерживали реформы по усилению парламента за счет президента, были представлены такими консервативными центристскими фракциями, как «Смена — новая политика», коммунистическими и патриотическими фракциями, составлявшими так называемую «непримиримую оппозицию», — представителем этой тенденции может служить блок «Российское единство». В целом, такой подход предусматривал построение в России модели «парламентского правительства». Но разные депутаты интерпретировали эту концепцию по-разному. Например, консервативные центристы из «Смены» выступали за немецкую модель с ограничением полномочий президента и передачей всей полноты власти канцлеру (председателю правительства), назначаемому парламентом и непосредственно подотчетному перед ним⁶⁷. Что касается депутатов-коммунистов, то они рассматривали парламентское правительство как аналог советской системы власти.

Предложенная Соколовым программа реформ, предусматривающая более заметную роль Совета Республики в дискуссиях об экономической политике, представляла собой попытку создать в парламенте структуры по принятию решений, которые бы могли оспорить полномочия правительства по составлению бюджета. Подобные предложения были направлены не просто на повышение подотчетности правительства перед парламентом — их цель состояла в установлении контроля над выработкой правительственной политики и определением ее направления.

Эти взгляды приобретали все большее влияние с нарастанием конфликта между парламентом и президентом в течение 1993 г. В пятом варианте проекта Конституции, представленном Конституционной комиссией в мае 1993 г., полномочия и статус президента были существенно ограничены. Более того, назначение Хасбулатовым Владимира Исакова, лидера «Российского единства», главой нового парламентского Комитета по конституционному законодательству летом 1993 г., служило недвусмысленным признаком того, что радикальная оппозиция начинает приобретать заметный вес в конституционных дискуссиях⁶⁸. Депутат Исаков, громогласный критик

⁶⁷ См.: Согласие ради прогресса. О некоторых вопросах соотношения полномочий законодательной и исполнительной властей. 9 марта 1993. Личный архив автора.

⁶⁸ Российские вести. 13 августа 1993. С. 1.

Ельцина, решительно выступал за парламентскую республику в России. Это назначение было явно сделано в пику Конституционной комиссии с ее смешанной президентско-парламентской формулой, выявив, наконец, намерения парламентского руководства в отношении конституционной реформы.

Но имелась ли возможность достичь примирения по этим вопросам на более раннем этапе? Позволяла ли перспектива создания «профессионального парламента» прийти сторонникам обоих подходов к компромиссу? Иными словами, мог ли данный парламент в годы, последовавшие за распадом Советского Союза, стать силой демократической консолидации?

Упущенная возможность?

Идея «профессионального парламента» основывалась на классической модели парламентской практики. Реформаторы в той или иной степени полагали, что нормативные стандарты суверенного парламентского и законодательного собрания определяются в первую очередь его эффективностью в качестве законодательного и контрольного органа. Такое понимание роли парламента, определяющее представительные органы власти в первую очередь в смысле их законотворческих функций, характерно для традиционного или классического либерального представления о законодательных собраниях. Эта точка зрения четко изложена в совместном заявлении демократических и центристских фракций, принятом перед Шестым съездом народных депутатов:

«Важная роль в проведении реформ принадлежит парламенту. Он проделал полезную работу, обеспечивая законодательную базу реформам. Его возможности в этом отношении далеко не исчерпаны. Основная задача заключается в формировании нового устойчивого большинства, политического центра, отсекающего экстремизм и демагогию справа и слева. Это большинство должно быть способно не только принять новые законы и изменить старые законы и постановления, тормозящие проведение реформ, но и осуществить эффективные контрольные функции (в особенности распоряжения бюджетом), без которых нет парламента»⁶⁹.

И хотя было бы преувеличением сказать, что все реформаторы верили в суверенное право парламента издавать законы, — напротив, как мы уже видели, депутаты придерживались различных взглядов по вопросу о разделении полномочий между парламентом и исполнительной властью, —

⁶⁹ Проект-Заявление народных депутатов Российской Федерации. С. 3. Слова в скобках принадлежат автору статьи.

целью всех реформаторски настроенных депутатов тем не менее оставалось повышение эффективности парламента в качестве законодательного и контрольного органа. По сути, те депутаты, которые говорили о «кризисе парламентаризма» в России, не слишком отличались от либеральных обозревателей, оплакивавших «упадок парламента» в западных либеральных демократиях в начале прошлого века⁷⁰.

Если депутаты имели чрезмерно амбициозные планы в отношении той роли, которую призван выполнять новый парламента, то это едва ли удивительно. В конце концов, идея «профессионального парламента» была внушена им законодательными реформами, предпринятыми Горбачевым ради повышения стандартов законотворчества и усиления народного контроля над правительством и министерствами. Сами по себе эти реформы также опирались на исторический прецедент. Горбачев отдавал должное усилиям Хрущева по повышению эффективности Советов, а в годы правления Брежнева были расширены контрольные и законодательные полномочия и влияние Верховного Совета СССР⁷¹. Кроме того, депутаты широко ссылались на зарубежный опыт, обосновывая свои реформаторские предложения. Многие из вышеупомянутых проектов реформ были основаны на сравнительном парламентарном опыте, как его понимали депутаты. Более того, нет ничего необычного в существовании подобных взглядов в обществах, находящихся в процессе перехода от авторитарного к демократическому строю, что демонстрируется авторами, анализировавшими демократические преобразования в других странах мира⁷². Но почему реформаторы явно не придавали такого же значения другим функциям, которые считаются необходимыми для демократической консолидации? Основывались ли реформы на выборочной интерпретации зарубежного опыта, которая приводила к нереалистичным ожиданиям в отношении парламента? Не внесли ли эти ожидания в контексте классического понимания либерального государственного строительства свой вклад в конфликт между президентом и пар-

⁷⁰ Например, лорд Брайс говорил об «упадке законодательных органов» в начале XX века. См.: *Blondel J.* Comparative Legislatures. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, Inc., 1973. P. 5.

⁷¹ Закон 1967 г. о законодательной реформе предусматривал увеличение числа постоянных комиссий Верховного Совета СССР с 9 до 26. Эта политическая реформа расценивалась как свидетельство возрастающего влияния Верховного Совета и вдохновила многих исследователей на переоценку роли законодательных собраний в СССР. См.: *P. Vanneman.* The Supreme Soviet: Politics and the Legislative Process in the Soviet Political System. Durham, NC, Duke University Press, 1977; *Minagawa S.* The Functions of the Supreme Soviet Organs, and the Problems of their Institutional Development // *Soviet Studies.* 27 (1975). P. 46–70; *S. White.* The Supreme Soviet and Budgetary Politics in the USSR // *White S. and Nelson D.* Communist Politics — A Reader, London, Macmillan, 1986. P. 55–72.

⁷² См.: *Liebert U.* Parliament as a central site in democratic consolidation: a preliminary exploration // *U. Liebert and M. Cotta (eds).* Parliament and Democratic Consolidation in Southern Europe: Greece, Italy, Portugal, Spain and Turkey. Pinter Publishers, London and New York, 1990. P. 6.

ламентом, который поставил под вопрос саму природу либерального государственного строительства в России?

В противоположность традиционным идеям о верховенстве парламента и разделении законодательной и исполнительной властей, современная литература о консолидации демократии уже не уделяет этим вопросам такого же внимания, как в прошлом. Классическая либеральная точка зрения, подчеркивавшая роль парламента как ключевого игрока в процессе принятия решений, сменилась представлением о том, что парламент наиболее эффективно работает в качестве «места встречи» для интеграции тех социальных и политических интересов, которые угрожают подорвать демократическое государственное строительство, и посредничества между ними. Эта переоценка роли парламента ставит на первое место функции, лежащие за пределами законотворчества — такие, как «обеспечение работы системы», «решение конфликтов» и «представительство», — и в значительной степени опирается на присутствие организованных политических партий в законодательных собраниях. Например, Либерт называет партии ключевыми «детерминантами» роли парламента в демократической консолидации⁷³; а Ди Пальма пишет: «Именно к партиям мы должны обратиться, чтобы понять, как воплощаются в жизнь конституционные функции парламента, и как, в ходе этого воплощения (то есть институционализации), парламента начинают играть роль в поддержании согласия»⁷⁴.

Однако в России создание дисциплинированных партий не являлось первоочередной задачей парламентской реформы. Совет фракций и те лидеры фракций, которые выступали за реформы по повышению эффективности фракций в рамках парламента, расходились во мнениях с другими реформаторами, ставившими во главу угла предложения о совершенствовании законодательной и контрольной функций парламента в отдельности от реформы фракций. Например, движение «Реформа» с гордостью заявляло о своей обособленности от политических фракций, и, хотя в состав более широкой программы этого движения входили рекомендации по повышению статуса фракций, конкретные предложения о путях интеграции фракций в структуру парламента не разрабатывались⁷⁵. Некоторые депутаты даже относились к фракциям как к потенциальному препятствию на пути к про-

⁷³ *Liebert*. Parliament as a central site in democratic consolidation: a preliminary exploration. P. 20–21.

⁷⁴ *Di Palma G.* Parliaments, consolidation, institutionalisation: a minimalist view // U. Liebert and M. Cotta (eds). Parliament and Democratic Consolidation in Southern Europe. P. 45.

⁷⁵ Амелин и Востриков в своем отчете для «Реформы» пришли к выводу, что фракции играли негативную роль в парламенте. Этот вывод основывался на обширных исследованиях. Например, Амелин и Востриков выяснили, что абсолютное большинство депутатов (от 82% до 92%) голосовало независимо от своих фракций. Более подробно см: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. С. 41–44.

фессиональному парламенту. Например, депутат Захаров, председатель Комиссии по социальной политике и один из первых сторонников реформ по реорганизации двухпалатной структуры парламента, заявлял:

«Деятельность фракций должна осуществляться не во время нашей обычной работы. После работы собирайтесь, обсуждайте. Различие между нашими фракциями и фракциями за рубежом... там фракции принимают участие в законопроектной работе. Наши фракции занимаются политической трескотней, ни больше ни меньше»⁷⁶.

В этом взгляде выражалось значение, которое депутаты приписывали законотворческой роли парламента в ущерб другим его функциям. Но, кроме того, мы видим здесь свидетельство широкого разнообразия реформаторских мнений. Те председатели комитетов и комиссий, которые выступали за процедурные изменения с целью усовершенствования законотворческой активности парламента, тем не менее с подозрением относились к реформам, усиливавшим роль фракций. Поэтому нельзя сказать, что оппозиция реформам диктовалась одними лишь политическими взглядами депутатов; внутренние институциональные интересы также влияли на мнение по этим вопросам.

Если демократическая консолидация заключается в построении юридических рамок, определяющих права и процедуры, посредством которых парламента и исполнительная власть осуществляют свои полномочия, то данные реформы представляли собой важный шаг в требуемом направлении. Предложения, представленные в парламента, касались именно путей создания юридических параметров этого института. «Программа-минимум» реформ являлась попыткой сформулировать процедуры, которые бы определяли внутренние структуры парламента; что же касается «программы-максимум», то она в том числе представляла собой смелую попытку структуризации отношений между парламентом и исполнительной властью. В целом, реформаторски настроенные депутаты понимали необходимость приспособить парламента к требованиям новой политической системы. Как заявил депутат Митюков, представляя предложения, подготовленные парламентарской рабочей группой в ноябре 1992 г., «мы работаем не только на сегодня, но и на будущий парламентаризм»⁷⁷. Но какой «будущий парламентаризм» желали строить депутаты? На этот вопрос нельзя дать четкого ответа. Депутаты расходились в своем понимании того, как выглядит «профессиональный парламента», и могло ли это расхождение взглядов быть устранено без помощи событий октября 1993 г., в значительной степени зависело от способности умеренного большинства обеспечить консенсус по вопросу о парламентарской реформе.

⁷⁶ Пятая сессия Верховного Совета Российской Федерации, совместные заседания Совета Республики и Совета Национальностей. Бюллетень № 14. 5 ноября 1992. С. 47.

⁷⁷ Там же. С. 5.

Возможность решения многих из этих проблем, по-видимому, существовала еще к моменту Шестого съезда народных депутатов. Группа «Реформа» была создана после Шестого съезда с верой в то, что большинство депутатов поддержит реформы, направленные на снятие маячивших на горизонте конфликтов между парламентом и исполнительной властью. Но эти реформы так и не были осуществлены. Конфронтационная позиция, занятая представителями исполнительных структур, которая проявилась в споре по поводу контроля над «Известиями», и нападки Хасбулатова на неофициального лидера группы «Реформа» Филатова раскололи умеренный центр, который в течение почти всего 1992 г. успешно возглавляли Филатов и Хасбулатов. Растущая поляризация политики в этот период, ярко проявившаяся на Седьмом съезде народных депутатов, уничтожила возможности для парламентской реформы. В конце концов Филатов покинул парламент в январе 1993 г., и группа «Реформа» распалась. Это был решающий момент в жизни Верховного Совета и парламента в целом. Отсутствие политического руководства, способного обеспечить посредничество между конструктивными силами в парламенте и в исполнительной власти, стало важнейшим фактором, вызвавшим неспособность политической системы сдержать усугубляющийся межинституциональный конфликт. Те демократы в парламенте, исполнительных органах и в печати, которые без устали участвовали в антипарламентской кампании, несут долю ответственности за неудачу реформ; они лишь способствовали укреплению положения радикальных оппозиционеров в парламенте и подталкивали центристов в объятия оппозиции. Эти события также ставят под вопрос лидерские качества и Ельцина, и Хасбулатова, так как ни тот, ни другой не проявляли готовности поддерживать реформаторские инициативы.

* * *

Настоящая статья основана на исследованиях, проводившихся мной во время работы на Историческом факультете МГУ (1992–1993). Именно тогда мне выпала счастливая возможность познакомиться и подружиться с Олегом Айрапетовым. Первый вариант данной статьи был опубликован в: *The Journal of Legislative Studies*, Volume 3. Winter 1997. Number 4. P. 44–69.

Перевод с английского Николая Эдельмана

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ О. Р. АЙРАПЕТОВА

Монографии

1. Забытая карьера «русского Мольтке». Н. Н. Обручев (1830–1904). СПб, 1998. 320 с.: ил.
2. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. 256 с. (Перевод на сербский язык: Генерали, либерали и предузетници: рад за фронт и за револуцију 1907–1917. Београд, 2005. 254 с.)
3. Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М., 2006. 672 с.

Очерки, статьи, документальные публикации

1. Взгляды А. С. Пушкина на Восточную политику России XVIII — начала XIX века. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988. № 2. С. 64–68.
2. Проблема русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и позиция Военного министерства // Россия и реформы. М., 1991. С. 48–57.
3. Был ли выбор у российской дипломатии? // Знание-сила. 1992. № 2. С. 86–94.
4. К судьбе архива Н. Н. Обручева // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 2. 1,5 стр.
5. Баязет // Энциклопедия Британника. 5 стр.
6. Башкадыклар // Энциклопедия Британника. 5 стр.
7. Польское восстание 1863 года и Н. Н. Обручев // Россия и реформы. Вып 2. М., 1994. С. 34–39.

8. Утраченные иллюзии // Родина. 1994. № 12. С. 56–59.
9. Krok naprzod — dwa w tył, dylematy rosyjskiego oficera 1856–1863 // Mowia wieku (Warszawa). 1994. № 12. S. 33–36.
10. К вопросу о планировании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Россия и реформы. Вып. 3. М., 1995. С. 55–71.
11. Небоевые потери русской армии // Родина. 1995. № 3–4. С. 114–115.
12. К 90-летию профессора П. А. Зайончковского (По материалам международной конференции) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1995. № 3. С. 84–88. (вместе с Д. А. Андреевым, А. В. Мамоновым)
13. [Текст к приложению] Награды Г. К. Жукова // Г. К. Жуков. Альбом. М., 1995. 24 с.
14. Письмо Н. Н. Обручева Д. А. Милютину (получено 23 сентября 1879 г.) / Публикация // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 3. С. 85–87.
15. Н. Н. Обручев и проблема русско-французского союза в конце 70-х годов XIX века. // Общественная мысль и политические деятели России XIX и XX вв. Материалы научной конференции 16–17 апреля 1996 г. Смоленск, 1996. С. 48–50.
16. Н. Н. Обручев, 1830–1904 // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 49–69.
17. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // История России от дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ. Энциклопедия для детей. Т. 5. Ч. 2. М., 1997. С. 495–506.
18. Англо-русское противостояние в Восточном Средиземноморье и проблема захвата Босфора в 90-х гг. XIX века // Россия и реформы. М., 1997. № 4. С. 108–122.
19. Балканы. Стратегия Антанты в 1916 году // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 48–60.
20. Христианин, верноподданный, русский (начало карьеры Н. Н. Обручева) // Вестник РГНФ. 1998. № 1. С. 33–48.
21. Н. Н. Обручев и дело «Военного сборника» (1858 г.) // П. А. Зайончковский 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 442–449.
22. Секретный доклад В. Р. Робертсона «Военные последствия выхода России из Антанты» / Публикация // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 87–93.
23. Сан-Стефанская Болгария как историко-географическая традиция // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1998. № 6. С. 84–94.
24. Генералы и либералы перед Февралем. Штрихи к портретам и процессу // Україна і Росія в панорамі століть. Збірник наукових праць на пошану проф. К. М. Ячменіхіна. Чернігів, 1998. С. 242–260.
25. Германский и русский генеральные штабы. Неудавшийся опыт копирования // Россия (1856–1917) и Германия (1871–1918): Две империи в историографии и школьных учебниках. М., 1999. С. 154–172.

26. Поездка Николая II в Галицию в контексте политической борьбы весной-летом 1915 года // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2000. № 1. С. 103–120.
27. К вопросу о падении крепости Новогеоргиевск (из истории Первой Мировой войны) // Россия в XVIII–XX веках. К 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н. С. Киняпиной. М., 2000. С. 178–201.
28. Нарочское наступление и отставка А. А. Поливанова // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2001. № 6. С. 80–98.
29. Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64–82.
30. Внешняя политика России в XIX — нач. XX в. // Новая Российская энциклопедия. Т. 1. Россия. М.: Энциклопедия, 2003. С. 310–337.
31. Поездка Николая II в Галицию весной 1915 года и политическая борьба в русских военных верхах // Историја 20 века. Београд, 2002. Број 1. С. 29–45.
32. Балкан: стратегија Антанте током 1916 године // Токови историје. (Београд). 2002. Број 2.
33. San-Stefano, Treaty of // Encyclopedia of Russian History in 4 v. (Macmillan Reference USA of the Gale group).
34. General Obruchev N. N. // *ibid.*
35. General Alekseev M. V. // *ibid.*
36. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 158–261.
37. Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 191–224.
38. «В них почти нет славянской крови...». Россия между Сербией и Болгарией, 1914–1915 гг. // Родина. 2003. № 10. С. 88–91.
39. Баязетской крепости оборона (1877 г.) // Новая Российская энциклопедия.
40. «Бесшабашная бестолочь». Армия, общество и «колониальная война» // Родина. 2004. № 1. С. 51–57.
41. Miliutin contra Moltke: Russia's refusal to adopt a Prussian-style General Staff // Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution / Ed. by David Schimmelpennick van der Oye and Bruce Menning. Woodrow Wilson Center Press Washington D. C. and Cambridge University Press, 2004. P. 292–303.
42. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 341–354.
43. «На сопках Маньчжурии...»: Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 355–502.
44. Колчак у ворот Цареграда. Планы десанта на Босфор в 1917 году // Родина. 2004. № 9. С. 23–26.

45. «Война начиналась под радостные крики» //Свободная мысль. 2004. № 9. С. 15–23.
46. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. / Под ред. М. А. Колерова, О. Р. Айрапетова, П. Чейсти. М., 2004. Т. 1. С. 93–134.
47. Bunsanshita kousei-no fukurukoji: nichirosensizenya no roshia taigaisenryaku no ichidanmen» (Тупик рассредоточенного наступления: эпизод русской стратегии накануне русско-японской войны) // Nichiro-senso kenkyu no shin-shinten (Новые перспективы исследования истории русско-японской войны) / Masayoshi Matsumura, Yoshifuru Tsuchiya. Seibunsha: Tokyo, 2005. P. 73–82
48. Mutiny and revolt in the Manchurian armies through the eyes of the future White Army leader // The Russian Revolution of 1905: centenary perspectives / Ed. by Anthony Heywood and Jonatan D. Smele. L.; NY: Routledge. P. 94–118.
49. The Russian army's fatal flaws //The Russo-Japanese war of 1904–1905 in Global Perspective. World War Zero / Ed. by John Steinberg, Bruce W. Menning, David Schimmelpennick van der Oye, David Wolf, Shinji Yokote. Brill-Leiden-London, 2005. P. 157–177.
50. Русија између Србије и Бугарске у Првом Светском рату // Годишњак за друштвену историју. [Београд, 2005] Год X. № 1–3. С. 51–68.
51. Импровизовани штаб «на брежуљцима Манхурје». Генералштаб Руске армије и пораз у Руско-Јапанском рату // Војно-историјски гласник. Број 1–2. Београд, 2005. С. 9–47.
52. Крымская война: ошибки и уроки //Свободная мысль — XXI. 2005. № 3. С. 162–175.
53. Затишье перед организованной бурей? Что творилось в России в начале 1917-го // Родина. 2007. № 2. С. 10–15.
54. Так начиналась война // Родина. 2007. № 7. С. 74–80.
55. О причинах начертания Сан-Стефанских границ Болгарии // Études Balkaniques София, 2007. Кн. 4. С. 41–53.
56. В. А. Сухомлинов и М. В. Алексеев: эпизод предвоенного сотрудничества // Петр Андреевич Зайончковский. Сб. статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс. М., 2008. С. 728–751.
57. Дорога к Туркманчаю. Русско-персидская война 1826–1828 годов и ее завершение // Родина. 2008. № 1. С. 37–46.
58. Так завершалась война // Родина. 2008. № 2. С. 14–22.
59. «Живой мертвец», породивший Белое дело // Родина. 2008. № 3. С. 9–13.
60. «Поставим на своем без драки...» Дело «Виксена» и большая игра на Кавказе // Родина. 2008. № 7. С. 52–57.

61. Русско-английские противоречия 1898–1902 гг. в свете дальневосточной политики России // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Чернігів, 2008. Серія Історичні науки. Вип. 52. № 5. С. 223–235.
62. Русско-персидские отношения и проблема войны 1826–1828 гг. // Кавказский сборник. М., 2008. Т. 5 (37). С. 83–101.
63. Предположение атаки Царьграда. Русские проекты десанта на Босфор первой половины XIX века // Родина. 2009. № 3. С. 60–63.
64. О неким узроцима пораза руске војске у Источно-Прусској операцији // Војно-Историјски Гласник. Београд, 2008. № 2. 2009. С. 107–129.
65. «Письмо надежды к Ленину». Восточно-Прусская операция: причины поражения // Родина. 2009. № 8. С. 3–8.
66. Квантунская область // Большая Российская энциклопедия. М., 2009. Т. 13. С. 478–479.
67. К вопросу о проекте захвата Босфора (из истории внешней политики и стратегии России 1806–1884 гг.) // Études Balkaniques. София, 2009. Кн. 1. С. 143–158.
68. Автор, время и события «Дневника» // Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010. С. 3–76.
69. Репетиция настоящего взрыва. Немецкий погром в Москве: бои на внешнем и внутреннем фронте // Родина. 2010. № 1. С. 84–89; № 3. С. 93–97.
70. Немецкий погром в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2010. Т. 8. С. 112–144.
71. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 7. С. 122–126; № 8. С. 73–76.
72. После августа четырнадцатого. Судьбы войск и их начальников // Родина. 2011. № 1. С. 114–115.
73. Дело Мясоедова. Предвыборные технологии образца 1912 года // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83.
74. ЧП на Ходынском поле // Родина. 2011. № 11. С. 93.
75. Бухарестский мир 1812 года // Родина. 2012. № 1. С. 109–112; № 2. С. 68–71.
76. От Афганистана до Египта. Из опыта противостояния великих держав XIX века // Родина. 2012. № 7. С. 100–103; № 8. С. 78–81.

Рецензии

1. Zawadzki W. Y. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795–1831 // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 172–174.
2. Menning Bruce W. Bayonettes before bullets. The Imperial Russian Army. 1861–1914. // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 166–167.
3. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война // Отечественная история. 1997. № 6. С. 171–174.
4. Prussis T. Russian society and the Greek revolution // Отечественная история. 1998. № 4. С. 175–177.
5. Скифский роман // Вопросы истории. 1999. № 3.
6. История внешней политики России конца XIX в. — 1917 г. // Отечественная история. 1999. № 3.
7. Schimmelpenninck van der Oye D. Towards the Rising Sun // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 173–175.
8. Беседа с Кавказским сфинксом (Рец. на кн.: Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин) // Свободная мысль-XXI. 2002. № 11. С. 122–125.
9. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004 // Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2006. Т. 2. С. 373–388.
10. Назаренко К. Б. «Мозг» флота России от Цусимы до Первой мировой войны. СПб, 2006 // Русский сборник: исследования по истории России». Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2008. Т. 5. С. 342–359.
11. Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008 // Русский сборник: исследования по истории России». Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. 6. М., 2009. С. 299–309.
12. У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. // Русский сборник: исследования по истории России» / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2010. Т. 9. С. 292–335.
- 13 Ну очень краткая история... N. Stone. World War One. A Short History. Penguin Group, 2007 // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 491–513.

Научное редактирование

1. Последняя война императорской России. М., 2002.
2. Россия и реформы. Вып. 5. М., 2002..
3. Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. М., 2004.
4. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 1. М., 2004 (член редколлегии).
5. Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.
6. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 2. М., 2006 (член редколлегии).
7. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 3. М., 2006 (член редколлегии).
8. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 4. М., 2007 (член редколлегии).
9. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 5. М., 2008 (член редколлегии).
10. Кавказский сборник. М., 2008. Т. 5 (37). (член редсовета).
11. Ганин А. В. Црногорац у служби Русије: генерал Бакић. 2 исправљено и допуњено издање. Никшић, 2009.
12. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 6. М., 2009 (член редколлегии).
13. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 7. М., 2009 (член редколлегии).
14. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 8. М., 2010 (член редколлегии).
15. Кавказский сборник. М., 2010. Т. 6 (38) (член редакционного совета).
16. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 9. М., 2010 (член редколлегии).
17. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 10. М., 2011 (член редколлегии).
18. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 11. М., 2012 (член редколлегии).
19. Русский сборник: исследования по истории России. Т. 12. М., 2012 (член редколлегии).

Рецензирование

1. Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004 (совместно с Н. С. Киняпиной).
2. Шулатов А. Я. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск; М., 2008 (совместно с Г. В. Мелиховым, В. И. Шереметом, А. Ш. Кадырбаевым).
3. Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009 (совместно с Б. Меннингом).
4. Наумова Ю. А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010. (совместно с А. П. Шевыревым).
5. Каширин В. Б. Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. (совместно с К. В. Шевченко).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

Безотосный Виктор Михайлович — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва).

Бибииков Григорий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор российского исторического журнала «Родина» (Москва).

Гайда Фёдор Александрович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Ганин Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Славяноведения РАН, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина» (Москва).

Йованович Мирослав (Miroslav Jovanović) — профессор исторического факультета Белградского университета (Белград, Сербия).

Каширин Василий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, старший научный сотрудник Института Славяноведения РАН (Москва).

Колеров Модест Алексеевич — кандидат исторических наук, действительный государственный советник РФ 1 класса (Москва).

Кухарук Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Черниговского государственного института права и социальных технологий (Чернигов, Украина).

Ливен Доминик (Dominic Lieven) — член Британской академии, профессор Тринити-колледж (Кембридж, Великобритания).

МакДональд Дэвид МакЛарен (David MacLaren McDonald) — профессор-стипендиат премии им. Э. Д. Мортенсон и М. Петрович университета Висконсин-Мэдисон (США).

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, профессор, заведующей кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Меннинг Брюс (Bruce W. Menning), профессор стратегии в Колледже Генштаба и армейского командования (Форт-Ливенворт, Канзас) в отставке, адъюнкт-профессор истории в университете Канзаса (США).

Милорадович Горан (Goran Miloradović) — доктор исторических наук, сотрудник Института современной истории (Белград, Сербия).

Пученков Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (Санкт-Петербург).

Рахимов Рамиль Насибуллович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Башкирского государственного университета (Уфа).

Симмонс Пол (Paul Alan Simmons) — доктор истории (PhD in history) (Москва).

Смирнов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского архитектурного института (государственная академия) (Москва).

Стейнберг Джон (John W. Steinberg) — профессор истории в университете Южной Джорджии (США).

Хейвуд Энтони (Anthony J. Heywood) — старший преподаватель университета Эбердина (Шотландия, Великобритания).

Чейсти Пол (Paul Chaisty) — преподаватель колледжа Св. Антония (Оксфорд, Великобритания).

Шевченко Кирилл Владимирович — доктор исторических наук, профессор Минского филиала РГСУ (Минск, Беларусь).

Шевченко Максим Михайлович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Шемякин Андрей Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Славяноведения РАН (Москва).

Шиммельпенник ван дер Ойе, Дэвид (David Schimmelpenninck van der Oye) — профессор университета Брока, Сент-Катаринс (Онтарио, Канада).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Ганин.</i> Олег Рудольфович Айрапетов: двадцать лет научной работы	5
<i>Доминик Ливен.</i> Россия и европейские великие державы: Семилетняя война в глобальном контексте	17
<i>Брюс У. Меннинг.</i> Г. А. Потемкин — государственный и военный деятель эпохи Просвещения	35
<i>В. М. Безотосный.</i> У истоков неосуществлённого геополитического проекта века: «Индийский план» Наполеона Бонапарта	52
<i>Р. Н. Рахимов.</i> Башкиры и калмыки в Прусском походе 1807 г.	76
<i>Г. Н. Бибиков.</i> Русская армия после Заграничных походов: записка А. Х. Бенкендорфа о введении системы регулярных отпусков (1814/1815 гг.)	92
<i>Г. Ф. Матвеев.</i> Жандарм в провинциальном русском обществе 1830-х годов (по воспоминаниям Э. И. Стогова)	100
<i>А. В. Кухарук.</i> Большие кавалерийские маневры 1837 года под г. Вознесенском в контексте политики николаевской России	111
<i>М. М. Шевченко.</i> Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С. С. Уварова	121
<i>Дэвид Шиммельпеннинк ван дер Ойе.</i> Завоевание Средней Азии на картинах В. В. Верещагина	159
<i>А. Л. Шемякин.</i> М. Г. Черняев и Сербия	187
<i>Джон Стейнберг.</i> Военные традиции и армейская реформа (1856–1904): неудачная попытка спасти Российскую империю	201
<i>Ф. А. Гайда.</i> Как октябристы стали оппозицией	238
<i>Дэвид Макдональд.</i> Записка Дурново: официальный консерватизм и кризис самодержавия	270

<i>В. Б. Каширин.</i> Бессилие и лукавство у порога Балкан: проблема применения военной силы в стратегии России на черноморско-балканском направлении в 1914–1915 гг.	300
<i>Мирослав Йованович.</i> «Сербия, Сербия, жаль мне тебя, проклятая Германия идёт на тебя...»: Русская помощь Сербии в 1914–1915 гг.: историографическая зарисовка	367
<i>Пол Симмонс.</i> Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны	377
<i>А. С. Пученков.</i> В. В. Шульгин и падение монархии в России	399
<i>А. В. Ганин.</i> Последние дни генерала Селивачёва: неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России	411
<i>Энтони Дж. Хейвуд.</i> Военные разрушения и восстановительные работы на железных дорогах: мифы и реальность ранней советской экономики	506
<i>Ю. А. Борисёнок.</i> Как поставить под ружьё «маленького человека»: «Воспоминания» Александра Шемеля (2004) и эффективность национальной политики польских властей на западнобелорусских землях	538
<i>К. В. Шевченко.</i> Русины в поисках идентичности: борьба русофилов и украинофилов в Подкарпатской Руси в 1920-е годы	549
<i>А. А. Смирнов.</i> «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х — первой половине 1930-х гг.	576
<i>М. А. Колеров.</i> Европейские предпосылки сталинизма: индустриализация, биополитика и тотальная война	610
<i>Горан Милорадович.</i> «Аномалия» «холодной войны»: идеологический характер и международная роль социалистической Югославии	712
<i>Пол Чейсти.</i> Провал парламентской реформы в России (1990–1993): упущенная возможность?	730
Список научных трудов О. Р. Айрапетова	755
Сведения об авторах сборника.....	763

ВЕЛИЧИЕ И ЯЗВЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Международный научный сборник в честь 50-летия
О. Р. Айрапетова

Редакционная коллегия:
М. А. Колеров, В. Б. Каширин, О. В. Эдельман, А. В. Ганин

Составитель В. Б. Каширин

Автор вступительной статьи А. В. Ганин

Издательский Дом «Регнум»

115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Серия SELECTA
под редакцией *М. А. Колерова*

Подписано в печать 23.09.2012. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 48. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049 Ярославль, ул. Свободы, 97